

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

МАТЕРИАЛЫ

Второй Международной научно-практической конференции
**«ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И
КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И
КАВКАЗА»**

(г. Грозный, 22-24 ноября 2019 г.)

Грозный - 2019

УДК 80: 81.82
ББК 80/84: 81.82
Я-41

Я-41 Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: Материалы Второй международной научно-практической конференции, 22-24 ноября 2019 г. (Грозный). – Грозный: Изд-во ЧГПУ, 2019. –515 с.

ISBN 978-5-4482-0069-4

Сборник материалов «Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа» подготовлен к изданию по материалам конференции.

В работе конференции приняли участие представители 4 стран (Республика Абхазия, Республика Казахстан, Республика Южная Осетия, Российская Федерация). Было представлено 260 докладов и статей.

В представленных публикациях проанализировано состояние языков и литератур, функционирующих в условиях билингвизма, анализ теоретических и прикладных исследований, методов обучения, применяемых в процессе изучения языка и литературы, нашли отражение следующие специальные вопросы: актуальные проблемы изучения и преподавания языков и литератур в средней и высшей школе; состояние фольклора и литератур народов Кавказа в контексте современного литературного процесса; рассмотрение аспектов изучения духовной культуры народа, актуальных проблем истории и теории языка и литературы, вопросов социолингвистики и межкультурной коммуникации в условиях поликультурного региона. Проблема перевода исследована как одна из форм интеграции национальной литературы в мировое культурное пространство.

Сборник материалов направлен в адрес исследователей языков и литератур, рекомендуется для использования в учреждениях среднего и высшего образования.

УДК 80: 81.82
ББК 80/84: 81.82

ISBN 978-5-4482-0069-4

© Редакционный совет ЧГПУ, 2019
© Издательство ЧГПУ, 2019

Редакционный совет

Председатель редакционного совета –

Халадов Хож-Ахмед Султанович – кандидат философских наук, ректор ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет (г.Грозный)» -

Члены редакционного совета:

Арсалиев ШавADI Мадов-Хажиевич – доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), проректор по научной и международной деятельности Чеченского государственного педагогического университета.

Халидов Айса Идрисович, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, halidov_aisa@mail.ru.

Муханова Исита Вахитовна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), доктор педагогических наук, профессор, директор ИФIP, vinter_65@mail.ru.

Джамбекова Тамара Биаловна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой литературы и методики её преподавания, atb-1952@mail.ru.

Жеребило Татьяна Васильевна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный), доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, angelina1950@mail.ru.

Навразова Хава Бакуевна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный), доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой чеченской филологии.

Буралова Раиса Амхадовна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой русского языка и методики его преподавания, rburalova@mail.ru.

Члены редколлегии:

Баматгиреева Медина Вахаевна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, mbamatgireeva@yandex.ru.

Инаркаева Субран Исламовна. ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и методики её преподавания, inarkaeva67@mail.ru

Тазуркаева Социта Саидамиевна, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, старший преподаватель socita@lenta.ru

Рамазанова Разита Темсайновна – ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), доцент, зав.кафедрой теории и методики преподавания европейских и восточных языков, sahara-ch@mail.ru

Исраилова Луиза Юнусовна – ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), доцент кафедры теории и методики преподавания английского языка, israilova.luiza.64@mail.ru

Хамугаева Эльмира Алиевна – ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г.Грозный), ст.преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, hamsu-live@mail.ru

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

811.221.18

О проблемах северокавказских языков в эпоху глобализации

Бесолова Е.Б. ¹, Зангиева З.Н. ²

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН», г. Владикавказ, Россия

² Владикавказский колледж управления, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. Для объективного освещения закономерности развития современной языковой жизни северокавказских народов важно иметь представление об истории формирования русско-национальных отношений, осмысливать русский язык и его цивилизующее влияние на духовную сферу жизни горцев в широком контексте общечеловеческих нравственно-этических и эстетических ценностей.

Трактовка языковой ситуации, сложившаяся как в республиках Северного Кавказа, так и в Памиро-Гиндукушском регионе, требует неадекватного подхода к решению проблемы. Необходимо понимание русского языка как языка, переросшего рамки этнокреативной сущности, и в то же время сохранившего статус родного языка как этнического фактора.

В статье предпринята попытка показать, что этноязыковая ситуация на Северном Кавказе и в Памиро-Гиндукушском регионе, несмотря на их географическое расположение и представленность языков, идентична и требует сходного решения в деле сохранения малочисленных этнических общностей и их языков.

Ключевые слова: осетинский язык, кавказские языки, памирские языки, этнолингвистика, экология языка.

On the problems of the North Caucasian languages in the era of globalization

E.B. Besolova ¹, Z.N. Zangieva²

¹ North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after IN AND. Abaeva - branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution of the Federal Scientific Center "Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Vladikavkaz, Russia

² Vladikavkaz College of Management, Vladikavkaz, Russia

Annotation. For objective coverage of the regularities of the development of modern language life of the North Caucasian peoples, it is important to have an idea about the history of Russian-national relations, to comprehend the Russian language and its civilizing influence on the spiritual sphere of life of the highlanders in the broader context of universal moral-ethical and aesthetic values.

The interpretation of the language situation in the republics of the North Caucasus and in the Pamir-Hindu Kush region requires an inadequate approach to solving the problem. It is necessary to understand the Russian language as a language that has outgrown the framework of ethnocreative essence, and at the same time has retained the status of the native language as an ethnic factor.

The article attempts to show that the ethno-linguistic situation in the North Caucasus and the Pamir-Hindu Kush region, despite their geographical location and representation of languages, is identical and requires a similar solution in the preservation of small ethnic communities and their languages.

Key words: the Ossetian language, the Caucasian languages, the Pamir languages, ethnolinguistics, language ecology.

Со второй половины XX века исследование теоретических проблем и практических рекомендаций, связанных с функционированием русского языка и национально-русского двуязычия на Северном Кавказе, в частности в Осетии, приобретает особую актуальность вследствие активизации русского языка в сфере межнациональной коммуникации в экономической, политической, социокультурной и образовательной областях жизни республик. Значение русского языка, как известно, неуклонно возрастало как в связи с событиями, происходившими во внеязыковой действительности, так и сравнительно медленным развитием функциональных способностей национальных языков как компонентов билингвизма. Заметим, что языку конца XX – начала XXI вв. свойственна активизация внутреннего заимствования, причём эта тенденция всё охотнее поддерживается как печатными средствами массовой информации, так и электронными, ориентирующимися в современных условиях всё более на разговорность и диалогичность. По мнению лингвистов, городской фольклор, не канонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных социальных групп городского населения оказывают огромное и непосредственное влияние и на нормативный литературный язык, и на язык СМИ.

С. Аккиева пишет об определяющей роли этнического фактора на Кавказе, ведь это – уровень доступа к властным ресурсам, направление общественной жизни, политики и национальной языковой политики; возможность воздействия на миграционную активность, влияющую на национальную идентичность кавказского сообщества; это и способность кавказских народов преодолеть трансформацию модернистских факторов и продолжить развитие по модернистскому пути и мн. др [2, с. 309]. Не секрет, что увеличение миграционных процессов между республиками, шире – странами, возрастающая открытость общества способствуют появлению мультикультурной среды в рамках одной среды и появлению столкновения взглядов и представлений внутри одной семьи, что является вызовом к степени толерантности её членов.

Осетиноведы не раз писали о том, что сужение (свёртывание) функций осетинского языка начинается уже с новейшего периода, третьего (с XV в.), истории осетинского языка, когда происходит коренное изменение и резкое снижение его престижного потенциала. Ср.: В.И. Абаев: «...ареал распространения осетинского языка сузился до нескольких ущелий Центрального Кавказа. ...В языковом обмене с соседями осетинский уже не играет такой активной роли, как прежде... значение внутренних качеств ничтожно. Решающими оказываются внеязыковые факторы: культурные, экономические, социальные, демографические, политические, даже чисто военные...» [1, с. 9].

Представляется неизбежным обращение к истокам формирования национально-русского двуязычия в Осетии, к объективным факторам приобщения горцев к русскому языку. Аналитический подход требует стремления к преодолению тенденций однозначной положительной или отрицательной оценки заслуг деятелей русской культуры, изучавших язык и словесную культуру осетин. В то же время совершенно однозначно то, что приобщение осетин к русскому языку, его распространение в Осетии, формирование национально-русского двуязычия – социально-экономически и культурно-исторически детерминированные явления; это то, что было объективно востребовано реалиями жизни осетин в новую, советскую эпоху. Осмысление данной проблемы, в том числе уровня развития жизни осетин ко времени присоединения Осетии к России, правдивое освещение вопросов языковой жизни справедливо и аргументировано осветил в своих трудах выдающийся сын осетинского народа В.И. Абаев. Горцы всегда правильно оценивали распространение грамотности среди них, понимали, что это давало им возможность овладеть началами русской цивилизации; их тяготение к русской культуре и русскому языку мотивировалось высоким уровнем нравственной культуры и особенностями своей цивилизации. В языке горцев, по единодушному мнению русских и европейских учёных, существовали некие универсальные модели выражения мыслей и чувств, которые вызывали их «заболевание» Северным Кавказом и Осетией в частности.

Нельзя не восхититься предвидением русских учёных – А. Шёгрена, Вс. Миллера, М.М. Ковалевского, К. Услара, – первыми заметивших, что индивидуальность народа обуславливается особенностями его языка и склада понятий, его цивилизации; что язык и цивилизация подчинены неравномерным жизненным законам; что язык живёт целые тысячелетия при самых даже неблагоприятных условиях для его жизни. Пророческими можно считать слова П.К. Услара о том, что международным языком должен быть русский, международной письменностью – русская. Но, заметим, при этом он имел в виду, что русский язык нельзя считать обычным этническим языком, потому что воплощает в себе мировую культуру, европейскую и евразийскую цивилизацию. В рассуждениях многих современных авторов о русском языке наблюдается отсутствие такового понимания феномена русского языка. Прогрессивной для того времени считаем мысль П.К. Услара о школе, о её массовости, и она может быть таковою, если организована на родном языке народа; приведем его высказывание: «*Выучите сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от неё перейдите к русской*» [10, с.13].

Эта усларовская формула не потеряла актуальности и сегодня, потому что не потеряла своей рациональности: на протяжении десятилетий детей в северокавказских республиках, в частности в Дагестане, обучали в начальных классах на родном языке, а в старших – на русском, и убедились в том, что альтернативы такой системе не существует [8, с.4-5].

Безусловно, идеи русских учёных (Вс. Ф. Миллера, П.К. Услара и др.) ценны и сейчас, когда люди, далёкие от законов языкознания, предпринимают попытки пересмотра места и роли русского языка в жизни проживающих на Северном Кавказе, в частности осетин, следовательно, и неадекватной трактовки языковой ситуации, объективно сложившейся как в Осетии, так и в других республиках Северного Кавказа [8, с. 110].

В статье «К этнолингвистической истории ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша» Б.Б. Лашкарбеков [7, с. 111–131]. подытоживает всё то, что сделано в изучении бесписьменных иранских языков означенного региона. Описаны в синхронном аспекте все памирские языки; изданы монографии по отраслевой лексике этих языков; изучены их историческая фонетика и грамматика; реконструировано праязыковое состояние некоторых из них на уровне древних восточноиранских диалектов; выявлено отношение этих диалектов к общеиранскому языку; частично прояснен вопрос субстратного наследия в языках Центральноазиатского этнолингвистического региона и мн. др. Эти «чисто лингвистические» исследования легли в основу определения генетических отношений между некоторыми памирскими языками и позволили выявить место каждого среди других восточноиранских языков.

В то же время учёный жалеет по поводу отсутствия исследований этнолингвистического характера по языкам Центральноазиатского региона.

Освещение подлинной этнолингвистической истории малых народов Памира, по мнению Б.Б. Лашкарбекова, внесло бы ясность в решение вопросов, связанных с определением и уточнением их этнической принадлежности, выявило бы особенности изменений этнолингвистической ситуации в эпоху протекающей глобализации, способствующей «исчезновению различных этнических общностей». Эти языки ценны тем, что сохраняют «следы древнейших и древних цивилизаций», а это, заметим, на сегодня особенно важно. Становится понятным, почему исследователь озабочен вопросом, что предпринять и какие меры посодествовали бы их сохранению.

Удивительно, но этноязыковая ситуация в Памиро-Гиндукушском регионе и на Северном Кавказе, несмотря на их географическое расположение и представленность языков, идентична и требует, на наш взгляд, сходного решения в деле сохранения малочисленных этнических общностей и их языков.

Заметим, что и Памиро-Гиндукушский регион, и Северный Кавказ представляют собой этнокультурное пространство, обособленный этнолингвистический регион [6, с. 276 –283], который следует изучать не иначе, как исторически сложившееся целое с единым в существенных чертах культурным миром [1, с. 89]. Оснований для этого предостаточно: там и здесь проживает множество народов и этнических групп; представлены языки как индоевропейские, так и неиндоевропейские; у носителей этих языков «необъятный по своей пестроте и богатству языковой материал»; много общего в материальной и духовной культуре. Но, считает Б.Б. Лашкарбеков, «стремительная глобализация не может не привести к резкому изменению этнолингвистической ситуации даже в отдалённых точках земного шара и исчезновению различных этнических общностей, в которых, как правило, более всего сохраняются следы древнейших и древних цивилизаций» [7, с. 111]. Эта тревога учёного разделяется большинством учёных, ибо все языки, независимо от численности, представляют собой единый сплав, нуждаются в бережном отношении и тщательном изучении: от этого зависит сохранение человечества как самоорганизующегося целого [5, с. 8].

Наш реальный мир, как известно, строится по тем нормам, которые заложены в языке – создателе национальной общности, потому что «имеется близкое соответствие между языковой моделью и неязыковым поведением» [11, с. 42-95; 12, с. 19-28]. Язык неотделим от интеллектуального потенциала народа; исчезновение языка – это не только утрата коммуникации, но и системы национальных символов, кодов, созданных на протяжении тысячелетий каждым этносом, имеющим полное право интерпретировать мир по-своему; это – сокровищница обычаев, нравов и традиций. Одной из основных целей любого этноса является сохранение памяти о себе и передача накопленной информации будущим поколениям, потому что язык создает пространство, в котором осуществляется общение, и возникает понимание единства нации.

В эпоху глобализации, на наш взгляд, особое значение приобретают вопросы экологии языка, хотя бы потому, что язык – главное условие существования культуры, и она сохраняется и развивается лишь при условии заботы о нём, и «проблема восстановления культуры есть, прежде всего, проблема восстановления языкового пространства и его возможностей» [9, с. 203–204]. Экология языка связана, как известно, с его структурой, с развитием и изменчивостью литературных норм, судьбой социальных диалектов, специальных языков в современных сложных общественных условиях. Экология языка

сегодня, когда глобализационные процессы усиленно стирают границы различий между языками и культурами, является, по общему мнению, фактором экосбалансированного устойчивого развития языков и как наука должна принимать самое активное участие в формировании государственной национальной политики, в том числе и языковой, как в Памиро-Гиндукушском регионе, так и на Северном Кавказе. В её же функции входит защита языков и культур малочисленных народов, поэтому экология языка обязана донести, что в полиэтническом государстве утверждение единого культурного пространства, функционально требуемого «всеобщим» государственным языком, всегда будет наталкиваться на проблему защиты собственной культуры и собственного языка народами, не доминирующими по численности.

Считается, что не язык как система переживает кризис, а речь, из чего следует, что надо стремиться к повышению образовательного и культурного уровня носителей языка. Настало время понять, что функционирование национального языка связано с его современным состоянием в образовательном пространстве, с изучением и преподаванием как средствами его сохранения и воссоздания. Но для этого необходимо искоренить наблюдающееся у части общества неприятие изучения и употребления национального языка, несоблюдение языковых норм сейчас, когда впору вернуть ликбез прошлого века. Как тут не вспомнить слова Корнея Чуковского о том, что «орфографию невозможно улучшить в отрыве от общей культуры. Орфография обычно хромает у тех, кто духовно безграмотен, у кого недоразвитая и скудная психика. Ликвидируйте эту безграмотность, и всё остальное приложится» [13, с. 148]. в это «время всеобщей инфляции. Инфляции не только денег, но и наград, званий, титулов, и терминов, конечно. Вслед за безграмотными журналистами уже самые образованные люди разучились говорить *центр*. Нет, рука уже сама пишет *эпицентр*, хотя эпицентр и центр – это вещи существенно разные. <...> Таков типичный пример инфляции терминов.

И цивилизация, точнее, термин *цивилизация*, не избежал этой инфляции» [3, с. 36-37]. Добавим, что, к сожалению, не избежали этой инфляции также образование и язык (национальный язык), ценнейший объект мирового наследия. Ср.: «Скольким бы языкам мы ни выучились, ни один не запечатлеется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык родной, – язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий. Это относится до всех народов и до всех языков в мире» [10, с. 17].

Из материала переписи населения исходит, что такие социальные факторы, как отсутствие или ограниченное применение родного языка в управлении, экономике, обороне, внешних связях, массовой коммуникации и др., а также социальные ситуации (образование, работа, городская жизнь, межнациональные браки и др.) содействуют, к сожалению, несовпадению национальной принадлежности человека с языком, признаваемым им родным. Мы солидарны с проф. Магомедовым М.И. в том, что результатом языковой политики прошлого века явился функциональный диспаритет русского и родных языков северокавказских народов, который в сознании людей, не посвящённых в законы социологии языка, социолингвистики и билингвизма, у ряда языковедов «породил *иллюзию* вытеснения национального языка русским» [8, с. 4–11]. С этим утверждением нельзя согласиться полностью, потому что русский язык в функции языка межэтнического общения никак не был навязан «сверху»: шло активное приобщение к мировой, европейской и евразийской культуре и цивилизации: вот почему формирование национально-русского двуязычия нужно воспринимать как востребованное временем объективное и позитивное явление. Во-вторых, не было условий и требований для овладения этническими русскими языками народов СССР, т.е. «практически никогда не поднимался вопрос о русско-национальном двуязычии» [4, с. 10]. В-третьих, сближение и слияние наций, т.е. выравнивание социальной структуры по единому образцу, не должно было отразиться на межэтнических отношениях, – это привело к снижению качества и коммуникативного потенциала двуязычия: стало сокращаться количество представителей малочисленных народов, признававших родным язык своего этноса. Жизнь показала несостоятельность проводимой языковой политики: она не привела к изменению характера межэтнических отношений и межэтнических границ. Приходится «признать, что в пространстве регулирования языковых процессов есть, помимо языковой политики, ещё какие-то процессы, – пишет А.А. Бурькин, – действие которых оказывается сильнее, нежели «человеческий фактор» языковой политики, или же языковая политика оказывается на деле сложным и многомерным явлением, в котором целенаправленность и позитивность не являются определяющими характеристиками. Движущие механизмы таких неконструктивных языковых процессов могут быть только социальными, поскольку ясно, что динамика социальной эволюции языка не зависит от других (экономических или природных) факторов» [4, с. 8].

Защита языка эффективна при условии факторов (компактное проживание носителей языка, малая их миграция, жизнь в сельской местности, по возможности – однонациональные браки, общение на родном языке в семье, личная активность каждого носителя языка в деле защиты родного языка), способствующих сохранению и развитию родного языка.

Задача же экологии языка – в сохранении его языковой самобытности и внедрении чего-то полезного и нового.

Литература

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 9–94.
2. Аккиева С.И., Геккиев А.Б. Миграционные процессы и национальная идентичность в республиках Северного Кавказа в постсоветский период // Материалы III Международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2013. – С.309
3. Арутюнов С.А. Сад цивилизаций // Культурное наследие народов Кавказа / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 33–50.
4. Бурькин А.А. Актуальные проблемы социолингвистики: учебное пособие. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007. – 76 с.
5. Габуния З., Рафаэль Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 589 с.
6. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 276–283.
7. Лашкарбеков Б.Б. К этнолингвистической истории ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша // Памирская экспедиция. М., 2006. С. 111–131.
8. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане: Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. 182 с.
9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию... / Сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
10. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 1–30.
11. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Социолингвистика. Вып. VII. М.: Прогресс, 1975. С.42–95.
12. Хаймс Д.Х. Два типа лингвистической относительности // Новое в лингвистике. Социолингвистика. Вып. VII. М.: Прогресс, 1975а. С.19–28.
13. Чуковский К.И. Дневник (1918–1923) / Подгот. текста, публ. и коммент. Е. Чуковской; Предисл. М. Петровского // Новый мир. 1990. № 7. С. 140–177.

Актуальные проблемы изучения и преподавания дагестанских языков в средней школе

Магомедов М.И.

**Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия**

Аннотация. Многоязычный Дагестан характеризуется функционированием 14 литературных и 18 бесписьменных языков. Для сохранения, развития и совершенствования литературных языков Дагестана, расширения сфер их функционирования, роста их роли в общественной жизни большое значение имеет системный подход к языковой ситуации в регионе.

Современным урокам по дагестанским языкам должны быть свойственны: высокий нравственный уровень, преемственность, принцип воспитывающего обучения, учет особенностей родного языка учащихся, практическая направленность, сознательное усвоение материала, подвижная структура, умелый отбор и дозировка материала и времени, гибкая, неформальная система контроля знаний, умений и навыков учащихся, целенаправленная словарная работа.

Фактор обязательности обучения литературным языкам народов Дагестана в школе служит гарантией их сохранения и развития.

Ключевые слова: дагестанские языки, литературные языки, бесписьменные языки, русский язык, двуязычие, глобализация, лингвокультурология.

Actual problems of study and teaching Dagestanian languages in high school

M.I. Magomedov

Institute of Language, Literature and Art. G. Tsadasi
Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia

Annotation. The multilingual Dagestan is characterized by the functioning of 14 literary and 18 non-literal languages. For the preservation, development and improvement of the literary languages of Dagestan, the expansion of the scope of their functioning, the growth of their role in public life, a systematic approach to the language situation in the region is of great importance.

Modern lessons in Dagestan languages should be characterized by: a high moral level, continuity, the principle of upbringing education, taking into account the peculiarities of the native language of students, practical orientation, conscious assimilation of material, flexible structure, skillful selection and dosage of material and time, a flexible, informal knowledge control system, skills of students, focused vocabulary work.

The factor of compulsory teaching of the literary languages of the peoples of Dagestan at school serves as a guarantee of their preservation and development.

Key words: Dagestan languages, literary languages, non-written languages, Russian language, bilingualism, globalization, linguistic and cultural studies.

Как известно, к дагестанской группе генетически родственных языков относятся 14 литературных и 18 бесписьменных языков: аварский, андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский, бежтинский, гинухский, гунзибский, хваршинский, цезский, лезгинский, агульский, арчинский, будухский, крызский, рутульский, табасаранский, хиналугский, удинский, цахурский, лакский, даргинский [6, с. 18].

Все литературные языки Дагестана изучаются в школе в качестве предметов. Дагестанские языки изучаются также на факультетах филологического профиля Дагестанского государственного университета и Дагестанского государственного педагогического университета. В последние годы осуществляется преподавание дагестанских языков в городских школах.

Проблемы изучения и преподавания дагестанских языков в средней школе неразрывно связаны с целью и задачами науки лингводидактики: стремлением ученых-методистов найти наиболее рациональные методы преподавания дагестанских языков через лингвокультурологическое содержание упражнений на уроках родного языка. В настоящее время перед школой стоит задача формирования и развития продуктивного билингвизма, формирования языковой личности, поэтому билингвизм и билингвальное образование в Российской Федерации должны стать нормой для каждого человека. Жизнь диктует, чтобы каждый дагестанец владел наряду с родным и русским языком как средством приобщения к культурным достижениям народов и к мировой культуре и как важнейшим средством межнационального общения.

Эффективность преподавания дагестанских языков в школе зависит прежде всего от того, насколько качественно ведется преподавание на родных языках на начальном этапе, так как именно в этот период закладывается фундамент, которым строится весь дальнейший процесс овладения языком и культурой. Учитель должен приобщить учащихся не только к знанию слова, но и к феномену духовной и материальной культуры, в которой отражается история народа, его менталитет в культурно-исторической среде, формирующей языковую личность. Учитель с помощью упражнений, содержащих лингвокультурологический материал, способствует созданию языковой картины мира, знакомит с лексикой, фразеологизмами, текстами, которые отображают культуру дагестанских народов. В процессе формирования лингвокультурологических понятий на уроках родного языка воспитывается также любовь к родной культуре, уважительное отношение к языкам и культурам других народов, приобщение их к мировой культуре.

Сегодня с особой актуальностью предстает вопрос о значимости лингвокультурного образования, которое способствует становлению духовно-нравственной личности, формированию лингвокультурной самоидентификации как необходимой составляющей ее мировоззренческого потенциала и необходимого условия интеграции в мировую культуру. Поэтому актуальной становится проблема взаимодействия языка и культуры, так как именно с культуры начинается духовное общение людей, понимание и сотрудничество народов, а общение культур актуализируется в общении личностей, основным посредником которого выступает язык.

Как известно, языковая ситуация в сфере образования в Республике Дагестан характеризуется многоязычием, поэтому требуется разработки целостной концепции билингвального лингвистического образования. Лингвистический цикл образования в Республики Дагестан представлен русским языком, дагестанскими и иностранными языками. Лингвокультурологическая концепция обучения, разрабатываемая в республике, опирается на основы обучения языкам, в то же время она предполагает лингвокультурологические основы и опирается на основные понятия науки лингвокультурологии.

На письменных языках издаются республиканские (на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, табасаранском, татском языках) и районные газеты, периодические и общественно-политические и художественные журналы; на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском функционируют государственные и народные театры.

На литературных языках народов Дагестана издается художественная и общественно-политическая литература, учебники и учебные пособия.

Наиболее распространенным и многофункциональным на сегодняшний день является русский язык, который занимает преобладающее место в экономической, общественно-политической, научной и культурной жизни республики и ее народов [4, с. 29].

Как известно, любой язык, будь он языком самого малочисленного народа, представляет духовную ценность, в котором сосредоточен многовековой опыт народного мышления. Родной язык укрепляет основу общественного и национального сознания.

В 90-х годах XX столетия в связи с новым этапом языкового строительства и появлением письменности у ранее бесписьменных языков, возникло новое понятие – новописьменные языки, которые традиционно функционировали в семейно-бытовой сфере. Агульский, рутульский и цахурский языки стали новописьменными. С принятием письменности они стали ограниченно использоваться в сфере образования (в начальной школе).

Дагестанские языки, в том числе представленные за пределами региона, являются объектом научного изучения. Особым вниманием дагестанских лингвистов пользуются бесписьменные языки. Издано множество монографических исследований, заложены научные основы совершенствования условий и расширения сфер функционирования бесписьменных языков, вплоть до создания для некоторых из этих языков письменности и принятия практических шагов по их вовлечению в интеллектуально-духовный мир общества и по их конституционной защите.

Как известно, языковая политика – это научное управление языковой жизнью. Языковая политика предполагает сознательное воздействие на языковую жизнь и на ее развитие. Кроме того, языковая политика предполагает целенаправленную деятельность государства – а в нашем случае Республики Дагестан в лице Главы республики – по реализации общественных функций языка и по совершенствованию языковой жизни и оптимальному ее развитию. Языковая политика призвана постоянно приводить языковую жизнь в новое состояние, адекватное изменившимся условиям жизни общества и носителей языка. Языковая политика предполагает планирование языкового прогнозирования и развития, при котором планирование определяет ближайшие цели развития языка, а прогнозирование предполагает отдаленное будущее языка.

В настоящее время имеется настоятельная необходимость в выработке общереспубликанской государственной языковой политики. Это не самоцель, и не потому только, что образовался «вакуум», о которой мы говорили выше. Во-первых, имеется ряд языковых проблем, которые, по понятным причинам, не только не под силу научно-исследовательским институтам, вузам, кафедрам, издательствам, а являются целиком и полностью прерогативой республиканских властей. Во-вторых, возникла настоятельная необходимость привести языковую политику в Республике Дагестан в соответствие с изменившимися в последние десятилетия условиями и сложившейся языковой ситуацией [3, с. 301].

Республика Дагестан – уникальный регион, известный в мире как «страна гор и гора языков». Однако, чтобы сохранить эту уникальность и бороться за его сохранение, необходимо как минимум признать эту уникальность и осмыслить то, в чем заключается эта самая уникальность, которая по-научному в социолингвистике назвали бы дагестанской языковой ситуацией. В Дагестане накопилось много проблем по языковой политике, даже на одно их перечисление все равно ушло бы много времени. Образно говоря, этих проблем намного больше, чем само количество языков. Остановимся лишь на некоторых из них.

Говоря об уникальности, всем, прежде всего, на ум приходит наше многоязычие. Однако все ли знают, сколько языков в Дагестане? К сожалению, до сих пор ни в одном государственном документе не зафиксировано, сколько языков представлено в Дагестане и какие эти языки, и как они называются. Согласно Конституции Республики Дагестан, «государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана» [1]. Однако перечень дагестанских языков не приводится.

Конечно же, дело даже не в количестве и не в точности цифры, хотя это само по себе достаточно ярко иллюстрирует наше языковое положение, хотя этот факт лишний раз также подсказывает необходимость принятия Закона о языках народов Дагестана.

Как известно, в Республике Дагестан функционирует 14 письменно-литературных языков (аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский) [6, с. 45]. Но далеко не все знают, что значит «письменно-литературный язык». На письменно-литературном языке выпускают учебники, журналы, газеты, делают передачи, на этом языке издаются произведения художественной литературы и т. д. Для того, чтобы литературный язык функционировал полноценно, на нем должны быть изданы словари – орфографический, терминологический (не говоря о терминологических словарях по отраслям), национально-русский, словарь антонимов, словарь синонимов, фразеологический (русско-национальный и национально-русский) и, конечно, толковый словарь. Кроме того, литературный язык должен иметь свою нормативную грамматику.

Современная языковая ситуация в Республике Дагестан вызывает серьезную тревогу. Особенно серьезно стоит проблема с миграцией населения. В Дагестане примерно от 40 до 50 % людей от каждого коренного народа (а от лакцев – около 75 %) проживают в городах и находятся «в зоне повышенного риска». Горожане во втором или третьем поколении полностью отрываются от своих родных корней со всеми вытекающими отсюда последствиями. К сожалению, они не умеют ни читать, ни писать на родном языке. Нетрудно представить, какая будет ситуация в четвертом-пятом поколении.

При формировании языковой политики должен быть учтен факт слабого знания дагестанцами своих родных языков, Особенно это касается литературных языков. По нашим данным, около 92 % школьников г. Махачкалы не владеют литературными языками. Такое положение является следствием крайне низкого языкового самосознания и низкой языковой культуры населения.

К сожалению, сегодня незнание своего родного языка дагестанцу в принципе ни в чем не мешает. Городские дагестанцы не ощущают особого нравственного и психологического дискомфорта от того, что не владеют родным языком. Родной язык практически перестал быть языком общения в городах [2, с. 288].

Таким образом, родной язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, мировоззрение, менталитет и многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит эффективнейшим и важнейшим способом формирования следующих поколений. Язык как зеркало народной психологии, народной культуры, философии во многих случаях является единственным источником истории народа, его духовного наследия и рассматривается в исследованиях этнологов, историков, культурологов, фольклористов.

К сожалению, в настоящее время под угрозой ассимиляции находятся многие языки народов Дагестана, поэтому проблема их сохранения и развития является актуальной задачей сегодняшнего дня.

Литература

1. Конституция Республики Дагестан. – Махачкала, 2003. – 47 с.
2. Магомедов Д.М. Русский язык как язык полиэтнической общности в Дагестане // Русский язык в полилингвальной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с участием преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, учащихся школ и колледжей (27–29 октября 2016 г.). – Махачкала, 2016. – С. 286–294.
3. Магомедов Д.М. Функциональная характеристика лексики дагестанских языков // III Международный симпозиум «Иберийско-кавказские языки: структура, история, функционирование. – Тбилиси, 2011. – С. 299–302.
4. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане: функциональная характеристика. – М.: Наука, 2010. – 182 с.
5. Магомедов М.И. Этноязыковые проблемы и пути их решения в Республике Дагестан // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 67–68.
6. Языки Дагестана. – Махачкала–Москва, 2000. – 553 с.

**Направление 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И
ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ
ШКОЛЕ.**

**СЕКЦИЯ 1.1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**Современные проблемы преподавания русского языка на факультете среднего
профессионального образования**

Гаврилова О.С., Иванова И.Н.

**Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь,
Российская Федерация**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преподавания русского языка и литературы в системе среднего профессионального образования высшего учебного заведения. Внимание акцентируется на потере интереса к изучению этих предметов со стороны студентов, которые неспособны сегодня воспринимать и осознать информацию в большом объеме, негативном влиянии быстрого доступа к интернет-ресурсам, наличия под рукой гаджетов. Рассматривается изменение современного образовательного процесса в связи с распространением современных информационных и коммуникационных технологий, отмечаются положительные и отрицательные стороны этого процесса. Также говорится о возможности создания и ведения преподавателями онлайн курсов как одной из форм организации учебного процесса.

Ключевые слова: русский язык, литература, преподавание, проблемы.

**Modern problems of teaching the Russian language at the faculty of secondary
vocational education**

**O. S. Gavrilova, I. N. Ivanova
Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia**

Annotation. The article discusses the problems of teaching the Russian language and literature in the system of secondary vocational education of a higher educational institution. Attention is focused on the loss of interest in the study of these subjects by students who are unable to perceive and realize information in large volumes today, the negative impact of quick access to Internet resources, and the presence of gadgets on hand. The change in the modern educational process in connection with the spread of modern information and communication technologies is considered, the positive and negative sides of this process are noted. It also talks about the possibility of creating and conducting online courses by teachers as one of the forms of organization of the educational process.

Key words: Russian language, literature, teaching, problems.

Открывающиеся в последнее время в высших учебных заведениях факультеты среднего профессионального образования дают возможность обучающимся миновать процедуру сдачи экзамена по русскому языку по окончании 11 класса школы в форме ЕГЭ. Однако это не уменьшает количества

проблем, с которыми сталкиваются преподаватели русского языка и литературы в вузе. Проблема потери интереса к родному языку, его изучению переходит из школы. Студенты, подготовленные к сдаче экзамена в форме ОГЭ, не демонстрируют глубину знаний теории, умение выполнять практические задания с применением правил по предмету. Приходится констатировать снижение интереса к изучению предмета, общей грамотности, активного словарного запаса, их неумение правильно, логично выражать свои мысли, отсутствие умения создавать монологическую речь, выступать с ней в течение нескольких минут перед аудиторией. Это нарушает взаимопонимание между участниками процесса общения. А ведь они носители родного языка, с детства думающие и выражающие на нём свои мысли, познающие с его помощью окружающий мир. Родной язык призван открыть человеку мир во всём его многообразии, приобщить к национальной и мировой культуре, дать толчок интеллектуальному развитию, помочь в его становлении как специалиста, какую бы сферу профессиональной деятельности ни выбрал в будущем. Для специалиста любой области владение русским языком – это главный инструмент, которым он будет пользоваться в своей работе. Когда же не сформированы коммуникативные компетенции в школе, выполнить эту задачу в рамках реализации программ по русскому языку и литературе для среднего профессионального образования представляется очень проблематичным.

Усложняет преподавание русского языка наличие под рукой быстрого выхода в Интернет, гаджетов. Зачем учить правила? Зачем задумываться над написанием слова? Можно быстро получить ответ на возникающий вопрос или найти решение орфографической задачи, воспользовавшись информационными ресурсами. Радует, что вопрос всё-таки возникает и ведётся поиск ответа. Однако, найдя ответ на вопрос, студент не углубил свои знания теоретического материала, не понял системы в изучении и понимании предмета. Сегодня обучающиеся также не видят смысла в бумажном варианте учебного пособия по изучаемому предмету. Зачем?! Нужно выполнить упражнение, задание – моментальное фото страницы, работа над заданием начата, но цель – просто выполнить, а не понять, не разобраться.

По мнению специалистов, образовательные электронные издания позволяют подавать материал в динамичной форме. Казалось бы, можно рассчитывать в работе на помощь хотя бы электронных словарей. Но нет, снова проблема, потому что и печатные, и электронные издания грешат сегодня противоречиями, возникает непонимание, разночтение языковых норм, нет авторитетного современного издания, на которое можно ссылаться, которое можно рекомендовать обучающимся.

Информация современным студентом воспринимается и осознается лишь в маленьком объёме, резко сокращается количество прочитанных им книг. Отсюда и проблемы в преподавании литературы: молодой человек не может прочитать, усвоить, проанализировать большой классический текст, а ведь на примерах произведений русской классической литературы преподаватели могут воспитывать языковой вкус, обращать особое внимание на грамматику, на пунктуацию великих писателей, на тексты как таковые. Мышление молодёжи изменилось на клиповое. Время, в течение которого студент концентрируется, весьма мало. Приходится констатировать, что при всех плюсах использования гаджетов, которые позволяют выполнять сразу несколько заданий, они наносят непоправимый вред: негативно влияют на физиологическое состояние и здоровье, внимание рассредоточивается, восприятия русского языка как системы нет. Отсюда умение решать лишь стандартные задачи по образцу, отсутствие элемента творчества, желания погрузиться в новое – оно неинтересно, ведь можно просто ввести в поисковик вопрос – и ответ получен оперативно при минимальных умственных затратах. Поэтому на плечи преподавателя ложится и задача формирования культуры использования информационно-коммуникационных инструментов и ресурсов, информационной культуры человека в целом.

Современный образовательный процесс ставит и проблему иного подхода к преподаванию русского языка и литературы. Процессы информатизации общества и образовательной деятельности повлекли за собой процессы совершенствования массового распространения современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Сетевые средства ИКТ открывают широкий доступ к учебно-методической и научной информации, оперативной консультационной помощи, моделированию научно-исследовательской деятельности, проведению виртуальных учебных занятий (семинаров, лекций). Сегодня преподаватель должен не только обладать знаниями в этой области, но и быть специалистом по их применению в своей профессиональной деятельности, уметь решать задачу формирования информационной культуры молодого человека. Умение ориентироваться в информационном потоке, определять, насколько достоверна запрошенная и полученная информация, анализировать, интерпретировать – важнейшая компетенция в современном мире, и формируется она на филологической основе.

Одним из преимуществ обучения с использованием средств ИКТ называют индивидуализацию обучения. Но она уменьшает и так дефицитное в учебном процессе живое диалогическое общение участников образовательного процесса - преподавателей и студентов, студентов между собой. Общение представляет собой «диалог с компьютером». Даже активный в речевом плане студент надолго замолкает, потому что только потребляет информацию. Орган объективизации мышления человека – речь – оказывается выключенным, обездвиженным в течение долгого времени. Студент не имеет достаточной практики диалогического общения, формирования и формулирования мысли на русском языке. Без развитой практики общения, как показывают психологические исследования, не формируется и монологическое общение с самим собой, т.е. самостоятельное мышление. Вопрос, заданный самому себе, есть наиболее верный показатель наличия самостоятельного мышления.

Концепция открытого образования, основанная на принципах свободы обучаемого в выборе учебного заведения, времени, места и темпов обучения, в планировании своих учебных занятий, стала ответом на возросшие требования к системе образования в целом. Предполагается, что открытое образование повысит его качество и разрешит противоречие между предложением и спросом на образовательные услуги. Для решения конкретных образовательных задач используются разные схемы организации учебного процесса. В последнее время активно продвигаются различные онлайн курсы, которые предлагают российские и зарубежные платформы. Преподаватель имеет возможность самостоятельно разрабатывать и внедрять их в свою профессиональную деятельность. При создании курсов преподавателю русского языка необходимо помнить, что одна из важнейших целей – показать студентам, что русский язык - это живая развивающаяся система, она меняется со временем, под воздействием различных факторов, она хранит важную культурную информацию о русском народе, его истории, культуре.

Ни одна из поставленных проблем не будет решена, если не решить проблему культуры чтения. В том, что она не сформирована, виноваты и семья, и средства массовой информации, и школа, и вуз, и государство, формирующее языковую политику. Ни для кого не секрет, что молодое поколение почти совсем не читает классическую литературу. Детективы, фантастика, любовный роман, комиксы, модные гляцевые журналы с яркими картинками популярны, но не предлагают для восприятия и воспроизведения правильный, красивый, «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». В активный словарный состав русского языка входят варваризмы, жаргонизмы, экзотизмы, интернационализмы, нецензурная лексика, которые не только проникают в язык, но и вытесняют привычные литературные слова. Русские названия предметов, понятий активно, даже агрессивно заменяются иностранными словами, хотя русские синонимы находятся в активном словарном запасе. Постепенно уходят из словарного запаса фразеологизмы, их значения подростками понимаются с большим трудом, хотя в тестах по русскому языку в форме ОГЭ предусмотрена работа с несвободными сочетаниями, они изучаются и в рамках программы по русскому языку в системе среднего профессионального образования. И снова проблема видится в том, что учащиеся школы, студенты не читают не только в свободное время, для души, но и программные произведения русской классики. Зачем? Интернет предлагает краткое изложение любого произведения, стоит отметить, что встретить там грамотные тексты, без ошибок почти невозможно. Но если художественное произведение не читается самостоятельно, как появится привычка работать самостоятельно, всё равно в какой области, чувствовать слово? Увидеть в руках современного подростка - книгу? Скорее исключение, чем правило. Конечно, винить во всем школу невозможно, потому что пример для подражания – это родители, именно они оказывают более сильное влияние на развитие читательского вкуса ребёнка, на привитие интереса к чтению. Ведь если читает папа или мама, скорее всего, будет читать и их ребёнок. А в результате мы видим, что понятие семейного чтения исчезает из нашей жизни. К сожалению, преподавание литературы на факультете среднего профессионального образования не решит ни проблему чтения, ни проблему привития интереса к нему, потому что программа по литературе предполагает изучение классических произведений XIX – XXI века в течение одного учебного года. В школе же это два года - десятый и одиннадцатый классы. Поэтому приходится говорить о том, что интерес к чтению с каждым годом уменьшается, и словарный запас современного молодого человека от этого не увеличивается. При отсутствии навыка вдумчивого чтения, понимания, осознанной потребности чтения, размышления над прочитанным произведением не сформируется способность выражать свои мысли, выстраивать диалог. А это путь к разрушению общества. Качественное преподавание и изучение литературы предполагает чтение классических произведений, анализ, продолжение работы с текстом на занятиях по русскому языку.

Русскому языку большой вред наносит обилие рекламы, прочно вошедшей в жизнь. Она везде: на улицах городов, в интернете, на радио и телевидении. В сознание молодых людей буквально вбиваются рекламные слоганы, которые далеки от литературного языка, изобилуют ошибками. В подсознание проникает культура других стран. Обучающемуся довольно трудно устоять такому напору иноязычных слов, он просто воспринимает то, что слышит, видит и не всегда может понять, осознать, что допускает грамматические ошибки в своей речи, следовательно, не может исправить их.

Прискорбно, что средства массовой информации стали источником неграмотной речи. Язык телевидения и радио давно утратил роль образцового языка для зрителя и слушателя: нарушаются орфоэпические, лексические, морфологические, синтаксические нормы не в единичных случаях, а массово и постоянно. Противостоять тому, что регулярно слышится, очень трудно взрослому человеку, а молодому ещё сложнее. Тексты современных песен, которые слушает молодёжь, лишены смысла, насыщены разного рода ошибками, а это элемент воспитания культуры подрастающего поколения.

С течением времени может возникнуть и более серьёзная угроза - угроза исчезновения языка. Сегодня мы ещё говорим о том, что русский язык – это мировой язык, но в мире уменьшается количество людей, говорящих на нём, изучающих его за пределами Российской Федерации, интересующихся нашей историей и культурой. Русский язык – это национальное богатство, он объединяет и укрепляет государство. Изучение, сохранение русской литературы – это сохранение русской духовности, русского языка. Мы не можем допустить потери влияния русской духовности в мире, она должна занимать лидирующие позиции, усиливать их за счёт появления новых читателей, тех, кому будет интересна наша литература, наш язык. Без глубокого, осознанного знания языка невозможно выразить мысли, чувства, эмоции, желания, точку зрения, потеряется связь с предыдущими поколениями его носителей и почитателей. И эти задачи необходимо решать преподавателям русского языка и литературы. Методика преподавания русского языка, реализуя принцип воспитывающего обучения через воспитание интереса и любви к родному языку, предполагает использование различных традиционных и нетрадиционных средств обучения, опору на усвоенные ранее языковые модели.

В XXI веке, когда происходят социальные изменения в обществе, когда меняются подходы к образованию, усиливается значимость преподавания русского языка и литературы в формировании духовной культуры подрастающего поколения. На факультете среднего профессионального образования приоритетными направлениями остаются воспитание у студентов уважения к родному русскому языку, развитие мышления и, конечно же, формирование знаний, умений, навыков и коммуникативных компетенций. Как гражданин Российской Федерации современный молодой человек должен иметь возможность самосознания, самореализации в нашем многонациональном поликультурном пространстве. Преподаватель же, продолжая расширять и углублять знания по предмету, будет искать новые пути решения возникающих проблем с целью их уменьшения.

Литература

1. Булавина С. М. Современные коммуникативные технологии при преподавании русского языка как государственного в вузе / С. М. Булавина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. - 2007. - № 5. - С. 104–107.
2. Варганова Е. Л. Язык российских СМИ как индикатор социальных перемен / Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета, 2012. - С. 3–7.
3. Курашинова А.Х. Гаджетомания и проблемы развития личности // Историческая и социально-образовательная мысль / А.Х. Курашинова // 2016. - Т. 8. - № 5-1. - С. 180–182.

**Актуализация общечеловеческих концептов «родина», «знание» и «семья» в
русском, чеченском и английском языках**

Довлеткиреева Л.М., Гехаева С.И., Джантамирова А.А., Исмаилова А.М.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются общечеловеческие концепты «Родина», «знание» и «семья» и способы их актуализации в пословично-поговорочных фондах русского, чеченского и английского языков. На базе данных лексем выявляются интегральные и дифференциальные признаки мировосприятия носителей этих языков, ментальные нюансы их мышления и сознания. Приводятся примеры паремий, в которых наиболее ярко выражена интересующая авторов тематика. Три ключевых концепта, составляющих основу морального и духовно-нравственного облика любого этноса, представлены с точки зрения их репрезентации в языковых картинах мира русских, англичан и чеченцев на уровне семантики, фразеологии, лексикологии и словообразования. Сопоставительный анализ общечеловеческих концептов позволяет определить как своеобразие лингвокультур, так и точки их пересечения.

Ключевые слова: концепт, этнос, культура, пословицы, поговорки, Родина, семья, знание.

**Actualization of the universal concepts of “homeland”, “knowledge” and “family” in
Russian, Chechen and English**

L.M. Dovletkireeva, S.I. Gekhaeva A.A. Dzhantamirova, A.M. Ismailova

FSBEI of HE "Chechen State University", Grozny, Russia

Resume: The article discusses the universal concepts of “Homeland”, “knowledge” and “family” and the ways of their actualization in the proverbial-proverbial funds of Russian, Chechen and English. On the basis of the lexeme database, integral and differential signs of the world perception of the speakers of these languages, mental nuances of their thinking and consciousness are revealed. Examples of paremias are given in which the subjects of interest to the authors are most clearly expressed. Three key concepts that form the basis of the moral and spiritual moral character of any ethnic group are presented from the point of view of their representation in the language pictures of the world of Russians, English and Chechens at the level of semantics, phraseology, lexicology and word formation. A comparative analysis of universal human concepts allows us to determine both the peculiarity of linguistic cultures and their intersection points.

Keywords: concept, ethnos, culture, proverbs, sayings, homeland, family, knowledge.

Emotions in sports discourse: sociolinguistic aspect

Korostova S.V., Pobedinsky E.I.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Resume: The article discusses ways of expressing the emotions of participants in sports communication, as well as factors that contribute to the actualization of emotionally-evaluative language tools in sports discourse. Sports discourse is understood as a set of texts describing and representing sports activities. A linguistic analysis of oral sports commentaries on football matches made it possible to establish the most typical ways of actualizing the various microfields of emotionality for this discourse, as well as to reveal the features of the linguistic personality presented in sports reports. In sports discourse, the commentator implements his own speech strategy, which increases the importance of the emotional empathy and intelligence of the journalist as a linguistic personality.

Key words: sports discourse, emotives, emotion microfields, language personality.

В последние десятилетия в качестве базового понятия этнолингвистики, этнокультурологии и когнитивной лингвистики выступает термин «концепт». В научный оборот это понятие ввел С.А. Аскольдов еще в 20-е годы XX века. [1, с.173] Эту проблему продуктивно исследуют такие ученые, как Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и многие другие. [5]

Концепт можно определить как некую единицу сознания, мыслительный образ, с помощью которого человек концептуализирует мир, то есть формирует свое представление о явлениях и фактах окружающей действительности. Значимые для этноса концепты вербализуются в лексемах, фразеологизмах, пословицах и поговорках. Классифицируя концепты, их, прежде всего, делят на общечеловеческие, то есть характерные для всех культур, народов, а следовательно, и языков, и национально специфические, получившие свое выражение в ряде языков в виде безэквивалентных для большинства других лингвокультур лексем. Основу национальной картины мира составляет его концептосфера, представляющая собой совокупность всех концептов нации – как вербализованных, так и невербализованных. Фундаментом языковой картины мира являются актуализированные в языке концепты. О специфике национального менталитета судят, прежде всего, анализируя эндемичные, или безэквивалентные единицы, но мы полагаем, что сопоставительный анализ общечеловеческих концептов также позволит выявить характерные ментальные черты того или иного народа, поможет установить сходство и различие в восприятии мира.

В этой статье мы рассмотрим три основных концепта, которые составляют моральный и духовно-нравственный облик любого этноса, и попытаемся продемонстрировать, каким образом возможно найти ментальные точки пересечения и расхождения, сопоставляя, казалось бы, общие для всех культур понятия.

Одним из наиболее интересных концептов, встречающихся в любой лингвокультуре, является «Родина». Однако при общности доминантного компонента значения лексемный, семантический и словообразовательный пласты этого понятия могут отличаться в разных языках.

Для русского человека Родина является чем-то очень важным, без чего трудно жить, а в некоторых случаях и вовсе невозможно. В России, по мнению выдающегося лингвиста С.Г. Тер-Минасовой, патриотизм является основополагающим фактором национального строя, который открыто проявляется в сознании русского человека, на что и указывает русский язык [7, с.176]. Подтверждением этим словам служат множество пословиц и поговорок, благодаря которым мы можем понять, насколько сильно русский народ патриотичен и насколько сильно он привязан к тому месту, где родился. Например:

Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи.

Любовь к Родине сильнее смерти.

Нашему народу Родина всего дороже.

Лексема «родина» происходит от глагола «родить», грамматически относится к женскому роду. Лексические и грамматические нити данного концепта «завязаны» на материнстве, факте рождения. Родина – прежде всего, место, земля, где человек родился, а рождает мать. Поэтому устойчивыми выражениями в русском языке являются «Родина-мать», «земля-матушка», «земля-кормилица», из чего следует, что для русских понятие «Родина» ассоциируется с образом матери:

Родина всем матерям мать.

Береги землю родимую, как мать любимую.

В английском же языке представлен ряд синонимичных единиц, которые служат в качестве эквивалентов русским словам «Родина», «Отчизна», это такие концепты, как «Homeland», «Motherland», «Fatherland». Самой нейтральной является лексема «Homeland», обозначающая в английском языке страну происхождения. Исследуя паремии английского языка, можно обратить внимание на то, что среди них тема родины звучит намного реже, чем в русской паремии. Англичане относятся к понятию «Родина» достаточно спокойно, для них оно не несет в себе столь важные коннотативные смыслы. Они считают, что Родина – это дом, нахождение в пространстве, то есть превалирует практический, материальный аспект, а не эмоциональный, связанный со сферой чувств, как у русских. Подтверждением этому служит то, что в английских пословицах и поговорках чаще всего встречается именно лексема «home»:

There's no place like home. – Нет места лучше дома.

Every dog is lion at home. – Собака Эвери – лев у себя дома.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что данный концепт в английском и русском языках представлен по-разному. У англичан понятие «Родина» не вызывает сильных эмоций,

переживаний, для них это всего лишь нахождение в пространстве. Для русских же, наоборот, с этим понятием связана вся жизнь. Любовь к родине – неотъемлемая черта русского характера. А. Вежицкая отмечает: «В изучении русского языка и его взаимосвязи с культурой народа я пришла к заключению о важном значении эмоций и их свободном выражении, высоком эмоциональном накале русской коммуникации, богатстве лингвистических средств для передачи эмоций и их оттенков» [3, с. 195].

Обратим внимание и на некоторое сходство в вербализации: Отчизна, Отечество – русские синонимы Родины, когда речь идет о патриотизме и защите родной земли, в английском языке есть аналогичная лексема – «Fatherland», а также слово «Motherland», связывающее родину с матерью, как и в русской традиции.

В чеченском языке концепт «Родина» номинирован лексемой «Даймохк», которая образована путем сращения словосочетания и буквально переводится как «земля отцов». Таким образом, уже в самом слове зафиксирован приоритет мужского начала в национальной психологии чеченцев, важность преемственности поколений, институт праотцов, который требует от каждого «истинного» чеченца знания имен семи своих предков. Обычай возвращать умершего на чужбине на землю отцов и хоронить на родине также может быть рассмотрен в рамках данного обозначения концепта.

Чеченский поэт М. Дикаев посвятил родине проникновенные строки, которые во многом раскрывают семантическую нагрузку концепта «Даймохк»:

Сан дай баьхна латта,
Сан ирс долу Даймохк,
Ахь кхиина,
Ахь стаг вина,
Дуьненчу ваьлла со.
(Земля, где жили мои отцы,
Моя счастливая родина,
Ты воспитала меня,
Ты сделала из меня мужчину,
И я вошел в этот мир – Подстрочный перевод).

В этом отрывке подчеркивается предназначение родины, сходное с функцией отца в семье – воспитание достойного мужчины, сына Отечества.

В чеченском понимании нахождение вне родины, отрыв от нее рассматривается как огромная трагедия:

Даймохк – ялсмане, нехан мохк – жожжахате. – Родная земля – рай, чужая земля – ад.

Интересна и чеченская лексема «ДегIаста», противопоставляющая родину чужбине и обозначающая Северный Кавказ в целом.

Пожалуй, нет ни одного народа, который не возвеличивал бы такие качества как: трудолюбие, стремление к образованности, учению. Испокон веков люди изучали окружающий их мир, ведь без новых знаний не бывает развития. Человек, сам являясь существом биосоциальным, должен был делиться приобретенной информацией с другими индивидами. Стремление к знаниям и трудолюбию породили новые научные знания, учения и даже цивилизации.

Рассмотрим же, как представители разных народов воспринимают концепт «знание».

Обучение грамоте, изучение наук, передача знаний последующим поколениям – это огромный труд, и этот труд всегда оценивался высоко среди людей. Ученый человек почитаем, к его слову всегда прислушивались, и принятие важных решений производится с учетом мнения знающих лиц. Таких людей в разных народах называли по-разному. У нас, на Кавказе, их называли «аксакалами». Как правило, «аксакалы» – мудрые старцы, повидавшие многое на своем жизненном пути. Их опыт формировал знания, передаваемые из поколения в поколение. Часто аккумуляцией этого опыта становились емкие по смыслу высказывания, которые сохранялись на долгие годы, передаваясь из уст в уста в форме пословиц и поговорок, в чеченском варианте – кичанаш.

До наших дней дошло огромное количество паремий, осуждающих лень и восхваляющих трудолюбие и тягу к знаниям, в основе которой лежит такое качество, как ум:

Даьхнаца хьекьбал эцалур дац. – Ум не купить.

Хьекьбалдолучунна дерриг дуьне а шен Даймохк санна хета. – Для умного весь мир – его Родина.

Хьекьбалдолчун – дош, Iовдалчун – буй. – У умного – слово, у дурака – кулак.

Жимчоь Iамина хIума тIулга тIе яздина йоза санна ду. – Выученное в детстве, как надпись на камне.

Дешар – серло, цадешар бода. (Калька русской пословицы: Ученье – свет, а неученье – тьма).

Говдалниг кхетар а вац, хьекьал дерг кхаьрдар а вац. – Дурак не поймет, умный не будет злорадствовать.

Говдалниг ша кхето г1ертачунца девне волу. – Дурак ссорится с тем, кто пытается его образумить.

В русском фольклоре мы также обнаруживаем яркие примеры того, что на Руси ценили ум и знания, а глупость и лень презирали:

Богатством ума не купишь.

Умному весь мир – Родина.

Ученье – свет, а неученье – тьма.

Кто грамоте горазд, тому не пропасть.

Век живи – век учись.

Как видим, в русском и в чеченском языках в основе любого знания лежит ум человека, его способности.

В английском языке концепт «знание» представлен огромным количеством паремий, которые связывают это явление, прежде всего, с трудом. Чтобы получить знание, требуется желание и усилие: «A man doesn't learn to understand anything unless he loves it». – «Человек не научится что-либо понимать, пока не полюбит то, чем он занимается». [8] Пословица «If you want knowledge, you must toil for it». – «Если хочешь получить знания, ты должен трудиться» отражает идею приложения усилий для получения знаний. Психология англичан не созерцательная, для них важно действие, поэтому знание ассоциируется с активным процессом: «Action is the proper fruit of knowledge». – «Действие – истинный плод знания»; «A closed book does not produce a learned man». – «Закрытая книга не сделает человека умным» [8]. В русском понимании также приобретение знания сопряжено с затратами физическими и интеллектуальными: Трудно в учении – легко в бою.

И, естественно, одним из самых основополагающих концептов в любой культуре является «семья». Рассмотрим некоторые аспекты этого важного для понимания национальной психологии концепта.

В русском национальном сознании муж и жена представляют некое биполярное единство:

Муж и жена – одно дело.

Муж и жена – одна сатана.

Семья создавалась на всю жизнь, поэтому и страшна была ошибка в выборе второй половины, что приводило порой к непредсказуемым последствиям:

Худая жена и хорошего мужика портит.

На дуре женишься – сам в дураках будешь.

Также у русских ценится уважение и любовь друг к другу:

Жена мужу не прислуга, а подруга.

Куда иголка, туда и нитка.

Где мир да лад, там и божья благодать.

Однако одобряется и рукоприкладство мужа, если жена неверна или проявляет строптивый характер:

Воля и добрую жену портит.

Чем больше жену бьешь, тем вкуснее щи.

В английской ментальности слово «семья» ассоциируется с независимостью и отстраненностью между поколениями. С другой стороны, кровные узы по-прежнему занимают важное место во взаимоотношениях:

Children are poor men's riches. – Дети – богатство бедняка.

As the old cock crows, so does the young. – Яблоко от яблони недалеко падает.

East or west – home is best. – Дома лучше, чем везде.

В английской культуре не приветствуется избалованность детей, в то время, как в русских семьях могут закрыть глаза на некоторые недостатки своих детей:

Дитя, хоть и криво, да отцу-матери мило.

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Во многих пословицах русского и чеченского языков широко отражена тема взаимоотношений в семье. В них русские и чеченцы аккумулировали свой жизненный опыт, свои представления о семейных ценностях, о взаимоотношениях старшего и младшего поколений.

Большой пласт фразеологизмов посвящён воспитанию детей, носит поучительный характер, внушая воспроизводимыми языковыми средствами необходимость почитать родителей, заботиться о них, а также важность трепетного отношения к детям, заботы о маленьких членах семьи, особое

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

внимание уделяется родительскому авторитету, отец и мать своими делами, словами, поведением должны стать примером для следующего поколения.

Основная мысль народной мудрости может быть сформулирована так: дети – не только счастье и подарок Бога, но и большая ответственность.

Приведем ряд примеров:

Кто родителей почитает, тот вовек не погибает.

Умел дитя родить, умей и научить.

Полна хата детей, так и счастье в ней.

Дика доззал кхийнарг нахалах корта лекха хир ву (букв.: Тот, кто воспитал хороших детей, тот перед людьми на голову будет выше).

Большое внимание в пословицах рассматриваемой тематики уделяется взаимоотношению поколений, способам и необходимости трудового воспитания. Младшее поколение с раннего возраста приучается к труду родителями и бабушкой с дедушкой. Ценится та семья, где дети отличаются трудолюбием.

В прошлом и русские, и чеченские семьи были большими. В одной семье могло быть 11-13 детей. В одном доме, дворе жили 3-4 поколения. Детям с раннего возраста прививают нравственно-этические ориентиры, в том числе и уважение к старшим. И вот как это представлено в пословицах:

Молодой работает, старший ум дает.

Молодость плечами крепче, старость – головой.

Старость к правде ближний путь знает.

Не ладны те детки, коих не журят бабки и детки.

Деца кьамел ма де, нана юккье лелае (букв.: С отцом не разговаривай, мать сделай посредником).

Кьиг тлееьча, кьиг а глотту хьала (букв.: И ворона встает, когда подлетает ворона).

Итак, в приведенных пословицах подчеркивается необходимость уважения к старшим, ведь старшее поколение обладает большим жизненным опытом и житейской мудростью, поэтому нужно почитать старших и прислушиваться к их советам.

Значительный корпус пословиц русского и чеченского языков отражает тему брака. В этих паремиях подчеркивается необходимость серьезного подхода к вопросу создания семьи, который не допускает спешки. Необходимо приглядеться к семье избранницы и к ней самой, чтобы не обмануться её красотой. Главное качество будущей жены – трудолюбие. Мы приведем некоторые пословицы из этой группы:

Жениться – не воды напиться.

Жениться – не напасть, как бы, женившись, не пропасть.

Женился на скорую руку, да на долгую муку.

Замуж выходи – в оба гляди.

Кланте а ца хоттуш зуда ялор – клант хьера клел кхоссар санна ду (букв.: Не спросив, сына женить – как будто сына под мельницу бросить)

Йо1 езаелча, ялайо, дагахь баллам ца хилийта (букв.: Влюбившись в девушку, женишься, чтоб потом сожалений не было).

Зуда ялийча, дохко ма вала, бертахь ваха (букв.: Женившись, не жалея, а живи в согласии).

Лийхира, хиржира – вониг нисъелира (букв.: Искали, выбирали – плохая досталась).

Зуда шен хеннахь ялор дика ду (букв.: Жениться надо своевременно).

Хьалдолчийн ю алий, ма ялае зуда, иза дика елахь, ялае (букв.: Не женись, коли она богатая, а женись, коли она хорошая).

Захало дуйцуш йолчо зудчо клантах эла во, йо1ах сту йо (букв.: Сваха из парня делает князя, а из девушки – княгиню).

Хала дина захало атта духу (букв.: С трудом сделанное сватовство легко разрушается).

Супруги создают счастливую семью, если изначально чем-то были похожи. Это может быть сходство происхождения, социального положения, общность мировоззрения, одинаковые взгляды. Некоторые полагают, что муж и жена должны быть похожи внешне. Кроме того, пожив вместе, люди еще больше становятся похожими друг на друга, перенимают привычки друг друга, создают единый мир, целостное пространство, в котором понимают друг друга с полуслова. Об этом также свидетельствует народная мудрость:

Муж – голова, жена – душа.

Муж да жена – одна душа.

Муж и жена из одного кремня искры.

Цинда – корта, зуда – ворта (букв.: Муж – голова, жена – шея).

Циндас ларахь, наха а лорур ю (букв.: Если муж уважает, то и люди уважат).

Пословицы и поговорки о семье выводят на первый план женское начало, свидетельствуя о том, что без женского положительного участия нормальный и счастливый семейный союз может разбиться.

Мир в семье женой держится.

Добрая жена дом сбережет, а плохая – рукавом разнесет.

Муж задурит – половина двора сгорит, жена задурит – и весь сгорит.

Дикачу зудчо ледара мар къонахашка верзаво (букв.: Хорошая жена из плохого мужа делает мужчину).

Дика зуда боккха бахам бу, вон зуда – боккха бала бу (букв.: Хорошая жена – большое богатство, плохая жена – большая утрата).

Зудчо майрачунна ца етта, х1етте а иза шен лааме воккху (букв.: Хотя жена и не бьет мужа, но, тем не менее, она управляет им).

Зудчунна кхерам туьйсуш, цигигана йиттина (букв.: Пугая жену, побил кошку).

Вон зуда нахана йоьлу, цийндена, текъамаш беш, тийжа (букв.: Плохая жена людям смеется, а мужу ноет).

Зуда еза мегар ду, амма караваха мегар дац (букв.: Жену можно любить, но попасть ей в руки нельзя (т.е. не стать подкаблучником)).

Зуда ийгина оьхуш елахь, кхин ялор дарба ду (букв.: Если жена после каждой ссоры уходит, лучше на другой жениться).

Чохь зуда йоцу х1усам шийла хуьлу (букв.: Дом, где нет жены, бывает холодным).

Зуда диканиг елахь а, вониг елахь а, цхьаь ца хилча ца йолу (букв.: Хотя хорошей, хоть плохой, но без жены невозможно).

Огромный и разнообразный корпус фразеологических единиц, посвященных теме семьи, в русском и чеченском языках подчеркивает важность данного института для этих народов, необходимость культивирования семейных ценностей и традиций для сохранения здорового общества. Обращение к образцам народной мудрости имеет воспитательное значение и расширяет кругозор современного молодого человека.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что сопоставительный анализ словоупотребления общечеловеческих концептов в составе пословиц и поговорок, а также словообразовательных, лексических, грамматических средств вербализации позволяет выявить степень актуализации содержания концепта в той или иной культуре, установить сходство и различие, высветить ментальные нюансы мышления и сознания представителей разных культур.

Литература

1. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003, 305 с.
2. Байсултанов Д. Чеченско-русский фразеологический словарь. – Грозный: Книга, 1992. – 320 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 290 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва: В университетской типографии, 1862. – 1159 с.
5. Клевцова В.Н. Некоторые вопросы теоретической градации концептов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1089>. – (Дата обращения: 04.11.2019).
6. Королева Е.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц концепта семья в русском и английском языках. // Молодой ученый. – 2017. – С. 691-693.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 260 с.
8. Яковлева С.Л. Концепт «знание» в паремиологии американского варианта английского языка // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2 (часть 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20874>. – (Дата обращения: 04.11.2019).

Технологии эвристического обучения на занятиях по филологическим
дисциплинам

Чернов Д. А., Гаврилова О. С.

ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»,
г. Ставрополь, Россия

Аннотация: ФГОС нового поколения требует от обучающихся выступать в роли самостоятельного субъекта образовательной деятельности, которая подразумевает самостоятельное мышление. Именно такой подход к обучению позволяет реализовать эвристическое обучение, которое ориентирует обучающихся на создание творческого саморазвития. В данной статье показано внедрение технологий эвристического обучения на занятиях по филологическим дисциплинам.

Ключевые слова: эвристическое обучение, учебный процесс, метод, подход.

Heuristic Technologies in Philology Classes

D.A. Chernov, O.S. Gavrilova
Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Abstract: GEF of the new generation requires students to act as an independent subject of educational activity, which implies independent thinking. It is this approach to learning that allows you to implement heuristic learning, which guides students towards creating creative self-development. This article shows the introduction of heuristic learning technologies in the classroom of philological disciplines.

Key words: heuristic training, educational process, method, approach.

Актуальность исследования технологий эвристического обучения на занятиях по филологическим дисциплинам заключается в том, что оно предполагает отказ от готовых знаний, основываясь на добыче и поиске информации, которые в условиях модернизации образования предъявляют новые требования к профессиональному и личностному развитию человека. Для современного человека небывалый рост объема информации требует таких качеств, как изобретательность, находчивость, предприимчивость, эрудицию, инициативность, способность быстро и безошибочно принимать решения. Все это невозможно без умения работать самостоятельно и творчески. Я думаю, что образовательное учреждение должно прореагировать на эти изменяющиеся условия развитием творческих способностей учащихся и воспитанием активной личности, что в дальнейшем облегчит учителю активно использовать на своем занятии технологии эвристического обучения.

Эвристическое обучение – обучение, ставящее целью конструирование учеником собственного смысла, целей и содержания образования, а также процесса его организации, диагностики и осознания [7, с.24-25]. Впервые в практике это обучение появилось еще в Древней Греции. Первоисточником эвристического метода является метод Сократа, который, обсуждая вместе с собеседником особые вопросы, приходил к рождению новых знаний. Его метод развивался в трудах зарубежных педагогов: Коменского Я.А., Дистверга А., Русско Ж.-Ж. и др.

В России одним из первых сторонников эвристического обучения был К.Д. Ушинский, создавший систему, направленную на развитие умственных способностей. Он выдвинул идею «познавательной самостоятельности». «Ученикам следует передавать не только те или другие познания, но и способствовать самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания» [6]. Результаты анализа ряда его исследований позволили выявить следующие функции эвристического обучения:

- самостоятельное усвоение знаний и способов действий;
- развитие творческого мышления (перенос знаний и умений в новую ситуацию);
- видение новой проблемы в традиционной ситуации;
- видение новых признаков изучаемого объекта;

- преобразование известных способов деятельности и самостоятельное создание новых;
- развитие качеств ума, мыслительных навыков, формирование познавательных умений;
- обучение учащихся приемам активного познавательного общения;
- развитие мотивации учения, мотивации достижения [6].

Главными признаками эвристического задания являются: открытость, отсутствие заранее известного результата его выполнения; опора на творческий потенциал обучающегося, обеспечение развития его творческих способностей; наличие в задании актуальной для решения проблемы, противоречия или потребности, касающейся обучающегося и принадлежащей заданной предметной области [7, с.34].

Основной характеристикой эвристического обучения является создание обучающимися образовательных продуктов в изучаемых предметах. Тем самым студентам следует выстроить индивидуальные образовательные траектории в каждой из образовательных областей. Под образовательной продукцией здесь будем понимать материализованную деятельность ученика в виде суждений, рисунков, текстов и т.п., а также изменения личностных качеств обучающегося, которые он развил во время учебного процесса.

В современной образовательной деятельности на занятиях педагогами используются различные методы и формы эвристического обучения. Это олимпиады, деловая игра, интерактивные формы обучения, творческие работы; метод «вживания», где обучающийся пытается вжиться в объект изучения, метод символического видения, который предполагает ученикам наблюдать какой-либо объект с целью понять и изобразить его символ в любой форме, метод эвристических вопросов. Все это помогает учащимся развивать мышление, эрудицию, а также направлено на достижение высокого уровня получения знаний.

Технологии эвристического обучения используются с той целью, чтобы приблизить обучающихся к самостоятельному решению познавательных проблем. Главная задача педагога заключается в создании этих познавательных проблем и показании того, как приходиться к их доказательству.

В своей работе я, как и многие другие филологи, использую классификацию эвристических методов обучения по методике Андрея Викторовича Хуторского. Эвристические методы он подразделяет на несколько групп:

А) креативные методы (творческие методы) включают метод придумывания, метод «если бы», метод «мозговой штурм» и др.;

Б) оргдеятельностные методы (предполагают деятельность обучающихся и педагогов) включают метод ученического планирования, метод взаимообучения, метод самооценки и др.;

В) когнитивные методы (познавательные методы) включают метод «вживания», метод гипотез, метод эвристических вопросов и др [5].

При составлении поурочного планирования, педагог имеет возможность внедрить технологии эвристического обучения как в отдельную часть занятия, так и посвятить этому обучению всю продолжительность занятия. При этом нарушаться ход занятия не будет. Наиболее известным и продуктивным считается комбинированное занятие. В это время педагог может применить эвристическое обучение, продумав ход занятия последовательно. Это будет выглядеть так:

1. *Орг. момент.*

2. *Проверка домашнего задания.*

3. *Актуализация знаний* необходима для понимания нового материала.

4. *Психологическая подготовка к изучению новой темы.* Здесь педагог внедряет методы и формы эвристического обучения – **ролевые игры, помогающие ходу занятия** (как только произносится нечто, что может вызвать у учеников сомнения, взматывается вверх рука и следует реплика: «А я не верю! Докажите, что...»). Это действует «Фома неверующий» – ученик, взявший на себя такую роль).

5. *Объяснение нового материала.*

6. *Первичное закрепление знаний.* **Какие технологии эвристического обучения можно включить сюда? Например, прием «щадающий опрос»** (обучающиеся разбиваются на две группы. Преподаватель задает вопросы. На него отвечает сначала первая группа, затем – преподаватель или сильный ученик. Обучающиеся второй группы, прослушав ответ преподавателя, сравнивают его с ответом товарища и выставляют ему отметку или просто «+» или «-». В конце опроса ребята выставляют друг другу оценки).

7. *Подведение итогов занятия.* **Прием «опрос-итог».** В конце занятия педагог задает вопросы, побуждающие к рефлексии.

8. *Домашнее задание.* **Прием «три уровня домашнего задания».**

Таким образом, все компоненты комбинированного занятия с элементами эвристического обучения помогают сделать занятие не только углубленным с точки зрения образовательной стороны, но и интересным.

Технологии эвристического обучения на занятиях по филологическим дисциплинам помогают обучающимся классифицировать, сравнивать, наблюдать, делать выводы, т.е. заниматься исследовательской деятельностью, а она является неотъемлемой частью проблемного обучения.

Проведенное исследование показало, что теоретические основы и практический материал непрерывно показывает, что одним из основных и интересных методов, который позволяет учащимся проявить творческую активность в процессе обучения, развить личностные и воспитательные качества, является эвристический метод.

Литература

1. Андреев В.И. Эвристика для творческого саморазвития. Учебное пособие. Казань, 1994.
2. Гузеев В.В. Педагогическая техника в контексте образовательной технологии. М., 2001.
3. Каптерев П.Ф. Эвристическая форма обучения в народной школе // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. М., 1990.
4. Махмутов М.И. Технология эвристического обучения. М., 2009.
5. Петухова Е.Н. Эвристические методы обучения на уроках русского языка как средство освоения технологии проблемного обучения в условиях реализации ФГОС // научно-методический журнал Педагогический поиск. – Курск, 2015, с. 9-15.
6. Харламов И.Ф. Педагогика: учебное пособие – 4-е издание, переработанное и дополненное.– М., 1999.
7. Хуторской А.В. Эвристическое обучение: теория, методология, практика. Научное издание. М., 1998.

Классическое наследие русских писателей (Человек. Время. Пространство)

Ужахова Р.К.

Ингушский государственный университет

Аннотация: В данной статье исследуется художественное классическое наследие русских писателей, как феномен интеллектуальной истории России. Творчество Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского оказало могучее влияние на духовный мир русского общества высокой идейностью, мудростью, богатством мыслей и чувств, художественным стилем, философским осмыслением жизни. Русская классическая литература – это «художественное открытие» мирового литературного процесса.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, русская литература, реализм, романтизм, поэма, стихотворение, послание, повесть.

Classical heritage of Russian writers (Man. Time. Space)

Uzhakhova R.K.

Ingush State University

Resume: This article explores the classical artistic heritage of Russian writers as a phenomenon of the intellectual history of Russia. Creativity N.M. Karamzin, V.A. Zhukovsky, K.N. Batyushkova, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontova, A.S. Griboedova, N.V. Gogol, L.N. Tolstoy, I.S. Turgeneva, F.M. Dostoevsky had a powerful influence on the spiritual world of Russian society with high ideological, wisdom, wealth of thoughts and feelings, artistic style, philosophical understanding of life. Russian classical literature is an “artistic discovery” of the world literary process.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

Keywords: N.M. Karamzin, V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, Russian literature, realism, romanticism, poem, poem, message, story.

В истории России русская литература является неотъемлемой частью духовно-нравственной жизни народа и представляет собой новый типологический и сравнительный феномен культуры на всем временном пространстве эпохи. Этому отчасти способствовала история, философия, политика ее жизни, быта, уклада, когда основные пути литературного процесса определялись прежде всего творческими завоеваниями выдающихся художников словесности.

В это пространство достаточно активно внесли вклад силою таланта, своего своеобразия и оригинальности, творческой мощи Н.М.Карамзин, В.А.Жуковский, К.Н. Батюшков, А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С.Грибоедов, В.Г.Белинский, Н.В. Гоголь, И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский и многие другие писатели, чьи имена уникальны и масштабны, поражают своим глубоким реализмом, гуманизмом и продолжают жить в сердцах и остаются востребованными и актуальными и в XXI веке.

Без сомнения, каждое поколение писателей классической русской литературы вносило свою лепту в становление и развитие литературы, национального языка, она становилась источником художественного наслаждения и познания окружающей действительности, отличалась специфической, традиционной стилистикой, новыми возвышенными темами, сюжетами, мотивами и выразительными средствами языка.

Тем интереснее признание и мысль великого русского критика В.Г.Белинского, который подчеркивал: «Такие поэты могут являться только у народов, призванных играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль, то есть своею национальной жизнью иметь влияние на ход и развитие всего человечества»[1].

Писатели – классики опирались на прочную основу, создавая свои замечательные произведения на русской почве, прославляя идеал эпохи: это «внутренний мир человека», «естественный культ чувств», «жизнь сердца», «любовь», «природа» и т.п., пользовались архаизмами языка и стиля, учитывая реальный исторический и социальный контекст. Однако, «стиль можно понимать или как художественную закономерность, обусловленную системой объективных стилиобразующих факторов, или как выражение индивидуальности художника», - писал в специальной работе исследователь А.Н. Соколов [2].

В истории отечественной литературы особое место занимает русский поэт, переводчик, прозаик, публицист, историограф Николай Михайлович Карамзин (1766-1826). Поэтому предметом наследия писательского кредо послужили сентиментальные, исторические, предромантические произведения мастера слова. Карамзин – автор многочисленных стихотворений: «Осень», «Триолет Лизете», «Меланхолия. Подражание Делилю»; повестей «Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница или Покорение Новгорода», «Бедная Лиза», «Остров Борнгольм», многотомная «История государства Российского» и другие, обогатившие русскую литературу новым художественным языком, стилистическими средствами и выражениями. По собственному признанию, автор в свое время называл «летописями человеческого сердца», наследовавшие «историю души» и «историю отчизны» .

В мечтательно-романтическом ключе структура «утешительной» философии стихотворения «Осень» Н.М. Карамзина, образует единый поэтический сплав не только наступившей осенней поры, но и смены времен года: «осени» - «зимы» - «весны». На фоне повседневной станичной идиллии выражено авторское состояние души, безысходная надрывность мироощущения наводит грусть и меланхолию. Но поэт – мыслитель, оптимист, он уверен в том, что меняющаяся палитра красок осенней панорамы, смена времен года, увядание божественной природы, приход жизненной весны – это лишь постоянный процесс круговорота, который происходит в человеческом бытии. Это – «жизнь» и «смерть» («рождение» и «смерть»).

Таким образом, обладая живым чувством природы, Карамзин использует новые художественные стилистические средства для раскрытия внутреннего мира человека, перефразы, эпитеты:

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве
С шумом на землю валятся
Желтые листья.
Поле и сад опустели,
Сетуют холмы,
Пение в рощах умолкло –
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Главным полетом несяся
В горних пределах
Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.
Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.
Странник печальный, утешься!

Вянет природа

Только на малое время;

Все оживится,
Все обновится весною;
С гордой улыбкой
Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует сладкую зиму

Ветхия жизни [3].

Совершенно очевидно, что Н.М. Карамзин был не только ярким, но оригинальным поэтом. По образному утверждению ученого Ю.М. Лотмана, художник-мыслитель «создал русской культуре образы Писателя и Человека»[4]. В 1794 году в стиле раннего романтизма в журнале «Аглая» появилась повесть «Остров Борнгольм» прозаика, которая по всей вероятности, непосредственно соотносится с «Письмами русского путешественника» [5]. «Любовь», «страсть», «страдания», «счастье», «человеческий характер», «социально-нравственные проблемы и устои», «утверждение достоинства человека» в его сложности и противоречивости «малого» и «большого» миров выносятся автором на страницах прозаического повествования. В повести «Остров Борнгольм» рассказывается история героической любви молодых героев – юноши и девушки, происшедшая с ними. Карамзин пытается придать своей повести своеобразный романтический колорит, историю чувств и страстей, а основное содержание повествования определяется психологическим действием: в мотивах, приключениях, эпизодах, в диалогах, а также в случайной встрече русского путешественника с юношей в английском городе Гревзенде, а затем и с девушкой, заточенной в подвале замка датского острова Борнгольм.

Топос – Образ «острова Борнгольм» является как бы моделью мира реального, а символически – обобщающий и «тайный» характер обретает «заданность» темы и название повести. Тема повести – это самое подвижное начало в поэтике, она - ключ к жизненным проблемам, поставленным временем и внутренне освоенным Н.М. Карамзиным.

Вопрос о смысле жизни, о любви, о мечте, о счастье молодых влюбленных задан автором в данных строках:

О, Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно,
Но тщетно слезы лью,
Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!

.....

Еще ли ты, о Лиля!
Живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь? [6]

Действие повести «Остров Борнгольм» происходит в таинственном месте, в заброшенном в море острове, где стоит одиноко средневековый замок, а в его подземелье томится большая девушка Лила, которая проводит свои дни и ночи.

Художественная модель этого конфликта заключается в том, что влюбленный юноша пытается отстоять свои чувства, любовь и будущее счастье с Лилой и ссылается на природу: «Природа! Ты хотела, чтоб Лилу я любил. Но и законы, люди осуждают их страсть, объявляют преступный»:

Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты [7].

Следует отметить, что русский путешественник узнает страшную тайну двух влюбленных сердец, трагическую участь героев о том, что они являлись родственниками, а может быть, были братом и сестрой.

Василий Жуковский и Александр Пушкин стоят рядом на этом высоком постаменте пространства и времени эпохи России – это два великих имени, две судьбы, две величавые звезды, два корифея в истории русской литературы в системе процесса мировой культуры и литературы.

Примечательно, что к проблеме сравнительно-историческому и духовному наследию Жуковского и Пушкина обращались исследователи, литературоведы, критики, биографы (Д.Д. Благой, В.И. Кулешов, Г.П.Макогоненко, Ю.В. Манн, Г.М. Фридендер, Б.С. Мейлах, В.М. Жирмунский, В.Г. Белинский и др.).

Благодаря поэтам – мыслителям Василию Жуковского, Александру Пушкина для большинства читающей публики России был открыт другой мир признаний, настроений, чувств, мыслей в прошлые времена.

Творчество Василия Андреевича Жуковского многообразно, масштабно. Он вошел в российскую классическую литературу как переводчик европейских поэтов: Шекспира, Гете, Шиллера, Байрона, Грея, Саути, Скотта и других, тем самым освоив и обогатив историю русско-европейских литературных и культурных связей. Читателей и поклонников творчества Жуковского изумляла лирическая поэзия своей красотой, возвышенным и стройным стилем, изяществом слова и мысли, насыщенностью философских раздумий о добре, о жизни, о человеке.

По определению В.Г. Белинского Муза Жуковского открыла изумленным глазам этого поколения (XIX века – Р.У.) совершенно новый мир поэзии» [8]. На протяжении всего жизненного и литературного пути имя В.А. Жуковского не сходило со страниц разных изданий периодической печати.

Доминантой поэзии творчества автора является романтизм, который стал во главе литературы, искусства, живописи и сыграл огромную роль в формировании в русской литературе романтического направления.

Однако, следует отметить, что в русской классической литературе существовал и русский сентиментализм, и русский классицизм, между ними шла борьба. А во главе русского сентиментализма стоял реформатор нового языка и стиля Н.М. Карамзин. Русский сентиментализм являлся по своей сути неоднородным, так как состоял из разных направлений и возникающих школ, кружков, обществ, вечеров.

Поэтическое искусство Жуковского разнообразно, как сама пестрая жизнь. И это не случайно, что многие считали Жуковского «отцом русского романтизма», «мэтром». Его первые романтические элегии «Сельское кладбище», «Вечер», «Море», послания « К Филалету», «Тургеневу, в ответ на его письмо», стихотворения «К ней», «Песня» («О милый друг! Теперь с - тобою радость!»), «Песня» («Мой друг, хранитель-ангел мой»), «К Нине», баллады «Светлана», «Людмила» и другие были встречены овациями и положительными откликами.

В своих романтических произведениях В. Жуковский писал о чувствах и страданиях, о тайных узах, скрепляющих небо с землей, о грусти и томлении по счастью, о превратности судьбы, а использованные сюжеты, темы, образы, мысли поэта являются новаторскими.

Ранняя лирика Жуковского движется в русле классицистической и сентиментальной поэзии. В 1897 году автор написал оду, посвященную Павлу I в стиле русских од XVIII века ломоносовского типа:

Умолкла брань, крестами сечи;
Росс на трофеях опочил,
Там щит, и меч, и шлем пернатый,
И булава его лежит...
С улыбкой ангельской, прелестной,

В венце, сплетенном из оливок,
Нисшел от горных стран эфира
Сын неба, животворный мир...
О, Павел! О Монарх любезный!
Под сильною твоей рукой
Мы не страшимся бурь, ненастья,
Спокойны и блаженны мы... [9].

Для ранней поэзии Жуковского свойственен эклектизм, который наблюдается в поэтическом тексте от 1814 года, т.е. в послании «Императору Александру». Торжественная ода начинается с хвалебного риторического обращения поэта к великому Монарху, ориентированная на высокий пафосный стиль и широкую гамму чувств:

Что мыслил ты, вблизи послушав клики славы,
А в отдалении внимая, как державы
Дробила над главою земных народов брань... [10].

В 1801 году В.А. Жуковский написал элегию «Сельское кладбище» - переложение английского поэта Томаса Грея. Автор вначале перевод элегии показал Николаю Михайловичу Карамзину, который прочитав ее содержание оценил критически. После сделанных замечаний, Жуковский усердно работает над текстом, перерабатывая его, добавляя максимальной точности, выразительности каждой фразы, мысли, слова. В результате чего, элегия была воспроизведена Карамзиным с большой похвалой и восторгом. А уже в 1802 году в журнале «Вестник Европы» была опубликована романтическая элегия «Сельское кладбище» Василия Жуковского, ставшая знаменитой и принесла русскому романтизму неслыханный дотоле успех и славу, так как стала передовым достижением в жанре русской элегии. На этом примере русский романтизм сближался с английским романтизмом в совокупности.

Между тем, рождение жанра элегии уходит своими корнями далеко в Древнее время, как в эпоху античной поэзии, так и в литературах народов Азии.

В. Жуковский создает поэтику сельского кладбища, сельской идиллии, зарисовку могил и надгробий своего родного места. Поэт прекрасно владеет мастерством описания окружающей действительности.

«Сельское кладбище» - это сакральное пространство. Структура элегического текста «Сельское кладбище» Жуковского насыщена гаммой разнородных чувств: это – скорбь, эмоциональная страстность, печаль, грусть, несбывшаяся мечта, размышления о смысле жизни, о быстротечном времени.

В центре внимания поэта динамизм развития событий. Трактовка сюжета элегии содержит еще два пересекающихся мотива: мотив «тишины», «живого мирного сна» и мотив «мертвого сна», и приобретая остроту и напряженность, особую ключевую художественную заданность текста.

На фоне «бледнеющего дня», «угасающего дня», Жуковский выдвигает на первый план характерный мотив «тишины», «живого мирного сна» и мотив «мертвого сна», в сентиментально-элегическом стиле. Характерно то, что автор талантливо изображает в элегии многозначительные, умиротворенные картины природы, окруженные завесой загадочной таинственностью, одновременно сменяя силуэты, детали, очертания окрестности.

При этом лирический герой элегии много думает, размышляет, грустит, мечтает, любит, страдает, плененный противоречиями внутри даже самого себя. Жуковский с пониманием и сочувствием изображает жизнь простых селян, их быт и нравы, живущих по своим законам и правилам.

Атмосфера наступающего вечера дополняется звукообразами, которые в это время, где-то издали, доносятся до слуха: это звуки «жужжащего вечернего жука», «рогов унылый звук», «шаги ночного путника», «Сетование дикой совы» и т.д. А все живые люди погружаются в мир «тишины», чтобы с наступлением следующего утра, с новыми силами приступить к созиданию. Так, «бледнеющий день» и «гармония внутреннего мира» лирического героя элегии «Сельское кладбище» сливаются воедино в одно временное время и пространство:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.
В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,

Лишь слышится вдали рогов унылый звон...[11].

Но здесь следует заметить, что важнейшая черта романтизма Жуковского заключается в постоянной концентрации своего внимания на философские категории: «жизни» и «смерти», противопоставляя «реальный» и «идеальный загробный» миры, кратковременного всплеска безликой пучины смерти, потустороннего мира, человеческой души, праздности, богатства и т.д.

Не случайно, предметом размышлений лирического героя в элегии «Сельское кладбище» становится мотив «смерти», мотив «мертвого сна», выражая драматическое содержание. Отзвук этой печали, боли в тексте олицетворяет собой угасший микромир, а смыслом человеческой жизни становится вырытая могила с надгробиями, и т.д. где, «**проотцы села в гробах уединенных / Навеки затворяясь, сном непробудным спят...** И покоятся простые поселяне, у которых при жизни «**серпы златую ниву жали**», / **И плуг их побеждал упорные поля!** / Как, часто их секир дубравы трепетали, / И потом их лица кропилася земля!.. [12].

Далее автор повествует о том, что почили вечным сном и созидатели земли святой – простолюдины, лишенные богатства, славы и известности «**что гробы их непышны и забвенны, / Что лесь им алтарей не мыслит возлагать**» [13].

Сельская идиллия вызывает у поэта так много вопросов и неординарных ответов, размышлений о тайнах и загадках мироздания, о человеческом разуме, о предрассудках, о бытии и вере личности, человека.

Подводя черту жизни и конечного пути человека, Василий Жуковский о романтической элегии «Сельское кладбище» напоминает всем живущим на планете «Земля» о том, что люди не вечны, не бессмертны, ибо для каждого божьего избранника судьбы наступает час и день смерти, несмотря на его сан, на его трон, социальную принадлежность. Каждый раз поэт подчеркивает, что все люди где равны перед Создателем Богом, так как управляет необъятной Вселенной:

На всех ярится смерть – царя любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет,
Всемощные судьбы незыблемы уставы;
И путь величия к гробу – нас ведет... [14].

Заключительная строфа элегии завершается обращением, призывом, поэтическим девизом ко всем живым окрестности:

Прохожий помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель – Бог. [15].

Таким образом, контрастное сопоставление мотивов «тишины», «живого сна», «смерти», «мертвого сна» сталкивают два типа жизни и мышления, «истины» и «чувств», проникая в структуру романтического произведения «Сельское кладбище». Используя опыт мировой романтической литературы В.А. Жуковский стремится использовать в элегиях стилистику, изобразительные средства, эмоциональные интонации, символы, русский колорит, обоснованный присутствием мотивов, сравнений, эпитетов, которые органично входят в эстетическое сознание автора. Например: («**бледного дня**», «**туманный дым**», «**сетование дикой совы**», «**шумящего стада**», «**дикий крик**», «**мертвый сон**», «**священный круг**»).

Другая романтическая элегия В. Жуковского «Вечер» была напечатана в 1807 году в журнале «Вестник Европы». Нельзя не обратить внимание на то, что элегия «Вечер» в значительной степени перекликается с элегией «Сельское кладбище», достигая новое эстетическое качество за счет усиления стилевой и языковой изобразительности. Причем, можно предположить о преемственности и сходстве не только выбранных мотивов, манеры контрастного изображения пейзажа, образов, интонационных потенций, тех или иных элементов, а также красочное языковое и стилистическое пространство образуют особое звуковое звучание.

В романтическом ключе, как подлинный художник слова, В. Жуковский сумел отразить в этой элегии смену дня. Элегическое начало проникает в романтическое произведение уже с мотивом «Вечера». Созданный поэтом вечерний закатный пейзаж, в более чем в двадцати строфах элегии «Вечер» дается субъективно, видимо, потому что для самого Жуковского неважно, как он сам воспринял эту великолепную природу, но у него большое желание чувствовать, осязать, ощущать, слышать ее, наслаждаться всеми фибрами души.

Так, в воображении и в душе поэта, введенный мотив «**Ручей виющийя**» вызывает множество ассоциаций, восторгов, яркого и образного чувства. Гидроним «воды», «ручья»... символизирует

стечение жизненных судеб, зигзаги удач и невзгод, а сам принцип чувственных соответствий утверждает философию морального и нравственного самоусовершенствования человеческой природы, привязанность к родной природе.

Ручей вилющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку
Приди, о Муза благодатна... [16].

В поэтике элегии проявилась контрастность пространственных образов (вечера-ручья-окрестности-рощи). В Жуковский удачно и динамично усиливая универсальный стиль языка, используя излюбленные приемы, живописно-красочные картины окрестности, погружает читателей в таинственный ночной мир грез и мечтаний:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С затухшим небом угасает.
Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной;
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененной... [17].

Русский критик В.Г. Белинский заявил о специфике эстетического идеала, выдвинутого поэтом и подтвердил следующими словами: «До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтобы произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией. [18].

Пушкинское наследие является ценнейшим достижением всего человеческого мира.

Известно, что А.С. Пушкин испытал на себе воздействие идей не только французских просветителей философии XVIII века, писателей античного мира, но и художественный опыт русских писателей: Г. Державина, М. Ломоносова, Н. Карамзина, В. Жуковского, К. Батюшкова. Их объединяла общая любовь к Отчеству, к народу, традициям, литературе и культуре. С другой стороны, ранняя лирика Пушкина характеризуется жанровым и тематическим многообразием. Так, например, в посланиях «К Наталье», «К другу – стихотворцу», «К сестре», «Городок», «Воспоминания в Царском селе», «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит»), «Заздравный кубок», «Любовь и рассудок», в которых слышатся отзвуки беспечной радости, упоения жизни, любви к женщине, дружбы, верности, счастья. В лирике поэта отмечается самостоятельность суждений и взглядов, поиски собственного пути и стиля, оригинальности осмысления окружающей действительности. Автор предстает поборником гражданской ответственности, гуманности, приобретая черты социальной и общественной активности. Постепенно лирика Пушкина приобретает новое политическое звучание. Стихотворения «Лицинию», «Деревня», ода «Вольность» резко отличаются и по содержанию и по форме. Пушкин остро реагирует на факты жизни и событий, воспекает политическую свободу, независимость, выступает против тирании, деспотизма, рабского угнетения.

Популярность Пушкина усилилась не только вольнолюбивой и политической лирикой, но и открытыми призывами сокрушать царское самодержавие.

В рукописном виде распространялась по северной столице рукопись оды «Вольность», где прозвучала мысль о свободе всех народов, как творческого принципа устройства бытия, веры, надежды в переустройстве общества.

Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Везде неправедная власть
В священной мгле предрассуждений
Воссела – рабства грозный гений
И славы роковая страсть... [19].

Героические страницы русских солдат в военных событиях Отечественной войны 1812 года запечатлены в стихотворениях В. Жуковского «Певец во стане русских воинов» и А. Пушкина «Александрю», которое перекликаются между собой.

Вот знаменитые строки из стихотворения А.С. Пушкина «Александрю»:

Знамена, восшумев, по ветру развились:

Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодную рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал беспечный, безмятежный!
Увы! Мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженный за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою,
И славы под крылом наутро не почил!
Почто великих дел свидетелем не был? [20]

В этом русле развивалась муза В. Жуковского с молодым, начинающим художником-новатором А. Пушкиным. На протяжении долгого времени Жуковский близко знал Пушкина, как мудрый учитель, духовный и добрый наставник, верный друг и сподвижник до последних дней жизни.

В свою очередь, Пушкин начинает увлекаться возвышенной поэзией В. Жуковского, который первый открыл не только для Пушкина, но и для всей русской поэзии лирического самовыражения, разлад реального и идеального миров в сознании человека. Радостные элегические ножье звучат в послании поэта «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени»):

Благослави, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени.
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и мира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я :
Сокрытого в веках священный судия,
Страх верный прошлых лет, наперсник муз любимый [21]

Раздумья поэта о своей жизни, о судьбе родины, побуждать российское общество занимать гражданскую позицию, создавать полнокровные, правдивые образы героев явились доминантой дальнейшего творчества Александра Сергеевича Пушкина.

Литература

1. Белинский В.Г. ПСС в 13-ти томах. Т.9. М., АНСССР, 1955, с.440
2. Соколов А.Н. Теория стиля. М., «Искусство», 1968, с. 152-200
3. Карамзин Н.М. Осень. – В кн: «Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха». Л., изд-во «Ленинградского университета», 1984, с.73
4. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987, с.316
5. Карамзин Н.М. Остров Борнгольм. Вступительное слово Г.П. Макогоненко. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника». Повести. М., «Правда», 1980, с.549, 608. Здесь и далее цитаты на страницах даются по этому изданию.
6. Карамзин Н.М. Указ. источн.
7. Карамзин Н.М. Указ. источн.
8. Белинский В.Г. Статьи и рецензии 1841-1844. Институт русской литературы. (Пушкинский дом), АНСССР. М., 1954, т.5, с.650
9. Жуковский В.А. Ода. «Благоденствие России, устроенное великим Ея самодержцем Павлом Первым». Фонд электронной библиотеки. Русская литература и фольклор. 1999, с.21
10. Жуковский В.А. «Императору Александру. «Послание». – Жуковский В.А. Полн.собр. соч. в 4-х томах. Т.1, М., 1959, - Л., 1960, с.200

11. Жуковский В.А. Сельское кладбище. Элегия//Русская поэзия XIX - начала XXвв. М., «Художественная литература», 1987, с.51-55. Здесь и далее цитаты на страницах даются по этому изданию.
12. Жуковский В.А. Указ.источн., с.52
13. Жуковский В.А. Указ.источн., с.52
14. Жуковский В.А. Указ.источн., с.56
15. Жуковский В.А. Указ.источн., с.55
16. Жуковский В.А. Вечер. Избранное. Л., «Художественная литература», 1973, с.36
17. Жуковский В.А. Указ.источн., с.37
18. Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1813-1848гг. под ред. В. И. Кулешова ОГИЗ, М., «Художественная литература», т.3, 1948, с.262
19. Пушкин А.С. Вольность. Ода. Стихотворения 1813-1820. ПСС в 10-ти томах. Т.1., изд-во АНСССР, 1962, с. 32
20. Пушкин А.С. Александру. ПСС в 10-ти томах. Т.1., М., АНСССР, 1962, С.154
21. Пушкин А.С. «К Жуковскому» («Благослави, поэт!... В тиши парнасской сени»). Указ. источн., с. 200

Особенности безличных предложений в произведениях Л. Н. Толстого «Война и мир» И М. А. Шолохова «Тихий Дон»

Майсигова М.Х., Дударова Л.М., Добриева З.И.

Ингушский государственный университет, г. Магас, Республика Ингушетия

Аннотация. В статье рассматривается понятие безличных предложений, приводятся точки зрения различных ученых-лингвистов относительно их сущности и значения в русском языке. Охарактеризованы группы безличных предложений в соответствии с семантическим подходом к их классификации. На примере романа Л. Н. Толстого «Война и мир» и романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» выявлены особенности использования безличных предложений и их роль в художественных произведениях.

Ключевые слова: филология, русский язык, семантика, односоставные предложения, безличные предложения, инфинитив, «Война и мир», «Тихий Дон».

Features of impersonal sentences in the works of L. N. Tolstoy "War and Peace" and M. A. Sholokhov "The Quiet Don"

Maysigova M.Kh., Dudarova L.M., Dobrieva Z.I.

Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia

Annotation. The article deals with the concept of impersonal sentences, the points of view of various linguists regarding their essence and meaning in the Russian language. Groups of impersonal sentences are characterized in accordance with the semantic approach to their classification. On the example Of L. N. Tolstoy's novel "War and peace" and M. A. Sholokhov's epic novel "the Quiet don" the features of the use of impersonal sentences and their role in artistic works are revealed.

Keywords: Philology, Russian language, semantics, one-part sentences, impersonal sentences, infinitive, "War and peace", "Quiet don".

Безличные предложения – это односоставные предложения, в которых один главный член предложения – сказуемое и нет подлежащего. Сказуемое в таких предложениях может быть выражается различными формами – безличным глаголом, личным глаголом в значении безличного, инфинитивом и т. д. Безличные предложения отличаются от других типов односоставных предложений тем, что в них присутствует стихийность и произвольность выражаемого действия (состояния).

Г. Н. Акимов полагает, что формальным показателем безличности является собственно безличный глагол или аналогичная по значению именная, наречная форма в независимой позиции [2, с. 114].

В. В. Бабайцева считает, что безличные предложения являются центральной и самой обширной разновидностью односоставных предложений [1, с. 222].

Ученые выделяют различные критерии для классификации безличных предложений. Некоторые из них рассматривают самые общие, универсальные признаки, объединяющие безличные предложения; другие изучают их более подробно. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что существует три ключевых подхода к классификации безличных предложений: структурный, семантический и структурно-семантический (т. е. смешанный, комбинированный). Рассмотрим семантические типы безличных предложений, встречающиеся в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» и романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Первый тип – безличные предложения, выражающие состояние природы и окружающей среды, которые чаще всего бывают глагольными (*Темнело; Смеркалось* [4, с. 443]; *24-го числа прояснело после дурной погоды* [3, с. 931]; *Перед вечером прояснело* [4, с. 347]). В этих предложениях встречаются обстоятельства, имеющие пространственное значение, указывающие на область проявления состояния (*Прохладно даже в шинели* [4, с. 192]; *В комнате было полутемно* [3, с. 100]; *В подвале было полутемно* [4, с. 356]). Роль обстоятельств состоит в четкой дифференциации предложений, имеющих значение состояния природы (*В лесу было почти жарко* [3, с. 527]) и предложений, имеющих значение состояния окружающей среды (*В комнате с закрытыми изнутри ставнями было жарко* [3, с. 530]). Отсутствие в полном предложении обстоятельство места свидетельствует о том, что речь идет об общем состоянии природы. В предложениях этого типа нередко встречаются обстоятельства, указывающие на пространственные или временные границы (*Было уже далеко за полдень* [3, с. 864], *Нам, Иван, далеко идти не след* [4, с. 441]; *И до вашего царя все одно далеко* [4, с. 598]).

Второй тип – безличные предложения, описывающие физическое, психологическое (моральное) состояние одушевленного объекта, которые могут быть как именными, так и глагольными. Важный отличительный признак этих предложений – присутствие в них второстепенных членов, которые помогают выявить испытывающий на себе это состояние субъект. Это могут быть дополнения в форме дательного, винительного, родительного падежей с предлогом «у» или второстепенные члены, указывающие на лицо (*У Григория темнело в глазах* [4, с. 236]; *У него одни глаза* [4, с. 139]; *Вид у него смертельно усталый* [4, с. 204]; *Пусто и одичало стало на душе у Аксиньи* [4, с. 61]; *На душе у него стало сумеречно и гадко* [4, с. 278]; *На душе его было радостно и счастливо* [3, с. 359]; *Но им на душе было радостно и весело* [3, с. 1051]; *Так радостно и ново ему было на душе* [3, с. 586]; *Ей не хотелось вступать в пререкания с мужем при постороннем человеке* [4, с. 879]; *Ей было досадно и неприятно глядеть в оголенные светлые глаза Евгения* [4, с. 114]).

О неполноте предложения и о том, что состояние мыслится как относящееся к каждому человеку, свидетельствует отсутствие второстепенных членов с субъектным значением, так как именно они являются отличительным признаком данной группы безличных предложений (*Звенело в ушах от стеклянной пустоты* [4, с. 97]; *От хины звенело в ушах* [4, с. 438]).

В третью группу включаются глагольные предложения, имеющие значение действия силы стихийного (природного) происхождения, в которых главный член выражается переходным глаголом. Вместе с ним чаще всего применяются два дополнения: прямое, которое называют объект, испытывающий на себе действие силы, и косвенное в форме творительного падежа, которое обозначает непосредственно саму действующую силу (*От них несло холодом* [4, с. 950]).

Вместо косвенного дополнения в творительном падеже может также использоваться обстоятельство времени, места, образа действия и т. д. (*Гул и скрежет налетающих крыг доносило до хутора* [4, с. 118]).

Четвертая категория – безличные предложения, обозначающие действие природной силы, близкие по значению предложениям, главный член которых выражен глаголами *веять*, *пахнуть*, *тянуть* (*Повеяло сыростью* [4, с. 223]; *Благостным покоем, тишиной веяло от забрызганного скурым солнцем пейзажа* [4, с. 340]; *Из степи тянуло прохладой* [4, с. 65]).

В этих предложениях дополнение в творительном падеже указывает на тот предмет, который является источником запаха (*От него сильно пахло ромом* [3, с. 56]; *От клеенки дурно пахло мокрой резиной и еще чем-то* [4, с. 56]; *От слежавшихся в сундуках юбок, стуртуков и шалек пахло нафталином* [4, с. 64]; *В амбаре пахло свежеемолочным хлебом* [4, с. 76]; *В кухне пахло свежими хмелинами* [4, с. 96].).

Пятый тип представляют именные предложения, имеющие значение состояния как результата совершенного действия (*В тесной хате было жарко натоплено* [4, с. 540]; *Там всё не прибрано* [4, с. 1084]; *Изводить сестру было для него большущим удовольствием* [4, с. 58].).

В шестую группу включаются предложения, имеющие значение модальной, морально-этической, эмоциональной оценки действия. В них всегда есть составной или сложный главный член, включающий инфинитив и называющий оцениваемое действие:

– модальная оценка (*В четверг нельзя назначать порубку* [4, с. 91]; *Женщин никак нельзя трогать* [4, с. 165]; *Сейчас же пришлось отступить* [4, с. 434]; *Защищать более Вену нельзя было и думать* [3, с. 196]; *Гусарам уже нельзя было отступить вместе с пехотой* [3, с. 242]; *Нужно было высточить сорок семь пароконных подвод* [4, с. 546].);

– морально-этическая оценка (*Приказано составить записку* [3, с. 166]; *Пожалуйста, приказано привезть* [3, с. 732]; *Сказано, не пустят* [3, с. 864].);

– эмоциональная оценка (*Неужели это обстоятельство нельзя было учесть в свое время?* [4, с. 291]. *Неужто нет людей с рассудком?* [4, с. 225]. *Как вам не грех лишать нас вашей прелестной жены?* [3, с. 31].).

Значение модальной оценки действия может быть представлено как результат действия объективных обстоятельств или чьей-либо воли (*Лучше сосредоточить конницу в районе Пскова* [4, с. 306].).

К седьмому разряду в семантической типологии безличных предложений относятся предложения, имеющие значение пассивного восприятия. В состав главного члена входят слова, выражающие категорию состояния: видно, слышно, заметно или глаголы той же семантики. Прямое дополнение, являющееся обязательным в структуре такого предложения, указывает на объект восприятия (*Только слышны были церковное чтение, сдержанное, густое басовое пение* [3, с. 111]; *Слышны были только звуки усилий борьбы за портфель* [3, с. 116]; *Из кабинета слышны были, как выстрелы, часто повторяемые сердитые звуки стариковского сморкания* [3, с. 150]; *Через плетень было видно его тугую, красиво подбриту ю шею* [4, с. 22].).

Восьмой тип – это предложения, речь в которых идет об отсутствии или недостатке кого-то, чего-то, они всегда отрицательные. Главный член в таких предложениях может быть выражен одним из следующих способов:

– словом «нет» (*Его нет более* [3, с. 118]; *Нет ничего, разорили в конце* [3, с. 118]; *Опасаться за Западный фронт нет никаких оснований* [4, с. 900]; *Нет нашего согласия* [3, с. 903].).

– сочетанием частицы «не» и бытийного глагола (быть, стать, оказаться, найтись, случиться, хватать, недоставать) в безличной форме (*В сумках не оказалось пары белья* [4, с. 219]; *Ишо чего недоставало!* [4, с. 623].).

Эффект отрицания чаще всего усиливается частицей «ни» или союзом «ни... ни». В таких предложениях обязательно присутствует дополнение в родительном падеже (*Ни кухни, ни гонцов не было* [4, с. 334]; *До пасхи о войне было ни слуху, ни духу* [4, с. 433]; *А у нас ни носилок, ни коек, ни фельдшеров, ни лекарей на шесть тысяч нет* [3, с. 940].).

Также встречаются предложения, имеющие значение достаточности чего-либо (*Сейчас у меня нет времени пересматривать дело генерала Миллера* [4, с. 306]; *У меня, можешь себе представить, буквально нет гривенника денег* [3, с. 72].).

Девятая группа – это предложения, имеющие значение бытия, присутствия какого-то конкретного состояния, которое называется посредством обстоятельства образа действия (*Не проходило дня, чтобы у князя Василья не было бы вечера* [3, с. 269]; *Это так будет и всегда так будет* [3, с. 1027]; *Так будет* [4, с. 47].).

Анализ художественных произведений показывает, что в качестве отдельной категории безличных предложений можно выделить те, в которых речь идет об отношении субъекта к какому-нибудь событию, признаку, предмету и т.д., при этом сказуемое выражается глаголом в инфинитивной форме (*Носом навтыкать бы надо* [4, с. 16]; *А звать вас как?* [4, с. 17]; *Молодой вот, а жевать нечем* [4, с. 42]; *Выдать не вопрос, выдать в любое время можно* [4, с. 47]; *Работать у нас есть кому* [4, с. 79].).

Также сказуемое может быть выражено сочетанием частицы «не» и безличного глагола (*Мне ее красоту за голенищу не класть* [4, с. 40]; *Чего не примечать* [4, с. 21]; *Век бы их не видать* [4, с. 735]; *Не видать тебе Гришки* [4, с. 217]; *Отчего мне не говорить* [3, с. 404]; *Но отчего же мне не сказать, что я видела* [3, с. 664].).

Таким образом, можно сделать вывод, что безличные предложения – это достаточно распространенная разновидность односоставных предложений, которая встречается как во многих художественных произведениях, так и в разговорном языке. Безличные предложения – это самый употребительный и наиболее масштабный по структуре и семантике тип односоставных предложений.

Литература

1. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка: Монография. – М.: Флинта, 2015. – 576с.
2. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 347с.
3. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1-4. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937–1940 гг. – 1918 с.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон. Т. 1-2. – М.: Хранитель, 2007. – 972 с.

Некоторые проблемы изучения и преподавания языков и литературы в средней и высшей школе

Тепсуев М.С.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальных проблем преподавания русского языка и литературы в современном мире в средней и высшей школе. Рассматривая аспекты многонациональных школ и разных уровней освоения программы общего образования появляются различные проблемы освоения языков и литературы как на уровне средней школы, так и в высшей. Рассматриваются основные проблемы с которым сталкиваются учителя-педагоги, преподаватели и сами учащиеся.

Ключевые слова: школа, уроки, русский язык и литература, методика преподавания, образование.

Some problems of studying and teaching languages and literature in secondary and higher schools

Tepsuev M.S.

Chechen State Pedagogical University

Annotation. The article is devoted to the study of urgent problems of teaching the Russian language and literature in the modern world in secondary and higher schools. Considering the aspects of multinational schools and different levels of development of the general education program, various problems of language and literature development appear both at the secondary school level and in higher education. The main problems faced by teachers, teachers, teachers and students themselves are considered.

Key words: school, lessons, Russian language and literature, teaching methods, education.

Человек, как известно, - социальное существо. Он может нормально жить и действовать только в окружении других людей. А значит ему необходимо взаимопонимание и взаимодействие с другими членами общества. А эту функцию выполняет не что иное, как язык, язык, которым мы владеем,

усваиваем с детства, то есть наш родной национальный язык. Мы живем в огромном государстве, в России, население которой насчитывает более 130 народов и национальностей. Поэтому обязательное знание официального русского языка является обязательным, и его значение как языка межнационального общения особенно важно. Более того, поскольку многие страны мира изучают этот язык, он обеспечивает международные отношения не только в нашей стране, но и в глобальном масштабе, это иностранный язык, который считается обязательным.

Развитие устных и письменных речей учащихся является одной из основных задач национальной школы. Мы часто забываем основные принципы обучения: «не только изучать язык, но и общаться по-русски». Важную роль в этом играет ход развития речи. Это обсервационные курсы, а также учебные курсы по написанию текстов, составлению планов, написанию рефератов, рассуждениям, рассказам и т. д. Связь была достигнута в базовом, но последовательном обучении. Например, говоря о лекционном этикете (используя «язык вежливости», приветствия и т. д.) В классе, учителя в государственных школах часто забывают говорить по-русски, приветствовать и общаться на русском языке после перерыва и после школы. Так же, как знаменитая старая шутка: говоря о речевом этикете на уроках (употребление «вежливых слов», форм приветствия и т.д. и т.п.) учитель в национальной школе часто забывает на переменах и во внеурочное время говорить, здороваться, общаться по – русски. Как в знаменитом старом анекдоте:

«– Ребята, слова [мол], [сол], [фасол]. пишутся с мягким знаком».

Доказательство жизни, знание русского языка необходимо каждому культурному человеку. Ценность русского языка как академического курса заключается в том, что его знания и навыки позволяют учащимся успешно усваивать знания по всем предметам, преподаваемым в школе.

Язык и мышление тесно связаны. Языковые курсы способствуют развитию мышления, поскольку школьники продолжают использовать логические категории (сравнение, сопоставление, определение основных характеристик, классификация, обобщение, доказательство, заключение, анализ и т. д.) Различных характеристик языка. Все это способствует развитию логического мышления, регулирует мышление учащихся и предотвращает семантические ошибки в устной и письменной речи. Курс русского языка не только обеспечивает студентов определенной грамматической структурой, словарный запас языка образует круг знаний, прививает правильные навыки письма, устные навыки, но также решает важные образовательные задачи, в том числе формирование у студентов патриотизма. Любить русский и родной язык, историю, культуру и литературу.

Урок, как известно, является основной формой организации учебного процесса, т.е. успех обучения и воспитания учащихся зависит прежде всего от того, насколько правильно и с пользой для учащихся построен урок. А разработка урока, характер учебного материала, круг умений и навыков, вводимых на различных этапах преподавания русского языка в национальной школе, определяются целями и задачами обучения, возрастными особенностями учащихся, различной степенью их общего и языкового развития.

И, конечно, первое, чем руководствуется учитель при обучении русскому языку -это программа - основной государственный документ, определяющий содержание курса, его объем, последовательность изложения материала, круг знаний, умений и навыков, подлежащих изучению «учащимися. Совершенствование учебного процесса при обучении русскому. языку в дагестанской национальной школе определяется прежде всего теми задачами, которые поставлены перед общеобразовательной школой Законом РФ «Об образовании». А одной из главных задач национальной общеобразовательной школы считают обеспечение сельской молодежи, оканчивающей среднюю школу, свободным владением русским языком. Овладение, наряду с языком своей национальности, русским языком открывает доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры, а главное, дает выпускникам возможность продолжить образование в едином образовательном пространстве России, в любом образовательном учреждении в соответствии с их интересами. То есть свободное владение языком стало для дагестанцев объективной необходимостью.

Естественно, что решающим фактором, способствующим овладению русским языком в сельской местности, где отсутствует какая-либо русская среда, где люди говорят и общаются между собой на улице, в семье, на работе только на родном языке, являются уроки и внеклассные мероприятия, проводимые на . русском языке Вот почему каждый учитель русского языка должен осознать, почувствовать эту высокую ответственность и сделать все от него зависящее, чтобы уроки русского языка проходили эффективно, с большей отдачей, на должном научно - методическом уровне.

Целью образования является не объем знаний или количество информации, уложенное в голову ученика, а то, как он умеет управляться с этой информацией, как ее искать, как наилучшим способом

присваивать, как искать в ней собственный смысл, как применять в жизни. Поэтому работа на современном уроке русского языка должна, на наш взгляд, организовываться принципиально по-новому. Ученики не должны сидеть пассивно, снисходительно слушая учителя, они главные действующие лица урока. Они думают и вспоминают, они делятся рассуждениями друг с другом, они читают, пишут, обсуждают прочитанное. Учитель становится координатором, критерием «истины» становится текст.

Профессиональное сообщество лингвистов признает, что современные программы средней школы по обучению русскому языку не обеспечивают высокого уровня подготовки и овладения языком как средством общения, инструментом профессиональной деятельности. А ведь самой главной функцией языка является коммуникативная, и задача школьного образования состоит в формировании коммуникативных компетенций. За последние 35 лет, по данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям России, активный словарный запас школьников снизился в четыре раза: если в 1980 г. он составлял 1200 слов, то сегодня - всего лишь 3002. Как показывает практика, выпускники школ не владеют должным образом ни навыками коммуникации, ни языковыми нормами. Более того, судя по многочисленным социологическим опросам, ученики теряют интерес к изучению русского языка. По данным Российской академии образования (РАО), около 70% школьников равнодушно или негативно относятся к этому предмету.

Такое нерадивое отношение учащихся к родному языку приводит к стабильному снижению уровня грамотности среди выпускников школ. Причину этого эксперты видят в том, что курс русского языка в средней школе слишком теоретизирован, в нем много формализма и скуки, а наукообразие школьных учебников попросту отпугивает детей. Кроме того, школа испытывает дефицит достойных кадров - учителей, способных заинтересовать и увлечь учеников неограниченными богатствами нашей культуры. Ведь скучный учитель может убить всякое желание заниматься своим предметом даже у самого одаренного ученика. Помимо проблемы профессиональных качеств учителей, для школ наиболее актуальна проблема количества педагогических кадров, особенно в регионах.

Так, по данным президента РАО Людмилы Вербицкой, только 7% выпускников педвузов идет работать в школы, и сейчас в стране нет ни одного педагогического вуза, который бы эффективно выполнял свои функции и обеспечивал школы хотя бы 70% своих выпускников. В некоторых городах нехватка кадров настолько остра, что в школы вынуждены вернуться пенсионеры. Их профессиональный опыт востребован до сих пор, но старые кадры не обладают в должной мере навыками работы с современными средствами коммуникации, которые все больше и больше используются в учебном процессе и которыми отлично владеет цифровое поколение.

Однако, с внедрением технологий в жизнь студентов, преподавание русского языка имеет еще одну проблему. Многие студенты считают, что изучение правил орфографии и пунктуации необязательно, поскольку они полагаются на функции проверки орфографии, встроенные в смартфоны и компьютерные программы. Кроме того, подавляющий энтузиазм по поводу гаджетов и социальных сетей в Интернете повлиял на овладение русскими программами, поэтому современные студенты имеют дискретное понимание информации и редактирование мышления. Как отмечают российские ученые, тенденции последних десятилетий таковы: современные, линейно расширенные, книги большой емкости, написанные на классических языках два столетия назад, современным детям трудно читать и воспринимать. Согласно исследованию, сегодня учащиеся, которые шесть минут подряд могут сосредоточиться на выполнении задания, в этом случае это учебное задание, не обращая внимания на гаджет. В результате некоторые школы пытаются активно внедрять передовые технологии в свое обучение, чтобы разнообразить информацию и заинтересованные выражения учащихся.

С одной стороны, по мнению многих исследователей, при оцифровке образовательного процесса молодые люди развивают многозадачные способности - способность выполнять несколько задач одновременно. Несомненно, это очень позитивная черта личности, при условии, что задача должна быть выполнена. Однако, с другой стороны, этот метод слишком оптимистичен. Гаджеты могут оказать негативное влияние на участие студентов в учебном процессе и привести к дисбалансу внимания и случайности. Наконец, учащимся не хватает понимания родного языка как целой системы. Эксперты считают, что на это также влияет форма подготовки к экзамену. Средняя школа поставила перед собой цель сформировать эту точку зрения, но ей это не удалось: по крайней мере, за пять лет (с седьмого класса, то есть двух лет подготовки к итоговой национальной аттестации) учащиеся учатся решать проблему узкого охвата. Проблема стандартного мышления, сосредоточенности на деталях, на самом деле заключается в «обучении» учащихся успешным экзаменам. Таким образом, методы мотивации и творческого обучения учащихся осваивают новые знания исключительно, а приобретаемые ими знания характеризуются фрагментарностью, поверхностностью и несистематичностью.

Представители профессионального сообщества все чаще выступают за изменение и совершенствование экзамена как единой системы оценки знаний студентов. С введением такой формы экзаменации многие из них связывают резкое ухудшение качества среднего образования и даже называют его «имитацией», поскольку целью и смыслом становится не приобретение знаний, а баллы вступительных ЕГЭ. Масштабы этой проблемы сегодня таковы, что она не осталась незамеченной на государственном уровне. Президент России В.В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию заявил, что нельзя имитировать преподавательскую деятельность, как и медицинскую, и социальную помощь, так как из репутации конкретных школ, университетов, социальных учреждений складывается общая репутация страны. При этом президент считает, что нужно уделять огромное внимание качеству преподавания русского языка, истории и литературы, поскольку у этих предметов особая роль: они формируют личность.

Когда каждый урок проводится по одному и тому же шаблону каждый день (исследование, показ новых материалов, отделка и домашние задания), традиционные методы преподавания русских учителей часто подвергаются критике. Из-за типа и единообразия методов обучения студенты не интересуются изучаемыми предметами. Поэтому необходимо установить методы работы и технику школы.

Двуязычный, наиболее рациональный для достижения наилучших результатов. «Метод обучения русскому языку определяет, чему, кого, чему и как учить». Основной метод преподавания русского языка в учебниках психологии преподавания иностранного языка известного психолога Б.В. Беляева можно осознанно считать практическим (М., 1965, с. 211).

Одна из основных проблем высшего образования в преподавании русского языка заключается в том, что оно должно автоматически «наследовать» все недостатки подготовительного обучения в колледже. В этом вопросе нет ничего нового: еще в 1865 году В.И. Сергеевич отметил, что академическая зрелость студентов недостаточна, а непрерывность среднего и высшего образования, что выпускники школ в то время еще не подготовили для нужд университета.

Основой учебной программы, основой работы в классе в старших классах и высших учебных заведениях, может служить трехступенчатая так называемая базовая модель:

1. «Вызов», во время которого активируются уже существующие знания, вызывающие интерес к предмету и определяющие цели учебного материала.
2. «Содержание», в котором студент имеет непосредственное руководство текстом имеет смысл. Кроме того, «текст» - это письменный текст, речь учителя и другие материалы.
3. «Переосмысление». Студенты формируют личное отношение к тексту и исправляют его своим собственным текстом или позицией в обсуждении. Именно здесь мы позитивно переосмыслили свои мысли и рассмотрели вновь приобретенные знания.

Характеристиками современных курсов русского языка и литературы должны быть: высокий нравственный уровень, принцип воспитания образования, преемственность, практическая направленность, осознанное усвоение материалов и учет особенностей родного языка учащихся, гибкой структуры, квалифицированного материалы и время. Выбор и дозировка, гибкая неформальная система контроля знаний, навыки учеников и концентрированная лексика.

Именно постановка целей играет важную роль в успехе курса, обычно давая постановку целей в начале курса. Вы можете записать предмет и попросить студента определить цели курса. Вы можете начать с пятиминутного разговора, чтобы обсудить события дня, погоду. Вы можете начать с диктовки словарного запаса, провести обзорную игру «Слабая связь» или повторить игру «Семь неприятностей-один ответ» (по аналогии с известными когнитивными телевизионными передачами), начиная с сериала, вы также можете из Возраст учащегося и степень усвоения материала должны быть приняты во внимание. Вы можете начать по-другому. Но в любом случае, внимательное рассмотрение начала этого урока может помочь мотивировать учащихся, и возможно преодолеть разрыв между известным и неизвестным и обеспечить преемственность и прогресс.

Очень важной в структуре российской учебной программы является словарный запас работы. К сожалению, словарный запас учащихся в большинстве многонациональных школ очень плохой. Они не знают, как быть свободными, правильно выражать свои мысли словами и письмом, и у них нет времени, чтобы овладеть словарем учебников и литературных текстов. Словарь пополняется самопроизвольно и нерегулярно. Поэтому, если в российских школах нет особых трудностей с изучением истории, географии, естествознания и других предметов, то это становится проблемой в национальных школах, поскольку учащиеся не знают, как свободно выражать свои идеи. России. Сложность состоит в том, что существуют значительные различия между лексикой, речевыми системами и грамматическими

структурами на русском и других языках. «Итак, особенно важный вопрос ... как объяснить студентам семантическое значение новых слов и какую роль должен играть родной язык».

Необходимо использовать любую возможность для интеграции языковых и литературных курсов в классе, что обогащает словарный запас учащихся. Это различные виды словарной работы, лексической орфографии и лексической семантической работы в текстовом исследовании. Студентам необходимо осознанно понимать русские слова. Регистрация родного языка играет важную роль в пополнении словарного запаса ученика национальной школы. На уроке вы должны проводить межъязыковое сравнение и сравнение, выбирать разнообразные словарные средства на русском и родном языках. Важно не только своевременно знакомить студентов с новыми словами, но и закреплять эти знания. Мы считаем, что языковой стресс и произношение должны систематически и последовательно проводиться на всех курсах русского языка и на любом русском языке. Мы считаем, что для студентов полезно практиковать отдельные словари, используемые в каждом курсе русского языка.

Ребенок учится произносить и понимать слова значительно раньше, чем ходить, и с речью он не расстается на протяжении всей жизни. Слово для нас стало привычным и обыденным, и мы даже не задумываемся над феноменом языка и слова. «Землю населяют разные живые существа, от мельчайших до таких великанов, как слоны и киты. Но только человек обладает даром слова. И как бы мы ни определяли этот дар – священный, божественный, величественный, бесценный, бессмертный, чудесный – мы не отразим во всей полноте его огромного значения». Однако, как правильно заметил Короленко: «Слово дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины и вдохновения, которым он обладает, другим людям... Слово – это не игрушечный шар, летящий по ветру. Это орудие работы...» Поэтому для нас – носителей русского языка – очень важно владение нормами и правописания, и произношения.

Литература

1. Людмила Вербицкая: «Важно сохранить русский язык внутри страны» // Информационно-аналитический журнал «Университетская книга». 2014. Апр., 8. Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/face/2899-verbitskaya-vazhno-sohranit-russkiy-yazyk.html> (дата обращения: 17.04.2017).
2. Андрей Ткачев: Почему в школах не любят русский язык // Царьград. 2016. Ноябрь, 16. Режим доступа: http://tsargrad.tv/articles/andrej-tkachev-pochemu-v-shkolah-ne-ljubjat-russkij-jazyk_34900 (дата обращения: 17.04.2017).
3. Доклад Людмилы Вербицкой «Задачи РОПРЯЛ и проблемы языкового и литературного образования в школе и вузе» // Российская академия образования. Режим доступа: <http://rusacademedu.ru/presscentre/doklad-lyudmily-verbickoj-zadachi-ropryal-i-problemy-yazykovogo-i-literaturnogo-obrazovaniya-v-shkole-i-vuze/> (дата обращения: 18.04.2017).
4. Доклад *Исаева Э.Ш.*, «Актуальные проблемы изучения и методики преподавания русского языка и литературы в школах в условиях билингвизма»
5. А.Г. Фаталиев. Методика проведения словарной работы на уроках русского языка в 4 – 8 классах дагестанской национальной школы. Махачкала, 1983
6. В.А. Иванова и др. Занимательно о русском языке. Л., 1990, с.5.
7. Под. ред. И.В.Баранникова, А.И.Грекул. Методика начального обучения русскому языку в начальной школе. Л., 1984, с.2.

Формирование функциональной грамотности младших школьников

Ногаева С.Е.

Северо-Осетинский государственный педагогический институт

Аннотация: В статье актуализируется проблема формирования функциональной грамотности младших школьников. Автор определяет составляющие компоненты данного понятия, предлагает направления деятельности и ее содержание по формированию функциональной грамотности школьников в процессе обучения литературному чтению.

Ключевые слова: функциональная грамотность, компоненты функциональной грамотности, литературное чтение, читательская грамотность, младший школьник.

Formation of functional literacy of primary school students

Nogaeva S.E.

North Ossetian State Pedagogical Institute

Abstract: the article actualizes the problem of formation of functional literacy of younger students. The author defines the components of this concept, offers activities and its content for the formation of functional literacy of schoolchildren in the process of teaching literary reading.

Keywords: functional literacy, components of functional literacy, reading, reading literacy, elementary school student.

В начале 70-х годов XX в. широкое распространение получает термин «функциональная грамотность». Впервые он был введен ЮНЕСКО в 1973 году применительно к системе образования взрослых. В основном ставилась проблема не столько образования, сколько обеспечение определенного уровня способностей, умений и навыков у взрослых, позволяющих им адаптироваться к жизни и более-менее комфортно существовать в развивающихся условиях цивилизации. К концу 20 века проблема функциональной грамотности стала рассматриваться не только как проблема образования взрослых в развивающихся странах, а как глобальная проблема применительно ко всей системе непрерывного образования.

Ученые рассматривают данное понятие с разных позиций: как способ социальной ориентации личности, интегрирующий связь образования с многоплановой человеческой деятельностью (О. Бранд); как способность человека свободно использовать эти навыки для извлечения информации из реального текста – для его понимания, сжатия, трансформации (А.А. Леонтьев.)

Обобщая разные точки зрения, можно сделать вывод: функциональная грамотность – это способность применять универсальные методы деятельности, основанные на определенных правилах и нормах, для использования знаний (сведений, научных понятий, инструкций), полученных из различных источников информации, в целях решения проблем социальной адаптации на основе применения правил и норм к конкретной ситуации. Фактически функциональная грамотность – это способность решать функциональные проблемы на основе сформировавшихся правил и норм [5].

Ряд ученых (О.Е. Лебедев, Е.И. Огарев, А.В. Хуторской) рассматривают функциональную грамотность с позиции образованности учащихся и образовательного результата. Функциональная грамотность – это уровень образованности, который может быть достигнут учащимися за время обучения в школе, и предполагает способность человека решать нестандартные жизненные задачи в различных сферах деятельности. Выделяется несколько основных видов функциональной грамотности:

- коммуникативная грамотность, предполагающая свободное владение всеми видами речевой деятельности; способность адекватно понимать чужую устную и письменную речь; самостоятельно выражать свои мысли в устной и письменной речи, а также компьютерной, которая совмещает признаки устной и письменной форм речи;

- информационная грамотность - умение осуществлять поиск информации в учебниках и в справочной литературе, извлекать информацию из Интернета и компакт-дисков учебного содержания, а также из других различных источников, перерабатывать и систематизировать информацию и представлять ее разными способами;

- деятельностная грамотность - это проявление организационных умений и навыков, а именно способности ставить и словесно формулировать цель деятельности, планировать и при необходимости изменять ее, словесно аргументируя эти изменения, осуществлять самоконтроль, самооценку, самокоррекцию и др.

Выделяют компоненты функциональной грамотности:

- знания сведений, правил, принципов; усвоение общих понятий и умений, составляющих познавательную основу решения стандартных задач в различных сферах жизнедеятельности;

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

- умения адаптироваться к изменяющемуся миру; решать конфликты, работать с информацией; вести деловую переписку; применять правила личной безопасности в жизни;
- готовность ориентироваться в ценностях и нормах современного мира; принимать особенности жизни для удовлетворения своих жизненных запросов; повышать уровень образования на основе осознанного выбора.

Принципиально важно понимание того, что функциональная грамотность базируется на расширении и углублении практического опыта учащегося. Сущность грамотности - не сами знания, а четыре главные способности школьника: применять полученные знания, добывать новые знания, оценивать свои знания, самообразовываться.

Н.Ф. Виноградова рассматривает функциональную грамотность как совокупность двух компонентов: интегративных и предметных (см. схему).

Предметные компоненты соответствуют предметам учебного плана начальной школы.

Интегративные компоненты сопровождают любой предметный компонент функциональной грамотности.

Остановимся подробнее на одном из предметных компонентов ФГ младшего школьника, формирование которого идет на уроках литературного чтения.

Функциональная грамотность, по А. А. Леонтьеву, это способность человека свободно использовать навыки и умения чтения и письма для получения информации из текста, то есть для его понимания, компрессии, трансформации и т.д. (чтение) и для передачи такой информации в реальном общении (письмо). С этой точки зрения, человек, который, например, видит в тексте только то, о чём говорится в явном виде, не умеет выделить главное в прочитанном, сжато изложить содержание текста, составить простейшую схему, план или таблицу, не может считаться грамотным.

Перечислим составляющие литературной функциональной грамотности в соотношении с содержанием работы по ее формированию:

- 1) сформированность мотивации к самостоятельному чтению; осознание себя как читателя, понимание роли чтения в успешности обучения и повседневной жизни;
- 2) овладение процессом смыслового чтения текстов разного типа;
- 3) умение ориентироваться в особенностях разных жанров литературы;
- 4) готовность осуществлять творческую деятельность на основе прочитанного текста.

В таблице представлено содержание работы по формированию литературной функциональной грамотности.

Составляющие литературной функциональной грамотности	Содержание работы
Сформированность мотивации к самостоятельному чтению; осознание себя как читателя, понимание роли чтения в успешности обучения и	1. Постановка учебных задач по типу: - Слушая сказку, постарайся представить ее героев; - Читая басню, обрати внимание, в каких словах выражена мораль;

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

повседневной жизни	- Читая рассказ, обрати внимание на события, подумай, почему они произошли; - Читая рассказ, подумай, могли ли эти события произойти в реальной жизни. Постановка учебной задачи ориентирует читающего на последующий анализ текста. 2. Вступительная беседа перед чтением (подготовка к первичному восприятию произведения).
Овладение процессом смыслового чтения текстов разного типа	1. Содержательный анализ текста: тема, главная мысль, сюжет, план текста, характеристика героев. 2. Анализ художественных особенностей текста (язык героев, выразительные средства). 3. Рефлексивный анализ: выбор информации для возможной оценки реальных жизненных ситуаций.
Умение ориентироваться в особенностях разных жанров литературы	1. Знакомство с особенностями фольклорных жанров. 2. Знакомство с жанровыми особенностями эпоса, лирики, драмы.
Готовность осуществлять творческую деятельность на основе прочитанного текста.	Творческий пересказ. Чтение по ролям Составление аннотаций и отзывов. Сочинение. Драматизация.

Следует отметить, что в качестве интегративного компонента ФГ, который формируется на уроках литературного чтения, выступает элементарная читательская грамотность, которая позволяет младшему школьнику быть успешным в начальной школе и комфортно продолжать обучение на следующей ступени.

Читательская грамотность – совокупность умений и навыков, отражающих:

- потребность в читательской деятельности с целью успешной социализации, дальнейшего образования, саморазвития;
- готовность к смысловому чтению – восприятию письменных текстов, анализу, оценке, интерпретации и обобщению представленной в них информации;
- способность извлекать необходимую информацию для ее преобразования в соответствии с учебной задачей; ориентироваться с помощью различной текстовой информации в жизненных ситуациях.

Выделяются две основные цели чтения:

- чтение с целью получения опыта эстетического переживания и познания мира при чтении художественной литературы;
- чтение с целью получения и использования информации.

В связи с этими целями используются художественные и информационные тексты, формат текстов довольно разнообразен, используются сплошные тексты и тексты, содержащие карты, схемы и т.д.;

У развитого читателя должны быть сформированы умения, целиком основанные на тексте (извлекать из текста информацию и строить на ее основании простейшие суждения), и умения, основанные на собственных размышлениях о прочитанном (интегрировать, интерпретировать и оценивать информацию текста в контексте собственных знаний читателя).

Таким образом, смысловое чтение становится универсальным учебным действием, а уроки литературного чтения являются значимыми для формирования функциональной грамотности младших школьников.

Литература

1. Акатова Т. И. Языковая функциональная грамотность и языковая культура студентов: Психолого-педагогический аспект: монография– М.: ИТК «Дашков и К», 2006. – 237 с.
2. Виноградова Н.Ф., Кочурова Е.Э., Кузнецова М.И. и др. Функциональная грамотность младшего школьника: книга для учителя. – М.: Российский учебник: Вентана-Граф, 2018. - 288 с.

3. Дзусова Б.Т., Таучелова Р.И., Фардзинова М.Д. Функционально-коммуникативный подход к изучению синтаксиса русского языка в условиях полилингвальной модели обучения// В сборнике: Непрерывное профессиональное образование Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2019. С. 65-78.
4. Перминова Л. М. Формирование функциональной грамотности учащихся: основы теории и технология – СПб., 1998
5. Фролова П. И. К вопросу об историческом развитии понятия «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике / П. И. Фролова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. - 2016. - № 1 (23). - С. 179-185.

УДК 1751

Процесс проникновения иноязычной лексики в спортивную терминологию русского языка

Дасовхаджиева А.А.

**Чеченский государственный педагогический университет
Кафедра теории и методики преподавания английского языка
г. Грозный, Чеченская Республика, Россия**

***Аннотация:** В статье представлены способы формирования спортивного языка. Приводятся примеры этимологического анализа заимствованной терминологии из других языков, изучается процесс формирования спортивной терминологии. Процессы номинирования спортивных явлений на разных языках имеют много общего, поскольку традиционно единицы спортивной терминологии обозначают референты, которые одинаково определены для разных наций. Эта тенденция объясняется глобализацией спортивного общества, общими международными правилами, нормами, стандартами и требованиями для спортсменов, тренеров и судей. За процессом развития спорта лучше всего наблюдать на основе изучения заимствованной зарубежной терминологии и формирования концептуальных терминологических систем спорта на национальных языках.*

***Ключевые слова:** лексикология, заимствования, культура, термины, адаптация, язык спорта.*

Развитие терминологической системы спорта началось в середине 19 века. До этого времени физическая культура развивалась в форме народных развлечений. Этимологические словари ограничиваются лишь упоминанием новых слов в языке, указывающих на эпоху, и в качестве хронологических единиц измерения они довольно часто используют такие концепции, как начало, конец века и т.д.. Из-за отсутствия исторических словарей невозможно установить точные даты и социальные условия, появление новых слов и понятий на том, или ином языке. В связи с этим в лингвистических исследованиях можно заметить некоторые отклонения от общепринятой исторической хронологии. Главными составляющими национальных игр большинства стран являются гонки, борьба, бокс, стрельба из лука и катание на лыжах.

Спортивная терминология в русском языке сложилась на основе исконно русских слов и слов, заимствованных из других языков.

Спортивная лексика заимствована в основном из английского языка и из других, таких как польский, немецкий и французский. В таких спортивных играх, как борьба, фехтование, конный спорт, терминология основана на словах, заимствованных из французского, в борьбе: *attaque - атака, parade - защита, parer - парировать, souplesse- suples (бросок)*, в фехтовании: *action-действие, appel - аппель, garde – гарда, imbroggiata – имброката* и другие. В конном спорте: *allure - аллюр, ballotade-баллотата, banquette- банкет, volte - вольт, croupade - крупада, pirouette - пирует* [3;с.10].

Русский язык позаимствовал с английского лексику таких спортивных дисциплин, как бокс, футбол, хоккей и другие. Заимствованные термины в боксе: *box-бокс, boxer-боксер, attacker -*

атакующий, knock-out – нокаут, knockdown – нокдаун и другие. В футбольной терминологии: *forward – форвард, goal – гол, football, футбол, penalty – пенальти, dribbling – дриблинг* and другие [1;с.1–24].

Язык спорта развивается под влиянием сильных общественных факторов, которые стимулируют развитие языка. Внешним социальным фактором заимствований из французского языка стал общий подъем уровня русской культуры и установление отношений с западноевропейскими странами. Можно выделить значительное количество слов того периода, связанных с физическим воспитанием. Самый большой поток французских слов в русском языке можно заметить в эпоху правления Петра I. В 19 веке были приняты такие спортивные термины как *бассейн – bassin, велосипед – velocipede, маневр – manoeuvre* и другие. Большинство слов, заимствованных из французского языка, связаны с гимнастикой и цирковым искусством.

Немецкий язык, так же как и польский, является своего рода посредником, благодаря которому русский язык перенял многие термины с французского, английского, итальянского, древнегреческого и латинского.

Первые немецкие слова, заимствованные русским языком, были из области торговли, такие как: *конкуренция – Konkurrenz, контролировать – kontrollieren* и др., которые с течением времени стали частью спортивной лексики. Наибольшее количество слов, связанных с физической культурой пришло в язык во времена правления царя Петра I в 18-м веке. К ним относятся: *азарт – Hasard, ассистент – Assistent, атака – Attaque, берейтор – Bereiter, атлет Athlet, блок – Block, вымпел – Wimpel, динамика – Dynamik, дуэль – Duell, инвентарь – Inventar, интервал – Intervale., кандидат – Kandidat., конгресс – Kongress, коридор – Korridor* и др. В 19-м и 20-м веках были приняты следующие слова из немецкого языка: *абсолютный – absolut, аннулировать – annullieren, гантели – Hantel, дисквалификация – Disqualifikation, дозировка – Dosierung, дуэлянт – Duellant, карусель – Karussell* [4].

Одновременно значительная часть слов, заимствованных из немецкого языка, это слова древнегреческого, латинского происхождения. Это свидетельствует о том, что в 19 и 20 веках спорт был широко распространен во всем мире.

Анализ терминологии, заимствованной из английского, показывает, что во второй половине XIX века количество английских терминов в русском языке было незначительным. Большинство терминов, которые были заимствованы в 18 и первой половине 19 века не были спортивными, кроме слов: *бокс – boxing, боксер – boxer*. В то время термины таких спортивных дисциплин, как: гимнастика, фехтование, легкая атлетика, конный спорт были заимствованы не из английского, а из других языков – французского, немецкого, польского, испанского, чешского и других.

Во второй половине 19-го века развитие спорта способствовало внедрению спортивной терминологии в русский язык. В то время слово «спорт» нашло свое место в русском языке (от латинского слова «disport») и означало «развлечение», «игра».

Английское слово «*sportsman*» – это существительное, состоящее из «*sport*» и так же как: «охотник, рыбовод, порядочный, честный человек». В русском языке термин «*спортсмен*» впервые употреблялось как «человек, который любит рыбалку и верховую езду». Термин принял свое нынешнее значение в связи с развитием спорта в России.

Заимствование иноязычных слов в 20-м веке явилось результатом масштабных социальных преобразований. Огромные достижения в развитии экономики, науки и культуры являются наиболее важными факторами в развитии физической культуры и спорта, обогатившие русскую терминологию и спортивный язык, добавив значительное количество новых слов. В течение этого периода в русский язык были включены такие термины как *аут-аут, баскетбол – basketball, бейсбол – baseball, волейбол – volleyball, гол – goal, гольф – golf, дриблинг – dribbling, регби – rugby, стeeplechase – бег с препятствиями, бадминтон – badminton, кемпинг – camping* и другие.

Некоторые спортивные термины заимствованы из других языков: с латыни – *arena – арена*; через польский язык: *апробация – aprobacja, атаковать – atakowat, баталия – batalia, конкурс – konkurs*, с итальянского пришли такие термины, как: *автострада – autostrada*, с японского языка *zhu-dzitsu – дзю-дзюцу, dziu-do – дзю-до* [2;с.1–29].

Русский язык обогатился большим запасом слов благодаря заимствованным терминам. Согласно некоторым данным количество иностранной лексики в современном русском языке составляет 10 процентов от общего запаса слов. В спортивной терминологии современного русского языка иностранной лексики насчитывается около 25 процентов.

Судьба терминов, заимствованных из иностранных языков в сфере спорта, заметно отличается. Часть заимствованного словарного запаса не так широко использовалась в русском языке, что их постепенно вытеснили русские слова, такие как: бек, хавбек, хавтайм. Тем не менее,

значительная часть терминов, заимствованных из разных языков, постоянно используется наряду с русскими эквивалентами. Для сравнения: *аут- вне игры, голкипер - вратарь, пас - передача, пенальти - 11-метровый удар, штрафной удар, матч- встреча, соревнование, тайм-период.*

Заимствованные спортивные термины, широко используемые в русском языке, стали основой для образования новых слов. Например, *футбол, футболист, футбольный, футболка, футболит, подфутболит; теннис, теннисистка, теннисистка, теннисный, тенниска; спорт, спортивные, спортивные, спорттовары, спортплощадки* и другие.

Вышеупомянутый список спортивных терминов не полный, но он показывает, что в спортивной лексике русского языка слова, заимствованные из английского языка, занимают важное место.

Анализ терминов спортивной лексики показывает, что не все спортивные дисциплины и соответствующие им английские или французские термины появились в этих странах. Знание этих явлений имеет существенное значение с точки зрения теории и практики физической культуры и спорта в лингвистике и всех родственных науках.

Литература

1. Англо-русский, русско-английский словарь спортивных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.labyrinth.ru/books/436152/> Издательство: Советский спорт, 2012 г. ISBN: 978-5-9718-0191-7 с.–232
2. Макс Фасмер: Этимологический словарь русского языка в 4 томах Издательство: Терра, 2008 г. ISBN: 978-5-275-01661-1 с–2944
3. Словарь французских заимствований в русском языке. Интернет-издание. С–106 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1373468/>
4. Скородумова Н. Н. Немецко-русский словарь спортивных терминов, 1949 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fileskachat.com/download/40808_7_a054c87e4b823580dc1967e2e171cf8.html

УДК 81-139

Лексические приёмы языковой игры в структуре современных рекламных текстов

Джамбинова Н.С., Кичикова Н.А., Манджиева Э.Б.

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова.

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию функционально-прагматических особенностей использования лексических приёмов языковой игры в современных рекламных текстах. Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в лингвистике, общим направлением научных изысканий в области анализа рекламного дискурса. Анализ приёмов языковой игры в рекламных текстах позволяет проследить определённые тенденции в сфере общественного сознания. рекламные тексты являются благоприятной плоскостью для реализации различных приёмов языковой игры, которая обеспечивает его простоту и доступность, а также эффективно привлекает внимание потенциальных потребителей к тому или иному товару. На лексическом уровне языковая игра в современных рекламных текстах реализуется преимущественно с помощью эпитетов, метафор, гипербол, сравнений, олицетворений, фразеологических оборотов, лексических повторов, антитез, а также полисемии и метонимии.

Ключевые слова: языковая игра, лексические приёмы, реклама, семантика

Lexical techniques of a language game in the structure of modern advertising texts

Dzhambinova N.S., Kichikova N.A., Mandzhieva E.B.

Kalmyk State University named after Bb Gorodovikova.

Resume: This article is devoted to the study of functional and pragmatic features of the use of lexical techniques of a language game in modern advertising texts. The relevance of this study is due to modern trends in linguistics, the general direction of scientific research in the field of analysis of advertising discourse. An analysis of the language game techniques in advertising texts allows us to trace certain trends in the field of public consciousness. Advertising texts are a favorable plane for the implementation of various methods of the language game, which ensures its simplicity and accessibility, and also effectively attracts the attention of potential consumers to a particular product. At the lexical level, the language game in modern advertising texts is realized mainly with the help of epithets, metaphors, hyperbolas, comparisons, personifications, phraseological turns, lexical repetitions, antitheses, as well as polysemy and metonymy.

Keywords: language game, lexical techniques, advertising, semantics

Языковая игра представляет собой особый тип речевого поведения, основанный на преднамеренном, осознанном нарушении нормы. Структуры, возникающие в результате языковой игры, приобретают экспрессивное значение и вызывают у читателя определённую реакцию. В языковой игре могут быть использованы средства различных уровней языка – от фонетики и графики до синтаксиса.

Выбор объекта исследования определен рядом причин. Во-первых, многогранность языковой игры и отражение в ней как лингвистических, так и экстралингвистических проблем, в последнее время привлекает к ней внимание специалистов различных областей (лингвистов, психологов, социологов, литературоведов). Во-вторых, в создании рекламных текстов, создающихся практически каждый день, важно учитывать ожидаемое восприятие рекламы аудиторией, а языковая игра является одним из приёмов, активно функционирующих в этом процессе. При этом при ЯИ в рекламе понимают «сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы» [3, с.169]. Языковая игра делает рекламный текст более доступным, эффективным и активно влияет на сознание потенциальных потребителей того или иного продукта.

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в лингвистике, общим направлением научных изысканий в области анализа рекламного дискурса. Анализ приёмов языковой игры в рекламных текстах позволяет проследить определённые тенденции в сфере общественного сознания. Настоящая статья посвящена исследованию функционально-прагматических особенностей использования лексических приёмов языковой игры в современных рекламных текстах. Для исследования были выбраны рекламные тексты, представленные на телевидении и в печатных изданиях в течение последних пяти лет. Достижение основной цели рекламного текста – привлечение внимания потенциальных потребителей – становится возможным в том случае, если рекламный текст является ярким, кратким и выразительным. Для этого в структуре рекламных текстов всё чаще используются различные трансформации семантики лексических средств. Это может быть расширение семантики ключевых слов, прецедентные тексты, построенные главным образом на фразеологических оборотах, а также языковая игра на многозначности слов.

В рекламных текстах используется большое количество языковых средств, призванных к более эффективному достижению желаемого результата. Кроме того, одним из самых важных требований к рекламному тексту заключается в передаче как можно большего количества информации с использованием как можно меньшего количества слов, чтобы текст легко усваивался реципиентом [1, с. 204].

В рамках настоящей статьи исследованы некоторые трансформации семантики языковых средств в рекламном тексте. В первую очередь стоит обратить внимание на функционирование средств выразительности в структуре рекламного текста. Самыми распространёнными из них являются эпитет, метафора, олицетворение, гипербола, лексический повтор. Рассмотрим подробно особенности употребления каждого из вышеназванных средств в структуре рекламных слоганов. При этом «реализация слоганов может быть одинаково и устной, и письменной, она часто поддерживается рисунком или звуковым эффектом. Составляются они по возможности кратко в расчете на быстрое и легкое запоминание» [2, с. 39].

1. Эпитеты, являющиеся образными красочными определениями, достаточно часто встречаются в рекламных текстах.

Желая добавить привлекательности тому или иному товару в глазах потенциального потребителя, авторы рекламных обращаются к данному лексическому средству: *Toyota Camry. Первоклассный бизнес-класс* (рекламный слоган автомобиля «Тойота Камри»); *Благородный облик. Завидный темперамент* (рекламный слоган автомобиля «Рено Меган»); *Ариэль. Безупречный вид одежды. Надолго!* (рекламный слоган стирального порошка «Ариэль»); *Не просто чисто, а пятизвездно чисто* (рекламный слоган стирального порошка «Ариэль»); *Не просто чисто, а безупречно чисто!* (рекламный слоган стирального порошка «Ариэль»); *Мед и перец. Горячая встреча* (рекламный слоган водки «Nemiroff»); – *Мой шелковый шоколад* (рекламный слоган торговой марки шоколада «Dove»); *Мороженое с горячим сердцем* (рекламный слоган мороженого «CornettoEnigma»); *Идеальная фигура. Безупречный вкус* (рекламный слоган низкокалорийного напитка «Coca-ColaLight»); *Превосходное исполнение* (рекламный слоган автомобилей «Тойота Королла»); *Toyota Hiace. Безупречная репутация* (рекламный слоган микроавтобусов «Тойота»); *Безупречная японская собранность* (рекламный слоган автомобилей «Мицубиси»). Таким образом, эпитеты в структуре рекламных текстов являются эффективным приёмом привлечения внимания аудитории к тем или иным качествам определённого продукта. При этом стоит обратить внимание на то, что наиболее частотными эпитетами являются те, которые показывают рекламируемый продукт с наиболее привлекательной стороны: *безупречный, горячий, совершенный, превосходный, идеальный*.

2. **Метафора**, являющаяся скрытым сравнением, основанным на сходстве тех или иных предметов и явлений, может выступать и как средство создания образности рекламного текста и конструирования его новых смыслов. В процессе исследования было установлено, что метафора находит широкое применение в структуре рекламных слоганов: *Не дай себе засохнуть* (рекламный слоган газированного напитка «Sprite»); *Coca-Cola. Встречай волну!* (рекламный слоган газированного напитка «Coca-Cola»); *Пей легенду!* (рекламный слоган газированного напитка «Coca-Cola»); *Миринда. Взрыв вкуса!* (рекламный слоган газированного напитка «Миринда»); *«Проходимец» класса люкс* (рекламный слоган внедорожника Хундаи «Терракан»); *Зажги в себе Seat* (рекламный слоган автомобиля «Seat»); *Лада. Ключ к дорогам России* (рекламный слоган автомобиля «Лада»); *Cadillac. Дорогу королю!* (рекламный слоган автомобилей «Cadillac»). Как видно из приведённых примеров, метафора так же, как и эпитет, является ярким и эффективным средством при создании рекламного текста. С целью привлечения внимания к тому или иному продукту, используют такие метафоры, как *сердце, душа, легенда, король* и т.д. Так создатели рекламных текстов пытаются показать тот или иной товар с наиболее выгодной стороны. В рекламных слоганах лекарственных препаратов, наоборот, используются такие метафоры, как *оружие, катастрофа, приговор* и т.д. с целью показать эффективность того или иного лекарства. Помимо метафоры, в структуре рекламных текстов может употребляться и **метонимия** – лексическое средство, заключающееся в переносе значений по смежности явлений, например: *Попробуй Италию на вкус* (рекламный слоган ресторана «Итальянец»); *Чай, которым гордится Цейлон* (рекламный слоган чая «Дилма»).

3. Стоит также обратить внимание на использование **гиперболы** (преувеличения) в структуре рекламного текста: *25 часов в сутки крутимся как белки* (рекламный слоган круглосуточной автомойки и шиномонтажа «H2O»); *Все пути, кроме Млечного!* (рекламный слоган транспортной компании «АникорАвто»); *Ничто не работает так долго!* (рекламный слоган батареек «Duracell»); *Переводим даже мысли!* (рекламный слоган агентства «Планета переводов»); *Раскроем ваш потенциал на 300%* (рекламный слоган Имидж-студии «Имидж Бюро»). *Merrell. От порога до края земли* (рекламный слоган обуви для активного отдыха «Merrell»). Таким образом, гипербола также может использоваться в структуре рекламного текста как эффективное средство привлечения внимания потенциальных потребителей той или иной продукции.

4. Лексический повтор, заключающийся в намеренном повторении того или иного слова или сочетания слов с целью усиления их значения, также находит широкое применение в рекламном тексте: *Мир автомобилей для Мира людей* (рекламный слоган джипа «Тойота»); *А он все крутит и крутит...* (рекламный слоган вытомобильных аккумуляторов «Dominator»); *Для разных людей – разный Chester* (рекламный слоган ресторана «Chesterfield»); *Реальные автомобили по реальным ценам* (рекламный слоган автосалонов «А-Моторс»); *Реальные машины для реальной жизни* (рекламный слоган автосалонов и техцентров «Автовек»); *Velas. Любимому авто – любимую акустику* (рекламный слоган автомобильной акустики «Велас»); *Хороший ресторан для хороших людей* (рекламный слоган итальянского ресторана «Амоге»); *Тонус. Честный сок по честной цене* (рекламный слоган бренда «Тонус»). Кроме того, стоит отметить, что лексический повтор в структуре рекламных текстов часто используется в составе **анафоры** – одинакового начала двух или более фраз или предложений: *Твой день*

– *твоя вода* (рекламный слоган минеральной воды «Arctic»); *Твой мир – твоя Corolla* (рекламный слоган автомобиля «Тойота Королла»); *Без лишних калорий. Без лишних проблем* (рекламный слоган низкокалорийного газированного напитка «PepsiLight»); *Максимум возможностей. Максимум свободы* (рекламный слоган джипа «Тойота»); *Новый Меган, новое измерение надёжности* (рекламный слоган автомобиля «Рено Меган»); *Новая Primera. Новая форма разума* (рекламный слоган автомашин «Ниссан Примера»); *Активная безопасность, активное вождение* (рекламный слоган автомобилей «Субару»); *Всё для блага России. Всё во имя России. Всё по-честному* (рекламный слоган автосалонов «Ростокино-Лада»); *Русская кухня. Русская музыка. Русский дух* (рекламный слоган тракторов «Попов луг»); *Vestel. Твоя жизнь. Твоя техника* (рекламный слоган турецкой бытовой техники и электроники «Vestel»); *Живой глаз – живое изображение* (рекламный слоган автоматической корректировки изображения «LGoldenEye»); *Arko. Чистое бритьё. Чистое удовольствие* (рекламный слоган геля для бритья «Arko»); *Отличный вкус! Отличное начало!* (рекламный слоган кофе «Нескафе Классик»); *Мир желаний, мир возможностей* (рекламный слоган торговой марки «Л7»); *Энергия нового вкуса, энергия новой жизни* (рекламный слоган чая «Дилма»); *Лучшее в чае, лучшее во мне* (рекламный слоган чая «Липтон»). Как видно из приведённых примеров, лексический повтор достаточно активно используется при создании современных рекламных текстов. При этом с целью привлечь внимание потенциальных потребителей к тому или иному продукту, наиболее часто повторяются такие слова, как *твой, мир, реальный, новый, любимый, хороший, отличный* и т.д.

5. Кроме того, в структуре рекламных слоганов может использоваться такое лексическое средство, как олицетворение, заключающееся в приписывании неодушевлённому предмету свойств или признаков одушевлённого: *Машина будет довольна!* (рекламный слоган моторного масла «Славнефть»); *Ресторан, который не спит* (рекламный слоган караоке-ресторана «Sinatra Place»); *Прекрасные глаза все скажут за тебя* (рекламный слоган цветных контактных линз «Flesh Look от CibaVision»); *Sprite. Жажда подскажет* (рекламный слоган газированного напитка «Sprite»); *Формула, которая понравится Вашей машине* (рекламный слоган машинного масла «Зик»); *Воздух, которым дышат горы* (рекламный слоган кондиционеров «White-Westinghouse»). Таким образом, олицетворения также могут функционировать в структуре рекламных текстов. Их использование направлено на привлечение внимания потребителя на те или иные качества рекламируемого товара.

6. Обращает также на себя внимание использование в структуре рекламных текстов такого лексического средства, как **сравнение**. Стоит отметить, что сравнение может выражаться двумя способами: 1) с помощью союзов *как, будто, словно, точно* и т.д.; 2) с помощью сравнительных степеней имён прилагательных и наречий. Рассмотрим подробно примеры сравнений, выраженных каждым из вышеназванных способов. Примерами рекламных текстов, в структуре которых функционируют сравнения, образованные с помощью союзов *как, будто, словно, точно* и т.д., могут послужить следующие рекламные слоганы: *Отдыхая как в раю, кушайте как дома!* (рекламный слоган таверны «8 подков»); *Надёжна, как швейцарский банк* (рекламный слоган стиральных машин «Еврособа»); *Сметаёт жир как ураган* (рекламный слоган чистящего порошка «Пемлюкс»); *Чисти как стоматолог* (рекламный слоган электрических зубных щёток «Oral-B»); *Клинекс – мягкий словно бархат!* (рекламный слоган туалетной бумаги «Клинекс»); *Мягкая, как пёрышко* (рекламный слоган торговой марки «Zewa»); *Нужны как солнце* (рекламный слоган поливитаминов «Сана-Сол»); *Крепкий как дружба, горячий как любовь* (рекламный слоган чайного бренда «Pickwick»). К примерам рекламных текстов, содержащих в своей структуре сравнения, образованные с помощью сравнительных степеней имён прилагательных и наречий, можно отнести следующие тексты: *Знать лучших важнее, чем знать всех* (рекламный слоган автосалонов «Арманд-Сити»); *Цены ниже московских* (рекламный слоган автосалона «Интерлада»); *Краски ярче лета!* (рекламный слоган стирального порошка «Персил»); *Florena... и моя кожа нежнее шёлка* (рекламный слоган косметики «Флорена»); *Лучше, чем инструмент стоматолога* (рекламный слоган лечебной зубной пасты «LacalutAktiv»); *Феррогематоген. Полезнее, чем просто Гематоген* (рекламный слоган пищевой добавки «Феррогематоген»); *Колдрекс. Сильнее вашей простуды* (рекламный слоган лекарства от простуды «Колдрекс»); *Ново-Пассит. Сильнее стресса* (рекламный слоган успокоительного «НОВО-ПАССИТ»); *Инолтра. Сильнее боли!* (рекламный слоган болеутоляющего средства «Инолтра»); *Ладушки. Лучше, чем у бабушки!* (рекламный слоган пельменей «Ладушки»). Таким образом, сравнение, как и другие лексические средства, активно используется в структуре современных рекламных текстов. Оно может образовываться с помощью союзов *как, будто, словно* и т.д. или с помощью сравнительных степеней имён прилагательных и наречий. Сравнения, образованные творительным падежом имени существительного или словами *похож, подобен, напоминает*, практически не используются при создании рекламных текстов.

6. Антитеза, или противопоставление, построенное на антонимах, также может выступать как средство создания рекламного текста: *Имидж – ничто. Жажда – всё* (рекламный слоган газированного напитка «Sprite»); *Неважно, где ты работаешь. Важно, где ты отдыхаешь* (рекламный слоган сети пивоваренных ресторанов «Тинькофф»); *Indesit. Мы работаем – вы отдыхаете!* (рекламный слоган бытовой техники «Индезит»); *Autan. Друг семьи. Враг комаров* (рекламный слоган репеллентов «Аутан»); *Ближе к природе, дальше от комаров* (рекламный слоган средства защиты от комаров «Гардекс»); *Uhi. Клей не на момент, а на века* (рекламный слоган клея «УНУ»); *Размер меньше, возможности больше* (рекламный слоган ноутбуков «SamsungX10»); *Чай чёрный, а мысли светлые* (рекламный слоган чая «Великий тигр»).

7. Ещё одним эффективным средством при создании рекламного текста является языковая игра, построенная полисемии, т.е. многозначности слов: *Включи Rolsen. Включи Rolsen в свой семейный бюджет* (рекламный слоган телевизоров «Rolsen»); *Жиру пора смываться* (рекламный слоган торговой марки «Фейри»); *Незапятнанная репутация* (рекламный слоган пены для удаления пятен «K2R»); *ДляНос. Эффективное средство по Вашим средствам* (рекламный слоган назального спрея «ДляНос»). Языковая игра на полисемии не является частотным средством создания рекламного текста, но вместе с тем представляется достаточно эффективной. Она помогает привлечь внимание потенциальных потребителей к рекламируемому товару.

8. Наконец, ещё одним средством, активно используемым создателями рекламных текстов, являются фразеологические обороты: *Расправь крылья* (рекламный слоган автомобиля «Рено Меган»); *Нам с Вами по пути!* (рекламный слоган фирмы «RTDService»); *Почини своего железного коня!* (рекламный слоган «Автомастерской 911»); *ILPatio. Намотай на ус* (рекламный слоган иальянских ресторанов «ILPatio»); *Очистит то, что другим не под силу!* (рекламный слоган чистящего средства «Комет»); *Селмевит. Любое дело по плечу!* (рекламный слоган мультивитаминного комплекса «Селмевит»); *Ксимелин. Ваше второе дыхание* (рекламный слоган средства от насморка «Ксимелин»); *Поставь на простуде крест!* (рекламный слоган лекарства «Аспирин С»); *Тавегил. Аллергию как ветром сдуло* (рекламный слоган антиаллергического препарата «Тавегил»); *Ясный взгляд – в мгновение ока* (рекламный слоган капель для глаз «Визин»); *Пусть разбиваются сердца* (рекламный слоган женских колготок «Levante»); *Всё как на ладони* (рекламный слоган ежедневной деловой газеты «Коммерсант»); *Говорим с малышами на одном языке!* (рекламный слоган детского питания «Беллакт»); *Молоко от чистого сердца* (рекламный слоган молочных продуктов «Мила Мила»).

Таким образом, на лексическом уровне языковая игра в современных рекламных текстах реализуется преимущественно с помощью эпитетов, метафор, гипербола, сравнений, олицетворений, фразеологических оборотов, лексических повторов, антитез, а также полисемии и метонимии. При этом стоит отметить, что практически не употребляются в рекламных текстах такие лексические приёмы, как перифраз и оксюморон.

Языковая игра представляет собой особый тип речевого поведения, заключающийся в преднамеренном нарушении нормы. Среди основных функций языковой игры большинство учёных выделяет эстетическую, комическую, развлекательную, выразительную, смыслообразующую, оценочную и некоторые другие функции.

Существует множество различных классификаций языковой игры, но большинство из них учитывает тот факт, что языковая игра может реализовываться на различных языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексико-стилистическом. Кроме того, языковая игра может выражаться визуально – в том случае, если она не может быть в полной мере воспринята только путём передачи информации языковыми средствами.

Таким образом, рекламные тексты являются благоприятной плоскостью для реализации различных приёмов языковой игры, которая обеспечивает его простоту и доступность, а также эффективно привлекает внимание потенциальных потребителей к тому или иному товару.

На лексическом уровне языковая игра в современных рекламных текстах реализуется преимущественно с помощью эпитетов, метафор, гипербола, сравнений, олицетворений, фразеологических оборотов, лексических повторов, антитез, а также полисемии и метонимии. При этом стоит отметить, что практически не употребляются в рекламных текстах такие лексические приёмы, как перифраз и оксюморон.

Самыми распространёнными лексическими приёмами языковой игры в современных рекламных текстах являются метафора (21,7%) и лексический повтор (18,6%). Чуть менее употребительными, но также достаточно распространёнными оказались эпитет (14,7%), сравнение (13,9%) и фразеологический

оборот (10,8%). Наконец, наименее частотными в процессе исследования оказались антитеза (6,2%), гипербола (4,7%), олицетворение (4,7%), полисемия (3,1%) и метонимия (1,6%).

Несмотря на достаточно большое количество научных работ, посвящённых изучению особенностей функционирования различных приёмов языковой игры в рекламном тексте, данная тема представляется нам перспективной и актуальной, поскольку в современном мире постоянно появляются новые товары и услуги, а значит, и создаются новые рекламные тексты. В связи с этим процесс функционирования приёмов языковой игры в структуре рекламного текста требует дальнейшего непрерывного изучения.

Литература

1. Карденахлишвили Т.Д. Реклама как семиотический продукт (на примере языковой игры). – Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. – 2010. – №1. – С. 204-209.
2. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерк современной русской стилистики. – М., 2005.
3. Пирогова Ю.К. Речевое воздействие и игровые приемы в рекламе // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С.167 – 190.

УДК 81

Лексико-семантическое поле «Запах» в русском языке XVIII в.

Костяева М.О.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Доклад посвящен исследованию лексико-семантического поля «Запах» в русском языке XVIII в., что еще не становилось предметом научного изучения. Материалом исследования послужили лексемы, имеющие в семантической структуре сему 'запах', полученные методом сплошной выборки из словарей русского языка донационального периода.

Установлено, что в структуру этого лексико-семантического поля в русском языке XVIII в. входит 351 единица. Выделены следующие группы: ядро, приядерная и периферийная части, а также два подполя: «восприятие запаха» и «запах-свойство». В сравнении с предыдущими периодами русского языка, в русском языке XVIII в. вся структура лексико-семантического поля «Запах» заполнена.

Ключевые слова: история русского языка, языковая картина мира, лексико-семантическое поле, одоративное восприятие, лексика обонятельного восприятия

Lexical and semantic field "smell" in the Russian language of the XVIII century.

M. O. Costyayeva

Southern federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The report is devoted to the study of the lexical and semantic field "smell" in the Russian language of the XVIII century, which has not yet become the subject of scientific study. The research material was lexemes that have the semantics of the 'smell' in the semantic structure, obtained by a continuous sampling method from dictionaries of the Russian language of the pre-national period.

It is established that the structure of this lexical and semantic field in the Russian language of the XVIII century includes 351 units. The following groups are identified: core, prionuclear and peripheral parts, as well as two subfields: "smell perception" and "smell-property". Russian Russian in comparison with previous periods of the Russian language in the XVIII century.the entire structure of the lexical and semantic field "smell" is filled in.

Key words: history of the Russian language, language picture of the world, lexico-semantic field, operational perception, olfactory perception vocabulary.

Картина мира – это совокупность представлений о мире, которые исторически сложились в сознании определенного языкового коллектива. Описание картины мира складывается из отдельных ее составляющих, в том числе на основе зрительных, слуховых образов, осязании и обонянии. В языке фрагмент картины мира «обоняние» представлен лексико-семантическим полем (далее – ЛСП) «Запах».

Восприятие мира с помощью обоняния – один из важнейших способов освоения предметного мира человеком. «Человеческое обоняние может различать сотни тысяч различных запахов и в этом отношении сопоставимо со зрением и слухом, но ни в одном из языков мира, кажется, нет классификации запахов, подобной, к примеру, цветовым классификациям» [4].

Для анализа закономерностей формирования этого фрагмента языковой картины мира очень важен диахронический аспект – изучение соответствующего ЛСП в русском языке XVIII в. Объект исследования – совокупность лексем, объединенных семантикой запаха, в русском языке XVIII в.

Материалом послужили слова с семей «запах», извлеченные методом сплошной выборки из следующих словарей: Словаря русского языка XVIII в. и Словаря Академии Российской.

Все лексические единицы, имеющие сему «запах», образуют лексико-семантическое поле определенной структуры, которая была смоделирована Н. С. Павловой на материале современного русского языка [3, с. 11] и которую мы взяли за основу данного исследования. Это ЛСП входит в более широкое ЛСП «Восприятие мира органами чувств человека».

ЛСП «Запах» включает в себя ядро поля, ядро подполя, приядерную часть поля и периферию поля. Все ЛСП, кроме ядра, делится на 2 подполя: подполе «Восприятие запаха» и подполе «Запах-свойство». Это распространяется на ядро каждого подполя, а также на их приядерную часть и периферию.

Особо стоит отметить сам принцип распределения лексем по группам: слова, имеющие в своем значении сему «запах» в своем значении (отражено в словарных определениях), мы отнесли в приядерную часть поля, а слова с данной актуализированной семей в контекстах – в периферию. Это отражено в словарной дифиниции. Так, например, *гиацинт* мы поместили в приядерную часть поля «Запах-свойство» в группу существительных с дифференциальной семей (ДС) «запах», обозначающих названия натурфактов и артефактов: «*Гиацинт*. Растение с душистым цветами. *Иацинти и тюльпани увяли*. Фраит. 153» [СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 110]. А *ангелику* поместили в периферию поля «Запах-свойство» в группу существительных с потенциальной семей (ПС) «запах»: «*Ангелика*. Растение из сем. зонтичных, дягиль. *Ангелика, инако Дягиль называемая, растение ароматное и очень полезное для груди*. Сл. пов. I 26» [СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 68].

В ядро поля «Запах» входит лексико-семантическая группа существительных-одоронимов с категориально-лексической семей (КЛС) «запах» (всего 33 существительных). В первичное ядро поля входят 20 существительных, указывающих на запах как таковой: *аромат* «благухание», *благовоние* «приятный запах, аромат», *благовонность* «то же, что и *благовоние*», *благовонство* «см. *благовонность*», *благухание* «приятный запах, аромат», *благуханность* «благовонный запах», *влияние* «запах», *вонь* «дурной запах; запах вообще», *воня* «запах», *дух* «запах», *душек* «зловоние, противной запах производящий от тѣла нѣсколько протухлаго или портиться начинающаго», *душок* «уменьшительно-ласкательное к *дух*, легкий запах», *запах* «то, что воспринимается обонянием», *зловоние* «дурной запах, смрад», *злосмрадие* «зловоние; несносный, нестерпимый смрадъ», *обоняние* «запах», *пах* «запах», *пахнутие* «запах», *пахота* «сильный запах», *смрадъ* «отвратительный, противный обонянію запахъ; вонь». Во вторичное ядро поля входят 13 существительных. В эту группу, на наш взгляд, следует отнести свойство запаха и запах, исходящий от определенной вещи и свойственный ей: *ароматность* «ароматность», *гарь* «запах горелого», *задхло* «худой, противной запахъ отъ какаго нибудь жита, когда оно лежа долго въ грудѣ повредится, испортится», *затхлость* «запах сырости, плесени, гниения», *муровоніе*, *пахучесть* «пахучесть», *пригарь* «запахъ отъ пригорѣлой вещи», *прѣль* «запахъ отъ прѣлаго», *псина* «отвратительной запахъ отъ собакъ бывающій», *смородь* «запахъ отъ пригорѣлаго, паленаго», *смрадность* «свойство того, что смрадно», *тухлость* «свойство протухнуващаго», *угарь* «чадь, вредный отъ жару запахъ заражающей голову и производящій боль въ оной». Для сравнения: в старорусском языке в ядро входят 13 существительных. В целом количество существительных увеличилось на 20 лексем. Это связано с тем, что в русском языке XVIII в. старорусская лексема *благовоня* не сохранилась, но появились лексемы *благовонность*, *благовонство*, *благуханность*. Также в русском языке XVIII в. появляются 3 существительных, обозначающих запах как таковой, – *пах*, *пахнутие*, *пахота*. Также появляются лексемы *задхло*, *тухлость*, *угарь* и т.д., указывающий на определенный запах.

Ядро ЛСП «Запах» можно разделить на 4 группы: 1) существительные, обозначающие запах безоценочно; 2) существительные, обозначающие приятный запах; 3) существительные, обозначающие неприятный запах; 4) существительный, обозначающие свойства запаха.

Ядро подполя «Запах-свойство» составляют 3 ЛСГ: 1) ЛСГ прилагательных-одоронимов, 2) ЛСГ наречий проявления запаха и 3) ЛСГ глаголов проявления запаха.

1. ЛСГ прилагательных-одоронимов (КЛС ‘издающий запах’) включает в себя 19 лексем: *ароматический* ‘благоуханный’, *бальзамический* ‘ароматный, прянодушистый’, *благовонный* ‘имеющий приятный запах; душистый, ароматный’, *благоуханный* ‘испускающий благоухание, ароматный’, *вонный* ‘благовонный, хорошо пахнущий’, *вонкий* ‘зловонный; имбьющий, испускающий отвратительный, смрадный запах’, *вонючий* ‘дурно пахнущий, зловонный’, *вонялый* ‘то же, что *вонючий*’, *душистый* ‘имеющий сильный (обычно приятный) запах’, *запашистый* ‘пахучий’, *зловонный* ‘вонючий, смрадный’, *злосмрадный* ‘зловонный’, *многовонный* ‘многообразных вони имбьющий, содержащий’, *обонятельный* ‘издающий запах’, *пахучий* ‘имеющий сильный, резкий запах’, *провонялый* ‘промзглый, протухлый, испортившийся’, *сладкоуханный* ‘испускающий приятный запах’, *смердящий* ‘испускающий вонь, смрад’, *смрадный* ‘имбьющий отвратительный запах’. Для сравнения: в старорусском языке – 14 лексем.

Как и в старорусском языке, в русском языке XVIII в. слова с корнем *вон-* занимают заметное место в данной ЛСГ: *благовонный*, *вонный*, *вонкий*, *вонючий*, *вонялый*, *зловонный*. Вместо старорусских *ароматицкий* и *ароматный* представлено *ароматический*. Также появляются прилагательные, обозначающие что-то душистое, ароматное: *душистый*, *запашистый*, *пахучий*, *сладкоуханный*.

Следует заметить, что в русском языке XVIII в. происходит активное словообразование не только лексем с положительной коннотацией, но и с отрицательной.

2. ЛСГ наречий проявление запаха – 4 лексемы: *ароматно*, *вонько*, *душисто*, *смрадно* ‘имбья смрадъ, со смрадомъ’. Отметим тот факт, что данной ЛСГ нет в старорусском языке, но она есть в древнерусском. Для сравнения: данную ЛСГ древнерусского языка представляют 3 единицы: *благовоньно* ‘нар. к *благовоньни*’, *благовоньнѣ* ‘то же, что *благовоньно*’, *благоуханьно* ‘нар. к *благоуханьни*’. Поясним, что, как и в старославянском, так и в древнерусском языке, все памятники письменности имели религиозный характер, а уже в русском языке XVIII в. появляется все больше произведений светского характера, отражающих реалии жизни. Возникновение наречий в русском языке XVIII в. свидетельствует о развитии наречий как части речи, в частности появление качественных наречий, связанных с прилагательными. Также отметим, что в русском языке XVIII в. появляется наречие, имеющее отрицательную коннотацию – *смрадно*.

3. ЛСГ глаголов и существительных проявления запаха (категориально-лексическая сема (КЛС) ‘издавать запах’). Отметим, что в эту группу можно включить и отглагольные существительные, указывающие на процесс распространения запаха. Эта ЛСГ состоит из 18 лексем. Для сравнения: в старорусском языке 11 единиц. 16 глаголов можно поделить на группы: 1) ‘распространять и хороший, и плохой запах’: *запахнуть* ‘начать пахнуть’, *обонять* ‘испускать запах’, *пахнуть* ‘издавать какой-либо запах’, *попахивать* ‘нѣсколько пахнуть’; 2) ‘распространять хороший запах’: *благовонить* ‘наполнять благовонием’, *благовонствовать* ‘испускать приятный запах, благоухать, наполнять благовонием’, *благоухать* ‘испускать приятный запах, аромат’; 3) ‘распространять плохой запах’: *возсмердѣти* ‘сильно смердѣть, зелѣе испускать зловоние’, *вонять* ‘дурно пахнуть’, *завонять* ‘начать вонять’, *засмѣрдеть* ‘начать смердеть’, *навонять* ‘распространить зловоние’, *насмердить*, *насмрадить* ‘напустить смрада, сделать воздух смрадным, зловонным’, *смредить* ‘испускать отъ себя вонь, смрадъ’, *смрадить* ‘вонь, смрадъ производить’. Можно отметить, что практически все лексемы образованы от 3-х корней: *-пах-*, *-вон-*, *-смерд/-смрад*. Также в данную ЛСГ входит 2 отглагольных существительных, указывающих на проявление запаха: *воняние*, *смердѣніе* ‘изпусканіе вони, зловонія’.

В русском языке XVIII в. увеличилось количество глаголов, обозначающих распространение плохого запаха. Это свидетельствует о том, что ЛСП «Запах» количественно увеличивается.

Ядро подполя «Восприятие запаха» составляют 3 ЛСГ: 1) ЛСГ глаголов восприятия запаха, 2) ЛСГ существительных восприятия запаха и 3) ЛСГ прилагательных восприятия запаха.

1. ЛСГ глаголов восприятия запаха (КЛС ‘воспринимать запах’) представлена 10 лексемами: *благоухать* ‘обонять, наслаждаться ароматом’, *нанюхаться* ‘вдоволь, много понюхать’, *нюхать* ‘воспринимать запахи, обонять’, *нюхаться* ‘обнюхивать друг друга’, *обнюхать* ‘понюхать в нескольких местах, со всех сторон’, *обонять* ‘воспринимать обонянием, нюхать’, *понюхать* ‘испытать что чувством обонянія’, *понюхивать* ‘изъ рѣдка нюхаю’, *принюхивать* ‘испытывать что нюхая’, *ухать* ‘обонять’ (для сравнения: в старорусском языке 4 единицы: *благоухати*, *нюхати*, *обонѣвати*, *обоняти*). Отметим, что практически вся группа состоит из глаголов с корнем *-нюх-*: *нанюхаться*, *нюхать*, *нюхаться*, *обнюхать*,

понюхать, понюхивать, принюхивать. Это свидетельствует о том, что словообразовательная система активно развивается.

2. ЛСГ существительных восприятия запаха (КЛС ‘воспринимать запах’) – 4 лексемы: *вынюханіе* ‘дѣйствіе вынюхивавашаго’, *обоняние* ‘одно из пяти внешних чувств – то, которым воспринимаются и различаются запахи’, *нюханіе, уханіе* ‘обоняние’. (Для сравнения: в старорусском языке 2 лексемы – *нюханіе, обоняніе*).

3. ЛСГ прилагательных восприятия запаха (КЛС ‘воспринимать запах’) появляется в старорусском языке (она включает в себя 1 лексему: *нюхательный*), в русском языке XVIII в. она продолжает существовать, она состоит из 1 лексемы: *обонятельный* ‘относящийся к обонянию’.

В приядерную часть поля «Запах-свойство» входят: 1) прилагательные, характеризующие запах (ДС или ЛС ‘запах’), 2) глаголы распространения запаха ДС ‘запах’, 3) существительные с ДС ‘запах’, называющие различные натурфакты и артефакты, 4) глаголы покрытия запахом одного объекта другим (ЛС ‘запах’), 5) глаголы пропитывания запахом объекта (ДС или ЛС ‘запах’) и 6) глаголы проявления свойства запаха (ЛС ‘запах’).

1. Прилагательные, характеризующие запах (ДС или ЛС ‘запах’). Данную группу составляют 9 лексем: *амброзический* ‘имеющий вкус или запах амброзии, приятный, сладостный’, *гнилой* ‘содержащий гнилые частицы, насыщенный гнилью’, *душной* ‘несвежий, спертый, затрудняющий дыхание’, *затхлый* ‘пахнущий гнилью, плесенью, сыростью’, *медовый* ‘имеющий вкус, запах меда’, *муровонный* ‘имѣющій запахъ подобный отъ мвра исходящему’, *муроуханный* ‘имѣющій запахъ мвра’, *парфюмированный* ‘пропитанный благовониями, ароматизированный’, *тухлый* ‘говоря о снѣдныхъ вещахъ значить: испортившись, повредившись противной запахъ имѣющій’.

Именно в русском языке XVIII в. появляется эта группа прилагательных, в ней есть лексемы как с положительной коннотацией, так и с отрицательной. Это связано, на наш взгляд, с большей употребительностью существительных, от которых эти прилагательные образованы.

2. Глаголы распространения запаха (ДС ‘запах’). Данная группа включает в себя 8 единиц: *воскурить* ‘возжечь; зажечь ароматическое вещество’, *дымить* ‘выпускать дым при курении’, *кадить* ‘раскачивая кадило, курить ладаном, фимиамом’, *курить* ‘окуривать, очищать дымом; жечь благовония’, *накурить* ‘наполнить, окурить дымом какого-либо пахучего вещества’, *облагоухаться* ‘помазав себя благовонием, сделаться источником благоухания’, *подкурить* ‘окурить слегка, немного’, *покадить* ‘кадить некоторое время’. (Для сравнения: эта ЛСГ старорусского языка представлена 3 лексемами: *благоухати, кадити, обвонити*). Данная ЛСГ русского языка XVIII в. больше старорусской почти в 3 раза, увеличилась она за счет активного словообразования лексем.

3. Существительные с ДС ‘запах’, называющие различные натурфакты и артефакты. Эта группа является самой многочисленной. Для сравнения: в старорусском языке 21 единица. Основу группы составляют названия растений, также в эту группу мы включили названия ароматических веществ. В русском языке XVIII в. 152 единицы: *адамова голова, амбра, амброзия, гиацинт, дурман, дурной духъ, дух, кадило, калуфер, шалфей, шафран* и т.д.

Данную группу существительных можно разделить на несколько подгрупп: 1) название растений: а) названия растений, имеющих приятный запах: *золотень, инбирь, каштанъ* и т.д.; б) названия растений, имеющих неприятный запах: *адамова голова, буквица, переградъ* и т.д.; в) названия растений, имеющих запах вообще: *бобровая струя* и т.д.; 2) названия конкретных веществ растительного или животного происхождения: *амбра, выхухоль* (О пахучем веществе выхухоли. *Надушить выхухлем*. ФРЛ II 458. [СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 64]) и т.д.; 3) названия животных, имеющего запах: *хорек*.

В основном данная группа существительных увеличилась за счет названий растений, но также в эту группу входят названия животных. Такая многочисленность группы обусловлена тем, что в русском языке XVIII в. литературные произведения не ограничивались религиозной тематикой.

4. Глаголы покрытия запахом одного объекта другим (ЛС ‘запах’) – 3 единицы: *заглушить* ‘перебить’, *окурить* ‘обдать, окутать дымом какого-либо вещества’, *окуриться* ‘обдаться, окутаться дымом какого-либо вещества’. (Для сравнения: в старорусском языке таких лексем нет.) Отметим, что данная группа глаголов появляется в русском языке XVIII в., что свидетельствует об активном словообразовании и структурном усложнении поля.

5. Глаголы пропитывания запахом объекта (ДС или ЛС ‘запах’). Данную группу составляют 3 лексемы: *надушить* ‘придать какой-либо запах; пропитать чем-либо пахучим’, *надушиться* ‘приобрести какой-либо запах’, *наквашивать* ‘держа что нибудь кислое въ какой посудинѣ, подаю случай напитаться ей кислымъ запахомъ, могушимъ портить свѣжія вещества’.

6. Глаголы проявления свойства запаха (ЛС 'запах') – 4 лексемы: *воскуриться* 'возжечься; начать куриться, испускать дым', *дымиться* 'испускать дым, куриться', *куриться* 'дымиться, испускать дым', *повеять* 'дохнуть'. Отметим, что в старорусском языке не было данной группы глаголов. Это является особенностью русского языка XVIII в. и свидетельствует о пополнении поля «Запах» новыми лексемами.

В *приядерную часть* поля «Восприятие запаха» входят 2 группы: 1) глаголы распознавания по запаху и 2) существительные, обозначающие процесс восприятия запаха, а также свойства, предметы и явления, связанные с обонянием.

1. Группа глаголов распознавания по запаху включает в себя 2 лексемы: *нанюхать* 'найти по запаху', *причуять* 'говорится о собаках охотничих; найти по запаху слѣдь звѣря какаго'. Для сравнения: в старорусском языке такой группы нет.

2. Группа существительных, обозначающих процесс восприятия запаха, а также свойства, предметы и явления, связанные с обонянием, в старорусском языке и в русском языке XVIII в. составляют 2 существительных, обозначающих орган обоняния: *ноздря* 'одно из двух наружных носовых отверстий у человека, животных' и *нос* 'орган обоняния у человека или животного'.

В *периферию* поля «Запах-свойство» входит 4 группы: 1) глаголы распространения запаха (ПС 'запах'), 2) существительные с ПС 'запах', 3) прилагательные, характеризующие запах и 4) глаголы проявления запаха (ПС 'запах').

1. Группа глаголов распространения запаха (ПС 'запах') – 4 лексемы: *испустить* 'произвести, выделить из себя, издать от себя', *литься* 'исходить, распространяться', *нести* 'распространить, распространять с собой', *ошибить* 'сильно подействовать'. Для сравнения: в старорусском языке такой группы глаголов нет.

2. Группу существительных с ПС 'запах' составляют 16 лексем: *алкали* 'щелочная соль, щелочь', *ангелика* 'растение из семейства зонтичных, дягиль', *бен* 'дерево в Индии; плод его', *бергамот* 'сорт апельсинов', *битумин* 'битумин', *виола* 'фиалка', *власы Флоры* 'о цветах, травах, растениях', *выдохновение* 'испарение', *гвоздика* 'растение с цветами различной окраски', *гнилость* 'гниль, что-либо гнилое', *древо* 'о нетравянистом растении вообще', *душистый горох* 'так же называется и самое растение приносящее горохъ въ стручьяхъ', *дым* 'дым', *курево* 'дым от сжигания чего-либо, от курения чем-либо; дымный костер', *пар* 'газообразное выделение, испарение (иногда с запахом) из земли', *пижма* 'травянистое растение'. (Для сравнения: в старорусском языке эту группу представляют 5 существительных: *воня* 'воня благовония, воня благоухания – благовонный дым для жертвенных приношений', *духъ* 'испарения; запах; ароматическое вещество', *дымь* 'дым', *курение* 'ароматический дым, дым от курения благовоний', *смрадъ* 'о вредоносных и неприятно пахнущих газах'). Данная ЛСГ увеличилась в 3 раза за счет появления большого количества существительных, используемых для названия растений. Отметим еще раз, что к данной группе существительных мы относили лексемы с семей 'запах', которая реализуется в контексте.

3. Группа прилагательных, характеризующих 'запах' (ПС 'запах'), – 54 лексемы: *алойный*, *амвросийный*, *асфальтовый*, *бальзамический*, *бальсамов*, *бодрительный* 'дающий бодрость', *водочный*, *выхухольный*, *гвоздичный*, *кофейный*, *лимонный*, *мятный*, *острый*, *отвратительный*, *проницательный*, *ревенный*, *терпентинный*, *тяжелой*, *чесношный*, *шалфейный* и т.д. Для сравнения: в старорусском языке эта ЛСГ представлена 1 лексемой: *смрадный* 'чадящий, дымный'.

Данную группу прилагательных можно разделить на 2 подгруппы: 1) прилагательные, называющие запах вещества: *асфальтовый*, *кофейный*, *нефтяной* и т.д.; 2) прилагательные, называющие свойство запаха: *жирный*, *проницательный*.

4. Группа глаголов проявления запаха (ПС 'запах') – 4 лексемы: *бродить* 'о движении воздуха', *влечь* 'притягивать, привлекать, тянуть', *возвѣстить* 'послужить приметой, признаком чего-либо; дать знать, показать что-либо', *наполнить* 'заполнить какое-либо пространство', *наполниться* 'заполниться'. В старорусском языке такой группы глаголов нет. Все глаголы, входящие в данную группу, в своем первоначальном значении не имеют отношения к ЛСП «Запах», что свидетельствует о развитии метафорических моделей при описании запаха.

Периферию поля «Восприятие запаха» можно поделить на первичную и вторичную периферии поля «Восприятие запаха».

Первичную периферию поля «Восприятие запаха» составляет 1 группа – глаголы распространения запаха (ПС 'запах'). В русском языке XVIII в. в эту группу входит 1 лексема: *отличать* 'собственно: отдѣлять, отмѣнять, распознавать одного человѣка отъ другаго, или одну вещь отъ другой, по какому нибудь признаку, посредствомъ разсудка или котораго нибудь изъ пяти чувствъ'.

Вторичную периферию поля «*Восприятие запаха*» составляет 1 группа глаголов, которые связаны с ЛСП «Запах», но они имеют другое значение. В эту группу входит 6 лексем: *вноздрять*, *вынюхивать* ‘нюхая издерживаю, извожу известное количество’, *донюхивать* ‘оканчивать то, что начал нюхать’, *перенюхиваться* ‘въ просторѣчїи: стакиваюсь, соглашаюсь, условливаюсь тайно съ другимъ въ разсужденїи чего либо’, *пронюхивать* ‘въ просторѣчїи. Развѣдываю о чемъ хитрымъ, тайнымъ образомъ’, *разнюхать* ‘развѣдать новости’.

В приядерной части поля «Запах-свойство» глаголов обладания запахом (ДС ‘запах’) (ср. рус. *отдавать*, *отзывать*) лексем с семантикой запаха нет.

Подводя итоги, следует отметить, что ЛСП «Запах» увеличилось количественно и усложнилось структурно: в старорусском языке оно содержит 65 лексем, а в русском языке XVIII в. – 351. Ядро поля сформировано. Ядро подполя «Запах-свойство», как и ядро подполя «Восприятие запаха», представлено 3 ЛСГ. В приядерной части «Запах-свойство» появляются следующие группы: прилагательные, характеризующие запах, глаголы покрытия запахом одного объекта другим, глаголы пропитывания запахом объекта и глаголы проявления свойства запаха; в приядерной части «Восприятие запаха» – глаголы распознавания по запаху. Периферия поля «Запах-свойство» и периферия поля «Восприятие запаха» полностью заполнены. Наблюдается активное употребление слов, имеющих несколько значений. Также отметим, что в русском языке XVIII в. слов, обозначающих плохой запах (*адамова голова*, *буквица*, *переградъ*), значительно больше, чем в старорусском языке.

Литература

1. Павлова Н. С. Лексика с семой «Запах» в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 18 с.
2. Риндисбахер Х. Д. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» [Электронный ресурс] / Х. Д. Риндисбахер // Журнальный зал. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/ot-zapaha-k-slovu-modelirovanie-znachenij-v-romane-patrika-zyuskinda-parfyumer.html>. – (Дата обращения: 31.10.2019)
3. Словарь Академии Российской. – Т. 1–6. – СПб.: при Императорской Академии Наук, 1789 – 1794.
4. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–21. – Спб.: Наука, 1984–2015.

К вопросу формирования жанровой системности в адыгском русскоязычии: литературоведческий аспект

Шиков К.М.

г. Майкоп.

Аннотация: В статье автор рассматривает вопросы формирования жанровых систем в русскоязычной адыгской литературе XIX века. Впервые делается попытка теоретического осмысления одного из сложнейших процессов, зародившихся в творчестве русскоязычных писателей как адыгских, так и других горских народов Северного Кавказа, вынужденных в связи с отсутствием национальной письменности создавать свои высокохудожественные произведения на русском языке.

Ключевые слова: адыги, литература, жанровые системы, культура, эпоха, род, вид, формирование, традиции, этнокультура, творческая индивидуальность, системообразование, мироотношение, герменевтика, детерминированность, жанрообусловливание, жанроформирование, жанрообразование, проблематика.

On the topic of forming the genre systematicity in the Adyghe Russian- language literature: literary aspect

К. М. Shikov

Abstract: In the article the author reviews the matters of forming of genre systematicity in the Russian-language based Adyghe literature in the XIX century. For the first time the attempt is made to comprehend theoretically one of the most difficult processes that emerged in the work of Russian-language based of Adyghe authors as well as other Caucasian ethnicities which were forced due to absence of national writing to create pieces of literary work of sterling merit.

Key words: Adyghe people, literature, genre systematicity, culture, epoch, type, kind, forming, traditions, ethnic culture, creative individuality, system forming, relation to the world, hermeneutics, determinancy, genre genesis, genre rational, problematics.

В различные культурно-исторические эпохи жанровые системы в литературах складываются по-разному в зависимости от множества идейно-эстетических ценностей и личностных особенностей художника. Поэтому, на наш взгляд, очень важно выяснить, как, каким образом формировалась жанровая система в русскоязычной адыгской литературе, занимающей значительное место в русскоязычной культуре народов Северного Кавказа.

Общеизвестно, что процесс возникновения жанровых систем в значительной степени находится в прямой зависимости от определённых факторов, важнейшими из которых являются как философско-эстетические, так и мировоззренческие. Он так же находится в прямой зависимости от того, потенциал каких жанров доминирует в данную эпоху и соответствует социально-эстетическим требованиям времени, так как жанры как элементы системы группируются далеко не всегда на основе одних и тех же принципов. Они ведь могут формироваться как на основе родовой принадлежности, так и без неё. К примеру, в эпоху классицизма низкие и высокие жанры были из разных родов литературы, так как в нём не было чёткой жанрово-родовой градации. И это было связано с тем, что эстетика метода в решении данной проблемы определяет очень многое. Именно поэтому и русскоязычная литература адыгов, которая берёт своё начало в устном поэтическом творчестве народа, затем в процессе самоформирования и художественно-эстетического самосовершенствования не могла обойтись без помощи более зрелой, философско-эстетически более совершенной русской литературы, что делает очевидным влияние её творческих традиций на художественно-изобразительные средства и принципы молодых горских писателей. Таким образом, формирование жанровой системы в русскоязычной адыгской литературе, бесспорно, находилось в прямой зависимости от тех факторов и процессов, которые формировали и жанровую системность в русской литературе XIX века. Вот почему в горской национальной литературе, как и в русской, этот процесс мог проявляться и одинаково, и по-разному. Ведь даже в одной художественно-эстетической системе – классицизме – в разных странах доминирующими были различные жанры. Например, старшим жанром во французском классицизме была драма, а в русском – ода и сатира, при том, что сатира считалась низким жанром. Приведённые нами предположения свидетельствуют о том, что исследователям русскоязычной адыгской литературы необходимо, безусловно, учитывать как особенности общероссийского литературного процесса, так и особенности самой национальной литературы и этнокультурные традиции народа, которому она принадлежит.

В связи с этим литературоведческой наукой выдвигается одна существенная проблема, а именно проблема этнокультурной специфики, так как она во многом не только определяет, но через неё ещё и раскрываются особенности этнокультурной ментальности любой национальной литературы и функционирование жанровых систем в них. Она как бы реализуется, «опредмечивается» в динамике и функционировании жанров в различные историко-культурные эпохи, причём в том самом своеобразии жанровых систем, которые особенно характерны для данной национальной литературы. И эту особенность исследователям, естественно, надо раскрывать именно потому, что в своеобразии жанровых систем, безусловно, в большей степени и проявляется, и раскрывается сама сущность этнокультурной специфики национальной литературы (курсив наш – К.Ш.).

В осознании подобной вариативности и относительности жанров и жанровых отношений, как считает известный исследователь проблем жанровой системности Ю.В. Стенник, – ключ к пониманию своеобразия развития национальных литератур [1, С. 168-203].

В романтизме системообразующую роль играет не идеально существующая жанровая модель, а личность художника. Поэтому при изучении роли творческой индивидуальности

писателя в становлении и развитии русскоязычной адыгской литературы необходимо прежде всего актуализировать проблему авторской личности и художника. В связи с тем, что почти все русскоязычные адыгские писатели первой половины XIX столетия так же, как и мастера слова русской литературы, на первом этапе своего творческого становления были приверженцами романтических принципов изображения окружающей действительности и их первые опыты представляли, бесспорно, литературу романтизма, проблема личности автора в горской национальной литературе становится наиболее функциональной в данную историко-культурную эпоху. Так как в адыгской романтической литературе системообразующую роль играют не идеально существующие строгие жанровые модели, а воплощённая в произведениях личность художника, которая находится в основе единой системы поэтического миропонимания и мироотражения, и в которых в конечном счёте определён «должный идеал», определена концепция человека, то есть тип духовно-деятельного мироотношения (курсив наш – К.Ш.).

Во втором важнейшем художественно-познавательном цикле – реализме, - в рамках которого в основном и осуществлялась деятельность русскоязычных адыгских писателей-просветителей, тоже, бесспорно, имеется своя неповторимая по своеобразием система жанров. И в реалистической художественно-эстетической системе, как и в романтической, наблюдается дифференциация жанров и жанровых приоритетов, эволюция эстетических ценностей тех или иных жанров, в связи с чем и в эпоху реализма в литературе появляются новые жанровые образования. Но главное не это, так как и в реалистической литературе жанры в своей основе отвечают тем же принципам жанровой архаики, которые наблюдались на всех этапах развития литературы в предыдущие эпохи. А потому главное, на наш взгляд, в другом, а именно в том сложнейшем эстетическом процессе, который связан с динамичностью жанровой системы, дающей возможность вбирать в себя свойства других жанров и родов литературы, способствующей формированию и становлению реализма как открытой динамической художественно-эстетической системы (курсив наш – К.Ш.), при этом одновременно взаимодействуя и с другими художественно-эстетическими явлениями литературы как искусства.

Таким образом, в основе своеобразия жанровой системы классического реализма лежит принцип открытого взаимодействия жанрово-видовых и родовых характеристик литературных произведений. В реалистической литературе доминирует эпический род, следовательно, прозаические эпические жанры. Эта особенность непосредственно вытекает из качественных характеристик и свойств типа мироотношения практически-деятельного человека, который актуализировал такие важнейшие факторы, как историзм художественного мышления, проблемный детерминизма. В связи с этим Л.Я. Гинзбург в своём труде «О литературном герое» [2], рассматривая литературного героя реалистического искусства, высказала мысль о том, что не только в реалистической литературе стали проявляться процессы детерминизма. Реалистическая литература расслаивает процессы обусловленности, детерминированности характера условиями бытия в широком, а не в узко-социальном плане. В произведениях русского классического реализма была показана не только обусловленность героев и процессы их детерминации, но и то, что стало предметом художественной рефлексии, т.е. сама идея детерминированности. Вслед за Лидией Гинзбург профессор В.М. Головкин в нескольких своих трудах [3, 4, 5] неоднократно подчёркивает, что русская классическая литература, пожалуй, является самой метафизической. Но эта метафизика русской литературы в том понимании, в каком о ней говорит профессор В.М. Головкин, на наш взгляд, нисколько не противоречит принципу детерминизма. Ведь в то же время на этой жанровой основе создавались произведения, обобщенно воплощавшие миропонимание выдающихся мастеров русского художественного слова на уровне и онтологии, и художественной метафизики, произведения, в которых совершенно органично и естественно появляется пласт, неожиданно образующий удивительный синтез и социально-психологического, и философского, и метафизического факторов. Следовательно, воплощению принципов их художественной онтологии нисколько не препятствовали идеи детерминизма, так как было бы научно ошибочным и несостоятельным представлять себе детерминизм как явление, метафизически жёстко обусловленное социальными структурами. Вовсе нет. В данном случае мы имеем в виду, что человек становится средоточием действия разнонаправленных детерминант, в том числе и бытийных, и онтологических, а не только социально-бытового свойства. Именно поэтому Лидия Гинзбург и отмечает, что в русском классическом реализме получили отражение не только сама эта обусловленность, не только процессы детерминации, а ещё именно то, что предметом

художественной рефлексии стала и д е я (курсив и разрядка наши – К.Ш.) детерминированности, которую уже философски серьёзно осмысливали и понимали сами писатели.

В жанровой системе классического реализма в трудах, посвящённых проблемам поэтики русской литературы, и особенно в фундаментальном научном исследовании «Поэтика русского реализма» [6] академика Г.М. Фридлендера, наблюдается единство двух тенденций. С одной стороны, это внутренняя дифференциация жанров, в процессе которой не разрушается жанровая иерархия, с другой – одновременно как бы наблюдается обратное явление, т.е. процессы жанровых интеграций, иными словами, процессы постоянного взаимодействия жанров, в результате которого возникают новые жанровые формообразования. К примеру, такой художественно-эстетический синтез, названный литературоведами «романической повестью», специальному исследованию которой посвящено много трудов известных современных российских учёных, в том числе и профессора В.М. Головки [4].

С уходом в историческое прошлое так называемой эпохи эддической поэтики, когда исключительно строго действовали и соблюдались жанровые нормативы, и наступлением эпохи модальности (по терминологии С.Н. Бройтмана) художник слова стал обретать всё большую самостоятельность и право на творческую инициативу. Именно поэтому не только в русской классической, но и в русскоязычной адыгской литературе стало возможным, пользуясь философскими категориями и терминологией, единство таких противоположностей, как жанровая дифференциация (сохранение чистоты жанров, когда конкретные произведения, в частности роман, сохраняют свои свойства, не разрушая основ собственной архаики, присущей только им) и жанровая интеграция (постоянное взаимодействие одних жанров со всеми другими родами и жанрами литературы, нисколько не противоречащее высказанной нами ранее идее единства).

Ярким примером подобной жанровой интеграции и взаимодействия различных родов и видов литературы может служить повесть «Долина Ажитугай» русскоязычного адыгского писателя XIX столетия Султана Казы-Гирея, который с поразительной художественной смелостью и талантом ещё на заре жанрово-интеграционных процессов в русской классической реалистической литературе сочетал в своём творчестве и лирику, и эпос. Повесть «Долина Ажитугай», написанная в жанре лирической прозы, свидетельствует о том, что даже в «позднеромантической» российской литературе уже проявлялись те тенденции, которые непосредственно связаны с художественно-эстетическим и жанровым синтезом. Безусловно, что эти интеграционные процессы создания подобных произведений в ту эпоху могли иметь и свои определённые причины, тем более, что появлялись они крайне редко. Но ведь ещё важно, что в них находит яркое отражение то ощущение роли, творческой самодостаточности и значимости авторской личности, которые в конечном счёте привели к созданию принципиально новой жанровой системы классического реализма.

Авторская личность как теоретическая проблема имеет огромное значение и для русскоязычной адыгской литературы. Ведь, исследуя проблему авторской личности, в значительной степени можно исследовать и проблему творческой индивидуальности, даже при том, что эти категории содержат далеко не идентичный внутренний смысл. Но в данном случае под понятием «авторская личность» мы больше всего имеем в виду то, что раскрепощается авторская инициатива, и авторская личность проявляется прежде всего в том, что каждый писатель становится носителем внеканонической инициативы, которая в художественном творчестве чрезвычайно важна и значима. А в литературе классического реализма, в так называемую эпоху модальности, когда жанровый канонизм критически подвергается значительному пересмотру и художественно-эстетической переоценке, когда эпоха модальности максимально освобождает писателя от застывших вековых творческих традиций, ставших консервативными для новой литературы, и полностью раскрепощает авторскую инициативу, тогда и возникают все предпосылки для новаторских экспериментов, в том числе и для жанрового синтеза и взаимодействия различных родов и видов литературы.

Эти сложные процессы в художественно-интеллектуальной деятельности гениальных классиков русской реалистической литературы, на которые в своё время обратил внимание академик Г.М. Фридлендер, подтверждаются и более новыми исследованиями по исторической поэтике, так как в реализме, как ни в какой другой художественно-эстетической целостности, системе, особо находят самое широкое применение структурные возможности всех жанров, которые заметно укрупняются и становятся масштабными. В связи с этим профессор Ю.В. Стенник отмечал, что системность русского классического реализма устанавливается не только на

уровне функционирования отдельных жанров, но даже на уровне соотношения жанров и жанровых разновидностей, потому что в эпоху модальности каждый жанр приобретает свойство системности (В.М. Головки). Это явление, на наш взгляд, связано с тем, что жанрообразующие процессы настолько активизируются, что жанровые разновидности в рамках одной матрицы, на одной и той же жанровой основе, к примеру, той же архаики повести, начинают представлять собой уже настолько многообразные, многосложные и многоаспектные формы, что внутри себя сами создают определённые отношения, в результате чего возникает самодостаточная система, в которой и роман, и повесть, и рассказ как литературные жанры каждый в отдельности становятся системой.

Подобный процесс возникновения новых жанровых разновидностей мы наблюдаем и в русскоязычной адыгской литературе XIX столетия, когда один и тот же жанр становится разветвлённым, когда возникает «цветущая сложность» (Леонтьев) одного и того же жанра, самостоятельно приобретая характер системности, в частности, в произведении «Долина Ажитугай» Султана Казы-Гирея и повестях «На холме», «Абреки», «Два месяца в ауле» Адиль-Гирея Кешева. И эта универсальная системность жанров характерна только для искусства классического реализма, что и даёт нам возможность ставить проблему жанровой системы не только в русской классической, но и в русскоязычной адыгской литературе, расцвет которой приходится на эпоху реализма, особенно в творчестве горских писателей последней четверти XIX века. Ю.В. Стенник пишет: «... понятие системы жанров наполняется на разных этапах историко-литературного процесса далеко не одинаковым смыслом...

Как систему можно рассматривать практически любое обладающее внутренней завершённой и самостоятельно функционирующее литературное явление – от отдельно взятого произведения (курсив наш – К.Ш.) до литературного процесса в его отдельных завершившихся фазах» [1, С. 185-186]. Следовательно, исследуя жанровые системы искусства эпохи классического реализма XIX столетия, безусловно, как русскую, так и русскоязычную адыгскую литературу, мы имеем в виду:

- а) систему жанров с точки зрения закономерностей их перегруппировки;
- б) динамику жанров;
- в) жанровую систему конкретных литературных видов – романа, повести, рассказа и т.д.;
- г) жанрово-родовые и жанрово-видовые взаимодействия, выражающиеся в жанровом синтезе («Долина Ажитугай» С. Казы-Гирея). Все эти факторы являются дефинициями обозначенного выше понятия, благодаря которым писателями создаются оригинальные жанры.

Действительно, взаимодействие и взаимовлияние жанров выражаются в синтезе, потому что все эти факторы являются дефинициями обозначенной выше категории и, благодаря им писателями создаются оригинальные жанры, не вписывающиеся в традиционно-каноническое представление о них, и к которым вначале невозможно было подобрать определение (к примеру, Лев Толстой создаёт роман-эпопею «Война и мир» и потом сам не может подобрать к нему жанровое определение; Н.С. Лесков ни к одному своему произведению не мог подобрать жанровое определение и вынужден был давать им оригинальную авторскую оценку, зачастую ошибаясь и, в частности, называя повесть очерком, хотя она по всем параметрам отвечала требованиям повествовательного жанра).

Подобные факты лишней раз свидетельствуют о том, что жанры аккумулируют в себе все уровни системности. И в подтверждение и обоснование своих научных предположений мы хотели бы обратиться к идее герменевтики в литературе, впервые разработанной известным учёным-литературоведом профессором В.М. Головки, и которая заключается в том, что автор, рассматривая соотношение целостности жанра и его компонентов, выделяет самые крупные её части на уровне жанрообуславливания, жанроформирования и жанрообразования (курсив наш – К.Ш.). Учёный считает, что любая жанровая системность может фиксироваться в этом плане, потому что «жанрообуславливание» – это прежде всего тип проблематики. Ведь повесть не может осваивать содержание романа, так как она тогда не будет отвечать жанровым требованиям повести. И некоторые писатели, временами пытаясь один тип проблематики жанра (научный термин Г.Н. Поспелова) «приспособить», условно говоря, к другим формам, как следствие, терпят неудачу. Именно с этим и связано было то, что Лев Толстой, который сначала повесть «Казачьи» задумал написать как роман «Беглец», четыре раза возобновлял работу над ним, но так и не смог закончить в романной форме, – даже великий писатель, начав своё произведение как повесть, взял тип проблематики романа и не смог завершить задуманное.

Литература

1. Стенник Ю.В. Система жанров в историко-литературном процессе / Ю.В. Стенник // Историко-литературный процесс. – Л., 1974.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – М., 1982.
3. Головки В.М. Историческая поэтика русской классической повести / В.М. Головки. – М. ; Ставрополь, 1995.
4. Головки В.М. Жанровая системность в аспекте эволюции «идеи человека»: на материале русского классического реализма // Филологические науки: актуальные проблемы филологии и журналистики / В.М. Головки. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.
5. Головки В.М. Формирование персонифицированной повествовательной ситуации в прозе второй половины XIX века / В.М. Головки. – Ставрополь, 2001.

Метафорическое онлайн-моделирование «политика» – «война» в современном английском и русском медиадискурсе

Магомадова Т.Д., Хабусиева Т.Б.

**Грозненский государственный нефтяной технический университет, г. Грозный,
Россия.**

Аннотация. Статья посвящена реализации военной метафоры в векторе «ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА». Устанавливается возможность вербального метафорического онлайн-моделирования политической коммуникации в современном английском и русском медиадискурсе. В работе выявляются основные онлайн-модели военной метафоры в политической сфере человеческой деятельности, основанные на семантической корреляции таких политических и военных составляющих жизнедеятельности человека, как 1) события; 2) действие, сценарий и его элементы; 3) средства, результат их действия; 4) участники действий; 5) место действий; 6) атрибуты и символы. Устанавливается частотность онлайн-употребления военной метафоры в направлении «ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА».

Key words: military metaphor, metaphorical model, metaphorical online modeling, media discourse, political media communication, politics, war.

В быстро меняющемся современном мире под влиянием процессов глобализации и тотальной информатизации жизни социума все большее внимание исследователей привлекает политическая медиакommunikация. Среди различных направлений исследования политического медиадискурса особенно выделяется когнитивно-дискурсивная парадигма [1-8]. Поскольку политическая коммуникация представляет собой вербальную борьбу политических деятелей за власть и влияние в обществе, то несомненным доминирующим аспектом политического дискурса выступает семантический аспект, позволяющий конструировать новые смыслы политических сражений по различным каналам связи в массмедиа, не только офлайн, но и онлайн. Так как политическая коммуникация является, прежде всего, агональной коммуникацией, то она концептуально пересекается с семантическим полем войны. Тем самым проводятся параллели между политической и военной сферами, что фиксируется на разных уровнях политического медиаязыка, в т.ч. и на лексико-семантическом уровне.

Всеобщая метафоризация сознания отражается в метафоризации коммуникации, поэтому в нашей работе установим возможность вербального метафорического онлайн-моделирования политической коммуникации в современном медиадискурсе на материале английского и русского языков. Выявим основные онлайн-модели военной метафоры в политической сфере человеческой деятельности, основанные на семантической корреляции основных политических и военных составляющих жизнедеятельности человека.

В основу данной работы положена классификация милитарных метафорических моделей по таким параметрам, как:

- 1) события;
- 2) действие, сценарий и его элементы;

- 3) средства, результат их действия;
- 4) участники действий;
- 5) место действий;
- 6) атрибуты и символы [2; 4].

В результате анализа фактического материала, отобранного с использованием приема сплошной выборки были выявлены следующие метафорические модели в направлении метафорического онлайн-моделирования «ПОЛИТИКА – «ВОЙНА» в английском и русском медиадискурсе.

1. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ» – «ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ»

Корреляция военных метафор по параметру «события» в политической медиакommunikации основывается на сходстве качеств, свойств, функций и т.п. политических событий с военными событиями и выявляет основные виды политических внешних (межгосударственных) и внутренних (партийных) столкновений в обществе, конфликтных ситуаций, политических преступлений.

Например,

Tamara Tarasenko's life began against the backdrop of the violent struggles for land in Ukraine, known as "the breadbasket of Europe." Now she's 80, and she's afraid there's another fight coming for its fertile black soil [Verbyany V. Ukraine Farmers Who Endured Hitler, Stalin Now Fear Markets // Bloomberg, 17.12.2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-17/europe-s-tragic-breadbasket-braces-for-new-fight-for-black-soil>]

Скабеева рассказала подробности об агрессии депутата Рады в ПАСЕ <...> Ведущая телеканала «Россия 1» Ольга Скабеева рассказала подробности инцидента в ПАСЕ с депутатом Верховной рады и представителем украинской делегации Бориславом Березой, который оскорбил и толкнул журналистку [Скабеева рассказала подробности об агрессии депутата Рады в ПАСЕ // Взгляд. 25.01.2019. URL:

<https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2019%2F1%2F25%2F961085.html>].

2) «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ, СЦЕНАРИЙ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ» – «ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, СЦЕНАРИЙ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ»

Корреляция военных метафор по параметру «действия, сценарий и его элементы» в политической медиакommunikации базируется на сходстве политических действий с военными действиями от начала до завершения. В массмедиа активно освещаются политические процессы подготовки, объявления о начале парламентских слушаний по какому-либо вопросу, предвыборных кампаний, встреч с избирателями, их осуществление с использованием политического оружия, чаще всего вербального, политическое ранение или политическая смерть как выпадение из политической жизни при увольнении с занимаемой должности или поражения на выборах, завершение политических действий победой или поражением (проведение/непроведение закона, предложенного какой-либо партией и т.п.). Все политические действия хорошо планируются, реализуются активно с применением политических стратегий и тактик борьбы, преимущественно вербальных, и др.

Например,

Reuters/Ipsos polls show that while most Democrats want to see him impeached, most Republicans do not. Televised hearings last month that were meant to build public support for impeachment appear to have pushed the two sides further apart. The House vote on Wednesday was just the latest, but also unquestionably the biggest, in a string of controversies that have buffeted the turbulent presidency of the New York real estate mogul and former reality TV personality [Cornwell S., Cowan R., Morgan D. Divided U.S. House impeaches Donald Trump in historic vote // Reuters. 18.12.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-impeachment/in-historic-step-u-s-house-impeaches-donald-trump-for-abuse-of-power-obstruction-idUSKBN1YM173>].

«Они проголосуют за любую гадость, которую им спустит начальство» Депутат Госдумы рассказал, почему парламент защищает интересы Кремля, а не граждан [Сеньшин Е. «Они проголосуют за любую гадость, которую им спустит начальство» Депутат Госдумы рассказал, почему парламент защищает интересы Кремля, а не граждан // Знак. Интернет-газета. 25.04.2019. URL: [https://www.znak.com/2019-04-](https://www.znak.com/2019-04-25/deputat_gosdumy_rasskazal_pochemu_parlament_zachichaet_interesy_kremlya_a_ne_grazhdan)

[25/deputat_gosdumy_rasskazal_pochemu_parlament_zachichaet_interesy_kremlya_a_ne_grazhdan](https://www.znak.com/2019-04-25/deputat_gosdumy_rasskazal_pochemu_parlament_zachichaet_interesy_kremlya_a_ne_grazhdan)].

2) «политические средства, результат их действия» – «вооружение и его части, применение оружия, результат его действия»

корреляция военных метафор по параметру «средства, результат их действия» в политической медиакommunikации основывается на сходстве применения средств борьбы, использования

политического оружия, разных его элементов, результирующих эффект воздействия на адресата в определенных политических интересах.

например,

an embattled president donald trump condemned the democratic-led impeachment vote against him on wednesday, irked that he made u.s. history in a bad way but assured that republicans in the senate will save him from being ousted [holland s., mason j. at campaign rally, embattled trump gives withering review of impeachment vote // reuters. 19.12.2019. url: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-impeachment-rally/at-campaign-rally-embattled-trump-gives-withering-review-of-impeachment-vote-iduskbn1yn09p>]

мемуары столичного мэра могут оказаться политической бомбой огромной разрушительной силы [стоцкий а. юрий лужков оставил скандальные воспоминания // Экспресс-газета. 14.12.2019. URL: <https://www.eg.ru/society/818481-yuriy-lujkov-ostavil-skandalnye-vospominaniya-055776/>]

4) «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ, ПАРТИИ, ГРУППЫ» – «УЧАСТНИКИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ВОИНСКИЕ ЧАСТИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ»

Корреляция военных метафор по параметру «участники действий» в политической медиакоммуникации раскрывается на основе характеристики действующих лиц политических событий, которые могут индивидуально или в группе совершать политические действия, схожие с военными по количественным, семантическим, эмоционально-оценочным и пр. признакам.

Например,

The impeachment vote comes ahead of Trump's re-election campaign, which will pit him against the winner among a field of Democratic contenders, including Biden, who have repeatedly criticized Trump's conduct in office and promised to make it a key issue [Cornwell S., Cowan R., Morgan D. Divided U.S. House impeaches Donald Trump in historic vote // Reuters. December 18, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-impeachment/in-historic-step-u-s-house-impeaches-donald-trump-for-abuse-of-power-obstruction-idUSKBN1YM173>].

По информации делового издания, речь, в частности, идет о таких национал-патриотических организациях, как созданное недавно движение «За правду» писателя Захара Прилепина, организатора воронежского фестиваля «Русское лето», или партия «Родина», лидером которой является депутат Государственной Думы от Воронежской области Алексей Журавлев. В том же списке для тестирования могут оказаться экологические проекты. Например, партия «Зеленые» и «Альянс зеленых». Либеральную часть политического спектра представят Партия роста и «Гражданская платформа». А в роли защитников левых взглядов и социальных прав предлагается использовать Воронежскую область могут использовать как плацдарм для обкатки сценариев госдумских выборов // Четыре пера. 03.11.2019. URL: http://4pera.com/news/picture_of_the_day/voronezhskuyu_oblast_mogut_ispolzovat_kak_platsdarm_dlya_obkat_ki_stsenarijev_gosdumskih_vyborov/].

5) «МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ» – «МЕСТО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Корреляция военных метафор по параметру «место действий» в политической медиакоммуникации основывается на локальном сходстве осуществления политической и военной деятельности. В данном случае речь идет о расположении групп политиков, политических солдат и руководителей-офицеров (электорат как члены партий, политтехнологи и т.п.), а также о местах деятельности политиков (различные виды Дум: Городская, Областная, Государственная, Законодательное собрание и др.).

Например,

The Democratic-led House's passage of two articles of impeachment on a mostly party-line vote sets the stage for a trial next month in the Republican-controlled Senate - friendlier terrain for Trump - on whether to convict and remove him from office [Cornwell S., Cowan R., Morgan D. Divided U.S. House impeaches Donald Trump in historic vote // Reuters. December 18, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-impeachment/in-historic-step-u-s-house-impeaches-donald-trump-for-abuse-of-power-obstruction-idUSKBN1YM173>].

Воронежскую область могут использовать как плацдарм для обкатки сценариев госдумских выборов. Газета «Ведомости» со ссылкой на источники, близкие к Кремлю, сообщила, что на выборах в региональные парламенты 2020 года планируется протестировать политические проекты, которые в 2021-м будут участвовать в выборах в Госдуму. В списке кандидатов на тестирование – как уже существующие, так и новые проекты [Воронежскую область могут использовать как плацдарм для обкатки сценариев госдумских выборов // Четыре пера. 03.11.2019. URL:

http://4pera.com/news/picture_of_the_day/voronezhskuyu_oblast_mogut_ispolzovat_kak_platsdarm_dlya_obkatki_stsenariiev_gosdumskikh_vyborov/].

б) «ПОЛИТИЧЕСКИЕ АТРИБУТЫ И СИМВОЛЫ» – «ВОЕННЫЕ АТРИБУТЫ И СИМВОЛЫ»

Корреляция военных метафор по параметру «атрибуты и символы» в политической медиакоммуникации предполагает сходство символики и атрибутики политической деятельности и военной деятельности, что включает политические предметы, одежду, музыку и символы участников политических действий, их поведение и др., в т.ч. музыкальные инструменты (барабаны, горны и др.), флаги, значки и др.

Например,

Russian President Vladimir Putin has donated a tenner towards the Big Ben Bong crowdfunder being run by Mark Francois, explaining that it's the very least he could do, considering <...> "The British people did what I wanted, so why shouldn't I contribute towards their little party? Yes, I'm not really known for sentimentality, but it gives me the warm fuzzies to think of the British people digging deep to pay for a massive bell that 99.999% of the population can't hear, to celebrate a thing no-one really understands, and to signify the culmination of five years work on my part." [Davywavy. Vladimir Putin chips in a tenner to 'Ben Ben Bong for Brexit' crowdfunder // News Thump. 16.01.2020. URL: <https://newsthump.com/2020/01/16/vladimir-putin-chips-in-a-tenner-to-ben-ben-bong-for-brexit-crowdfunder/>].

"Немой набат" по России [Ярошевич А. "Немой набат" по России // Аргументы недели. 01.08.2019. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fargumenti.ru%2Fsociety%2F2019%2F08%2F623394>]

Итак, проведенный анализ показал, что существует возможность вербального метафорического онлайн-моделирования политической коммуникации в современном английском и русском медиадискурсе. Нами выявлены основные онлайн-модели военной метафоры в политической сфере человеческой деятельности, основанные на семантической корреляции политических и военных составляющих жизнедеятельности человека по следующим параметрам: 1) события; 2) действие, сценарий и его элементы; 3) средства, результат их действия; 4) участники действий; 5) место действий; 6) атрибуты и символы.

Выделение описанных в работе метафорических онлайн-моделей базируется на агональности политической медиакоммуникации, а также на метафоризации сознания и типизированности восприятия окружающей действительности представителями английской и русской лингвокультур в существующей бинарной оппозиции «война – мир». Преобладающими в приведенных метафорических онлайн-моделях в рамках метафорического онлайн-моделирования «ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА» в английском и русском политическом медиадискурсе являются переосмысления военных событий (6,3/ 6,2%), военных действий (6/ 6%), применяемого оружия (5,5/ 5,1%), участников военных действий (5,1/ 5,4%) в политической сфере. Метафорические онлайн-модели «место политических действий» – «место военных действий» (3,1/ 3%) и «политические атрибуты и символы» – «военные атрибуты и символы» (2,1/ 2,3%).

Литература

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994.
2. Доброниченко, Е. В. Военная метафоризация свадебного медиаперформанса / Е. В. Доброниченко, М. Р. Желтухина, Т. Д. Магомадова, Г. Г. Слышкин // Инновации XXI века. Всероссийский научный и общественно-просветительский журнал. – 2012. – № 1. – С. 178-180.
3. Москвин В.П. Русская метафора: семантико-структурная, функциональная классификация / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997.
4. Magomadova T.D. Agonality of Consciousness and Behavior: Military Metaphorization of a Modern Media Discourse / T.D. Magomadova // Person and his Discourse: coll. monograph / Ed. Zheltukhina M. R. – Moscow: Azbukovnik, 2014. – P. 9, 97–105, 350.
5. Wilcox Ph. A Cognitive Key: Metonymic and Metaphorical Mappings in American Sign Language / Ph. Wilcox // Cognitive Linguistics. – 2004. – 15. – P. 197–222.
6. Yu N. A Decompositional Approach to Metaphorical Compound Analysis: The Case of a TV Commercial / N. Yu // Metaphor and Symbol. – 2011. – 26. P. 243–259.

7. Zheltukhina M.R. et al. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK / M.R. Zheltukhina, M.V. Busygina, M.G. Merkulova, I.A. Zyubina, L.M. Buzinova // *XLinguae*. 2018a. 11 (2): 639–654.

8. Zheltukhina M.R. et al. Stylistic Means of Influence in the Contemporary Chinese Sports Media Advertising / M.R. Zheltukhina, A.V. Ukrainskaya, E.B. Ponomarenko, N.Yu. Fanyan, E.V. Talybina // *XLinguae*. – 2018b. – 11 (1). P. 152–162.

Источники материала

Воронежскую область могут использовать как плацдарм для обкатки сценариев госдумских выборов [Электронный ресурс] // Четыре пера. 03.11.2019. – Режим доступа: http://4pera.com/news/picture_of_the_day/voronezhskuyu_oblast_mogut_ispolzovat_kak_platsdarm_dlya_obkat_ki_stsenariiev_gosdumskikh_vyborov/. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Сеньшин Е. «Они проголосуют за любую гадость, которую им спустит начальство» Депутат Госдумы рассказал, почему парламент защищает интересы Кремля, а не граждан [Электронный ресурс] // *Знак*. Интернет-газета. 25.04.2019. – Режим доступа: https://www.znak.com/2019-04-25/deputat_gosdumy_rasskazal_pochemu_parlament_zachichaet_interesy_kremlya_a_ne_grazhdan. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Скабеева рассказала подробности об агрессии депутата Рады в ПАСЕ [Электронный ресурс] // *Взгляд*. 25.01.2019. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2019%2F1%2F25%2F961085.html>. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Стоцкий А. Юрий Лужков оставил скандальные воспоминания [Электронный ресурс] // *Экспресс-газета*. 14.12.2019. – Режим доступа: <https://www.eg.ru/society/818481-yuriy-lujkov-ostavil-skandalnye-vospominaniya-055776/>. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Ярошевич А. "Немой набат" по России [Электронный ресурс] // *Аргументы недели*. 01.08.2019. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fargumenti.ru%2Fsociety%2F2019%2F08%2F623394>. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Cornwell S., Cowan R., Morgan D. Divided U.S. House impeaches Donald Trump in historic vote [Электронный ресурс] // *Reuters*. 18.12.2019. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-impeachment/in-historic-step-u-s-house-impeaches-donald-trump-for-abuse-of-power-obstruction-idUSKBN1YM173>. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Davywavy. Vladimir Putin chips in a tenner to 'Ben Ben Bong for Brexit' crowdfunder [Электронный ресурс] // *News Thump*. 16.01.2020. – Режим доступа: <https://newsthump.com/2020/01/16/vladimir-putin-chips-in-a-tenner-to-ben-ben-bong-for-brexit-crowdfunder/>. – (Дата обращения: 16.01.2020).

Holland S., Mason J. At campaign rally, embattled Trump gives withering review of impeachment vote [Электронный ресурс] // *Reuters*. 19.12.2019. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-impeachment-rally/at-campaign-rally-embattled-trump-gives-withering-review-of-impeachment-vote-idUSKBN1YN09P>. – (Дата обращения: 29.12.2019).

Verbyany V. Ukraine Farmers Who Endured Hitler, Stalin Now Fear Markets [Электронный ресурс] // *Bloomberg*, 17.12.2019. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-17/europe-s-tragic-breadbasket-braces-for-new-fight-for-black-soil>. – (Дата обращения: 29.12.2019).

УДК 811.161

**Синтаксические терминообразовательные типы в русском языке
(на примере терминосистемы наук об этносе)**

Баматгиреева М.В.

**ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»,
г. Грозный, Россия**

Аннотация. В данной статье рассматривается общенаучная концепция понятий «термин» и «терминосистема», представлены взгляды ученых на природу термина, основные теоретические и практические подходы к исследованию терминосистем, наиболее продуктивные терминосочетания.

Ключевые слова: система, термин, терминология, терминосистема, исторические, семантические, «формальные» характеристики терминов.

**Syntactic terminological types in Russian
(on the example of the terminology system of ethnos sciences)**

Bamatgireeva M.V.

**FSBEI of HE "Chechen State Pedagogical University",
Grozny, Russia**

Annotation. This article discusses the general scientific concept of the concepts of “term” and “term system”, presents the views of scientists on the nature of the term, the main theoretical and practical approaches to the study of term systems, the most productive term combinations.

Key words: system, term, terminology, terminological system, historical, semantic, “formal” characteristics of terms.

С середины XX столетия в мире происходят процессы, затрагивающие проблемы этнической идентичности и характеризующиеся стремлением этнических общностей (этносов, наций) сохранить самобытность, подчеркнуть психологический склад, целостность культуры – важнейшей субстанции человеческой жизни, включающей в себя мир знаний, регулятивов, ценностей. Благодаря достижениям науки и техники, новейшим средствам массовой коммуникации, помогающим увидеть не только многообразие, но и целостность мира, открывающим все новые и новые возможности для обмена материальными и духовными ценностями, интенсивность общения народов возросла. Стало понятно, что человечество, с одной стороны, представляет собой единое целое, но, с другой стороны, в конце XX – начале XXI века распад целого ряда многонациональных государств, проблемы межэтнических отношений и конфликтов, национализм явились поводом для опровержения гуманистических иллюзий о едином человечестве и стали одной из популярных тем изучения в общественных науках. Общественные науки, вооруженные практическими проектами социальной стабилизации и построения бесконфликтного будущего, призваны научить людей пониманию законов общества, механизмов действий человеческого фактора, тенденциям развития социальных институтов, организаций, групп и индивидов, поддержанию национальной культуры. Непонимание социокультурного своеобразия общества, страны, социальных целей приводит общество к саморазрушению. Современная наука, складывающаяся из различных областей знания, которые взаимодействуют и вместе с тем обладают относительной самостоятельностью, есть явление дисциплинарно организованное. Под наукой в целом принято понимать процесс построения систематизированного образа части реальности, ориентированный на выявление ее общих свойств. Существует мнение, согласно которому системность является тем качеством, свойством объективного мира, которое не зависит от того, что человек думает о системности, т.к. наши системные представления лишь отражение системности объективного мира.

В развитии отраслей науки особую роль играют обобщенные схемы-образы предмета исследования, посредством которых фиксируются основные системные характеристики изучаемой реальности. Эти образы иначе называют специальными / научными картинами мира. Если картина мира в общем систематизирует представление о реальности, то научная картина мира обеспечивает систематизацию знаний в рамках соответствующей науки, с которой связаны различные типы теорий научной дисциплины (фундаментальные и специальные), опытные факты, на которые опираются и с которыми должны быть согласованы картины реальности. Вместе с тем, она функционирует и как исследовательская программа, которая целенаправляет постановку задач эмпирического и теоретического поиска и выбора средств их достижения решения [7; 5].

Современная наука раздроблена на необозримое множество отдельных научных дисциплин, областей и теорий. История любой области научного знания с большей или меньшей степенью убедительности свидетельствует, что ее возникновение всегда было обусловлено практическими потребностями людей. Любая научная дисциплина определяется наименованием, периодом

возникновения (от первых публикаций до полного формирования), объемом и типами литературы, институтами, кадрами, предметом, задачами, целями, местом среди других наук и, следовательно, языком, т.е. соответствующей терминологией и ее состоянием.

Система терминов определенной области науки, производства или искусства составляет ее терминологию (например, терминология лингвистическая, физическая, медицинская, сельскохозяйственная и др.) – совокупность специальных слов (терминов) различных областей науки и техники, функционирующих в сфере профессионального общения, это замкнутая система, в которой термин занимает определенное место по соподчиненности с другими терминами.

Организация и анализ любой терминосистемы является результатом сложного процесса, зависящего от ряда факторов, на которые необходимо обратить внимание при изучении отраслевых формирующих терминосистем. Существует точка зрения, согласно которой терминосистема образуется в результате стихийно сложившейся терминологии, т.е. некоторая совокупность номинативных единиц, соответствующих понятиям данной области знаний, организуется в систему терминов с определенными отношениями между ними [6]. По мнению же А.В. Суперанской и Н.В. Подольской, терминосистемы – это «искусственно формируемый лексический пласт, каждая единица которого должна иметь определенные ограничения в употреблении и оптимальные условия для своего существования и развития [10, с.8].

Происхождение и развитие терминов, терминосистем – проблемы социолингвистики, для решения которых возможно использование методов исторического, сопоставительного исследования в соответствующих отраслях знания. Социолингвистический аспект исследования предполагает анализ социальной и лингвистической характеристик термина. Под социальной характеристикой понимаются условия социального плана, в которых функционирует термин, и вся та совокупность экстралингвистических факторов, которые влияют на значение термина, занимающего определенное место в терминологической системе. Лингвистическая характеристика включает структурно-семантические свойства термина, его парадигматические и синтагматические связи. Вопрос о необходимости исследования языковых фактов в результате экстралингвистических (прагматических, социокультурных, психологических и т.д.) факторов затрагивался многими известными учеными (Дешериев Ю.Д., Ахманова О.С., Будагов Р.А. и др.), поскольку развитие всех сфер человеческой деятельности получает лингвистическое отражение в языке [4], следовательно, необходимо выявление факторов, влияющих на возникновение терминов. «Границы экстралингвистического и лингвистического в семантике весьма неопределенны и лабильны... Попытки определить границу лингвистического и экстралингвистического при анализе языковых фактов всегда приводят к обнаружению принципиально неразличимых случаев. Очевидно, задача лингвиста, по крайней мере в настоящее время, заключается не в том, чтобы строго разделить лингвистическое и экстралингвистическое / «систему языка» и «картину мира», а в том, чтобы выявить точки и их соприкосновения и аспекты взаимодействия» [2].

Сложная внутренняя организация (взаимосвязь) в системе понятий современной науки и техники выдвигает традиционный способ образования терминов путем словосочетаний (терминов-словосочетаний) различных типов как наиболее продуктивных [3]. В терминологии наук об этносе составные термины образуются синтаксическим способом, обладающим высокой степенью продуктивности. Синтаксический способ заключается в образовании терминов-словосочетаний, которые могут состоять из двух, трех и более слов [8].

Термины-словосочетания классифицируются в соответствии с типом их структуры: 1) простые (двухкомпонентные) словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, одно из которых является главным, стержневым, а другое зависимым, определяющим; 2) сложные (как правило, состоящие более, чем из двух компонентов) словосочетания, в которых зависимые слова определяют различные аспекты значения стержневого (главного) слова.

В составе словосочетания выделяются компонент стержневой (или главенствующий) и компонент зависимый (компоненты зависимые): стержневым компонентом является грамматически главенствующее слово, своими лексико-грамматическими свойствами предопределяющее связь; зависимым компонентом – форма слова (формы слов), грамматически подчиненная (подчиненные) [9].

1. Наиболее продуктивными являются терминосочетания с именем прилагательным в функции препозитивного (находящегося перед опорным элементом) согласованного определения:

П+С (или С+П) / Прич.+С автохтонный этнос, амбивалентная этничность, внутриэтническая общность, гомеостатический этнос, идиоэтнический язык, межэтнические конфликты, надэтнические общности, полиэтнические общества, субстративный этнос, устойчивые этноменьшинства, этнический

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

гомеостаз и т.д.; этнодифференцирующие признаки, этнодоминирующая идентичность, этнохарактеризующие признаки и др.

Продуктивны атрибутивные словосочетания с именем существительным в функции постпозитивного определения. В роли определения выступает существительное в родительном падеже:

(С+Ср) адаптация этноса, консолидация этноса, контакт этноса, концепция этноцентризма, концепция этногенеза, культура этноса, менталитет этноса, мезоструктура этноса, расселение этноса, самосознание этноса, структура этноса, сущность этничности, фаза этногенеза и т.д.

2. Вышеназванные синтаксические терминообразовательные типы считаются открытыми, что позволяет формировать новое соединение терминосочетания с формой термина в сложные: этническая ассимиляция → естественная этническая ассимиляция, насильственная этническая ассимиляция; этнические группы → бесклассовые этнические группы, бывшие этнические группы, малочисленные этнические группы, чужие этнические группы, отсталые этнические группы, переходные этнические группы и мн. др.

Соединение терминосочетания с формой термина осуществляется в сложных терминосочетаниях, в которых форма терминов как определяющий терминосочетание присоединяется не к существительному, а к сочетанию существительного с относящейся к нему формой термина, т.е. связи организуются следующим образом:

П+П+С латентные этнические конфликты, локальные этнические общности, основные этнотерриториальные группы, отрицательные этнические стереотипы, современные этнические конфликты, средние этнические общности, территориальные этнические конфликты, традиционный этнический стереотип, трансформационные этнические процессы и т.д.

Терминосочетания соединены следующим образом:

П+С+Ср этнические аспекты рождаемости, гиперэтнический тип личности, дисперсное расселение этноса, мигрирующие части этноса, разобщенные группы этноса, специфические особенности субэтноса, эмоциональные реакции этнофора, этнические аспекты смертности и др.;

С+Пр+Ср анализ этнических групп, антипод этнической фузии, аспекты этнической идентификации, генезис межэтнических конфликтов, детерминанты межэтнических конфликтов, имитация этнического процесса, исчезновение этнических аттитюдов, маркирование этнических границ, наличие этнических традиций, обострение межэтнических отношений, особенности этнического самосознания и т.д.

Соединения могут иметь и следующий вид: в терминосочетаниях терминосочетание присоединяет (предложно и беспредложно) сочетание существительного с относящейся к нему формой:

С+Ср+Ср механизмы адаптации этноса, предел делимости этноса, стереотип поведения этноса, среда обитания этноса, условия существования этноса, условия формирования этноса, формирование феномена этничности, характер жилищ этноса, эмоции членов этноса и т.д.;

С+Ср+Сп с.п развитие этноса в Великобритании, развитие этноса в Германии, развитие этноса в России, развитие этноса США, развитие этноса во Франции и др.;

С+Ср+Ст с.п взаимосвязь этноса с антропологией, взаимосвязь этноса с культурологией, взаимосвязь этноса с психологией, взаимосвязь этноса с социологией, взаимосвязь этноса с этнографией и др.;

С+Ср+Сд с.п описание этносферы по континентам, описание этносферы по регионам.

3. В терминологии наук об этносе возможны сложные терминосочетания типа:

П+С+Ср+Ср современные формы жизнедеятельности этноса, социобиологические теории исследования этничности, традиционные формы жизнедеятельности этноса, этнографические аспекты обработки меха, этнолингвистические семьи народов мира и т.д.;

С+Ср+Пр+Ср интенсивность протекания этнической фузии, переселение групп исходного этноса, причины возникновения этнических особенностей, проблемы смены этнической принадлежности, проблемы смены этнического самосознания, процесс дифференциации этнологической науки, решение проблем межэтнических отношений и т.д.;

П+С+Пр+Ср психическое состояние этнических групп, религиозное обособление этнической группы, частные проявления этнических конфликтов, этнопсихолингвистическая детерминированность речевой деятельности, этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания, этноцентрическая переоценка собственной культуры и т.д.;

С+Пр+Ср+Ср анализ этнических аспектов смертности, изменение этнодемографической структуры народонаселения, проблемы этнического самосознания народов, формирование этнической картины мира и т.д.;

C+Pr+Pr+Cr культура бесклассовых этнических групп, ситуации фрустрационной межэтнической напряженности, ситуации конфликтной межэтнической напряженности и т.д.;

Прич.+C+Pr+Cr "биологизирующие" системы этнических понятий, "биологизирующие" системы этнических терминов;

C+Cr+Cr+Cr механизмы формирования психологии этноса, проблемы прекращения существования этноса;

П+П+C+Cr православная этноконфессиональная группа эстонцев, своеобразный психологический склад этноса;

Прич.+C+Cr+Cr этнодифференцируемые компоненты жизнедеятельности этноса, этноинтегрирующие компоненты жизнедеятельности этноса;

Прич.+П+C+Cr детерминированная этнокультурная система ценностей;

П+Прич.+П+C этноконфессиональные конкурирующие геополитические экспансии.

4. К пятиэлементным терминообразовательным типа относятся:

C+Pr+Cr+Pr+Cr механизмы психологической защиты этнической группы, особенности психологического склада этнических общностей, характеристика конкретных типов этнических процессов, характер хозяйственной деятельности этнических коллективов и др.;

П+C+Cr+Pr+Cr социологические аспекты исследования этнических процессов, теоретическое осмысление феномена этнического самосознания, этнопсихологические проблемы адаптации вынужденных мигрантов и др.;

C+Pr+Cr+Cr+Cr изменение этнической структуры населения страны;

C+Cr+Pr+Pr+Cr механизмы развития современных этнических культур, необходимость разрешения многочисленных этнических конфликтов;

П+П+C+Pr+Cr защитные психологические механизмы этнических групп, рациональный стратегический выбор этнической идентичности и др.;

C+Cr+Pr+Cr+Cr изучение проблем социального взаимодействия этносов, способ определения этнических границ группы и др.;

П+C+Pr+Pr+Cr этническая специфика отдельных форм поселения, этнические нормы родного этнического окружения, этнографическая действительность духовной народной культуры;

C+Cr+Cr+Pr+Cr осознание особенностей культуры этнической общности.

5. К шестиэлементным терминообразовательным типам относятся:

C+Pr+Pr+Cr+Pr+Cr активизация защитных психологических механизмов этнических групп, совокупность характерных культурных черт этнической группы;

C+Cr+Pr+Cr+Pr+Cr изменение характера миграционного поведения этнических эмигрантов;

П+C+Pr+Cr+Pr+Cr общие проблемы этнокультурного развития отдельных этносов, система социально-психологических индикаторов уровня межэтнической напряженности.

По всей вероятности, предельное число слов, составляющих словосочетание, подчиняется особенностям человеческого восприятия. Поскольку количество информации, воспринимаемой человеком одновременно, определяется объектом непосредственной памяти, а ее пределом является семь элементов, то можно предположить, что семикомпонентные термины-словосочетания представляют собой предел лексической протяженности термина. Представим в обобщенном виде всю совокупность фактических данных, полученных в результате комплексного исследования терминологии об этносе:

Экстралингвистические характеристики:

1. Время и место появления первых терминов: Этнос – центральное понятие этнологии и смежных наук. Этническая терминология в научной литературе появляется во II пол. XIX в., в отечественной – в нач. XX в.

2. Причины возникновения: Необходимость номинации и изучения объектов, предметов и явлений на стыке нескольких традиционных сфер деятельности.

3. Распространенность терминологии: Показателем терминологии является системный комплекс наук об этносе.

Лингвистические характеристики:

4. Модель образования терминосистемы: Терминосистема наук об этносе образована в результате взаимодействия исходных наук с областями знания и сферами деятельности человека, которые и обеспечивают концептуальное представление об объекте.

5. Структурные / системные параметры: 1) величина терминосистемы: терминосистема состоит из более чем 1300 терминов; 2) структурный состав терминов: терминосистема содержит: гнездообразующие термины (с этн-) – 153 единицы, бинарных – более 400, трехсловных – более 450,

четырёхсловных – 200, пятиэлементные – более 50.

6. Основные способы терминообразования: Семантический, морфологический (с помощью префиксации международных элементов; суффиксации), синтаксический (за счет образования словосочетаний). Более 400 бинарных терминов образованы по модели П+С / С+П / Прич.+С; более 100 – по модели С+Ср.; из трехсловных продуктивными являются модели: П+П+С (50), П+С+Ср (110), С+Пр+Ср (210).

7. Семантические параметры: 1) семантическая доступность: терминология наук об этносе понятна специалистам, лицам, профессионально занимающимся изучением этносов и малодоступна для понимания широкой аудиторией; 2) вариативность номинативных средств: терминосистема полисемична, содержит уточняющие, сокращенные понятия.

8. Степень самостоятельности терминосистемы: Терминосистема наук об этносе функционирует самостоятельно, используя свои элементы и базовые понятия и образуя научную концепцию (научную картину мира) в результате синтеза знаний разных наук.

Таким образом, терминологию, представленную в научной картине мира термином-репрезентантом этнос, можно отнести ее к разряду развивающихся, характерным ее признаком является наличие относительно небольшого количества многословных терминов при значительном количестве однословных – трехсловных, элементы которых заимствованы из различных областей знаний и общелитературного языка [1]. Современное состояние терминологии наук об этносе свидетельствует не только о ее самостоятельной организации, но и дает возможность для дальнейшего изучения отраслевых и формирующихся терминосистем.

Литература

1. Баматгиреева М.В. Роль экстралингвистических и лингвистических факторов в образовании терминосистемы // Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки» № 8. - М., 2018. С. 93-95.
2. Вольф Е.М. Прилагательное в тексте («Система языка» и «картина мира») // Лингвистика и поэтика: Сб. научных трудов. - М., 1979.
3. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. - М., 1977.
4. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. - М., 1977.
5. Ермакова Е.Е. Философия. - М., 2004.
6. Лейчик В.М. Термины и терминосистемы – пограничная область между естественным и искусственным в языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. - Воронеж, 1978.
7. Наука в культуре. - М., 1998.
8. Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М., 2002.
9. Русская грамматика. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. - М., 1980.
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 2003.

УДК - 81

Тема заимствований в русском языке

Кубиева Л.М., Межидова Ж.С., Закраилова Б.Р.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, РФ

Аннотация: Данная статья посвящена теме заимствований в русском языке, точнее, иноязычным словам в русской речи. Перечисляются причины, которые способствуют заимствованию, их плюсы и минусы. Приводятся примеры иноязычных слов. Рассматривается процесс изменения иноязычных слов с приходом их в русский язык. Также рассказывается о том, какие заимствования бывают оправданными и неоправданными, что по этому поводу думают разные лингвисты и какими бывают признаки заимствованных слов. К чему может привести обилие иноязычных слов в русском языке. В итоге приходим к выводу, что многие иноязычные слова украшают русскую речь, делая её

интересной и живой, но не стоит забывать о том, что русский язык обладает своей богатой лексикой и огромное количество заимствованных слов может просто вытеснить исконно русские слова.

Ключевые слова: язык, иноязычные слова, речь, заимствования, признаки, причина.

The topic of borrowing in Russian.

L.M. Kubieva, Zh.S. Mezhidova, B.R. Zakrailova

FSBEI of HE "Chechen State University", Grozny, Russian Federation

Resume: This article is devoted to the topic of borrowing in the Russian language, more precisely, to foreign words in Russian speech. Lists the reasons that contribute to borrowing, their pros and cons. Examples of foreign words are given. The process of changing foreign words with their arrival in the Russian language is considered. It also tells about what borrowings are justified and unjustified, what different linguists think about this and what are the signs of borrowed words. What can lead to the abundance of foreign words in the Russian language. As a result, we conclude that many foreign words decorate Russian speech, making it interesting and lively, but do not forget that the Russian language has its own rich vocabulary and a huge number of borrowed words can simply supplant the original Russian words.

Key words: language, foreign words, speech, borrowing, signs, reason.

В мире насчитывается очень много языков и каждый из них богат своей родной лексикой, но независимо от этого он всё равно подвергается изменениям под воздействием внешних факторов. Язык находится в постоянном движении, непрерывно развиваясь и совершенствуясь, имея своё настоящее, прошлое и будущее, язык постоянно обогащается новыми словами, которые пришли из других языков. Любому современному языку свойствен процесс заимствования слов.

А. А. Реформатский в своей книге «Введение в языковедение» писал о том, что на земле нет ни одного языка, который обладал бы своей родной лексикой и который не использует иноязычные слова, во всех языках мира они присутствуют [4, с.176].

Также немалый труд в изучении данной проблемы вложил М.В. Ломоносов. Он говорил, что иноязычные слова проникают в нашу речь незаметно и портят всю красоту русской речи.

В лингвистике заимствования слов - это процесс проникновения слов одного языка в систему другого языка, а результатом данного процесса является заимствованное слово. Слова, которые вошли в русский язык из других языков являются заимствованными. Иноязычные слова затронули всю систему русского языка: лексическое значение, фонетическое оформление и грамматические признаки. Процесс обогащения языка новыми словами производится в два приема: с помощью устной речи и письменных источников. В лексическом плане заимствование пополняет словарный состав, не нарушая его грамматическую систему, согласно правилам и законам русского языка.

Иноязычные слова в русском языке видоизменяются. Согласно правилам и законам русского языка меняется их произношение или морфология, например, слово «парламент» в русском языке мужского рода, а в немецком, откуда и взято это слово, среднего рода.

Заимствованные слова в русском языке и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что они обогащают русскую речь, не вытесняя исконно русские слова, и без них практически не обойтись, так как существуют предметы, у которых нет названий в русском языке потому, что они были придуманы другим народом, например, слова: матч, митинг, офсайд, клоун заимствованы из английского языка [1, с. 245-305].

Слова абонемент, которое дословно переводится как «плата вперёд» аванс, что значит опережение, бордюр, палантин, роман пришли к нам из французского [1, с. 482-585]. Заимствования такого рода является оправданными, так как на это есть уважительные причины. А плохо это, потому что часто в письменной и устной речи русские слова заменяют иностранными словами без всякой необходимости, в результате этого вытесняются исконно русские слова. Примером может служить слово, «Президент», которое мы часто встречаем в журналах, газетах, на телевидении, пришло к нам из латинского языка и использовать его в русском языке нет смысла, так как в русском языке есть эквивалент этому слову «Правитель или глава государства». Эти заимствования являются неоправданными, так как у этих слов есть свой аналог в русском языке.

Займствованные слова затронули все сферы жизни современного общества. Это и средства массовой информации, телевидение, образование, сфера здравоохранения и другие.

Иноязычные слова вошли и крепко зафиксировались в школьной и университетской лексике. Учителя и ученики, студенты и преподаватели, сами того не замечая, употребляют их, ведь все слова, которые связаны со школой и образованием, в целом, взяты из других языков. Известные всеми слова такие как: математика, которое пришло к нам из древнегреческого языка, где мантейнен означает «учиться», «приобретать знания». Слово тетрадь пришло из греческого языка, что означает «четвертую часть листа».

Если заглянуть в ученический класс, то можно увидеть ряд предметов, название которых взяты из других языков: парт, школьная доска, глобус и другие. И те же слова Студент, преподаватель, кафедра, экзамен пришли из латинского языка.

Также займствованные слова коснулись медицины. Большинство названий препаратов и различных болезней пришли из латинского языка и крепко зафиксировались в нашей речи.

Медицина - одна из античных наук человеческого знания. Медицинская терминология - это совокупность названий, которые обозначают различные понятия в области медицины. В наше время медицинская терминология одна из самых сложных и больших, потому что в её лексикон входят термины из разных областей наук: химии, биологии, психологии и другие. И несмотря на то, что есть много работ, посвященных этой теме, она всё равно остаётся недостаточно раскрытой, так как она регулярно вбирает в себя всё новые и новые слова и понятия.

Немало займствованных слов можно встретить в медицинской лексике, которые так прижились в русском языке, что считаются исконно русскими, но это не так. В сфере медицины иноязычные слова можно разделить на группы:

1. исконно-русские слова в медицине, к ним относятся такие слова как: голова, грудь зуб, лицо, лоб, горло и другие;
2. заимствования, которые считают интернациональными, но эти слова приспособились к звуковой и морфологической системе русского языка: бронхит, инфекция;
3. иностранные слова, пришедшие из западноевропейских языков: допинг, грипп, фельдшер;
4. слова, которые пришли на прямую из латинского и древнегреческого языка, которые часто можно услышать и в наше время: анемия, капсула, гастрит.

Большое влияние на развитие иноязычных слов в русском языке оказывает интернет, телевидение, газеты, радио и другие модные журналы. Современный человек, который живёт в 21 веке и пользуется выше перечисленным, то его лексикон подвергается изменениям, т.е. он вбирает в себя новые слова. Иноязычные слова на телевидении не редкость, так как регулярно появляются новые телепрограммы, сериалы, фильмы с обилием иноязычных слов. В модных журналах часто можно встретить иностранные слова, они служат для наименования новых модных тенденций. И исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что речь современной молодежи формируется, основываясь на этом.

Ярким примером заимствований слов в наше время является «Молодежный сленг»

Молодёжный сленг - социолект людей в возрасте 12-22 лет. Другими словами, это язык молодежи, который в большинстве случаев состоит из иностранных слов и понятий. Также этот сленг делится на несколько групп, бывает школьный сленг.

Школьный сленг не несёт в себе негативной окраски, это чаще всего название предметов или понятий, которые находятся у них в школе: Русиш, англиш, физра и другие.

Студенческий сленг тоже служит для обозначения некоторых предметов или понятий: Завалить на экзамене, Автомат зачёт и другие.

Возникновение сленговых слов связано с рядом причин это:

Музыка, где часто употребляются иностранные слова

Иностранная культура

Компьютеризация

Мода.

Формирование сленга происходит путём 1) Искажения иностранного слова с добавлением туда русских морфем. 2) Поиск русских слов, которые похожи на иностранные

Вот некоторые слова, употребляемые современной молодёжью:

Мыло (электронная почта)
Сорян (английское слово Sorry)
Бомбит (злит человека)
Тролить(издеваться)
Рофлить (английское слово, которое переводится как смеяться)
Кидать (подставить человека)
Завалить на экзамене (Задавать много вопросов на экзамене).

Как было сказано выше в современном русском языке используются много иноязычных слов. Важную роль в их распространении играет телевидение, интернет и СМИ. Так как современный человек постоянно взаимодействует с выше перечисленными способами коммуникации, он подвергается этому влиянию. Таким образом, с одной стороны, информация, которую мы получаем от СМИ и телевидения, отражает культуру нашей речи и её развитие, а с другой - значительно влияет на развитие языка. Т.е. новые слова, которые мы узнали из средств массовой информации входят в наш язык и крепко фиксируются. Это хорошо заметно во всех областях вещания, как в молодежных программах, где иноязычные слова используются в качестве жаргонизмов или модных клише, так и других различных телепроектах. Это могут быть политические программы или развлекательных ток шоу.

Иноязычные слова редко меняют свой графический вид в нашей речи: SOS (англ., это международный сигнал, который означает бедствие) уик-энд (англ., переводится как конец недели) Но в нашей речи - это значит выходные, отпуск, секонд-хенд (англ., это, подержанные вещи).

Также стоит отметить, что существуют группы заимствованных слов.

К первой группе относятся заимствования, усвоенные нашим языком и которые являются нейтральными с точки зрения стилистики. Это такие слова как: коррупция, дискуссия, спонсор и другие.

Вторая группа включает в свой состав частично усвоенные заимствования (депозит, бургер)

Эти слова можно встретить в словарях и они служат для обозначения профессий или предметов.

К третьей группе можно отнести слова, не усвоенные (Постер, шопинг, преференция), которые носители русского языка употребляют нерегулярно.

И четвертая группа - это иноязычные аббревиатуры (off-line, HR, PR, IT, AJ, CEO, mustdie, musthave) которые служат для обозначения новых предметов.

Иноязычные слова приходят в наш язык по разным причинам и делят их на внешние (внеязыковые) и внутренние (внутриязыковые).

Главной внешней причиной является тесные связи с другими народами в плане политическом, торгово-экономическом, промышленном и культурном.

Результатом этих связей являются заимствованные слова, такие как:

президент, премьер-министр, спикер, импичмент [2, с. 356 - 598];

бизнес-центр, бизнес-план, пенсия, биржа, гонорар, бюджет [3, с. 967-969]; натюрморт, пейзаж, пленэр, акварель [2, с. 286].

Другая внешняя причина - это обозначения некоторых предметов или рода деятельности с помощью иностранных слов. Например, Горничная - женщина, относящаяся к прислуге богатого дома, а также служащая гостиниц.

Внутренняя причина - это стремление заменить словосочетания, одним словом, например, трудяга - человек, который постоянно трудится;

снайпер - меткий стрелок.

Ещё стоит отметить, что заимствование слов происходит в несколько этапов:

1) меняется фонетическая основа слова; фонетическое усвоение заимствований русским языком проявляется и в изменении ударения в них;

2) графическое усвоение заимствованных слов;

3) орфографическое усвоение – приспособление иностранных слов к орфографической структуре русского языка.

4) меняется морфологический вид слова: русифицируются суффиксы и флексии, меняется грамматическая категория;

5) происходят изменения в значении заимствованного слова, как правило, в заимствованном языке, слово сохраняет не все, а только определенные значения;

Определить заимствованные слова можно по следующим признакам: они бывают морфологические и фонетические.

Фонетические признаки заимствованных слов:

а) Первый признак - это начальная буква А. Почти все слова, которые начинаются на эту букву иноязычного происхождения:

Абзац, абсент, абсурд, авангард, аванс, авария, авеню.

б) Второй признак - это начальная буква Э. В русском языке кроме некоторых местоимений и междометий эх! В основном все слова начинающие с этой буквы заимствованные:

Эвкалипт, экзамен, эстетика, экономика.

в) Следующий признак - это наличие буквы Ф: Фельдшер, фен, феникс, физика

г) Ещё один признак - это сочетание двух гласных в корне: Боа, пауза

Двойные согласные в корне: Класс, ассортимент, агрессия, пассив.

д) Такие сочетание как бю, ню, кю, вю, пю, говорят о том, что эти слова иностранные: меню, бюро.

Морфологические признаки заимствованных слов - это несклоняемость существительных: пальто, жюри, кофе, меню. И морфологическая не выраженность числа рода и существительных.

Таким образом, следует, что многие иноязычные слова украшают русскую речь, делая её интересной и живой, но не стоит забывать о том, что русский язык обладает своей богатой лексикой и огромное количество заимствованных слов может просто вытеснить исконно русские слова.

Литература

- 1) Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014 - 801 с.
- 2) Крысин Л.П. Учебный словарь иностранных слов. М., 2008 - 704 с.
- 3) Рузметов С.А. Об иноязычных заимствованиях в экономической лексике современного русского языка // Молодой ученый - 2015. - 967 с.
- 4) Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов .5-е изд. - 2004. - 176 с.
- 5) Захаренко Е.Н Новый словарь иностранных слов. М., 2008.
- 6) Земская Е.А. Современный русский язык. - М., 2011 - 328 с.
- 7) Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969.

Нарушение норм русского литературного языка на примере газеты «Ингушетия»

Ажигова Т. М., Сагова А. А.

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», Магас, Россия

Аннотация. Нормированность языка – одна из актуальных тем в современной лингвистике, поскольку находится в прямой зависимости от развития общества, технического прогресса и других явлений в жизни человека. Немаловажную роль в становлении и развитии нормы играют СМИ. Они же являются и источником распространения неправомерного использования и распространения нарушений лексических, морфологических и синтаксических норм. В данной статье рассматриваются нарушения различных норм русского языка на примере республиканской газеты «Ингушетия».

Ключевые слова: языковая норма, нормированность, речевые ошибки, нарушение лексических, морфологических и синтаксических норм.

Violation of the norms of the Russian literary language on the example of the newspaper Ingushetia

**Azhova Tanzania Magometova, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior
Lecturer,**

**Sagova Aminat Abukarova, student of the 2 year of master 's degree
Ingush State University, " Magas, Russia**

Summary. The rationality of language is one of the topical topics in modern linguistics, as it is directly dependent on the development of society, technological progress and other phenomena in human life. The media play an important role in the formation and development of the norm. They are also the source of the spread of misuse and violations of lexical, morphological and syntax norms. This article considers violations of various norms of the Russian language on the example of the republican newspaper Ingushetia.

Keywords: language norm, normality, speech errors, violation of lexical, morphological and syntax norms.

Языковая норма является основным признаком литературного языка и важнейшим лингвистическим понятием. Понятие нормы, введенное в научный обиход французом Шарлем Балли, тесно связывают с представлением о правильной, грамотной речи, являющейся одной из сторон общей культуры человека. Известно, что норма исторически подвижна, но в то же время устойчива и традиционна.

Согласно Т.И. Вендиной, «языковая норма – это совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отобранных и закрепленных общественной языковой практикой; традиционно сложившаяся система правил использования языковых средств, которые признаны обществом в качестве обязательных» [1, с. 58].

Состав словаря литературного языка строго регламентирован: произношение, правописание и образование грамматических форм слов подчиняются общепринятому образцу и общеизвестным правилам – все это определяет нормированность языка. С понятием нормы тесно связано понятие кодификации – узаконивание нормы, которое осуществляется путем их фиксации в академических грамматиках, словарях, справочниках. Исследовательская и научно-популярная кодификация нормы есть результат нормализаторской деятельности, а кодификаторы, наблюдая над речевой практикой, фиксируют норму, сложившуюся в самом языке, отдавая предпочтение тому из вариантов, который наиболее актуален для данного времени.

Известно, что средства массовой информации оказывают серьезное влияние на формирование литературной нормы. Миллионы людей каждый день читают газеты, журналы, слушают радио. СМИ являются самым доступным средством информации, которое формирует представление о языковой норме. Но на страницах газет, тем не менее, зачастую происходит нарушение норм современного русского литературного языка, что может ввести читателя в заблуждение. Люди считают, что если так пишет газета, вещает радио, значит это правильно, так должно быть. Огромное количество читателей, зрителей, слушателей завтра подхватывают эти слова. Все это негативно воздействует на целостность литературного языка. Сегодня речевыми ошибками на страницах газет уже никого не удивишь, что делает тему данной статьи актуальной.

Цель данного исследования – выявление, классификация и описание речевых ошибок на примере республиканской газеты «Ингушетия», издающейся с 24 апреля 1993 года. Указанное издание освещает практически все события, происходящие в республике и за её пределами. Это и общественно-политическая ситуация, и решение экономических проблем, вопросы модернизации здравоохранения и образования, сельского хозяйства. В полной мере освещает деятельность руководства республики и мероприятия, проводимые министерствами, ведомствами и организациями, а также важные даты.

Анализ данной газеты показал, что периодически происходит нарушение синтаксических, морфологических и лексических норм современного русского литературного языка.

Морфологические нормы – это нормы употребления слова как части речи.

(1) *Делегация из 15 человек от Ингушетии примут участие в 18 Съезде Партии «Единая Россия»* [2].

Подлежащее *делегация* не согласуется со сказуемым *примут*. Должно быть *примет*. Кроме того, существительное «партия» необходимо писать со строчной буквы.

(2) *Наверняка уже побывали в Джейрахском районе. Как впечатление?* [2].

Так как слово *впечатление* является существительным среднего рода, оно требует, чтобы зависимое слово стояло в том же числе, роде и падеже, что и оно. Здесь целесообразнее было бы сказать так: *Какое впечатление произвела на вас данная поездка?*

(3) *По обоим сторонам дороги проложили тротуар* [3].

Числительное *обе* употребляется с существительными женского рода, а *оба* с существительными мужского и среднего рода. Так как сторона является существенным женского рода, необходимо употребить числительное *обе*.

(4) Более подробнее о данной проблеме в репортаже Ладо Белкания [2].

В данном случае допущена ошибка в образовании степени сравнения наречия. Сравнительная степень (или компаратив) образуется прибавлением к форме положительной степени наречия вспомогательных слов *более, менее*. В данном случае нужно было сказать: *Более подробно о данной проблеме в репортаже Ладо Белкания.*

(5) В Минобрнауки Ингушетии прошла встреча краснодипломников с замминистром Хусеном Зурабовым [2].

Слово *замминистра* является несклоняемым существительным. Употреблять его в творительном падеже является нарушением нормы.

Синтаксические нормы предписывают правильное построение основных синтаксических единиц – словосочетаний и предложений. Эти нормы включают правила согласования слов, соотношения частей предложения друг с другом с помощью грамматических форм слов.

(6) Основными задачами семинара были включение участников в учебно-познавательную деятельность, формирование умения вести полемику, отстаивать свои интересы, развивать способность работать в команде [2].

Ошибочным является использование разных частей речи в качестве однородных членов. Слова *включение, формирование* являются именами существительными, а *развивать, отстаивать* – это глаголы несовершенного вида.

(7) Рейды предварают тщательный анализ данных: специалисты сравнивают объемы электроэнергии, отпущенные с подстанций и фактически оплаченные, отслеживается динамика потребления, пристальное внимание уделяется отключенным абонентам во избежание несанкционированного подключения к сети [2].

Однородными называются одинаковые члены предложения, связанные друг с другом сочинительной связью. Однородные члены, во-первых, выполняют одинаковую синтаксическую функцию в предложении, во-вторых, связаны с одним и тем же общим для них членом предложения, по отношению к которому играют одинаковую смысловую роль, что подтверждается возможностью поставить к ним один и тот же вопрос, в-третьих, соединены и (или) могут быть соединены сочинительными союзами, в-четвертых, произносятся с интонацией перечисления [4, с. 340].

В данном случае мы не задаем к этим однородным членам один и тот же вопрос. Это является нарушением синтаксической нормы. Автору следовало написать так: *Рейды предварают тщательный анализ данных: специалисты сравнивают объемы электроэнергии, отпущенные с подстанций и фактически оплаченные, отслеживают динамику потребления ресурса, пристальное внимание уделяют отключенным за долги абонентам во избежание несанкционированного подключения к сети.*

(8) Они приняли участие в рейдах по выявлению стихийных свалок в городе Малгобеке, научились правильно фиксировать нарушения, оценивать масштабы свалок и составлять обращения в надзорные органы [2].

Как и в предыдущем примере, здесь нарушена видовременная соотнесенность глагольных форм. Слова *приняли и научились* выражены глаголом совершенного вида прошедшего времени, а *оценивать и составлять* неопределенной формой глаголов несовершенного вида. Однородные сказуемые должны быть связаны одним и тем же общим членом предложения и подтверждаться возможностью поставить к ним один и тот же вопрос.

(9) Студенты Ингушского государственного университета приняли участие во Всероссийской научной видеоконференции «Итоги первой мировой войны» [2].

В русском языке должно быть грамматическое согласование сказуемого с подлежащим. Если подлежащее выражено существительным множественного числа, то сказуемое, выраженное глаголом, должно стоять во множественном числе.

(10) Основные вопросы, которые волнует потребителей – это качество и перебои в электроснабжении, сверка платежей и замена приборов учета [2].

Нарушена грамматическая связь между подлежащим и сказуемым. Члены предложения не согласуются между собой в числе: *вопросы волнует* – *вопросы волнуют*.

(11) Восстанавливать «русла жизни» – работа тонкая, сложная и редко кому из специалистов по настоящему подвластна [2].

При построении предложения с однородными членами нарушением синтаксической нормы является:

- использование разных частей речи в качестве однородных членов;
- употребление краткой и полной формы прилагательных в однородности;
- применение при однородных глаголах с разным управлением одного общего существительного [4, с. 256].

Тонкая, сложная – это прилагательные в полной форме, а слово *подвластна* стоит в краткой форме. Следовательно, здесь имеет место нарушение синтаксической нормы.

Лексика современного русского литературного языка представляет собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных единиц одного уровня. Нормы, регулирующие правила использования и сочетания слов, являются лексическими.

(12) *Школьники с большим интересом слушали экскурсию и задавали различные вопросы по теме* [2].

В данном случае нарушена лексическая сочетаемость слов *слушали, экскурсию*. Экскурсия – это коллективная поездка куда-нибудь, посещение чего-нибудь с познавательной целью [3, с. 728]. Можно проводить экскурсию, поехать на экскурсию, но невозможно ее *слушать*. Предметно-смысловые связи этих слов исключают взаимную сочетаемость. Грамотнее было бы сказать: *Школьники с большим интересом слушали экскурсовода и задавали различные вопросы по теме*.

(13) *В рамках семинара состоялись лекции, тренинг по межкультурным коммуникациям, деловая игра на тему «Противодействие словесному терроризму»* [2].

И этот пример можно рассмотреть в рамках нарушения лексической нормы. Сочетание *состоялись лекции* неверно, потому что два этих понятия не соотносятся друг с другом. Необходимо было построить данное предложение следующим образом: *В рамках семинара состоялось прослушивание лекций, тренинг по межкультурным коммуникациям, деловая игра на тему «Противодействие словесному экстремизму»*.

(14) *В основном, основным источником тепла дома является котел. Как правильно его подготовить к зиме?* [2].

Одним из видов нарушения лексических норм является тавтология. Это необоснованное повторение одних и тех же (однокоренных) или близких по смыслу слов. В вышеупомянутом примере повторяется одно и то же слово, хотя следовало заменить его другим.

(15) *Жители улицы высадили деревья, кустарники, цветы на своих придомовых территориях* [2].

В Толковом словаре С.И. Ожегова дается следующее определение слова *высадить*: «Выкопав, вынуть из земли для посадки на другом месте», а слово *посадить* имеет следующее определение: «Закопать корнями в землю или посеять с целью выращивания» [3, с. 96]. Здесь нужно употребить слово *посадили*, так как жители посеяли что-то с целью выращивания.

(16) *Мустафа Местоев отметил, что в условиях острой партийной конкуренции очень важно пополнять ряды партии активными членами, которые смогли бы приносить новые идеи в развитие партии и идеологии.* [2].

Сочетание слов *приносить идеи* является случаем нарушения лексической сочетаемости. Правильнее было употребить слово *предлагать*.

(17) *Выплата будет осуществляться за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, присуждение премий начнется с 2019* [2].

В данном случае наблюдается тавтология – повторение однокоренных слов *бюджетных, бюджета*. Следовало одно из них заменить синонимическим словом: *Выплата будет осуществляться за счет средств федерального бюджета, присуждение премий начнется с 2019 года*.

Анализ газеты «Ингушетия» показал, что происходит нарушение синтаксических, морфологических, и лексических норм. Это является отражением снижения культуры в обществе в целом. Кроме того, в этом проявляется и недостаточный профессиональный уровень работников СМИ. Газета призвана служить образцом в использовании богатства русского языка, быть носителем его чистоты и правильности.

Доверяя печатному слову, читатель усваивает неправильные формы, воспринимая нарушение языковых норм как образец. Чтобы повысить уровень речевой культуры жителей Ингушетии, необходимо, прежде всего, повысить нормативный уровень ингушские печатных изданий.

Литература

1. Вендина Т.И. Введение в языкознание. – М., Высш. шк., 2001. – 288 с.
2. Газета «Ингушетия», №170–204
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
4. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

УДК 81'25

Обучение иностранных студентов основам и элементам русской разговорной речи

Эдилова А.Т.

ФГБОУ «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. Данная статья описывает процесс преподавания иностранным студентам основ и элементов русской разговорной речи. В ходе работы идёт анализ трудностей, с которыми сталкиваются иностранцы при адаптации к "чужому" языку и культуре. Объясняется и раскрывается роль разговорной речи при изучении русского языка как иностранного. В статье приводятся примеры внедрения в процесс обучения студентов элементов русской разговорной речи. Цель данной работы - показать формирование навыков русской разговорной речи у студентов со всего мира на примере конкретных инструментов и приемов. При работе со студентами - иностранцами преподаватель обязан научить их, в первую очередь, пользоваться предоставляемым материалом в активной форме и высказываться по темам, определенных по ситуации. Преподавателю необходимо научить их адекватно и спокойно реагировать на бытовые и учебные ситуации и вести себя в соответствии с ними.

Ключевые слова: разговорная речь, иностранные студенты, коммуникативный подход, учебная коммуникация, истинная коммуникация, учебные пособия, занятия РКИ.

TEACHING FOREIGN STUDENTS BASES AND ELEMENTS OF RUSSIAN SPEAKING SPEECH

Edilova A.T.

FSBEI Chechen State Pedagogical University

Annotation: This article describes the process of teaching foreign students the basics and elements of Russian spoken language. In the course of the work, an analysis is made of the difficulties that foreigners face in adapting to a "foreign" language and culture. The role of colloquial speech in the study of Russian as a foreign language is explained and revealed. The article provides examples of introducing elements of Russian colloquial speech into the student learning process. The purpose of this work is to show the formation of Russian speaking skills among students from all over the world using specific tools and techniques as an example. When working with foreign students, the teacher is obliged to teach them, first of all, to use the provided material in an active form and speak out on topics defined by the situation. The teacher needs to teach them to adequately and calmly respond to everyday and educational situations and behave in accordance with them.

Keywords: colloquial speech, foreign students, communicative approach, educational communication, true communication, study guides, classes of Russian as a foreign language.

Изучение русского языка как иностранного представляет собой непрерывный процесс тесной связи, знакомств и общения студентов - представителей иных культур, других языков и мировоззрения с его носителями.

Сам язык находится в тесной связи с действительностью, что определяет группу типовых ситуаций, актуальных смыслов для общения и значений.

Для обучения иностранного студента элементам такого тонкого механизма, как система общения, необходима ситуация, где учитываются все коммуникативно - речевые, социологические и психологические факторы. Особого внимания требует необходимость раскрытия личности иностранного студента, создание подходящих условий неформального и свободного общения на языке, который он изучает. В методике русского языка как иностранного наиболее значимым принципом является коммуникативный, ибо в последнее время очень сильно возросла его роль и роль социально - профессиональных жаргонов и сленгов.

В связи с этим возросла степень востребованности умения правильно воспринимать речь носителей изучаемого языка вживую.

Коммуникативный подход должен строиться из того, чтобы организовывать учебный языковой материал в соответствии с отражением его специфики в жизненных ситуациях.

В ситуации общения осуществляется естественная речь, определяющая эмоциональную окраску, типы и формы речи, а также цели высказывания.

Во время нахождения в новой стране, иностранные студенты заучивают необходимые фразы, которые непосредственно слышат в различных ситуациях. Это во многом объясняет успешное и хорошее овладение иностранным языком.

Характер ситуации: типы, формы и виды речи, время общения, его место и отношения участников - все это оказывает непосредственное и прямое влияние на способности адекватно и правильно реагировать на реплики, подаваемых в диалогах с носителями изучаемого языка, на функционирование и выбор единиц языка и умения общаться. Если кто - то оказывается в незнакомом городе, на незнакомой улице и в новой для него речевой среде, то он, владея основами местного языка, может обратиться к прохожим с вопросами: "Как пройти...(к парку, к автобусной остановке)?", "Где находится...(улица, дом)?" В основу общения таких случаев входят типичные для интернациональной и пёстрой культуры ситуации. Такие ситуации помогают студентам - иностранцам усвоить типы взаимодействий и речевых реакций, которые характерны для носителей изучаемого ими языка.

Одним из существенных и значимых проявлений коммуникативности является ситуативная организация изучаемого материала. Так как для построения фразы на русском языке студентом - иностранцем, в первую очередь, необходима ориентация в сложившейся ситуации и оценка позиций человека - носителя изучаемого им языка. Ведь в каждом языке одинаковое содержание представлено обусловленными ситуацией средствами.

Создание на занятиях русского языка проблемных и речевых ситуаций является одним из методов достижения коммуникативной активности у студентов, стимулирующей их речевую деятельность. В условиях таких ситуаций студенты приобретают уверенность в пользовании языком и способности самостоятельно выражать свои мысли, стремления, и желания для свободного общения друг с другом, с преподавателем и окружающими их носителями языка. Обучающийся в чужой стране должен самостоятельно, без посторонней помощи пользоваться изучаемым им языком для обмена идеями и мнениями, обсуждениями об успехах, отдыхе и времени проведения.

Смысловое сообщение студентов в учебной ситуации задаётся исходя из ситуации, нежели из их эмоций и ума, вследствие чего изучаемый материал сужается и ограничивается. Таким образом, студенты начинают владеть речью только с учебной части и неграмотно переносят ее на бытовые и социальные коммуникации, что делает ее неестественной, искусственной, неубедительной и книжной. Из - за высокой важности ситуативного обучения, главная задача преподавателя - создание на занятиях русского языка непринуждённости в общении.

Владение языком - деятельность, которая требует развития чувств языка, творческих речевых навыков и умений. Их основу составляют фонетические, грамматические и лексические знания. На всем этом строится и развивается речевая деятельность.

Овладение ими идёт через два типа коммуникаций: учебную и истинную. Учебная коммуникация - интенсивная тренировка с применением знаний на занятиях при общении с товарищами под руководством и наблюдением преподавателя. Истинная коммуникация - использование приобретенных навыков и умений в речевом общении в естественной среде.

Одна из главных проблем, с которой сталкиваются студенты при изучении иностранного языка, заключается в том, что в учебном процессе практически не используются естественные формы и виды общения. Однако ведь все учащиеся имеют собственный жизненный опыт, некоторые переживания,

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

способности и навыки, которые необходимо активно использовать в процессе развития их речевого общения.

Таким образом, необходимо уделять особое внимание созданию на учебных занятиях условий, максимально раскрывающих студентов, которые, естественно, испытывают некоторый дискомфорт при общении на иностранном языке, тем самым побуждая их активно использовать его в естественном общении.

В вузах, как правило, преподавателями основной акцент делается на так называемый научный стиль речи, забывая о неформальном, с которым ежедневно сталкиваются учащиеся. Но важно понимать, что главная задача преподавателя заключается в том, чтобы научить студента пользоваться иностранным языком как естественным средством выражения собственных мыслей, который он сможет использовать в абсолютно реальных жизненных ситуациях без какого – либо внутреннего дискомфорта.

Процесс обучения иностранного языка на подготовительных курсах начинается с изучения элементарных разговорных диалогов:

- 1) - Добрый день! Как Вас зовут?
- Добрый! Меня зовут Джон.
- 2) - Джон, сколько Вам лет?
- Мне 18.
- 3) - Откуда вы приехали?
- Я приехал из Лондона.
- 4) - Где вы живёте?
- Я живу недалеко от университета.
- 5) - Вы не знаете, как пройти к библиотеке?
- Нет, я не знаю.
- 6) - У вас была лекция?
- Да / нет.
- 7) - Тебе понравилась лекция?
- Да / нет.

Однако уже в процессе обучения в университете у студентов приходит понимание того, что изучаемый ими язык не ограничен тем, что было рассказано на лекциях или экзаменах, он более многогранен. Поэтому очень часто студенты начинают испытывать некоторые переживания при общении с носителями языка, понимая, что их речь довольно однообразна и шаблонна. Соответственно, студенты начинают искать пути изучения именно неформальной разговорной речи, и чаще всего они прибегают к различного рода цифровым инструментам.

Каждый язык, и русский не является исключением, содержит в себе массу ситуативно обусловленных предложений, как полных, так и неполных, фразеологизмы, поговорки, пословицы, словесные повторы т.д., и т.п., которые могут использоваться в диалогах, возможности работы с которыми просто безмерны. И это незаменимый элемент процесса обучения иностранного языка, который позволяет значительно расширить разговорный запас студента разного рода неполными предложениями, лексическими фигурами, фразами – клише и т.д.

Учитывая то, что данные формы довольно стереотипны и могут использоваться в диалогах с различными собеседниками, их полезно учить наизусть.

Задача же преподавателя заключается в том, чтобы объяснить студенту, какие единицы речи стоит употреблять в той или иной ситуации. Поэтому крайне важно разъяснять новые слова, обороты речи и содержание разговора прежде, чем моделировать диалоги.

В ходе обучения также активно могут использоваться и так называемые «развлекательные диалоги», содержащие в себе юмор, сатиру. Это позволяет инициировать у студентов переход к спонтанной речи с обменом мыслями в контексте изученного материала.

В данном случае ключевую роль играет правильно подобранный преподавателем речевой материал, который легко обыгрывается, и вследствие чего возникает естественный разговор, вызванный желанием студентов перейти от изучения языка к реальному диалогу.

Для русской разговорной речи характерен неполный стиль произношения, который является следствием нечёткого произношения окончаний, к примеру, при использовании прилагательных в комбинации с существительными или объединении предлогов. У носителей языка не возникает проблем с восприятием речи, содержащей в себе такие стилистические нюансы, как и наличие в ней повторов, пауз и отклонения от общелитературной нормы, так как в целом они не нарушают смысла сообщения.

Преподаватель может разъяснить иностранным учащимся данные стилистические нюансы, чтобы в последующем они легче воспринимали русскую разговорную речь, которая не совсем соответствует «книжным» стандартам. Для решения трудностей, связанных с восприятием русской разговорной речи, имеются специальные учебные пособия. В качестве примера можно упомянуть пособия Н. А. Костюка «А что тут обсуждать?», «А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи» под авторством Г. И. Володиной.

Для разговорной речи характерна идиома и специфические обороты речи, форма которых не всегда позволяет понять, какую смысловую нагрузку они в себе несут и в каких случаях их нужно употреблять. И подобные учебные пособия предназначены для ознакомления иностранных учащихся с различного рода устойчивыми оборотами, фразеологизмами, паронимами, активно используемых в разговорной речи для передачи дополнительных субъективных смыслов в тех или иных ситуациях речевого общения:

- для передачи и восприятия информации;
- при запросе информации и в последующих ответных репликах;
- при оценке полноты, достоверности и актуальности передаваемой информации;
- в целях побуждения к действию;
- для выявления оценочных характеристик обсуждаемых фактов.

В данной ситуации на помощь преподавателю и студентам приходят учебные пособия, нацеленные на снятие у учащихся трудностей в овладении разговорной речью. Среди таких пособий можно назвать пособия Е.Р. Ласкаревой «Прогулки по русской лексике» (изд-во «Златоуст») и Г.И. Володиной «А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи» (изд-во «Русский язык. Курсь»).

В пособиях занятий русского языка как иностранного в большей части встречаются употребительные языковые и речевые средства, в большей степени используемые в коммуникативной деятельности. Одни из них простые и соответственно, воспринимаются как более частотные, вторые - более сложные и менее частотные.

Таким образом, материал в учебниках расположен в такой последовательности, что преподавателю даётся возможность использовать его в зависимости от степени подготовленности студентов и сроков обучения русского языка, то есть от более частотных к менее частотным. Применение таких пособий даёт положительные и успешные результаты. Упражнения и задания в них вызывают у студентов огромный интерес и желание к разбору диалогов и театрализованному и эмоциональному обыгрыванию ситуаций, что является повышением мотивации в изучении языка. Хорошие плоды приносят и элементы юмора в усвоении материала.

В пособиях даются рекомендации по употреблению тех или иных выражений, к примеру: "Почем я знаю!" и "Да откуда мне знать!" звучат грубо и резко, что не следует их употреблять при официальном общении. Более вежливой альтернативой таким выражениям служат такие, как: «Не знаю» и "К сожалению, не в курсе". Однако не является желательным частое употребление просторечной лексики. Недопустимо ее использование в учебных и официальных ситуациях. Преподавателю необходимо обратить внимание студентов на такие рекомендации, донести до них, как правильно реагировать на выражение и реплику собеседников для естественного включения в общение с носителями изучаемого языка.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что погружение студентов в живые ситуации и обращение к естественному и обычному языку даёт возможность развить умения и навыки владения языком. Помимо всего этого, такое обучение даёт хорошую мотивацию для изучения языка, повышения уровня его знания и снятия языкового барьера.

Литература

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика, Монография. - М.: Либроком, 2009 - 320 с.
2. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю., Русский язык и культура речи. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2000 – 24-32 с.
3. Володина Г.И. А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи. – М.: Рус. яз. Курсь, 2003.
4. Девкин В.Д. Разговорная речь. – М.: Наука, 1979 – 152 с.
5. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие / Л.С.Крючкова, Н.В. Мощинская. – М.: Флинта: Наука, 2011.

5. Ласкарева Е.Р. Прогулки по русской лексике. – СПб.: Златоуст, 2013.
6. Лихачева О.Н. Лингвистические основы обучения англоязычных студентов-иностранцев антонимической лексике русского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10.
7. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Книга для преподавателя / А.Л. Бердичевский, И.А. Гиниатуллин, И.П. Лысакова, Е.И. Пассов / под ред. А.Л. Бердичевского. – М.: Русский язык. Курсы, 2011.
8. Подосинникова А.А. К проблеме обучения иностранных студентов-филологов стилистике русской разговорной речи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2012.
9. Рыбачева Л.В., Вахтель Н.М. Русская разговорная речь, Учебное пособие. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006 - 35 с.
10. Сиротинина О.Б. Лексика разговорной речи. – М.: Русский язык, 1980 – 129 с.
11. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь, Пособие для учителя. - М.: Просвещение, 1983 - 79 с.
11. Сладкевич Ж.Р. Обучение разговорной речи на уроках русского как иностранного // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2013. – № 3.
12. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного / сост. Л.В. Московкин, А.Н. Шукин. – М.: Русский язык. Курсы, 2012.

УДК 801. 52; 81'271: 82.085

**Использование зоонимов в составе ФЕ
для образной характеристика человека в различных культурах**

П.Г. Алиева

**Дагестанский государственный университет.
г. Махачкала, Российская Федерация**

Аннотация: В статье представлен языков анализ фразеологических и паремиологических единиц различных культур и традиций (дагестанских и индоевропейских), содержащих в своем составе компонент-зооним. Сравнительный анализ данной категории фразеологических единиц оправдан тем, что каждый язык различает в своем содержательном плане два момента: универсальный (общий для всех или многих языков мира) и идиоэтнический, уникальный, характеризующий язык в его индивидуальном своеобразии.

В семантике ФЕ с компонентами-зоонимами в сопоставляемых языках имеются определенные сходства, обусловленные тем, что в составе целого ряда фразеологических единиц используются названия одних и тех же животных для характеристики внешнего облика или внутреннего мира человека. Тождественная в исследуемых языках семантика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, представленная одинаковым лексическим наполнением и одинаковой формой выражения, приводит к формированию однотипных фразеологических образов.

Статья представляет интерес для исследователей в области общего, кавказского и сопоставительного языкознания, а также для исследования языковой картины мира.

Ключевые слова: дагестанские языки, фразеологические единицы, компонент-зооним, семантическая структура.

**The use of zoonyms in the composition of the phraseological unit
for the figurative characterization of a person in different cultures**

P. G. Alieva

Dagestan State University. Makhachkala, Russia

Summary. The article presents the analysis of phraseological and paremiological units of languages of various cultures and traditions (Dagestan and Indo-European), which contain a zoononym component. A comparative analysis of this category of phraseological units is justified by the fact that each language distinguishes two points in its content plan: universal (common to all or many languages of the world) and idioethnic, unique, characterizing the language in its individual identity.

There are certain similarities in the semantics of phraseological units with zoonymic components in comparable languages, due to the fact that a number of phraseological units use the names of the same animals to characterize the appearance or inner world of a person. The semantics of phraseological units with the zoonym component, identical in the languages studied, represented by the same lexical content and the same expression form, leads to the formation of the same phraseological images.

The article is of interest to researchers in the field of general, Caucasian and comparative linguistics, as well as for the study of the linguistic picture of the world.

Key words: Dagestan languages, phraseological units, component-zoononym, semantic structure.

Основная цель любого сопоставительного исследования заключается в выявлении тождественных (интегральных) и различительных (дифференциальных) признаков сравниваемых языковых единиц. Это подтверждается также тем фактом, что в основе ряда важнейших методов языкового анализа – оппозитивного, полевого, трансформационного, компонентного и др. – лежит постулат о тождествах и различиях в языке, сформулированный ещё замечательным швейцарским лингвистом, одним из основателей Женевской лингвистической школы Фердинандом де Соссюром.

Сопоставительные исследования фразеологических единиц, особенно обслуживающих различные культуры, имеют свои особенности, обусловленные опосредованностью и многоплановостью исследуемых единиц. Именно с этим общим свойством связана некоторая приблизительность результатов анализа фразеологических единиц языков различных культурных традиций, который позволяет выявить лишь относительное тождество. А. Д. Райхштейн также указывает, что: «строгое понятие тождества вообще вряд ли применимо к сопоставляемым фразеологическим фактам, каждый из которых занимает в системе своего языка специфическое место и имеет особую значимость, которая не повторяется в неизменном виде в иноязычной системе для соотносительного факта. Практически речь идет не об абсолютном, а об относительном тождестве, касающемся основных функциональных и семантических характеристик ФЕ в целом, а также ее конститuentов, парадигматических и синтагматических связей. Отсюда необходимость пренебречь частными, второстепенными, периферийными различиями и сконцентрировать внимание лишь на существенных расхождениях, затрагивающих принципиальные качественные и количественные свойства объектов» [5, с. 17]. Иначе появляется риск потонуть в массе любопытных деталей, которыми изобилует фразеология и которые представляют теоретический интерес лишь в той мере, в которой поддаются обобщению. В этой связи уместно напомнить высказывание Л. И. Ройзензона о том, что «из всех творений языкового гения человека фразеология - наиболее самобытное, сложное и компликативное явление» [6, с. 116].

В целом фразеологическое значение – это феномен исключительно сложный, и, разумеется, его нельзя рассматривать как механическую сумму составляющих его компонентов. Семантическую структуру ФЕ можно представить как микросистему, все элементы которой находятся в тесной связи и взаимодействуют между собой. Известно также мнение, согласно которому внутренняя форма присуща лишь таким фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное сочетание с тем же лексико-грамматическим составом [4].

В последнее время принято выделять важную функцию фразеологического значения как коннотативно-культурологическую, содержанием которой является отношение между формой языковых единиц и включенной в нее культурно значимой ассоциацией. Коннотативно-культурологическое значение приобретает особую значимость для фразеологических единиц с терминами животного мира, семантически ориентированных на животных, но метафорически ассоциируемых с человеком. В фольклоре любого народа герои этноса посредством метафорического переноса сравниваются с различными представителями животного мира. Мифическая символика часто связана с названиями животных. В процессе исторического развития народов – носителей языков некоторые животные становились олицетворением положительных или негативных качеств, которыми человек обладал. Так возникли зоонимы-эмотивы – разновидность экспрессивной лексики, которые используются для выделения положительных или отрицательных качества человека, посредством уподобления человека животному.

В сопоставляемых в данном исследовании германских и дагестанских языках (в языках

различных культурных традиций) в основу метафорических употреблений положены одинаковые или близкие коннотации. Так, образ змеи используется в значении «злой или коварный человек», например: англ. *viper, snake*; нем. *die Schlange*; авар. *борохъ*; лак. *шамта* «змея», «гадюка». В английском языке с образом змеи ассоциируются такие низменные качества человека как подлость и предательство, например: *to be lower than a snake* «быть самым последним негодяем», (букв. «быть ниже, чем змея»); *a snake in smb's bosom* букв. «змея в груди», используется для оценки неблагодарного человека. В немецком языке змея также ассоциируется с коварством и подлостью, например: *listig wie eine Schlange*; *falsch wie eine Schlange* «коварный как змея», «змея подкодная».

В лакском языке о подлом человеке говорят: *Шамта ялату, инсан виѳх оврчлуссар*. «Змея сверху, человек изнутри пестрые бывают». *Шатлул кунма кликъянцла маз бусса*. «Как у змеи раздвоенный язык иметь» – о человеке, приносящем вред людям посредством своего языка. В аварском языке подлый, коварный человек характеризуется как *борхыл глалмал* бугев букв. «змеи характер имеющий».

Стилистически нейтральное слово *snake* «змея» в фразеологических единицах английского языка используется реже, чем его стилистически окрашенный синоним *viper* «гадюка», который также репрезентирует семантику «предатель», «ренегат», например: *To cherish (to nurse, to warm) a viper in one's bosom* «пригреть змею на груди», «пригреть гадюку в чьем-либо сердце». Фразеологизм *Generation of viper* «порождение ехидны», букв. «поколение гадюк» имеет библейское происхождение. В основу данного фразеологизма положен не образ не «змеи», а образ библейского «змия», олицетворяющий собой нечистую силу. Образ «змия» лежит также в основе сочетания *Snake-juice* «виски», букв. «змеиный сок». Поскольку чрезмерное употребление алкогольных напитков приводит к галлюцинациям на фоне алкоголизма, то в этом усматривают влияние нечистой силы, например: *To see snakes* «напиться до чертиков (до зеленого змия)», букв. «увидеть змей».

Вместе с тем *змея* имеет также и положительные коннотации, которые совпадают в генетически и типологически различных языках, в языках различных культурных традиций – лакском и немецком. В этих языках змея символизирует такое положительное качество человека, как мудрость, например: нем. *j-d ist klug wie eine Schlange* «мудр как змея»; лак. *шамта кунма чъявуклулсса* «мудрая как змея».

В то же время в родственном немецкому английскому языке мудрость символизирует не змея, а сова, ср.: англ. *as wise as an owl* «мудрый как сова».

Такая черта характера человека, как хитрость, актуализируется во всех языках исследования образом лисы, ср.: англ. *as cunning as a fox*; нем. *schlau wie ein Fuchs*; авар. *цѳр глалдин сиклурав*, лак. *цулчла кунма макрурду бусса* «хитрый, как лиса».

Образы осла или мула применяются для характеристики упрямого, своенравного человека во всех исследуемых языках, например:

англ. *as obstinate as a donkey* «упрямый как осел», *as obstinate as a mule* «упрямый как мул»;

нем. *hartnäckig wie ein Esel, stur wie ein Maultier* «упрямый как мул»;

авар. *хлама глалдин* «упрямо», букв. «как осел», *глуцлем глалдин* «упрямо», букв. «как мул»;

лак. *вилцуннул амал бусса* «имеющий упрямство мула», «упрямый человек»; *вилцун кунма хлурк бугъусса* «упрямый как мул»; *ттуку кунма хлурк бугъайсса* «упрямый как осёл».

Храбрость в сопоставляемых языках ассоциируется с «царем зверей» – со львом, ср. англ. *as bold as a lion*; нем. *mutig wie ein Löwe* «храбрый как лев» – ав. *гьалбацл глалдин* «храбро», букв. «как лев»; лак. *аслан кунма виричусса* «храбрый как лев».

Трусость ассоциируется с зайцем, например: англ. *as timid as a hare*; нем. *Feig wie ein Hase*; лак. *бурх кунма нигъа усайсса* «трусливый как заяц»; авар. *гланквл ракл бугев* «трусливый», букв. «зайца сердце имеющий».

Иногда наблюдаются и существенные расхождения вплоть до прямо противоположных. Так, в английском языке волк является олицетворением таких отрицательных качеств человека как: жестокость, лицемерие, жадность, ср. *wolf* «жестокий», «безжалостный» или «жадный человек», Образ волка – это символ жестокости и лицемерия, ср.: *a wolf in a lamb's skin* «волк в овечьей шкуре», «лицемер». *Never leave the wolf to keep the sheep* «волк не пастух, свинья не огородник»; «не пускай козла в огород» (букв. «не доверяй волку охранять барана»).

В американском варианте английского языка *wolf* репрезентирует также значения: «бабник», «волокита», «сердцеед», обозначая коварного, ненадежного, обманчивого человека, которому нельзя доверять. В американском военном дискурсе словом *wolf* называют старшину роты.

Фразеологизм «волк в овечьей шкуре» функционирует и в немецком языке: *ein Wolf im Schafspelz*, синоним: *Schafskleid sein*, букв. «овечья шкура». Лакская поговорка *буцлил къацллуви клусса*

мабихьларда «не клади палец волку в рот» предостерегает от людей с характером волка. Такое же предостережение содержится в другой поговорке: *буццул гьал даххана шайссар, хасият даххана къашайссар* «волк меняет шерсть, но не характер». Примечательно, что в немецком языке также представлена поговорка такой же семантики, как свидетельство, что скверный человек с дурными привычками не меняет своей натуры: *Wolf stirbt in seiner Haut* «волк каждый год линяет, а обычая не меняет», букв. «волк умирает в своей шкуре»; *ein Wolf und eine Hure bessern nicht* «волк и блудница не меняются».

В аварском языке также есть аналогичная поговорка – *баццуца баццул гьамал толаро* = рус. «сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит», букв. «волк волчьих повадки не оставляет». Однако в аварском языке, как и в родственном даргинском, волк символизирует такие качества, как ловкость, смелость, верность (стае). Волк – это единственное животное, которое не убегает от более сильного противника. Выражение *баццI гьадин* букв. «как волк» означает «прекрасно», «ловко, быстро».

Сравнивая даргинские фразеологизмы с русскими с компонентом –зоонимом ‘волк’, в которых волк употребляется как символ всего отрицательного, символ хищника жадного и хитрого, М.-Ш. А. Исаев отмечает, что «в даргинском языке волк (в отличие от русского) символизирует вовсе не хищность, жадность и хитрость, а храбрость, бесстрашие, ловкость. И на само слово *беццI* ‘волк’ лежит табу, что сильно ограничивает его употребление. В обиходной речи слово *беццI* ‘волк’ заменяется синонимичным словом жанавар ‘зверь’» [2, с. 102].

При обозначении одного и того же качества человека сопоставляемые языки могут актуализировать разные признаки, например:

англ. *as graceful as a swan* «грациозный, как лебедь»;

лак. *бюрни куна овъхъусса* «грациозный, стройный как олень»;

англ. *as innocent as a dove* «кроткая, как голубка»;

лак. *бярч куна мютлусса* «кроткий, послушный, как телёнок» и т.д.

Данные фразеологические единицы совпадают в значениях в главном, в общем семантическом плане, но имеют и несовпадающие семы, которые и являются накопителями и носителями этнокультурной информации. В исследуемых языках представлен целый ряд компаративных фразеологических единиц, выражающих сходную семантику, но различающихся своей *внутренней формой* – фразеологическими образами, мотивирующими эту семантику.

Термин и понятие «внутренняя форма языка» (*die innere Sprachform*), восходящие к Вильгельму фон Гумбольдту, получили неоднозначную трактовку в лингвистике. Однако все языковеды признают важную роль внутренней формы в семантической структуре фразеологических единиц. Как считает А. В. Кунин, «внутренняя форма ФЕ значительно более стойкая, чем внутренняя форма слова, что объясняется преобразованным характером фразеологического значения, преобладанием мотивированных фразеологизмов, их раздельнооформленностью, а также спецификой их взаимоотношения с прототипами» [3, с. 194].

Неповторимость и своеобразие внутренней формы фразеологических единиц разных языков обусловлено тем, что «... разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (*Ansichten*) его... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [1, с. 9].

Национальное своеобразие фразеологических единиц исследуемых языков проявляется не столько в семантике самых фразеологизмов, сколько в их внутренней форме – фразеологических образах, мотивирующих эту семантику. Отсюда и неповторимость, и своеобразие именно внутренней формы фразеологических единиц с компонентом зоонимом, которые не имеют образных параллелей в сопоставляемых языках.

Несмотря на различие генетических и культурно-исторических связей германских и дагестанских языков, в них обнаруживается также определенное количество компаративных фразеологических единиц, совпадающих по семантике и по своей внутренней форме – фразеологическим образам, мотивирующим эту семантику.

Литература

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
2. Исаев М.-Ш. А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка / М.-Ш. А. Исаев. – Махачкала, 1995. – 208 с.

3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна: ‘Феникс+’, 2005. – 488 с.
4. Маллаева З. М., Джалалова А. М. Спорные вопросы сопоставительной фразеологии / З. М. Маллаева, А. М. Джалалова // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-16. – С. 3639-3642. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37836> (дата обращения: 01.11.2019).
5. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. / А. Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
6. Ройзензон Л. И. Заметки по русской компаративной фразеологии // ВФ. № IV. – Самарканд, 1971. – С. 170-178.

СЕКЦИЯ 1.2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРАБИСТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

УДК 37.02

**Какое оно – новое поколение студентов, изучающих арабский язык,
и каким должен быть преподаватель, обучающий арабскому языку**

В.В. Лебедев

Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
lebedev@iaas.msu.ru

Аннотация. 50 лет я непрерывно преподаю арабский язык в Московском университете. Это не только позволяет, но и предполагает осуществление внутренней работы по обобщению, упорядочению, классификации и осмыслению всего накопленного в этой профессиональной области опыта. В данном сообщении мы представляем некоторые результаты нашей личной обработки этого опыта.

Преподаватель, как известно, имеет дело со студентом, с учебными материалами и со своими коллегами. В сообщении мы затронем лишь первый аспект преподавательской деятельности.

Материал статьи основывается исключительно на личном опыте, личных наблюдениях и личных заключениях ее автора.

Ключевые слова: опыт, методика, педагогика, служение; обучаемость, самообучение, самодостаточность, мобилизационные возможности, гибкость, подражательность, объем памяти, здоровый коллективизм.

**WHAT IS A NEW GENERATION OF STUDENTS
WHO STUDY ARABIC,
AND WHAT KIND OF A PROFESSOR
IS NECESSARY TO TEACH ARABIC**

V.V. Lebedev

**Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
lebedev@iaas.msu.ru**

I have been teaching Arabic at Moscow University for fifty consecutive years. This not only allows but also presumes carrying out the internal work of consolidation, rationalization, classification, and reflection of the whole experience accumulated in this professional area. With this report we deliver some results of our personal handling of this experience.

It is known that a professor deals with students, study materials, and their colleagues. Within this report we only touch upon the first aspect of teaching practice.

This report is based solely on personal experience, personal observation, and the author's personal conclusions.

Keywords: experience, methodology, pedagogy, service; capacity to study, self-teaching, self-reliance, mobilization capabilities, flexibility, imitiveness, memory span, reasonable team spirit.

50 лет общения на кафедре с моими коллегами распределяются для меня на три поколения. Каждое из них принимало и принимает участие в моем профессиональном становлении и развитии. Себя я условно отношу к среднему поколению – по срокам пребывания в нем; в нынешней же кадровой реальности кафедры я принадлежу уже к старшему. Таким образом мне довелось и доводится получать необходимое для профессии у представителей и старшего, и среднего, и нового - молодого поколения.

Это – очень кратко о моем личном, сугубо субъективном позиционировании себя во времени и в преподавательском сообществе кафедры. А если говорить подробно, то это было бы объемным исчислением всего того, что я получал, беря или отвергая, у каждого из своих коллег по кафедре.

К новому поколению преподавателей кафедры я отношу тех, стаж преподавательской работы которых не превышает 10 лет.

К новому поколению студентов кафедры я отношу студентов последних 10 лет.

Для себя я выделил некоторые характерные качества этого поколения, которые особенно четко обозначились для меня за последние 3-5 лет. Мои наблюдения делались как на студентах и аспирантах ИСАА, так и на студентах других вузов, с которыми мне доводится сотрудничать. С этими характерными качествами нового поколения, какими они мне представляются, я и хотел бы ознакомить читателя.

Первое качество – это достаточно высокая степень **обучаемости** при всем разнообразии ее индивидуальных проявлений. Речь идет и о восприимчивости к обучению, и об учебных способностях, и о готовности к постоянному развитию, и об уровне познавательных процессов (восприятие, воображение, память, мышление, внимание, речь), и о скорости и качестве усвоения знаний, и о легкости освоения, и о прочности и качестве сохранения освоенного материала и многих других показателей. Самое ценное для процесса обучения в этом блоке качеств нового поколения, это, пожалуй, умение слушать. Слушать другого. И при этом хорошо слышать этого другого. Что же касается умения слышать только себя, слушая другого, то первенствует здесь не молодое поколение, а то немолодое, к которому принадлежу я сам, а точнее, те его представители, которые присвоили себе кодовое название-оберег «творческая интеллигенция».

Для того, чтобы присущее молодому поколению качество обучаемости полностью раскрыло себя и дало свои положительные результаты в обучении арабскому языку, от нас - преподавателей и персонала, организующего учебный процесс, требуется создание подходящих условий. Особенно это важно на начальном этапе обучения. Существенным здесь является создание условий для проявления личной ответственности преподавателя за каждого студента. Большой, очень большой, но не непреодолимой помехой - потому что методика как раз и работает на преодоление помех - здесь является очень сильно превышающая оптимальную (7 человек) численность студенческой группы, а также количество преподавателей языка, работающих с одной студенческой группой (три преподавателя – это уже много, а все, что свыше – контрпродуктивно, если воспользоваться языком дипломатии). Здесь уже единственная надежда на то, что «наши люди» - люди моей страны имеют стойкую наследственную привычку преодолевать все виды трудностей: как неизбежных, так и искусственно создаваемых как непрофессионалами, так и профессиональными злодеями.

В связи с этим хотел бы кратко обозначить свое отношение к методике: какое из ее положений является для меня самым главным? Это – оптимизация и, в конечном счете, экономия трудозатрат обучаемого. Это - целевая установка методики. Ради этого методика существует. Если не «держать в уме» эту задачу, то обучать языку - и не всегда безуспешно - можно и при полной методической

безграмотности и даже невменяемости. Результаты будут, что называется, «любой ценой». А цену эту заплатит, конечно же, студент.

Это очень хорошо осознавалось в первые два с лишним десятилетия существования Института восточных языков при МГУ, позднее – Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В нем мне довелось на протяжении шести лет учить арабский язык и изучать географию, историю, литературу, культуру и экономику арабского мира и стран Востока. В нем же мне посчастливилось на протяжении вот уже пятидесяти лет преподавать арабский язык. Когда я начинал работать преподавателем в родном для меня Институте, в нем царил атмосфера культа методики. Этот культ, бесспорно, исходил из глубокого убеждения в том, что преподаватель данного вуза должен быть равноценным специалистом в двух областях: востоковедческой и педагогической. Первое обеспечивалось шестилетним качественным востоковедным и общенаучным образованием, полученным его выпускником, второе – направляемым самообразованием т.н. «молодых преподавателей», которое, кстати, практически никак не было заформализовано. Но значительная часть преподавателей была в него вовлечена. Это был вопрос личного выбора и личной профессиональной ответственности. Нынешнее же «повышение квалификации» имеет к повышению и педагогической, и методической культуры преподавателя очень отдаленное отношение, если посмотреть на него сквозь призму практик давно прошедших лет; к личному же выбору оно вообще не имеет никакого отношения.

Второе качество нового поколения учащихся это, как нам представляется, достаточно высокий уровень готовности к **самообучению**. Многим моим коллегам это качество хорошо знакомо на личном опыте. Ведь оно составляет сущность профессиональной жизни преподавателя вне аудитории. Ее содержание двунаправленно: на предмет обучения и на методическое обеспечение учебного процесса. Два вопроса, переплетаясь, составляют стержень самоподготовки преподавателя: чему учить и как учить – на предстоящем уроке, предстоящей неделе, текущем семестре, на протяжении учебного года. Постоянное совершенство здесь, как нам известно, обеспечивается самообучением. Его возможности и продуктивность повышаются параллельно с возрастанием опыта и стажа педагогической работы. Здесь же речь идет о способности к самообучению как массовой характеристики, охватывающей современное молодое поколение.

Способность к самообучению неразрывно связана с другими навыками и умениями в сфере познавательной деятельности. Среди них можно выделить целеполагание, управление своим временем, концентрация усилий и средств на решение конкретной задачи, устойчивый дух оптимизма, личная заинтересованность.

Для преподавателя очевидно, что присутствие в аудитории носителей таких качеств и свойств предполагает и адекватную организацию всего учебного процесса, и каждого конкретного занятия. Об этом более подробно мы будем говорить в связи с насущными задачами нового поколения преподавателей.

Третьим качеством, присущим, как нам кажется, современному молодому поколению обучаемых, является **самодостаточность**, умение опираться, а в случае необходимости и полностью опереться на самого себя. За этим умением скрывается способность все свои физические, материальные, интеллектуальные и душевные возможности максимально задействовать в решении различных ситуационных и долгосрочных задач. Прямым антиподом этого качества выступает иждивенчество. Его очень мало остается, или совсем не остается у человека самодостаточного, даже если он склонен решать все свои насущные проблемы за счет других людей.

Самооценка человека самодостаточного, как правило, соответствует действительному положению вещей, а если склоняется, то скорее в сторону занижения, чем завышения.

Четвертым качеством нам видятся широкие **мобилизационные возможности личности** современного молодого человека. Они, конечно же, могут полностью раскрыть себя для преподавателя языка далеко не на каждом занятии. Они проявляют себя в интенсивной работе, выходящей за рамки привычных повседневных нагрузок. Для них нужна исходная потребность и отдаленная цель. В рамках учебного заведения они могут быть наблюдаемы в условиях экзаменов, промежуточных контрольных, на семинарах, конференциях, конкурсах, олимпиадах, а также в условиях вынужденной работы студента в догоняющем режиме.

Считаю, и мой опыт аудиторной работы подтверждает это, что мобилизационный механизм может быть задействован и вне, условно говоря, экстремальных ситуаций, обозначенных нами выше. В частности, он может быть использован на протяжении учебного года как средство коррекции, выправления, или закрепления, или даже восполнения конкретного учебного материала у конкретного студента. При этом студент обязательно должен получить у преподавателя конкретное указание,

включающее обоснование необходимости дополнительной работы, конкретный материал учебника, минимальный порог трудозатрат в минутах и срок завершения целевого сеанса дополнительной работы. В таком случае использование студентом мобилизационного механизма с положительным результатом весьма, и весьма, вероятно.

Подчеркнем, что четкое представление студента о своем реальном положении и вытекающих из него учебных действиях, представление о целях и средствах (т.е. все то, что студент может получить только от благожелательного и неравнодушного преподавателя), - именно это и является эффективным средством необходимой поддержки такого студента, у которого не все складывается, если речь идет о начальном этапе, или не все идет гладко, если речь идет о продвинутом или даже завершающем этапе. Оставлять же таких студентов без методической помощи мы считаем совершенно безнравственным, как минимум, с позиций профессиональной этики.

Методическая помощь проблемному обучаемому заключается в том, чтобы направить его на использование всех внутренних возможностей и резервов, выделить для него «главное звено», способствовать формированию четкого представления о конечной цели, ближайших задачах и имеющихся в наличии средств, а также оптимальной активности, соответствующей содержанию работы, и выработке готовности к затратам усилий. Эти элементы, взятые вместе, характерны для режима «полной мобилизации» организма обучаемого. У такого режима, как мы видели, своя, ограниченная, сфера применения. Эти же элементы, взятые поодиночке, могут использоваться разово, в решении отдельных конкретных проблем, встающих перед конкретным студентом. Сами же проблемы могут иметь разные причины, которые далеко не всегда связаны только с волей или безволием обучаемого. Одна из наиболее распространенных из них, как известно, связана с неумением того, как учиться в вузе, как учиться в востоковедном вузе, как учиться стать арабистом. Преподаватель арабского должен быть готов адресно, оперативно и конкретно устранять эту возможную причину студенческих проблем.

Пятое выделяемое нами качество молодого поколения учащихся – **гибкость**. По-видимому, это одно из самых высоко ценимых живой природой качеств. Приходилось видеть, как могучая пальма в оазисе, сопротивляясь всесильному ветру, полностью подчиняет себя ему, собирая в единой сноп свои ветви, который принаравливается любому его порыву и движению, и ни один пальмовый лист при этом не падает на землю.

Природа любит гармонию. Гармония требует под-настройки. Последняя предполагает настроенность на изменения, на постоянную к ним готовность. Учение же есть непрерывное привнесение изменений в самого себя. В современной аудитории понимание этого я ощущаю почти физически. Это воодушевляет. Потому что заведомо исключает тупое сопротивление другой стороны. Это придает силы обеим сторонам. Это приносит свои результаты и обучаемым, и обучающему.

Гибкость, как и другие упомянутые здесь качества, с которыми современное молодое поколение приходит в аудиторию, сама требует для себя дальнейшего развития. Ибо гибкость является востребованной в любом умственном труде – и в аудитории, и вне ее, и после окончания учебы. Гибкость обеспечивает уму возможность находить оптимальное решение возникающих задач тем, что она настраивает на вариативность, понуждая к полному исчислению всех возможных вариантов решения: она ставит ум перед выбором. Нашему «черному ящику» чаще всего бывает достаточно получить полное исчисление всех наличествующих у решаемой проблемы вариантов, чтобы «выдать» нам единственное правильное решение. В этом мы должны ему помочь. Это я очень хорошо знаю и из своей преподавательской практики.

Приведу конкретный пример. Аудитория. Студент ИП читает текст. Преподаватель ВЛ слушает. Манерой своего слушания ВЛ дает понять, что участвует в процессе общения с ИП и очень заинтересован в получении данной информации. Вдруг ВЛ слышит от ИП: «...фил-китāБ л-[?]арабий». ВЛ спрашивает ИП с видом человека, который не расслышал сказанное и желает получить уточнение по ходу его рассказа: «ал-китāБА?, ал-китāБИ?, ал-китāБУ». Одно мгновение держится молчание, и тут же следует правильный вариант. А иногда достаточно бывает просто постучать ручкой по столу. Результат тот же. Диагноз ошибке поставлен верный. Это не пресловутое «не знает родительный падеж», и значит ему надо заново, в какой уже раз, объяснить правило. Это пока еще неумелое владение всеми нюансами чтения арабского текста. Один из них – необходимость увидеть ситуацию, где имеются варианты, и сделать выбор. При нашей коррекции, как видим, коммуникация не нарушена. Чтение продолжается. А заодно мы получили экспресс тренинг на исчисление всех возможных вариантов решения умственной задачи – в данном случае дешифровки конкретной графической ситуации, порожденной самой природой арабской графической системы. Мы поработали тем самым и на дальнейшее умственное развитие студента.

Шестое, отмечаемое нами качество нового поколения учащихся, – **подражательность**. Оно интересно тем, что сопровождает человека во все возрастные периоды его жизни, меняя лишь свою мотивацию. Является мощным средством обучения. Самостоятельно включает механизм копирования. На занятиях арабского посредством подражания перенимаются: работа произносительного аппарата, акустические характеристики звуков, графический образ звуков и их сочетаний в процесс написания слова, графические и интонационные рисунки слов, словосочетаний, фраз, речевая мелодика и ритмика арабской речи, ударение, ритм, интенсивность, громкость, длительность, темп речи, паузы, манера разговора, элементы культуры произношения, культуры слушания, культуры общения. Имитация, копирование выступает здесь как наиболее экономный, эффективный и надежный способ освоения соответствующего материала. Задача языкового преподавателя – сохранить достаточно высокий стартовый уровень имитационного поведения обучаемого на все этапы обучения: от начального до завершающего. Ее решение во многом зависит от информационной, познавательной и, конечно же, эстетической ценности предлагаемых преподавателем образцов и от его личного участия в их предъявлении: он никак не должен быть оператором техники, предъявляющей образцы для подражания – это намного ниже уровня преподавательской квалификации.

Седьмое качество, которое мы относим к характерным качествам нового поколения обучаемых, – это **объем памяти**. Он достаточно большой, и вызывает уважение.

Интересно, а какой объем студенческой памяти «забирает» арабский язык? Он может быть приблизительно просчитан в языковых единицах. Это важно знать преподавателю в том числе и для того, чтобы процесс был управляемым, подконтрольным, подвластным координации преподавательского коллектива, и, тем самым, более экономичным и менее трудоемким для самого студента.

Для профессионального владения арабским, включающим оптимальный уровень понимания текстов разной тематики и разных эпох, необходимо знание 3500-4000 лексических единиц. Для их устойчивого длительного хранения, повинуюсь известным законам сохранности, в память будущего арабиста требуется заложить для этой цели не менее 4500 лексических единиц.

Для профессионального владения арабским языком, предполагающим умение производить арабские тексты, воспринимаемые носителями языка как свои, в студенческую память арабиста требуется заложить не менее 40 оригинальных текстов разной тематики, принадлежащие высшим авторитетам арабской словесности, объемом не менее одной печатной страницы каждый. Путь к производству полноценных текстов на изучаемом языке проходит сквозь воспроизводство освоенных текстов-образцов.

Для профессионального владения арабским языком, предполагающего умение переводить «с» и «на» арабский, в память будущего арабского переводчика необходимо заложить не менее 200 предложений, содержащих т.н. эквивалентные соответствия, т.е. постоянные равнозначные соответствия, не зависящие от контекста, роль которых трудно переоценить в процессе вхождения и вживания в традицию межъязыковых соответствий, а также в процессе осуществления перевода. Единицам перевода, имеющим постоянное соответствие в родном языке, необходимо уделять особое внимание уже на самых ранних стадиях изучения арабского языка. Список таких единиц обязательно должны иметь как учащиеся, так и учащие арабскому языку.

Для профессионального владения арабским языком, предполагающего знание устройства арабской языковой системы, необходимо заложить в память ее будущего пользователя около 200 предложений – речевых образцов, отражающих все наличные возможности этой системы в порождении предикативных конструкций и передаче всего спектра позитивной, субъективной, эмоциональной и иной информации, составляющей содержание межлического общения. С этой же целью в памяти должна находиться информация о 3-4 десятках словообразовательных моделей, покрывающих устройство значительного количества всех арабских слов, о 2-3 десятках (а не более 300, как в русском) арабских морфем, маркирующих взаимоотношения слов в пределах мизерного числа арабских синтаксических конструкций, которое также требует своего места в хранилище памяти будущего арабиста. Последнее полностью должно быть предъявлено на самых ранних этапах обучения, чтобы позволить обучаемому как можно раньше выйти на самостоятельное чтение оригинальных текстов, на уровень понимания не менее 70% той информации, которая выражается формами слов и отношениями между словами.

Восьмым качеством, наблюдаемым нами у современного поколения обучаемых, является их **здоровый коллективизм**. Это уже не коллективизм во имя коллективизма, а коллективизм в тех сферах, где он является жизненно необходимым, и в такой мере, которая вытекает из естественной социальной потребности самой человеческой личности быть в коллективе, и генетически присуща каждому нормальному человеку, живущему по жизни, а не по понятиям о ней. Здоровый коллективизм определяет

здоровый социально-психологический климат в студенческой группе. Здоровый климат существенно повышает реальную работоспособность и снижает энергетические затраты каждого члена такой группы. Это хорошо известно преподавателю, за плечами которого несколько десятков самых разных студенческих групп. Коллективизм вбирает в себя такие качества, как готовность к взаимодействию и взаимопомощи, стремление к взаимопониманию, установку на доброжелательность, интерес к нуждам друг друга. Он позволяет эффективно использовать командные формы организации учебной деятельности – с одной стороны, и совершенствовать умение работы в команде как один из компонентов формируемой одноименной профессиональной компетенции – с другой.

Девятым качеством, отмечаемым нами в новом поколении учащихся университетов, является **подлинная интеллигентность**.

Поскольку профессионально мы все, так или иначе, выходим на коммуникацию, то и в интеллигентности первостепенный интерес для нас представляет те ее компоненты, которые затрагивают коммуникативные умения и навыки. В интеллигентности подлинной это, конечно же, способность понимать других людей. Это совершенство помыслов, намерений, действий и поступков в широчайшей области человеческого бытия, которая описывается понятием «я и другие». Это все, что составляет культуру общения и характеризует достаточно высокий уровень развития человеческой личности. Подлинная интеллигентность, как и любовь согласно формуле апостола Павла, «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» [Евангелие 1 Кор. 13, 7]. Можно заметить, что и хорошо известная нам в некоторых наших современниках этикетная, демонстрационная, доведенная до блеска фальшивая интеллигентность также высвечена своими типичными чертами в нетленных текстах мировой культуры. Ее носители назывались по-разному в разных культурах и разных эпохах. Те, например, что известны как книжники и фарисеи, согласно евангелисту Матвею «все дела свои делают с тем, чтобы видели их люди» [Евангелие, Мф 23, 5]. По нашим наблюдениям, в нынешнем молодом поколении интеллигентность предстает - когда предстает - только в своем неизвращенном виде. К счастью, это имеет место даже там, где все еще правит бал псевдо-интеллигентность, свойственная все еще небольшому числу представителей моего поколения.

Возвращаясь к способности понимать отмечу, что в процессе обучения понимание выступает не только как данность, на которую преподаватель опирается, но и как объект, с которым преподаватель работает с целью обеспечения его развития и достижения совершенства. Понимание, как известно, есть одна из целей образования. Образование же непреложно сопровождает всякое обучение. Достижение совершенства в понимании, как нам представляется, скорее всего, характеризуется ощущением внутренней связанности, организованности и логической упорядоченности как бы изнутри познанных явлений. Совершенство, наверняка, знаменуется ясным видением причинно-следственных связей этих явлений и их смысловых доминант. Понимание направлено на осмысление новых знаний. Способность же к постоянному приобретению новых знаний и готовность к постоянной умственной деятельности составляют то содержание, которое наполняет интеллигентного человека.

Нельзя не заметить, что грамматическая система арабского языка в ее понимании и теоретическом отражении арабской лингвистической традиции является очень благодатным материалом и для решения образовательной задачи, связанной с повышением качества понимания в среде будущих арабистов, способных, по нашему глубокому убеждению, пополнять тонкий элитный слой российского общества.

Десятым качеством, отмечаемым нами в новом поколении учащихся университетов, мы имеем веские основания поставить **благодарность**.

Благодарность, выражаемая студентом благодарственными словами по окончании урока, приятна сама по себе. Она приятна не только для ее получателя – преподавателя, слышащего слова благодарности. Благодарность благоприятна и для отправителя. Поскольку ее момент всегда наполнен позитивом. В момент благодарности человек не может быть злым, эгоистичным, пессимистичным. Для преподавателя коммуникации - это очень важно. Но важно не только это. Сам факт благодарности для него информативен: он свидетельствует о том, что твой собеседник способен на очень важный поступок. Он способен оценивать. Оценивать, в нашем случае, то ценное, что он почувствовал, увидел, получил в ходе прошедшего академического часа. Умение оценить, оценивать, ценить относится к умениям очень высокого качества. Оно однозначно востребовано в многочисленных сферах гуманитарного мира: мира межличностного, межобщинного, межкультурного и межпоколенческого общения. Оно свидетельствует об очень высоком уровне зрелости и ответственности человека.

Мы постарались представить свое видение нового поколения обучаемых и обучающих арабскому языку. Какие учебно-методические задачи должны быть осознаны и могут быть решены новым поколением вузовских преподавателей арабского языка?

Главной из них считаем задачу всеобщей педагогической грамотности - как задачу минимум, и достижение высокой методической культуры – как задачу максимум.

Нам представляется, что решение каждой из этих задач предполагает, что каждый, кто вступает на путь университетского преподавания, берет на себя личное обязательство неукоснительно сопровождать постоянное приращение своих предметных знаний, связанных с арабским языком и арабской культурой, освоением базовых основ педагогики, а также методики обучения арабскому языку специалистов-востоковедов и исламоведов.

Эти базовые основы педагогики применительно к преподаванию арабского языка могут быть инициативно разработаны (в виде педагогического минимума и списка основополагающей литературы или как-то иначе) совместными усилиями арабистического сообщества при активном участии преподавателей и специалистов – носителей базового педагогического образования. Активную роль в инициировании этого большого солидарного дела арабистического сообщества могло бы сыграть молодое поколение преподавателей-арабистов во главе со своими наставниками. Оно, не отравленное ядом разделения, разъединения, раздоров и распрей, будет стихийно, в силу своей человеческой природы, активно работать на соединение и объединение. В этом основание наших надежд.

У педагогической грамотности, очевидно, несколько составляющих. И все они имеют общий знаменатель. Таковым нам представляется личная установка преподавателя на выстраивание истинно партнерских - равного с равным - отношений с каждым обучаемым. Для этого - в рамках обретения педагогической грамотности - преподаватель должен научиться быстро определять сильные и слабые стороны каждого обучаемого, выработать свои действенные приемы поощрения: не умея поощрять он морально не вправе порицать. Порицание и поощрение – две стороны одного процесса. Это процесс управления самочувствием обучаемого в процессе обучения. От него зависит многое в темпах и качестве усвоения учебного материала.

В рамках овладения педагогической грамотностью преподаватель должен научиться переключаться на тот уровень информации, на котором находится обучаемый и на который должна накладываться новая информация сегодняшнего урока. Он должен научиться также держать в своих руках управление уроком при любых обстоятельствах.

Педагогическая культура преподавателя способна избавить студента от того, чтобы быть свидетелем проявлений преподавательских комплексов, отчасти подпитываемых самой профессией преподавания, объективно ставящей одного человека над другими.

Педагогическая культура преподавателя способна обеспечить студенту, наряду с приобретением качественных профессиональных знаний, навыков и умений, сильный толчок для раскрытия творческого потенциала личности и его дальнейшего устойчивого развития.

В рамках овладения методической культурой необходимо научиться читать и использовать не только собственно методическую литературу, но и существующие учебники арабского языка, как русские, так и зарубежные. Уметь читать учебники арабского языка - значит, в первую очередь, понимать заложенные в них и реализуемые практически различные методические идеи.

Методическая культура, в частности, не позволит преподавателю дать студентам домашнее задание, трудоемкость которого не просчитана в часах, и при этом не учтена трудоемкость тех заданий, которые дают другие преподаватели курса. Самый «культурный» вариант, это когда преподаватель сообщает обучаемому приблизительное время (например, от 20 до 30 мин.), необходимое для выполнения того или иного пункта домашнего задания. В этом случае процент не подготовивших домашнее задание снижается значительно. И это естественно, потому что студент получает помощь в самом важном – в планировании своего времени. К тому же он приучается к управлению своей интеллектуальной работой.

Методическая грамотность преподавателя экономит студенту время, силу, энергию. Она существенно повышает производительность студенческого труда.

Педагогическая грамотность и методическая культура нужны не преподавателю. Они нужны его студенту. Осознание преподавателем своей работы как служение студенту и соответствующие этому сознанию профессиональное и человеческое поведение в вузе есть высшее проявление преподавательской культуры.

Будет педагогическая и методическая грамотность, будет методическая и педагогическая культура преподавателя – все остальное приложится.

В приобретении того и другого нам видится главная задача нового поколения преподавателей арабского языка в России.

Литература

1. Лебедев В.В. Полвека в арабистике. Из опыта моей учебно-методической и научно-исследовательской работы / В.В. Лебедев – М.: Восточная книга, 2013. – 311 с.
2. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева – Москва, «Глосса-Пресс», Ростов-на-Дону, «Феникс», 2010. – 640 с.

УДК 811.411.218

Арабский язык в системе теологического образования на примере Дагестанского гуманитарного института

Абдурахманов А.И.

**Дагестанский гуманитарный институт,
(г. Махачкала. Россия.)**

Аннотация: арабский язык является языком религии ислама. Благодаря этому распространение арабского языка произошло на Кавказе. До 1813 года религиозные школы выполняли важную социальную функцию.

Ключевые слова: ислам, школы, учеба, цивилизация, образование

Arabic language in the system of theological education on the example of the Dagestan Humanitarian Institute

Abdurakhmanov A.I.

**Dagestan Humanitarian Institute,
(Makhachkala. Russia.)**

Abstract: Arabic is the language of the religion of Islam. Thanks to it the spread of the Arabic language occurred in the Caucasus. Until 1813, religious schools performed an important social function.

Keywords: Islam, schools, study, civilization, education

Арабский язык является одним из древнейших языков планеты, важнейшим историческим наследием человеческой цивилизации, во многом повлиявшим на ход мировой истории. Историческая роль арабского языка огромна и вполне сопоставима со значением латинского и древнегреческого языков для европейской цивилизации. На арабском языке были составлены крупнейшие научные трактаты – гордость всего человечества. На арабский язык были переведены величайшие произведения философов и мыслителей древности, благодаря чему, они дошли до нас. Люди стремились изучить арабский язык, чтобы получить хорошее образование и приобщиться к многовековой мудрости. Образно выражаясь, арабский язык внес огромный вклад, чтобы вывести людей из мрака невежества к свету знания. Общемировое значение арабского литературного языка основывается в немаловажной степени на том, что он является языком одной из основных религиозных конфессий на земле – ислама.

В настоящее время во всем мире, особенно в нашей стране, идет активное возрождение ислама и его духовно-культурных ценностей. Этот процесс невозможен без изучения арабского языка. Он является главной движущей силой в сложном процессе возрождения Ислама и его морально-нравственных устоев. В Дагестане, где проживает 90% мусульман, изучение арабского языка приобретает особую актуальность.

Если обратиться к истории, находим, что до 1813г, религиозные школы (мактаб и медресе) выполняли важную социальную функцию, поскольку в этносознании народов сформировалась установка на грамотность, престиж знаний и образованность. Образовательные программы этих школ включали дисциплины религиозного цикла (арабский язык, шариат, философию, логику) и изучение точных наук (алгебру, геометрию, астрономию). Мусульманские школы были бесплатными, не разделяли учащихся по социальному статусу, являлись обязательными для всех мусульман.

После окончания учебы в медресе наиболее способные и желающие продолжить изучение наук учились у видных богословов и ученых Дагестана. Немало было людей, преодолевших все трудности на пути к получению высшего арабского образования и ставших крупными учеными. «Самые известнейшие ученые в Дагестане были: Абубакр Аймакинский, Давуд Акушинский, Магомед Кудутлинский и Абдулла Сугратлинский, который занимался астрономией, Дамадан Мугинский, который занимался магией и алхимией. Затем известный Саид Араканский. В последнее время славился своею ученостью Муртазали Гидатлинский, глубину учености которого уподобляли глубине моря и который умер в 1866 году», - писал Абдулла Омаров.

Исследователи (Крачковский И.Ю., Бартольд В.В.), анализируя исламскую образовательную систему на Кавказе, отмечают, что здесь не только переписывают или переводят созданные арабскими учеными труды, но и создают свою собственную литературу на арабском языке: «...местная литература, возникшая на арабском языке, сохраняла полной жизнеспособности до второй четверти XX столетия. В этом можно было легко убедиться еще в 20-х годах на примере живых носителей арабской литературы из местных народностей Северного Кавказа, главным образом ингушей, аварцев, жителей Дагестана». Они не только владели литературным арабским языком, но среди них были и те, «кто владел всеми традиционными приемами арабской классической поэзии, легко пользовались ее формами в своей литературной практике». Поражает тематическое разнообразие рукописного наследия дагестанских авторов – история, мусульманское право, арабская грамматика, комментарии к Корану, поэзия, этика, логика, математика, медицина.

За всю свою историю, исламское теологическое образование, в Дагестане претерпело значительную эволюцию, от фактически преследуемого, до первенствующего. И отрадно отметить, что по итогам проведенных уточнений установлено, что на территории республики на сегодняшний день образовано 15 исламских вузов, в которых обучаются 1770 учащихся. При этом лицензии на право осуществления образовательной деятельности имеют 6 вуза. В республике действует 201 примечетская начальная школа (мактабы), в которых обучаются около 3000 учащихся.

Одним из ведущих образовательных учреждений в Дагестане на сегодняшний день является Дагестанский гуманитарный институт, где обучаются студенты из всего Дагестана и всех регионов России. Приятно отметить, что тенденция развития теологического образования в этом институте имеет ярко выраженную прагматическую направленность. Здесь вырисовывается явная тенденция в итоге учебно-воспитательного процесса, получить, прежде всего, личность духовно зрелую, а не только владеющую суммой знаний, умений и навыков. Учеба в институте разделена на два уровня:

- 1) бакалавриат
- 2) магистратура

В Институте на факультете теологии арабский язык изучается в рамках трех дисциплин:

- 1) Практический курс арабского языка (اللغة)
- 2) Теоретическая и практическая грамматика (النحو والصرف)
- 3) Каллиграфия и орфография (الخط والإملاء)

Учеба в подготовительном отделении продолжается три года.

Основные задачи учебной дисциплины «Практический курс арабского языка»:

* формирование у студентов навыков и умений работать с арабскими текстами разных стилей: от древнего классического до современного разговорного, религиозного, публицистического, политического;

* Основное назначение изучения арабского языка состоит в формировании у обучаемых коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих – учебно-познавательной (для дальнейшего развития общих и специальных учебных умений); а также речевой, языковой, социокультурной (приобщение обучаемых к культуре, традициям арабских стран в рамках тем и ситуаций общения, отвечающих опыту, интересам обучающихся).

Основным учебно-методическим пособием дисциплины практический курс на первом курсе обучения является:

1. Учебник арабского языка

Составитель: Абдурахманов А. И., старший преподаватель кафедры лингвистики и журналистики ДГИ

Основной целью учебника "Арабский язык" является обучение практическому владению разговорно-бытовой речью и языком специальности для активного применения арабского языка, как в повседневном, так и в профессиональном общении. Учебник позволяет дать обучаемым знания нормативной грамматики, создать необходимый запас лексики по изучаемой тематике, выработать навыки чтения и письма, сформировать и развить навыки и умения устной речи, позволяющие понимать высказывания собеседника и вести с ним беседу в пределах изученной тематики. Он ориентирован на выработку коммуникативных навыков, снабжен аудиокурсом и может служить в качестве самоучителя.

Учебник состоит из двух частей. Первая часть учебника состоит из 66 уроков (6 уроков вводного курса и 60 уроков основного). Тематика лексического материала учебника в большей степени бытовая, религиозная и страноведческая.

العربية للناشئين

Учебное пособие, состоящее из шести частей, изданное в Саудовской Аравии. Его широко используют и в других университетах и языковых центрах мира.

مبدأ القراءة

Автор: Сунгатуллах Бекбулат

Широкоизвестный среди тюркоязычных народов учебник арабского языка был написан татарским просветителем более 100 лет назад. До сих пор он сохраняет популярность. Часть 1 охватывает все 52 урока и первые 30 уроков второго тома.

Основные задачи дисциплины «Теретическая и практическая грамматика» (النحو والصرف) :

- формирование знаний основных словообразовательных моделей имен и глаголов;
- формирование у студентов знаний арабской грамматической нормы, а также умений применять полученные знания в коммуникативной и переводческой деятельности;

Основными учебно-методическими пособиями при изучении этой дисциплины являются:

تصريف العزي

Автор: Абд-аль-Ваххаб бин Ибрахим бин Абд-аль-Ваххаб аз-Занджаний (ум.655 г.по хиджре). Прозвищем аз-Занджаний было Иззуддин и в связи с этим книга получила такое название. Составитель книги «Тасрифуль-иззий» родился в городе Занджан, который расположен на границе Азербайджана. Занджаний жил в городе Тебриз, затем отправился в Мосул и в конце своей жизни поселился в Багдаде. Занджаний был педагогом, ученым грамматики арабского языка, риторики, стилистики, метрики. Скончался Занджаний в Багдаде в 655 году по хиджре.

مائة عامل

Автор: Абу-Бакар Абд аль-Кахир бин Абдул Рахман бин Мухаммад аль-Джурджани (400-471 по хиджре – 1009- 1078гг.). Является основоположником науки риторики (علم البلاغة)

أجرومية

Автор: Абу Абдулла Мухаммад ибн Мухаммад ибн Дауд аль-Санхаджий, более известный под именем Ибн Аджуррум, был великим ученым из Марокко, факихом и нахви (специалистом по арабской грамматике). Он родился в 672 г.х. (1273) в городе Фес. Его прозвище «Аджуррум» на языке берберов Амазиг означает «бедный суфий». Свое начальное образование Ибн Аджуррум получил в городе Фес. Он учился здесь, а затем решил совершить паломничество в Мекку. Именно здесь он написал свою знаменитую книгу аль-Мукаддимат-уль-Аджуррумийя фи Мабадии 'Ильм-иль-'Арабийя (Введение аль-Аджуррума к основам знаний об арабском языке), ставшую квинтэссенцией арабской грамматики.

Без преувеличения можно утверждать, что ни один из учебников по синтаксису арабского языка за всю историю существования исламской цивилизации не получил такого широкого распространения среди начинающих и подробного комментирования со стороны знатоков арабского языка, как «Аль-Аджуррумийя».

Книга была популярна не только у мусульман, но и в средневековой Европе. Так В. Рыбалкин в своей книге «Классическое арабское языкознание» пишет: «Первый известный латинский перевод арабской национальной грамматики «Mukaddamaal-Agurrumiyya» осуществил врач Петер Кирстен. Он опубликовал его в 1610 году в Бреслау (ныне Вроцлав) вместе со вторым изданием текста оригинала [Toureaux, 1962b, I:359]. В настоящее время существует несколько десятков переводов Аджуррумийи на европейские языки (в том числе перевод шейха Али Лараки на испанский, Хамзы Юсуфа на английский и другие).

شرح الأنموذج

Автор: АбулКасым Махмуд ибн Умар аз-Замахшарий, родился 19 марта 1075 году в городе Замахшар Хорезма. Аз-Замахшарий является крупным историком, географом, литературоведом, лингвистом, педагогом и поэтом своего времени. Его перу принадлежат свыше 50 работ, посвященных логике, грамматике, религии, словарям, литературе, литературоведению, педагогике, истории и географии. При его жизни его называли «Учителем всего мира», «Учителем всех арабов и других народов», «Соседом Аллаха», «Славой Хорезма». Умер Замахшари в 1143 году в Хорезме.

اظهار الأسرار

Автор: «Таки аль-Дин» Мухаммед ибн Бир Али аль-Баркави аль-Руми аль-Ханафи, суфийский проповедник, факих, толкователь, хадисовед. (умер в 981г.)

موصل الطلاب

Автор :Халид бин Абдулла бин АбиБакр ибн Мухаммад аль-Джарджави аль-Азхари, Зейналь-Дин аль Масри, известный как аль-Укад (умер в 905 г. хиджра).

شرح ابن عقيل

Автор: Ибн Акил Абдулла бин Абдул Рахман Бин Абдулла бин Мухаммед Аль Кураши Хашеми, БахааЭддин, Абу Мухаммед из (694 - 769) относится к роду Акила бин Аби Талибу. Он был знатоком арабской грамматики и имамов. Он родился и умер в Каире.

Таким в ДГИ особое внимание уделяется арабскому языку, ибо в соответствии с Концепцией подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама формирование у обучающихся профессиональных компетенций в области владения арабским языком является одной из ключевых задач соответствующих образовательных программ.

При подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама особенно важным является умение осуществлять грамматический комментарий классических текстов. Не случайно, что

основными учебно-методическими пособиями при изучении арабского языка в ДГИ являются именно классические пособия, ибо не возможно понимание первоисточников исламской религии, если мы будем акцентировать внимание, лишь на современные учебные пособия и средства обучения.

Литература

1. Абдурахманов А.И. Учебник арабского языка. Махачкала: Симол, 2018
2. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М.: Восточная литература, 2003
3. Забитов С.М. Круг учения Саида из Аракани с.93
4. Ибрагимов И.Д. Интенсивный курс арабского языка. В 3-хч.М.: Восток-Запад, 2007.
5. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985
6. <http://filolingvia.com/publ/38-1-0-49>
7. <http://islameducation.ru/methodology/arablang>
8. https://www.minbar.su/jour/article/view/313?locale=ru_RU

УДК 81'362

Роль служебных слов в выражении категории времени в современном арабском литературном языке

Узунова Н. Б.

**Дагестанский государственный педагогический университет
г. Махачкала, Россия**

Аннотация. Цель статьи - осветить некоторые основные случаи использования служебных слов и «косвенных» наклонений, имеющих большое значение в выражении категории времени в современном арабском литературном языке. Также рассматривается усиленного «нуна» наклонение, которое получило распространение в арабских религиозных текстах. В современном литературном арабском языке оно используется довольно редко.

Ключевые слова: наклонение, союз, настояще - будущее время, усеченная форма глагола, желательные предложения, ирреальное действие.

The role of service words in the expression of the category of time in modern Arabic
literary language

Uzunova N.B.

Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia

Abstract. The purpose of the article is to highlight some basic cases of using service words and “indirect” moods, which are of great importance in expressing the category of time in modern Arabic literary language. The reinforced “Nuna” mood, which has become widespread in Arabic religious texts, is also considered. In modern literary Arabic, it is used quite rarely.

Key words: mood, union, present - future tense, truncated form of the verb, desirable sentences, surreal action.

Изъявительное наклонение в современном арабском литературном языке, как и во всех других языках, выражает действие, мыслимое говорящим как вполне реальное, протекающее в одном из времен – настоящем, прошедшем и будущем. Но после некоторых частиц и модальных слов изъявительное наклонение в современном арабском литературном языке может выражать и ирреальное (нереальное) действие. В таких случаях оно по своим функциям сближается с функциями сослагательного и условного наклонений. Сюда относятся в основном союз **لَوْ** «если», «если бы», модальные слова **رُبَّمَا** «может быть», «возможно», **لَعَلَّ** «авось», «вероятно», «может быть» и др. Союз **لَوْ** употребляется с формой прошедшего времени изъявительного наклонения и выражает нереальное условие, например: **لَوْ كَانَ الْفَقْرُ رَجُلًا لَفَتَلْتُهُ.** «Если беднота была бы человеком, я бы его убил».

Модальные слова такие как: **لَعَلَّ**, **رُبَّمَا**, употребляются с формой прошедшего и настояще-будущего времени, обозначают продолжительность, допущение, возможность совершения действия в настоящем, прошедшем и будущем времени, например: **رُبَّمَا كَانَ لَهَا قَلْبَانِ** «Возможно, у нее было два сердца»; **لَعَلَّ أَحَدًا**. **رُبَّمَا شَغَلَ أَبِي فِي الْمَكْتَبَةِ الْآنَ.** «Отец мой, может быть, сейчас занимается в библиотеке»; **يَزُورُنَا الْيَوْمَ.** «Может быть, кто-нибудь навестит нас сегодня».

После союзов **إِن** «если», **إِذَا** «если», «когда» и некоторых местоимений и наречий, выражающих условие (**مَنْ** «кто бы ни», **مَا** «что бы ни», **أَيُّ** «как бы ни», **مَتَى** «когда бы ни», **أَيْنَ** «где бы ни», **كُلَّمَا** «всякий раз», **كَيْفَمَا** «как бы ни», **مَهْمَا** «что бы ни» и др.), форма прошедшего времени обозначает реальное условие и относится к будущему времени, Например: **إِن تَذْهَبَ إِلَى مَخْزَنِ بَيْعِ الْكُتُبِ إِشْتَرَيْتَ** «Если ты пойдешь в книжный магазин, сможешь купить эту книгу». **إِذَا رَأَيْتَ الْمُعَلِّمَ** «Если ты увидишь учителя, то передай ему мой привет».

В таких случаях изменяется временная соотносительность действия, выраженного формой прошедшего времени изъявительного наклонения. Происходит так называемый сдвиг времен, суть которого заключается в том, что действие, выраженное одной временной формой, относится к другому времени. После союзов, местоимений и наречий, выражающих условие, действие, выраженное формой прошедшего времени глагола, относится к будущему времени.

Однако следует отметить, что такой «сдвиг» времен обуславливается не только наличием модальных слов, но и общим смысловым содержанием всего высказывания в целом. Иногда сама форма прошедшего времени употребляется для выражения пожелания, относящегося к будущему, например: **عَاشَ صِدَاقَةُ الشُّعُوبِ** «Да здравствует дружба народов!», **رَحِبَتْ مَزَارِعُكَ وَ طَابَ مَزَادُكَ** «Да расширятся твои посевы и да будет хорошим твое желание!». Отрицание действия в таких предложениях выражается не посредством частицы **مَا**, характерной для отрицания действия выраженного формой прошедшего времени, а посредством частицы **لَا**, которая употребляется для отрицания действия в настоящем и будущем времени, например: **لَا نَرُّ نَرُّكَ** «Да не будет у тебя обилия молока!»; **لَا سَامِعَ اللَّهُ** «Не дай Бог». Но следует отметить, что в современном арабском литературном языке такие конструкции встречаются очень редко. Для выражения так называемых желательных предложений обычно употребляется условное наклонение с частицей **بِ**. Отрицание при глаголе в форме настояще-будущего времени выражается посредством частицы **لَا** и **مَا**. При этом в отличие от частицы **لَا**, которая относит отрицаемое действие к настоящему и будущему времени, частица **مَا** передает только значение настоящего времени, например: **لَا يَجِيئُ** «Он не идет (не придет)»; **مَا يَجِيئُ** «Он не идет». Если частица **فَإِنَّ** употребляется с формой настояще-будущего времени, то она придает глаголу модальный оттенок предположительности, вероятности, допущения, возможности совершения действия, например: **فَإِنَّ الْجَوَادَ فَإِنَّ الْجَوَادَ فَإِنَّ الْجَوَادَ** «Породистый конь тоже иногда спотыкается»; **فَإِنَّ يَكُونُ** «Бывает, бывает».

Что касается «косвенных» наклонений глагола, то они не выражают реальных отношений между субъектом и предикатом. Так, повелительное наклонение служит для выражения приказа, побуждения, просьбы и относится к будущему времени. Условное наклонение обозначает действие, возможное при известных условиях. Сослагательное наклонение выражает действие, которое мыслится как желаемое или возможное. Усиленное наклонение служит для подчеркивания неизбежности совершения действия в будущем и тем самым отличается от других «косвенных» наклонений. Таким образом, все «косвенные» наклонения в современном арабском литературном языке в основном относятся к будущему времени. Следует отметить также, что функции условного наклонения не ограничиваются лишь выражением реального условия. Это наклонение в то же время выражает повеление, например: لِنَذْهَبْ «Пойдём»; لَا تَكْتُبْ «Не пиши»; لِيَقْرَأْ «Пусть он прочтёт»; لِأَذْهَبْ «Дайка я пойду».

«Косвенные» наклонения в арабском языке в некоторых случаях могут выражать и реальные действия, так же как формы прошедшего и настояще-будущего времени изъявительного наклонения употребляются и для выражения ирреального действия. Так, например, частица لَمْ «не» (называемое в традиционной арабской грамматике جهد مطلق «полное отрицание») употребляется с условным наклонением и служит для категорического отрицания совершения действия в прошлом, например: لَمْ وَأَمْ «Я не против этого порядка»; وَ لَمْ يَتَغَيَّرَ شَيْءٌ «Ничто не изменилось».

А частица لَمْ «ещё не» (называемая арабскими грамматистами جهد مستغرق «охватывающее отрицание») также отрицает факт совершения действия в прошлом. Однако следует отметить, что здесь отрицается не столько само действие, сколько факт его «завершенности» с оттенком результативности, например: لَمْ أَقْرَأْ هَذِهِ الرِّوَايَةَ «Я ещё не прочитал этот роман». То же самое относится и к сослагательному наклонению. Частица لَنْ в значении «никак нет», «ни за что», «ни в коем случае не» употребляется с сослагательным наклонением и служит для выражения решительного, категоричного отрицания действия в будущем, например: لَنْ يَذْهَبَ «Он никогда не пойдёт»; لَنْ أَكْتُبَ «Я не написал это и не буду писать».

Усиленное наклонение в современном арабском литературном языке употребляется редко и служит для подчеркивания неизбежности совершения действия в будущем, например: لَأَقْرَأَهُ «Я обязательно прочту его». Усиленное наклонение арабского глагола широко употребляется в текстах религиозного характера. В Благословенном Коране во многих аятах использованы глаголы в усиленном наклонении. Например, فَلَنَسْأَلَنَّ الَّذِينَ أُرْسِلَ عَلَيْهِمْ وَ لَنَسْأَلَنَّ الْمُرْسَلِينَ «Мы непременно спросим тех, к кому были отправлены посланники, и непременно спросим самих посланников». (Сура 7 «Ограды», аят 6). Другой пример, فَلَنَقُصَّنَّ عَلَيْهِمْ بِعِلْمٍ وَ مَا كُنَّا غَائِبِينَ. «Мы непременно расскажем им об их деяниях на основании знания. Мы никогда не отсутствовали». (Сура «Ограды», аят 7).

Во всех этих случаях «косвенные» наклонения не выражают ирреального действия. Их функция здесь равна функции изъявительного наклонения. В подобных случаях сфера употребления одного наклонения соприкасается со сферой употребления другого наклонения. Действия, выраженные «косвенными» наклонениями глагола, относятся к изъявительному наклонению, которое утверждает (или отрицает) факт совершения действия в настоящем, прошедшем и будущем времени. Как видно, подобное соотношение (соотносимость, взаимосвязь) глагольных наклонений способствует, с одной стороны, стиранию различий, существующих между наклонениями, с другой – сближению форм времени и наклонений. Таким образом, «косвенные» наклонения в сочетании с некоторыми служебными словами также играют важную роль в выражении категории времени в современном арабском литературном языке.

Литература

- Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 154.
Ковалев А. А., канд. дисс. «Выражение категории времени в современном арабском литературном языке». М., 1950.
Коран (перевод смыслов: Эльмир Кулиев). М., 2012.
Халидов Б.З., Учебник арабского языка, Ташкент, 1965.
Храковский В. С., Видо-временные отношения в системе личных форм глагола в арабском языке. Канд. дисс. Л., 1961.
Шарбатов Г. Ш., Современный арабский язык, М., 1961.

Исторические предания Древней Аравии

Магомадова Л.А.

Чеченский государственный педагогический университет

Научный руководитель -
к.ф.н., доцент Рамазанова Р.Т.

Аннотация: у арабов нет понятия мифологии, такого, как у древних греков, но у них есть работы, в которых отображаются исторические памятные события.

Ключевые слова: арабская литература, исторические воспоминания, правитель, автор.

Historical Traditions of Ancient Arabia

Magomadova L.A.

Chechen State Pedagogical University

Abstract: The Arabs lack the concept of mythology, such as the ancient Greeks, but they have a work in which historical memorial events are displayed.

Key words: Arabic literature, historical memories, ruler, author.

В начале VII в. в некоторых областях Аравии начался процесс расслоения первобытнообщинного строя. Многие племена стали захватывать общинные стада, водоемы, образовалась племенная знать и начались межплеменные войны и борьба за главенство племени. Некоторые поселения не могли решать дела мирным путем, поэтому войны длились десятки лет. Все эти и другие события описываются в исторических преданиях, которые передавались изустно из поколения в поколение.

Эти предания имели цель сохранения героических традиций и культуры для своих потомков. Это своего рода исторические воспоминания, которые имели место в истории бедуинов и других личностей. Такие предания носят название «أيام العرب», что с переводе с арабского означает «Дни арабов». Описание каждого дня займет очень много времени, но суть «Дней» заключается в том, что в каждом из них описываются памятные сражения между бедуинами, войны между племенами, бесчисленные набеги на пастбища и племена, во время которых угонялся не только скот, но также похищались женщины.

Итогом войны бывало вмешательство посредника рода или же племени, который не имел к конфликту никакого отношения, и при этом племя, из-за которого враг понес большие потери в людях, должно было выплатить определенную сумму другому племени, иначе говоря племя выплачивало виру.

Как уже отмечалось ранее, древние арабские исторические предания передавались изустно из поколения в поколение, но в конце VIII в. известные филологи Абу Убайда, Ибн Абд Рабихи и Ибн аль – Асир решили заняться созданием сборников, в которых описываются исторические предания. По данным из некоторых источников стало известно, что Абу Убайда стал автором двух сборников, в одном из которых содержалось 1200 преданий, а во втором 75 преданий, и которые, к сожалению не сохранились до наших дней.

Некоторые предания все же нашли свое отражение в сочинениях Ибн Абд Рабихи и Ибн аль – Асира, последний из которых старался расположить «Дни арабов» по порядку, а часть других преданий были использованы и написаны в вышеупомянутой известной и знаменитой арабской литературе «كتاب الاغاني» («Книга песен») [5, с.30].

Арабские предания подразделяются на несколько циклов, в которые входят разнообразные предания, связанные либо с одним племенем, либо группами, которые состоят из родственных племен. Рассказ «День Зу Кара», судя по всему, был особенно популярен, когда иранские войска потерпели поражение, нанесенное им со стороны аравийских племен. Некоторые предания посвящены войнам южноаравийских и североаравийских племен, распрям и междоусобице внутри племени кайс, а также другим войнам, среди которых указана война кайситов против племен кинана и тамим. Для того, чтобы

понять процессы, происходившие в Аравии в VI в., следует обратить внимание на предание «Война аль – Басус» («حرب البسوس»), которое можно отнести к циклу «Предания о межсоюзных войнах» [6, с.31].

Здесь речь идет о Кулайбе, правителе родственных племен бакр и таглиб, который изначально правил по своим обычаям и законам, но который позже стал пренебрегать ими и возгордился. Он начал притеснять соплеменников, отказываясь следовать обычаям, заставлял кланяться себе, запрещал пасти скот на своих территориях, рекомендуя им захватывать соседние территории, которые уже были заняты другими племенами. Он был настолько скуп и жесток, что оставил людей без водоемов, без которых они не смогли бы выжить в Аравии.

Помимо скупости и жестокости, Кулайбу также была свойственна зависть. У его жены Джалили был храбрый брат Джассас. Он обладал храбростью, мужеством, добродетелями, которым мог позавидовать каждый. Именно эти качества Джассаса и разбудили ненависть в Кулайбе к нему. Джалили часто говорила о славе своего брата, что послужило причиной большей неприязни Кулайба. Как-то раз к Джассасу приехала их тетья Басус со своими верблюдицей и верблюжонком, а в это время Кулайб, который был на грани срыва на Джалили, выбежав из палатки и увидев там верблюжонка их тети, застрелил его из лука. Удивленные от увиденной картины родственники Джассаса решили простить Кулайбу этот поспешный шаг. Но не было конца жестокости Кулайба.

В другой раз, увидев верблюдицу той самой тети Басус, он прострелил ее так, что «ее молоко смешалось с кровью», после чего она убежала в степь и там умерла. Но на этот раз Джассас не стал просто отмалчиваться в стороне. После этого случая последовал другой, и Джассас понял, что так больше продолжаться не может и решил потребовать у Кулайба объяснение того, почему тот прогоняет пастухов от водоемов. Он сказал, что эти водоемы принадлежат ему и его племени. Джассас не выдержал такого отношения и взяв копье пронзил им Кулайба. [8, с.31].

О случившемся стало известно сразу же его соплеменникам и отцу, после чего отец решил сдать сына своему племени, чтобы избежать кровопролития и сохранить племенной союз. Однако вожди племени бакр не стали предпринимать каких-либо действий, т.к. считали поступок Джассаса верным, ибо он защищал привилегии и традиции своих предков. Позже племя таглиб потребовало выдачи преступника, но бакриты отказались, сославшись на отъезд Джассаса. В конце концов племена столкнулись друг с другом в кровопролитном сражении, которое унесло жизни многих людей и длившееся, по преданию, 40 долгих лет. Во главе племени таглиб стоял брат Кулайба аль – Мухальхиль.

Это предание содержит в себе основные процессы общественной жизни жителей Аравии, где главное место занимают: племенные распри, присвоение вождями имущества, которое принадлежит всему племени (пастбища, водоемы), а также усиление демократии и власти племенных вождей. Формирование государства Аравии сопровождалось многочисленными межплеменными войнами, которые заложили начало войн в первой половине VII в [7, с.32].

В этом предании бакриты и воин Джассас выступают в роли носителей старинной, родовой демократии, когда в свою очередь Кулайб хотел изменить племенной порядок на новый общественный на примере хирского и гассанидского княжеств. Тем не менее, несмотря на страстное желание Кулайба изменить порядок, ему это не удалось и даже больше: он потерпел поражение.

Не менее интересным представляется нам следующее предание из цикла «Дни арабов», которое носит название «День Дахиса и Габры» («يوم داخس و الغبراء») в честь двух верховых животных. Дахис – имя жеребца, а Габра – имя кобылы. Согласно преданию состязание, с участием этих двух животных завершилось многолетней войной. По преданию племена абс и зубьян брали свое начало от большого племени гатафан. Эти племена также стали участниками войны, которая также длилась много лет.

Кайс ибн Зухайр был вождем племени абс, у которого были породистые и быстрые жеребец Дахис и кобыла Габра, «подобных которым не было ни у одного араба». Однако, Хузайфа ибн Бадр из племени фазар по причине своей зависти захотел себе его лошадей. Чтобы заполучить их, он предложил Кайсу ибн Зухайру поучаствовать в состязании, в котором их лошади будут состязаться и выставил от себя жеребца и кобылу.

Они отмерили определенное расстояние, в конце которого устроили водоем и пришли к соглашению, что победит тот, чья лошадь доберется до водоема первой и станет пить воду из него. Победитель получит 20 верблюдов. Но коварный Хузайфа не остановился на этом и подстроил ловушку. Он посадил в засаду асадита, дабы тот помешал жеребцу Кайса прийти первым.

Все произошло как и планировал Хузайфа. Когда лошадь скакала по направлению к водоему мальчик выскочил к лошади, и ударив коня по голове и скинул мальчик – всадника в ручей, который протекал поблизости. Как и ожидалось, первой до финиша добралась Габра, а потом уже лошади Хузайфы. Дахис пришел последним. Мальчик рассказал Кайсу про случай, но даже в таком случае Хузайфа

настойчиво просил свой приз, т.к. его лошади прискакали одна за другой. Абситы хотели добиться правды и примириться, однако достичь успехов в этом деле не удалось и все закончилось тем, что сын Хузайфы, которого он послал за призом, был убит Кайсом [6, с.33].

В результате всего этого разразилась неизбежная война между племенами абситов и зубьянитов. Эта кровавая война стала причиной гибели многих людей, множества кровавых эпизодов и убийств. Как – то раз по приказу Хузайфы были убиты заложники абситов. Однажды сам Хузайфа попал в плен к вражескому племени, но когда произошло новое убийство война снова вспыхнула и, в конце концов, сам Хузайфа тоже был убит. Как мы можем видеть, обе стороны понесли большие потери, погибло бесчисленное количество храбрых воинов. Но наконец два мудрых бедуина вызвались уплатить в качестве компенсации огромную виру, дабы положить конец этой бессмысленной и многолетней войне.

Исторические предания «Дни арабов», сложившиеся изначально в доисламской Аравии, были записаны тогда, когда догосударственные политические образования и образования раннего государства можно было рассмотреть лишь как прообраз идеального государства. Следовательно, отсюда и вытекает та самая идеализация подвигов бедуинов и межплеменных сражений, осуждение их поступков, которые лишены всякой морали и осуждение происходящих событий с точки зрения исламской морали.

Эти исторические предания оказали большое влияние на словесное искусство арабов и образовали фольклорный фонд, который явился для средневековых поэтов богатым источником знаний, из которого они брали материал для создания своих образов [4, с.35].

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что «Книга песен» сыграла огромную роль в передаче информации о знаменитых певцах, музыкантах, известных личностях, поэтах того времени и в сохранении рассказов и памятных событий. Благодаря богатому содержанию эта книга и по сегодняшний день является незаменимым источником информации.

Литература

1. Абу – аль – Фарадж аль – Исфакхани. Книга песен / Пер. с араб. Халидова А.Б., и Шидфар Б.Я. - М.,1980.
2. Авсинева Н.М. Арабская Литература учебное пособие / Авсинева Н.М., Ковыршина Н.Б. - М.: Российский университет дружбы народов, 2010.
3. Аттай М.О. Очерк по истории арабской литературы. - М.,1903.
4. Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX - начало XX века) в 2-х частях. Часть 1. - М.: Юрайт, 2018.
5. Крачковский И.Ю. Общие соображения о плане истории арабской литературы // Избранные сочинения. Т.2. - М. - Л., 1956.
6. Крачковский И.Ю. Арабская поэзия // Избранные сочинения. Т.2. - М. - Л., 1956.
7. Крымский А.Е. Арабская литература в очерках и образцах. - М., 1906.
8. Фильштинский И.М. История арабской литературы: V – начало X века / Отв.ред. Шидфар Б.Я. Изд.2-е. - М., 2010.

УДК – 811.411.21

Вербальный этикет обряда сватовства в арабском языке

Алиева П.М.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, РФ

apatimat@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию словесного этикета сватовства в арабской этнической традиции. Особое внимание уделяется семантике и прототипическим ситуациям, предшествующим или сопутствующим ритуалу сватовства. Рассматривается семантическая транспозиция первичных значений в структуре фразеологизмов.

Ключевые слова: сватовство, фразеология, картина мира, поздравления, культура, традиция,

словесный этикет.

Verbal label of the ceremony of the mathemation in the arabic language

Alieva P.M.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia
apatimat@bk.ru

Abstract. The article is dedicated to the description of verbal etiquette of matchmaking in the Arab ethnic tradition. The particular attention is paid to semantics and prototypical situations preceding or accompanying the ritual of matchmaking. The semantic transposition of primary meanings in the structure of phraseological units are considered.

Keywords: matchmaking, phraseology, picture of the world, congratulations, culture, tradition, verbal etiquette.

Сватовство является предварительным этапом большого события в жизни юноши и девушки – свадьбы. На подобного рода мероприятия приглашают гостей, родственников, чтобы они поздравили, высказали свои пожелания молодым. Эти общие положения сватовства присущи и арабскому этносу. Поздравительные выражения гостей и родственников на мероприятии, связанном со сватовством, в арабском мире вербализуются разнообразными речевыми оборотами. Сватовство, по мнению арабов, является одним из самых прекрасных этапов в жизни человека:

ما أجملهُ من شعور بين المخطوبين وما أجملها من أيام فعلاً أيام لا تُنسى مدى الحياة مرحلة الخطوبة هي من أجمل مراحل الحياة.

«Как прекрасны чувства между обрученными и как красивы дни, действительно, дни незабываемые на протяжении жизни, сватовство – самый прекрасный момент жизни».

Арабы часто обращаются к Всевышнему в метафоричной форме:

الله يسخر لك من الأقدار أجملها و من السعادة أكملها مبروك بالخطوبة و الله يتمم لك بخير.

«Пусть сделает Всевышний вашу судьбу самой прекрасной и счастливой, и я наполняю ее поздравлениями со сватовством, пусть Всевышний сделает для тебя добро» [1].

يا بنتي أسعدك الله و بارك لك في أيامك وجعلك أسعد مخلوقات الأرض الف مبروك الخطوبة و اتمني لك التوفيق في حياتك دائما.

«О, дочь моя, да осчастливит тебя Аллах и благословит (досл. благословит тебя в твоих днях), и сделает самым счастливым существом Земли, тысяча поздравлений со сватовством и желаю тебе вечного счастья в жизни».

نتقدم بأطيب التهاني و أجمل التبريكات إلى الإبنتي الغالية بمناسبة الخطوبة سانلين من الله عز و جل أن يبارك لهما و يوفقهما في حياتهما ألف مبروك الخطوبة

«Мы выражаем наилучшие пожелания, и самые прекрасные поздравления моей дорогой дочери по случаю помолвки. Просим Всевышнего, Всемогущего и Великого, чтобы он благословил и помог в жизни. Тысяча поздравлений со сватовством» [2].

В обряде сватовства принято обращаться к родителям и родственникам молодых:

تهانينا الحارة للخطيبين وعائلتيهما وكل من يحبهما بهذا الفرح وندعو الله أن نراهما قريباً في قاعة العرس ويتم فرحتنا بهما وألف مبروك.

«Наши горячие поздравления жениху и невесте и их семьям и всем, кто любит их с этой радостью. Взываем к Аллаху, чтобы мы видели их скоро в свадебном зале, и свершится наша радость и тысяча поздравлений».

مبروك الخطوبة لأجمل شاب و أجمل فتاة وفقهما الله وألف مبروك. تهنئة بالخطوبة غالية لكما.

«Поздравления со сватовством самому красивому парню и самой красивой девушке. Да поможет вам Аллах и тысяча поздравлений. Поздравляю с долгожданным (досл. драгоценным) сватовством вас обоих».

Благословение Всевышнего в вопросе, связанном с предстоящим браком, является самым важным моментом, способным «нарисовать улыбку на губах»:

في خطوبة شخص ما عزيز عليك يلزمك ان تبعث له بالعديد من كلمات التهاني بالخطوبة فهذه الرسائل بلا شك لها القدرة على أن ترسم البسمة على شفتاه. لهذا وضعنا لك اليوم اجمل كلمات تهنئة بالخطوبة بشكل منسق وجميل وبصورة مكثف لتتمكن من إيجاد ما يحلو لك.

«На помолвке кому-то кто близок, тебе необходимо отправить много поздравительных слов со сватовством, и эти поздравления, несомненно, способны нарисовать улыбку на губах. Поэтому мы подготовили для вас сегодня добрые слова-поздравления по поводу помолвки – гармоничные, красивые, живые, чтобы найти то, что ты хочешь». Часто в поздравлениях используются к метафорические обороты:

من القلب إلى القلب ومن الوريد إلى الوريد مبارك عليكم يوم الخطوبة السعيد.

«От сердца к сердцу, от крови к крови (от вены к вене) поздравляю тебя с днем счастливого сватовства».

متشابهة كل الليالي أما ليلتنا غير من فرحنا للحب نغني وأحاساسنا أحساس الطير الليلة يدعي معنا الله يتم على خير. خطيبان ولا أجمل ندعو لهما بأروع مستقبل وبإذن الله زفافهما مقبل.

«Все ночи похожи, что касается нашей ночи, то она превращает радость в любовь, мы поем и наши чувства – это чувства ночной птицы. Призывает Аллах нас всех совершать добро. Нет более красивых, чем жених и невеста, мы просим для вас самое прекрасное будущее, с позволения Аллаха, ваша свадьба в будущем».

يا عيوني أفرحي معها و يا قلبي زغرد و يا ها اليوم الكل معها يحتفل بخطوبتهما وفرحها.

«О мои глаза, обрадуйте меня вместе с ней, о мое сердце, радостно кричи, и вот в этот день все празднуем ваше сватовство и радуемся ему».

الغالي الخاطب والغالية المخطوبة مبروك لكما ولنا فرحتنا المكتوبة. تهانينا لأحلى خطاب والحمد لله الذي أَلَف بين القلوب وجمع الأحباب وبإذن الله قريبا سنوصلكم لبيبتكم ونغلق عليكم الباب.

«Дорогой жених и дорогая невеста! Поздравляю вас и для нас наша радость написана. Наши поздравления для самой прекрасной пары и хвала Аллаху, который соединил два сердца и объединил возлюбленных. Скоро мы проводим вас в дом и закроем вашу дверь».

В выражении «радость написана» кроется, скорее всего, религиозный подтекст, и автор имеет в виду, что все хорошее и плохое, что происходит с людьми в жизни (судьба), заранее предначертаны Всевышним.

Арабы также могут называть брак метафорической «ловушкой», а дом «золотой клеткой». بمناسبة الخطوبة أعزائنا العصفور والعصفورة لقد وقعتما في أحلى فخ وبإذن الله قريبا ستدخلان القفص الذهبي ألف مبروك. لإتمام الخطوبة وأرسلوا مناديا في البلاد ليدعوا جميع العباد أنه في يومنا هذا سوف تبتهج القلوب وتضام الميادين لإعلان حفل عقد القران. لأحلى خطيبين نزلت دموع الفرح من العين وإن شاء الله العرس بعد يومين.

«По случаю сватовства, наши дорогие воробышки, вы оба находитесь в самой прекрасной “ловушке”, с разрешения Аллаха в скором времени вы войдете в “золотую клетку”, тысяча поздравлений. Для завершения помолвки, я отправляю зов в страну, чтобы призвать всех рабов, пусть их сердца в этот день радуются, освещают площади для того, чтобы объявить о торжестве бракосочетания. Для прекрасной пары текут слезы радости из глаз, и даст Бог, свадьба через два дня». Ср. также:

نبعث لكم أحر التهاني والتبريكات بهذه المناسبة السعيدة متمنين لكما خطوبة سعيدة و حياة مليئة بالأفراح و عقبال الفرحة الكبرى و دخولكم القفص الذهبي.

«Мы отправляем вам самые горячие поздравления, пожелания счастья, добра, по этому счастливому случаю желаем вам двоим счастливого сватовства, жизни, полной радости. Поздравления с большой радостью по поводу входа в золотую клетку». Под «золотой клеткой» подразумевается будущая семейная жизнь.

Нередко в речевых оборотах арабы используется образ птицы:

يا طير طائر بالأجواء ميل و غرد بأحلى غناء لأحلى زوجين وصل سلامي بقاء. يضرب الليل اطنابه ويفتح السهر ابوابه احتقالا بخطوبه: فلان وفلانة. عندما تبدأ الشمس بجمع خيوطها معلنه دخول قمر الليلة بخطوبه: فلان وفلانة المبارك.

«О, красивая певчая птица, летящая в воздухе, склонись и пой самую красивую песню для самой красивой пары, донеси мое самое наилучшее приветствие. Ночь господствует и открывает бодрствование свои двери празднику сватовства... Когда вечереет (досл. солнце начинает собирать свои нити), появляется луна, со сватовством поздравляю».

Арабы используют в своих поздравительных выражениях метафорические эпитеты – «переполненные счастьем», увенчанные розой», аромат жасмина»:

تهنئة مفعمة بالسرور مكللة بالورد معطرة بعطر الياسمين تحملها أسرابا من الطيور وتخلق بها في الأفق البعيد وتتألق في سماء الحلم السعيد بابتسامات عريضة ترتسم على وجهها ملؤها سرور وسعادة ألف مبروك.

«Поздравления, переполненные счастьем, увенчанные розой, надушенные ароматом жасмина, несет их стая птиц, и парят с ними по линии далекого горизонта, сверкая в небе счастливой мечты с широкими улыбками, нарисованными на лице, переполненным радостью и счастьем, тысяча поздравлений».

مع باقة ورد معطرة بأريج النرجس والياسمين تقدمها للخطيبين بمناسبة الخطوبة متمنين لكم خطوبة سعيدة. من المهم جداً التحدث مع الخاطب عن الأمور التي يحبها ويكرها والصفات التي تعجبه. بارك لهما وبارك عليهما واجمع بينهما في خير مبروك ألف مبروك.

«С букетом благоухающих роз, с ароматом нарцисса и жасмина мы предоставляем для жениха и невесты пожелания счастливого сватовства. Очень важно говорить с женихом о делах, которые нравятся и не нравятся, и о качествах, которые нравятся ему. Да благословит Аллах тебя, ниспослет благословение и объединит вас в добре. Поздравляю, тысяча поздравлений».

Арабская традиция сватовства широко прибегает к сравнениям типа «подобная луне», «нежность цветка»:

يا شبيه القمر يا أرق من الزهر أهنيكي بالفرح يا أغلى ناسي والبشر. في كل سنة يوم له معنى من بين كل الأحبة و هما الأعلى ومن بين كل الأيام يوم حفل زفافهما هو الأعلى هي ليلة في العمر أجمل ما تكون هي لحظة الحب الذي يغزو السكون.

«О, подобная луне, о нежность цветка, я поздравляю вас с радостью, о самый дорогой мой человек и народ. В каждом году есть день для него, значит между всеми влюбленными, самый дорогой среди всех дней – это день празднования свадьбы. Самое прекрасное что есть – это мгновение любви, в котором царит тишина».

أقاوم كل مشاعر السعادة التي تعتريني في هذه اللحظة وتمنع كلماتي من التدفق لأكتب لك عن مشاعر الفرح والسرور التي تغمرني وكلماتي تتراقص طرباً على نبضات قلبي فأشدوا لك بلحن سعيد: بارك الله لك وبارك عليك وجمع بينكما على خير.

«Я борюсь со всеми чувствами счастья, которые поразили меня в это мгновение и я не могу говорить, я написал тебе о чувствах счастья и радости, которые охватили меня, и мои слова танцуют радостно под удары пульса моего сердца, я напеваю для тебя счастливую мелодию: “Да благословит Аллах тебя, ниспошлет на тебя благословение и объединит вас в добре”» [3].

Анализ вербальных благопожеланий по случаю сватовства в арабском этносе показывает, что в поздравлениях часто звучат упования на Аллаха, надежда на благословение предстоящего брака.

Из поэтических фигур чаще всего используются метафоры, сравнения и другие средства художественной выразительности.

В стилистике вербального этикета традиционного арабского сватовства проявляется красочность, витиеватость, яркость поздравительного слова.

Литература

1. Поздравления со сватовством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ladybirdar.com/%D8%AA%D9%87%D9%86%D8%A6%D8%A9-%D8%AE%D8%B7%D9%88%D8%A8%D8%A9-%D8%A8%D9%86%...> 2/3 (дата обращения: 20. 10. 2019).
2. Поздравления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ladybirdar.com/%D8%AA%D9%87%D9%86%D8%A6%D8%A9-%D8%AE%D8%B7%D9%88%D8%A8%D8%A9-%D8%A8%D9%86%...> 3/3 (дата обращения: 20. 10. 2019).
3. Выражения сватовства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ladybirdar.com/%d9%83%d9%84%d9%85%d8%a7%d8%aa-%d8%aa%d9%87%d9%86%d8%a6%d8%a9-%d8%a8%d8%a7%d9%84%d8%ae%d8%b7%d9%88%d8%a8%d8%a9/> (дата обращения: 20. 10. 2019).

УДК 811.16

«ДНК» славян

Абдуллаев И.Ш., Пайзулаев Р.П., Аштабекова Д.А.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена реконструкции исторической памяти мифологической ономастики и ключевым словам славянской и русской протокультуры. Также изучаются и другие константы, которые «пахнет» Россией. Концепции авторов описаны на фоне представлений, уже представленных в этимологии каждого реконструированного слова (значения).

Ключевые слова: славянская и русская протокультура, реконструкция исторической памяти, морфема, сравнение, композиционная семантика, прототипическая ситуация, концептуализация.

"DNA" of the Slavs

Abdullaev I.Sh., Payzulaev R.P., Ashtabekova D.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. This article is dedicated to the reconstruction of the historical memory of mythological onomastics and the keywords of the Slavic and Russian protoculture. Other constants are also which “smells” Russia are studied. The authors' concepts are described on the background of the notions already presented in the etymology of each individual reconstructed word (meaning).

Key words: Slavic and Russian proto-culture, reconstruction of historical memory, morpheme, comparison, compositional semantics, prototypical situation, conceptualization.

Настоящая статья – продолжение серии «Картины мира древних народов». Посвящена поморфемной реконструкции исторической памяти ключевых слов славянской и русской протокультуры. Наиболее интересным в настоящей работе представляется реконструкция исторической памяти этнонима СЛОВЕНЕ/СЛАВЯНЕ. ПРАСЛАВЯНЕ, определяются как этнос, экстралингвистическим прототипом номинации которого послужило СОЛнце *одинокосветящий*, а Славяне – *единоговорящие*. Слово «Русь» славянского (русского) происхождения и означает «Страна Ру (евита)». Придерживаясь общих представлений о мифологической картине мира славян, вносятся дополнительные штрихи в портреты каждого из мифических персонажей, либо они предстают в совершенно ином первичном облике. Так, *Перун*, по мнению автора, - *Властитель огня, Ярила/Ярило –Излучающий сияние, Велес* (разбойник)– прототип *Соловья-Разбойника*, романтический образ *Русалки* вовсе отличается от мотивации ее наименования, и эта мотивация сохранилась в сценарии детской игры *догонялки*.

К исследованию привлекаются и фитонимы, от которых пахнет «русским духом» - *береза, дуб, ясень, осина*, названия времен года и наименования реалий славянской и истинно русской духовной культуры. Проводимые реконструкции исторической памяти слова строго аргументированы, например, *весна* является стяжением и метатезой прилагательного *севна-я* > *весна*. Концепции автора излагаются на фоне уже отмеченных в этимологии представлений о каждом отдельном реконструируемом слове/значении и объективны насколько этимологические изыскания в лингвистике могут быть объективными.

СОЛнце – СЛОВЕНЕ/СЛАВяне

Этимология слова *славяне* возводится к индоевропейскому **slaos* «народ», греческое «лаос», или, - к «слово», ссылаясь на *кличане*, «охотники, поднимающие дичь», а также - на оппозицию «словъне» – «немцы» [13, Т4, с. 664-666]. Языковая единица *слово* возводится также к индоевропейской праформе **kleu* (Рокотну), [9, с.605]. и представлен во всех индоевропейских языках. Это обстоятельство дает основание предположить, что оно [слово]. обозначает не то, что понимается под «словом» в современной европейской культуре, а нечто иное – некую цельную ситуацию, где «говорение» предполагает «слушание» и наоборот, «круговорот речи» или даже нечто более общее – «круговорот общения».

Наше исследование вопроса свидетельствует о несколько ином видении истории *слова* и этнонима *славяне*. Первый слог *slo-*(*вяне*) в морфологии искомой единицы имеет параллель в латинском языке. В последнем *solus*, -a, -um 1) один лишь; 2) один, одинокий [5]. В праславянском языке форма *solu-* стягивается в *slo-* (сло-) при ударении на втором слоге и закономерности соответствия латинского краткого «u» гласному «o» праславянского языка [11, с. 13]. На почве праславянского языка синтагма *сло-ворожити* «говорить единое, единоговорение» стягивается в *сло-во* с семантической транспозицией «СЛОВО», «средство единоговорения», единое для славян.

Синтагма *сло-вякати* стягивается в *сло-вя* (говорящие на одном языке). Дополнением *слова-* морфемой – *не*, обозначающей совокупность людей (селя-не), с последующим чередованием «o/a», закономерное для русского языка, образуется этноним СЛАВЯНЕ – «сообщество единоговорящих (людей)».

Сочетания сербохорватских *сло-векути* (единоговорение) стягивается в *слове-*, дополнение которого морфемой –*не* «сообщество людей», образует фонетический вариант СЛОВЕНЕ. То же самое касается словенского *сло-векути* (единокричание) + *-не* «сообщество людей» с переходом в СЛОВЕНЕ - «сообщество единоговорящих (людей)».

Экстралингвистическим прототипом номинации *Славяне* явилось SOL- is/Сол- нце «одно светящееся (на небе)» с развитием в SOLum/СЛО «один, единственный» + *BE/ВЯ- кути/кати* «единоговорящие».

Считается, что слово *число*, производно от старославянского *tcit-slo*, родственного глаголу

«читать, честь» [13, Т4, с. 366]. Нам представляется, что *число* имеет свою параллель в латинском языке, ср. *quid solum* (который один, един) > *чи-сло* при закономерности фонетических звукосоответствий.

Русь

Основные сведения об этимологии слова *Русь* сводятся к следующим: Русь- деривативная основа слова *Русия*, Россия от греческого *Россия* от древнегреческого *Росея*, а также *Русь* от среднегреческого *Рос* «норманны». В древнерусских договорах 911 и 944 годов (Повести временных лет) почти все от рода руська *посели* имеют скандинавские имена и для сравнения предлагаются финское *Ruotsi* «Швеция», *Ruotslanien* «швед», латинское *Ruisos quos alio nos nomine Nordman nos appellamus* [Руси, которых мы как и другие Норманами называем]. Этот этноним возводится к древнеисландскому *Rotsmenn* или *Rotskarlar* «гребцы, мореходы», которые сближаются с шведским *Roslagen*. Случаи перенесения названий завоевателей на завоеванное население налицо: у франков – Франция, у норманнов - Нормандия.

Предприняты попытки объяснить *Русь* из гидронимов и топонимов. Абсолютно ошибочны сближения с *Ра* «Волга», авестийское *Ranha* связано со значением «роса» [13, Т3, с. 505, 522-523]. Таковы основные сведения относительно происхождения этнонима *Русь*, которые отдают предпочтение скандинавскому варианту.

Однако приведенные интерпретации этимологии слова *Русь* не отрицают возможность альтернативных экспликаций. На наш взгляд, корень слова *РУ-сь* и происхождение этого слова можно объяснить в корреляции с корнем славянского теонима *РУ-евит*.

Руевит (латинское *Ruqieuthus*, искаженное *Rinvit*) в балтийско-славянской мифологии бог войны, отождествляемый западноевропейскими хронистами с римским Марсом. Его атрибуты – семь мечей у пояса и восьмой в правой руке [8, Т2, с. 389].

Этимологию мифонима *Руевит* можно выявить на основе данных русского языка:

- 1) последний слог в структуре рассматриваемого эпонима – *вит*- соответствует слогу – *вит*» краткого прилагательного, образованного по типу: род – родовит; мозг – мозговит;
- 2) второй слог –*е*- в морфологии *РУ-е-вит* является соединительным гласным;
- 3) семантика первого слога *РУ*- вычленяется при сравнении его со словообразовательными моделями:

- ру-бить (бить ру) – ру-било при семантической эквивалентности *ру*- слову *рубил*о;
- зу бить (бить зу)- зу-било при смысловом соответствии *зу*- слову *зубил*о;
- долото бить (бить долото) – *долбил*о.

Из этого следует, что компонент *РУ*- в структуре *РУ-е-вит* является синонимом слова «рубил» и обозначает инструмент, которым мифологический персонаж *Руевит*, балтийско-славянский коллега Марса, оперировал в своей практической деятельности – «*рубил*ом». И, поскольку, согласно мифологии *Руевит* изображался опоясанным семью мечами и с одним мечом в руке, то рубило, о котором идет речь – это меч. Следовательно, *Руевит* в современном лексико-семантическом эквиваленте - это Меченосец.

Поскольку корень *РУ*- «орудие» может быть, как в нашем случае, производящей основой теонима *РУ-евит*, это слово в равной степени может выступить в функции деривативной основы слова **РУ-СИ* > *РУ-СЬ*, где *СИ* > *СЬ* имеет инвариантно значение «место». В качестве свидетельства приводим латинскую параллель русского – *СИ* в морфологии слова *SI-tus* 1) «положение, расположение», 2) «строение, здание, постройка», 3) «страна света», ср. «**ме-си-то* > место», «**си-торона* > сторона», «**си-тан* > стан (стан, лагерь)». При этом корреляции латинского и старославянского *s/c* непротиворечивы [11, с. 14]. Следовательно, *РУ-СИ* > *РУСЬ* - это «сторона, где *РУ*- является покровителем *РУСИН*, жителей этой стороны» еще до формирования деривата *РУ-е-вит*.

Ворог/Говор

В исторических словарях отмечается возможная связь *ворог* «враг» и *ворожить* «колдовать» [13, Т1, с. 252].

Нам представляется, что это предположение справедливо. Наши аргументы сводятся к следующим: 1) *ворога* (врага, чужака) часто распознают по его незнакомой, непонятной речи, и *ворог* «непонятная речь» могла обозначать как его речь, так и самого *ворога*; 2) ситуативность семем *ворог* (чужак) и *ворог* (непонятная, незнакомая речь) нейтрализуется при спонтанной метатезе: *ворог* «чужак» > *ворог* «враг»; *ворог* «непонятная, чужая речь» > *говор* «своя, понятная речь»; 3) аналогично имеем: *ворог* «непонятная речь» > *ворожить*, «говорить малопонятные речи» и *ворог* «непонятная речь» > *говор* «понятная, своя речь» > *говорить*.

Сварог

Сварогъ – верховное божество в языческой Руси, соответствующее в переводной литературе Гесту и Гелиосу. *Сварожич* – сын Сварога, олицетворение огня. Считается, что это имя (*Сварогъ*)

связано со «сва(рой)», т.е. «спорящий, наказующий». Другие исследователи пытаются установить родство с древнеиндийским Svorgas «небо», древневерхненемецким gi-swere «грозовые тучи». Допускается, что *Сварогъ* происходит от иранского слова со значением «солнце, светить». *Сварогъ* воспринимается также в образе «рогатой собаки» [13, Т3, с. 569-570].

На наш взгляд слово *Сварогъ* является исконно древнерусским словом. Внутренняя форма этого эпонима эксплицируется при опоре на профессиональную деятельность *Сварога* и инструмент этой деятельности – горн, древнерусское *горон*, ср.: *сво-горон-ить* > *сва-рого-ить* > СВАРОГ > *свароганить* > *сварганить*. Таким образом, *Сварогъ* – это тот, кто варганит на *гороне/горне*.

Рарог

Рарог, в славянской мифологии огненный дух, связанный с культом очага и, возможно, что образ *Рарога* генетически связан с древнерусским *Сварогом* [8, Т1, с. 366]. Приведенный тезис находит доказательную базу во внутренней форме и морфологии рассматриваемого мифонима. Последний, как и *Сварог*, является дериватом корня *гор-(еть)*, ср. **гор-ар*, где *-ар* суффикс со значением «деятель» (ср. овч-ар, боч-ар). Последующая метатеза способствует образованию рассматриваемого слова: *гор-ар* > *Рарог*.

Ярила/Ярило

Ярила/Ярило, белорусское *Ярыло*, сербохорватское *Jarilo* – в славянской мифологии божество весеннего плодородия. Предполагается, что образ *Ярилы* возник из совокупностей весенних обрядов, названия которых, включающие корень *jar*, были позднее восприняты как эпитет бога. *Ярила* – *Яровит* у балтийских славян [8, Т2, с. 686 – 687].

В морфологии *Яри-ла/Яри-ло* суффиксы – *ла/-ло* со значением деятеля находят свою параллель и в структуре других слов и не обязательно существительных, обозначающих деятеля, но дело, например: «ла-дить/де-ла-ть; де-ло/ло-дырь». В последнем случае «ло-дырь» воспринимается как «человек, делающий метафорические *дыри, пробелы» в деятельности «ло-(де-ло)». Еще одним синонимом морфем *-ла, -ло* с инвариантным значением «дело, деятельность» выступает морфема *-я*, ср.: «де-ла-ть/де-я-ть; де-ла-тель/де-я-тель; де-ла-ть/ва-я-ть». Таким образом, морфемы *-ла-, -ло-, -я-* объединены общностью значения «деятель». Это дает возможность допустить, что в структуре корня *я-р/ја-г* первая морфема *я-* также номинирует семему «деятель». В таком случае справедливо утверждение о том, что в морфологии лексических вариантов *Я-ри-ло/Я-ри-ла* первый и последний слоги – синонимы и обозначают деятеля. Семантика среднего слога, точнее сонанта *-р-* эксплицируется при сравнении латинского *radiare* «сиять» и русского *радуга* при закономерном соответствии сонанта *г/р* в латинском и старославянском языках [11, с. 14]. Следовательно, корень *Яр/Јар* исторически имеет значение «делающий сияние, сияющий». Слово *радуга* должно быть стяжением синтагмы *Яр-а* (родительный падеж от *Яр*) + *дуга*: *Я-ра дуга* > *радуга* (излучающего сияние дуга). Варианты мифонимов *Ярила/Ярило* должны быть дериватами глагола **ярить* с историческим значением «делать сияние > излучать сияние > сиять». Историческое *Яр* (делающий, излучающий сияние) является деривативной основой имени такого же божества, но женского рода *Яр-а* (излучающая сияние). Это дает основание предположить, что в праславянском пантеоне *Яр* и *Яра* были супругами.

Яровит

В пантеоне балтийских славян ближайшим аналогом *Ярилы* восточных славян выступает эпоним *Яровит*, который отождествлялся с Марсом, равным образом его почитал как бога плодородия, мотивация наименования *Яровита* еще не установлена [8, Т2, с. 450].

Полагаем, что слово *Яровит* является дериватом имени *Яр*, образованным по типу «плод > плодовит»: *Яр* > *Яровит* – модель словообразования, в которой производное слово эксплицирует семантические потенции производящей основы.

Поревит/Поренут

Поревит и *Поренут* – наименования мифических персонажей балтийских славян – в Словаре не отмечены существенными комментариями относительно их этимологии и мифологических функций [8, Т2, с. 303, 337, 389, 452, 454].

Однако материалы русского языка позволяют реконструировать как первичные формы этих мифонимов, так и их примарную семантику:

1) в структуре слова *По-ревит* второй компонент – *ревит* является метатезой краткого прилагательного *ретив* от *ретивый* (*ретив* > *ревит*) со значениями, передаваемыми словами «усердный, горячий; пылкий на дело, старательный, ревностный, ражий» (Даль, Т. 4, : 93).

2) в морфологии *По-ренут* вторая часть *-ренут* соответствует форме *ретун* в метатезе: (*ретун* > *ренут*), что предполагает былое наличие глагола **рет-ить* от основы прилагательного *рет-*

ивый. Следовательно, **ретить* «стараться, проявлять усердие» > **ретун* > *ренут* «тот, кто проявляет старание, усердие»;

3) *по-* в структуре (*по-ренут*) должен быть приставкой со значением «незначительной или неполной меры действия, совершаемого в течение короткого времени, например, «побалагурить» [9]. Следовательно, справедлива реконструкция: **ретить* «стараться, проявлять усердие» > **поретить* «постараться» > *поретун* «старательный, тот, кто проявляет усердие» > ПОРЕНУТ «усердный»;

4) по аналогии с отглагольным именем *ПО-ренут* приставка *по-* присоединяется к отаггективному существительному: *ретив* «старателен, усерден» > *ревит* > *Поревит*. Таким образом, мифические персонажи ПОРЕВИТ и ПОРЕНУТ полные синонимы в значении «старательный, усердный» в функции имен существительных.

Ярило

Ярило – соломенное чучело, которое делают для свершения обряда изгнания нечистой силы в ночь на Ивана Купала, вероятно от *Яра* «весна» [13, Т1, с. 560]].

Внутренняя форма слова *Ярило* указывает на смежность, сопутствие этого сакрального чучела *Яре-весне*. Этот эпоним является стяжением слова *Яра* в родительном падеже + *около*: *Яри около* > *Яриколо* > *Ярило*. Само слово «около, вблизи» находит свою параллель в латинском языке, где оно является стяжением синтагмы *locus lucus* «место света» > *loculus* > *oculus* «глаз» > *око-ло* > *око* при справедливости соответствия латинского *и* краткого старославянскому *о* [11, с. 13].

Перун

Перун, древнерусское *Перунь*, общеславянское *Перунь* из индоевропейского **Per(kw)-un-os*, в славянской мифологии бог грозы (грома) [8, Т2, с. 306]. Несколько иначе представлена этимология слова *Перун* по М. Фасмеру: не обязательно возводить слово *Перун* к имени бога. Древнечешское имя собственное *Perun* и болгарское *Перун* могли первоначально значить просто «тот, кто бьет». Это древнеславянское божество *Перунь*, первоначальное значение имени которого «разящий, гром». Формат – *унь* сопоставим с греческим – *aunos*. Нельзя доказать родство *Перунь* с литовским *Perkunas*. Неприемлемо предположение о заимствовании из иллирийского. В последние годы имя *Перунь* неоднократно обсуждалось этимологами. Большинство из них настаивают на связи славянских и балтийских слов, разграничение которых нецелесообразно [Фасмер, Т1, с. 246-247].

На наш взгляд, возможна несколько иная трактовка возникновения эпонима *Перун*: поскольку имеется слово *Яр* «делающий сияние» и глагол **ярить* с дериватами *ярило*, *яра*, *яровой*, *ярила*, то закономерно восстановить и слово **ярун*, производный от **ярить* (ср. *яриться*). Суффикс – *ун* раскрывает потенции производящей основы *яр* аналогично моделям *бег-ун*, *прыг-ун*. Исторический суффикс – *ун* имел значение «быть властным над чем либо»: *прыгун* – это тот, который «покоряет» прыжки, *бег-ун* – тот кому «покоряется» бег. Этот словообразовательный элемент соответствует семантике первого слога глагола «ун-имать». Унимая кого-либо, субъект как бы подчиняет объект. Эта семантика «властвования» заключена и в морфеме – *ун* мифонима *Перун* – властителя грозы и грома. В структуре **яр-ун* суффикс – *ун* (властвование) раскрывает потенции производящей основы *яр* (делающий сияние, сияющий). В морфологии теонима *Пе-р-ун* семантика суффикса *-ун*, раскрывая потенции *-р- = яр*, «властвует» над смыслом первого слога *Пе-(р-ун)*. Денотат *ПЕ-*, над которым «властвует» суффикс *-ун*, раскрывающий потенции *-р- = яр*, – это слово *пекло* со словарной статьей 1) ад, адский огонь; 2) сильный зной, жара; 3) перен. жаркое место боя. Это дает возможность реконструкции синтагмы (*пекла ярун* > *перун* > *Перун* «властитель грозы и грома») с учетом исторической семантики *-р- = яр* «сияющий» в морфологии слова *Перун*. Таким образом, *Перун* отложился в сознании древних славян в облике властителя над сияющим пеклом – грозой, молнией и громом.

Русалка

Русалка, в древнерусских поверьях живущее в воде сказочное существо, в образе женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом. Это слово считается производным от древнерусского *русалица*- «языческий праздник весны» Для русского слова *русалка* предполагается влияние слова *русло* [13, Т3, с. 350].

Разгадка семантики внутренней формы семем *русалка* и *русалица* кроется в обряде языческого праздника весны: *русалку* обычно изображала девушка, которой распускали волосы, надевали венок и с песнями провожали в рожь. Вталкивая ее в рожь, участницы обряда с криками разбегались, а *русалка* догоняла [8, Т1, с. 390]. При этом девушка, выступающая в роли *русалки*, должна была (по ходу игры), как в некоторых детских играх, догонять участниц обряда и осалить «ударить» ее «рукой». Эта прототипическая ситуация, вербализованная сочетанием *рукой салити*, стягивается в *ру-салить* (ударить, хлопнуть ладонью по спине участницу обряда), а исполняющая заглавную роль обряда именуется *русал-*

ка/русал-ица.

Волос

Волось, древнерусский языческий бог, его отождествление со святым *Власием* отвергается. Хотя *Власий* является покровителем крупного рогатого скота, он передал свои функции *Волосу*, который воспринимается как «скотский бог». Сомнительно также, что *Волось* сменил более раннего Велеса. Трудности этимологизации слова *Волось* еще не устранены [13, Т1, с. 343].

На наш взгляд, эпоним *Волось* «скотский бог» является стяжением синтагмы *воль-осьль* (вол-осел), которая должна обозначать домашнюю живность от самого ценного (вола) до самого малоценного (осла) в крестьянском хозяйстве. Стяжение синтагмы *воль-осьль-Волось* номинирует, в общем, комплекс домашних животных, и *Волось* воспринимается как «скотский бог», ср. (хлеб-соль > гостеприимство).

Велес

Велесь – один из наиболее достоверно реконструированных древнерусских эпонимов, обозначающих языческих богов. Однако удовлетворительного этимологического объяснения этого слова не имеется [13, Т1, с. 287]. Функциональные особенности *Велеса* в том, что он похищает скот, людей, а в некоторых вариантах былин – даже жену Перуна, может прятаться и под камнями [8, Т2: с. 450].

Особенности функциональной деятельности *Велеса* (разбойника) отразились и на внутренней форме этого эпонима. Самое надежное убежище разбойника на Руси – это лес. Опираясь на сказанное, слово *велесь* можно представить как стяжение сочетания *въ лесъ* (большой лес) > *Велесь* – персонификация по месту, где этот разбойник находит себе убежище. Приставка *Ве-*(*лесъ*) соответствует латинскому префиксу *ve-*[*we-*], со значением гиперболизации. Возможность перехода прототипа *Велик лесъ* в *Велесь* сомнительна: в фонетической структуре краткого прилагательного *велик* ударение падает на второй слог, ср. *велика луга* > *Калуга*», где ударным является последний слог краткого прилагательного *вели-*ка.

Свентовит

Свентовит, наиболее известный бог балтийских славян, характеризуется как «первый» или высший из богов, «бог богов» [8, Т2, с. 454]. Эта смысловая особенность слова *свентовит* сохранилась в исторической памяти этого теонима: последний слог (*свенто-*) – *вит*» легко включается в морфологическую парадигму кратких прилагательных типа *плод – плодо-вит*, *яд – ядо-вит*, *род – родо-вит*; первый слог *свенто-* соответствует слову *свет* (земля, мир, вселенная) в метатизированной форме, дополненной суффиксом – *н*: (*светно* > *свенто*, ср. *круго (светное)*). В комплексе семема *светно-вит* > *свенто-вит* является кратким прилагательным от *светновитый*, т.е. вселенский (бог).

Соловей-Разбойник

Прототипа *Соловья-Разбойника* пытались связывать с могучим мордвином близ Нижнего Новгорода в связи с мордвинским *salau* «красть», *salitsu* «вор»; финским *sola* «тайна», марийским *solu* «вор». Вместе с тем *Соловей Будимирович*, заморский богатырь, сватавший в былинах дочь Владимира, может быть иноязычного происхождения [13, Т3, с. 711-712].

Вполне возможно, что эпоним *Велесь* (разбойник), который утратил мотивацию в сознании древних русичей, «воскрес» в форме *Соловей-разбойник* по метатезе, ср. *Велесь (разбойник)* **Велесей-разбойник* > *Соловей-Разбойник*.

Черт

В лингвистической этимологии слово *черт*, отмеченное в славянских языках, возводится к праславянскому **черте* и рассматривается как причастие на *-то проклятый* [13, Т4, с. 347]. По мнению Ю.С. Степанова само слово *черт* не имеет ни общепринятой этимологии, ни вообще надежной этимологии. Далее предполагается, что слово *черт* родственно *чур*: последнее слово употребляется в оборонительных восклицаниях: *Чур меня!* – «не тронь меня, минуй меня!». В таком случае корень слов *черт* и *чур* один и тот же – общеславянский *чер/чур*, в индоевропейской перспективе **к-е*, * (s)кег «отрезать» [10, с. 863].

С учетом общеизвестного в этнологии положения о том, что имена некоторых «нечистых» табуированы, можно утверждать, что слово *черт* является стяжением синтагмы *черный тот*, имея ввиду того самого, имя которого находится под запретом. Наш допуск подтверждается праславянским сочетанием слов **чьерне* «черный» и **ть, *та, *то* «*тот, та, то*» [13, Т4, с. 88; 346]. Следовательно, вполне логична праславянская синтагма **чьрнь ть* (черный тот) с последующим стяжением в *чьртъ* (черт).

Баба- Яга

Этимология слова (*баба*)-яга в русском языке возводится к праславянской форме *(й)ега [13, Т4, с. 42]. Однако приводимые в Словаре чешское *йезин-ка* «лесная ведьма», сербо-хорватский *йезин*

«опасный», русское *баба яга-я* свидетельствуют о том, что историческая морфология рассматриваемого слова должна быть более распространенной, а именно *-йа гадина* (ср. сербо-хорватское *йе-зин* и чешское *йе-зин-ка* при суффиксе *ка*, который может быть собственно чешским дополнением применительно к данному случаю). Если сказанное справедливо, то логичны стяжения: *йарая гадина* > чешское *йе-зи-н (-ка)*; сербохорватское > *йе-зи-н*. В остальных славянских языках сокращения исходной синтагмы более существенны, например, в русском языке: *ярая гадина* > *яга*, польское *јага*, болгарское *яга* при сохранении исходных компонентов синтагмы *ярая (злая)* и *гадина* в русском языке. *Баба-Яга*, таким образом, отложилась в сознании древних русичей как *злая гадина*, и *яга* стала эпитетом сказочного персонажа аналогично Соловей-Разбойник, Змей-Горинич, Кощей бессмертный.

По мнению Ю.С. Степанова **ега* возводима к обозначению болезни, а этимон слова *яга* восходит к индоевропейским **эге* и **эйе*, которые чередуются [10, с. 836].

Кикимора

Кикимора или *шишимора* в восточнославянской мифологии злой дух дома, маленькая женщина-невидимка (иногда считается женой домового). По ночам беспокоит маленьких детей, путает пряжу, может вредить домашним животным, в частности курам. Название *Кикимора* сложное слово, вторая часть которого – древнее имя женского персонажа – *маары, моры* [8, Т1, с. 648].

Согласно словарной дефиниции *Кикимора* – это мелкая пакостница, коллега Шапокляка, которая уморяет и морочит голову окружающим, не нанося особого ущерба. Эта характеристика вербализована также словом *морочи*, множественное число от *мороча*, производящей основы глагола *морочить* «вводить в заблуждение, обманывать»; «морочить голову». Метатеза существительного *морочи* с редупликацией последнего слога *-ки* образует слово *ки-ки-мор-а* с последующей персонификацией «*Кикимора*», характеристика которой, в общем, соответствует мифологической репрезентации персонажа Кикимора.

Кощей

Кощей 1) худой, тощий человек, ходячий скелет; 2) скряга. Вероятно, от слова *кость* [13, Т2, с. 361]. Ю.С. Степанов считает, что эпоним *Кощей* происходит от сочетания *косто-сей* (тот, кто сеет кости) аналогично книгочей. Возможно также, что этимоном этого слова может быть *касть* «пакость, мерзость» [10, с. 831].

Наша версия происхождения имени сказочного героя Кощея опирается на слово *мощи* – останки святого, старославянское *мошти* [13, Т2, с. 668], которое должно быть стяжением сочетания: *мертвого кости* > **мокошти* > *мошти* > *мощи*. На уровне... *мокошти*, возможно, имело место: *мокошти* > *кошти* > *кощи* (ср. *мощи*) и далее: *кощи* > *Кощей* по аналогии со Змей, Соловей, Елисей. Одновременно с этими былинными героями (Змей-Горинич, Соловей-Разбойник, царевич Елисей). *Кощей* характеризуется мотивированным эпитетом – *Кощей бессмертный*: в силу своей долговечности кости усопшего как и *мощи* (кости святого усопшего) воспринимаются «бессмертными».

Змей – Горинич

В морфологии мифонима *Змей-Горинич* с точки зрения внутренней формы интерес представляет концептуализация первого компонента этого сложного слова название пресмыкающегося – *Змей*. Последнее отмечено в формах: *змий* – в древнерусском, *змий, змея* – украинском и аналогично в других славянских языках с историческим определением: «табуистическое название «земной, ползающий по земле»» [13, Т2, с. 100].

Наше исследование проблемы показывает несколько иную картину мира: при анализе семем *земля* и *наземь* < **земень* было установлено, что эти слова имеют своими коррелятами латинские *humulus* и *humus*, соответственно (см. выше). Языковые единицы *змея, змий* имеют латинской параллелью слово *hamu-s* *крючок*. Звукосоответствия “h:z”, “m:m”, “a:a” (долгие), “u:ъ” латинского и старославянского языков закономерны [11, с. 13-14]. С учетом свободного ударения в старославянском языке вполне логичны соответствия: *hamu/*замь* > **змь* > *змий* > *змея* при ударении в случае *замь* на втором слоге. Слова *змий/змея/ змея*, таким образом, мотивированы способностью денотата скрючиваться, сворачиваться.

Мокошь

В восточнославянской мифологии богиня *Мокошь* представлялась как женщина с большой головой и длинными руками, прядущая по ночам в избе: поверья запрещают оставлять кудель, а то *Мокоша опрядет*. Название обряда *мокрида* как и имя *Мокошь* связано с корнем *мокрый, мокнуть*, вместе с тем возможна и связь с **tokos* *прядение*. Типологически *Мокошь* близка греческим *мойрам*, германским *норнам*, прядущим нити судьбы, хеттским богиням подземного мира – *прыхам*, иранской

Ардвесуре Анахите и т.п. и продолжает древний образ женского божества – жены (или женского соответствия) громовержца в славянской мифологии [8, Т2, с. 169].

С учетом типологически общего признака богини, имя которой возводится к слову **mokos* *прядение* полагаем это утверждение справедливым. Наше исследование вопроса свидетельствует, о том, что *Мокошь*, соответственно своей профессиональной деятельности, занималась прядением. Самые элементарные действия, предполагающие операции прядения – наличие простейших и первичных материалов, данных природой без предварительной обработки – это лыко и шерсть. Самая элементарная операция, предполагающая прядение, – наматывание лыка или шерсти. На вербальном уровне прототипическая ситуация наматывания лыка и шерсти отразилась в синтагме *МОтать лыКО, Шерсть* с последующим стяжением > МОКОШть > МОКОШЬ *прядение* > МОКОШЬ *прядильщица*.

Бог

Бог, украинское *биг*, старославянское *богъ*, болг. *бог*, словенское *bog*, чешское *buh*, польское *bog*. Это слово родственно древнеиндийскому *бага одаряющий*, авестийскому *bagha господь*, однако заимствованный характер этого слова в русском языке отвергается [13, Т1, с. 181-182].

Бог в славянской мифологии – название божества и доли, счастья, которые оно может дать человеку (родственно названию *богатство* и противопоставляется *небогу*, обездоленному. Его первоначальное значение – *удача, доля счастья* [8, Т1, с. 177].

Формальным коррелятом славянским названиям в значении *бог* и семантически близким к ним является латинское слово *beatus* < от глагола *beare* < **behare*. Звукосоответствия между латинскими и старославянскими параллелями *боге/бога* справедливы [10, с. 13-14].

Словарная статья *beatus* < **behatus* отмечена рубриками: 1) *счастливый, блаженный*; 2) *богатый, процветающий*; 3) *поэт. благословенный, превосходный*; 4) *праведный, блаженный*.

Корневая морфема *be-* имеет вариантом *bo-*, которое производно от *duenos* и равно, *bonus хороший* и его деривату *bene хорошо*. (Ernout, Meillet, 2001). Вторая корневая морфема *be-a* < **be-ha* (в латинском языке интервокальный *-h-* синкопируется) соответствует первому корневому слогу в структуре глагола *ha-berе держать* (*be-a-re* < **be-ha-re*) и находятся в отношении метатезы, но содержат одни и те же морфемы. Это объясняет семантику *beatus* < **behatus* 1) *блаженный, счастливый*; 2) *богатый, процветающий* и *habitus упитанный, вскормленный*: препозиция *be/* «добро в моральном аспекте» обеспечивает преимущественно духовный характер *добра*, это *доброта* и вторичность 2) *богатый, процветающий*. В случае *habitus упитанный, вскормленный* морально-этический характер нейтрализуется. Таким образом, **be/boha-tus* (напомним, что семантически *be=bo-* это единство (*доброта/добро*), что сохраняется в семантике корня старославянского корня «бо»г. Дифференциация имеет место на уровне *бог-ъ* и *бог-атый*, при сохранении ситуативной семантической интерференции (*божество/убожество*). Таким образом, *бог* в сознании древних славян отложился как диалектическое единство *добро-богатство/доброта*».

Вера

Слово *вера* – убеждение в реальности существования предмета – считается производящей основой глагола *верить* [13, Т1, с. 299], однако внутренняя форма этой семемы не эксплицируется.

Согласно вышеприведенной дефиниции семантики слова *вера*, она предполагает убеждение, т.е. знание существования предмета в реальности. Объект реальности может быть представлен как вещь, так и его «заместителем» – словом. Поэтому полагаем, что в становлении слова *вера* имело место следующее развитие: старославянское **вьдети* «знать» + *рьчь* «вещь/речь» > *верети, вер-а* (ср. болгарское *речь* «вещь»). Из этого следует, что производящей основой в нашем случае является глагольная основа, а не существительное.

Истина

Слово *истина* производно от прилагательного *истый*, которое возводится к старославянскому *истъ* как параллельное латинскому *iustus*, от *ius, iuris справедливый; законное право* –мнение, которого придерживается Ю.С.Степанов со ссылкой на А.И.Соболевского [10, с. 438].

Латинское прилагательное *iustus* должно быть стяжением синтагмы **iuse itus* (по справедливости, правдой идущий) > *iustus справедливый*, что должно было иметь место до ротацизма S > R в интервокальной позиции.

Судья

Параллельными представляются праславянское **sode судья* [13, Т3, с. 794], и латинское *deos бог*. Слово **sode* является метатезой *deos* с закономерной ассоциативной трансформацией *бог* > *судья*, что не требует специальных аргументаций. В свою очередь латинское *deos* производно от индоевропейского **tiewos бог, солнце, свет* к которому восходит и старославянское *swete свет*) [3, с. 45].

Следовательно, возведение слова *судья* к праформе *som + *dhe *дело* сомнительно [13, Т3, с. 794].

Полагаем, что слова *суд, судья, *sode* < deos и *судьба*, (где – ба должно иметь значение гномического бытия, ср. *бы-ть, бе* «был», старославянское бь, индоевропейское *bhuet) «быть» [13, Т1, с. 141], восходят к *tiewos. В эту же группу можно включить и латинское jus, juris «право, справедливость», производное от Iowis ср. Iowi pater > Ju-ppiter [1, с. 329]. Если сказанное справедливо, то справедливыми должны быть и нижеследующие семантические и формальные соответствия: индоевропейский *tiewos «бог, свет, солнце» > русские: *исти-на, суд, судья, судьба, свет*.

Святой

Слово *святой* возводится к праславянскому *svete [13, Т3, с. 585], которое, в свою очередь, производно от индоевропейского *kvent. Концептуально *святой* воспринимается как *беззаветно дорогое, связанное с истиной и с богом*: «*Святая отчизна*», «*Это мой святой долг*», «*Слово свято*» [10, с. 845-849]. Тем не менее, внутренняя форма слова *святой* все еще не эксплицирована. Выше аргументированная производность праславянского *svete *свет* от индоевропейского *tiewos «бог, свет» и настоящее *svete *святой* позволяют утверждать, что оба эти слова являются дериватами одного и того же этимона. В случае семемы *святой* возможна смысловая транспозиция *tiewos *бог* > *svete *святой* по метонимии.

Совість

Современная лексема *совість* заимствована из церковнославянского и старославянского *съвѣсть*, считается калькой с греческой лексической параллели в значении латинского con-scientia и связывается со словом *въдѣти* (знать) [13, Т4, с. 283]. По мнению Ю.С. Степанова русское слово *совість* (со ссылкой на И.И.Срезневского) в первом значении, передаваемом словами «разумение, понимание, знание» отражает внутреннюю форму концепта *совість* как «знание, внутренне убеждение в чем-то, и это «что» извне задано человеку как закон [10, с. 750].

Определение *совѣсти* как вышеприведенное «разумение, понимание, знание» требует, на наш взгляд, уточнения, которое в большей степени подтверждает дефиницию «внутреннее убеждение». Предлагаемое нами уточнение обусловлено внутренней формой семемы *со-вѣсть*. В морфологии этого слова компонент *со-* (вѣсть) не предлог «с, вместе», не con-(scientia), а восходит к индоевропейскому «*sue/suo» - «свой» [10, с. 136]. Поэтому *со-вѣсть* - это не просто сознание как таковое, а свое, индивидуальное видение (в развитии «видение > ведание» последнее сохраняет элемент видения) или «внутренне убеждение» (по Ю.С.Степанову), и это внутренне убеждение «задано извне», потому что обусловлено «видением», «следы» которого сохраняются в «*вѣсть*» (я знаю).

Мир

Мир, украинское *мир* «весь мир народ; спокойствие, согласие», древнерусское и старославянское *миръ* [13, Т2, с. 62]. Этимология и внутренняя форма не установлены.

Слово *мир* «свет, вселенная» на уровне основы «*мир*» имеет параллель в латинском языке, который может объяснить как этимологию, так и внутреннюю форму исследуемой лексической единицы: латинский глагол mirari «с удивлением осматриваться, любоваться» классического латинского языка в народной латыни приобретает значение mirare «смотреть» (ср. старофранцузское mirage «мираж»). Основа этого глагола на почве славянских языков может развиваться по схеме: *мир* «*смотрение > видение > «то, что видишь, мир, окружающая реальность, вселенная»

Мир «покой, спокойствие» производно от *мир* «окружающая реальность» по метонимии: *мир* (окружающая реальность) > «обжитое пространство» > *мир*(-яне), мир, паства, социум, в оппозиции к военным) > *мир*, покой.

Скверна

Слово *скверна* предположительно является современным вариантом праславянского * skverna, и в славянских языках отмечено значениями: украинском «скверный», болгарском «нечистоты, грязь», древнерусском «мерзость, нечисть» [13, Т4, с. 637].

Наше исследование внутренней формы и этимологии слова *скверна* свидетельствует о том, что праславянская *skverna, с его цитированными значениями в современных славянских языках, вторично. Прототипом этого слова должно быть *ka-verz, ср. *верзати* «вязать», украинское *версти* «молоть чепуху» [13, Т2, с. 153]. В нашем случае имеет место: *каверзна* > *зкаверна* > *скаверна* > *скверна*.

Чужой

Этимология слова *чужой* не установлена. Ю. С. Степанов считает, что чужой, чуждый производны от названия народности *Чудь*, которые стали восприниматься русскими как *чужие*, отличные от своих [10, с. 141]. Слово *чур!* в выражениях *чур меня!*, *чур!* считали эвфемистической

заменой *черт*», эти же выражения в детских играх толкуются и как *боже, упаси!* и воспринимаются как заимствование из греческого *kriptos* «господь!» [13, Т4, с. 368].

Этимологию слова *чужой* и его внутреннюю форму представляется возможным объяснить на основе глагола *чураться* «сторониться, с опаской избегать» и существительных «*чужанин, чуженин* «название жениха» в свадебных песнях, и архангельское областное *чужой, нездешний*» [13, Т4, с. 378].

Глагол *чураться* имеет свою параллель на уровне основы *чура-* в латинском языке – *sig-go, sig-sum, sig-re* «бежать, убежать», причем *sig/чур-* фонетически закономерно. В морфологии *си-г-(re)* «убегать» вибрант основы (*си-г-*) указывает на удаление от объекта, ср. *retro* «назад или прочь», следовательно, первая морфема *си-* должна иметь значение «быстрое движение». Из этого следует, что в структуре глагола *чураться* основа *чур-*, *чура-* должно иметь значение «быстрое движение прочь» с последующим развитием в «с опаской сторониться, избегать». С другой стороны, основа глагола *чура(ться)* допускает образование прилагательного **чурой, ая, ое* с семантическим развитием «*чурающийся, сторонящийся*», «*чужой, не свой*»

Структура существительных *чу-жан-ин/ чу-жен-ин* «название жениха в свадебных обрядах» и «чужой, нездешний» архангельского говора дают возможность трактовки морфологии слов *чу-жан-ин* и *чу-жен-ин* как стяжение синтагмы **чурой жан-ин/жен-ин* (мужчина) > *чу-жанин/чуженин* «название жениха». Варианты *чу-ж-анин/чу-ж-енин* «чужой, нездешний» в основе *чуж-* становятся производящей основой прилагательного *чужой, ая, ое*

Наше исследование, таким образом, свидетельствует также о том, что восклицания *Чур!*, *Чура!*» восходят, возможно, к основе глагола – *чу ра- тья* «избегать, с опаской сторониться» с транспозицией в *Чур, Чура!* «сторонись меня!»

Страх

Слово *страх*, древнерусское *страхъ*, старославянское *страхъ* с первоначальным значением «оцепенение» сближается с литовским *stregti* «оцепенеть». Сравнение с латинским *strages* «опустошение, поражение» отвергается. Реконструкция **sърахъ* неприемлемо. Слова *страсть*, (страх, острастка), *страцать* связаны со словом *страх* [13, Т3, с. 771-772].

Возможно, что предлагаемая нами реконструкция исторической памяти слов *страхъ/страсть* «страх» осветит затронутую проблему. По М. Фасмеру первоначальное значение старославянского слова *страхъ*» - это «оцепенение», которое предполагает бездействие – одно из значений глагола *стоять* «не двигаться, бездействовать» Второй компонент семемы оцепенение предполагает «растерянность, беспомощное состояние от сильного волнения, что характеризуется прилагательным «растерянный». Варианты *страхъ/ страсть* в первоначальном значении «оцепенение» могут быть вербализованы синтагмой «*ст(оая) расте(рянным)*» с последующим стяжением в *страсте* > *страсть*; *ст(оая) рас(терянным)* > - *трас- и* > *страхи* > *страх*.

Береза

Семема *береза* отмечена формам: в украинском *береза*, белорусском *бреза*, словенском *бреза*, чешском *бриза* [13, Т1, с. 461]. Мотивация наименования не эксплицируется.

На наш взгляд фитоним *береза* мотивирован внешним видом ствола дерева – поперечные «резы» на белом стволе: белая реза стягивается в *береза*, ср.: украинский глагол *реза-ти*, древнерусский *реза-ти*, старославянский *реза-ти*, сербохорватский *реза-ти*, словенский *řiza-ti*, чешский *řeza-ti*, польский *řeza-s* [13, Т3, с. 461]..

Осина

Слово *осина*, древнерусское *осина*, сербохорватское *jasika*, словенское *jasika*, польское *oseka*, верхнелужское *wosa, wosina*, нижнелужское *wosa* «серебристый тополь», этимон возводится к праславянскому **opsa* [13, Т3, с. 159].. Латинский *oginus* «ясень» приводится в словарной статье «Ясень» [13, Т4, с. 565]..

Осина используют в защитных насаждениях, древесину – при производстве спичек, целлюлозы, тары, различных поделок. Это можно объяснить онтологией осины – это нестройной лес, что отражено в исторической памяти анализируемого слова в его латинской параллели *oginus* «ясень» < **o-sinus* при ротацизме интервокального -s- > r - [1]. Производящая основа слова *oginus* < **osinus*, глагол *sinuo* имеет значение «сгибать, изгибать», *sinus* «изогнутость». Следовательно, *осина* славянских языков – параллель латинского **osinus* - получила название по кривизне своего ствола.

Ясень

Название дерева *ясень* возводится к праславянскому **jasenъ* при украинском *ясень*, белорусском *ясен*, сербохорватском *jasen*, чешском *jasen*, верхнелужском *jasen*, польском *josen*. Родственно латинскому *oginus* «вид ясеня» [13, Т4, с. 565]. Экспликации исторической семантики

этимологизируемого слова не приводятся.

Если наши исторические спекуляции верны: *ярая сень* (светлая тень) > *ясень*, то анализируемое слово должно быть мотивировано светло-серым цветом своей коры, ср.: русское *сень*, старославянское *сънь*, болгарское *сянка* (тень), сербохорватское *сјен* «тень», ниже-лужское *sen* «тень». Эти слова связаны с глаголом «сиять» [13, Т3, с. 602].

Дуб

Русское *дуб* имеет параллели и в других славянских языках: украинский *дуб*, словенский *доб*, болгарский *доб*. Родственны лексемы: греческая *дого* «дерево, литовская *darva* «смола латышская *darvo* «смола». Этимология *дуба* предположительно возводится к **dom-ros* [13, Т1, с. 541].

Мотивация наименования *дуб* заключена в технологии дубления кожи, которое предполагает использование дубильной субстанции *ду-(б)*, *до-(б)da-(rva)* «смола», при отбеливании кожи (*ду-белить/ду-бление /ду-бить*) т.е. (бить *ду*), проводить технологические операции с использованием вещества, полученного из коры дерева *ду*, которое затем стало именоваться *ду-бом*.

Весна

Весна украинское *весна*, древнерусское и старославянское *весна*, сербохорватское *весна*, чешское *весна*, словенское *vepna*. Древняя индоевропейская основа на г/п ср.: литовское *wasara* «лето», латинское *veg* «весна», армянское *gagun* «весна» [13, Т1, с. 303].

Внутренняя форма слова *весна* в славянском варианте легко эксплицируется при метатезе современной формы: *весна* < *севна* < *севная* (пора).

Лето

Лето – старославянское *лѣто* (хронос), болгарское *лето*, сербохорватское *лѣто*, чешское *лето*, польское *лато*, верхне-и нижнелужские *лето*. Этимология этого слова возводится к старославянскому *лити* «лить». Абсолютно неприемлема мысль о кельтском происхождении. Совершенно гадательно также сближение слова *lieto* с албанским *vale* «кипение» [13, Т3, с. 489].

На наш взгляд, возможно сближение русских слов *леток* «отверстие откуда вылетают пчелы» и *лето* «самое теплое время года». Этот параллелизм объясняется тем, что наибольшая активность пчел проявляется летом, и эта активность зрительно заметна у летка, куда вползают пчелы. Ассоциативная связь *лето* и «наибольшая летняя активность пчел у летка» способствует переносу слова *леток* на лето (сезон наибольшей активности пчел) с утратой конечного согласного –к (*леток* – *лето*).

Осень

Осень, диалектное *ясень*, украинское *осинь*, древнерусское *осень*, сербохорватское *jesen*, болгарское *есента*, словенское *jesen*, чешское, *jesen*, польское *jezien*. Родственно древнепрусскому *assans* «осень», готскому *asans* «жатва», древне-верхне-немецкому *agan* «урожай» [13, Т3: с. 150].

Сравнение слова *осень* с *сень* и *сънь* русского и старославянского языков, с болгарским *сянка* (тень), сербохорватским *sien* (тень), ниже-лужским *sen* (тень) свидетельствуют о том что *о-сень* воспринималась как менее светлое, менее яркое время года по отношению к лету: лето пошло *во сень* (пошло в тень) с последующим стяжением (*во сень* > *восень* > *осень*) и синкопой начального согласного.

Зима

Зима древнерусское *зима*, словенское *zima*, чешское и словацкое *zima*. Родственно латинскому *hiemis, hiems* «зима». Соотнесение с индоевропейским с *gheim* «зима» из *ghei* «лить» проблематично [13, Т2: с. 91].

Наше исследование семантики слова *зима* показывает, что его внутренняя форма – это «холодное время». Об этом свидетельствует сравнение морфологии слов со значениями «холодный» и «время», ср.: *зя-бнуть; время- вре-мен-и*. При закономерном чередовании «м/р» (мена/мера) логично **мен-зи-ливый* > *мерзливый*; **мензильный* > *мерзлый*. Таким образом, - в морфологии *зи-ма, зя-бнуть, мер-з-лый, мер-з-ливый* морфемы *зя, зи, з* связаны со значением «холодный». В таком случае справедливо: *зи-мен-ий* (холод –время) > *зимний* «хладовременной»; **зи- мен-а* (холод время) > **зима* > *зима* «холодное время».

Земля

Слово *земля* отмечена параллельными формами как внутри славянских, так и на уровне индоевропейского языкового сообщества: украинское и белорусское *земля*, древнерусское и старославянское *земль*, сербохорватское *земља*. Как единицы родственных языков на уровне индоевропейистики представлены литовское *zeme*, авестийское и древнеиндийское *zam* и др. Равным образом, зафиксированы старославянские **земень* и современные русские *наземь, оземь* [13, Т2, с. 93].

Наша реконструкция формальной и семантической истории вариантов слова *земля* проводится

на основе его латинского коррелята *-humus* и его дериватов *-при* закономерности фонетических звукосоответствий по И.М. Тронскому [11, с. 13-14], ср.: *humus-s*/литовское *zeme*; *humus locus* (земля место) > **humulu-s* / славянские: *земл-я*, сербохорватское *земль-а*; *humī/земь*. Современное русское *наземь* реконструируется при метатезе: *на-земь / земь-на* < **земень*/.

В семантическом аспекте компонент *зе-мл-я* от *зе-мел-я* (ср. *земельный*) соответствует семантике слова *мел*, древнерусское *мель*, старославянское *мель*, словенское *mel* «мел», диалектное *mīl* «землистый рухляк», польское *mīal* «пыль, порошок», литовское *molis* «глина», латышское *mols* «глина», которые предположительно возводятся к глаголам в значении *молоть* [13, Т2, с. 394]. Однако эти минералы существовали задолго до того, как человек научился выращивать злаки, а затем перерабатывать их. Полагаем, что общим для семантики названных слов должно быть «мягкий грунт», что коррелирует с латинским *humus locus* > **hu-mulu-s* > *humilis* (ср. *cadus putus* (настоящий кувшин) > *caput, sa-ri-tis* «голова»). Поэтому *-mulu-* > *mīli-*. Латинское *-mulu-* закономерно переходит в старославянское *мель* (зе-мель). Общим для перечисленных выше слов было значение «мягкий грунт», следовательно, «-мель» в морфологии старославянского слова *зе-мель* (земля) имеет значение «грунт» с уточнением его характеристики – «мягкий». Возможно, что первый слог в структуре *зе-мля* имеет значение «рыхлый»: латинскому *hu-* (с долгим *u*) соответствует русское *зы* – (зыбкий), но в нашем случае латинское *hu* (с кратким *u*) коррелирует с *зе-мля*.

Ячмень

Ячмень отмечен нижеследующими лексическими коррелятами в славянских языках: украинский *ячминь*, церковнославянский *ячьми*, которые восходят к праславянскому **йечьми*, родительный падеж *йечьмене*. Предполагается, что славянские лексические единицы являются производными от *ank-* «гнуть» потому, что спелые колосья ячменя гнутся, погибают. Кроме этого, слово (*ячмень*) сближается с греческим *окости*, но последнее скорее связывается с латинским *acus, aseris* «ость, мякина», готским *ahs* «колос». Связь с греческим *омпес* (пища, зерно) считается маловероятным, [13, Т4, с. 571-572].

Мы полагаем, что праславянское слово **ячьмене* мотивировано онтологией обозначаемого злака – его скороспелостью (ярче, быстрее изменяющийся) по отношению к другим злакам. На это указывает морфология этого слова, которая является композиционной семантикой прилагательного *яркий* в сравнительной степени и основы глагола *из-мени-ться* с соответствующими фонетическими изменениями, ср.: *яркий* > *ярки-е* > **ярчье ЯЧЬЕ* (*быстрее*) – *МЕНИ* (*изменение, рост*) > *ЯЧЬМЕНЬ*.

Литература

1. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots – Paris, 2001.
2. Robert, P. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise – Paris, 1977.
3. Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картины мира древних народов. 1. Индоевропейцы. 2. Семиты. 3. Тюрки. 4. Вайнахи и Дагестанцы. – Махачкала, 2019.
4. Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картины мира древних народов. Древняя Италия глазами италика – Махачкала, 2019.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4.–М., 1998.
6. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 2006.
7. Колесов В.В. История русского языка – М., 1987
8. Мифы народов мира. Т 1-2.М., 1989.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка – М., 1973
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.
11. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка – М., 1960.
12. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка – М., 2008.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1 - 4. – М., -2003.

**Прототип числа «один» в языках различных типологий
(на материале китайского, арабского, тюркских, нахско-дагестанских и
индоевропейского языков)**

Абдуллаев И.Ш., Учакаева М.А., Магомедов А.А.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье рассматривается концептуализация числа «один» в языках различных типологий, устанавливается первичная семантика слов, обозначающих число «один», и ассоциативные отношения, определяющие постоянное превращение первичного значения в категорию числа. На самом деле лингвистические переносы объясняются на основе экстралингвистических прототипов, которые являются мотивационной основой для названия «один». Установлено, что сущность числа «один» - быть первым в серии чисел - исторически проявлялась в разных обществах в разных формах.

Ключевые слова: историческая память слова, реконструкция, сравнение, сопоставление, концептуализация, первичная семантика, прототип, прототипная ситуация.

**The prototype of the number "one" in the languages of various typologies
(based on Chinese, Arabic, Turkic, Nakh-Dagestan and Indo-European languages)**

Abdullaev I.Sh., Uchakaeva M.A., Magomedov A.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article discusses the conceptualization of the number “one” in the languages of various typologies, establishes the primary semantics of the words denoting the number “one” and associative relations that determine the constant transformation of the primary meaning into the category of number. Actually, linguistic transpositions are explained based on extralinguistic prototypes, which are the motivational basis for the name “one”. It has been established that the essence of the number “one” - to be the first in a series of numbers – is historically appeared in different societies in various forms.

Keywords: historical memory of a word, reconstruction, comparison, juxtaposition, conceptualization, primary semantics, prototype, prototypical situation.

До последнего времени примарная семантика чисел оставалась предположительной. Считалось, что число «один», как правило, не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство [Мифы 1988, 2, :630].

Это предположение нашло свою аргументацию в следующих метафорических переносах, основанных на истории иероглифа «один», а именно: «Можно предположить, что значение «один», единица, появилась в данном иероглифическом комплексе как результат метонимического перехода: «кувшин с водой» - целый (цельный, неделимый). Объект - единица – один [Перфильева, ЦзяЦянь 1989: 146].

Реконструкцию истории числа «один» в китайском языке можно преподнести и на уровне словарной статьи уі [u]. Китайского-русского словаря. Последняя (словарная статья) как единица языка приводится следующим образом: уі [u]. 1) один; единица; первый; 2) ровный; одинаковый; 3) полный, весь, целиком; 4) как один; все вместе; 5) как только, стоит только. Остальные семантические единицы словарной статьи уі [u]. синтаксически обусловлены [К,Р,С.].

В рядууі (u) 1) «один, единица, первый»; 2) ровный одинаковый; 3) полный, весь целиком, первичным должно быть значение «весь, полный целиком»: это объясняется тем, что «полный, весь, целиком» - это то наименее простое физически осязаемое видимое, что можно пощупать. Дальнейшее развитие идет в направлении числа «один» к первому и основному значению в современной словарной рубрике.

3. «Полный, весь, целиком» (денотат) 2. «целостный» (денотат) единица, один, одинаковый. Однако в этом случае исходный артефакт «кувшин воды» как –единый, целостный, неделимый объект остается вне поле зрения, т.е. семантика числа один частично затемнена и не ассоциируется с кувшином воды.

Далее Н.В. Перфильева и ЦзяЦян утверждают: «в китайском языке внутренняя форма числового

иероглифа-это кувшин с водой, в русском – указательное местоимение [idem].

С первой частью этого утверждения можно согласиться (рисунок - иероглиф), а положение о том, что в русском языке внутренней форма числа «один» является указательное местоимение представляется сомнительным.

Дело в том, что экстралингвистическим прототипом числа «один» в русском языке более широко в индоевропейском праязыке явился денотат, лишенный атрибутов, голый денотат. В своих аргументациях мы ссылаемся на положения изложенные Абдулаевым и Гаджиалиевой: «В экстралингвистической реальности, предмет, лишённых своих атрибутов, остается один, без чего-либо. Эта прототипическая ситуация сохранилась в исторической памяти латинского глагола *nudere* 1) обнажать, раздевать; 2) обмолачивать (т.е. лишать зерна); 3) опустошать, разграблять (т.е. лишать кого-либо того, что у него было); 4) расшищать (лишать пространства от того, что на нем было) и т. д. Всего 8 ЛСВ сархи... «лишать».

Прилагательное «*nudus*» от глагола *nudere* 1) обнажать, раздевать, реконструируется в виде *de-nue – nudu* где *de* «денотат» (ср. *denotatus*), *ne* – отрицательная частица «лишение» отсутствие чего-либо. Значение вытекающее из *de –ne* – отсутствие чего-либо (на-денотате) – *nudu* «голый». Применительно к русскому языку имеем *de – ne* – (реконструкция по М.Фасмеру Т.3 1971) *nede – eden – edin – odin*. Применительно к латыни «*dene – dunu – unu (s)*, один; *dene–nu-du* – (голый) [Абдулаев, Гаджиалиева 2019:]. при справедливости звукосоответствий [Тронский 1960, 18, I]. Ассоциаций между лишенностью чего-либо, голостью, ощущается и в современном русском языке, ср.: голная соль – одна соль; голые стены – одни стены; латинское *nudus murus* – голая стена, *unimuri* – (одни стены) голые стены.

Целостность, неделимость лежит и в основе концептуализации числа «один» и в тюркских языках. Слово *bi-g<bi-gi* «один» является следствием композиционной семантики *bi – ne*, без (отрицательная частица) + *gi(>be) –gi* «сустороний». В комплексе *bi – без + gi* сторона дает исходное значение «без сторон.е «точка, неделимое с транспозицией в «целостное» ;> неделимое – одно [Абдуллаев, Гаджихамедов 2019: 125].

Согласно исследованию М.Г. Гаджиалиевой в арабском этносе числительное – *احد واحد* - «один» отразилось как предел бытия, существования (денотата). Аргументы приводимые М.Г. Гаджиалиевой сводятся к следующим:

- 1) семема «бытие» в структуре числительного - *وحد واحد* вербализовано первым слогом – *و* ср. *و(ج) و* "быть, существовать», иметься;
- 2) второй слог в морфологии *وحد* соответствует первому корневному слогу слева *ح(хha-dda)* «ограничивать», «ставить предел», *خا-гa-d-dun* «предел, конец», «край», также *хha-(jara)* «удерживание, сдерживание»; *хha-(jagun)* «ограждение», «ограда - барьер»;
- 3) финальный согласный – *d* в структуре (*wahi*) – *d* ассоциируется с семемой –*da*(*birun*) «последний». Таким образом, единение смыслов первых слогов *و+хhi+d* предел образует *wa-xhi-d* «один» [Гаджиалиева 2019:101].

Корень числительного «один» в нахско-дагестанских языках возводится к праформе «цо» и сближается с «зы» кабардинского языка в том же значении [СИЛДЯ, 231; Хайдаков, 113], например «цо» аварского, даргинского илакского, «цIа» ингушского, «са» лезгинского, «саб» табасаранского, «са» хиналугского, рутульского и цахурского языков [Комри, Халилов, 398]. Мотивационная база слова - «цо» «один» обнаруживается в хиналугском и будухском языках, где «са» - «один» коррелирует с прилагательным «са-ф» «чистый»; (без примесей). Ассоциативная связь последнего: «са-ф» «чистый» (без примесей) дает возможность реконструкцией: «са-ф «чистый» (без примесей) только –единственно – «са» - один. Применительно к «цо» аварского «цIа» ингушского, числа «ца» - «один» в другие дагестанские языки для сравнения приводится слово «а-ца-р» и «йан-цо» «чистый» удинского и бежтинского языков [Гаджиалиева, Абдуллаев, Магомедов 2019: I].

Таким образом экстралингвистическим прототипом числа «один» в нахско-дагестанских языках выступает, качество чистого, без примесей, одинарность денотата.

Сравнительно-сопоставительный анализ мотивационных баз числа «один» в китайском, индоевропейском, тюркском, семитском и нахско-дагестанском протосоциумах свидетельствует о различных признаках, качествах, легших в основу номинаций этой ментальной сущности, ср: в китайском языке «*уi*» (*и*) полный кувшин воды – целый, цельный кувшин – цельность – цельная единица – один;

- в индоевропейском языке *de-ne* -голый денотат – русские *eden* един – один;
- в тюркских языках прототипической базой номинации числа «один» явилась неделимость – целостность> один: (без *ne + gi*сторона > точка – один;
- в семитской этничности прототипом концептуализации ментальной сущности «один» являлось представление о пределе бытия денотата с транспозицией в предел существования денотата - один; в

нахско-дагестанской протокультуре мотивационной базой номинации числа «один» выступает представление о чистоте (без примесей) денотата: чистый – (без примесей) – один на уровне слова.

Непосредственная эксплицитная связь на уровне отдельного слова между мотивационной базой, ее концептуализацией и ее семантикой сохранилось только в китайском языке: «yi» (y) – один <«yi» (y) полный, целый. В остальных языках связь между числами «один» ее экстралингвистической базой и концептуализацией последнего утрачена. Поэтому, если наши спекуляции справедливы, то утверждение, что 1 означает, как правило, не [<только первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность – единство [Мифы ч. 2 1988: 630]. представляется справедливым отчасти. Однако цитируемое предположение требует, на наш взгляд, дополнения: целостность, единство в различных социумах, концептуализируется различно и на основе различных экстралингвистических прототипов.

Наши дальнейшие исследования дополнят, возможно, уже известные познания о категории числа в индоевропейском, китайском, семитологии, тюркологии и нахско-дагестанской лингвистике.

Литература

1. Абдуллаев И.Ш., Гаджихмедов Н.Э. Тюрки// Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картины мира древних народов. – Махачкала, 2019.
2. Гаджиалиева М.Г., Абдуллаев И.Ш., Магомедов А.А. «Международная научно-практическая конференция». Язык и литература в образовательном и культурном пространстве Юга России и Кавказ». Грозный 2018 г.
3. Гаджиалиева М.Г. Семиты// Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картины моно древних народов. 2019. С.50-124. Махачкала
4. Китайско-русский словарь. М. 1918.
5. Комри Б., Халилов М. Словарь языков диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг. - Махачкала. 2010.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 2; «Советская энциклопедия». 1988.
7. Перфильева Н.В., Цзя Цянь. Семантика числового иероглифа «один» в китайском языке. <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-chislovogo-ieroglifa-odin-v-kitayskom-vazyke-v-sopostavitelnom-aspekte-s-russkimi-leksemami-odin-i-edinita/viewer>.
8. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М. 1973.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка – 1, 3. М. 1971.
10. Ernout, A., Meillet, A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots. / Paris 2001/
11. Абдуллаев И.И. Индоевропейцы. // Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картины мира древних народов. Махачкала. 2019 – С. 5-56.

УДК 811.411.21

Метафора в отрицательной коннотации коранического текста

Магомедов А.А., Пайзулаев Р.П.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. Статья дает подробный обзор метафор в отрицательной коннотации текста Корана, который показывает нам картину мира в его исполнении Корана, показывает его специфику и особенность.

Ключевые слова: кораническая картина мира, негативный оттенок, коранический текст, день воскресения, идафа, образные сравнения, суры Корана, Судный день, писание, метафора, аяты Корана.

Metaphor in the negative connotation of the Quranic text

Magomedov A.A., Payzulaev R.P.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article gives a detailed overview of metaphors in the negative connotation of the Quranic text, which shows us a picture of the world in its Quranic performance, shows its specificity and peculiarity.

Keywords: Quranic picture of the world, negative connotation, Quranic text, Resurrection Day, idafa, figurative comparisons, Surahs of the Koran, Judgment Day, scripture, metaphor, ayats of the Koran.

Представляется интересным изучение метафоры на примере Корана, так как текст Священного мусульманского Писания изобилует их употреблением, и благодаря этому делает текст Корана ярким и выразительным. Образность выражений Корана показывает нам определенную картину мира в ее кораническом исполнении, показывает ее специфичность. Изучение метафор священного писания показывает нам всю красоту и богатство арабского языка и оригинальность и неповторимость текста Корана. В данной статье мы рассмотрим образные сравнения в Коране в отрицательной коннотации.

В суре (82:2) метафора несет отрицательную коннотацию [wa 'īza-l-kawakibi intaşarat]. وَإِذَا الْكُوكَبُ انْتَثَرَتْ «Небесные тела рассыпятся». Отрицательный смысл в том, что в данном случае идет описание Судного дня. Судный день в Исламе самый страшный день для грешников. У Эльмира Кулиева дается описание Судного дня: «Когда небо расколется, когда звезды падут и лишаться своей красоты, когда моря перельются и станут единым морем, когда будут опрокинуты могилы и усопшие в них мертвецы восстанут, чтобы предстать перед Аллахом на месте сбора для воздаяния за совершенные ими деяния, тогда откроется завеса тайны и тайное станет явным» [14, 82:2]. Описание ужасов Судного дня дает основание говорить, что данный аят несет отрицательную коннотацию. В этом аяте присутствует метафора, выраженная через намёк: небесные тела, сравниваются с ожерельем, у которого порвалась нить, и его жемчужины рассыпались.

В суре (2:7) дается образное сравнение وَعَلَىٰ أَبْصَارِهِمْ غِشَاوَةٌ [alā 'abṣārihim ġiṣāwatun]. «Аллах запечатал их сердца и слух, а на глазах у них - пелена, и уготовано им великое наказание». Оно несет отрицательную коннотацию, так как речь идет о неверующих. Их сердца, уши и глаза закрыты для веры, т.е. запечатаны и на их глазах их - покрывало. «На их глазах – покрывало, которое мешает им увидеть то, из чего они могут извлечь выгоду» [14, 2:7]. Данные метафорические сравнения очень красиво и ясно показывают негативное отношение Господа к неверующим.

В суре (5:31) убийца своего брата уподобляется ворону - مِثْلَ هَذَا الْغُرَابِ [miṣla haza l-ġurābi]. «уподобиться ворону». Это образное сравнение несет отрицательную коннотацию, так как в этом аяте продолжается рассказ о двух братьях, сыновьях адамовых. Каждый из сыновей принес жертву Аллаху, но Всевышний господь принял пожертвования только одного из них. Зависть охватила того из сыновей, жертва которого не была принята и он решил убить своего брата. Убийство относится к тяжким грехам и обрекает человека на наказание в преисподней, так как убийца взвалил на свои плечи бремя как своих грехов, так и грехов убитого им человека. «Этот аят рассказывает о первом захоронении мёртвого в человеческой истории и о том, что захоронение в земле было внушено на примере ворона. Мудрость захоронения мёртвого в земле заключается в том, чтобы не допустить распространения болезни. Предание тела земле - это также проявление почтения к усопшему» [20, 5:31]. После убийства своего брата он не знал, как ему поступить с его телом, потому что тот был первым из сынов Адама который скончался. Тогда Аллах послал к нему ворона, который начал разгребать землю, чтобы похоронит другого ворона. Он показал ему. Что делать с трупом брата. Таким образом человек уподобился ворону.

В суре (25:44) сравнение 'грешников' со 'скотами' усиливается последующей конструкцией со сравнительно-превосходной степенью إِنَّهُمْ إِلَّا كَالْأَنْعَامِ بَلْ هُمْ أَضَلُّ سَبِيلًا [hum 'ilia ka-l-'an'āmi bal hum 'aḍallu sabilan]. «Они - всего лишь подобие скотов. Более того, они - самые отклонившиеся от [прямого]. пути». В данном аяте образное сравнение также несет отрицательную коннотацию. Этот аят является продолжением суры, которая начинается с разъяснения непреходящей ценности Корана и всеобъемлющей власти ниспославшего его Аллаха над небесами и землёй. «Несмотря на величие Аллаха многобожники поклонялись идолам наравне с Аллахом, опровергая Коран и отрицая послание пророка Мухаммада» [20, 25:44]. Многобожники, не способны размышлять над истиной, поэтому они подобны пастбищному скоту, который понимает только крики своего хозяина. «Они находятся в еще большем неведении, чем скот, потому что животные слушаются своего пастуха и идут правильным путем» [14, 25:44]. В данном сравнении грешников со скотом проглядывается негативное отношение Аллаха к грешникам, в том смысле что они находятся в заблуждении и не способны следовать верным путем даже так как это делают стадные животные.

В суре (39:60) потемнение, почернение, помрачение лика/лица представляется как физическое состояние, явление сопровождающее тяжелое душевное состояние مُسْوَدَّةً وُجُوهُهُمْ [wujūhuhum muswaddatun]. «с почерневшими лицами (т. е. опозоренными)». В данном случае речь идет о грешниках в судный день и о том, что их ждет, и поэтому оно и несет отрицательную коннотацию. «Всевышний поведал о великом позоре, который ляжет на неверующих. Их лица будут совершенно черными, словно злоеший мрак ночи, и по этому признаку люди верующие будут узнавать неверующих на ристалище Судного дня» [14 39:60]. Таким образом, мы видим, что метафора использована как в прямом - черные

лица и так и в переносном смысле - тяжелое внутреннее состояние.

В суре (63:4) лицемеры сравниваются с бревнами *خُشْبٌ مُسَنَّدَةٌ* [hušubun musannadatur]. «Подобны прислоненным бревнам». Данная метафора выражена словосочетанием. Это образное сравнение несет отрицательную коннотацию, так как этот аят является продолжением суры о лицемерах неугодных Господу. «Они прикрываются своими ложными клятвами, словно щитом, избавляющим их от клейма неверия, которого они придерживаются, и от наказания за него. В суре также указывается, что их внешний вид приятный и привлекает внимание тех, кто смотрит на них; и они красноречивы - поэтому люди охотно слушают их речи. Вместе с тем, их сердца пусты без веры и безжизненны, будто бревна, поставленные у стенки» [20, 63:4]. Отрицательность смысла этой метафоры в том, что от лицемеров нет никакой пользы, а лишь один только вред.

Образные сравнения, в которых образ выражен при помощи идафы, нередко содержат эсхатологические мотивы, описания наказания грешников и т.п. Например в (21:104) *يَوْمَ نَطْوِي السَّمَاءَ كَطَيِّ السِّجِلِ لِلْكَتُوبِ* [yawma natwī s-samā'a ka-ṭayī s-sijilli li-l-kutubi]. «В этот день Мы свернем небо, как сворачивают свитки с письменами». Данный аят является продолжением повествования о судном дне - его описания. В данном аяте использована очень своеобразная и красивая метафора, а именно сворачивание неба как свитка. «Всевышний поведал о том, что в День Воскресения Он свернет величественное и огромное небо, подобно тому, как писарь сворачивает свитки с письменами. И тогда звезды осыплются, а солнце и луна будут скручены и покинут свои места» [14, 21:104]. Это сравнение является устрашающим высказыванием, так как дает представление о всем ужасе и необратимости Дня Воскресения. Эта метафора также показывает всемогущество Господа и это должно явиться доказательством для неверующих.

В суре (37:65) плоды адского дерева закум сравниваются с головами шайтанов *طَلْعُهَا كَأَنَّهُ رُؤُوسُ الشَّيَاطِينِ* [tal'uhā ka-'annah ru'ūsū š-šayātini]. «Плоды его - словно головы шайтанов». Данная метафора также несет отрицательный смысл, так как она является продолжением описания ужасов ада, а именно дерева закум. Оно растет в самой середине ада, и его корни берут начало из адских недр. Это самое скверное и отвратительное дерево. Именно поэтому в описании его плодов использована такая метафора как головы шайтанов. Плоды, растущие на ветвях этого дерева, - уродливые, страшные и отвратительные. Они подобны головам шайтана, которых люди не видели, но надеялись на их заступничество и воображали их страшный вид. «Если они имеют такой скверный вид, то нет необходимости говорить об их мерзком вкусе и о том, что будет происходить в животах адских мучеников. Они не смогут избежать наказания - у них просто не будет другого выбора» [14, 37:65].

В суре (16:77) быстрая наступления Судного дня сравнивается с мгновением ока *كَلِمَحِ الْبَصَرِ أَوْ هُوَ أَقْرَبُ* [ka-(fi) lamḥi l-baṣari 'aw huwa 'aqrabu]. «Судный час настанет в мгновение ока или даже быстрее»; см. также (54:50). Опять таки, метафора несет отрицательную коннотацию, так как речь идет о Судном дне. Только всевышний знает когда наступит великий День Воскресения, он и только он ведает об этом. «Никто не ведает о том, когда пробьет судный час, кроме Аллаха. А когда это произойдет, людям покажется, что судный час наступил в мгновение ока или даже быстрее» [14, 16:77].

В арабской классической науке о красноречии многими учеными выделялся разряд сравнений, с использованием формы винительного падежа именуемых «подтвержденное сравнение» (*ташбух му'аккад*). Например: в (56:55) *فَسَارِبُونَ شُرْبَ الْهَيْمِ* [fa-šāribūna šurba l-himi]. «и будете пить, как пьют истомленные жаждой». Данное образное сравнение также несет отрицательную коннотацию, так как здесь опять таки идет речь о Дне Воскресения, и из-за этого данный аят может иметь только отрицательный контекст. Питье в аду отвратительно и невыносимо, оно подобно расплавленному металлу или осадку растительного масла. «А что касается питья в огненной Геенне, то это - самое скверное питье, которым мученики запивают отвратительные адские плоды. Это - кипяток, который будет вскипать и клокотать во чреве грешников, но, несмотря на это, они будут жадно поглощать его, подобно больным, истомленным жаждой верблюдам» [14, 46:55].

Такого же рода подтвержденное сравнение мы видим в (27:88) *وَنَرَى الْجِبَالَ تَحْسِبُهَا جَمَادَةً وَهِيَ تَمُرُّ مَرَّ السَّحَابِ* [wa tarā -jjibāla taḥsabuhā jāmidatan wa hiyā tamurru marra s-saḥābi]. «И ты увидишь, что горы, которые ты считал неколебимыми, движутся, словно [легкие]. облака». Оно также несет отрицательный контекст и также повествует о Судном Дне как и прежний пример из Корана.

В суре (13:14) неверные сравниваются с теми кто пытается напиться воды с растопыренными ладонями. *كَبَابِطٍ كَفَّيْهِ إِلَى الْمَاءِ لِيَبْلُغَ فَاهُ* [kabāsiṭi kaffaihi illā-l-mā 'l liyablaḡu fāhu]. «Ведь они подобны тому, кто пытается зачерпнуть растопыренными ладонями воды, чтобы напиться». Образ сравнения здесь включает в себя придаточное цели.

В суре (3:119) состояние злобы сравнивается с кусанием кончиков пальцев. *عَضُوا عَلَيْكُمُ الْأَئْمَامُ مِنْ*

الْعَيْظُ [‘aḍḍū ‘alaykumu l-‘anāmila mina l-ḡayzi]. «кусают пальцы от злобы к вам». Данное образное сравнение несет отрицательную коннотацию, так как речь идет о неверующих и лицемерах. А как мы наблюдаем в Коране остро негативное отношение к грешникам, тому свидетельствуют вышеприведенные аяты. У Кулиева дано подтверждение этому «Когда же они остаются наедине со своими единомышленниками, то кусают кончики пальцев от неистовой злобы и ненависти к вам и вашей религии» [14, 3:119]. Данное образное сравнение представляет собой фразеосочетание типа глагол + имя в винительном падеже.

В суре (49:12) злословие уподобляется употреблению в пищу мяса мертвого человека. يَأْكُلُ لَحْمًا [‘akala laḥmahu]. «ест мясо кого-либо». В данном контексте образное сравнение несет отрицательный смысл, так как речь идет о злословии и наговорах, которые порицаются исламом. «Аллах запретил мусульманам плохо говорить о своих братьях, подозрения, лишённые основания, и дурные мысли о каком-либо человеке неразрывно связаны с греховными речами и поступками» [14, 49:12]. Поэтому Аллах уподобил человека, который злословит за спиной своего брата, тому, кто ест мясо своего брата, подчеркивая, насколько отвратителен подобный поступок. Данное фразеосочетание также представляет собой тип глагол + имя в винительном падеже.

Таковы фрагменты коранического текста в отрицательной коннотации, которые являются частью всей культурологии Корана. Было бы крайне интересным изучение не только отдельных его фрагментов, но и всей метафорической коранической картины мира, чему, возможно, мы посвятим наше дальнейшее изыскание.

Литература

1. Аль-Мунтахаб Тафсир Аль-Коран, Каир, 2000г.
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной арабской лингвистики, 1966г.
3. Арутюнова Н.Д. Неологическая метафора /Теория метафоры, М., 2005
4. Ахузянов Э.Н. Общее языкознание, Казань 1981.
5. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь, М., 1989
6. Белкин В.Н. Арабская лексикология, М., 1975
7. Березин Ф.М., Головин Б.Н. – Общее языкознание М., 1979
8. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку, Издание 5, 2004г.
9. Виноградов В.В. Общее языкознание, М., 1974
10. Климович Л. Книга о Коране его происхождении и мифологии, 1986г.
11. Крушевский Н.В. Избранные труды по языкознанию, М., 1988г.
12. Кулиев Э. Толкование священного Корана, Смысловый перевод Корана на русский язык с комментариями Абд ар-Рахмана ас-Саади, М., 2008г.
13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику, М., 2008г.
14. Павиленис Р.Й. Проблема смысла. Логико-функциональный анализ языка, М., 1983.
15. Серебренников Б.А. Общее языкознание, М. 1970г.
16. Ушаков В.Д. Фразеология Корана 1996г.
17. وزارة الاوقاف المجلس الاعلى للشؤون الاسلامية. المنتخب في تفسير القرآن الكريم. القاهرة 1984

УДК 821.35

Легенды и мифы фольклора народов Дагестана

Курбанова Э.О., Абдурахманова Х.С.

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Аннотация. Авторы статьи рассматривают некоторые вопросы «обогащения» дагестанского фольклора путем искусственного приписывания им текстов. Они пытаются оценить народные песни с позиции современности.

Ключевые слова: фольклор, Парту Патима, Хохбар, поэма, герой, горцы.

Legends and Myths of Dagestan Peoples' Folklore

E.O. Kurbanova elmira896341@mail.ru

Kh.S Abdurakhmanova khadidjarowe@gmail.ru

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Annotation. The authors of the article considers some issues of the "enrichment" of the Dagestan folklore by artificially attributing texts to them. They attempt to assess the folk songs from the position of modernity.

Keywords: folklore, Partu Patima, Khochbar, poem, hero, mountaineers.

In recent decades, there has been an intensive study of the rich folklore heritage of the mountaineers and Dagestan literature. There is no doubt that future generations of Dagestanis will receive a reliable idea of the antiquity, wealth and originality of the artistic thinking of our ancestors, embodied in articles, dissertations and monographs of modern researchers.

However, the positive work of prospectors is partially crossed out by some works saturated with dubious coaching of the conjunctural plan both in folklore texts and in authors' works.

The problem of artificially increasing poems in the literature of Dagestan at the expense of folklore texts is very acute, especially after censorship disappeared in the early 90s and anyone could issue anything by self-publishing. Almost all the literature of the peoples of Dagestan is infected with this disease. About fifteen years ago, during the defense of the dissertation on Lezgin literature, a unique question was raised. Its author was the writer and professor Ibrahim Kerimovich Kerimov, who asked the applicant with humor: "Comrades, here we have found 60 poems from our Irchi Kazak, and you have already found 120 from your Etim Emin! Maybe you still found a bit too much?" There was no convincing answer to the question.

There was the meeting of M. M. Kurbanov in 1968 of the last century with the oldest publisher of Tabasaran literature and the poet Abumuslim Jafarov, about whose poetry he wrote his diploma thesis. The writer said, that in the early 30s of the twentieth century, when old people were forced to sit at the desks to learn to read and write in "Latin", "we, workers of "Dag-giz", were invited to the regional committee to go to the mountains and record the works of Dagestan authors and compose the first anthologies. However, after the expedition, the anthologies in native languages, with translations of children's stories and poems by foreign-language writers, turned out to be unsuccessful, since they contained less than half of the national texts. Then the workers of the regional committee, scolding us for the poor collection of copyright texts, resent us to the people. The representative of each of the written languages "tried" and even "overdid" more to attribute folklore texts to the work of national poets. So the first anthologies were created."

If in the 20-30 years of the twentieth century there were new works of pre-revolutionary poets, recorded in previously unexplored pre-revolutionary sources, or were recorded from new informants, this could be explained, since there were elders, remembering Etim Emin, Omarla Batyray, Irchi Kazak, Mahmud and etc. However, the "revival" of pre-revolutionary poetry came in the 90s (that is, after 60 years), when all state control over publications disappeared and self-publishing flourished without tough reviewers, opponents and government publishers. Here, new pre-revolutionary sheikhs, Dagestan thinkers, philosophers, poets and others appeared with their portraits in astrakhan hats, as if they had their photos. Probably, artists did a good job of popularizing the newly-born figures of religion and culture, depicting their fantasies on canvases, not knowing that not every Dagestan could buy an expensive astrakhan pope. This causes a fair bewilderment for most philologists and historians. Unfortunately, then and now, any rich person can publish anything for his money. Such a "revival" of the Dagestan art is not so much enriching our cultural and historical past as it is raising the level of doubt about the reliability of the "new" works.

Our long-term observations of the scientific publications of our colleagues led to the identification of a number of distortions among both folklorists and literary scholars. Some lovers of national literatures are not shy ascribing folk texts to little-known authors, and authors' compositions to oral folk art. This is especially true of some pre-revolutionary poets. Apparently, such "prospectors" hope to enrich their literature at the expense of folklore. However, neither literature nor folklore of the Dagestanis need artificial "enrichment". This is our national treasure and not very poor. This problem in literary was touched upon a long time ago, but it was especially professionally resolved in Lak literature by S. Kh. Akhmedov when he thoroughly studied the epic poem "Partu Patima".

The poem “Partu Patima”, composed by a little-known author for the Dagestan reader, G. Murkelinsky based on the legends about disguised girls warriors, widely known in world folklore, is full of no less popular “wandering plots” and motives from epics and fairy tales of the peoples of the world, typologically created. A similar plot is found in the Tabasaran legend “Maiden Fortress” (“The Passage, where the Beauty Died”), which states that the Shah of Persia, Yezidar (Izdigard), conquering the fortress at the mouth of the Rubas River in the 5th century, destroyed part of the Tabasaran army with the brothers heroes. Then their sister put on the clothes of her younger brother and led the defense of the fortress. However, by the end of the seventh day, she, unconscious, fell off her horse. When the enemies surrounded the leader of the mountaineers, they were horrified by what they saw - a beautiful girl fought with them [4. P. 52].

Folk characters are not quite like literary characters. They are a product of the fiction of the people in a certain period of their mentality. Naturally, the sympathies of an ethnos sometimes prevail over the problems of accepting or rejecting them in retrospective perception through the prism of modernity. Is it worth it to evaluate them, as before, or take a fresh look at them in the 21st century? These questions should concern every Dagestan, especially the teacher. Indeed, today is a different time, there must be other assessments of some literary characters, since the power of the influence of literature and cinema on the younger generation is huge.

So, undoubtedly, the unique historical song of the Avar people “Khochbar” translated by E. Kapiev is studied in all schools of Dagestan. The idealized hero is bold and courageous. The people's favorite and defender of the, mountaineers takes revenge on the cruel Avar Khan: “*He walked around the crowd three times in a circle, He easily approached the children, And grabbing both of them in the dance, He rushed into the boiling fire with them*” [1. P. 13]. Everything looks fine...

However, this is only at first sight. But how should we evaluate a national hero today? How do schoolchildren perceive him, with a weak psyche and an assessment of “good and evil”, mercy and cruelty, towards *nutsal* children? If Khochbar threw himself into the fire with the Khan himself, then we would have applauded him standing. However, children, innocent! Moreover, why did they suffer from such terrible punishment? Is it their fault that they were born from the cruel *nutsal*? And here the main question arises, which emerges from all this: who can guarantee that some of the Dagestan schoolchildren will not have a monstrous thought rooted forever in the subconscious level: “If someone's father is a scoundrel, a bloodthirsty and cruel despot, then you can safely take revenge on him, killing his innocent babies ?!” According to the ethnic representation of the Middle Ages, this may have been true, but times have changed, and estimates should be slightly different ...

There are many similar examples in history and literature when despotic parents gave birth to great and very useful to society children. Schoolchildren of the middle classes are mainly maximalists. For them, the hero is either positive, or he is an anti-hero. They are not able to evaluate other definitions and arguments, adequately comprehend events in the time perspective of the corresponding period of development of an ethnic group. Therefore, it would be more reasonable to exclude the undoubtedly talented folk song “Khochbar” from school reading books, and keep it in university programs, where students who have reached a sufficiently high level of thinking and preparation could give a modern adequate assessment to the time when the work was created and to the national hero.

In 1975, R. Gamzatov's poem “The Legend of Khochbar, *Uzden* from the village of Gidatl, Kazi-Kumukh Khan, Khunzakh Nutsal and his daughter Saadat” [3], based on a song about the famous *abrek*, was published. It differs fundamentally from the popular version of Khochbar. In the poem, the wise poet, assessing the deed of a tragic hero, depicted in the poem not the kids of the *khan*, but the evil son Ulan, who mocked the guest during his dance, humiliating his dignity. Then Khochbar grabs him and jumps with him into a blazing bonfire. The poet understood that today it was not the half-wild Middle Ages with its history and the corresponding mentality of the, mountaineers, when one mountain community was engaged in robberies, attacked another, stealing cattle or abducting women, and this was considered a completely gambling phenomenon.

We can only hope that someday literary scholars and folklorists of Dagestan, in order to streamline the cultural heritage of our ancestors, will unite and make a reasonable decision to clear folklore texts of their works, and no one will try to attribute folk creations to unknown or popular authors in the future.

References

1. Antologiya dagestanskoy poezii [Anthology of Dagestan poetry]. Vol. I. Comp. K. I. Abukov and others. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1980. (In Russian).
2. Akhmedov S. Kh. Epicheskaya poema «Partu Patima»: problema zhanra i avtora [Epic poem "Partu Patima": the problem of genre and author]. Ed. 2. Makhachkala, 2009. (In Russian).

3. Gamzatov R. Skazanie o Khochbare, uzdene iz aula Gidatl', o kazi-kumukhskom khane, okhunzakhskom Nutsale i ego docheri Saadat [Legend of Khochbar, uzden from the aul of Gidatl, Kazi-Kumukh Khan, Khunzakh Nutsal and his daughter Saadat]. Tales. Moscow, 1975. (In Russian).
4. Tabasaran v mifakh, predaniyakh, leg- endakh i pritchakh [Tabasaran in myths, fables, legends and parables]. Comp., foreword. and comm. by M. M. Kurbanov. Makhachkala, 2007. (In Russian).

УДК 81-26

**Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие детей в контексте
поликультурного общества**

Курбанова Э. О.

**Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация
elmira896341@mail.ru**

Аннотация. В статье раскрываются позиции отечественных и зарубежных ученых по вопросу о влиянии двуязычия на интеллектуальное развитие интеллектуальных детей. В статье анализируется влияние билингвизма на интеллектуальное развитие личности, относящееся к различным периодам. Основным выводом статьи является утверждение, что билингвизм положительно влияет на интеллектуальное развитие учащихся, если учебный процесс организован с учетом особенностей билингвальных детей.

Ключевые слова: двуязычие, интеллектуальное развитие, двуязычные школьники, двуязычное образование, умственные способности.

**The influence of bilingualism on children's intellectual development in the
context of multicultural society**

Kurbanova E. O.

**Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation
elmira896341@mail.ru**

Abstract. The article reveals the positions of domestic and foreign scientists on the issue of the impact of bilingualism on the intellectual children's intellectual development. The article analyzes the impact of bilingualism on the intellectual development of the individual, relating to the different periods. The main conclusion of the article is the assertion that bilingualism positively affects the intellectual development of students, if the educational process is organized taking into account the characteristics of bilingual children.

Keywords: bilingualism, intellectual development, bilingual schoolchildren, bilingual education, mental abilities.

One of the main aspects of the study of bilingualism concerns the direct practice of empirical and theoretical study of the cognitive activity of bilingualism. For a long time, the question of whether bilingualism is an advantage or a disadvantage has remained relevant. However, children's speech and cognitive ontogenesis occurring in a bilingual environment, bilingual learning or upbringing, raises many questions, first of all in the context of the relationship between bilingualism and thinking, such as: if learning of the second language have any negative or inhibitory effect on the development of the first language; whether bilingualism leads to the fact that in the end there is no full development of not only the second, but also the first language, whether learning of two language systems affect the general mental development of the child, etc.

For the first time, the question of the influence of bilingualism on the intellectual development of a child was raised by the representative of the school of associative psychology I. Epstein (1915). In the history of the study of this issue, three periods are distinguished. The first and earliest is the period of negative results presented by a number of studies of American linguists of the twenties. Thinking, in the understanding of I. Epstein, is an association between ideas and words. A direct association between the idea and a foreign word is possible. But knowledge of one language, in the opinion of I. Epstein, interferes with the study of other languages. Thus, according to I. Epstein, bilingualism is an obstacle to the formation of ideas and their transmission [4, p.12].

The development of this issue had not only theoretical, but also great practical importance, since the problems of bilingual education were becoming increasingly relevant. In 1928, the International Bureau of Education organized the second international conference of educators in Luxembourg to examine the impact of bilingualism on the intellectual and personal development of students. The discussion at the seminar was based mainly on the work of Saer and his staff, who, as a result of many years of research, proved that bilingual students had weaker results in school education and tests of mental development than their monolingual peers. The use of the IQ test (intellectual coefficient), aimed at assessing the intelligence of a group of monolingual and bilingual children gave results indicating the indisputable advantage of monolinguals (Saer 1922; 1923; 1924). Having examined these and other results, most of the participants in the Luxembourg conference decided that teaching in a language other than their native is harmful to mental development and personal development, and therefore, it was recommended to postpone the learning of the second language as far as possible.

This opinion remained dominant until the mid-twentieth century. However, in a few studies conclusions were drawn about the imperfection of the previously applied methods. As a result of these studies, the conclusion was about almost equivalent state of mental and speech development of bi- and monolingual subjects.

The categorical conclusions of I. Epstein about the dangers of bilingualism in the spiritual development of an individual contradicted a linguistic description of the development of children in bilingual families (Ronja; Pavlovich; Leopold). It was shown that in such families children learn speech in two languages at the same time and they had normal mental development [2, p.24].

D.T. Sperl (1944) found that bilingual college students in mental development do not differ from monolingual ones; moreover, in the professional field they surpass them slightly, and in scientific work - significantly. Bilingualism can both enrich and impoverish the linguistic and intellectual spheres of a child. W. Lambert showed that when comparing monolingual with equivalent bilingual students with a similar sociocultural level, bilingual students show a clear superiority in tests of mental development over monolingual ones, especially in tasks requiring original thinking and mental flexibility. The Balkan and a number of other researchers came to similar conclusions

M. Siguan and W.F. Mackey linked the differences in the results of Saer and W. Lambert with the difference in the socio-cultural level of the individuals. The bilinguals researched by Saer belonged to a lower social level than the monolingual children with whom they were compared. On the contrary, subjects W. Lambert and the Balkan had the same sociocultural level. Undoubtedly, this comparison does not allow us to draw unambiguous conclusions. There is a doubt in the correctness of the conclusions about the influence of bilingualism on intellectual development, the fact that differences in the level of intelligence of the experimental and control groups can be caused not by bilingualism and the sociocultural level, but by other reasons. In general, M. Siguan and U.F. Mackey comes to the conclusion that it is impossible to give an absolute answer to the question of whether a bilingual education positively or negatively affects the student's development, and that this depends on many factors, such as students' abilities, educational opportunities of educational institutions, socioeconomic and cultural levels of the population [1, p.12].

So, at a time when it was believed that bilingualism has a negative effect on the intelligence of children, in a study published in 1935, L.S. Vygotsky writes the completely opposite thesis - the influence of multilingualism on thinking and the level of human development can only be positive. As one of the aspects of positive influence, the author sees that the ability to express one thought in several languages also gives the child the opportunity to see his language as one particular system among many others, which leads to special consciousness in his linguistic operations [3, p.23]. In 1962, the theses of L.S. Vygotsky and published in the book "Thought and Language" [3, p.12]. had a direct impact on a number of important studies in Canada, Germany and France related to the "positive" period of the scientific assessment of the impact of bilingualism on the mental development.

The "positive period" is associated with the names of Canadian researchers W. Lambert and E. Paul. The research of a large group of tested schoolchildren in Montreal led the authors to the following conclusions:

1. Bilingual children , according to the results of verbal and non-verbal tests, have the higher level of intellectual development than their monolingual peers.

2. Bilinguals have the superiority of plasticity of thinking and a creative approach to the work .

3. Bilingual children have a large number of separate or independent mental abilities that give them an advantage over monolinguals in the variety and flexibility of approaches to solving problems posed by tests [2, p. 8].

After the research of E. Paul and W. Lambert, a number of works were published confirming the positive impact of bilingualism on the mental development of the child. Researchers from different countries with different language combinations have clarified and detailed the many aspects of bilingual cognitive excellence. Among these aspects were called: the “sensitivity” of the bilingual to the semantic relationship between words , the ability to make generalized conclusions , the ability to solve problems associated with verbal transformation and replacement , the ability to use complex analytical strategies to solve non-verbal problems .

Summarizing the conclusions of the researchers, it can be noted that the main features of the benefits of bilingual children are a kind of "flexibility" of thinking, skill and a creative approach to working with information at different levels.

Studies of the problem of the influence of bilingualism on the intellectual development of children have confirmed the importance of the level of bilingual language proficiency. In the learning process, the following features of the formation of a bilingual personality are especially important:

1) Spontaneous bilingualism leads to the mastering of the second language incompletely and incorrectly and not only the second, but also first language.

2) Great importance in the formation of linguistic competence and full knowledge of several languages belongs to school. In the learning process, the student masters the skills of the correct use of languages, gets the opportunity to compare them, which is of great importance.

4) The reason of “semibilingualism” is not bilingualism , but the low cultural level and the low level of education and teaching.

5) Mastering the Russian language by non-Russians is impossible or extremely difficult, without knowledge of the mother tongue [5, p.17].

Scientists , continuing to study the interaction of bilingualism and thinking, set out to identify the conditions under which a bilingual environment (learning) has a positive effect on the speech-mental development of a child’s personality. The combination of functional competencies within one language system and the conditions for their interaction with another become key in this formulation of the question. So, Cummins distinguishes two aspects of linguistic competence, introducing two new terms into scientific circulation - “BICS” (basic interpersonal communicative skills) - basic communicative skills of everyday communication and “CALP” (cognitive academic language proficiency) - cognitive-academic language competence, which necessary outside everyday communication situations. Basic linguistic knowledge (grammar, pronunciation and vocabulary) is also located on the “visible part of the iceberg”, and below are difficult to measure knowledge of the semantic and functional means of the language [6, p.29].

In addition to dividing linguistic competence into BICS and CALP, Cummins believes that some communicative tasks are not cognitively difficult, especially if they are accompanied by non-verbal means of communication or a verbal context that creates a kind of situational cliché. Other situations, however, may be “decontextualized” and thereby present a large cognitive load for the participants in communication. For example, the simplest communicative situations when making purchases in a store or ordering a hotel room are characterized by a specific contextual standard, do not pose any serious cognitive tasks for their participants and, therefore, remain within the scope of BICS competence. And, on the contrary, the intensive flow of educational information during school hours requires a high level of cognitive competence (CALP) for assimilation, since such information is characterized by abstract content, i.e. lack of contextual support. Based on this, a necessary premise for the successful mastering of school educational material is that the student has a sufficiently developed competence of CALP.

Studying the degree of linguistic competence and the level of relationship between the first and second bilingual languages, Cummins suggested that the level of competence of a second language that a child achieves depends on the degree of development of his first language (Cummins, 1979). As a result of this, a kind of transfer of cognitive structures from the first to the second language takes place.

In our opinion, agreeing with the above conclusions, one of the dominant conditions for the positive impact of bilingualism on the mental abilities of students is the construction of a purposefully developing learning system in two languages - native and non-native. In this case, first of all, the indicated sequence is

required, and secondly, the involvement and activation in the learning process of symbolic codes of the first and second languages.

References

1. Avrorin V.A. Bilingualism and school // Problems of bilingualism and multilingualism. М.: Nauka, 1972. P. 49-62.
2. Vereshchagin E.M. Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism). М.: Publishing house of Moscow State University, 1969. 160 s.
3. Vygotsky L.S. Mental development of children in the learning process. М.: Nauka, 1935. 134 s.
4. Bilingualism and mutual influence of languages / Отв. ed. M.M. Mikhailov. Cheboksary: Publishing House of ChSU, 1990. 107 p.
5. Dyachkov M.V. Problems of bilingualism (multilingualism) and education. М.: Institute of National Problems of the Ministry of Defense of the RSFSR, 1991. 104 p.
6. Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or not: The education of minorities. Clevedon: Multilingual Matters 7. 1983.

УДК 811.411.21

Фразеологическое пространство соматизма لسان «язык» в арабском языке

Омаров А.А.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

arturorient@mai.ru

Абстрактный. В статье рассматривается семантическое развитие соматизма "انسان" в литературном арабском языке. Установлен количественный состав фразеологического поля этого соматизма, тематическое распределение, концептуализация номинированных психических образований, связь между производящей основой как лингвистической единицей и контекстуально определенными в фразеологических единицах производными значениями.

Ключевые слова: фразеологизм, композиционная семантика, концептуализация, этническое сознание, ассоциативная связь, вербализация, арабский язык.

Phraseological space somatism لسان "language" in Arabic

Omarov A.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

arturorient@mai.ru

Abstract. The article deals with the semantic development of somatism "اللسان" in the literary Arabic language. The quantitative composition of the phraseological field of this somatism, the thematic distribution, the conceptualization of the nominated mental entities, the relationship between the producing basis as a linguistic unit and the contextually determined in phraseological units derived meanings are established.

Key words: phraseological unit, compositional semantics, conceptualization, ethnic consciousness, associative connection, verbalization, Arabic language.

Общеизвестно, что лингвокультурологические и концептуальные изыскания стали нормой в европейском языкознании. Затронутая область современного языкознания все больше и больше привлекает и материалы арабского языка. Причем исследования проводятся, как правило, с позиций современного европейского языкознания.

Концептуальные и лингвокультурологические исследования арабского языка проводятся на различных уровнях и материалах. Чаще всего отмечены этнолингвистические изыскания в статьях и реже диссертационных исследованиях в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале арабского и дагестанских языков.

Собственно этнолингвистика арабского языка в плане культурологии анализируется чаще всего на уровне фразеологических единиц [3, 5, 4, 1, 6 и др.].

Соматизм لسان «язык» будучи прототипом языка-средства общения может осветить многие аспекты этнической культуры.

Цель нашей статьи – определение роли языка (анатомического) с транспозицией в язык (коммуникативный) в концептуализации арабской культуры.

Обращение к лексикографическим справочникам арабского языка позволило нам выделить 37 устойчивых сочетаний сов с компонентом لسان «язык».

Большая часть устойчивых выражений соотносима с ментальной сущностью «речевая коммуникация», что вполне логично имея в виду метонимию لسان «язык (анатомический)» → لسان «язык (речь, средство коммуникации)».

В структуре фразеологизмов со значением «острый язык» в переводном эквиваленте языку анатомическому приписываются по метафоре различные признаки флоры, причиняющей физическую боль, ср.: لاذع اللسان – «острый на язык» [7, с. 531], букв. «со жгучим, острым, колким языком». В приведенном фразеологизме «жгучесть, острота, колкость», присущие различным объектам экстралингвистической реальности, по метафоре переносятся на لسان «язык (анатомический)». Эти физические качества, перенесенные на язык, транспонируются в качества морально-этические.

Метафорическая острота языка в сознании арабов представляется и в буквальном смысле как острый язык, ср.: حادّ اللسان – «острый на язык» [7, с. 531], букв. «с острым языком».

Острый на язык человек в арабской этничности воспринимается и как человек с находчивым, язвительным языком, ср.: سليلّ اللسان – «острый на язык» [7, с. 531], букв. «с находчивым, язвительным языком».

Показателем дерзости может выступать физиология языка, его виртуальная длина, ср.: طويل اللسان – «дерзкий на язык» [2, с. 720], букв. «с длинным языком».

Во фразеологическом пространстве семемы язык (анатомический) отмечен фразеологизм с положительной коннотацией: в сознании араба красноречие ассоциируется с «веселым языком», ср.: طلقّ اللسان – «красноречивый» [2, с. 720], букв. «с веселым языком».

Словоохотливый человек для араба представляется как человек «с отправляющимся, пускающим в путь языком», ср.: منطلق اللسان – «словоохотливый» [2, с. 720], букв. «с отправляющимся, пускающим в путь языком».

В рубрике «речевая коммуникация» словоохотливость концептуализируется и с отрицательной коннотацией. В этом случае болтливый человек в сознании арабов «бьет языком», ср.: ضرب باللسان – «болтать языком» [2, с. 720], букв. «бить, ударять языком».

Язык болтуна вызывает представление о коне со свободно отпущенной уздой, что вполне логично для кочевого социума, где конь являлся одним из основных средств передвижения, ср.: أطلق للسانه – «дать волю языку» [7, с. 87], букв. «освободить, отпустить повод, узду своего языка».

Когда арабы дают волю языку они его столь же метафорически «освобождают, отпускают», ср.: أطلق لسانه – «давать волю языку» [7, с. 87], букв. «освободить, отпустить язык».

В единичных случаях язык выступает в функции свидетеля. Это качество языка ассоциируется со сценарием взятия (сведений) с языка, ср.: أخذ عن ألسنتهم – «услышать непосредственно из их уст» [2, с. 720], букв. «взять с их языков».

Сплетники в арабской ментальности представляются в образе длинных языков, ср.: الألسنة الطويلة – «сплетники» [2, с. 720], букв. «длинные языки».

Двуличный человек у араба вызывает ассоциации с человеком, обладающим двумя языками, ср.: ذو لسانين – «двуличный» [2, с. 720], букв. «обладающий двумя языками, обладатель двух языков».

Тот, о котором идет молва, метафорически «вращается, кружится на языках людей», ср.: دار على الناس – «быть у всех на устах» [2, с. 720], букв. «вращаться, кружиться (иметь обращение, быть в ходу) на языках людей».

Виртуальное пребывание араба «на каждом языке и на каждой губе» воспринимается как ментальная сущность «быть у всех на устах», ср.: أصبح على كلّ لسان وشفة – «быть у всех на устах» [2, с. 720], букв. «оказаться (быть) на каждом языке и каждой губе».

Способ коммуникации посредством инструмента коммуникации – языка, номинируется по

смежности «языком → речью», т. е. устно, ср.: باللسان – «устно» [2, с. 720], букв. «языком».

Микрополе «коммуникативные затруднения» в составе фразеологического пространства соматизма لسان «язык» представлено следующими устойчивыми сочетаниями слов. Во всех случаях номинации фразеологических значений семема لسان «язык» подвергается механическому воздействию. Это основной принцип концептуализации производных контекстуальных семем. Причем механическое воздействие на язык реализуется в разнообразных ипостасях.

Отсутствие желания говорить реализуется в образе того, что: язык метафорически держат, хватают, ср.: أمسك لسانه – «прикусить язык» [7, с. 532], букв. «брать, держать, хватать язык»; язык завязывается ср.: إنعقد لسانه – «проглотить язык» [7, с. 532], букв. «его язык завязался».

Механическое воздействие на язык может реализоваться в образе насилия, в этом случае язык метафорически отрезают, ср.: قطع لسانه – «заставить кого-либо прикусить язык, заставить кого-либо замолчать» [2, с. 647], букв. «отрезать его язык».

Человек, не способный свободно излагать свои мысли, в арабской ментальности представляется в образе человека со связанным языком, ср.: معقود اللسان – «со скованным языком» [2, с. 720], букв. «со связанным языком».

Затруднение речевой коммуникации концептуализируется и в фигуре функциональной метафоры – «язык не подчиняется своему хозяину», ср.: لا يطاوع لسانه – «язык не поворачивается» [7, с. 532], букв. «не подчиняется, не повинует язык».

Следующие рубрики семантического пространства соматизма لسان «язык» представлены ботаническими названиями.

Ясень обыкновенный отразился в сознании арабов как «язык маленьких птичек», ср.: لسان العصافير – *бот.* «ясень обыкновенный» [2, с. 720], букв. «язык маленьких птичек».

Фитоним «буглаз, воловик» напоминает арабу бычий глаз, ср.: لسان الثور – *бот.* «буглаз, воловик» [2, с. 720], букв. «язык быка».

Растение подорожник отразился в арабской ментальности как язык ягненка, ср.: لسان الخمل – *бот.* «подорожник» [2, с. 720], букв. «язык ягнёнка».

Фитоним «собачий корень, чернокорень» мотивирован сходством своего корневища с языком собаки, ср.: لسان الكلب – *бот.* «собачий корень, чернокорень» [2, с. 720], букв. «язык собаки».

Внешний вид языка явился мотивационной базой наименования технических артефактов. Так механизм «шип и паз» в переводном эквиваленте в сознании арабов представляется как органическое единение языка (шипа) и ямочки, углубления (паза) имитируя внешний вид обозначаемого механизма, ср.: لسان و ثقْز – «шип и паз» [2, с. 720], букв. «язык и углубление, ямочка».

Язык явился основой номинации по метафоре слесарного термина «бородка ключа», ср.: لسان المفتاح – «бородка ключа» [2, с. 720], букв. «язык ключа». Видимо в данном случае имеет место ассоциативная связь с высунутым языком.

В сознании араба с языком ассоциируется и сторожок весов, ср.: لسان الميزان – «сторожок весов» [2, с. 720], букв. «язык весов».

Метафора лежит также в основе семантической транспозиции «язык → задвижка», ср.: لسان القفل – «замочная задвижка» [2, с. 720], букв. «язык замка».

Во фразеологическом пространстве соматизма لسان «язык» отмечены два устойчивых субстантивных сочетания, номинирующие географические апеллятивы. Мыс в сознании арабов представляется как «язык земли», ср.: لسان الأرض – «мыс» [2, с. 720], букв. «язык земли». Рукав, залив репрезентируется в образе «языка моря», ср.: لسان البحر – «рукав, залив» [2, с. 720], букв. «язык моря».

Метафора по внешнему виду языка лежит и в основе ассоциативной связи «язык → надгортанный хрящ», ср.: لسان المزمار – *анат.* «надгортанный хрящ» [2, с. 720], букв. «язык гортанной щели».

Основной перенос по сходству лежит и в номинации пламени костра, огня, ср.: ألسنة النار – «языки пламени» [2, с. 720], букв. «языки огня, пламени».

В том случае, когда لسان «язык» выступает в функции представителя (язык → говорящий от имени кого-либо) фразеологическая семантика развивается исключительно по смежности. В арабской этничности говорить от имени кого-либо воспринимается как говорение на его (представляемого) языке, ср.: على لسانه – «от его имени» [2, с. 720], букв. «на его языке».

Представительство посредством языка – инструмента коммуникации, может принимать общественно-политический характер. Это может быть язык → представитель:

целого народа, делегат, ср.: لسان القوم – «представитель, делегат» [2, с. 720], букв. «язык народа»;

конкретного государственного органа, ср.: متحدث بلسان وزارة الخارجية – «выступающий от имени

МИД, представитель МИД» [2, с. 720], букв. «выступающий языком МИД»;

партийной организации, ср.: لسان الحزب – «(печатный) орган партии» [2, с. 720], букв. «язык партии».

Очевидность ситуации человека в арабской ментальности представляется как «говорение языка состояния человека», ср.: ... و لسان حاله يقول ان... – «по всему видно, что...» [2, с. 720], букв. «и язык его положения, состояния говорит, что...»

Уже сам процесс анализа смыслового развития соматизма لسان «язык» в составе фразеологических единиц арабского языка предполагает невольное ментальное сопоставление с данными даргинского языка (родного языка исследователя). Оно свидетельствует о существенно иной фразеологической картине мира, концептуализированной соматизмом «язык» в арабском и даргинском языках. Данное еще неопианное разное видение одной и той же картины мира не отрицает определенных совпадений, описание которых будет нами продолжено.

Литература

1. Абянова А.Р. Соматизм сердце в Коране и его функции // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Грозный, 2017. – С. 61–65.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М., 1985.
3. Кухарева Е.В. Образ женщины в арабских пословицах и поговорках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. Арабский язык. – М., 2013. – № 3. – С. 72–80.
4. Лебедев В.В. Как устроена арабская временная система // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка: Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Грозный, 2016. – С. 170–179.
5. Морозова В.С. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов современного арабского литературного языка // Арабская филология. Вып. 2. – М., 2004. – С. 110–120.
6. Рамазанова Р.Т. Образ женщины в арабских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Грозный, 2017. – С. 333–337.
7. Фавзи А.М., Шкляр В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь. – М., 1989.

УДК 811.411.21

Лексико-семантическое поле арабских глаголов *عَلَى* *выситься* и *عَلَا* *подниматься* в зеркале русского языка

Рабаданова М.А.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

mui.rabadanova@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лексико-семантического поля глагольных единиц арабского языка на материале русского языка. Это исследование основано на анализе лексем и их семантического поля. Многообразие, разнообразие слов и их постоянная изменчивость обуславливают сложность изучения лексического состава языка. Представлены парадигматические и синтагматические связи глагольных единиц арабского языка со значением «подняться».

Ключевые слова: семантика лексического поля, * локализация производной.

The lexical-semantic field of the Arabic verbs *عَلَى* rise and *عَلَا* rise in the mirror of

the Russian language

Rabadanova M.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. This article is dedicated to the study of lexical and semantic field of verbal units of the Arabic language on the material of Russian. This study is based on the analysis of the lexemes and their semantic field. The multiplicity, variety of words and their constant variability causes the complexity of the study of the lexical composition of the language. Paradigmatic and syntagmatic relations of verbal units of the Arabic language with the meaning "to rise" are presented.

Key words: lexical field semantics, * localization of the derivative.

Семантическая классификация лексического фонда и изучение отдельных тематических групп дает возможность осуществить системный подход к лексике [Булыгина Т.В. 1980]. Лексико-семантическая группа выделяется на основе «семантического поля».

Лексико-семантическое поле – это группа парадигматически связанных слов, объединенных одним общим семантическим знаком, сопровождающим значение всех этих слов. Основой для выделения определенной группы слов из остальной лексической системы является определенный интегральный признак (в данном случае «возвышение»), а в основе разделения данного множества лежат дифференциальные семантические признаки [Гайсина Р.М. 1981].

По словам Ф.П. Филина: «само понимание лексико-семантического поля достаточно тесно связано между собой» [Филин Ф.П. 1997].

А. Уфимцева выделяет основные группы слов, изученных лингвистами. Это предметные терминологические группы, этимологические, лексико-грамматические классы слов, группа слов, объединенных по словообразованию семантико-синтаксические группы или пары фонетико-семантические группы. Из аналогичных трудов выделяются исследования, изучающие термины родства, названия животных, слова, обозначающие время и т.д. Исследованиям такого типа в мировой лингвистике, как известно, заложил основу Мейер, проанализировавший прусскую военную терминологию. Основой для выделения определенной группы слов из остальной лексической системы является определенный интегральный признак (в данном случае «цвет»), а в основе разделения данного множества лежат дифференциальные семантические признаки. Например, слова: мать, отец, сын... указывают на определенные отношения между людьми. Однако отношения между людьми выражаются также и такими словами, как друг, враг, коллега, сосед и др. Чем же отличается первая группа от второй и что объединяет их? Они объединяются тем, что выражают социальные взаимоотношения между людьми. Слова первой группы обладают общим интегральным семантическим признаком родства. Таким образом, интегральный признак является общим компонентом в значении слов, входящих в эту группу. По такому же принципу выделяются и другие группы. Например, глаголы, обозначающие движение, объединяются в одно семантическое поле, основным компонентом которого является «перемещение в пространстве». Цветообозначающее семантическое поле выделяется на основе «цвета», как семантического компонента. Компонентному анализу подчинены также и другие части речи. «Семантическое поле» выделяется одним или несколькими диагностическими факторами, которые называются дифференциальными признаками семантического поля.

Арабские глаголы *علا* и *على* «быть высоким; висеть, подниматься, возвышаться» [Баранов Х.К. 1989]. предполагают исходную ситуацию бытия над чем-либо по вертикали, а также состояние бытия над чем-либо. Эта особенность рассматриваемых глаголов точно передается их дериватом – *على* предлогом со значениями «на, над».

А так же русские глаголы *подниматься* и *выситься*, согласно словарным дефинициям, предполагают позицию движения вверх, придают чему-либо более высокое положение. Так же, заставить тронуться с места с какой-либо целью, заставить приподняться, т.е. перемещение субстанции.

Глагольная лексико-семантическая деривация арабского глагола *علا* «возвышаться» представлена в нескольких направлениях:

1.В аспекте пространственной локализации: *علا* (4 появляться сверху чего-либо; *علاها الصدا* «ее покрыла ржавчина» *و علت على وجهها علائم الدهشة* «на ее лице появилось выражение удивления».

2.В плане движения по вертикали: *علا* 3) восходить, подниматься; *على* II поднимать,

повышать; IV أعلى поднимать, возвышать; أعتلى восходить, подниматься;

3. Ситуация бытия над чем-либо: علا «быть высоким»; على быть высоким, возвышаться; أعتلى быть высоким, أعتلى «быть высоким, возвышаться».

Если обратиться к сопоставлению с материалом современного русского языка лексико-семантическая деривация глагола *подниматься* разворачивается по следующим направлениям:

1. С позиции движения вверх: 1) *Мне тебя не поднять*. 2) *Он поднимет это дело* (перен.: *справиться с делом*).
2. Поднятие на более высокое положение: 1) на лифте; 2) поднять повалившийся забор; 3) *с постели кого-нибудь* (перен.: *разбудить*).
3. Движение с места: 1) *полк в атаку*; 2) *уровень воды*; 3) увеличить *цену* (поднять стоимость).

Прототипическая ситуация «местоположение над» в арабском языковом сознании, как и во всякой этнической общности, порождает ассоциативные представления, связанные с высотой, в основном, как с превосходством и с положительной коннотацией.

Эта особенность отражена как в словарной статье глагола علا 3) превосходить (ростом, силой); одолевать, побеждать (кого-либо) так и на уровне лексико-семантических вариантов глагольных пород, производных от глагола على 2) «гордиться»; تعالى 2) гордиться تعالى عن قبول «не принимать что-либо из гордости» 1) гордиться; иметь превосходство над кем-либо. Например: كانت الشمس تغلو كبد السماء - «Солнце было (выше) над облаками». في الحياة ناموس يغلو به النوايح لكتهم. «В жизни есть закон, который возвышается над поворотами (жизни), но не отменяет его» [أمين فارس أنطوان الريحاني 1876].

Представления, связанные с высотой в русской культуре, на уровне лексико-семантических производных от глаголов *выситься* и *подниматься*: 1) подняться *Подняться в общественном мнении* – «завоевать уважение, авторитет»; 2) увеличиться, повыситься *Увеличилась производительность труда*; 3) вспучиться (о тесте) – *Хлеба поднялись; настроение поднялось*.

Высокая локализация по вертикали по метафоре может обозначать возраст старшего поколения علت سنه «быть в годах». Равным образом, высокая локализация по вертикали является этикетом с положительной морально-этической коннотацией الله تعالى «Аллах Всевышний» (находящийся по статусу выше всех).

Высота в пространстве по метафоре обозначает высоту по акустическим признакам: в арабской коннотации: على повышать (голос); а в русской коннотации: *возникнуть, начаться* «поднялся скандал», «началось волнение» تعالى громко раздаваться (о голосе); *поднять(ся) голос* – «кричать». Причем акустические параметры голоса, как следует из приведенного примера, характеризует поведение человека.

Одно из значений глаголов علا و أعتلى «садиться», воспринимаемые обычно как движение вниз по вертикали, для арабского и русского социума обозначают повышение социального статуса, ср. أعتلى العرس «воссесть на трон», а также «восхождение/расположение на поверхности чего-либо. أعتلى الملك عرش اجداده «Царь взошел на престол своих предков» [<https://www.almaany.com>]. Русс. «Подняться (вверх)», подняться по карьерной лестнице; подняться в обществе (завоевать авторитет, уважение). Сын унаследовал власть отца и воссел на его трон.

Отмечены варианты ассоциативных связей по метафоре и метонимических переносов в номинации денотатов: 1) أعالي вершины (гор) 2) верховья реки. Гораздо в большей степени используется метонимия при вербализации абстрактных понятий ср. 1) تعال : 1) высота, возвышение; 2) гордость, высокомерие; علاء высота, высь, высокое положение; علو высота, высший предел; علاوة добавление; غلى величие, достоинство, слава; مغلاة высокое качество, достоинство, заслуга.

Дериваты-адъективы преимущественно образованы по смежности: «быть высоким» ср. 2) أعلى высший, верховный, عال высокий, отличнейший, превосходный, первоклассный; غلوى небесный; غلوى высший; غلى высокий, возвышенный, выдающийся; معلى высокий, возвышенный. Прилагательные образованные от глагола русского языка *выситься*: высокий, высокая, высокое, высок, высока, высоко, высоко, выше, высочайший.

В синтаксическом аспекте отглагольные имена, производные от корня علو могут быть зависимыми словами в: 1) косвенном падеже ср. عامله بتعال «высокомерно обращаться с кем-либо»; 2) ключевым словом ср. 2) علو الكعب знатность, высокое положение, слава; 3) талант, способность.

Адъективы, дериваты трехслогового корня علو выступают в функции определений, سدّ العائلة العلوي «знающий», عالى الكعب «высокая асунская плотина», اسوان العالى (небесная династия)

династия Мухаммеда Али.

Адъективы, вторичные от корня *علو*, могут быть и эпитетами ср. *المعلّى صاحب* «его превосходительство» (титул всех министров за исключением премьера); *أبو عليّ* «щедрый человек»!

В единственных случаях прилагательные выступают в функции ключевых слов, ср. *عليّ القويوم* «лучшие люди, сливки общества».

Основное словарное значение предлога *على* «на, над», сохраняется и на уровне речевых актов ср. *على ظهر الباحرة* «на борту корабля», *على متن الطائرة* «на борту самолета», *عزف على الكمان* «играть на скрипке», *قام من على الكرسي* «вставать со стула» (вставать с ...на стула) «возвращаться на вечернем поезде», *على قسمين* «делится на две части».

Ситуативное значение предлога *على* имеет переводным эквивалентом предлог «под» русского языка ср. *رقص على الموسيقى* (танцевать на музыку) танцевать под музыку.

Так же одним из лексических вариантов предлога *على* отмечен значением «к» *دخل عليهم* (он вошел на них) «он вошел к ним». В русском языке он обозначает направление в сторону чего-либо: Подъехать к станции (на станцию);

Следующий лексико-семантический вариант предлога *على* имеет семантику передаваемую русским предлогом «против»: «Он помогал им бороться (на) против этого человека. *عاونهم على هذا الرجل*. Русс. Остановиться напротив этого дома.

Пятый лексико-семантический вариант предлога *على* соответствует семантике русского предлога «около, у»; *جلسوا على النار* (они сидели на огне), они сидели около (у) огня.

В словарной статье *على* отмечены значения: «согласно, сообразно», «по»: ср. *على القياس* «по мере». Например, согласно договору; по мере возможности; по необходимости.

Далее у слова *على* зафиксировано значение передаваемое общим смыслом русских предлогов «для», «до», «о», «об»; *على أن يعود* «для того чтобы вернуться», *حدثني عليه* «расскажи мне о нем», *على ما؟* «для чего?».

Так же лексико-семантический вариант арабского предлога *على* зафиксирован в значении «через, при помощи» *يد على يد* через него; Рус. типа *Смотреть через очки. Ехать через мост.*

Вариативность значений исследуемого предлога соответствует русскому переводному эквиваленту «несмотря на, при»; ср. *على الاختلاف أنواعهم* «при всем их разнообразии» *على ضعفي* «при моей слабости», несмотря на мою слабость».

Одной из семем в структуре предлога *على* соответствует значению «во время» в русском языке *على العيد* «во время праздника»; *على العهد* «в его время, в его эпоху».

Словарная статья предлога *على* так же соотнесена с временной локализацией «со временем» ср. *مضى عامان على ذلك النذر* «прошло два года со времени этого обещания».

Следующая рубрика в словарной статье *على* отмечена значением, соответствующим русскому «с»; *شاب على خلق كريم* «юноша с благородным характером».

Последний лексико-семантический вариант (ЛСВ) предлога *على* отмечен в словаре значением «в»; *على ضوء هذه الحوادث* «в свете этих событий», «в течении недели».

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Лексико-семантическое поле «высокий» образован корнем *علا (عول)* / *высокий*. Семема «высокий» метафорически транспонируется из вертикальной пространственной локализации в этнокультурный дискурс арабского и русского этносов.

Этнокультурный дискурс, характеризуемый семемой «высокий», подразделяется на социальные, религиозные и морально - этические подгруппы.

Центр лексико-семантического поля «высокий» корень «быть высоким» по ассоциативным связям номинирует экстралингвистические явления по трем параметрам: движение вверх по вертикали, акустическое движение, с переходом в отрицательную коннотацию; движение вниз, социально обозначающее движение вверх «сесть на трон». Социально значимое движение по вертикали имеет место с положительной коннотацией в морально-этическом и религиозном аспектах.

Основное значение корня *علو* «быть высоким» / *выситься* развивается в денотативном, морально-этическом и социальном аспектах.

Денотативная парадигма семасиологического корня *علو* включает семемы «высота», «наковальня», «строительство». Социальный план смыслового развития корня *علو* охватывает «сливки общества», «знатность».

Морально-этические параметры, номинируемые дериватами корня *علو* – это гордость, высокомерие.

Прилагательное عَلِيّ «высокий» является эпитетом с положительной коннотацией, характеризует как религиозные явления, так и социальную иерархию.

Литература

1. Васильев Л.М. Теория семантических полей.- М.,1996.
2. Терия В.Н. Коннотативный аспект семантико-номинативных единиц. М., 1986.
3. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 2001.
4. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь, 1989.
5. Юрик В.М. Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках. Ученые записки Латвийского гос. университета 1958 с.32-41.
6. Бахалина Н.Б. Ослепительно рыжий, безнадежно рыжий 1975 №5 с.12-17.
7. Борисов В.М. Русско-арабский словарь. М., 1987.
8. Брагина А.А. Красное – зеленое. Рл9 – М., 1967 №2 с.14-18.
9. Березин Ф.М. , Головин Б.Н. Общее языкознание - М., 1974.
10. Богачев Ю.П. Русский язык с основами языкознания – М., 2006 с.304.
11. Бондарко А.В. Грамматическое языкознание – М., 1984.
12. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований – М., 1979.
13. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи. Аспекты семантических связей. М., 1980. с.22-34.
14. <https://www.almaany.com>

УДК 372.881.1

Роль наглядных средств в изучении арабского языка

دور وسائل البصرية في تعليم اللغة العربية

З.Н. Кодзова

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Аннотация: наглядные пособия являются важной тенденцией в улучшении преподавания арабского языка. С развитием современных технологий стало возможным предлагать учащимся различные способы когнитивной стимуляции в классе с помощью наглядных пособий. Учителя должны использовать эти методы, чтобы улучшить возможности изучающих арабский язык различных языковых навыков.

Ключевые слова: арабский язык, наглядные пособия, технологии, учебный процесс.

The role of visual aids in learning Arabic

الدراسة البصرية في تعليم اللغة العربية ووسائلها

Z.N. Kodzova

Adygea State University, Maykop, Russia

Annotation: visual aids are an it has become possible to offer students various ways of cognitive stimulation in the classroom using visual aids. Teachers should use these methods to improve the capabilities of Arabic language learners of various language skills.important trend in improving the teaching of the Arabic language. With the development of modern technology,

Keywords: Arabic language, visual aids, technologies, educational process

الخلاصة: تعتبر وسائل البصرية اتجاه مهم في تحسين تعليم اللغة العربية. ومع تطور التكنولوجيا الحديثة أصبح من الممكن أن تعطي الطلاب مجموعة متنوعة من وسائط التحفيز المعرفي في الفصول الدراسية، وذلك من خلال استخدام وسائل البصرية. وينبغي للمعلمين استخدام هذه الوسائل لتحسين قدرات متعلمي اللغة العربية في المهارات اللغوية المختلفة.

الكلمات المفتاحية: اللغة العربية، وسائل البصرية، تكنولوجيا، عملية التعليم

تعد وسائل البصرية التعليمية في الوقت الحاضر أداة مساعدة في عملية التعليم والتعلم. ظهرت في عصر المعلومات الحاضر العديد من الوسائل التعليمية التي تسهم بوضوح في تقديم المحتوى الدراسي بشكل مشوق من خلال توظيف الألوان والأصوات والصور الثابتة والمتحركة خلافا للطرق والوسائل التعليمية التقليدية المتبعة في التعليم، ومن مميزات استخدام وسائل البصرية في البيئة التعليمية قدرتها على تقديم المحتوى الدراسي بشكل منظم وبتدرج يتناسب مع قدرات الطلاب.

ولقد شهد العالم في القرن العشرين سرعة مذهشة في حجم التغييرات العلمي، وعرفت وسائل نقل المعارف تطورا مذهلا رافقه انفجار في تكنولوجيا الكمبيوتر والمعلومات والإنترنت أدى إلى تغيير في كيفية الحصول على المعرفة، ولا بد للغة العربية من تنمية الفكر العلمي وتجديد وسائل التعليم من خلال استخدام الوسائل البصرية. إن عمليات التذكر التي تحدث في دماغ الإنسان الذي يتعلم اللغة، تكون أسرع عندما تقدم المعلومة بطرق مختلفة في وقت قصير، حيث إن تفاعل الصوت والصورة يساعد دماغ الإنسان في تحسين عملية التعلم.

وينبغي أن نبدأ بمفهوم الوسائل التعليمية. تعتبر الوسائل التعليمية جزءاً من تكنولوجيا التعليم وهذا مصطلح يعنى الطريقة النظامية المنهجية التي تأخذ بعين الاعتبار جميع المصادر البشرية وغير البشرية في تصميم وتنفيذ وتقييم عملية في ضوء أهداف محددة، أما الوسائل التعليمية تعنى أي شيء يستخدم في العملية التعليمية بغرض بلوغ الأهداف بدرجة عالية من الإتقان، وهي جميع المواد التي يستخدمها المعلم لنقل محتوى الدرس إلى مجموعة من الدارسين داخل الغرفة الصفية أو خارجها؛ بهدف تحسين العملية التعليمية.

ساهم التطور التقني والتكنولوجي المعاصر في دعم اتجاه استخدام الوسائل التعليمية بشكل عام. وهو ما أصبح يعرف في العالم اليوم بتكنولوجيا التعليم. ومن إحدى أفضل الوسائل التعليمية هي الوسائل البصرية. هذا البحث يتكلم عن استخدام الوسائل البصرية في تعليم اللغة العربية في كلية اللغات الأجنبية في قسم اللغة العربية في الجامعة الأديبي الحكومية.

في مختبر اللغة العربية عندنا كثير من التطبيقات المفيدة للطلاب لتعلم اللغة العربية بشكل أسهل. هنا بعض منها:

- (1) الأحرف الأبجدية: هذا التطبيق مناسب للطلاب لتعرف على الأبجدية العربية. يمكن الطالب أن يرى كيف يكتب الحرف في أول و وسط و آخر الكلمة، ويستمتع إلى نطق صحيح لهذا الحرف.
- (2) الوقت (كم الساعة؟): هذا التطبيق مناسب للطلاب لتعرف على الساعة.
- (3) الجغرافيا البلدان العربية: هذا التطبيق مناسب للطلاب لحصول على المعلومات الأساسية عن البلدان العربية (مثل، الاسم الرسمي، المساحة، عدد السكان، الزراعة، العاصمة، الصناعة، الدين، اللغة).
- (4) الأعداد العربية: هذا التطبيق مناسب للطلاب لتعرف على الأعداد الأصلية والأعداد الترتيبية.
- (5) القاموس المصور: هذا التطبيق مناسب للطلاب لحفظ الكلمات المختلفة.
- (6) التعبير المصور: هذا التطبيق مناسب للطلاب لتحدث في موضوع ما، على الطالب أن يصف الصورة.

نعقد أن الوسائل البصرية هي عناصر التعليم التي لها دور مهم في عملية تعليم. أجريت الدراسات على مجموعة من الطلاب المتعلمين اللغة العربية في كلية اللغات الأجنبية من المستوى المبتدئ إلى المتقدم. وهدفت هذه الدراسات إلى بيان أثر استخدام الوسائل البصرية في تعليم اللغة العربية للناطقين غير الناطقين بالعربية.

الوسائل البصرية هي التي يمكن نراها بواسطة العين البشرية بشكل طبيعي. بلا شك يعدّ البصر مع السمع الجهاز المميز عند الإنسان. ونظراً لاعتقاد الباحثين بأن التعليم يعتمد أكثر على حاسة البصر وأن من ٨٠ إلى ٩٠% من خبرات الفرد في التعليم يحصل عليها عن طريق هذه الحاسة، لذلك أطلق عليها الوسائل البصرية. كانت الصور أول طرق التواصل عند البشر قبل أن يكتشف الإنسان الكتابة، استخدم الإنسان الصور منذ أقدم الحضارات ووسائل لتوضيح الأفكار. إن استخدام الصور في التعليم ليس جديداً فقد كان جون أموس كومنسكي من أوائل الذين فطنوا إلى قيمة الصور والرسوم ووسائل معينة في التعليم.

كما أظهرت نتائج الدراسات التي أجريت في كلية اللغات الأجنبية في قسم اللغة العربية في الجامعة الأديبي الحكومية الطلاب الذين درسوا القواعد والنصوص مرفقة بالصور كانت لديهم القدرة على فهم وحفظ القواعد والنصوص وتعلم مفرداتها وجملها بطريقة أسرع وأسهل بالكثير. ولذلك يمكن استنتاج أن أصبحت الوسائل البصرية واحدة من أهم الوسائل في العصر الحديث. من أهم الوسائل في العصر الحديث وأكثر مفيدة في تعليم اللغة العربية.

المراجع:

١. أبو زكي النصر البغدادي. توظيف الوسائل التكنولوجية في تعليم العربية لغة ثانية، ٢٠١٥ م.
٢. نجيب بخوش، استخدامات الوسائل السمعية البصرية في العملية التعليمية، مجلة دفاتر المخبر، ع ٥، الأغواط الجزائر، ٢٠٠٩، ص: ١٨٩.
٣. محمود فهمي حجازي، البحث اللغوي، دار غريب للطباعة، القاهرة، ص: ١٣١.
٤. نصر الدين إدريس جوهر، طرق تدريس اللغة العربية للناطقين بغيرها، مجلة لسان عربي، إندونيسيا، ٢٠١٢.

А.А. Магомедов

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

azarzun1@mail.ru

Аннотация. В статье дается разграничения между алиф-мамдудой и алиф-максурой, также даются их определения и функции, что, по мнению автора, упрощает важный этап в изучении сложного арабского языка.

Ключевые слова. Арабский язык, алиф-мамдуда, алиф-максура, алфавит, показателя винительного падежа, показателем женского рода, танвинное окончание, функции алифа, хамза и буква.

Types of aliph in ALA and their functions

A.A. Magomedov

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

azarzun1@mail.ru

Annotation. The article provides a distinction between alif-Madmuda and Alif-Maksura, their definitions and functions are given, which, according to the author, simplifies an important step in learning difficult Arabic.

Keywords. Arabic, alif-mamduda, alif-maksura, alphabet, accusative indicator, feminine indicator, tanvin ending, functions of alif, hamza and letter.

Сложности в обучении арабскому языку начинаются со знакомства обучающегося с первой буквой арабского алфавита – *алифом*, который до недавнего времени отождествляли с *хамзой*. К примеру, в словах *كَانَ* и *سَأَلَ* не представлялось возможным для не араба различить *алиф* от *хамзы*, так как обе буквы писались одинаково, хотя в первом случае присутствует буква *алиф-мамдуда*, а во втором – *хамза*. Понимая сложность этого момента для изучающих арабский язык, в последнее время в арабских странах идёт переосмысление его, и в мединском шрифте коранического текста чётко прослеживается разница между ними.

В данной статье даются виды *алифа*, их функции и рекомендации, которые должны помочь обучающемуся разобраться в его правописании и чтении.

И так, арабские языковеды выделяют два вида *алифа*: *алиф мамдуда* и *алиф максура*. Оба вида *алифа* не входят в корень слова, поэтому всегда остаются добавочными буквами.

1. *Алиф максура* добавляется только в конце слова и имеет форму графемы *ى* без точек и встречается в:

- именных частях речи, например: هُدَى، مَفْهَى، كُبْرَى؛
- частицах, например: إِلَى، بِلَى، عَلَى؛
- глаголах, например: يَنْخَطَى، اسْتَنْدَعَى، رَمَى.

Алиф максура не является показателем женского рода, как это преподносится в таких учебниках как например "Практический курс арабского литературного языка (Вводный курс, С. 82)" и др.

Это можно объяснить тем, что:

– во-первых, в отличии от другого показателя женского рода ⁵ (та-марбуты), *алиф максура* встречается во всех частях речи (т. е. в именах, глаголах и частицах). А утверждение о том, что *алиф максура* является показателем женского рода только в одних словах и не является таковым в других, не может быть оправданным, так как нет подобного примера в грамматике арабского языка;

– во-вторых, в некоторых случаях *алиф максура* превращается в *алиф мамдуду*, а показатель не может превращаться в другую букву, потому что вместе с показателем теряется и то, на что она указывает, в данном случае – род имени, например: عَلِيًّا، نُبِيًّا؛

– в-третьих, очень часто в конце слов встречается *алиф максура* как преобразованная от корневой буквы *ي*, например: مُسْتَشْفَى، مَفْهَى. Единственной функцией *алиф максуры* в этом случае является указание на корневую букву *ي*, в отличии от *алиф мамдуды*, которая в подобных случаях указывает на

корневую букву *و*;

– в-четвертых, все имена, оканчивающиеся на *алиф максура*, который преобразован от корневых букв *و* или *ي*, имеют в неопределенном состоянии *танвинное* окончание. Однако, слова, образованные по модели превосходной степени женского рода *فُعَلَى*, не имеют *танвинного* окончания.

Таким образом, показателем женского рода является не отдельно *алиф максура*, а сама модель превосходной степени женского рода *فُعَلَى*, так как все имена, оканчивающиеся на *алиф максура* и относящиеся к женскому роду, имеют именно эту формулу. Например: *كُبْرَى*, *صُغْرَى*, *دُنْيَا*, *أَخْرَى*, *جُمْلَى*, *غَلِيَا*.

Необходимо также отметить, что во всех частях речи *алиф максура* обозначает долготу, кроме тех случаев, когда имя имеет *танвинное* окончание, например: *رَمَى*, *إِلَى*, *كُبْرَى*, но *هَدَى*, *مَقْفَى*.

2. *Алиф мамдуда* встречается в любой позиции в слове и имеет форму *ا*, которая только в некоторых случаях обозначает долготу, и выполняет следующие функции:

с обозначением долготы:

а) смысловоразличающая функция, например: *رَجُلٌ* (имя в ед. числе) – *رَجَالٌ* (имя во мн. числе);

б) редко добавляется для рифмы в конце стиха, например: *سَلَابِلَا* (вместо *سَلَابِيلَا*);

в) показателя корневого согласного *و*, который в глаголе репрезентируется в *алиф мамдуду*,

например: *دَعَا* (корень слова – *دَعَوَ*).

без обозначения долготы:

г) подставки для *хамзы*, например: *فَرَأَ*, *سَأَلَ*, *فَرَأَ*;

д) различения имён и частиц друг от друга, например: *أنا* (местоимение) от *أن* (частица); *مائة* (сто) от *منة* (милость), *منه* (от него) и *فئة* (группа) [10];

е) дифференциации форм глаголов множественного числа от их форм в единственном числе и от имён, например: *يَدْعُو* (глагол в ед. числе) – *لَمْ يَدْعُوا* (глагол во мн. числе);

ж) показателя винительного падежа, например: *كُتِبَا*, *دُرْسَا*;

з) добавляется как маркер предыдущей огласовки *фатха*, например: *فَرُسْنَا*.

Таким образом, оба вида буквы *алиф* никогда не используется для выражения звука, т. е. *алиф* – это графема, но не фонема.

Оба вида буквы *алиф* не входят в корень слова, т. е. они только добавочные буквы так же, как *та-марбута* *ة* и *соединительная хамза* *أ*.

Алиф максура обозначает долготу в отличие от *алиф мамдуды*, который не всегда выполняется эту функцию.

Ни алиф максура ни алиф мамдуда не является показателями женского рода.

На наш взгляд, при обучении арабскому языку представляется необходимым следующее:

1. Включить в алфавит арабского языка оба вида *алифа*: *алиф-максуру* и *алиф-мамдуду*;

2. Дать в учебниках арабского языка правила для разграничения между *алиф-мамдудой* и *алиф-максурой*;

Литература

1. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. – М., 2002.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М., 1976.
3. Сегаль В. С. Начальный курс арабского языка. – Л., 1991.
4. Ибрагимов И.Д. Учебник арабского языка 1 и 2- ой уровень. – Пятигорск, 2014.
5. Лебедев В.Г., Тюрёва Л.С. Практический курс арабского литературного языка. – М., 2005.
6. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно историческом освещении. – М., 1998.
7. Магомедов А. А., Омаров А.А. Арабский язык. Фонетика и грамматика. – Махачкала, 2018.
8. Магомедов А. А. Первый учитель. – Махачкала, 2016.
9. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М. 1987.
10. <http://www.alfaseeh.com/vb/showthread.php?t=66637>
11. <http://alwatan.com/details/261605>

УДК 372.881.1

**Подбор языкового материала при обучении арабскому языку как второму
иностранному**

Ландо Н.С.

**Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Москва, РФ**

Аннотация: Статья посвящена проблеме подбора языкового материала при обучении арабскому языку как второму иностранному. Учитывая временные рамки подобных курсов, а также особенности мотивации учащихся, автор рассматривает вопрос адаптации под них существующих учебных программ и в частности возможность активного привлечения аутентичного языкового материала, создаваемого самими носителями языка не в учебных целях. В статье описаны несколько типов таких материалов, которые автор рекомендует, исходя из собственного опыта работы в неязыковом вузе.

Ключевые слова: арабский язык, методика преподавания иностранных языков, учебные пособия, языковой материал

Selection of language material for teaching Arabic as a second foreign language

Lando N.S.

**Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation**

Resume: The article is devoted to the problem of selecting linguistic material when teaching Arabic as a second foreign language. Given the time frame of such courses, as well as the peculiarities of student motivation, the author considers the adaptation of existing curricula for them and, in particular, the possibility of actively attracting authentic language material created by native speakers themselves not for educational purposes. The article describes several types of materials that the author recommends based on his own experience in a non-linguistic university.

Keywords: Arabic, foreign language teaching methodology, study guides, language material

На протяжении многих десятилетий и даже столетий арабский язык на территории нашей страны преподавался в достаточно ограниченном количестве учебных заведений. Фактически мы имеем три сложившиеся исторически арабистические школы, выпускники которых и по сей день становятся настоящими арабистами-исследователями в области истории, филологии и прочих аспектов жизни арабов. Речь идет о берущих свое начало еще в XIX веке Санкт-Петербургской школе арабистики в СПбГУ, Московской школе, представленной прежде всего МГУ и Лазаревским институт восточных языков (преемником является МГИМО МИД), а также рядом других вузов, в частности Восточным университетом при институте Востоковедения РАН, РУДН, Военным университетом, и Казанской школе (Казанский федеральный университет) [1, с. 46].

Сказанное выше не означает, что арабский язык больше нигде на территории современной Российской Федерации не изучался и не преподавался. Традиционно большое внимание арабскому языку и его преподаванию уделяли и уделяют граждане нашей страны, исповедующие ислам, поскольку это язык их священного писания – Корана. В самых разных точках страны и прежде всего там, где мусульмане составляют большинство населения – в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии, Татарстане и пр. – были и существуют школы при мечетях, медресе, в которых преподаются чтение и толкование Корана и мусульманские науки. На сегодняшний день на территории РФ открыто несколько высших исламских учебных заведений – Московский исламский институт, Российский исламский университет (Уфа), Российский исламский институт (Казань) и Казанский исламский университет, Дагестанский университет имени шейха Мухаммада-Арифа (Махачкала), Болгарская исламская академия (Татарстан).

Изменение политической карты мира в конце XX-начале XXI века, распад СССР и падение «железного занавеса», техническая революция и появление сети интернет и современных средств коммуникации ознаменовали новый этап в развитии преподавания арабского языка в нашей стране. Люди получили возможность активно общаться с представителями других стран и народов и, как

следствие, начался бум изучения иностранных языков. Повсеместно стали появляться языковые школы, курсы, преподавание онлайн. Не отстают от этой тенденции и высшие учебные заведения. По всей стране гуманитарные факультеты университетов расширяют диапазон предлагаемых для изучения иностранных языков. Восточные языки (китайский, японский, арабский и пр.) в силу своей «экзотичности», непохожести на более привычные европейские языки, становятся объектом особого внимания и, можно даже сказать, азарта как со стороны администраций вузов, так и будущих студентов.

С одной стороны, подобный интерес не может не радовать арабистов и преподавателей арабского языка. С другой стороны, уже сейчас можно с уверенностью сказать, что цели и задачи, которые ставятся при изучении восточного языка как второго иностранного в непрофильных вузах, практически недостижимы в рамках учебных планов, отведенных для восточного языка как второго иностранного в непрофильном вузе. Так, в программе ИСАА МГУ для бакалавров направления «Востоковедение и африканистика» в качестве одной из профессиональных компетенций (ПК) выпускника этого бакалавриата указывается способность «свободно общаться на основном восточном языке, устно и письменно переводить с восточного языка и на восточный язык тексты культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера (ПК-3)» [4, с.4]. Подобные задачи предполагают достаточно массивный курс освоения иностранного языка, сопровождаемый большим количеством сопутствующих курсов по истории, филологии, политике, экономике стран изучаемого региона, которые, как правило, полностью отсутствуют в планах не востоковедов.

Мы убеждены, что в настоящее время назрел вопрос о формировании альтернативных стандартов обучения арабскому языку как второму иностранному именно для непрофильных вузов и, соответственно, адаптации наполнения существующих программ под эти стандарты. Ниже перечислены выводы, сделанные нами на основании практического опыта преподавания арабского языка как второго иностранного для гуманитариев-не арабистов, относительно характеристик языкового материала, который оказывается наиболее эффективен при обучении данной аудитории.

1. Краткость

Студенты, для которых арабский язык не является основным иностранным языком и языком будущей профессии, совершенно очевидно не готовы тратить значительную часть внеаудиторного времени на выполнение объемных домашних заданий и, как следствие, прорабатывать тексты (аудиоматериалы) больших размеров. Поэтому в качестве главного и первостепенного принципа мы полагаем подбор коротких (но при этом законченных по содержанию) письменных и звуковых материалов.

2. Практическая, коммуникативная направленность

Сказанное выше об ограниченности программы обучения языку как второму иностранному – в отличие от основного, профильного иностранного языка, - неизбежно заставляет сузить содержание охватываемого материала. Попытки разбирать со студентами произведения художественной литературы и научно-публицистические статьи, как правило, будут наталкиваться на непонимание и, в конце концов, приведут к снижению уровня мотивации. Максимальное же приближение к потребностям реального повседневного общения уже с самого начала обучения дает учащимся ощущение собственной компетентности и уверенности в себе.

3. Материалы о культуре арабов, об исламе

Студенты подобного профиля обучения, как уже говорилось выше, не получают знаний о культуре, истории, литературе и прочих аспектах жизни в арабских странах из смежных дисциплин, при том что таковые знания призваны не просто расширить кругозор, но и способствовать успеху межкультурной коммуникации. Отсюда напрашивается вывод о том, что необходимый минимум подобных знаний также должен быть восполнен в рамках практического курса арабского языка. Мы считаем, что на наших уроках обязательно должно уделяться внимание разговору о правилах поведения при общении с арабами, об особенностях мусульманского этикета и религиозного мировоззрения. Разумеется, мы не ставим знака равенства между арабским миром и мусульманской цивилизацией. Тем не менее, роль ислама для арабских стран отрицать нельзя, а многие наши учащиеся-не мусульмане имеют о нем очень поверхностное представление. Здесь большую помощь может оказать та часть аудитории, которая как раз представляет мусульманские регионы нашей страны – это выходцы из Чечни, Дагестана, Татарстана и пр. Обсуждение тем, связанных с межкультурным общением, обычно вызывает очень живой интерес у аудитории, который следует подкрепить соответствующими материалами на арабском языке и

содержащими арабскую терминологию, связанную с исламом, которой, как известно, во многом и пользуются мусульмане во всех концах света.

4. Наглядность

Мы все знакомы с классическими пособиями по арабскому языку, прекрасно зарекомендовавшими себя при работе с будущими арабистами. Тем не менее, все они заточены под «серьезных» студентов и многие часы аудиторной и домашней работы. Для не арабистов, на наш взгляд, просто необходимо подкрепление интереса и облегчение восприятия с помощью хорошо подобранного визуального ряда – иллюстрации, карты и фотографии, если речь идет о страноведческой информации, видео – прежде всего, как визуализация диалогов, аутентичные материалы из интернета.

5. Аудиосопровождение.

В условиях сильной ограниченности непосредственного общения студента и преподавателя возможность прослушивать материал дома становится еще более актуальной.

Разумеется, все перечисленные выше принципы не исключают и не являются заменой базовым принципам построения программ обучения иностранным языкам, которые предполагают последовательную подачу языкового материала от простого к сложному, периодическое возвращение к пройденному материалу с целью его активизации, грамотное сочетание грамматического и лексического материала и пр. Тем не менее, тем кто преподает арабский как второй иностранный язык неизбежно приходится чем-то жертвовать – отказываться, как уже было сказано, от объемных текстов, тем более содержащих редко встречающуюся в повседневной жизни лексику, не углубляться грамматические дебри языка и ограничиться краткими пояснениями, если встретилась сложная конструкция, ориентироваться на реальные возможности студентов и предпочитать многократное повторение достаточно простых конструкций на ограниченном лексическом материале, нежели предлагать студентам множество вариантов, из которых они не смогут пользоваться ни одним.

Все это ставит преподавателя перед очень серьезной проблемой выбора базового учебного пособия (цикла учебных пособий). С одной стороны, кажется, что современный книжный рынок переполнен учебными изданиями на любой вкус и любые потребности. Тем не менее, это не совсем так. Подавляющее большинство существующих пособий создается практикующими преподавателями арабского языка под свои собственные нужды. А они, как оказывается, очень сильно разнятся. Даже если мы оставим в стороне пособия, рождающиеся в стенах крупнейших арабистических центров страны (например, многочисленные пособия В. В. Лебедева в ИСАА МГУ), то и любые другие пособия также будет рассчитаны на определенный круг учащихся, будь то, например, будущие «международники» в случае «Учебника арабского языка для первого года обучения» С.А. Кузьмина для МГИМО [2], или мусульмане, желающие научиться читать и понимать Коран в оригинале, для которых сейчас издается огромное количество литературы, и даже туристы, открывшие для себя арабские страны и желающие освоить хоть несколько фраз по разговорникам и самоучителям.

В последнее время, во многом благодаря возможности пользоваться электронными носителями, получили распространение и пособия, издаваемые нашими коллегами за рубежом – в западных странах и в самом арабском мире. Среди наиболее востребованных можно назвать курс «Standard Arabic» под редакцией E. Schulz и др., издаваемый Cambridge University Press [7], серия «Al-Kitaab fii Ta'allum al-'Arabiyya», выпускаемая Georgetown University Press (авторы Kristen Brustad и др.) [6], а также так называемый Мединский курс (Dr. V. Abdur Rahim из Исламского университета Медины, Саудовская Аравия) [5]. Тем не менее, наш опыт показывает, что студентам-не лингвистам оказывается затруднительно пользоваться учебником, в котором грамматика арабского языка подается не на родном для них языке (в данных случаях английском).

Каждый преподаватель решает вопрос с выбором учебного пособия по-своему. Опыт общения с коллегами в последние годы показывает, что, приходя в непрофильную аудиторию, преподаватели, как правило, берут наиболее привычное для себя пособие в качестве основы, что-то отбрасывают, что-то добавляют. И такими «добавками» все чаще становятся материалы из интернета, ценность которого, помимо разнообразия, еще и в том, что он является источником наиболее актуальной информации. Ни одно печатное издание не может обновляться с такой же периодичностью, как то, что размещается в электронном виде в интернете.

В данной статье мы хотели бы предложить коллегам и всем желающим те виды актуального языкового материала, – и, что важно, не предназначенного специально для учебных целей, – которые используем сами в своей работе, и которые, как нам кажется, удовлетворяют сформулированным нами

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

выше принципам и способствуют повышению эффективности обучения и мотивированности учащихся с самого начала обучения.

1. Самый разнообразный иллюстративный материал, особенно содержащий короткие надписи на арабском, в частности

- географические карты. На начальном этапе у студентов, как правило, полностью отсутствует представление о географии и местонахождении стран изучаемого региона. Карты с указанием арабских названий городов и стран позволяют как восполнить эти пробелы, так и инициировать беседу на арабском языке с использованием минимума лексических единиц и простейших синтаксических конструкций, а также отработать произношение звуков.

- фотографии вывесок, табло, информация в виде таблиц – иными словами, краткая информация, структурированная первоначально самими носителями языка для своих собственных целей.

В качестве примера приведем расписание молитв в разных городах Египта (меняется каждый день).

العشاء	المغرب	العصر	الظهر	الفجر	
7:46	6:25	3:30	11:54	3:52	القاهرة
7:53	6:31	3:36	11:59	3:54	الإسكندرية
7:45	6:24	3:29	11:54	3:53	الجيزة
7:38	6:16	3:20	11:44	3:39	العريش
7:44	6:25	3:29	11:56	3:57	المنيا
7:36	6:19	3:23	11:52	3:57	سوهاج
7:48	6:26	3:30	11:53	3:49	المنصورة
7:49	6:27	3:31	11:55	3:51	طنطا

Подобная таблица очень удобна для отработки произнесения указаний на время дня, а также отличный повод поговорить о ежедневных ритуалах мусульман и столпах ислама.

К разговору о времени можно вернуться и применительно к другому лексическому материалу. Например, при разговоре о спорте, предъявив учащимся расписание футбольных матчей:

2. Фрагменты коранических текстов. Мы убеждены, что преподавание арабского языка невозможно без разговора об исламе, история и традиции которого очень тесно переплелись с историей народов, говорящих на арабском языке. Успешная коммуникация с арабами, в том числе и не мусульманами, будет затруднена, если нет хотя бы базового представления об этой религии. Ключевую роль в понимании ислама, разумеется, играет Коран, который одновременно является священным текстом, – более того, «словами самого Аллаха», согласно верованиям мусульман – и признанным эталоном языка.
Коран состоит из 114 глав, или сур. Начинающих изучать арабский язык обычно знакомят с первой, «Открывающей», сурой Корана, а также с самыми последними и одновременно самыми короткими сурами. В интернете можно подобрать как тексты этих глав, исполненные в тех или иных вариантах арабского письма, так и красивейшие образцы их чтения.
3. Помимо Корана, лучшие образцы использования языка, разумеется, содержат произведения художественной литературы. Как уже было сказано выше, объемные сочинения (романы и даже неадаптированные рассказы), оказываются очень сложны для наших студентов. Лучший вариант здесь – поэзия, в том числе тексты песен. Интернет опять-таки предоставляет нам практически неограниченные возможности по подбору такого материала. Исполнение песен, а иногда и стихов, можно прослушать в хорошем качестве. Так, например, на сайте <https://www.lyrikline.org> можно найти произведения современных арабских поэтов в сопровождении аудиозаписей с их авторским исполнением.
4. Тексты новостных сообщений. В этом плане интернет, без сомнения, стал неоценимым помощником преподавателей иностранных языков. Жизнь не стоит на месте, и большинству из нас интересна не только многовековая история разных народов, но и то, как и чем они живут в данный момент. Можно с уверенностью сказать, что арабские страны в последние десятилетия представляют собой один из наиболее динамичных регионов мира, хотя и очень нестабильный. Наверное, благодаря своей нестабильности он во многом и привлекает к себе внимание. Очень большое количество учащихся выбирают именно арабский язык в качестве второго иностранного, потому что считают проблематику региона одной из наиболее актуальных и, соответственно, перспективных для себя.
Здесь хотелось бы вспомнить рекомендацию, которую мы уже давали в [3], а именно не давать новости большими кусками, в которых учащиеся просто «утонут», а предъявить буквально одно-два предложения, но при этом продублировать новость текстами из разных

СМИ. В результате лексика в таких фрагментах встретится практически одна и та же и у студентов будет больше возможности сосредоточиться на синтаксических конструкциях. Новостные тексты в принципе, благодаря большому количеству клише и устойчивости применяемых в них синтаксических конструкций, являются очень хорошим материалом для отработки навыков чтения и понимания неогласованного текста на арабском языке путем выстраивания предположений о том, что последует далее.

5. Образцы разговорной речи. До сих пор мы не затрагивали проблему внутренней диглоссии (а то и полиглоссии), повсеместно бытующей в арабских странах, а именно сосуществования в жизни их жителей стандартизированной литературной формы языка и разговорных диалектов. Первый – это официальный язык всех арабских стран, на практике используемый большинством арабов лишь пассивно – на нем вещают арабские СМИ, ведется документация, на нем пишут художественные произведения, хотя и здесь в последнее время наблюдается смещение в сторону диалектов. В обычной жизни все общение происходит исключительно на разговорных языках. Для большинства населения арабских стран связная речь на литературном языке представляется очень непростой и подчас невыполнимой задачей.

В силу ряда причин при обучении арабскому языку как иностранному, по крайней мере в высших учебных заведениях, за основу принято полагать именно литературную норму. Она хорошо описана и кодифицирована, она едина для всего региона и является своего рода ключом к нему в отличие от разговорных языков, которых множество, и они очень друг от друга отличаются. Логика построения учебных программ обычно такова: нужно сформировать хорошие базовые навыки владения литературным языком, на которые гораздо легче будет наложить тот или иной диалект в зависимости от того, с чем человек столкнется на практике.

Наш учебный план не дает нам возможности много времени уделить знакомству студентов с живыми арабскими диалектами. Тем не менее, было бы неправильно совсем скрывать от своей аудитории реальное положение дел. Многие студенты даже старших курсов, приезжая в арабские страны на стажировку, испытывают разочарование, обнаружив, что на улицах их плохо понимают, а они не понимают вообще ничего. Чтобы хоть как-то подготовить ребят к реальности, можно, во-первых, подробнее рассказать о существующей языковой ситуации в регионе и причинах ее складывания, а во-вторых, привести примеры звучания диалектов, что очень удобно сделать, подобрав небольшие аудио- и видефрагменты из интернета.

Заключение.

В данной статье мы коснулись проблемы подбора языкового материала при обучении арабскому языку как иностранному и, в частности, как второму иностранному языку в непрофильном вузе. Эта проблема представляется нам крайне актуальной, поскольку от ее осмысления напрямую зависит эффективность нашей работы. Мы ни в коем случае не претендуем на то, что перечисленные выше виды материалов представляют собой исчерпывающий список и надеемся, что наша дальнейшая работа, а также тесное общение с коллегами позволит существенно дополнить и расширить этот перечень.

Литература

1. Аль-Аммари М. С., Аль-Мусави С., Хабибуллина А.М. Место и значение Арабского языка в России // Арабистика Евразии. – 2018. – N 4. – С.40-56.
2. Кузьмин С. А. Учебник арабского языка: для первого года обучения/ Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока. – 5-е изд. – М.: МГИМО-Университет. – 2015.
3. Ландо Н.С. К проблеме отработки навыков чтения и понимания неогласованного текста на арабском языке / Н.С. Ландо // Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия. – М.. – 2019. – С. 166-175.
4. Основная образовательная программа высшего профессионального образования. Направление подготовки 032100 – «Востоковедение и африканистика» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.iaas.msu.ru/images/Materials/OOPVostok.doc> – (Дата обращения: 11.11.2019).
5. Abdur Rahim, V. Arabic Course for English Speaking Students - Madinah Islamic University. - UK Islamic Academy. – 2002.
6. Brustad K., Al-Batal M., Al-Tonsi A. Al-Kitaab fii Tacallum al-cArabiyya. A Textbook for Beginning Arabic: Part One Third Edition, Student's Edition. – Georgetown University Press. – 2015.
7. Schulz, E., Krahl, G., Reuschel, W. Standard Arabic. An Elementary-Intermediate Course. – Cambridge University Press. – 2000.

УДК 811.411.21

Тема «Медицина» как один из компонентов формирования коммуникативной компетенции в процессе обучения арабскому языку

Магомедова С.И., Гамзатова А.М.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее коммуникативные и ценные лексические единицы русского языка по теме «Медицина», которые структурно не соответствуют российским эквивалентам и являются наиболее распространенными лексическими единицами арабского языка. Рассмотрены и рекомендованы этапы работы с этим словарем для развития у студентов навыков правильного использования лексических единиц в речи, необходимых для формирования коммуникативных и межкультурных компетенций, являющихся неотъемлемой частью профессиональной компетентности преподавателей иностранных языков. языки.

Ключевые слова: лексические единицы, семантика, словообразование, контекст, определение.

The subject "Medicine" as one of the components of the formation of communicative competence in the process of teaching the Arabic language

Magomedova S.I., Gamzatova A.M.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article deals with the most communicative and valuable lexical units of the Russian language on the topic of "Medicine", which structurally do not correspond to the Russian equivalents and which are the most common lexical units of the Arabic language. The stages of work with this vocabulary are considered and recommended for the development of students' skills of correct use of lexical units in speech, necessary for the formation of communicative and intercultural competencies, which are an integral part of the professional competence of teachers of foreign languages.

Key words: lexical units, semantics, word formation, context, definition.

Новая образовательная парадигма, предполагает ориентацию учебного процесса на формирование у учащихся умений и навыков, необходимых в профессиональной деятельности и создание условий для овладения учащимися комплексом компетенций, которые сочетают в себе знания, умения и навыки, позволяющие будущему специалисту ставить и достигать цели в своей профессиональной деятельности [2].

Соответственно целью обучения ИЯ ставится приобретение студентами «коммуникативной и межкультурной компетенций, уровень которых на отдельных этапах языковой подготовки позволяет использовать иностранный язык как в профессиональной деятельности, так и для целей самообразования» [5].

Самыми эффективными методами формирования коммуникативной компетенции на занятиях иностранного языка признаются разнообразные формы интерактивных занятий, так как условия их проведения наиболее приближены к реальным.

И тут важен правильный подбор текстового материала, содержащего речевые структуры, словосочетания, формы политекса, отражающие особенности языкового мышления данного этноса. Необходимость обусловлена тем, что «коммуникативная компетенция предполагает владение знанием о системе языка, знание способов формулирования мыслей с помощью языка, умение выбрать нужную лингвистическую форму и способ выражения мыслей в зависимости от условий речевого акта: ситуации, коммуникативных целей и намерения говорящего» [4].

Однако не менее важна и предварительная работа по усвоению лексики учащимися по теме

интерактивного занятия перед тем, как непосредственно перейти к его проведению.

Деятельность преподавателя и учащихся при подготовке к проведению интерактивного занятия должна быть направлена на систематизацию ранее изученного материала; овладение новыми языковыми средствами в соответствии с отобранной темой и ситуацией общения: увеличение объема используемых лексических единиц; развитие навыков оперирования языковыми единицами в коммуникативных целях.

Преподавателю следует определить лексический минимум, необходимый для правильного выражения мыслей, как на уровне нейтральных слов, словосочетаний и сверхфразовых единств, так и на уровне идиоматики по изучаемой тематике, а также какими наиболее употребительными лексическими единицами арабского языка передаются наиболее коммуникативно-ценные лексические единицы русского языка.

В результате анализа лексических единиц диалогов и текстов, отобранных нами по теме «Медицина», были выделены следующие лексические единицы, структурно не соответствующие русским эквивалентам:

1. أدخلوا جدي المستشفى	1. Они уложили бабушку в больницу
2. أخذت الحقنة اليوم	2. Сегодня мне сделали укол
3. أخذوا جدي إلى المستشفى بسيارة الإسعاف	3. Моего бабушку увезли в больницу на скорой
4. هل أجروا\أجرت لها بنجا موضعيا أم كلياً؟	4. Ему сделали местное обезболивание или общее?
5. إلى متى يجب أن تظل الرجل في الجبس؟	5. Сколько времени нужно ходить в гипсе?
6. أعطته الممرضة الحقنة\عملت له الممرضة الحقنة	6. Медсестра сделала ему укол
7. ينقل عليه المرض يوماً بعد يوم	7. Его болезнь усиливается с каждым днем
8. يزداد الألم أكثر إلى أكثر	8. Боль все больше усиливается
9. كيف أخذت البرد؟	9. Как ты подхватил простуду?
10. يجب عليك الكشف بالأشعة	10. Тебе нужно сделать рентген
11. يجب عليك أن تلتزم نظام الفراش حالاً	11. Тебе срочно нужно лечь в постель
12. شهادة الإجازة المرضية	12. Справка об отпуске по болезни
13. يستلزم\يقتضي الأمر إجراء عملية جراحية له	13. Ему необходимо провести операцию
14. أجرى لي عملية جراحية	14. Мне провели операцию
15. التوت رجلى	15. Я подвернул ногу
16. أصيبت رجلى	16. У меня нога поранилась / я повредил ногу

Анализ речевых единиц, репрезентирующих тематику «Медицина», выявил значительные различия в плане их структурного построения в русском и арабском языках.

Так, в значении «пораниться, получить ушиб», употребляется преимущественно глагол 1) أصاب «поражать, постигать (о беде, болезни)» 3) «ранить» в форме страдательного залога, либо глагол 1) جرح «ранить» также в страдательном залоге. Они употребляются в основном, когда речь идет о внешнем воздействии на организм, вызывающем ушиб, ранение, травму какого-либо органа. При этом употребление глагола أصاب с предлогом ب означает «быть пораженным чем-либо, какой-либо болезнью», с предлогом في – «раниться, подвергнуться болезни в какой-либо части тела»: أصيب في القدم (поражен в ногу) «поранил ногу»; أصيب بالزجاج (поражен стеклом) «поранился стеклом».

جرحت جرحاً بالغا - «я сильно поранился». Для обозначения силы удара/ранения в арабском языке используется масдар соответствующего глагола в сочетании с прилагательными: شديد «сильный», بالغ «большой, огромный (о ране)» в винительном падеже.

سقطت أو وقعت من - «Я шел по улице, споткнулся и сильно упал». وقعت وقعة شديدة فوق الشجرة و أصيبت رجلى «Я упал с дерева и поранил ногу».

Как видно из примеров, в арабском языке употребление того или иного глагола в значении «падать» зависит от ситуации падения: падение при передвижении или падение с высоты.

При жалобе на боль в какой-либо части тела в отличие от русского языка, в котором предложение строится по модели: «У меня болит горло, голова, рука и т.д.» в арабском языке употребительны конструкции: يؤلمني أيوجعني بطني ; «у меня болит голова»; أحس بالألم\بالوجع في رأسي (я чувствую боль в...) «у меня болит голова» (мне причиняет боль живот) «у меня болит живот»

В конструкциях: «Мне больно ходить, дышать и т.д.» употребительна либо конструкция أشعر\أحس «Мне трудно дышать\ходить», либо يؤلمني\يؤلمني المشي (мне причиняет боль ходьба) «мне больно ходить».

Динамику состояния здоровья вербализуют глаголы: تحسن «улучшаться», ساء «ухудшаться»:

احسن بتحسن (я себя хорошо чувствую), либо حسنت صحتي احالي (я чувствую улучшение) «Мне лучше»

ساعت حصتي احالي (ухудшилось мое состояние) «Я себя хуже чувствую».

Интересным представляется и то, что в значении «лечить» علاج и «лечиться» تعالج употребляются глаголы с корнем ج-ل-ع (употребительна также форма شفى «лечить»), но в значении «излечиваться» глаголы تشفى، استشفى -

Соответственно на этапе семантизации лексических единиц преподавателю необходимо применять те методы семантизации, которые позволят учащимся лучше понять, запомнить и в дальнейшем стилистически правильно использовать изученный лексический материал в своих речевых высказываниях.

Мы выбрали следующие способы семантизации отобранного нами нового лексического материала по теме: «Медицина»:

Семантизация с помощью синонимов/ антонимов.

Новые лексические единицы	Изученные лексические единицы
يؤلمني رأسي «у меня болит голова»	اشعر بالوجع/بالآلم في رأسي، عندى صداع
اخذ البرد «простудиться»	زكم
اصيب ب «поранился чем-то»	جرحه «его поранил»

2. Семантизация с использованием известных способов словообразования позволяет ввести слово в определенную парадигму, что способствует установлению более прочных парадигматических связей данного слова, а также повторению уже изученных слов, которые входят в эту категорию.

Так значение выражения: يؤلمني بطني (мне причиняет боль живот) «у меня болит живот», можно вывести методом словообразовательного анализа на основе сопоставления с ранее изученными однокоренными словами: ألم «боль», ألم IV рода «причинять боль».

3. Возможен буквальный перевод слова в случае, когда другие способы семантизации невозможны, либо есть вероятность неправильного истолкования значения выражения. Так, например, выражения: أجريت لي عملية جراحية (была проведена мне хирургическая операция) «Мне сделали операцию»; غمي عليه/سقط مغميا عليه. (он покрыт им/ он упал покрытый им) «Он упал в обморок», целесообразнее перевести на родной язык учащихся, так объяснение семантики этих выражений посредством других способов семантизации займет неоправданно много времени.

4. Контекст способствует умению устанавливать значение слова (в данном случае دواء مسكن), опираясь на знание семантики ранее изученных лексем, помогает устанавливать контекстуальные значения всех слов в предложении.

شعرت بالآلم فى سنى و ما زال الآلم خلال ساعة. لكن أفضل أن تألم على تناول دواء مسكن لأنها فى رأى مضر لصحة. أما هذه المرة فذهبت الى الصيدلية واشتريت دواء مسكنا لأننى لم أقدر على تألم الآلم مثله.

5. Дефиниция формирует в сознании учащихся ассоциации, связанные с этим словом, которые позволяют лучше понять и запомнить слово, так как процесс ознакомления с новым словом происходит путем анализа речевой структуры, в которой он употреблен. Например:

يتعرض له الإنسان مباشرة قبل إجراء له عملية جراحية. هناك نوعان منه كلي و موضعي. (بنج)

На этапе выработки автоматизмов и установления прочных лексических связей выполнение следующих языковых и условно-речевых упражнений позволяет довести до автоматизма навык употребления в речи новых изучаемых языковых единиц.

1. Подобрать синонимы/антонимы к данному слову.

إصابة - جرح، كشف - فحص، مريض - مصاب، مضر - مفيد، علاجي.

2. Определить слово, которое не подходит к данной группе:

صداع، - مغص، - كُتاف، - ألم
ميزان الحرارة، - سماعة، - مرهم، - مقياس الضغط الشرياني

3. Назвать словосочетания, в которых используются данные слова:

عملية جرحية، أكثر إلى أكثر، بنج موضعي...

4. Подобрать к существительному как можно больше прилагательных и глаголов:

ألم - وجع، - شعر، أحس، تألم، شديد، زال، ذهب، أزداد...
ضغط - دموي، انخفض، مرتفع، شرياني...

5. Назвать ситуации, в которых могут использоваться следующие выражения:

خذ شهيقا عميقا، مما تشكو؟ (في عيادة الطبيب)
بعد قليل سأتي لأعطيك الحقنة (في غرفة المستشفى)
متى تسير سيارة الإسعاف؟ ليس في قدرتي تألم هذا الألم! (في منزل المريض)

هذه هي وصفة الطبيب! اعطني الأدوية حسبها! (في الصيدلية)

6. Закончить следующие предложения

يقول الطبيب للمريض: تناول دواء مسكنا ل....

إذا أخذت البرد يجب عليك أن تلزم الفراش و...

تحسنت حالتي بعد...

دعا المريض سيارة الإسعاف الى بيته و قاس الطبيب ضغطه الشرياني و...

7. Трансформируйте предыдущий диалог в монолог по образцу:

استيقظت من النوم ليلة امس على ألم شديد في ظهر. تناولت بعض الأقراص المسكنة لكن الألم لم يزل. و عذمت على ذهاب الى دكتور في اليوم التالي...

8. Задать вопросы, ответы на которые будут содержать следующие выражения:

يجب عليك ان تلزم الفراش، وقعت وقعة شديد، انكسر عظام رجلى، بل يزداد الألم اكثر الى اكثر، لا سيما فى الظلام.

9. Составить рассказ используя данные выражения:

سقط مغميا عليه، سيارة الإسعاف، ادخلوه المستشفى، قاس الضغط الشرياني، اصيب بالنكسة القلبية، اعطته المرحضة حقنة، يلتزم الأمر اجراء عملية جراحية

10. Составить диалог опираясь на данные слова:

وجع فى الحجر، افتح فمك واسعا، زكام شديد و سعال، افحص قلبك و رئيتك، الكشف بالأشعة، تذاكر الدواء، مزيج، قطرة، حقنة البيبنيسلين، شهادة الإجازة المرضية.

После проведенной работы по семантизации новых лексических единиц и выработки навыков их употребления в речи отрабатываются навыки использования лексических единиц в разнообразных речевых ситуациях.

Не проделав весь этот объем работы по введению, закреплению и выработке навыков употребления лексических единиц в речи невозможно проведение интерактивного занятия, являющегося непременным компонентом формирования коммуникативной компетенции у учащихся.

Литература

1. Ибрагимов И.Д. Практический курс арабского языка. Ч.1–2. Москва. АСТ: Восток–Запад 2006.
2. Кабардов М.К. Языковые и коммуникативные способности / М.К. Кабардов, Арцишевская Е.В. // Способности и склонности. М.: Педагогика. 1989.103-104с.
3. Лебедев В.Г, Тюрева Л.С. Практический курс арабского литературного языка. Часть 1. М.: Восток–Запад, 2005. – 341 с.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. / Е.И Пассов. – М.: Просвещение, 1991.
5. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. 2003. – М. С. 2.

УДК 811.411.21

Некоторые аспекты работы над лексикой арабского языка

Магомедова С.И.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

sakinat.0111@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема выбора лексических единиц арабского языка при составлении учебников и подборе текстов в соответствии с принципами выбора лексических единиц на основе: 1) принципа частоты, 2) смысловой ценности 3) словообразовательное значение; 4) многозначность слов; 5) прогнозирование ошибок путем языкового вмешательства.

Ключевые слова: принцип частоты, принцип семантического значения, принцип словообразовательного значения, принцип многозначности слов, принцип прогнозирования ошибок по

языковым помехам, лексические единицы, семантика.

Some aspects of working on vocabulary of the Arabic language

Magomedova S.I.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article raises the problem of selection of lexical units of the Arabic language in the preparation of textbooks and the selection of texts in accordance with the principles of selection of lexical units on the basis of: 1) the principle of frequency, 2) semantic value, 3) word-formation value, 4) polysemy of words, 5) prediction of errors by language interference.

Key words: the principle of frequency, the principle of semantic value, the principle of word-formation value, the principle of polysemy of words, the principle of error prediction by language interference, lexical units, semantics.

Владение, словом, является важнейшим условием осуществления коммуникативной деятельности, так как именно лексика в силу своей номинативной функции является вербализатором всех сфер жизнедеятельности человека. Владением словом предполагает знание всех форм слова: звуковой, графической и грамматической, его значения и употребления. И если знание и овладение учащимися формами слов, как правило, не представляет для преподавателя особой проблемы в процессе обучения языку, то овладение их значением, а особенно знанием употребления слова, – остается одной из самых актуальных.

Учебные тексты являются основным источником пополнения лексического запаса учащихся и основной опорой для формирования навыков говорения. Поэтому крайне важен правильный подбор текстов при составлении учебников для каждого уровня обучения с точки зрения лексических единиц, содержащихся в них. И это особенно актуально касательно составления учебников арабского языка, так как методика преподавания арабского языка еще недостаточно разработана в России.

При подборе, редактировании, составлении текста необходимо придерживаться следующих принципов отбора лексических единиц:

1. Принцип частотности (статистический принцип отбора лексики) согласно которому устанавливаются наиболее употребительные в синонимическом ряду слова в отдельном источнике или совокупности источников. Например, в синонимическом ряду глаголов со значением «уходить»: ذهب، انسحب، اصرّف، راح، انطلق، مضى، наиболее употребителен глагол ذهب. Соответственно на начальном и начальном среднем этапах обучения вводится глагол ذهب.

2. Принцип словообразовательной ценности. Ценность лексических единиц, отбираемых в учебных целях, зависит от их способности образовывать новые слова с помощью префиксов, суффиксов, аффиксов, создавая тем самым предпосылки для формирования у учащихся навыков языковой догадки, необходимой им для самостоятельной семантизации новых лексических единиц.

Ум	
1. ум, разум	لُبّ
2. быть проникательным, умным, разумным	لُبّ
3. умный, проникательный	لبيب
1. становиться разумным, разуметь, понимать	عقل
2. разумность	تعقل
3. умный	عاقِل
4. ум, разум	عقل
5. рационализм	عقلانية
6. умозаключения	عقلانيات
7. интеллектуальный	عقلي
8. умственный уровень	عقلية
9. умный, разумный	عقول

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

10. благоразумный, здравомыслящий	متعقل
11. разумный, логичный	مغقول
12. разумность, понятность	معقولية

Из приведенной таблицы становится очевидным, что из двух лексем **عقل** и **لب**, обозначающих «ум» в арабском языке, в учебных целях следует выбрать лексему **عقل**, так она образует наибольшее число производных лексических единиц.

3. Принцип многозначности слов. В соответствии с данным принципом из двух или нескольких лексем, имеющих одно и то же лексическое значение, отбирается многозначная лексема. Например, из следующих лексем – **جاء** 1) приходить, прибывать, являться; 2) подходить; 3) случаться, получаться, оказываться; 4) делать, совершать; 5) приносить, приводить(б); 6) содержаться, значиться, сообщаться; **وصل** 1) приходить, прибывать; 2) достигать, доходить (до чего-либо); **قدم** «прибывать, приезжать куда-либо»; 2) «осмеливаться (на что-либо **الى**), в значении «приходить, прибывать» согласно данному принципу целесообразнее ввести лексему **جاء**. Однако лексемы **وصل** и **قدم** также употребительны в арабском языке, как и лексема **جاء** и потому не следует ограничиваться употреблением в текстах только лексемы **جاء** на протяжении длительного времени.

4. Принцип семантической ценности предполагает отбор слов с позиции минимализации числа изучаемых лексических единиц. Этим принципом необходимо руководствоваться при отборе текстов и диалогов по определенной тематике. Отбираются функционально ценные слова, выражающие наиболее важные понятия изучаемой тематики.

تجارة	
Ассигновать	خصَّص
торговое соглашение	عقد
экспортировать, импортировать	صدر
Сумма	مبلغ
Товары	مبيعات، سلع
заключить торговое соглашение	عقد غتفاقا تجاريا
клиент, покупатель	زبون
Цена	ثمن
Скидки	خصم
Дебет	جانب الدين
Кредит	قرض (قروض)
Товарообмен	تبادل تجاري
Налог	ضريبة (ضرائب)
Взаиморасчет	حساب متبادل
Демпинг	إعراق السوق
Дистрибуция	توزيع

Каждая тематика включает в себя большое количество лексических единиц, в том числе и профессиональную терминологию. При разработке учебника включать всю лексику или большинство терминов по изучаемой тематике, стараясь максимально охватить тему, - недопустимая ошибка! Это приводит к непониманию текстов, к сложности обсуждения темы и как результат – к снижению мотивации и интереса со стороны учащихся.

5. Принцип прогнозирования ошибок по языковой интерференции. Данного принципа необходимо придерживаться при отборе лексики для старшего среднего и завершающего этапов обучения, так как должен отбираться лексический минимум, необходимый для стилистически правильного выражения мыслей учащимися, как на уровне слов, словосочетаний и сверхфразовых единств, так и на уровне идиоматики. Рассмотрим вначале на уровне слов. Например, на начальном и среднем этапах обучения вводится глагол **طلب** «просить, требовать» в соответствии со всеми выше перечисленными принципами, но он отличается по своему употреблению от близких по значению (в представлении носителей русского языка) глаголов арабского языка: **وكل**, **أوصى**, **وكل**. Так, глагол **أمر** «требовать, велеть», в отличие от глагола **طلب** «просить, требовать» не несет в себе идею просьбы и потому употребителен в основном в значении «приказать», например: **أمر الخليفة عمر بن الخطاب (ض) سعد بن أبي** «Халиф Умар ибн аль-Хаттаб приказал Сааду ибн Абу Ваккасу. **وقاص أن يقود جيش المسلمين لقتال الفرس.**

руководить войсками в битве с персами» [1].

Семантика же глагола طلب как бы в промежутке между значениями глаголов أمر «требовать, велеть» и توسل «просить, молить, умолять», сравните: (He были требования мусульман многочисленными или необычными) «Мусульмане не требовали многого или чего-то необычного» [1]; يا أمي كلمي أبي أنت فأني أخاف أن يرفض طلبي [1]; «Пожалуйста, мама, поговори ты с отцом! Я боюсь, что он отвергнет мою просьбу» [2]. طلبت من النادل قائمة الألمان «Я попросил у официанта (сказал, чтоб принес) меню»; в первом случае – требование, во втором – просьба, в третьем – выражение пожелания.

Глаголы توسل و أوصى более близки по своей семантике в значении «просить», однако также различаются по контексту употребления. Сравните: توسل أحمد إلى أمه أن تدعه يسهر معهم الليلة «Ахмад просил (умолял) мать, чтоб она позволила ему провести вечер вместе с ними» [2]; أعطيت ما كسبته بزوجتي و أوصيت أن «Я отдал жене все заработанные деньги и попросил (распорядился), чтоб она как можно лучше приготовила праздничное блюдо» [3].

Глагол أوصى «поручать, рекомендовать» и وكّل «поручать, уполномочивать» близки по значению «поручать», но существенно отличаются по употреблению, сравните: تركت جدتي البيت و أوكلتني بهتمام بجدي و بإعطائه الجرعات الطبية «Бабушка ушла и поручила (сделала меня ответственным), чтоб я присматривал за дедушкой и давал ему лекарства» [4]; وكلت فاطمة أباها لبيع لها البيت. «Фатима поручила (возложила ответственность) своему брату продать ее дом».

Таким образом мы наблюдаем существенные различия в оттенке употребления глаголов синонимического ряда «просить, требовать», поэтому употребление одного и того же глагола طلب «просить, требовать» во всех перечисленных ситуациях речевого общения стилистически неверно и непозволительно учащимся старших классов.

При передаче своих мыслей на иностранном языке учащиеся, как правило, руководствуются объемом и системами значений слов и словосочетаний родного языка, пытаются строить фразы по структурно-речевым образцам, свойственным родному языку. Поэтому необходимо определить, какими наиболее употребляемыми и ценными для общения лексическими единицами арабского языка могут быть переданы наиболее коммуникативно-ценные лексические единицы русского языка, которые по своей смысловой структуре или по структурно-речевым моделям расходятся с соответствующими словами, выражениями и конструкциями арабского языка. Например, в словосочетаниях: «прибрать квартиру» и «заправить постель» в обоих случаях может быть употреблен глагол رتب «приводить в порядок, располагать по порядку». В качестве синонима глагола رتب в словосочетании «прибрать квартиру» возможно употребление глагола نظف «чистить, очищать», т. к. под уборкой квартиры подразумевается ее очищение от грязи. Синонимичной же конструкции словосочетанию «заправить постель» является: وقف السائق بالسيارة. «водитель остановил машину» и «мужчина остановил такси» أوقف رجل سيارة الأجرة. В первом примере наряду с глаголом أوقف «останавливать» возможно употребление глагола وقف ب «останавливаться» с предлогом ب в значении «совместность», так как подразумевается прекращение движения водителя вместе с остановкой самой машины.

Большинство переводных вариантов арабского языка устойчивых выражений русского языка, например: «все идет своим чередом» كل شيء يسير سيره الطبيعي (каждая вещь идет своим естественным ходом), «я к вашим услугам» أنا تحت أمرك (я под вашим приказом), «темно, хоть глаз выколи» الدنيا ظلام في (мир – темень во тьме) и т. д. тоже существенно отличаются. Поэтому преподавателю необходимо проводить анализ лексем, образующих словосочетания и устойчивые выражения с тем, чтобы учащиеся лучше поняли особенности мышления носителей изучаемого языка, а также для развития у них «чувства языка».

Но здесь возникает вопрос: следует ли ограничивать учащихся от употребления неполных синонимов, отличающихся коннотативно, от аутентичных материалов вплоть до старших классов? Конечно, нет! Аутентичные материалы на начальном этапе обучения необходимо вводить в форме скороговорок, детских песен, считалок, слегка адаптированных сказок с целью их заучивания и обыгрывания. Это способствует развитию чувства языка уже на начальном этапе, так как учащиеся слышат, проговаривают и заучивают аутентичный материал (песенки, пословицы, считалки и т.д.), который как нельзя лучше отображает особенности изучаемого языка, но здесь исключается анализ лексических единиц.

На среднем этапе обучения, безусловно, необходимы аутентичные тексты, но частично адаптированные в учебных целях, т. е. их лексический материал анализируется, редактируется и вводится согласно вышеперечисленным принципам отбора лексических единиц.

В статье рассмотрена лишь одна из проблем, которую необходимо разрешить в методике преподавания арабского языка для формирования у учащихся навыков правильного употребления в речи лексических единиц. Необходимо также изучить и разработать методы работы с лексикой арабского языка с позиции школы Г.В. Роговой, которая выделяет три компонента содержания обучения лексике: лингвистический, методологический и психологический [5].

Литература

1. وصفى آل وصفى من سلسلة "رايات الإسلام" دمشق ١٩٨٤
2. فاضل أبو السعود السباعي "قافلة الزيت" دمشق. ١٩٧٨
3. محمود تيمور "العبيد له ضحية" القاهرة ١٩٩٨
4. Ковыршина Н.Б Арабский язык. Домашнее чтение. М.: Муравей, 2004. – с. 22
5. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

УДК 811.411.218

УДК 37.017.922

Арабский язык и теологическое образование. Методика преподавания арабского языка при подготовке теологов

Сулейманова З. С.

**ЧПОУ «Медицинский колледж» имени Башларова;
Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия)**

Аннотация: Арабский язык и теологическое образование рассматриваются в качестве составных элементов в структуре современного общества. В статье так же обозначена специфика преподавания арабского языка при подготовке специалистов в области теологии. Автором освещается позиция ислама по отношению к образованию в целом, а так же роль арабского языка в теологическом образовании. В виду того что программа подготовки специалистов в области теологии включает в себя изучение основных источников исламского вероучения, в статье обозначено что, содержание исламского теологического образования предполагает обязательное изучение языка этих источников – арабского языка. В статье отмечено что, интенсификации учебного процесса при обучении как и любому иностранному, так и арабскому языку, можно добиться путем широкого применения технических средств. Автором так же обосновывается идея о том, что в формировании компетенций, в частности духовно-нравственной (личностной), особая роль принадлежит лично-ориентированному подходу. В заключении, обоснована актуальность арабского языка. И даётся вывод о динамичности методики преподавания арабского языка.

Ключевые слова: арабский язык, теологическое образование, компетенции, духовность, развитие.

Arabic language and theological education. The methodology of teaching the Arabic language in the training of theologians

Suleymanova Z. S.

**ChPOU "Medical College" named after Bashlarov;
Dagestan State University (Makhachkala, Russia)**

Annotation: Arabic language and theological education are considered as components in the structure of modern society. The article also outlines the specifics of teaching Arabic in the preparation of specialists in

theology. The author highlights the position of Islam in relation to education in general, as well as the role of the Arabic language in theological education. In view of the fact that the program of training specialists in theology includes the study of the main sources of Islamic dogma, the article indicates that the content of Islamic theological education involves the mandatory study of the language of these sources - the Arabic language. The article notes that the intensification of the educational process in teaching both any foreign and Arabic language can be achieved through the widespread use of technical means. The author also substantiates the idea that in the formation of competencies, in particular spiritual and moral (personal), a special role belongs to the personality-oriented approach. In conclusion, the relevance of the Arabic language is justified. And the conclusion about the dynamism of the methodology of teaching the Arabic language is given.

Key words: Arabic, theological education, competencies, spirituality, development.

Одним из важных составных элементов в структуре современного общества, формирующим мировоззренческие аспекты личности и обеспечивающей социальный прогресс является теологическое образование.

Теологическое образование является важным составным элементом в структуре культуры современного общества. Ведь именно образование является наиболее приоритетной ценностью, формирующей мировоззренческие аспекты личности и обеспечивающей социальный прогресс общества.

Рассматривая историко-культурологические вопросы образования, А.Я. Флиер отметил, что «первенство в создании публичных высших учебных заведений принадлежит исламу»[5:311].

Ислам придает огромное значение вопросу об образовании. Получение знаний, просвещение и образование считаются наиболее достойным занятием на протяжении всей истории исламской цивилизации. Об этом свидетельствуют основные источники исламского вероучения – Коран и сунна. Пророк Мухаммад (мир ему и благословение) сказал: (*طَلَبُ الْعِلْمِ فَرِيضَةٌ عَلَى كُلِّ مُسْلِمٍ* –Талыбу-ль-ильми фаридатун аля кулли муслимин) «Поиск знаний – обязанность каждого мусульманина»[9]. Важным фактором подтверждающим высокую значимость просвещения является тот исторический факт, что первым словом ниспосланным пророку было «читай». В хадисе переданном от имама Ахмада, от Аиши (да будет доволен ею Аллах) сказано: «...и пришел к нему ангел в ней (пещере) и сказал: (*اقْرَأْ* –икраъ) «читай»...»[6:1260]. В Коране также имеется множество строк побуждающих к грамотности. Коран, по сути, является источником наук и культурного просвещения, от личной гигиены вплоть до эмбриологии.

В исламе, обучение в религиозных учебных заведениях давало первоначальные знания, как в области мусульманской культуры, так и в области естественнонаучной.

Говоря о нынешнем состоянии теологического образования необходимо особо отметить динамично развивающийся ВУЗ, основанный в 2008 году – «Дагестанский гуманитарный институт».

Данное учебное заведение имеет аккредитацию, и ведёт свою деятельность на основании лицензии: «Серия 90Л01 №0008257 рег. №1273» [12]. Старое название «Институт теологии и международных отношений имени Маммадибира ар-Рочи». Это – образовательная организация высшего образования, выпускающая специалистов различных направлений: «Искусствознание» (факультет «Искусство и гуманитарные науки»); «Политические науки и регионоведение» (фак. «Международные отношения»); «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело» (фак. «Журналистика»); экономика и управление (фак. «Бизнес-информатика»). Здесь стоит особо выделить направление – «Теология» (фак. «Теология»).

Необходимо отметить что, выпускники теологических учебных заведений и светских учебных заведений с теологическим уклоном являются не просто специалистами в той или иной области, не только обладателями суммой знаний, умений и навыков, но и прежде всего – духовно зрелыми личностями. Так, выпускники Дагестанского гуманитарного института проявляют себя не только в области богословия, но и в области науки экономики, журналистики, а так на всех уровнях политической арены: региональной, государственной и даже межгосударственной.

Приятно отметить, что тенденция развития теологического образования имеет ярко выраженную прагматическую направленность. Тем не менее, все чаще социальный заказ родителей Дагестанских школьников и студентов имеет духовно-нравственную направленность. Так как имеется явная тенденция в итоге учебно-воспитательного процесса, получить не просто обладателя суммой знаний, умений и навыков, прежде всего, духовно зрелую личность, формирователя общественного прогресса.

В виду того что программа подготовки специалистов в области теологии включает в себя изучение основных источников исламского вероучения: Корана, сунны, иджма (единогласное решение ученых), кияс (суждение по аналогии), содержание исламского теологического образования

предполагает обязательное изучение арабского языка – языка основных источников исламского вероучения.

Необходимость изучения арабского языка связана также со сменой картины мира, развитием разнообразия в жизнедеятельности.

В наши дни значительно изменился статус иностранного языка и в российском обществе. Стремительное вхождение России в мировое сообщество, экономическая и социокультурная ситуация в стране обеспечили огромный спрос на знание иностранных языков, создали мощную мотивационную базу для их изучения, расширили ее контакты с другими странами, произошла интернационализация всех сфер общественной жизни.

Традиции преподавания арабского языка в России насчитывают более полутора веков и уходят корнями в эпоху становления университетского образования. Анализируя историю отечественной арабистики, академик И.Ю. Крачковский отмечал, что русская арабистика, положив основание собственной научной школе почти на два века позже Западной Европы, к 20-м годам прошлого столетия «догнала Запад и твердо заняла достойное место в первом ряду старших предшественников» [2:140]. Уже в 1928 году, после выхода в свет грамматики Н.В. Юшманова, появились основания утверждать, что «у нас появилась ранее не представленная дисциплина – арабская лингвистика» [2:150], занявшая определенное место в системе образования, получившая распространение на различных уровнях образовательной системы.

Арабский язык имеет большое положение и высокий статус для мусульман, в виду того, что он является языком двух главных источников вероучения: Корана и Сунны (изречения пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует)).

Следует также отметить, что за последнее время в России, наблюдается тенденция роста количества мусульман, возрастает и потребность в изучении арабского языка.

Необходимо особо подчеркнуть, что по мере роста потребности, возрастает и актуальность, и будет продолжаться вплоть до Судного дня: «إِنَّا نَحْنُ نَزَّلْنَا الذِّكْرَ وَإِنَّا لَهُ لَحَافِظُونَ» [7]. «Поистине, Мы (Аллах) – Мы ниспослали Напоминание (Коран), и поистине Мы его (Коран), действительно, охраняем (от любых изменений, добавлений и убавлений)» [10]. Коран обусловил сохранность языка до настоящего времени и его актуальность до конца света.

Процесс изучения арабского языка при подготовке теологов, как в высших, так и средних специальных учебных заведениях предполагает формирование у обучаемых следующих компетенций: учебно-познавательной, речевой, языковой, социокультурной, духовно-нравственной (личностной). То есть студенты приобретают правильные произносительные навыки; умеют свободно и правильно пользоваться грамматическими конструкциями арабского языка; умеют использовать лексический материал, отобранный в соответствии с речевыми действиями, универсальными понятиями, темами и ситуациями, во всех видах коммуникативной деятельности.

Особая роль при подготовке теологов отводится духовно-нравственной компетенции, так как целью при подготовке специалистов теологов является получить не просто обладателя суммой знаний, умений и навыков, а так же, духовно зрелую личность, обладающего благим нравом, примером которого является сам пророк (да благословит его Аллах и приветствует). Как говорит Аллах Всевышний, обращаясь к пророку: «وَإِنَّكَ لَعَلَىٰ خُلُقٍ عَظِيمٍ» [7]. «Воистину, твой нрав превосходит» [11].

Успешность формирования выше перечисленных компетенций зависит от того насколько успешно подобрана методика обучения.

Обучение арабскому языку на всех этапах процесса строится, как правило, на основных формах учебной деятельности:

- аудирование
- говорение
- чтение
- перевод (на лекционных занятиях)

А в качестве основных форм учебной деятельности на практических занятиях используются следующие методы: объяснение материала, опрос, выполнение упражнений, беседа, обсуждение, дискуссии и др.

Определенное значение в процессе обучения имеет так же пространственный фактор. Следует уравнивать пространственное размещение преподавателя с пространственным положением обучаемых. Для этого желательно оснастить учебное помещение круглым столом, за которым все получат возможность сохранить неприкосновенным «свое личное пространство и смотреть друг другу в лицо».

Относительно преподавания теологических дисциплин круглый стол имеет огромное значение. Здесь необходимо избегать традиционного размещения обучаемых «затылок в затылок», не только для улучшения коммуникативной составляющей, но и для соблюдения многовековых правил поведения относительно Корана.

Необходимо отметить, что одной из основных задач учителя является - активизация деятельности каждого учащегося в процессе обучения, создание ситуации для их творческой активности. Достижение этих целей предполагает использование современных технологий – различных интернет-ресурсов и приложений, помогает реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивает индивидуализацию и дифференциацию с учетом особенностей обучающихся, их уровня знаний. Интенсификации учебного процесса при обучении как и любому иностранному, так и арабскому языку, можно добиваться путем широкого применения технических средств, обеспечивающих использование соответствующих пособий, учебно-методических комплексов, аудио- и видеозаписей.

Возможности использования ИКТ очень разнообразны. Это и переписка с жителями стран изучаемых языков посредством электронной почты, и участие в международных интернет-конференциях, семинарах и других сетевых проектах подобного рода, и создание и размещение в сети сайтов и презентаций, которые могут создаваться совместно преподавателем и обучаемым. Кроме того, возможен обмен презентациями между студентами и преподавателями из разных стран.

ИКТ развивают социальные и психологические качества обучающихся: их уверенность в себе и способность работать как индивидуально, так и в коллективе; создает благоприятную для обучения атмосферу сотрудничества, выступая как средство интерактивного подхода.

Важно отметить и то, что современные студенты хорошо владеют информационными компетенциями и зачастую сами того не осознавая применяют эффективные педагогические методы при реализации самостоятельной работы. Известно что для обсуждения того или иного задания по курсу создаются группы, где студенты обсуждают задания и их выполнения. В данном контексте речь идет о том, что задача современного педагога должна состоять в том, чтобы быть осведомленным относительно ключевых тенденций развития ИКТ в образовательном пространстве.

ИКТ находят все большее применение в организации учебного процесса, позволяют продуктивно рассмотреть все возможные аспекты (от лингвистического до культуроведческого), совершенствуют иноязычную речевую деятельность. Их использование способствует совершенствованию лингвистической и межкультурной компетенций учащихся, формированию культуры общения в электронной среде, повышению информационной культуры в целом, а также развитию навыков работы на компьютере: поиск, обработка, передача, систематизация информации и презентация результатов научно-исследовательской деятельности учащимися.

Еще одним важным фактором в преподавании арабского языка при подготовке теологов, является личностно-ориентированный подход (ЛОП). Данный подход ставит личность учащегося в центр процесса обучения, предоставляет приоритет индивидуальности, самооценке, основывается на уважении к мыслям обучающегося, на поощрении его активности и творческих возможностей.

При личностно-ориентированном подходе личность педагога и личность обучающегося выступают в качестве его активных и основных субъектов, находящихся в отношениях сотрудничества, духовно-морального единства, творчества.

Именно духовно-моральному единству отводится главенствующая роль при подготовке специалистов в области исламской теологии. Имам аль Газали в своей книге «Ихйа' 'улум ад-дин» (Возрождение религиозных наук), говоря о взаимоотношениях учитель – ученик, в перечне обязанностей учителя по отношению к ученику первое место отводит духовно-моральному единству. Первая обязанность по его мнению заключается в проявлении милости к ученику, отношении к нему как к сыну, так как пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал:

«...إنما أنا لكم بمنزلة الوالد أعلمكم...» [8:26]. Газали сказал: «Воистину – отец. На самом деле. Ведь отец (родной) является причиной жизни (твоей) бренной, а учитель – причина жизни вечной» [8:26].

Необходимо особо подчеркнуть, что всё вышесказанное эффективно лишь при наличии правильно подобранного учебного материала, а именно учебников и учебных пособий. В качестве примера можно привести успешно используемый в ДГИ ГПК учебник «Арабский язык» (А.И. Абдурахманов).

Данный учебник позволяет дать обучаемым знания нормативной грамматики, создать необходимый запас лексики по изучаемой тематике, выработать навыки чтения и письма, сформировать

и развить навыки и умения устной речи, позволяющие понимать высказывания собеседника и вести с ним беседу в пределах изученной тематики. Он ориентирован на выработку коммуникативных навыков, снабжен аудиокурсом и может служить в качестве самоучителя.

А так же учебные пособия, используемые в ДГИ: «Арабский язык для всех» (А.И. Абдурахманов, Д. Абдурахман бин Ибрагим Фавзан), «Деловая документация. Язык арабской прессы» (А.И. Абдурахманов, Ибрагимов И. Дж.), «Арабский язык для всех», «Учебное пособие по теме «Ислам»» (А.И. Абдурахманов). И учебное пособие «Арабский язык» (А.И. Абдурахманов, Ибрагимов И. Дж.) специально разработанное для медицинского колледжа им. Башларова.

И так, правильно выстроенная методика преподавания с использованием современных технологий, на базе правильно подобранного учебного материала успешно формируют у студентов: учебно-познавательную, речевую, языковую, социокультурную компетенции. То есть студенты приобретают правильные произносительные навыки; умеют свободно и правильно пользоваться грамматическими конструкциями арабского языка; умеют использовать лексический материал, отобранный в соответствии с речевыми действиями, универсальными понятиями, темами и ситуациями, во всех видах коммуникативной деятельности.

А в формировании духовно-нравственной компетенции ведущая роль принадлежит личностно-ориентированному подходу.

Личностно-ориентированный подход, а именно духовно-моральное единство является основополагающим фактором, посредством которого можно получить не просто обладателя суммой знаний, умений и навыков, но и духовно зрелую личность, формирователя общественного прогресса. В заключении хотелось бы отметить, что арабский язык останется актуальным во все времена, так как Коран обусловил его сохранность до Судного дня. И методика преподавания арабского языка весьма динамична и будет меняться в соответствии со сменой картины мира.

Литература

1. Дорофеев В.А. Взаимосвязь доверия и понимания участников образовательного процесса / В.А.Дорофеев // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки.- Ростов-на-Дону,- 2009.-№3.-С. 163
2. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранное собрание сочинений. - М.-Л.,1958.С.140.
3. Салах Абдель-Хамид , Natural Language , Обучение. Теория и практика», Ливан, 1981 г.
4. Хасан Джафар, О преподавании арабского языка, Эр-Рияд, 1424 г.х.
5. Флиер А.Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. М., 2010. С.311.
6. مختصر تفسير ابن كثير للشيخ محمد كريم راجع. 2015.Beirut-Lebanon – С.1260.
7. القرآن الكريم Аль-Мадина. (сура-68, аят-4) (сура-15, аят-9)
8. إحياء علوم الدين أبو حامد محمد بن محمد الغزالي الطوسي لبنان مختصر 2014.- С.26
9. <https://ar.islamway.net/fatwa/55557/> (дата обращения: 29.09.2018)
10. <http://quran-online.ru/15:9> (дата обращения: 29.09.2018)
11. <https://quran-online.ru/68/saadi> (дата обращения: 29.09.2018)
12. <https://moeobrazovanie.ru/itmo/> (29.09.2019)
13. <http://islameducation.ru/methodology/arablant> (дата обращения: 29.09.2018)
14. <http://shamela.ws/browse.php/book-37015/page-14> (дата обращения: 29.09.2018)
15. <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-obrazovanie-v-dagestane-kulturologicheskiy-analiz> (дата обращения: 29.09.2018)

УДК 81-26

Двойственное число в арабском языке (на материале трактата египетского лингвиста М. ал-Галайини “Джами‘ ад-дурас ал-‘арабийя”)

Шалкинская А.Ю.

МГУ им. М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки МГУ Кафедра
арабской филологии, Москва, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена двойственному числу в арабском языке в его морфологическом и семантическом аспектах. Были рассмотрены основные и вторичные выражаемые значения двойственного числа, общий словообразовательный алгоритм и количественная семантика, случаи запрета образования двойственного числа, особенности функционирования: образование двойственного числа от множественного, контекстуальная замена форм двойственного числа множественным). Настоящее исследование проводилось на основе трактата египетского лингвиста М. ал-Галайини “Джами‘ ад-дурус ал-‘арабиййа”. В задачи данной работы не входит проследить проблематику двойственного числа в ТАГ в динамике, однако мы считаем целесообразным привлечь к анализу наиболее значимых положений теории работы предшествующих периодов развития ТАГ. С этой целью мы выбрали два трактата – «Китаб» Сибавайхи¹ – самый ранний грамматический труд арабов, а также «Шарх ал-Муфассал» Ибн Йа‘иша², отражающий зрелый этап развития арабской грамматической теории.

Ключевые слова. Двойственное число, редупликация, квантитативная семантика, лексикализация, десемантизация, показатели двойственного числа, употребление числовой формы в дистрибутивном контексте, словоизменительная категория, словообразовательная категория, запрет на образование двойственного числа.

**The dual number in the Arabic language (based on the treatise of the Egyptian linguist
M. al-Galayini “Jami‘ ad-durus al-‘arabiyya ”)**

A.Yu. Shalkinskaya

Moscow State University M.V. Lomonosov Institute of Asian and African Countries,
Moscow State University Department of Arabic Philology, Moscow, Russia

Annotation. This article is devoted to the dual in the Arabic language in its morphological and semantic aspects. The main and secondary expressed values of the dual were considered, the general word-formation algorithm and quantitative semantics, cases of the prohibition of the formation of the dual, features of functioning: the formation of the dual from the plural, the contextual replacement of the forms of the dual by the plural). This study was based on the treatise of the Egyptian linguist M. al-Galayini “Jami ‘ad-durus al-'arabiyya.” The objectives of this work are not included in the dynamics of the dual number in the TAG, but we consider it appropriate to analyze the most significant provisions of the theory of work of the previous periods of the development of the TAG. For this purpose, we chose two treatises - “Kitab” Sibawayhi - the earliest grammatical work of the Arabs, as well as “Sharh al-Mufassal” Ibn Ya‘ish, reflecting a mature stage in the development of Arabic grammatical theory.

Keywords. The duality, reduction, quantitative semantics, lexiconization, desemantization, duality indicators, the use of the numerical form in the distributive context, the inflectional category, the derivational category, the prohibition of the formation of the dual number.

¹ «Китаб Сибавайхи» («Книга Сибавайхи») – самый древний из дошедших до нас грамматических трактатов арабов (VIII в.), автором которого был ‘Амр Абу Бишр (Сибавайхи) (760 – 796) – выдающийся арабский филолог и представитель базрийской грамматической школы. По происхождению являлся персом и родился в Иране. Был учеником арабского грамматиста ал-Халила ибн Ахмада.

² Абу-л-Бака‘ Йа‘иш ибн ‘Али ибн Йа‘иш (1158 г. – 1245 г.) – арабский грамматист. Среди его трудов «Шарх ал-Муфассал», «Шарх ат-Тасриф ал-мулукий» и «Китаб фи-л-кира’ат».

«Шарх ал-Муфассал» – это комментарий к одному из самых известных средневековых трактатов знаменитого грамматиста и корановеда Абу-л-Касима Махмуда аз-Замахшари (ум. 1143-4) – «ал-Муфассал» («Подробный»). Абу-л-Касим Махмуд ибн ‘Умар аз-Замахшари (1075 г. – ум. 1143-4). Замахшари написал труды по арабской грамматике, лексикографии, риторике, поэзии и экзегетике.

Он является автором средневекового трактата «ал-Муфассал», комментария к Корану «ал-Кашшаф», словарь арабского языка «Асас ал-балага».

Число в арабском языке представлено сложной системой форм и значений, включающих единственное число (*al-mufrad*), двойственное число (*al-muthannā*) и множественное число (*al-jam'*), которое в свою очередь подразделяется на несколько типов. Последнее значение включает в себя так называемое правильное множественное число (*jam' sālim*) и ломанное множественное число (*jam' mukassar*). Для образования первого типа множественного числа используется внешняя аффиксация, а для второго – внутренняя.

Помимо этого, в арабском языке значение единичности и двойственности противопоставляется не только множественности, но и «небольшому количеству объектов» (паукальное число). Эти значения (большое и малое количество) выражаются в рамках ломаного множественного числа, формы которого подразделяются в зависимости от квантитативных значений на: формы малого количества (от 3 до 10) и формы большого количества (от 3 до бесконечности).

Число представляет собой интересную и сложную грамматическую категорию в силу того, что она является наиболее семантической, так как она отображает внеязыковую действительность в отличие от других (аспект, наклонение, определенность или неопределенность), характеризующих отношение участника коммуникации к ситуации [8, с. 279-280]. Лексические значения часто вступают в противоречия с принципом грамматической обязательности или же со значением граммема числа, что приводит к дефектности числовых парадигм, появлению форм *singularia* и *pluralia tantum*, сдвигу значений в результате образования числовой формы. О. Н. Ляшевская в книге «Семантика русского числа» пишет: «На определенных участках языковой системы значения форм числа все больше срастаются со значением имени, образуя уникальные контекстно связанные идеоматические комплексы» [6, с. 32].

В настоящей статье рассматривается двойственное число на материале трактата египетского лингвиста М. ал-Галайини «Джами' ад-дурус ал-'арабиййа».

Необходимо отметить, что в данном исследовании тема двойственного числа раскрывается на основе имен и атрибутов. Согласно точки зрения традиционной арабской грамматики (далее – ТАГ), этап развития которой представляет трактат М. ал-Галайини «Джами' ад-дурус ал-'арабиййа», в арабском языке глагол не имеет грамматического числа, глагольные формы состоят из собственно глагола и примыкающей к нему местоименной клитики: харфы³ *wāw*, *alif*, или *nūn*, которые выражают числовые значения⁴.

1. Общий словообразовательный алгоритм и количественная семантика двойственного числа

Раздел, посвященный категории числа, Галайини начинает с описания форм двойственного числа и его количественной семантики: «Имя в двойственном числе – это флектируемое имя, которое замещает два слова в единственном числе, совпадающих по форме и по смыслу; оно образуется путем прибавления харфов *alif* и *nūn* или *yā'* и *nūn* и способно утрачивать их» – *al-muthannā ism mu'rab nāb 'an mufradayn ittafaqā lafāhan wa-ma'nān bi-ziyādat alif wa-nūn aw yā' wa nūn wa-kān šālihan li-tajrīdi-hi min-humā* [3, с. 11].

Как следует из данного определения, двойственное число описывается как форма, заменяющая два имени, то есть показатель двойственного числа – это более короткий способ передать нужное

³ В ТАГ харф является минимальной единица языка на трех уровнях: просодическом (употребляется в значении «мора»), морфологическом (минимальная составная единица модели слова), а также на уровне письма (графема). Каждый из этих аспектов получил широкое освещение в арабистике в силу неоднозначности данной языковой единицы. Харф как звуковая единица – см. подробнее [10, Рр. 237-238].; харф как единица письма – [9, с. 52-53].; харф как единица просодии – [9, с. 51-57]., [1, с. 146-149].

⁴ В «Курсе общей морфологии» Мельчука И. А. (подробнее см. [7, с. 82-126].) мы находим следующую типологию количественных категорий:

- числовая квантификация объектов;
- числовая квантификация фактов;
- не-числовая квантификация объектов;
- не-числовая квантификация фактов.

Согласно этой типологии квантификация объектов, характерная для существительных, представлена категорией субстантивного числа, в то время как квантификация фактов свойственна глаголам, этот тип квантификации реализуется в рамках другой грамматической категории – аспекта.

И. А. Мельчук также пишет (см. [7, с. 91].): «... существует еще категория глагольного числа и адъективного числа, имеющие совсем другую природу: это согласовательные категории. Они не относятся к семантическим словоизменительным категориям ... ».

значение без повторного воспроизведения слова. Иными словами, двойственное число – аналог редупликации, которая при таком понимании выступает как первичный способ указания на два объекта⁵. Этой трактовки семантики двойственного числа придерживаются многие арабские грамматисты.

В определении дополнительно уточняются два момента, связанных с семантикой и формообразованием двойственного числа:

поскольку двойственность рассматривается как аналог редупликации, уточняется, что двойственное число может замещать только тождественные как по форме, так и по значению слова;

показатель двойственности должен быть отчуждаем, то есть основа единственного числа должна свободно функционировать без этого показателя.

Далее рассматриваются формы, которые внешне сходны с формами двойственного числа, но не полностью удовлетворяют всем перечисленным критериям. Они выделяются в отдельную группу «*al-mulḥaq bi-l-muthannā fī i'rābi-hi*» (то, что примыкает к двойственному числу в выражении словоизменения). Этот раздел состоит из двух частей:

asmā' min bāb at-taghlīb «имена из раздела преобладания» (своего рода узуальные формы двойственного числа). Речь идет о случаях, когда одна лексема в двойственном числе указывает на два разных объекта, то есть когда два слова, которые не совпадают ни по форме, ни по смыслу, имеют один вариант двойственного числа, при образовании которого одна из лексем «поглощает» другую: *ughallib aḥad*

al-lafḍḥayn 'alā l-ākhar wa-huwa samā'iyū lā yuqās 'alay-hi – «одно из двух слов поглощает другое; это фиксируется в речи, но этому не следуют по аналогии⁶» (2: 12). Например: *al-abawān* (букв. два отца) означает «родители» или «*al-umm wa-l-ab*» (отец и мать), *al-qamarān* (букв. две луны) – *al-qamar wa-sh-shams* (луна и солнце), *al-marwatān* (букв. два холма ал-Марва) – *aṣ-ṣafā wa-l-marwa* (ас-Сафа и ал-Марва⁷).

В этом случае мы видим, что формы двойственного числа не совпадают по значению с формами единственного числа. Расхождение значений слова в зависимости от его формы существует и в русском языке, где образование множественного числа в ряде случаев ведет к сдвигу значений.

В русистике это явление получило название «лексикализация противопоставлений единственного и множественного числа».⁸ О. Н. Ляшевская в своей книге «Семантика русского числа» в этой связи приходит к следующему выводу: «По крайней мере, на определенных участках языковой системы значения форм числа все больше срастаются со значением имени, образуя уникальные контекстно связанные идеоматические комплексы» [6, с. 32].

В арабском языке мы наблюдаем сходное явление: образование двойственного числа приводит к появлению дополнительного значения, которое отсутствовало в форме единственного числа. Таким образом, речь идет о лексикализованных формах двойственного числа.

Слова, которые не употребляются без показателей *alif* и *nūn* (*lam yakun ṣāliḥan li-t-tajrīd min 'alāmati-hi*). Например, так называемые «слова-кванторы» *kilā* «оба», *kiltā* «обе», числительные *ithnān* «два», *ithnatān* «две», предназначенные исключительно для указания на двойственность какого-либо объекта, а также собственные имена *ḥasanān* букв. «два Хасана», *zaydān* букв. «два Зейда», где показатель числа по сути десемантизирован. Благодаря этому последнему критерию в качестве

⁵ Такая трактовка семантики двойственного числа восходит к «Книге» Сибавайхи (VIII в.). Эта же трактовка воспроизводится и в более поздних авторитетных грамматических трактатах, таких как «Шарх ал-Мувассал» Ибн Йа'иша (XIII в.): *at-tathniya huwa mā laḥiqat ākhira-hu ziyādatāni: alifun aw yā'un maftūhun mā qablu-hā wa-nūnun maksūratun li-takūna l-ūlā 'alaman li-ḍammi wāḥidin ilā wāḥidin wa-l-ukhrā 'iwaḍan mim mā muni'a min al-ḥarakati wa-t-tanwīni th-thābitayni fī l-wāḥid* – «двойственное число [букв. удвоение]. – это прибавление двух харфов к слову: *alif* или *yā'*, перед которым стоит харф, огласованный фатхой, и *nūn*, огласованный касрой, при этом первый [из добавочных харфов] является показателем того, что один [объект] добавляется к другому, а второй – является компенсацией огласовки и танвина, которые присутствовали в единственном числе, а потом были усечены».

⁶ То есть это не служит основой для словообразования по аналогии (кийас). Кийас (*qiyās* букв. общепринятое правило, стандарт, мера, образец) – это термин, который используется для обозначения аргументации, которая основана на сходстве двух вещей. Этот термин используется в юриспруденции (*fiqh*) и рационалистической теологии (*kalām*), а также в лингвистике. В последнем случае этот метод используется как основа для словообразования: если две лексемы имеют какое-либо сходство, то между ними можно провести аналогию. В описании языковых явлений кийас является основой для словообразования: если формы в единственном числе имеют одинаковую структуру, то на этом основании они могут образовать множественное число по одной и той же модели. Подробнее [10, с. 11-14].

⁷ Ас-Сафа и ал-Марва – два холма во внутреннем дворе мечети ал-Харам, место паломничества в Мекке, Саудовская Аравия.

⁸ Подробнее см. [6, с. 31-32]., а также [2].

двойственного числа признаются только формы, не просто указывающие на два объекта, но и имеющие аналог единственного числа.

Тем самым морфологическое описание двойственного числа строится таким образом, чтобы максимально полно отразить любые особенности семантики форм, внешне сходных с двойственным числом, но не тождественных ему. Из состава собственно двойственного числа выводятся лексикализованные формы отдельных существительных; слова, способные указывать лишь на двойственность, но не на единичность; имена собственные, в которых показатель двойственности десемантизирован.

1.2 Слова, от которых нельзя образовать двойственное числа

В трактате выделяется несколько групп слов, от которых нельзя образовать двойственное число:

1. Сложные слова (*al-murakkab*, проиллюстрированные в трактате примерами *sabawayhi* Сивавайхи, *ba'albakk* Баальбек) не образуют двойственное число путем добавления *alif* и *nūn* к основе (точно так же они не образуют правильное множественное число). Эти заимствованные слова «не ложатся» на арабские модели, поэтому морфологические показатели трудно совместить с лексемами такого рода. Тем не менее значение двойственности они передать могут, для этого к ним добавляется вспомогательное слово *dhawā* «два обладателя» им. п. (косв. п. – *dhaway*), которое «берет на себя» выражение грамматических значений. Таким образом, языку удастся обеспечить лексической единице, которая грамматически ассимилирована не полностью, нормальное функционирование в морфологической системе;

2. Имена собственные, которые оканчиваются на показатели правильного множественного числа или двойственного числа. Это связано с запретом на дублирование падежного показателя в словоформе. С ними дело обстоит так же, как и со сложными словами (*al-murakkab*). Теоретически они могут выражать значение двойственности, но в силу запрета показатели *alif-nūn* нельзя прибавить напрямую. В таком случае перед нужным словом ставят *dhawā* «два обладателя», которое и отвечает за числовое значение. Например: *ḥasanān* букв. «два Хасана» – *dhawā ḥasanayn* «два Хасанана» им. п. (косв. п. – *dhaway ḥasanayn*);

3. Разным именам нельзя приписать один вариант двойственного: *wa-lā yuqāl fi 'umar wa-'aliyu 'umarān* «нельзя сказать два Омара про Али и Омара»;

4. Слово, имеющее несколько значений, при добавлении *alif* и *nūn* не должно указывать на два различных значения: «не говорят два глаза, имея в виду объект на лице и орган зрения, выполняющий определенную функцию «смотреть»» – *lā yuqāl 'aynān li-l-bāṣira wa-l-jāriḥa* [3, с. 12];

5. Сложность возникает и со словами в прямом и переносном значениях – удваивать можно одну из возможных трактовок лексемы, но не обе вместе: «нельзя сказать: «Я видел двух львов», – про льва и человека храброго как лев» – *lā yuqāl "ra'aytu asadayn" ta'nī asadan ḥaḡīḡiyyan wa-rajulan shujā'an ka-l-asad* [3, с. 12].

Таким образом, запрет на образование двойственного числа может быть связан как с формальными, так и со смысловыми параметрами.

1.3 Особенности функционирования

1.3.1 Двойственное число от множественного

Галайини рассматривает образование двойственного числа от множественного (*tathniyat al-jam'*) в трех случаях: от объединения (*jamā'a*), группы (*firqa*), вида (*naw'*).

Сам автор не приводит четких различий между тремя обозначенными типами имен. Он определяет эти категории при помощи ряда примеров: *ibil* (ед. ч.) «верблюды» – *ibilān* (дв. ч.) «два стада верблюдов», *jimāl* (мн. ч.) «верблюды» – *jimālān* (дв. ч.) «два стада верблюдов», *ghanam* (ед. ч.) «овцы» – *ghanamān* (дв. ч.) «два стада (вида) овец», *rimāḥ* (мн. ч.) «копья» – *rimāḥān* (дв. ч.) «две группы копий», *bilād* (мн. ч.) «страны» – *bilādān* (дв. ч.) «две группы стран».

В роли считаемого объекта выступает множество или совокупность предметов. Исходное слово может быть в единственном числе и указывать на группу объектов, например: *ibil* (ед. ч.) «верблюды» – *ibilān* (дв. ч.) «два стада верблюдов», *ghanam* (ед. ч.) «овцы» – *ghanamān* (дв. ч.) «два стада овец». Показатели двойственного также могут прибавляться к основе слова во множественном числе: *jimāl* (мн. ч.) «верблюды» – *jimālān* (дв. ч.) «два стада верблюдов», *rimāḥ* (мн. ч.) «копья» – *rimāḥān* (дв. ч.) «две группы копий», т.е. копьа двух войск, *bilād* (мн.ч.) «страны» – *bilādān* (дв.ч.) «две группы стран».

1.3.2 Контекстуальная замена форм двойственного числа множественным (*al-jam' makān al-muthannā*)

Галайини отмечает, что в некоторых контекстах возможно обозначение формой множественного числа одного из двух фигурирующих в ситуации объектов в двойственном числе. Из примеров становится ясно, что такая замена возможна в том случае, если два объекта связаны однозначным постоянным соответствием (человек и его части тела). «Арабы заменяют двойственное на множественное в том случае, если каждый из двух предметов связан со своим владельцем»: *qad taj'al al-'arab al-jam' makān al-muthannā idhā kān ash-shay'ān kull wāḥid min-humā muttaṣilan bi-ṣāhibi-hi: mā aḥsan ru'ūsa-humā* – как прекрасны их (дв. ч.) головы (мн. ч.), *fa-qṭa 'ū aydiya-humā* – отсекайте руки (мн. ч.) [5, с. 127], *fa-qad ṣaḡhat qulūbu-kumā* – ваши (дв. ч.) сердца (мн. ч.) уже склонились [5, с. 614].

Если два объекта не имеют между собой внеситуативной (постоянной) связи, то множественное вместо двойственного не употребляется: «не говорят про две пары несвязанных предметов «лошади (мн. ч.) их двоих» или «слуги (мн. ч.) их двоих» – *wa-lam yaqūlū fi l-munfaṣilayn: afrāsu-humā wa-lā ghilmānu-humā* [3, с. 14].

Далее он добавляет, что некоторые арабы все же не придерживаются этого правила и всегда употребляют множественное вместо двойственного: «некоторые арабы употребляют множественное вместо двойственного» – *yaj'al ba'd al-'arab al-jam' makān al-muthannā*. Например: *da' riḥāla-humā* «положи их (дв. ч.) седла (мн. ч.)» [3, с. 14].

Следующие разделы этой главы посвящены проблемам морфонологии, а именно изменениям внутри слова, которые вызваны добавлением *alif* и *nūn* (в основном эти изменения связаны со слабыми харфами, находящимися в составе корня⁹). Поскольку на квантитативной семантике и функционировании форм это не отражается, мы не рассматриваем эти разделы.

Выводы:

- Двойственное число рассматривается как аналог редупликации, которая при таком понимании выступает как первичный способ указания на два объекта;
- Галайини выделяет периферийную категорию слов, которые нельзя отнести к двойственному числу, но которые по форме совпадают с ним. Одной из причин выделения такой группы слов в отдельную категорию является сдвиг значения при добавлении *alif* и *nūn* (*al-abawān* «родители» или «отец и мать», *al-qamarān* «луна и солнце», *al-marwatān* «ас-Сафа и ал-Марва¹⁰»). Число в данном случае выступает не только как словоизменительная, но и как словообразовательная категория, ведь с добавлением соответствующих показателей слово также приобретает новое значение (ср. масло – масла, капля – капли в русском языке);
- Перечислен ряд лексических единиц, которые не могут иметь формы двойственного числа. Это может быть связано с иностранным происхождением имени, в таком случае языковая система прибегает к помощи таких слов, как *dhū* «обладатель», оно ставится перед заимствованным именем и берет на себя выражение словоизменения. Автор трактата говорит о запрете сочетания переносного и прямого значений, а также двух значений слова в одной форме двойственного числа (то есть удваивать можно лишь тождественные предметы);
- Рассматривается образование двойственного числа от множественного. Европейские языки не допускают совмещения сем «один» и «несколько» в рамках одного слова. В арабском языке можно удваивать лексему, которая указывает на группу объектов, несмотря на то, что значения «один», «два» и «несколько» обычно считаются взаимоисключающими;
- Рассматривается употребление в дистрибутивном контексте множественного числа вместо двойственного. Из данного раздела можно сделать вывод, что выбор числовой формы является опциональным и зависит от личных предпочтений говорящего (ср. в русском языке «у двух машин заглох мотор»).

Литература

1. Аганина Г. Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана // М.С. Мейер, Г.Р. Аганина, А.Р. Гайнутдинова, Д.В. Фролов. Сборник пособий по исламоведению и корановедению / Г.Р. Аганина – М.: Восточная книга, 2012.

⁹ Слабыми харфами в ТАГ называют *alif*, *wāw*, *yā'*, см. ссылку 3.

¹⁰ Ас-Сафа и ал-Марва – два холма во внутреннем дворе мечети ал-Харам, место паломничества в Мекке, Саудовская Аравия.

2. Арбатский Д. И. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Дисс... канд. филол. наук. М., 1954.
3. ал-Галайини М. Джами' ад-дурус ал-'арабиййа / ал-Галайини М. – Бейрут: Ал-Мактаба ал-'асриййа, 1994. Т. 2.
4. Ибн Йа'иш Шарх ал-Муфассаль ли-з-Замахшари / Ибн Йа'иш – Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 2001. Т. 1, 3.
5. Кулиев Э.Р. КОРАН Перевод смыслов./ Э.Р. Кулиев - Москва : Эксмо, 2012
6. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. / О.Н. Ляшевская – М.: Языки славянской культуры, 2014.
7. Мельчук И. А.. Курс общей морфологии. Т. II (Часть вторая: Морфологические значения) / И.А. Мельчук – М.: Язык русской культуры, 1998
8. Плуныян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. Учебное пособие. Издание 4-е. / Плуныян В. А. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 279-280.
9. Фролов Д. В. Классический арабский стих. История и теория аруда / Д.В. Фролов – М.: Наука, 1991.
10. Versteegh Kees. 'Illa // Encyclopedia of arabic language and linguistics. / Kees Versteegh – Leiden – Boston: Brill, 2006.

УДК 81-26

**Правильное множественное число в арабском языке (на материале трактата
египетского лингвиста М. ал-Галайини “Джами' ад-дурус ал-'арабиййа”)**

Шалкинская А.Ю.

**МГУ им. М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки МГУ Кафедра
арабской филологии, Москва, Россия**

Аннотация. Настоящая статья посвящена правильному множественному числу в арабском языке в его морфологическом и семантическом аспектах. Были рассмотрены основные и вторичные выражаемые значения двойственного числа, общий словообразовательный алгоритм и количественная семантика, случаи запрета образования правильного множественного числа, условия образования этого типа множественного, группу имен, примыкающих к правильному множественному числу. Настоящее исследование проводилось на основе трактата египетского лингвиста М. ал-Галайини “Джами' ад-дурус ал-'арабиййа”. В задачи данной работы не входит проследить проблематику двойственного числа в ТАГ в динамике, однако мы считаем целесообразным привлечь к анализу наиболее значимых положений теории работы предшествующих периодов развития ТАГ. С этой целью мы выбрали два трактата – «Китаб» Сибавайхи¹¹ – самый ранний грамматический труд арабов, а также «Шарх ал-Муфассал» Ибн Йа'иша¹², отражающий зрелый этап развития арабской грамматической теории.

Ключевые слова. Правильное множественное число мужского рода, правильное множественное число женского рода, показатели правильного множественного числа, ломаное множественное число,

¹¹ «Китаб Сибавайхи» («Книга Сибавайхи») – самый древний из дошедших до нас грамматических трактатов арабов (VIII в.), автором которого был 'Амр Абу Бишр (Сибавайхи) (760 – 796) – выдающийся арабский филолог и представитель басрийской грамматической школы. По происхождению являлся персом и родился в Иране. Был учеником арабского грамматиста ал-Халила ибн Ахмада.

¹² Абу-л-Бака' Йа'иш ибн 'Али ибн Йа'иш (1158 г. – 1245 г.) – арабский грамматист. Среди его трудов «Шарх ал-Муфассал», «Шарх ат-Тасриф ал-мулукий» и «Китаб фи-л-кира'ат».

«Шарх ал-Муфассал» – это комментарий к одному из самых известных средневековых трактатов знаменитого грамматиста и корановеда Абу-л-Касима Махмуда аз-Замахшари (ум. 1143-4) – «ал-Муфассал» («Подробный»).

Абу-л-Касим Махмуд ибн 'Умар аз-Замахшари (1075 г. – ум. 1143-4). Замахшари написал труды по арабской грамматике, лексикографии, риторике, поэзии и экзегетике.

Он является автором средневекового трактата «ал-Муфассал», комментария к Корану «ал-Кашшаф», словарь арабского языка «Асас ал-балага».

паукальность, малое количество, большое количество, условия образования правильного множественного числа, случаи запрета на образование правильного множественного числа, образование множественного от множественного.

The correct plural in the Arabic language (based on the material of the treatise of the Egyptian linguist M. al-Galayini “Jami‘ ad-durus al-‘arabiyya ”)

Shalkinskaya A.Yu.

Moscow State University M.V. Lomonosov Institute of Asian and African Countries, Moscow State University Department of Arabic Philology, Moscow, Russia

Annotation. This article is devoted to the correct plural in the Arabic language in its morphological and semantic aspects. The main and secondary expressed values of the dual, the general word-formation algorithm and quantitative semantics, cases of the prohibition of the formation of the correct plural, the conditions for the formation of this type of the plural, a group of names adjacent to the correct plural were considered. The present study was conducted on the basis of the treatise of the Egyptian linguist M. al-Galayini “Jami‘ ad-durus al-‘arabiyya”. The objectives of this work are not included in the dynamics of the dual number in the TAG, but we consider it appropriate to analyze the most significant provisions of the theory of work of the previous periods of the development of the TAG. For this purpose, we chose two treatises - “Kitab” Sibawayhi - the earliest grammatical work of the Arabs, as well as “Sharh al-Mufassal” Ibn Ya‘ish, reflecting a mature stage in the development of Arabic grammatical theory.

Keywords. Correct plural of masculine gender, correct plural of feminine gender, indicators of the correct plural, broken plural, spiderness, small number, large number, conditions for the formation of the correct plural, cases of prohibition of the formation of the correct plural, plural of the plural.

Правильное множественное число (далее – ПМЧ) в арабском языке подразделяется на два типа: правильное множественное число мужского рода (*jam‘ al-mudhakkar as-sālim*) и правильное множественное число женского рода (*jam‘ al-mu‘annath as-sālim*).

Количественная семантика форм правильного множественного числа

Галайини отмечает, что правильное множественное число мужского и женского рода в равной степени используется для выражения значений малого (указывает на количество объектов от 3 до 10) и большого количества (от 3 до бесконечности).

«Что касается правильного множественного числа, то оба его вида правильно использовать для [указания на]. малое и большое количество» – *wa-ammā al-jam‘ as-salām fa-huwa bi-naw‘ay-hi yusta‘mal li-l-qilla wa-l-kathra ‘alā s-ṣaḥīḥ* [3, с. 29].

Однако Галайини пишет, что некоторые грамматисты относят правильное множественное число к малому количеству.

«Говорят, что оно [указывает на]. малое количество» – *wa-qīl huwa min jam‘ al-qilla* [3, с. 29].

В любом случае противопоставление снимается, когда форма малого множества получает определенный артикль алиф-лям, который указывает на вид (*al ad-dalla ‘alā ta‘rīf al-jins*) [3, с. 29], или образует идафную конструкцию со словом, передающим значение большого количества (*yudāf ilā mā yadullu ‘alā l-kathra*) [3, с. 29].

Галайини формулирует этот тезис следующим образом: *idhā qurin jam‘ al-qilla bi-mā yaṣrifu-hu ilā ma‘nā l-kathra inṣaraf ilay-hā ka-an tasbiqa-hu al ad-dālla ‘alā ta‘rīf al-jins aw yudāf ilā mā yadull ‘alā l-kathra* – «если [формы]. множественного числа малого количества сочетаются с тем, что переводит их в поле большого количества, то оно [мн. ч. малого количества]. переходит туда [мн. ч. большого количества], как в случаях, когда перед словом стоит алиф-лям, который указывает на вид, или когда слово образует идафную конструкцию с лексемой, передающей значение большого количества» [3, с. 29].

Например, в Коране: *wa-uḥḍirat al-anfus ash-shuḥḥ* – «Душам свойственна скупость» [5, с.112]; *yā ayū-hā l-ladhīn āmanū qū anfusa-kum wa-ahlī-kum nāran waqūdu-hā n-nās wa-l-ḥijāra* – «О те, которые уверовали! Оберегайте себя и свои семьи от Огня, растопкой которого будут люди и камни» [5, с.615].

Таким образом, одна форма множественного числа может выражать разные количественные значения в зависимости от контекста.

Этот тезис подтверждается примерами, взятыми из стихотворения Хассана бен Сабита [3, с. 29].:

1) *la-nā al-jafanāt* (имя мн.ч. ж.р.) *al-ghurr* (элатив мн.ч. от «*agharru*») *yalma'na* (гл. наст. вр., 3 л., мн. ч., ж. р.) *bi-d-duhā* – «у нас есть огромные чаши, которые сверкают утром»;

2) *wa-asyāfu-nā* (имя ЛМ) *yaqturna* (гл. наст. вр., 3 л., мн. ч., ж. р.) *min najda daman* – «с наших мечей капает кровь, потому что мы [много]. помогаем [людям].».

В отношении первого примера автор пишет: «Слово *al-jafanāt* используется как в значении малого количества, так и в значении большого количества, потому что это правильное множественное число. Это слово в данном контексте все равно указывает на большое количество объектов (даже по мнению тех, кто говорит, что правильное множественное число отведено только малому количеству) ввиду того, что к лексеме добавлен видовой артикль алиф-лям» – *wa-l- jafanāt tusta 'mal li-l-qilla wa-l- kayhra li-anna-hā jam' sālim wa-hiya hunā aydan li-l-kathra 'alā ra' y man yaqūl inna al-jam' as-sālim li-l-qilla li-qtirāni-hā bi-lām at-ta'rīf al-jinsiyya* [3, с. 29]. Отсюда следует, что видовой алиф-лям в любом случае является указанием на большое количество объектов.

В следующем примере наличие второго члена идафы, указывающего на большое количество, в конструкции «*asyāfu-nā*» лишает форму *asyāf* значения малого количества¹³.

Необходимо отметить, что такая трактовка Галайини может расцениваться как спорная. Глагол, который согласуется с неразумным именем во множественном числе по форме третьего лица множественного числа женского рода, как раз указывает на малое количество¹⁴. Галайини же никак не комментирует выбор глагольной формы.

Мы видим, что Галайини не относит правильное множественное число к формам малого количества. Галайини выбирает широкую трактовку семантики правильного множественного числа, не привязывая ее к малому количеству. Он отходит от параллелей ПМЧ с двойственным числом как на уровне формы, так и на уровне содержания. Со времен Сибавайхи правильное множественное число потенциально закреплялось за значением малого количества, хотя оно не всегда реализуется в конкретных контекстах. Эту же трактовку мы находим и у Ибн Йа'иша в «Шарх ал-Муфассал», где он сравнивает правильное множественное число с двойственным числом с позиций семантики. Обоснованием для сравнения выступает способ образования и выражения падежных значений, при этом Ибн Йа'иш руководствуется принципом изоморфизма двух языковых планов. Формальное сходство двух категорий означает, что в плане содержания тоже должны быть общие черты.

Однако автор трактата «Джами' ад-дурус ал-'арабийя» эту идею не поддерживает. Можно сделать вывод, что он исходит из практического словоупотребления правильного множественного числа, а не из теоретических постулатов традиционной арабской грамматики.

Тем не менее, он приводит и альтернативную точку зрения на квантитативное значение правильного множественного числа. Когда он обосновывает контекстуальное снятие противопоставлений, то в качестве примера дает и форму правильного множественного числа, как если бы он тоже закреплял за ним значение малого количества. Видовой алиф-лям и позиция первого члена идафы со словом, указывающим на большое количество денотатов, оказываются факторами снятия противопоставлений не только для моделей множественного, передающих значение паукальности, но и для правильного множественного числа, если считать, что оно замещает группу объектов от трех до десяти.

Правильное множественное число мужского рода

Правильное множественное число мужского рода образуется при помощи добавления к основе харфов *wāw* и *nūn* для именительного падежа и *yā'* и *nūn* для косвенных падежей. Галайини дает такое определение этой категории: *al-jam' as-sālim mā salim binā' mufradi-hi 'inda l-jam' wa-inna-mā yuzād ft ākhiri-hi wāw wa-nūn aw yā' wa-nūn* – «Правильное множественное число – это то, основа единственного числа чего не меняется при образовании множественного. К слову прибавляются харфы *wāw* и *nūn* или *yā'* и *nūn*» [3, с. 17].

В трактате говорится, что правильное множественное число первого типа соотносится с двумя группами слов:

¹³ Модель *af'ālun* выражает значение паукальности.

¹⁴ Подробнее о выражении значения малого количества формами множественного числа женского рода в современном литературном арабском языке см.: [1, с. 188]. (на арабском языке).

а) мужские имена собственные при условии, что у них нет показателя женского рода та марбуты и что они не представляют собой конструкцию – *tarkīb* (*al-‘alam li-mudhakkār ‘āqil bi-sharṭ khuluwwi-hi min at-tā’ wa-min at-tarkīb*). Например: *aḥmad* – *aḥmadūn* «Ахмад – Ахмады», *sa‘īd* – *sa‘īdūn* «Саид – Саиды», *khālid* – *khālidūn* «Халид – Халиды» [3, с. 17];

б) атрибут к собственному имени, обозначающему разумных¹⁵ (*‘āqil*) мужского рода, при условии, что этот атрибут не имеет *отчуждаемого*¹⁶ показателя женского рода та марбута или является элативом: *aṣ-ṣifa li-mudhakkār ‘āqil bi-sharṭ an takūn khāliya min at-tā’ ṣāliḥa li-dukhūli-hā aw li-d-dalāla ‘alā t-tafḍīl* – «атрибут к имени разумному мужского рода при условии, что этот атрибут не имеет та марбуты, но может принимать ее, или же [атрибут]. обозначает превосходную степень», например: *kātib* – *kātibūn* «пишущий – пишущие», либо этот атрибут стоит в форме элатива, например: *akmal* – *akmalūn* «самый совершенный – самые совершенные» [3, с. 17].

Имена, которые не отвечают заданным условиям (то есть не являются ни 1. мужскими именами собственными, ни 2. атрибутами или элативами, относящимися к денотату мужского рода для разумных), но образуют множественное число при помощи добавления *wāw* и *nūn*, в трактате не причисляются к правильному множественному числу мужского рода. Они выделяются в отдельную группу имен, примыкающих к ПМЧ (*al-mulḥaq bi-jam‘ al-mudhakkār as-sālim*). Например: *ūlū* «обладатели»; *aḥlūna* «родственники» или «жители»; *‘ālamūn* «вселенные»; *arḍūn* «земли»; *banūn* «сыновья»; *sinūn* «года».

Тем не менее, и в рамках описанного алгоритма есть свои исключения. Некоторые собственные имена выпадают из системы, что связано с их неарабской этимологией или оформлением этих слов показателем женского рода та марбута.

Речь идет об именах иностранного происхождения (в трактате в качестве примеров приводятся персидское имя: *sībawayhi* «Сивавайхи») или именах типа *ṭalḥatu*¹⁷ «Талха» (мужские имена, которые оканчиваются на показатель женского рода та марбута). Все же имена могут иметь множественное число, но его образование будет проходить при помощи служебного слова *dhū* «обладатель» в первом случае и по женскому роду во втором. Прием добавления десемантизированных слов часто используется в тех случаях, когда напрямую образовать необходимую числовую форму представляется проблематичным. Это же касается множественного и двойственного от имен собственных, представляющих собой конструкцию, двойственное или множественное число. Например, *sībawayhi* «Сивавайхи» – *dhawū sībawayhi*; *ta‘abbāṭa sharran* букв. «Несущий зло под мышкой» – *dhawū ta‘abbāṭa sharran*; *ḥasanān* букв. «два Хасана» – *dhawū ḥasanayn*; *‘ābidūn* букв. «Абиды» – *dhawū ‘ābidīn*.

Имя *ṭalḥatu* «Талха» соотносится с формой правильного множественного числа женского рода. Наличие показателя та марбута лишает слово возможность образовать «законное» ПМЧ мужского рода, так как это может привести к конфликту грамматических значений в рамках одной лексемы. Женский и мужской род являются взаимоисключающими значениями, ТАГ запрещает сочетать их вместе. Следовательно, оформление показателем та марбута автоматически исключает добавление *wāw-nūn*, которые указывают не только на сему множественности, но и на мужской род. Такой вывод можно сделать исходя из определения правильного множественного числа мужского рода, где Галайини пишет, что имя собственное не должно иметь показателя женского рода.

Субстантивированный атрибут утрачивает возможность свободного изменения по родам и, как следствие, имеет другую форму множественного числа. Этот прием используется для разграничения двух омонимичных слов, принадлежащих к разным частям речи. Например, *kātib* (букв. «пишущий») при субстантивации обозначает «писатель», и множественное число от слова с этим значением будет *kuttāb* «писатели».

¹⁵ В арабском языке имя наделяются свойством разумности/неразумности, которое влияет на выбор числовой формы слова и координацию по числу. Разумность/неразумность (*‘āqil/ghayr‘āqil*) не совпадает с различием одушевленных и неодушевленных денотатов в индоевропейских языках. Разумными считаются существа, владеющие членораздельной речью (в арабо-мусульманской традиции), то есть люди, джинны и ангелы, к категории имен неразумных относится все остальное (подробнее о сверхъестественных существах в исламе см. [6]). Разумные и неразумные объекты образуют отдельные согласовательные категории: различие выявляется во множественном числе, где разумные объекты согласовываются со своим предикатом по ПМЧ и сами образуют множественное при помощи показателей *wāw* и *nūn* или *alif* и *tā’*, а неразумные образуют ЛМЧ и согласуются по единственному числу женского рода. Например, *ṭālibūna muḥmilūna* «нерадивые студенты», *ṭālibātun muḥmilātun* «нерадивые студентки», но *akḥbārūn muliḥḥatun* «актуальные новости».

¹⁶ Атрибут должен функционировать в обоих родах, то есть как с показателем та марбута, так и без него.

¹⁷ В примерах жирным шрифтом выделен показатель женского рода та марбута.

Модель af'alu употребляется в нескольких значениях, но только будучи превосходной степенью атрибута мужского рода она коррелирует с ПМЧ. Множественное число в этом случае также служит для смысловоразличения. Например, *akmalu* (элатив м. р.) «самый совершенный» – *akmalūna* «самые совершенные», *aḥmaru* (в данном случае модель указывает на значение цвета) «красный» – *ḥumrun* «красные». Мы видим, что семантика накладывает ограничения на использования грамматических форм, это подтверждает тезис А. Вежбицкой о семантической мотивированности грамматического поведения лексем.

Нужно отметить, что на модели, за которыми четко закреплена определенная форма множественного, распространяется запрет на образование ПМЧ. Так, Галайини пишет: *lā uyjma' hādhā l-jam' kull mā kān min bāb af'al fa'lā' mithl aḥmar ḥamrā' aw min bāb fa'lān fa'lā' mithl sakrān sakrā* – «это множественное число нельзя образовать от того, что относится к разделу af'al – fa'lā', как например: *aḥmar – ḥamrā'*, или *fa'lān – fa'lā'*, как например: *sakrān – sakrā'* [3, с. 17]. Таким образом, модели af'alu (ед. ч. м. р.) и fa'lā' (ед. ч. ж. р.), указывающие на цвет, соотносятся с общей формой множественного числа fu'lun (мн. ч.), а модель fa'lān (ед. ч. м. р.) – с fa'lā (мн. ч.).

Слова типа *qatīl* «убитый/убитая», *jarīḥ* «раненый/раненая» иллюстрируют второй критерий. В этих атрибутах снимается различие по роду, и одна форма начинает обслуживать два значения. В данном случае изменения на уровне смысла влекут за собой изменения на уровне формы, нарушая цепочку словоизменительной парадигмы. Автор «Джами' ад-дурус ал-'арабиййа» отмечает: *la uyjma' hādhā l-jam' kull mā kān mim-mā yastawī fī-hi al-mudhakkār wa-l-mu'annath mithl jarīḥ wa-qatīl fa-huwa ghayr ṣāliḥ li-qubūl at-tā'* – «это множественное число нельзя образовать от [слова], которое имеет одну форму и для мужского, и для женского рода, как например: *jarīḥ* и *qatīl*, потому что такие [слова]. не могут принимать показатель та марбута» [3, с. 17].

Прилагательные *qatīl – qatlā*, *jarīḥ – jarḥā* заимствуют значение страдательного причастия глагола первой породы maf'ūl, оставляя при этом свою морфологическую форму, а маркером несовпадения фактического значения слова с его собственной моделью является дефектная парадигма, а именно нейтрализация противопоставления по роду.

Множественное число мужского рода не используется в атрибутах, которые употребляются для описания качеств неразумных существ. Галайини в качестве примера числового поведения имен неразумных приводит слово «лошадь», выступавшее экземплярикативным определением класса неразумных еще у Сивавайхи в «Китаб»: *sābiq* «верховая» (лошадь).

ПМЧ не соотносится с немаркированными атрибутами, семантика которых обуславливает их употребление только с именами женского рода, например: *murḍi'* «кормящая грудью»; а также с женскими именами без показателя женского рода, например: *zaynab* «Зайнаб»; *dāḥis* «Дахес».

Таким образом, к признакам, определяющим выбор числовой формы, относятся:

- дефектная парадигма рода у атрибутов (атрибуты, которые не могут принимать показатель та марбута), например: *qatīl* «убитый» / «убитая» – *qatlā*; *jarīḥ* «раненый» / «раненая» – *jarḥā*;
- конфликт двух значений одной грамматической категории: наличие показателя та марбута в словах, указывающих на разумный денотат мужского пола, например: *'allāmatun* «великий ученый», *ṭalḥatu* «Талха» – *ṭalḥāt*;
- наличие у модели закреплённой за ней формы ломаного множественного числа: слова, образованные по модели af'alu (в значении цвета) и fa'lānu, их формы множественного fu'lun и fa'lā соответственно, например: *aḥmar* «красный» – *ḥumr* «красные»; *sakrān* «пьяный» – *sakrā* «пьяные»;
- субстантивация атрибута;
- иностранное происхождение мужского имени собственного;
- невозможность прибавить показатель множественного к имени собственному ввиду морфологических ограничений (нельзя прибавить показатели имени к глаголу (*ta'abbāṭa sharran*) так же, как нельзя дублировать одно и то же грамматическое значение внутри словоформы (*'ābidūn, ḥasanān*);
- однозначная соотнесенность с женским родом;
- прилагательные, характеризующие неразумные имена.

Особого внимания заслуживают примеры *zaynab* «Зайнаб»; *dāḥis* «Дахес»; *'allāmatun* «великий ученый»; *'ābidūn* букв. «Абиды»; *ḥasanān* букв. «два Хасана». В первом случае отсутствие маркера та марбута не вызвало коллизии формального и семантического рода, имена *zaynab* «Зайнаб»; *dāḥis* «Дахес» образуют правильное множественное число женского рода. Однако лексема *'allāmatun* «великий

ученый» в силу наличия показателя та марбу́та не может иметь ожидаемого ПМЧ мужского рода. Этот фактор оказывает решающее влияние на словоизменение, в некотором смысле отодвигая на второй план внеязыковую действительность. Так же дело обстоит с запретом на образование своего «законного» множественного для мужских имен, оканчивающихся на показатель та марбу́та, типа *talha* «Талха» (см. п. 2 раздела «Правильное множественное число женского рода») или на показатели двойственного (*alif-nūn*) или множественного числа (*yā'-nūn*).

Правильное множественное число женского рода

Описание множественного числа женского рода строится по той же схеме, что и описание множественного числа мужского рода, то есть сначала приводится способ образования такого типа множественного; потом оговариваются случаи образования ПМЧ женского рода; далее выделяется группа слов, не относящихся к правильному множественному числу женского рода, но имеющих его формальные показатели *alif tā'*; глава завершается перечислением возможных морфонологических изменений основы в результате добавления показателей множественного числа женского рода.

В трактате формообразование правильного множественного числа задается как пошаговый алгоритм преобразования слова в единственном числе во множественное: правильное множественное число женского рода образуется путем замены показателя та марбу́та на *alif* и *tā'*, а в случае, когда слово не имеет этого показателя, нужно добавить *alif* и *tā'* к основе¹⁸ напрямую: *jam' al-mu'annath as-sālim mā jumi' bi-alif wa-tā' zā'idatayn* – «правильное множественное число женского рода – это то, что образуется при помощи добавления харфов *alif* и *tā'*» [3, с. 21].

Правильное множественное число женского рода образуется в 10 случаях:

1) от женских имен собственных (*'alam al-mu'annath*). Например: *maryam* «Марьям» – *maryamāt, fā'ima* «Фатима» – *fā'imāt*.

В данном случае наличие показателя ж. р. та марбу́та не является определяющим. Из этого можно сделать следующий вывод: возможность образования ПМЧ женского рода связана в первую очередь со значением рода, а не формой имени;

2) от собственных (в том числе мужского рода) и нарицательных имен, оканчивающихся на показатель та марбу́та – *mā khutima bi-tā' at-ta'nūth* [3, с. 21], например: *shajaratun* «дерево» – *shajarāt, talhatu* «Талха» – *talhāt, hamzatu* «Хамза»¹⁹ – *hamzāt*.

Исключения составляют слова, оканчивающиеся на показатель та марбу́та, но образующие форму множественного числа от другой основы (супплетивные формы). Например: *imra'atun* «женщина» – *nisā'; amatun* «рабыня» – *imā'; shafatun* «губа» – *shifāh*.

Образование ПМЧ женского рода от мужских имен собственных, оканчивающихся на показатель та марбу́та, объясняется тем, что в словоформе не должны присутствовать показатели различных значений одной и той же грамматической категории. Так, если от мужского имени «Талха» *talhatu* образовать ПМЧ мужского рода, окажутся объединены две взаимоисключающие граммы: грамма мужского рода и грамма женского рода. Эта ситуация невозможна для языка;

3) от атрибутов женского рода, оканчивающихся на показатель та марбу́та, или элативов женского рода (*ṣifat al-mu'annath maqrūna bi-t-tā' aw dālla 'alā t-tafḍīl*) [3, с. 21]. Например: *murḍi'atun* «кормящая грудь» – *murḍi'āt; fuḍlā* «наилучшая» – *fuḍlayāt*. Из-за влияния двух упомянутых критериев (наличие показателя та марбу́та или форма элатива ж. р.) атрибуты женского рода без этого морфологического показателя рода не образуют множественное число на *alif tā'*, например: *ḥāmil* «беременная» – *ḥawāmil; jarīh* «раненая» – *jarīhā; tāliq* «разведенная» – *ṭawāliq*. В этом случае правила, применимые к именам, не

¹⁸ Автор трактата делает особый упор на запрет дублирования показателей одной и той же грамматической категории в рамках словоформы. Так, Галайини в своей формулировке алгоритма образования ПМЧ женского рода пишет: «Если ты образуешь это множественное число [ПМЧ женского рода – прим. перев.], от слова, оканчивающегося на *tā' marbūta*, то обязательно усеки ее» ('in jama'ta al-makhtūma bi-t-tā' hādhā al-jam' ḥadhafta-hā wujūban). Это требование ТАГ в целом, оно касается не только рода, но и других грамматических категорий. Например, запрет распространяется и на образования множественного от имен собственных, в которых уже содержится показатель числа. Именно поэтому нельзя образовать, двойственное от собственного имени, имеющего показатели *wāw-nūn* (т. е. варианты типа *zaydānāni* «два Зайдана» в языке недопустимы), а формы множественного от множественного уже не являются в строгом смысле слова грамматическим числом (подробнее смотри раздел «Частные случаи реализации категории числа. Образование множественного от множественного» настоящей работы).

¹⁹ Талха и Хамза – мужские имена.

распространяются на атрибуты. Если женские имена собственные, не имеющие соответствующего показателя, могут образовывать форму ПМЧ женского рода (*maryam – maryamāt*), то для атрибутов в качестве ограничения выступают два условия (наличие показателя та марбута или элатив женского рода), которые так же относятся и к атрибутам мужского рода;

4) от атрибутов к именам неразумным мужского рода (*ṣifat al-mudhakkār ghayr al-‘āqil*) [3, с. 22], например: *jabal shāhiq* «высокая гора» – *jibāl shāhiqāt*; *ḥiṣān sābiq* «скаковая лошадь» – *ḥiṣun sābiqāt*²⁰;

5) от абстрактных имен действия (масдар) расширенных глагольных основ, при этом форма множественного числа будет иметь значение, отличное от формы единственного, масдар в этом случае субстантивируется: *al-maṣdar al-mujāwiz thalāthat aḥruf ghayr al-mu‘akkad li-fi‘li-hi* «масдар, в составе которого больше трех харфов, [его значение]. не совпадает со значением глагола, [от которого он образован].» [3, с. 22]. Масдар может получать форму множественного числа при субстантивации, когда он уже не просто передает значение действия, лишённого времени, а указывает на результат этого действия. Например: *ta‘rif* «ознакомление», «определение» (имя действия) – *ta‘rifāt* «определения» (в значении «формулировка, которая разъясняет смысл слова»); *in‘ām* «награждение» – *in‘āmāt* «награды»;

6) от диминутивов имен мужского рода неразумных – *muṣaghghar mudhakkār mā lā ya‘qil* [3, с. 22]. Например: *durayhim* «дирхемчик» – *durayhimāt*; *kutayb* «книжечка» – *kutaybāt*.

Галайини объясняет наличие формы правильного множественного числа женского рода у этой категории следующим образом: «Возможно образовать множественное число от него, потому что имя уменьшительное от неразумных мужского рода по своей сути является атрибутом (*ṣifa*), а атрибут мужского рода неразумных образует множественное на *alif-tā*, как ты знаешь»²¹ – *wa-inna-mā jāza jam‘u-hu li-anna al-muṣaghghar ṣifa fī l-ma‘nā wa-ṣifat al-mudhakkār ghayr al-‘āqil tujma‘ bi-l-alif wa-t-tā‘ ka-mā ‘alimta* [3, с. 22].

Галайини отмечает, что диминутивы женского рода неразумных от таких имен, как *arnab* «кролик» – *uraynab*, *khinṣir* «мизинец» – *khunayṣar*, *‘aqrab* «скорпион» – *‘uqayrab*, не имеют формы множественного числа на *alif-tā*, поскольку не удовлетворяют ни одному из двух обязательных условий для слов с признаковым значением женского рода – не имеют в составе показатель женского рода та марбута и не стоят в форме элатива женского рода (*am-mā muṣaghghar al-mu‘annath ghayr al-‘āqil fa-lā yujma‘ bi-himā wa-dhālik ka-uraynab wa-khunayṣar wa-‘uqayrab taṣghīr arnab wa-khinṣir wa-‘aqrab li-anna-hu fī l-ma‘nā ṣifa li-mu‘annath khāliya min at-tā‘ wa-laysat dālla ‘alā t-tafḍīl ka-mā ‘alimta*) [3, с. 22-23];

7) от имен, оканчивающихся на харф *alif mamdūda* и харф *hamza*, которые указывают на женский род – *mā khutima bi-alif at-tā‘ nīth al-mamdūda* [3, с. 23]. Например: *ṣaḥrā’* «пустыня» – *ṣaḥrāwāt*; *‘adhrā’* «дева» – *‘adhrāwāt*. Исключение составляют атрибуты, образованные по модели *fa‘lā*, которая указывает на цвет или физический недостаток. Этой модели женского рода соответствует форма мужского рода *af‘al*, пара *af‘al – fa‘lā* имеет общее ломаное множественное число *fu‘l* (при условии сохранения указанных сем). Например: *aḥmar*, *ḥamrā’* «красный, красная» – *ḥumr* «красные».

При утрате этих значений (значения цвета или недостатка) слово по модели «*fa‘lā*» выпадает из парадигмы *af‘al* (м.р. ед.ч.) – *fa‘lā* (ж.р. ед.ч.) – *fu‘l* (ЖМЧ) и может образовать правильное множественное женского рода, например: *khadrā’* «овощь» – *khadrāwāt* «овощи»;

8) от имен, оканчивающихся на *alif maqṣūra* (некорневой харф) – показатель женского рода – *mā khutim bi-alif at-tā‘ nīth al-maqṣūra* [3, с. 23], например: *dhikrā* «вспоминание» – *dhikrayāt*, *fuḍlā* «наилучшая» – *fuḍlayāt*, *ḥublā* «беременная» – *ḥublayāt*.

Имена по модели *fa‘lā* (*fa‘lān* мужской род), хотя и оканчиваются на *alif maqṣūra*, образуют ломаное множественное число, например: *sakrā* «пьяная» (*sakrān* м.р.) – мн. ч. *sukārā*,

²⁰ В современном языке согласование атрибутов с неразумными именами во множественном числе идет по женскому роду. Словосочетаний типа *jibāl shāhiqāt* имеют другую трактовку: окончание правильного множественного числа женского рода передает значение малого количества в такого рода контекстах. О выражении значения малого количества формами множественного числа женского рода в современном литературном арабском языке см. [1, с. 188]. (на арабском языке).

Однако Галайини не упоминает о наличии каких-либо дополнительных значений, связанных со способом согласования.

²¹ Отсылка к пункту 4 настоящей работы.

или *sakārā*, или *sakrā*; *rayyā* «обильно орошенная, сочная» (*rayyān* м.р.) – *riwā'*; *'aṣhā* «жаждущая, сухая» (*'aṣhān* м.р.) – *'iṣhān* или *'aṭāshā*. Все три модели *fa'lān* (м.р. ед.ч.) – *fa'lā* (ж.р. ед.ч.) – *fa'ālā* (мн.ч.) составляют единую парадигму, как и в случае с *af'al* (м.р. ед.ч.) – *fa'lā'* (ж.р. ед.ч.) – *fu'l* (ЛМЧ) (см. предыдущий пункт);

9) составные названия неразумных денотатов, первой частью которых являются слова *ibn* «сын» или *dhū* «обладатель» – *al-ism li-ghayr al-'āqil al-muṣaddar bi-ibn aw dhī* [3, с. 24]. Например: *ibn āwā* «шакал» – мн. ч. *banāt āwā* «шакалы»; *dhū al-qa'da* «зуль-каада»²² – мн. ч. *dhawāt al-qa'da*.

Однако составные названия разумных существ, где в качестве первой части также выступают слова *ibn* или *dhū*, образуют ломаное множественное число или правильное множественное число мужского рода, при этом изменению подвергается только первая часть (то есть слова *ibn* или *dhū*). Например: *ibn 'abbās* «сын Аббаса» – мн. ч. *banū 'abbās* или *abnā' 'abbās*; *dhū 'ilm* «обладатель знания» – мн. ч. *dhawū 'ilm*;

10) все иностранные слова, указывающие на неразумные объекты, если они не коррелируют с каким-либо другим типом множественного числа – *kull ism a'jamiyy lam yu'had la-hu jam'un ākhar* [3, с. 24]. Например: *tilighrāf* «телеграф» – *tilighrāfāt*; *tilifūn* «телефон» – *tilifūnāt*; *funighrāf* «граммофон» – *funighrāfāt*; *barnāmaj* «программа» – *barnāmajāt*.

Таким образом, в трактате перечисляются все возможные случаи образования множественного числа женского рода.

Но есть имена, образующие форму правильного множественного числа женского рода, которые нельзя отнести ни к одной из упомянутых категорий. Наличие таких форм объясняется узуальным употреблением (*mā 'adā mā dhukir lā yujma' bi-l-alif wa-t-tā' illā samā'an*) [3, с. 24], например: *samā'* «небо» – *samā'wāt* «небеса»; *arḍ* «земля» – *araḍāt* «земли»; *umm* «мать» – *ummahāt* «матери»; *umm* «мать» – *ummāt* «матери»; *sijill* «регистрационный журнал» – *sijillāt* «регистрационные журналы»; *ahl* «родственник» – *ahlāt* «родственники»; *hammām* «баня» – *hammāmāt* «бани».

Образование форм множественного от множественного (*jumū' al-jam'*) в некоторых случаях также происходит за счет добавления показателей *alif tā'* к основе ломаного множественного: *wa-min dhālik ba'd jumū' al-jam'* [3, с. 24]. Например: *jimāl* «верблюды» – *jimālāt*; *rijāl* «мужчины» – *rijālāt*; *kilāb* «собаки» – *kilābāt*; *buyūt* «дома» – *buyūtāt*; *ḥumur* «ослы» – *ḥumurāt*; *dūr* «дома» – *dūrāt*; *diyār* «страны» – *diyārāt*; *quṭur* «вереницы верблюдов» – *quṭurāt*.

Галайини никак не комментирует в своем трактате значение форм множественного от множественного. К данной теме он обращается дважды: первый раз в главе о правильном множественном числе женского рода, где он описывает функционирование этого типа множественного (формы множественного от множественного образуются при помощи показателей *alif-tā'* нерегулярно, все перечисленные формы являются узуальными (*samā'iyū*)).

Второй раз он останавливается на этой теме в разделе о частных случаях реализации категории числа, где по сути речь идет о периферии числовых значений (в арабской грамматической традиции – *far'*). Тут он также не объясняет смысл получившихся форм и не приводит трактовку своих предшественников в отношении данного вопроса. В обоих случаях автор прибегает к экзemplификативному определению.

В арабской грамматической традиции существует несколько способов трактовки семантики множественного от множественного. Одну из самых ранних интерпретаций мы находим в «Китаб Сибавайхи»²³, где такие формы позиционируются как способ «усилить и умножить» уже реализованную в исходной форме плюралиса сему множества. В таком случае дублирование граммы помогает передать субъективную оценку говорящего, который воспринимает множество объектов как очень большое [2].

В более поздней грамматической традиции был предложен альтернативный взгляд на количественную семантику таких форм. Так, Ибн Джинни²⁴ рассматривает множественное от

²² Одиннадцатый месяц мусульманского календаря.

²³ См. ссылку 1.

²⁴ Арабский грамматист, живший в 10 веке.

множественного как способ указать на множество групп объектов. Аналогичная трактовка предложена у аз-Замахшари²⁵.

В трактате отдельно выделяется группа слов, которые не входят в разряд имен, образующих правильное множественное число женского рода, несмотря на то, что способы выражения *uapa6a* (*i'rāb*) этих лексем и слов в форме правильного множественного числа женского рода совпадают. Галайини называет эту группу «то, что примыкает к правильному множественному числу женского рода» (*al-mulḥaq bi-jam 'al-mu'annath as-sālim*).

Сюда включены имена собственные, оканчивающиеся на показатели *alif tā'* (например: *'arafāt* «Арафат»; *adhri'āt* «Азриат»²⁶) и слово *ūlāt* (производное от *ūlū* м. р., которое также входит в группу форм, примыкающих к правильному множественному числу мужского рода) «обладательница, владелица».

Выделение этих лексем в отдельную группу можно объяснить тем, что *alif tā'* во всех трех случаях является неотчуждаемым показателем. Эти формы не имеют коррелята в единственном числе, следовательно, неполная парадигма выступает фактором обособления данных форм.

Следующий раздел главы о правильном множественном числе женского рода посвящен вопросам морфонологии – образованию ПМЧ от основ, имеющих в своем составе слабые харфы. Поскольку эти изменения не отражаются на количественной семантике форм, мы не рассматриваем эти разделы.

Краткие выводы к разделу «Правильное множественное число женского рода»:

- Запрет совмещать противоположные граммы рода в одной словоформе диктует необходимость отказаться от показателей *wāw-nūn* для имен мужского рода в пользу *alif-tā'* (*talḥatu* «Талха» – *talḥāt*);

- Одним из запретов на образование ПМЧ женского рода является наличие у модели единственного числа закрепленной за ней формы ломаного множественного числа. Например: *fa'lān* (м.р. ед.ч.) – *fa'lā* (ж.р. ед.ч.) – *fa'ālā* (мн.ч.), а также *af'al* (м.р. ед.ч.) – *fa'lā'* (ж.р. ед.ч.) – *fu'l* (ПМЧ);

- Реализация числа зависит от подкласса имен. Нарушение родовой парадигмы у атрибутов (невозможность присоединить показатель *ta marbuta* в женском роде) влечет за собой изменение числовой парадигмы (*tāliq* «разведенная» – *tawāliq*).

Однако с другой стороны мы видим, что собственные женские имена без соответствующего грамматического показателя образуют правильное множественное число женского рода (*maryam* «Марьям» – *maryamāt*), то есть в этом случае именно значение рода диктует форму числа. Отсюда можно сделать вывод, что для разных подклассов имен действуют свои нормы числового поведения;

- Образование ПМЧ от атрибутов связано с двумя условиями, которые в трактате формулируются следующим образом: способность иметь показатель *ta marbuta* или постановка атрибута в форму элатива. Исходя из примеров, можно расширить это первое условие: имена, имеющие формальный показатель женского рода (в том числе *alif maqṣūra* и *alif mamdūda* вместе с *hamza*), образуют правильное множественное число женского рода. Например: *ṣaḥrā'* «пустыня» – *ṣaḥrāwāt*; *ḥublā* «беременная» – *ḥublayāt*;

- ПМЧ женского рода обслуживает большее количество лексико-грамматических групп слов, в то время как ПМЧ мужского рода образуется только от слов, обозначающих разумных денотатов мужского пола, или согласующихся с ними атрибутов;

- Согласование имен мужского рода неразумных с атрибутами по ПМЧ женского рода описывается как естественный способ, не имеющий дополнительной смысловой нагрузки.

Общие выводы:

- Формообразование. Задается описанием пошагового алгоритма преобразования формы единственного числа. Особо оговариваются отклонения, связанные с дефектами основы единственного числа (наличием слабых или удвоенных харфов). Также делается акцент на

²⁵ Аз-Замахшари – Абу-л-Касим Махмуд ибн 'Умар аз-Замахшари (1256 – 1344), филолог и комментатор Корана; автор трактата «*al-Kashshāf 'an ḥaqā'iq ghawāmiḍ at-tanzīl*», который написан с позиций му'тазилитской теологии.

²⁶ Название одного из древних городов Сирии, сейчас это город Дарья.

запрет дублировать одно и то же грамматическое значение (в первую очередь речь идет о дублировании падежных показателей) в рамках одной словоформы;

- Семантика. Правильное множественное число не включено в поле малого количества в данном трактате. Галайини не проводит никаких параллелей между ПМЧ и двойственным числом;
- В отношении ряда форм действует запрет на образование множественного числа, связанный с запретом на дублирование показателей одной грамматической категории, а также на совмещение нескольких взаимоисключающих показателей одной категории;
- Числовая парадигма по-разному функционирует в разных лексических подклассах (имена/атрибуты);
- Выбор формы правильного множественного числа женского и мужского рода зависит как от семантических, так и от формальных аспектов.
-

Литература

11. 'Аббас Хасан. Ан-Нахв ал-вафи. 1960. Ч. 1
12. Берзигиярова М. П. Гиперболическое множество в «Книге» Сибавайхи // Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка» (Грозный, 11-12 ноября 2016)/ М.П. Берзигиярова – Грозный – Махачкала: Алеф, 2016.
13. ал-Галайини М. Джами' ад-дурус ал-'арабиййа / М. ал-Галайини – Бейрут: Ал-Мактаба ал-'асриййа, 1994. Т. 2.
14. Ибн Йа'иш Шарх ал-Муфассаль ли-з-Замахшари / Ибн Йа'иш – Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 2001. Т. 1, 3.
15. Кулиев Э.Р. КОРАН Перевод смыслов./ Э.Р. Кулиев - Москва : Эксмо, 2012
16. Налич Т.С. Ангелы и другие сверхъестественные существа в исламе/ Т.С. Налич – М.: Знак, 2009

УДК 81-25

Теории происхождения арабских диалектов

Закрыжевский М.Ш.

**МГУ им. М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки МГУ Кафедра
арабской филологии, Москва, Россия**

Аннотация. При внимательном рассмотрении темы арабского языка и его современного состояния, перед нами разворачивается сложная и любопытная картина: под единым понятием «арабский язык» скрывается не один язык, а целый массив из различных местных наречий, которые принято называть диалектами, сосуществующих с современным литературным языком, а также с классическим арабским языком (языком Корана, занимающим особое место в арабской лингвистической системе).

Фактически, в каждой арабской стране используется особая разновидность разговорного языка, причем, эти разновидности зачастую могут быть невзаимопонятны для их носителей.

Данная статья посвящена основным концепциям происхождения арабских диалектов. Рассматриваются различные возможные сценарии появления разговорных диалектов. Три основные концепции - теория пиджинизация, ответ на теорию пизжинизации и так называемое военное койне.

Данная статья лишь знакомит с этими теориями, не отстаивая ни одну из них, т.к. вопрос о генезисе арабских диалектов все ещё остаётся открытым как в отечественной, так и зарубежной арабистике.

Ключевые слова. Арабский язык, арабские диалекты, пиджинизация, креолизация, арабское койне, разговорный язык.

Theories of the origin of Arabic dialects

Zakryzhevsky M.Sh.

Moscow State University M.V. Lomonosov Institute of Asian and African
Countries, Moscow State University Department of Arabic Philology, Moscow, Russia

Annotation. Upon careful consideration of the topic of the Arabic language and its current state, a complex and curious picture unfolds before us: under the single concept of “Arabic” is not one language, but a whole array of various local dialects, which are commonly called dialects that coexist with the modern literary language, as well as the classical Arabic language (the language of the Qur'an, which occupies a special place in the Arabic linguistic system).

In fact, in every Arab country a special kind of spoken language is used, moreover, these varieties can often be incomprehensible to their speakers.

This article is devoted to the basic concepts of the origin of the Arabic dialects. Various possible scenarios for the appearance of colloquial dialects are considered. Three basic concepts are the theory of pidginization, the answer to the theory of pigeonization, and the so-called military koyné.

This article only introduces these theories, without upholding any of them, because the question of the genesis of Arabic dialects is still open in both domestic and foreign Arabic studies.

Keywords. Arabic, Arabic dialects, pidginization, creolization, Arabic koyné, spoken language.

Теория пиджинизации и креолизации

Нидерландский лингвист К. Верстег (1984), выдвинул теорию, согласно которой, многие общие черты между Классическим арабским и диалектами – результат процессов пиджинизации, креолизации и последующей декреолизации.

Ученый предполагает, что раннеарабский язык подвергся пиджинизации, т.е. существенному упрощению в эпоху раннего Ислама в результате усвоения его большим количеством неарабоязычных, что привело к использованию некой разновидности арабского языка в качестве *lingua franca* между арабами и говорящими на других языках.

Затем, как полагает Верстег, этот язык был «креолизован», т.е. стал родным для неарабоязычных, а затем распространился и за пределами Аравийского полуострова. В конечном итоге, именно этот креольский язык и стал источником большинства современных арабских диалектов.

Еще один тезис, который выдвигает лингвист, состоит в том, что одновременное использование в языковой среде и диалектов, и Классического арабского языка привело к постепенной декреолизации и сближению диалектов с Классическим арабским языком. Так начался процесс интеграции ряда черт, характерных для Классического языка в диалекты, процесс этот продолжается и по сей день.

Ответ Чарльза Фергюсона на теорию пиджинизации

Данная теория была воспринята, в целом, положительно, однако, вызвала ряд противоречий: так, например, известнейший диалектолог Чарльз Фергюсон ставит описанные процессы под сомнение. С его точки зрения, имели место другие процессы, например, внутренняя устойчивость языка, «койнезация», «внешнее проникновение».

В своей статье «Грамматическое согласование в Классическом арабском языке и современных диалектах» («Grammatical agreement in classical Arabic and the modern dialects») Фергюсон приводит объяснение и примеры данных явлений:

1) Внутренняя устойчивость языка.

Во всех современных диалектах арабского языка существует маркер «t», показатель единственного и множественного числа второго лица, а также единственного числа третьего лица женского рода. Нет никаких свидетельств того, что этот показатель когда-либо исчезал из арабского языка, это крайне устойчивое явление, восходящее еще к протосемитским и даже протоафро-азиатским языкам. Даже если будет доказано, что какой-либо арабский пиджин когда-нибудь утрачивал данный маркер, а затем вновь обретал его в процессе декреолизации, это не свидетельствует о том, что и другие диалекты прошли через этот же процесс.

2) «Койнезация».

В классическом арабском языке («ʕarabiyya») маркер подлежащего в имперфектной форме, *ta*, содержал краткий гласный *a*, при том, что известно, что в других вариантах древнеарабского он содержал гласный *i*, и хотя, в целом, вариант *a* сохранился лучше, чем *i*, современное использование этих морфем указывает на то, что вариант *i* был характерен для диалектов оседлого населения, а также неаравийских диалектов. Это говорит о том, что в эпоху раннего ислама этот вариант преобладал. Верстег же характеризует это как «возможный случай», хотя таких случаев должно было быть множество.

3) Внешнее проникновение.

Самым ярким примером этого явления, по мнению Фергюссона, является распространение в диалектах слов, заимствованных из европейских языков в результате либо непосредственно заимствования, либо внутреннего изменения однажды заимствованного слова. Так, например, во многих арабских диалектах существует слово «bosta» ('почта'), заимствованное из романских языков несколько веков назад или, например, слово «talfon» ('телефон'), заимствованное из английского сравнительно недавно.

Такого рода заимствования не являются серьезным источником сходств между диалектами, так как они осуществлялись по-разному.

В целом, Чарльз Фергюссон высоко оценил работу, проделанную его нидерландским коллегой, хотя и выразил мнение, что его точка зрения не была в достаточной степени обоснована.

Допустив, что описанные в теории пиджинизации и креолизации явления МОГЛИ иметь место, Фергюссон выделяет процессы другого рода, которые, согласно его точке зрения, сыграли более заметную роль в происхождении арабских диалектов.

Концепция арабского койне

В своей статье "The Arabic Koine" (1959) лингвист-диалектолог Ч. Фергюссон вводит новое понятие – «арабское койне», понимая под ним форму арабского языка, не похожую на ранние арабские диалекты, но и в значительной степени отличающуюся от классического арабского, тем не менее, койне гармонично сосуществовало с классическим арабским языком в раннемусульманский период.

Как известно, на территории доисламской Аравии диалекты были очень разнообразны, принято считать, что классический арабский –ʕarabiyya, язык грамматистов, был основан не на каком-то конкретном диалекте, а на форме языка, использовавшейся поэтами и ораторами, говорившими на разных диалектах.

Подтверждение этому найдено в образцах доисламской поэзии, а также в Коране.

После того, как ʕarabiyya был усвоен на всей территории распространения Ислама, и был кодифицирован в работах арабских грамматистов, он вплоть до наших дней остался практически неизменным с точки зрения фонологии и морфологии, и до сих пор считается нормой как для письменного, так и для формального разговорного языка.

Диалекты же в разных частях Аравии даже во времена Мухаммада существенно отличались от ʕarabiyya. Койне не было основано на диалекте какого-то одного района, а было распространено по всей территории распространения Ислама в раннемусульманскую эпоху и развивалось, как разговорная форма арабского языка.

Койне сосуществовало с ʕarabiyya, хотя редко использовалось при письме, также можно сказать, что большинство современных арабских диалектов, особенно за пределами Аравии, являются продолжением койне, поскольку многие их отличительные черты были либо напрямую заимствованы из койне, либо появились в результате его распространения.

Похожая ситуация наблюдается, например, в современном греческом языке, где современные диалекты не «выросли» из раннегреческих, а развились из койне, и отличия между диалектами связаны с процессом распространения койне.

Главные отличия арабской языковой ситуации от греческой заключаются в том, что классический арабский язык практически не изменился с течением времени, а также в том, что греческое койне было основано, в большей степени, на разговорном диалекте одного языкового центра.

Весьма вероятно, что арабское койне появилось еще до Великих Арабских Завоеваний и распространения Ислама, но также вероятно, что процесс развития койне совпадал по времени с Арабскими Завоеваниями и привел к смешению диалектов, когда многие неарабоязычные народы усвоили арабский, как язык межнационального общения по всему ареалу распространения Ислама.

Стоит отметить, что некоторые разновидности разговорного арабского языка остались незатронутыми койне, подчас даже в крупных языковых общностях, например, Бану Хиляль в Северной Африке. Эти вариации разговорного языка достаточно сильно отличаются от основной массы арабских диалектов, в основе которых лежит арабское койне. То же можно сказать и про бедуинские говоры, которые, в целом, не происходят от койне, но все это составляет лишь малую часть арабского языкового сообщества. Основная же часть диалектов, как было сказано выше, берет начало от арабского койне.

Также весьма вероятно, что койне развивалось преимущественно в городах, и его распространение совпало с распространением арабо-мусульманской городской культуры, хотя дату и район возникновения арабского койне определить невозможно.

За всю историю арабского мира ни один языковой центр не признавался главенствующим на протяжении длительного времени. Со второго века Хиджры признавалось некоторое превосходство мекканского или курейшитского диалекта, постоянно велись дискуссии, по вопросу того, какой говор «лучше», т.е. ближе всего к классическому арабскому. Тем не менее, ни один языковой центр не оказал колоссального влияния на общую языковую ситуацию. Такая картина характерна для Арабского Мира и по сей день: ни одна разновидность разговорного арабского не может считаться универсальной нормой для всего языкового сообщества, однако, разумеется, наиболее важные центры могут оказывать влияние на языковую ситуацию в определенном регионе (например, арабский язык Каира в Египте)

Таким образом, можно сказать, что возникновение арабского койне – сложный, многоступенчатый процесс смещения, заимствования и взаимного проникновения элементов различных раннеарабских диалектов и выработки на их основе сложнейшего языкового образования, распространившегося по всему ареалу арабо-мусульманской цивилизации, и служившего переходным этапом от классического арабского языка к современным арабским диалектам.

Литература

1. Завадовский Ю.Н. Арабские диалекты Магриба; М.:Издательство Восточной Литературы, 1962
2. Шарбатов Г.Ш. Проблема соотношения литературного арабского языка и современных арабских диалектов; Материалы I конференции по семитским языкам, 1964
3. Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Книга 1: Семитские языки.: М. – Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
4. Charles A. Ferguson The Arabic Koine; Center for Applied Linguistics, 1959
5. Charles A. Ferguson Diglossia; 1959
6. Charles A. Ferguson Grammatical Agreement In Classical Arabic and The Modern Dialects; Stanford University, 1987
7. Kees Versteegh The Arabic Language; Edingurgh University Press, 2001

СЕКЦИЯ 1.3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И МЕТОДИКИ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 1751

Природа временного значения перфектной формы глагола английского языка

Айгунова Т.С.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия
cake2552@mai.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается характер временного значения совершенной формы английского глагола. Связь действия с моментом речи опосредована через период времени. Это подразумевает невозможность использования совершенных форм законченного времени, поскольку такие обстоятельства неизбежно помещают действие в законченный период отдельно от момента речи - следовательно, период, который больше не может рассматриваться как настоящее.

Ключевые слова: природа совершенного, английский, инклюзивный, временное значение, непрерывная форма, приоритет, категория пола.

The nature of the temporal meaning of the perfect form of the English verb

T.S. Aigunova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. This article deals with the nature of the temporal meaning of the perfect form of the English verb. The connection of the action with the moment of speech is mediated through a time period. This implies the impossibility of using the perfect forms of the finished time, since such circumstances inevitably place the action in a finished period separate from the moment of speech - therefore, a period that can no longer be considered as the present.

Keywords: nature of the perfect, English, inclusive, temporal meaning, continuous form, precedence, category of the gender.

Место перфекта в системе видовременных форм вызывает наибольшее количество споров среди англистов. Проблема его отнесенности к категории вида или к категории времени до сих пор не нашла однозначного решения.

Единого мнения в интерпретации сущности перфекта в лингвистической литературе нет. Наиболее последовательным из всех является Суит [6, с.57], рассматривающий как форму выражающую предшествование. Лингвисты структурализма, рассматривают его как форму времени, а именно Поутсма [5, с.36]. отмечает значение состояния – результата законченного действия, что противоречит пониманию перфекта как формы только времени.

Согласно теории временного значения перфекта, он имеет значение предшествования.

Значение предшествования с другим действием или с каким-то выраженным моментом времени. Действиеперфекта соотнесено с моментом речи, как правило, не выраженным ни лексически, ни грамматически; что же касается сопоставления с другим действием, то для перфекта такое употребление не характерно. Кроме того, при наличии прямой связи между этими двумя действиями. Так, предшествование, безусловно, наличествует в следующем предложении: *He knows of what has occurred.* (Casebook, 88)

Но значение предшествования не существенно в следующих предложениях, где действие, выраженное перфектом, безусловно, предшествует действию, выраженному основным настоящим: *I have one card left to pay that you've forgotten (Getting, 272) – I am glad we have met, Sir Colenso Ridgeon (Dilemma, V.98) - I have left the flat for you like a good steward I bring you some money. (Chancery, 132).*

То, что действие, выраженное перфектом, происходит ранее действия, выраженного настоящим основным или длительным, вытекает из видовой природы перфекта; но в соотношении двух действий приведенных примеров, главным не является то, что одно из них произошло раньше, а другое – после него; главным является видовая характеристика действия.

Отмеченное выше дает основание И.П. Ивановой [3, с. 87]. сделать однозначный вывод, хотя значение предшествования может встречаться в перфекте. Но ни коем образом не является его основным значением, тем более, что оно характерно только в сложном предложении, в котором употребление перфекта несравненно реже встречается, чем в простом.

В простом же предложении нет сопоставления ни с другим действием, ни с выраженным лексически моментом времени, и тем самым значение предшествования совершенно оттесняется на задний план видовым значением. Действие перфекта протекает в отрезок времени, не отдельный от настоящего момента, т.е. в настоящем времени. Указания на эту особенность временного значения перфекта имеются у различных авторов.

Так Есперсен называет его *permissivpresent* [2, с.59]. Принадлежность времени перфектного действия к настоящему ярко выражается в том, что при перфекте невозможно употребление обстоятельства, обозначающего законченное действие; это является общим местом школьных грамматик.

В то время, как обычно настоящее время является периодом прилегающим, смежным с моментом речи по обе его стороны, перфектное время протекает в период, продолжающийся до момента речи. Между действием и моментом речи возможен разрыв во времени, причем сомой разнообразной величины. Тем самым с моментом речи осуществляется особым образом – по-иному, чем, например, связь с моментом речи действия, выраженного длительным разрядом. Действие перфекта не происходит в момент речи, оно закончено ранее. Следовательно, действие связано с моментом речи не непосредственной временной связью - одновременным протеканием, - а тем, что оно происходит в период, конечной точкой которого является момент речи. Поскольку действие перфекта связано во времени не с опрделенным моментом, а с периодом, отсюда вытекает еще одна важная черта перфекта – отсутствие точной фиксации действия во времени. Это может быть момент речи - и тогда мы имеем собственно-перфектное значение, либо же опирается на какую-то иную «точку отсчета» [1, с.126-128].

Как уже сказано выше, промежуток между действием и моментом речи может быть самой разнообразной величиной; действие может быть соотносено с данным моментом и предшествовать ему, и оно может быть весьма отдаленным.

Отсутствие фиксации момента действия создает еще одну особенность перфекта. Связь с моментом речи может быть тесной или свободной, т.е. перфект может обозначать действие частное, непосредственно связанное с моментом речи и вообще с конкретным настоящим говорящего, или же перфект может обозначать действие, имеющее обобщенный характер, и тогда на первый план выступает не столько непосредственная связь с настоящим, сколько отсутствие фиксации во времени, в частности, отсутствие фиксации за каким-либо моментом прошлого.

Отсутствие уточнения во времени является причиной еще одной характерной черты перфекта; он никогда не употребляется в повествовательной функции. Под повествовательной функцией имеется в виду связное изложение событий в их хронологической последовательности. Перфект не выполняет этой функции, так как всякое повествование предполагает некоторое хотя бы приблизительное уточнение во времени – если не в абсолютной хронологии действий, то хотя бы по отношению к той цепи событий, в которой данное действие имело место. Между тем, для перфекта характерно именно то, что он передает действие вне цепи фактически предшествовавших ему и следовавших за ним событий; он передает действие изолированно, как бы выхваченным из ряда хронологически сопровождавших его действий. Даже при перечислении действий перфект не создает значение хронологической последовательности или даже вообще временной соотносённости между действиями, тогда как при употреблении основного прошедшего хронологическая связь, была бы обязательна. Например: *I've killed people with them, and I'm curried with them; but I have them up because I was going to do (Dilemma, I, 10) – I have earned the right to speak, I have dared, I have through.*

Разумеется, в некоторых случаях фактически действия имеют взаимную связь во времени; эта связь определяется из контекста, из передаваемых фактов, но не заключена в форме. Перфект всегда

трактует действие как изолированное. Именно изоляция данного действия из цепи окружающих его и сопровождающих его во времени действий создает возможность связи между выполненным действием и текущим моментом. Следует отметить, что эта изолированность перфектного действия повышает его удельный вес, увеличивает важность действия как такового, независимо от деталей его протекания.

Глаголы неспособные передавать изолированное единичное действие, по-видимому, или совсем не употребляются в перфекте или употребляются очень редко. К этой группе относятся глаголы, передающие объективное отношение – *to consist, to contain, to possess*; глаголы, обозначающие действия или отношения пространственного характера, которые неразделимы на отдельные, однократные акты и в то же время не могут рассматриваться как единый, развивающийся процесс: *to ripple, to potter, to jog*. Едва возможно употребление перфекта глаголов типа *to run, to lie, to curve, to lead*, когда они обозначают расположение местности (*the road runs along the field, the path curves to the right, the village lies on a hill*).

Приведенные здесь глаголы частично совпадают с ранее рассмотренными не процессуальными глаголами. Этот факт еще раз подтверждает мысль о том, что глаголам, передающим постоянный признак, не свойственна категория вида.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод - М.: МО, 2005 г. 240 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. Издательство иностранной литературы. Москва, 1958 г. 400 с.
3. Иванова И.П.. Вид и время в современном английском языке. Л. – 1961.
4. Смирницкий А.И. Перфект и категория временной отнесенности. ИЯШ, 1955. №
5. Poutsma H. The characters of English Verb. Croningen, 1921.
6. Sweet H. New English Grammar Logical and Historical.-Oxford: Clarendon Press Syntax. Pt., 1898.

УДК 1751

Перфект как особая категория временной отнесенности

Айгунова Т.С. , Мусаева А.А.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть вопрос о совершенстве как особую грамматическую категорию временных соотношений. Основным значением совершенной непрерывной формы является сумма синтеза совершенных и совершенных значений непрерывной формы. В то же время отчетливо видна процессуальная ценность вида, которая исходит из непрерывной формы и временной ценности, характерной для совершенного.

Ключевые слова: совершенство, английская грамматическая категория корреляции времени, непрерывная форма, значение старшинства.

Perfection as a special category of temporal relevance

Aigunova T.S. , Musaeva A.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article sets the goal to consider the issue of perfection as a special grammatical category of time correlation. The main value of a perfect continuous form is the sum of the synthesis of the perfect and perfect continuous form values. At the same time, the procedural species value, which comes from a continuous form and the temporal value characteristic of the perfect, is clearly seen.

Key words: perfect, English grammatical category of time correlation, continuous form, meaning of precedence.

Наличие дискуссионных аспектов, противоречивых толкований среди грамматистов сохраняет актуальность его изучения. Лингвистический энциклопедический словарь определяет перфект как «видовременную форму глагола, обозначающую состояние в настоящем как результат предшествующего действия, изложения и события, состояния прошедшего, чем-либо важные для настоящего, рассматриваемое с точки зрения настоящего, вне связи с другими факторами прошлого» [4].

Перфектные формы английского глагола выражают временную отнесенность. В то время как неперфектные формы выражают действие безотносительно, перфектные формы выражают значение предшествования, т.е. рассматривают действие относительно какого-либо последующего момента времени [1, с.89].

А.И. Смирницкий дал очень интересный и глубокий анализ перфекта и предложил рассматривать его как категорию временной отнесенности [2, с. 38]. Он подчеркивает, что категория временной отнесенности – совершенно не то же самое, что категория времени, так как категория времени передает отношение к конкретному моменту времени, а категория отнесенности – к времени вообще. Значение предшествования, о котором пишет А.И. Смирницкий, несомненно, имеется у перфекта, однако это значение по-разному функционирует в перфекте настоящего и прошедшего времени [5, с. 38].

Интерпретация А.И. Смирницкого является одной из самых заслуживающих внимания. А.И. Смирницкий исходит не только из анализа функционирования живой формы в современном языке, сколько из анализа значения причастия второго, являющегося компонентом перфекта. Однако, хотя аналитическая форма, безусловно, складывается при непосредственном участии значения ее компонентов, и это значение – особенно для, лексически значащего элемента, каким является в данном случае причастие второе – в какой-то мере может сохраниться в дальнейшем, все же аналитическая форма тем и отличается от свободного сочетания, что она имеет свое значение, не свойственное ее компонентам в отдельности.

Степень слитности, т.е. поглощения значения отдельных компонентов значением всей формы, в целом зависит, несомненно, от того в каком соотношении находятся значения компонентов формы. Степень слитности перфекта характеризуется тем, что в ряде случаев для глаголов непереходных возникли ранее не существовавшие причастия глагола – *to be-been*. Эти причастия не существовали в языке, так как не имели сферы применения, и образовались только как компоненты аналитической формы.

Этот факт сам по себе указывает на такую степень поглощения значения компонентов значением формы в целом, что представляется неправомерным – именно в случае перфекта – говорить о самостоятельном значении одной из составляющих частей и из нее выводить значение всей формы в целом.

Категория временной отнесенности определяется как передающая отнесенность к времени вообще, в отличие от категории времени, передающей отношение к конкретному времени. Это различие совершенно непонятно. Ведь категория времени передает отношение отдельного действия к определенному моменту речи. Причем, это отношение, всегда пред полагает завершение действия ранее момента речи. По существу, А. И. Смирницкий присоединяется к тем грамматистам, которые рассматривают перфект как временную форму со значением предшествования. Не случайно и сам А. И. Смирницкий говорит о большой близости категории временной отнесенности к категориям вида и времени; действительно, эта близость настолько велика, что делает выделение этой новой категории совершенно неубедительным [3, с.47].

В контексте общей интерпретации природы перфекта рассмотрим перфектпредельных глаголов в разнообразных синтаксических позициях, т.е. в различных типах предложения:

А) безобстоятельствавремени: I hope you have sent tickets for day (Dilemma, V, 97) – I wonder if many people have thought things out. (Ann, 210)

б) обстоятельствовремени: Have you ever caught him in this state before? (Justice, II, 56) – May dear Albert has met his match this time. (Casebook, 24)

Рассматривая приведенные примеры, мы видим, что все они обладают временной характеристикой и что протекание действия, обозначаемой ими также однократно. Во всех этих случаях перфект обозначает завершенное действие в пределах настоящего времени. Под завершенностью действия здесь имеется в виду такое положение вещей, когда действие заканчивается не в силу внешних причин, а потому, что оно полностью выполнено; действие достигло своего предела, исчерпало себя и потому не может продолжаться. Как видно из приведенных здесь примеров, перфект предельных глаголов передает именно достижение предела, в силу чего действие оказывается завершенным.

Временная отнесенность у перфекта прошедшего времени та же, что и у длительного прошедшего времени. Однако при этом он, в отличие от длительного прошедшего, обозначает действие, законченное ранее точки соотнесенности, т.е. временного центра. Следовательно, правы те грамматисты, которые утверждают, что основным содержанием перфекта прошедшего времени является предшествование.

Сравнительный анализ грамматических значений перфекта прошедшего времени и основного прошедшего времени показал, что первый захватывает отрезок, предшествующий временному центру, тогда как второе совпадает с временным центром и большей частью является способом обозначения временного центра.

Литература

1. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. - М., 2005.
2. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. - М., 2004.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 685 с
5. Смирницкий А.И. Перфект и категория временной отнесенности.// ИЯШ, 1955. № 1, № 2.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц тематического поля «образование» в русском и английском языках

Эльжуркаева М.Я.

Чеченский государственный педагогический институт

Аннотация: В статье затрагивается вопрос соотнесенности фразеологических единиц русского и английского языков на примере сравнения устойчивых выражений тематического поля «образование». Автор выделяет несколько критериев соотнесенности языковых единиц, а также приводит примеры в рамках каждой тематической группы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, тематическое поле, эквивалентность, фразеологизм, микрополе.

Comparative analysis of phraseological units of the thematic field “education” in Russian and English

Elzhurkaeva M.Ya.

Chechen State Pedagogical Institute

Abstract: the article touches upon the question of correlation of phraseological units of Russian and English languages by the example of comparison of stable expressions of the thematic field "education". The author identifies several criteria for the correlation of language units, as well as provides examples within each thematic group.

Keywords: phraseological unit, thematic field, equivalence, phraseology, micropole.

Соотнесенность фразеологических единиц в английском и русском языках может определяться в разной степени и по различным критериям.

Одним из главных критериев принято считать смысловую соотнесенность. Она подразумевает, что фразеологические единицы по общему значению полностью или частично совпадают с их коннотативным значением.

Используя семантический признак, следует отметить общность коннотативных значений в

английском и русском языках. На основе этих значений лексические сочетания переосмысливаются во фразеологизм.

Второй признак - структурная организация фразеологизма. По сравнению с первым признаком строение фразеологизма может определить имеются ли в языке полные структурно-семантические эквиваленты.

Межъязыковая эквивалентность фразеологических единиц слабо отражает, в какой степени компоненты принадлежат к той или иной тематической группе по семантическому признаку. Лишь некоторые группы фразеологизмов могут являться исключением.

Следующий важный критерий - синтаксическая структура фразеологических единиц. Она является необходимой для сравнения языков, в которых слова связаны по одному типу. В данном случае в английском и русском имеется множество серьезных различий. Среди них, например, система причастий в английском языке. Особенно следует отметить систему глагола в английском языке, в частности, сложную систему времен. Кроме того, в английском языке отсутствуют категории падежа и личных форм глагола. Все перечисленные факторы позволяют нам сделать вывод о том, что строгое структурно-семантическое соответствие фразеологизмов сопоставляемых нами языков невозможно.

Таким образом, мы можем взять за основу сопоставления фразеологизмов русского и английского языков их общий смысл и лексические единицы, присутствующие в них.

Наша статья посвящена фразеологическим единицам русского и английского языков тематического поля «образование».

Примером номинативных фразеологических единиц являются: «*Alma Mater - Альма-матер*», «*Higher School - Высшая школа*». Данные примеры являются свидетельством полного соответствия между русскими и английскими фразеологизмами, как по смыслу, так и по лексической организации. Следует отметить, что встречаются случаи неполной идентичности подобных фразеологических единиц, например, англ. «*Open Day*» и русск. «*День открытых дверей*». В данном словосочетании наблюдается совпадение общего смысла, но лексическая организация отличается, поэтому мы можем говорить о частичной эквивалентности.

Следующим примером частичной эквивалентности являются словосочетания англ. «*Grammar school*» и русск. «*Классическая гимназия*». В данном словосочетании лексемы англ. *grammar* и русск. *классический* не являются эквивалентами, кроме этого следует отметить и различное семантическое значение данных фразеологических единиц.

Фразеологические единицы англ. «*Co школьной скамьи*» - русск. «*From school- days*» сохраняют смысловое соответствие, но при этом отличаются лексическим составом.

Тематическое поле «Процесс обучения».

Полная семантическая эквивалентность отличает следующие выражения в английском и русском языках:

англ. «*Teachers open the door but you enter by yourself*» - русск. «*Учителя открывают дверь, но войти в нее придется тебе самому*».

англ. «*A teacher is better than two books*» - русск. «*Учитель лучше Двух книг*»

англ. «*Diligence is a great teacher*» – русск. «*Усердие - отличный учитель*».

Но, например, русские фразеологизмы «*Почитай учителя, как родителя*» и «*Ученику удача - учителю радость*» в английском языке не имеют эквивалентных фразеологических единиц.

Тематическое поле «Занятие».

Словосочетания русск. «*брать уроки*» - англ. «*take lessons*» и русск. «*давать уроки*» - англ. «*give lessons*» полностью совпадают по смыслу и лексической организации.

В тоже время в данной тематической группе мы выделили пару фразеологизмов с частичной эквивалентностью: англ. «*Put smb on his best behavior*» - «*Учить уму- разуму*». Эти словосочетания имеют одинаковый смысл, но отличаются по строению.

Частичная эквивалентность наблюдается в словосочетаниях англ. «*Old boy*» - русск. «*Старый школьный товарищ*».

Английские фразеологические единицы «*The little go - первый экзамен на степень бакалавра гуманитарных наук в Кембриджском университете*» и «*The great go - последний экзамен на степень бакалавра гуманитарных наук в Кембриджском университете*» являются безэквивалентными. Это связано с тем, что данные выражения описывают реалии английской культуры.

Тематическая группа «Отметка». Данную группу представляют как частично эквивалентные фразеологические единицы и безэквивалентные, но имеющие одно смысловое значение.

К частично эквивалентным можно отнести следующую пару фразеологических единиц: русск.

«диплом с отличием» - англ. «*Diploma with honours*», являющиеся схожими по структуре, но, имеющие в составе лексемы разные по значению.

Безэквивалентными, но имеющими один смысл, являются фразеологические единицы: русск. «*круглый отличник*» - англ. «*Straight A*». Сюда же следует отнести выражения: русск. «*учиться на круглые пятерки*» - англ. «*get straight A's*». Данные примеры английских фразеологизмов также описывают реалии англоговорящих стран, а именно буквенное обозначение оценки.

Тематическая группа «Процесс познания».

В данной группе единственным полной структурно-семантической эквивалентностью отличаются сочетания русск. «*точные науки*» - англ. «*Exact sciences*».

К частично эквивалентным следует отнести фразеологизмы: англ. «*a depository of learning*» - русск. «*кладезь премудрости, знаний*»; англ. «*food the reflection*» - русск. «*пища для размышлений*».

Здесь также представлены фразеологические единицы, не имеющие структурно-семантического эквивалента, совпадающие по значению. Например: русск. «*китайская грамота*» - англ. «*double Dutch*»; русск. «*мастер своего дела*» - англ. «*an old hand*» - *опытный, мастер своего дела*; «*Chapter and verse*» - *ссылка на источник/ цитата*; русск. «*багаж знаний*» - англ. «*Mental furniture*».

В данную группу входят полностью эквивалентные адвербиальные фразеологические единицы:

- совпадающие по структуре и смысловому содержанию: русск. «*От а до я*» - англ. «*From A to Z*» и русск. «*От корки до корки*» - англ. «*From cover to cover*»;

- не являющиеся эквивалентными, но имеющими одно и то же значение:

русск. «*по правилам*» - англ. «*by the book*»;

- безэквивалентные, не совпадающие не семантически, не по структуре.: англ. «*speak the book*» (*утверждать что-то на основании твердых знаний*), англ. «*have a good head for smth*» (*хорошо разбираться в чем-либо*), англ. «*Have bad head for smth*» - *плохо разбираться в чем-либо*.

К данной группе фразеологических единиц относятся следующие пословицы и поговорки:

- частично эквивалентные:

англ. «*Choose an author as you choose a friend*» - русск. «*Выбирай книгу так, как выбираешь друга*»;

англ. «*Good advice is beyond price*» - русск. «*доброму совету цены нет*»; англ. «*Two heads better than one*» - русск. «*Одна голова хорошо, а две - лучше*»

- безэквивалентные: англ. «*Experience is the mother of wisdom*» ; русск. «*Не спрашивай умного, а спрашивай бывалого*»;

англ. «*Might goes before right*» – русск. «*Кто силен, тот и умен*»;

англ. «*He works best who knows his trade*» - русск. «*Дело мастера боится*».

Тематическая группа «Умственные способности».

- частично эквивалентные фразеологические единицы:

англ. «*a clear head*» - русск. «*ясный ум*»;

англ. «*to the best of one's ability*» - русск. «*в меру своих способностей*»;

англ. «*have one's head screwed on right*» - русск. «*иметь голову на плечах, быть смышленным*»;

англ. «*have a head like a sieve*» - русск. «*иметь дырявую голову*».

- безэквивалентные фразеологические единицы:

англ. «*a scatterbrain*» - русск. «*ветер в голове*»;

- фразеологические единицы с полной структурно-семантической эквивалентностью:

англ. «*with brains*» - русск. «*с мозгами*».

англ. «*The fool doth think he is wise, but the wise man knows himself to be a fool*» – русск. «*Дурак считает себя умным, а умный считает себя глупцом*».

англ. «*Long hair and short wit*» - русск. «*Волос долог, да ум короток*».

англ. «*Folly is wise in her own eyes*» - русск. «*каждый дурак умен в собственных глазах*».

Большинство фразеологических единиц данной группы имеют негативную окраску. Например:

англ. «*If things were to be done twice all would be wise*» - русск. «*Задним умом всяк крепок*»

англ. «*Дурака учить, что мертвого лечить*» - русск. «*Fools rush in where angels fear to tread*»

англ. «*All asses wag their ears*» - русск. «*Не всяк умен, кто с головою*»

англ. «*The eyes read but the mind is somewhere else*» - русск. «*Глядит в книгу, а видит фигу*»

англ. «*As the fool thinks, so the bell clinks*» – русск. «*Дуракам закон не писан*»

англ. «*Fools and madmen speak the truth*» - русск. «*Всяк правду знает, Да не всяк ее сказывает*»

англ. «*Fools grow without watering*» - русск. «*Дураков не сеют, они сами родятся*»

Тематическая группа «Эрудиция». Здесь будут представлены фразеологизмы, связанные со

степенью образованности.

Фразеологические единицы с полной эквивалентностью:

англ. «*a walking dictionary*» - русск. *ходячий словарь*»

англ. «*a walking encyclopedia*» - русск. «*ходячая энциклопедия*».

Фразеологические единицы с частичной эквивалентностью:

англ. «*the battle of the books*» - русск. «*ученая дискуссия/баталия*». В данном примере *battle* и *баталия* имеют одинаковое значение. Однако, в русском варианте существительное *books* заменено прилагательным *ученая*, что исключает полную эквивалентность фразеологизмов.

Безэквивалентные фразеологические единицы:

англ. «*The Admirable Crichton*» (*ученый, образованный человек (от Дж. Крайтона)*).

Таким образом, для каждого микрополя и подгруппы фразеологических единиц характерны свои особенные черты, учитывая которые мы и делали выборку фразеологизмов.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – 3 изд. стереотип./ А.В.Кунин.- Дубна, Феникс+, 2005. – 488с.
2. Середина К.Г., Томлянович А.К., Краснянская И.А.. Идиоматика в английской речи. – изд. 2-е. Просвещение, 1971. – 271 с.
3. Котий Г.А. Русско-английский словарь крылатых слов и выражений. Флинта, 2014. – 80с.
4. Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие – М.: Флинта, Наука, 2013. – 312 с.
5. Климовская Г.И. Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка. – 2 изд. –М.: Флинта, 2014. – 150 с.

УДК 811.11-112

Способы выражения категории побудительности в немецком художественном произведении

Ковальчук Н.В.

**ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г.Ростов-на-Дону, Россия**

Аннотация: Изучение смысловой структуры языковых категорий приобретает в современной лингвистике все большее значение. Определение состава элементов функционально-семантической категории побудительности и распределение их в структуре функционально-семантического поля побудительности представляет сегодня интерес для исследования.

Побуждение играет важную роль в коммуникативном процессе, так как выступает самым сильным типом речевого взаимодействия и регулирует отношения между людьми, чем объясняется интерес лингвистов к изучению коммуникативно-прагматических особенностей побуждения и способов его выражения.

Синтаксические способы представления побуждения ясно выражают интенцию говорящего - в зависимости от коммуникативной ситуации выражается запрет, приказ, требование. Лексические способы представления побуждения выражаются с помощью модальных глаголов, которые придают коммуникативную направленность.

Ключевые слова: побуждение, императив, просьба, приказ, коммуникация, речевое общение, долженствование.

Ways of expressing incentive categories in a German artwork

N.V. Kovalchuk

FSBEI HE "Don State Technical University", Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The study of the semantic structure of language categories is becoming increasingly important in modern linguistics. The determination of the composition of the elements of the functional-semantic category of incentive and their distribution in the structure of the functional-semantic field of incentive is of interest today for research.

Motivation plays an important role in the communication process, as it acts as the strongest type of speech interaction and regulates relations between people, which explains the interest of linguists in the study of communicative-pragmatic characteristics of motivation and how to express it.

Syntactic ways of representing motivation clearly express the speaker's intention - depending on the communicative situation, a ban, order, demand is expressed. Lexical ways of representing motivation are expressed using modal verbs that give a communicative orientation.

Keywords: motivation, imperative, request, order, communication, verbal communication, obligation.

Побуждение как коммуникативная категория играет в речевом общении важную роль. Как известно, побудительное предложение является членом классической парадигмы - совокупности функциональных типов предложений.

Мы понимаем побудительные конструкции как синтаксические построения, включающие в свой состав формы императива и его синонимы, при помощи которых говорящий выражает свою волю или желание для того, чтобы добиться от адресата выполнения желаемого действия. Категория «побуждение» шире, чем императив. В выражении побуждения участвуют все наклонения глагола, оба залога, так называемые нестандартные способы. В зависимости от того, что является ведущим средством выражения - сама структура коммуникативно-прагматической формы побуждения или включаемая в нее определенная языковая единица - все множество средств делится на две группы: синтаксические и лексические.

Побудительное предложение может оформляться самыми разнообразными грамматическими структурами, которые в состоянии выразить человеческие волеизъявления, от приказных до деликатно вежливых. Выбор из этих возможностей мотивируется отношением друг к другу участников коммуникации.

Побуждения, употребляемые в форме 1 лица множественного числа – wir (мы), и в форме 2 лица множественного числа – ihr (вы) могут побуждать собеседника к совместному выполнению каких-либо действий и звучат более доверительно, чем официальное обращение в 3 лице множественного числа – Sie (Вы-вежливая форма). Например:

“Wartet nur, bald kommen Sie wieder in unser Land, und wir müssen für sie schuften und bluten und dürfen ihnen aus der Hand fressen!” (W.Bredel “Das Gastmahl im Dattelgarten”, S.63).

«Подождите, скоро они вернутся на нашу землю, и мы должны будем биться за них, истекать кровью и жрать у них из рук!» (здесь и далее перевод Н.В.Ковальчук).

Данное побудительное предложение оформлено во 2 лице множественного числа (ihr) и звучит как совет. Данным высказыванием говорящий пытается спрогнозировать будущее и в какой-то мере огорчить собеседников, высказывая негативное суждение.

“Ich habe noch eine Bitte. Wenn jemand in Ihrer Abteilung nach mir fragen sollte, heute oder morgen, ob ich abgefahren bin, ob ich abfahren werde, geben Sie keine Auskunft! Lassen Sie sich nicht rühren! Verschweigen Sie, dass ich heute hier war! Sie werden begreifen, dass es mir darum zu tun ist, unerkant abzufahren.” (A.Seghers “Transit”, S.241).

«У меня есть еще одна просьба. Если кто-то из Вашего отдела спросит обо мне, сегодня или завтра, уехал ли я, уезжаю ли, не давайте никаких сведений! Не мешайте! Скрывайте, что я был здесь сегодня! Они поймут, что я обязан уехать незамеченным.»

В данном побуждении, которое употреблено в вежливой форме (3 лицо множественное число), говорящий просит собеседников, убеждает их, его просьбы более вежливые и официальные.

Чем меньше второстепенных членов используется в предложении, тем категоричнее приказ, выраженный побудительным инфинитивом: «Расширение инфинитива дополнением и другими членами предложения смягчают императивность инфинитива и переводят его в круг значений долженствования и необходимости. При расширении императива-инфинитива другими словами и интонация менее энергична» [Милосердова Е.В., 1998, стр. 196].

В русском и немецком языках это явление, очевидно, одинаково.

Для выражения приказа, просьбы, требования и т.д. могут употребляться не только формы повелительного наклонения. Побуждение к действию может выражаться следующими средствами:

1. Формой настоящего и будущего времени изъявительного наклонения:

“Du gehst sofort nach Hause! Du gehst sofort schlafen und must dich gut erholen.” (E.M.Remarque “Im Westen nichts Neues”, S.148).

«Немедленно отправляйся домой! Немедленно ложись спать и хорошо отдохни!»

2. Неопределенной формой глагола и (редко) формой Partizip II (Причастие 2). Этот способ побуждения к действию применяется в большинстве случаев в спортивных и военных командах при обращении к группе людей:

“Aufstehen! Still gestanden! Hinlegen! Sprung auf, marsch, marsch!” (E.M.Remarque “Im Westen nichts Neues”, S.38).

«Встать! Замолчать! Лечь! Прыжок, марш, марш!»

3. Инфинитивной конструкцией haben+zu+Infinitiv или инфинитивным оборотом sein+zu+Infinitiv:

“Du hast draussen zu frühstücken!” (E.M.Remarque “Im Westen nichts Neues”, S.148).

«Ты должен завтракать на улице!»

4. Сочетанием «модальный глагол +инфинитив»:

“Lassen Sie mich dabei sein!” (A.Seghers “Das siebte Kreuz”, S.218).

«Позвольте мне быть с Вами!»

5. Формой Präsens Passiv:

“Jetzt wird gearbeitet! Jetzt wird gegessen!” (A.Seghers “Das siebte Kreuz”, S.267).

«Теперь работают! Теперь едят!»

6. Формами Konjunktiv:

- сочетанием man + Präsens Konjunktiv:

“Man lese den Text aufmerksam! Man denke nicht mehr daran!” (A.Seghers “Das siebte Kreuz”, S.320).

«Внимательно читайте текст! Не думайте больше об этом!»

- сочетанием Präsens Konjunktiv + Zustandspassiv:

“Es sei bemerkt, dass er Marie erblickte, die langsam am Rand des Belsunce entlangging.” (A.Seghers “Transit”, S.187).

«Заметим, что он увидел Мари, которая медленно прогуливалась вдоль Бельенса.»

7. Именем существительным или другой частью речи, в которой выражен смысл побуждения:

“Achtung! Ruhe! Vorsicht! Auge auf!” (E.M.Remarque “Im Westen nichts Neues”, S.23, 45, 59).

«Внимание! Тихо! Осторожно! Смотри!»

“Ab! Los! Fertig! Hierher! Los, fang an!”

«Прочь! Давай! Готово! Сюда! Давай, начинай!»

8. Предложением, составленным по образцу придаточного предложения:

“Dass du pünktlich zu Hause bist! Da müssen wir alle uns zusammenreißen und auch einmal das Bittere überwinden.” (E.M.Remarque “Im Westen nichts Neues”, S.143).

«Чтобы ты был вовремя дома! Нам нужно собраться всем вместе и хоть раз преодолеть эту горечь.»

Императив как стандартная коммуникативная форма побуждения при включении в грамматическую структуру различных частиц претерпевает определенные изменения. В

большинстве случаев эти изменения связаны с усилением побуждения, приданием эмоционально-экспрессивного характера.

Императивные предложения являются прямым грамматическим средством выражения побудительности. Значение побуждения составляет семантическое содержание императивных форм. Однако дальнейшая дифференциация этими формами иллокуции определяется их типом прагматического контекста и зависит от конфигурации таких признаков, как приоритетность позиции говорящего и облигаторность действия.

Литература

1. Абрамов Б.А. Функционально-семантическое поле побудительности в современном немецком языке // Функционально-типологические аспекты анализа императива / Б.А.Абрамов. - Часть I. - Москва, 1990, с. 8-12.
2. Бикель М.М. Языковые средства выражения побудительности и их стилистические значения (на материале немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук / М.М.Бикель - Горький, 1996.
3. Борботько, В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) : автореф. дис. ...кафедра филол. наук : 10.02.19 / В.Г. Борботько; Кубанск, гос. ун-т. – К., 1998. – 48 с.
4. Милосердова Е.В. Структура побудительных предложений в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук / Е.В.Милосердова. - Ярославль, 1998, с. 176-190.
5. Наер В.Л. Прагматика текста и ее составляющие. Сб.науч.трудов/В.Л.Наер. – М.: Прогресс, 1986.
6. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта. Наука, 2013. – 208 с.
7. Seghers, A. Das siebte Kreuz / A.Seghers. - Berlin.: Aufbau-Verlag Berlin, 1949. - 406 s.
8. Seghers, A. Transit / A.Seghers. - Berlin.: Aufbau-Verlag Berlin, 1974. – 268 s.
9. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues / E.M.Remarque. – Weimar.: Aufbau-Verlag Weimar, 1956. – 220 s.
10. Bredel W. Das Gastmahl im Dattelgarten / W. Bredel. – Berlin.: Aufbau-Verlag Berlin, 1956. – 259 s.

УДК: 378.016:81'25

Обучение переводу научно-технических текстов в неязыковом вузе

Щербакова И.В.

**Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Россия**

Аннотация. В настоящее время методика обучения иностранному языку в неязыковых вузах требует профессионально-ориентированного подхода. Профессионально-ориентированный подход представляет не только изучение иностранного языка студентами, но и овладение знаниями на изучаемом иностранном языке в области их специализации. Обучение переводу научно-технических текстов в неязыковом вузе требует от преподавателя большой подготовки в области технической специальности и творческого подхода. В работе были рассмотрены и выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты при переводе научно-технической литературы. Главным процессом обучения переводу текстов технической литературы является формирование переводческой компетенции. Творческий подход в обучении переводу ведет к повышению мотивации у студентов.

Ключевые слова: обучение переводу, научно-технические тексты, перевод терминологии, тексты по специальности, переводческая компетенция.

TEACHING TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

I. V. Shcherbakova

Don state technical University, Rostov-on-don, Russia

Annotation. Currently, the methodology of teaching a foreign language in non-linguistic universities requires a professionally-oriented approach. Professional-oriented approach is not only the study of a foreign language by students, but also the acquisition of knowledge in the studied foreign language in the field of their specialization. Teaching translation of scientific and technical texts in a non-linguistic university requires a lot of training in the field of technical specialty and creative approach. The paper considered and identified the main problems faced by students in the translation of scientific and technical literature. The main process of learning to translate texts of technical literature is the formation of translation competence. Creativity in teaching translation leads to increased motivation among students.

Keywords: translation teaching, scientific and technical texts, terminology translation, technical text, translation competence.

С каждым годом появляется большое количество зарубежных фирм. В связи с этим возрастает потребность в изучении иностранного языка [14, с. 44]. Современному специалисту просто необходимо владеть устной и письменной речью на иностранном языке. Учитывая эту проблему, обучение переводу с иностранного языка на родной, и наоборот, приобретает все большую популярность в методике преподавания иностранных языков в неязыковых вузах [2, с. 175].

В методике обучения переводу различают следующие два вида перевода: с иностранного на родной язык, и перевод с родного языка на иностранный. Следует отметить формы перевода: устная и письменная. Рассмотрим более подробно письменный перевод. При письменном переводе студенты многократно просматривают текст [4, с. 810; 5, с. 210], но не произносят его. Они выискивают новые слова в словаре, записывая их на иностранном и их перевод, подсознательно запоминая новые слова, но не произнося их вслух [18, с. 201; 19, с. 275]. Преимуществом данного перевода является то, что студенты несколько раз могут прочесть текст [8, с. 110; 9, с. 140], в результате чего у них складывается общее впечатление о прочитанном [7, с. 103; 11. С. 25]. Положительная сторона данного перевода заключается в подсознательном и пассивном овладении иностранным языком. Данный вид перевода является наиболее актуальным при обучении студентов неязыковых вузов переводу. Письменный перевод с иностранного языка на родной можно использовать в качестве контроля, проверке изученной лексики по предложенной теме [6, с. 340]. Следует отметить, что письменный перевод преподаватель может предложить студентам с письменного и с устного источников.

Правильность перевода зависит от нескольких факторов. Студенты должны несколько раз перед переводом прочитать текст для понимания общего смысла переводимого текста. Если переведенный материал не воспринимается как текст, то он не считается качественным. В результате чего у студентов формируется переводческая компетенция. Сформированная переводческая компетенция у студентов помогает им извлечь информацию из текста на иностранном языке, сформировать ее в текст и передать на родном языке. Данная компетенция развивает у будущих специалистов умение пользоваться словарями и справочным материалом [1, с. 270; 3, с. 70], развивает чувство ответственности и внимательности [21, с. 230], быстроту принятия правильного решения [15, с. 55].

В связи с расширением международного рынка и связей, и обмена научной и технической информацией, процесс перевода следует рассматривать как деятельность, которая преодолевает языковые и культурные барьеры.

Перевод научно-технических текстов на своем пути встречает ряд проблем. Представим и опишем их.

Перевод научной и технической литературы требует большой подготовки не только студентов, но и самого преподавателя. Подготовка к занятиям у преподавателя занимает много времени, ведь ему следует владеть как знаниями и навыками в области преподавания иностранного языка, так и области научной дисциплины, с которой связан переводимый текст. Для подготовки к занятию преподавателю

следует провести беседы со специалистами сведущей области, прочитать научную литературу на родном языке, чтобы разобраться в области специализации студентов [12, с. 130].

Следующим фактором, который влияет на трудность перевода научно-технических текстов, связан с запасом лексики и терминологии [16, с. 100; 17, с. 240]. Та или иная область науки (строительство, экономика, машиностроение, архитектура и другие) имеет свой определенный запас терминов и специальной терминологии, которая и определяет ту область науки. Незнание определенных терминов затрудняет перевод текста. В связи с этим преподавателю следует проделать работу над подготовкой глоссария вместе со студентами перед переводом текста. Составление глоссария является творческой работой [13, с. 155]. Студенты могут обмениваться мнениями в синонимичных словах и делиться несколькими значениями в переводе слов и терминов [20, с. 205].

Таким образом, творческий подход в обучению переводу научно-технических текстов развивает у студентов мотивацию к изучению иностранного языка. Переводческая компетенция развивает у будущих специалистов умение пользоваться словарями и справочным материалом, развивает чувство ответственности и внимательности, быстроту принятия правильного решения, формирует языковую и речевую компетенции.

Литература

1. Акай О.М. Феномен абстрактного существительного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 269-273.
2. Акай О.М., Царевская И.В., Журавлева Н.С. Способы повышения мотивации к изучению иностранных языков посредством социальных сетей интернета // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5. С. 175.
3. Акай О.М., Царевская И.В. Категория числа deverbальных субстантивов в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 70-77.
4. Володина М.С., Ковальчук Н.В. Текст неформального интервью: выражение знания через оценку // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 807-812.
5. Володина М.С. Проблема прагматической интерпретации когерентности диалогического текста // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 208-210.
6. Калашникова А.А., Акай О.М. Методология перевода и обучения переводу с иностранного языка в неязыковом вузе // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 10-2. С. 337-341.
7. Калашникова А.А., Калашников И.А. Диминутив как инструмент прагматикона в дискурсе социальных сетей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-2 (73). С. 102-104.
8. Ковальчук Н.В., Володина М.С. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 107-113.
9. Ковальчук Н.В. Диалогические реплики со структурой альтернативного вопроса в неформальном интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1 (85). С. 138-142.
10. Ковальчук Н.В. Прагматические особенности неформального интервью как речевого жанра // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 186-188.
11. Кудряшов И.А., Калашникова А.А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17). С. 24-31.
12. Куимова М. В., Кобзева Н. А. К вопросу обучения переводу иноязычных текстов в неязыковом вузе // Молодой ученый. - 2011. - №3. Т.2. - С. 127-130. - URL <https://moluch.ru/archive/26/2764/> (дата обращения: 14.11.2019).
13. Резникова А.В., Калашникова А.А. Этноязыковые конфликты: "язык ненависти" как средство идеологической борьбы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8-2 (62). С. 154-156.
14. Щербакова И.В., Волченков Е.А. К вопросу о роли диктантов в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 44.
15. Щербакова И.В. Гендерная специфика репрезентации эмоций в художественном тексте // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 54-63.
16. Щербакова И.В., Евсюкова Т.В. Вербальные и невербальные средства объективации эмоции возмущения в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Вестник

Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 3 (202). С. 97-102.

17. Щербакова И.В. Лексические средства реализации состояния страха в поведении персонажа в текстах современной прозы русского и немецкого языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 238-241.

18. Щербакова И.В. Особенности перевода технических текстов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 201.

19. Щербакова И.В. Особенности передачи чужой речи при переводе с английского на русский язык // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 272-276.

20. Щербакова И.В., Тимашова М.В. Роль профессионально-ориентированного обучения в развитии диалогической и монологической речи на иностранном языке в неязыковом вузе // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 205-208.

21. Щербакова И.В. Языковая репрезентация эмоционального состояния персонажа в невербальном речевом поведении (на материале русского и немецкого языков) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, - № 2, - 2016, - с. 225-232.

УДК: 378:81-25

**К вопросу о развитии диалогической речи на иностранном языке у студентов
неязыкового вуза**

Щербакова И.В.

**Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Россия**

Аннотация. В представленной работе предпринята попытка выявить нестандартные формы развития диалогической речи у студентов неязыковых вузов. Проблеме изучения иностранных языков в лингвистических вузах уделяется особое внимание, ведь специалисту в современном мире необходимо владеть не только навыками по специальности, и уметь изъясняться на иностранном языке. На платформе собственного опыта в статье представлены формы и приемы, нацеленные на обучение студентов диалогической речи.

В данной работе были представлены используемые автором в практической деятельности формы ведения нестандартных форм упражнений, которые способствуют не только развитию диалогической речи, но и повышению мотивации студентов при изучении иностранного языка в целом.

Ключевые слова: преподавание, обучение иностранному языку, нестандартные формы занятия, повышение мотивации, развитие диалогической речи.

**DEVELOPMENT OF DIALOGIC SPEECH IN A FOREIGN LANGUAGE AMONG STUDENTS OF A
NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**

I. V. Shcherbakova

Don state technical University, Rostov-on-don, Russia

Annotation. In the presented work an attempt was made to identify unconventional forms of development of dialogical speech of students of non-linguistic universities. The problem of learning foreign languages in non-linguistic universities is given special attention, because a specialist in the modern world needs to possess not only skills in the specialty, and be able to speak a foreign language. On the basis of their own experience, the article presents the forms and techniques aimed at teaching students dialogical speech.

This paper presents the forms of conducting non-standard forms of exercises used by the author in practice, which contribute not only to the development of dialogic speech, but also to increasing the motivation of students in learning a foreign language in general.

Keywords: teaching, teaching a foreign language, non-standard forms of employment, increasing motivation, development of dialogic speech.

В настоящее время владение иностранным языком - это необходимость. На платформе российского рынка получили место огромное количество зарубежных фирм и компаний. В связи со сложившейся ситуацией иностранным фирмам потребовались специалисты не только со знанием в определенной рабочей области, но и владеющие разговорным иностранным языком. Владение иностранным языком делает специалиста конкурентоспособным. В данном случае в 21 веке проблема изучения иностранных языков приобретает всё большую важность.

В методике преподавания иностранных языков коммуникативный подход приобретает популярность [13, с. 44], так как изучение иностранных языков должно происходить в среде наиболее приближенной к естественной коммуникации. Коммуникативный подход практикует общение: монологическую и диалогическую речь [12].

Вопросы диалога возникли в 50х годах прошлого столетия. Диалог – это сложный процесс и многоаспектное явление [19, с. 205]. Диалог является одной из форм речи. Каждое высказывание в диалоге адресовано одному из собеседников и ограничено определенной тематикой разговора [15, с. 100]. Из выше сказанного мы можем сделать вывод, что важные стороны организации диалога: разговор – это форма речи, наличие адресата, высказывания определены одной тематикой [18, с. 275].

Исследователи следующим образом определяют диалог: 1) беседу должны поддерживать минимум два человека; 2) непринужденная обстановка при разговоре [20, с. 226]; 3) смена собеседников; 4) переадресация речи; 5) одновременное восприятие речи на слух; 6) присутствие невербальных средств коммуникации. Обратим внимание на то, что диалог являясь одной из форм вербального общения постоянно сопоставляется с монологом.

При обучении диалогической речи преподаватель должен постоянно стимулировать студентов наглядными пособиями, текстами [17, с. 201], которые студенты слушают, читают или просматривают видеофильмы заранее, аудио- или видео презентациями [2, с. 175].

Таким образом, диалогу предшествует большая работа как со стороны преподавателя, так и со стороны студентов в выполнении и подготовке большого количества упражнений [16, с. 240].

В данной статье представлены задания, которые были проработаны преподавателем на практических занятиях со студентами первого курса Донского государственного технического университета по специальностям «Строительство», «Архитектура», «Дорожное строительство», «Экономика». Студенты являются обучающимися по лингвистическим специальностям. Для развития диалогической речи на занятиях были представлены следующие задания:

- 1) Игра «Двойняшки»: цель игры заключается в нахождении пары [4, с. 810]. Преподаватель раздает студентам по картинке или открытке. Студенты должны задавать друг другу вопросы, не показывая открытку, и найти себе пару (соединить одинаковые открытки).
- 2) Игра «Карта города»: цель игры: расставить известные достопримечательности и названия улиц и номера домов. Студентам в данной игре необходимо разбиться на пары, преподаватель каждой паре вручает по варианту одной карты. Путем переспроса студентам необходимо на свою карту нанести названия улиц и достопримечательностей города.
- 3) Игра «Инсценировка»: цель игры составить и проиграть диалог на заданную тему [7, с. 110]. Студентам предлагает преподаватель составить и инсценировать диалог на темы: в ресторане, в кино, в магазине, в гостинице, интервью, прием на работу, на экскурсии, заказ билетов.
- 4) Игра «Жмурки»: цель игры: знакомство. Данную форму игры следует проводить на первых занятиях, когда студенты еще не знакомы друг с другом [10, с. 390]. Одному студенту закрывают глаза, он водит [14, с. 55]. Поймав другого студента задает ему вопрос на изучаемом иностранном языке, например: «Ты Лена?» [6, с. 340]. Пойманный студент отвечает и становится водить. И так продолжается игра, пока студенты не перознакомятся.
- 5) Игра «Бюро находок»: цель игры наладить вежливый разговор и знакомство [11, с. 105], отработка лексики [3, с. 75]. (прилагательные, существительные) [1, с. 270]. Один студент в роли работающего в бюро находок. Он должен быть вежливым с посетителями: здороваться, отвечать на их вопросы о находке какой-либо вещи.
- 6) Игра «Восстановление»: цели игры восстановить диалог [5, с. 210]. Преподаватель предлагает студентам диалог, в котором пропущены вопросы (даны только ответы). Студентам необходимо составить вопросы к ответам и проиграть диалог.

- 7) Игра «Общение»: цель игры задать вопросы и ответить [8, с. 140]. Преподаватель заранее в разных углах кабинета развешивает лист с вопросами [9, с. 188]. Студенты разбиваются на пары и проходя по всем точкам, задают друг другу вопросы.
- 8) Игра «Художник». В данной игре студенты пытаются выстроить диалог и наладить общение. Один студент получает картинку и не показывает ее другому обучающемуся. Второй студент должен слушать описание картины и нарисовать ее. Потом обе картины сравнивают.
- 9) Игра «Взрослее – младше». Студенты представляют себя старше или моложе. Разбиваясь на пары, путем переспроса обучающиеся выясняют какими же они себя загадали.
- 10) Задание на составление вопросов к утвердительным предложениям. Например: Я готов. – Ты готов?
- 11) Игра «Разминка»: цель игры убрать коммуникативный барьер, который имеет практически каждый говорящий на иностранном языке.

Спонтанное реагирование на реплики собеседника и умение реализовать коммуникативные функции при обучению диалогической речи имеет большое значение. Мотив говорения в диалогической речи является источником речи. Мотивация в данном случае определяет логику диалогической формы общения. Следует отметить, что при регулярном проведении занятий с использованием перечисленных игр заметно возросла мотивация студентов к изучению иностранного языка.

Таким образом, результатом обучения диалогической речи становятся знания, умения, навыки, с помощью которых эти знания были приобретены. Полученные знания способствуют повышению эффективности обучения, развитию коммуникации и развитию личности студента.

Литература

22. Акай О.М. Феномен абстрактного существительного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 269-273.
23. Акай О.М., Царевская И.В., Журавлева Н.С. Способы повышения мотивации к изучению иностранных языков посредством социальных сетей интернета // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5. С. 175.
24. Акай О.М., Царевская И.В. Категория числа deverbальных субстантивов в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 70-77.
25. Володина М.С., Ковальчук Н.В. Текст неформального интервью: выражение знания через оценку // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 807-812.
26. Володина М.С. Проблема прагматической интерпретации когерентности диалогического текста // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 208-210.
27. Калашникова А.А., Акай О.М. Методология перевода и обучения переводу с иностранного языка в неязыковом вузе // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 10-2. С. 337-341.
28. Ковальчук Н.В., Володина М.С. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 107-113.
29. Ковальчук Н.В. Диалогические реплики со структурой альтернативного вопроса в неформальном интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1 (85). С. 138-142.
30. Ковальчук Н.В. Прагматические особенности неформального интервью как речевого жанра // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 186-188.
31. Ковальчук Н.В. Риторические отношения уступки в неформальном интервью: прагматический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 5. С. 388-390.
32. Ковальчук Н.В. Синтаксическая модель реализации уступки в спонтанном речевом общении // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 97-105.
33. Слабышева А. В. Развитие диалогической речи у студентов неязыковых вузов направления подготовки «туризм» [Текст]. // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). - Уфа: Лето, 2013. - С. 164-166. - URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/68/3522/> (дата обращения: 13.11.2019).
34. Щербак И.В., Волченков Е.А. К вопросу о роли диктантов в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 44.

35. Щербакова И.В. Гендерная специфика репрезентации эмоций в художественном тексте // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 54-63.
36. Щербакова И.В., Евсюкова Т.В. Вербальные и невербальные средства объективации эмоции возмущения в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 3 (202). С. 97-102.
37. Щербакова И.В. Лексические средства реализации состояния страха в поведении персонажа в текстах современной прозы русского и немецкого языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 238-241.
38. Щербакова И.В. Особенности перевода технических текстов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 201.
39. Щербакова И.В. Особенности передачи чужой речи при переводе с английского на русский язык // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 272-276.
40. Щербакова И.В., Тимашова М.В. Роль профессионально-ориентированного обучения в развитии диалогической и монологической речи на иностранном языке в неязыковом вузе // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 205-208.
41. Щербакова И.В. Языковая репрезентация эмоционального состояния персонажа в невербальном речевом поведении (на материале русского и немецкого языков) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, - № 2, - 2016, - с. 225-232.

УДК 8

Гендерные особенности в современном британском английском языке

Канаева З.А.

**Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя
Общеобразовательная школа № 2 с.Ачхой Мартан», Россия**

Аннотация. Исследовательская работа, освещенная в данной научной статье, посвящена поиску и анализу особенностей и закономерностей лексических предпочтений мужчин и женщин в современном британском английском языке. В статье была принята попытка систематизировать имеющиеся гендерные различия в языке.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, половая дифференциация, женская речь, мужская речь.

Gender Features in Modern British English

Kanaeva Z.A.

**Municipal budgetary educational institution "Secondary school No. 2 s.Achkhoy
Martan", Russia**

Abstract. The research covered in this article is devoted to the search and analysis of the features and patterns of the lexical male and female preferences in modern British English. The article made an attempt to systematize the existing gender differences in the language.

Keywords: gender, gender stereotypes, sexual differentiation, female speech, male speech.

Половая дифференциация – это одно из универсальных явлений, которое исследуют все науки о человеке. Она пронизывает все сферы человеческого знания и культуры. За каждым индивидом в обществе закреплена гендерная роль. Существуют определенные представления об особенностях поведения, реакций, действий и видов деятельности мужчин и женщин, которые послужили основой для формирования гендерных стереотипов. Данная стереотипизация касается разных сфер деятельности человека: социальной, культурной, образовательной, языковой и т.д.

Различия между мужчинами и женщинами всегда были предметом обсуждения, и считалось, что предполагаемые в их речи языковые различия увековечены в пословицах:

«Foxes are all tail and women are all tongue» (Лисы славятся хвостом, а женщины – языком).

«The North Sea will be found wanting in water than woman at loss for a word» (Скорее Северное море пересохнет, чем женщина не найдет, что сказать).

Понятие «гендер» пришло в отечественную лингвистику из английского языка. Изначально оно использовалось для определения грамматической категории рода. Позднее этим термином начали пользоваться в социальной философии, истории, политологии и социологии. Данный термин пришел на смену другому термину - *sexus*, который использовался для определения не только природных различий, но и полоролевых функций, общественной ценности, требований, предъявляемых обществом к индивиду, в зависимости от принадлежности к тому или иному полу. Понятие «гендер» было призвано подчеркнуть именно социокультурный пол.

В середине XX в происходит мощный всплеск в гендерологии, в языкознании появляется новое направление – феминистская лингвистика, возникшая в результате борьбы за равенство прав мужчин и женщин. Фундаментальной становится работа Джорджа Лакоффа, американского лингвиста, «Язык и место женщины», которая искала причины женской речи в социальных факторах. В данной работе обосновывается андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира. [3, с.35]

В последующем, это исследование повлекло за собой ряд научных трудов, посвященных данному вопросу. С древнейших времен и поныне существует больше работ, посвященных особенностям женской речи. В исследованиях рассматривались следующие вопросы: как обозначается женщина в языке, как говорят женщины и какой коммуникативной стратегией руководствуются. Ученые пытались найти закономерности и принципы, действующие во всех языках, либо особые характеристики менталитета, культуры и других особенностей общества, на основе которых пол человека влияет на язык. Они пытались выяснить, в одинаковых ли областях грамматики используются определенные формы и как влияет пол говорящего и его собеседника на их язык. Необходимы были данные о многих языках, чтобы провести параллели. Это сподвигло ученых на накопление и обработку данных о разных языках и, в первую очередь, в английском, как мировом языке.

Основой гендерных исследований является не просто описание разницы статусов, ролей и иных аспектов жизни мужчин и женщин, но и анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.

Свои особенности имеет обращение к женщине в английском языке, рассмотрим некоторые из них:

1. Вежливые формы обращения, состоящие из имени собственного и слова обращения (*Miss Barker*). В современном английском языке появилась аббревиатура *Ms* на смену обращений *Miss* (к незамужней) и *Missis* (к замужней), для того, чтобы отвести внимание от семейного положения женщины. Существует также мнение, что *Ms* используется в обращении к разведенным или незамужним женщинам. [1, с.89]

2. Существует группа слов-обращений, указывающих на профессию, возраст, внешние качества или характер: *Nurse* (обращение к медицинской сестре), *Waitress* (обращение к официантке). Это обычные разговорные наименования.

3. Слова-обращения к родственницам. Общение с родственниками по своей сути носит неформальный характер поэтому обращения-наименования родства, за исключением нейтральных *mother* и *grandmother*, относятся к разговорному языку или сленгу: *sis* (соответствует русскому «сеструха»). [2, с. 50]

В последние десятилетия было придумано много слов, чтобы пошатнуть мужскую доминанту. Такие термины, как *chairwoman*, *saleswoman*, в противовес *chairman*, *salesman* и гендерно-нейтральные *chairperson*, *salesperson* стали общепринятой терминологией и заняли свое место в словарях. В различных

инструкциях, описаниях стараются избегать лексики, связанной с половой принадлежностью. Так, например, возникло слово *firefighter* как альтернатива *fireman*.

Сейчас все чаще и чаще избегают употребления таких слов как, *manageress* (женщина-менеджер) и *actress* (актриса). Вместо них используются *manager* и *actor*, которые стали теперь гендерно-нейтральными, хотя когда-то они относились исключительно к мужчинам.

Основными способами словообразования в поле «женщина» являются морфологический, т.е. суффиксальный, основосложение и заимствования.

Приведем несколько примеров слов, образованных путем сложения основ, характеризующих:

1. внешность: *thunderchicken* – непривлекательная женщина; *dollybird* – куколка, красивая девушка;
2. поведение: *clingingvine* – слабая, беспомощная женщина, целиком зависящая от мужчины;
3. профессию: *policewoman* – женщина-полицейский.

В английских пословицах, поговорках и афоризмах преобладают отрицательные коннотации женщин, определяющие их как глупых существ, представляющих ценность лишь как жена или хранительница семейного очага: «*Wife is the key to the house*» (*Жена – ключ к дому*). [4, с. 64]

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что даже на фоне определенных достижений феминизма, мужская доминантность в английском языке не утратила свою позицию.

В английском языке выявляются гендерные особенности языковых различий на всех уровнях (лексическом, грамматическом, фонетическом).

К основным лексическим различиям женской речи можно отнести следующие:

1. Употребление оценочных прилагательных (*adorable* – прелестный, *charming* – очаровательный, *lovely* – прекрасный, *fantastic* – превосходный, *heavenly* – божественный). Например, уходя из ресторана, женщина скажет «*It's a gorgeous meal*» – «Блюдо просто великолепно!», а мужчина – «*It's a good meal*» – «Хорошее блюдо»;

2. Частое употребление наречий (*awfully*, *terribly* – ужасно, *pretty*, *quite* – довольно, *vastly* – значительно):

«*My attachments are always excessively strong*» – «Мои пристрастия всегда чересчур устойчивы» [22]

«*I must confess there is something amazingly insipid about her*» – «Должна признаться, в ней есть что-то поразительно безвкусное». [6, 919 с.]

3. Более частое использование модальных глаголов в прошедшем времени:

«*How I should like to have a look at it!*» – «Как бы мне хотелось на это взглянуть». [9, 32 с.]

4. Употребление уменьшительно-ласкательных слов (*bookie*, *hanky*, *panties*, *dearie*, *sweetie*).

5. Женщины часто используют вводные слова, выражающие степень уверенности говорящего, а также ссылки на собственное мнение или мнение другого (*well*, *you know...*, *I think...*, *I suppose...kind of*, *maybe I am wrong, but...*):

«*Black men have a lot of anger*», she said. «*I don't blame them for having a lot of anger, maybe he wanted to buy out your father, but he couldn't afford to*». [7, 35 с.] (*Черные часто гневаются. Я не обвиняю их в том, что в них много злости, но, возможно, он хотел выкупить твоего отца, но не мог позволить себе этого*).

6. Просьба оказать помощь может прозвучать следующим образом:

Women: «*I was wondering if you can help me*» – «Я была бы признательна, если бы Вы могли помочь мне».

Men: «*Please give me a hand*» – «Помогите мне, пожалуйста».

7. Женщины используют более вежливую форму в повелительных предложениях:

«*Please, stay here, Mr Stump, till I come up to you again*» said Louise. («Подождите здесь, Мистер Стамп, пока я вернусь», сказала Луис). [9, 34с.]

8. Женщины подбирают более точные, грамматически правильные предложения, для того, чтобы их речь была предельно ясной. Некоторые лингвисты объясняют это тем, что женщины традиционно оказывают большее влияние на подрастающее поколение и потому стремятся говорить в соответствии с нормами литературного языка:

Woman: «*We are going to the cinema today*»

Man: «*We are gonna to the cinema today*»

Находясь в условиях билингвизма, женщина отдаст предпочтение тому языку, который в будущем больше пригодится ее детям. [4, 85с]

Стоит отметить, что женщины более консервативны в употреблении языка и придерживаются стандартных форм:

Man: «*Are you comin?*»

Woman: «*Are you coming?*»

В обществе женщины воспринимаются как выражающиеся менее уверенно, по сравнению с мужчинами. Такую тенденцию можно наблюдать, рассматривая использование ими расчлененных вопросов, потому как они имеют свойство смягчать силу утверждения:

Man: «*Nothing happened.*»

Women: «*Nothing happened, did it.*»

В беседе женщины более терпеливы, чем мужчины. Женщинам свойственно не прерывать собеседника, даже если им есть, что сказать. В разговоре с участием обоих полов женщины больше молчат, играя роль слушателя. Мужчинам больше нравится, когда их слушают, нежели самим слушать. Поэтому в диалоге с участием разных полов они более активны. Также мужчины могут намеренно прерывать речь женщин, тем самым отрицая право вторых на управление беседой, другими словами, мужчины имеют тенденцию доминировать в беседе.

В социальном взаимодействии мужчины и женщины расходятся в выборе тем для разговора, что связано с расхождением интересов. Обсуждения женщин связаны с бытовой деятельностью, а обсуждения мужчин – с внешним миром. Мужчины обычно говорят о политике, спорте, новостях, экономике, в то время как женщины предпочитают говорить о семейных, повседневных делах, например, об обучении детей, одежде, кулинарии и т.д. И хотя, с древнейших времен считается, что женщины говорят больше, чем мужчины, современные исследования доказывают обратное, основываясь на данных интернет - дискуссионных групп, а также наблюдении за реальным общением.

Следует отметить, что чем официальнее речь, тем меньше различий наблюдается в языке мужчин и женщин. Однако нет четких границ между языковыми стилями; выбор стиля зависит от многих факторов - индивидуальных предпочтений, конкретных ситуаций общения. К тому же речь женщин по уровню вежливости в разные эпохи отличается. Считается, что женщины сейчас говорят менее вежливо, чем представительницы прошлого поколения и, представления о том, что женская речь более вежливая, чем мужская, сейчас очень относительны. Необходимо принимать во внимания множество дополнительных факторов.

Мы выявили основные различия речи мужчин и женщин, однако более важным является установить причину этих различий. До сих пор не удалось выявить физические особенности мужчин и женщин, которые могли бы объяснить существующие различия в использовании языка, поэтому, будет справедливо считать, что эти различия носят социальный характер.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. / Арнольд И. В. - М. 1990, - 89 с.
2. Городникова М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования. Гендер как интрига познания. / Городникова М. Д. / - М.: «Рудомино», 2000, 50 с.
3. Горошко Е., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Горошко Е., Кирилина А.В.- М.: «Человек и Карьера», 1999, - 35 с.
4. Никольская В.А. Английская паремология с точки зрения гендерной теории. Гендер: язык, культура, коммуникация. / Никольская В.А. / - М.: МГЛУ, 2002, 64с.
5. Потапов В.В. Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке. Гендер как интрига познания. / Потапов В.В. / - М.: «Рудомино», 2000, 85 с.
6. Austen J. The complete novels of Jane Austen. / Austen J. / - New York: «Chartwell Books», 2016, 919 p.
7. Furman L. The PEN O. Henry Prize Stories 2012: Including stories by John Berger, Wendell Berry, Anthony Doerr, Lauren Groff. / Furman L. / - New York: «Knopf Doubleday Publishing Group», 2012, 35 p.
8. Jeffers R. The Phantom of Pemberley: a Pride and Prejudice Murder. [Электронный ресурс] / Jeffers R. / - 2010. Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/istoricheskie-lyubovnye-romany/261440->

regina-jeffers-the-phantom-of-pemberley-a-pride-and-prejudice-murder-mystery.html

(Дата

обращения: 12.11.2019)

9. Reid T.M. The Headless horseman. / Reid T.M. / - М.: «АЙРИС», 2017, 32-52 p.

УДК 378.09

**К вопросу о составляющих профессионально-педагогической компетенции
преподавателей иностранных языков**

А.В. Тадтаева

**ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации» (Владикавказский филиал), г. Владикавказ, Россия**

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема необходимости изучения новых требований к составляющим профессионально-педагогической компетентности преподавателей иностранных языков. Эта потребность отражена в Государственном образовательном стандарте высшего образования, но образовательный процесс в педагогических университетах или факультетах не включает соответствующую подготовку студентов – будущих преподавателей иностранных языков. Поэтому автор статьи рассматривает набор компетенций, как неотъемлемой части профессионально-педагогической компетентности, позволяющей преподавателям иностранных языков построить процесс обучения, основанного на комплексном применении современных иностранных научных знаний, педагогических и психологических концепций, методов и технологий обучения.

Ключевые слова: методы и технологии обучения, профессионально-педагогические компетенции (ППК), общекультурные компетенции (ОКК), обще-профессиональные компетенции (ОПК), профессиональные компетенции (ПК).

**To the question of the components of professional and pedagogical competence of
teachers of foreign languages**

A.V. Tadtaeva

**FSBEI HE “Financial University under the Government of the Russian
Federation” (Vladikavkaz branch), Vladikavkaz, Russia**

Annotation. This article discusses the problem of the need to study new requirements for the components of professional and pedagogical competence of teachers of foreign languages. This need is reflected in the State educational standard of higher education, but the educational process at pedagogical universities or faculties does not include appropriate training for students - future teachers of foreign languages. Therefore, the author of the article considers a set of competencies as an integral part of professional and pedagogical competence that allows teachers of foreign languages to build a learning process based on the integrated application of modern foreign scientific knowledge, pedagogical and psychological concepts, teaching methods and technologies.

Key words: teaching methods and technologies, professional and pedagogical competencies (PEP), general cultural competencies (JCC), general professional competences (DIC), professional competencies (PC).

Современные процессы глобализации в мире предусматривают повышенные требования к качеству лингвистического образования студентов различных категорий. С точки зрения глобальной модернизации общества, наличие хороших знаний по иностранному языку рассматривается, как способность человека участвовать в межкультурном взаимодействии в разных сферах жизнедеятельности ее участников.

Значение межкультурной парадигмы в современном лингвистическом образовании в целом признается и не требует дополнительных доказательств. Тем не менее, несмотря на тот факт, что идеи межкультурной коммуникации были плодотворно развиты в теоретических работах многих российских и зарубежных ученых (И. Халеева, В. Сафонова, В. Фурманова, О. Обремко, К. Беннет, А. Кнапп-Поттофф, Г. Нойнер и т.д.), в настоящее время на первый план выходит противоречие между наличием межкультурного подхода и реальным отсутствием межкультурной системы обучения иностранным языкам, нацеленной на профессиональное общение в университетах лингвистической направленности. Выше упомянутое противоречие касается межкультурной коммуникации профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, в частности, лингвистических высших учебных заведений и факультетов [7, с. 28].

Главная цель данного научного исследования - изучить и указать базовые компоненты в системе профессионального обучения иностранным языкам студентов педагогических университетов или факультетов с особым акцентом по использованию лингводидактического вокабуляра в качестве инструмента успешного общения с коллегами из-за рубежа.

Согласно новому Федеральному государственному образовательному стандарту о высшем образовании, возникла необходимость в преподавателе, как эффективном участнике процесса межкультурной коммуникации по профессионально-педагогическим темам в рамках современной парадигмы социального развития личности, которое оказывает огромное влияние на все сферы человеческой жизни. Это привело к разработке норм, предъявляемых к бакалаврам согласно их результатам освоения образовательных программ по педагогическим дисциплинам. В реализации этого подхода существенным является формирование у будущих тьюторов-иностранцев общекультурных компетенций (ОКК), обще-профессиональных компетенций (ОПК) и профессиональных компетенций (ПК) [9]. Согласно определению словаря Российского профессионального образования, компетенция представляет собой умение использовать запас знаний, навыки, а также практический опыт в успешной деятельности [4, с. 307]. Наличие подобных компетенций, позволяющих индивиду реализовывать своё призвание в выбранной им профессии, определяется, как высококомпетентность. Наличие вышеупомянутых компетенций (ОКК, ОПК и ПК) дает характеристику личности учителя иностранного языка, обеспечивает готовность к профессиональной деятельности и профессиональному развитию в ходе жизни. Набор этих компетенций представляет собой профессиональную педагогическую компетентность преподавателя иностранного языка [10, с. 151].

Так, мы определили эту высококомпетентность, как «общее требование, предопределяющее креативность суперпедагога решать квалифицированные вопросы и характерные профессиональные вопросы, возникающие в действительных условиях профессионального функционирования с применением собственных знаний, профессионального и реалистичного опыта, смысла и предрасположенности» [6, с. 310].

Обучаясь в педагогическом вузе, учащимся нужно овладеть мастерством вести дискурс в рамках выбранной ими профессии в направлении изучения цикла предметов педагогической направленности, таких как педагогика, методика преподавания иностранным языкам или лингводидактика. Дискурс выявляет умение специалиста выполнять его профессиональную деятельность в лингвистической, квалифицированной, юридической и общественной областях, обмениваясь потоком информации с другими коммуникантами [4, с. 309]. Давайте проанализируем требования Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, связанного с подготовкой будущих специалистов в преподавании иностранным языкам, которым необходимо быть компетентными собеседниками по тематике профессиональной направленности и посредниками в сфере культуры. Усовершенствование, как и сформированность этих компетенций приведет к готовности преподавателя-языковеда к активному участию в высококвалифицированном дискурсе, используя лингводидактическую терминологию во время общения. Общекультурная компетенция (ОКК) подразумевает широкую гуманитарную подготовку преподавателей иностранных языков, их перспективы, совокупную ступень культуры и эрудиции. Формирование этой компетенции осуществляется путем исследования собственной культуры и чужой в сравнении. По данным Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (направление обучения «Педагогическое Образование», степень бакалавра), общекультурная компетенция предусматривает владение иностранным языком на уровне, который позволяет получать и оценивать информацию в сфере профессиональной деятельности из иностранных литературных источников [1, с. 142].

Итак, предполагалось включить общекультурную компетенцию в иноязычно-коммуникативную субкомпетенцию, которая сможет реализоваться в обще-профессиональной и профессиональной

компетенциях. Обще-профессиональная компетенция (ОПК) или общая профессиональная компетенция подразумевает наличие психолого-педагогических знаний и навыков, задействованных в построение процесса обучения иностранному языку. Настоящая компетенция предусматривает лингвистическое понимание в сфере высокопрофессиональной культуры, неотъемлемо связанной с употреблением иностранного языка в разделе профессионального общения [3, с. 86].

Профессиональная (методическая) компетенция (ПК) представляет собой навыки организации обучения иностранному языку в разнообразных формах её проявления. Это знание скомпилировано по ряду подкомплексов, предопределенных потребностями одной конкретной ситуации преподавания иностранного языка в силу особых обстоятельств. Профессиональная компетенция иностранца-тьютора является интегральной, предполагающей моделирование следующих подкомплексов:

- организационный (возможность организовать и реализовать процесс межкультурной коммуникации до и после занятия);
- проекционный (умение планировать и проектировать иноязычный процесс, направленное на достижение положительных результатов в межкультурном общении);
- исследовательский (умение анализировать образовательно-социальную важность овладения студентами навыками иноязычного общения для взаимодействия культур и традиций носителей изучаемого языка);
- контрольный (способность оценивать успех межкультурного общения в аудитории и за её пределами; а также анализировать собственную деятельность, направленную на преподавание межкультурной коммуникации) [5].

Вышеописанные компетенции (ОКК и ПК), в частности, наглядно демонстрируют возникновение новых положений к составляющим профессионально-педагогической компетентности преподавателей иностранных языков. Более того, они придают большое значение совершенствованию профессионализма, как в теоретической подготовке, так и в практической, предполагающей овладение лингводидактической терминологией, которая может быть усвоена при изучении цикла дисциплин, методико-педагогической направленности в лингвистических вузах [8, с. 292].

Следовательно, цель межкультурного преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях будущего должна предусматривать развитие навыков организации и осуществления научного общения с коллегами (представителями других культур) по профессионально-педагогической тематике, используя лингводидактическую терминологию с легкостью. Кроме того, личность преподавателя иностранного языка должна быть мультикультурной во всех отношениях, включая профессиональную компетенцию [2, с. 135]. Мультикультурный характер преподавателя иностранного языка выявляется в его способности построить процесс преподавания иностранного языка, основанного на комплексном применении современных иностранных научных знаний, педагогических и психологических концепций, методов и технологий обучения.

Литература

1. Багаева С.В., Тадтаева А.В. Развитие навыков межкультурной коммуникации на занятиях делового английского языка / В сборнике: Молодежь и наука: актуальные проблемы социально-экономического развития регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2017. – С. 139-146.
2. Бигаева Э.С., Тадтаева А.В. Лингвокультурологические факторы в эпоху глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2016. №2. – С. 131 – 137.
3. Бигаева Э.С., Тадтаева А.В., Зангиева З.Н. К вопросу о развитии иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей вузов / Вестник СОГУ. 2017. № 4. – С. 83-87.
4. Зангиева З.Н., Тадтаева А.В., Зангиев И.Э. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции делового человека // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 8-2. – С. 307-311.
5. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Конструкция развития индивидуальности в диалоге культур / Е.И. Пассов. Липецк: Из-во ЛГПИ, 1998. – 159 с.
6. Тадтаева А.В. О принципах совершенствования педагогического мастерства преподавателей иностранного языка вузов // В сборнике: Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества (материалы II Международной научной конференции в 2-х томах. Северо-Осетинский государственный педагогический институт; ООН по вопросам образования, науки и культуры; Министерство образования и науки РФ; Министерство образования и науки Республики Северная Осетия – Алания. 2008. – С. 309-312.

7. Тадтаева А.В. Формирование педагогической компетентности у студентов – будущих учителей иностранного языка / Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Северо-Осетинский государственный университет им К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2010. – 176 с.
8. Тадтаева А.В. Педагогическая инновация как форма творческой технологии гуманитарного образования в вузе // В сборнике Молодежь и наука: актуальные вопросы социально-экономического развития региона. 2012. – С.291 – 295.
9. Tadtava A.V. To the problem of the intercultural communication in the modern world / В книге: Development of Georgian-Ossetian Relationship Abstracts. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Research Center for Georgian-Ossetian Relationship; Ministry of Education, Science, Culture and Sport; Provisional Administration of South Ossetia; Giorgi Akhvediani Society for the History of Linguistics. 2018. – С. 68-70.
10. Tadtava A.V., Isakova Yu.R., Gassieva N.K. About positive result achievements in foreign-language competence development of non-linguistic establishment' students // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1 (74). – С. 150-153.

УДК 81:37.016

Изучение иностранного языка – принцип доступности и интереса

Алпысова Ж. Е., Тулегенова М. Б.

**Казахский национальный педагогический университет имени Абая (КазНПУ им.
Абая), Алматы, Казахстан**

Аннотация. В данной статье автор попытался выяснить чем является в современных условиях для обывателя английский язык. Как учить, как выучить какую методику выбрать: классическую или более продвинутые современные методики? Это становится все более актуально в наше непростое время. Любой человек сейчас в наших условиях нуждается в знаниях английского языка, так как данный язык один из мировых ведущих языков мира. Сейчас изобилуют различные методики и очень сложно разобраться какая эффективней и продуктивней. Рынок образовательных технологий так же сейчас в наше время изобилует. Человек не знает – начинать с грамматики или получить быстрее знание? Конечно принципы «старой школы» сильны и актуальны, то есть последовательное и рутинное изучение английского языка и это дает свои определенные оправданные результаты в изучении английского языка. Это каждодневный труд и усилия. Это в основном однообразные задания: перевод и чтение текста, заучивание новых слов и употребление при пересказе, заучивание таблицы неправильных глаголов, написание сочинений, словарных диктантов, обязательное заучивание тематических топигов. Но это все противоречит мировым стандартам, так как изучение и овладение иностранным языком должно подчиняться принципам доступности и интересу. Но в любом случае владение иностранными языками требует огромного усердия, упорства и ежедневной работы. И современные условия меняются и меняют отношения к овладению и изучению английского языка. То есть произошел революционный подход к обучению английского языка. Сейчас много существует доступных курсов со своими приемами обучения и единственное вопрос возникает - эффективны ли они? Но к счастью многие используют передовые методики из США и Европы – это тренинги, дискуссии, доброжелательные беседы где уроки проходят увлекательной форме. И выбор остается за каждым из нас.

Ключевые слова: толмач, офис – менеджер, эффективные методики, экспресс – метод, мировой язык, интеллектуальная продукция, повышение культуры, концепции.

Алпысова Жанна Еркиновна

*Казахский Национальный Педагогический Университет имени Абая (КазНПУ им.Абая),
Алматы, Казахстан*

Старший преподаватель кафедры иностранных языков

87770182668
alpysova70@mail.ru

Тулегенова Малика Балтабаевна
Казахский Национальный Педагогический Университет имени Абая (КазНПУ
им.Абая), Алматы, Казахстан
Старший преподаватель кафедры иностранных языков

Alpysova Zh.E.
senior teacher of chair of foreign languages, Abai KazNPU
87770182668
alpysova70@mail.ru

Tylegenova M.B.
senior teacher of chair of foreign languages, Abai KazNPU

STUDY OF THE ENGLISH LANGUAGE IN MODERN CONDITIONS

Abstract

In this article, the author tried to find out what the English language is in modern conditions for the average person. How to teach, how to learn what method to choose: classical or more advanced modern techniques? This is becoming more and more relevant in our difficult times. Any person now in our conditions needs knowledge of the English language, since this language is one of the world's leading languages of the world. Now abound in various techniques and it is very difficult to understand what is more effective and productive. The market of educational technologies is also now very abundant. A person does not know - start with a grammar or get faster knowledge? Of course, the principles of the "old school" are strong and relevant, that is, a consistent and routine study of the English language and this gives its certain justified results in the study of the English language. This is everyday work and effort. This is basically a monotonous task: translating and reading the text, learning new words and using for retelling, memorizing the table of irregular verbs, writing essays, vocabulary dictations, compulsory memorization of thematic topics. But this all contradicts the world standards, as studying and mastering a foreign language should obey the principles of accessibility and interest. But in any case, the possession of foreign languages requires great diligence, perseverance and daily work. And modern conditions change and change attitudes toward mastering and learning English. That is, there was a revolutionary approach to teaching English. Now there are many available courses with their own training methods and the only question arises - are they effective? But fortunately, many people use advanced techniques from the US and Europe - these are trainings, discussions, friendly conversations where the lessons take place in an embryonic form. And the choice is for each of us.

Key words: interpreter, office manager, effective methods, express method, world language, intellectual products, culture enhancement, concepts.

С незапамятных времен общество стало нуждаться в переводчиках. Людей, владеющих чужими языками, в старину было мало, их называли толмачами, и они ценились везде. Но особое звучание необходимость владения английским языком приобрела именно сегодня, когда он уже стал действительно мировым языком, а не только одним из иностранных. Сегодня мы попытаемся понять, что обязательно нужно сделать для того, чтобы овладеть этим языком на высоком уровне, тем самым, открыв себе путь к успеху во многих сферах жизни [1].

Любое строение, как известно, начинается с архитектурного плана. Сейчас нас все меньше пугает огромная «крепость» под названием "Английский язык", на вершине, которой гордо реет американский или британский флаг. И, в данном случае, этим необходимым планом послужит знание современных методик изучения с тем, чтобы его преподавание велось исходя из соответствия их концепциям, т.е., иными словами, на научной и научно-педагогической основе. В последнее время, когда рынок образовательных технологий изобилует предложениями по самым разнообразным технологиям изучения английского языка, вопрос "Какую методику преподавания Вы используете?" становится все более актуальным, что свидетельствует о повышении культуры потребления интеллектуальной и

образовательной продукции. Озадаченный абитуриент, студент или бизнесмен все чаще задумывается перед книжными полками с лингвистической литературой или задумчиво просматривает длинный список рекламных объявлений, предлагающих изучение английского языка. Один из критериев выбора – это цена, а вот главный – это быстрота и надежность результата. Нетрудно догадаться, что внимание потенциального потребителя обязательно будет обращено на такие предложения, как "Английский за две недели", "Английский с носителями языка в Москве", "Эффективный экспресс-метод", "Английский на уровне подсознания" (что вообще граничит, чуть ли не с фантастикой). Так много нового и неизвестного! А это рождает сомнения в результатах. Можно ли доверять современным технологиям? Или отдать предпочтение хорошо зарекомендовавшим себя классическим учебным пособиям и методическим технологиям - таким, как "Бонк", "Eckersley" или "Headway", которые уже давно по праву можно считать классикой методики преподавания английского языка.

Очевидным остается тот факт, что конец XX столетия можно по праву считать «Эпохой Возрождения» методики преподавания английского языка. Ведь раньше все приоритеты без остатка отдавались грамматике, почти механическому овладению новым лексическим материалом, чтению и литературному переводу. Это – принципы "старой школы", которая (стоит отдать ей должное) все же приносила плоды, но какой ценой? Овладение языком осуществлялось посредством долгого рутинного труда. Задания предлагались достаточно однообразные: чтение текста, перевод, запоминание новых слов, пересказ, упражнения по тексту, Quiz (словарный диктант), неправильные глаголы. Иногда, ради необходимой смены деятельности, - сочинение, изложение или диктант, плюс фонетическая муштровка в качестве отдыха. Когда приоритеты отдавались чтению и работе над "топиками", реализовывалась только одна функция языка – информативная[2].

Это не раз становилось предметом жесткой объективной критики со стороны зарубежных педагогов. Ведь, согласно мировым образовательным стандартам, изучение иностранного языка должно отвечать принципу доступности, с одной стороны, и представлять по своему содержанию интерес для учащегося, с другой.

Неудивительно, что в советское время язык хорошо знали лишь единицы: только очень целеустремленные и трудолюбивые люди могли овладеть им на высоком уровне

Сейчас для достижения такого по-прежнему высокого уровня владения английским языком тоже требуется немало усердия, упорства и каждодневного труда. Но поистине "революционно" то, что язык стал в той или иной форме доступен большинству. И предложение все больше ориентировано на потребителя. Зачем, например, секретарю-референту или офис-менеджеру приобретать заведомо ненужные знания о падении редуцированных, палатализации согласных или актуальном членении английских предложений? Секретарь-референт или менеджер, имеющий работу в офисе, ориентирован на развитие совершенно определенных знаний и навыков, то есть на потребление конкретного сегмента рынка образовательных предложений по изучению английского языка. Можно сказать, что даже неожиданно для самих себя преподаватели иностранных языков оказались в центре общественного внимания: легионы нетерпеливых специалистов в разных областях науки, культуры, бизнеса, техники и всех других областей человеческой деятельности потребовали немедленного обучения английскому языку как орудию производства. Их не интересует ни теория, ни история языка – язык требуется им исключительно функционально, для использования в разных сферах жизни общества в качестве средства реального общения с людьми из других стран"[3].

Остается найти ответ на главный вопрос: каковы содержание курса, его структура и приемы обучения? Кто автор предлагаемого материала, где этот материал разработан, кем апробирован и чем подтверждена его эффективность?

Преподавание языка приобрело прикладной характер, в то время как раньше оно было сравнительно отвлеченным и схоластическим. Ещё Аристотель вывел знаменитую триаду преподавательской этики, которая как нельзя лучше соотносится с современными требованиями: логос - качество изложения, пафос - контакт с аудиторией, этос - отношение к окружающим. Функции педагога в образовательном процессе значительно изменились. Времена советской Марьи Ивановны с указкой и окриками «Марш к директору!» постепенно уходят в прошлое. Это вполне закономерно: ведь учитель-диктатор не способен предоставить учащимся свободу выбора и обеспечить необходимую в постижении столь тонкой материи, как язык, "свободу учения". Поэтому такой негативный педагогический образ постепенно становится достоянием истории. На смену ему пришел учитель-наблюдатель, учитель-посредник, учитель-советчик. Хотя личность преподавателя в данном случае отходит на второй план, влияние её на аудиторию не уменьшается, а, наоборот, возрастает. Именно учитель на большинстве современных - российских и зарубежных - курсов является организатором группового взаимодействия

(идеальным коллективом для изучения иностранного языка в настоящее время считается группа из 10-15 человек, поскольку именно такое количество людей может общаться между собой с максимальным эффектом, интересом и пользой)[4].

В настоящее время существует много методик преподавания английского языка, однако все из них объединены общей целью: сформировать полноценно развитые способности к устному и письменному общению на английском языке. Самыми распространенными среди них являются:

- фундаментальная методика;
- классическая методика;
- лингвосоциокультурная методика;
- коммуникативная методика;
- интенсивная методика.

Самыми распространенными среди этих методик по-прежнему являются фундаментальная и классическая. Конечно, Вы можете возразить, что не надо изобретать велосипед, и, как и было сказано выше, использование классической методики (обучения английскому языку в привычном понимании) давало свои положительные плоды. Однако на поверку оказывается, что это для многих сопряжено с негативными психологическими моментами, поскольку ассоциируется с «зубрежкой», рутинными грамматическими правилами, однообразными упражнениями и заданиями. Именно поэтому на смену, а, точнее сказать, в дополнение к существующим появились новые, передовые методики и технологии. Уроки английского языка нового поколения проходят в увлекательной форме, и в какой-то степени являются не только уроками, но и просто доброжелательными беседами, тренингами, дискуссиями. Особо хотелось бы в этой связи отметить такую методику, как коммуникативную: даже само название говорит о том, что она направлена на практику общения, то есть на развитие самого главного из всех остальных навыков и умений – умения свободно изъясняться на английском языке. Родина этой методики – США, она с успехом применяется и в странах Европы. И совсем недавно появилась в России, где также нашла широкое применение. Занятия с использованием данной методики происходят в виде группового тренинга, чем-то напоминающего встречу друзей или давних знакомых. На таких уроках Вас никто не будет ругать за неправильное построение предложения или допущенные ошибки. Более того, Вам будут именно помогать строить свои высказывания, и все это – в доброжелательной манере. В ходе подобных уроков не используются сложные синтаксические конструкции, что вполне логично: ведь даже у образованного и вполне грамотного человека устная речь отличается от письменной. Общение проходит в простой непринужденной обстановке и построено на всем нам знакомом принципе: «Будь проще, и к тебе потянутся люди».

Здесь мы не ставим себе задачу подробно описать все существующие методики преподавания английского языка, однако хотелось бы в заключение сказать, что каждая из них имеет свои позитивные стороны, но выбор всегда остается за Вами. Ведь, согласитесь, понятие «владение английским языком» гораздо больше, нежели пятерка в школьном дневнике или роспись в зачетной книжке, и положительных результатов теперь вполне можно достичь, не будучи «привязанными» к какому-то одному учебнику или сборнику упражнений [5].

Литература

1. Черных.А. Усталость сострадать // Мир современных медиа. -М.: Территория будущего, 2007. -С. 180—194.
2. Глебов Г. И., Милаева О. В. Современные международные отношения. Учебное пособие. -Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. -98 с.
3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. -М.: Добросвет, КДУ, 2009. -234 с. -1000 экз. -ISBN 9785982276131.
4. Журналистика и медиаобразование-2008: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Том 1/под ред. проф. А. П. Короченского. - Белгород: БелГУ, 2008. - 368 с.
5. Онербаева К. Нация создателей//Экспресс-Казахстан, 2011, 2 июля.- С. 5

УДК 81'243:37

Взаимодействие различных моделей изучения иностранного языка на аудиторных занятиях

Мусаева А.А.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация: Человек, как носитель культуры, не может воспринимать мир абсолютно объективно, поэтому язык, являясь «инструментом оценивания», обладает возможностью фиксировать не только объективную картину мира, но и запечатлеть субъективное видение мира человеком [2, с. 71].

Причина выбора данной темы заключается в том, что нас интересуют методики преподавания английского языка, ориентированные на реальный объект в классе для развития языковых навыков.

Реальный опыт является довольно полезным и обоюдоострым мечом для развития иностранного языка в учебных учреждениях для преподавателей и студентов. Да, взаимодействие является ключом к успеху в учебных аудиториях, чтобы транслировать или выявлять скрытые способности различных студентов. Это помогает выяснить реальные проблемы учащихся и ускорить развитие способностей и компетенций со стороны педагогов, поскольку взаимодействие ведет к социализации в том смысле, что обучение происходит/происходит через общество.

Ключевые слова: опыт, реальный, преподаватель, взаимодействие, процесс, мотивация.

Interaction of different models of learning a foreign language in the classroom

A.A. Musayeva

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor of Foreign Languages Department of Chechen state University.

Abstract: A person, as a bearer of culture, cannot perceive the world objectively, therefore language, “being an assessment tool,” has the ability to capture not only an objective picture of the world, but also capture a subjective vision of the world by a person [2, p. 71].

The reason for choosing this topic is that we are interested in teaching English, focused on a real classroom object for developing language skills.

The real experience is a rather useful and double-edged sword for the development of a foreign language in educational institutions for teachers and students. Yes, interaction is the key to success in classrooms in order to broadcast or reveal the hidden abilities of various students. Yes, interaction is the key to success in classrooms in order to broadcast or reveal the hidden abilities of various students. This helps to find out the real problems of students and accelerate the development of abilities and competencies on the part of teachers, since interaction leads to socialization in the sense that learning occurs / takes place through society.

Key words: experience, real, teacher, interaction, process, motivation.

Современные методы обучения требуют разных типов преподавателей в одном лице - от аналитика/организатора до переговорщика/консультанта. Несмотря на то, что на протяжении многих лет во всем мире внедряются новые учебные программы для обучения иностранному языку с помощью ориентированных на смысл коммуникативных подходов. Современные студенты должны быть готовы осуществлять квалифицированную информационную и творческую иноязычную деятельность в различных сферах и ситуациях, деловые партнерства, совместные производственные и исследовательские работы, то есть, использовать английский язык в своей профессиональной деятельности, удовлетворять свои познавательные интересы, осуществлять личные контакты и дальнейшее самообразование и самосовершенствование. Основа характеризующая появление и модернизацию университетов, одной из определяющих черт качественного образовательного опыта является взаимодействие. Взаимодействие настолько важно для процесса обучения, что трудно представить образовательный опыт, который не предполагает какого-либо взаимодействия. Кроме того, сам процесс когнитивной реструктуризации подразумевает, что существует взаимодействие между

новыми идеями и старыми для создания обновленной ментальной модели. Некоторые теоретики определили различные способы взаимодействия в образовательных контекстах, например, между учениками, учителями и тем контентом, который должен быть изучен (1, с. 129). Три основных способа взаимодействия в образовании: взаимодействие студент-преподаватель студенческо-контентное взаимодействие, студенческо-студенческое взаимодействие.

Системы, предназначенные для формального образования, как правило, подчеркивают важность взаимодействия между студентом и преподавателем чтобы стимулировать интерес и мотивацию к учебе.

Эти три основные формы взаимодействия студентов описаны в следующих разделах.

Взаимодействие студент-преподаватель

Системы, предназначенные для формального образования, как правило, подчеркивают важность взаимодействия между учеником и учителем.

Примеры взаимодействия ученика и учителя включают, но не ограничиваются следующим:

- лекции или учебные пособия (при условии, что студенты могут задавать вопросы и предлагать комментарии);
- сеансы вопросов и ответов о содержании, учебных процедурах, сложных темах;
- личных проблемах и т.д.;
- отзывы о заданиях;
- публикации и ответы на дискуссионных форумах;
- электронная почта или мгновенные сообщения.

Студенческо-контентное взаимодействие

Если взаимодействие ученика и учителя важно, то может показаться, что взаимодействие ученика с контентом является основной причиной существования формальных образовательных систем. Содержание в отношении учебных сред является просто предметом, который должен быть изучен. Независимо от того, является ли ученик детским садиком, изучающим алфавит, или докторантом, изучающим новую технику статистического анализа, каждому учащемуся в формальной образовательной среде есть чему поучиться. Взаимодействие студента с контентом является основным способом взаимодействия в исторических текстовых учебных средах, предоставляемых в виде печатных материалов.

Примеры взаимодействия студента с контентом включают в себя:

- студенты слушают лекцию (живую или записанную);
- чтение тематических комментариев в системе управления обучением или в печатных материалах;
- делать заметки;
- проведение исследований;
- запоминание фактов;
- метакогнитивные стратегии;
- решения проблем;
- разрешение очевидных противоречий;
- изучение основополагающих допущений.

Студенческо-студенческое взаимодействие

Достижения в области коммуникационных технологий открыли студентам значительные возможности для синхронного взаимодействия друг с другом посредством веб-конференций или текстового чата, а также асинхронно с помощью дискуссионных форумов, электронной почты и текстовых сообщений на мобильных устройствах.

Примеры действий, которые способствуют взаимодействию ученика со студентом, включают следующее:

- совместная учебная деятельность;
- совместные исследования и дизайн;
- проблемное или проектное обучение;
- дебаты;
- дискуссионные форумы;
- социальные сети;
- учебные группы;
- виртуальные сообщества.

Глубокое и содержательное формальное обучение поддерживается, пока одна из трех форм взаимодействия (студент-преподаватель; студент-студент; студент-контент) находится на высоком уровне. Два других могут быть предложены на минимальных уровнях или даже исключены без ухудшения образовательного опыта.

Владение иностранным языком на уровне, как минимум, достаточном для профессионального общения в профессиональной сфере, является одним из требований современного общества к молодым специалистам и является обязательным компонентом профессиональной подготовки современного специалиста.

В результате можно сказать следующее: взаимодействие на занятиях относится к беседе между преподавателями и студентами, а также между самими студентами, в которой активное участие и обучение студентов становится жизненно важным. Беседы являются частью социокультурной деятельности, посредством которой студенты совместно конструируют знания. Таким образом, участие студентов во взаимодействии может помочь им обогатить свои лингвистические ресурсы и укрепить уверенность в общении на английском языке с другими участниками.

Литература

- 1.Андерсон Т. Режимы взаимодействия в дистанционном образовании: последние разработки и исследования вопросов. Справочник по дистанционному образованию, 2003. 129.
- 2.Богданова Л.И. Культурные ценности: код культуры // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2017. №1. С.70–78.

<http://www.sedll.org/>

<http://open.merelarning.ca/ssi/chapter/interaction/>

<http://iserjournals.com/journals/eurasia>

УДК 81'243:37

УДК-8; 81-2

Лингвистические средства построения французского рекламного слогана

Дзейтова Х. Б.

Чеченский государственный университет

e-mail -rosa-777@ mail.ru

Аннотация

Аннотация. Статья посвящена лингвистическим средствам, используемым во французском рекламном слогане для того, чтобы сделать текст позитивным, живым, выразительным, красочным. разнообразны. Как основной способ достижения максимального эффекта, структура синтаксического слогана должна содержать эмоциональную составляющую и выразительную лексику.

Тогда мы видим, как стилистические средства становятся мощными механизмами влияния на потребителя, которое увеличивает силу убеждения, придают красочность.

Ключевые слова: аллитерация, каламбур, метафора, рекламный слоган потребитель, колорит, сила убеждения

Linguistic means of building a French advertising slogan

Dzeytova H. B.

Chechen State University

Annotation. The article is devoted to the linguistic means used in the French advertising slogan to make the text positive, lively, expressive, colorful. As the main way to achieve maximum effect, the structure of the syntactic slogan should contain an emotional component and expressive vocabulary.

Then we see how stylistic means become powerful mechanisms of influence on the consumer, which increases the power of persuasion, gives colorfulness.

Keywords: alliteration, pun, metaphor, consumer slogan, color, power of persuasion

Слогану обычно предшествует реклама, это один из основных способов привлечения внимания и интереса целевой аудитории. Особенно важно использовать слоган при отсутствии других средств привлечения внимания- иллюстрации, цвета и т.д.

Мы проанализировали различные печатные лозунги в таких изданиях, как "Elle", "Marie-Claire", "Express", "Properties", "Nouvel Observateur", "Bretagne", "Label France", "Français et monde" «L'art», которые предназначены для публики разного возраста, пола и с разными интересами. На основе практического анализа рекламных текстов во французских журналах мы выделили следующие лозунги:

Рекламные тексты, которые всегда очень лаконичны, легко запоминаются и состоят из 4-10 слов:

- Avec Carrefour, je positive (Carrefour, supermarché);*
- Toute la légèreté d'une brume pour un volume naturel-(Timotei, eau volumisante);*
- Force de la persuasion remplace l'information;*
- Tout dire sans un mot (Lancome, parfum «Poème»);*
- Les couleurs vous veulent du bien. Ripolin (Ripolin, coloth rapie);*
- Il suffit de changer peu de choses, pour se sentir bien (Nana, lingerie);*
- C'est prouvé Clairins rend la vie plus belle (Clairins, soins solaires),*
- Toutes nos vies sont chez Monoprix»*
- Vous allez enfin pouvoir laver vos vêtements sur mesure (AEG, lave-linge);*
- Les étonner encore... avec Picard j'en suis sure;*
- Avec Crusot vous êtes sur la bonne piste (Convention Crusot, Banque Populaire de l'Ouest;*
- Rendre la pierre aussi dynamique que l'argent, rendre l'argent aussi solide que la pierre (Crédit Foncier Banque);*
- «С Carrefour, я уверен» (Carrefour, супермаркет),-Сила убеждения «Avec Carrefour, je positive» (Carrefour, supermarché);*
- «Естественный объем как легкий туман» (Тимотей, вода, увеличивает объём);*
- «Не нужно слов» (Lancome, аромат «Poème»);*
- "Цвета желают тебе добра. Риполин" (Ripolin, colotherosis);*
- «Просто измените несколько вещей, чтобы чувствовать себя хорошо» (Нана, нижнее белье);*
- «Доказано, что Clairins делает жизнь прекраснее» (Clairins, Sun Care);*
- «Вся наша жизнь в Monoprix»;*
- «Наконец-то вы сможете постирать свою одежду» (AEG, стиральная машина);*
- "Чтобы удивить их снова ... с Пикардом, я уверен"*
- «С Crusot вы на правильном пути» (Convention Crusot, Banque Populaire с запада);*
- «Сделай камень таким же прочным, как серебро, сделай деньги такими же прочными, как камень»(Crédit Foncier Banque);*

Интрига рекламного текста необходима для привлечения внимания потребителей, тексты должны зажигать и нацеливать на покупку того или иного продукта:

- «Что-то во мне, чтобы быть известным» (Givenchy, аромат Organza);*
- «Чтобы завтра всегда был вкус» (бретонский крестьянин, сливочное масло);*

Избирательность по отношению к общественности является одной из его отличительных черт:

- «Элегантная женщина - это клиент весны» (весна, универмаг),*
- «Самые парижские универмаги» (весна).*

Очень часто название компании, которая представляет продукт, является важной частью лозунга. Оно также привлекает внимание потребителя.

- Удовольствие за удовольствием (Trussardi Skin);*
- «Veguet. Страсть оставляет следы" (Бреге, шоу" Grande Complication ");*
- «Воздух времени (Нина Риччи) похож на надежду»;*
- «Blédina стремится предложить вам лучшее из природы» (Blédina, продукты для детей);*

"Сан Пеллегрино. Живи с Италией »(С. Пеллегрино, Минеральная вода);
или в конце лозунга: «Аппетит приходит с Vivagel» (Vivagel, продукты питания);
«Легкость мусса, свежесть йогурта, йогуртовый мусс Danone» (Данон);
«Когда это действительно хорошо, это действительно Voip» (Voip, варенье);
«Когда это хорошо, это Бондюэль» (Бондюэль, консервированная кукуруза);
«Life is Auchan» (Ашан, супермаркет);
«Бушерон, как ласка летнего дождя» (Бушерон, парфюмерия).

Языковые средства, используемые во французском рекламном слогане для того, чтобы сделать текст позитивным, живым, выразительным, красочным. разнообразны. Как основной способ достижения максимального эффекта, структура синтаксического слогана должна содержать эмоциональную составляющую и выразительную лексику.

Тогда мы видим, как стилистические средства становятся мощными механизмами влияния на потребителя, которое увеличивает силу убеждения, придают красочность.

Поэтому, естественно, что реклама использует стилистические средства, и метафора является одним из самых распространенных тропов.

Метафора-это слово или выражение, которые употребляются в переносном значении на основе сходства в каком либо отношении двух предметов или явлений.

«Venez vitaminer votre français!», répétition («ça fait bien ou ça fait mal» (Syntol, médicament);
«De plus en plus forts, de plus en plus longs» (Garnier, shampooing);
«Ticket chic, ticket choc» (RATP);
«Oui à l'été, non au vieillissement de ma peau!» (L'oréal, lait soin protection avancée);
«Meme mouillé s'ils sont secs»;
«Plus proche pour aller plus loin» (CIC Banque Transatlantique);
«Mini mir, mini prix, mais il fait le maximum», «l'élégance... en toute simplicité» (Kodak Easy Share, l'appareil photo numérique);
«Conforama, le pays où la vie est moins chère»;
«Приходите, чтобы витаминизировать свой французский!»;
«Сильнее и сильнее, дольше и дольше» (Гарнье, шампунь);
«Шикарный билет, шоковый билет» (RATP);

Антитеза - это фигура стиля, в которой для усиления выразительности речи противопоставляются противоположные явления .

«Oui à l'été, non au vieillissement de ma peau!» (L'oréal, lait soin protection avancée);
«Meme mouillé s'ils sont secs»;
«Plus proche pour aller plus loin» (CIC Banque Transatlantique),
«Mini mir, mini prix, mais il fait le maximum», «l'élégance... en toute simplicité» (Kodak Easy Share, l'appareil photo numérique).
«Да-лету, нет-старению моей кожи!» (L'oïnt, защита по уходу за кожей);
«Даже мокрые, если они сухие»;
«Ближе, чтобы идти дальше» (CIC Banque Transatlantique);
«Мини мир, мини цена, но она делает максимум», «Элеганс Kodak Easy Share, арабское цифровое фото.

Синекдоха- это разновидность метонимии, основанная на переносе значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения – расширения или сужения значения слова.

Обычно в синекдохе употребляется единственное число вместо множественного и наоборот, часть вместо целого или родовое название вместо видового.

Например, «L'ardoise ne se regrette jamais»– Le tout ardoise pour la partie toit d'ardoise. «Ардоис- о нём никогда не жалеют» - вся черепица вместо крыша из черепицы.

Гипербола - фигура стиля, использующая непомерное преувеличение чего-либо.

«Ucar. Une avance qui n'en finit pas»для обозначения духов;

Риторический вопрос (или ораторский вопрос) - это фигура речи, которая состоит из вопроса, не требующего ответа.

«Безналичный расчет в Париже»? (Western Union, перевод агентства),

«Что, если вы пригласите Гранд Блан в зал?» (Известные вина из Альзаса).

"Вы видели, когда пили" Самое популярное шампанское в мире? Произнеси имя наугад ... » (Champagnes de Vignerons);

Для построения позитивных рекламных текстов используются фонетические средства. для привлечения внимания потребителей.

Аллитерация - это фигура речи, которая состоит из повторения одного или несколько согласных, часто при атаке ударных слогов, внутри стиха или предложения.

«*La vie n'est pas en noir et blanc, elle est en or*» – *J'Adore de Christian Dior*;

«*Pour rugir de plaisir!*» – *Lion*;

«*Жизнь не в черном и белом, она в золоте*», - *Ж'Адор де Кристиан Диор*;

«*Реветь с удовольствием!*» - *Лев*;

Ассонанс - это фигура речи, которая состоит из повторения одного и того же звука или гласной в нескольких словах.

«*Chambourcy oh oui!*», «*On a toujours besoin de petits pois chez soi*»;

«*Michigan. Toujours devant*» (*Mobilier de jardin*);

«*Boire ou conduire, il faut choisir*»; «*Toute la légèreté d'une brume pour un volume naturel*» (*Timotei, eau volumisante*);

«*Цвет, это жизнь*» (картины) нужно понимать и читать как цвет;

Для дополнительной мотивации рекламодатели обращаются к идиомам, образным поговоркам и пословицам:

«*Du pain, du vin, du boursin*», «*Mettez du fruit dans votre vie*» (*Andros, confiture*);

«*Le plus pratique des sacs plastiques*» (*Sac poubelle*);

«*Diffazur pures et dures*» (*Diffazur, piscines*);

«*Coctails fruités pour soifs d'été*» (*Swing, verres*);

«*Les couleurs vous veulent du bien. Ripolin*» (*Ripolin, colorthé rapie*);

«*Du 22 juin au 6 juillet sortez de l'ordinaire avec Arthur Bonnet*» (*Arthur Bonnet, cuisines, bains*);

«*Découvrez l'art du café. Entrez en amateur, dagustez en connaisseur*» (*café «Jacques Vabre»*);

«*Carapelli. Tout en elle chante l'Italie*» (*Carapelli, huile d'olive*);

«*La vie est confortable! Nombreux modèles de canapés et banquettes disponibles*» (*La maison du Convertible*);

«*Banque Transatlantique: La banque de ceux qui travaillent loin de chez eux*» (*CIC Banque Transatlantique*);

«*Devenez propriétaire de votre résidence secondaire*» (*Cherbourg–Tourlaville*);

«*Zorro est arrivé. Sans stresser*» (*RATP*);

«*Le tabac du plus fort est toujours le meilleur*» (*Samson, tabac*);

«*Qui goûtera, croira*» (*Suze, vin*);

«*Les chiens aboient, Lee Cooper passe*»;

«*L'appétit vient avec Vivagel*» (*Vivagel, produits alimentaires*);

«*La santé vient en mangeant*»;

«*Aide-moi, Contrex t'aidera!*» (*Contrex, eau*);

«*Ecusson oblige*» (*Ecusson, cidre*).

Французской рекламе свойственен юмор французского народа, который любит посмеяться и пошутить.

«*La couleur, c'est l'avi*» (*L'avi, peintures*) *il faut comprendre et lire comme «La couleur, c'est la vie»;*

«*La forme, je la dors*» *comme «La forme, je l'adore».*

Ссылка на название продукции или известное выражение также привлекает внимание покупателя.

«*Le rouge et le soir*», *le roman du Stéphen Le Rouge et le Noir*»;

«*A la recherche du teint perdu*», *roman de Marcelle Proust «A la recherche du temps perdu»;*

«*En attendant Godiva*», *pièce de S.Beckett «En attendant Godot, Oh! Les beaux jours»;*

«*Самый сильный табак всегда лучший*» (*Самсон, табак*);

«*Кто попробует, тот поверит*» (*Suze, вино*);

"*Собаки лают, Ли Купер проходит*";

«*Аппетит приходит с Вивагель*» (*Vivagel, продукты питания*);

«*Здоровье приходит с едой*»;

«*Помоги мне, Contrex тебе поможет*» (*Contrex, вода*);

"*Ecusson oblige*" (*Экуссон, сидр*);

«*Красное и вечер*», *роман Стендала «Красное и черное».*

«*В поисках утраченного цвета лица*», *роман Марсель Пруст «В поисках утраченного времени».*

«*В ожидании Годивы*», *пьеса С. Беккета «В ожидании Годо, ах! Прекрасные дни»;*

Говоря о языке рекламы, следует отметить, что каждый текст рекламы преследует цель- убедить кого-то в достоинствах рекламируемого продукта.

Успешная реклама достигается благодаря хорошо выполненному и выразительному тексту.

Игра слов, используемая в рекламе, имеет комический тон в тексте. Читатель при чтении такого текста будет улыбаться и, вероятно, позже вспомнит текст, который принес ему несколько приятных моментов. Слоганы, использующие игру слов, усиливают впечатление рекламируемого товара и уговаривают совершить покупку.

Так, в рекламе часто встречаются каламбуры в различных рекламных текстах, таких как: *«Je suis pas jolie, je suis pire»* – Kenzo;

«Si vous ne savez pas quoi faire de votre argent, venez nous voir» – Banque;

«Rappelle-toi, appelle-moi» – Télécommunications;

«C'est moche mais ça marche» – Eau précieuse;

«Twix, deux doigts coupent faim – All is in the mix» – Twix;

«Gagner le coeur du monde – Faire du ciel le plus bel endroit de la terre» – Air France;

«Quand on a un cerveau, on a une Fiat Punto.» – Fiat Punto;

Le rose est ma couleur préférée, surtout quand il est en or. – Les bijoux précieux;

Dieu crée la femme et tout de suite après les bijoux. – Les bijoux précieux;

Le petit qui voit grand. – Lumix. Appareil photo;

Venez comme vous êtes – Macdonalds;

Le vrai pouvoir ne se montre pas. – VISA;

Allure, une nouvelle façon de se parfumer en allure. (la pub des parfums);

C'est le moment de prendre vos pieds en mains. (la pub des chaussures);

Opera brut blanc de blancs servi frais. (Champagne);

Un mois rien qu'à moi! (les bijoux);

La conserve conserve toujours essentiel. (les légumes conservées);

Parce que la vie change souvent d'avis. (les montres);

Observez-les avec quelques exemples;

Каламбур состоит в том, чтобы вызвать ассоциацию, не называя лицо, событие (исторические фигуры).

Есть 3 типа игры слов. (За основу мы взяли классификации Мишеля Карбеллари)

1. Каламбуры на основе полисемии и омонимии;

Полисемия - это качество слова или фразы, которые имеют два или даже несколько разных значений.

Например, в рекламе парфюма- *parfum « Belle de minuit » "Midnight Belle";*

Другой пример, la nuit tombe, les garçons aussi »;

автор использует двойную семантику, соединив два значения слова «падение», и создавая юмор: «наступает ночь (дословно- падает ночь, мальчики падают тоже».

Омонимия - это отношение между омонимами, то есть между словами языка, который имеет одинаковую устную и / или письменную форму, но разные значения.

Омонимия - это особый случай двусмысленности.

Например: *Maille qui t'aille » --банка консервированных огурцов, откуда идёт название " Maille и « t'aille » (я должен был).*

Две различные лингвистические единицы с одним и тем же звуком создают игру слов, основанную на феномене неоднозначности.

Намек - это фигура речи, которая используют разные стили-(аллюзия), или, предположительно, известные факты. Намек быстро вызывает в уме ассоциацию сходства между людьми, вещами, временем или местами, где проходят события.

Например:

«Сад молитвы. Ну, ешь сейчас! («Сад молитвы».) -масло);

Антитеза - это фигура речи, которая состоит из сближения внутри бинарной и сбалансированной синтаксической структуры, двух членов одной природы, которые семантически противостоят.

Например: «Гигантский мозг в крошечное тело (" Ерикссон "). В этом примере " гигантский " и «крошечное»- антонимы, которые используются для выразительности.

Во французском языке много живых выражений, визуальных инструментов, стилистических приёмов, которые делают рекламу интересной и притягательной.

Каламбуры, основанные на смеси языка и метаязыка: метаязык используется, чтобы полностью описать любое явление, объект, концепцию, метаязык используется только тогда, когда говорится о самом языке,

Гигантский «Шамбургси, о да!», *«Нам всегда нужен горох дома»*,
«Мичиган. Всегда вперед» (Садовая мебель);
«Пей или езжай, выбирай»;

Рифма - игра омофонии между повторными фонемами в конце предложений.

Ритм является характеристикой периодического явления, вызванного восприятием структуры в ее повторении. Ритм - это не сам сигнал или даже его повторение, а понятие формы или «движения», которое производит повторное восприятие и понимание.

«Хлеб, вино, бульон», *«Внеси фрукты в свою жизнь» (Андрос, варенье)*;
«Самые практичные полиэтиленовые пакеты» (мусорный мешок);
«Диффазур чистый и твердый» (Диффазур, бассейны);
"Коктейли фруктовые для летней жажды" (Качели, бокалы);
"Цветы желают тебе добра. Риполин" (Ripolin, Collyne Rapie);
«С 22 июня по 6 июля уйди от рутины с Артуром Боннетом» (Arthur Bonnet, кухни, бани);
"Откройте для себя кофейные зерна. Начни как любитель, пей как ценитель" (кофе "Жак Вабр"),
«Cararelli. Пока она поет «Италия» (Карапелли, масло оливкового),
«Жизнь комфортна! Многие модели диванов и кресел доступны» «Владей своим вторым домом» (Шербур-Турлавиль);
"Зорро прибыл. Без стресса" (РАТТ);

Во французской рекламе проявляется характер французского народа - чувство юмора и склонность к шуткам.

Пун - это устная игра слов, основанная на омофонии и многозначности.

«Форма, я сплю» как «Форма, я люблю это».
«Помни, позвони мне» - Телекоммуникации
«Это некрасиво, но это работает» - Драгоценная вода
«Завоевать сердце мира - сделай небо самым прекрасным местом на земле» - Air France.
«Когда у вас есть мозги, у вас есть Fiat Punto.» - Fiat Punto
Розовый мой любимый цвет, особенно когда это золото. - Драгоценные камни.
Бог сотворил женщину и сразу же за ней драгоценности. - Драгоценные камни.
Пришло время взять ваши ноги в руки. (реклама обуви)

Анализ периодической печати показывает, что каламбур часто используется в рекламных текстах (около 60% от общего объема производства периодического издания во Франции)

Основываясь на теории, а также на примерах многих рекламных текстов, можно сделать следующее выводы:

Для усиления эффекта от рекламы рекламодатели используют собственные наименования, имена известных людей, названия фирм и т. д.

"Выбор Анны Курниковой Omega Speedmaster сочетает в себе наряду с её замечательной характеристикой и исключительное часовое творение - модель Speedmaster. Спидмастер, смотри); с бриллиантовым вензелем, который она носит, только она - звезда тенниса Анна. Курникова преуспевает и в том, что прекрасно сочетает в себе обаяние, красоту и мастерство" (Омега "Творение Юбера, Изабель д'Орнано для Сисли" (Sisley, eau de parfum "Eau du Sisley") в данном примере мы видим оригинальный текст.

Однако психологи считают, что не всегда клиенты верят в то, что получают достаточную и полную информацию, чтобы принять решение, из источника, которым они пользовались. В этом случае они сами начинают искать необходимую им информацию, в соответствующих изданиях.

Потенциальный покупатель обрабатывает информацию, которая может (и должна) изменять его отношение к бренду. Эта реакция является результатом процесса логического рационального мышления и позитивной рекламы. После рекламной кампании, покупатель получает соответствующую информацию о продуктах, услугах или идеях и принимает решение.

Реклама, информирующая и активизирующая процесс рефлексии, называется "умственной" рекламой. Такую рекламу можно предложить тому, кто владеет иностранными языками:

"Пока-пока-пока монотонность",
"Из денег, обналеченных в Париже?" (Вестерн Юнион, перевод денег),
"Наф-наф, большой плохой взгляд."
"Собаки лают, Ли Купер идёт."
«Итальянский дизайн? Париж в Espace Saint-Honoré ».

Добавление в рекламу иностранных слов придает рекламе новизну, что делает её более привлекательной и современной, отражая тенденцию заимствования из иностранных языков, в первую очередь, английского языка. Рекламные сообщения могут вызвать чувства, которые в конечном итоге также влияют на отношение к продукту и поведение покупателя. Создаётся ощущение энергии, бодрости, радости, принадлежность к группе. Эти чувства будут связаны с брендом и производителем. Потому что эмоциональная реакция является положительной (понравилось) или отрицательной (не понравилось).

Литература

1. F. Bernheim. Guide de la publicité et de la communication, éditeur «Larousse», 2004.
2. Barthes Roland (1964), « Rhétorique de l'image », *Communications*, 4, p. 40-51.
3. Bougnoux Daniel (2001), *Introduction aux sciences de la communication*, 2e édition (1ère éd. 1998), Paris, Éditions La Découverte.
4. Burtenshaw Ken *et al.* (2012), *Les fondamentaux de la publicité*, traduit par Martine Desoille, 5. Laurence Richard, 2e édition (1ère éd. 2008), Singapour, Éditions Pyramyd.
6. Cathelat Bernard (2001), *Publicité et société*, Paris, Éditions Payot & Rivages (1ère éd. 1968 Éditions Payot).
7. Caumont Daniel (2012), *La publicité*, 3e édition (1ère éd. 2001), Paris, Dunod.

Периодические издания:

1. Le Nouvel Observateur №2284, №2240, №2243
2. Marie– Claire n°70
3. ELLE n°325, n°320
4. «Label France», n°56, n°57
5. Beaux Arts №283, №285
6. Psychologies №280, 281

УДК – 372.881.1

Формирование фонетических навыков речи как компонент коммуникативной компетенции на начальном этапе обучения иностранным языкам

Х. А. Упаева, Т.Т. Абдукадырова

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация: Данная статья рассматривает необходимые условия, способствующие формированию фонетических навыков младших школьников.

Важность данной статьи обусловлена тем, что делается акцент на детальном изучении фонетики, фонетических навыков иноязычной речи. Обучение произношению важно, так как его эффективность во многом определяет успех овладения устной речью.

Использование различных методов на занятии способствуют привлечению внимания и интереса обучающихся, а также активизирует познавательные процессы, такие как память, мышление, творческие способности.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, фонетические навыки, фонетическая зарядка, слухо-произносительные навыки

**The formation of phonetic skills as a component of communicative competence
at the initial stage
Of foreign language teaching**

Н. А. Ураева,
student of the Faculty
of Foreign Languages
Chechen State University
upaeva.h@yandex.ru
+7929 890 92 08

Т.Т. Abdukadyrova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Assistant Professor
at the Department of German
Language
Chechen State University
tumischa-univ@mail.ru
+7(928) 782 85 47

Abstract. This article examines the necessary conditions conducive to the formation of the phonetic skills of younger students.

The importance of this article is because emphasis is placed on a detailed study of phonetics, phonetic speech skills.

Learning pronunciation is important because its effectiveness largely determines the success of mastering oral speech.

The use of various methods in class contribute to attracting the attention and interest of students, and also activates cognitive processes, such as memory, thinking, and creative abilities.

Keywords: communicative competence, phonetic skills, phonetic charging, hearing skills

Согласно современным исследованиям, формирование фонетических навыков на раннем этапе обучения иностранному языку в школе является базовой характеристикой речи, а также основой для развития и совершенствования всех остальных видов речевой деятельности.

Правильное произношение - один из важных элементов культуры речи и общей культуры человека. Причиной неправильного восприятия иноязычной речи, зачастую являются нарушения говорящим фонетических норм языка.

Обучение произношению важно, так как его эффективность во многом определяет успех овладения устной речью. Корректное произношение подразумевает сформированность навыков артикулирования звуков и звукосочетаний, владение интонацией, а также правильную постановку ударения, согласно нормам изучаемого языка.

Начальный этап обучения иностранному языку является самым трудным и ответственным. От обучения на этом этапе зависит успех в овладении предметом на последующих. Для усвоения основ коммуникативной компетенции таких как: понимание иноязычной речи на слух выражение своего мнения посредством изучаемого языка (говорение), использование орфографии иностранного языка при выполнении письменных заданий, направленных на овладение чтением, устной речью, включая умение письменно излагать свои мысли – требуется продолжительный срок.

Работа над произношением учащихся начинается с первых уроков начального этапа, и распространяется на весь школьный курс обучения иностранному языку.

Начальный этап способствует правильному, в соответствии с нормами изучаемого языка, восприятию услышанного звукового образца, а также его адекватному воспроизведению. Если на начальном этапе не уделять этому должного внимания, впоследствии могут выработаться неправильные произносительные умения, от последствия которых будет очень трудно избавиться.

Далее следует отметить, что учащийся, который только начинает изучать иностранный язык, уже имеет в своем арсенале давно и прочно сложившиеся артикуляционные навыки родного языка.

По мнению специалистов, эти навыки не поддаются контролю со стороны говорящего. Подобное свойство их приводит к тому, что обучающийся, который только начал изучать иностранный язык при произнесении звуков другого языка невольно пользуется уже сложившейся артикуляционной базой родного языка, что несет с собой их искажение. Таким образом возникает интерференция.

Как известно интерференция возникает в результате взаимодействия разносистемных языков в процессе обучения иностранным языкам.

Интерференция наблюдается на начальном этапе обучения иноязычному произношению.

В фонологической системе при сопоставительном анализе различных языков выделяются следующие типы фонетической интерференции: недодифференциация, передифференциация, субституция, реинтерпретация, плюс-сегментация, минус-сегментация, редукция.

1. Первый тип интерференции – недодифференциация - связан с недостаточной дифференциацией различительных признаков фонологической системы изучаемых языков

Это явление объясняется тем, что происходит уравнивание дифференциальных признаков контактирующих языков (в нашей статье мы рассматриваем три контактирующих языка- немецкий, чеченский и русский языки).

Так, например, для немецкого и чеченского языков характерно различие гласных по долготе и краткости, открытости-закрытости, низкой-высокой тональности и т.д.

2. Передифференциация является следствием переноса различительных признаков первой или второй языковой системы на фонемы и фонетические явления изучаемого третьего языка, в котором этот признак иррелевантен.

Так, например, дифференциальный признак твердости-мягкости является избыточным в немецком и чеченском языках, а в русском языке служит для различения слов.

Интерферирующее влияние русского языка вызывает ошибки на смягчение немецких твердых согласных фонем, обусловленные избыточной интерференцией, иначе передифференциацией.

3. Фонетическая субституция - замена, подстановка обнаруживается при замене одной фонемы изучаемого языка тождественной ей фонемой родного или русского языков. Так, например, чеченско-русский билингв смешивает артикуляцию немецких альвеолярных фонем с чеченскими зубными, различающимися по месту артикуляции.

4. Сущность фонетической реинтерпретации состоит в том, что при восприятии звуков немецкого языка чеченско-русский билингв переразлагает дифференциальные признаки фонем, при этом вместо одной могут появиться две фонемы.

Частые ошибки учащихся, когда заменяют долгий немецкий звук дифтонгоидом, то есть звуком со скользящей артикуляцией.

1. Результатом фонетической интерференции может явиться увеличение или уменьшение числа элементов в сегменте, согласно которому различают плюс-сегментацию и минус-сегментацию.

Плюс-сегментация выражается в наращении звука иначе протезе гласного при сочетании согласных в начале слова.

Минус-сегментация является следствием сокращения количества звуков и фнемосочетаний, что обусловлено принципом экономии в фонетических явлениях. Вследствие этой интерференции в речи чеченско-русского билингва наблюдается выпадение согласного в начале, середине и в конце фнемосочетаний.

С целью предупреждения возникновения интерференции необходимо на основе сопоставительного анализа выявить трудности при усвоении фонологической системы изучаемого иностранного языка и распределить фонетический материал по принципу степени трудностей.

Если же интерференция все-таки появилась на фонологическом уровне, то необходимо использовать тренировочные упражнения, способствующие автоматизации тех или иных навыков.

В свете вышесказанного важно отметить, что все фонетические явления по степени их сложности по отношению к младшим учащимся можно разделить на три группы:

- а) явления, идентичные или почти идентичные явлениям родного языка
- б) явления, сходные в той или иной степени с родным языком.
- б) явления, не встречающиеся на родном языке.

Наиболее рациональны упражнения на сопоставления, противопоставления фонем и фонетических явлений как внутри самого немецкого языка, так и между родным и русским языками.

Таким образом, для предупреждения и преодоления фонетической интерференции в условиях чеченско – русского билингвизма необходимо создание специального комплекса упражнений, разработанного на основе сопоставительного анализа фонетико-фонологических систем всех контактирующих языков с учетом особенностей их произносительного навыка.

Мерой по преодолению возникшей интерференции будет служить применение осознанного анализа и объяснения причин произносительных ошибок.

Как было выше отмечено, в процессе обучения правильной артикуляции необходимо учитывать те трудности, которые возникают у учащихся начальных классов в связи с особенностью фонетической системы иностранного языка по сравнению с системой родного языка и описание методов артикуляции должно быть дано в отношении только тех звуков, артикуляция которых значительно отличается от родного языка.

Слухо-произносительные упражнения должны быть активными, и для этого они должны сочетаться с конкретными заданиями, фокусируя все внимание обучающихся на определенном фонетическом явлении.

Литература

1. Величкова Л. В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 2002. - 197с.
2. Зарецкая Е.В. Практическая фонетика немецкого языка. - М.: Эксмо, 2008. – 327с., [- (Fremdsprache: Schritt für Schritt) (Deutsch).
3. Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка: учебное пособие для студентов вузов, - М.: Академия, 2003. – 156с.

УДК 81

Основные проблемы исследования и особенности глаголов с адвербиальным значением в английском языке

Тасуева С.И., Белхароева З.Х.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация. В статье дан ретроспективный анализ семантико- стилистических представлений о глаголах различных семантических классов способных заключать в своем значении признаки обстоятельственной характеристики действия, а также рассмотрены актуальные проблемы исследования возникновения и взаимодействия основных внутрилингвистических и внелингвистических факторов адвербиальности глагольных лексем. Исследование проведено на основе трудов отечественных и зарубежных авторов посвященных вопросам адвербиализации глагольных лексем, взаимодействия адвербиальных глаголов с другими единицами языка, возникновения и взаимосвязи факторов, обуславливающих адвербиальность как в целом, так и причинам их появления в частности. Исследование проводится на материале английского языка, иллюстративный материал получен эмпирически в процессе исследования англоязычных источников.

Ключевые слова: адвербиальный; глагол; единица языка; лексико-семантическая характеристика; лексико-синтаксическая характеристика; семантика.

BASIC PROBLEMS AND FEATURES OF VERBS WITH ADVERBIAL SIGNIFICANCE IN THE ENGLISH LANGUAGE

S.I. Tasueva,
candidate of philological science,
associate professor of English language Department
Chechen State University
Grozny

Z.H. Belkharoeva
Undergraduate of the faculty
of foreign languages
the Chechen State University

Abstract. In the article the retrospective analysis of semantic and stylistic ideas about verbs of various semantic classes capable to conclude in the value signs of the detailed characteristic of action is given, and also the actual problems of research of occurrence and interaction of the basic intra-linguistic and extra-linguistic factors of adverbiality of verbal lexemes are considered. The research was carried out on the basis of the works of domestic and foreign authors devoted to the issues of adverbialization of verb lexes, interaction of adverbial verbs with other units of the language, the emergence and interrelation of factors that determine the adverbiality as a whole, and the reasons for their appearance in particular. The research is conducted on the basis of the English language material, the illustrative material is obtained empirically in the process of research of English-speaking sources.

Key words: adverbial; verb; unit of language; lexico-semantic characteristic; lexico-syntactic characteristic; semantics.

Российская и иностранная лингвистика давно уделяют большое внимание глаголам различных семантических классов, которые способны детально описать действие в двух признаках: действия и его обстоятельствах. Характеризуя эту особенность, в английском языке применяется термин «адвербиальный», то есть термин «наречие».

Анализируя особенности возникновения и взаимодействия адвербиального глагола с другими единицами языка, ученые рассматривают его с позиций лексико-семантических и лексико-синтаксических характеристик. Системный характер словарного запаса языка проявляется во взаимосвязи определенных групп слов, объединенных общим набором значений. Такие словосочетания называются лексико-семантическими парадигмами, а семантические отношения между членами парадигмы называются парадигматическими отношениями. Лексико-синтаксические характеристики раскрывают способ словообразования, закономерности появления новых слов. Словообразующая система, как и лексическая, характеризуется неоднозначными, одноименными и синонимичными отношениями. Парадигматические отношения являются прямым следствием системности языка, они объединяют языковые единицы в группы, категории, а синтагматические отношения связаны с линейностью речи.

Исследованию феномена «адвербиальности» посвятили свои работы многие авторы. В частности, В.В. Виноградов (1960), Е.С. Истрина (1960), Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман (1970), М.М. Бахтин (1975), О. Д. Мешков, 1976; Д.И. Арбатский, 1977; Х.Х. Салиев, 1985; Л. Н. Цикалова, 1987; С. Д. Кацнельсон, 1988; И.З. Демьянков, 1995; Ю.Д. Апресян, 1995; И.В. Игнатова, 2004; Е. А. Градалева, 2015; В. Н. Бышкина, 2016, а также многие другие.

Первоначально способность значений некоторых глаголов характеризовать одновременно два признака была воспринята как одна из проблем лексикографии. Впоследствии, многие исследователи посвятили свои работы выделению определенной группы глаголов, которые включают в себя семы действия и характеристики обстоятельств в контексте.

В частности, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман, обращают внимание на то, что в сочетании с предложным дополнением или обстоятельственным словом значения некоторых глаголов способны приобретать дополнительный признак, дающий характеристику действия. Ученые выделяют две группы таких глаголов. К первой группе относятся глагольные лексемы, которые устоялись в речевом обороте и имеют широкое применение, зачастую в виде фразеологизмов, ко второй - созданные индивидуально [4]. Примером глагольных лексем первой группы являются: «*to cry oneself to sleep; to bow somebody out of the room; to struggle into one's coat; to assist somebody, into a coat* (плакать, чтобы заснуть; прогнать кого-то из комнаты; влезать в пальто; помогать кому - то, в пальто)».

«*He struggled into his coat and drove to the Gibsville club* - Он влез в пальто и поехал в Гибсвилльский клуб» [10];

«*He struggled into his bathrobe* - Он с трудом натянул халат» [9];

«*We rumbled slowly into a land of little wooded glens* - Мы медленно грохотали в стране маленьких лесных долин» [8].

Среди глаголов созданных индивидуально выделяют группу уже вошедших в язык (*to steam into, to puff up*), и группу новых, создаваемых по образцу уже известных (*he prodded the cigarette to death on the ashtray*). По мнению исследователей, индивидуальное употребление в основном характерно для художественной литературы, что может объясняться особенностями стиля писателей [4].

В исследовании И. В. Сентенберга, глагольные лексемы с особой сложностью семантической структуры подразделяются на три семантических типа - субъектные, объектные и адвербиальные (наречные) [6].

Отметим, что в предложениях с субъектным инфинитивным оборотом, глагол имеет непосредственную логическую связь с подлежащим (субъектом), откуда и происходит его название. Говоря проще, глагол называется субъектным, если он связан только с подлежащим и не имеет дополнения, если же за ним стоит дополнение то глагол называется объектным, то есть, действие непосредственно переходит на объект. Например:

1. Глагол-предикат обозначает действие или состояние, относящееся к подлежащему:

He is known to come tomorrow - Известно, что он придет завтра.

She was said to be ill at the moment - Говорили, что в тот момент она была нездорова.

2. Действие глагола-предиката непосредственно переходит на объект:

I read newspapers every day - Я читаю газеты каждый день

А. А. Уфимцева в работе выделяет уже три типа признаков усложняющих сему глагола: действие, обстоятельства действия и время действия. Автор отмечает, что это явление присуще английскому языку и определяет такие лексемы как «глаголы с семантическими признаками, включенными в номинацию [7].

В целом можно отметить, что в зависимости от семантических или грамматических особенностей сложилось несколько различных подходов к семантизации «адвербиальности» глаголов: синтаксический подход, синтаксически-семантический, семантико-сопоставительный.

Сторонники синтаксического подхода определяют феномен адвербиальности как строго синтаксическую проблему, а адвербиальность глаголов проявляется, когда они находятся в определенном контексте.

Точка зрения приверженцев синтаксически-семантического подхода основана на теории падежной грамматики. Теорию падежной грамматики сформулировал американский лингвист Ч. Дж. Филлмор в конце 1960-х годов в рамках теории трансформационной порождающей грамматики. В последней формулируется система правил, определяющих, какая комбинация слов оформляет грамматически правильное предложение. В рамках этой теории, феномен адвербиальности рассматривается как случай включения (инкорпорации) в семантическую структуру актантов, а иногда даже сирконстантов.

Отметим, что термины «актант» и «сирконстант» впервые предложил французский лингвист Л. Теньер в 1930-х годах [11]. Они введены с целью более детального раскрытия таких понятий как «дополнение» и «обстоятельство». Само по себе слово «актант» обозначает активный, значимый участник ситуации. Речевая структура актанта дополняет семантическую или синтаксическую валентность предиката, всегда сопровождает его. Его пропуск возможен только в ограниченных случаях и в соответствии с определенными требованиями. Сирконстанты дают различные характеристики обстоятельству, представляемых главным словом, но в отличие от актанта, как участник ситуации не отражается в толковании глагола.

Сторонники «семантико-сопоставительного» подхода считают адвербиальность самостоятельным семантическим явлением. При этом, не принимаются во внимание условия синтаксического характера и учитываются только особенности структуры значения рассматриваемых лексем.

Подводя итог, можно отметить, что вместе с изменением условий жизни и деятельности носителей языка, меняется и развивается английский язык. Накопление первичного материала по формированию и функционированию адвербиальных глаголов, их стилистических характеристик, семантической классификации, их морфологических категорий и закономерностей взаимодействия глаголов во всей языковой системе и т. п., стало основой для изменения взглядов и подходов исследователей к проблеме адвербиальности.

Эволюция взглядов от восприятия феномена «адвербиальности» как лексикографического «недоразумения» происходит до выделения целого класса глагольных лексем, которые являются самостоятельным объектом исследования. Классификация адвербиальных глаголов в настоящее время включает глаголы движения и жизнедеятельности, изменения в состоянии и коммуникации, устремления и потребления, познания и созидания, статические глаголы, глаголы, обозначающие эмоции и явления природы, восприятия, контактные и социального взаимодействия и префиксальные глаголы.

Тем не менее, многие вопросы еще не были полностью изучены или рассмотрены. Так, И.В. Игнатова в своей работе отмечает, что остаются неясными вопросы, связанные с механизмом адвербиализации сем значения глагола, а также вопросы упорядоченности структуры адвербиальных сем. Также автор отмечает необходимость дополнительного исследования стилистических особенностей функционирования адвербиальных глаголов в тексте и их группировки по семантическим классам [3].

Ц. Д. Бидагаева отмечает необходимость системного исследования взаимосвязи адвербиальных значений с глаголом-предикатом в пропозициональной структуре предложения с точки зрения временных характеристик [1].

В своем исследовании Л. М. Зиннатулина отмечает необходимость рассмотрения возможности сохранения адвербиальности значений лексем на межъязыковом уровне на основе изучения параметров механизма адвербиализации [2].

Таким образом, изучение лексических и семантико-стилистических особенностей функционирования английских адвербиальных глаголов остается актуальным и сегодня.

Литература

1. Бидагаева Ц. Д. Темпоральные адвербиалы в английском предложении: Языковой процесс формирования смысла / Ц. Д. Бидагаева - Улан Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004 187 с.
2. Зиннатулина Л. М. Адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках Дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. М. Зиннатулина.- Казань, 2013 191 с.
3. Игнатова И. В. Английские адвербиальные глаголы в словаре и тексте: Дис. канд. филол. наук: 10.02.04/ И.В. Игнатова.-Тула, 2004 201с.
4. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. /Т.Р.Левицкая, А.М. Фитерман// М.: Изд-во лит. На иностр. Языках, 1963 – 264 с.
5. Салиев Х. Х. Глаголы с адвербиальным значением в современном английском языке : диссертация .. кандидата филологических наук : 10.02.04 /Х.Х. Салиев - Москва, 1977. - 149с.
6. Сентенберг И. В. Лексическая семантика английского глагола: Учеб. пособие к спецкурсу/ И. В. Сентенберг.// - М.: МГПИ, 1984. - 96 с.
7. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка/А.А.Уфимцева - М.: Наука, 1968 - 272 с.
8. Buchan J. The Thirty-Nine Steps/ J. Buchan- North Charleston, Create Space Independent Publishing Platform, 2011.- P. 122.
9. Cronin A.J. The Northern Light / A.J.Cronin-N.Y, Little, Brown, 1958.-P.254.
10. O'Hara, J. Appointment in Samarra / J. O'Hara- N.Y.: Vintage, 2003.- P.320
11. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20623> [Электронный ресурс]. Дата обращения 01.11.2019г.

УДК 81-25

Имя прилагательное в составе фразеологизмов английского и русского языков (с использованием материала чеченского языка)

Даниева А.С.

Чеченский государственный педагогический университет г.Грозный, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются фразеологизмы английского и русского языков, в которых представлены имена прилагательные. Предлагается распределение фразеологизмов по группам в соответствии с наличием или отсутствием эквивалентов в других языках. В работе приводится множество примеров английских, русских и чеченских фразеологизмов, которые являются полными или частичными эквивалентами друг другу.

Ключевые слова: имена прилагательные, фразеологизмы, разноструктурные языки, стилистика, стилистическая окраска, этимология, эквиваленты.

**Adjective name in phraseological units of English and Russian languages
(using material from the Chechen language)**

A. S. Danieva
Russia, Grozny
Chechen State Pedagogical University

Abstract: The article discusses the phraseological locutions of the English and Russian languages in which the adjectives are represented. The author proposes distribution of phraseological units into groups in accordance with the presence or absence of equivalents in other languages. The work contains many examples of English, Russian and Chechen phraseological units, which are full or partial equivalents to each other.

Key words: adjectives, phraseological locutions, multi-structural languages, stylistics, stylistic nuance, etymology, equivalents.

Каждому народу свойственны специфичные для него культурологические смыслы, которые помогают создать исключительную систему ориентированности в быстро развивающемся обществе. В лингвистике имя прилагательное всегда вызывало напряженное внимание как у отечественных, так и у зарубежных ученых (Е.М.Вольф, Е.Д.Арбатская, Е.В.Рахилина). Современная лингвистика все больше интересуется развитием концептуализации и категоризации окружающего мира и средством их репрезентации.

За всю историю своего существования английский язык накопил в себе много актуальных и феерических выражений. Таким образом сформировалась фразеология – группа константных оборотов, обладающая самостоятельным значением.

Фразеология изучает множество примеров, взаимосвязанных с сочетаемостью выражений. Благодаря своим признакам метафоричности, экспрессии, целостности делая обыденный язык гораздо интересней и богаче по содержанию. Вот почему фактически все современные поэты того времени, начиная с эпохи Гомера, применяли устойчивые выражения для создания колорита и стилистической окраски своих произведений.

Благодаря устойчивым выражениям, с отсутствием буквального перевода, повышается общеэстетический аспект языка.

Начало зарождения устойчивых оборотов в английском языке разнообразно.

Устойчивые обороты английского языка делятся на два класса: приобретенные и изначально английские устойчивые обороты, авторы большинства из них неизвестны. Например: *bite off more than one can chew* - *взять в рот больше, чем можешь проглотить, то есть взяться за непосильное дело; не рассчитывать своих сил, орешек не по зубам, дело не по плечу*; *have a bee in one's bonnet* - *носиться с какой-либо идеей, быть помешанным на чём-либо*.

Библия - один из главных источников происхождений фразеологических оборотов, обогатившая фразеологизмами множество языков мира.

О колоссальном воздействии переводов Библии на фразеологизмы упоминалось не раз.

К устойчивым выражениям, употребляемым в современном английском языке, библейское начало которых прочно закреплено, относятся нижеперечисленные:

the apple of Sodom - *красивый, но гнилой плод*;

the beam in one's eye - *обманчивый успех*;

the blind leading the blind - *слепой ведёт слепого*.

Возникновение большинства фразеологизмов связано с традициями, повседневным бытом, с некоторыми историческими фактами, а также значительная часть возникновения английского фразеологического фонда уходит в корень к художественно-литературным произведениям.

Так же источником зарождения фразеологизмов являются произведения знаменитого английского классика Уильяма Шекспира. Наиболее распространенными из них считаются следующие:

"Macbeth"

To win golden opinions - *заслужить лестное мнение о себе*;

"Othello"

trifles light as air – *ничтожные пустяки*;

curled darlings – *золотая молодёжь*;

moving accidents – *волнующие события*.

Идиомы английского языка подразделяются на два типа:

- идиомы имеющие аналоги в чеченском и русском языках;

- идиомы не имеющие аналогов.

Фразеологические единицы можно разделить на следующие категории:

1. Постоянное соотношение, являющееся исключительно возможным переводом, не зависимым от ключевого понятия. Такой способ перевода Я. И. Рецкером упомянут как «эквивалентный» в публикации, в которой был поставлен вопрос о закономерных соответствиях при переводе на родной язык [Рецкер, 1950]. В некоторой степени всякое равноценное сходство есть аналог, в такой ситуации, указанный вариант перевода уместно расценивать как моноэквивалентный.

Подобные соответствия происходят в результате буквального перевода фразеологизмов английского языка. Например:

time is money - *время-деньги*;
to dance to somebody's tune - *танцевать под чью-либо дудку*;
blue blood - *голубая кровь*;
as white as chalk - *белый как мел*;
dark horse - *темная лошадка*;
white lie - *невинная ложь*.

2. Также допустимо использование нескольких вариантов употребления английских идиом в русском эквиваленте с последующим их выбором, более подходящим по смыслу. Такие эквиваленты называются выборочными [Кунин, 1964].

Например, рус. - *рукой подать*:

- 1) пространственное значение – *близко*;
- 2) временное значение – *близко (до начала спартакиады рукой подать)*;
- 3) значение места – *сейчас же (сейчас же - близко за околицей начинаются луга)*.

I. Абсолютными аналогами можно назвать русские аналоги, являющиеся моноэквивалентами английских фразеологизмов. Как правило, совпадают они по смыслу, синтаксической функции, по словарному составу, экспрессивности. Аналогичных сходств мало, к такой категории принадлежат устойчивые обороты фундаментального характера, возникшие из исторических событий, священных писаний, мифических сказаний.

Сравнения:

as bold (brave) as a lion – *кроткий (храбрый) как лев*;
as free as a bird – *свободный как птица*;
as cunning as a fox – *хитрый как лиса*;
as busy as a bee – *трудолюбивый как пчелка*.

II. Неполные аналоги – включают в себя синтаксические, словарные, лексико-грамматические несоответствия, присутствие идентичного понятия одной и той же стилистической целенаправленности. Благодаря этому по уровню сложности перевода неполный аналог равноценен полному аналогу.

Неполные аналоги распределяются на следующие категории:

- частичный лексический эквивалент, А.В.Кунин, как и В.Н.Комиссаров, подразделяют их на две подгруппы:

1. Русские аналоги английских фразеологизмов, синонимичные и по стилевой направленности, и по семантике, близкие по характеру и экспрессивности, но незначительно отличающиеся по лексическому составу.

Например:

light as a feather - *легкий как перышко*;
put by for rainy day - *отложить на черный день*;
as white as a glost - *белый как полотно*;
black as a crow - *черный как сажка (вороново крыло)*;
look rosy - *иметь здоровый вид*;
a bit of blue sky - *луч надежды*;
red blood – *мужество*;
like blue murder - *со всех ног*.

А также некоторые пословицы.

No sweet without sweet - *Не вкусив горького, не видать и сладкого*.

Lovely weather for ducks! - *У природы нет плохой погоды!*

2. Русские эквиваленты английских фразеологических единиц, совпадающие с ними по значению, по стилистической направленности, но разные по образности. В.Н.Комиссаров называет такое явление аналогом. Примером могут служить следующие обороты:

to be born with a silver spoon in one's mouth - *родиться в сорочке*;
there is no royal road to learning - *в обучении нет королевской дороги*;

the dog that fatches will carry - *тот, кто сплетничает с вами, будет сплетничать о вас*;
if there were no clouds we should not enjoy the sun - *если бы не было туч, то мы не ценили бы солнца*.

К частичным грамматическим эквивалентам относятся чеченские (русские) аналоги английских фразеологизмов, идентичных по смыслу, по словарному составу, образности и грамматической конструкции, но различающихся числом, в котором присутствует существительное, или порядком слов.

Расхождение в числе:

fish in troubled waters - *ловить рыбу в мутной воде*;

play in somebody's hands - *играть на руку*.

В данном контексте waters употреблено во множественном числе, хотя water является неисчисляемым существительным. Слово hands употреблено во множественном числе, хотя правильное было бы употребить hand.

Несоответствие в расположении слов:

a hungry fox dreams about chicken - *голодной лисе все куры снятся*;

strike while the iron is hot - *куй железо, пока горячо*.

3. Текстуальный перевод фразеологизмов при наличии полного или неполного аналога.

Константные сопоставления терминов периодически необходимо переводить буквально, вопреки наличия полного или неполного эквивалента. Такого типа перевод имеет значимость, когда образ, заключающийся во фразеологизме, необходим для восприятия текста, а замена его другим не дает существенного результата. Например:

the lion's share - *львиная доля*;

love me – love my dog - *любишь меня – люби и мою собачку (т.е. все, что со мной связано)*;

crawl along like a turtle - *ползти как черепаха*.

В анализируемых нами генетически неродственных, структурно-различных, неконтактных языках, какими являются английский, чеченский и русский языки, фразеологические единицы с прилагательными представляется возможным выделить в особую группу, поскольку они образуют активный участок в исследуемом фразеологическом материале.

Рассматривая отдельно чеченскую фразеологию, можно наблюдать выразительно-образительный характер семантики, т.е. глубочайший смысл, который представляется в виде этических, нормативных, интеллектуальных, эмотивных, квалификативных оценок описываемого предмета, с точки зрения экспрессивно-эмоционального аспекта.

Приложение

Фразеологизмы, являющиеся полными эквивалентами в русском, английском и чеченском языках:

Фразеологизмы полностью совпадающие в исследуемых языках:

Hungry as a hunter - *Голодный как волк (букв. «Голодный как охотник»); - чеч. (Борз санна меца).*

Black as coals - *Черные как угольки (обычно о глазах); - чеч. (Клора санна лаьржа).*

A family tree - *Семейное дерево; - чеч. (Тайпанан га).*

A swan - song - *Лебединая песня; - чеч. (Глурглезан илли).*

A royal welcome - *Королевский прием; - чеч. (Паччахь санна теллацар).*

A silly goose - *Гусь лапчатый (разг. «Простофиля, простак»), (букв. «Глупый гусь»); - чеч. (Глаз санна ловдала).*

To live like a cat and a dog - *Жить как кошка с собакой - недружно, в постоянной ссоре; - чеч. (Цициг а, жлала а санна. Борз-газий санна - «как волк-коза»).*

Фразеологизмы частично совпадающие по семантике в русском, английском и чеченском языках:

A fine gesture - *Красивый жест; - чеч. (Хаза гиллакх).*

Black ingratitude - *Черная неблагодарность; - чеч. (Баркалла хир доцу хума).*

As white as chalk - *Белый как мел; - чеч. (Пен санна клай).*

Black as a crow - *Черный как ворон; - чеч. (Къиг санна лаьржа).*

A crying shame - *Вопиющая несправедливость; - чеч. (Инзаре харцо).*

A rainy day - *Черный день; - чеч. (Доьхна де).*

A heart of stone - *Каменное сердце; - чеч. (Тлулган дог долуш, кийрахь дог доцуш).*

A wasp waist - *Осиная талия; - чеч. (Зингатан гюдаюкъ - ютка, оьзда, хадда йоллуш, сай санна).*

Thin as a rake - *Худой как спичка - (букв.: «Худой как грабли»); - чеч. (Сирник санна вакъавелла).*

- A mother's boy, darling - Маменькин сыночек; - чеч. (Нанин, Нукка, Нуькка - ледара, осала бер, вуо Iамийна).
- Raraavis - Белая ворона (букв.: «Редкая птица»); - чеч. (Къорза къиг санна).
- Blue blood - Голубая кровь; - чеч. (Эли). Оьздачу нахах схъаваьлла - «из благородных людей произошёл» - о человеке знатного происхождения, авторитетной семьи и т.п.
- All cats are grey in the dark - Ночью все кошки серы; - чеч. (Берш цхъаь бу, обычно о людях).
- A half-baked idea - Сырая идея; - чеч. (Кхолаелла ойла).
- Prove that black is white - Выдавать белое за черное (одно за другое); - чеч. (Iаьржа дериг кIайн ду олуьк цо).
- An old flame - Старая любовь; - чеч. (Ширбелла безам).
- Mirtal grip - железная, мертвая хватка; - чеч. (берзан ка).
- Red as blood - красный как кровь (кровоаво - красный); - чеч. (Дал санна цIен, цIарула цIен).
- A bitter pill - Горькая пилюля; - чеч. (Къаьхъа кад).
- An ugly duckling - Гадкий утенок; - чеч. (Буса гIенах ма гариг - гIех ирча, сурт, сибат).
- Cold war - Холодная война; - чеч. (герзанца боцу тIом).
- Like blue murder - Со всех ног; - чеч. (Са хъадда, хъуьхъ воьлла).
- A heart of gold - Золотое сердце; - чеч. (Дог кIеда долуш).
- A fair wind - Попутный ветер; - чеч. (Некъ дика хуьлда).
- A knowing old bird - (букв. «Знающая старая птица») - стреляный воробей; - чеч. (Лелла борз).
- Look gony - Иметь здоровый вид; - чеч. (Ялмане бос лепаш).
- A hard nut to crack - Крепкий орешек; - чеч. (Добналла долуш).
- A heart of gold - Золотое сердце - чеч. (Дог кIеда долуш).
- A heart of stone - Каменное сердце; - чеч. (Кийрахъ дог доцуш, тIулган дог долуш).
- Red as blood - Красный как кровь (кровоаво - красный); чеч. (Дал санна цIен: цIарула цIен).
- Like blue murder - Со всех ног; - чеч. (Са хъадда, хъуьхъ воьлла).
- White lie - невинная ложь; - чеч. (Къа доцу пуйташ: харцдерг).
- Yellow as a guinea - Желтое как лимон (обычно о лице); - чеч. (Макхвелла).
- To be in black books - Быть в черном списке; - чеч. (Даг тIера воьжна).
- A bit of blue sky - Луч надежды; - чеч. (Дикане сатийсар).
- A hard nut to crack - Крепкий орешек; - чеч. (Деналла долуш).
- A sore subject - Большой вопрос - (букв.: «Большой вопрос»);- чеч. (Лазаме хIума).
- A black sheep - «Паршивая овца», позор семьи - (по старому поверью считалось, что черная овца отмечена печатью дьявола). Фразеологизм является частью пословицы There is a black sheep in every flock, что в русском языке звучит как «В семье не без урода»; - чеч. (Воцчо велар эр доцуш).
- A gold-mine - золотое дно (жила); - чеч. (Дашо бух болуш, дашо хIонс (прибыль)).
- A land of milk and honey - Молочные реки, кисельные берега; - чеч. (Дуьненан ялмане).
- В рассматриваемых языках практически отсутствуют фразеологизмы, имеющие полное лексическое совпадение во всех трех языках:**
- A dead language - Мертвый язык
- A blue-stocking - Синий чулок.
- A Golden Jubilee - Золотой юбилей.
- The gold mountain - Золотые горы.
- White witch - Добрая волшебница.
- A sucked orange - Выжатый лимон.
- To promise the moon - Обещать золотые горы. (букв.: «Обещать луну»).
- A man of big heart - Человек с большим сердцем, великодушный.
- Вставать с левой ноги - To get out of the bed on the wrong side. (букв.: «Вставать не с той стороны кровати»).
- See through rose-coloured glasses - Смотреть сквозь розовые очки.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л., 1989.
2. Байсултанов Д.Б. Чеченско-русский фразеологический словарь. - Грозный, «Книга», 1992. - 320с.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997. 411 с.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. - М., 2001.
5. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. - М., 1990.
6. Кунин А.В. Английская фразеология. Теоретический курс. - М., 1981

УДК 81

Структурные и функциональные особенности пословиц и афоризмов

Тасуева С.И., Ларсанова А.И.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация. В статье рассмотрены основные структурные и функциональные особенности пословиц и афоризмов на материале английского и русского языков. Выявлены основные грамматические признаки, такие как временная форма, наличие определенных частей речи и артиклей. Показаны способы корреляции английских и русских пословиц и афоризмов, путем сопоставления различных конструкций. Как показывает анализ, пословицы и поговорки являются формой выражения мысли, которые раскрываются путем использования грамматических структур и выразительных средств языка.

Ключевые слова: пословица, афоризм, метафора, смысл, грамматическая конструкция.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS
OF PROVERBS AND APHORISMS

S.I. Tasueva,
candidate of philological science,
associate professor of English language Department
Chechen State University
Grozny
L.I. Larsanova
Undergraduate of the faculty
of foreign languages
the Chechen State University

Abstract. The article considers the main structural and functional features of proverbs and aphorisms on the material of English and Russian languages. The basic grammatical features, such as the temporary form, the presence of certain parts of speech and articles are revealed. Correlation methods of English and Russian proverbs and aphorisms are shown by comparing various designs. As analysis shows, proverbs and sayings are a form of expression of thought that is revealed through the use of grammatical structures and expressive means of language.

Key words: proverb, aphorism, metaphor, meaning, grammar construction.

Рассматривая грамматическую организацию афористических и пословичных текстов, можно классифицировать грамматические категории в английском и русском языках. В грамматике выделяют узкое осмысление (феномен внутренней структуры в определенной части речи: для имени существительного, к примеру, категория числа) и широкое (часть речи) осмысление грамматической категории [9]. В данной статье нами рассматривается узкое понимание грамматической категории.

У пословиц есть характерные грамматические признаки, позволяющие различать этот класс выражений с точки зрения формальной основы.

Пресловутой пословицей является человек, который показывает свой более высокий статус, как закалённый жизнью носитель нравственных норм социума. В.И. Карасик обозначает такие характерные особенности пословиц: 1) своевременная атрибуция; 2) универсальность наречий, местоимений, отрицаний; 3) контраст; 4) употребление риторических вопросов [7].

К примеру, в пословице «Все любят добро, да не всех любит оно» своевременная отнесенность выказывается в текущем времени глагола «любить». Мы проанализировали два типа

высказываний – это пословица и афоризм, поскольку афоризмы, с одной стороны, являют собой обобщающие высказывания, с другой стороны – это типичные высказывания с известным автором, которые употребляются в художественной литературе.

Обратите внимание, что для обозначения особенностей грамматической направленности афоризмов и пословиц необходимо учитывать семантический аспект грамматических категорий. Материалом изучения послужили тексты английских и русских пословиц и афоризмов.

Так, задача данной статьи в том, чтобы выявить характеристики грамматических категорий в рассматриваемых текстах обоих языков. Нам это интересно, в связи с ясным разграничением современного английского языка на две области: язык литературный и язык разговорный. Везде, и особенно в грамматическом строе предложений, эти две области представлены различными языковыми структурами.

Специфика грамматической структуры рассматриваемых текстов является источником их появления. Существует несколько источников: высказывания из Библии; заявления, которые приходят от людей. В настоящее время имеется несколько собраний пословиц, датируемых XII веком. Большинство пословиц из этих коллекций, используются в современном английском языке:

«Threats don't spear» - «Угрозы не сабли» [1, с. 76].

В этом отношении у пословиц есть необычная структура, с точки зрения грамматики. Нередко они показаны в архаичном строении. Но не стоит забывать, что пословица - это общее утверждение.

Рассмотрение английских и русских пословиц и афоризмов предполагает, что для обобщения пословиц и афоризмов более характерна структура подачи в текущем времени. Есть суждение, что центральная временная форма в предложениях сакраментальной природы - это настоящее неопределенное время, реализующее ценность вневременности, вечной истины, которая отличает такие предложения, наравне с другими средствами обобщения, характером универсальности.

В английском языке настоящее время в определенной степени захватывает моменты и будущего времени, и прошлого. Форма данного времени несет характер вне времени, показывая устойчивые поступки субъекта, поэтому он считается одним из необходимых атрибутов таких высказываний.

В русском фольклорном языке настоящее неопределенное время используется с той же целью. Такое использование его в литературном языке происходит под воздействием разговорной речи. К примеру, «С тем, с кем хлеб-соль водишь, на того и походишь» [2, с. 56].

Следовательно, временные формы полностью соответствуют основному значению. Афористические тексты и пословицы отличаются предельным обобщением, формулировкой положений, которые носят регулярный характер. Отсюда использование самой крайней, немаркированной формы, которая передает не локализацию во времени.

Так, в разговорной речи или в стиле, приближенным к ней, в соответствующих языках происходит частичное совпадение использования настоящего времени [10].

Анализ рассматриваемых высказываний показал, что с точки зрения будущего времени английские и русские афоризмы используют примерно в одинаковых долях. Таким образом, план будущего времени не может быть формальным индикатором обобщения.

В речи акт, выраженный глагольной формой, не считается отделенным от его носителя. Связь между действием глагола и его носителем, действующим в роли субъекта, происходит при помощи координации через категорию числа персоны. Наш анализ показывал, что особая форма третьего лица более характерна как для универсальных утверждений, так и для рядовых текстов в обоих языках. Существенная часть текстов оформлена в форме третьего лица множественного числа. Исходя из этого, напрашивается надлежащий вывод: категория числа не показатель обобщения.

Рассмотрение субъектно-предикативной формы разбираемых текстов показало, что использование обобщения облегчается использованием лексикона без стилистической окраски отвлеченного содержания в качестве субъекта и предиката узкого высказывания. В качестве темы в обобщающих утверждениях выдаются:

1) существительные абстрактные, что показано в теме афоризмов и пословиц философского или морально-этического содержания:

«Absurdity is a clear argument that establishes its boundaries» - «Абсурд - это тот довод, который устанавливает свои рубежи» [12, с. 108].

В данном примере существительное *absurd* имеет отвлеченный смысл.

2) имена существительные, одушевленные, которые называют группы людей одного возраста, одного пола, с одними морально-этическими принципами, занятых одним делом: *person* - личность, *hero* - герой, *government* - правительство и т.д. К примеру,

«The person who encroaches on his life testifies not so much to the strength of his spirit as to the weakness of his nature» - «Тот, кто посягает на свою жизнь, доказывает не столько силу духа, но и свою слабость» [12, с. 30].

В универсальных утверждениях доминируют существительные абстрактные, которые больше подходят выраженным ценностям морально-этического плана. Разбор материала говорит о том, что в большинстве случаев, когда герой афоризмов и пословиц передан в виде существительного абстрактного или герундия, используется номинальный предикат, который представлен глаголом-связкой *to be* и существительным с прилагательным:

«Time is a great teacher» - «Время - великий учитель» [1, с. 96].

В дополнение к интерпретации абстрактных понятий о любви, смерти, счастье, жизни и т. д., пословицы и афоризмы передают оценку людей и их действий. Семантическим центром таких высказываний являются существительные, а предикат, показывающий действие представлен вербальной группой [6].

Применение неодушевленных существительных случается с использованием метафор:

«Only the mountains never meet» - «Только горы никогда не сталкиваются» [12, с. 48].

Малое использование неодушевленных существительных в таких высказываниях объясняется лексическим смыслом таких существительных, которые не подходят для формулирования общих истин.

При описании персонажа, человека, события, факта на уровне обобщения в высказывании случается их корреляция с аналогичными явлениями. Например,

«The husband, like the government, should never admit an error» - «Муж, как и правительство, никогда не признает ошибку» [12, с. 74].

Существительное *husband* служит для обозначения общего понятия и играет роль отдельного класса, о чем свидетельствует и наречие *never*, как маркер обобщения.

В английском языке корреляция осуществляется с помощью определенного артикля. Согласно данным, приобретенным при анализе английских афоризмов, можно говорить о том, что при обобщении существительных употребляется артикль *a/an* для единственного числа, или артикль *the* для множественного числа, по правилам грамматики английского языка.

В русском языке объединенная природа рассматриваемых текстов видна при использовании абстрактных существительных единственного и множественного числа, и в отдельных неодушевленных предметах в единственном числе.

К примеру,

«Природа и наука - два вогнутых зеркала, вечно отражающих друг друга» [11, с. 28].

Заметим, что и в английском языке неодушевленные существительные персонифицируются:

«The body is a barn in which our life is sheltered» - «Тело – это сарай, в котором ютится наша жизнь» [12, с. 84].

Существенными способами трансляции обобщения являются различные методы, где важна детерминация субъекта, то есть субъект известен или нет, и в случае отсутствия субъекта, представление его безличным предложением [3].

Такое лицо может быть показано центром и периферией. В центре будут значиться в английском языке: *we, all, the world, everyone, person*, в русском: всё, все кто, все на свете, каждый, никто. На периферии – разнообразные конструкции: в пассиве, местоимения, инфинитивные конструкции, безличные конструкции.

В английском языке местоимение *you* транслирует неопределенно-личное значение. К примеру,

«When you are twenty years old, you easily make yourselves believe that...» - «Когда кому-то двадцать лет, он просто заставляет себя поверить в то, что ...» [2, с. 82].

В русских пословицах много абстрактных лиц, конкретизируемых в речи. К примеру,

«На ошибках учатся» [5, с.12].

Такие пословицы могут относиться ко всем, что выясняется в определенной речевой ситуации, то есть сообщающий знает своего адресата.

Например, в изречении «The misfortune is a former happiness that does not want to return» - «Несчастье - это бывшее счастье, которое не желает возвращаться» применение артикля the перед существительным misfortune говорит о целом суждении, тогда как существительное happiness это единичный конкретный факт и употреблен с артиклем a.

Об использовании местоимений в рассматриваемых текстах можно сказать, что субъективная расширяемость смысловой составляющей местоимений содействует появлению в них всевозможных смыслов.

К признакам обобщенности в английском языке можно отнести отсутствие оборота there is/are, присущего для обыденного высказывания.

Анализ примеров показал, что при выстраивании пословиц могут быть использованы отождествительные предложения, где придаточная часть опережает главную (Кто... - тот). К примеру,

«Кто правду не скажет, тот многих повяжет» [5, с. 19];

«Whoever has a language, he will reach Rome» - «Кто с языком, тот до Рима дойдет» [1, с. 65].

Конструкция «кто... - тот» формулирует исходное положение, нужное для поступка. Зависимость от условий требует в предложениях с такими конструкциями показать сугубо авторское отношение к сообщаемой истине [8]. В предложениях с конструкцией «кто - тот» по-другому формулируется содержание смысла - условие, возможное основание. Таким образом, необходима большая решительность при раскрытии смысла придаточной части как единственного основания.

Язык пословиц отличается довольно частым употреблением таких союзов, как *когда*, *как*, *когда*. Благодаря наставительной устремленности пословиц, очень распространены высказывания смешанного состава с союзами *что*, *как*, *коли*, существенная часть которых показывает оценку сообщаемого в придаточном предложении.

Согласно приведенным примерам можно говорить о том, что пословицы и афоризмы являются формой выражения мысли, которая раскрывается при помощи различных грамматических конструкций и выразительных средств языка. Все пословичные тексты и тексты афоризмов имеют характерные грамматические признаки, которые проявляются в обоих языках.

Рассматриваемые модели могут быть трансформированы в речи, но при любом изменении этих единиц их смысл и семантическая сущность остаются неизменными.

Литература

1. Большой англо-русский фразеологический словарь / Сост. А.В. Куний - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: «Русский язык», 1984. - БАРФС.
2. Воронцов В. Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов/ Сост. В. Воронцов. - М.: Молодая гвардия, 1976. - 624 с.
3. Гак В.Г. Отношение носителей языка к своему языку как проявление национально-культурной специфики языкового поведения /В.Г. Гак/ Национально-культурная специфика речевого поведения: Тезисы докладов - М., 1991. - С.6-7.
4. Гвоздев В.В. Парадигматические отношения в пословичном фонде /В.В. Гвоздев/ Филол. науки - 1982. - №4. - С.44-49.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа / Сост. В.И. Даль. - М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. - [Электронный ресурс].
6. Еленевская М.Е. Экспрессивность текста-афоризма со структурой определения /М.Е. Еленевская / Текст как объект комплексного анализа в вузе. - Л., 1984. - С.48-56.
7. Карасик В.И. Лексические индексы социального статуса человека в английском языке / В.И.Карасик/ Функционально-семантические аспекты языковых единиц разных уровней: Сб. науч. тр. - Брянск, 1992. - С.30-44.
8. Мартынова И.А. Функционирование пословиц и афоризмов типа «Кто весел, тот смеется» /И.А. Мартынова/ Рус. яз. в школе. - 1987. - №4.
9. Реформатский А.А. Введение в языковедение /А.А. Реформатский/. - М., 1967. - 544с.
10. Тураева З.Я. Темпоральная структура научных и художественных текстов /З.Я. Тураева/ Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М.: Наука, 1985. - С.26-39.
11. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь /В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров/. М.: Рус. язык, 1979. - 240 с.
12. Collins Cobuild Dictionary of Idioms (Словарь английских фразеологизмов) / HarperCollins Publishers, 1997. - CCDI.

УДК 81

**Гендерные особенности речевого поведения (на материале современного
английского языка)**

С. И. Тасуева, М. И. Мачагова

Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия

Аннотация. Статья представляет собой исследование различий между мужской и женской речью и является попыткой систематизировать эти различия. В данной статье рассмотрены составляющие гендерного аспекта английского языка и использование английских разделительных вопросов в речи британских и американских женщин и мужчин. Практика устной и письменной коммуникации показывает, что этот вид вопросительных предложений в речи коммуникантов составляет значительную часть. Также в данной статье рассматриваются различия между их речью, в основе которых лежат разные области языка: фонетика, лексика, фонология, грамматика, синтаксис и стилистика. Существуют заметные расхождения в тактиках и в стратегии ведения разговора.

Ключевые слова: гендер; гендерная лингвистика; прагматика; коммуникация; интенсификатор; разделительный вопрос; социальный статус; коннотация.

Gender peculiarities of speech (on the material of modern English language)

S. I. Tasueva, M. I. Machagova
Chechen State University, Russia, Grozny

Abstract. The article represents the study of differences between male and female speech and makes an attempt to systematize these differences. This article examines components of gender aspects and the use of question tags of English in the speech of British and American women and men. The practice of oral and written communication shows that this type of interrogative sentences in the speech of communicants constitutes a significant part. Also, this article discusses the differences between their speech, which are based on different areas of the language: phonetics, vocabulary, phonology, grammar, syntax and style. There are notable differences in the tactics and strategies of the conversation.

Keywords: gender; gender linguistics; pragmatics; communication; intensifier; question tag; social status; connotation.

В данной статье мы попытались рассмотреть гендерные особенности мелиоративных речевых актов с учетом специфики процесса коммуникации, обусловленные его формальным или неформальным характером и типом отношений, в которых состоят коммуниканты.

Неверно рассуждать о мужчинах и женщинах как о разных или одинаковых людях. Независимо от биологической принадлежности к какому-либо полу, человека стоит рассматривать как цельную личность с равными возможностями, так как различные характерные особенности мужчин и женщин происходят не из их половой принадлежности. Правильнее считать, что здесь проявляется влияние гендера в выборе определенных синтаксических моделей и экспрессивных лексических средств, для передачи информации в английском языке.

В гендерной лингвистике исследуют поведение пола в языке, изучает моменты репрезентации мужчин и женщин в акте межполового и внутривидового общения, определяют языковые механизмы функционирования взаимоотношений, а также изучает доминантность в общении, преобладание и способствует пониманию сущности явлений, которые происходят в языке и обществе.

Словарь гендерных терминов дает определение лингвистической гендерологии (гендерная лингвистика) [3, с. 45]. Данные о языке, полученные лингвистикой, являются одним из основных источников информации о характере и динамике конструирования гендера, как продукта культуры и

социальных отношений. Большинство ученых в этой области пришли к мнению, что гендер не является лингвистической категорией (за исключением социо- и отчасти психолингвистики). Определение роли гендера в той или иной культуре возможно с помощью анализа структур языка, а также выявления поведенческих норм человека, фиксирующих в текстах разного типа, а также какие стилевые особенности могут быть отнесены к преимущественно женским или преимущественно мужским, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка и с какими фрагментами и смежными областями языковой картины мира она связана.

Речь людей и общением напрямую взаимосвязаны. Согласно теории коммуникации и утверждению Лори Арлисс, коммуникация - средство, с помощью которого мы все узнаем, ... она всегда обладает ценностной нагрузкой, отражающей мировоззрение участников общения [1, с. 11].

Здесь стоит рассмотреть вид вопросов, традиционно описывающий как типичный для английского языка, то есть разделительные вопросы (question tags). Во все пособия по грамматике английского языка обязательно включаются упражнения на построение разделительных вопросов. В них же они определяют как вопросы, всегда состоящие из двух частей. Первая часть вопроса представляет собой повествовательное предложение, а вторая часть - это краткий общий вопрос. Такие вопросы используются в разговорном английском языке, но не в формальном письменном английском. Казалось бы, эта грамматическая конструкция достаточно проста. На самом деле, разделительный вопрос - это весьма специфическое явление.

Сложность овладения этим видом вопросов заключается в том, что не вполне ясна прагматика этих вопросов с точки зрения гендерной лингвистики, нежели в необходимости согласования вспомогательных глаголов в завершающей части вопроса с глаголом в основной части вопроса.

Датский ученый С. Нэслин высказал предельно важное замечание о том, что изучение структуры разделительных вопросов в прагматическом и гендерном аспектах является более многообещающим, чем рассмотрение их как просто определенного грамматического явления. На многочисленных примерах он показывает, что разделительные вопросы являются одновременно и абсолютно необходимым элементом речевой коммуникации, и в то же время далеко не простым языковым средством, поскольку неправильное их использование может привести к нежелательной или совсем неожиданной реакции собеседника [7, с. 25].

Особенность разделительных вопросов в том, что они немыслимы вне диалогической речи. Наиболее приемлемым жанром, в котором они часто используются, являются пьесы, например, современных писателей, где наиболее обстоятельно и гармонично отражен современный разговорный язык.

Признак пола выдвигается в последнее время на первое место в исследованиях языка. Дж. Коатс в своей работе «Женщины, мужчины и язык» пишет о том, что это связано в первую очередь с более детальным, более тонким подходом к языковым явлениям, когда целью исследователя является как отражение общих закономерностей, так и учет конкретных условий использования языка [5, с. 241].

В первую очередь исследователи обращают внимание на речь только тех мужских и женских персонажей, которые находятся в более или менее равном положении с точки зрения остальных социолингвистических критериев. Это люди старшего или среднего возраста. Другими словами, все анализируемые персонажи в достаточной степени образованы, и, следовательно, должны говорить на стандартном языке. В целях сравнительного анализа, в статье также приведены примеры использования разделительных вопросов в речи малообразованных персонажей.

В большинстве случаев в этих исследованиях раскрывают взаимоотношения коммуникантов в приводимых диалогах, как частях микротекста. Но иногда приходится выходить за пределы диалогических микротекстов и обращаться к макротексту той или иной пьесы. Таким образом, методика анализа полностью учитывает современные требования к изучению явления как части целого произведения и сводится к рассмотрению межполовой разницы в британской драматургии.

В процессе исследований выявилась существенная разница в использовании разделительных вопросов мужскими персонажами в отличие от женских.

Во-первых, женщины чаще используют их в своей речи, чем мужчинам (70% / 30%).

Во-вторых, существует качественное различие разделительных вопросов в речи коммуникантов. Женщины, как правило, используют этот тип вопросов с теми или иными положительными коннотациями, у мужчин преобладает негатив.

Например:

Frederica: I wonder what it was like then, when Nelson or Hood or poor Old Admiral Byng used to drop in.

Edward: Rather pleasant after being abroad those ships I should think.

Frederica: We're all right, aren't we?

Edward: Fine. All right... [9, с. 397].

Фредерика: Интересно, на что это было похоже, когда Нельсон, Худ или бедный старый Адмирал Бинг заходили к нам.

Эдвард: Достаточно приятно после того, как мы побывали на борту этих кораблей, я полагаю.

Фредерика: Мы в порядке, не так ли?

Эдвард: Замечательно. Все хорошо... [9, с. 397].

В данном случае, в отличие от общего вопроса, разделительный выражает большую степень установления контакта между участниками разговора. Хотя функции обоих типов вопроса максимально близки, но сама форма разделительного вопроса используется для выражения своих чувств без какого-либо ожидания реакции со стороны собеседника. При этом, если судить по репликам собеседника, сохраняется некоторый элемент вопросительности.

В многих пьесах встречаются персонажи, «злоупотребляющие» разделительными вопросами, то есть количество этих вопросов в их речи значительно превышает нормированную величину. В них отображается положительная эмоциональная окрашенность, характеризующая отношение говорящего к собеседнику, и присутствует функция установки контакта. Высказывания с присоединительной вопросительной частью всегда направлены на речевой контакт. С точки зрения изучения иностранного языка функция установки контакта представляет отдельный интерес, поскольку, будучи очевидной, при общении носителей, данная функция является не столь явной при общении иностранцев.

Например:

Penny: Seems so nice to get into my art things again. They still look all right, don't they, Grandpa?

Grandpa: Yes, indeed. [11, с. 254]

Пенни: Это такое приятное чувство снова заниматься своим искусством. Они все еще выглядят хорошо, не так ли, дедушка?

Дедушка: Да, действительно. [11, с. 254]

Доминирование положительных коннотаций еще не показатель того, что женщины не используют рассматриваемый тип вопроса с неким негативным смыслом. Подобные случаи есть, но их намного меньше. Использование таких стилистических приемов, как ирония, сарказм или упрек у женщин, как правило, косвенно указывает на отрицательную характеристику наблюдаемого женского персонажа в пьесе. Положительные коннотации, встречающиеся у британских женщин, выражают сострадание, поддержку, восхищение, восторг, неловкость, извинение, дружеское расположение.

В разговорной речи применяются все переходные случаи разделительных вопросов - утвердительные и восклицательные предложения, комбинации утверждения и вопроса, риторические вопросы и т. д.

При обращении к речевым портретам мужчин наблюдается обратное соотношение негативно окрашенных и позитивно окрашенных разделительных вопросов. Наличие контактоустанавливающей функции в вопросах мужчин встречается очень редко.

Первоначально при анализе речи мужчин необходимо рассмотреть те примеры, в которых профессия героев напрямую связана с высоким уровнем образования.

Весомый процент разделительных вопросов, которые употребляет мужской пол, носит характер насмешки.

Например:

Frederica: There's a great breeze if you stand up here.

Wyatt: Couldn't stand anywhere after all that lunch the Brigadier got for us. I say, he is hot stuff in that department, isn't he? But he was quite a soldier.

Frederica: I suppose it usually is. (Edward: Fine. All right)... [9, с. 397].

Фредерика: Если ты станешь здесь, то здесь замечательный бриз.

Вайтт: Не мог стоять на месте после ланча, который бригадир принес для нас. Я говорю, он крутой парень в этом отделе, не так ли? Но он был настоящим солдатом.

Фредерика: Думаю, обычно да. (Эдвард: Замечательно. Все хорошо)... [9, с. 397].

Зачастую автор прямо обозначает отношение говорящего к своему собеседнику. Следующий разделительный вопрос именно такого характера - персонаж мужского пола не задает вопрос собеседнику с целью выяснить его позицию, а поддразнивает его.

Например:

Jerry: ...Well, what I have been meaning to tell you about is the dog; I shall, now.

(nervously): Oh, yes, the dog.

Jerry: Don't go. You are not thinking of going, are you?

Peter: Well... no, I don't think so. [8, c. 29]

Джерри: ... И так, я хотел рассказать вам о собаке; сейчас расскажу.

(нервно): Ах да, собака.

Джерри: Не уходи. Ты ведь не собираешься уходить?

Питер: Хорошо... нет, я так не думаю. [8, с. 29]

Но в речи необразованных мужских персонажей пьес восклицания не приобретают форму разделительных вопросов. Эти персонажи, не знакомые друг с другом, при первом разговоре не располагаются на дружескую беседу и, как правило, не употребляют эти вопросы, боясь показаться фамильярными. Лишь ни к чему не обязывающие восклицания (о погоде, внешнем виде, извинения и т. п.) можно считать исключениями.

Использование в разделительных вопросах официальных формул «I suppose» («I mean», «I say», «I know», «I think» и т. п.) говорит об определенном речевом портрете персонажа. У многих высокообразованных людей разделительные вопросы с включением «I suppose» отсутствовали, но вопросы такого рода встречались практически у всех людей низкого уровня образования. Разделительные вопросы необразованных персонажей мужского пола часто работают как клише, поскольку просты по структуре: «That's a different story, isn't it?» - «Это другая история, не так ли?», «You know that, don't you?» - «Ты знаешь это, не так ли?» и т. д. Коммуниканты считают, что при использовании несвойственных им формы выражения, они повышают свой социальный статус. В этом проявляется своеобразный гиперурбанизм.

Рассматриваемый нами тип вопроса несет социально значимую информацию о статусе и роли говорящего в обществе, о его поле и возрасте, профессиональной и территориальной принадлежности, социокультурном уровне, о степени знакомства собеседников. Все указанные факторы тесно взаимосвязаны. Это определяет важность их относительного разграничения на социальные оппозиции и нахождение способов их взаимодействия в речи говорящего.

Разделительные вопросы обладают большим типологическим разнообразием в плане структурного построения. Они могут быть смежны с различными коммуникативными типами предложений: повествовательным, восклицательным, повелительным. Особенности их семантики являются результатом своеобразности структурного построения, что дает основание отнести данные компоненты к вопросительным предложениям с нестандартной семантикой.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что женская речь отличается между собой:

- на лексическом уровне: женщинам свойственно чаще использовать импрессиивную лексику, усилители для передачи их чувств, акцентировать на эмоциональном состоянии, переживаниях. Женская речь порой односложна и ограничена, базируется на отдельных словах, очень редко - фразах. Текст темпераментен, насыщен и интонирован. Свойственно вводит в произносимое множество вводных слов, определений, пояснений, а также модальных конструкций, которые способны выражать разную степень предположительности, неуверенности и эмоциональности. Мужской речи присуще употребление терминологической профессионально ориентированной лексики из разнообразных областей знаний, использование больше отвлеченных существительных и вводных слов, именно с устойчивым значением, употребление низкоуровневой и бранной лексики.

Женская речь	Мужская речь
- «I'm thrilled to be the face of Bobbi Brown Cosmetics».	- Inevitably, it all comes at a price, although it's a touch less 'remortgagey' than the top-spec Range Rovers. Besides, once the biblical rain renders the stock exchange redundant cash won't matter anyway.
- «It's so easy. She is beautiful, first of all, so even if we have to do a barelook - like for If I Were A Boy there was really practically no makeup there»	- «I had a private booking where I walked in and there were only three women. I ended up fucking one of them while the other two watched»

стилистическом уровне: женская речь более тактична, вежлива, например, в форме утвердительного вопроса наблюдается предрасположенность к употреблению стилистически повышенных форм, книжной лексики, клише, цитат, женщинам присуще чувственный окрас речи, образность речи при описании эмоций, переживаний, их акцентуация усилительными приемами и аффективными частями речи. Мужская же речь характеризуется наименьшей индексацией, однообразием способов отображения эмоций при передаче эмоционального состояния, оценки предмета или явления слов.

Женская речь	Мужская речь
--------------	--------------

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

- «I was drawn to Kate because not only is she incredibly beautiful, she is healthy, comfortable in her own skin, has such positive energy, and is a woman who creates her own rules» Brown revealed.	- «This will activate all the middle back muscle and make the move far more effective».
- «This is the first campaign I've ever done but who could resist being part of such a great line-up?» said Lennox.	- There were so many things we did well and the aspects that we got wrong: we put right on the training field.

- синтаксическом уровне: женская речь отличается частым применением конструкций наречие плюс наречие, различных видов предложений: простых и сложносочиненных, вопросительных и восклицательных, очень частым использованием знаков пунктуации. Мужчины употребляют множество повелительных предложений, которые отражают побуждение к действию с целью выполнения желания, просьбы, приказания, разрешения, совета говорящего.

Женская речь	Мужская речь
- What would Doukas's advice be to aspiring models? «Just go for it and walk through the door!» Also, remember that, «A good agency will be able to tell from even a Facebook profile or a phone photo if you have the potential, expensive portfolios are never necessary».	- «Negotiate a sharp right turn into the weights room. Devote a short amount of time to resistance work, to raise your metabolism», says health psychologist James Lamper.

Резюмируя рассмотрение гендерных особенностей речевого поведения, важно отметить, что на любую говорящую личность оказывает влияние ряд факторов. Женщины в коммуникативном акте легче переключаются, меняют роли в процессе общения. Мужчины, напротив, увлекаются обсуждаемой темой, переключаются тяжело, не реагируют на реплики, не связанные с ней.

В итоге мы пришли к выводу, что в мужской речи оценочная лексика чаще стилистически нейтральна, а женская речь воплощает большую концентрацию эмоционально оценочной лексики. Женщины склонны к интенсификации в первую очередь положительной оценки. Мужчины часто используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную лексику. Речь женщин более эмоциональна, у мужчин сдержана. Нужно отметить также, что речевое поведение зависит от разных коммуникативных ситуаций.

Нам представляется перспективным более всестороннее описание разделительных вопросов с учетом всех поддающихся выявлению прагматико-социальных факторов, отражающих вариативность английского языка. По нашему мнению, важным является включение в эту сферу индивидуального варьирования социальных параметров, обусловленных физиологическими и психофизическими свойствами человека, которые позволяют дать полную и всеохватывающую социолингвистическую характеристику того или иного человека, как личности.

Литература

1. Арлисс Л., Борисов Д. Общение женщин и мужчин: вызовы и перемены / Л. Арлисс, Д. Борисов. - 1992. - 11 с.
2. Гапова Е.И., Усманова А.Р. Антология гендерных исследований / Е.И. Гапова, А.Р. Усманова // Профили. - Минск, 2000. - 300 с.
3. Денисова А. А. Словарь гендерных терминов //Информация XXI век. – М., 2002. - 255 с.
4. Кант И. О различии возвышенного и прекрасного у мужчин и женщин / И. Кант // Мировая философская мысль. – N2. – М., 1964. - 233 с.
5. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык / Д. Коатс //Longman. - 1991. - 241 с.
6. Малюга Е. Н. Социолингвистическая оппозиция «знакомый-незнакомый» при обучении речевому этикету / Е.Н. Малюга. – М., 1993. - С. 17-25.
7. Nasslin S. The English Tag Question. A study of sentences containing tags of the type isn't it? is it? // Stockholm Studies in English. - 1984. - № 60, p. 45-58.
8. Олби Э. Зоопарк История / Э. Олби - 1958. - 29 с.
9. Осборн Д. Д. К западу от Суэца / Д.Д. Осборн - 1969. - 397 с.
10. Токарева Е. Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале современного английского языка) / Е. Н. Токарева. - Уфа, 2005. - 204 с.
11. Харт М. и Кауфман Д.С. С собой не унесешь / М. Харт, Д.С. Кауфман. - 1936. - 254 с.

**СЕКЦИЯ 1.4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И
МЕТОДИКИ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

УДК 81.112

81.139

**Компаративистика без реконструкций? (к вопросу обоснованности выделения
сино-...-кавказской семьи языков)**

Халидов А.И.

**Чеченский государственный педагогический университет,
Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия**

Аннотация. Цель статьи – показать, что ностратика и сформировавшееся на ее методологической базе новое направление в компаративистике, в последние два-три десятилетия плавно трансформировавшееся в компьютерную компаративистику, только декларирует свою принадлежность к сравнительно-историческому языкознанию и неукоснительное соблюдение классической процедуры доказательства языкового родства, а по существу построено на неверифицируемых рассуждениях и выводах, за которыми не просматриваются реальные реконструкции. На примере включения «московской школой» компаративистов (В.М. Иллич-Свитыч, С.А. Старостин и др.) картвельских языков в ностратическую семью и северокавказских языков в сино-на-дене-северокавказско-бурушаски семью показано, что реальные реконструкции за многими глоттогенетическими решениями не просматриваются, в лучшем случае сравниваются пракорни/праформы, полученные историческим исследованием материала одного языка (группы языков), и соотносимые с ними лексемы других, но уже современных языков. Доказательством этому является, например, включение северокавказских языков в «сино-на-дене...» семью, хотя известно, что соответствующий лексический материал ни чеченского, ни вообще северокавказских языков не был объектом внутренней реконструкции даже в объеме сокращенного словника С.Е. Яхонтова. Подчеркивается, что для макрокомпаративистов, болезненно относящихся к критике своих впечатляющих формой, но вызывающих серьезные возражения содержанием достижений, характерна подмена сравнительно-исторического анализа языкового материала построением глоттогенетических решений на одной только или преимущественно предположительной, допустительной модальности, которая, конечно, не совершенно противопоказана научному тексту, но и не считается его лучшим качеством. В статье также отмечено, что явное стремление макрокомпаративистов-ностратиков в недалеком будущем свести все известные языки в одну семью – ностратическую и «реконструировать» своими особым методом ностратический праязык, единый для всего человечества, особой научной новизной не отличается хотя бы потому, что существенно нового в представлении о моногенезе, которое находим, скажем, в Библии или Коране, мы в таких построениях не видим.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание; процедура доказательства языкового родства; генеалогическая классификация; ностратика; кавказские языки; сино-на-дене-северокавказско-бурушаски семья.

**Comparativistics without reconstructions? [to the question of sufficiency of bases in
nostratic glottogenetic solutions]**

A.I. Khalidov

Chechen state pedagogical University, Chechen state University, Russia, Grozny

Abstract. The purpose of the article is to show that Nostratic and the new direction in comparativistics, formed on its methodological basis, and which in the past two or three decades, smoothly transformed into a computer comparativistics, only declares its belonging to a Comparative-Historical Linguistics and strict adherence to the classical linguistic kinship proof procedure, but in fact it is built on non-verified reasoning and conclusions which do not lead to any real reconstruction. The example, where "Moscow School" comparativists (V.M. Illich-Svitych, S.F. Starostin, etc.) include the Kartvelian languages with the Nostratic family and the North Caucasian languages with Sino-Na-Dene-North-Caucasian-Burushaski family, demonstrates that many glottogenetic solutions do not show real reconstructions. At best, we can only find the comparison of protoroots/protoforms obtained by the historical research of material of one language (language group) and associated with them lexical items of other, but modern languages. It is seen, for example, in the inclusion of the North Caucasian languages in Sino-Na-Dene-North-Caucasian-Burushaski family, although it is known that the lexical material neither of Chechen nor any of North Caucasian languages has been the subject of internal reconstruction even to the extent of the shorter dictionary by S.E. Jahontov. It is emphasized that for macrocomparativists, painfully perceiving criticism of their achievements, which are impressive by form, but causing serious objections to their content, are characterized by the substitution of comparative-historical analysis of language material for drawing glottogenetic conclusions based on only one or mostly hypothetical, presumable modality, which, of course, is not completely contraindicated to scientific text, but is not considered to be its best quality either. The article also notes that the obvious desire of macro-comparativists-nostratics to bring in the near future all known languages into one – Nostratic family and reconstruct with their special method the Nostratic protolanguage unified to all mankind, does not excel at a special scientific novelty at least because we do not see in such constructions anything essentially new concerning the idea of monogenesis in addition to what we find, let us say in the Bible or in the Koran.

Key words: comparative historical linguistics; procedure for proof of linguistic kinship; genealogical classification; nostratika; Caucasian languages; Chinese-na-Dene-North-Caucasian-Burushaski family.

До сравнительно недавнего времени коллеги-языковеды не сомневались в том, что историко-сравнительное изучение языков – адский труд и обрѣкший себя на него исследователь рискует завершить свою жизнь и научную деятельность в лучшем случае несколькими сотнями собственных этимологий и реконструкций, в самом лучшем – всеобщей поддержкой своих выводов о происхождении и родственных связях *некоторых* групп языков, несколько отличающихся от тех, которые были сделаны до него. Но такого успеха, какой выпал на долю отцов и наиболее известных представителей ностратики, не имел в истории человечества и науки никто. Самым большим «достижением» ностратики, и не только на мой взгляд, является следующее: они показали и даже доказали, что традиционная, классическая компаративистика – «сизифов труд», напрасная трата времени на поиск в прошлом народов и их языков отдельных штрихов, из которых может сложиться, а может и не сложиться этимология, праформа, пракорень... Показали, что нужно «мыслить масштабно», не обращая внимания на мелочи вроде внутренних реконструкций в отдельных языках и сравнения результатов, не заботясь о верифицируемости построений, которые реконструкциями можно называть, только заключая само слово в кавычки, но производя впечатление ярким примером простой до гениальности готовности перечеркнуть труд предшественников, которые по своей свойственной натуре ученого наивности были убеждены, что всякий научный тезис – горы собранного и многожды на строгой методологической основе осмысленного материала.

Самым ярким представителем этого нового течения в отечественной и мировой лингвистической науке, который значительно облегчил труд компаративистов и позволил им за короткое время без чрезмерного напряжения достигать впечатляющих результатов, является, конечно, С.А. Старостин, хотя основатель этого течения, конечно, не он и даже не предшественник этой московской лингвистической школы в части объединения многих языков Кавказа с бурушаски Г. Деетерс.

Мне кажется, очень точно и предельно лаконично своё мнение о ностратических изысканиях, которые многие до сих пор считают наивысшим достижением языкознания прошлого столетия, выразил Б.К. Гигинейшвили: «Этимологические связи и реконструированные формы совершенно фантастичны и выходят далеко за рамки как историко-сравнительного, так и вообще методов научного анализа. Сравнительное языкознание опирается на этимологические сопоставления, на базе которых устанавливаются формулы звукосоответствий. Но если анализ сопоставляемых форм проводится по своему усмотрению, а семантическая сторона опирается только на ассоциации, то из этого не выйдет ничего хорошего. Наоборот, эта самая точная отрасль языкознания превратится в полную профанацию науки. Именно такая картина вырисовывается при знакомстве с работами С.А. Старостина, большинство

из которых представлено в виде тезисов. С.А. Старостин внес поразительный хаос в изучение северокавказских языков, ни с одним из которых он не был хорошо знаком» [1, с. 14: цит. по 2, с. 575].

Мне приходилось полемизировать с представителями ностратической «школы», ряды которых в последние два десятилетия, кажется, удесятились, и каждый из них переводит разговор от обсуждения сильных или слабых сторон самой ностратики на обсуждение слабости позиций иберийско-кавказского/кавказского языкознания и говорит о том, что, скажем, иберийско-кавказская «гипотеза» (иначе они ее просто не желают называть) не основана на результатах исследований, выполненных в строгом следовании классическому сравнительно-историческому языкознанию, не основана на основательных внутренних реконструкциях слов хотя бы небольшого яхонтовского тридцатипятисловника с соблюдением стандартной для компаративистики процедуры доказательства языкового родства. Я почти всегда соглашался. Да, действительно так, и это очень легко показать на примере еще формирующегося сравнительно-исторического кавказского (особенно северокавказского) языкознания с его, прямо говоря, пока еще скромными успехами, что и привело к тому, что «до недавнего времени считавшееся бесспорным генеалогическое родство иберийско-кавказских языков вновь стало предметом научных дискуссий» [3, с. 23]. Но есть встречный аргумент с теми же, хотя и несколько сглаженными, претензиями к сравнительно-исторической индоевропестике, и сокрушительный аргумент, низвергающий с пьедестала родившуюся в ее недрах ностратическую. К которым я и перехожу.

1. Надо полагать, что А.В. Десницкая, принадлежность которой к ведущим индоевропеистам XX века вряд ли кто будет оспаривать, прекрасно понимала, что нижеприводимые ее слова не в пользу безусловного родства индоевропейских языков. Еще в середине прошлого века она признавала, что конкретных исторических данных, в том числе письменно зафиксированных, относящихся к периоду IV тыс. до н.э. и тем более к еще более ранним периодам, нет: их «не сохранилось ни в письменной, ни в фольклорной традиции народов, говорящих на индоевропейских языках», следовательно, о родстве соответствующих языков можно говорить в гипотетическом плане, а утверждать его полных оснований нет [4, с. 298]. Явное признание гипотетичности индоевропейского родства мы видим в статье другого видного исследователя – Г.А. Климова спустя три с половиной десятилетия: «Современное состояние проблемы примерно таково. Сложилось три точки зрения. Согласно первой, индоевропейский праязык – это реально существовавший исторический языковой «индивид», характеризовавшийся минимальной диалектной расщепленностью. Согласно второй – это существовавшее когда-то языковое единство, характеризовавшееся значительной диалектной дифференциацией. Согласно третьей – за построенными праязыковыми моделями стоит некоторая группа родственных языков, представляющая собой определенную конфигурацию языковой семьи в прошлом. Следует помнить, что во всех случаях речь идет лишь о гипотетических построениях, о моделях, а не об исторических фактах. Не следует забывать также и о том, что в каждом из языков, относимых к индоевропейской семье, присутствует огромный языковой материал, не сводящийся к какой бы то ни было общности, но имеющий веские основания претендовать на исконность. Напротив, большая часть языковых сопоставлений, приводящихся в доказательство языкового родства, хотя и кажутся родственными по корню, тем не менее, не сводятся к одному оригиналу» [5]. Можно процитировать здесь еще как минимум десять известных авторитетов в области индоевропейского языкознания, говорящих о том же, к тому же признающих, что по большому счету процедура доказательства языкового родства в части внутренних реконструкций соблюдается только частично, в отношении отдельных языков и не всего полного словаря, подлежащего реконструкции. Но в нашем отечественном языкознании (особенно) стало общим местом упрекать иберийско-кавказское (кавказское) языкознание в недостатке оснований для глоттогенетических выводов, хотя в меньшей, чем иберийско-кавказское родство, степени, но все-таки предположительным является родство и индоевропейских языков. То, что еще в прошлом веке целый ряд учёных считали генетическое родство иберийско-кавказских языков не установленным, а по большому счёту предположенным (см., напр., [6, с. 28; 7, р. 192-193; 8, с. 114], особых возражений не вызывает, но кажется справедливым требование достаточности основания для глоттогенетических выводов относительно всех языков, а не только иберийско-кавказских, как это свойственно многим индоевропеистам, задавшимся целью убедить всех в неродственности этих языков. Примечательно, кстати, что родство индоевропейских языков до сих пор постулируется и не ставится под сомнение даже включением в ностратическую макросемью, иерархическое главенство в которой ИЕЯ воспринимается как само собой разумеющееся. А вот вводившиеся в иберийско-кавказскую семью языки, родство которых, правда, оспаривалось и до ностратики, но не с такими радикальными решениями, как

объединение большей их части с китайским, бурушаски и т.д., в последней разводятся по разным макросемьям.

2. Ностратические глоттогенетические решения, которые преподносятся как результаты обобщения полученных предшественниками данных и собственных масштабных сравнительно-исторических исследований строго в рамках классического сравнительно-исторического языкознания, не основаны на реальных реконструкциях и сделаны с явным игнорированием принятой в компаративистике процедуры доказательства языкового родства. Можно с теми или иными оговорками согласиться, что были основания для таких решений применительно к романским, германским, славянским, индо-иранским, балтийским и многим другим языкам. Но сомнительно, чтобы это было сделано, скажем, при включении в ностратическую макросемью в числе иранских скифского языка (о котором больше предположений, чем подтверждаемых каким-нибудь материалом сведений), в числе «армянских» хетто-лувийской группы, при включении в одну макросемью сино-тибетских и кавказских (кроме картвельских) языков наряду с на-дене, бурушаски и др. Если у возможных оппонентов есть возражения, я бы хотел увидеть письменно зафиксированные процесс и результат внутренней реконструкции самого ограниченного числа слов базисной лексики чеченского языка, выходящей за пределы того, что было сделано когда-то Д.С. Имнайшвили [9] не так системно и глубоко, как это требуется для решения вопроса о принадлежности нахских языков к той или иной другой семье языков. С приведенными С.А. Старостиным (не полученными им самим) реконструкциями слов базисной лексики кавказских языков, убеждающими, кстати, в том, чего вряд ли хотел сам С.А. Старостин, – что картвельские языки родственны остальным кавказским [10, с. 529-546], нельзя не согласиться, но где доказательство того, что, с одной стороны, эти реконструкции в достаточной для соответствующего вывода степени сближаются с реконструкциями сино-тибетских и иных языков, с которыми ностратики объединяют кавказские, с другой – обоснованности включения картвельских языков, во всяком случае, грузинского, в ностратическую семью, тогда как остальные кавказские языки оказались в другой макросемье? Несомненный интерес представляет основание, если оно вообще было, на котором считавшийся изолированным язык бурушаски оказался родственным и нахским, и всем остальным северокавказским языкам, во всяком случае – восточнокавказским. Кстати, интересно, как обосновывали родство бурушаски и кавказских языков четверть века назад Б. Блажек и П. Бакстром, заявив о возможной взаимной близости их и принадлежности к одной сино-кавказской макросемье, основываясь не на историко-сравнительном исследовании, а на типологическом (преимущественно лексическом) сходстве, которое, по их объяснению, не могло быть приобретённым ввиду того, что в настоящее время языки, относимые к сино-кавказской макросемье, разделены географически [11, р. 11-50, 161-164; 12, р. 31-56]. При этом типологическое сходство лишь заявлено, но не показано убедительно, что вполне понятно: никаких явных сходжений, кроме отдельных проявлений общезыковых, универсальных единиц и закономерностей, сопоставление не дало бы. Очевидная сомнительность приводимых «аргументов» и явная недостаточность оснований для включения языков в одну семью не мешают ностратикам придерживаться такого глоттогенетического решения, в то время как явные типологические сходства между северокавказскими и картвельскими языками, пусть даже не во всех структурных признаках и не в большей части лексики, они не считают убедительными для того, чтобы оставить их в одной языковой семье, хотя бы и включением в одну макросемью – ностратическую, в которой при таком размахе ностратических исследований в недалёком будущем окажутся, надо думать, все языки мира без исключения.

3. Перейдем к фундаментальной для ностратиков теории моногенеза языков.

Начну с того, что по большому счету ностратическая школа могла бы вообще не заниматься этой проблемой – моногенезом. Понятно, почему: Библия и Коран моногенез – и языковой, и этнический – давно объяснили и вряд ли ученые могут добавить что-нибудь особо новое в это объяснение, перевести эту проблему из разряда преднаучных в разряд собственно научных, как часто объясняют одну из главных задач своих разысканий макрокомпаративисты. Но они явно преувеличивают свои возможности, рассчитывая на то, что смогут подвести под теорию моногенеза фактическую базу путем поиска общего праязыка для всего человечества через продолжение своих похожих на компаративистские, но вряд ли безусловно принадлежащих к ним обобщений. Это не удастся сделать даже с помощью придуманной ими компьютерной компаративистики. Мы можем заглянуть в весьма отдалённое прошлое всего, что связано с собственно материальным миром, даже если оно отстоит от нашего времени не на десятки тысяч лет, а на сотни, «смоделировав» его с помощью компьютерных программ, создание которых, даже суперсложных, составляет все меньше труда для программистов, но выявить реальное прошлое языков давно исчезнувших, хотя, может быть, оставивших какой-то след в ныне живущих, они не смогут

никогда по той простой причине, что материальных свидетельств, памятников этих языков, простирающихся в историю дальше, во всяком случае, III тыс. до н.э., никто никогда не видел, и вряд ли они будут когда-нибудь обнаружены. Как бы мы ни изошлись в научном обрамлении не теории, собственно, а идеи моногенеза, вряд ли сможем сколько-нибудь расширить то представление об этом, какое дают священные писания мировых религий. И в этой связи нельзя согласиться с началом энциклопедической статьи Вяч. Вс. Иванова: «Преднаучной формой теории моногенеза можно считать разного рода мифологические и религиозные построения, согласно которым в начале существования человечества у него был один язык» [13, с. 308-309]. Вся его статья говорит о том же и вся ностратика нацелена на то, чтобы прийти к такому же, ни много ни мало, выводу. Вот только выявить этот язык, дать какое-то представление о его, пусть примитивном, фонетическом строе и, если таковой был вообще, строе грамматическом, вряд ли удастся. Поэтому и приходится Вяч.Вс. Иванову подменять доводы и доказательства домыслами: «Если расы явились результатом дифференциации Homo Sapiens, то основные расовые различия можно было бы соотнести с формированием тех первоначальных диалектов первичного языка, из которых позднее развились праязыки основных макросемей. Согласно альтернативной точке зрения на расообразование, каждая из рас явилась результатом скрещения одного из ранее существовавших типов предка человека с потомками первого представителя Homo Sapiens. В этом случае тоже можно предположить возможность связи (но более сложной – опосредованной) этого антропологического процесса с распадом первичного языка на диалекты, позднее обособившиеся. Хотя эта антропологическая картина делает возможной теорию моногенеза, она не может считаться ее обоснованием» [13, с. 309]. Вот только непонятно, при чем здесь, в таком случае, термин «теория», если речь идет о трудно- или вовсе не доказуемой гипотезе.

4. В работах и С.А. Старостина, и других представителей этого особого направления в компаративистике недопустимо для науки много модалации в рассуждениях и выводах.

Модалность (и объективная, и субъективная) научному тексту, в принципе, не противопоказана, о чем пишут исследователи, занимающиеся этой научной проблемой (см., напр., [14; 15], но, вместе с тем, не допускается построение доказательной базы на одной только или преимущественно предположительной, допустительной модалности, как это делают ностратики. Показательны в этом отношении опубликованное в журнале «Знание – сила» интервью С.А. Старостина, в котором история человечества и языков предков современных народов и не сохранившихся народов и племен, восходящих, по его мнению, к одному праязыку, возникшему всего лишь 40-45 тысяч лет назад, на две трети построена на одних предположениях, допущениях [16], и перекликающаяся с этим энциклопедическая статья одного из видных представителей российского сравнительно-исторического языкознания, давно примкнувшего к ностратикам, – Вяч. Вс. Иванова [13]. Совершенно свободно говоря об основных реконструированных праязыках макросемей, он, конечно, не может их назвать точно, точно так же не может назвать время, когда эти праязыки распались, но весьма уверенно говорит о том, что *могло быть* при таких-то и таких-то обстоятельствах не только 10 тысяч лет назад, дальше которых, по утверждению самих ностратиков, не может простирается история ни одного языка и этноса, поскольку каждые 10 000 лет происходит полная смена этносов и языков, но и 15 и даже 20 и более тысяч лет назад. Обратившись к работам наиболее яркого представителя ностратической школы, С.А. Старостина, замечаем его удивительную способность ограничиваться несколькими, иногда даже двумя-тремя страницами в своих реконструкциях тех или иных праязыков (заметим: не слов, а часто языков или даже их групп и семей). Так, например, реконструкция прапюнской фонологической системы заняла 3 неполные страницы [17, с. 1-3], правда, к этому он еще вернется через несколько страниц, дополнив еще таким же объёмом; для определения места других языков в генеалогической классификации также оказалось достаточно от двух до 4-5 страниц. Это оказалось возможным потому, что во всех этих «статьях» читателю преподносятся готовые результаты «реконструкций», сам процесс, как они получены, не отражается. Справедливости ради нужно сказать, что в отдельных случаях реконструкции убедительнее. Так, относительно китайского языка у С.А. Старостина могло быть больше оснований говорить о заслуживающих доверия результатах реконструкций, поскольку сам являлся автором монографической работы, посвящённой реконструкции фонологической системы китайского языка, выполненной им, кстати, по материалам памятников, оформленных иероглифическим письмом [18]. Но не все же языки он так реконструировал, чтобы подвергнуть основательной ревизии генеалогическую классификацию всех без исключения языков мира! В то, что не такая уж многочисленная группа представителей школы Иллич-Свитыча-Старостина сумела за несколько десятков лет реконструировать фонологические системы всех северокавказских языков, коих насчитывают, при самых скромных подсчетах, не менее 40, с учетом, к тому же, их диалектов, без привлечения материалов которых

подобное исследование вообще невозможно, можно поверить, но только в том случае, если эта реконструкция, шаг за шагом, будет представлена и будет охватывать при этом хотя бы ту часть списка Сводеша, которую предложил С.Е. Яхонтов. Даже относясь скептически к самому списку Сводеша-Яхонтова, в том числе и к 35-словнику С.Я. Яхонтова, в частности, к присутствию в нем таких «семантем», которые соответствуют, скажем, русск. *кто, что, всё, несколько, другой (иной), плевать, замёрзнуть, звезда, красный, зелёный, жёлтый, гнилой, правильный* и др., при обнаружении действительных соответствий и предъявлении доказательств верифицируемости реконструкций с глоттогенетическими построениями этой ведущей в российском языкознании школы «компаративистики» можно было бы согласиться. Но компаративистика без реальных реконструкций, под видом историко-сравнительного языкознания предъявляющая результаты по большей части синхронного сопоставления материалов современных языков, не может не вызывать отторжения у исследователей, убеждённых, что в такой области, как сравнительно-историческое языкознание, чрезмерная модалация рассуждений и выводов и компьютеризация процедуры доказательства языкового родства без заложенных в разрабатываемые компьютерные программы результатов реальных реконструкций материала всех привлекаемых языков (а по существу – всех языков вообще, так как при вынесении решений в генеалогической классификации должны быть учтены все языки) недопустимы.

Литература

1. Гигинейшвили Б.К. Проблема исторического расселения северокавказских народов на основе языковых данных // газ. «Сахалхо ганатлеба», № 23 (4234). – Тбилиси, 7 июня 1990. – С. 14.
2. Курдиани Михэил. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. Ц.Р. Барамидзе. – Тбилиси, Изд-во ТГУ, 2016. – 575 с.
3. Халидов А.И. Чеченский язык и диалекты. Теории происхождения языка // В книге: «Чеченцы». Сер. "Народы и культуры". Ответственные редакторы: Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. – М.: Наука, 2012. – С. 23-27.
4. Десницкая А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 331 с.
5. Климов Г.А. О праязыковой реальности // Актуальные проблемы сравнительного языкознания. Сборник статей. – Л.: Наука, 1989. – 240 с.
6. Серебrenников Б.А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. // Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. – М.: Наука, 1982. – С. 6-17, 47-62.
7. Meillet A. Рецензия на: *Caucasica*, Ed. A. Durr. – BSLP, 1927, t. XXVII, f. 2, p. 192-193.
8. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. – М., 1986. – 209 с.
9. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – 299 с.
10. Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // С.А. Старостин. Труды по языкознанию. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 529-546.
11. Blažek Vaclav. *Lexica Dene-Caucasia* // *Central Asiatic Journal*. Vol. 39. 1995. – P. 11-50, 161-164.
12. Backstrom P.C. *Burushaski* // *Languages of Northern Areas. Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan*. Vol. 2. – Islamabad, 1992. – P. 31-56.
13. Иванов Вяч.Вс. Моногенеза теория // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 308-309.
14. Кузьмина Е.М. Субъективная модальность в научном дискурсе: Автореферат дис. ... к. филол. н. – СПб.: 2011. – 24 с.
15. Воробьева М. Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // *Научная Литература Язык, стиль, жанры / Отв. ред. М. Я. Цвиллинг*. – М.: Наука, 1985. – С. 47-56.
16. Старостин С.А. У человечества был единый праязык (беседа с Г. Зеленко) // «Знание – сила». 2003, № 8. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/starostin-03a.htm>. Дата обращения 16.03. 2019 г, 19.23.
17. Старостин С.А. К проблеме реконструкции прапалеонтологической фонологической системы // С.А. Старостин. Труды по языкознанию. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 1-3.
18. Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. – М.: Наука, 1985. – 732 с.

УДК 811.41

Нохчийн меттан дешаран терминех лаьцна керланиг

Новое в изучении учебных терминов в чеченском языке

Вагапов А.Д., Навразова Х.Б.

Чеченский государственный педагогический институт, г. Грозный, Россия

Аннотация. Развитие национального литературного языка в первую очередь предполагает развитие его лексического состава. Обогащение лексики любого языка, как известно, происходит главным образом двумя путями: 1) путем использования собственных словообразовательных средств языка; 2) заимствованием слов из других языков, более развитых в функциональном отношении. В настоящей статье рассматриваются новые учебные и некоторые общественно-политические термины чеченского языка. В соответствии с требованиями, предъявляемыми к терминам, авторы предлагают заменить некоторые заимствованные термины на чеченские. Термины, заимствованные из русского языка, во многих случаях не имеют для чеченских учащихся внутренней мотивации. Более того, можно смело утверждать, что происхождение отдельных русских терминов, например, таких как подлежащее, причастие, деепричастие, не понятны и для русскоязычных учащихся.

Ключевые слова. Терминология чеченского языка, учебно-образовательные термины ЧЯ, грамматическая терминология, словообразовательная модель, словообразовательные средства чеченского языка.

New in the study of educational terms in the Chechen language

Vagapov A.D., Navrazova Kh.B.

Chechen State Pedagogical Institute, Grozny, Russia

Annotation. The development of the national literary language primarily involves the development of its lexical composition. The enrichment of the vocabulary of any language, as you know, occurs mainly in two ways: 1) through the use of their own word-formation tools of the language; 2) by borrowing words from other languages that are more developed in a functional sense. This article discusses the new educational and some socio-political terms of the Chechen language. In accordance with the requirements for the terms, the authors propose replacing some of the borrowed terms with Chechen ones. Terms borrowed from the Russian language in many cases do not have internal motivation for Chechen students. Moreover, it can be safely asserted that the origin of certain Russian terms, for example, such as the subject, the sacrament, the participle, is not clear for Russian-speaking students.

Keywords. The terminology of the Chechen language, the educational and educational terms of the Chechen language, grammatical terminology, the word-formation model, the word-formation tools of the Chechen language.

Вайна ма-хаьара, мотт цьхана меттехь лаьтташ бац, дахаран хьелаш хийцадаларе хьабжжана кхуьуш бу и. Кху тлаьхарчу 20-30 шарахь онда хийцамаш хилла дуьненахь а, къабстана вайн махкахь а. Керла Илманхой, яздархой, литераторш а кхиаре терра, къоман кхетам а лакхабаьлла. Дуккха а авторша шайн говзарш юккье ялайо керла нохчийн меттан терминаш-неологизмаш. Кху статья тIехь тхан Иалашо ю уьш йийцаре а еш, шуна йовзийта, масала:

1. **Алам** /бу/ чекхьяьлла ойла гойту хабаран дакъа (= предложени)
аламан меженаш члены предложения
аламан коьрта меженаш главные члены предложения
аламан коьртаза меженаш второстепенные члены предложения

айдаран алам восклицательное предложение
баържана алам распространенное предложение
баржаза алам нераспространенное предложение
буьззана алам полное предложение
буьззанбоцу алам неполное предложение
тIегуху алам я тIеалам придаточное предложение
хаттаран алам вопросительное предложение
цхьалхе алам простое предложение
чолхе алам сложное предложение
чолхе-цхьанакхетта алам сложносочиненное предложение
чолхе-караара алам сложноподчиненное предложение

Этимологий, дошхолларан некъаций, меттан хотIаций нийса а йогIуш кхоьллинчу термино цхьанаметта шортта очакхаш дIайоху къамела юккъера. Масала, и дика го **ала** боху хандашах -м суффиксан тIоьнца кхоьллинчу **алам** цIердашехь. Иза грамматикин предложенин маьIнехь лелийна ца Iаш, «высказывание, выражение, фраза» маьIнехь лело йиш а ю, ала дашна, **алгебрин алам алгебраическое выражение**. Цунах атта юха а хандош дало, ша чIогIа оьшуш долу, аьрвай, **алам бан** «вносить предложение, предлагать». Таккха «сан **алам бу** я ас **алам бо** хьенех тхьамда харжа» аьлла, цаI вистхилча, цунах кхета гIерташ къахьега ца деза. Иза ала хот ю **шардам** терминах а.

2. Шардам /бу/ упражнение,

цIера шардам /бу/ домашнее упражнение,

грамматикин шардам /бу/ грамматическое упражнение

дегIан шардам я **спортшардам** физическое упражнение.

математикин шардам математическое упражнение (пример).

Вайна ма-гарра, **шардан** хандашах схьадаьлла и дош, грамматикин маьIнехь кхетийна ца Iаш, физкультурин маьIнехь кхето йиш а ю, масала: *пресс чIагIйен шардам, гимнастикин шардамаш*.

Нахана и дош дозвуйтуш оха цунна зорбатуьхийра «Нохчийн меттан урокехь дийнатийн, ораматийн цIерш Iамор» (2005), «Нохчийн меттан урокехь цIердешнийн легарш Iамор» (2003, 2008) аьлла йолчу шина тIо-Iаматехь а, тIаккха «Словарь неологизмов чеченского языка» (2007) цIейолчу дошам тIехь а. Амма, и тергал а ца деш, цу хенахь хиллачу авторша цуьнан меттан **шардар** юкьадаьккхира, тхуна хетарехь, дуьххьалда «дешан авторш» хилархьама. Терминологин лехамашка дилча, и **шардар** дош догIуш дацара, хIунда аьлча терминан ницIкхочуш цхьа маьIна хила деза, цIе ма-ьяккхина ша лелаш долу Iилма дага а догIуш, масала, *катет, гипотенуза* аьлча, математика ма-ярра, я *протон, электрон* аьлча физика ма-ярра. Ткъа **шардар** аьлча, хIун дагадагIу? Дукхахболчарна у *шардар, латта шардар, итуца бедар шарйар* дагадагIу-кх.

Шардаран минусашлахь ду цу юккъехь ши -р хилар а, дуьззана цIердош цахилар а (масдарца хандешан маьIна алсам ду хIинца а), грамматикин класс хийцацалар а (*шардар, шарбар, шарйар*). Доцца аьлча **шардар** дашехь терминийн куц (терминологичность шех олург) кIезга ду. Ткъа **шардам** дашехь, ша кхуллушехь Iилманехь лело кхоьллина хиларна «терминалла» сов яра. Делахь а, хIинца и юхакегочуьра дIадаьлла, массо а аьлла ишкола Iаматаш тIехь и даржарна. Вуьшта вайна лаахь, **шардам** дош эрна ца дIйта, тахана математикин задачи меттана лело-м мегар дара.

3. Дозар /ду/ спряжение.

Хандош хенашкахь хийцадаларх **дозар** олу. Нохчийн меттан хандешнийн ши дозар ду.

1-ра **дозар** юкьадогIу карара хенан чаккхенгахь -у (-в) долу хандешнаш. Масала: *ала, саца, деша, тан, лан, дан, ган, тен* (хIунда аьлча *хIун до?* – *олу, соцу, добыу, тов, лов, до, го, тоь*).

Кхин а нийса бу иштта хадам: 1-ра **дозар** юкьадогIу карара хенан орамехь **горга аз долу** хандешнаш.

2-гIа **дозар** юкьадогIу карара хенан чаккхенгахь -а долу хандешнаш. Масала: *хаза, даша, лата, мага, даша, Iама, Iана* (хIунда аьлча *хIун до?* – *хеца, деша, лета, мега, дIаша, Iема, Iена*).

Кхин а нийса бу иштта хадам: 2-гIа **дозар** юкьадогIу карара хенан орамехь **горга аз доцу** хандешнаш.

4. Озам /бу/ наклонение.

ХIинцалера *саттам* башха хаза термин яц. Шен чулацаме диллича *наклонени* – къамелдечо дуьйцушдолчух шена хетарг, шен *озабезам* гойту категори ю, цундела *озам* термино и маьIна дикIо чулоцу. Хьовса: *билгала озам* ‘изъявительное наклонение, индикатив’, *тIедоьжоран озам* ‘повелительное наклонение, императив’, *бехкаман озам* ‘условное наклонение, конъюнктив’, *лааран озам* ‘желательное наклонение’.

5. Ардамдош причасти.

Билгалдешан, хандешан *ā*мат долчу к̄амелан дек̄бах *ардамдош* олу.

6. Теардамдош деепричасти.

Куцдешан, хандешан амат долчу к̄амелан дек̄бах *теардамдош* олу.

И т̄аьх̄ара ши термин *ц̄ердош*, *билгалдош*, *хандош*, *куцдош*, *айдардош* терминийн мо҃арехь д̄анисло, кхета атта а ю, х̄унда аьлча **арда** *действовать*, **ардам** *действие* дуйла ха̄а вайна, т̄к̄а *причасти*, *деепричасти* вайн маттахь ц̄х̄а а бух боцуш ду.

7. Эриг субъект, подлежащее.

8. Д̄ериг предикат, сказуемое.

И ши термин лелийча дика хир дара вай, ц̄к̄а делахь уьш, нохчийн дешнаш хила ма-деззара, доций ду; шолг̄а делахь, мелла а этимологин орам гуш ду (*эриг* – аламехь *олуш* долу коьртаниг, *д̄ериг* – аламехь эригахь *д̄ериг*, д̄олушдерг, дуйцург); кхоалг̄а делахь, *эриг-дериг*, оьрсийн *тема-рема* бохург санна, вовшацца рифма йолуш хаза а ду.

Цаьрца йоьзна терминаш:

Грамматикин эриг (ц̄ерниг дожарехь хуьлу) = грам. подлежащее

МаьӀнин эриг (Др., Л. я М. дожарехь хуьлу) = логическое подлежащее

Хандешан ц̄х̄алхе дериг простое глагольное сказуемое

Церан х̄оттаман дериг составное именное сказуемое

Хандешан х̄оттаман дериг составное глагольное сказуемое

9. Цоьмалгийн к̄овларш кавычки;

ц̄оьмалгийн к̄овларш юкк̄е лаца взять в кавычки,

ц̄оьмалгийн к̄овларш сх̄аелла открыть кавычки,

ц̄оьмалгийн к̄овларш д̄ак̄овла закрыть кавычки.

10. Iāmat /йу/ учебник.

1-ра классан Iāmat учебник 1-го класса,

нохчийн меттан Iāmat /йу/ учебник чеченского языка,

оьрсийн меттан Iāmat /йу/ учебник по русскому языку,

математикин Iāmat /йу/ учебник по математике.

Шен кхоллаяларца тамашийна хетахь а (х̄инццалц суффикс -т хандашна т̄екхеташ яцара вайн, хьовса: *дийнат* ‘садолх̄ума’, *орамат* ‘т̄ейб̄лу х̄ума’), амма нохчийн дешнийн структураца ца дог̄уш х̄умма а дац оцу дашехь, цунах terra декаш ду, масала, *амат*, *к̄āmat*, *Ialamat*, *Саламат* дешнаш.

Цуьнан дика хилар долчунна т̄е а го, тхуна хетарехь, цунах атта кхин ц̄х̄а термин а кхоллаяларна: **г̄ю-Iamat**.

11. Г̄ю-Iamat /йу/ учебное пособие, методичка,

дешаран г̄ю-Iamat учебное пособие,

методикин г̄ю-Iamat /йу/ методическое пособие,

х̄ехархошна лерана г̄ю-Iamat пособие для учителей,

дешархошна лерана г̄ю-Iamat пособие для учащихся.

Лакхахь ялийнарш санна, коьрта яцахь а, лело бег̄ийлий, оьшуший ю дешаран системехь ишта терминаш а:

12. Гулар /йу/ сборник; набор, комплект, коллекция;

диктантийн гулар сборник диктантов,

байтийн гулар сборник стихов,

эшарийн гулар сборник песен,

к̄оламийн гулар набор карандашей,

картийн гулар комплект карт,

маркийн гулар коллекция марок.

ораматийн гулар гербарий

13. Говзар /йу/ говза йина я говза язйина х̄ума,

ишколан говзар сочинение,

яздархочуьн говзар произведение,

сурт̄йозанчин говзар диллана сурт;

говзарийн гулар собрание сочинений.

14. Гозар-Iamat /йу/ хрестоматия,

Нохчийн литературин говзар-Iamat ~ хрестоматия по чеченской литературе,

15. Сизар /йу/ линейка; **логарифмийн сизар** логарифмическая линейка. Цул сов изза дош **пионерийн сизар** 'пионерская линейка', **Туьйренан сизар** 'утренняя линейка' маъИнехь лело а мегар ду.

16. Язолг /йу/ [ййзуолг]. 'ручка',

Дика язолг, хаза язолг.

17. Детаьптар /ду/ 1. кИран рагЙйоза (расписани) тIехь долу дешархойн таьптар; 2. дийнахь хилларш я дагадеьнарш тIеязден таьптар (*дневник*).

И массо термин, Илманехь ма-аллара, апробаци йина ю, вуьшта аьлча ешархошна йовзийтина, зеелла ю, уггар хьалха нохчийн периодикин зорбанехь «Геланча», «Орга», «Стелалад» журналашкахь, «Даймохк» газетехь. Цул сов и терминаш юкьяяхана дуккха а дешнижайнешна, Илман статьяшна, Ламаташна а.

Кхин а лело мегандолу дешнаш

аьламбан предлагать, вносить предложение

аьламбар /ду/ представление (*действие*)

аьлам-кехат /ду/ представление (*бумага*)

беракема вертолет

бIанакъост соратник

ханакъост телохранитель

говзарда автор

говзархо /ву, йу/ изобретатель, сочинитель, автор

гойзана искусственный; *гойзана садеIар* искусственное дыхание, *гойзана спутник* искусственный

спутник, *гойзана дог* искусственное сердце, *гойзана клади* искусственная ткань.

гулаьмда председатель

гулаьмйоза протокол заседания

гIо-ахча /ду/ денежное пособие,

гIо-декан замдекана

гIодиректор замдиректора

гIо-куьйгалхо замруководителя

гIо-министар замминистра

гIо-накъост /ву/ 1. напарник, сотоварищ, пособник; 2. подсобник (рабочий)

гIо-президент вице-президент

гIо-ректор проректор

гIо-салти /ву/ 1. дневальный; 2. денщик

гIо-эпсар /ву/ адъютант

дзар-гIулкх /ду/ мероприятие

ешархо читатель (Карасаев, Мациев 696), тIкьа **дешархо** ученик, учащийся; **дIаешархо** чтец

залк /йу/ трамплин. *Салазаш тIоьхала лелхийта йина залк* (Нохч. фольклор 61)

зорбант /йу/ типография

йинар /йу/ 1. изделие, 2. поделка

касп /йу/ ведомство

кема-аьзни стюардесса

кино-аьзни кинозвезда

куц-аьзни топ-модель

сурт-аьзни фотомодель

теле-аьзни телезвезда

туьйра-аьзни волшебница, фея

хи-аьзни /йу/ русалка

хIорд-аьзни /йу/ океанида

шуйнааьзни /йу/ официантка

куьцалгаш /йу/ украшения

маьсатоп автомат

мацаллацар 1) голодовка, 2) объявить голодовку.

министери /йу/ министерство
ницI-Еедал /ду/ силовые структуры
ницI-Еедалхо /ву/ силовик
носкал /йу/ гриб
блана /йу/ трибуна
омарйан заказать
омарйоза распоряжение
омарт /ду/ директива, распоряжение
ондаатлет /ву/ тяжелоатлет
оьмарйоза жизнеописание; биография
оьмарйозанча /ву/ биограф
рагIйоза расписание
ризалт /ду/ результат, итог, вывод
сайрат планета (Леча Абдуллаев)
саламйоза приветственный адрес
сацамайоза /йу/ резолюция
Сехья-Малхбале Ближний Восток – **Дехья-Малхбале** Дальний Восток
Силабритани /йу/ Великобритания
совгIатхо лауреат, призер, кавалер (ордена и т.д.), номинант
хьарма /йу/ область, поприще
хьаькмат /йу/ правительство
хьежам /бу/ взгляд, точка зрения, аспект
хьукам /ду/ правосудие, возмездие
хьукмат /йу/ учреждение
цхьахаза интересный
чард-аш ю сооружения
чолхемйса чрезвычайный, **чолхемаса хьал** чрезвычайное положение
шйакема беспилотник, дрон
Iад-Iийнарш воздержавшиеся (при голосовании и т.д.)
гриб носкал /йу/
издательство жайнат ю
мероприятие дезар-гIулкх /ду/
министерство министри /йу/
орган вока ю
организация вокалла
правительство хьаькмат
промышленность индустри // индастри
сооружение чард ю, мн. чард-аш

Литература

1. Ахмадов М. Нохчийн Гиллакх-оьздангалла. 10-11 классашна лерана Iамат. – Нальчик, 2003.
2. Вагапов А.Д., Дадашев Р.Х. Оьрсийн-нохчийн физикин терминийн дошам. – Соьлжа-ГIала: Типография ЧГУ, 1999. – 82 с.
3. Вагапов А.Д. English-Chechen Dictionary /Ингалс-Нохчийн дешнижайна/. – Соьлжа-ГIала: Типографская фирма «Собар», 1999. – 108 с.
4. Вагапов А.Д. Нохчийн меттан доштуьду жайна. – Нальчик: Издательство «Полиграфсервис и Т», 2001. – 92 с.
5. Вагапов А.Д., Цацаева А. Chechen-English phrasebook. – Грозный. 2003.
6. Вагапов А.Д., Вагапова К.А. Англо-чеченский лингвистический словарь // Вестник ЛАМ, № 20, Грозный, 2003. – С.37-39.
7. Вагапов А.Д., Ахмадова З.М. Нохчийн меттан урокехь дийнатийн, ораматийн цIерш Iамор. – Грозный: ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2005. – 62 с.
8. Вагапов А.Д. Нохчийн меттан синонимийн жайна. – Грозный: ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2007. – 174 с.

9. Вагапов А.Д. Словарь неологизмов чеченского языка. – Грозный: ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2007. – 144 с.
10. Вагапов А.Д. Щердешнийн легарш. Методикин гIо-Іамат. – Сольжа-ГIала: ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2008. – 96 с.
11. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. – Тбилиси, 2011. – 734 с.
12. Навразова Х.Б. Структурные особенности предложения в чеченском языке. Материалы Всероссийской конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2001. – С. 127-128.
13. J. Nichols and Vagapov A.D. Chechen-English and English-Chechen Dictionary. – New-York-London, 2004. – 694 с.

УДК 81'362;81'366.5

Парадигма оптатива в чеченском языке

Бадаева А.С.

**Институт развития чеченского языка и истории, Грозный, РФ
Академия наук Чеченской Республики, Грозный, РФ**

Аннотация. Оптатив в кавказских языках является довольно распространенным явлением. Во многих языках народов Кавказа присутствуют специальные грамматические средства выражения желания говорящего. В чеченском языке такого рода формы особенно развиты. Так, здесь присутствуют различные типы оптатива, которые имеют свою парадигму временных и аспектуальных форм. Однако чеченский оптатив до сих пор не был объектом специальных исследований. В литературе, посвященной грамматике чеченского языка, многими исследователями упоминается желательная форма либо в качестве отдельного наклонения, либо как одно из значений императива или условного наклонения. При этом под желательным наклонением разными авторами подразумеваются различные формы. Настоящая статья рассматривает оптативное наклонение в чеченском языке, как категорию, включающую несколько форм с различного рода семантикой, которые, однако, можно объединить ввиду общей волитивной, но непобудительной модальности и морфолого-синтаксических особенностей.

Ключевые слова: чеченский язык, морфология, глагол, наклонение, оптатив, желательное наклонение, модальность.

The optative paradigm in the Chechen language

A. S. Badaeva

**Institute for the development of Chechen language and history, Grozny, Russia
Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia**

The optative in Caucasian languages is quite common. In many Caucasian languages there are special grammatical means of expressing the speaker's desire or wish. Such forms are especially developed in the Chechen language. So, there are various types of optative, which have their own paradigm of temporal and aspectual forms. However, the Chechen optative has not yet been the object of special research. In the literature on the grammar of the Chechen language, many researchers mention the wishing form either as a separate mood, or as one of the meanings of the imperative or conditional mood. Thus, under the wishing mood by different authors means to various forms. This article considers the optative mood in the Chechen language as a category that includes several forms with different semantics, which, however, can be combined in view of the same volitional, but unconvincing modality and morphological and syntactic features.

Keywords: Chechen language, morphology, verb, mood, optative, wishing mood, modality.

Более-менее регулярные способы передачи значения пожелания есть, пожалуй, в большинстве языков. Однако не во всех языках присутствуют грамматические средства выражения этого значения. Специальная форма, функционирующая в качестве маркера такой модальности, представляет собой оптатив. Сама по себе семантика желания или мечты в различном контексте часто пересекается с

семантическими полями других модальностей. Так, например, желание, чтобы собеседник говорящего выполнил некоторые действия, есть скорее императив. Желание же относительно фактов настоящего или прошлого (хотелось бы чтобы факт имел место в действительности, но это не так), входя в поле альтернативной действительности, тесно переплетается с семантикой конъюнктива. При таком соотношении этих значений закономерно, что часто значение желания выражается формами императива или конъюнктива. Отмечалось, например, что в праиндоевропейском языке опатив функционировал как отдельное наклонение, однако в современных языках индоевропейской семьи в большинстве своем он слился с другими ирреальными наклонениями.

В кавказских языках опатив – распространенное явление. При этом желательное наклонение является типологической особенностью не только языков коренных кавказских народов. Как отмечают исследователи, наличие в языке специализированного опатива – ареальная черта Кавказа, что является следствием особенности местных культур: пожелания добра входят в повседневный этикет многих кавказских народов, пожелания зла – типичная формула оскорбления. (8, с. 48). Кроме того, в некоторых кавказских языках присутствуют и другие виды опатива, выступающие не в качестве пожелания добра или зла, а просто выражающие желательность некоторого факта для субъекта.

Несмотря на то, что желательное наклонение является одним из основных для кавказских языков, эта категория не получила во многих языках глубокого и системного анализа. В чеченском языкознании по опативу можно найти довольно поверхностные и неоднозначные сведения. В настоящей статье мы постараемся систематизировать имеющиеся материалы по данной теме и выстроить наиболее цельную картину функционирования в чеченском языке средств выражения опативных значений, а также описать грамматико-семантические свойства опативных форм.

Как мы уже говорили, опатив является одной из наиболее употребляемых форм во многих кавказских языках. Чеченский язык не является исключением. Естественно, столь распространенное для чеченского языка грамматическое значение не осталось совсем без внимания исследователей, занимавшихся вопросами чеченской грамматики. Однако вопрос опатива, как и практически любой в области наклонений чеченского языка, не имеет более-менее однозначного решения. Желательное наклонение в работах разных авторов получило очень неоднозначную характеристику. Под опативом понимаются различные формы и различное количество форм. Кроме того, очень слабо представлено грамматико-семантическое описание опатива.

Итак, как мы уже говорили, большинство исследователей выделяют желательное наклонение в номенклатуре наклонений чеченского языка, но понимаются под этим термином различные формы. Так, в работах Н.Ф. Яковлева в этом качестве рассматривается аналитическая словоформа, состоящая из деспричастной формы смыслового глагола и вспомогательного глагола *делара* [17; 18]. При этом, автор – один из немногих, кто приводит временную парадигму опатива в чеченском языке:

Охуш делара!
Ах, если бы пахал (сейчас).
Аьна делара!
Ах, если бы вспахал || пахал (в прошлом).
Охур делара!
Ах, если бы вспахал || пахал (в будущем) [18, с. 288].

Ту же форму в качестве желательного наклонения приводит в своей работе и Т.И. Дешериева [6]. А.Г. Мацев рассматривает эту форму в качестве нереально-желательного наклонения, противопоставляя ему реально-желательное – форму, образуемую с помощью суффикса *-хьара* [10]. Надо сказать, что такое противопоставление этих двух форм вполне оправдано. Подробнее мы рассмотрим этот вопрос ниже.

Форму с суффиксом *-хьара* в качестве единственной опативной формы приводят в своих работах Арсаханов И.Г [1]. и Эсхаджиев Я.У [16]. Дешериев Ю.Д. соотносит ее с повелительным наклонением, выделяя в качестве просительно-желательного наклонения [4]. В работах Гиреева В.Ю., Арсемиковой Б.С [3], а также Джамалханова З.Д., Мачигова М.Ю [7]. внимание акцентируется на пересечении опативного значения с условным, и указанная форма рассмотрена как условно-желательное наклонение. А.И. Халидов в своем словаре в качестве желательного наклонения в чеченском языке также приводит форму на *-хьара*, однако отмечает, что данная форма функционирует и в поле императивной и конъюнктивной модальностей. Также он подчеркивает тот факт, что проблема

наклонений вообще и опатива в частности в чеченском языке разработана довольно слабо и требует дальнейших исследований [15].

А.Д. Тимаев помимо указанной формы отмечает также форму с суффиксом **-(и)йла**. Однако он приводит ее в качестве компонента устоявшихся выражений типа «Гюза юург хуьлда шун!» 'Кушайте на здоровье' (букв. 'Пусть будет для вас употребляемым во благо'); Некъ дика хуьлда хьан! 'Доброго пути' (букв. 'Пусть будет хорошим твой путь'); Марша **вогIийла** хьо! 'Добро пожаловать!' (букв. 'Пусть придеши ты свободным') [14, с. 375]. Однако, надо отметить, указанная форма употребляется в чеченском достаточно широко и свободно образует высказывания на любую тематику.

В качестве единственной формы желательного наклонения ту же форму приводит в своей работе Долакова Р.И. Форму на **-хьара** она рассматривает как сослагательное наклонение [9]. Надо отметить, что Ю.Д. Дешериев, выделивший эту форму как желательное наклонение, приводит ее также в качестве сослагательного. В то же время форма с суффиксом **-(и)йла** рассмотрена им как именное наклонение [5].

Никак не связывают форму на **-хьара** с опативным значением помимо Долаковой Р.И. также Яковлев Н.Ф. и Дешериева Т.И., которые указывают только условное значение у этой граммемы (нереально-условное наклонение у Дешериевой Т.И. и нереально-условная придаточная форма у Яковлева Н.Ф.) [17; 6]. Форму с суффиксом **-(и)йла** также нередко рассматривают вне поля опативной модальности, чаще всего соотнося его с императивным значением [1; 7; 15; 17; 18].

Как мы уже отмечали и прежде, в чеченском языке все три указанные формы целесообразно рассматривать в качестве опативных [2]. Каждая из них имеет свои семантические и грамматические особенности, но в целом они не выходят за рамки опативной модальности. Все три отмеченные формы в качестве опативных рассмотрены в статье Добрушиной Н.Р [8]. Однако несколько моментов в этой работе, связанных со способом образования той или иной формы, а также особенностями семантики, вызывают некоторые вопросы, которые мы рассмотрим подробнее ниже.

Как отмечают исследователи, в языках мира встречаются различные типы опатива. В основном их подразделяют на опативы, которые чаще всего употребляются в различных пожеланиях – положительных и отрицательных (пожелания добра или зла), и опативы, которые выражают желание или мечту субъекта, не подразумевающие никакого влияния говорящим на действительность. При этом отмечается, что второй тип опатива встречается в языках мира реже, чем первый. Как правило, оба эти значения не совмещаются в одной граммеме [8]. В указанной уже выше работе [8]. эти два типа обозначены терминами «перформативный опатив» и «дезидеративный опатив». Сам термин «дезидератив» в различных работах употребляется и в других значениях. Так, в работе Мельчука И.А. под этим термином понимаются модальные глаголы, выражающие желание как говорящего, так и любого субъекта высказывания [11]. Плунгян В.А. к дезидеративам относит любые наклонения, базирующиеся на желании говорящего, в том числе и императив [13, с. 326, 372]. Также встречаются противопоставления дезидератива и опатива, как средств выражения субъекта высказывания и говорящего [12, с. 255].

Как видно из этого небольшого обзора термин «дезидератив» далеко не однозначен в работах различных авторов, как это в принципе нередко и происходит с терминами в языкознании. Однако термин «дезидеративный опатив» нам представляется достаточно приемлемым, поскольку, с одной стороны, он довольно точно передает семантические особенности рассматриваемых форм, с другой стороны, такое сочетание не обладает такой же многозначностью, как сам термин «дезидератив».

Форма на **-(и)йла** употребляется в чеченском как пожелание чего-то хорошего или плохого в высказываниях ритуального характера или связанных с этикетом. То есть, эта форма относится к так называемому перформативному опативу, широко распространенному на Кавказе. Используя эту форму, автор высказывания не просто озвучивает свое желание по отношению к какому-то объекту, он как бы вкладывает в него косвенное императивное значение. То есть, озвучивает свое пожелание, как бы веря в силу воздействия слов на реальную действительность. Рассматриваемая форма является обычным средством выражения благословлений и проклятий.

Перформативный опатив не имеет каких-либо грамматических категорий и форм, кроме исходной. В этом плане форма на **-(и)йла** близка к императиву, который также не меняется по времени и лицу. Иногда она употребляется в качестве предиката императивного высказывания, однако такие предложения имеют свою специфику в плане функциональной семантики высказывания. О соотношении данной формы с императивом мы уже говорили в одной из предыдущих работ, поэтому мы не будем подробно на этом останавливаться, а лишь добавим, что иногда в речи наблюдается и обратное указанному явление, когда императив (а именно – исходная форма) употребляется в рамках поля опативной модальности (1-4). При этом императив имеет именно перформативное значение.

- (1) *Дела ван шувшигь марша! Хун ду цахула? (Х.А.)*
 (2) *Дела хила хьуна а, хьо хлокху аглор ялийнчу Ахмадна а шайна хьакь мел дерг! (А.А.)*
 (3) *Хьуна хила хьуна ахчан гали!*
 (4) *Шуна ма гуо хума! Ган ца гора шуна и? (Г.И.)*

Как мы можем наблюдать, императив и перформативный оптатив имеют все же не идентичную семантику. Применение императива в оптативных выражениях, как правило, придает высказыванию иной эмоциональный оттенок. Это может быть крайняя степень раздраженности (4) или же, напротив, приятная неожиданность для говорящего (1), иногда – шуточный характер высказывания (3), иногда – разгневанность в высшей степени (2).

Более того, мы можем наблюдать, что в зависимости от употребления той или иной формы меняется структура предложения. Так, при использовании оптатива глагол смещен к концу клаузы, которая строится вокруг него. Он стоит либо в самом конце, либо же за ним следует местоимение или существительное, обозначающее субъект, которому адресуется пожелание (5-6).

- (5) *Бен бохначу олхазаран а къа **глойла**-кх, харцо, хьох... (Б.М.)*
 (6) *Кхин боккха бала ма **боглойла** вайга! – аьлла доттагчо. (К.Хь.)*

Замена же оптатива императивной формой приводит к тому, что предложение строится не совсем типичным вообще для чеченского языка образом: глагол перемещается в начало предложения, ему предшествуют, как правило, либо личное местоимение, маркирующее объект, на который нацелено высказывание (3-4), либо частица «дела», имеющая в данном случае экспрессивное значение, усиливающая эмоциональную окраску высказывания (1-2).

С перформативным оптативным значением связано еще одно интересное явление в чеченском языке, а именно – субстантивированное оптативное причастие. Вообще, чеченский глагол, как и во многих кавказских языках, необычайно продуктивен. От одной глагольной основы образуются помимо финитных форм десятки конвербов с различными грамматическими значениями. Так, упомянутая нами выше форма образуется от основы инфинитива при помощи суффиксов *-рз* (ед. ч.) или *-риш* (мн. ч.). И, хотя формально в основе этой формы лежит инфинитив, семантически ее основа – оптативное значение. Передать значение этой формы на многие другие языки посредством одного слова невозможно. При переводе на русский язык ее смысловое значение может быть передано выражением вроде «тот / та / то которому я желаю, чтобы с ним случилось то-то».

- (7) *– И бердах **яхарг**, аьлча вуон дацахьара, гучу-м ца ели! (А.А.)*
 (8) *– Мохь ма беттахьа, кIант, – олура цо, корта а ластабой, – **дукхавахарг**, ма беттахьа мохь! (Б.М.)*

В чеченском языке можно выделить два типа дезидеративных оптативов: форма, образуемая при помощи суффикса *-хьара*, который присоединяется к основе инфинитива, а также аналитическая конструкция, состоящая из деепричастной формы смыслового глагола и вспомогательного глагола *делара*. Здесь надо отметить, что иногда первый тип образуется от основы презенса, однако такие формы в современном чеченском языке воспринимаются как диалектные.

Форма на *-хьара* идентична по своему оформлению одной из условных форм – нереально-условной форме, которая используется в качестве предиката придаточной части сложноподчиненного предложения, где в основной части предикатом выступает глагол в форме сослагательного наклонения. Многие рассматривают их как одну форму, имеющую в различные значения в зависимости от контекста. У некоторых авторов она рассматривается именно как условно-желательное наклонение (3; 7) или условно-желательная придаточная форма (16; 17; 18). Однако, как мы можем наблюдать, эта форма не объединяет в себе сразу два этих значения...

Морфологические и синтаксические особенности этих форм дают нам все основания рассматривать их как омонимичные, но совершенно разные по своим грамматическим и семантическим характеристикам формы. Так, они имеют совершенно отличную друг от друга временную парадигму.

	Условная форма	Оптативная форма
Наст. вр	дешахьара	доьшуш хилахьара
Прош.	дешнехьара	дешна хилахьара
Б.	доьшуш делхьара	Дешахьара

Как мы видим, временные формы кондиционалиса и оптатива образуются совершенно разными путями. Кроме того, единственная совпадающая в этих парадигмах форма относится к разным

временным плоскостям. Так, в оптативном значении форма на *-хъара* относится к будущему, в условном – определено к настоящему.

Также значительные различия присутствуют в образовании негативных вариантов этих форм. Для выражения отрицательного значения в оптативе мы используем частицу **ма**, в условных же предложениях с идентичной формой употребляется частица **ца**.

(9) *Кхайкхича а, цавевнарг юха а, иза ца веънера аьлла, хъахор велахъ, ма кхойкхяхъара цуьнга.*
(Б.М.)

(10) *ХIорш овзда нах ца хиллехъара, шу а гIовттур дацара.* (А.М.)

Использование частиц именно таким образом в целом закономерно, учитывая модальные особенности этих форм. Так, частицу **ма** обычно рассматривают как отрицательную частицу, употребляемую во многих кавказских языках с императивом (во многих из них она слилась с основой, образовав так называемый прохибитив). Частица **ца** участвует в образовании отрицательных форм индикатива. Однако поле модальности оптатива ближе к императивной модальности, более того, часто с ним пересекается. Императив и оптатив часто трактуются как компоненты одного коммуникативного типа, что объясняется исследователями наличием сходства между ними в функционально-семантическом плане. В чеченском языке именно такой способ образования отрицательных форм является лишним подтверждением, во-первых, грамматической и семантической отграниченности оптатива от условных форм, во-вторых, обоснованности объединения оптатива и императива в поле единой так называемой «волитивной» модальности.

Еще одна форма, которую мы относим к дезидеративным оптативам в чеченском языке, это аналитическая конструкция, которая состоит из деепричастной формы смыслового глагола или первой части формы будущего фактического и вспомогательного глагола «делара». Этот тип оптатива, так же как и предыдущий, имеет временную парадигму, включающую граммемы, маркирующие все три основных временных значения: *дoьшущи делара, дешна делара, дoьшур делара*.

Оба типа дезидеративных оптативов объединяет то, что их использование не предполагает никакой каузации субъекта высказывания, которая присутствует в некоторой степени в первом типе оптатива. Однако оба этих оптатива выражают совершенно разные значения. Основное их семантическое различие можно сформулировать примерно следующим образом: форма на *-хъара* выражает желание, сопряженное с надеждой, аналитическая форма выражает желание, никак не связанное с надеждами говорящего. Это может быть даже мечта, но автор высказывания, используя данную форму, никак не озвучивает наличие надежды на то, что факт будет иметь место в действительности. Семантикой определяется значение временных форм оптативов. Так, используя простую форму дезидеративного оптатива, говорящий подразумевает, что, возможно, факт уже имеет место в настоящем или прошлом, однако ему об этом еще не известно и он выражает надежду на то, что действие уже совершилось, совершается в данный момент или это произойдет в будущем. В случае же использования аналитического дезидеративного оптатива говорящему известно, что желаемое действие не имеет место в действительности, однако он желал бы, чтобы оно осуществилось в прошлом, настоящем или будущем.

Выводы

Итак, проведенный анализ теоретического и практического языкового материала позволяет нам сделать некоторые выводы относительно средств выражения оптативной модальности в чеченском языке.

Во-первых, в чеченском языке целесообразно выделить оптатив, как отдельное наклонение, поскольку рассматриваемые формы, хотя и имеют некоторые пересечения семантических полей с другими наклонениями (императивом и конъюнктивом), тем не менее отграничиваются от них, как выраженными семантическими характеристиками, так и морфологическими и синтаксическими особенностями.

Во-вторых, зона оптативной модальности в чеченском языке достаточно разнородна и объединяет в себе несколько различных типов оптативов, которые отличаются друг от друга, как характером маркируемого оптативного значения, так и образованием грамматических форм. Так, в чеченском можно выделить перформативный оптатив, который ближе всего в функционально-семантическом плане к императиву и широко употребляется в речи в качестве компонента различных фраз ритуального характера (благословления, проклятия), а также фраз, добрых пожеланий, являющихся неотъемлемой частью этикета на Кавказе. Кроме того, в языке функционируют формы дезидеративного оптатива, который, в свою очередь подразделяется на два подтипа: желания, озвучиваемые с надеждой на их реализацию, и желания, озвучиваемые как часть альтернативной, нереальной действительности.

Литература

1. Арсаханов И.Г. Современный чеченский язык. Лексикология, фонетика, морфология. Учебное пособие для студентов Чечено-Ингушского Государственного пединститута. – Грозный, 1965. – 214 с.
2. Бадаева А.С. Некоторые вопросы категории наклонения глагола чеченского языка. / А.С. Бадаева. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2016. – № 4 (32). – С. 76-84.
3. Гиреев В.Ю., Арсемикова Б.С. Категория наклонения чеченского глагола. // Проблемы глагола вайнахских языков. – Грозный, 1988. – С. 31-53.
4. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. / Ю.Д. Дешериев. – Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1963. – 555 с.
5. Дешериев Ю.Д. Чеченский язык. / Ю.Д. Дешериев. // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. – М., 1967. – С. 190-209
6. Дешериева Т.И. Нахские языки / Т.И. Дешериева // Языки мира: Кавказские языки. – М., 1999. – С. 166-173.
7. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. II дакъа. Нохчийн мотт. Педучилищан студенташна. – Грозный, 1985. – 127 с.
8. Добрушина Н.Р. Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках. // Вопросы языкознания. – 2009. – №5. – С. 48-75.
9. Долакова Р.И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. / Р.И. Долакова. // Известия ЧИНИИИЯЛ: Том II. Выпуск 2. Языкознание. – Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1961. – С. 3-69.
10. Мациев. А.Г. Чеченско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. – 622 с.
11. Мельчук И.А. Курс общей морфологии: Пер. с фр. / И.А. Мельчук. Т. 2: Ч.2. Морфологические значения / Пер. В.А. Плунгяна; Общ. ред. Н.В. Перцова, Е.Н. Саввиной. – М.: Языки рус. культуры; Вена: Кошелев, 1998. – 543 с.
12. Наумов В.И. Опатив и дезидератив в чукотском языке. // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2017. – С. 255-268.
13. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – Москва, 2011. – 510 с.
14. Тимаев В.Д. Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. 2-гIа издани. – Грозный, 2007. 416 с.
15. Халидов А.И. Словарь лингвистических терминов чеченского языка / А.И. Халидов. – Грозный: «ГУП «Книжное издательство», 2012. – 448 с.
16. Эсхаджиев Я.У. Способы выражения сложноподчиненного предложения в чеченском литературном языке. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Том IX. Вып. 2. Языкознание. – Грозный, 1970. – С. 101-154.
17. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Труды ЧИНИИИЯЛ. / Н.Ф. Яковлев. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. – 237 с.
18. Яковлев Н.Ф. Синтаксис чеченского литературного языка / Н.Ф. Яковлев. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1940. – 320 с.

УДК 811.351.12

Система числительных в некоторых диалектах аварского языка

Сиражудинова К.К.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

karina.sirazhudinova@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются цифры различных диалектов аварского языка. Автор статьи дает общие и частные признаки анцухского, целебского и карачского диалектов аварского языка. В статье подробно описывается система цифр аварского литературного языка, приводятся примеры словообразующих частиц. Представлена также цифра «один», которая заслуживает особого внимания при изучении системы чисел Авар.

Ключевые слова: класс, элемент, частица, объединенный, десятичный, десятичный, разрядный, составной, дробный, коллективный, делительный, Анцух.

Numeral system in some dialects of the Avar language

K.K. Sirazhudinova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. This article discusses the numerals of various dialects of the Avar language. The author of the article gives general and particular signs of the Antsukh, Celeb and Karach dialects of the Avar language. The article describes in detail the system of numerals of the Avar literary language, presents examples of word-forming particles. The numeral "one" is also presented, which deserves special attention when studying the Avar system of numerals.

Key words: class, element, particle, combined, decimal, decimal, discharge, compound, fractional, collective, dividing, Antsukh.

Класс имен числительных в аварском языке, как и в других дагестанских языках, относится к древнему лексическому фонду и отличается от других частей речи не только семантикой, но и, прежде всего, своими грамматическими признаками. Интересно, в частности, отметить, что числительные не образуются от других частей речи, хотя в то же время могут служить базой для образования других частей речи. В аварском языке на современном этапе его развития представлена комбинированная, т.е. смешанная система счета. Её своеобразие обуславливается наличием в системе общих для двадцатиричного и десятиричного счета элементов, каковыми являются «десять» и «двадцать» в различных вариантах, как например: *кликъоялда аңцго* «два двадцать и десять» – «пятьдесят», *лябкъоялда аңцго* «три двадцать и десять» – «семьдесят», *ункъоялда аңцго* «четыре двадцать и десять» – «девянсто». Соответственно морфологическим признакам и по семантическим особенностям в аварском языке различаются следующие разряды числительных: 1) количественные, 2) порядковые, 3) разделительные, 4) собирательные, 5) приблизительного счета, 6) дробные.

Количественные числительные являются основой для образования других разрядов числительных. В структурном отношении числительные и в аварском и в годоберинском языках можно разделить на простые, сложные и составные.

Простые числительные аварского языка состоят из корня слова и, кроме числительного *цо* «один» оформлены частицей *-го*: *клиго* «два», *лябго* «три», *ункъго* «четыре», *щуго* «пять», *анлъго* «шесть», *анкъго* «семь», *микъго* «восемь», **Сложные числительные** состоят из двух и более простых числительных: *клиазарго* «две тысячи» – *клиго* «два» + *азарго* «тысяча», *лябнусаарго* «триста тысяч» – *лябго* «три» + *нусго* «сто» + *азарго* «тысяча».

Составное числительное – это словосочетание, состоящее из нескольких простых или сложных числительных: *аңцила цо* «одиннадцать», *къоло микъго* «двадцать восемь», *азаралда ичнусаарго кликъоялда щуабилеб* «тысяча девятьсот сорок пятый».

П.К.Услар отмечает, что количественным числительным всегда сопутствует частица *-го*, которая выпадает при счете (*цо, кли, ляб и т.д.*) Одновременно он говорит, что если количественное

числительное употребляется вместе с существительным ,то частица –го удерживается (*лѣабго чи, лѣабго чияс, лѣабго чиясул* и т.д.) [6,с.64].

Среди количественных числительных особого рассмотрения заслуживает слово *цо* «один». Числительное *цо* в аварском языке, как и в других дагестанских языках ,используется в различных значениях.

а) Числительное *цо* «один», «единственный»:*цо члужу* «одна женщина»,*цо вас* «один мальчик». *Сордоялда жаниб унтулеб буклана цо килиш*. «Всю ночь болел один палец».

б)*Цо* употребляется с неопределенными местоимениями *цибалиго* , *цивалиго* «некий ,какой-то,какой-нибудь»: *Цо цивалиго чи вачлана* «Пришел какой-то человек». *Гъес цо цибалиго бачлана* «Он что-то принес».

Для образования количественных числительных в аварском языке существуют следующие суффиксы :*-ила, -ло, -алда(-ялда)*.

а) Количественные числительные от 11 до 19 образуются сочетанием *анцлго* «десять»без частицы –го с соответствующим простым числительным при помощи аффикса –*ила* :*анцлила цо* «одиннадцать»,*анцлила клиго* «двенадцать»,*анцлила лѣабго* «тринадцать»,*анцлила ункъо* «четырнадцать»и т.д.

б) Количественные числительные от 21 строятся от *къого* «двадцать»отбрасыванием –го и присоединением соответствующего простого числительного при помощи аффикса –*ло* :*къоло цо* «двадцать один»,*къоло клиго* «двадцать два»и т.д.

в) Количественное числительное, содержащее понятие «тридцать»,образуется аналогично содержащим понятие «двадцать»,т.е.к *лѣберго* «тридцать»после отбрасывания элемента –го присоединяется соответствующее простое числительное при помощи аффикса –*алда* : *лѣбералда цо* «тридцать один»,*лѣбералда клиго* «тридцать два»,*лѣбералда лѣабго* «тридцать три»и т.д.

Количественные числительные 40,60,80 образованы сочетанием основ простых числительных *кли-,лѣаб-,ункъ-*и числительного *къого*:*40-кликъого* «2/20»,*60-лѣабкъого* «3/20»,*80-ункъого* «4/ 20»

г) Количественные числительные образуются от сложных числительных путем выпадения –го и присоединения соответствующего простого количественного числительного с помощью аффиксов –*ялда, -ила*:*41-кликъо-ялда цо* (букв.) «два двадцать+один»,*50-Кликъо-ялда анцлго*(букв.) «два двадцать+десять»,*51-кликъо-ялда анцлила цо*(букв.) «двадцать+десять+один».

д) От сотен и тысяч образуются ,подобно другим составным числительным , при помощи аффиксов –*алда, -ялда* :*нусиялда цо* «сто один», *азаралда цо* «тысяча один»,*нусиялда клиго* «сто два»и т.д.

В аварском языке, как и в других дагестанских языках, употребляются интернациональные лексемы *миллион, миллиард*, которые проникли в аварский язык непосредственно из русского языка ,подобно тому, как *азарго* «тысяча»-из персидского.

Порядковые числительные в аварском языке образуются прибавлением к основе простого, сложного или составного числительного суффикса –*абилеб* путем отбрасывания частицы –го в количественных числительных ,как например :*клиго* «два»-*клиабилев* «второй», *лѣабго* «три» - *лѣаббилев* «третий», *къоло цуго* «двадцать пять»-*къоло цуабилев* «двадцать пятый».

Для образования порядкового числительного от количественного *цо* «один» используется супплетивная форма *тлоцебесеб* «первый», которая изменяется по классам и обозначает букв. «самый первый».

Итак, очевидно, что порядковые числительные в аварском языке образуются тем же способом, что и в других дагестанских языках: даргинском, лакском, табасаранском, бежтинском и др.

3.Разделительные числительные в аварском языке образуются путем повторения основ количественных числительных без окончания –го: *цо-цо* «по одному»,*кли-кли* «по два»; *Цо-цо чи уна гьенире* «По одному человеку идут туда».

Значение разделительных числительных еще может передаваться с помощью форманта –*ккун*:*цо-цоккун* «по одному»,*кли-кликкун* «по два»и т.п. Такой же способ образования разделительных числительных и в годоберинском языке: *це-цеб* «по одному»,*кле-кледа* «по два»,*лѣабу-лѣабуда* «по три»,*буу-бууда* «по четыре»,*гьацлальи це-цеб* «по-одиннадцать» *гьацлальи инцтту-инцттуда* «по пятнадцать».

4. Собираемые числительные образуются от основы количественных числительных посредством суффиксов –*авго, -явго*: *клиявго* «двое,оба»,*лѣабавго* «все трое». Данный собираемый тип числительных указывает на все количество, которое было: *Клиявго вас вачлана* «Оба сына вернулись».

Собирательные числительные данного подтипа указывают на часть от всего количества – *кIигояв* «двое от общего количества», *л'ябгояв* «трое от общего количества»: *Къоло щуго вукIана*, *кIигояв хутIана* «Двадцать пять было, остались только двое».

5. **Числительные приблизительного счета** не выражают точного количества предметов, а указывают на их количество приблизительно: *кIуго-л'ябго* «два-три»; *кIуго-л'ябго чи вукIана гъенив* «Два-три человека было там» (аварск.).

Несмотря на то что такая система числительных существует в аварском литературном языке, в некоторых диалектах аварского языка числительные претерпевают изменения не только фонетически, но и меняется сама система счета.

Имя числительное в анцухском диалекте образуется по двадцатиричной системе. Анцухские числительные от числительных литературного языка в основном отличаются фонетическими особенностями. Чтоб нагляднее представить числительные, ниже приводится счет до десяти в сравнении со счетом северного наречия (т.е. литературного языка)

В диалекте	в лит. языке.	
<i>Цо, со или шо (в говорах)</i>	<i>цо</i>	<i>один</i>
<i>кIигу</i>	<i>кIуго</i>	<i>два</i>
<i>л'ябгу(или табгу в АТ и А</i>	<i>л'ябго</i>	<i>три</i>
<i>унгIгу</i>	<i>ункъго</i>	<i>четыре</i>
<i>Шшугу(или ссугу в АЧ)</i>	<i>щшуго</i>	<i>пять</i>
<i>Анльл'гу</i>	<i>анльл'го</i>	<i>шесть</i>
<i>Анкъгу</i>	<i>анкъго</i>	<i>семь</i>
<i>Микъгу</i>	<i>микъго</i>	<i>восемь</i>
<i>ИчIгу</i>	<i>ичIго</i>	<i>девять</i>
<i>АнцIгу (или анчIгу в АЧ)</i>	<i>анцIго</i>	<i>десять</i>

В конце десятков и двадцатых двузначных чисел, когда они в местном падеже 1-й серии, формативом падежа в говоре АЧ выступает - *тIа* вместо существующих в других анцухских говорах и в литературном языке - *ла* и - *ло*: *анчIумIа шо, анчIумIа кIигу, анчIумIа табгу, къотIа шо, къотIа кIигуи* т.д.

Дальше в счете числительных выступают с общеаварским формативом местного падежа - *алда*; *л'ебарлда* (в АЧ и АТ *тебералда*) *цо* 'тридцать один', *гIазаралда* (в АЧ *гIажаралда*) *цо* «тысяча один» и др. В числительных, выражающих двадцатиричные числа, при склонении в местном падеже звук *къ* лабиализуется: *кIикъв'еялда цо* сорок один, *табкъв'еялда кIигу* тридцать один, *угIкъв'еялда табгу* восемьдесят три и т.д. вместо северных *кIикъоялда, табкъоялда, ункъоялда*.

Порядковые числительные выражаются причастием настоящего времени *бисанабот* глагола *бисси* говорить: *кIибисанаб* 'второй' вместо литературного *кIибилеб*, образованного от глагола *абизе* сказать.

Наряду с *бисанаб* встречается и литературная форма *абилеб* или *абул'еб*.

Вместо показателя кратности - *цIул*, существующего в литературном языке, здесь выступает – *цIин*: *щшущIин* пять раз, *кIищIин* два раза вместо *щшущIул, кIищIул*.

Субстантивированные числительные склоняются так же, как имена существительные.

Остальные типы числительных анцухского диалекта не имеют отличий от числительных северного наречия.

Что касается келебского говора, тут бытует десятиричная система так же, как и в родственных андоцезских языках; другие отличия исходят из звуковых особенностей говора. Приведем сравнительный список числительных:

В говоре	в лит яз.	
<i>Со</i>	<i>цо</i>	'один'
<i>кIуго</i>	<i>кIуго</i>	'два'
<i>Л'ябго</i>	<i>л'ябго</i>	'три'
<i>Ункъо</i>	<i>ункъо</i>	'четыре'
<i>Шшуго</i>	<i>шшуго</i>	'пять'
<i>Анльго</i>	<i>анльго</i>	'шесть'
<i>Анкъго</i>	<i>анкъго</i>	'семь'
<i>Микъго</i>	<i>микъго</i>	'восемь'
<i>УчIго</i>	<i>ичIго</i>	'девять'
<i>АнцIго</i>	<i>анцIго</i>	'десять'

<i>АнцIила со</i>	<i>анцIила цо</i>	'одиннадцать'
<i>КIуго анцI</i>	<i>кьоого</i>	'двенадцать'
<i>КIуго анцIила со</i>	<i>кьооло цо</i>	'двадцать один'
<i>Лъабго анцI</i>	<i>лъеберго</i>	'тридцать'
<i>Ункьо анцI</i>	<i>кIикього</i>	'сорок'
<i>Шууго анцI</i>	<i>кIикьоялда анцIго</i>	'пятьдесят'
<i>Анлъго анцI</i>	<i>лъабкього</i>	'шестьдесят'

Наряду с десятиричным в говоре употребляется и двадцатиричный счет. Но фонетический его облик не литературный, а южноаварский.

Местный падеж 1-й серии составных числительных имеет форматив - *лъля*, распространенный почти во всех южных диалектах: *гIазаралъа со* 'тысяча один' вместо литературного *азаралда цо, кIуго анцIалъля шууго* 'двадцать два' вместо *кьооло шууго*.

Имя числительное в карахском диалекте отличается особым формативом местного падежа 1 й серии, сходный с формативом существительного: *лъебералъляда цо* 'тридцать один' вместо *лъебералда цо*; *лъабкъваялъляда кIугу* 'шестьдесят два' вместо *лъабкъоялда кIугу*.

Анализ числительных аварского языка показывает, что определенные группы числительных используют одну схожую модель образования, а другая - иную. Числа 11-19 образованы прибавлением имени «единицы» к имени «десять». Проведенный анализ показал, что последовательность основ во всех языках одна и та же: сперва - имя десяти, затем - единицы.

Система счета в аварском языке двадцатиричная, хотя в некоторых диалектах аварского языка встречается десятиричная система.

Литература

1. Атаев Б.М. Морфология аваро-андо-цезских языков. – Махачкала, 1996.
2. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. – М.: Наука, 1988.
3. Гудава Т.Е. Количественные числительные в аваро-андийско-дидойских языках // Языки Дагестана. Вып.2. – Махачкала, 1954.
4. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. – Махачкала, 1981.
5. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. Издательство Академии Наук СССР. – М.-Л., 1959
6. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. – Тифлис, 1889.

Обозначение детских игрушек в контексте абхазского и английского языков

Р.Ш. Тания

Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

Аннотация. Данная статья посвящена обозначениям детских игрушек в контексте абхазского и английского языков. В ней описываются старинные абхазские игры, которым сопоставляются английские игры, поскольку игрушки являются частью истории народа, целого этноса. Они возникают на определенном этапе, характеризуя уровень жизни. Абхазы, чья жизнь была сопряжена с военными действиями, с малости приучали своих детей к умению обороняться и защищаться. Игры и игрушки целенаправленно представляли собой моделирование военных действий. Наименования, обозначающие детские игрушки в абхазском языке, обозначены словосочетаниями. Большинство наименований носит описательный характер. В английском языке полно представлены наименования современных игрушек.

Ключевые слова: абхазский язык, абхазские игрушки, игры, лексема, английский язык, дети, словосочетания.

Designation of children's toys in context Abkhazian and English

R.Sh. Tania

Abkhaz State University, Sukhum, Abkhazia

Annotation. This article is devoted to the designation of children's toys in the context of the Abkhaz and English languages. It describes the ancient Abkhazian games, which are compared to the English games, since toys are part of the history of the people, the whole ethnic group. They arise at a certain stage, characterizing the standard of living. Abkhazians, whose life was associated with military operations, learned to teach their children the ability to defend and defend themselves. Games and toys purposefully represented a simulation of military operations. The names designating children's toys in the Abkhaz language are indicated by phrases. Most items are descriptive. In English, the names of modern toys are fully represented.

Keywords: Abkhazian language, Abkhazian toys, games, token, English, children, phrases.

Детские игрушки создавались людьми тысячелетиями. Они изготавливались из сподручных материалов. Самыми распространенными материалами для их изготовления были: глина и дерево.

Как и все, что создавалось человеком на протяжении всей его жизни, игрушки являются частью истории народа, целого этноса, поскольку они возникают на определенном этапе, характеризуя уровень жизни. В разное время появляются разные игрушки, определяя духовную, материальную ступень человеческого развития.

История создания детских игрушек уходит в глубь веков. Человеку по природе свойственно создавать уют и комфорт детям. Взрослые с незапамятных времен вырезали милые вещицы из дерева, лепили из глины всевозможные фигурки, и это подтверждают археологические раскопки.

Игрушки служили для приобщения детей к порядку, ответственности, чистоте, бережному отношению, к развитию мониторинговых навыков и имитации взрослой жизни. По мере развития человечества материалы и технология изготовления детских игрушек постепенно менялись.

У каждого народа свои приоритеты применительно к быту и образу жизни. Абхазы, чья жизнь была сопряжена с военными действиями, с малости приучали своих детей к умению обороняться и защищаться. Игры и игрушки целенаправленно представляли собой моделирование военных действий.

Абхазы учили своих детей стрелять из орудий, сделанных самими из веток деревьев. Большой частью они пользовались ветками «атың» – лаконоса и «амцырбгъы» – бузины, поскольку «агъыцъ тацъы» – их полые стволы позволяли закладывать в них «ахкъа» – пульки. Изготавливались эти пульки из материалов, которые могли оказаться под рукой. Лексемой «ахларцъы» обозначена любая крепкая ветка, которая использовалась для того, чтобы загнать пульку в полый ствол. Она могла быть в основном папоротниковой. Детям нравилась подобная игрушка, так как была похожа на настоящее ружье [1, с. 2].

Обучали также пользоваться древними видами военных орудий. В частности, в таком качестве использовалась «алабашья» – абхазский посох, которым пользуются старцы и поныне. «Алабашья» всегда была национальным атрибутом, но характер ее применения был разнообразен, как и внешний вид. Она могла быть сугубо деревянной, из определенного вида дерева, а также с наконечником. «Одной из отличительных черт является железный наконечник, у некоторых с боковым крючком для упора кисти рук и развилкой, что было связано со стрельбой, т. к. на неё клали ствол ружья» [1, с. 2]. Именно с раннего детства взрослые приучали детей к правильному применению «алабашья». Ребенок обязан был понимать ее значение и функции.

Наряду с изделиями, имитирующими военные действия, применялись разные бытовые предметы. Игрушками служили различные вырезанные фигуры: «айцаракъа» – птички, «алакъа» – собачки, «аецаракъа» – жеребята и прочая живность.

Также ранее распространена была игра в маски, которые вырезались из «акабақ» – тыквы, «амкъыба» – горлянки. Маска могла быть еще «анышэлых» – глиняной, «ацэлых» – кожаной, «амфых» – деревянной. В данных названиях в качестве словообразовательного форманта выступает «алых» -- изготовленный.

Особой популярностью среди детей даже в наше время пользуется свисток «ашдыришдыр». В старину для его изготовления использовался «акакан» – грецкий орех, «амжэа» – шелковица. «Абхазы выдвигали весной свистки из грецкого ореха, ввиду того, что с них наружный, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, отходит только весной. Брели палку длиной 100 - 120 мм. Один конец её срезали наискось, другой - ровно. Предварительно постучав вокруг, снимали с неё кору до половины. Затем вдоль трубки делали небольшую щель, а под ней - косую выемку и сверху одевали снятую кору. При вдвигании в щель получался свист» [1, с. 3].

Все детские игрушки в абхазском языке обозначены словосочетанием «*ахэычы хэмарга*», игры называются «*ахэычы хэмаррақэа*». О воспитательном значении игрушек говорит и абхазская поговорка «*Ахэмарга ахэычы даазоит*», означающая «*Игрушка развивает ребенка*». В языке так же имеется фраза «*Аицыхэмарра ахэычқэа аазоит*», что означает «*Совместная игра развивает детей*».

«*Анышэ шэыришэыр*» – глиняный свисток долгое время являлся излюбленной игрушкой абхазских детей. Глиняную массу раскатывали в виде цилиндра, затем брали палочку потоньше, и ею делали сквозной прокол. Один конец цилиндра закрывали. На стволе делали два прокола. В цилиндр насыпали «*ахахэсса*» – мелкие камни или «*арыц*» – зерна. Когда в открытое отверстие дули, воздух выходил через маленькие отверстия, заставляя их вибрировать, что издавало музыкальные звуки. Тем самым доказывая возможность их употребления в качестве музыкальных инструментов [1, с. 3].

На памяти дедов имеется и другая детская игрушка «*агыргын*». Эта игрушка делалась из «*акаканцаа*» – ореховой скорлупы. Для этого брали два орешка, между ними проводили нить, которую раскручивали двумя руками. При растягивании нити, скорлупки тянулись друг к другу и ударялись, издавая при этом своеобразные звуки. «Шершавые» звуки скорлупок приводили детей в неопиcуемый восторг.

В качестве игрушек использовался и папоротник. Из него изготавливали своеобразное орудие в виде двузубца. В папоротниковую игру «*атырасеиса*» до сих пор играют в некоторых деревнях Абхазии. Она является общей игрой для мальчиков и девочек.

Суть игры заключается в том, что две последние ветви папоротника обрезаются как зубцы. Игроки попеременно цепляют их друг за друга и тянут в разные стороны. У кого зубцы папоротника не сломались, тот и выигрывал. В эту игру можно играть как парно, так и группой детей. Иногда команды разбивались на мальчиков и девочек.

Игры и игрушки в основном делились на мальчиков и девочек. Игры для мальчиков объединяет словосочетание «*ачкэын хэмаррақэа*», для девочек – «*азгаб хэмаррақэа*».

Абхазские девочки, как и все девочки народов мира, никогда не расстаются с любимой куклой во все времена. Игра в «дочки-матери» как была, так и остается одной из популярнейших, нестареющих игр.

Примечательно, что понятие «дочки-матери» в абхазском языке не употребляется, а все игры с куклой носят индивидуальный характер. Каждая девочка, на свое усмотрение, определяет характер и название игры. Сама игра с куклой обозначена словосочетанием «*акьанцья хэмарра*». «*Акьанцья*» делали из разных материалов. Она могла быть опять же «*анышэлых*» – глиняной, «*абалых*» – тканевой, «*ацэалых*» – кожаной, самой распространенной была кукла из «*аласа касы*» – шерстяной шали, которую умело складывали в виде маленького ребенка. Мамы и бабушки обучали девочек как правильно складывать шаль, чтобы получалась кукла. Данная игрушка обозначена словосочетанием «*аласа кьанцья*».

В более ранние времена куклы изготавливались из «*айцаақэа*» – разной растительности, включая «*апарч*» – кукурузные стебли. В качестве «*ахахэы*» волос для куклы применялись «*ахпытын*» – кукурузные рыльца, «*аракэа*» – стебли разных растений, «*аеёыхэ*» – конский хвост или же конский волос – «*аехэыц*». Куклы разукрашивались обычно из «*арацэ*» – угля, могла использоваться «*ахэа*» – зола. Этот процесс обозначен лексемой «*акьанцьяшэра*».

Стоит отметить игру в «*агара*» – люльки. Для нее брались вылущенные кукурузные початки без зерен, одинакового размера, которые связывались между собой. Это было основанием колыбели. К нему приделывали одну ручку из гибкого орехового прутика. Примечательно, что подобные колыбельки изготавливались самими девочками без участия взрослых. В них укладывались самодельные, тряпичные куколки. Напевая «*агараишэа*» – колыбельную, девочки подражая своим матерям, бабушкам, играли роль матерей сами.

К любимым игрушкам абхазских детей относится «*ауаргыала*» – качели. Качаясь на качелях, дети сочиняют разные четверостишия, тренируясь в словотворчестве. Словотворчество в абхазском языке обозначено лексемой «*ажэархэмарра*». Складывание слов в определенном порядке способствует развитию речи, мышления, памяти: усвоению такта, ритма.

Как рассказывают старшие, дети также сами мастерили: «*амхаңқуэа*»// «*амхабыстақэа*» – мамалыжные лопаточки, «*акэыдыршьшьыга*» – деревянную зубчатую толкушку, которой разминают варёную фасоль, «*ачуан хэычы*» – маленький котелочек, «*акэыджэыга*» – сосуд для варки фасоли. Так дети готовили специальные игрушки, которые им нужны были для игры в гостеприимство. Эта игра носит название «*асасдылара*».

Играя в куклы девочки приучались к ведению домашнего хозяйства. Словосочетание «*аанра аныкэгара*» объединяет все, что связано с домашним бытом. У них вырабатывались: «*акэыришашьа*» – навыки пеленания, «*ажьжьсара/ариэыкьра/артынчра*» – убаюкивания. Они научались «*ахылаңира*» – следить за своими подопечными, «*атакпхыкэра*» – нести определенную ответственность.

В Англии среди игрушек преобладает «*doll*» – кукла. Как и во всем мире английские девочки не расстаются со своими куклами. Самой любимой «*a toy*» игрушкой является фарфоровая кукла «*Betty Voor*», которая положительно влияет на играющих в нее детей. Она привлекательна своей наружностью.

Изначально «*Betty Voor*» была пуделем и в силу своей популярности превратилась в девочку. «Одна из самых популярных в Англии тряпичных кукол конца прошлого века - негритянка по имени Голливотг «*Golliwog*» или просто Голли «*Golli doll*». Лицо Голли было совершенно черным, на нем сияла ослепительная белая улыбка и белки широко расставленных глаз. Круглую голову обрамляли пушистые черные волосы. На кукле красовались яркие красные брючки в крупный белый горох, голубой джемпер и небрежно завязанный белый шарфик. Веселая и нарядная кукла мигом завоевала огромную популярность».

Одним из милейших игрушек английских детей признан современный плюшевый мишка «*Teddy bear*», которому не так много лет. Особый восторг вызывает его надпись «*Me to you*» – букв. «Я для тебя».

В Британии куклы выполняли двоякую функцию. Они использовались как «*amulets*» – обереги для детей, защищающих их от всего, что могло угрожать ребенку.

Лексика, обозначающая игрушки в английском языке, не отличается особым богатством. Разнообразием не отличаются и сами игрушки. В широте своей представлены наименования современных игрушек: «*balloon*» – шарик, «*soldier*» – солдатик, «*swing*» – качели, «*ball*» – мяч, «*marble*» – шарик, «*bricks*» – кубики, «*rocking-horse*» – лошадка, «*hoop*» – обруч, «*skipping-rope*» – скакалка, «*scooter*» – самокат, «*see-saw*» – качели.

Сегодня работниками музеев, искусствоведами, лингвистами, ведется большая работа по восстановлению детских игрушек, игр, их наименований, так как они являются частью исторической культуры народа.

Игрушки, изготавливаемые старшими для детей, их разнообразие, какими функциями они наделялись – все это атрибуты ментальности данного этноса.

Наименования, обозначающие детские игрушки в абхазском языке, обозначены словосочетаниями. Большинство наименований носит описательный характер.

Являясь представителями разных культур, абхазские и английские дети обнаруживают предпочтения к одним и тем же игрушкам, таким как кукла, качели, что доказывает духовное единство.

Литература

1. Ахба Д.Ш. Игрушки в быту у абхазов [Электронный ресурс]. <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20160512/1018232670.html>
2. Вахания О. В. Абхазские народные игры / О.В. Вахания – Сухуми: АБГОСИЗДАТ, 1959. –117 с.
3. Гаранина Н.В. Наименования подвижных игр в языковом мире английского школьника / Вестник КГУ и. Некрасова №5, 2015. – 120-124 с.
4. Роль географического фактора [Электронный ресурс]. <http://apsny.ru/religion/apsuara/apsuara4.php>

Информанты

1. Тания Ш.Н. с. Дурипш Гудаутского района. 81 г.
2. Тания Р.З. с. Дурипш Гудаутского района. 76 г.

**Структурно-семантические особенности ономапопов
в абхазском языке**

Тания Э.Ш.

Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

Аннотация. Статья посвящена структурно-семантическим особенностям ономапопов в абхазском языке. Данная лексическая группа представляет определённый пласт абхазского языка, который представлен несколькими лексическими подгруппами. Ономапопы придают речи особую выразительность, воспроизводя анатомо-физиологические звуки человека, животных, а также звуки живой природы. Ономапопы обогащают исконную лексику абхазского языка. Они употребляются как в разговорной, так и в литературной речи. Ономапопические глаголы, наречия в абхазском языке обладают всеми грамматическими признаками. Наиболее продуктивны ономапопы, образованные от звуков живой природы, природных явлений. Новые звукоподражательные слова активно образуются в живой речи абхазского языка по устоявшимся структурным моделям.

Ключевые слова: абхазский язык, удвоение основы, изменение основы, структурные модели, наречия, исконная лексика, звукоподражания.

**Structural and semantic features of onomatops
in the Abkhaz language**

Tania E.Sh.

Abkhaz State University, Sukhum, Abkhazia

Annotation. The article is devoted to structural and semantic features of onomatops in the Abkhaz language. This lexical group represents a certain layer of the Abkhaz language, which is represented by several lexical subgroups. Onomatopaths give speech a special expressiveness, reproducing the anatomical and physiological sounds of humans, animals, as well as sounds of wildlife. Onomatopods enrich the native vocabulary of the Abkhaz language. They are used both in colloquial and in literary speech. Onomatopathic verbs, adverbs in the Abkhaz language possess all grammatical features. The most productive onomatopods formed from the sounds of wildlife, natural phenomena. New onomatopoeic words are actively formed in the living speech of the Abkhaz language according to established structural models.

Key words: Abkhazian language, doubling the basis, changing the basis, structural models, adverbs, native vocabulary, onomatopoeia.

Являясь идентичными по природному происхождению, обладая едиными истоками, ономапопы обнаруживают в языках различия, поскольку воспроизводящий язык использует свойственные ему ресурсы.

Ономапопы в абхазском языке, как и в каждом другом, выполняя назывательную, коммуникативную функции, обладают собственной смысловой нагрузкой. Они обозначают различные воспроизведённые звуки, включая произвольные: шелест, шипение, колыхание, урчание, стон и т.д.

Ономапопы не выражают отношения говорящего к воспроизводимым звукам. По своим структурно-семантическим особенностям, они отличаются от главных и служебных частей речи.

Данная лексическая группа представляет определённый пласт абхазского языка. Он представлен корневыми звукоподражаниями, которые пополняя ряды существительных, делятся на следующие подгруппы:

- **подражания, передающие звуки природы:**

а-зыри – хруст

а-хаеа – звук, издаваемый потоком воды

а-хыр – звук дождя

а-еыѠ – звук выливаемой воды

а-йықь – звук грома, чихания

а-зэыри – звуки трамбования снег

а-хэырд – скрип снега

а-пкка – звуки дождя по крыше

• **звукоподражания, производимые различными предметами:**

а-гэыз – звук от резкого падения

а-дың – стук

а-дрым – звук топота

а-жыв – звук машины, насекомых

а-жык – звук, издаваемый при ударе о твердую поверхность

а-жың – шлеп

а-жыѠ – быстро

а-кырйә – звук резкого удара ножом

а-кырә – звук хруста при откусывании яблока

а-пақ – звуки трубки при курении

а-пах – шлепок

• **звуки, издаваемые человеком:**

а-зыу – гул

а-заң – безостановочно болтать, говорить

а-зырң – надоедливо донимать бессмысленными речами

а-зырә // аәә – скрежет зубов

а-кылң – бултых

а-пырә – звуки при небрежной еде

Ономатопы образуют многочисленные наречия, которые в свою очередь подразделяются на образованные:

• **от звуков природы:**

а-виҳә – молниеносно. *Авиҳә аңша асуеит.*

а-зырәхә – с хрустом. *Азырәхә даңхаит.*

а-цэссыхә – моросся, тлея. *Ақәаңсата ацэссыхә илеуеит.*

а-ссыхә – шипя. *Ассыхә асы леуеит.*

а-хаәәхә – звук, издаваемый потоком воды. *Ахаәәхә ақә алагеит.*

а-хырхә – с всплеском. *Ахырхә ақә ағыланахеит.*

а-ххыхә – выливаясь. *Аххыхә азы аңцоит.*

а-хьхәхә – журча, звонко. *Ахьхәхә азыхь леуеит.*

а-хәхәхә – тонкой струей. *Ахәхәхә азы леуеит.*

а-әәәхә – с напором. *Аәәәхә азы хьйт.*

а-еыѠхә – харкая, выливая со сплеском. *АеыѠхә азы нкалтәеит.*

а-йықьхә – звук выстрела, чихания. *Айықьхә дееит..*

а-йәйәхә – безостановочно, не прекращаясь. *Айәйәхә ақә аура иакәымйит.*

а-гәгәхә – с грохотом, шумом. *Агәгәхә ахахә карңсеит.*

а-пккахә – грохоча. *Апккахә ахыб ақә цырақә аахон.*

а-ччәхә – треща. *Аччәхә афархь былуан.*

а-зэырихә – с хрустом. *Азэырихә ақьар афон аеы.*

а-хэырдхә – скрипя. *Ахэырдхә асы ңуа дцон.*

• **различных предметов, насекомых:**

а-ввыхә – жуужжа. *Аввыхә амй абжыы гон.*

а-гэызхә – резкий звук от падения чего-т. *тяжелого или выстрела. Агэызхә дкахаит.*

а-зыухә – о однообразно дребезжащем звуке. *Азыухә иаашлалеит.*

а-зъгъахә – звук, произведённый жёсткими предметами. *Азъгъахә ачуан лрыцкъон.*

а-дрымхә – топая. *Адрымхә дынкаңеит.*

а-дыңхә – стук. *Адыңхә ашә аатит.*

а-жывхә – очень быстро, шустро. *Ажывхә днальвкьеит.*

а-жыңхә – шлеп. *Ажыңхә дыкшеит.*

а-жыкхә – грузно опускаясь. *Ажыкхә диртәеит.*

а-жыѠхә – быстро. *АжыѠхә дааит.*

а-кырйѣхэа – вонзаясь. Акырйѣхэа игэы иналеийеит.
а-кырѣхэа – надкусывая. Акырѣхэа айѣа даацхуан.
а-кѣақхэа – звук выстрела иди удара. Акѣақхэа дист.
а-пақхэа – звук, издаваемый при курении. Анаххэа аҭаҭын дахон.
а-паххэа – легким шлепком. Анаххэа ихы даст.
аууыхэа – шумно. Аууыхэа еилан.

• **звукон, издаваемых человеком:**

а-зыухэа – с гулом. Азухэа рыбжъы гон.
а-зацхэа – без умолку. Азацхэа дцэажэон.
а-зырцхэа – бесцеремонно, обливая словесным потоком. Азырцхэа даахьылжэон.
а-пырѣхэа – улетая, чавкая. Апырѣхэа акрифон.
а-пѣыхэа – в обе щеки улетая. Апѣыхэа акрыф!
а-пффыхэа – фырка. Апффыхэа дцэыйачоит.
а-ууыхэа – с шумом и гамом, завывая. Аууыхэа рышьтыбжъ цэгъан.
а-ххыхэа – посапывая. Аххыхэа дыцэан.
а-хишыхэа – храпя громко. Ахишыхэа дамхацэеит.

Особую разновидность обнаруживают подражания, образованные повторением корня, основы, т.е. удвоением. Данное грамматическое явление характерно для ономастов. Здесь встречаются корни, основы, которые функционируют в языке самостоятельно, без удвоения. Отдельно имеются ономасты, которые без удвоения корня не обладают лексической наполненностью. Существуют следующие типы удвоения ономастов:

• **удвоение корня от одного и того же согласного:**

а-ввы – звуки, издаваемые насекомыми.
а-жжы – жужжание.
а-ххъа – журчание ручейка.
а-хха – звуки проливного дождя.
а-ххы – звуки храпа.
а-ххъа – журчание.
а-хэхэа – звуки тонкой струи.
а-еёа – звуки напора воды.
а-йѣйѣа – звуки непрекращающегося дождя.
а-гэгэа – звуки грохота, тяжёлых предметов.
а-згзга – звуки, издаваемые при соскабливании.
а-чча – звуки огня, пламени.
а-ссы – звуки мелкой россыпи, снежной крупы.
а-ууы – многоголосье.

• **удвоение корня:**

а-ви-ви – размахивая в разные стороны. Ахъыс ави-ви айыхэа акъон.
а-дыр-дыр – вздрагивая. Ицэа адыр-адыр ихцон.
а-дры-адрым – топ-топ. Адрым-дрым дкэашон.
а-гэыр-гэыр – стуки, громыхание. Агэыр-гэыр аргон амиш.
а-заца-заца – беспрестанно. Азаца-заца имшыш.
а-жың-жың – шлеп-шлеп. Ажың-жың ааихлыргеит.
а-кыр-кыр – хохоча. Акыр-кыр лымышын лара.
а-тық-тық – тик-тик. Атық-тық ахгон асаат.
а-ххъа-ххъа – журчание. Аххъа-ххъа амишын акэарчча.

• **удвоение корня + хэа – словообразовательный суффикс образа действия:**

а-ви-ви + хэа – подражание шуму ветра.
а-выр-выр + хэа – подражание звуку вертящегося предмета.
а-жыѿ-жыѿ + хэа – быстро.
а-жыв-жыв + хэа – быстро и непрерывно.
а-гэыз-гэыз + хэа – надрывно.
а-зырѣ-зырѣ + хэа – с хрустом.
а-дың-дың + хэа – стук за стуком.
а-дрым-дрым + хэа – громко с топотом.
а-хыу-хыу + хэа – лай собаки.

а-кәақ-акәақ + хәа – звук падения чего-н. или выстрела.

а-тыгә-тыгә + хәа – тук-тук.

а-тықә-тықә + хәа – с легким стуком.

а-кырә-кырә + хәа – с хрустом (есть).

а-пақ-апақ + хәа – слегка потягивая.

а-жыв-жыв + хәа – быстро и непрерывно.

а-хаеа-хаеа + хәа – проливным дождем.

а-еаеа-еаеа + хәа – выливаясь.

а-еыә-еыә + хәа – толстой струей.

а-йәйәа-йәйәа + хәа – мелкой струей.

а-гәгәа-гәгәа + хәа – с грохотом.

а-пкка-пкка + хәа – строча по чему-н.

а-зәыри-зәыри + хәа – похрустывая.

а-хыр-хыр + хәа – хлеща.

а-ххы-ххы + хәа – посапывая.

а-хәхәа-хәхәа + хәа – струясь.

а-хәыр-д-хәыр-д + хәа – поскрипывая.

а-йыр-йыр + хәа – сверкая как молния.

а-йәыр-йәыр + хәа – не прекращаясь.

а-гәыр-гәыр + хәа – с шумом.

а-кәаң-кәаң + хәа – кап-кап.

а-йәаң-йәаң + хәа – подобно капельке.

- **удвоение с заменой корневого согласного + хәа – словообразовательный суффикс образа действия**

а-зъзъа-гәгәа + хәа – подражание шуму, произведённому проходящим транспортом

а-дрым-срым + хәа – дружно, быстро

а-дық-сық + хәа – подражание звукам драки

а-дық-чық + хәа – подражание звукам мелкой потасовки

а-гәыз-чыз + хәа – подражание звукам падения тяжелых предметов

- **без удвоенного корня не употребляющиеся:**

а-зәыз-зәыз – звук, издаваемый при кашле

а-кыр-кыр – подражание звонкому хохоту

а-кыр-кыр – воспроизведение громкого хохота

кәаң-кәаң – звуку шлёпанья босыми ногами

- **не употребляющиеся без удвоенного корня + хәа – словообразовательный суффикс образа действия и сочетающиеся с определенными глаголами:**

а-зәыз-зәыз + хәа – надрывно кашляя. Азәыз-зәызхәа деимхәон. Надрывно кашлял.

а-кыр-кыр + хәа – звонка смеясь. Акыр-кырхәа дыччон. Звонко смеялся.

а-кыр-кыр + хәа – громко хохоча. Акыр-кырхәа дыччон. Гроко хохотал.

кәаң-кәаң + хәа – шлепя босиком. Кәаң-кәаңхәа дцон. Шел шлепя босиком.

- **удвоение корня с заменой согласного второго компонента:**

а-зырә-мырә – с хрустом, треском

а-зъзъа-гәгәа – с шумом, грохотом

а-жык-сык – бух-бух

а-кәкәа-еәа – треца

а-кырә-пырә – покусывая с хрустом

а-трық-срық – подпрыгивая слегка

а-чырт-сырт – издавая мелкие звуки

а-чах-сах – треца

а-чах-мах – потрескивая

Звукоподражания, производимые различными предметами, создают немалочисленные отглагольные существительные, которые образуются по модели:

- **корень + ра – суффикс масдара**

а-зәң + ра – бестолку говорить

а-пырә + ра – уплетать

а-қашәа + ра – колыхаться (о всходах, траве, злаковых растениях)

a-кыр + pa – каркать

a-ууу + pa – выть ала абга ақэыцьма

- **удвоение корня + pa – суффикс масдара:**

a-вырвыр + pa – кружиться хаотично

a-қашақаша + pa – колыхаться

a-ғарғар + pa – дребезжать, колотиться

Встречаются немногочисленные подражания, сопровождающиеся словом *абжы* – «звук»:

a-гәаң + бжы – звук упавшего предмета

a-гәақ + бжы – звук выстрела

a-кәақ + бжы – звук выстрела или удара

a-кәырғ + бжы – звук откусывания

Особый интерес представляют своей функционально-содержательной насыщенностью, ярким разнообразием подражания звукам птиц, которые образуются по моделям:

- **корень + pa – суффикс масдара:**

a-кәыр + pa – воркование голубя

a-кыр + pa // акыу + pa – карканье вороны

a-кау + pa – звуки кориуна

a-йәит + pa – щебетание птиц

- **удвоение корня + pa – суффикс масдара:**

a-фықә-фықә + pa – пение дрозда

a-кыж-кыж + pa – пение сойки

a-чыжь-чыжь + pa – пение дерябы

a-чыр-чыр + pa – щебетание ласточки

a-кар-кар + pa – кудахтанье курицы

a-кар-кар + pa – кукареканье петуха

a-чыу-чыу + pa – тицание цыплёнка

- **удвоение корня + хәа – словообразовательный суффикс образа действия :**

a-фықә-фықә + хәа – чирикающая как дрозд

a-кыж-кыж + хәа – визжающая как сойка

a-чыжь-чыжь + хәа – чирикающая как деряба

a-чыр-чыр + хәа – щебечущая как ласточка

a-кыр-кыр + хәа – кудахчающая как курица

a-чыу-чыу + хәа – тицающая как цыплёнок

Ономатопы обогащают исконную лексику абхазского языка. Они употребляются как в разговорной, так и в литературной речи.

Ономатопические глаголы, наречия в абхазском языке обладают морфологическими и синтаксическими свойствами, т.е. всеми грамматическими признаками. Будучи не наполненными экспрессией, ономатопы придают речи особую выразительность, воспроизводя анатомо-физиологические звуки человека, животных, а также звуки живой природы.

Наиболее продуктивны ономатопы, образованные от звуков живой природы, природных явлений.

Новые звукоподражательные слова активно образуются в живой речи абхазского языка по устоявшимся структурным моделям

Литература

1. Голубева Е. В. Универсальные и национально-культурные особенности звукоподражаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №9. Ч.2. С. 77-80.
2. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980, 784 с.
3. Шакрыл К. С., Конджария В. Х. Словарь абхазского языка. – Сухуми, 1986, Т.1., – С. 495.
4. Шакрыл К.С., Конджария В. Х. Словарь абхазского языка. – Сухуми, 1986, Т. II., – С. 543.

Использование инновационных технологий в учебных заведениях

Эдилов С.Э., Асхабова Л.А.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация. В статье показано, какое место занимают инновационные технологии в учебном процессе, как внедрение в учебных заведениях новых технологий согласно федеральным стандартам поднимает обучение на новый уровень, прививает учащимся интерес к учебе, делает уроки увлекательными и интересными, и как новые технологии дают глубокие знания, основанные на научной базе.

Ключевые слова: инновационная технология, метод проектов / разработанный метод, креативная технология, модель обучения / модель обучения.

The use of innovative technologies in educational institutions

Edilov S.E., Askhabova L.A.

Chechen State Pedagogical University

Annotation. The article shows what place innovative technologies occupy in the educational process, how the introduction of new technologies in educational institutions in accordance with federal standards raises learning to a new level, instills in students a taste for learning, makes lessons exciting and interesting, and how new technologies give in-depth knowledge based on a scientific basis.

Keywords: Innovation technology, project method / designed method, creative technology, model of study / model of learning.

ДЕШАРАН ХЪУКМАТАШКАХЪ ИННОВАЦИОННИ ТЕХНОЛОГЕХ ПАЙДАЭЦАР

Статья тӀех гайтина хӀун меттиг дӀалоцу инновационни технологеша, хӀун тайпа хьелаш кхуллу цара хьехаран процессан декъашхошна шайн кхиарехь а дикачу жамӀашка кхачарехь а. Довзийтина хӀун гуллакх кхочушдо дешаран декъе юкъялош йолчу инновационни технологеша. Керла технологеш юкъялоро дешаран хьукматашкахь Федеральни пачхьалкхан стандартан лехамашна жоп луш, дешар лаккхарчу тегӀан тегӀе доккху, Ӏамочаьргахь дешаре дог-ойла кхийайо, урокаш самукъанечу кепе ерзайо, Ӏилманан буха тӀехь долу кӀорггера хаарш ло.

МаӀне дешнаш: инновационни технологеш, дешаран талламбаран гуллакх, проектан метод, кхоллараллин технологеш, Ӏаморан модель.

Сиха хийцалуш схьадогӀучу дахаро тайп-тайпанчу сферашкахь говзанчашна хьалха даккхий декхарш хӀиттадо, доьху цаьрга шайн балха юкъя жигара керла технологеш ялор. Кхеташ ду, дешаран сфера а юьстаха латта йиш яц оцу гуллакхна. Де-дийне мел дели схьатегӀертачу хаамийн технологеша доьху тӀекхуьш долу чкӀор оцу хийцамашна кечдар. Оцу хуьлуш долчо ца вуьту хьо айхьа деш долу гуллакх хьалха санна дан, Ӏилманан а, социальни а кхиамаша сиха а, бухера дуьйна а хийцаре кхойкху белхьан хьелаш а, деш долчун чулацам а.

ХӀокху тӀаьхьарчу хенахь хийцаделла дӀахӀиттина дешаран декъехь долу хьелаш. Ткъа балха юкъя керла технологи юкъялоро хаьбал хийцина школалкахь дешаран а, кхетош-кхиоран а болх. Ша дика педагог ву ала йиш йолуш вац тахана хьехархо, нагахь санна цунна евзаш яцахь дешаран декъа юкъялош йолу керла технологеш, инновационни кепаш.

Дукхайолу российски школалш халонаш ловш схьайогӀу дешаран декъехь. Классал арахьа карадирзинчу хаарех пайдаэца таро цахиларна, дешархойн дешаре йолу шовкь дӀайолу. Школийн материални бух ледара хиларца доьзна хӀинцалера мультимедийни технологеш юьстаха юьсу царна. Делахь а, тхуна хетарехь, керлачу Ӏаморан технологеш дешаран, кхетош-кхиоран декъехь муьлхачу а хьелашкахь а пайдаэца беза. Цо таро ло

дешархойн тЕкаре хиларан (коммуникативни) башхаллаш кхиорал сов, церан предметехула долу хаарш шордан, беран кхоллараллин хьуьнарш кхио аьттонаш а кхуллу.

Хинцалерчу педагогикехь шуьйра яьржина термин ю инновационни технологи шех олуш ерг. Инноваци – ингалсан маттахь – керла юкьадалош дерг, керланиг ду, доцца аьлча, ша система чохьхара дуьйна хийцар. Технологи – желтойн маттахь говзалла, кхетам бохург ду. Юкьарчу маьИнехь цуьнан бухехь ду дешаран а, кхетош-кхиоран а гУллакхан жамIаш а, уьш вовшахтохар а гIоле деш долу керла юкьадалораш, керла Илма, керла говзаллаш ю. Амма инновации муьлхха а керла юкьадолориг дац. Йолуш йолчу системин эвсаралла дикка лакхайоккхуш ерг бен лара йиш яц инноваци.

Дешар а, кхетош-кхиор а вовшахтохар а, дIадахьар а лаккхарчу тIегIан тIе даккха Iалашо йолуш, церан дикалла совьяккхарехь кхуллуш долу хьелаш а, шайх пайдаоьцу гIирсаш а бу уьш.

Ткьа хIун хаттарш хIуьтту вайна хьалха и декхарш кхочушдарехь? Муха лакхадаккха деза дешар а, кхетош-кхиор а, хIун дан деза дешархойн деша дог дайтарехь? Урокехь Iамош дерг сов муха доккхур дара те, эрна хан ца йойьуш, цуьнан эвсаралла лакхаяккхарехь хIун дан деза? Царна юкьахь уггаре а коьрта хаттар: ахь бечу белхан жамIаш хIун дича дика хир дара те? ХIорш а, кхарах тера долу кхин а хаттарш, хIуьтту вайна хьалха тахана. Вуьшта аьлча, хIун бахьана ду таханлерчу дийнахь педагогикехь керлачу некьашна тIедовларан? Масех бахьана ду цунна. Цкьа-делахь, педагогикина цхьана системехь гУллакхдаран хIума юкьадалор.

ШозлагIа-делахь, дешаран декьехь хIора дешархочун кхетам кхиорна тIехьажийна декхарш кхочушдар. КхозлагIа-делахь, кIезиг хаарш луш йолу кепаш юкьараяхар. ДобазлагIа-делахь, хьехархочун а, дешархочун а вовшашца йолу юкьаметтиг герга хилийтар, ледара болх бечу хьехархойн кхачамбацарш жимдар, церан белхан эшамийн тIаьхьало мелла яййар.

Кхечу меттигашкахь керлачу технологех пайдаэцар таханлерчу хьехархойн коьрта декхар хилла дIахIуттуш ду, вай цунах кIезиг пайда эцахь а. Илманан буха тIехь белхан эвсаралла лаккхарчу тIегIан тIе яккхар ду иза, дешархошна лаккхара, кIорггера хаарш а луш. Моде даьлла хIума дац иза, вайзаманан Илманан-зеран кепара ойлаяран хатI ду.

Ткьа хIун башхо ю методикина а, технологина а юккьехь?

Методика – иза дешаран гУллакх вовшахтохаран а, дIадахьаран а некьаш бовзуйту хьехамаш белахь, педагогически технологи цунах кьаьста шина хIуманца:

1. Технологи – иза бечу белхан чаккхенехь жамIаш дика хирг хиларан тоьшалла далар ю.

2. Технологи – иза хиндолчу дешаран гУллакхан проект ю.

Доцца аьлча, технологи – иза дешаран декьаца йоьзна йолу цхьана кьепехь вовшахтоьхначу гIирсийн система ю, ша кхачам боллуш дика кхочушгьахь, жамIаш дика хирг хиларан тоьшалла даларан.

Муьлхха а педагогически технологи цхьана лехамашна жоп луш хила езаре терра, кхуьнан а бу шен бехкамаш:

– Илманан бух хила безар;

– цхьана системехь хилар (хьалха-тIаьхьа хила дезарг дIанисдина);

– терго ялуш хилар;

– дагалаьцнарг кхочушдалур долуш хилар.

Технологи Илманан буха тIехь хила еза бохург хIун ду аьлча, дешархочо дийриг Илманан талламашна тIе доьгIна хила деза, цунна оьшун долу хьелаш а кхуллуш, бохург ду. Дика, Илманан бухехь дешар а, кхетош-кхиор а дIахIотторан технологи – иза ю хьехархочун лаккхара говзалла. Дешархо а, цо кхочушдийриг а ду-кх Илманан бухе дилла дезарг: цуьнан кIорггера хаарш хилийтарна лерина гIирсаш а, коьчалш а харжар. Оцу дешархочунна дешаран декьехь оьшундерг, таллам а бина, гIоле дерг кьастадар, сьахаржар (учебник, технологически гIирсаш), цул сов, дешаран, кхиаран гУллакхан а, кхетам совбаккхаран а некьаш билгалдахар, кхетам, кхиар совдаккхаран Iалашо йолуш, методически кепаш билгалгьар; хьехархочун дешархочуьнца йолу юкьаметтиг кьастор.

Таханлерчу дешаран системин декьехь хьехархочунна хьалха хIиттош долу декхарш мелла а хийцадала деза. Таханлерчу хьехархочо дешархо Iама а ца веш, цуьнга

шегга кхоллараллин лехамехь болх байта хьелаш кхолла деза. Вуьшта аьлча, дешархо дешаран процессан объект а йоцуш, цуьнан субъект хуьлу. Нагахь санна хьалха Россин школалашкахь дешаран г'уллакхан ролаш иштта д'асасекъна хиллехь:

субъект _____ объект
хьехархо _____ дешархо

школалаш ФПДС т'е йовлучу хенахь ролаш хийцало:

субъект _____ субъект
хьехархо _____ дешархо

Хаарш карадерзоран меттана, коьрта долчу декъана ох'ла хилар (компетентность) кхиор д'адахьа деза.

Практикехь маь'не йолу компетенцеш кхиоран системин бухехь т'екаре хиларан карадерзораш, хаарш ду, жобпалла шена т'елаца хьуьнар хилар, цхьаьна г'уллакхдан хаар, х'орангахь ша-шен кхиоран хьуьнар хилар, шеггахь кхечу культурин, меттанийн, динан адамашца маьрша ваха хьуьнар кхиор. Дешарна юкъялайо йоза-дешар Iаморан дикалла лакхайоккху а, дешархошкахь х'орангахь хьуьнарш кхиор билгалъеш йолу инновационни технологеш.

-Iаморан таханлерчу технологийн коьрта Iалашонаш х'орш ю:

-дешарехь лардан бух караберзор, и караберзийначул т'аьхьа дешархо хьуьнаре хуьлу ша болх бан а, кхид'а деша а, юаа деша а;

-дешархошкахь кхоллараллин аг'онаш, т'екаре хила хаар, толерантность, ша-шена дешар Iамо хьуьнар кхиор, тобанехь болх бан а, проекташ кхолла а, анализ ян а карадерзор.

Таханлера хьехархо хьехаран тайп-тайпанчу кепех, некъех пайдаэца хууш хила веза. Цуьнан коьрта декхар дешархо х'ума довза болчу лаамна т'еверзор ду. Урокаш самукъане а, эвсаре а хилийтархьама, хьехархо даим лехамехь хила веза, эксперименташ еш, белхан форманаш, методаш, кепаш, некъаш т'ет'а карладохуш.

И г'уллакх инновационни хир ду, нагахь санна хьехархо лакхене кхийдахь, ша дийриг дикачу аг'ор хийца иза г'ерташ велахь. Хьехархоcho урокехь дечун керла аг'онаш билгалйовлу тайп-тайпанчу, хьалха хиллачух тера доцчу т'едахкаршкахь, ламастан доцучу г'уллакхашкахь, самукъанечу шардашкахь, кхиаман хьелаш кхолларехь, дидактически коьчалшкахь, Илманан бакъдерш харжарехь, дешархойн кхоллараллин г'уллакхдар вовшахтохарехь.

X'ара тайпа инновационни урокийн тайпанаш билгалйоху: дешархоша шаьш г'уллакхдаран, талламбаран, проблемни, проектни декъехь кхочушийраш. Уьш т'ехьажийна хила езаш ю массо аг'ор кхиьна, хьохург схьалацарал сов, ша хаарш лохуш, деша а, ша-шена т'ехь болх беш, кхин а лакхавала хьуьнар долу кхолларалин личность кхиорна.

Хьехархо декхарийлахь ву х'ора дешархо ша кхиаме кхачош волу, ша-шен зуьйш волчу кепара урок вовшахтоха.

Инновационни дешаран Iалашонаш ю:

-интеллектуальни, кхоллараллин, т'екаре хиларан, лингвистически компетенцеш кхиор;

-личностан дикаллаш кхиор;

-массо кепара дешаран г'уллакхдар кхиор, царна чуйоьлху:

-личностан массо кепара дешаран г'уллакхдар,

-х'ума довзаран массо кепара дешаран г'уллакхдар,

-коммуникативни массо кепара дешаран г'уллакхдар,

-регулятивни массо кепара дешаран г'уллакхдар;

-тайп-тайпана ойлаян хаар кхиор.

X'окху Iалашонаша билгалдоху инновационни дешаран декхарш:

-дешаран, кхетош кхиоран г'уллакх жигара даккхар;

-хьехархо а, дешархо а вовшех кхетах хиларан хьелаш кхоллар;

-деша дог дайитаран кепехь болх вовшахтохар;

-дешаран материал леррина харжар а, йовзийтар а.

Хууш ма-хиллара, ламастан урокахь дешаран таханлерчу лехамашна жоп луш яц, цундела хьехархо инновационни технологеш пайда эца г'ерта. Дешаран инновационни технологешна юкьара кхолларалица болх бечу хьехархоша кьобалийна т'еэцнарш билгалйохур вай:

-дешаран-талламбаран гУллакхдаран технологи;
-дидактически ловзариин технологи;
-компьютерни технологи а, проекташ кхочушъяр а;
-интегрированни урокийн технологи;
-урокаш-тренингаш а, тестирувани а.

Нохчийн меттан урокехь дешаран-талламбаран гУллакхдар технологиех пайдаэцаран методике хьовсур ду вай. ХIара тайпа талламбаран кеп керла ю хьехаран декъехь. Талламбаран балха тIехь урокехь кхиамаш боцуш чекх ца долу гУллакх. Иза кхиам болуш хилийтархьама, дешаран-талламбаран гУллакх дика вовшахтоьхна хила деза, коьрта верг дешархо ву кхузахь: цуьнан лаам, Iалашонаш, хьашто, амал. Объект йоцуш, дешархо хIинца юьззина бакъонаш йолу дешаран декъашхо ву. Хьехархочун дакъа а хийцало: хаарш дIалуш верг воцуш, дешарехь накъост хуьлу цунах.

Муха дIахIотто беца талламан болх?

Цкъа-делахь, дешархочо ша тIелоцу шена и болх, самукъане йолу тема а хоржий. ШолгIа-делахь, талламан болх дIабахьар кхочушдо дешархочун долчу хааршна тIехь (шен хаарех пайда а оьцуш, дешархо ша дуьне довза волало, керла хаарш карадерзадо шена). КхоалгIа-делахь, хьехархочунна а, дешархочунна а юкъяра юкъяметтигаш вовшех тешам болуш хуьлу (хьехархочо хьехарш до, нисво, цунах хинболу пайда бовзуйту). ДобалгIа-делахь, дешархо ша а хуьлу талламан жамIашка сатесна. Хаттар кхоллало: маца дIаболо беца талламбаран болх шкоলেখь. Лакхарчу классийн дешархойн хаарш алсам ду, церан ойлаяр а ду кхечу кепара, абстрактни, цундела оцу балхаца уьш ларор бу. Делахь а, церан хан кIезиг ю, уьш экзаменашна кечам бан безаш бу. Талламбаран болх дIаболо мегар ду кхин хьалха а – йолхалгIачу классехь дуьйна. Тидаме эца деза, цуьнан эвсаралла цара талламехь бинчу кхиамашца боьзна хир бац, коьртаниг – талламан Iамар ду. Талламбаран цхьайолу элементаш 5-чу классехь а хила тарло. Масала, нохчийн меттан урокехь долахь а, юкъяра а цIердешнаш Iамочу хенахь талламан байта мегар ду дешархошка божарийн а, зударийн долларчу цIерийн хIун маьIна ду хьовсуш. Таллам бечу хенахь дешархоша пайда оьцуш бу хаамийн гIирсех, Iилманан литературех. Таллам дIахьош дешархоша атта оьрсийн маттахь маьIна далуш йолу долахь цIерш толлур ю. Царах цхьаерш атта маьIна далуш ю. Масала, Турпал, Зезаг, Минга, Аьрзу, Седа, Ваха, Яха, Сацита, Берд, Чаборз, Тоийта, Турко, Iаьрби, ГIумки, ХIири и дI. кх. а. Амма и болх кхидIа кIаргбеш дIабахьа тарло, кхийолу долахь цIерш толлур. Уьш дукхяхьерш нохчаша бусулба дин тIезьча яьхкина вайн матте. Мохьмад-хастаме верг, Iабдулла – Делан лай, Лайлаь-суьйренан седа, СаIадат-ирс, Хьасан-хазаниг, Iазим-паччахь, Мухтар-хьаржинарг, Шамсуддин –динан малх, Iаббаз-буьрсаниг, Аминат –тешаме ерг, Рамзан –озаниг, Селима- могош ерг, Ровзат- ялсаманин неIарш, Ризван – ялсаманин кевнан хехо, ПетIамат-ялсаманин зезаг и дI. кх

ХIокху талламан кхоалгIа некъ –классехь доьшучу берийн долахь йолчу цIершка хьажар. ХIара некъ мелла а хала хир бу 5-чу классан дешархошна, амма самукъане. Иштта бинчу белхан жамI хир ду йоккха йоцу отчет, доклад, презентаци.

6-чу классехь «ТIезьна дешнаш» тема Iамош а шен Iалашонехь оьрсийн а, кхечу меттанашкара а тIезьначу дешнийн проблема йолу талламан болх байта мегар ду дешархошка. Болх бечу хенахь дешархоша, церан лексически маьIна билгал а доккхуш, дуккха а тIезьна дешнаш гулдир ду. Оцу белхан цхьайолчу кепашка хьовсур ду вай.

Книга-кигаш (й-й). 1. Зорбанан произведени, шайна тIехь йозанаш долу, вовшахтесна кехаташ. Самукъане книга. Яздархочу арахеьна керла книга. Книгаш тIехь виллина Iар (дукха ешар). Дахаран книга (тардинчу маьIнехь: дерриг дахар, дахаран некъ.)

2. Цхьана кеп тухуш, вовшахтегна, документальни йозанех хьаладуьзна кехаташ. Бухгалтерски кигаш. Амбарни книга. Лоруш болчу хьешийн книга (цаьрга шайна хетарг яздайта). Ларамбаран книга (предприятехь, учрежденехь, тIеман хIордкеман тIехь; балха тIехь а, гУллакх дарехь а билгалваьлларг дIаязвеш). Аьрзнийн а, шайна хетарг дIаязден а книга.

3. Масех декъах лаьтгаш йолчу литературни произведенин йоккха книга. Кхаа книгех лаьтта роман. Рекордийн книга. Гиннесан рекордийн книга.

1. Там тIемаш (д-д). 1. ХIуманан схьалоцуш долу цхьа дакъа, неIаран тIам, чайникан тIам, чамин тIам, куршканан тIам, чамданан тIам.

Йийбаран дакъа, шена тIе таIаш, тIе куьйгаш дохкуш болу а. КIедачу гIантан тIемаш. Диванан тIемаш.

2. Олхазарийн дегIан меже, иза тIемадолуьйтуш а, хIаваэхь лела аьтто беш а долу. Аьрзун тIам, олхазаран тIам.

3. ТIам тоха (шен ницкъ, хьуьнарш дувззина гайтар); тIам хьовзо (хелхаялар, дукха хьолахь мехкаршна олу).

Талламаш бинчул тIаьхьа дешархоша жамI дийр ду: цхьадолчу тIеэцначу дукхаманаш долчу дешнаша нохчийн маттахь шайн лексически маьIнаш лардо (масала, книга), ткьа вукхара кхин маьIна тIеобцу, цхьа маьIна (нийса маьIна) лар а деш. Амма кху талламан коьрта маьIна кхин ду: нагахь догIучохь, нийса пайдаэцахь, тIеэцначу дешнаша къамел кхиадо, мотт хьалдолуш бо.

Дицдан ца деза, талламбарехь мехала шолгIа мур а хилар (Илманан белхан дакъа). 5-6-чу классийн дешархошна хIара мур уггар чолхе, амма оьшуш бу, хIунда аьлча кху балха тIехь Илманан литературица болх бан хаар карадерзош цара хиларна (бераш иза еша, конспект хIотто, ссылкаш ян, цитаташ яло Iема).

Кхузахь хьехархочо лоцуш долу дакъа доккха ду, цо оьшуш болу кхетамаш бо (терминех лаьцна, справочни литературица болх муха бан беза и д. кх. а.)

Доккха гIо до талламбаран балха тIехь бери шен портфолио хIотторо а. Портфолион хьалхара агIонаш тIехь и йолчунах лаьцна хаамаш хуьлу, цуьнан сурт, шех лаьцна дийцар, шен хIун хобби ю. Цул тIаьхьа дешархочо шена хазахеташ йолу тема а хоржий, кхидIа йолчу агIонаш тIехь схьайосту иза. И болх бечу хенахь дешархочун талламбаре шовкъ кхоллало, вуьшта аьлча – хааршка. Портфолиоца болх беш, хаамашца болх бан Iема бер, и керла хаамаш лоху цо, анализ йо, бусту уьш, жамIдо. Цу кепара хуьлу цунах ша кхиош йолу личность.

Муьлхха а талламбаран болх проекте берзабо. И болх тIаьхьарчу хенахь жигара дIахьош бу дешаран хьукматашкахь. Проектан метод кхоллаяларан и вовшахтохаран а истори теллина шайн белхашкахь педагогаша-методисташа Н. А. Константиновс, А. Я. Ротковича, Н. Ю. Пахомовас, И. С. Сергеевс и дI. кх. Хьехаран и проектан метод кхобьлларг ву Iаьмаркан философ-прагматик, психолог, педагог, философин доктор Джон Дьюи. Цо билгалъехира методически кепаш, хьехархочунна проектни гIуллакхдарна аьтто беш йолу. Таханлерчу школан декхарш хаамийн дуьненахь шена оьшург схьаэца, шайш уьш лаха, цара юха пайдаэца а Iамор ду, вуьшта аьлча деша Iамор. Проектан метод толлуш а, кхидIа а кхиош къахьегна оьрсийн педагогаша а. Царна юкьахь билгалваьлла Илманча-методист В. П. Вахтёров. Тахана а маьIна ца дайна цо дIадаханчу бешарахь 20-чу шерашкахь аьллагун: «Тахана дахарехь кхиам болуш кегийчу бакьдолчаьрца иэс (память) хьалаюьзнарг воцуш, дахаро хьалха хIитточу хаттаршна хьалхавала а, тидамбан хуург а, кхетам болуш а верг ву»²⁷. Проектан метод – иза гуттар а цхьа проблема кхочушьяр ду. ХIинцалерчу хенахь тайп-тайпана педагогически а, методически а ю проектан методах муха пайдаэца беза хьобхуш, царна юкьахь педагогийн-методистийн Е. С. Полатан а, И. Д. Чечелан а белхаш а бу. Проектин метод – педагогически технологи ю, фактически хааршна тIехьажийна йоцу, амма царах пайдаэцар, уьш лахар (цхьацкъа шена дешар Iамош) карадерзош йолу. Дешархой проекташ кхолларна жигара юкьаозоро таро ло царна социокультурни декъехь гIуллакхдаран керла кепаш карарзо»²⁸. Проекташ кхочушьяран жамIаш гуш хила деза: нагахь иза теоретически проблема елахь, цуьнан билгала цхьа сацам (решение), практически хилахь – шех пайдаэца мегар долу (урокехь, школахь, дахарехь) билгала жамI.

Проекташна классификаци ян цкъа хьаьвсина ца Iа педагогаш а, дидактикаш а. ХIинцалера методически а, дидактически а литературина талламбаро гойту проекташна классификаци ярехь талламхойн хьежам цхьатера цахилар. Юьззина проектни белхийн система хIоттийна Е.С. Полата. Цо билгалйоху кху тайпа проекташ:

²⁷ Подругина И. А., Сафонова О. И. Проектная деятельность старшеклассников на уроках литературы. М. «Просвещение», 2003, II-гIа агIо.

²⁸ Чечель И. Д. Метод проектов, или попытка избавить учителя от обязанностей всезнающего оракула. «Директор школы». – М., 1998. - № 3.- 3-гIа агIо.

1. Талламан. ХIара тайпа проекташ кxочушьеш оьшу: дика ойлайина структура, билгалъяхна Иалашонаш, массо декъашхошна толлуш дерг мехала хилар тIечIагIдар, хаамийн хьостанаш билгалдахар, ойлайина методаш, жамIаш. Кху кепара проекташ Иилманан талламна герга ю. ХIара тайпа проект кxочушьеш декъашхоша проблема кxочушьеш цъаца гипотезаш ялайо, билгалбоху уьш кxочушьяран некъаш. ЖамIдеш, динарг дийцаре до. Цул сов, проектан чулацам, чолхалла дешархошна карабирзинчу маттахь хила еза.

2. Кхоллараллин проекташ. ХIокху проектийн лехам – жамIийн кечам бу. Проектехь декъашхоша дийриг хIора декъашхошо шена герга дерг, самукъане хетарг дарца билгала ду. Проектан жамIаш газетан, сочиненин, видеофильман кепехь гайта тарлуш ду.

3. Ролийн – ловзоран проекташ. ХIокху тайпа проектехь структура билгал бен ца йоккху, болх чекхбаллалц йиллина а хуьлу иза. Проектан декъашхоша кxочушьечу проблемица а, проектан амалца а, чулацамца а йоьзна йолу цъаца ролаш тIелоцу шайна. Уьш хила мега литературни персонажаш я шашь кxоьллина турпалхой. Спектакль хIоттор, инсценировка яр, литературни хьешаца – иштта проекташ ю кхунна юкъайогIурш.

4. Хаамийн (довзийтаран хьесапехь). ХIара проекташ тIехъажийна ю цъана хIуманаш я хиламах лаяца хаамаш гулбарна. Проектан декъашхоша карийна хаам толлу, тIедахкарийн жамI лара мегар долу бакъдерш билгалдоху. ХIокху проектан дахIоттам (структура) иштта билгалбаккха тарло: проектан Иалашо, цуьнан мехалла – хаамийн хьостанаш (литературни, СМИ, бакъдолчийн бух, интервью, анкетировани), хаамаш къепе балор (анализ, юкъара маьIна дар, девзаш долчу бакъдолчаьрца (факташца) дустар, тоьшаллаш далоран жамIаш) – хаамаш лахаран жамI (статья, реферат, доклад, видео и дI. кх.) – йовзийтар (презентаци, зорботохар, конференцехь йийцаре яр и дI. кх.).

5. Прикладной (практико-ориентированни). ХIара проекташ социальни хьашташна лерина хуьлу коьртачу декъана. Кхеран жамI – цъа документ кхоллар экологехь, биологехь, географехь бинчу талламийн буха тIехь; справочни материал гульяр, лугIат хIоттор шольни лексикин.

Юьхьера дуьйна жамIашка кxаччалц бен болчу талламбаран белхан план хIоттайо. Дешархоша проект кхуллу.

Дешаран проект кxочушьяран а, талламбаран а жамIехь билгалдала деза:

1) кxочушьечу проектан а, талламбаран а план хIотто хаар;

2) коьрта Иалашонаш билгалъяха хаар юкъа а лоцуш, дахарехь дан лерина мехала дерг тидаме а оьцуш, планехь хьалххе билгалдинарг тергамехь а латтош, ша дийриг хийцарца кxочушхиллачу жамIашна, кхиамашна презентаци ян хуьнар хилар;

3) Иалашоне кxачархьама, тIекхача аьтто болчу гIирсех пайда эца хуьнар хилар; халачу хьелашкахь кхиаме кxачор волу стратеги харжар;

4) шен проект кxочушьярна план а, Иалашо а хIотторехь дешарна тIехь шена карадирзинчу шуьйрачу хаамех, хаарех пайдаэца хаар.

Таханлерчу Иаморан декхар деккъа цъа хаарш довзийтар хилла ца Ia. Хийцаделлачу социально-экономически хьелашкахь хьалхарчу меттехь хила дезарг дешархочун дикаллаш кхиоран а, ларъаран а лехамаш бу, цуьнан кхоллараллин агIонаш, синьоьздангаллин мехаллаш а кхиор ду. И лехамаш кxочушбарна аьтто бо дешаран-талламбаран гIуллакхаро.

Таханлерчу дешаран Иалашонаш юкъаралло хьалха хIиттош долу хьашташ кxочушдарна тIехъажийна хила езаран шеко яц. Литература дешаран предмет санна, проектан гIуллакхарна кхеллица хьандина дика латта ду, шена тIехь чомехь хасстоьмаш кхио таронаш шеца йолу. Таьхьарчу хенахь хьехархошна хьалха хIуьтту кху тайпа проблемаш: дешархошна юкъахь книга еша луурш кIезиг хилар, церан дуьнене хьежар цъана готтачу гурашка дерзар, царна анализ ян а, юкъара маьIна дан а цахаар. Тобанашкахь бечу самукъанечу белхаша таро ло царна предмет езийта, керла хаарш карадерзийта, ткъа хьехархочунна – лакхахь хьахийна йолу проблемаш кxочушьян.

И тайпа тIедахкарш кxочушдаро шовкъ кхуллу дешархошкахь, дешаран гIуллакхна чу са доуьйту. Дукха хьолахь, дешархой оцу гIуллакхца дика ларабо. Ткъа хьехархочун дешархойн темица дозаделла хаарш кIаргдаран аьттонаш болчарал совбовлу, хIунда аьлча дешархоша шайн белхаш (презентаци) бовзуйтучу хенахь произведенийн сюжеташ харжаран делил далош хиларна а, турпалхошна юкъара характеристика яларна а. ШолгIа-

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

делахь, хьехархочо хIора дешархочун хьуьнарш толлу, тидамбо цара цхьаьна дечу гIуллакхан, царна юкьара кхетам совберш а, гIудан дезарш билгал а бохуш.

Иштта, масала 6-чу классехь доьшуш болчаьрга Саракаев Хьамзатан «Ирсе бIаьрхиш» дийцар Iамийначул тIаьхьа хIара тайпа дешаран проект кхочушьяйта мегар ду: «Сан доьзалан истори».

Проекта тIехь болхбаран алгоритм иштта гуш хир ю:

Тема: «Сан доьзалан истори»

Проектан тайпа: кхоллараллин.

Проблема	Вайна ледара хаьа вайн дайн, доьзалан истори
ХIунда?	Бала бац. Хаамаш лар ца белла. Доьзалан ламаст дац. Дай-наношна а ледара хаьа доьзалан истори. Денда, денана генахь Iаш ду, цаьрца йолу уьйраш хийра ю.
ХIун дан деза?	Доьзалан истори Iамо еза.
Муха?	Гергарчу нахера я юьртахошкара хаамаш лаха беда. Документаш, суьрташ талла деза.
ХIун хир ду? (жамI)	Сочинени «Сан доьзалан истори» ХIума доьзаран (дайн, доьзалан исторех долу хаарш). Кхетош-кхиоран (патриотически, синоьздангаллин кхетош-кхиор). Кхиоран (тIекаре хиларан (коммуникативни), хаамийн компетенци хилар.

Хьалха хIобттина проблема кхочушьярхьама, дешархоша схьалаха деза суьрташна юкьаьх уггар шира сурт, дийца деза маца даьккхина иза, муьлш бу цу тIехь берш, муха хилла церан кхолламаш. ЖамIдеш ала деза, пачхьалкхан кхоллам муха бозабелла хилла дедайн кхолламашца, хIун дакьа лаьцна цара халкъан истори кхуллуш. Оцу тайпа балхо, цкъа-делахь, бакхийнаш а, тIекхуьш болу кегийнаш а гергабалабо, цаьргаьх а, вукхаьргаьх вовшашка ларамбар кхиадо, шолгIа делахь, шовкъ кхуллу дIадаханчух лаьцначуьнга, хьалха баьхначеран дахаре а.

Хаамийн а, коммуникативни а компетенцеш кхиорна аьтто беш хир ю 10-чу классехь Ш. Арсанукаевн лирикех лаьцна йолу проект кечьар.

1-чу муьрехь –проектана чуволар – хьехархочо проектан темига шовкъ кхолла еза дешархошкахь, коьрта дерг билгал а доккхуш, стенах лаьцна дийца деза къастош. Проблема къасторца хьехархочо дешархошца цхьаьна проектан Iалашо а, декхарш а билгалдохур ду, къастор бу и кхочушьяран некьаш.

2-чу муьрехь хIора тобанна хьалха Iалашонаш а, декхарш а хIиттош, хьехархочо дешархой тобанашка боькьу. Масала:

1. Йоцца дахаран, кхоллараллин очерк язье;

2. Поэтан исбаьхьаллин дуьненах лаьцна материалаш гул а ей, схьагайта кечье:

поэтан лирически турпалхочун ойланаш;

Арсанукаевн лирикехь пейзажо кхочушден гIуллакх;

Даймехкан васт Арсанукаевн лирикехь;

стихотворенийн исбаьхьаллин меттан башхаллаш.

2-чу муьрехь проектан декхарш кхочушдаран план хIоттайо.

3-чу мур – гIуллакхдар кхочушдар. Билгала хIокху муьрехь дешархоша темица богIу хаамаш лохуш гойту хIораммо шегара хьуьнарш: материал лохуш, критически литература йовзарехь, хоржуш, толлуш, кепе ерзош, юкьара маьIна деш. Хьехархочо даим тергамехь латтадо цара дийриг, хIунда аьлча проект кхочушьеш коьртаниг – жамI хиларал сов, керла хаарш муха карадерадо бохург а ду.

4-гIа мур – проект йовзийтар (презентаци). XIара мур мехала бу. Кхузахь айхьа динарг довзийгина ца Iаш, цуьнан айхьа а, хьовсуш болчаьрга а мах хадабойту динчун.

5-гIа мур – рефлeksi. Рефлeksi еш хьехархочо проект кхочушьярехь лоцуш долу дакъа лакхадолу: цо юкъара жамI до, динчун мах хадабо.

Дешаран декъехь кхоьблина дуккха а керла технологеш ю. Амма церан массеран а бухехь дерг – дешархо кхетаваран а, кхиаваран а хьокъехь долу хьелаш кхоллар ду. Бакъду, XIара вай юьйцу керла технологеш йозаелла ю юкъарадидактически кепашца а, хьехаран а некъашца, методашца. Амма шайн, царх шайш къастош йолу, принципаш а ю кхеран.

Ткъа муьлха, мел хаарш, хIун Iалашонаш, декхарш – и дерриг а вайна билгалдина хIора предметан программаша а, госстандарто а. Юьсуш ерг Iаморан кеп ю – модель. Iаморан моделехь ши тIегIа билгалдан тарлуш ду: лакхара – некъаш (методаш), лахара – педтехника (гIирсаш а, кепаш а.)

Технологин башхалла ахьа пайдаоьщучу методех, кепех, некъех йозуш хуьлу. Иштта, масала, проблемни кепехь Iамор вовшахтохахь, хаарш карадерзоран некъ – проблемни хила беза, Iаморан декъехь дешархошка ойлайойту, царна мелла а халонаш кхуллуш болу.

Дешар программированни хилча – алгоритмех, ловзаран кепех пайдаэцарца цхьаьна, цхьацца ситуациеш кхоллар а хила деза.

Вайна ма-гарра, шех инновационни педагогика олучо вайгара лъохург – берриге а болх – дешар Iаморан, кхетош-кхиоран – бухера дуьйна хийцина хила безаш хилар а, цул сов, дешархочуьнга болу хьежам а таханлерчу дийнан лехамашца буоза безаш хилар а ду.

Дешаран хьукматашкахь берриге а дешар Iаморан а, кхетош-кхиоран а болх керлачу технологин буха тIехь, орамера дуьйна хийца а хуьйцуш, дIахIотто безаш хиларан хан тIекхачна. Цу тIе хьажийна шен болх вовшахтохар, шеко йоцуш, хIора хьехархочун коьрта декхар хилла дIахIотта дезаш ду таханлерчу заманахь.

Литература

1. Беспалько В. П. Новые методы и средства обучения. - М., 1988.
2. Герасимов С. В. Когда учение становится привлекательным. - М., 1993
3. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. – М., 1986.
4. Кудрявцев В. Т. Проблемное обучение - истоки, сущность, перспектива.- М., 1991
5. Подругина И. А. Сафонова О. И. Проектная деятельность старшеклассников на уроках литературы. М., Просвещение, 2003
6. Полат Е. С. Как рождается проект.- М., 1995
7. Чечель И. Д. Метод проектов, или попытка избавить учителя от обязанностей всезнающего оракула. «Директор школы». – М., 1998.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. 2012 г.

УДК 811.351

О некоторых особенностях синтаксических конструкций в аварском языке

Маллаева З.М.

**Институт языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.
г. Махачкала, Российская Федерация**

Аннотация. В представленной статье исследуются вопросы взаимозависимости логического содержания предложения и ее грамматической структуры. Определяются принципы синтаксического членения предложения в аварском литературном языке. Пересматривается традиционный логический (семантический) принцип выделения членов предложения, определяются признаки, идентифицирующие подлежащее и дополнение в дагестанских языках.

В статье предпринята попытка выявить сущность структурных и типологических особенностей предложения аварского языка и входящих в него синтаксических единиц. Своеобразие членов предложения в дагестанских языках обусловлено, прежде всего, наличием нескольких падежных форм подлежащего и дополнения. Сложные синтаксические взаимоотношения между членами предложения обусловлены также характером спряжения и согласования глагола.

Результаты исследования могут быть полезными при решении ряда теоретических вопросов, касающихся синтаксического строя языков эргативного строя.

Ключевые слова: аварский язык, синтаксическая структура, именные члены предложения.

About some features of syntactic constructions in the Avar language

Mallaeva Zulaychat Magomedovna

**Institute of Language, Literature and Arts. G. Tsadasi
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.
Makhachkala, Russian Federation**

Summary. This article explores the issues of the interdependence of the logical content of a sentence and its grammatical structure. The principles of syntactic division of sentences in the Avar literary language are determined. The traditional logical (semantic) principle of identifying sentence members is reviewed, the signs identifying the subject and the complement in the Dagestan languages are determined.

The article attempts to identify the essence of the structural and typological features of the sentence of the Avar language and its syntactic units. The originality of the sentence members in the Dagestan languages is due, first of all, to the presence of several case forms of the subject and supplement. The complex syntactic relationships between the sentence members are also determined by the nature of the conjugation and harmonization of the verb.

The results of the study can be useful in solving a number of theoretical questions concerning the syntactic structure of the languages of the ergative system.

Key words: Avar language, syntactic structure, nominal members of a sentence.

Предложение оформляет акт языкового общения, выражает законченную мысль и обладает эмоциональным содержанием и в этом качестве является сложной и многосторонней языковой категорией. Каждый язык в соответствии с особенностями грамматического строя располагает целым набором типов и форм предложений, которые отличаются друг от друга формальными или содержательными особенностями.

Дагестанские языки характеризуются полистадиальной синтаксической структурой. Так, например, в аварском языке И.И. Мещанинов выделяет «пять построений предложения с разными

падежами подлежащего:

ваци рокъове вуссана «брат домой вернулся» (подлежащее *ваци* в абсолютном - именительном падеже);

ваццасс хур бекъана «брат поле пахал» (подлежащее *ваццасс* в эргативном падеже);

ваццассе жирдирго лымер бокъула «брат любит своего ребенка» (подлежащее *ваццассе* в дательном падеже);

ваццассда жиндирго вас вихъана «брат видел своего сына» (подлежащее *ваццассда* в местном падеже покоя);

ваццассул вас вуго «брат имеет сына» (подлежащее *ваццассул* в родительном падеже) [3, с. 48].

Согласно официальной точке зрения в аварском языке одновременно функционирует шесть синтаксических структур

Следует сказать, что в аварском языке в действительности представлено большее количество структурных типов предложений, чем традиционно выделяется в специальной литературе. Например, глаголы с семантикой воздействия типа: *хъвазе* «тронуть», *къабизе* «ударить», *тункизе* «толкнуть», *хланчизе* «укусить», *хунсизе* «колоть», *кълулize* «стукнуть», *тузе* «плюнуть», *пузе* «дуть», *зинклизе* «ущипнуть», *гилдизе* «щекотать», и ряд глаголов, выходящих за пределы данной семантики: *гъикъизе* «спросить», *бицине* «рассказать», *хланизе* «лягать» и некоторые другие глаголы аналогичной семантики образуют конструкцию следующей структуры:

«имя в эргативе + имя в локативе + глагол-сказуемое»

(1) а *Гъойицца васассда хланчун вуго.*

собака – ЭРГ. 3-й гр.кл. мальчик – ЛОК. 1-й гр.кл. кусать – ПЕРФ. 3-й гр.кл.

«Собака укусила мальчика».

(2) а *Инсуцца васассда тункун вуго.*

Отец – ЭРГ. 1-й гр.кл. мальчик – ЛОК. 1-й гр.кл. толкать – ПЕРФ. 3-й гр.кл.

«Отец толкнул мальчика».

(3) а *Эбелалъль васассда къабун вуго.*

мать – ЭРГ. 1-й гр.кл. мальчик – ЛОК. 1-й гр.кл. бить – ПЕРФ. 3-й гр.кл.

«Мать избивала мальчика».

Для исследователей, придерживающихся мнения, что подлежащее может быть выражено лишь именем в абсолютиве, здесь возникает закономерный вопрос: Где же в данном предложении подлежащее?

Оснований для квалификации подобных предложений как неполных у нас нет, поскольку предложения эти содержат в себе весь минимум, необходимый для выражения полной мысли, выражаемой переходным глаголом.

К конструктивно-грамматическим признакам предложения, как известно, относятся: 1) интонационная законченность, 2) грамматическая оформленность (по законам конкретного языка) и 3) законченность мысли. Совокупность этих признаков представляет собой определение понятия предложения. То есть, предложение представляет собой интонационно законченную целостную единицу речи, грамматически оформленную по законам конкретного языка. В данных предложениях налицо все три признака предложения.

С точки зрения семантической завершенности они также представляют собой завершенные конструкции; есть лицо, от которого исходит действие (имя в эргативе), есть предмет, на который направлено действие (имя в локативе) и есть действие (предикат). Примечательно, что глагол-сказуемое не согласуется ни с именем в эргативе, ни с именем в локативе. Глагол-сказуемое в аварском языке в любой конструкции предложения согласуется в классе и числе с именем в абсолютиве, независимо от того, в какой синтаксической функции оно выступает. Это наглядно можно продемонстрировать на примерах, где эти же глаголы физического воздействия образуют другую конструкцию предложения, напр.:

(2) б *Инсуцца вас тункун вуго.*

Отец – ЭРГ. 1-й гр.кл. мальчик – АВС. 1-й гр.кл. толкать – ПЕРФ. 1-й гр.кл.

«Отец толкнул мальчика».

(3) б *Эбелалъль вас къабун вуго.*

мать – ЭРГ. 2-й гр.кл. мальчик – АВС. 1-й гр.кл. бить – ПЕРФ. 1-й гр.кл.

«Мать избивала мальчика».

Предложения (2) а, (3) а отличаются от предложений (2)б, (3)б частичной семантической модификацией. Первые используются в случаях, когда действие переходит на какую-то ограниченную часть объекта. Вторые – когда действие переходит на весь объект целиком, без конкретизации.

Как полагает З.Г. Абдуллаев, «параллелизм в использовании косвенных падежей при глаголах восприятия свидетельствует еще о том, что категория этих глаголов – довольно расплывчатое понятие» [1, с. 273]. Как видим, параллелизм в использовании косвенных падежей имеет место также при глаголах внешнего воздействия.

В формальном плане эти две конструкции различаются, на первый взгляд, только падежными формами именных членов предложения. Но, обратите внимание на классный показатель глагола-сказуемого. В предложениях (2) а. и (3) а. классные показатели глагола-сказуемого не согласуются ни с одним именным членом предложения. А в предложениях (2) б., (3) б. глагол-сказуемое классным показателем согласуется с прямым дополнением, выраженным именем в абсолютиве. То есть, получается, что в предложениях (2) а. и (3) а. нет глагольного согласования, потому что нет именного члена предложения в форме абсолютива. Из вышеизложенного можно сделать вывод: **глагол-сказуемое в аварском языке согласуется не с прямым дополнением или подлежащим, а с именем в форме абсолютива, независимо в функции какого члена предложения оно выступает.**

Известный американский лингвист, автор многочисленных работ по основам грамматической теории в самых различных областях лингвистики, в том числе специалист в области синтаксиса, вплотную занимавшийся проблемой определения подлежащего в языках различных типологий Уоллес Чейф, на вопрос о том, как выражается статус подлежащего, отвечает так: «Различные исследования недвусмысленно демонстрируют тот факт, что языки значительно отличаются друг от друга с точки зрения эксплицитности выражения данного статуса на поверхностном уровне. Английский и некоторые другие европейские языки находятся, видимо, на том полюсе, где статус подлежащего играет решающую синтаксическую роль. На другом полюсе находятся языки, типа дакота, в котором такой важный поверхностный показатель, как глагольное согласование, определяется скорее статусом падежа, чем статусом подлежащего» [5, с. 301-302].

Имя в абсолютиве может выступать как в функции подлежащего (абсолютивная конструкция), так и в функции прямого дополнения (эргативная конструкция). И в том, и в другом случае глагол-сказуемое согласуется в классе и числе с именем в абсолютиве. Так что есть основание для утверждения, что в аварском языке **глагольное согласование определяется статусом падежа, а не статусом того или иного члена предложения.**

Таким образом, одна из формул традиционно установившихся канонических определений подлежащего, как члена предложения, с которым согласуется сказуемое, оказалась неприемлемой для реалий аварского языка.

Несмотря на популярность традиции считать глагольное согласование характерным свойством подлежащего, имеются и противники данной точки зрения. Так, Э. Кинэн в своей известной статье не считает глагольное согласование необходимым условием подлежащности, более того, он полагает, что «в очень многих языках глаголы не согласуются ни с какой именной группой. Это, в частности, характерно для языков шведского, сингальского, африканского, вьетнамского, китайского, японского, маори, малагасийского и др. Глагольное согласование аналогичным образом не может считаться и достаточным условием б-подлежащности, поскольку во многих языках глаголы согласуются не только с подлежащими, но и с другими именными группами. К таким языкам относятся баскский, гинус, ароси (Меланезия), Якатек (группа майя), венгерский, грузинский, блэкфут, магигуенга (группа аравак, Перу) и т.д. Отметим далее, что в очень редких случаях глаголы могут согласоваться с дополнением, но не с подлежащим, например, в аварском языке...» [2, с. 252].

Существует и второе каноническое определение подлежащего: подлежащее – это форма именительного падежа субъекта [4, с. 319]. Данное определение подлежащего также оказалось неприемлемым для аварского языка, т. к. подлежащее в аварском языке может быть выражено именем в разных падежах в зависимости от семантики глагола-сказуемого. При глаголах состояния и близких к нему значениям подлежащее стоит в абсолютном падеже. Абсолютив отличается в функциональном плане от именительного падежа индоевропейских языков. При глаголах активного действия подлежащее оформляется эргативным падежом и т. д.

Как видим, в аварском языке ни падежное оформление именных членов предложения, ни их согласование с глаголом-сказуемым, сами по себе, взятые отдельно, не характеризуют сущности подлежащего как единицы синтаксической структуры, не выражают реляционную сущность подлежащего.

Предыдущий материал позволяет подытожить и следующее: **способы выражения прямого дополнения в аварском языке неоднозначны**. На логическом уровне данной структурной единице соответствует объект, охваченный действием. На синтаксическом (формальном) уровне термин «прямое» предполагает оформление имени абсолютивом. Однако прямое дополнение может выражаться и другими падежными формами, например, локативом:

(2) в *Инсуцца йасалда гьарулеб буклана*.

отец – ЭРГ. 1-й гр. кл. дочь – ЛОК. 2-й гр. кл. просить – ИМП. 3-й гр. кл.

«Отец дочь просил».

(3) в *Эбелалъль васассда малъулеб буклана*.

мать – ЭРГ. 2-й гр. кл. сын – ЛОК. 1-й гр. кл. наставлять – ИМП. 3-й гр. кл.

«Мать сына наставляла».

Сами синтаксические конструкции также могут выполнять смысловозначительную функцию, например, глагол-сказуемое *малъизе* в сочетании с объектом в форме абсолютива имеет значение «считать», «пересчитывать», а в сочетании с объектом в форме локатива имеет значение «наставлять», например:

(4) а. *Инсуцца гIарац малъулеб буго*.

отец – ЭРГ. 1-й гр. кл. деньги – АВС. 3-й гр. кл. считать – ПРЕЗЕНС 3-й гр. кл.

«Отец считает деньги».

(4) б. *Инсуцца васассда малъулеб буго*.

отец – ЭРГ. 1-й гр. кл. мальчик – ЛОК. 1-й гр. кл. наставлять – ПРЕЗЕНС 3-й гр. кл.

«Отец мальчика наставляет».

Здесь могут возникнуть сомнения на том основании, что глагол *малъизе* полисемантичен и разные значения реализуются в разных конструкциях. Тогда есть смысл обратиться к глаголам, которые не меняют семантику в разных конструкциях предложения. Например, глаголы посессивной семантики *буго* «есть», *буклине* «иметь» могут образовать не только посессивную конструкцию, но и локативную, например:

(5) а. *Дир гIарац буго*.

я – ГЕН. деньги – АВС. есть

«Я меня есть деньги».

(5) б. *Дихъ гIарац буго*.

я – ЛОК. деньги – АВС. есть

«У меня (при мне) есть деньги».

(6) а. *Дир ихтияр буго*.

я – ГЕН. право – АВС. есть

«У меня есть право», «Я имею право».

(6) б. *Дихъ ихтияр буго*.

я – ЛОК. право – АВС. есть

«У меня есть право»

Несмотря на одинаковый перевод на русский язык, между предложениями [а.] и [б.] существует определенное семантическое различие: примеры [(5) а.] и [(6) а.] обладают обобщенным значением обладания «У меня вообще имеются деньги». Но в данный конкретный момент их может и не быть в наличии. А примеры группы [б.] обладают семантикой наличия в данный конкретный момент, но то, что имеется в наличии, вовсе не обязательно является его собственностью. Просто в данный момент находится у него. Примеры [(5) а.] и [(6) а.] характеризуются общим структурным содержанием: «субъект-обладатель распространяет отношение обладания на данный предмет». Этот способ выражения семантики посессивности отличается от интерпретации, заключенной в примерах [(5) б.] и [(6) б.]. В последнем случае посессивное отношение интерпретируется через представление о наличии данного предмета в сфере субъекта-обладателя.

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: в аварском языке не только семантика глагола определяет выбор синтаксической конструкции, но и **синтаксические конструкции выполняют смысловозначительную функцию**.

Синтаксические конструкции выполняют смысловозначительную функцию не только в аварском языке, но и в других дагестанских языках.

Посредством различных конструкций осуществляется в дагестанских языках различие намеренного и ненамеренного действия, например:

(7) а. *Дицца цIер бекана*.

я – ЭРГ. стекло – АВС. разбить – АОРИСТ

«Я разбил стекло».

(7) б. *Дихъан цIер бекана.*

я – ТРАНС. стекло – АВС. разбить – АОРИСТ

«Я разбил стекло (нечаянно)».

В предложениях [(7) а.] и [(7) в.]. наличествуют не только морфологические различия, но и различия с точки зрения синтаксической структуры, что обусловлено различиями языкового синтаксического содержания.

Глаголы *бекизе* «поломать», *бортизе* «уронить», «упасть», *борчIизе* «вырваться», «совершить», *билизе* «потерять» и некоторые другие в состоянии образованы две разные конструкции в зависимости от оттенков основного значения. Если речь идет о преднамеренном действии, то употребляется эргативная конструкция предложения. Если же имеется в виду действие нечаянное, случайное, непреднамеренное, то предпочтительна локативная конструкция. Данный факт со всей очевидностью свидетельствует о значимости лексической семантики глагола при определении структуры предложения.

Различия в лексической семантике глагольного вокабуляра в кавказских языках проецируются в синтаксис. Семантика высказывания определяет выбор падежей субъекта и объекта действия. Определенная семантика предполагает и определенные грамматические средства (формы). Эта зависимость выбора падежной формы актанта от изменения семантической роли представлена во всех дагестанских языках, напр.

(8) а. *Дицца васассе тIехъ къуна.*

я – ЭРГ. сын – ДАТ. книга – АВС. дать – АОРИСТ

«Я сыну книгу дал».

(8) б. *Дицца васассухъе тIехъ къуна.*

я – ЭРГ. сын – ЛОК. книга – АВС. дать – АОРИСТ

«Я сыну книгу дал».

Несмотря на одинаковый перевод, эти предложения несут различную информацию. В примере [8) а.]. имеется в виду, что я дал сыну книгу, и она принадлежит ему. То есть, *васассе* «сыну» – это реципиент, адресат (получатель) книги. В примере [8) б.]. имеется в виду передача книги промежуточному лицу, а не во владение. То есть, *васассухъе* «сыну» – это не реципиент, а комплетив. Более или менее ощутима эта разница в семантике следующих предложений:

Гъеб гIарац дие къе!

Эти деньги – АВС. я – ДАТ. дать – ИМП.

«Дай эти деньги мне!».

Гъеб гIарац дихъе къе!

Эти деньги – АВС. я – ЛОК. дать – ИМП.

«Дай эти деньги ко мне (на временное хранение)».

Такая семантико-структурная дифференциация проводится по всем дагестанским языкам, например:

Дарг.

Илди арц наб диха!

Эти деньги – АВС. я – ДАТ. дать – ИМП.

«Эти деньги мне дай!».

Илди арц набзи диха!

Эти деньги – АВС. я – ЛОК. дать – ИМП.

«Дай эти деньги ко мне (на временное хранение)».

Таб. *Гъализ пул удуз ча!*

Эти деньги – АВС. я – ДАТ. дать – ИМП.

«Эти деньги мне дай!»

Гъализ пул удухъна ча

Эти деньги – АВС. я – ЛОК. дать – ИМП.

«Эти деньги мне (ко мне) дай!»

Узу бализ китаб тувунза.

Я – ЭРГ. сын – ДАТ. книга – АВС. дать (аорист)

«Я сыну книгу дал (насовсем)».

Узу балихъна китаб тувунза.

Я – ЭРГ. сын – ЛОК. книга – АВС. дать (аорист)

«Я сыну книгу дал (на время)».

Лак

Ha шуша гъагъав.

Я – АБС. бутылка – АБС. разбить – АОРИСТ

«Я разбил бутылку».

Туца шуца гъаргъунни.

Я – ЛОК. бутылка – АБС. ломать – АОРИСТ

«Я разбил бутылку (ненароком)».

Лезг.

Захъ чкул ава.

Я – ЛОК. нож – АБС. иметь – ПРЕЗЕНС

«У меня есть нож».

Зав чкул ава.

Я – ЭРГ. нож – АБС. есть – ПРЕЗЕНС

«У меня есть нож».

Агул.

Захъ кантI хъайа.

Я – ДАТ. нож – АБС. иметь – ПРЕЗЕНС

«У меня есть нож».

Зав кантI хъайа.

Я – ЭРГ. нож – АБС. иметь – ПРЕЗЕНС

«У меня есть нож».

Эти явления, относящиеся к области пограничной между синтаксисом и лексикой (лексической семантикой) представляются особо значимыми, поскольку семантическая основа предложения обуславливает ее синтаксическую структуру.

Литература

1. Абдуллаев З.Г. Проблемы эргативности даргинского языка: монография / З.Г. Абдуллаев. – М.: Наука, 1986. – 375 с.
2. Кинен Э.Л. К универсальному определению подлежащего / Э.Л. Кинен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 11. Современные лингвистические теории в американской лингвистике. – М., 1982. – С. 236-276.
3. Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов: монография / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1967. – 245 с.
4. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис: монография / Я.Г. Тестелец. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 798 с.
5. Чейф У.Л. Значение и структура языка: монография / У.Л. Чейф. – М.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1999. – 432 с.

УДК 811.351.42

Этнокультурная специфика соматических кодов нахско-дагестанских языков

Навразова Х.Б., Исакова Б.Н.

Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный. Российская Федерация

Резюме. В статье исследуются фразеологические единицы нахско-дагестанских языков, которые носят антропоцентрический характер и репрезентируют соматический код культуры. Наличие большого количества фразеологических единиц с компонентами –

соматизмами, обусловлено следующими факторами: 1) важностью функций, выполняемых той или иной частью тела; 2) легкостью метафоризации соматизмов и приобретения ими вторичных значений; 3) соматизмы составляют ядро исконного фонда лексики любого языка; 4) во фразеологических и паремиологических единицах с соматическим кодом культуры наиболее ярко проявляется идиоэтноспецифика быта и культуры народа – носителя языка.

Этнокультурную специфику соматических кодов нахско-дагестанских языков наиболее полно репрезентируют фразеологические единицы с соматизмом ‘сердце’, поскольку они характеризуют не только эмоциональный, но и интеллектуальный мир человека.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, соматический код культуры, фразеологизмы с компонентом ‘сердце’, этноспецифика.

Ethnocultural specificity of somatic codes Nakh-Dagestan languages

Navrazova X.B., Isakova B.N.

Chechen State Pedagogical University. Grozny. Russian Federation.

Summary. The article examines the phraseological units of the Nakh-Dagestan languages that are of anthropocentric nature and represent the somatic code of culture. The presence of a large number of phraseological units with components - somatisms, is due to the following factors: 1) the importance of the functions performed by one or another part of the body; 2) the ease of metaphorization of somatisms and their acquisition of secondary meanings; 3) somatisms are the core of the primordial vocabulary of any language; 4) in phraseological and paremiological units with a somatic code of culture, the idio-ethnic specificity of life and culture of the people who are native speakers is most pronounced.

The ethnocultural specificity of the somatic codes of the Nakh-Dagestan languages is most fully represented by phraseological units with somatism ‘heart’, since they characterize not only the emotional, but also the intellectual world of a person.

Key words: Nakh-Dagestan languages, somatic code of culture, phraseological units with the ‘heart’ component, ethno-specificity.

Названия частей тела, обладающие вторичными культурно значимыми значениями (смыслами) в совокупности составляют соматический код культуры. Термин «код» лингвистика заимствовала из семиотики, в которой код является одним из ключевых терминов и репрезентирует закон соответствия между формой и содержанием знака. Известный итальянский учёный У. Эко называет кодом «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [7, с. 67].

Одновременно к двум семиотическим системам относятся такие языковые единицы, как паремии, поскольку они являются знаками естественного языка и культурными знаками. Паремии, как известно, являются хранителями этнокультурной информации народа-носителя языка, поэтому в них содержится большое количество культурных кодов, весьма специфично отражающих картину мира народа. «Хотя пословицы и поговорки и относятся по своему происхождению (а больше функционально) к фольклору, но, учитывая их функционирование в словарном составе языка как одного из важных элементов эмоционально-экспрессивной речи, оценочную функцию, свойственную им, как и другим фразеологическим единицам, а также и то, что пословицы и поговорки каждый раз воспроизводятся в речи, а не создаются в ней вновь, будет правильным рассматривать их в составе фразеологических единиц» [1, с. 211]. Именно в паремиях наиболее рельефно отражается этнокультурный менталитет носителей языков. Как верно заметил Л.В. Щерба: «Мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в

различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство с точки зрения культуры» [6, с. 69].

Культура как семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы, является основной сферой функционирования кодов, в том числе и соматических кодов. В.Н. Телия определяет знак как носителя сознания, выработанного человеком в процессе познания самого себя и окружающего мира [3]. Культурный код представляет собой определенным образом закодированную информацию, посредством которой можно идентифицировать культуру народа-носителя языка.

Соматический код культуры вербализуется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка. В современной лингвистике понятие культурного кода до конца не разработано ни в теоретическом, ни в методологическом плане. Нет также единой общепринятой классификации культурных кодов. Среди большого количества культурных кодов (пространственный, темпоральный, предметный, космический, биоморфный, гастрономический, и т.д.) наиболее древним считается *соматический культурный код*, поскольку человек познаёт окружающий его мир посредством экстраполирования к собственному телу.

Концептуализация соматического кода в языковой картине мира носителей нахско-дагестанских языков обладает ярко выраженной этноспецифичностью. Идиоэтноспецифика быта и культуры народа - носителя языка наиболее ярко проявляется во фразеологических и паремиологических единицах антропоцентрической направленности.

Жизненная необходимость функций, выполняемых различными частями тела и плюс к этому легкость их метафоризации, является причиной широкого употребления соматизмов во фразеологических и паремиологических единицах нахско-дагестанских языков. Кроме того, следует отметить, что использование терминов, обозначающих части тела, в составе фразеологизмов и паремий объясняется также тем, что они составляют ядро основного состава словарного фонда языка.

Чем больше востребован тот или иной орган тела человека, тем чаще используется термин, обозначающий этот орган. Наибольшее распространение в качестве компонентов фразеологических и паремиологических единиц нахских и дагестанских языков получили соматизмы: *дог* «сердце», *корта* «голова», *блаьрг* «глаз», *морт* «язык», *куьг* «рука», *ког* «нога». Например, в чеченском языке фразеологические единицы, содержащие в своем составе данные соматизмы, составляют 2/3 от общего количества соматических фразеологизмов. Наиболее продуктивным среди перечисленных выше соматизмов является лексема *дог* «сердце». Данная лексема встречается в качестве соматического компонента во фразеологических единицах, репрезентирующих различные эмоционально-психические состояния человека, такие как: страх, печаль, радость, удивление, грусть, тоска и др. Соматизм *дог* «сердце» во фразеологических единицах чеченского языка посредством метафоризации характеризует интеллектуальный и эмоциональный мир человека. Слово, обозначающее «сердце» в нахско-дагестанских языках, относится к древнейшему исконному словарному фонду. С.М. Хайдаков доказывает, что данный соматизм восходит к нахско-дагестанскому хронологическому уровню» [5, с. 11]. Подобно древним народам античности, прадагестанцы и пранахцы центром духовной деятельности, интеллекта считали не мозг, а сердце. Поэтому слово «сердце» в этих языках, естественно, является смысловым центром ряда словосочетаний и фразеологических единиц, выражающих такие важные понятия, как «запомнить», «забыть», «выучить» и т.д.» [5, с. 146]. Данный соматизм составляет ядро семантического пространства соматической фразеологии и паремиологии. Во всех нахско-дагестанских языках сердце традиционно считается местом сосредоточения сокровенных мыслей и чувств, например: чеч. *дог ахка*; авар. *ракI рагъизе*; дарг. *уркIи абъес* «раскрыть сокровенные мысли, чувства», букв. «сердце раскрыть, открыть» и т.д.

Именно сердце, а не голова, как в индоевропейских языках, идентифицируется в нахско-дагестанских языках как источник интеллектуальной деятельности. Поэтому *сердце* в нахско-дагестанских репрезентирует такие мыслительные понятия, как запоминание, забывание, познание и др. Например: чеч. *дагахь латто*; авар. *раклалда тезе* «запомнить», букв. «на (в) сердце оставить»; чеч. *дагара дIадаха*; авар. *раклалдасса ине* «забыть», букв. «из сердца уйти»; чеч. *дагадайта*; авар. *раклалде бачIине* «вспомнить», букв. «на сердце прийти» и т.д.

Соматизм 'сердце' используется для описания характера людей, чаще – для презентации положительных качествах человека, например: чеч. *дог цIена*; авар. *ракI бацIцIадав* «сердце чистое», чеч. *дог дика*; авар. *ракI лъикIав* «сердце доброе», чеч. *дог кледа*; авар. *ракI тамахав* «сердце мягкое»; авар. *ракI меседил*; дарг. *уркIи мургъила* «сердце

золотое»; чеч. *дашо дог* «золотое сердце» и т.д.

Фразеологические единицы с соматизмом 'сердце', репрезентирующие позитивную семантику, можно разделить на две группы:

1. Фразеологизмы, передающие положительные душевные качества человека: доброту, отзывчивость, великодушие, искренность: чеч. *дашо дог*; авар. *меседил ракI* «золотое сердце»; чеч. *дог дика*; авар. *ракI лъикIав* «добросердечный», букв. «сердце доброе», чеч. *дог кIеда*; авар. *ракI тамаха* «нежный», «ласковый», «мягкосердечный», букв. «сердце мягкое»; чеч. *дог цIена*; авар. *ракI бацIцIада* «сердце чистое» и т.д.

2. Фразеологизмы, передающие положительные эмоции, связанные с понятиями: «любовь», «дружба», «радость»: чеч. дог шорта авар. *ракI гIамIада* «веселый» (букв. «сердце широкий»); чеч. дог-ойла екхаелла авар. *ракI боххун* «радостно», «с легким сердцем» (букв. «сердцем радуясь»); чеч. дагна тайна авар. *ракI разиго* «весело», «радужно» (букв. «сердце довольно») и т.д.

Фразеологические единицы с соматизмом 'сердце', репрезентирующие негативную семантику, также можно разделить на две группы:

1. Фразеологизмы, называющие отрицательные душевные качества человека: равнодушие, бессердечность, жестокость, ненависть, зависть: чеч. *лаьржа дог* авар. *ракI чIегIера* «завистливый», букв. «сердце черный»; чеч. дог боьха авар. *ракI хьубав* «завистливый», букв. «сердце грязный»; чеч. дагах ца кхета авар. *ракI гIинкIав* «равнодушный», «бестолковый», букв. «сердце глухой»; чеч. дог деса авар. *ракI гьодорав* «равнодушный», «бессердечный», букв. «сердце пустой»; чеч. *дог доцуш*. авар. *ракI гьечIев* «бессердечный», букв. «сердца не имеющий»; чеч. дог кхарда авар. *ракI бахиллъизе* «завидовать» (букв. «сердце завидовать»); чеч. дог доцуш авар. *ракI гьечIев* «бессердечный», «бездушный» (букв. «сердце не имеющий») и т.д.

2. Фразеологизмы, выражающие испуг, страх, печаль, беспокойство, растерянность, грусть, тревогу, плохое предчувствие, переживания: чеч. дог эkkха авар. *ракI кьвагьизе* «сильно испугаться», «умереть от разрыва сердца», букв. «сердце взорвать»); чеч. дог лазадала авар. *ракI кьватIун ине* «сильно горевать»; чеч. дог иккхина авар. *ракI тIезе* «испугаться», букв. «сердце оборваться»; чеч. дог даккха авар. *ракI бахьизе* «расстраивать», «огорчать», букв. «сердце отнять»; чеч. дог датIо авар. *ракI бекизе* «обидеться», «обидеть кого-л.», «грустить», «тосковать», букв. «сердце разорвать»; чеч. дог дохо авар. *ракI биххун* «растеряно», «в смятении», букв. «сердце разрушив»; чеч. дог догу авар. *ракI бухIизе* «жалеть», «горевать», букв. «сердце жечь»; чеч. дог эца авар. *ракI гурхIизе* «жалеть», букв. «сердцем жалеть»; чеч. дог кхехка авар. *ракI гьалдезе* «сердце обрывается», букв. «сердце кипит»; чеч. дог дагийна авар. *ракI судизе* «тосковать», «грустить», букв. «сердце жжет».

Фразеологические и паремиологические единицы с соматизмом «сердце» представляют собой наиболее значительный пласт соматической фразеологии во всех нахско-дагестанских языках. Посредством ФЕ и ПЕ с соматизмом 'сердце' в нахско-дагестанских языках выражаются общечеловеческие чувства, осложненные специфическими, национальными, культурными традициями.

Как явствует из анализа фразеологизмов нахско-дагестанских языков, в основу формирования фразеологической единицы и ее значения кладется не целостный образ, а лишь «произведенная от образа ассоциация, актуализированная на фоне значения некоторого исходного сочетания, а затем – вычерпанного из него содержания, соотносимого с номинативным замыслом говорящего, заданным в форме некоторого когнитивного состояния сознания» [4, с. 188].

Во фразеологических единицах антропоцентрической направленности наиболее ярко проявляется идиоэтноспецифика быта и культуры народа. Знание фразеологического фонда языка составляет область фоновых знаний, которые позволяют глубже понять психологию и менталитет народа – носителя языка. Поэтому исследования в области фразеологии представляют особый интерес для лингвокультурологии и этнолингвистики.

Национально-культурная и национально-языковая особенности, составляющие важные атрибуты мира этноса, наиболее четко проявляются в малых жанрах фольклора: пословицах, поговорках, фразеологизмах. Картина мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире [2, с. 11].

Знание фразеологического состава языка входит в область фоновых знаний, которые позволяют глубже понять психологию и менталитет народа – носителя языка.

Литература

1. Курдиани М.Е., Маллаева З.М. Отражение этнических стереотипов в поговорках дагестанских языков / М.Е. Курдиани, З.М. Маллаева // Актуальные проблемы чеченской и общей филологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посв. Дню чеченского языка. – Грозный, 2012. – С. 211-215.
2. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
3. Телия В. Н., Постовалова В. И., Тарасов Е. Ф. и др. Фразеология в контексте культуры / Под ред. В. Н. Телия; РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 334 с.
4. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1998. – С. 173-204.
5. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. / С.М. Хайдаков. – М.: Наука, 1973. – 179 с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. / Л.В. Щерба. – Ленинград: «Наука», 1974. – 428 с.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. / У. Эко. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

УДК 81

О некоторых соотношениях «превербов» и «послелогов» в адыгейском языке и «предлогов» в русском

Атажахова С.Т.

**Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева
г. Майкоп, Республика Адыгея**

Аннотация: В настоящее время в лингвистике наблюдается повышенный интерес к сопоставительным исследованиям языковых явлений в области морфологии и лексикологии разноструктурных языков, что обусловило ее актуальность. В данной статье представлен сопоставительный анализ «превербов» и «послелогов» в адыгейском языке и «предлогов» в русском. Предметом исследования в работе являются многообразие и сложность семантической структуры «превербов» и «послелогов» в адыгейском языке и «предлогов» в русском, что объясняется разнородностью их происхождения и функционирования в языке. В результате сопоставительного анализа выявлены основные лексико-грамматические особенности словообразовательных моделей рассматриваемых языков.

Результаты предлагаемой работы могут быть использованы при преподавании родного и русского языков, для создания сопоставительной грамматики адыгейского и русского языков.

Ключевые слова: превербы, послелоги, предлоги, морфология, языкознание, грамматические особенности, словообразовательные модели.

**About some correlations of “preverbs” and “postpositions” in the Adyghe
language and “prepositions” in Russian**

Atazhakhova S.T.

Adyge Republican Institute for Humanitarian Research
them. T.M. Kerasheva
Maykop, Republic of Adygea

Abstract: At present, linguistics shows an increased interest in comparative studies of linguistic phenomena in the field of morphology and lexicology of different structural languages, which made it relevant. This article presents a comparative analysis of “prepositions” and “postpositions” in the Adyge language and “prepositions” in Russian. The subject of research in the work is the variety and complexity of the semantic structure of “preverbs” and “postpositions” in the Adyge language and “prepositions” in Russian, which is explained by the heterogeneity of their origin and functioning in the language. As a result of a comparative analysis, the main lexical and grammatical features of word-formation models of the languages under consideration are revealed.

The results of the proposed work can be used in the teaching of the native and Russian languages, to create a comparative grammar of the Adaghean and Russian languages.

Key words: preverbs, postpositions, prepositions, morphology, linguistics, grammatical features, word-formation models.

Сопоставительное изучение разноструктурных языков в настоящее время является актуальным направлением в науке о языке. Анализ в таком направлении позволяет выявить общие и специфические черты сходных явлений одного или разных языков.

Различные грамматические отношения в адыгейском языке передаются через послелого, а также локальные и направительные префиксы, а в русском языке выражаются предлогами. Количество предлогов в русском языке невелико, по своему значению более обобщенные, абстрактные. Послелого же и превербы в адыгейском языке не достигли подобного обобщения и абстракции, как предлоги. Они более конкретны по-своему значению.

Изучением и описанием превербов адыгейского языка занимались разные исследователи. Первая попытка систематического описания превербов адыгейского языка принадлежит Н.Ф. Яковлеву и Д.А. Ашхамафу. Более детальное описание превербов адыгейского языка осуществлено в «Грамматике адыгейского языка» Г.В. Рогова и З.И. Керашева. Изучением адыгских превербов в сравнительно-диахронном отношении занимался М.А. Кумахов. В своем монографическом исследовании «Морфология адыгских языков» превербы характеризуются как префиксы глагольного словообразования. Превербы в адыгейском языке выполняют преимущественно словообразовательную функцию и служат средством для выражения словообразовательного значения. Они способны присоединяться к самым различным лексико-семантическим группам глаголов, например, к глаголам перемещения, говорения, звучания, чувств, психического и физического состояния и т.д. Присоединяясь к разным лексико-семантическим группам глаголов, превербы служат средством для выражения словообразовательного значения. Например, в русском языке пространственные отношения, выражаемые предлогом *-в*, в адыгейском языке передаются несколькими превербами: *хэ-с*, *дэ-ль*, *и-ль* и т.д.

То же самое можно сказать и о послелогах. Например, пространственное значение предлога *-за* передается послелогами *кыб*, *кьогъу*, *адырабгъу*, а пространственное и временное отношения, выражаемые предлогом *-до*, передаются послелогами *нэс*, *ыпэкIэ* и т.д. [1, с. 78]. Следует отметить, что в функциональном плане послелого и превербы также имеют много общего. Во-первых, послелого и превербы выражают одни и те же пространственные отношения. Например, *Сабыир нэкъ гъунэм Iут* «Ребенок стоит на краю берега» и *Сабыир нэкъым Iут* «Ребенок вообще сидит у берега». Во-вторых, они не могут выступать в предложении в качестве самостоятельного слова. Но, тем не менее, как отмечают многие исследователи, между послелогами и превербами обнаруживаются и различия. Послелого представляют собой отдельные слова, входящие в словарный состав адыгейского языка. Превербы же не являются самостоятельными словами, а являются компонентами глагольной основы. Они обозначают различные отношения между предметами или же отношения предметов к действиям вообще, увеличивают количество лиц в глаголе: одноличные становятся – двуличными, а двуличные – трехличными. В отличие от превербов послелого имеют фиксированное место в предложении и всегда занимают постпозицию по отношению к имени существительного: *Унэ кыбым чьыг дэт* «За домом стоит дерево». Послелого уточняют, конкретизируют эти отношения.

Отмечено, что в грамматическом плане производные послелого отличаются от самостоятельных частей речи тем, что впервые: а) употребляясь вместе с самостоятельными словами, несут основную грамматическую нагрузку; б) не имеют полной парадигмы склонения и спряжения; в) являются всегда

постпозитивными; г) не употребляются в качестве самостоятельных членов предложения; д) выражают различные грамматические отношения между членами предложения. От морфем послелогои отличаются тем, что последние являются отдельными лексическими единицами [2, с. 23].

Следовательно, послелогои в адыгейском языке выделяется не только своим лексическим значением, но и категориальным значением, а также синтаксической функцией. Именно наличие указанных выше специфических грамматических признаков подтверждает объективность существования послелогов как отдельные слова, принадлежащие к одной определенной части речи. В настоящее время, большинство специалистов считают делить послелогои на простые и производные. К простым относятся: *дэжь* «к», «около», *пае* «для» и др. Производные послелогои в свою очередь подразделяются на собственно отыменные: *кЫьб* «за», «позади», *кьогъу* «за», «из-за», «сзади», *члэль* «под»; отадъективные: *фэд* «подобно», *нэмыкI* «кроме», *ехьцыр* «подобно»; отглагольные: *нэс* «до», *кьыхэкIыкIэ* «исходя из», *щыц* «среди»; наречные: *фэдиз* «около», *ыпэкIэ* «впереди», *пэмычыжьэу* «около».

Эти два типа послелогов различаются тем, что значения простых не обусловлены их фонетическим строением, а производные послелогои, хотя приобретают самостоятельное значение, все равно не теряют связи с этимомом, т.е. зависят от самостоятельных слов, от которых они образованы.

В русском языке, как известно, имеет место соотносительность глагольных приставок и предлогов (*вошел в дом, приехал в город, вышел из комнаты* и др.) [3]. При этом лексическое значение приставок обычно соответствует значению предлога. Прежде всего, это – выражение каких-либо пространственных отношений. Но в некоторых случаях такого соответствия не наблюдается. Так например, в соответствии с предлогом *к-* нет приставки *к-*, но употребляется приставка *под-*. Приставка *при-* материально соответствует предлогу *при*, но значение у них разное: предлог выражает нахождение поблизости, а приставка – движение по направлению к какой-то точке. В русском языке есть приставки, наряду с которыми не существует материально соответствующих предлогов: есть приставки *вы-*, *воз-*, но нет предлогов *вы*, *воз* [4, с. 314].

Послелогои по значению более разнообразны, чем превербы. Они используются как выразители различных грамматических отношений: пространственных, временных, причинных, определительно-ограничительных, отношений предназначенности, совместности и др. Например: *ыпэкIэ* «впереди, до», *ыужкIэ* «за», *ыклоцIкIэ* «на, в, внутри», *кьыхэкIкIэ* «из-за, исходя» и др. В многообразии значений, главнейшие из которых пространственные, временные, сопроводительные, отношения удаления, предела, ограничения и др., предлоги русского языка сближаются с послелогоми. Значение русских предлогов по объему значительно шире значений послелогов и, особенно, превербов, т.е. они, впервые, в большей степени грамматикализованы. Русскому предлогу *в*, например, отвечает целый ряд адыгейских превербов: *и-*, *хэ-*, *дэ-*, *щы-*, *кIоцI-*: *ахьцалъэм дэль* «лежит в кошельке», *Iальмэкьым иль* «лежит в сумке» и т.д.

Как видно, выше рассмотренные примеры показывают насколько выражение места предмета максимально дифференцированно и конкретизировано.

Многие ученые кавказоведы отмечают, что в адыгских языках превербы закреплены за определенными предметами в зависимости от их внешних признаков. Представляется возможным согласиться с мнением З.И. Керашева, что имена существительные, которые обозначают понятия, объединяющиеся какими-то общими свойствами, связаны с определенным превербом [5, с. 233]. Здесь же выделяется отдельные группы имен, требующих наличия в глагольной основе того или иного «пространственного экспонента» [6, с. 239]. В связи с этим обращает на себя внимание «разнобой» в употреблении русских предлогов *в* – *на*, *из* – *с*: *поехать на Север* – *поехать в Грузию, из Адыгеи* – *с Адыгеи* и др.

В научной литературе отмечается, что русские глагольные приставки выполняют роль видовых показателей – это наличие двух по значению и по форме различающихся видов глаголов: совершенного и несовершенного вида. Глаголы совершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида прибавлением префикса: *читать* – *считать*, *лежать* – *полежать*.

Вместе с тем следует отметить, что в адыгейском языке для превербов не чуждо значение вида. Речь идет о направительном превербе *кьэ-*, который, кроме своего направительного значения, может выражать результативность и полноту действия [7, с. 29]: *гьын* «плакать» – *кьэгьын* «заплакать», *гупшысэп* «думать» – *кьэгупшысын* «придумать что-либо» и др. Не случайно Л.Г. Лопатинский преверб *кьэ-* ошибочно рассматривал как показатель совершенного вида [7, с. 29]. Соображения Лопатинского заслуживают внимание, так как преверб *кьэ-* нельзя рассматривать как показатель совершенного вида адыгского глагола. По семантике названный преверб является многозначным, глагол с превербом *кьэ-* выражает значение совершенного вида. Приставочные глаголы перемещения адыгейского языка имеют

разные словообразовательные значения. На основе этих словообразовательных значений, возникающих в результате взаимодействия производящей основы и семантики превербов, выделяются словообразовательные типы. Среди них наиболее типичным, характерным для адыгейского языка является преверб *къэ-* «сюда», которая взаимодействуя с производящими основами глаголов перемещения, служит средством выражения словообразовательного значения направленности действия в сторону субъекта: *къэбыбы* «летит сюда», *къэтиэ* «ползет сюда». Опираясь на положение Н.Т. Гишева, преверб *къэ-*, не выражая направление действия, может выступать в качестве основообразующего преверба в окаменелом состоянии, например, *къэшьо* «танцует (вообще)», *къаишьо* «танцуй». В этом глаголе, как он поясняет, несомненно, является превербом, а *-шьо* – корневым элементом, который самостоятельно в языке не встречается на современном этапе [8, с. 110].

Производные слова, образованные от производящих посредством превербов, часто оказываются компонентами глагольных синонимических рядов [9, с. 127].

И так, на основании проведенного анализа представляется возможным говорить о том, что превербы, послелого, предлоги являются продуктивным показателем универсальных словообразовательных и структурно-морфологических признаков разноструктурных языков.

Литература

1. Меретуков К.Х. О некоторых взаимоотношениях послелогов и превербов в адыгейском языке// Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983, С. 78-82.
2. Меретуков К.Х. Грамматические способы связи в адыгейском языке
3. Современный русский язык. Морфология. Под.ред.акад. В.В. Виноградова. М., 1952, С. 313-314.
4. Там же. С. 314.
5. Керашева З.И.. Проблема превербов в адыгских языках. Ученые записки Адыгейского пединститута, том I. Майкоп, 1957, с.233.
6. Там же. С. 239.
7. Лопатинский Л.Г. Краткая грамматика кабардинского языка. /Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), вып. XII, отдел II. Тифлис, 1981.
8. Гишев Н.Т. Некоторые вопросы глагольной префиксации в адыгейском языке/Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С. 106-111.
9. Тхаркахо Ю.А. О роли превербов в обогащении лексической синонимии/Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С. 127-135.

УДК 81-22

Перемещенное отрицание в русском и чеченском языках

Хажмурадова Х.З.

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные подходы к изучению категории отрицания в русском и чеченском языках, описываются различные точки зрения на данную проблему. Рассматриваются способы перемещения отрицания с одного элемента отрицания на другой. Анализ производится на материале русского и чеченского языков. Проведенный сопоставительный анализ способов построения отрицательных предложений в русском и чеченском языках позволяет глубже понять природу языковой универсалии категории модальности в разноструктурных языках, а также выявить сходные и отличительные черты в оформлении отрицания.

Ключевые слова: отрицание, перемещение, общий, частный, синтаксический, аналитический

Displaced Denial in Russian and Chechen

Khazhmuradova Kh.Z.

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

Abstract: this article discusses the main approaches to studying the category of denial in the Russian language and the Chechen language, describes various points of view on this problem. The methods of moving negation from one element of negation to another are considered. The analysis is based on the material of the Russian and Chechen languages. A comparative analysis of the ways of constructing negative sentences in the Russian and Chechen languages allows a deeper understanding of the nature of the linguistic universal of the modality category in different structural languages, as well as identifying similar and distinctive features in the design of negation.

Keywords: negation, displacement, general, particular, syntactic, analytical

Отрицание считается перемещенным в том случае, когда признак отрицания примыкает к слову, а не к элементу утверждения. Синтаксическая конструкция отрицания способствует дифференцированию общего и частного отрицания и в связи с этим теряет свою ценность.

Чеченским перемещенным отрицанием является пример «*Мовсар тахана хан ялале ца ваара*» «*Мансур сегодня не поздно пришел*», в котором отрицание является фразовым, в составе сказуемого, и семантически частное, поскольку оспаривается не факт того, что *пришел*, а ситуация «*хан ялале*» «*поздно*». Синтаксическое отрицание перемещается от элемента отрицания к слову, которое им владеет. Данное перемещение именуется как развитие отрицания, поскольку, таким образом улучшается его уровень. Такое отрицание перемещается от второстепенного члена предложения к главному. Метафорические утверждения и структуры с синтаксическими выражениями включают в себя, в большинстве случаев, перемещенное отрицание. Структуры с перемещенным отрицанием наблюдаются чаще всего, так как дифференцирование синтаксических видов частного и общего отрицания объясняется синтаксическим значением, детерминированный, чаще всего, контекстом и коммуникативным обстоятельством. Таким образом, такие структуры помогают обуславливать область функционирования отрицания. В случае, когда область отрицания включает в себя ситуацию в целом, предложение истолковывается как общеотрицательное, но, когда оно связано с какой-то частью отрицания, предложение называется частноотрицательным [1. с.96]. Перемещенное отрицание показано в следующих чеченских предложениях:

(1) «*Со цкъа а Парижехь хилла вац, амма со холчехь вац цунна тIехулау*». «*Я никогда не был в Париже, но я не горюю из-за этого*». (досл.: ..., я никогда в Париже **был не есть**). Первая часть данного предложения содержит в себе смещенное отрицание (переход отрицания с зависимого элемента *никогда*, на сказуемое *не был*), отрицается не то, что человек не был в Париже, а то, что он не горюет из-за этого.

(2) «*Муслим хьо санна лекха вац*». «*Муслим не такой высокий как ты*» (досл.: Муслим как ты **высокий не есть**). С обстоятельства степени *не как ты (не настолько)* отрицание перешло на сказуемое *высокий не есть*;

(3) Вададай, хIара гуллакх иштта ца до. Ой-ой-ой, это дело не так делается. (= так не делается)'. Отрицание сосредоточено при сказуемом, но прикреплено оно к обстоятельству («*иштта так, таким образом*») и представляет собой перемещенное отрицание;

(4) «*Аса кхаллар оцу дамах ца до*». «*Я не делаю хлеб из этой муки*». (= Я хлеб делаю **не из такой муки**). Отрицание, в данном случае, является фразовым, но областью реализации отрицания является косвенный объект ситуации (*не из этой муки*), а не сама ситуация (*хлеб делаю*). Глагол перетаскивает себе морфему семантического отрицания перетягивает на себя частицу грамматического отрицания (*ца до* 'не делаю').

Термины "перемещенное отрицание", "стягивание отрицания" подразумевают инструкцию на нетривиальный вид анализируемых механизмов. Предполагается, что отрицание стоит не перед глаголом, а при самом отрицаемом компоненте условия, как в примерах, которые рассматриваются выше. Хотя, для языков, имеющих одно отрицание такое отрицание считается типовым, так как, например, в английском языке отрицательная частица *not* стоит за глаголом и не имеет самостоятельной маневренности, в то время, когда русская отрицательная частица *не* и чеченская отрицательная частица *ца* имеют позиционную мобильность. Таким образом английский язык является языком одного отрицания, так как, имея в предложении отрицательное местоимение или наречие, нет необходимости в общем показателе при сказуемом. Отрицание, которое должно стоять при глаголе, перемещается в

другое место. Поэтому, утверждения такого планатв английском языке являются стандартными, и не нарушают обычный порядок предложения. Присутствие в предложении таких слов, как *nobody* никто, *nothing* ничто, *never* никогда, *unless* если не и др. предполагает использование глагола без отрицания. Например, «*Nobody knows what will be tomorrow*». «Никто не знает, что будет завтра». (досл.: Никто знает, что произойдет завтра); «*I have never seen this picture*». «Я никогда не видел эту картину». Таким образом, сказуемое используется в утвердительной форме [2. с.105].

В чеченском языке способы выражения отрицания имеют место быть либо перед сказуемым в виде отрицательной частицы *ца*, либо в структуре глагольной формы как синтетической, так и логической, в зависимости к какому члену предложения они относятся по значению. Отрицательные глаголы-связки *вац*, *дац*, *яц* предполагают перестановку предложения. Таким образом, они сосредоточены за отрицаемым элементом, и, несмотря на это, имеют активную маневренность. Проанализируем ряд примеров, данных ниже:

(5) «*Тхо шуьга тIом бахъаи даьккина дац, тхо шуьга машар бахъаи даьккина ду*». «Мы пришли к вам не с войной, мы пришли к вам с миром» (досл.: Мы пришли к вам с войной **не есть**, мы пришли к вам с миром). Отрицание в данном предложении сосредоточено за сказуемым (пришли не-есть), область его процесса представляет собой второстепенный предмет является косвенный объект (*с войной*), от которого отрицание переходит к сказуемому. В данном случае отрицание представляется как фразовое, но и как частное. Из этого видно, что при перемещении отрицания, связь его структурного и семантического видов не отвечают общему принципу. Таким образом, фразовое отрицание представляет собой и и общее отрицание. В данном утверждении связка *дац* находится за сказуемым.

(6) «*Церан хIусам шира яц, иза керла йинна хIусам ю*». «*Их дом не старый, он построен недавно*». В этом предложении связка *яц* не есть / не является (кем-чем-каким-л.) создает частное отрицание – отрицается определение: *их дом не старый*. Отрицание это является одновременно и присловным, т.е. имеет место быть не при сказуемом (*церан хIусам шира яц*). Но перемещённым данное отрицание не представляется, поскольку имеет место быть при объекте, которому оно принадлежит. В большинстве случаев, отрицательные связки сосредоточены за сказуемым, хотя отрицание образуется и с помощью отрицательной частицы *ца*.

Литература

1. Долинин К.А. Отрицание и коммуникативная структура предложения // Грамматические исследования. Сб. науч. трудов ЛГПИ им. Л.И.Герцена. Ч. 1. - Л., 1975.
2. Дондуа К.Д. Грамматическое отрицание как проблема общего языкознания // Язык и мышление, XI. - М.-Л., 1948.
3. Калинина А.А. Категория утверждения / отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке. Дис. ... доктора филол. наук. – М., 2012.
4. Калинина А.А. К проблеме общего и частного отрицания // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы международной конференции. – Владимир, ВГПУ, 1997. С. 85–86.
5. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. – М.: Наука, 1986.
6. Климов Г.А. Кавказские языки. - М, 1965.
7. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. – М.: Наука, 1980.

УДК 811.35

Сопоставительный анализ лексико-семантических групп даргинского и русского языков

Курбанова Э. О.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности лексико-семантических групп даргинского и русского языков. Отмечается, что, несмотря на различия генетических и культурно-исторических связей исследуемых языков, в них обнаруживается целый ряд совпадений.

Ключевые слова: даргинский язык, русский язык, лексика, семантическое поле, коннотативное значение, калькирование.

Comparative analysis of lexico-semantic groups of Dargin and Russian languages

Kurbanova E.O.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Resume: This article discusses the features of the lexico-semantic groups of the Dargin and Russian languages. It is noted that, despite the differences in the genetic and cultural-historical relations of the languages studied, a number of coincidences are found in them.

Keywords: Dargin language, Russian language, vocabulary, semantic field, connotative meaning, tracing.

Выявление основных форм соотношений идентичных лексикосемантических групп даргинского и русского языков - главная цель, данного исследования. А такое сопоставление представляется достаточно актуальной проблемой, как для даргинского, так и для русского языков.

Обратимся к даргинскому слову *шиниша*, что в переводе означает «зеленый». Оба слова генетически означают зеленый цвет предмета. В словаре С.И. Ожегова даны пять значений слова *зеленый* [3, с. 545].

В даргинском языке *шиниша* «зеленый» также обладает рядом коннотативных значений, но общие семантические поля слов *зеленый* и *шиниша* далеки от идентичных, т.е. не совпадают, не апплицируются. Например, таким коннотативным значением, как «неопытный по молодости» (зеленая молодежь, молодо-зелено) даргинское слово *шиниша* не обладает, в отличие от русского *зеленый*.

В последние годы в результате контактирования с русским языком, обогащения за счет заимствований не только лексики, но и семантических моделей русского языка в даргинском языке замечается приобретение некоторыми даргинскими эквивалентами части семантического инвентаря соответствующей русской лексемы. В частности, слово *шиниша* «зеленый», правда, в очень редких случаях, стало употребляться с коннотацией «неопытный по молодости», «молодо-зелено». Вернее будет, если скажем, что под влиянием коннотации русского слова *зеленый* эквивалентное ему даргинское *шиниша* также пытается приобрести такую же коннотацию. Здесь имеем случай прямого калькирования коннотативной семантики слова. Однако заметим, что в даргинском языке такая коннотация окончательно не адаптировалась еще. Хотя слово *шиниша* «зеленый» в коннотативном значении «Молодо-зелено нами зафиксировано и в даргинской художественной литературе. Например: *Ну Нап ХIячжилра ХIяйт Ибрагъмличилра жягIял рейсличи дуравхъес хIядуриклулри. Дила бархкъяби гьундурачиб дебилабиубти бахъIила шоферти сабри, илдала гьалав ну, бикIуливан, шинишли левалри.* «Я готовился выйти завтра в рейс вместе с Нап Гаджи и Хяйт Ибрагимом. Мои попутчики - опытные водители, закаленные на дорогах, а перед ними я, как говорят, пока зеленый был» [2].

Возможно, что через определенное время сема «молодо-зелено» как коннотативное значение закрепится за даргинским *шиниша* «зеленый», но пока в этом контексте с этим значением слово *шиниша*, как было отмечено выше, смотрится как инородный элемент, созданный искусственно.

Специфическая коннотативная сема обнаруживается и в русском слове *язык*, которой нет в переводе на даргинский. В русском языке слово *язык* имеет много значений. На даргинский язык семантика слова *язык* полностью не переводится. Целый ряд сем не находит эквивалентных соответствий в семантическом инвентаре даргинского *лезми* «язык» [4, с.169]. Слово *лезми* «язык» даргинского языка соответствует только первой семе первого значения, приведенного в словаре Ожегова С. И.: «подвижный мышечный орган в полости рта, являющийся органом вкуса, а у человека участвующий, а также в образовании звуков речи».

Второе значение русского слова *язык*: «система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [3] соответствует значению другой даргинской лексики *мез*. Слово *мез* в

некоторых диалектах даргинского языка и в языке даргинского фольклора выступает синонимом слову *лезми* [1, с.486]. Семантика и этих двух даргинских лексем (*лезми* и *мез*) не способна полностью охватить семантику русского слова *язык*. Поэтому очень часто возникают трудности при переводе на даргинский язык таких сем русского слова, как а) «в колоколе: металлический стержень, производящий звон ударами о стенки», б) «о чем-нибудь, имеющем удлиненную, вытянутую форму», в) «пленный, от которого можно получить нужные сведения», г) «народ, нация». Специфические трудности возникают при попытке перевести на даргинский язык фразеологизмы русского языка с компонентом *язык*.

Наши наблюдения показали также, что из 57 русских фразеологизмов, в составе которых имеется слово *язык*, причем в качестве смыслового и структурообразующего центра, на даргинский язык со словами *лезми* или *мез* (эквиваленты русского *язык*) можно всего перевести около двадцати фразеологизмов. Примечательно, что в даргинских переводах фразеологизмов семантика русского слова *язык* соответствует семантике самых различных существительных даргинского языка. Чаще всего в этой роли выступает группа даргинских соматизмов: *мухли* «рот», «уста», *кунтлуби* «губы», *уркли* «сердце», *бекI* «голова», *гъай* «слово», «речь» и др.

Таким образом, несмотря на различия генетических и культурно-исторических связей даргинского и русского языков, в них обнаруживается целый ряд совпадений по семантике, в частности, ее образной основы.

Литература

1. Исаев М.-Ш. А. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 2006.
2. Газета «Замана», 2017, № 8.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1986.
4. Шахбанов Р.Р. Толковый словарь даргинского языка. Махачкала, 2011.

**Направление 2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА В
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА.**

УДК 8.82.09

Творчество И. Капаева в контексте исканий современной прозы

Чотчаева М. Х., Сакиева С. М.

**Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева,
г. Карачаевск**

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития национальной литературы в русле развития общелитературного процесса. Объектом исследования является самобытное творчество Исы Капаева. В ходе исследования выявлены особенности художественного метода и приемов писательского мастерства, яркое авторское “я”, в котором присутствует вид лирического нарратива, тема “маленького человека”.

Ключевые слова и фразы: культурная парадигма, современная проза, повседневность, заурядные люди, индивидуальные и национальные особенности, общечеловеческое, гуманистическое.

Creativity I. Kapaev in the context of the quest for modern prose

Chotchaeva M. Kh., Sakieva S. M.

**Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev,
the city of Karachaevesk**

Annotation. The article considers the problem of the development of national literature in line with the development of the general literary process. The object of research is the original work of Isa Kapaev. The study revealed the features of the artistic method and techniques of writing, a bright author's “I”, in which there is a kind of lyrical narrative, the theme of “a small person”.

Key words and phrases: cultural paradigm, modern prose, everyday life, ordinary people, individual and national characteristics, universal, humanistic.

Понятие «современная проза» включает в себя множество разнообразных в жанровом отношении, новаторских по стилю и языку прозаических текстов. Это разнообразие - свидетельство продолжающегося процесса дальнейших творческих открытий.

Поиски новых подходов к взаимозависимостям истории и литературного процесса определяется, прежде всего исторически целостным взглядом на литературу, взятую во всем из духовной культуры нации с учетом культурно-исторических сопредельных пространств, в том числе общероссийского культурного пространства.

Эти поиски в первую очередь связаны с поисками своего слова, открытого современному читателю. А.Ф. Лосев, в свое время, отмечал существенную связь: имя-слово-сущность. И «если сущность - имя, слово, то, значит, и весь мир, вселенная, есть имя и слово, или имена слова. Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности. Человек - слово, животное - слово, неодушевленный предмет – слово. Ибо все это смысл и его выражение. Мир - совокупность разных степеней жизненности или затверденности слова. Все живет словом и свидетельствует о нем” [5, с.15].

В современной культурной парадигме четко проявляется тенденция быть услышанным многонациональной российской аудиторией, использовать современные стилевые приемы. Автор и его герой действует в соответствии с особой стилевой палитрой, в прозе происходит сопряжение нескольких литературных дискурсов. Поиски структурных и семантических параметров выходят за рамки

привычных традиций.

Может быть, с этим связано появление на русском языке или авторском переводе текстов современной прозы в кабардинской, балкарской, дагестанской, татарской, ногайской и других литературах.

Впрочем, дискуссии о роли родного и русского языка, звучали уже в размышлениях наших национальных классиков: Д. Кугультанова, К. Кулиева, Р. Гамзатова. Так вспоминал о своем разговоре с поэтом Б. Басанговым Д. Кугультанов: “Б. Басангов, оторвав глаза от моей рукописи, спросил вдруг: «А почему ты написал это по-русски»? Робея, я ответил, что я мог бы написать и по-калмыцки, но в этом случае круг читателей будет меньшим. Тогда Басангов сказал: «А не находишь ли ты, что, сам того не желая, ты уподобился той лисице, что пробежала от Элисты до Каспийского побережья и, сделав в воду свое маленькое дело, сочла, что сотворила Каспийское море»? Наверно, надо было иметь немалое самообладание, чтобы после этого устоять на ногах. Да тот ли это был Басангов, который, опасаясь, что молодая женщина ненароком намочит ноги, накрыл лужицу своей кожанкой? Оказывается, тот самый, и в своей строгой реплике он ни на дюйм не отступил от рыцарских правил. Когда речь идет об уроках мастерства, самые лучшие учителя - это те, которые не столько милуют, сколько школят” [4, с.74].

Многомудрый Басангов обратился к притче о лисе, чтобы сказать: стремление обрести читателей в мире, который зовется советским, не требует отказа от языка твоих отцов и дедов. Наоборот, нужно писать именно на этом языке, ибо тут ты особенно силен. Интересно проследить, как поэт, представляющий стотысячный народ, вышел за пределы этого народа и стал всемирно известным. Никто не просил Кугультинова отказываться от родного языка: как показывает пример с Басанговым - как раз наоборот. Но было и иное, что определило зов живой жизни, ее веление. Рядом была великая русская литература, с ее сочетанием великих художественных достоинств и демократических устремлений, свободолобия. Опираясь на это богатство, можно было сделать много доброго и для родной Калмыкии и ее литературы. Это и явилось для Кугультинова заветом, следуя которому Кугультинов стал тем, кем является сегодня. Закономерно и символично то, как интеллигенты поколения Кугультинова, будь то грузины, казахи, армяне или калмыки, знают русскую литературу. Есть некий блеск, для человека завидный, в том, как, например, Айтматов, Сулейменов и тот же Кугультинов ориентируются в явлениях русской литературы, обнаруживая ту глубину знаний, которая не возникает вдруг, а является плодом труда человека и страны, представляющей сегодня новую общность людей.

Существует предание, что основатель русской словесности А. Кантемир, потомок древних ногайских князей. Но именно в его уста К. Батюшков вкладывает высокие слова о будущем русской истории, культуры.

«Мы, русские, имеем народные песни: в них дышит нежность, красноречие сердца; в них видна сия задумчивость, тихая и глубокая, которая дает неизъяснимую прелесть и самым грубым произведениям северной музыки. ... Скажите, если грубые дети Севера умеют чувствовать и изъясняться столь и живо и приятно, то чего нельзя ожидать от людей образованных?»

Я первый осмелился писать так, как говорят: я первый изгнал из языка нашего грубые слова славянские, чужестранные, не свойственные языку русскому,- и открыл новую дорогу грядущих талантов. Сатиры мои будут иметь некоторую цену для потомков наших, подобно древним картинам первых живописцев, предшественников Рафаэля: в них они найдут изображение верное нравов и языка русского, в славном периоде для России- от времен Петра до царствования счастливой, обожаемой нами Елисаветы,- и имя мое будет уважаемо в России более потому, что я первой осмелился говорить языком муз и философии, нежели потому, что занимал важное место при дворе вашем [1,с.274].

В концепции развития мирового литературного процесса, разработанном И. Гете категории национального и межнационального находятся в диалектическом соотношении. И.В. Гете за множеством индивидуальных и национальных особенностей обнаруживает то общечеловеческое, гуманистическое содержание, которое составляет ядро любой культуры.

Идея синтеза литературных и культурных традиций различных народов, в теоретическом отношении намеченная Гете в самых общих чертах, находит свое воплощение в художественной практике русской культуры и литературы, которое складывалась изначально как общекультурное достояние народов России.

В новое время все литературы современных культурных народов так или иначе связаны друг с другом их развитие проходит в обстановке этих связей. В этот процесс вовлечены ныне все без исключения национальные литературы, в том числе и ногайская литература.

В творческой практике современного ногайского прозаика Исы Капаева поиски этого диалогического дискурса продолжают. Проза этого писателя, как отмечают современные критики

(«Вокзал», «Книга отражений», Унывающие тени) - это историко - философские эссе, которые известны многонациональной читательской аудитории в России и за ее пределами.

На русском, в авторском переводе проза И. Капаева стремится ответить на вызовы и запросы современной жизни. Герои его текстов живут в новом мире, они необычны, аномальны, психическое состояние их часто близко к бредовому, социальному, к раздвоению личности, странным снам, страсти, граничащей с безумием, эксцентрическому поведению, то есть всяческим нарушениям общепринятого и обычного хода событий установленных норм поведения и этикета, в том числе и речевого. Подтверждение этой мысли можно увидеть в жанрово-стилевой доминанте таких, к примеру рассказов, как «Наконец-то», «Впечатлительный человек», «Окно в будущее». Автор посмеивается над своими героями, над их слабостями, ничтожными желаниями, измене большим надеждам, таланту.

Автор повествователь открыто демонстрирует приемы писательского мастерства. Так в рассказе «Впечатлительный человек» герой после большой совместной пьянки засыпает в снегу у кладбищенской стены и слышит разговор похороненных здесь и умерших в пьяном угаре соплеменников, оказывается, Аллах не дает выпить на том свете, мусульманину нельзя пить. Не понимая в каком мире он находится, герой в ужасе возвращается в свой дом, убедить себя, что жизнь есть и он живой.

Герои И. Капаева - обыкновенные заурядные люди. Они погружены в быт, в повседневное течение жизни, живут тускло, скучно, безысходно. Часто их личная судьба читается как дневник неудачника, так герой рассказа «Наконец-то» становится жертвой закона случайности. Покинутый дом, обида на самого себя, мог быть счастливым и не стал.

В рассказе «Куплю курицу» обывательская мечта стать обладателем машины становится навязчивой идеей. У хабара о Ходже идея «купить курицу» превращается в современный анекдот о неудачнике. Автор-повествователь в рассказах И. Капаева почти не меняется: он ироничен, полон сарказма, но и грусти, лиричности, открытости и доверия к читателю.

И. Капаев вместе с современными писателями России возвращает в литературу тему «маленького человека», открывает тему которые считались заброшенными, непроходимыми. «Маленький человек» возвращает российскую литературу к действительности, к живой жизни, дает ей новые темы, новую образность.

У. И. Капаева яркое авторское «я», в котором присутствует вид лирического нарратива. В рассказе «Окно в будущее» автор откровенен, точен в оценке своего героя, вора дебошира, пьяницы, которому давно пора умирать.

Куда ушла жизнь жалкого «замухрышки». Сквозь призму частной биографии - «вечные» вопросы общечеловеческой значимости смысла жизни ее конечных поисков, выхода из духовного тупика. Перед самим автором чистые белые листы бумаги, как продолжение пути, окно в будущее. Так И. Капаев вносит свой узор в многоцветное полотно российской культуры, истории, литературы.

Литература

1. Батюшков К.Н. Избранные сочинения. /М.: Правда, 1986.-528с.
2. Дангулов С. Осененные Эльбрусом (Этюды о поэтах). //Вопросы литературы, 1978.- №11 .- С.41-52.
3. Капаев И. Синие снега. Избранное.- М.: Голос – Пресс,-790с.
4. Кугультинов Д. Автобиография, статьи, выступления, Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1997,-234с.
5. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. - 656 с. («Философия имени», «Музыка как предмет логики», «Диалектика мифа»)

**Направление 2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА В
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

УДК 398.2

Проблема формирования чеченской литературной сказки

Джамбеков О.А., Расумов В.Ш.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: Литературная сказка - молодой жанр чеченской литературы. В этой статье раскрываются основные отличия литературной сказки. Литературная сказка отделена от устной народной сказки и уже является своего рода жанром в чеченской литературе. В произведениях Жамалди, который считается основателем чеченской литературной сказки, проявляется ее оригинальность. Махмаев Джамалди опирается на традиции чеченского устного искусства в своих сказках.

Ключевые слова: литературная сказка, литературный жанр, фольклорная сказка, образ автора, герой сказки, детская работа, герой современной литературы.

Нохчийн литературин туьйра когаметгахьоттаран проблема

Джамбеков О.А., Расумов В.Ш.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотаци: Литературин туьйра нохчийн исбаьхьаллин литературин кьона жанр ю. Кху статья тӀехь гучуйохуш ю цуьнан коьрта башхаллаш. Исбаьхьаллин литературин туьйра, барта кхоллараллин туьйранех сха а къаьстина, шатайпа жанр а хилла дӀахӀоьттина нохчийн литературехь. Нохчийн литературин туьйранан бухбиллархо ларалуш волчу Жамалдин говзарш тӀехь гайтина цуьнан шатайпаналла. Шен туьйранашкахь Махмаев Жамалдин тӀетевжа нохчийн барта кхоллараллин ламасташна.

Коьрта дешнаш: литературин туьйра, литературин жанр, барта кхоллараллин туьйра, авторан васт, туьйранан турпалхо, берийн говзар, хӀинцалерачу литературин турпалхо.

The problem of the formation of the chechen literary fairy tale

Dzhambekov Ovkhad Alikhadzhievich, Rasumov Vakha Shamanovich

Chechen State Pedagogical University

Abstracts: A literary fairy tale is a young genre of Chechen literature. There are reveals the main differences of a literary fairy tale in this article. A literary fairy tale is already separated from an oral folk tale and it is already a kind of genre in Chechen literature. In the works of Zhamaldi, who is considered the founder of the Chechen literary fairy tale, it is shown its originality. Makhmaev Jamaldi relies on the traditions of Chechen oral art in his tales.

Key words: literary fairy tale, literary genre, folklore fairy tale, image of the author, fairy tale's hero, child's work, hero of modern literature.

Литературин туьйра – нохчийн исбаьхьаллин литературин къона жанр ю, тӀаьхьарчу шерашкахь кхуьуш схьайогӀуш йолу. Литературин туьйранаш дуккха а нохчийн яздархоша кхоьллина: Ахмадов Мусас «БӀе эзар дика гӀуллакх» [1], Гацаев СаьИда «Хулхулон тогӀешкахь» [3], «БӀаьстенан гӀара» [4], Саидов Билала «Майра кӀант Сулима» [12], «Сулимин цӀархо» [13], «Сулимин цӀархо седарчийн махкахь» [14], Исмаилов Абус «Бирдолаг» [6], Сулейманова Зайнапа «ДоттагӀий» [15], и.д.а кх. Халкъан барта кхоллараллин туьйранашца дуьстича, литературин туьйра башха жанр ю литературин. Иза доьзна ду уггар хьалха литературин туьйрано кхийолчу литературин жанрийн хормийн кеп лелош хиларца, масала: повестан, дийцаран, поэмин и.д.а кх.

Таханлерчу дийнахь литературин туьйра берашна а, кхиазхошна а уггар дукхаезаш йолу жанр ю ала мегар ду. Цунна тоьшалла ду вай лаккахь цӀераш яьхначу яздархойн зорбанехь араюьйлуш йолу литературин туьйранин киншкаш.

Макаренкос А.С. а, Гаранина Е.А. а, иштта дӀа кхечара а билгалдаккхарехь, берийн а, баккхийчеран а киншкийн башхалла яздарохочуьнан йозанан хотӀаца гучуйолуш ю. Уггар хьалха яздархоша тидаме эца еза ешархойн хан, церан кхетам, кегийрачу берийн дуьнене болу хьежам и.д.а кх [11].

Халкъан туьйра девзаш воьчунна хӀинцалерачу литературин туьйранан дешархочунна бевзар бац оцу жанро халкъан жанрех схьакъаьсташ бина некь.

Цуьнга хьаьжжина а доцуш, хӀинцалерачу литературин туьйранашкахь барта хазнин мифашца, легендашца зӀе хуьлу, иза къеггина гуш ца хилахь а. Амма туьйра оцу барта кхоллараллин жанрех къаьсташ ду:

а) ширачу дийцарна бухадиллинарг инзаре башха хӀума ду туьйранчас а, ладугӀучара а бакьдолуш санна, тӀеобцуш долу. Туьйранехь дерг кхоьллина дуй хууш ду;

б) ширачу дийцарехь юьйцуш йолу хан хууш хуьлу, мифашкахь болу хиламаш дукха хьалхе хиллий хаьа, амма туьйранашкахь гойтуш болчу хиламийн хан хууш яц, мацах цкъа хилла хилар бен;

в) мифийн турпалхой – адамашкахь хила йиш йоцу ницкъ болу нах хуьлу, ткьа литературин туьйранин турпалхой могоарера нах хуьлу.

ГӀараваьлладу оьрсийн фольклориста Пропп Владимира шен белхашкахь теллина туьйранан жанран башхаллаш. Проппана хетарехь, туьйра – иза уггар хьалха барта юьйцуш йолу дийцаран хорма ю, шолгӀа, туьйран Иалашо самукьадаккхар ю, кхоалгӀа, туьйранна бухабиллинарг башха хилам бу, доьалгӀа, туьйранан шатайпа дӀахӀоттам (композици) хуьлу [10, а. 38].

Брауде Людмила хетарехь, литературин туьйра автора язйина исбаьхьаллин говзар ю, барта кхоллараллин бух тӀехь кхоьллина, я яздархочо ша кхоьллина, амма муьлхачу а агӀор цуьнан лаамехь йолу [2, а. 226–234].

Барта кхоллараллин туьйранаш санна, литературин туьйранаш, чулацаме хьаьжжина тематически, тобанашка декъа тарлуш ду: инзаре башхачу хӀуманех, дийнатех лаьцна туьйранаш, Иердахаран туьйранаш.

Овчинникова Л.В. литературин туьйранаш иштта доькьу: фольклорно-литературни а, автора ша кхоьллинарш а. ХӀора туьйранан жанр къаьсташ ю шен башхачу исбаьхьаллин башхаллица а, турпалхошца а, иштта дийцаран хормица а [9].

Браудес билгала ма-даккхара, литературин туьйра цхьайолчу меттигашкахь тӀетевжа барта кхоллараллин ламасташна, амма, дукхахьолахь, къаста а гӀерта, шен шатайпаналла гайтархьама.

Махмаев Жамалдин кхолларалло боккха тӀеӀаткъам бина нохчийн литературин туьйранан жанр кхиарна. Цуьнан кхолларалла бахьанехь алсамбевлла берийн киншкаш ешархой. Махмаев Ж. литературин туьйранаша дикачу агӀор тӀеӀаткъам бо тӀекхуьучу чкъурана. Цуьнан хӀора говзарехь вайна гучудолу ша-гайпа дика, вас ца еш долу, кегийрхошна шайгахь адамалла кхио оьшуш долу хӀуманаш.

Жамалдин говзаршкахь ши дуьне вовшахьоь. Хьалхара дуьне – акхаройн, шолгӀа – адамийн кхоллам, адамийн дахаран некъаш: бералла, къоналла, гӀеметгахӀоттар, къаналла, кхалхар. Кхоьллинарг а, инзаре башха дерг а, бакьдерг а издаро Жамалдин туьйранаш баккхийчарна а, кегийчарна а хаздо. Берашна хазахетарг – автора ша дуьйцург башха дестош хилар а, Дикачо Харцонна тӀехь толам баккхар а ду. Хиламаш сиха хийцабаларца цхьаьна баккхийчара тидаме оьцу бакьдолчу дахарера масалш, туьйранан философи: адамийн вовшашца йолу юьаметтигаш, безам, тешнабехк, кхалхар, бакьдерг, харцдерг и.д.а кх. Цо гойту, нохчийн литературин туьйра берашна а, баккхийчарна а лерина хилар.

Литературин туьйранан персонажийн шайца адамийн амалш хила а тарло, исбаьхьаллин агӀо шайца йолуш. Цу туьйранан бухе биллинарг акхарошна юкъахь болу къовсам бу, тайп-тайпанчу адамийн

хъежамашка хъаьжжина. Цу къовсамехъ болу турпалхой догцѐна а, комаьрша а, гийлачух дог лозуша хуьлу.

Шен литературин туьйра «Ломмий, дахкий» кхуллуш дагалацам – «Цициган – синкъерам, дехкан – балар» кичанна тѐра эцна хилла Махмаев Жамалдис. Вайна ма-хаьара, нохчийн а, оьрсийн а туьйранашкахъ дехко цицигаца доттагIалла ца леладо, и шиь даима кьийсалуш хуьлу. Жамалдин туьйранехъ дахка лъоме гIо деха боьду, цицигахъ шайш лардар доьхуш. Дехко хIилла до, шайш цхъа дика доцуш дуьтур дац хьо аьлла, ткъа лом ца дешаш делало, – суна хIун гIо оьшур ду оццул жима болчу хьобгара, – аьлла. Амма туьйра чекхдолуш Жамалдис дагадоьуйту шен персонажана – лъомана «Генарчу вешел, юххера лулахо тоьлуш» хилар.

Иза чулацам бу Жамалдин «МостагIун мостагI» цѐе йолчу туьйранан а. Кхузахъ дехкашна гIо дийриг зу ю, автора оцу туьйранна бухе диллина халкъан кича «Вонехъ мостагIчух а накъост хуьлу».

Жамалдис шен туьйранашкахъ Iалам ша-тайпа хаза а, говзаа гойту. Шен «БIаьстенан хазалла» цѐе йолчу туьйранехъ Iаламан хазалла, исбаьхьалла, цуьнан цѐеналла гойту цо.

Россахъ дехачу къаьмнийн туьйранин чулацам гергара буйла массарна а хууш ду. Цкъацкъа иза хIилла доцу тIеэцарш ду. Туьйранашкахъ массарна хьалха беламе дуьллург ду: адамиин сакхташ-айпалла, диканиг, сийлахьниг, адамна пайдехъ дерг чIагIдар, вочунна, зуламечунна дуьхьал кьийсам латтабар, цудуьхьа массо а къоман туьйранаш цхъаьнадогIуш ду, ткъа уггар хьалха уьш массо а къаьмнийн кхетама а, хъехаме а ду.

Даима вайн нохчийн халкъан туьйранашкахъ гIезан-гIуьзалг, чIов-чIов кхоьруш хуьлу, ткъа цхьогал мекараллица къаьста. Амма Жамалдин литературин туьйранехъ майрачу чIов-чIовно кхерадо хьекьал доцу цхьогал. Туьйранаш гойтуш долу акхаройн дуьне, вайна ма-хаьара, уьш Iаш йолчу меттигца доьзна ду. Оцу чохъ йолу акхарой бакъ йолчарехъ тѐра ю ала а хала ду. Шайн маттаца а, леларца а цара вайна дагадоьуйту уьш кхоьллинарг – халкъ а доцуш, автор хилар.

Дуьненан литературехъ берашна лерина гIарьевллачу говзарехъ цхъаерш, тхуна хетарехъ, берийн ю аьлла тIечIагIъан хала ду. Цуьнан бахьана церан башхачу чулацамаца доьзна ду. Масала, Гримм вежарийн говзарш шайна чохъ къизалла гойтуш ю, ткъа Гофман Э. а, Шварц Е.Л. а говзарийн туьйранин идея а, чурьа философи а берашна атта кхетар йолуш яц. Цо гойту, оцу авторшна шайн говзарийн ешархой бераш а, баккхийнаш а гуш хилла хилар. Оцу башхаллаша кхийолчу говзарехъ схъакъастадо и туьйранаш.

Xинцалера берийн кхиболу яздархой санна, шен говзаршкахъ барта кхоллараллин ламасташна тIетевжа Жамалди. Цуьнга хъаьжжина а доцуш, нохчийн литературин туьйра шен башхаллаш йолуш ду барта кхоллараллин туьйранашца дуьстича.

Халкъан барта кхоллараллин а, литературин а туьйранин башхаллаш теллина шайн белхаш тIехъ Т.В. Дьяковас а, Н.М. Ладисовас а, Т.В. Доброникис а и.дIа кх. а. Царна хетарехъ, барта а, литературин туьйранин а башхаллаш иштта ю:

а) халкъан туьйранехъ шен билгал дIахIоттам бу: юьхъ йолор, хилам дIаболабалар, говзаран хилам кхиаран лакхе, чаккхе. Литературин туьйранехъ автора и дIахIоттам лар ца бо;

б) халкъан туьйранехъ ирсе чаккхе хуьлу; литературин туьйранехъ нийса БIостанехъа хила а тарло, турпалхой, дукхахьолахъ, ле, шайн Iалашоне ца кхочуш;

в) халкъан туьйранан чулацам чIагIбелла ца хуьлу, туьйранчас муьлхачу а хенахъ иза хийца йиш ю, ткъа литературин туьйранан чулацам хийцалуш бац;

г) бараме диллича, литературин туьйра доккха хуьлу, барта хазничул.

Литературин туьйранан а, барта кхоллараллин туьйранан а коьрта башхалла – иза уггар хьалха церан кхолладаларан некъ бу – барта кхоллараллин туьйра халкъо кхуллу, ткъа литературин туьйра билгалчу автора кхуллуш ду; литературин туьйра дийцаран кеп йозанан ю, ткъа барта кхоллараллин туьйранан чулацам дуьйцучу хенахъ а хийцабала тарло.

Берийн яздархоша шайн говзаршкахъ барта ламастехъ пайдаоьцуш хиларо вайна бакъо ло барта кхоллараллин туьйра а, литературин а туьйра цхъаьнатоха, кхечу агIор аьлча, цхъа жанр билгалъяккха. Вай лакхахъ билгалъяьхна йолу барта кхоллараллин а, литературин туьйранан а башхаллаш оцу шина жанран билгалонаш ю, цара тоьшалла до, туьйранан жанран тайп-тайпаналла хилар.

Литературин туьйра шакъаьстина литературин жанр йина схъакъастор доьзна ду рогIерчу билгалонашца:

а) кхоьллина хилар, иза туьйранан коьрта башхалла ю;

б) берашна лерина хилар;

в) берийн самукъадаккхар, кхетош-кхиор цхъаьнадар.

Хинцалера литературин туьйра, Иалашо а йоцуш кхоьллина говзар санна, тIе ца оьцу ешархоша, хIунда аьлча, по хьобху адамана дахарехь муха хила деза. Туьйранаша (барта кхоллараллин а, литературин а) шайн турпалхой зоб вовшашца болчу кьинхетамца, мискачуьнгахьа гIодаккхарца, цхьайолчу хенахь, шайн са ца кхоош, нехан дуьхьа кьовсаме бовларца и.дIа кх.

Берийн хьекьал, кхетам, исбаьхьаллин агIо кхиар доьзна ду киншкаша царна луш болчу синан кхачанца. Берашна кхоьллина йолчу литературо гIо до берана дуьне довза, исбаьхьаллин киншкица долу гергарло чIагIдан. Берийн литературин туьйрано бер ойла ян Iамадо, цунах цунна оьзалангаллин бакьволу накьост а хуьлу.

Литературин туьйра – иза хинцалерачу дахаран говзар ю, дийнал-дийно кхуьуш йогIуш йолу. Цуьнца доьзна ду барта а, литературин а туьйранин кьастам беш болу Илманан белхаш цахилар.

Литература

1. Ахмадов, М.М. БIе эзар дика гIуллакх / М.М. Ахмадов. – Нальчик, 2002. – 32 агIо.
2. Брауде, Л.Ю. К истории понятия «Литературная сказка» / Л.Ю. Брауде // Известия АН СССР. Сер.лит. и яз. Т. XXXVI. – 1977. – № 3. – С. 226–234.
3. Гацаев С.А. Хулхулон туогIешкахь / С.А. Гацаев. – Соьлжа-гIала, 1973.
4. Гацаев С.А. БIаьстенан гIара. Берашна / С.А. Гацаев. – Соьлжа-гIала, 2002.
5. Джамалханов З.Д., Уциев А.Х. Туьйранаш, шира дийцарш, кичанаш, хIетал-металш. – Соьлжа-гIала: ГУП «Книжное издательство», 2007. – 768 агIо.
6. Исмаилов А. Бирдолаг. – Соьлжа-гIала, 1988. – 32 агIо.
7. Кусаев А.Д. Писатели Чечни. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2005, – 410 с.
8. Намычкина Е.В. Сказка как литературный жанр [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazka-kak-literaturnyy-zhanr> (дата обращения: 10.011.2019).
9. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика) / Л.В. Овчинникова. – М. 2007. <http://www.twirpx.com> (дата обращения: 10.011.2019).
10. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: ЛГУ, 1984. – 415 с.
11. Рыжих М.В. Сопоставительный анализ фольклорной и литературной сказки [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-folklornoy-i-literaturnoy-skazki> (дата обращения: 10.11.2019).
12. Саидов Б.С. Майра Сулима. Туьйра / Б.С. Саидов. – Соьлжа-гIала, 1967. – 46 агIо.
13. Саидов Б.С. Сулимин цIархо. Туьйра / Б.С. Саидов. – Соьлжа-гIала, 1977. – 39 агIо.
14. Саидов Б.С. Сулимин цIархо седарчийн махкахь. Берашна туьйра / Б.С. Саидов. Сан безам. – Соьлжа-гIала, 1989. – 110 – 171 агIо.
15. Сулейманова З.А. ДоттагIий. Дийцарш, туьйранаш, стихаш / З.А. Сулейманова. – Соьлжа-гIала, 2012. – 255 агIо.

УДК 1751

Этнолингвистические пласты карачаево-балкарского именника

Т.Х. Хапчаева

**Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия**

Аннотация. Так как имя - хранитель культурной информации народа и связано с восприятием мира. Актуальность темы исследования заключается в недостаточности в карачаево-балкарской лингвистической науке теоретических работ по данной проблеме.

Карачаево-балкарская антропонимия соединяет в себе древнетюркские и европейские лингвокультурные традиции и развивается, трансформируясь под влиянием факторов, заложенных, по тем традициям, которые заложены в древнетюркском имяназвании. Карачаевские имена собственные и их культурный характер основываются на тюркских традициях, вобрали в себя элементы исламской культуры, впитывает и русскую культуру. Рассмотрим национальную специфику мировидения,

отражающуюся в именах собственных. В работе выявляются основные культурно-исторические периоды, которые повлияли на развитие карачаево-балкарской антропонимии, рассматриваются основные причины, повлиявшие на ее изменение.

Ключевые слова: имя - хранитель культурной информации народа, традиции, трансформируясь, влияние факторов.

Ethno-linguistic layers of karachai-balkar names

T. Kh. Khapchaeva

Umar Aliev Karachay-Cherkess State University

Karachayevsk, Russia

Annotation. Name is the keeper of the cultural information of the people and is associated with the perception of the world. The relevance of the research topic lies in the insufficiency of theoretical works on this problem in Karachay-Balkar linguistic science. Karachay-Balkar anthroponymy combines the ancient Turkic and European linguistic and cultural traditions and develops, transforming under the influence of factors inherent in the traditions that are inherent in the ancient Turkic name-calling. Karachai proper names and their cultural character are based on Turkic traditions, have absorbed elements of Islamic culture, absorbs Russian culture. Let us consider the national specifics of the worldview reflected in proper names. The paper identifies the main cultural and historical periods that influenced the development of Karachay-Balkar anthroponymy, considers the main reasons that influenced its change.

Keywords: name is a keeper of cultural information of the people, traditions, transforming, influence of factors.

Особое место в рамках лингвокультурологической проблематики занимает исследование языка во взаимосвязи собственных имен и культуры.

Имя – прежде всего, - хранитель культурной информации народа, которая относится к экстралингвистическим факторам. И связано с восприятием мира, а потому представляет интересы изучения антропонимикона одного из тюркоязычных языков – карачаево-балкарского.

Актуальность – недостаточностью в карачаево-балкарской лингвистической науке теоретических работ по данной проблеме.

Предметом изучения выступают ее лингвокультурологические характеристики, закреплённые в именах собственных в карачаево-балкарском языке. Карачаево-балкарская антропонимия соединяет в себе древнетюркские и европейские лингвокультурные традиции и развивается, трансформируясь под влиянием факторов, заложенных, по тем традициям, которые заложены в древнетюркском имяназвании. Культурный характер основывается на тюркских традициях, вобрала в себе элементы исламской культуры, впитывает и русскую культуру. Цели: показ национальной специфики мирозидения национальной личности, отражающуюся в именах собственных. Выявить основные культурно-исторические периоды, которые повлияли на развитие карачаево-балкарской антропонимии. Рассмотрим основные причины, повлиявшие на изменение карачаево-балкарской антропонимии.

Каждый национальный язык имеет свою исторически сложившуюся систему антропонимов. История становления имен собственных у разных народов имеет свою длительную историю. Эта - «визитная карточка», под которой у одних подразумевается имя, фамилия, отчество. У исландцев нет фамилии, у большинства европейцев (чехи, поляки, болгары, немцы и др.) нет отчеств. У других есть многочисленные имена: Эрнест Теодор Амадей Гофман и др. Имена бывают индивидуальные и групповые. К последним в русском языке. относятся, например, фамилии, когда их употребляют по отношению к членам семьи или к супругам: Васильевы, Криштопины и т.д. У карачаево-балкарцев также употребляются групповые имена, но уже не только к супругам (Это тоже встречается), но и ко всему роду: Аппалары, Хапчалары, Халкечлары, Чотчалары и др.

Личные имена важны не только как материал языка, но и некий исторический памятник духовной жизни народа. В настоящее время, когда активизировались всевозможные международные связи, возникают и требуют решения вопросы, связанные с употреблением личных имен. Многие заимствуются.

Факторы, определяющие выбор личного имени, следует рассматривать лишь в социально-историческом плане с учетом исторического развития языка и исторических изменений в жизни его носителей [1, 343].

Личные имена и карачаево-балкарского языка практически не исследованы. Основную часть составляют общетюркские, собственно карачаево-балкарские и заимствованные из разных языков. Многие из них выдержали испытание временем и продолжают функционировать. Это относится к древнетюркскому пласту:

а) с компонентом ай «Луна, месяц»: Айджаякъ(Лунолика), Аймёлек(ай «луна» плюс мёлек «ангел»)

б) с компонентом хан: Амырхан, Аслихан, Балханий, Биичехан, Даумхан, Джанымхан, Забитхан, Залимхан// Залий ласк., Инглисхан, Кермахан, Меккяхан, Напияхан, Пачахан, Радымхан/ Рядимхан, Салимахан, Сапрахан, Стампулхан, Суюдюмхан, Тауханий, Чачмахан, Шамахан, Ханбалий, Ханий

г) с компонентом бай «бай, бек»: Хаджибек, Байчомарт «богатый плюс щедрый», Джашарбек, Заурбек, Къалабек,

д) с компонентом бий: Амырбий, Аскербий, Бийболат, Дюгербий, Къаншаубий, Къонакъбий–гостеприимный «Ср. тур.konuksever-любящий гостей= гостеприимный», Наурбий, Муратбий, Мухарбий, Таубий, Хамитбий

е) с компонентом гарий, герий: Аслангерий, Батыргерий, Даулетгерий, Матгерий, Махаметгерий, Махтигерий, Салатгерий, Салимгерий, Шахымгерий,

ё) с компонентом джан: Апуаджан, Баладжан, Джантуугъан, Мухурджан, Налджан,

ж) с компонентом мырза: Бекмырза, Сарымырза, Мырзакъул, Хаджибек, Эльмырза

з) с компонентом солтан: Алисолтан, Бийсолтан, Таусолтан

и) с компонентом хаджи: Хаджибек, Хаджидаут, Хаджикиши, Хаджиосман, Хаджирет, Хаджисхакъ,

к) с компонентом тау: Тауаслан, Таубий, Таугерий, Таулан, Таумарал, Таусолтан

л) с компонентом шах: Шахмырза

2) общетюркские имена: Ариу «красивая», Ариуджан «красивая душа», Ариука «красивая, красивенькая», Чечек «цветок» - Гокка, Джолдаш «спутник».

М.Ю. Суюнбаева–Джанибекова приводит большой перечень имен, которые сейчас практически не употребляются и значение некоторых из них не вполне понятны [6]: женские имена: Алакёз, Кульбахар, Кюнсулуу – Устахан, Къара-Къозу, Хорасан, Солтанат, Татлыхан Тохтаджан, мужские имена: Абу-Алий, Абуг-Али, Абу-Юсюб, Айдамул, Айса, Асман, Ачахмат, Бек-Солтан, Бий-Солтан, Битди, Гитче, Гутча, Гылым, Джайылгъан, Джануку, Джашук, Итди, Карамай, Клыч, Конай, Кулипа, Кудент, Къулчора, Маил, Матчи, Мирлан, Селим-Герий, Сога, Солтан-бий, Тау-Али, Таубатыр, Темир-Солтан, Урузмак, Хомай, Чмак, Шаухал и др.

Непосредственно проблеме карачаево-балкарской ономастики, а точнее антропонимии, посвящены две работы [3]. Работа М.А. Хубиева была написана в 1961 г., но опубликована только в 1989 г [4]. Автор классифицирует карачаевские личные имена по следующим признакам: а) по временному срезу: имена, относящиеся к «временам язычества» (в авторском тексте меджисуулукъну замананында джюрюген атла); б) имена, связанные с принятием ислама; в) имена, привнесенные в новое время посредством русского языка; г) по способу образования имен: составные имена; имена, образованные с участием бий, бек, хан, хаджи, тау, бала, джан; д) имена, образованные от существительных; е) имена, образованные от прилагательных; ё) имена, образованные от названий домашних и диких животных и птиц; ж) имена, образованные от географических названий; образованные от названий звезд, планет и светил;

Имена «правильные» и «неправильные», «домашние», дополнительные к «правильным». Имена - прозвища, шуточные имена, присваивавшиеся людям со «стандартным» именем по тому или иному признаку, поступку, облику, характеру, привычке и т.д.

Классификация имен, предложенная М. А. Хубиевым, на наш взгляд, сохраняет свою актуальность. Другая работа принадлежит карачаевскому филологу С. А. Гочияевой, которая предлагает сходную классификацию карачаево-балкарских имен. В работе так же предпринята попытка толкования некоторых имен.

Следует отметить, что в XX в. число исконных древних имен существенно уменьшилась, а мусульманских, наоборот, возросло. притом появилось лишь сравнительно небольшое число имен русского происхождения или заимствованных через посредство русского языка. Это, несомненно, связано с естественной тягой народа к русскому языку и культуре, с которой карачаевцы связаны

многовековыми незримыми нитями. К наиболее поздним заимствованиям в карачаево-балкарском языке относятся русские антропонимы. В настоящее время влияние русской культуры, СМИ настолько велико, что русские имена не уступают место исконным антропонимам. При этом число заимствованных русских мужских личных имен многократно уступает числу заимствованных русских женских имен. Это можно объяснить тем, что, во-первых, число женских имен у карачаевцев и балкарцев значительно меньше числа мужских, во-вторых, утратой значительного числа древних исконных женских имен. Наиболее часто среди мужских встречаются имена Борис, Владимир, Альберт, Арсен, Эдуард и др. Что касается женских имен, то наиболее популярны, вероятно, имена Люба (Любовь), Люда (Людмила), Лиза, Зоя, Света (Светлана), Анжела. Отметим, что при имянаречении иногда имя присваивается не в полной его форме, например, Надежда, Елизавета, а в сокращенной форме: Надя, Лиза, Люда, Таня.

Контактирующие языки всегда оказывают влияние друг на друга. Н.А. Баскаков в своей работе «Русские фамилии тюркского происхождения» показал как повлияли тюркские языки на русскую антропонимию [2]. Изучение происхождения русских имен и фамилий дает возможность расширить знания о них и углубить интерес к неисчерпаемым богатствам и сокровенным тайнам русского языка. Известно, что из или через посредство тюркских языков в русский, да и в европейские языки вошли и слова арабского и персидского происхождения (например, диван, киоск, халва). В русском языке присутствуют 3 тысячи слов тюркского происхождения, которые ныне зарегистрированы в качестве таковых. По разным данным ещё столько же слов ждут своей регистрации [5. 115].

Конечно, контакты языков имеют следствием взаимообогащение. Это отражается и на процесс заимствования личных имен, женских и мужских. Красноречивым свидетельством влияния русского языка на все языки РФ являются и имена собственные. Об этом свидетельствуют имена детей в интернациональных браках, когда дети получают чаще всего русские имена. Процесс глобализации ведет к утрате огромного количества исконных слов, замененных русскими, Это относится и к именам. К примеру, замечательное женское имя Чабла ныне ничего не говорит обывателю, а между тем, оно исконно и означает «славная».

Как отмечалось выше, карачаевцы и балкарцы - народ, который имеет уникальное этнокультурное наследие. Ономастический материал уводит нас в глубь веков.

Работы этнографов, историков, фольклористов (М.Д. Каракетова, И.М. Мизиева Р. А.-К. Ортобаевой, Т.М. Хаджиевой, А.З. Холаева и др.) позволяют дать толкование многих архаических имен Карачая и Балкарии и понять религиозно-мифологическое мировоззрение древних карачаево-балкарцев, проследить систему фундаментальных космогонических и антропогонических представлений наших предков.

В основе антропонимов довольно часто сохраняются слова, которые по разным причинам уже исчезли из живого языка. Обнаружение этих слов и раскрытие их значений имеет большое значение для изучения истории языка и общества.

Пестрое языковое окружение отразилось на карачаево-балкарской антропонимии: на севере - русские, на западе - абхазы, на юге - сваны, на востоке - осетины и рядом – кабардинцы (черкесы).

К наиболее поздним заимствованиям в карачаево-балкарском языке относятся русские антропонимы. В настоящее время влияние русской культуры, СМИ настолько велико, что русские имена не уступают место исконным антропонимам.

По нашему мнению, столь грандиозный и древний пантеон и связанная с ним мифология, наряду с огромным числом исторических памятников древних городищ, храмов, башен, материалов археологических раскопок, - уже само по себе лучшее свидетельство глубины, мощи и возраста духовной и материальной культуры карачаево-балкарского народа.

И наш долг заключается в том, чтобы в полной мере освоить это наследие, беречь его, жить в нем и развивать его.

Настоящая работа есть попытка под углом антропонимики показать, сколь удивительно глубоко, обширно и самодостаточно культурное наследие карачаево-балкарского народа, которое веками взаимодействовало с другими культурами и оказывало благотворное влияние на соседние народы, сколь могучи и глубоки корни того этнокультурного явления, которое называется карачаево-балкарский мир.

Литература

1. Баранникова Л. И., Данилова З.А., Чернева Н. П.//Факторы определяющие выбор личных имен// Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М.: Наука, 1979: 343.
2. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения М.1979.
3. Гочияева С.А. Заметки о карачаево-балкарских именах.

4. Хубийлени М.А. Энчи Къарачай атланы юсюнден Черкесск, 1961.
5. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – Астана, 2005
6. Суюнбаева–Джанибекова М.Ю. У истоков девяти фамилий. Генеалогическое древо Джанибековых из атауула Гамулары. КЧГУ. - Карачаевск, 2013.

Особенности реализации концепта «лицо/честь/совесть» во фразеологических единицах русского и чеченского языков

Дадаева А.Р.

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия

Аннотация. В настоящее время в лингвистике все больше появляется интерес к проблемам национальных характеров, менталитетов, а также их отражений в языке, активно развиваются когнитивное и антропологическое направление в изучении человека как лингвокультурной модели. В статье рассматриваются особенности реализации концепта «лицо/честь/совесть» в русских и чеченских фразеологических единицах, что подразумевает сопоставление двух языковых картин мира.

Предметом лингвокультурологического исследования являются фразеологизмы — семантически несвободные словосочетания или предложения, которые воспроизводятся в речи в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. По мнению В.Н. Телия, «фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности — это всегда субъект национальной культуры». [8, с. 214]. Представленное исследование рассматривает явления языка в непосредственной связи с человеком, его духовной и практической деятельностью. Основным направлением лингвокультурологии является изучение менталитета и культуры этноса в органическом единстве.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, фразеологизмы, менталитет, антропология, языковая картина мира.

Features of the implementation of the concept “face / honor / conscience” in phraseological units of the Russian and Chechen languages

Dadaeva A.R.

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

Annotation. Currently, linguistics is increasingly interested in the problems of national characters, mentalities, as well as their reflections in the language, a cognitive and anthropological direction in the study of man as a linguocultural model is actively developing. The article discusses the features of the concept of “face / honor / conscience” in Russian and Chechen phraseological units, which implies a comparison of two linguistic pictures of the world.

The subject of linguocultural research is phraseological units - semantically unfree phrases or sentences that are reproduced in speech in a socially fixed to them stable ratio of semantic content and a certain lexical and grammatical composition. According to V.N. Telia, “phraseological units arise in national languages on the basis of such a figurative representation of reality that reflects the everyday empirical, historical or spiritual experience of a language collective, which is certainly associated with its cultural traditions, because the subject of nomination and speech activity is always the subject of national culture ” [8, p. 214].

The presented study examines the phenomena of language in direct connection with a person, his spiritual and practical activities. The main direction of linguoculturology is the study of the mentality and culture of an ethnic group in organic unity.

Keywords: linguoculturology, concept, phraseological units, mentality, anthropology, linguistic picture of the world.

В современной науке большое внимание уделяется изучению концептов. Это обусловлено повышенным интересом ученых к изучению языковых единиц, их функционированию и способности

транслировать культурную информацию через поколения. В этом смысле неопределима роль лингвокультурологии как новой комплексной филологической дисциплины, “изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании” [7, с. 71]. Обращение к межъязыковому анализу позволяет не только глубже проникнуть в структуру наблюдаемых явлений языка, но и полное осмыслить особенности родного языка.

Как считает В.В. Колесов, описание словесных знаков по концептам национального менталитета является принципиально новой формой толкования слов, так как слово выступает материалом концепта [5, 156]. Под концептом в данной работе понимается единица сознания, обобщающая познавательный и эмоциональный опыт человека в виде культурно обусловленных представлений о физических или духовных объектах окружающей действительности с выделением одной из наиболее значимых характеристик. Совокупность концептов образует национальную концептосферу, которая частично объективируется языковыми средствами.

Фразеологический состав русского и чеченского языков представляют собой наиболее проницаемый языковой пласт для реализации исследуемых концептов. Выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих концепт, и описав семантику этих единиц, можно изучить сущность и содержание концепта.

Изучение особенностей реализации концепта «лицо/честь/совесть» в русской и чеченской лингвокультурах позволяет выявить сходство и отличительные особенности употребления исследуемого концепта. В русском языке концепт «лицо» репрезентуется как лингвокультурный феномен в таких фразеологизмах, как: *измениться (перемениться) в лице, лица нет, знать в лицо, в лицо говорить (бранить, хвалить), смотреть прямо (смело) в лицо (правде, опасности, смерти и т. п.), лицом к лицу (видеть, встретиться, столкнуться и т.п.), к лицу (не к лицу) кому-либо*. В чеченском языке можно встретить семантически сходные фразеологические единицы: *юьхьа дуюьхьал (досл.: ‘напротив лица’) – открыто, прямо; перед кем-либо (чем-либо), в присутствии кого-либо; юьхьа дуюьхьал хЮттта (досл.: ‘встать напротив лица’) – очная ставка; юьхь ларьян (‘лицо беречь’) – щадя чье-то самолюбие, вести очень корректно, относиться с уважением к другому и т. п.; юьхь ца ян (досл.: ‘лицо не делать’) – относиться без уважения к кому-либо, не считаться с кем-либо; юьхь ю (досл.: ‘лицо есть’) – кто-либо заслужил (перед кем-либо) право.*

Можно заметить, что в некоторых чеченских фразеологизмах лексема «юьхь» (лицо) семантически связана с понятиями «честь», «совесть» (стыд): *юьхь ййна (досл.: ‘потерять лицо (в понятии честь, совесть’) – потерять чувство нравственной ответственности за свое поведение перед кем-либо; юьхь йоцуш (досл.: ‘не иметь лица’) – не испытывать чувства стыда, делать что-либо без стеснения; о бессовестном, бесстыдном поведении, грубом обращении; юьхьах чкьюьйриг ййна – потеряв стыд, совесть.*

Рассмотрим происхождение лексемы «честь». Согласно этимологическому словарю Н. Шанского, слово «честь» является родственным словам «читать», «чтить» [12, с. 493]. В свою очередь М. Фасмер считает, что «честь» является общеславянским словом, однако оно родственно древнеиндийскому слову *cittis*, означающее «мышление», «понимание», «намерение» [9, с. 350]. Таким образом, опираясь на этимологию, выявляется связь лексемы «честь» с мышлением, с нравственными и морально-этическими принципами личности, с благородством души, чистой совестью, высоким званием, должностью, чином; то, что вызывает уважение со стороны окружающих, что дает право на почет, признание. В этих значениях слово «честь» употребляется в некоторых русских фразеологизмах: *честь и слава (честь и хвала), честь по чести, жить в чести, не отказывать в чести, честь имею и т.п.* В значении «почетное, звание, должность, сан, чин» лексема «честь» семантически связана с лексемой «лицо»: *политическое (общественное) лицо, должностное лицо, главное (первое) лицо, лицо мира (страны, города) и т.п.* В чеченских фразеологизмах мы также наблюдаем связь фразеологизмов, в состав которых входят лексемы «лицо» («юьхь») и «честь» («яхь»): *юьхь яц (досл.: нет лица) – не иметь нравственного и морального права и яхь йоцуш (досл.: не иметь чести) – без чести, достоинства.*

В толковых словарях слово «совесть» определяется как «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда» [4, с. 256]; «чувство нравственной ответственности за свое поведение» [6, с. 644]. Из определений следует, что совесть сопрягается с нравственной ответственностью человека перед самим собой и окружающими за совершенные поступки и дела и тем самым осмысливается в морально-

этическом аспекте в качестве нравственного закона, мерила и оценки человеческого поведения [1, с.385 – 399, с. 285 – 287, с. 634 – 660].

В русском языке наиболее часто в этом смысле употребляются следующие фразеологические единицы: *поступать по совести, с чистой совестью, угрызения совести, на совесть сделать что-либо, совести нет, потерять совесть, проснувшийся голос совести, без стыда и совести и т.д.* В чеченском языке мы обнаруживаем, что лексема *эхь (совесть)* является эквивалентом *бехк (стыд)*: *эхьан тIадам (цурьг) бац (досл.: совести ни капли (кусочка) нет) – употребляется, когда кто-либо совсем не испытывает чувства стыда; эхь-бехк дала лъэрийла – говорить, когда кто-либо хочет освободиться от чувства стыда, стеснения; эхь-вала де – позорно, постыдно, зазорно; унижительное для кого-либо положение в результате позорящего события, недостойного поведения и т.п.*

Лексемы «совесть» и «стыд» и в чеченских, и в русских фразеологических единицах объединяются гиперонимом «нравственное чувство», их можно считать эквивалентами и отнести к тождественным семантическим полям, имеющие область пересечения – «чувство/осознание себя».

Анализ фразеологических единиц русского и чеченского языков позволил выделить некоторые особенности репрезентации концепта *лицо/честь/совесть*. Сходство состоит в том, что одной из важнейших категорий в системе нравственных ценностей различных национальных культур являются присущие человеческой личности такие качества, как *честь, совесть*. В русском языке *лицо, честь* и *совесть* являются разными лексемами, их значения могут пересекаться или совпадать в разных фразеологических единицах. Примечательно, что в чеченском языке лексемы *юьхь, яхь, эхь* созвучны, однако также, как и в русском языке имеют тождественное семантическое поле. В русской и чеченской языковых картинах мира содержится в значительной степени одинаковое представление об одних и тех же сторонах действительности.

Язык отражает как материальные стороны жизни народа, так и духовные стороны мира носителей языка – мораль, систему ценностей, менталитет [2, 3,]. В языковой картине мира принимает участие система этических оценок, которая находит знаковое отображение в системе национального языка и отражает нравственное сознание человека. Этическая оценка отражает морально – нравственную, этическую ориентацию человека, нравственное становление личности, общества и выражает реакцию человека на окружающий мир, поступки, действия.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1998. 896 с.
2. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики: сб. ст. / А. Вежбицкая. М.: Языки славянской культуры, 2001 (6). – 272 с.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные -труды по языкознанию. -М.: Прогресс, 1984. С. 37-301.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1880–1882; репринт М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955–1956.
5. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999.; Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Э. Сепир; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс: Универс, 1993.-656 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стер. М.: Рус. язык, 1985. 797 с.
7. Самедов Д.С., Гамалей Т.В. Русский язык в Дагестане: проблемы межкультурной коммуникации // Русский язык в Дагестане. Махачкала; 2007. Вып: 1. С. 67 – 72.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.4 (Т-Ящур)/ М. Фасмер. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – 864 с.
10. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / под ред. А.Н. Тихонова. - М.: Флинта: Наука, 2004.
11. Фразеологический словарь современного русского языка / составители Ю. А. Ларионова. — Москва : Аделант, 2014. — 512 с. — ISBN 978-5-93642-359-8. — Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/44164.html>. — Режим доступа: для авторизир. Пользователей.

12. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. / Н.М. Шанский. – М.: «Просвещение», 1971. – 542 с.

УДК – 81’37:811.351.42

Язык в политическом пространстве.

Абуева М.С.-С., Даудова П.Ш.

Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

Аннотация. В статье изучается роль, которую занимает язык на политической арене. Необходимость выбора темы исследования заключается в рассмотрении вопроса, является ли действительностью положение о том, что политический дискурс - это критическая интерпретация различных текстов, проводимая лингвистами, где вовсе не учитывают причинно-следственные связи, посредством чего якобы можно было трактовать речи, действия политических партий или лиц не иначе как вынужденными. Так же презентуются моменты, когда язык используется политиками как инструмент пропаганды той или иной идеологии. Изучая политическое пространство, мы ставим основной целью исследование психологического поля взаимодействия граждан с политиками, их рецептивное восприятие идей и действий политиков.

Ключевые слова: язык и мышление, политический язык, политическое пространство, пропаганда идеологии.

Language in the political space.

Abueva M.S.-S., Daudova P.Sh.

Chechen State University, Russia, Grozny

Abstract: The article examines the role that language plays in the political arena. The need to choose a research topic is to consider whether the provision that political discourse is a critical interpretation of various texts by linguists is not valid, where causality is not taken into account at all, whereby it was possible to interpret speeches, actions of political parties or persons only forced. The moments when the language is used by politicians as an instrument of propaganda of one or another ideology are also presented. Studying the political space, we set the main goal to study the psychological field of interaction of citizens with politicians, their receptive perception of the ideas and actions of politicians.

Key words: language and thinking, political language, political space, ideology propaganda.

В. Гумбольдт считал, что в языке народа проявляется его дух, а дух народа выражается в его языке. Степень участия всего, чем располагает язык в фазе становления сознания и восприятия мира у человека, а также влияние, оказываемое на сам язык внешними факторами, изучались и все еще находятся под исследованием когнитивной лингвистики. Никто не станет спорить, что язык хранит в себе знания о мире, и именно через язык происходит обмен этими знаниями. Культурная самобытность и народный дух хранятся в языке: в поговорках, пословицах, фразеологизмах.

Переработанная и зафиксированная в языке информация о среде, в которой пребывает человек, называется языковой картиной мира. Язык и мыслительные процессы тесно взаимосвязаны. В своем первоначальном понимании, язык рассматривается как средство, орудие обмена некой информации, но одновременно в нем же находят отражение восприятие человеком системы мира.

Может ли язык являться доминантой в формировании определенного политического сознания у общества? Какова значимость языка в политике? Что значит политический язык?

Создание политических идеалов, ценностей, идей и убеждений происходит никак иначе как именно посредством языка. Взаимодействие языка и политики идет в двух аспектах: 1) язык как орудие

политики; 2) язык как объект политики [6, 1с]; В первом аспекте речь идет о ведении политики средствами языка: язык выступает как средство воздействия на общество для достижения определенных целей [6, с.1]. А как объект политики он рассматривается в случае, если относительно его самого проводится политика.

«Языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме и государстве» [3, 616]. За счет языковых единиц происходит не только отражение истины, но и ее формирование под воздействием информационного влияния.

Примером могут послужить цели нацистского правления в прошлом. Первенствующим стремлением нацистов было сделать так, чтобы каждый второй гражданин думал, реагировал и действовал, как если бы он был в штатной форме. Ключом к достижению цели служил язык, а именно агитация. Так, 13 марта 1933 г. в фашистской Германии во главе Й. Геббельса было основано Имперское Министерство народного просвещения, включавшее в себя контроль над радио, кино, печатью, искусством. Принцип простоты находил свое отражение в стремлении избегать дискуссий, так как это могло дать возможность противнику выразить свое мнение. Нацистские пропагандисты, в случае если их втягивали в дискуссию, отстранялись от обсуждаемого вопроса, доходили вплоть до примитивных ругательств [1,342]. Нацистская пропаганда охватывала все области жизни Германии [2,1-14]. Так, можно было повсюду видеть плакаты с надписями, возбуждающими патриотический дух, эмоции у народа: «*Один рейх, один народ, один фюрер*», «*Одна борьба, одна воля, одна цель: Победа любой ценой!*»

Адольф Гитлер считал, что пропаганда должна выглядеть народной по духу и приспособленной к уровню духовного развития и способностям восприятия самых ограниченных среди тех, к кому она обращена, и что было бы ошибкой делать ее разнообразной, наподобие научной лекции. Он был убежден, что если ложь повторять непрестанно, в конечном счете, в нее поверят. «Вытаскивая коробок спичек или наклеивая марку, немецкий обыватель видел тот же знакомый лозунг» [1, 342с]. Языковая политика проявляется в идеологизированности его характера функционирования в данном обществе, на чем основывается политический режим, откуда следуют два противостоящих принципа:

- 1) Преобладание интересов граждан перед интенциями правящей партии и государства в целом;
- 2) Преобладание интересов правящей партии и государства перед интересами личности и гражданина;

Выбор нужной стратегии для языковой политики зависит от курса, которого намерены придерживаться политические деятели. Стратегия может быть построена, ссылаясь на религиозные атрибуты данной общины в целях достижения поставленной задачи по урегулированию возникших вопросов. Так, в речи Б. Обамы, бывшего президента США, мы видим, что во время своих выступлений он периодически ссылается на религиозные Писания.

*But let me tell you - during those times it is faith that keeps me calm. It is faith that gives me peace...
...The same faith that breaks the silence of an earthquake's wake with the sound of prayers and hymns sung by a
Haitian community. A faith in things not seen, in better days ahead, in Him who holds the future in the hollow of
His hand.*

Но позвольте рассказать вам, все это время именно Вера поддерживала меня. Вера дает мне покой. Та же Вера, которая рушит тишину пробуждающегося землетрясения, мольбой и псалмами жителей Гаити. Вера в невозможное узреть, вера в лучшие дни, вера в Него, кто заключил будущее в Свою ладонь.

Повтор слова «faith», аллюзия со ссылкой на Священное Писание используется для: 1) выражения личного сострадания; 2) утверждения себя как части народа, как человека разделяющего их долю печали.

Знание того насколько тесно устроена связь отношения политических организаций с сознанием и поведением народа внутри государства показывает что из себя представляет политическое пространство. Политические убеждения и ценности являются гвоздевой определяющей структуры политического сознания. Сама система политического пространства главным образом базируется на постоянстве когнитивного компонента, отчего зависит преданность и активность политического поведения граждан (участие в мероприятиях страны). Результат эффективного влияния когнитивного компонента в формировании политических ценностей, убеждений и есть политическое сознание. Ниже представленная графическая схема (рис.1) послужит визуальной моделью для лучшего восприятия того, как формируется политическое пространство.

рис.1.

На рис.1 показана природа политического пространства, а именно - цепочка связи элементов системы, за счет которой она поддерживается. Многообразие статусов и ролей, идеологические размежевания и расхождения в позициях мировоззрения, политические субкультуры и паттерны политического поведения рождаются и объективируются в обществе в процессе совместной деятельности большинства поколений [7,с.3].

Для того, чтобы определить когнитивную сторону влияния в деталях, рассмотрим понятие рефрейминга (в переводе с английского “frame” «формировать» или же «рамка»), используемое в нейролингвистическом программировании (НЛП). Основа НЛП заключается в том, что функционирование нервной системы тесно связано с языковыми способностями [4, с.6].

Рефрейминг в НЛП представляется как концепция, используемая для мотивировки определенного направления в восприятии у человека какой-либо информации. За счет помещения одной реальности, проблемы в другую, иную, создается ситуация с отличным оттенком восприятия как если бы проводилась «переустановка» или «перепрограммирование». Достигается цель, расставляя акценты, посредством паттернов. Такие известные личности как К. Маркс, А. Линкольн, М. Лютер Кинг и другие использовали один базовый набор паттернов, посредством чего оказывали влияние на суждения окружающих. Паттерны - вербальные фреймы, которые оказывают влияние на убеждения и ментальные карты, на основе которых строятся эти убеждения[4, с.2]. В политике они проявляются в идеологии, избираемой тем или иным лицом, и отражаются посредством языка. Например, в период с 1922 по 1943 года в Италии, с приходом к власти премьер-министра Бенито Муссолини, он же «Дуче» (вождь), вся страна превращается в фашистскую империю. Италия была переполнена следующими лозунгами: «Фашизм - это свобода», «Вождь мое светило», «Вождь всегда прав», «Женаты на жизни, влюблены в смерть», «Книга и ружье - идеальный фашист».

Итак, политический режим влияет на язык, язык воздействует на граждан. Самым простым примером рефрейминга могут послужить с соединительными словами «но ,а, даже если»:

«Сегодня светит солнце, **но** завтра будет дождь».

«Сегодня светит солнце, **а** завтра будет дождь».

«Сегодня светит солнце, **даже если** завтра будет дождь».

За счет этих рамок одни аспекты выдвигаются на передний план, а в то время как остальное служит фоном для них [4, с.12] Другой пример:

Я попрошу у нее прощения, **даже если** она не примет мои извинения...

Я попрошу у нее прощения, **но** она не примет мои извинения...

Я попрошу у нее прощения, **а** она не примет мои извинения...

Положительная или отрицательная интерпретации семантического поля сообщения зависит от того, какими рамками (фреймы) оно ограничивается. Из примеров видно, как средствами языка можно повлиять на восприятие информации, и как тесно связаны язык и сознание человека. В политике язык подвергается влиянию политической идеологии, так как идет контроль всех каналов просвещения, следовательно, воздействует и на сознание через язык.

Еще одним ярким примером влияния политического режима на язык и культуру является Корея. Так, в период с 1910 по 1945 годы Корея становится колонией Японии. В 1938г генерал-губернатор Минами Дзиро издал указ о смене имен на японские. Около 80% жителей сменили имена за первые шесть месяцев. Сопровождалось это покушением на культуру народа, запретом использования Корейского языка, . В 1945г. Корею освободили с двух сторон: СССР с севера, США с юга. На севере

образовали коммунизм во главе с Ким Ир Сенем, а на юге- капиталистическое правительство с Ли Сын Маном. В настоящее время в каждой из этих частей Кореи царит система ценностных укладов, убеждений тех стран, которые взялись помочь им. Те же лозунги, те же механизмы влияния, свойственные их «странам-помощникам» имели широкое распространение среди граждан Кореи: *«Идем сквозь огонь и воду по зову Партии!» «Ценой своей жизни защитим Центральный комитет Партии, возглавляемый великим товарищем Ким Чен Ыном» . «Удобрения - это рис и социализм»*

Рассмотренные примеры политических ситуаций показывают, что конфигурация политического режима с языком формируют политическое сознание, где образуется интерактивность народа с властью в рамках поставленных целей. Паттерны языка, определяющие магистральное воздействие на систему в государстве, могут развиться в зависимости от политического курса правящей политической партии.

Литература

1. Галкин, А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. с.352.
2. Галкин А.А. Западня: Рассказ о том, что принёс немецким рабочим национал-социализм / Рус.- амер. фонд профсоюз. исслед. и обучения.— М.: Б. и., 1995.— 45с.
3. Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
4. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП.- СПб, 2019-с.174
5. Кузнецов С. Н. Языковая политика и языковое планирование. М., 2007
6. Кузнецов С.Н Язык и политика.- М., 2007
7. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации. 2012г. 11с.
8. Шепелев. А.Н. Роль языковой политики в современной России.

УДК 81-114

Ядерная лексика литературного творчества Магомед-Салаха Гадаева

Абдулкадыров А. Т.

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аннотация. В статье даются сведения об авторских частотных словарях, обозначаются перспективы становления чеченской статистической лексикографии. Описывается организация корпуса текста литературного творчества Магомед-Салаха Гадаева, представлена внутренняя структура частотного словаря литературного творчества писателя, представлена высокочастотная лексика его писательского языка.

Ключевые слова: частотные словари, Магомед-Салах Гадаев, доминантная лексика, «DoshStat», части речи.

Nuclear vocabulary of literary work of Magomed-Salakh Gadayev

Abdulkadyrov A.T.

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia

Annotation. The article provides information on copyright frequency dictionaries, outlines the prospects for the formation of Chechen statistical lexicography. The organization of the corpus of the text of literary work of Magomed-Salah Gadayev is described, the internal structure of the frequency dictionary of the literary work of the writer is presented, high-frequency vocabulary of his writing language is presented

Key words: frequency dictionaries, Magomed-Salah Gadaev, dominant the words, "DoshStat", parts of speech.

Функционирование чеченского языка как хранителя этнических и культурных традиций народа не может сегодня ограничиться методами, применявшимися в XX-м веке. В наш информационный век компьютерные технологии становятся неотъемлемыми атрибутами современной жизни. Данные технологии используются практически во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в языкознании.

В связи с разработкой компьютерных технологий и появлением систем автоматической обработки информации (автоматизированных систем управления, систем информационного поиска, автоматизированных систем обработки текста и пр.) с половины XX века термин прикладная лингвистика начали широко употреблять в лингвистике.

Как отмечает Баранов, лексикография тоже может быть определена как прикладная дисциплина, в центре внимания которой стоят методы создания (составления) словарей [3, 63].

В классическом понимании под словарем понимается определенным образом организованное собрание слов, обычно с приписанными им комментариями, в которых в стандартной для данного словаря формы (или формате) описываются особенности их структуры и/или функционирования.

В этом свете частотные словари несколько отличаются от традиционных словарей тем, что во-первых, он дает информацию только о тех лексических единицах, которые зарегистрированы автором в обследованных им текстах и, во-вторых, информация словарной статьи, заключается в том, что составителем приводятся цифры с обозначением частоты употребления слова (алфавитно-частотных словарях), присваивают ранги к леммам (условная исходная форма словоформ, встречающихся в обследуемом тексте), также даются сведения о процентном соотношении частотности употребления каждой леммы относительно к тексту (рангово-частотных словарях).

Для наиболее распространенных языков (английский, немецкий, русский), а также для языков, исследованных на достаточно хорошем уровне (татарский, казахский), практика составления частотных словарей присутствует давно. На конец 20-го века число изданных частотных словарей составляло более 500 почти для 40 языков [7].

В авторской (писательской) лексикографии (практика создания словарей языка отдельных авторов: писателей, публицистов, политиков, философов, религиозных деятелей [5, 22].) также сложилась хорошая традиция составления частотных словарей: *Генкель М.А. Частотный словарь романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Пермь, 1974; Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (сост. З.Н. Великодворская и др.). Тула, 1978; Алфавитно-частотный и частотный словари языка комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (сост. А.В. Королькова). Смоленск, 1996; Частотный словарь автобиографической трилогии М.Горького (авт.-сост. П.М. Алексеев). СПб., 1996; Частотный словарь рассказов А.П. Чехова (авт.-сост. А.О. Гребеньщиков). СПб., 1999).*

Частотные словари стали одним из способов литературоведческого анализа художественного мира. Результаты, полученные при помощи словарей, не зависят от пристрастий исследователя, от его точки зрения, а становятся показателями того, что представлено в художественном мире писателя. Это является свидетельством объективности полученных сведений, на основе которых можно интерпретировать и реконструировать этот мир.

Наряду с этим частотные словари позволяют раскрывать плагиат в творчестве писателя, если таковой присутствует, или же наоборот вычислить в произведениях других писателей его авторство, если оно имеет место.

Литературное творчество чеченских писателей и поэтов, за исключением работы Асхабова Х. И. где на основе одного литературного источника – повесть «Арби» У. Гайсултанова – в объеме 49 000 слов проведен анализ частотности использования звуков и букв [2, 16], квантитативные методами исследования не изучалось, ввиду этого, не было никаких предпосылок в становлении статистической лексикографии чеченского языка.

В 2019 году были проведены ряд научных мероприятий, приуроченных к 110-летию чеченского писателя, поэта, ученого Магомеда-Салаха Гадаева: семинар ЧГПУ «Магомед-Салах Гадаев: поэт, гражданин, ученый», республиканская конференция АН ЧР «Философская и художественная картина мира М.-С. Гадаева». В связи с этим мы решили составить частотный словарь, посвященный творчеству Магомеда-Салаха Гадаева.

Для обозначенной цели мы организовали корпус текста творчества Магомед-Салаха Гадаева из двух книг под названием «Безамна бIарлаГa», «Синлехамаш» из серии «Духовное наследие народов Чеченской Республики», изданные под эгидой Академии наук Чеченской Республики [3; 4].

В корпус текстов творчества Магомед-Салаха Гадаева включили все поэтические, художественные произведения, а также эпистолярный писателя на чеченском языке. Однако мы проигнорировали переводы М.-С. Гадаева русских писателей, так как считаем, что несмотря на высокий уровень переводов, переводческая работа – это отображение художественной картины другого мыслителя.

В корпус текста творчества М.-С. Гадаева вошли 128 лирических сочинений (стихи, поэмы) в объеме 27 000 слов, 10 прозаических произведений (рассказы, повесть) в объеме 23 500 слов, а также 14 500 слов из эпистолярных текстов.

Таким образом, частотный словарь Магомед-Салаха Гадаева составлен на основе корпуса текстов из 65 000 слов. Статистические методы в лингвистике – новое направление в чеченском языкознании. Частотный словарь литературного творчества Магомед-Салаха Гадаева является первой работой в области статистической лексикографии чеченского языка.

Для количественного исследования чеченских текстов отделом прикладной семиотики Академии наук Чеченской Республики была разработана счетно-аналитическая программа «DoshStat» – компьютерное приложение для анализа и исследования, а также для подсчета частотности слов и символов, поддерживающая пакетную обработку различных типов электронных текстовых документов, поиск слов по заданным условиям [1].

Частотный словарь творчества Магомед-Салаха Гадаева состоит из трех частей:

1. Рангово-частотный словарь
2. Алфавитно-частотный словарь
3. Частотный словарь собственных имен

Задачи рангово-частотного словаря заключаются в следующем: отображение частотности лемм, встречающихся в письменности Магомед-Салаха Гадаева; присвоение им ранга в соответствии с количеством частоты их употребления; отображение относительной процентности частоты употребления леммы к тексту; вычисление суммы процентных соотношений частоты при их перечислении лемм по убыванию.

Самый высокий ранг №1 присваивается самому высокочастотному слову. Дальше ранг изменяется в соответствии с убыванием частотности употребления слов. Ранг в рангово-частотном словаре показан в первом столбце. Во втором столбце представлены, собственно, слова творчества Гадаева. В третьем столбце указана частота употребления лемм. Леммы с одинаковой частотой имеют один и тот же ранг, и перечислены внутри ранга в алфавитном порядке.

В четвертом столбце представлена относительная процентность частотности леммы к тексту. В пятое показано суммарное значение процентности конкретной леммы и предшествующих ей лемм. Пятый столбец предназначен для определения занимаемого объема в процентном соотношении суммы частотности определенного числа лемм.

Таким образом, данные рангово-частотного словаря, дают исследователю языка писателя, без особого труда вычислить ядерную лексику его творчества. Далее слова «ядерный», «доминантный», «высокочастотные» будут выступать слова-синонимы. В данной статье не представляется возможным организовать выявление всех высокочастотных лемм частотного словаря литературного творчества М.-С. Гадаева, однако в дальнейшем рассмотрим «верхушку» высокочастотной лексики (в скобках даются их русский перевод):

Служебные слова

1.	а (<i>и</i>)	3525	
2.	ца (<i>не</i>)	841	
3.	ма (<i>не, нет, какой (же)</i>)	355	
4.	санна (<i>как, как будто, подобно, словно, наподобие</i>)		318
5.	амма (<i>но</i>)	317	
6.	тIехь (<i>на, за</i>)	208	
7.	ткья (<i>а</i>)	192	
8.	-м	189	
9.	тIе (<i>на</i>)	181	
10.	мел	165	

Наречие

1. хІинца (*сейчас, теперь*) 171
2. дІа (*туда*) 140
3. хьалха (*раньше, впереди*) 129
4. дукха (*много*) 127
5. тІаккха (*тогда*) 105
6. цкъа (*однажды*) 82
7. даима (*всегда*) 81
8. кІеззиг (*мало*) 67
9. дагахь (*наизусть, думая*) 64
10. хийла (*очень много*) 62

Местоимение

1. хьо (*ты*) 1527
2. и (*он, этот*) 1468
3. со (*я*) 1391
4. ша (*сам\сама\само*) 582
5. уьш (*они*) 407
6. вай (*мы*) 299
7. хІара (*этот*) 269
8. суо (*сам\сама*) 247
9. вовшийн (*друг друга*) 225
10. цу (*косв. несамост. форма этот*) 194

Имя числительное

1. ший (*два*) 195
2. цхьаь (*один*) 102
3. кхоь (*три*) 45
4. дий (*четыре*) 16
5. пхий (*пять*) 14
6. ялх (*шесть*) 14
7. итт (*десять*) 14
8. бІе (*сто*) 14
9. ворхІ (*семь*) 12
10. ткъа (*двадцать*) 12

Масдар

1. хилар (*существование*) 102
2. дахар (*жизнь, проживание*) 55
3. хьегар (*горевание, мечтание, зависть*) 49
4. болар (*марш, ходьба, походка*) 37
5. хаттар (*вопрос*) 32
6. лелар (*движение, хождение, брожение*) 28
7. дар (*делание*) 27
8. кхайкхар (*призыв*) 26
9. алар (*выговаривание, сказывание*) 25
10. Іийжар (*ожжение*) 24

Глагол

1. ду (*есть*) 3547
2. дац (*нет*) 1285
3. хила (*быть, существовать*) 1117
4. дан (*делать*) 715
5. ала (*сказать*) 535
6. ган (*видеть*) 375

7.	баха (<i>говорить</i>)	324	
8.	дала (<i>дать</i>)	287	
9.	даккха (<i>сорвать, вынуть</i>)		194
10.	дан (<i>приходить</i>)	194	

Имя прилагательное

1.	доккха (<i>большой</i>)	149	
2.	мерза (<i>вкусный, сладкий</i>)		141
3.	дика (<i>хороший</i>)	75	
4.	сирла (<i>светлый</i>)		73
5.	деха (<i>длинный</i>)	73	
6.	вуон (<i>плохой</i>)	73	
7.	чIогIа (<i>крепкий</i>)	72	
8.	генара (<i>далекий</i>)	68	
9.	керла (<i>новый</i>)		60
10.	башха (<i>особый, особенный</i>)		58

Щердош

1.	дог (<i>сердце</i>)	458	
2.	ойла (<i>мысль, дума</i>)		295
3.	нах (<i>люди, мужчины</i>)		262
4.	дош (<i>слово</i>)	240	
5.	бIаьрг (<i>глаз</i>)	227	
6.	бер (<i>ребенок</i>)	220	
7.	безам (<i>любовь</i>)	217	
8.	хIума (<i>вещь, предмет</i>)		212
9.	сурт (<i>картина</i>)	170	
10.	мoтт (<i>язык</i>)	137	

Как мы можем наблюдать, перевод некоторых доминантов крайне затруднителен по причине развитой омонимии. Безусловно, необходимо проанализировать весь лексический состав частотного словаря литературного творчества Магомед-Салаха Гадаева, разбив его на кластеры, на тематические группы. Это и будет дальнейшим направлением по изучению языка творчества выдающегося чеченского писателя, поэта и ученого Магомед-Салаха Гадаева.

Литература

1. Абдулкадыров А.Т. Свидетельство № 2018617362 Российская Федерация. DoshStat: свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ / С.М. Умархаджиев, М.Х. Бекаев, А.С. Бадаева, Э.С. Израилова, З.А. Султанов, Х.И. Асхабов, Я.В. Эльсаев, А.А. Абдулкадыров; заявитель и правообладатель ГКНУ Академия наук Чеченской Республики. – № 2018614661; заявл. 11.05. 2018; зарегистрир. 22.06.2018.
2. Асхабов Х. И. Современные проблемы компьютеризации чеченского языка//Известия. – Грозный, 2017. №3 (19) – С. 15-21.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – Изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
4. Гадаев М.-С.Г. Безамна бIарлагIа. I Том // Духовное наследие народов Чеченской Республики // Академия наук Чеченской Республики. Грозный, 2010. 494- с.
5. Гадаев М.-С.Г. Синлехамаш. II Том // Духовное наследие народов Чеченской Республики // Академия наук Чеченской Республики. Грозный, 2010. 557- с.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., исправлен. и дополн. – Назрань: «Пилигрим», 2010. – 487 с.
7. Лутцева М.В. Лингвостатистическое исследование и лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (на материале произведений Дж. Гришема) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL https://vuzlit.ru/851742/lingvostatisticheskoe_issledovanie_i_leksikograficheskoe_opisanie_yuridicheskoy_terminologii_v_n_espetsialnoy_sfere_ispolzovaniya_na_materiale_proizvedeniy_dzh_grishema](https://vuzlit.ru/851742/lingvostatisticheskoe_issledovanie_i_leksikograficheskoe_opisanie_yuridicheskoy_terminologii_v_n_espetsialnoy_sfere_ispolzovaniya_na_materiale_proizvedeniy_dzh_grishema) – (дата обращения: 18.09.2019).

Рассмотрение проблематики поэзии Хусейна Сатуева

Ахаева М.А.

Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия

Аннотация: В данной статье рассматривается поэтическое наследие чеченского поэта Хусейна Сатуева. Он пришел в чеченскую литературу в 60-е годы. Его прекрасные стихи изредка печатались в районных и республиканских газетах, в альманахе «Аргун». Первая книга стихов («Дитя гор») Хусейна вышла в печати уже в зрелом возрасте. Нужно отметить, что ему сразу удалось завоевать всеобщее признание проникновенностью своих произведений.

Ключевые слова: Чеченская поэзия, лирический герой, стихосложение, строфика, рефрен.

Consideration of the problems of poetry by Huseyn Satuev

Akhaeva M.A.,

Chechen state pedagogical University, Russia, Grozny

Abstract: this article examines the poetic legacy of the Chechen poet Huseyn Satuev. He came to Chechen literature in the 60s. His beautiful poems were occasionally published in regional and Republican Newspapers, in the "Argun" almanac. Hussein's first book of poems ("Child of the mountains") was published in adulthood. It should be noted that he immediately managed to win universal recognition for the penetration of his works.

Keywords: Chechen poetry, lyrical hero, versification, stanza, refrain.

Сатуев Хьусайнан поэзи проблемни кепехь таллар

Ахаева М.А.,

Нохчийн пачхьалкхан хьехархойн университет, Россин Федераци, Собыжа-Г1ала

Аннотаци: Х1окху статья т1ехь йийцаре еш ю нохчийн гобваьллачу поэтан Сатуев Хьусанан кхолларалла. Цуьнан дубхьарлера произведенеш зорбанехь арайийла йолаелла кхузткьалгачу шерашкахь Хьалха-Мартанан к1оштан а, республикански а газеташа т1ехь а, «Орга» журналан аг1онаш т1ехь а. Шен «Лаьмнийн бер» ц1е йолу дубхьарлера книга зорбанехь арайолуш цуьнан 28 шо а кхьачна хилла. Цул т1аьхьа ткьех сов поэзин гулар араецна цуо, х1оранна а т1ехь цхьаь-шиь поэма а йолуш.

Сатуев Хьусанан поэзи юккьерачу школан программашна юкьяхийтина ю. Делахь а, Илманца таллар х1инца а дадоладалаза ду.

Кобьрга дешнаш: Нохчийн поэзи, лирически турпалхо, стихх1оттор, строфика, рефрен

Сатуев Хьусайн вина 1939-чу шеран 11-чу апрелехь Галхан-Юьртахь ахархочун Джунидан доьзалехь. Беран хенахь дерриг нохчийн халкьаца цхьаьна Даймакках а ваьккхина, шен хенара долу бераш а санна, хийрачу маккахь кхиьна ву к1ант. Юккьера школа чекхьяьккхина ц1а дирзинчул т1аьхьа Шелахь 1958-чу шарахь. Школера ваьлча, к1ант деша вахна Нохч-Галг1айн пачхьалкхан педагогически институтан нохчийн меттан, литературин, оьрсийн меттан, литературин хьехархочун корматалла луш йолчу историко-филологически факультетан отделени. Шен дахаран т1аьхьарчу шерашкахь Нохчийн Республикин яздархойн Союзехь литконсультант лаьттина ву Хьусайн.

Яздан волалуш волчу поэтан дубхьарлера стихаш зорбанехь арайийлина Хьалха-Мартанан к1оштан а, «Ленинан некь» газетийн аг1онаш т1ехь а, т1аьхьо «Орга» альманах т1ехь а. Авторан дубхьарлера книга араяьлла «Кьоначу поэтан библиотечка» серехь 1967-чу шарахь. «Лаьмнийн бер» ц1е йолчу оцу гулар т1ехь зорботьхна ю 34 стихотворени, царах йиь эшарш аьлла, билгалгьяьхна а йолуш.

Книга дуюхъарлерниг хиллехъ а, и арахоьцуш Сатуев Хъусайн шен 28 шо а кхаьчна, дахарехъ а, поэзехъ а глехъа зедделарг а долуш хилла. Цундела хир ю оцу гулар тлерачу стихотворенех дукхахаерш шайн маьИница а, исбаьхьаллин аглор а кхоччуш кхиьначу поэзех лара мегар долуш. Иштта ю, масала, стихотворенеш: «Хъовсийша жимачу кьонахе...», «Зезаг», «Сан лаам», «Даг тлера глуттий...», «Ойлане а, кхолламе а», «Къийса ахъ», «Со вогу», «Р. А.», «Сахъийзаш лелла со, накъост,..», «Гила – зама», «Хъан дуюхъа, Даймохк», «Лаьмнийн бер – со», «Маьлхан Нохчийчохъ», «Кдеда буьйса», «Баьстенан байташ», кхиерш а.

МаьИнин клоргаллица къаьсташ ю стихотворени «Ирсан мах...»:

Мацца лекъна лакъа дезаш,
Дека шовданаш.
Цкъа ша вайна длабан безаш,
Стиглахъ богу малх
Иза хууш, диц а ца луш,
Кхехка ойланаш, –
Тахна динарг кхана ца гуш,
Бевза ирсан мах.

[4, 47]

Оцу бархI могланах лаьтгачу жимачу стихотворенино маьИна кларгдо, цуьнан чулацаман, цхьана йоккхачу произведенин санна бу, ешархочун ойла шорйю.

Иштта маьИне ду «Баьстенан юьхъ» цле йолу стихотворени юккъера могланах а:

НиIматоз доьллуш бешахъ,
Ирсана марзлур бу кхача.
Кхуьур ду яхъйолу бераш,
Лечарчийн ирхешка кхача.

Гулар тлера «Маьлхан Нохчийчохъ» стихотворени къаьсттина езаш тлсейцира нохчийн иллиалархоша. И цле а йолуш, Магомедов Султана, ша мукхам а баьккхина, длаолуш хилла илли члогла дезаделира массарна а дуюхъара юкьадаьллачу хенахъ дуьйна. Иза тахана а нохчийн музыкальни классикина юкьадахна ду.

Сатуев Хъусайнан «Лаьмнийн бер» стихийн гуларх лаьцна поэта Ахматукаев Адама «Бакъонан мурд» цле йолчу статья тлехъ яздина, «хиндолу хьоза шен бенахъ декна» боху кица карладолу Сатуев Хъусайнан хьалхара стихийн гулар йобшуш». Ян а ю «Лаьмнийн бер» гулар тлехъ вайн дахарх йина цлена ойланаш. Беран амалехъ а йоцуш, сема ойланаш. Царна тлехъ Даймехкан цхьа символ санна, дуюхъалхуьтту вайн берийн амат.

Дукха жима волуш дерриге а къомаца цхьаьна махках а ваьккхина, цигахъ вала кхаж цабаларна Даймаха юхавирзинчу нохчочун кийра ирсах бузийна аз ду оцу гулар тлерачу дуккха а стихашкахъ декарг («Зезаг», «Даг тлера глуттий...», «Хъовсийша жимачу кьонахе...», «Со вогу...»).

Ценна херехъ хьалакхиьнехъ а, шен орамаш мичара схьа ду а хууш, шен къомо бина хала некъ а бевзаш, къомаца цхьаьна бен хиндерг шен доцийла а хууш, «кху дуюьненах кхиьна вогу» жима стаг ву «Лаьмнийн бер – со» бохучу стихашкара лирически турпалхо. Цо боху:

Лаьмнийн бер – со!
Велхар хIун ду хаац суна,
Баьрхин тIадам
Цийца бусту ас.
Теман хьаьттахъ
Кхин ца гIатта цийла вужуш,
Кьонахалла соьга делла дас.

[2, 22]

Хьалхарчу стихашкахъ дуьйна билгалйюлий, Сатуев Хъусайнан кхоллараллехъ коьртачех цхьаь хуьлий, кхияйюлало Даймехкан, кьонахаллин тема. Цуьнан лирически турпалхочун дерриг дахар а Даймехкан дуюхъа ду – ловш йолу хало а, хьобгуш долу дика а» .

«Чов йина илии» ю Сатуев Хь. 1991-чу шарахь араьяллачу стихин а, поэмийн а гуларан цѣ. Стихел совнаха ерриг книгина шен цѣ елла «Чов йина илии» поэма а ю гулар тѣхь.

Дуккха а стихотворениш ю книги тѣхь зорботьхна. Церан теманаш ю: Даймохк, нана, къонахалла, ирс, безам. Уьш поэтан ерриг кхоллараллех чекхйовлуш йолу коьрта теманаш ю. Поэтан стихкхолларан говзалла тѣаьхь-тѣаьхь кхуьуш хилар го оцу гуларна юкьбаяхначу стихотворенешкахь.

Со-м кхан дѣавер ву, вер вац –
Хууш дац, меллац ду доза.
Со ловза тахана бер дац –
Сан шераш кѣйделла догѣу.

Сайх дуьсу долчу дуьненан
Дийнан мах базбеш, со вогѣу,
Пусар деш яхь йолчу нехан,
Суо церан декхарх ца волуш.

Цундела, бѣшерийн уьйриг
Тахана схьабаста гѣрташ
Ас лобху суо ваьлла Гуйре,
Ламанан ларашца кхерташ.

Лаьмнаш а тептарех доьшу,
Дайохуш бѣшерийн ченаш.
Маьлхистахь, Нашахахь, Доьрахь –
Карадо суна сайн некьаш.

«Сан ага – Нохчийчоь»

[2, 57]

Стихотворенин лирически турпалхо къонахаллица хьобжу гонахарчу дахаре, адамашка. Иза бакъволу къонах ву. Шен мехкан да хила гѣртар къонахалла ма ю, шеко йоцуш. «Дуьненах, адамех, Иаламах» цо ен ойланаш къонахаллин «сийлахьчу даржашка кхачаза» висарна кхоьруш ю.

Кхаа Гулчан дактилан барамехь язйина и стихотворени. Беа могланах лаьтташ йолу пхи строфа ю стихотворенехь. Хьалхарий, шолгий, йоьалгий, пхьоалгий строфаш цхьатера рифмовка йолуш ю. Царах хѣор строфахь хьалхара кхо стих вовшашца йозаелла ю дактилически рифмашца. Йоьалга стих хьалхарчуй, шолгачуй, йоьалгачуй строфашкахь цхьатерра зударийн рифмашца ю. Кхоалгачу строфан стихашкара клазулаш а иштта дѣанисийна ю. Хѣор строфахь рифмаш кхуллуш долу дешнаш тайп-тайпанчу къамелан дакъойх ду. Масала, хьалхарчу строфахь: Иаламах, заманах, амалех цѣрдешнаш ду, шолгачу строфахь: кхирстина, литтина, цистина хандешнаш ду. Рифмаш кхуллуш долу къамелан дакъош цу тайпана хийцалуш ду вукху строфашкахь а.

Ала деза, хѣокху стихотворенехь санна, рифмаш башха лерина лелош вац поэт. Цуьнан дукхажайолу стихаш рифмаш йоцуш, я уьш гергарчу хьесапехь йолуш хуьлу.

«Ненан мукьамаш» цѣ йолчу оцу жимчу гулар тѣрачу стихашца а билгалйовлу авторан коллараллин хотѣан цхьайолу башхаллаш.

Сатуев Хьусайн цхьайтта поэтически книгин автор ву. Уьш ю вай хьахийнчарал совнаха: «Йист йоцу аре» (1978), «Бѣаьстенан мукьамаш» (1981), «Ций а, зезагаш а» (1981), «Хазалла йовзар» (1984), «Дахаран абат» (1988), «Чов йина илии» (1991), «Сан ага – Нохчийчоь» (2012). Оьрсийн маттахь араьялла стихийн гулар «Знамя отцов» (1975). Поэтан стихаш зорботьхна юкьарчу книгаш тѣхь а: «Антология чечено-ингушской поэзии» (1981), «Нана – Нохчийчоь» (1997), «Нохчийн поэзин антологи» (2003), «Нохчийн поэзи. II том (2011).

Сатуев Хьусайн лирически турпалхо шена цхьанна ирс лобхучех вац. Цо ца лобху атта некьаш, ца лобху тийналла. Иза даим а новкъахь, даима а диканехь болчу къийсамехь ву. Цунна Иаламат дукхабеза вина мохк, дукхаеза цуьнан башхачу Иаламан хазалла.

Поэтан лирически турпалхо шен дог-ойланца комаьрша, гиллакхашца цѣна ву. Иза шайн Гуллакхашца, шайн ойланашца, вовшашца йолчу юкьаметтигашца догцѣна, догдика долу адамашца цхьаьна ву. Нене болу сийлахь безам, ненаца йолу юкьаметтигаш къаьсттина аьхна ю лирически турпалхочун.

Сихачу дахаро лоблуш,

Со вахча йист йоцчу пана,
ПайгИанна даго некъ боьллий,
Сан хьуна сагатло, нана.

Ца верза зама тЕкхьачча,
Ойлано гатбо сан накха.
Вина ца дагалеца ваьлча,
Сан хьуна сагатло, нана.
(«Сан хьуна сагатло, нана»)

[2, 45]

Хюра строфан чекхйолуш ялийна рефрен «Сан хьуна сагатло, нана» ю лирически турпалхочун юткъаелла ойла гойтуш, стихотворени дагах кхьотуйтуш. Ненан деган йовхо шайца хаалуш ю оцу темехула кхийолу стихаш а: «Ненаца дагара дийцар», «Ненан мукьамаш», «Ненан мукьам», «Сан хьуна сагатло, нана», «Декъазчу кIанте», «Мама дIаяхна», «Ца йирзина чевнаш», «Южалла яц турпалхошна».

Езаре болчу безамца а оьзда ву лирически турпалхо, шовда санна цIена безам бу поэтан стихашкахь: «Маьлхан илли», «Безамах лаьцна», «Езначуьнга», «Къастар», «Бовха кхаь», «Къан ца ло безам», «Къастаран суьйре», «Бовха кхаь», «Орцахболу безам», «Амал ца кхечи хьан», «Мехкарийн бIаьргаш», «Ойланийн холбатахь кхиош бац безам», «Хьан бIаьргийн ало». «Со бехке ма велахь».

Сатуев Хьусайна дуккха а шерашкапхь эвсараллица болх бина поэмин жанрехь а. Авторан дуьххьарлера поэма – «Сахуьлу седа» – 1969-чу шарахь араьалла зорбанехь. Цул тIаьхьа арайийлинчу книгех нагахь ерг бен яц шайна тIехь поэма йоцуш. Автора алссам язйина поэмаш, царах ю: «Илланча дорцехь», «Iалхан-Юрт», «Туьйранийн гIала», «Голаман дийнахь», «Алтынай», «Дорцан арахь», «Нашхяхь», «Мартанан бердашкахь», «Чов йина илли», «Дахаран абат».

Сатуев Хьусайн кхоллараллах лаьцна масех статья язйина волчу Ахматукаев Адама цуьнан поэмийн хьокьехь яздо: «Ша язйинарг зорбане яккха сихлуш вацара Хьусайн. Къаьсттина цуьнан поэмашна ала догIу и, уьш язйинчуь, зорботьхначуь терахьашка хьаьжча, билгал гуш а ду иза».

Масала, «Iалхан-Юрт» поэма киншки тIехь дуьххьара 1981-чу шарахь араьалла. Автора, киншки юкба ца йохуьйтуш, «Мартанан бердашкахь» 23 шаре яккхина, «Дахаран абат» 15 шарахь Иллийна, ткъа «Нашхяхь» – 5 шарахь.

Ша халачу цамгаро лаццалц хаддаза поьзехь болх беш схьавеьна Сатуев Хьусайн. Цо тIаьхьара язйинчарах ю хIара беамогIанан стихотворени:

Орамех ваьккхина, со кхуссуш берде,
Аьрхачу тулгIешца хьайн болар кьовсуш,
ДIагIур ду, дахар, хьо заманца бертахь,
ТIех дезна хIара дуьне со воцуш ловзо.

Сатуев Хьусайн кхелхина 1995-чу шеран февралан беттан 3 дийнахь ша винчу Iалхан-Юьртахь.

Литература

1. Кусаев А. Писатели Чечни. Грозный: Литературный редактор, 2011.
2. Сатуев Х. Чов йина илли. Соьлжа-ГIала: Книга, 1991.
3. Сатуев Х. Ций а, зезегаш а. – Грозный: Нохч-ГIалгIайн книжни издательство, 1981.

УДК-821(470.621)

Судьба народная и родовое древо в эпике адыгейского писателя Юнуса Чуюко

Паранук К.Н.

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Республика Адыгея

Аннотация: В статье рассматриваются романы Ю.Чуяко «Тамга» и «Месть» из дилогии «Красный дом» и «Сказание о Железном Волке». Цель статьи – исследование семантического поля романов с выявлением характера художественного осмысления истории народа через историю рода. Использование в статье сравнительно-исторического и типологического методов позволяет выявить роль и значение концептов «род», «народ» в повествовательном нарративе анализируемых романов, их полифункциональный смысл и доминирующее значение в художественном осмыслении обозначенной исторической темы.

Ключевые слова: Роман, родовое древо, история, судьба народная, проза.

**The fate of the people and family tree in the epic of the Adyghe writer Yunus Chuyako
K.N. Paranuk
Adygea State University, Maykop, Republic of Adygea**

Resume: The article deals with the novels by Yu. Chuyako “Tamga” and “Revenge” from the dilogy “The Red House” and “The Legend of the Iron Wolf”. The purpose of the article is to study the semantic field of novels with the identification of the nature of the artistic understanding of the history of the people through the history of the genus. The use of comparative historical and typological methods in the article makes it possible to identify the role and significance of the concepts of “gender”, “people” in the narrative narrative of the analyzed novels, their multifunctional meaning and the dominant value in the artistic understanding of the designated historical theme.

Keywords: novel, family tree, history, folk fate, prose.

Юнус Гарунович Чуяко – признанный корифей современной адыгейской литературы, талантливый, глубокий и вдумчивый писатель, тяготеющий к широкомасштабному художественному осмыслению событий своей эпохи в развернутых эпических полотнах. Его творческая манера, индивидуальный стиль заключаются в органичном сочетании сугубо реалистического повествования, философского осмысления художественного материала с публицистичностью, с опорой на фольклорно-мифологическое наследие адыгов.

В повестях и романах Ю.Чуяко «Чужая боль», «Кинжал танцора», «Кавказская дилогия» («Сказание о Железном Волке», «Милосердие Черных гор, или смерть за Черной речкой»), дилогия «Красный дом» («Тамга» и «Месть») отображены основные события драматической эпохи XX века с его потрясениями и войнами. Повествование о них выливается в эпике в предельно искренний и откровенный диалог с читателем, полный глубоких рефлексий о насущных проблемах века и своего народа: Россия и Кавказ, национальное и общечеловеческое, их противостояние и точки соприкосновения в драматические периоды Русско-Кавказских войн XIX и XX вв.

Одна из особенностей творческого стиля писателя – предельное внимание к этнобытию, раскрытию этноментальных особенностей своего народа, его истории через воспроизведение истории рода, семьи на протяжении нескольких поколений. Эта тенденция обозначилась в ранних повестях «Чужая боль» и «Кинжал танцора», но особенно ярко и полномасштабно проявилась в романе «Сказание о Железном Волке» и исторической дилогии «Красный дом» («Тамга» и «Месть»).

Основная тема, разрабатываемая в дилогии «Красный дом», – история народа в преломлении через историю рода, семьи, отдельно взятого человека, выраженная через архетип родового древа (древа жизни). То, что эта тема является любимой, закономерной для всего творчества писателя и выношена им из своей родословной, из собственной биографии, было справедливо отмечено Е.П. Шибинской: «У Ю.Чуяко есть своя собственная и единственная тема – это «древо жизни» своего народа, отцы и дети в родовом их единстве и противоречиях, в протяженности во времени, в исторической перспективе» [3, с.8].

Для писателя, выросшего в многодетной крестьянской семье (девять братьев и одна сестра) среди рода Чуяко, составлявшего половину жителей аула Гатлукай (около 530 человек), род есть не абстрактное понятие, а вполне осязаемая категория. Род в его толковании и изображении есть сакральное ядро, ключевое звено народа, его составная часть, он имеет свой психологический портрет, свою характеристику, свой стержень и даже «тамгу»- свой родовой знак. Именно род, семья в конечном итоге и составляет основную ячейку, оплот отдельно взятого государства и определяет во многом его судьбу.

Подобные рефлексии отображены в названии и содержании романов «Тамга» и «Месть», которые во многом автобиографичны, главный герой-повествователь Тембот Карагуланович Догунуков, внук Базрука Гучемукова, максимально приближен к автору и выражает его мысли, ощущения,

мировосприятие. В центре повествования история рода Гучемуковых на протяжении нескольких поколений.

Автор пропускает своих героев через жернова истории и последовательно проводит через переломные моменты истории народа: Русско-Кавказская война XIX века, Октябрьская революция, коллективизация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война, послевоенное время 50-60-х годов.

Действие в романах происходит в уже знакомых читателю по предыдущим произведениям Ю.Чуяко аулах Шиблокохабль и Кургокай. В самом начале романа «Тамга» читатель узнает многое о предках Гучемуковых - свободных абадзехах, некогда проживавших в древней Тубе, в горах, многочисленном родом; о том, что многие из них вынуждены были после Русско-Кавказской войны XIX века перебраться в Турцию или в болотистые места Кубани. Позже, во времена репрессий, некоторых выслали в Сибирь, как это случилось с Бислименом Гучемуковым и его двумя его сыновьями.

Писатель в романе тщательно отслеживает историю отдельных родовых линий Гучемуковых, но наиболее развернуто повествует о семье Базрука Гучемукова и его шести сыновьях: Кунчуке, Азмете, Японе, Кырмете, Кэтае, Махмуде, их сестре Зае, о внуках: Темботе, Кушуке, их сестре Рахмет и многих других героях, судьбы которых, так или иначе, пересекаются с ними.

Старый наездник Базрук Гучемуков - наиболее колоритная фигура из рода Гучемуковых. Его отец был среди тех, кто переселился в бжедугские земли и основательно занялся сельскохозяйственным трудом. Базрук крепко привязан к земле, воспитывает сыновей в любви к труду и родной земле, придерживается строгих морально-нравственных устоев. Узнав о том, что дети его дочери Заи осиротели (их отец Карагулан Догунуков погиб на фронте в самом начале войны, а Зая вскоре тяжело заболела и умерла), Базрук без промедления и лишних слов перевозит их из Кургокая к себе, в Шиблокохабль.

Главный герой романа Тембот Карагуланович, молодой ученый, филолог по образованию, инспектор областного отдела народного образования, с огромной теплотой и благодарностью вспоминает детские и юношеские годы, проведенные в Шиблокохабле у дедушки Базрука и бабушки Пырын. Шиблокохабльские страницы из жизни Тембота, совпавшие с тяжелыми годами немецкой оккупации в 1942г, оставили яркий след в потрясенном сознании тогдашнего подростка. Именно через восприятие Тембота ведется повествование о годах военного лихолетья и послевоенного периода с восстановлением разрушенных основ жизни. Эти воспоминания героя, несмотря на все лишения и тяготы, согреты любовью дедушки и бабушки, дяди Кунчука и его жены Курац, заменивших ему отца и мать, и многих жителей Шиблокохабля, которые в тяжелые годы испытаний не только не потеряли свою человечность, но и максимально мобилизовали свои душевные силы, свой нравственный потенциал.

И в этом ракурсе название трилогии «Красный дом» становится глубоко символичным. Красный дом – это символ промежуточной полосы земли между Адам и Раем, с вершины которой видно все вокруг, о которой говорится в 7 суре «Аль-Араф» Корана. Это символ преодоления пограничной зоны для запутавшегося человека, ориентир в сторону добра. Красный дом в романе становится символом нравственно-этического выбора героев между добром и злом. Эта проблема встает на жизненном пути перед многими героями романов «Тамга» и «Месь», как, например, перед Махмудом Гучемуковым и Кайметом Ешуковым, которые в 1942 году, во время отступления Красной армии, отстали от своей части и превратились в дезертиров. Герои после долгих мучительных колебаний делают свой выбор: Каймет отправляется на поиски своей части, а Махмуд возвращается в свой аул и прячется в колхозном складском помещении на краю аула до 1946 года. Автор тонко, проникновенно, убедительно раскрывает в образе Махмуда психологию «природного» человека, пахавшего землю в мирное время и выращивавшего хлеб, а затем превращенного войной в изможденного калеку, «не желающего убивать человека, даже если он трижды - враг».

Проблему нравственного выбора совершают по-своему и реальные исторические лица, задействованные в повествовательном нарративе романа. Это известный адыгейский поэт-песенник Шабан Кубов, командир «Дикой дивизии» генерал-майор Белой армии князь Султан-Гирей Клыч, Шахан-Гирей Умарович Хакурате, сыгравший немаловажную роль в становлении советской власти в Адыгее и др.

Судьбы героев, изображенных в романе, складываются по-разному, в зависимости от того, какой выбор жизненного пути они сделали. Некоторых из них постигает справедливое возмездие за совершённые злодеяния. Так происходит с полицаем Салатом из романа «Месь», которого убивает Кушук Гучемуков, с детских лет вынашивавший мысль о мести за свою мать, за издевательства полицая

над всеми шиблокохабльскими женщинами, Махмуда Гучемукова отправляют в тюрьму за дезертирство и т.д.

Педантично погружаясь в реалии жизни и истории, писатель доводит хронологию событий, изображаемых в романах «Тамга» и «Мечь», до времен хрущевской оттепели 60-х годов, когда новое поколение Гучемуковых, как и весь советский народ, получило возможность заняться мирным созидательным трудом. В частности, главная проблема, которой занят Тембот Карагуланович, инспектор областного отдела народного образования - проблемы совершенствования народного образования, изучения родного языка в школе и др.

Примечателен конец романа «Тамга», где рассказывается о возвращении в родной аул Азмета Гучемукова, старшего сына Бислимена Гучемукова, сосланного в Сибирь за участие в буржуазно-помещичьей Раде. Его возвращение на родину предков с родовой тамгой глубоко символично для семантики диалогии, манифестируя идею возвращения к своим истокам,

Романы «Тамга» и «Мечь» имеют сложное сюжетно-композиционное построение, неоднозначные пространственно-временные характеристики, с постоянным чередованием темпоральных планов. Время действия в них постоянно переносится из настоящего в прошлое или будущее. В качестве своеобразного «переключателя» временных рамок писатель удачно использует литературный прием - старые фотографии, глядя на которые герой-повествователь Тембот переносится из настоящего в прошлое, или, забегаая вперед, рассказывает о будущем героев.

В романе автор достигает значительного эпического мастерства, о чем свидетельствуют и масштабный повествовательно-бытийный план, и многообразие стиливых решений, и сложная композиционная архитектоника.

Роман «Сказание о Железном Волке» стал ярким явлением в адыгских литературах. Это был первый в адыгейской литературе опыт обращения к мифо-фольклорному наследию адыгов как средству семантической и структурной организации текста. Это роман о современности и, одновременно, о прошлом, где реалистическое повествование о духовно-эстетических парадигмах эпической культуры адыгов сопрягается с мифоэпическим, сказовым началом. Роман появился в местной печати в 1993г., а затем в журнале «Роман-газета» в переводе русского прозаика Гария Немченко и сразу получил широкий резонанс среди российских читателей, а в 1994г. был удостоен премии этого журнала в качестве лучшего произведения года. Известный русский писатель В. Распутин, написавший предисловие к книге, отмечал: «...Это страстная песнь своему народу, страстная любовь к нему и страстная тревога за его дальнейшую судьбу. Не помню, чтобы мне приходилось читать более «национальную» книгу, т. е. обращенную в себя, в свои природные и духовные начала, в свое родословие...» [2, с. 7].

Острозаженный на внешнем уровне роман начинается с интригующей завязки конфликта, когда в родной аул приезжает молодой археолог Сэт Мазлоков, выпускник ленинградского института, со своим педагогом, ученым-археологом П.Олениным, чтобы успеть раскопать курган, который в скором времени уйдет на дно рукотворного моря. Но они получают анонимное предупреждение: «коснетесь священного кургана – вам не сдобровать».

Но все дальнейшее повествование романа, выливающееся в широчайшую панораму народной жизни в Адыгее и России, в напряженный внутренний диалог с читателем на острые политические, философские, психологические и, наконец, духовно-нравственные темы, свидетельствует о том, что писатель вышел опять на свою излюбленную стезю: история народа-рода-семьи.

Через историю семьи Мазлоковых на протяжении трех поколений: Хаджекыз – Бирам - Сэт писатель ведет широкое эпическое повествование о своем народе, его прошлом, настоящем и будущем, о нравственно-эстетических парадигмах национального духа.

В первой части романа «Возвращающиеся всадники» миф-предание о пожирателе сердец Железном Волке словно «вбирает» в себя семантически и остальные части повествования: трагические картины Кавказской войны XIX, следствием которых было разорение адыгских аулов в 40 - 60-е годы XIX в., и повторение ситуации в 60-е годы XXв., когда уничтожались десятков адыгских аулов. из-за строительства искусственного водохранилища.

Содержание второй части романа «Идущий в ночи» отражает реализацию смысла мифа о Железном Волке в «постсоветской» Адыгее и России. Здесь образ мифического чудовища из первой части обретает глубокий обобщающий смысл, символизирующий жестокость, бездушие, беспамятство, имперские амбиций, наступление технократии.

По справедливому замечанию В. Распутина, Железный Волк - «чудовище, безжалостно пожирающее аулы и выедающее сердца людей, способных затем попить, предавать, торговать древней своей землей и отеческими святынями».

Многоплановое эпическое повествование о жизни, быте, нравах адыгов, данное в широком контексте современного бытия России, содержит в себе экскурсы в прошлое, в историю адыгов, раскрывает непростые взаимоотношения России и Кавказа.

В образной системе романа особое место принадлежит Хаджекызу Мазлокову, носителю мифопоэтического сознания и истинному джегуако. Хаджекыз, являющийся дедушкой главного героя романа Сэта Мазлокова и его основным воспитателем, - великолепный знаток адыгских народных песен, героических сказаний, нартского эпоса. Он прекрасный знаток «адыгэ хабзэ» (адыгского этикета и свято почитает его нравственно-этические законы. Эпизоды романа, рисующие картины хачеца, чапца, методы воспитания своего внука, лаконичный рассказ о его женитьбе - являются тому подтверждением. Хаджекыз воспитывает внука в духе лучших национальных традиций и приобщает к многовековой мудрости предков. «Именно через его образ реализуется в романе философская концепция автора о возвращении к своим истокам» [1, с 58].

Бирам Мазлоков – сын Хаджекыза и отец Сэта, рядовой труженик колхоза, бывший фронтовик. Молчаливая поведенческая модель этого скромного труженика земли оказывается в романе сильнее слов и всяческой дидактики, он готов, по словам Оленина, ценой собственной жизни «защитить не только пшеничное поле – всю родную для него адыгейскую землю», которой предстояло уйти под воду.

Сэт Мазлоков является центральным героем романа, к которому тянутся остальные сюжетные нити. Это рефлексирующий герой, его поиски истины ассоциируются в романе с образом идущего во мраке ночи, недаром вторая часть романа так и называется: «Идущий в ночи». Возвращение Сэта на родную землю – обретение истоков, для него глубоко не безразлична судьба родного аула, адыгской земли, вопросы адыгства, истории и культуры адыгов.

Критика отмечала сложную сюжетно-композиционную архитектуру романа, новую, синтетическую жанровую модель романа-притчи, романа-сказания, в котором реалистическое повествование органично переплеталось с устно-поэтическим, сказовым началом.

Таким образом, в прозе Ю Чуюко нашли отображение широчайшие панорамы народной жизни, его культуры, истории, в преломлении через историю семьи, рода, имеющих в повествовательном нарративе концептуальное значение.

Литература

1. Паранук К.Н. Особенности художественной реализации образа джегуако и связанных с ним элементов игровой культуры в современном адыгском романе / К.Н.Паранук // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология. – Майкоп, 2010. – Вып. 2 (58). – С. 54 – 61.
2. Распутин В. Как должно в наше время любить свой народ / В.Распутин // Чуюко Ю.Г. Сказание о Железном Волке.- Майкоп, 1993.- С.5-7.
3. Шибинская Е.П. Древо жизни Юнуса Чуюко / Е.П.Шибинская //Ю.Чуюко Избранные произведения в трех томах. Том первый. Роман и повесть.- Майкоп,-2011.-440 с.

**УДК 821.351.42
ББК 83.3 (2=Чеч.)**

Духовно-нравственная и этно-социальная проблематика в прозе М. Бексултанова

Килабова М.А.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: Выявляются и анализируются основные признаки литературно-эстетической и духовно-нравственной концепции крупнейшего современного чеченского писателя Мусы Бексултанова, отмечается острое пересечение в его творчестве традиционного и новационного начал,

элементов таких явлений философии и литературы XX-XXI веков, как экзистенциализм, поток сознания, метапоэтика в качестве одной из форм авторской рефлексии и самоанализа, определяется их место в прозе и публицистике писателя. Рассматривается сочетание художественного текста с привлечением художественного вымысла, поэтической условности, и прозы документально-публицистической, эссеистической – литературы «non fiction»: монолога, диалога, полемики, что дает толчок развитию в его творчестве большого объема произведений внехудожественных жанров и их элементов – автобиографий, мемуаров, эссе, интервью. Утверждается, что в антропологической парадигме прозы Мусы Бексултанова центральное место занимают многочисленные модификации межличностных и внутриличностных отношений и конфликтов, проблемы семьи – отцов и детей, темы детства, формирования личности, различные аспекты проблемы творчества. Результаты исследования обладают теоретической и практической значимостью, связанной с актуальностью дальнейшей разработки вопросов интеграции в традиционную чеченскую прозу элементов основных концепций литературы экзистенциализма и потока сознания. Полученные данные могут быть успешно применены в различных областях теории и практики исследования уникальной картины современной чеченской литературы.

Ключевые слова: метапоэтика, чеченская проза, художественный конфликт, психологизм, экзистенциализм, литература потока сознания.

Spiritual and moral and ethno-social issues in M. Beksultanov's prose

Kilabova M.A.

Chechen State Pedagogical University

Annotation: The main signs of literary-aesthetic and spiritual-moral concept of the largest modern Chechen writer Musa Beksultanov are identified and analyzed, there is an acute intersection in his work of traditional and novational beginnings, elements of such phenomena of philosophy and literature of the XX-XXI centuries as existentialism, flow of consciousness, metapoetics as one of the forms of author's reflection and self-analysis, their place in the prose and publicity is determined. The combination of artistic text with the involvement of artistic fiction, poetic conditionality, and prose of documentary-journalistic, essayistic - literature "non fiction": monologue, dialogue, polemics, which gives impetus to the development in his work of a large volume of works of extra-artistic genres and their elements - autobiographical, memoirs, essay, interview. It is claimed that in the anthropological paradigm of Musa Beksultanov's prose, numerous modifications of interpersonal and intra-personal relations and conflicts, problems of the family - fathers and children, topics of childhood, formation of personality, various aspects of the problem of creativity are central. The results of the study have theoretical and practical significance related to the relevance of further development of issues of integration into the traditional Chechen prose of elements of the basic concepts of the literature of existentialism and the flow of consciousness. The obtained data can be successfully applied in various fields of theory and practice of research of a unique picture of modern Chechen literature.

Key words: metapoetics, Chechen prose, artistic conflict, psychology, existentialism, literature of the stream of consciousness.

Для литературно-эстетической и духовно-нравственной концепции одного из крупнейших современных чеченских писателей Мусы Бексултанова характерны поиски и констант национальной идентичности и специфического этно-этического кода, ведущие автора к существенным психологическим и художественно-эстетическим открытиям в области содержания и художественной формы его прозы и публицистики, и путей постижения внутренней психологической сути отдельной человеческой личности, индивидуальности.

Проза писателя складывается на довольно остром пересечении традиционного и новационного начал, в ее содержательной форме достаточно проявляются признаки таких явлений философии и литературы XX-XXI веков, как экзистенциализм, поток сознания, что выглядит весьма неожиданно в контексте ведущих традиций национальной литературы, но при этом знаменует собой неизбежную и крайне востребованную временем, пусть порой и драматично складывающуюся, интеграцию этих противоположных начал. Процесс философско-эстетических поисков национальной идеи у Мусы

Бексултанова происходит через постижение им исторических истоков, укрепление и углубление генетической культурной памяти, в результате чего осмысление философских, этно-культурных, психологических основ и представлений этноса преобразуются им в ткань художественных, мемуарно-автобиографических и публицистических текстов.

Многие из намеченных писателем актуальных проблем постигаются им и в формах художественного текста с привлечением художественного вымысла, поэтической условности, и в режиме прозы документально-публицистической, эссеистической – литературы «non fiction»: монолога, диалога, полемики, что дает толчок развитию в его творчестве большого объема произведений внехудожественных жанров и их элементов – автобиографий, мемуаров, эссе, интервью. В антропологической парадигме прозы Мусы Бексултанова центральное место занимают многочисленные модификации межличностных и внутриличностных отношений и конфликтов, проблемы семьи – отцов и детей, темы детства, формирования личности, различные аспекты проблемы творчества.

Но художественная реализация глубокой философской и духовно-нравственной проблематики писателя идет не стандартным, но очень сложным как для автора, так и для воспринимающего ее читателя, путем. Это свидетельство не прямолинейности, не однолинейности, не однозначности, а многомерности творческого задания, системы смыслов, нравственно-эстетического комплекса произведений Мусы Бексултанова, вызванных диалектическими противоречиями индивидуального и общественного бытия личности и социума.

Муса Бексултанов – мастер «малой» и «средней» по объему прозы. Отсутствие в его творческой биографии произведений крупной эпической формы объясняется, на наш взгляд, повышенной требовательностью писателя к себе и своему роду деятельности, напряженностью, обостренным чувством драматизма, а порой и трагизма человеческих характеров, судеб, отношений, жизненных коллизий. Связано это и с тем, что сам процесс его творческого труда отличается крайне непростым характером, эмоционально обостренным, углубленным, порой даже мучительным: «Я пишу рассказ без стола и без ручки. Ношу месяцами в голове, где бы я ни находился. Довожу до последней точки. А потом сажусь писать. Сперва пишу концовку, и ни одну, а несколько: пять-шесть вариантов» [1]. Муса Бексултанов поэтапно, пошагово воссоздает весь сложный алгоритм своего труда, используя при этом иронию, экспрессивную лексику: «Ищу первое предложение, второе и третье. Если у меня получаются первые три предложения, то «дело в шляпе» – я тогда уверен, что когда-нибудь рассказ закончу. Самое трудное – это первый абзац, оттенок чувства этого абзаца: какие там слова, в каком порядке они расположены, чередование слов, какое настроение они вызывают, какую несут нагрузку. И, самое главное, – не спешить. Середину писать не так уж трудно, если есть начало и конец» [1].

Для публицистики (а отчасти и прозы) Мусы Бексултанова вообще характерно наличие мощного пласта метапоэтики, то есть осмысления собственного творчества, как и творчества своих предшественников и современников. Писатель высказывает глубокие и тонкие соображения по поводу психологии литературного труда, в частности, власти подсознания и особой творческой, порой иррациональной, логики над замыслом писателя: «Иногда, правда, рассказ тебя куда-то уносит, очень часто повествование диктует свои условия: не ТЫ пишешь рассказ, а рассказ тебя тащит за собой, и твои заранее придуманные концовки (прямо как сироты) лежат где-то и никому не нужны» [1]. Муса Бексултанов пытается бороться с «произволом» творческого процесса, проявлять над ним свою «власть»: «Нельзя давать рассказу уйти в сторону. Литература все-таки игра, где ТЫ являешься главным режиссером, а не рассказ», но сам тут же признает то, что «иногда уход рассказа в сторону и плодотворен» [1].

При этом для основного содержания прозы писателя свойственна острая конфликтность, взволнованность, нерегламентированность мысли и чувства. Ее зачастую отличают такие признаки, как отсутствие традиционной канонической жанровой формы, композиционной структуры, бессюжетность, фрагментарность, ассоциативная образность, незавершенность, недоговоренность, довольно «сбивчивая» ритмика, что связано с напряженным движением авторской мысли и «биением» его чувства, зачастую пульсирующей импульсивностью переживаемых автором и героем эмоций. Столь же внешне «отрывочны» наименования его произведений: повесть «Это была не шутка», «Не спасся» (быль), «Бухта «Крест», «Большие зеленые арбузы», «А город был прежним», «За три часа до рассвета», «Скажи, ты знала Хасана?», «Дом по наследству», «Блаженный из нашего села». Жизнь и смерть, верность и предательство, любовь и ненависть, искренность и коварство, добро и зло – все эти ценностные философские и этические категории существуют в прозе Мусы Бексултанова, как и в реальной действительности, в неразрывном диалектическом единстве, в непрерывной конфликтной борьбе.

Писатель нигде не смягчает ситуацию, «не сглаживает углы», не идет на компромиссы, не «заигрывает» с понятием толерантности.

Чаще всего предметом и объектом воспроизведения в прозе Мусы Бексултанова оказывается один либо несколько эпизодов, внешне напрямую не связанных между собой. В большинстве отдельных его произведений, как правило, отсутствует экспозиция, действие развивается порой стремительно, порой замедленно, вне хронологической (но с преобладанием ассоциативной) последовательности; кульминационные моменты (и следующая за ними развязка) нередко возникает лишь в самом финале произведения. Но порой кульминация может так и не наступить, в результате в произведении остается открытым финал, остается не разрешенной напряженная интрига, и читатель, не получив готовых ответов и рекомендаций, призван становиться в некотором роде соавтором произведения.

Причем эти особенности прозы писателя не являются признаком какого-либо изощренного формалистического экспериментаторства, а, напротив, наиболее органично и адекватно отражают всю противоречивую и, по сути, во многом трагичную, сущность человеческого бытия. Большинство произведений Мусы Бексултанова не поддается пересказу, связному изложению, настолько не проста, не стандартна его мысль, его чувство, сама морально-психологическая концепция. Его «новая» проза содержит в себе глубокий подтекст, контекст и зачастую интертекст. Ей свойственны притчеобразность, элементы мифологем, обозначающих и преемственность с традицией, и несомненные признаки постмодернизма. Одновременно в ней наблюдается и такая противоположная тенденция, как демифологизация и десакрализация многих стереотипов массового сознания с одновременной убежденностью автора в том, что этнос, социум не в состоянии существовать без идеалов, без прошлого.

Проза Мусы Бексултанова имеет и выраженные признаки литературы потока сознания (англ. Stream of consciousness) - того способа повествования в литературе XX-XXI веков, преимущественно модернистского направления, непосредственно транслирующего сложность непрерывного движения внутреннего состояния персонажа путем вербальной фиксации разнообразных проявлений психики (эмоции, ассоциации, воспоминания и т.п.), которые воссоздаются в литературном тексте именно вне правил и канонов, вне причинно-следственной связи. Отсюда вытекает внешняя сбивчивость мысли и стилистики повествования, вызванная спонтанностью и зачастую органической хаотичностью, стихийностью самого передаваемого в произведении человеческого внутреннего переживания, некоторый видимый алогизм и иррационализм, сопровождаемый, в частности, и всевозможными нарушениями синтаксиса.

Воспроизведение в литературном произведении Мусы Бексултанова явления потока сознания непосредственно связано и с философией экзистенциализма (фр. existentialisme от лат. existentia - существование), «философией существования» - одного из направлений XX века, фиксирующего своё внимание на исключительности человеческого бытия, его уникальности, непредсказуемости, неповторимости и, во многом, его непостижимости и необъяснимости логическим, рациональным путем. Экзистенциализм формировался на рубеже XIX-XX веков под несомненным воздействием новейших направлений из смежных областей научного знания – теории и практики психоанализа, философской антропологии, от которых он отличается, чаще всего, идеей преодоления (а не раскрытия) человеком собственной сущности и большим акцентом на многообразии и непостижимости эмоциональной природы человека [2].

Мусе Бексултанову и его авторской позиции близко представление о том, что в отличие от критерия объективности и познаваемости истины в понимании Гегеля истина экзистенциальная должна быть не познана объективным, рациональным способом, а лишь воспринята, пережита, прочувствована и в таком первозданном виде воспроизведена в художественном тексте. А для этой цели необходимо ее воспроизводить в значительной степени как неповторимую (и во многом непостижимую), и в каждом случае исключительную, личность, индивидуальность. При этом гипотеза коллективного бессознательного как источника универсальных образов и архетипов (общечеловеческих первообразов) оказывается в известной мере близкой пониманию человеческой природы выдающимся современным чеченским писателем.

Именно в русле подобной психологической и литературно-антропологической концепции для прозы Мусы Бексултанова (как и аналогичного творчества, определенного обширного и эволюционирующего ряда писателей XX-XXI веков) не свойственно осознанное, обусловленное конкретной, четко сформулированной авторской «стратегической» установкой, сверхзадачей, «конструирование» четкого определенного замысла, концепта, сюжета, конфликта, характеров, образной системы, структуры произведения. Формирование, разработка и расстановка в художественном тексте перечисленных выше компонентов происходит во многом самопроизвольно, спонтанно. Это явление

творчества Мусы Бексултанова далеко не всегда соотнобразуется с логикой обстоятельств и характеров, с волей автора, тем более – с канонами той или иной определенной идейно-художественной системы. Оно закономерно коррелирует с мощной стихией сущностного (экзистенциального) понимания задач художественного словесного творчества. Такой подход помогает чеченскому писателю Мусе Бексултанову в его лучших произведениях запечатлеть «глубокое эмоциональное и духовное измерение современного человека, изображающее психологическую ситуацию, в которой он находится, выражение уникальных психологических трудностей, с которыми он сталкивается».

В результате в прозе Мусы Бексултанова отсутствуют такие традиционно расхожие задачи «беллетристики», как, с одной стороны, – развлекать (функция массовой литературы) и, с другой стороны – поучать, воспитывать (функция идеологически обусловленных художественных систем, таких, как, например, классицизм, социалистический реализм). Творчество писателя вносит свое значительное и уникальное слово в развитие современной чеченской литературы, а также в ее интеграцию в более широкий формат литературного процесса Северного Кавказа и России.

Литература

1. Кацаев, С.-Х. Язык - это религия. Интервью М. Бексултанова [Электронный ресурс]. / С.-Х. Кацаев. – Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/10/12/1692>. 25.10.2015
2. Техника «потока сознания» как литературное направление в зарубежной литературе двадцатого века. (Концепция, художественные формы, представители) [Электронный ресурс]. – URL: <https://mylektsii.ru/7-95875.html>
3. Сидоров Н.Н. Философские концепции о сущности человека на протяжении последнего столетия (фрейдизм, экзистенциализм, феноменологический подход и др.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://pandia.ru/text/79/196/65145.php>.

УДК 821.351.42

Лирическая проблематика поэзии Шайхи Арсанукаева

Хазуева Б. А.

**Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный.
baretk@mail.ru**

Аннотация: В статье анализируется лирическая проблематика поэзии Шайхи Арсанукаева в контексте отечественной и чеченской культуры «шестидесятничества», устанавливается место поэта в системе национальной литературы, характеризуется проблемно-тематическая и жанровая типология, эволюция и периодизация его творчества, приводятся оценки и характеристики его лирики, принадлежащие крупным литературоведам и критикам.

Ключевые слова: шестидесятники, личность, лирический герой, автор, периодизация, жанровая система, современная поэзия, роман в стихах, поэма.

LYRICAL PROBLEMS OF POETRY BY SHAIKHA ARSANUKAYEV

Khazueva B.A.

Chechen state pedagogical University, Grozny. baretk@mail.ru

Abstract: the article analyzes the lyrical problems of Shaikha Arsanukayev's poetry in the context of the domestic and Chechen culture of the "sixties", establishes the poet's place in the system of national literature, characterizes the problem-thematic and genre typology, evolution and periodization of his work, provides estimates and characteristics of his lyrics belonging to major literary critics.

Keywords: sixties, personality, lyrical hero, author, periodization, genre system, modern poetry, novel in verse, poem.

Одним из своеобразных чеченских поэтов поколения «шестидесятников» является Шайхи Арсанукаев (1930 - 2012). Феномен шестидесятничества в отечественной культуре XX века отличается утверждением ценности индивидуальной человеческой личности. Э.Минкайлов отмечал, «что критики и исследователи литературы не балуют Ш. Арсанукаева вниманием. Пока о нем не написано ни одной значительной работы, в которой была бы дана оценка его многогранного творчества» [1, 1080]. Несмотря на убежденность читателей и критиков в высоком уровне мастерства поэта, на наличие высоких его оценок, попытки анализа его наследия пока недостаточны. По мнению К.Гайтукаева, «в сознательном стремлении избежать громких деклараций на злобу дня, ярких фраз или необычных рифм, рассчитанных на внешний эффект, и было заключено...индивидуальное своеобразие... Ш.Арсанукаева» [2, 22]. «Лирический герой Ш.Арсанукаева, прислушиваясь к безмолвному говору родных гор, всем существом ощущает себя частицей прошлой (трагической, но полной героизма) истории Чечни. Да, радостных и спокойных дней в истории чеченцев было мало. Однако никакие повороты судьбы не сломили гордый и свободолюбивый дух ее предков» [3, 224].

Приблизительно одновременно с Ш.Арсанукаевым в чеченскую поэзию вошла целая плеяда лириков одного с ним поколения, родившихся в 1930–1940-е годы, чье детство и отрочество прошло в тяжелую для Чечни пору пребывания на чужбине с 1943 по 1956 год и последовавшего за этим тоже не менее тяжелого и горького, и все же радостного, возвращения на родину. К этому поколению относились его младшие современники, поэты Я.Хасбулатов, С. Гацаев, Ш.Окуев, Ш.Рашидов, М. Гешаев, У.Яричев... Ш.Арсанукаев был мастером разных жанров - создавал рассказы, поэмы, роман в стихах. Но по складу дарования он был лириком. Попытаемся наметить черты его лирики – светлой и глубокой, сложной и драматичной, современной и в то же время неуловимо традиционной по колориту и темам.

Психологическому типу личности и поэзии Ш.Арсанукаева свойственна цельность и целостность личности, мышления, философских и эстетических взглядов, мировоззрения, искренность интонации, пронзительность, глубина, сила и сложность лирического чувства. Его лирическому герою присуща способность задавать сложные и глубокие бытийный вопросы, порой мучиться их неразрешимостью, испытывая при этом состояние рефлексии, то есть обращенности внутрь самого себя, способность к самопожертвованию.

Основные темы и мотивы лирики Ш. Арсанукаева сводятся к общим для всей мировой поэзии «вечным» мотивам и темам – философского и духовно-нравственного осмысления природного и человеческого, цивилизационного бытия, тема природы, тема любви, назначения поэта и поэзии, проникнутые образом и духом времени. Интересно то, что в поэтических, духовно-нравственных, художественно-эстетических, стилистических исканиях чеченского поэта есть много общего и с фронтовой поэзией К.Симонова, А.Твардовского, Ю.Друниной, Д. Самойлова, А.Межирова, Е.Винокурова, О.Берггольц, С.Гудзенко, Н.Старшинова, А.Межирова. Будучи на целое поколение моложе названных писателей, вошедший в литературу на рубеже 1950-1960-х годов, он, можно сказать, пережил со всем своим народом собственное испытание, не менее тяжелое, чем война – период незаконных и незаслуженных репрессий, что не могло не сказаться в виде глубокого духовно нравственного «стресса» на его судьбе, личности и творчестве. Еще больше эмоциональных переключек можно обнаружить в стихах Ш.Арсанукаева с так называемыми «поэтами недопетой песни» – М.Кульчицким, Н.Майоровым, М.Джалилем. Помимо военной и патриотической тематики, в их лирике сильна глубоко поэтическая щемящая струна, поэзия индивидуального человеческого чувства, мало свойственная официальной линии поэзии социалистического реализма. Именно такие мотивы найдут развитие и продолжение в поэзии шестидесятников, среди которых найдут свое место и поэты-«фронтовики». Но лицо шестидесятничества в большей степени будет определяться личностью и творчеством других русских поэтов – уже ровесников Ш.Арсанукаева – Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Р.Рождественского, поэзия которых ориентировалась на некий, условно говоря, «интеллигентский», «интеллектуальный» стиль, заметно отличавшийся от других, главным образом официальных, тенденций советской литературы предшествующего и современного им периода. Вся субкультура шестидесятничества была во многом полемично ориентирована по отношению именно к официальной линии российской литературы середины XX века. Но параллельно с поэзией «шестидесятничества» существует и совершенно иная, яркая и мощная «почвенническая» лирическая струя, представленная творчеством Н.Рубцова, В.Федорова, Ю.Кузнецова. Эти достаточно разнородные, но, несомненно, значительные и свежие тенденции русской литературы 1950-1960-х годов влияли и на развитие поэзии национальных регионов страны. «Без Арсанукаева картина современной чеченской поэзии оказалась

бы обедненной. Поэты, пришедшие в литературу в 60-е, 70-е и 80-е, взяли на себя нелегкую миссию: отразить лучшее, что было в то время, со всеми его преимуществами, противоречиями и проблемами»[4].

Родился Шайхи Арсанукаев в селе Дышни-Ведено (1930, – 2012, Грозный). Подростком вместе со своим народом был выслан в Казахстан. В селе Батнай Семипалатинской области закончил среднюю школу, в 1955г. Семипалатинский финансовый техникум. Вернувшись на родину, окончил филфак Чечено-Ингушского пединститута, стал заместителем редактора Веденской районной газеты «Колхозная жизнь». Затем – старшим редактором Чечено-Ингушского книжного издательства, литературно-художественного альманаха «Орга». С 1986 по 1997 год возглавлял Союз писателей Чечено-Ингушетии, затем был старшим преподавателем кафедры чеченской литературы и фольклора Чеченского государственного университета. Ш. Арсанукаев – автор нескольких десятков поэтических книг. Его наставниками были классики чеченской литературы: М. Мамакаев, А. Мамакаев, М. Сулаев. В его творческом пути можно выделить три больших этапа. Первый: конец 1950 - начало 1970-х годов, когда были изданы на чеченском языке первые сборники стихов: «Утро в горах» – 1965, «Родник любви» – 1967, «Искорка огня» – 1969, «В пути» – 1970. На втором этапе (с 1971 по 1981 год) вышли еще два сборника

Ш. Арсанукаева на чеченском языке - («Голубые дороги» (1973), «Закон высоты» (1975) и один – на русском («Песнь родника»-1975). На этом этапе Ш. Арсанукаев «продолжает разрабатывать темы, определившиеся в качестве характернейших для первого этапа. Это, прежде всего, тема Родины, тема детства, войны и мира, тема любви и верности» [2, 22]. С 1982 по 2010-е годы – третий, наиболее плодотворный, и одновременно наиболее сложный (в силу новых трагических обстоятельств в судьбе его родины – Чечни) этап в творчестве поэта. Он «характеризуется наибольшей зрелостью его поэзии, переходом к созданию наиболее значимых, крупных эпических произведений» [5]: исторических поэм, повестей, романа в стихах. Этот период начинается с того, что в Москве выходит очередной его сборник на русском языке «Голубые вершины» (1983 г.), поэма «Меч Тимура» (о борьбе чеченского народа со среднеазиатским эмиром Тамерланом, дошедшим со своими войсками до терских земель в 1395-96 годах), «Выбор судьбы» (о событиях XVI века, когда налаживались первые политические связи чеченцев с Россией), «Линии судьбы» (об участии чеченцев в Великой Отечественной войне) и другие. «Эволюция поэзии Ш. Арсанукаева характеризуется дальнейшим расширением тематических и жанровых границ и углублением её содержания. Новый этап характеризуется также усилением в творчестве поэта патриотических и гражданских мотивов» [2, 22].

Подтверждением тому стала первая же эпическая поэма Ш. Арсанукаева «Ханкала». В ней дана картина сражения между чеченцами и многотысячным войском крымского хана Каплан-Гирея в ущелье Ханкала летом 1735 года). В эпической поэме «Меч Тимура», «уловив глубинные изменения в сознании народа, Ш. Арсанукаев в их осмыслении смело вышел за пределы национальных рамок, обращаясь при этом к духовному опыту других народов. Конечно, лирический герой Ш. Арсанукаева вырос на родной почве. Он ощущает себя частицей трагической и полной героизма истории Чечни. Стойкость и мужество, пронесенные через века, честь и достоинство, верность дружбе, возведенные предками в культ, унаследовали герои поэзии Ш. Арсанукаева» [6].

Литература

1. Минкайлов, Э.С. Слово о чеченской поэзии / Э.С. Минкайлов // Антология поэзии народов Северного Кавказа. Т. 1, ч. 1. – Пятигорск, 2003. – С. 1080-1084.
2. Гайтукаев, К.Б. В пламени слова. Критические статьи и исследования / К.Б. Гайтукаев. – Грозный: Книга, 1989. – 224 с.
3. Туркаев, Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей: роль русской литературы и родного фольклора в становлении национальных литератур 60-е гг. XIX-40-е гг. XX в. / Х.В. Туркаев. – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во. 1978. – 348 с.
4. Лорсанукаев У. («Лирическая душа поэта. К годовщине со дня рождения поэта Шахида Рашидова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vesti95.ru/2012>
5. Кусаев, А.Д. Ш. Арсанукаев. Певец мира и добра [Электронный ресурс]. / А.Д. Кусаев. – Режим дступа: <http://checheninfo.ru/11003-sh-arsanukaev-pevec-mira-i-dobra.html>.
6. Задорожная, И. Арсанукаев Шайхи Абдулмуслимович [Электронный ресурс]. / И. Задорожная. – Режим доступа: https://vk.com/topic-16087069_22527982.
- 7.

БЕРАШНА ЦАХЬ А, ИШКОЛЕХЬ А ГИЛЛАКХ-ОБЗДАНГАЛЛА ХЪЕХАРАН
НЕКЪАШ

Джамбеков О.А.,
ф.И.д., НПХБУ-н нохчийн филологин кафедрын профессор;
Шахгереева А.Х.,
НПХБУ-н нохчийн филологин кафедрын магистр

**Вопросы преподавания нравственно-этических ценностей в дошкольных и
общеобразовательных учреждениях ЧР**

Джамбеков О.А., Шахгереева А.Х.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы семейных взаимоотношений «детей и отцов», а также духовные ценности чеченцев, связанные с имятворчеством, экологическим воспитанием малышей и др.

Ключевые слова: адаты, омовение-намаз, имя, благопожелание.

**Questions of teaching moral and ethical values in preschool and General
education institutions of the Czech Republic**

Dzhambekov O.A., Shakhgereeva A.H.

Chechen State Pedagogical University

Annotation: the article deals with the issues of family relationships of "children and fathers", as well as spiritual values of Chechens associated with imyatvorchestvo, environmental education of children, etc.

Keywords: Adat, ablution, the prayer, the name, good wishes.

Нийса аьлла ду цхьана хьекьалчас, бераца кхетош-кхиоран болх иза дуьненге доллушехь болон беца аьлла. Цхьацца берш нийса ца кхета тарло, хИнца а цхьа а кхетам боцучу бере хИун дуьйцура аьлла. Вайнехан Иадатехь вуно чIога мехала лоруш хилла ненан бераца йолу юкьаметтигаш цIена хилар: масала, «бисмилла» а даьккхина бен, цунна тIе куьг дахьа магош ца хилар, иштта, ламаз карахь а долуш бен иза некхе дахьа мегаш ца хилар, гуттар Къуръанан аяташ хозуьйтуш хила дезар хилар цуьнан лерехь. Доггучу аьлча, иштта кхуьуш долу бер ийманехь ца хила йиш ца хилла, цу тIе жинийн баланех, вуочух балхах лардеш а хилла иза оцу балхо.

Историн Иилманийн доктора Хасбулатова З.И. чIагIдарехь, дIаянчачу заманахь цхьаболчу нохчийн доьзалшкахь чIагIделла хIара тайпа гИллакх хилла: жимчу кIентан дуьхьара хедийна мIараш жайни юкьа йохкуш – Иеламстаг хилийта, иштта чарха чу йоьIан мIараш кхуьйсуш – хIумнаш тега говза хилийта...²⁹. Оцу гIуллакхо гойтург да-нана шайн бер хьанала кьахьобгуш, дика, обзда адам кхийта, цуьнан дахар ирсе хилийта лаам бу.

Кхеташ ду, бусалба дино тIедиллина, бух болуш хIума-м дац иза... Амма цхьаь ду шеко йоцуш, бер жимма доккха хилча, мотт Iама боьлча, нанас цунна массо а дика хIума Iамо деза: цIена лела а, ялтин хама бан а, адамашца гИллакхе хила а... «Бепиган цуьрг охьа ма дожаде, цу тIе ког ма баккха; яьгна хIума йиьча, майра хуьлу; еттинчу хьаьжIан бух биьча, ницкь болуш хуьлу, бохь биьча, хаза хуьлу; пхьид йиэн мегар дац, и йийча, етт ле; нуй тоха мегар дац, и тоьхча, ирс дов...», – бохуш, хьехамаш гуттар а беш хилла нанас.

Бер дуьненчу даьлча, цунна цIе туьллу, цIе тилларх лаьцна иштта цхьа байт ю Дикаев Мохьмада языйна:

²⁹ Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М., 2007.

Ма леха эрна аш
КІантана йоккха це,
Пхийтгара валийта
Вайн керла юбртахо,
Цхьаьнгга а ца хоьттуш,
Халкьо це туьллур ю
Махкана цо дечу
Гуллакхе хьаьжжина³⁰.

Адаман ГІиллакхашка, Гуллакхашка хьаьжжина, це туьллу наха стаг воккха хилча, амма цунах бокьал а кьонах хилахь лехарх а карор яц цунна тилла, яккха вон це... Амма и иштта дара аьлла, це бен а доцуш, шена дагаеьнарг, бегашийна тилла мегар дац. Ткьа и тайпа бен а доцуш цѳераш тахкар нохчашна юккьехь хьалха а нислуш хилла, хІинца а нисло. Иштта ца хилча, хир ярий вайнехан хІара тайпа цѳераш: Цѳога, Талча, МаІаш?.. Ткьа тІаьхьарчу хенахь цхьацца пачхьалкхийн, кьаьмнийн цѳераш юкьаевлла, цул сов, дукха яьржина вайна юкьахь кхечу пачхьалкхийн куьйгалхойн, артистийн, кхечу маттахь хилчхьана, хІун ю а ца хуу цѳераш а.

Оцу дерригено а гойту вайн цхьаболчу наха стеган це – ша тайпа хІайкал, цуьнан дахаран коьрта маьне хьаьрк ларар дицдина хилар. Це хазиййриг стеган ГІиллакхаш делахь а, цуьнца цхьаьна мелла а тІеІаткьам стеган кхолламна цуьнан цІаро а бан тарлуш ду.

Цунах дика кхеташ хиллачух тера ду вай ворхІе а дай а. «Ширчу цѳерашкахь вайна го нохчийн кьоман дуьнене хьежамаш, цуьнан Іаламца болу лерамаш, цунна деза хетта ГІиллакхаш, амалш. Масала, дитгашца, бецашца, хишца йобьзначу цѳераша (Нажа, Колла, Шовда, Зезаг, Заза, и. дІа кх. а) гойту халкьан цаьрца йолу сий-лараме юкьаметтиг. Изза маьІна ду олхазарийн, акхаройн, сагалматийн цѳераш адамашна тахкаран а (Леча, Хьоза, Полла, Кхокха, Дода, Барза, Лььма, и. дІа. кх. а)»³¹.

Нохчийн ширчу цѳерашкахь шайн маьІна атта дан йиш йоцуруш а нисло: «божарийнаш – Моьсаг, Аказ, Очча, КІуштани, Пиян, Теса, Хьама, ГІубач, Довт, и. дІа кх. а; зударийнаш – Пера, Таху, Баху, Заху, ШайлагІаз, ГунегІаз, и. дІа кх. а»³².

Бусалба дин юкьадарца а, чІагІдаларца а дуккха а керла цѳераш яьхкина вайнехан матта юкьа. ГІиллакх хилла дІахІоьттира берашна пайхамарийн, безчу нехан цѳераш тахкар.

ТІаьхьарчу бІешерашкахь, Нохчийчоь Россин олаллина кІел яханчул тІаьхьа, алсамьевлира оьрсийн а, Европан кхечу кьаьмнийн а цѳераш, ткьа Нохчийн шира цѳераш тахкар гІелделира. Советан Іедал вайн махкахь чІагІделлачу хенахь цу хьокьехь нохчийн гоьваьллачу поэта Хасбулатов Ямлихана яздина:

Борз боху бурса це
Сов кІезиг туьллу вай,
Йовш лаьтта стигларчу
Баьччин це – Аьрзу,
Амма вайн иллешкахь
Хьалабовлу турпалхой
Заманан цѳерашца,
Заманан цѳерашца,
Заманан аьрцнех.
Мел еза хиллера
Стеган це – доккха сий.
Ма яйта махкара,
Ма яйта и доьза.
Яхийта аш цѳераш
Лаьттахойн, доттІагІийн.
Бохамех вай ларде
ХІалкалаш ду уьш³³.

³⁰ Дикаев М.Д. Стеган це / М.Д. Дикаев. Дай баьхна латта // Нохчийн Республикин кьаьмнийн синкачанан хазна. 2-гІа арахецар. III том. Соьлжа-ГІала, 2012. 29 агІо.

³¹ Амадов М.М. Нохчийн ГІиллакх-оьздангалла. Соьлжа-ГІала – СПб.: Седа, 2002. 104 агІо.

³² Цигтахь.

Берана цѐе кѡабркѡанаш муѡылучохъ, эрна хабарш дуѡйцуохъ тилла мегар дац, хѡинцалц цѡаболчу нохчийн доѡзалшкахъ и хуѡлуш ма-хиллара. Цѐе тиллар Дала оцу беран дена тѐедиллина ду, цунна тѐера хѡакѡикѡат а дуѡйш. Иза, бер дуѡненчу даѡллачул тѡабѡа ворхѡ де даѡлча, деш хуѡлу.

Дѡаяханчу заманахъ доѡзалхо дуѡненчу ваѡлча, иштта саѡла даѡккхина ца Іаш, говраш хохѡуйтуш а, ловзар деш а хилла. Берана дикалааран ловцаш (луѡйцаш) беш а хилла гергарчара, хѡешаша:

- Дала беркате доѡзалхо войла!
- Дала дукха вахавойла!
- Ворхѡ вешин ваша (ѡйша) войла (ѡойла)!
- Хѡе вехийла Органна чо баллалц!
- Хѡе вехийла цигигана маѡа яллалц! –

царах терра кхин а.

Бер динчул тѡабѡа *нана* масех денна я кѡиранна лечѡаш хилла, гергарчарна, баккхийчу нахана ша ца гойтуш. Оцу Іалашонца *да* чуѡра дѡавоѡдуш а хилла. Тѡѡа, дуѡхѡал беѡхе стаг кхетча, шен карара бер оѡа а дуѡллий, нана букъ берзабой дѡахѡуттуш хилла. И гѡиллакх, хетарехъ, дукха генара сѡхѡдогѡуш долчух тера ду. Цуѡнан маѡна дан гѡѡртича, оѡлано адамийн зуѡрет долалучу юхавуѡгу. Дала бихкина болу стом биѡна, Адамий, Хѡавассий латийначу дуѡхѡарлерчу кѡинан изъхъ дуй-те денний, нанний шайн бер баѡханехъ хетарг?

И муѡха делахъ а, нахана хѡалха шен бер хѡастар, кара лацар, ур-аттала цуѡнан тидам бар а гѡиллакхехъ дац вайнехан Іедалехъ, вайн иза коѡрта чудиѡина цѡѡа гѡиллакх ду. Кѡѡсттина цунах ларлуш хилла *да*. Бакѡду, беран дахарна я цуѡнан могашаллина кхерам хилча, гѡиллакхаш лелор тѐехъ дац стагана. Цигахъ милла велахъ а, берана (муѡлххачу стагана а) орцяхвала веза!

Масала, иза вайна дика ма го нохчийн «Дѡдин-юрт яккхарх» долу халѡан илли дешча а:

Марзѡйн цѐераш ва кхобу вайн хѡоме несарий,
Марзѡйн цѐераш ва ѡохуш,
Шаѡш кхойкхуш ма лаѡтта...³⁴

Оцу дийнан халоно (мостаѡа тѐе а летта, юрт хѡаллакѡеш) дицѡайтина гѡиллакхаш, иза оѡздангалла ѡохош а дац.

Бер кхиѡна даллалц цунна мелла а «ѡѡстах» лаѡтта да. Амма иза дац дас оцу гѡуллакхехъ даѡѡалоцуш а ца хилла бохург, берана цуо беш болу тѐеІатѡам ненехула хуѡлуш хилла, тѡѡа нанас гуттар а ден сий а, цѐе а ларѡеш, ѡовзуѡйтуш, кхиош хилла бер.

Масо а хѡуманна тѐехъ да берана масал хилла. Цунна иза дукха хѡолахъ вевзаш хилла цуѡнан гѡуллакхашца а, ненан бѡѡргашца а. Нохчийн гѡиллакхаш кхоччуш дика лелочу доѡзалшкахъ бераш дена хѡалха оѡхѡовшуш а, хѡума юуш а ца хилла. (Бексултанов М.ѡ.). Кхиѡна, кога даххалц бераца ден кхин башѡа уѡйр хуѡлуш а ца хилла. (Хасиев С.-М.) Цѡѡана воккхачу стага дуѡйцура, шен кхѡзлагѡчу дас (кхо зуда а, цара бина доѡзал а хилла цуѡнан) чоѡхъ бер а долу ага араѡхъ дѡагулдинчу лайла тоѡхнера бохуш, дехѡачу горгам хѡокхуш зудчо иза ша волчу чу хѡоттийна аѡлла, оѡгѡаз а ваѡна. И тайпа хѡума дар-м нийса дац, делахъ а оцу масалго гойту, мел чѡгѡа ларлуш хилла вайн генара дай берашца эвѡѡаза хиларх.

Слово о поэзии Жамалдина Махмаева

Джамбеков Ш.А., Болатаева Р.

³³ Хасбулатов Я. Хѡайкал / Я. Хасбулатов. Лаѡттан ѡозалла. Стихаш, поэма. Грозный: Нохч-Галгѡайн книжни издательство, 1985. 51 агѡ.

³⁴ Дѡдин-юрт яккхаран илли. / Нохчийн халѡан барта кхолларалла. Дешаран пособи. Шолгѡа даѡа. Соѡлѡа-гѡала, 2012. 300 гѡ.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: В статье рассматривается поэтическое творчество чеченского детского писателя Жамалдина Махмаева, целиком и полностью посвящённое детям. Книги Жамалдина учат добру, непосредственности, с художественной достоверностью помогают детворе постигать тайны природы. Писатель, учитель, учёный, публицист, Жамалдин Махмаев прожил большую жизнь, полную любви к детям.

Ключевые слова: школа, характер, учитель, любовь к детям.

A WORD ABOUT THE POETRY OF JAMALDINI MAMAIEVA

Dzhambekov S. A., Bolataeva R.

Chechen State Pedagogical University

Abstract: the article discusses the poetry of the Chechen children's writer Jamaldini Mamaieva, entirely dedicated to children. Zhamaldin's books teach goodness, spontaneity, with artistic authenticity help children to comprehend the mysteries of nature. Writer, teacher, scientist, writer, Jamaldin Mamaieva have lived a great life, full of love for children.

Keywords: school, character, teacher, love for children.

МАХМАЕВ ЖАМАЛДИН ПОЭЗЕХ ДОШ

Джамбеков Ш.А.,

НПХБУ-н нохчийн филологин кафедрин профессор;

Болатева Р.,

Нохчийн пачхьалкхан хьехархойн университетан

нохчийн филологин кафедрин магистр

Яздархочо Махмаев Жамалдис ишколе дахаза а, деша дуьйладеллачу а берашна яззина киншканаш йобшуш, со, бакьдолуш, цецьюйлу цуьнан хазаду ненан маттах а, исбаьхьчу стихийн хормех а, поэтикех а, коьртаниг – цунна кегийчу берийн амал а, бӀаьрхиш санна, церан цӀена дегнаш а, царна хилла цатемаш а КӀорггера гайта хаар ду. Жамалдин киншкаша, догцӀена а, дахар а, дуьне а гар исбаьхьаллин КӀорге йолуш а къона тӀаьхье кхиайо аьлла, хета тхуна.

Махмаев Жамалдин хьалхара киншкин цӀе «Маликат» (1969) хилла. Цул тӀаьхьа арайолу цуьнан «Маликат ишколехь» (1970) цӀе йолу берашна леринчу стихийн гулар. Кхин масех шо даьлча – 1975-чу шарахь – арайолу кхиазхошна лерина Жамалдин дийцарийн, туьйранин гулар «Со Соскин Солса ву»³⁵.

Махмаев Жамалдис яззина дуккха а хаза стихаш, царех ю: «Цигоне», «Седане» цӀе ерш. Халкъан барта а, берашна яздинчу туьйранах а тера ду цигоне поэта деш долу къамел.

«Цигоне»

Къена цигон,

КӀезиг собардехьа,

Ӏаьржа бӀаьргаш

Хьовсабехьа схьа.

Цахиндерг а

Дийций, Ӏехавехьа,

Мерза туьйра

Хазадехьа цкъа³⁶.

«Седане»

ДӀахьовсийша гонах –

Дуьне нуьре го.

Мархашка а лаксахь

³⁵ Махмаев Ж. Со Соскин Солса ву. Сольжа-Гала, 1975.

³⁶ Махмаев Ж. Цигоне // «Даймохк» газет. 2009. № 28, 14 март.

Серло ца хьулло.
Цхьанна-м ирсе боьлуш,
Седа бодуш ги.
Стигал тесна юьтуш,
Лавтта боьсси и.

Хьанна хаьа-нур цо
Хьаьнга кхийдадо?
Ткъа сан аьрха дог, хьо
Стенна даьтгало?

2005-чу шарахь Махмаев Жамалдис язйна Арсанукаев Шайхин 75 шо кхачарна лерина стих:

Безам, ахча сов а даьлла,
Цкъа а куравер воцуш,
И эрна доьхкина аьлла,
Иедало жоп доьхур доцуш.

Цхьа башха говзалла ю сан,
Йоцчо, елара эр доцуш,
Йолчо, и мел хьийзарх дIаса,
Цкъа а канаш дузур доцуш.

Цундела, Шайхи, резаволлуш,
СовIат кховдо таро яц сан.
Я, ахь санна, дегнаш ойуш.
Байташ язьян похIма дац сан.

Иштта Махмаевс язйна ша вина а, кхийна а йолу шен юьртана илли:

«Бердкел»
Хьох хьобгуш геналлехь
Шераш дIаобхура.
Зезаго полланах
Ахь со тIевовхура.
Кхийдара ойла хьоб,
Езарна дукха сел.
Сан жима Нохчийчоб –
Дай баьхна тхан Бердкел.

МостагIчо хийлазза
Хьо цIарах ягийра.
Хьаналчу куьйгаша
Хьо юхаденийра.
Хийламо хьан дуьхьа
Шен дахар дIаделла.
Амма уьш дийна бу –
Турпалхой ца белла.

Буьрсачу шерашкахь
Тхан дайша ларийна,
Машаран деношкахь
Мехкарша хазийна
Даймехкан хазалла.
Хьан цIарца евзина
Сан ненан марзалла
Хьан цIарах дIаийна

Дела реза вина
Эвлаяш бевла,
АллахІан кхиэлана
Собаре хилла,
Дика-вон цхьабосса
Махкаца лайна.
Машаре вайн амалш
Вовшашна тайна³⁷.

50 сов шерашкахь ишколехь нохчийн мотгий, литературий хьобхуш а, Россин юкьара дешаран сийлахь белхахо а хилла волчу цунна кІорггера а, шуьйра а гора нохчийн маттехь долу хьал. И хьал кхераме а ду. Массарна ца хаахь а хаа дезаш ду: хІора кьоман мотг санна нохчийн мотг кхолла а белла, деба а деба, шорбелла, амма цуьнан тидам беш, цуьнгахь хІун хьал ду хьожуш, цунах дозалла деш, цуьнан сий деш, и Іалашбеш ца хилахь, кхераме бу вайн меттан кхоллам.

Яздархо, хьехархо, Іилманча, публицист. Хала а, чолхе а некъаш ду кхолламо цуьнга кховдийнарш. Амма цхьана а хІуман тІехь, дашна гІалатваьлла, сий-яхь, йицїина, ца лелла Махмаев Жамалди оцу некъашкахь.

УДК 821.161.1.09:398

**Структурно-антропологическая специфика романа
М. Ахмедовой «Дневник смертницы. Хадижа»**

Зубцова Ю.О.

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия

Аннотация: Автор рассуждает об особенностях романа М. Ахмедовой «Дневник смертницы. Хадижа», рассматривая его с позиции «кавказского» текста современной русской литературы. в статье приведены аспекты структурно-антропологической специфики романа в контексте еды, традиций и религиозных убеждений.

Ключевые слова: современная русскоязычная литература, женская кавказская проза, кавказский текст.

**Structural and anthropological specifics of the novel
M. Akhmedova "Diary of a suicide bomber. Khadizh**

Zubtsova Yu.O.

FSBEI HE "Pyatigorsk State University", Pyatigorsk, Russia

Abstract: the author discusses the features of the novel by m. Akhmedova " Diary of a suicide bomber. Khadija", considering it from the position of the "caucasian" text of modern russian literature. The article presents aspects of the structural and anthropological specificity of the novel in the context of food, traditions and religious beliefs.

Keywords: modern russian-language literature, caucasian women's prose, caucasian text.

³⁷ Махмаев Ж. БердкІел // «Даймохк» газет. 2009 шо. № 28, 14 март.

Начнем с длинной, но крайне необходимой в дальнейшем цитаты И. Прохоровой: «Мы стоим на пороге возникновения новой научной парадигмы, которую очень условно можно назвать «новой антропологией культуры». В этой новой системе координат будут пересмотрены совокупность подходов, понятийных категорий, профессиональных навыков и дискурсивных средств для создания новой истории цивилизаций и новой исторической периодизации, концептуальным стержнем которых станет жизнь человека в его разветвленных связях с другими людьми, социальными группами, институтами власти, его стратегии выживания, креативности, самореализации в разных исторических обстоятельствах, его усилия по расширению сферы автономного и независимого существования» [3].

Только напомним объективности и полноты ради, ничуть не умаляя действительно впечатляющих результатов культуртрегерской деятельности И. Прохоровой, что ставропольский профессор Л. П. Егорова уже немало лет в отечественном научном сообществе отстаивает принципы антропологического литературоведения, публикуя статьи и проводя «резонансные» конференции. Говоря об исчерпанности традиционных подходов к анализу литературных произведений и подчиненности литературоведческого анализа Ее величеству литературной интерпретации, Егорова постоянно напоминает о необходимости «гамбургского счета» в антропологическом литературоведении, убеждена в неизбежности создания в ближайшем будущем системы описания интерпретирования литературных явлений в антропоцентрической парадигме. Именно в этом ракурсе, спрямляя естественные углы и зигзаги при реализации подобного рода практик, попробуем «наложить» схему анализа на произведения, которые нами соотносятся с понятием «кавказский текст».

Что стоит хотя бы напоминание о признаке, который углубленное философское понимание человека связывает с состоянием культуры. То есть, по сути, современное состояние литературоведения мыслится в тесной взаимосвязи с тем, что на Западе обозначают далеко не бесспорным и довольно проблематичным термином «культурные исследования» (cultural studies). Но сейчас не об этом, а об особом месте, которое в названной методологии занимает практика еды. О. Фрейденберг принадлежит одно очень интересное выражение, которым она обобщила предысторию пищи: «В акте еды появляется и исчезает Космос». Возможно памятуя об этом, ни один из современных авторов «кавказского текста» не оставил без внимания такой важный для человеческого существования признак, во многом определяющий собственно хронотоп в бахтинском понимании, каким, несомненно, является еда. Согласно типологии Егоровой, систематизирующей разные уровни взаимоотношений личности и мира, это четвертый, включающий натурфилософскую и соционатурфилософскую проблематику, пласт. Правда, в разных произведениях еда/пища несет в себе разные функции, не только поэтическую как, скажем, у А. Битова, И. Оганова, Д. Зантария, но и нас особенно интересующую религиозно-культурную (монахи и просто истинно верующие у А. Эбаноидзе, В. Алфеевой, М. Чулаки), мировоззренческую (Мартиросян и каталикос у В. Гроссмана, Афик Агамалиев у А. Мамедова, Мурад у Р. Гаджиева, «новые русские» у А. Проханова и Ю. Кувалдина), а также ментальную (горцы у Хачилава, кавказцы С. Довлатова и В. Астафьева). Для большинства авторов изображение еды и сам ее процесс – это не просто прием пищи, утоление естественной физиологической потребности, а очень важный идентифицирующий признак кавказских народов, метафора культурной деятельности. Пища для них не только «жизненная функция, но и понятие» (А. Битов); да и сам процесс еды представляется как социально осмысленные формы человеческой деятельности. «Это чистое-чистое утро. Садится мой друг. Сажусь я. Мы отрываем угол лаваша, кладем туда стрелы лука, стебли травы и сыр, свертываем в тугую трубку, не спеша подносим ко рту, чисто откусываем и не спеша жуем. Мы не торопимся, не жадничаем, мы не гурманствуем – мы едим. Мы уважаем хлеб, и уважаем друг друга, и уважаем себя. Лаваш – это хлеб, – говорит мой друг, отрывая новый лоскут. Лаваш – это тарелка, – говорит он, укладывая на лаваш зелень. – Лаваш – это салфетка, – говорит он, вытирая лавашем рот. . . И съедает салфетку» [1, с. 356–357].

В одном из самых значительных произведений последнего времени – романе М. Ахмедовой «Дневник смертницы. Хадижа» - также масса антропологических зарисовок, связанных большей частью с едой, причем это не просто повседневная «варка» и «готовка» одного из дагестанских народов как первостепенное условие элементарного существования, а без всякого усилия возникающая в тексте семиотика в духе Леви-Стросса. И, добавим, не только в сценах приготовления бабушкой хинкала или домашней колбасы из источающей экзотический запах требухи, но и регулярного забоя скота дедом как в случае с любимым маленькой Хадижей бараном, у которого были голубые глаза (непременный атрибут всего порядочного в представлении героини). Возможно, и здесь мы апеллируем к еще одной важной для антропоцентрического литературоведения категории – воображению, для Хадижи, никогда не

слыхавшей о Новалисе и его отношении к голубому цветку, голубые глаза, «полные лазурного огня», были смутным намеком некоей другой – не плотской здешней жизни, а духовной нездешней.

После того, как дед зарезал любимого девочкой барана, у героини навсегда исчезает жалость. В кавказском менталитете жалость как свойство мироощущения представлена иначе, чем у европейцев, она не правит миром. Есть долг, верность обычаям, но жалости к отступившемуся нет. Девочка не чувствовала ее никогда у бабушки, которая терпеть не могла ее отца и была косвенно виновна в смерти ее матери; жалости к ней не испытывает и «другая» бабушка – мать умершего отца, потому что она девочка, а не мальчик; обе тетки вроде бы «жалуют», но с какой-то тайной выгодой для себя. Естественно, нет ничего похожего даже на элементарную человеческую жалость и у ее ваххабитского окружения, не только мужчин – Ариф-эфенди, Саида, Аслана, но и женщин – Патимат, Гульнар, Аси, которым героиня завидует прежде всего по причине их более твердого, чем у нее, имана.

Совершенно обоснованно воспринимая феномен еды как отражение важнейших черт любой повседневности, авторы «кавказского текста» проявляют удивительную способность спуститься, сказал бы М.Золотоносов, «к универсальным глубинным слоям, где сопрягаются и отождествляются эротический и кулинарный коды, секс и кухня, смерть и еда» [2, с.372].

Мотив сладкого играет чрезвычайно важную роль в судьбе девочки. Она словно вечно занята его поисками. Символично, что первым местом, где можно без труда разжиться конфетами и печеньем становится сельское кладбище, недалеко от которого живет Хадижа с родственниками. Ей потому-то и нравятся похороны в селе, что они гарантируют сладкое как минимум на неделю, пока свежую могилу будут посещать родные. Семантика «Сладкого» напоминает молоко – самый сладкий продукт, ради которого стоит жить, и для цветковского шахида. Еще один занимательный момент – уже готовая к теракту Хадижа едет по Москве и ей отчаянно хочется узнать за несколько минут до смерти, а что подают за мелькающими за окнами автомобиля витринами столичных кондитерских «Кофе Хауз», «Шоколаднице» Но вернемся – самая доступная для бедной девочки в детстве сладость – кусковой сахар, тайком вытаскиваемый из хитро упрятого бабушкой мешка. Образ сахара буквально витает над первой частью книги, становясь, по сути, начальным знаковым событием в формирующемся нарративе будущей шахидки, первых лет ее абсолютно безрадостной жизни. На воровство сахара ее подталкивает до того никогда не являвшийся шайтан, желание досадить алчной бабушке. Тогда же впервые по приказу шайтана она легла на застланную дорогими покрывалами большую кровать, на которой никто никогда не спал. И сколь пророческим в данном контексте звучит бабушкин комментарий, что шайтан выбирает тех, кто собирает «еду с чужих могил». Вообще повседневность правоверного аульского горца даже в постсоветскую эпоху кишит суеверием, причем ему – в ущерб исламскому воспитанию – сызмальства приобщают детей, заставляя верить в сотни всякого рода примет, в рассказах о которых уходит все свободное время обычной семьи. Любая книга, кроме Корана, вред, на умной никто жениться не хочет, твердят окружающие. «Женщине что надо? – говорит дед Ахмед. – В своем селении жить, за мужем ухаживать, детей воспитывать». После этих слов маленькой Хадиже очень жаль стало прилипшую в магазине на липкую ленту муху, так как «представила, что было бы, если бы я сама была мухой, прилипла к ленте, и ни туда и ни сюда. Как мне жалко ее стало,

честное слово! Я взяла ее пальцами, чтобы спасти и дернула. Я подняла ее на ладони, но она не полетела – упала на пол. Оказывается, ее лапы остались на ленте.. Бывает же ...Я смотрела на муху, как она дергается на полу. И тогда шайтан снова заговорил со мной.

- Раздави ее, - сказал он.

- Пусть живет, да, - сказала я.

Раздави! – сказал шайтан.

Я наступила на муху галошей. Зачем я ее только снимала с ленты!» [4, с.30-31].

Вынужденно коротко только напомним здесь еще об одной человеческой функции, не раз предстающей как инструмент политического и социального контроля. Им становится в романе Ахмедовой такая важная деталь повседневного быта в дагестанском горном селе, как ежедневные походы местных женщин к роднику за водой. Казалось бы, чисто прагматическая процедура, довольно трудоемкая и внешне малопривлекательная, превращается в свете антропологического подхода в насыщенное культурными смыслами событие. Мы сейчас вовсе не о размытости границ между текстом и социумом, а о громадном влиянии на антропологических аналитиков постструктуралистских методик, одна из которых исходит из того, что всякий конструкт («поход за водой» в нашем случае) подлежит проблематизации, после чего на следующем этапе интегрируется в ту или иную концептуальную схему. Как в ахмедовском романе, где родник и женский «годекан», и агентство новостей, и презентация обновок, и подиум для потенциальных невест, и тусовка неженатых парней.

Реальность, в которой живет Хадижа до встречи с ваххабитами, предполагает наличие некоего существа, которое является причиной регулярно появляющейся у нее мысли, «звучащей в ее голове». То это явно услышанный ею голос шайтана, подбивающий стащить из бабушкиного сундука сахар, то мужской голос, вырвавшийся из полудремы и требующий вернуться обратно в село, из которого ее забирает в роковую Махачкалу тетя Зухра. Наличие этих «голосов», с одной стороны, заставляет ее вести себя определенным образом или придерживаться определенных взглядов, ибо человеку трудно отделить себя от нежелательного мыслительного процесса, тем более, когда он не знает, что у этого процесса может быть другой источник. Но с другой стороны, введение голосов в дневник героини истолковывается нами как внутреннее чувствование субъектом возникающей и все возрастающей дискретности личностного пространства-времени, на что косвенно указывает трехглавая композиция, фиксирующая три разных модуса быта/бытия. Скорее к антропологии, нежели религии, следует отнести наиболее часто упоминаемое в романе слово «шайтан». Если русское народное верование требует отречения от сатаны, «дунув и плюнув на него», то Хадижа носит заговоренный муллой речной камешек, который, впрочем, никак не препятствует девочке совершать неблагоприятные поступки: подглядывать за взрослыми, заниматься мелким воровством, лгать и хитрить. Все свои черные дела и мысли девочка склонна объяснять происками шайтана. По мере взросления героини это очевидно (в бахтинском определении) «идеологическое» слово, помня свои прежние контексты, наполняется новым содержанием, становясь знаком/символом прежней жизни.

Роман Ахмедовой буквально вызывает прочитать его через призму антропологического подхода. И не только потому, что практически все произведения, входящие в пространство «кавказского текста», за исключением чисто экспериментальных (И. Яркевич, Д. Добродеев, И. Оганов, А. Цветков-младший), отличаются буквально декларируемой в целом ряде случаев связью текста и социальной реальности. Причем антропологией широко понятой, ибо известно, насколько сами антропологи, наиболее «привязанные» к локальному аспекту, стойко блюдут правило, суть которого в избегании слишком тесной связи с той или иной областью региональных исследований. Впрочем, некоторых наших коллег это не очень смущает: они, не боясь быть обвиненными в узости научных интересов или в методологической косности, с гордостью несут абсолютно неприемлемое в западных университетах звание «специалиста по локальным вопросам», на дух не перенося даже призрачного намека на «маргинализацию» собственных региональных исследований.

Возвращаясь к роману, отметим, что его героиня всей своей жизнью демонстрирует один из важнейших постулатов антропологии: производство значимых ценностей и система социальных статусов были демистифицированы: на месте высоких идей оказались различные режимы потребления культурных объектов, в диапазоне от «низкого» до «высокого». Только этим можно объяснить историю Махача, с детских лет возлюбленного Хадижи, превратившегося из счастливого сына генерала в отцеубийцу.

Очень важным признаком антропологической парадигмы Л. П. Егоровой признается возрастание роли субъекта научного исследования. Это сегодня приобретает особую злободневность, так как (что греха таить!) на многих кафедрах вузов (судим по авторефератам диссертаций и статьям в региональных сборниках и даже в рецензируемых ВАК журналах) по-прежнему затребован преподаватель/профессор/научный руководитель, исправно исполняющий роль толкователя литературного канона, истрепанных национальных и цивилизационных смыслов. Эти, по словам К. Платта, «медиумы» находятся в прямой зависимости от ключевых понятий XIX века, породившего идею «национальной идентичности», якобы в самом чистом виде обретающейся в языке, причем в «правильном» литературном языке. Все тот же постструктурализм, думается, и здесь вторгся на территорию литературоведения, изменив саму его форму постулатом о возможности использования художественной литературы для доказательства и демонстрации гипотез и выводов того самого субъекта. Потом мы очень рассчитываем, что занятие антропологией поможет нам сегодня в поиске столь зыбкой профессиональной идентичности, вовлечет каждого из нас в рефлексию над собственными аналитическими практиками.

Упомянутый роман Ахмедовой отличает максимальная сосредоточенность на небольшом количестве деталей сельского быта, но только на тех из них, которые попадают в зону неперемного внимания девочки: расположенное рядом кладбище, на котором каждый раз исполняются доведенные с исстари до автоматизма погребальные ритуалы; повседневная, повторяющаяся изо дня в день до мельчайших подробностей жизнь в дедушкином доме, как, впрочем, и в ближайших соседских домах, где, все точно также, вплоть до разговоров о «черном глазе» Абидат, о не вовремя сдохшей корове, о необходимости каждый раз произносить «Бисмиляхи рахмани рахим!», дабы избежать искушений

шайтана... Здесь напрочь отсутствуют разговоры о власти и школе, государственных праздниках и событиях в мире, о телесериале или новой песне. Даже об идущей за горами войне в Чечне дед Ахмед сообщает предельно кратко, но «по-своему» - мол, там наших братьев убивают уруссы, приехавшие из России. Вскоре Хадижа прочла Толстого, якобы лучшего из уруссов, но он ей не понравился, и «теперь я знаю, что среди уруссов нет хороших» [4,с.31]. В первой части своей книги Ахмедова как раз примечательна полноценной репрезентацией антропологической матрицы, глубоко значимой по своему предназначению для данного северокавказского народа, к которому героиня принадлежит. Едва ли первостепеннейшая цель матрицы – в стремлении ограничить окружающий мир, не допустить слишком близкий контакт «кагала» (А. Гольдштейн) – она не должна знать ничего, что выходит за границы отведенного ей жизненного пространства.

Подчеркнем, что, несмотря на молодость, она - опытный нарратор, и свой роман, сознавая его этнокультурное своеобразие, она начинает с концентрации внимания на тех деталях, которые усилили бы в первую очередь культуроведческую, скажем так, основу повествования. Отсюда и описания дождевых туч, напоминающих комки бараньей шерсти, кои для стирки вытаскивают из матрасов местные женщины. Другой прием активизации визуального восприятия текста связан с ежевечерними походами женщин за водой на родник по раскисшей от дождя земле, из которой раньше лепили кирпич для строительства домов. Хадиже Хасановой – тринадцать лет, ей только что подарили красивую тетрадь, она заносит в нее все, что считает интересным, и у читателя появляется прекрасная возможность глазами девочки посмотреть на окружающий ее мир, который – комментируя некоему «Другому» – она сама словно заново познает. Ей словно важно не только, чтобы все знали, что входит в ее ближайший вещественный мир, но и понимали, как она его чувствует. Очень похожее на авериновское трактовку «понимания», которую когда столь блестяще произвела Ольга Седакова. Этому, кстати, совсем не мешают и многочисленные внесюжетные элементы (постоянные, например, хронологические перестановки, какое-то детское упрямство «играть» на антитезах, пейзажных зарисовках или портретах далеко не симпатичных односельчан). Еще в самом начале Хадижа проявляет себя недюжинным мастером своеобразных приемов типизации этих самых односельчан и, конечно же, картин повседневной жизни, бесценных с точки зрения антропологического анализа.

Литература

1. Битов, А. Книга путешествий. – М.: Известия, - 1986. – С. 356–357.
2. Золотонос, М. Отклонение от нормы, или Грядущее цветение Персикова // - Моск. новости. – 1994. – № 18. – С. 2.
3. Прохорова И. Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста // - НЛО. - 2009. - № 100. – С. 7.
4. Ахмедова М. Дневник смертницы. Хадижа. М.: Астрель: АСТ, 2011. 350 с.

УДК 372.882

Поликультурный аспект в изучении современной литературы

Тотиева А.Н.

Государственное бюджетное образовательное учреждение «Северо – Осетинский государственный педагогический институт», г. Владикавказ, Россия

Аннотация. Формирование личности, обладающей планетарным мышлением, способной рассматривать себя не только как представителя родной культуры, но и как гражданина мира, воспринимающего себя носителем своей и иноязычных культур и осознающего свою роль, значимость, ответственность в глобальных общечеловеческих процессах, – актуальная задача как школьного, так и вузовского образования. Выпускник педагогического вуза должен обладать поликультурным мировоззрением, поскольку преподаватель-филолог, как никто другой, средствами преподаваемых дисциплин способен формировать «чувства добрые», толерантное отношение к людям разных национальностей и конфессий. В статье рассматриваются проблемы формирования поликультурной компетенции будущего учителя,

повышения мотивации к чтению произведений современной литературы, как русской, осетинской, так и зарубежной, предлагаются новые подходы, позволяющие успешно решать проблему повышения интереса к чтению у школьников и студентов.

Ключевые слова. Поликультурное мировоззрение, толерантность, компетенция, диалог культур, образовательная среда, современная литература, мотивация к чтению.

The multicultural aspect in the study of contemporary literature

A.N. Totieva

State Budget Educational Institution "North - Ossetian State Teachers' Institute," Vladikavkaz, Russia

Annotation. The formation of a person with a planetary thinking, able to consider himself not only as a representative of native culture, but also as a citizen of the world, who perceives himself as a carrier of his and foreign-speaking cultures and is aware of its role, importance, responsibility in global human processes is an urgent task for both school and university education. Graduate of the pedagogical university should have a multicultural worldview, because the teacher-philologist, like no other, means of taught disciplines is able to form "feelings of kindness", tolerant attitude to people of different nationalities and denominations. The article examines the problems of forming the multicultural competence of the future teacher, increasing motivation to read the works of modern literature, both Russian, Ossetian and foreign, and proposes new approaches that allow successful to address the problem of increasing interest in reading among schoolchildren and students.

Keywords. Multicultural worldview, tolerance, competence, dialogue of cultures, educational environment, modern literature, motivation to read.

В современных условиях уровень подготовки учителя предполагает формирование не только дидактико-методической компетентности как системы знаний, умений и навыков и оптимального сочетания методов оперирования с педагогическими объектами, но и культурологической, коммуникативной, этнокультурной, поскольку поликультурность – характерная особенность социальной среды, особенно на Кавказе, где живут представители более ста этносов.

Идея поликультурного образования возникла не изолированно, как некая изобретенная специалистами в сфере педагогики конструкция, она является частью определенной идеологии и имеет определенные философские основания. Философский смысл феномена поликультурности образования раскрывается посредством его отнесения к таким основополагающим категориям философии, как категории «культурный монизм» и «культурный плюрализм», отражающим два фундаментальных бытия культуры – его единство и многообразие. Осмысление мира культуры как единого и в то же время многообразного – довольно сложная задача, для решения которой необходим особый, диалогический, способ мышления. Такой способ мышления не задан человеку изначально, а, значит, его необходимо формировать.

Формирование личности, обладающей планетарным мышлением, способной рассматривать себя не только как представителя родной культуры, но как гражданина мира, воспринимающего себя носителем своей и иноязычных культур и осознающего свою роль, значимость, ответственность в глобальных общечеловеческих процессах, – актуальная задача как школьного, так и вузовского образования.

С учетом поликультурности общества, в котором сегодня социализируется молодое поколение России, становится очевидной необходимость разработки новых образовательных стратегий и подходов в деле формирования поликультурной личности.

Дети, начиная обучаться в школе, сталкиваются с разнообразием культурного окружения, с иной системой ценностей, поэтому актуальной становится проблема адаптации в данной среде. И помочь им в этом может учитель, осознающий процесс «общекультурных и общепсихологических тенденций развития цивилизации, определяющих условия формирования нового гуманитарного мышления, обладающего всеобщностью и включающего в себя духовность, нравственность, ответственность, понимание личностью самооценности собственной и иной жизни» [5, с. 155].

Выпускник педагогического вуза, таким образом, должен обладать поликультурным мировоззрением, он должен быть способным транслировать приоритеты общечеловеческих ценностей.

Следует отметить, что опыт межнационального взаимодействия – один из самых важных факторов формирования поликультурной компетенции личности в целом и педагога в частности. Только в процессе адаптации к новой культурной среде происходит разрешение противоречия «свой - чужой»,

возникает чувство толерантности. Об этом свидетельствует опыт мирного сосуществования людей различных национальностей и конфессий, например в городе Владикавказе, где сложились вполне благоприятные условия для межкультурной адаптации, в широком смысле понимаемой как сложный процесс, в ходе которого человек успешно взаимодействует с новой культурной средой, принимая её традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними.

Литература, в отличие от других видов искусства, обладает неисчерпаемым количеством смыслов, возбуждающих в сознании читателя постоянно обогащающиеся и обновляющиеся эмоциональные и интеллектуальные переживания, и обеспечивает такую длительность общения с миром художественных образов, которая недоступна, по существу, ни одному из искусств. Л.Н. Толстой писал, что искусство «есть способность...проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простыми словами. От этого и искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям» [7, с. 35].

Эмоции человека особенно ярко проявляются в художественном творчестве. Собственная эмоциональная сфера художника отражается в выборе сюжетов, в манере письма, в степени разработанности тем и сюжетов, т.е. в его творческой индивидуальности, которую читателю предстоит постичь, т.е. вступить в диалог с писателем и его творением.

Идея взаимопроникновения и общения, предметом которого является произведение, в настоящее время одна из наиболее плодотворных социокультурных идей в сфере гуманитарного мышления (Бахтин М.М., Библер В.С., Каган М.С., Гадамер Г.Г. и др.). В контексте этой идеи предполагается, что современный читатель, приобщаясь к многообразным культурным ценностям разных времен и народов, зафиксированным в произведениях, обретает свое неповторимое место на их границах, в «зоне контакта» с «чужими» познавательными, этическими и эстетическими смыслами, т.е. становится их интерпретатором. Само же понимание интерпретации художественного произведения невозможно без осмысленного подхода к диалогу, а часто и к полилогу. М.М. Бахтин полагал, что подлинный диалог «соответствует такой жизненной ситуации, когда в общении человека интересует один лишь его партнер в его собственном глубинном бытии, - когда собеседники направлены исключительно друг на друга...В диалоге предмет беседы выступает как повод для личностной встречи» [1, с. 369]. Интерпретатор художественного произведения и его автор выступают как равноправные члены диалога, ибо «смысл текста слит с личностью автора, смысл глубочайшим образом персонален, текст очеловечен» [3, с. 38-39]. Следовательно, целью диалога с произведением становится познание личности автора, предельное приближение к ней. В диалоге читателя и автора важно то, что они часто являются представителями разных культур. М.М. Бахтин считал, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом...Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, а чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с. 334-335].

Преподаватель-филолог, как никто другой, средствами преподаваемых дисциплин способен формировать «чувства добрые», толерантное отношение к людям разных национальностей и конфессий. Поликультурный аспект изучения русской литературы на широком фоне российской культуры позволяет учитывать этнокультурную специфику национальной литературы. Изучение современной литературы, отражающей социальные, национальные и нравственные проблемы общества, актуальной во всех смыслах, в данном контексте трудно переоценить. Загрязнение нравственного климата планеты представляет не меньшую опасность, чем физическое загрязнение окружающей среды. Малейшее искажение духовных, нравственных, национальных основ бытия способно привести к моральной деградации сотен тысяч людей. А как известно, нравственно развращенный человек – это угроза не только окружающей природе, но и существованию земного бытия в целом.

Важнейшая проблема современной России, как и многих стран мира, - снижение уровня читательской культуры детей, школьников, молодежи и населения в целом. Кризис детского чтения проявляется не столько в том, что многие дети перестали читать, сколько в том, что у них не развит интерес к этой сфере речевой деятельности. Не случайно 2015 год в России был объявлен Годом литературы. Участвуя в Российском литературном собрании, состоявшемся в Российском университете дружбы народов, президент Российской Федерации В. В. Путин указал на падение интереса к чтению как важнейшую проблему российского общества и государства: «Наша страна, некогда самая читающая в мире, уже не может претендовать на это почетное звание. По статистике, российские граждане отводят чтению книг в среднем лишь 9 минут в сутки, причем отмечается тенденция к

сокращению и этих 9 минут...» [6]. Участники Российского литературного собрания указали на необходимость модернизации филологического образования, нацеленного на подготовку квалифицированного учителя литературы», который «должен сам читать, любить литературу, уметь читать, и он должен знать, как про это говорить с детьми» [6]. Таким образом, возрождение интереса к чтению, читательской культуры россиян напрямую связано с профессиональной подготовкой учителя литературы.

Успешной подготовке педагога способствует образовательное пространство вуза, нацеленное на формирование у будущего учителя литературы профессионально значимых компетенций, в т. ч. и позволяющих ему успешно решать проблему повышения интереса к чтению у школьников и молодежи, используя новые технологии и подходы. Так, в СОГПИ второй год действует волонтерское движение «Послы русского языка в РСО – Алания», в рамках которого проводятся конкурсы на лучшую презентацию современной книги, литературные вечера с элементами драматизации, литературные гостиные, диспуты, способствующие развитию необходимых компетенций будущих педагогов-филологов. Получило также развитие движение «Открытая библиотека», своеобразный кроссбукинг: обмен прочитанными книгами среди студентов и преподавателей, осуществляемый как в реальном, так и в электронном формате, что, безусловно, способствует увеличению читательской аудитории и активизации интереса к изучению современной литературы. Так было, например, при продвижении в студенческой читательской среде известного романа армянской писательницы Мариам Петросян «Дом, в котором...», получившего «Русскую премию» в номинации «Крупная проза» (2009), премию «Большая книга» (2009), романа турецкого писателя Халеда Хоссейни «Тысяча сияющих солнц», романа японского классика Харуки Мураками «Норвежский лес», романа американской писательницы Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»», сборника рассказов сербского писателя и кинорежиссера Эмира Кустурицы «Сто бед», продолжающих покорять читательскую аудиторию, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы на сайтах электронных библиотек, книжных интернет-магазинов, форумов.

Важным фактором в связи с выше изложенными идеями является целенаправленная работа преподавателя по отбору содержания литературного образования в свете культурных (национальных и общечеловеческих) ценностей. Отбор произведений современной литературы целесообразно, на наш взгляд, осуществлять на основе проблемно-тематического и эстетического принципов, учитывая при этом не только возрастные, но и национальные особенности восприятия учащимися и студентами художественных произведений, а также их культурный опыт. Это позволит реализовать в какой-то мере идею полилога культур (сопряжения культурных полей – не только русского и осетинского, но и других) на литературном материале.

В оптимальности такого подхода мы убедились, реализуя дисциплины « Современная русская литература» и «Творчество осетинских писателей», определив в них общие философские и нравственные проблемы. Так, к семинару по теме «Что с нами происходит? Проблема истинных и ложных ценностей в современной литературе» студентам было предложено прочитать произведения Т. Толстой («Чистый лист», «Соня»), Л. Улицкой («Бедные родственники», «Дочь Бухары»), К. Джимиевой («Синеглазый подснежник»), А. Гучмазты («Проклятая муха», «Знаки препинания»), Г. Гудиева («Хаджи-Умар» и «Закадычный»). К семинарскому занятию по теме «Быть или казаться?» студентами были подготовлены сообщения и презентации по творчеству современных осетинских писателей Джонни Рамонова («Реваз», «Аделина»), Чермена Бугулова («Небо», «Фиалки»), Ирлана Хугаева («Самородок») в сопоставлении с проблематикой выше упомянутого романа Харуки Мураками «Норвежский лес». Целесообразным также считаем проведение Круглого стола «Как слово наше отзовется...» по проблемам общения, соблюдения норм речевого этикета, русского и осетинского, с привлечением художественных текстов современных писателей, что вызвало активное обсуждение аудитории и, безусловно, способствовало «сближению» культурных полей носителей русского и осетинского языков. Особую роль при подготовке мероприятия следует отвести этнокультуроведческому комментарию, поскольку он «дает возможность предугадать возможные ошибки и неточности восприятия текста, вследствие лексико-семантической и культурной интерференции» [4, с. 58].

Сопоставление, сравнение интерпретаций важнейших вопросов бытия в литературных текстах русского, осетинского и других народов позволяет выявить общее и различное, то, что сближает носителей различных культур и что вызывает непонимание, внутреннее сопротивление, понять и принять позицию автора. С другим народом, другой культурой необходимо вступать в отношения диалога. Диалог, как форма жизни в современном мире, - это не философская абстракция, а основной этический, психологический, культурный, мироощущенческий принцип личного и общего поведения,

который должен быть открыт, пережит и отрефлексирован каждым подростком, каждым молодым человеком до уровня личного мировоззрения.

Литература

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 369.
2. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 334-335
3. Бонеецкая Н.К. М. Бахтин и идеи герменевтики // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995, с. 38-39
4. Дзусова Б.Т. Система изучения этнокультуроведческой лексики русского языка в осетинской школе: Монография. – Владикавказ: СОГПИ, 2006. – С.58.
5. Редько Л.Л. Повышение качества как главная цель модернизации современных систем управления образованием // Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона. – Ростов-на-Дону, 2005. С.-155.
6. Российское литературное собрание [URL]: <http://kremlin.ru/events/president/news/19665> (дата обращения 12 октября 2019 г.)
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М., 1965. – С. 35.

**Направление 3.ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
НАРОДА.**

**Лингвокультурный концепт «время» и способы его репрезентации в адыгских и
абазинском языках.**

Лихова Н. У.

Абхазский государственный университет

Аннотация. Объектом нашего исследования является языковое выражение темпоральных фрагментов в адыгских и абазинском языках, определяющих основные координаты человеческого существования. Непосредственным предметом анализа стали словосочетания концепта «Время» отражающие осмысление современными носителями адыгских и абазинского языков временной координации и рассмотренных в единстве их фактуальных, образных и ценностных составляющих.

Ключевые слова: фрагмент, время, пространство, концепт, адыгские языки, абазинский язык.

Linguistic cultural concept “time” and methods of its representation in Adyghe and Abaza languages.

Likhova Nata Urusbyevna

Abkhaz State University

Annotation. The object of our study is the linguistic expression of temporal fragments in the Adyghe and Abaza languages, which determine the main coordinates of human existence. The direct subject of analysis was the word combinations of the “Time” concept reflecting the comprehension by modern native speakers of the Adyghe and Abazin languages of temporary coordination and considered in the unity of their factual, figurative and value components.

Keywords: fragment, time, space, concept, Adyghe languages, Abazin language.

Отличительной особенностью каждого народа являются способы восприятия окружающей действительности, которые формируются на основе традиций, обычаев, менталитета этноса. Одной из важнейших категорий современного миропонимания, наряду с такими понятиями как пространство, движение, являются представления народа о времени. Время является неотъемлемым атрибутом существования всех предметов и процессов окружающей действительности, одной из основных категорий культуры предоставляющим человеку возможность воспринимать мир, той универсальной категорией бытия, которая всегда вызывала неизменный интерес, была предметом анализа для ученых разных знаний и до сих пор остается объектом научных исследований.

Слова, имеющие временную семантику и составляющие категорию темпоральности, известны в науке давно. Однако многие особенности данной категории не нашли однозначного решения в лингвокультурологическом ключе, что, бесспорно, подчеркивает актуальность избранной темы исследований.

Концепция «время» представляет собой сложный феномен, отражающий многочисленные аспекты жизни человека и общества, поскольку он связан с самосознанием, регуляцией поведения и деятельности как индивидуальной, так и групповой. Существующие на современном этапе проблемы международных взаимоотношений требуют исследований в области межкультурного взаимопонимания, одним из которых, по нашему мнению, является изучение образов и поведенческих стратегий, связанных с категорией времени.

Категория времени отражается в языке и располагает арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности.

Особое значение среди всех средств выражения времени в адыгских и абазинском языках имеет четко организованная морфологическая глагольная категория времени, позволяющая объективировать восприятие временных отношений в действительности.

Наиболее специализированными для передачи категории времени из частей речи являются наречия (адыг. *нобэ* – сегодня, *дыгъуасэ* – вчера, *пцэдей* – завтра, *вэсэпшыхъ* – позавчера вечером и др.), а также значение времени могут передавать имена существительные (*ильэс* – год, *махуэ* – день, *махуипцил* декада, *ильэсыщлэ* – Новый год, новогодний), имена прилагательные (*дыгъуасэрей* – вчерашний, *нобэрей* – сегодняшний, *ильэсыщлэ* – новогодний).

Служебные части речи – послелого (*лъандэрэ* – «с», *пцлондэ* – «до», и *къэс* – «до», и *кфуэцлрлэ* – «в течение», *цыгъуэ* – «в», *ипэклэ* – «перед, неужь – «после». *щлыкэ* – «до», *нэс* – «до», деж «ж», «у». К разряду наречий времени в абазинском языке относятся слова, обозначающие дни и различные части суток: *йацы* «вчера», *жвацы* «позавчера», *апыжвац* «за позавчера», *уахъчлва* «сегодня», *уачлвы* «завтра», *уачлващта* «послезавтра», *ауыщта* «за послезавтра», *ауыщтатана* «через три дня на четвертый», *уахъа* «сегодня вечером», *уачлвыхъа* «завтра вечером», *йахъа* «вчера вечером», *жвахъа* «позавчера вечером», *апыжвахъа* «за позавчера вечером», *щымтанамаз* «рано утром».

Особое место среди вышперечисленных средств занимают фразеологические единицы, имеющие специфические структурные, семантические, культурологические признаки.

С учетом структурно-грамматических особенностей фразеологических единиц наречные словосочетания можно разделить на 2 группы:

- 1) собственно наречные;
- 2) наречно-обстоятельственные

К *собственно наречным* относятся словосочетания, которые, как и наречия, обозначают временной признак действия или другого признака:

адыг: *зыкъом лъандэрэ* – с некоторых пор,
сыд цыгъуи – всегда.

абаз: *кIара цIуата* – с некоторых пор

абаз: *йанакIвызлакIгъи* – всегда

К числу наиболее распространенных двухкомпонентных структурных моделей относятся следующие модели наречно-обстоятельственных словосочетания.

Модель – имя + деепричастная форма:

адыг: *дакъикъэ фIэмькIу* – минута в минуту,

жъы темьтсэу – быстро, мгновенно.

абаз: *сикIвнткI йахъымсуа* – минута в минуту

мара аквимпхаскIва – быстро, мгновенно

лахъвглахъсракI – очень, очень быстро.

существительное + существительное:

адыг: *махуэ шэджагъуэу*; абаз: *щыбжъан агвы* – середь бела дня (букв. в дневное обеденное время) середь бела дня,

адыг: *пцэдджыжъ нэмэзым*; абаз. *щымта намаз* – чуть свет

прилагательное + прилагательное:

адыг. *кIыхъми кIэщIми*; абаз. *ихъаратынгъи наргванытынгъи* – долго ли коротко ли

адыг. *гува-щIэхами*; абаз: *икъванI исгIанI* – рано или поздно

тавтологические фразеологизмы с дефисным написанием, где в качестве компонентов выступают слова различных лексико-грамматических разрядов:

адыг: *пIальэ-пIальэкIэрэ*, *зэман зэманкIэ рэ* – время от времени.

абаз: *запыт – запытла*, *гIамта- гIамтала* – время от времени

Наречно-обстоятельственные фразеологизмы могут состоять из трех и более компонентов. Основным доминирующим компонентом данного типа является деепричастная форма. *жэщ махуэ имыIэу* – (букв. не имея ни дня ни ночи) и днем и ночью,

адыг: *и шыкIэм мафIэ егъэуауэ* (букв. словно у его коня хвост обьят

пламенем) – стремительно, очень быстро.

абаз: *ачв уцхъва итапауазшва* – (букв. будт вол на пятки наступает) –

стремительно, очень быстро

абаз: *хъвла ша имамкIва* – и днем и ночью (букв. ни дня ни ночи не имея)

Глагольные словосочетания со значением времени представлены двухкомпонентными и многокомпонентными единицами.

дунейр ехъэкIын – «жизнь прожить»;

зэлъэкIынIэ емытын – «не дать оглянуться».

абаз: *абазара акIвгашара* – «жизнь прожить»

абаз: *гIацани ймамкIва* – «без оглядки»

Многокомпонентные глагольные словосочетания

адыг: *гъэрэ щIырэ зэхэкIын* - день летнего солнцестояния,

гъэми щIыми темыплъэн - белого света не видеть.

Модель – атрибутивное словосочетание + глагол:

адыг: *псы куэд ежэхащ*- много воды утекло

абаз: *дзы царда агIвкъамI* – много воды утекло, давно.

Как известно, метрические свойства характеризуют отношение между величинами определенной продолжительности. Среди словосочетаний адыгских и абазинского языков выделяется группа, обозначающая большие или малые интервалы времени, обусловленные движением небесных светил. Объективное астрономическое время отражено в сравнительно небольшой группе фразеологических единиц, они обозначают время, не зависимое от субъективных факторов. Единицей измерения большого интервала времени адыгских языках служат единицы адыг. *илъэс хъурей* – круглый год, абаз. *сквишы абгакI* – круглый год, целый год.. Другие фразеологические единицы этой семантической группы имеют либо время года (*гъэрэ щIырэ зэхэкIащ* – зимняя пора сменилась летней), либо время суток:

адыг: *пщэдджыжь нэмэзым* – чуть свет;

дыгъэ къыщIэкIащ – время восхода солнца;

махуэ шэджагъуэу – среди бела дня, в полдень;

пцыхъэщхъэ хуэкIуэ – предвечернее время;

абаз: *гъни пхни агIвыстI* – зимняя пора сменилась летней

цымта намаз – чуть свет

ашамта, амара йангIацIнапуа – время восхода солнца

цыбжъан агвы – середь бела дня

йыгIалахъвлауа – предвечернее время

Все эти фразеологические единицы определяют время по не зависящим от человека объективным астрономическим мерам.

Астрономическим мерам времени противостоит субъективная мера времени, по субъективной оценке, важнейшим критерием для его измерения времени является сам субъект, рассматривающий время в контексте своих действий и переживаний в связи с какими-либо событиями. Данная мера времени представлена прежде всего в категориях оценки процессов, в которых участвует человек.

Неопределенность времени отражают словосочетания со значением неопределенного срока (неизвестно когда):

адыг: *зэ мыхъуми зэ* – когда-нибудь;

гува – щIэхами – рано или поздно;

куэд дэкIа, мащIэ дэкIа – много ли прошло, мало ли прошло, а также со

значением «когда-нибудь, иногда»: *зэман – зэманкIэрэ* – время от времени;

пIалъэ – пIалъэкIэрэ – время от времени.

абаз: *зтымзар заны* – когда-нибудь

мачI цIыма царда цIыма – много ли прошло, мало ли прошло

запыт-запытла – время от времени, *йкъванI-уцIанI* – рано или поздно

Фразеологические единицы со значением неопределенного времени выражают как время нереальных действий, так и действий в прошлом и будущем, приходящих и уходящих, в разной мере повторяющихся, но непременно сменяющих друг друга.

В адыгских и абазинском языках словосочетания могут обозначать и приблизительное, неточное время:

адыг. *Иэджэ щIлэжауэ (щIлауэ; абаз. ага ахъыцIхъамI* – давным-давно.

адыг. *зыкъом лъандэрэ; абаз. гIамтакI игIаушарышвта* – с некоторых пор.

Значительным количеством представлена группа словосочетаний со значением скорости протекания времени. Среди них можно отметить словосочетания со значением «быстро, в течение короткого промежутка времени». Это и фразеологические единицы, определяющие любое действие: *фIэкIа хэмьлыу* – моментально, *пIалъэ имыIэу* – немедленно, *пIалъэ къыхэмькIыу* – быстро, моментально. Выделены и словосочетания, определяющие различную степень «быстроты» исчезновения: адыг. *гъуэбжэгъуэцу куэддыжын* – исчезнуть мигом (букв. исчезнуть как комета), *зэуэзэпсу бзэхын* – быстро

исчезнуть, *гъуэхбзэн* – моментально исчезнуть. Абаз. *айачIва иагIакIашивандзкIьа* – моментально, мигом (букв. за время падения звезды) абаз.: *ахы йтышывтыз апи* – быстро, мгновенно, как вылетевшая пуля. Абаз: *Ац апи ихыст* – распространилось мгновенно, как молния. Для обозначения быстротечности временного промежутка в адыгских словосочетаний используется сравнение: адыг. *вагъуэх ижым хуэдэу* – быстро (букв. как метеор понестись), *фочым кьикIа шэм хуэдэу* – быстро (букв. как пуля, вылетевшая из ружья). Для передачи мгновенности распространения слуха используется ФЕ *дамбыру Iуац* – мгновенно разнесся слух. Довольно короткое время означает словосочетание адыг. *наIэр дэпхьейуэ кьепхьэхыжыху* – быстро (букв. пока моргнешь), абаз. *лахъвгIхъасрала*, адыг. *гъээзгъуэ емытын* – быстро, не дав развернуться. Глагол *тепсен* – «падать, упасть» с отрицанием входит в состав следующих словосочетаний, имеюших значение «быстро»: *дыгъэ тримыгъапсэу* – (букв. не давая упасть лучу солнца); *жъы темытсэу* – (букв. не давая упасть ветру); *нэху темыгъэпсэн* – не давая упасть свету. Абаз.: *мара аквимырпхауа* – не дав упасть лучу солнца.

Обозначением короткого промежутка времени и фразеологической единицы, содержащие в своем составе компонент *дакьикъэ* – «минута»: адыг. *зы дакьикъэ фIэмькIыу* – букв. не пропустив и минуты; *дакьикъэ закъуэкIэ* – в одну минуту, абаз: *дакьикъаКIла, дакьикъаКI агIвымсуа*

Хотя и скорое, но не мгновенное время обозначает словосочетание *куэд дэмыкIыу* – в скором времени. Недостаточно быстрое, длительное время выполнения какого-либо действия обозначается словосочетанием *изыгъазэ зы мфзэц* – медленно что-либо делать, (букв. в месяц раз поворачивается) абаз: *ачв апи дзазанI* – медлительный как бык

В центре группы единиц, обозначающих длительность времени, находятся, на наш взгляд, единицы, обозначающие время постоянное – «всегда» - адыг. *сыт цыгъуи*. абаз.: *ианакIвзлакI* – всегда. Измерение времени словосочетаниями представлено следующими конструкциями:

адыг. *япэ цIыкIэ* – сначала,

ноби ныжэби – постоянно (букв. и сегодня и вчера),
жэц – махуэ имыIэу – постоянно (букв. не имея дня и ночи),
икIыхь икIэцIым – всю жизнь, давным-давно,
гъэми цIымы – всегда, зимой и летом,
даIим жиIэу – всякий раз, всегда,
алыхьым кыхьэ махуэ къэс – каждый божий день.

абаз: *апхъапхъа* – сначала

уахъгьы тиынгьы – и днем и ночью
уахъы тиши имамкIва – постоянно
ицIра аурала – всю жизнь, давным-давно
пхынгеи гъынгеи – и зимой и летом, всегда
алахI иглайшас мишпхъадза – каждый божий день
шIас шIагва амамкIва – постоянно непрерывно

Значение давности времени имеют фразеологические единицы

адыг: *игъацIэ лъандэрэ* – испокон веков,

куэд лъандэрэ – с давних пор,
игъэцIэ псокIэ – во веки веков,
ижькIэ кьогъуэгурыкIуэ – испокон веков,
псы Iэджэ ежэхаи – много воды утекло.

абаз: *адуней глацаквгьылижсьтара* – испокон веков, во веки веков

царда цIуата – с давних пор

гламтажв иглашIарышвта игламIвайситI – испокон веков

Временной промежуток обозначают единицы:

адыг: *кIуэцIкIэ* - в течение (какого-то времени);

иджыри къэс - до сего времени;

гъацIэ и кIуэцIкIэ - на протяжении жизни;

джэдым ядогъуэлъыж - ложится вместе с курами (рано);

гъацIэр гъэкIуэн жизнь провести;

гъэцIэр ехъэкIын – жизнь прожить;

гъэ текIын -год прожить;

гъэ цIэкIын - год провести;

нэху кьекIын - провести ночь.

абаз: *ауацIала* – в течение какого-то времени;

уажвгIандзара – до сего времени;
идунеи аураIа – на протяжении всей жизни;
аквтIуква дрыццIталхитI – ложится вместе с курами (рано);
нцIра гIанцIра – жизнь провести, прожить;
сквишыкI ахъгара – год прожить;
сквишыкI гIацIсра – год провести;
ацIх ршара – провести ночь;

Категория длительности коррелирует с «делением» объекта как свойством биологического времени. Фразеологические единицы со значением возраста представлены компактной группой: *и жьыцхъэ* - на старости лет, *жьы хъугъуэ* - время старения, *иньбжь ихъэн* - достигнуть совершеннолетия, зрелого возраста. Абаз.: *ажвымтахъа* – на старости лет, *икэрахъ // игIвыра днеит* – время старения, *йыгIа днеит* – достиг совершеннолетия. Данные фразеологические единицы, рассматривающие временное изменение человека как объективный необратимый процесс, имеют значение субъективно-объективного времени: происходит старение объекта, естественное старение человека как биологического объекта. Предпринятое семантическое исследование языкового материала адыгских и абазинского языков со значением времени выявило ряд групп со значением *объективного астрономического времени*, а также *субъективного времени*, *субъективно-объективного времени*. На наш взгляд, объективное время можно сопоставить с субъективным (по данным исследованного языкового материала), при этом проявляется существенная разница в содержании двух основных способов измерения времени: выявляется преимущество субъективного восприятия времени как социально значимого, а потому наиболее важного для человека как существа социального.

В рассмотренных конструкциях отмечаются такие свойства времени, как одномерность, линейность, цикличность, однонаправленность, конечность всех объектов и действий во времени.

Время – это сложный и многогранный феномен, из-за чего его природа всегда была спорной для естественных наук и философии. Все эти противоречивые и непростые представления о времени нашли весомое отражение в концептуальной и языковой (особенно фразеологической) картинах мира, что подтвердило и проведенное исследование. В языке народов отражаются как физические свойства времени и результаты многовековых наблюдений человека за ним, а также ментальность носителей языка. Кроме того, темпоральный концепт время передает жизненно важную информацию от предков к потомкам и помогает описать реалии окружающего мира более просто и понятно.

Литература

1. Абазинско-русский словарь, Москва, 1967, 535с.
2. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира- Нальчик Эльбрус, 2000- 128с.
3. Бижева З.Х. Культурные концепты адыгской языковой картины мира. Нальчик, 1995. 296 с.
4. Грамматика кабардино-черкесского языка. Ч.1, Фонетика и морфология. Москва. Наука, 1970. 216с.
5. Кумыкова М.М. Фразеологические единицы кабардинского языка со значением количества и времени АКД.Нальчик 2006, 28с.
6. Лихова Н.У. Пространство и время в абхазско-адыгских языках. Сухум 2010,140с.
7. Словарь кабардино-черкесского языка, Москва, «Дигора», 1999. 860с
8. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Черкесск, 1976. 352с.
9. Хагба Л.Р. Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках. АДД, Нальчик, 2006, 50с.
10. Шокуева М.И. Вербализация пространства и времени с позиции наблюдателя АКД. Нальчик. 2006.23с.

УДК 808. 2

Функционирование этнографической лексики в кабардино-черкесском языке (на материале родственных и семейных отношений)

Хужева Л. К.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований

Аннотация: Этнографическая лексика является одним из богатых лексических пластов, которые корнями уходят в древность. Она связана с историей, психологией и философией народа, отражая ход развития культуры, изменения в общественной и духовной жизни. В данной статье приводится одна из тематических групп этнографической лексики кабардино-черкесского языка, относящаяся к духовной культуре народа – родственные и семейные отношения. Сложилась традиция возрождения и укрепления родственных объединений, для чего организовываются семейные встречи, которые способствуют организации взаимопомощи, поддержки, они также оказывают влияние на воспитание подрастающего поколения в лучших традициях народа.

Ключевые слова: духовная культура, род, родственные связи, генеалогическое древо, семейные отношения, близкие родственники, дальние родственники, наследственность, потомство.

The functioning of ethnographic vocabulary in the Kabardino-Circassian language (based on material from family and family relations)

Khuzheva L.K.

Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies

Abstract: Ethnographic vocabulary is one of the rich vocabulary that has its roots in antiquity. It is connected with the history, psychology and philosophy of the people, reflecting the course of the development of culture, changes in social and spiritual life. This article provides one of the thematic groups of the ethnographic vocabulary of the Kabardino-Circassian language, related to the spiritual culture of the people - kinship and family relations. A tradition has emerged of the revival and strengthening of kindred associations, for which family meetings are organized that contribute to the organization of mutual assistance and support, they also influence the upbringing of the younger generation in the best traditions of the people.

Key words: spiritual culture, gender, family ties, family tree, family relations, close relatives, distant relatives, heredity, offspring.

Этнографическая лексика кабардино-черкесского языка на основе духовной культуры содержит в себе слова, относящиеся к родственным и семейным отношениям, к мифологии и фольклору, традициям и обычаям, верованиям, народной медицине и музыке, устному народному творчеству, народному менталитету. Она отражает специфические этнические свойства духовного облика, черты национально-этнического характера. Этнографическая лексика отличается от других тематических групп кабардино-черкесского языка своей национальной окрашенностью и древностью, в ее состав входят как архаизмы, так и историзмы, неологизмы, которые возникли вследствие устаревания одних и развития других слов. Некоторые древние обычаи и традиции вытесняются из жизни народа в связи с общественным развитием, и вместо них возникают новые, которые отражают сущность новой жизни. Новые наименования-неологизмы появились в языке для обозначения новых явлений в общественной жизни.

В данной статье нами будут рассмотрены названия, связанные с семейно-родственными отношениями.

Одним из новых явлений общественной жизни стало пробуждение интереса к генеалогии, к различным формам родства. Сложилась традиция возрождения и укрепления родственных объединений, для чего организовываются семейные встречи, которые способствуют организации взаимопомощи,

поддержки, они также оказывают влияние на воспитание подрастающего поколения в лучших традициях народа.

У адыгов (черкесов) кровное родство мужчин считается основой продолжения родственных связей. Каждый мужчина рода должен знать свою родословную до седьмого колена «лЭтехьэгъуибл», при этом необходимо назвать имена семи своих предков по отцовской линии снизу вверх - «адэЦибл (здесь: адэ «отец» + цІэ «имя» + блы «семь», букв.: семь имен отцов) или же сверху вниз - «лЭужьибл» (где лЭужь «1. наследственность; 2. потомство», букв.: семь потомков). Из генеалогического древа рода исключаются дочери, которые выйдя замуж, переходят в другой род, их рожденных детей называют в родительском доме «дыщ» термином «пхьурьльху» (рожденные от дочери), детей сыновей в родительском доме называют «кьурьльху» (рожденные от сыновей). Часто имя рода «лЭпкъыцІэ (здесь «лЭпкъ» в значении «род»), лАкьуэцІэ (лАкьуэ «кровное родство», цІэ «имя»)» восходит к имени знаменитого предка. Известна такая форма родства, как «унэкьуэщ» (букв.: потомки сыновей одного дома) – объединение семей, которые сходятся в имени первого предка от четвертого до седьмого колена. Во главе такого рода стоит самый старший мужчина - «лЭпкъым и нэхьыжь, лЭпкъ унафэщІ, нэхьыжь пашэ». Различаются два вида унэкьуэщ «родственники»: унэкьуэщ гьунэгьу, благьэ - «близкие родственники» и унэкьуэщ жыжьэ - «дальние родственники». Членов семей, которые восходят к общему деду или прадеду «лЫбын» (дети от одного отца) или «зэшбыш» (дети от братьев) относятся к ближним родственникам. Названия: унэгьуэшхуэ зэхэс (букв.: большая, вместе живущая семья), унэзэш зэхэс (братская семья), унагьуэ Іуву зэхэс (густая семья), зы лэгьупым Іусыгьэхэр (сидящие у одной очажной цепи) объединяют большую семью, в которой в одной большой усадьбе проживали семьи женатых сыновей. Родственники по прямой материнской линии отца – адэш, адэм и анэш (адэш «родня по матери отца») и родственники по прямой материнской линии матери – анэш, анэм и анэш (анэш «семья, дом матери; родственники по матери») считаются кровными родственниками. Существует слово Іыхьлы (кровное родство), которое применяется только ко второй, третьей и четвертой группе родственников, а кровная связь с представителями первой группы родственников по отцовской линии (унэкьуэщ) не требует дополнительного подтверждения. Си Іыхьлы дьдэщ «мои самые близкие кровные родственники» говорят о самых близких кровных родственниках, куда входят люди, связанные с матерью и отцом матери, с матерью отца и с матерью матери. Выйдя замуж и приходя в другой род, женщина становится источником дополнительной силы данного рода, и, видимо, поэтому особо почитаются родственники по материнской линии. В кабардино-черкесском языке присутствует выражение, которое говорит о таком отношении к родственникам жены: Фызым и Іыхьлыр жьантІэци, лЫм и Іыхьлыр бжэкьуагьщ (дакьэхэкІщ) – Родственники жены почетные, родственники мужа менее почетные. Такое отношение к родственникам по материнской линии наблюдается и у других народов (абхазов, осетин, аварцев, абазин) [1, с.10].

В кабардино-черкесском языке используются слова лы в значении «плоть» и зэл «общая плоть» для обозначения близкого родства семей. В такую группу родственников входят отцы и матери, дедушки и бабушки, родные братья и сестры, внуки и внучки.

Кровное родство не исключает телесного родства, о чем говорит выражение: лыкІи лыкІи зэпхэхэр «кровью и плотью связанные». Существует связь между людьми по кормлению и об этом говорит присутствующее в языке выражение «я ерыскьыр зэІурьльщ» (одной пищей вскормленные).

О мальчике, которого после смерти воспитал отчим можно сказать «кьупщхьэр дэдейщ, лыр фэфейщ» (кость (его) наша, плоть ваша), имея в виду, что плоть с теми, кто вскормил этого человека, создал его, воспитал. Так говорят и о девочках, рожденных от женщин рода (пхьурьльху). Об использовании слова лы для обозначения близкого родства пишет И.Х. Калмыков: «В адыгском словарном фонде имеется ряд словосочетаний со словом «лы» (мясо), который, без сомнения, указывает на родство. Так, например, черкесы говорят: «си лым и щІэлэныкьуэ» - часть моего мяса, тела. Данное словосочетание употребляют в разговоре родители только по отношению к своим детям. Или же «си лыр яшхаш» - съели мое мясо (тело). Данным словосочетанием пользуются мужчины и женщины в том случае, если что-либо случилось страшное с ближним родственником по вине каких-то лиц» [1, с. 13]. Словосочетание Іыхьлы-лыджанэ обозначает самых близких родных. Здесь первый компонент Іыхьлы обозначает кровных родственников, второй компонент - лыджанэ сужает круг родственников до самых близких (первичное значение лыджанэ «околосердечная сумка, сердечная сорочка; мед.: перикарда – пленка, покрывающая сердце») [1, с.12-13]. Телесное родство предполагает близость, основанную на биологической и телепатической связи: лым и лыр мэуз «плоть болит за плоть (другую)» - говорят в таких случаях.

Словом *благъэ* можно обозначить только родственников по браку: зятя и их ближайшие родственники, ближайшие родственники невестки. В языке существует выражение: *благъэр уипхъу зрысымрэ, уи нысэ и дыщымрэщ* «благъэ – это члены семьи, в которой живет дочь, и члены семьи, из которой пришла невестка». При этом невестка уже причисляется к роду, в который она вошла. Ближайшие ее родственники обозначаются словом «дыщ» (отчий дом), но муж называет их «щыкьу». Слово «дыщ» лежит в основе таких образований, как: *дыщырыкI* «приданое», *дыщырыс* «так называли период, когда просватанная девушка оставалась в доме своих родителей», *дыщасэ / дыщасэ кIуэжын* «так называется возвращение невесты после проведения свадьбы в дом своих родителей, чтобы увидеться со своими родственниками, и после определенного времени возвратиться в дом мужа с подарками для его родственников». В языке существуют пословицы, образованные с использованием названного выше слова *дыщасэ* (см. выше): *Пхъур дыщасэ кIуэжмэ, мывз хъурейм зегъэщкIу* (Когда дочь после свадьбы возвращается в дом родителей (за подарками – авт.), даже круглый камень прячется); *Уи анэ зрымысыжым дыщасэ умыкIуэж* (В дом, где уже не живет твоя мать, не возвращайся (за подарками – авт.) после свадьбы). Ближние родственники невестки мужа своей дочери называют «мальхъэ». Связь зятя с семьей жены прослеживается в семантике слов, которые используются для обозначения тестя «щыкьу адэ», букв.: отец по свойству и тещи «щыкьу анэ», букв.: мать по свойству. Приведенные слова-обозначения позиционируют зятя как члена семьи жены. Для обозначения зятя, проживающего с семьей жены, существует слово «мальхъэ унэгъу» - принятый в семью зять, примак. Выражение «мальхъэрэ къанрэ» (зять, что приемный сын) говорит об отношении к зятю, как к самому дорогому и близкому родственнику. Описательное словосочетание «си щхъэгъусэмкIэ си благъэхэр» (по жене родственники) можно использовать для обозначения ближайших родственников жены: *щыкьу адэ* (тесть), *щыкьу анэ* (теща), *щыкьу щIалэ* (шурин – брат жены), *щыкьу хъыджэбз* (свояченица – сестра жены).

Слова *щхъэгъусэ* («спутник, попутчик моего Я», букв.: спутник, попутчик моей головы) и *псэгъу* (супруг, супруга, спутник жизни; букв.: родственная душа) используются в языке для обозначения отношений между мужем и женой - *псэгъу хуэхъун* «жениться, выйти замуж». По мнению информатора, *псэгъу* можно возвести к *псэуэгъу* «живущие вместе, сожители» (Мамхягова Р.Я.).

В кабардино-черкесском языке присутствует много изречений, которые говорят о том, что отношения между родственниками должны быть добрыми, равными, что их необходимо беречь. Так, например: *Благъэ хъумэныр ху жылэ хъумэным хуэдэщ* «Ближних родственников надо беречь как просяное зернышко», *Уи благъэ и унащхъэ пльагъуу ублэмькI* «Увидев крышу дома родственников (жены), не проходи мимо» и др.

Девушек 16-ти лет и юношей 18-ти лет, достигших брачного возраста, обозначали терминами: *хъыджэбз ишэгъуэ* «девушка на выданье», *щIалэ къэшэгъуэ* «созревший для женитьбы». Указанный возраст связан не только с половым созреванием, но и с умственным, культурным совершеннолетием, и обозначается словосочетанием «акъыл-балигъ» (совершеннолетний разум)».

Бракосочетание у черкесов осуществлялось в строгом соответствии с условиями брачного договора - «дыуэсафэ, мэсхъэт». За невесту выплачивался калым «уасэ», который состоял из двух частей: *пхъу уасэ* «плата за дочь» - плата родителям невесты за ее воспитание; вторая часть вручалась невесте и составляла личную собственность («уасэ ныкьуэ (половина стоимости), *дыщэ ахъшэ* (золотые деньги), *нэчыхъ ахъшэ* «брачные деньги»), которой она могла распоряжаться в случае развода или смерти мужа. В придачу ко всему этому родители жениха преподносили в подарок невесте *щыгъыныпхъэ* «одеяние для невесты», которое состояло из серебряного пояса - «щIыIу бгырыпх», серебряного нагрудника - «бгъэIуль», национальной золотой шапочки – «дыщэ пыIэ». Сюда также входили предметы домашнего обихода, постельные принадлежности, личные вещи.

После развода с мужем или после его смерти, если женщина вступала в новый брак, дети оставались в семье первого мужа. Бывали случаи, когда дети уходили с матерью ко второму мужу матери – отчиму «адэнэпIэс», и таких детей называли *анэдэкIуэ* «ушедшие с матерью». В языке существует выражение: *анэдэкIуэу япIащ* «воспитывали как пасынка». После смерти жен одинокие старики-вдовцы «*пIыгъуабэ, пIызакъуэ*» могли жениться на вдовах - «*фызабэ*» или старых девах – «*хъыджэбз къыдэнэжа*».

Ритуал расторжения брака происходил с использованием заимствованного арабского слова «толакъ», которое произносилось в присутствии свидетелей 3 раза, и брак считался расторгнутым.

В прошлом у черкесов существовала традиция знакомства девушек и парней – *псэлъыхъу* «поиск спутницы жизни»; букв.: поиск души». Для такого знакомства выделялась отдельная комната в доме родителей девушки – *хъыджэбз лэгъунэ, хъыджэбз унэ*, где она жила, а также принимала претендентов на свою руку. Смотрины девушки – «*хъыджэбзаплъэ*» - происходили обязательно в присутствии

свидетелей: сестер, подруг, братьев, друзей жениха и т. д. В случае, если девушка соглашалась на ухаживание со стороны парня, они обменивались подарками личного характера «Тэужь» (в виде часов, пояса, платочка и т. д.). В период ожидания уже официального обручения и увоза невесты в дом жениха, в дом ее родителей приезжали молодые родственники жениха, чтобы одеть невесте на руку колечко – «Тэлын ТэрытАгъэ» (надевание на руку колечка).

Как и у многих народов Кавказа, у черкесов была традиция, называемая «люлечное наречение» - гушэкъуибзэ, гушэибзэ, гушэкъупэибзэ «надрез на ручке люльки» в честь наречения. Аналогичным было наречение 10-15 летних мальчиков и девочек, когда на запястье девичьей руки родственники мальчика завязывали шелковый платочек – Тэпцэ ищТэ.

Существовало несколько форм женитьбы: нысашэ – женитьба с помощью сватовства; къахъкъашэ – женитьба с помощью фиктивного умыкания (с согласия невесты, родственников со стороны невесты и жениха); унэидзыхъэ, унэрыуэ, унэиуэ – женитьба с помощью умыкания; дэКтуасэ – женитьба через бегство жениха и невесты; къыхуэшэ – женитьба по согласию родителей жениха и невесты. Соблюдалась традиция осмотра усадьбы жениха, если к девушке сватался незнакомый парень из другого села. В таком случае родственники невесты ездили к нему для осмотра усадьбы, и при осмотре обращали внимание даже на состояние собаки во дворе, если она была тощая, неухоженная, приезжие считали, что хозяева плохие.

При фиктивном умыкании невесты ее помещали в промежуточный дом к родственникам жениха – тешэрыпэ, тешэрэщ, тешэ унэ, затем в дом родителей «похищенной» отправляли двух самых уважаемых в роду мужчин, чтобы сообщить о случившемся – «къыбарегъащТэ». Маленьким обрядом привоза невесты – «нысашэЦыкту» называют увоз невесты из промежуточного дома в дом жениха.

Место у очага жьанТэ в доме предназначалось старшему мужчине (мужу). За столом, после того, как он поел, могли приступить к еде младшие члены семьи в доме и им доставалась ТэнэКТэ – еда, которая осталась от старшего мужчины. Большим уважением в доме также пользовалась старшая женщина-жена хозяина дома – гуашэ «княгиня; госпожа; свекровь», унэ гуашэ «букв.: княгиня дома», гуашэ тхэмадэ «букв.: княгиня-тамада». Существующие в кабардино-черкесском языке такие выражения, как: Цыхубзым и унафэр жьэгупащхэмрэ бжэщхэТумрэщ (букв.: в распоряжении женщины очаг да порог дома); Лыр зыгълыр фызщ (достойный муж – заслуга жены); Ныбжьэгъум ягъэпуда лыр фызыфым къыдехыж (друзьями подорванный авторитет мужчины, восстанавливает хорошая жена) и т. д., говорят о том, какое важное место занимает старшая женщина-жена в доме, какую она играет роль в жизни старшего мужчины-мужа.

Поддерживание в доме некоторых норм и ограничений позволяли старшей женщине-свекрови удерживать строгий порядок, а также помогало избежать чрезмерной свободы между свекровью и снохами - женами сыновей. По старинному обычаю (нысэгъафТэ «букв.: балование невестки», щхэнтэтес «сидение на подушке»), в первый год после свадьбы невестки-снохи освобождались от любой работы по дому для того, чтобы преодолеть дискомфорт, который они ощущали в новом доме. В это же время соблюдались два вида избегания между невесткой и родственниками мужа, между мужем и родственниками невестки, которые подразделялись на две формы: избегание встреч – зэтемыхъэ; избегание разговоров – зэмыпсалъэ. Избегание встреч могло длиться от одного до трех лет, избегание разговора – еще дольше. За право свободно встречаться свекор обязан был преподнести невестке подарок – техэпщТэ (букв.: плата за разрешение предстать). Невестка могла также преподнести подарок свекру в виде дорогой одежды, как плату за разговор – псэлапщТэ (инф. Мамхягова Р.Я.). Избегание между зятем и родственниками невестки также могло продолжаться в течение нескольких лет, до обряда ввода зятя в родительский дом жены и невестки – малхъэтешэ «ввод зятя», малхъэтэхэ «знакомство с зятем», щыкыуантехэ «знакомство с тещей». Невестку постепенно приобщали к семейному очагу, проведя некоторые обряды: первого разжигания огня в помещении для новобрачных (лэгъунэ мафТэпэ), первого выхода за водой (япэ псыхъактуэ), первого разговора со свекром и свекровью и т.д. Известна песня - наставление невестке – нысэ гъасэ уэрэд. В языке присутствует выражение: Нысэм уеубзэмэ, данэ Тубзэ къуитынщ (невестку обласкаешь, шелковой нитью (пред тобой) расстелется). В состав церемонии приобщения невестки к малому дому «унэ цыкту ишэ» входил обряд – нысэтын «дары невесты», когда раздавались родственникам жениха ее личные вещи, и такая процедура выдачи вещей называлась - пхуантэдэплэ «букв.: заглядывание в сундук (чемодан)».

Свекровь следила за тем, чтобы снохи поочередно готовили еду (пщэфТэгъуэ чэзу), убирала в доме (унэ зэлыТухын чэзууэ), во дворе (пщантТэр пхэанКын чэзууэ), доили корову (жэм къэшын чэзууэ), шить одежду (щыгын дын чэзууэ) и т.д. В случае тяжелой болезни свекрови или после ее смерти, ее место

занимала жена старшего брата – гуащэ нысэ (букв.: княгиня-невестка), гуащэ нысэгъу «букв.: княгиня-сосношница».

Неблагополучной считалась семья, в которой младшие члены семьи выходили из повиновения старших – унафэншэ унэ «букв.: дом без руководства» или унэзэхэмыбз «букв.: неясный дом». Про такой дом могли сказать: Унагъуэ зэхэмыбзым Іуэху зэхэмыбз икуэдщ «В доме, где царит неразбериха, много запутанных дел».

При рождении первенца – шыпэлъху, роженицу и младенца окружали вниманием и заботой. Для роженицы готовили специальный молочный суп из пшена или кукурузной крупы – фыз лъхуа хьэнтхъупс. В честь первенца устраивали торжество – тхьэлъэІу. Резали барана, проводились обрядовые игры (кхъуей плыжь кІэрыщІэ «подвязывание красного сыра»). Затем проводился обряд ввода невестки с первенцем в большой дом – унэишэ, так как во время беременности невестка не заходила в большой дом, а постоянно находилась в своей половине (лэгъунэ). Родители невестки дарили первенцу люльку – гуцэ, к которой прилагались подарки для свекрови, завернутые в полотенце – гуцэтэльхьэ «букв.: подарки поверх люльки». Совершался обряд укладывания ребенка в люльку – гуцэхэпхэ.

Устраивали торжество и в честь первого бритья головы новорожденного, для чего приглашали самого уважаемого мужчину села с хорошей шевелюрой, чтобы и у ребенка выросли густые волосы. За бритье ему преподносили в подарок рубашку «щхъэупс джанэ».

Через год проводили обряд первого шага ребенка «лъэтеувэ», главным звеном которого было разрезание пут ребенка – лъэхъу пщэхъу зэпыупщІ: женщина между ног ребенка проводила ножом или лепешкой сверху вниз, будто бы перерезала путы, чтобы ребенок мог шагать по жизни легко и свободно. Существует обрядовая песня, посвященная первому шагу ребенка – лъэтеувэ уэрэд. Здесь же присутствует ритуал определения будущей профессии ребенка, который называется – хьэшпып хэдэ «выбор вещей», Іэнэ тѳѳэ «ощупывание поверхности столика», нэсып гъэунэху «испытание счастья». Столик, на котором складывались вещи, назывался «хьэлыуэ Іэнэ» - столик с халвой.

От порчи или сглаза ребенку на темечке прилепляли прополис (тІэтІий). Считалось, что на темени находится жизненно важная точка.

Отмечали в семейном кругу событие, когда мальчик впервые садился на лошадь – шупэшэс.

Как видим, также как термины родства и семейных отношений, большое значение имеют ритуальные символы, обряды, связанные с семейно-родственными отношениями. Некоторые обряды, ритуалы со временем исчезают, на их месте появляются новые. Но важно, чтобы в этом процессе не исчезала гуманистическое содержание семейно-родственных традиций. Нельзя отрицать все позитивное, что создано народом годами. Необходимо вместе взяться за возрождение многих обычаев, обрядов, традиций, которые поддерживают связь между поколениями, сохраняя память о жизни народа, учат подрастающее поколение соблюдению «адыгэ хабзэ» (адыгский этикет).

Литература

1. Бгажноков Б. Х. Социальная организация семьи. Нальчик, 2010.- С.10-13.
2. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигори, 1999. - 853с.

УДК 82'282 821

Связь уроков дагестанской литературы с культурой и традициями народов Дагестана

Курбанова З.Г.

Дагестанский научно-исследовательский институт им. А. А. Тахо-Годи

г. Махачкала, Республика Дагестан

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы установления межпредметных связей дагестанской литературы с культурой и традициями народов Дагестана как средства познавательной активности старшеклассников, усиления эмоционального восприятия художественного текста,

воспитания патриотизма и лучших нравственных качеств у подрастающего поколения. Художественные произведения, вошедшие в программный материал литературы народов Дагестана, тесно связаны с духовной культурой горцев, с традициями и обычаями, материал о которых был систематизирован в работах известных дагестанских ученых. Такое сопоставление и проведение параллелей, безусловно, поможет сделать уроки литературы более яркими, живыми, интересными и осмысленными.

Ключевые слова. Активизация, эмоциональное восприятие, гостеприимство, куначество, традиции и обычаи, народная педагогика, целостный процесс, нравственные качества, личность, пословицы и поговорки, тема труда, культура.

The connection of the lessons of Dagestan literature with the culture and traditions of the peoples of Dagestan

Kurbanova Z.G.

**Dagestan Research Institute. A. A. Tahoe-Godi
Makhachkala, Republic of Dagestan**

Annotation. This article discusses the issues of establishing intersubjective relations of Dagestan literature with the culture and traditions of the peoples of Dagestan as a means of cognitive activity of high school students, enhancing the emotional perception of a literary text, fostering patriotism and the best moral qualities of the younger generation. The works of art included in the program material of the literature of the peoples of Dagestan, the dough is associated with the spiritual culture of the highlanders, with traditions and customs, the material of which was systematized in the works of famous Dagestan scholars. Such a comparison and drawing parallels will certainly help to make literature lessons more vivid, lively, interesting and meaningful.

Keywords. Activization, emotional perception, hospitality, kunakism, traditions and customs, folk pedagogy, holistic process, moral qualities, personality, proverbs and sayings, labor theme, culture.

Традиция - это нормы поведения, которые долгое время соблюдаются без изменения.

Культура - все, что создано людьми для организации человеческой жизни на земле.

Обычай - установившееся правило поведения.

Обряды - действия, установленные по обычаю.

Адат - закон.

Это для словарной работы.

Установление межпредметных связей - один из способов активизации преподавания литературы народов Дагестана в старших классах. А одной из важных проблем, выдвигаемых в настоящее время методикой литературы, является проблема установления межпредметных связей. Литература народов Дагестана имеет тесные связи с материалом культуры и традиции народов Дагестана. Установление межпредметных связей - это не бесцельное повторение уже известного ученикам материала. Межпредметные сопоставления - это возможность создавать проблемные ситуации, что в свою очередь ведет к большей познавательной самостоятельности и активности школьников. И самое важное: с их помощью можно добиться более глубокого усвоения предмета, в данном случае литературы народов Дагестана, так как межпредметные связи будут способствовать углубленному восприятию художественного текста и позволят раскрыть специфику изучаемого произведения. Установление межпредметных связей усиливает также эмоциональное восприятие художественного текста, делает его более осмысленным и разносторонним.

В хрестоматии «Литература народов Дагестана» для старшеклассников составители постарались включить тексты художественных произведений дагестанских авторов, в которых главные герои являются носителями лучших национальных черт горских народов, их духовной культуры, традиций и обычаев.

Культура и традиции народов Дагестана объединяет все народы республики, так как у нас общая земля, родственные языки, свойственный только дагестанцам национальный характер и единая культура, то есть все то, что с древних времен предки наши создали своим умом и своими руками, и мы продолжаем их дело. Многие традиции и обычаи наших прадедов, бытующие до сих пор в Дагестане, находят свое художественное отражение в литературе. Например, народы Дагестана всегда отличались своим трудолюбием. Они славились как большие мастера животноводства, террасного земледелия, вспомним «Сказание о чабане» Гамзата Цадасы, в котором раскрыта психология горца-труженика, начиная от старого Хирача. Центральным образом лиро-эпической поэмы является второй сын Хирача -

Али, который мужает в труде и борьбе. Народы Дагестана и сейчас отличаются высоким трудолюбием, а трудолюбие предполагает и любовь к природе, к её флоре и фауне, поэтому заслуженно главным героем повести «Белый сайгак» А. Абу-Бакар сделал инспектора Мухарбия, являющегося по сути дела заступником степных антилоп и который свои отношения с людьми строит по тому, как они относятся к природе.

Отличающиеся любовью к природе, родной земле дагестанцы имеют свой земледельческий календарь: праздник первой борозды, праздник весны, праздник цветов, праздник черешни, праздник животноводов, праздник виноградарей и т. п.

Юсуп Хаппалаев, например, дал такое красочное описание праздника в произведении «Первая борозда»:

*Распахнуты соколы
Просторы, как всегда
И первая на поле
Ложится борозда.
Ее дается право*

*Тому лишь провести,
Чья пахарская слава
Не первый год в чести.
Косматая папаха
Касается бровей.
Идет за плугом пахарь, - Гляди, благоговей!
И наизнанку шуба
Одета потому,
Что дорога и любя
Традиция ему.
Душа ликует: будто
В груди у тамады
Сверкающее утро,
День первой борозды.
И плуг, быкам подвластный
В парную землю вхож.
Идет он, как по маслу
Неторопливый нож.
Земля, дыша свободно,
Чернеет, чуть влажна
И жизни соприродна
Весенняя она.
Кормилица и пряжа
Для нас во все года,
Хранительница праха
Ушедших навсегда.
Резвится в небе птаха,
Поет на все лады,
Идет за плугом пахарь
В день первой борозды.*

*И каждый бросил горстку
В него земли родной:
Таков обычай горский,
Повитый сединой.*

Трудолюбие женщин-горянок воспето многими поэтами и писателями Дагестана, и все равно Расул Гамзатов считает, что перед ними «В долгу еще песня моя»:

*В долгу перед каждой слезою,
- А сколько ты слез пролила?*

*В долгу пред твоею красою,
Что сердцу мужскому мила.
В долгу пред твоими руками,
- Тот видел в горах, кто не слеп,
Они превращали и камень
В угоды, рождавшие хлеб.
О, если бы я был исполином
То верь мне, как сын твой и внук
Взвалил бы себе я на спину
Всех бед твоих тяжкий сундук.
Пою тебя сердцем влюбленным.
И пусть твой задумчивый взор,
На счастье мое, просветленным,
Становится, женщина гор!*

Особенно в долгу, считает поэт, мы перед женщиной-матерью:

*Мне горько, мама, грустно, мама,
Я - пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.
Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь, но вдруг опять
Сожмется сердце: «Неужели,
Я начал маму забывать?»
А ты, с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня.
Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.*

* * *

*Если бы мужчины гор,
Обладали бы крылами,
То среди орлиных гор,
Были бы они орлами.
Если бы женщины у нас
Обладали бы крылами,
Славился бы мой Кавказ
Горлинками - не орлами.
Отдает Расул Гамзатов должное и таким прекрасным обычаям гор:
В горах джигиты ссорились, бывало,
Но женщина спешила к ним и, друг,
Платок мужчине под ноги бросала,
И падало оружие из рук.
О, женщины, пока в смертельной злости
Не подняли мечей материки,
Мужчинам под ноги скорее бросьте
Свои в слезах намокшие платки.*

О гостеприимстве народов гор многие знают из книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан», которая начинается с такого оригинального эпиграфа:

*Путник, если ты обойдешь мой дом,
Град и гром на тебя, град и гром!*

*Гость, если будешь сакле моей не рад,
Гром и град на меня, гром и град!*

Надпись на дверях

Вот всего лишь несколько цитат из книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан»:

* * *

Пусть переломаются все кости у того, кто не любит гостей! Если кто встретит гостя с недовольным видом или нахмуренным лбом, пусть в доме у него не будет ни старших, которые могли бы давать мудрые советы, ни младших, которые эти советы слушали бы. Так смотрим мы на гостей.

* * *

Да, мысли и чувства приходят, как гость в горах, без приглашения и без предупреждения. От них, как и от гостя, не спрячешься, не убежишь.

У нас в горах не бывает гостей маленьких или больших, важных или неважных. Самый маленький гость для нас важен, потому что он гость. Самый маленький гость становится почетнее самого старшего хозяина. Не спрашивая, из каких он краев, мы встречаем гостя на пороге, ведем в передний угол, поближе к огню, усаживаем на подушки.

Гость в горах всегда появляется неожиданно. Но он никогда не бывает неожиданным, никогда не застает нас врасплох, потому что гостя мы ждем всегда, каждый день, каждый час и каждую минуту.

Тема 6 в хрестоматии «Культура и традиции народов Дагестана» для 10-11 классов [4. С. 68] так и называется: «Гость - от Аллаха» (горское изречение).

«Гостеприимство и куначество - древнейшие и свято соблюдаемые обычаи горцев. Историк прошлого века П. Бутков, отмечая замечательные черты национального характера дагестанцев, особо подчеркивает их гостеприимство: «В домашнем быту кротки, гостеприимны, верны дружбе до великодушия, целеустремлены, почтительны к старости, умеренны в пище, трезвы, правила гостеприимства соблюдают даже против своих неприятелей».

В горской сакле гость - лицо неприкосновенное и пользующееся почетом и уважением со стороны хозяина дома и его домочадцев. Обычай велит радушно встретить гостя, проявить к нему приветливость и внимание, накормить лучшим, что есть дома, дать ему ночлег, сделать его пребывание в доме приятным, оказать ему помощь в решении дел, с которыми он приехал. Л. Н. Толстой, хорошо знавший Дагестан и его жителей, восхищался многими мудрыми адатами горцев, в том числе и обычаем горского гостеприимства».

Далее составитель приводит отрывок из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», раскрывающий горский обычай гостеприимства.

Закреплению материала во многом способствуют вопросы и задания в конце тем, вот только некоторые из них:

1. Как хозяин дома встречает гостей? Что можно сказать о его отношении к ним?
2. Куда ставят оружие гостей, когда они садятся для беседы?
3. Почему мальчик, сын хозяина, все время неотлучно находится рядом со старшими? Что здесь имеет место: любопытство подростка или готовность прислужить старшим в любую минуту?

4. Расскажите об этикете приема пищи гостями.

5. Напишите сочинение - размышление по теме «Гость в доме горца - священное лицо».

На хрестоматии «Культура и традиции народов Дагестана»[4.] под заглавием: «Мудрость наших предков» дана одна из горских пословиц: «Гость - благо дома».

Теме дружбы уделена не одна страница хрестоматии «Культура и традиции народов Дагестана». Тема 7 так и озаглавлена «Сто друзей у тебя - мало друзей у тебя; враг у тебя один - много врагов у тебя» (горская пословица).

И дальше: «Да, в Дагестане всегда высоко ценили дружбу, умели дружить по-настоящему, на деле показывая готовность и умение жертвовать ради спасения настоящего друга не только добром, но и жизнью. Наряду с культом матери, у горских народов был известен и культ друга, кунака.

Настоящий друг - опора в жизни, того, кто не имеет верного, надежного друга, горцы считают достойным жалости и сочувствия - ведь он еще не совсем человек. Ему не известны радости жизни, которые открываются только любимым друзьям, готовым в любой беде протянуть друг другу руку помощи. Особенно прочной оказывается дружба, рожденная с детских юных лет. Таких примеров дружбы в Дагестане можно найти немало. «Сила жизни - в дружбе», - гласит народная мудрость. Друг, названный брат, молочный брат, кунак в дагестанской народной морали - понятия святы. Поэтому на

того, кто предал друга, падает несмываемый позор и вечное проклятье народа. Об этом повествуется в народной легенде, записанной и переданной большим знатоком и ценителем народной мудрости - народным писателем Киясом Меджидовым. Знаменательно то, что мудрую легенду с глубоким воспитательным смыслом горские мальчишки слышат из уст деда Джигера - великого труженика - садовника и народного педагога, пользующегося заслуженным уважением джамаата, любовью подрастающего поколения».

Далее приводится текст народной легенды, смысл которой сводится к тому, что тот, кто предаст дружбу, может понести такое же наказание, как Юсуф из легенды, которого мать-земля превратила в ночную птицу за измену другу Исаку. Кияс Меджидов - автор широко известного романа «Сердце, оставленное в горах», знакомство с которым происходит в 11 классе на уроках дагестанской литературы. Произведение посвящено судьбе замечательного русского врача Ефимова Антона Никифоровича, работавшего в 1895-1919 годах в Самурском округе. Он сумел своей порядочностью, добротой, высоким профессионализмом завоевать любовь и дружбу среди лезгин. Единственной любовью доктора Ефимова стала прекрасная лезгинка Алван, но он не мог даже в мыслях допустить, чтобы стать на дороге Алван и Джавада. Он жертвует своей любовью, делает все, чтобы состоялась свадьба юных его друзей, то есть, поступает истинно по-горски.

О гостеприимстве горцев, об их доброжелательности к людям другой национальности, о дружбе и уважении к людям труда, пришедшим в Дагестан с благими помыслами, пишет журналист Магомед Абигасанов в своей статье «Пришедшие в горы с добром» [1.]. Первая часть статьи называется «В пекло войны»:

«Сегодня за считанные часы можно попасть из Петербурга в Дагестан, воспользовавшись услугами Аэрофлота. Вообразим же теперь, как знойным летом ровно 154 года назад преодолевал путь длиною в месяц на скрипучем тарантасе профессор Петербургской медико-хирургической академии Николай Иванович Пирогов. Ни тяжесть пути, ни тревожные вести из пылающего очага Кавказской войны не могли поколебать решимость русского ученого добраться непосредственно до полей битв шамилевских мюридов и царских войск. На этот раз он вез с собой им же изобретенный прибор для эфирного наркоза. Цель поездки Н. И. Пирогова состояла в том, чтобы использовать наркоз непосредственно на поле боя.

Как известно, замысел свой Николай Иванович осуществил успешно во время битвы при осажденном ауле-крепости Салта. Были спасены жизни множества тяжелораненых. Надо отдать должное мужеству русского хирурга, не покинувшего места сражения, несмотря на свирепствующую в обоих лагерях холеру. А высшее достоинство этого человека в том, что он оперировал раненых, не взирая, кто на чьей стороне воевал. Существуют и предания о том, что Пирогов встречался с горскими лекарями, интересовался их опытом, делился своим. Так что с полным правом можно сказать, что движение «Врачи без границ» имело свое начало еще в период Кавказской войны.

Уверен, попадись Пирогов в плен к Шамилю, никому последний не позволил бы даже пальцем его тронуть. Пленные содержались в строгости, но имели при этом возможность даже отправлять свои религиозные обряды...»

В памяти горцев Николай Иванович остался как чудесный русский доктор, оказывавший помощь как солдатам, так и местным жителям. Пирогов находил время обучать местных лекарей методам лечения ран, переломов, извлечения осколков из мягких тканей, а также перевязочному делу и технике ампутации. Пробыл в Дагестане Пирогов 3,5 месяца. Дагестанцы в знак глубоко уважения великому русскому хирургу и врачу увековечили память его пребывания в Дагестане, установив памятник - обелиск на территории Республиканской клинической больницы, названной его именем. Имя Пирогова также носят улицы в городах Махачкале и Буйнакске.

Программа «Литература народов Дагестана» для старших классов уделяет определенное внимание теме дружбы и гостеприимства народов Дагестана. Дополнительный материал можно найти в сборнике «Устное творчество народов Дагестана» [6.] В частности, в этой книге приводятся примеры пословиц и поговорок народов Дагестана о дружбе, о чести, о добре, правде и лжи: Кто с оленем дружит, тот, как олень, благородным будет. Чем жить без чести, лучше с честью умереть. И труд с другом - радость, мед с врагом - беда. Кто совершил зло, на его же голову оно падет. Часто навещаешь - дружбу защищаешь. Пусть умрет тот друг, который забыл, как ты с ним последний кусок делил. Друг лучше старый, а шуба новая. Добро добром оплатишь - молодец, на зло добром ответишь - ты мудрец. Коль есть друзья, так береги: не сбережешь, они - враги.

Тема № 13 хрестоматии «Культура и традиции народов Дагестана», озаглавленная «В родной долине лучше прахом быть, чем на чужбине падишахом быть» начинается с такого вступления:

«Верность заповеди, звучащей в этой пословице, народы Дагестане доказали много раз в самых трудных, трагических для родины ситуациях. Дагестанцы - прирожденные патриоты, горячо любящие свою Родину - страну гор. Дагестан для его сыновей и дочерей и для всего мира - это страна наших свободолюбивых предков, «страна последних рыцарей», как свою родную землю называл выдающийся художник Халилбек Мусаясул, вынужденный жить и умереть вдали от любимой Отчизны. Дагестан дал миру гигантов духа Мухаммада аль-Яраги, Казим-Мулу, Шамиля, Гамзатбека, Джамалуддина Казимуховского и других».

Тысячи жителей Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля поднялись на священную войну за свободу своей страны. Несколько десятилетий длилась неравная борьба маленького Дагестана и огромной царской России, конечно, она не могла не отразиться в культуре Дагестана, особенно в народном творчестве. Песни о Кавказской войне XIX века существуют у всех народов Дагестана, а также Кавказа, ведь в войне принимали активное участие и многие народы Северного Кавказа. В этих песнях отражается отношение самого народа к борьбе, ведь для горцев она являлась защитой своей родины, отсюда идеализация героев, восхваление их подвигов, восхваление имама Шамиля, этого справедливого государственного деятеля, человека беспредельного мужества. В хрестоматии «Литература народов Дагестана» для 10 класса и в сборнике «Устное творчество народов Дагестана» даются тексты народных песен о Кавказской войне и ее героях («Шамиль», «Ахульго»), а также пословицы и поговорки о любви к своей родине, о мужественной борьбе народа за свою независимость: «Каждому в родном краю лучше. Лучше быть на родине бедняком, чем в Каире - царем. Богатырь узнается, когда наступает время. Во имя защиты родины не щади и собственной жизни. После смерти коня остается поле, после смерти героя - имя».

Любовью к своей родине проникнуты и строки «Фронтовых записей» Э. Капиева («Литература народов Дагестана» для 10 класса): «На льду разведчики. Приказ молчать, ни в коем случае не кричать, не то обнаружит враг дивизию. Провалился в прорубь один горец. Полчаса боролся со льдом молча, так и утонул, не издав ни одного звука». Автоматчик казах пробирался к немецкому дзоту, роя руками нору в снегу. Снег лежал толстым слоем. Он рыл, руками и ногами отталкивая снег. Так он полз много часов, целые сутки и перестал рыть, когда почуял твердый настил немецких окопов. Потом он неожиданно выскочил из снега, как дьявол из земли, и начал ножом и автоматом крошить растерявшихся немцев». «Два друга - оба горца - на далеком севере, в карельских лесах. Разведка. Один убит. И чтобы не оставить труп товарища, второй привязал его к своему поясу - сначала наступал, потом отступал, отстреливаясь, ползком - и волочил за собой труп товарища, пока не приволок к своей линии. Там он похоронил его и только потом, с сухими красными глазами лег на отдых». «Заметка в газете. Сорок восемь внуков казаха Ашима Ибраева. Джамбул, 25 марта. Семидесятивосьмилетний казах Ашим Ибраев, проживающий в ауле Акбулум, Коктерекского района, проводил в Красную Армию сорок восемь внуков. Отважные джигиты обучались военному делу в подразделениях Осоавиахима и всеобща и сейчас сражаются на фронтах Отечественной войны. Семеро внуков Ибраева стали командирами в кавалерийских частях, четверо награждены орденами. Из переписки с внуками дед подсчитывал, что они истребили уже около двухсот фашистов».

О долге детей перед родителями, об уважении к старшим часто упоминается в дагестанских народных сказках, в пословицах и поговорках народов Дагестана, использованных в хрестоматиях по литературе народов Дагестана, сборнике «Устное творчество народов Дагестана», книгах «Внеклассное чтение по литературе народов Дагестана» для 5 и 6 классов: «Тот, кто не уважает мать, не может уважать кого-нибудь. Для матери хоть яичницу на ладони изжарь - все равно будешь в долгу. От неуважения к матери до предательства - один шаг. Чтобы оплатить матери свою рождение, сын должен семь раз отнести ее на своих плечах в Мекку и обратно. Всю жизнь день и ночь трудись - труд матери не возместишь. Если не имеющий отца один раз сирота, то не имеющий матери - семь раз сирота. Мать выше всех. Под солнцем тепло, около матери теплее. Кто не знает родного отца, тот и нас не знает. Коль старика с тобою рядом нет, ты хоть со старым пнем держи совет. Что сказал старший, уловит и младший. Кто родителей почитает, тот вовек не погибает. Каков он сам, таково и дитя. У хороших родителей - хорошие дети».

По алату, когда человек своим поведением или словом не оказал помощи старшим или родителям, проявил к ним неуважение, он должен быть джамаатом осужден, ведь горская пословица гласит: «Почитай старость, и ты будешь стариком». Дагестанские писатели тоже не обходят в своих произведениях тему уважения к старшим, долга перед родителями, вспомним, каким уважением была окружена сельская учительница Кадрия в книге Абу-Бакара; «Белый сайгак». Но основной темой этого произведения является тема экологии - защита природы от таких людей, о которых с возмущением и

страхом за будущее планеты от имени главного героя Мухарбия говорит сам автор: «Появились на земле ужасные люди, которые живут только для себя. Это страшно».

О любви к родной природе говорит и Т. Г. Саидов в книге «Традиции народов творят человека» [5. С. 104]: «В суровых природно-климатических условиях, малоземелья, малопригодное для имевшихся земель для возделывания горцы научились ценить землю и трудиться на ней. В горах существует некий культ земли, отношение к ней, как к святыне. Свидетельством этому является и то, что у горцев принято давать название каждой речке и ручейку, холмику и овражку, пещере и склону, скале и роднику, лугу и вершине, даже одиноко стоящему дереву.

Названия гор, скал, урочищ, речек нередко имеют педагогический, воспитывающий смысл. Они учат любви к родине, верности клятве, уважению и соблюдению принятых в обществе традиций, моральных норм.

Так, например, в окрестностях с. Курах возвышаются скалы под названием «Семь братьев и сестра» и «Каменная невеста», названия которых имеют воспитательную ориентацию. Название первой скалы связано с подвигом семи братьев и сестры, геройски погибших в сражении с монгольскими захватчиками. Братья, окруженные множеством врагов, решили сражаться до конца. Чтобы не допустить издевательств над сестрой со стороны врага, они сбросили ее со скалы и вслед за нею бросились в пропасть и сами, предпочтя смерть позору плена.

Сила материнского проклятия так велика, говорится в другом предании, что непослушную дочь, решившую выйти замуж за врага, вместе со свадебной свитой оно превратило в камень.

В народной педагогике, как и в самой жизни, воспитание - это целостный процесс, все стороны которого тесно связаны между собой.

Одним из важных средств формирования нравственных качеств личности является в народной педагогике труд. Не зря народ сочинил столько пословиц и поговорок, посвященных теме труда: «Богатство человека - это честный труд. Только труд кормит человека. Без труда нет жизни на земле. Труд - намус человека. Труд - всему отец».

Очень важно на уроках литературы народов Дагестана воспитывать в детях любовь и уважение к труду, к человеку труда, следует обратить внимание учащихся на то, что народ всегда ценил и продолжает ценить человека труда. В трилогии Фазу Алиевой в новелле «Та, у которой волосы из солнечных лучей» только благодаря труду и терпению юного агронома Марии на Хунзахском плато вырос фруктовый сад: «...Сад отцвел. На месте легкокрылых лепестков появилась первая тугая завязь. Но Марии не суждено было попробовать плодов из этого сада. Началась война. И Мария вместе с мужчинами ушла на фронт. Строгая, стояла она в солдатской колонне. И ее волосы из солнечных лучей были спрятаны под пилотку. А сад, посаженный ею, вырос, возмужал, стал огромным фруктовым садом с раскидистыми кронами, с узловатыми сучьями. Его и по сей день называют садом Марии, хотя сама Мария и не вернулась в горы. Как тысячи тысяч сыновей и дочерей страны, она погибла, защищая Родину».

Литература

1. М. Абибасанов «Пришедшие в горы с добром» в газете «Дагестанская правда», 16 июня 2001 г.
2. З. Г. Курбанова «Методика анализа художественного произведения на уроках дагестанской литературы», Махачкала, 2018. – с. 125.
3. З. Г. Курбанова « Патриотизм как фактор духовно-нравственного воспитания учащихся на уроках литературы народов Дагестана в 5-9 классах», Махачкала 2017. – с. 112.
4. Культура и традиции народов Дагестана для 10-11 классов/составитель Саидов Т. Г./Махачкала 1998.– с.112.
5. Т. Г. Саидов. Традиции народов творят человека. Махачкала, Дагучпедгиз, 1994. – с. 119.
6. Х. М. Хайбуллаева «Устное творчество народов Дагестана». – Махачкала: НИИ педагогики, 2001.

УДК 821.161.1 – Русская литература
УДК 398 - Фольклор

Мифопоэтическая основа традиционной свадебной обрядности казачьего населения КЧР

Ф.М. Хубиева

**Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г.Карачаевск,
Россия**

Аннотация: В статье говорится о зарождении научного интереса к народной поэзии, о самобытном казачьем фольклоре Карачаево-Черкесии, о формировании свадебной обрядности казаков до переселения на Кубань, о стремлении народа сохранить свои традиции и обычаи, об отражении мифологических представлений казачества в свадебной обрядности.

Ключевые слова: мифология, традиции, обряд, ритуал, свадебный фольклор, магическая сущность приговоров, свадебный каравай, дружка, менталитет народа, историческая память.

Зарождение научного интереса к народной поэзии относится к первой половине XVIII века, когда развитие русской национальной культуры приобретает особое значение. Зачинатель русской этнографии и фольклористики В.Н. Татищев в своей пятитомной «Истории Российской с древнейших времен ...» обращает внимание на народные обряды, пытаясь решить вопросы происхождения славян. Среди опубликованных выдающимся писателем Н.И. Новиковым древних рукописей содержится описание древнерусских свадеб. Одним из замечательных этнографов и фольклористов второй половины XVIII века М.Д. Чулковым был издан «Словарь русских суеверий» (1782), или «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.» (1786), в котором приводятся сведения о ворожбе, колдовстве, чародействе, волховании, чернокнижии, гадании, являющихся частью магических обрядов. В сборнике содержится несколько старинных заговоров.

В 30-50-е годы XIX века в печати появляются сборники И.М. Снегирева и И.П. Сахарова. В работе И.М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837-1839) использован широкий сравнительный материал для выяснения сходств и различий славянских обрядов с обрядами древних и современных народов. Основной свод сведений – о народном календарном обряде и обрядовой поэзии.

Сахаров И.П. был первым, кто сделал попытку научной систематизации фольклора. Он создал свод народоведческих сведений, подробную роспись по дням и месяцам праздников, примет, обычаев и обрядов «Сказания русского народа». Большой раздел сборника занимают заговоры, многосторонне характеризующие русский быт и устную поэзию. В 1848 году А.В. Терещенко издал семь томов труда «Быт русского народа», содержащих ценные данные по русскому жилищу, одежде, промыслам, семейному быту, народной медицине, обрядовым действиям – всему тому, что стало содержанием многих магических произведений или объясняет роль элементов быта в магических обрядах.

60-е годы XIX века справедливо названы «золотым десятилетием» русской фольклористики в собирательской деятельности. Большинство изданных в это время фольклорных сборников содержит богатейший фактический материал, который имеет значение в плане изучения и в наши дни.

В 70-80-е годы XIX века продолжается активная собирательская деятельность. Большой вклад в дело собирания и публикации свадебных обрядов и песен был сделан П.В. Шейном. В конце 1898 года был издан первый выпуск ценнейшего сборника «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.», полностью посвященный календарной и свадебной поэзии и обрядам. Для него, как и для другого классического сборника - «Песни, собранные Киреевским», характерно точное указание места и времени записи текстов, дающее основание для сравнительно-исторического изучения бытования жанра, а также выявления местных особенностей.

Постепенно в науке накопился достаточный материал для решения многих вопросов происхождения, исторической жизни и развития, специфики функционирования жанров обрядовой поэзии и их поэтики.

В XX веке начинается изучение жанра свадебных приговоров. Первым опытом теоретического осмысления свадебных приговоров как самостоятельного жанра обрядового фольклора можно считать работу Д.К. Зеленина «Свадебные приговоры Вятской губернии». Серьезной заявкой на

фундаментальное исследование жанра была статья А.К. Мореевой «Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек». Анализ текстов приводит А.К. Морееву к закономерному выводу о многофункциональности приговоров. В 50-60-е годы XX века складывается новое представление о жанровом составе обрядовой поэзии. Исследование, предпринятое Н.П. Колпаковой, обнаружило сходство между произведениями календарного и свадебного фольклора (Колпакова Н.П. 1962). В российской фольклористике 70-80-х годов XX века большое внимание уделяется исследованию жанровой специфики фольклорных произведений (К.С. Давлетов, Н.П. Колпакова, А.В. Торопова, Д.М. Балашов и др.). Кругловым Ю.Г. были выделены жанрообразующие признаки обрядовой поэзии, опираясь на которые «можно говорить о трех видах обрядовой поэзии – приговорах, причитаниях и песнях. (1982).

В 80-90-е годы широкий общественный интерес к заговорам определяет публикацию архивных материалов и переиздание сборников заговоров (М. Забылин, В.И. Харитоновна, Е.Н. Елеонская, Н.И. Савушкина; Д.К. Зеленин и другие).

Современные исследователи раскрывают новые аспекты в изучении приговора. Юманова Т.С. обращается к проблеме номинации лица в русских заговорах, выделяя разницу в одушевленности мифологической и неодушевленности грамматической (1988). В статье В.Н. Топорова «О статусе и природе заговора» (1988) дается современная трактовка решения вопроса о соотношении вербального текста и магического действия. Важным, на наш взгляд, представляется тот факт, что впервые заклинания были выделены как отдельный жанр обрядовой поэзии (Круглов Ю.Г.). Прежде не было четкого разделения между заговорами и заклинаниями, не выделялись различия в интонационном и композиционном строении, в функциональной направленности (Майков Л.Н., Киреевский П.В., Елеонская Е.Н. и др.). В последние десятилетия опубликовано значительное количество работ по обрядовой поэзии. О непрекращающемся глубоком интересе к приговорам и свадебной обрядности в целом говорят исследования Т.Ю. Федоровой, Т.Н. Владимировой, Ю.Г. Круглова и др. Привлечение обширных исторических, литературных, этнографических данных позволяет воссоздать полную картину состава свадебной поэзии. Детальное описание свадебного обряда, места и времени, выбора невербальных средств передачи информации способствует раскрытию свадебной символики в приговорах.

Русская свадьба, как комплексный обряд, сложилась в Московской Руси и сохранила важнейшие особенности обрядности и в позднейшие времена - в XVIII и XIX веках. Редакция обряда, известная по записям XVIII-XIX веков, не соответствует древним летописным свидетельствам. С основанием Киевского государства и принятием христианства в русскую свадебную обрядность вошло церковное венчание, изменившее бытовые обряды. До петровских реформ свадебный обряд был общенациональным. Он соблюдался в народном, боярском, дворянском и даже в царском быту. В XVIII веке свадебный обряд княжеского и боярского сословия начинает заметно расходиться с традиционной крестьянской обрядностью. Русский свадебный обряд, естественно, должен рассматриваться как продукт длительного исторического развития. Самые древние его традиции восходят к эпохе существования родового строя у славян, а новейшие осложнены влиянием последующих исторических эпох.

К какому же времени можно приурочить формирование традиционного ядра свадьбы? По мнению В.П. Аникина, «можно считать, что XVII столетие было тем рубежом, за пределом которого в дальнейшем процесс создания новых свадебных песен прекратился повсеместно, и они окончательно обрели те формы, в которых мы их знаем. Разумеется, это не исключает частичных видоизменений и поздних напластований» [1, с.190].

Исследователи отмечают многофункциональность такого жанра, как свадебные приговоры. По мнению Ю.Г. Круглова, они выполняют три функции - ритуальную, магическую и эстетическую. Каждый приговор имеет свое строго определенное место и выполняет ту или иную функцию в зависимости от обрядового назначения, все они взаимосвязаны.

Такая же взаимосвязь ритуальных действий, где каждое звено – завершение предыдущего и, в то же время, начало последующего действия, прослеживается и в семейно-бытовой обрядности казачьего населения Карачаево-Черкесской республики, где до сих пор бытуют произведения с заговорно-заклинательной функцией. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в ходе фольклорных экспедиций в малоизученные в этническом плане районы республики с преобладанием казачьего населения. Это станицы Зеленчукская, Кардоникская, Преградная, Красногорская, Сторожевая [8, с.221].

Обряд бракосочетания у казаков вплоть до XVIII века проводился в основном на Круге. Жених выводил невесту на Круг. Клянясь друг другу в пояс, молодые в присутствии станичников и атамана

говорили друг другу: «Будь моей женой!», «Будь моим мужем!». Затем молодых обводили 3 раза вокруг священного дерева [7, с.177].

Свадебный цикл казаков в конце XIX - начале XX века представлял собой сложный комплекс обрядов и традиций, явившись результатом многовекового взаимодействия этнокультур восточнославянских народов. Военизированный образ жизни также наложил свой отпечаток на свадебную обрядность. Формирование местных традиций интересно и в плане соседства казачества с кавказскими народами. К примеру, когда молодых отправляли на брачное ложе, они должны были пройти под скрещенными шашками.

У местных казаков свадебная обрядность сформировалась до переселения на Кубань. Поэтому до сих пор в ней сохраняются традиции южнорусской и украинской свадьбы. К примеру, чтобы женихи сватались, «когда придет первый жених, худой или хороший – все равно, носки его обуви моют водой, и этой водой невеста моет руки, произнося следующее: «По твоему следу пойдут ко мне сто женихов» [10/6]. С этой же целью заметают его следы к дому веником с таким же приговором.

Как правило, свадьбы в казачьих станицах КЧР устраивались по окончании осенней уборки хлеба или зимою после святок, в рождественский «мясоед». Как и в традиционном русском фольклоре, особое значение придавалось празднику Покрова. По представлениям молодых девушек, если они не будут засватаны до Покрова, сватов придется ждать целый год. Возможно, с этими представлениями связана поговорка: «После Покрова заревет девка как корова» [10, №2].

В современной казачьей свадьбе на территории Карачаево-Черкесии сохраняются основные этапы традиционной русской свадьбы. Завязкой свадебной игры было сватовство. С предохранительной целью, к примеру, во время сватовства ведутся иносказательные разговоры:

А говорят, у вас товар оказался,
А у нас молодой казак застрадался.
И не ест, и не пьет удалец,
Истрадал, исхудал молодец.
Вы товар нам покажите,
Добра молодца впустите [10, №1].

В доме жениха пекут хлеб (каравай). Во время сватовства сваты в случае положительного ответа достают каравай. Если невеста согласна выйти замуж, она режет хлеб пополам. При этом отец невесты приговаривает: «Отрезанный ломоть обратно не приставишь, так и ты, дочка, будешь жить отдельно от нас» [10, №3].

За сватовством следовал следующий предсвадебный этап – «сговор» или «пропой», во время которого оговаривались расходы на свадьбу и назначался день свадьбы. За два-три дня до венца подружки невесты приступают к изготовлению свадебного каравая, который накануне венчания должен быть торжественно перенесен в дом жениха. В день венчания каравай «становят» на большой разнос и перевязывают красной лентой. Девушки сговариваются не отдавать дешево каравай. По дороге, взявшись за руки, они окружают несущих каравай и поют песни. Во время свадебного пира каравай ставили перед молодыми.

По приглашению отца жениха все отправляются к нему на «предбрачную вечеру». В этот вечер выбирается дружка. Дружком должен быть живой, расторопный казак, который сумел бы управлять пиром и блюсти здоровье брачующихся. В течение всей свадьбы в адрес дружка и свашки звучали частушки, песни корильного содержания:

Наша сваха-рохля под печкою сдохла,
А дружка заглядае, кочергою выгребае.
Для дружки:
Что там за ворона сидит у порога?
Руки расставила, рот раззявила,
Хочет меня зысты, на мое место систы.

Кульминационным этапом свадебной игры являлся сам день свадьбы, приезд жениха в дом невесты. Свадебный поезд выезжал нечётном (нечётное число поезжан). В день свадьбы, провожая сына и благословляя его, родители, как только он выйдет за порог, льют ему вслед ковш чистой воды, «чтобы у сына дорожка была чистая и светлая как та родниковая вода». В день свадьбы подружки наряжали невесту, жених надевал «праздничный военный казачий костюм, дополненный поясом и кинжалом, сапогами со скрипом» и шапкой-кубанкой [7, с.175]. Подобный свадебный наряд сохранялся у казаков Карачаево-Черкесии до 50-х годов XX века.

В доме происходил «выкуп» невесты, а затем – «выкуп места» за столом и связанный с этим торг. Когда состоится выкуп, гости входят в дом, где сидит невеста в центре стола. После того, как родственники и друзья соглашаются, что невеста куплена, жених отдает невесте колос, приготовленный заранее. Это – веточка, на которой запечен хлеб, «чтобы невеста всегда была хлебосольная». Дает ей ключ от своего дома, в котором она будет хозяйкой. В исполнении подружек невесты звучит песня:

А в нас досточка дубовенькая,
А в нас Таня чернобровенькая,
Ой-ли-ой ли-ле-люшки.
А в нас Таня чернобровенькая.
Ай вна стала да помазалася
Чтобы Ване поновилася.
А у Вани только думочка одна,
Чтобы Таня его женушкой была,
Ой-ли-ой ли-ле-люшки.
Чтобы Таня его женушкой была.
Чтобы Таня его женушкой была,
Чтобы в домике порядочек вела,
Ой-ли-ой ли-ле-люшки.

Чтобы в дворике хозяйюшкой была.

Молодые выходят из-за стола, мать и отец благословляют их иконой. Жених с невестой стоят на руне (овчинная шуба – символ довольства и зажиточности). Это делается с целью, «чтобы в хозяйстве молодых было всегда также густо, как шерсти в овчине» [8, с.228].

Когда молодые выходят за порог, сваха выстилает рушник от порога: невеста не должна идти по голой земле, потому что она идет в дом, где будет ходить по коврам.

Чтобы нашим молодым жизнь казалась слаще,
Им решили постелить мы дорожку счастья.

Сват, взявшись за платочек, за который держались молодые, выводил их со двора (магия соединения). Мать и отец вели свадьбу до первого поворота, таким образом, они довели невесту (дочь) до первого поворота в жизни, а дальше она пойдет сама по дороге. Затем свадебный поезд отправлялся в церковь. Перед венчанием дружка «передавал» молодых священнику, который связывал руки молодых платком. Возможно, с этим ритуалом связана казачья поговорка: «Судьба придет и руки свяжет».

Побудительные обряды охватывают широкую жизненную сферу. Во время благословения молодых родители жениха расстилают перед иконой овчинную шубу шерстью вверх. Свашка посыпает «крестом» (крест-накрест). Свекровь обсыпает молодых зерном (символ продолжения жизни), перемешанным монетами, орехами, конфетами, «чтобы молодые были богаты», «чтобы была сладкой жизнь» [10, №4].

Обряд обсыпания сопровождается разнообразными приговорами:

Сыплю, сыплю я вам жито,
Чтобы жили вы зажитно,
Сыплю я вам серебро,
Щоб в дому было добро.
Сыплю, сыплю вас цветами,
Щоб цвели всю жизнь вы сами.
Кто орешек подберет,
К крепости семью сведет [10, №1].

Каждый из гостей должен подобрать то, что мать сыпет для молодоженов. В обряде обсыпания традиционно используется хмель. Молодым приговаривают: «Как хмель растет и вьется по дереву легко и свободно, пускай же и в «домачности» все произрастает и разводится так же обильно, как хмель в лесу» [6, с.300]. Молодым постилают под ноги и под сиденье шубы, вывороченные мехом наружу (шерсть, мех – символы богатства, многодетства). Это делается с целью, «чтобы в хозяйстве молодых было всегда так же густо, как шерсти в овчине» [6, с.339].

После всех приглашали за свадебный стол, а молодые должны войти последние за стол, т.к. гости долго ждали этого дня, а теперь ждут последний раз. Сват сажает молодых за стол на шубу: «Шуба тепла и мохната,/ Жить вам тепло и богато».

На стол перед молодыми ставили каравай, украшенный веточками калины, а также стакан с медом – «чтобы жилось в супружестве сладко». Начинались дары и поздравления, сопровождавшиеся пожеланиями добра, счастья и благополучия, шутками и прибаутками: «Дарю вам ложки, чтоб рождались Сережки, а еще чашки, чтоб рождались Наташки», «Дарю вам серебро, чтобы в доме было добро». Надо было «осеребрить» невестино блюдо. Преподнося дары, говорили: «золото и серебро не стареют, отец и мать цены не имеют»;

После этого невесту переодевали, расплетали косу и заплетали две, укладывая их кругом на голове, затем надевали платок. Замужней женщине ходить с непокрытой головой считалось позорным. После пира молодых увозят на отдых. В брачной комнате молодая разувала мужа, вначале снимала сапог с правой ноги, что означало покорность мужу. От первой ночи, по народным представлениям, во многом зависела дальнейшая супружеская жизнь молодых. В казачьих станицах до сих пор бытует поговорка: «Как ночь ночевать, так и век коротать».

Второй день свадьбы связан с приобщением невесты к дому мужа. Утром молодые угощают гостей. После гости рядились и разыгрывали первый день свадьбы. Существует примета: если женился последний в семье сын, то, как только молодые переступят порог дома, под порог забивают железный кол, «чтобы не было разводов». Использование острых металлических предметов с магической целью встречается и в календарной обрядности. Например, при посадке лука в середину грядки втыкается острый нож, «чтобы урожай был хороший». В станице Кардоникской встречается и такой обычай: в конце огорода в землю кладут замок, закрывают и в отверстие для ключа втыкают нож так, что открыть замок невозможно.

Магия слова была характерна не только для приговоров дружки, но и для приговоров, произносившихся другими участниками свадьбы. Например, отец мог пожелать жениху:

«Вот тебе жена,
богом создана!
Люби ее, как душу,
тряси как грушу!
Живите богатые,
спереди горбатые!»

А мать договаривала:

«Сколько в лесу пеньков,
столько вам сынков!
Сколько в поле кочек,
столько вам и дочек!».

Итак, несомненна магическая сущность свадебных приговоров. Она объясняется тем, что дружка (как и другие участники свадьбы в определенных обрядовых ситуациях) исполнял в ритуале и магическую функцию, что появлялось как в выполнявшихся им магических действиях, так и в приговорах.

Примеры приговоров, которые были приведены выше, показывают высокий уровень искусства слова, обусловленного ритуальным и магическим их назначением. Необходимость выражения ритуального отношения требовала условно-поэтической интерпретации свадьбы, то есть в широком смысле – эстетического отношения к обряду. Свадебные приговоры, которыми так виртуозно балагурили дружки во второй части свадьбы, как бы противопоставлялись свадебным причитаниям, исполнявшимся в первой части свадьбы и окрашивавшим ее в трагические тона. В том, что свадьба начиналась с плача невесты, а заканчивалась смехом, весельем под балагурство дрожки, заключался большой, жизненно важный смысл, говорящий о нравственной крепости и оптимизме народа-художника. Ритуальная, магическая и эстетическая функции свадебных обрядовых произведений их поэтическую сущность и жанровое своеобразие.

Несмотря на то, что многие казачьи традиции утрачены, свадебная обрядность сохранила основные элементы, связанные с созданием крепкой, здоровой, многодетной семьи. Процесс создания новых текстов продолжается. Изучение этнокультуры народов является важным источником совершенствования духовной жизни общества в условиях гармонизации русско-национального и национально-русского двуязычия.

Литература

1. Аникин, В.П. Русский фольклор: Учебное пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, / В.П. Аникин. - М., 1987. – 285 с.

2. Кагаров, Е.Г. К вопросу о классификации народных обрядов/ Е. Г. Кагаров. - [Ленинград]: [б. и.], 1928. - Доклады Академии наук СССР 1928. - С. 247-254.
3. Круглов, Ю.Г. Обрядовая поэзия.- В кн.: Русское народное поэтическое творчество. /Сост. В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов. Пособие. Л.: Просвещение, 1987. – 416 с.
4. Круглов, Ю.Г. Русские обрядовые песни. Учебное пособие для пед.ин-тов по спец. «Рус.яз и лит.» - 2-е изд./Ю.Г. Круглов. - М.: «Высшая школа», 1989. – 320 с.
5. Куракеева, М. Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции (XIX-нач. XX в.) : (К 80-летию репрессий казачества) / М. Ф. Куракеева; Карачаево-Черкес. ин-т гуманит. исслед., Межрегион. неполит. обществ.организация "Миротворч. миссия на Сев. Кавказе". - Черкесск : КЧ ИГИ, 1999. - 278 с.
6. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Т. 5. Старинная казачья свадьба на Дону : Для женского, мужского и смешан. ансамбля без сопровожд. / Под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Г. Сердюченко. - М.: Музгиз, 1954. - 359 с.
7. Народы Карачаево-Черкесии: история и культура: Учеб. пособие для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений / [Подгот.: Калмыкова И. Х [и др.]; Под ред. В. Ш. Нахушева. - Черкесск, 1998. - 540, [1]. с.
8. Национальные литературы и национальное литературоведение. Сто лет пути /Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию первого карачаевского профессионального ученого-литературоведа - Асият Исмаиловны Караевой – Карачаевск: Издательство КЧГУ 2017. – 298 с.
9. Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое / [Я. С. Смирнова, И. М. Шаманов, И. Х. Калмыков и др.; Редкол.: Я. С. Смирнова (отв. ред.) и др.]; Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики. - Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИИФЭ, 1988. - 160 с.

10. Архивные материалы:

- №1. Записи сделаны Хубиевой Ф.М. от информантки Степановой Т.А.(40 лет) в 1999 году в ст.Зеленчукской Зеленчукского района КЧР.
- № 2. Записи сделаны Хубиевой Ф.М. от информантки Ивченко Г.Ф. (33 года) в 2001 году в п. Орджоникидзевский Карачаевского района КЧР.
- №3. Записи сделаны Хубиевой Ф.М. от информантки Ермаковой Н.(26 лет) в 2003 году в ст.Кардоникской Зеленчукского района КЧР.
- № 4. Записи сделаны Хубиевой Ф.М. от информантки Л.А. Ефременко (42 года) в 2002 году, жительницы с Левокумское Левокумского района Ставропольского края.
- № 5. Записи сделаны Хубиевой Ф.М. от информантки Л.А. Быковской (30 лет) в 2003 году в ст. Кардоникской Зеленчукского района КЧР.
- № 6. Записи сделаны Хубиевой Ф.М. от информантки В.В. Бурькиной (65 лет) в 1995 году в ст. Кардоникской Зеленчукского района КЧР.

УДК 81

Концепт «свобода» - «freedom» в английском и русском языковом сознании

Тасуева С.И., Берсенкаева М.А.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация. Данная статья рассматривает основные значения концепта «свобода» в английском и русском языках. Приведены примеры словарных дефиниций данного концепта из различных словарей английского и русского языков. Проведем сравнительный анализ двух понятий свобода и воля, согласно которому становится очевидным сходство этих понятий в обоих языках. Рассматриваемый концепт имеет множество характеристик и значений, что говорит о его универсальности.

Ключевые слова: концепт, дефиниция, ассоциативная связь, лингвокультура.

CONCEPT «FREEDOM» IN ENGLISH

AND RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

S.I. Tasueva,

candidate of philological science,
associate professor of English language Department
Chechen State University
Grozny

M.A. Bersenkaeva

Undergraduate of the faculty
of foreign languages
the Chechen State University

Abstract. This article discusses the basic meanings of the concept "freedom" in English and Russian. Here are given examples of dictionary definitions of this concept from various dictionaries of English and Russian languages. We conducted a comparative analysis of the two concepts freedom and will, according to which the similarity of the meanings in both languages. The concept under analysis has many characteristics and meanings, which indicates its universality.

Key words: concept, definition, associative connection, linguistic culture.

Рассмотрение смысловой составляющей концепта «СВОБОДА» - «FREEDOM» в русской и англоязычных культурах нам представляется целесообразным начать с анализа лексических единиц, репрезентирующих соответствующие понятия в рассматриваемых языках.

Анализируя языковое воплощение того или иного концепта, исследователи прежде всего обращаются к данным этимологии.

Э. Бенвенист в своей работе «Словарь индоевропейских социальных терминов» анализирует возникновение номинаций социальных значений и социальных институтов. Главным понятием, отвечающим за внутреннюю структуру этих институтов, безусловно, понятие *свободный человек*. В любом из индоевропейских обществ торжествует сравнение статусов свободного человека и раба. Но также имеется, по крайней мере, один термин, универсальный для нескольких языков - латинское *liber* [1]. Прилагательное *liber* и в греческом и в латыни обладает всеми значениями, где мы употребляем слово «свободный». Сюда относится и свободный член общества, и человек, который свободен от болезни, от страдания.

Исходя из этимологических данных, мы можем сделать вывод о том, что английские *liberty* и *freedom* близки по своей семантике. *Liberty* происходит от *liber* – *свободный*, т.е. родившийся и выросший среди своих, равных, принадлежащих к одной этнической группе, *freedom* – от *free* – свободный, т.е. свой, принадлежащий к социальной группе своих.

Рассмотрим слово «раб», как противоположность понятию свободный человек. В своей работе Э. Бенвенист прослеживает образование слова раб в различных языках и приходит к выводу о том, что во всех языках раб приравнивается к чужому, пришельцу и получает в качестве имени название местности или племени [1, с. 364]. Вообще в этимологии слова раб присутствует основы, обозначающие захваченный, плененный, взятый, а также связанный. Помимо этого, установлено, что во многих языках для наименования раба используются иностранные слова, т.е. «каждый язык заимствует название раба у другого» [1, с.368]. Например, в англосаксонском *wealh* «раб» означает собственно «кельт», покоренный народ, в современном английском *slave* «раб» – от названия пленников, преимущественно славян.

А. Лазари в своей работе «The Russian Mentality Lexicon» также рассматривает свободу и волю как важнейшие концепты русского языкового сознания. Он подразделяет свободу в понимании россиян на внешнюю и внутреннюю. Внешняя свобода – свобода в западном понимании, свобода личности в обществе, свобода от чьего-либо контроля и принуждения. Настоящая свобода в русском понимании – свобода духа, которая возможна только в вере. Раскольников теряет свободу в момент совершения убийства и обретает ее вновь в заключении, обретя веру, несмотря на то, что остается внешне несвободным. А. Лазари, вслед за русским философом И.А. Ильиным, связывает внутреннюю свободу русского человека с географическим фактором – протяженностью российских равнин. Воля по А. Лазари – необузданность, неприятие любых ограничивающих факторов, некий выплеск энергии, сметающий все на своем пути, примером чему являются крестьянские восстания. Не случайно воля ассоциируется со свободным пространством, бескрайними российскими просторами [19].

Рассматривая ключевые идеи русской языковой картины мира, А.Д. Шмелев связывает концепт «свобода» с национальным образом пространства. Воля предполагает отсутствие любых ограничений, возможно, даже анархию, беспредел, в отличие от свободы, признающей границы свободы индивида

[14]. Интересный пример разграничения понимания «свободы» и «воли» студентом-физиком приводит в своей статье Л.Г. Хижняк: «Чтобы понять различия между свободой и волей, нужно представить себе плоскость и квадрат. То, что внутри квадрата, – это свобода... Воля – это вся плоскость... свобода – это воля, ограниченная законами» [13, с. 75].

Свобода еще со времен римского права является одной из ключевых ценностей западной культуры вообще и англоязычной культуры в частности. Несмотря на то, что большинство концептов американской культуры родом из Великобритании, именно Соединенные Штаты считаются во всем мире оплотом демократии и свободы. Однако понимание того, что же такое свобода варьируется и внутри культуры – от обыденного понимания, разделяемого большинством населения, до многоаспектного рассмотрения с точки зрения права, этики и философии.

Достаточно подробное лингвистическое исследование концепта «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках было предпринято А. Вежбицкой. Она говорит о существовании в англоязычной культуре двух самостоятельных концептов: *freedom* и *liberty* [2].

Нам представляется, однако, что *freedom* и *liberty* в сознании представителя англоязычной культуры являются не самостоятельными концептами, а именами одного концепта, фиксирующего отношение к свободе. Такой подход, в частности, подтверждают результаты анализа словарных дефиниций, в которых понятия *freedom* и *liberty* зачастую истолковываются одно через другое.

По данным определений различных словарей был проведен дефиниционный анализ имен концепта «свобода» в русском и английском языках. В русском языке были рассмотрены слова «свобода» и «воля», в английском – «*freedom*» и «*liberty*».

Для того чтобы выделить содержательные компоненты в структуре понятийной части концепта, все словарные дефиниции были разбиты на группы в соответствии с их содержанием.

Следует отметить, что англоязычные (британские и американские) словари, по сравнению с русскими, отличались большим разнообразием в подаче материала. При разбиении на группы по возможности учитывались два момента: максимальная смысловая близость определений внутри одной группы и порядок следования определений внутри каждой словарной статьи. Группа выделялась в том случае, если имелось достаточное количество близких определений. Например, такое значение *liberty* как «свобода от ограничений вообще» мы не сочли возможным выделить в отдельную группу, поскольку оно было представлено как самостоятельное лишь в одном словаре.

В результате все словарные определения были сведены к нескольким основным значениям. Рассмотрим лексему *liberty*:

1. свобода от заключения, рабства - state of being free (from captivity, slavery, imprisonment, despotic control, government by other) [23]; синонимы, близкие слова: autonomy, emancipation, freedom, immunity, independence, liberation, release, self-determination, sovereignty [16];

- в т.ч. политическая свобода - political freedom from the control of another government; independence [15];

- вообще свобода от ограничений - *esp. lit.* the state of being free from conditions that limits one's actions, so that one can do what one likes without permission of others; freedom [21];

2. возможность поступать как хочешь - freedom to do as one pleases [25];

3. иметь официальное право или разрешение что-л. делать. - the right or permission to do or to use something [21]; синонимы, близкие слова: authorization, with a blank cheque, carte blanche, dispensation, exemption, franchise, freedom, leave, license, permission, prerogative, privilege, right, sanction [16];

4. вольность в поведении (а) или изложении (b) чего-л. - (a) [s]. too much freedom in speech or behaviour, taken without permission and sometimes regarded as rude [21]; (b) departure from normal rules or procedures: *take liberties (with), take the liberty of doing smth (to do smth)*;

a) to behave in a rude, too friendly way (towards someone, *esp.* a woman),

b) to make unreasonable changes in (a piece of writing, history, etc.) [21].

Сравним предыдущие дефиниции с обозначениями лексики *freedom*:

1. состояние свободы как отсутствие ограничений - the state of being free; not being under control [21];

в т.ч. политическая свобода - personal or civil liberty [24];

право, разрешение делать, говорить что-л. liberty of action (to do things) [24]; синонимы и близкие слова: autonomy, deliverance, emancipation, home rule, independence, liberty, manumission, release, self-government [16];

2. возможность поступать как хочешь, свобода воли - exemption from necessity, in choice and action; as, the freedom of the will [25]; синонимы и близкие слова: ability, blank cheque, carte blanche, discretion,

elbowroom, facility, flexibility, free rein, latitude, leeway, license, opportunity, play, power, range, scope;

3. свобода как нахождение не в заключении, рабстве - liberty of person from slavery, detention, or oppression; синонимы и близкие слова: liberty / emancipation, liberation {liberate}, release, manumission [15];

4. право владения, право пользования; свобода пользования - right to treat place as own (the right to use or occupy a place and treat it as your own) [17];

5. привилегия, почетное право - privileges; franchises; immunities [25]; синонимы и близкие слова: exemption, immunity, impunity, privilege [16];

6.1. фамильярность, вольность - improper familiarity; violation of the rules of decorum; license [25]; Синонимы и близкие слова: boldness, brazenness, disrespect, forwardness, impertinence, laxity, licence, overfamiliarity, presumption [16];

6.2. искренность, откровенность, открытость - frankness; openness; unreservedness [25]; Синонимы и близкие слова: abandon, candour, directness, ease, familiarity, frankness, informality, ingenuousness, lack of restraint or reserve, openness, unconstraint [16];

7. легкость, непринужденность - ease; facility; as, he speaks or acts with freedom [25];

8. свобода, легкость движения - ease of movement (the ability to move easily without being limited by something such as tight clothing or lack of space); синонимы и близкие слова: latitude / leisure, mobility, scope, elbowroom [17].

Некоторые словари отдельно выделяют значение в сочетании *freedom from* (негативная свобода): [from]. the state of not being affected by something that makes you worried, unhappy, afraid etc [20]; absence of something unpleasant (the state of being unaffected by, or not subject to, something unpleasant or unwanted) [17].

Из приведенных дефиниций явно прослеживается совпадение по основным трем дефиниционным значениям слов «liberty» и «freedom», что показывает близость, синонимичность этих слов. Отличается лишь порядок их следования в словарных статьях.

Например, общее для «liberty» и «freedom» значение 2 нахождение не в заключении, рабстве у «liberty» на 1-м месте, у «freedom» на 2-м. Можно было бы сделать вывод о том, что «liberty» более уместное слово для противопоставления заключению, но приводимый ниже анализ ассоциативных связей приводит нас к противоположному мнению (т.е. именно «freedom» в сознании людей вызывает ассоциации, связанные с тюрьмой, заключением). Если мы полагаем, что словари являются отражением объективной действительности, то, видимо, в данном случае, можно говорить лишь о большей употребительности «freedom» в целом.

Далее, значение у «liberty» «иметь официальное право, разрешение», в общем, примыкает к значению «отсутствие ограничений», но все словари прослеживают это значение как самостоятельное. Среди значений «freedom» наиболее близким к этому является «право, разрешение делать, говорить что-либо», однако оно встретилось лишь в двух словарях, поэтому не было вынесено в отдельную группу и было отнесено к «отсутствию ограничений».

Значения, соответствующие русскому «вольность», у «liberty» и «freedom» пересекаются, тем не менее, следует выделить специфику их употребления. Они различаются оценочным компонентом значения. Для «liberty» это значение со знаком минус (излишняя вольность, фамильярность), у «freedom» же присутствует помимо этого и позитивное значение – «открытость, искренность». Кроме того, у «liberty» указывается дополнительное значение «излишняя вольность в изложении текста, переводе и пр.», которого мы не встретили среди определений «freedom».

В целом, по результатам анализа дефиниций, мы можем говорить о близости, сильной синонимичности английских слов «freedom» и «liberty» (не забывая о специфических употреблениях «freedom»: привилегия, свобода пользования, свобода движения). Тем не менее, нельзя говорить об их полной взаимозаменяемости, хотя бы в пределах совпадающих дефиниций.

Так, А. Вежбицкая, анализируя контекстное употребление «freedom» и «liberty» приводит примеры, когда невозможна их взаимная замена. Например, «к английскому слову liberty предлог from не присоединяется, и, по-видимому, никогда не мог присоединяться» [2, с. 440]; и мы бы легко в это поверили, если бы не встретили в одном из словарей определение: «freedom – liberty of the person from slavery, detention or oppression» [15].

В словаре Standard Handbook of Synonyms, Antonyms and Prepositions показывается следующее различие между liberty и freedom. Freedom – абсолютная свобода, liberty – относительная, freedom – отсутствие ограничений или осознание их, liberty – это устранение или избежание ограничений, в широком смысле – состояние освобождения от доминирования других или от ограничивающих

обстоятельств. В этом же словаре находим: *freedom* и *liberty* постоянно взаимозаменяемы, например, *the slave is set at liberty or gains his freedom*, но *freedom* более «благородное» слово.

Й. Голдберг объясняет, что свободой (*freedom*) мы обладаем от природы, а свобода (*liberty*) – это не то, с чем мы появились на свет, это политическое состояние. Все, что гарантировано Конституцией – это *liberty*, не *freedom* [18].

Однако мы склоняемся к идее близости понятий «*freedom*» и «*liberty*» в сознании современных носителей языка; вернее, имеет смысл говорить о постепенном включении «*liberty*» в смысловое поле «*freedom*».

Перейдем к рассмотрению концепта «свобода» в русской лингвокультуре.

В русской ментальности многие традиционные понятия и ценности западной цивилизации, складывавшиеся постепенно на протяжении всей европейской истории – такие, как «право», «свобода», «собственность», «закон», – искажаются или меняются до неузнаваемости. Понятие свободы и в русской, и в англоязычной культурах играло всегда огромную роль, однако конкретное содержание, вкладываемое в это понятие в разных культурах, различается. Двум английским понятиям *liberty* и *freedom*, репрезентирующим концепт «свобода», соответствует одно русское – собственно, *свобода*. Можно говорить о разных архетипах свободы, о разном переживании этих образов и разном их влиянии на общественно-политическую историю России и Запада.

Кроме понятия «свобода» в русском языке существует и понятие «воля» со сходным значением. Следует разделять «волю» как «желание, волеизъявление» и «волю» как «свободу».

Сравнивая определения русских и англоязычных словарей, мы пришли к выводу о том, что дефиниции слов «свобода» и «воля» не столь разнообразно представлены в словарях русского языка нежели «*freedom*» и «*liberty*» в англоязычных.

По данным словарей, можно выделить четыре базовых значения слова «свобода» в русском языке. Рассмотрим дефиниции лексемы *свобода*:

1. возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию, возможность действовать по своему [3,4]; *только ед.* возможность проявления субъектом своей воли [12]; способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости [10];

2. отсутствие ограничений, запрещений в политической области - положение, в котором отсутствуют ограничения и стеснения, связывающие общественно политическую жизнь и деятельность какого-либо класса или всего общества в целом [12];

3. вообще отсутствие ограничений, стеснений - отсутствие стеснения, подчинения чужой воле [3,4]; вообще отсутствие каких-либо стеснений, ограничений в чем-нибудь [12];

4. свобода как нахождение не в заключении, рабстве - отсутствие неволи, рабства; свобода крестьян противопоставляется рабству и крепостному быту [3,4]; состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [8,7].

Словарь под ред. Евгеньевой выделяет дополнительно к прочим словарям еще несколько значений.

- легкость, отсутствие затруднений в чем-либо;
- непринужденность, отсутствие связанности;
- свободное, незанятое время; досуг.

В большинстве словарей приводятся два омонимичных значения слова «воля» в таком порядке: *воля 1* – способность осуществлять свои желания; пожелание и пр. и *воля 2* в значении свобода. Мы приведем только нужное нам второе значение:

1. (в значении «свобода» 1, 3): свобода как отсутствие ограничений, возможность поступать как хочешь, данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, принуждения [3]; независимость, свобода, неподвластность, простор в действиях; самоволие, произвол [4]; полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках (*разг.*) [12]; состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода [10].

2. в значении «свобода» 2: нахождение не в заключении - свобода от рабства, от крепостного состояния [4]; свобода, независимость; состояние, противоположное рабству, неволе (*книжн., устар.*) [12].

Определения «воли» также как и «свободы» довольно близки, но стоит обратить внимание на порядок их следования. Д.Н. Ушаков на первое место ставит такое значение «воли», как «состояние противоположное рабству, неволе», а на второе «ничем не сдерживаемая свобода и т.д.» [12]. Словари последующих лет меняют их местами, что представляется нам не оправданным с точки зрения

употребительности слова «воля». Неуместно также указание на значение «нахождение не в заключении», как на устаревшее. Это интроспективное наблюдение подтверждается приводимым ниже ассоциативным анализом: респонденты противопоставляют «волю», прежде всего, жизни в тюрьме, в заключении.

Согласно данным дефиниций явно прослеживается близость и синонимичность слов «свобода» и «воля», но видна и специфика. В группе значений «свободы», которую мы назвали «возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию», можно заметить ссылку на ответственность, которую налагает свобода, ее ограниченность.

Следует отметить одно важное различие, выявленное при сопоставлении словарных дефиниций. Мы уже упоминали об «ограниченности» свободы, выраженной в русских словарях. В английских же словарях мы не находим определений, обозначающих этот аспект свободы. Это может означать либо то, что европейские философские идеи нашли большее отражение в русской культуре, либо то, что обыденное сознание людей нашло лучшее отражение в английских словарях.

В целом по результатам анализа дефиниций мы можем сказать о том, что общекультурное смысловое содержание концепта «свобода», выражаемое в русском языке словом «свобода» и «воля», а в английском словами «*freedom*», «*liberty*» совпадает.

Концепт имеет несколько именовании и множество характеристик. Помимо анализа основного обозначения, которое выступает в качестве имени для концепта, следует рассмотреть его образную характеристику, для абстрактного существительного выражаемую именем прилагательным или глаголом [5, с. 221].

Раскрытие идеи, выражаемой прилагательным *свободный* (*free*), осуществляется через следующие, общие и в русскоязычной и в англоязычной лингвокультурах, понятия: *ограничение, препятствие, принуждение, связанность, заключение, обязанности, собственная воля человека, политическая независимость государства, досуг, отсутствие чего-либо, теснота, правила*. В русском языковом сознании *свободный* также ассоциируется с отсутствием запрещения, зависимости, стеснения, затруднения, простором. Для человека, говорящего на английском языке, *free* несколько шире соответствующего ему русского *свободный* – актуализируются такие понятия как контроль, права, бесплатность, фиксация, использование, служба, расписание.

Такие национально-специфичные смыслы концепта, особенно относящиеся к периферии смыслового поля, в значительной мере детерминируются языком, точнее, языковыми средствами выражения определенных идей.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. / Под ред., с вступит. статьей и комм. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. / Под. ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 780 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. /В.И. Даль/ Сборник в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/В.И. Даль/ В 4 ч. – СПб, 1880-1882. – М.: ТЕРРА, 1994.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс /В.И. Карасик/. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Лихачев Д.С. Заметки о русском /Д.С.Лихачев/. – 2 изд., доп. – М.: Советская Россия, 1984. – 62 с.
7. Лопатин В. В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М., 1998. – 704 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка //С.И. Ожегов, Н.Ю.Шмелева/ 4-е изд., доп. – М., 1999.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. С. П. Обнорского. М., 1949; 24-е изд. М., 1992.
10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970-71.
11. Солохина А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: дисс... канд. фил. наук 10.02.20 / А.С.Солохина – Волгоград, 2004 – 191 с.
12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935.
13. Хижняк Л.Г. Концепт «свобода» – «воля» в современной коммуникации // Проблемы

речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. /Л.Г. Хижняк/– Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – С. 69-71.

14. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира /А.Д.Шмелев/– М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
15. American Heritage Student Dictionary. Houghton Mifflin Company, USA, 1994. – 1094p.
16. Collins English Thesaurus in A–Z form. Harper Collins Publishers, 1992.
17. Encarta World English Dictionary [North American Edition]. 1999-2000 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.encycarta.com.
18. Goldberg J. Liberty, Freedom, & the French Maid [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nationalreview.com/goldberg/goldberg122000.shtml, 05.2001.
19. Lazari A. The Russian Mentality Lexicon / A. Lazari /. - Katowice, 1995.
20. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd, 1995.
21. Longman English Dictionary of Language and Culture, Longman Group UK Limited, 1992.
22. New Merriam-Webster Pocket Dictionary. – New-York, 1964.
23. Oxford Advanced Dictionary of Current English. A.S. Hornby, Oxford University Press, 1974.
24. Pocket Oxford Dictionary of Current English. Seventh Edition. Edited by R. E. Allen. Clarendon Press, Oxford, 1984.
25. Wordsworth Dictionary of English Usage, 1986.

УДК 82

Дагестанские народные сказки как часть мультикультурного общества

Солодовникова О.К., Арсланмурзаева Л.Т.

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается проблема выявления и описания дагестанских сказок, которые можно интерпретировать как проявление лингвокультурной специфики языка. В статье также раскрывается отражение того, как в сказках можно охарактеризовать дагестанские народы по образу жизни, культуре, обычаям и истории самих этих народов. Также в статье вы можете почувствовать цвет и характер народных сказок, оценить красноречие и то, какие средства выражения можно наблюдать в дагестанских сказках. Образ жизни дагестанского народа ярко изображен в сказках дагестанской нации. Они составляют «энциклопедию жизни горцев».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, обычаи, сказки, персонажи, фольклорный жанр, устройства, народность, горцы.

Dagestani folk fairy tales as a part of multicultural society

Solodovnikova O.K., Arslanmurzaeva L.T.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia.

Abstract. The article deals with the problem of identifying and describing Dagestani tales that can be interpreted as a manifestation of the linguocultural specificity of the language. The article also reveals the reflection how through fairy tales the Dagestani nations can be characterized due to their way of life, culture, customs, and the history of these peoples themselves. Also in the article you can feel the color and character of folk tales, evaluate eloquence and what means of expression can be observed in Dagestan tales. Lifestyle of Dagestan folk is brightly depicted in the tales of the Dagestani nation. They make an “encyclopedia of highlanders’ life”.

Keywords: cross-cultural communication, culture, customs, fairy tales, characters, folklore genre, devices, national, highlanders.

Tales make an important genre of folklore, able to reflect the culture of the people in all its glory, a kind of repository of a national character, the real life of days gone by, universal values and ideals. Tales appeared later than myths and reflected the development of folk art. A fairy tale has its own traditional form and content, special poetic devices and a special fairy-tale style which has developed over the centuries [2, p.79].

As for the tales of the Dagestani nations, in spite of the diversity of languages and nationalities, one can trace the general theme that passes through all the folklore of the Dagestan people. This makes it possible to trace the history of ancient nationalities, their crafts, evaluate relations, both in the family and the rest of society. Beside Dagestan tales, themes such as fight between, the good and the evil, search for happiness, triumph of justice, are imbued with the ideas of humanism, desire for a better life.

"Fairy-tale images affirm healthy moral qualities, love for earth and for a human; they instil a moral and aesthetic ideal in to people, and this is their lasting value and significance" says Fatima Aliyeva, senior researcher of the Department of Folklore of the Institute of Language, Literature and Art of Dagestan scientific center RAS.

Like fairy tales of other nations, Dagestan tales can be divided into tales about animals, magic, satirical and humorous tales.

Tales about animals

Tales about animals are a fairly common form of the genre of fairy tales. This is a special system of images, poetic devices and means. Transferring of human properties to animals, their lively colloquial speeches in fairy tales create a special atmosphere of emotional mood, more colorfully showing the familiar world around.

Animals in such tales reflect human nature and through this form, relationships between people are displayed, their form of communication, friendly or hostile relations and types of solutions to conflict situations. It is this cognitive essence of fairy tales about animals that makes them especially accessible for children's perception for influencing the psyche and consciousness of the child.

Magic tales

The world of the Dagestan fairy tale is diverse, in which fantastic objects and phenomena appear. These are wonderful rings, scarves, sticks, apples, stones, magic feathers, hair, needles, trees and others. Many of them are of a specific nature that determines the national characteristics of the people of Dagestan. In fairy tales, the motive of turning into stone is widespread. A character only needs to touch the stone or rock, as miraculous transformations take place: the rock moves away or the a character himself turns into stone. Various forms of magical influences are especially widespread: once a character throws a tuft of hair or wool, mountains, gorges, rivers and so on, appear immediately. In this way in fairy tales one can observe the geographic position of Dagestan. It is enough to say a secret word, all sorts of wonderful transformations instantly occur and after drinking water or eating an apple, a character transforms, turning into a bird, animal, hero, etc.

Often fairy tales character come to grips with fantastic characters - devas, dragons, azhdahs. Sometimes this struggle is long-lasting, but most often a character easily defeats his opponents. The fairy tales' characters fight with khans, shamkhals, kings. Showing exceptional strength, courage and wisdom, they win a happy life for themselves. Such examples include the tales of a seducing Khan, who tries cunningly to take away the beautiful wife/bride of a young man; about a Khan who offends an innocent hero, gives him difficult instructions, but turns out to be defeated; about three brothers, the youngest of whom accomplishes feats and achieves all the benefits, and many others.

Social satirical tales

In social satirical tales of the peoples of Dagestan, the people's dream of rational social relations is peculiarly expressed. They created a generalized image of a national fighter – a representative of the working people's interests. The characters of social tales are seekers of happiness and social justice; they embody the best character traits of their people. In many social tales, characters can be cunning, deceitful, skillful thieves, dealing with representatives of the ruling class. In the main character of everyday tales of the peoples of Dagestan are concentrated qualities that, coming away from fairy tales, create a generalized image of a national fighter expressing the interests of the working people. These are fabulous heroes from fairy tales, and characters of everyday social tales - fighters for truth and justice and brave, courageous women who enter into martial arts with representatives of those in power; modest and hardworking girls who dream of a better life. Such characters embody the best personality traits of their nations [3, p.34].

In the system of fairy-tale images of everyday tales, images of wise girls are especially distinguished. This is female character of the Avar fairy tale “The Little Knife”, the Kumyk one - “Peymakhanum”, who with its cunning answers perplexes the foreman and helps people out of trouble, the shepherd’s daughter from the Lak fairy tale, who restored justice, the female character of the Dargin tales - “Kadiy and the old woman”, “Wise girl”, who won the dispute of the khan, and many others. They are able to get out of a difficult situation adequately, protect their honor and the honor of their family, endowed with charm and inner beauty.

Humorous tales

The repertoire of the Dagestan, humorous tales is most closely associated with the tradition of humor culture, which origin and roots date back to ancient rites, magical acts, and rituals. The mountaineers' life including that in all their diverse manifestations has long been a medium for origin of various jokes, ridiculer and witty expressions. They suggested plots, situations, conflicts, which in the course of a long life took on poetic forms and developed into fairy tales and jokes. Many of them of a family-domestic theme are built on relationships in everyday life and family, husband and wife, daughter-in-law and mother-in-law, etc.

Tales with such humorous characters like the Chultuk Khan among the Kubachins, Nakrikutsul among the Urakhins, Kulbay among the Kumyks, Zallal Kishi from the Laks, Kas-Bub from the Lezgins, Dzhiirensi from the Nogais and many others are imbued with elements of national specificity. They are often replete with comic situations and episodes, contain elements of local color, the customs of the people and are often associated with the very occupation of people living in a particular locality, district or village.

Dagestan tales are works of high culture of national thinking, the richest source of national wisdom and talent. For a long time they will captivate us with their amazing and infinitely beautiful world of science fiction and imagination, opening a gap in the life of goodness, justice and happiness.

I would like to add that the genre of fairy tales also carries a wealth of information for cross cultural communication. The fairy tales encode stereotypes of people, social relationships and you can also trace the manner of communication of this society whilst learning about its geographical location. If you make a little analysis of fairy tales, you will notice the hospitality of the people and relationships in families, the ease of communication, which is accompanied by jokes of mockery; showing that people are resourceful and can forgive, but there is a flip side of the coin in the hand or on the belt that strives to jump out and prick the offender. The ardor of the Dagestani people and pride demonstrate the same. Though a fairy tale, there pass elements of religious customs and traditions, Islam very clearly appears as the main religion[4,p.100].

For instance, the name "Mullah" means of a religious person who is trustworthy, a kind of sage who knows all the answers and will always help for free, as well as a pilgrimage to Mecca, prayer, etc. The Dagestani people, converted to Islam, but they also did not forget about the customs and traditions that existed before Islam origin. For example, bride theft, the holiday of Navruz Bairam, the veneration of fire and the preference of sons over daughters. All these facts and events are brightly depicted in the tales of the Dagestani nation. They make an “encyclopedia of highlanders’ life”.

References

1. Dahl V.I. Illustrated Dictionary of the Russian Language - Moscow, 2007. - 723 p
2. Kvyatkovsky A.P. Poetry Dictionary – Moscow, “Soviet Encyclopedia”, 1966.-464 p.
- 3.. Propp V.Ya The historical roots of a fairy tale - L.: 1996.-340p.
4. Russian fairy tales - Moscow "Soviet Russia", 1989.-125p.
- 6 <http://skazbook.ru/dagestanskie-skazki>
7. https://www.riadagestan.ru/news/science/syuzhety_i_obrazy_skazok_narodov_dagestana/

УДК 801.52; 81'271: 82.085

Использование зоонимов в составе ФЕ
для образной характеристики человека в различных культурах

П.Г. Алиева

Дагестанский государственный университет.
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ фразеологических и паремиологических единиц языков различных культур и традиций (дагестанских и индоевропейских), содержащих в своем составе компонент-зооним. Сравнительный анализ данной категории фразеологических единиц оправдан тем, что каждый язык различает в своем содержательном плане два момента: универсальный (общий для всех или многих языков мира) и идиоэтнический, уникальный, характеризующий язык в его индивидуальном своеобразии.

В семантике ФЕ с компонентами-зоонимами в сопоставляемых языках имеются определенные сходства, обусловленные тем, что в составе целого ряда фразеологических единиц используются названия одних и тех же животных для характеристики внешнего облика или внутреннего мира человека. Тождественная в исследуемых языках семантика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, представленная одинаковым лексическим наполнением и одинаковой формой выражения, приводит к формированию однотипных фразеологических образов.

Статья представляет интерес для исследователей в области общего, кавказского и сопоставительного языкознания, а также для исследования языковой картины мира.

Ключевые слова: дагестанские языки, фразеологические единицы, компонент-зооним, семантическая структура.

**The use of zoonyms in the composition of the phraseological unit
for the figurative characterization of a person in different cultures**

Alieva Patimat Gabibulahovna

**Dagestan State University.
Makhachkala, Russian Federation**

Summary. The article presents the analysis of phraseological and paremiological units of languages of various cultures and traditions (Dagestan and Indo-European), which contain a zoononym component. A comparative analysis of this category of phraseological units is justified by the fact that each language distinguishes two points in its content plan: universal (common to all or many languages of the world) and idioethnic, unique, characterizing the language in its individual identity.

There are certain similarities in the semantics of phraseological units with zoonymic components in comparable languages, due to the fact that a number of phraseological units use the names of the same animals to characterize the appearance or inner world of a person. The semantics of phraseological units with the zoonym component, identical in the languages studied, represented by the same lexical content and the same expression form, leads to the formation of the same phraseological images.

The article is of interest to researchers in the field of general, Caucasian and comparative linguistics, as well as for the study of the linguistic picture of the world.

Key words: Dagestan languages, phraseological units, component-zoononym, semantic structure.

Основная цель любого сопоставительного исследования заключается в выявлении тождественных (интегральных) и различительных (дифференциальных) признаков сравниваемых языковых единиц. Это подтверждается также тем фактом, что в основе ряда важнейших методов языкового анализа – оппозитивного, полевого, трансформационного, компонентного и др. лежит постулат о тождествах и различиях в языке, сформулированный ещё замечательным швейцарским лингвистом, одним из основателей Женевской лингвистической школы Фердинандом де Соссюром.

Сопоставительные исследования фразеологических единиц, особенно обслуживающих различные культуры, имеют свои особенности, обусловленные опосредованностью и многоплановостью исследуемых единиц. Именно с этим общим свойством связана некоторая приблизительность результатов анализа фразеологических единиц языков различных культурных традиций, который позволяет выявить лишь относительное тождество. А. Д. Райхштейн также указывает, что: «строгое понятие тождества вообще вряд ли применимо к сопоставляемым фразеологическим фактам, каждый из которых занимает в системе своего языка специфическое место и имеет особую значимость, которая не повторяется в неизменном виде в иноязычной системе для соотносительного факта. Практически речь идет не об абсолютном, а об относительном тождестве, касающемся основных функциональных и семантических характеристик ФЕ в целом, а также ее конститuentов, парадигматических и синтагматических связей. Отсюда необходимость пренебречь частными, второстепенными, периферийными различиями и сконцентрировать внимание лишь на существенных расхождениях, затрагивающих принципиальные качественные и количественные свойства объектов» [5, с. 17]. Иначе появляется риск потонуть в массе любопытных деталей, которыми изобилует фразеология и которые представляют теоретический интерес лишь в той мере, в которой поддаются обобщению. В этой связи уместно напомнить высказывание Л.И. Ройзензона о том, что «из всех творений языкового гения человека фразеология - наиболее самобытное, сложное и компликативное явление» [6, с. 116].

В целом фразеологическое значение – это феномен исключительно сложный и, разумеется, его нельзя рассматривать как механическую сумму составляющих его компонентов. Семантическую структуру ФЕ можно представить как микросистему, все элементы которой в тесной связи и взаимодействуют между собой. Известно также мнение, согласно которому внутренняя форма присуща лишь таким фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное сочетание с тем же лексико-грамматическим составом [4].

В последнее время принято выделять важную функцию фразеологического значения как коннотативно-культурологическую, содержанием которой является отношение между формой языковых единиц и включенной в нее культурно значимой ассоциацией. Коннотативно-культурологическое значение приобретает особую значимость для фразеологических единиц с терминами животного мира, семантически ориентированных на животных, но метафорически ассоциируемых с человеком. В фольклоре любого народа герои этноса посредством метафорического переноса сравниваются с различными представителями животного мира. Мифическая символика часто связана с названиями животных. В процессе исторического развития народов – носителей языков некоторые животные становились олицетворением положительных или негативных качеств, которыми человек обладал. Так возникли зоонимы-эмотивы – разновидности экспрессивной лексики, которые используются для выделения положительных или отрицательных качества человека, посредством уподобления человека животному.

В сопоставляемых в данном исследовании германских и дагестанских языках (в языках различных культурных традиций) в основу метафорических употреблений положены одинаковые или близкие коннотации. Так, образ змеи используется в значении «злой или коварный человек», например: англ. *viper, snake*; нем. *die Schlange*; авар. *борохъ*; лак. *шамта* «змея», «гадюка». В английском языке с образом змеи ассоциируются такие низменные качества человека как подлость и предательство, например: *to be lower than a snake* «быть самым последним негодяем», (букв. «быть ниже, чем змея»); *a snake in smb's bosom* букв. «змея в груди», используется для оценки неблагодарного человека. В немецком языке змея также ассоциируется с коварством и подлостью, например: *listig wie eine Schlange*; *falsch wie eine Schlange* «коварный как змея», «змея подколотная».

В лакском языке о подлом человеке говорят: *Шамта ялату, инсан виїх оьрчицсар*. «Змея сверху, человек изнутри пестрые бывают». *Шамлул кунма кликьянцла маз бусса*. «Как у змеи раздвоенный язык иметь» – о человеке, приносящем вред людям посредством своего языка. В аварском языке подлый, коварный человек характеризуется как *борхьил гIамал* бугев букв. «змеи характер имеющий».

Стилистически нейтральное слово *snake* «змея» в фразеологических единицах английского языка используется реже, чем его стилистически окрашенный синоним *viper* «гадюка», который также репрезентирует семантику «предатель», «ренегат», например: *To cherish (to nurse, to warm) a viper in one's bosom* «пригреть змею на груди», «пригреть гадюку в чьем-либо сердце». Фразеологизм *Generation of viper* «порождение ехидны», букв. «поколение гадюк» имеет библейское происхождение. В основу данного фразеологизма положен не образ не «змеи», а образ библейского «змия», олицетворяющий собой нечистую силу. Образ «змия» лежит также в основе сочетания *Snake-juice* «виски», букв.

«змеиный сок». Поскольку чрезмерное употребление алкогольных напитков приводит к галлюцинациям на фоне алкоголизма, то в этом усматривают влияние нечистой силы, например: *To see snakes* «напиться до чертиков (до зеленого змия)», букв. «увидеть змей».

Вместе с тем, змея имеет также и положительные коннотации, которые совпадают в генетически и типологически различных языках, в языках различных культурных традиций – лакском и немецком. В этих языках змея символизирует такое положительное качество человека как мудрость, например: нем. *j-d ist klug wie eine Schlange* «мудр как змея»; лак. *шамта кунa чьявукГулсса* «мудрая как змея».

В то же время в родственном немецкому английскому языке мудрость символизирует не змея, а сова, ср.: англ. *as wise as an owl* «мудрый как сова».

Такая черта характера человека как хитрость актуализируется во всех языках исследования образом лисы, ср.: англ. *as cunning as a fox*; нем. *schlau wie ein Fuchs*; авар. *цeр Гладин сихЛирав*, лак. *цулчa кунма макруду бусса* «хитрый как лиса».

Образы осла или мула применяются для характеристики упрямого, своенравного человека во всех исследуемых языках, например:

англ. *as obstinate as a donkey* «упрямый как осел», *as obstinate as a mule* «упрямый как мул»; нем. *hartnäckig wie ein Esel, stur wie ein Maultier* «упрямый как мул»; авар. *Хлама Гладин* «упрямо», букв. «как осел», *Глуцлем Гладин* «упрямо», букв. «как мул»; лак. *вицуннул аьмал бусса* «имеющий упрямство мула», «упрямый человек»; *вицун кунa ХЛиркI бугъусса* «упрямый как мул»; *ттукку кунa ХЛиркIбугъайсса* «упрямый как осёл».

Храбрость в сопоставляемых языках ассоциируется с «царем зверей» – со львом, ср. англ. *as bold as a lion*; нем. *mutig wie ein Löwe* «храбрый как лев» – ав. *ГьалбацI Гладин* «храбро», букв. «как лев»; лак. *аслан кунa виричусса* «храбрый как лев».

Трусость ассоциируется с зайцем, например: англ. *as timid as a hare*; нем. *Feig wie ein Hase*; лак. *бюрх кунa нигьа усайсса* «трусливый как заяц»; авар. *Гланкул ракI бугев* «трусливый», букв. «зайца сердце имеющий».

Иногда наблюдаются и существенные расхождения вплоть до прямо противоположных. Так, в английском языке волк является олицетворением таких отрицательных качеств человека как: жестокость, лицемерие, жадность, ср. *wolf* «жестокий», «безжалостный» или «жадный человек», Образ волка – это символ жестокости и лицемерия, ср.: *a wolf in a lamb's skin* «волк в овечьей шкуре», «лицемер». *Never leave the wolf to keep the sheep* «волк не пастух, свинья не огородник»; «не пускай козла в огород» (букв. «не доверяй волку охранять барана»).

В американском варианте английского языка *wolf* репрезентирует также значения: «бабник», «волокита», «сердцеед», обозначая коварного, ненадежного, обманчивого человека, которому нельзя доверять. В американском военном дискурсе словом *wolf* называют старшину роты.

Фразеологизм «волк в овечьей шкуре» функционирует и в немецком языке: *ein Wolf im Schafspelz*, синоним: *Schafskleid sein*, букв. «овечья шкура». Лакская пословица *буцIул къацIливу клусса мабихьларда* «не клади палец волку в рот» предостерегает от людей с характером волка. Такое же предостережение содержится в другой пословице: *буцIул гьал даххана шайссар, хасият даххана къашайссар* «волк меняет шерсть, но не характер». Примечательно, что в немецком языке также представлена пословица такой же семантики, как свидетельство, что скверный человек с дурными привычками не меняет своей натуры: *Wolf stirbt in seiner Haut* «волк каждый год линяет, а обычая не меняет», букв. «волк умирает в своей шкуре»; *ein Wolf und eine Hure bessern nicht* «волк и блудница не меняются».

В аварском языке также есть аналогичная пословица – *бацIуца бацIул Гамал толаро* = рус. «сколько волка не корми, он всё в лес смотрит», букв. «волк волчьих повадки не оставляет». Однако в аварском языке, как и в родственном даргинском, волк символизирует такие качества как ловкость, смелость, верность (стае). Волк – это единственное животное, которое не убегает от более сильного противника. Выражение *бацI Гладин* букв. «как волк» означает «прекрасно», «ловко, быстро».

Сравнивая даргинские фразеологизмы с русскими с компонентом –зоонимом ‘волк’, в которых волк употребляется как символ всего отрицательного, символ хищника жадного и хитрого, М.-Ш. А. Исаев отмечает, что «в даргинском языке волк (в отличие от русского) символизирует вовсе не хищность, жадность и хитрость, а храбрость, бесстрашие, ловкость. И на само слово *бецI* ‘волк’ лежит табу, что сильно ограничивает его употребление. В обиходной речи слово *бецI* ‘волк’ заменяется синонимичным словом жанавар ‘зверь’» [2, с. 102].

При обозначении одного и того же качества человека, сопоставляемые языки могут актуализировать разные признаки, например:

- англ. *as graceful as a swan* «грациозный как лебедь»;
лак. *бюрни куна овхъусса* «грациозный, стройный как олень»;
англ. *as innocent as a dove* «кроткая как голубка»;
лак. *бярч куна мюмIусса* «кроткий, послушный как телёнок» и т.д.

Данные фразеологические единицы совпадают в значениях в главном, в общем семантическом плане, но имеют и несовпадающие семы, которые и являются накопителями и носителями этнокультурной информации. В исследуемых языках представлен целый ряд компаративных фразеологических единиц, выражающих сходную семантику, но различающихся своей *внутренней формой* – фразеологическими образами, мотивирующими эту семантику.

Термин и понятие «внутренняя форма языка» (*die innere Sprachform*), восходящие к Вильгельму фон Гумбольдту, получили неоднозначную трактовку в лингвистике. Однако все языковеды признают важную роль внутренней формы в семантической структуре фразеологических единиц. Как считает А. В. Кунин «внутренняя форма ФЕ значительно более стойкая, чем внутренняя форма слова, что объясняется преобразованным характером фразеологического значения, преобладанием мотивированных фразеологизмов, их раздельнооформленностью, а также спецификой их взаимоотношения с прототипами» [3, с. 194].

Неповторимость и своеобразие внутренней формы фразеологических единиц разных языков обусловлено тем, что «... Разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (*Ansichten*) его... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [1, с.9].

Национальное своеобразие фразеологических единиц исследуемых языков проявляется не столько в семантике самых фразеологизмов, сколько в их внутренней форме – фразеологических образах, мотивирующих эту семантику. Отсюда и неповторимость, и своеобразие именно внутренней формы фразеологических единиц с компонентом зоонимом, которые не имеют образных параллелей в сопоставляемых языках.

Несмотря на различие генетических и культурно-исторических связей германских и дагестанских языков, в них обнаруживается также определенное количество компаративных фразеологических единиц, совпадающих по семантике и по своей внутренней форме – фразеологическим образам, мотивирующим эту семантику.

Литература

7. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
8. Исаев М.-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. / М.-Ш.А. Исаев. – Махачкала, 1995. – 208 с.
9. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. / А.В. Кунин. – Дубна: «Феникс+», 2005. – 488 с.
10. Маллаева З.М., Джалалова А.М. Спорные вопросы сопоставительной фразеологии. / З.М. Маллаева, А.М. Джалалова // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-16. – С. 3639-3642. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37836> (дата обращения: 01.11.2019).
11. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
12. Ройзензон Л.И. Заметки по русской компаративной фразеологии. / Л.И. Ройзензон. // ВФ. № IV. – Самарканд, 1971. С. 170-178.

Направление 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ И
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

УДК 821.411.21

Поэтика образности фараона-реформатора в романе Нагиба Махфуза
«Эхнатон, живущий в правде»

Гаджимурадова Т.Э., Корголова С.А.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Абстрактный. В статье рассматривается образ фараона-реформатора в художественном дискурсе романа «Эхнатон, живущий в истине» арабского писателя XX века Нагиба Махфуза. Рассматривается сложная жанровая структура романа, литературно-художественный метод редактирования, используемый писателем, позволяющий давать одинаковые события глазами разных людей.

Ключевые слова: арабская литература, поэтика образности, жанровая природа, роман-рефлексия, инсталляционная техника, проблемы.

The poetics of imagery of the pharaoh-reformer in the novel
Nagib Mahfuza "Akhenaten living in truth"

Gadzhimuradova T.E., Korgoloeva S.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article deals with the image of the pharaoh-reformer in the artistic discourse of the novel "Akhenaten, living in truth" by the Arab writer of the twentieth century Nagib Mahfouz. The complex genre structure of the novel, the literary and artistic method of editing used by the writer, allowing to give the same events through the eyes of different people are considered/

Key words: Arabic literature, poetics of imagery, genre nature, novel-reflection, installation technique, problems.

В романе «Эхнатон, живущий в правде» лауреат Нобелевской премии Нагиб Махфуз с поразительной убедительностью рассказывает о неоднозначном и полном тайн правлении фараона-«еретика». Спустя годы после смерти молодого властителя современники фараона – его ближайшие друзья, смертельные враги и загадочная вдова Нефертити – пытаются понять, что произошло при дворе Эхнатона, излагая свою версию случившегося. Махфуз предлагает читателям самим определить, какой личностью был Эхнатон в действительности.

Амарнский период – именно так называют ученые короткий и неоднозначный период правления фараона Эхнатона – имеет много загадок и тайн, поэтому так привлекателен для учёных, историков, философов, писателей. Эхнатон – человек, опередивший свое время, первый в истории последователь монотеизма, правитель, создавший прекрасный новый город в пустыне, фараон, отказавшийся от войн и призывающий к любви и миру, мужчина, выбравший в жены прекраснейшую из женщин – Нефертити, и воспитавший с ней шесть дочерей. Одним словом, герой, которым можно только восхищаться. В то же

время после смерти фараона прекрасный город Ахетатон сразу был покинут, а у культа Атона не было последователей; в надписях времен Тутанхамона, его преемника, правление Эхнатона названо «несчастливым временем, когда от Египта отвернулись боги» [5]. Иммануил Великовский высказал гипотезу о том, что фараон Эхнатон и его жизнь послужили реальной основой известного всем греческого мифа об Эдипе и весьма убедительно доказал эту гипотезу в книге «Эдип и Эхнатон». Это является ещё одним свидетельством того, что любопытство в отношении легендарного фараона со временем не уменьшается и его личность продолжает интересовать не только историков.

Нужно понимать, что через много тысяч лет вряд ли найдутся убедительные доказательства того, какими же людьми были Эхнатон, Нефертити, их окружение, о чем они мечтали, чем вдохновлялись, чего боялись и к чему стремились. Роман Нагиба Махфуза как бы вновь оживляет древнюю историю, даёт свою интерпретацию событиям далёкого прошлого, историческим личностям.

Роман «Эхнатон...» из серии так называемых «малых» романов Махфуза. Отличается сложной жанровой структурой. Это роман-притча, роман-мозаика, роман-пазл. Но более всего, как нам представляется, подходит определение «роман-размышление», размышление о личности и обществе, вере в Бога и человека, добре и зле, честолюбии и смирении, любви и ненависти.

Автор использует тот же прием, что и в романах «Торжество возвышенного», «Пансионат "Мирамар"», когда одни и те же события (детство и юность Эхнатона, идея о новой религии, женитьба на Нефертити, приход к власти, реформы, строительство Ахетатона и пр.) показаны глазами разных людей. Причём в «Торжестве возвышенного» – это четыре варианта видения ситуации, в «Пансионате "Мирамар"» – пять исповедей-монологов, отражающих отношение различных слоёв египетского общества к революции и социальным преобразованиям в стране. В «Эхнатоне...» – четырнадцать вариантов трактовки событий и личностей. Это даёт возможность для более полной и объективной картины прошлого. У каждого персонажа есть возможность высказаться о наболевшем, передать свои мысли, чувства, эмоции. Используемый писателем монтаж как литературно-художественный приём предполагает сбор, соединение элементов, иллюстраций и комментариев к эпизодам в повествовании. При этом все элементы сборки имеют внутреннюю логическую связь и отвечают идее произведения. Нельзя не согласиться с мнением, что «монтаж предполагает необходимость читательского участия. Автор снимает с себя ответственность за развитие сюжета и предлагает своим героям и читателям разделить её с ним» [2]. Другими словами, читатель становится соучастником творческого процесса, и степень его участия в создании образов-характеристик, картины происходящих событий зависит от интеллектуального и эмоционального видения, индивидуальной способности к образному восприятию.

В коротких главах Нагиб Махфуз рисует яркие и живые портреты друзей, соратников и врагов фараона, и тех, кто любил Эхнатона, сочувствовал и поддерживал его, и тех, кто ненавидел, завидовал, презирал, мужчин и женщин, военачальников и жрецов, его приближенных и, конечно, вдовы – царицы Нефертити. Каждая глава, отражающая видение ситуации одним из персонажей, напоминает материалы уголовного дела, содержащего десятки свидетельских показаний об одном и том же, однако окончательный приговор вынести невозможно.

Лишь в одном сходятся все – Эхнатон был человеком необычным, не похожим на других. Об Эхнатоне-ребенке (тогда еще Аменхотепе) его отец сказал, что «этот мальчик достоин чего угодно, только не трона». Однако странный юноша, увлеченный необыкновенными для молодого наследного принца идеями, все же оказывается на троне.

Нагиб Махфуз тонко намекает, что Эхнатон был гениальным человеком, сумевшим в одиночку создать египетскую версию монотеизма, оказавшим огромное влияние на духовную жизнь Древнего мира и незримо присутствующим в наши дни на страницах Библии и Корана. И не его вина, что в силу сложившихся обстоятельств проводимая им религиозная реформа была забыта, а другие участники тех давних событий постарались стереть его след в истории [1].

Действие романа происходит в конце царствования Тутанхамона, когда после смерти Эхнатона прошло уже много лет [4]. Повествование ведется от лица некоего Мериамона, сына вельможи из Саиса. Вид заброшенного Ахетатона, «города еретика», вызывает у молодого человека жгучее любопытство и желание узнать правду о фараоне-реформаторе. «– Ты сам выбрал свой путь, вот и ступай им. Да защитят тебя Боги, – сказал отец. – Твои предки выбирали войну, политику или торговлю, но ты, Мериамон, ищешь правды, а в этом деле успех зависит только от тебя самого. Будь осторожен, не вызывай гнева властей и не насмехайся над несчастьем того, кто впал в забвение. Будь таким же бесстрастным и внимательным к каждому свидетельству, как сама история. Только так можно познать правду, свободную от пристрастий, и поведать эту правду тем, кто желает над ней поразмыслить. Я был

рад проститься с праздностью и вступить на тропу истории, ведущую к правде, на тропу, у которой нет ни начала, ни конца, ибо ее всегда прокладывают те, кто стремится к вечной истине» [4].

Фараон Древнего Египта Эхнатон являлся весьма яркой и противоречивой личностью: религиозным реформатором, восставшим против тысячелетних традиций многобожия и магических верований, предпринявшим первую в истории отчаянно дерзкую попытку перейти от политеизма к монотеизму, предвосхитив идеи иудаизма, христианства и ислама; одаренным поэтом, написавшим величественные Гимны Атону; умелым управленцем, построившим по почти современным стандартам «идеальный» город Ахетатон с населением 50 тыс. человек (в то время как численность Египта была всего несколько миллионов человек); создателем нового реалистического направления в искусстве (вспомним хотя бы всемирно известный бюст Нефертити, изваянный согласно греко-буддистским канонам красоты); гениальным политиком, предложившим в эпоху кровавых войн и уничтожения покоренных народов равенство всех людей; библейским пророком (103 псалм, к примеру, был скопирован с его текстов Гимна Атону); подлинным гуманистом, отказавшимся на государственном уровне от обычных в то время человеческих жертвоприношений и т. д. Все эти ипостаси великого человека и фараона отражены в романе Махфуза.

Писатель, описывая характер Эхнатона, обращает внимание на слова Нефертити о тех временах, когда трон был окружен врагами и недоброжелателями: «Думаю, Эхнатон знал, что они кривят душой. Но он верил, что любовь – лекарство от всех болезней. Думал, что со временем любовь укрепит их веру и они станут больше доверять ему» [4]. В этих словах и осмысление идейного конфликта Эхнатона с окружением, и апофеоз страдающей в этом конфликте одинокой и протестующей личности, и осознание значительности внутреннего мира героя. Фараон оказался в центре острого спора смерти и жизни, потому что верил во всемогущество любви, её способность разрешать все жизненные противоречия, превращая дисгармонию в гармонию, внося порядок в мировой хаос. Однако старое живуче. Отжившие нормы, общественные и религиозные предрассудки, социальные различия, игра чьих-то корыстных интересов в конце концов оказались сильнее любви.

Современная цивилизация переживает глубинный кризис духовности и ломку, казалось бы, незыблемых культурных ценностей (этических, эстетических, личностных, семейных и др.). Однако «в будущее мы входим, оглядываясь на прошлое» (Поль Валери). Поэтому роман «Эхнатон, живущий в правде», заставляющий размышлять о роли личности в истории, взаимоотношениях личности и общества, других исторических реалиях, духовно обогащает неоценимым человеческим опытом.

Литература

1. Кларк Р. Священные традиции Древнего Египта / пер. с англ. К. Савельева. – М., 2012.
2. Курских О.В. Монтаж как литературно-художественный приём // Режим доступа: https://pglu.ru/upload/iblock/cc3/uch_2010_iv_00033.pdf (дата обращения 23.07.2019).
3. Матъе М.Э. Значение Амарнского искусства в развитии древнеегипетского пейзажа // Древний Египет. – М., 2017. – 512 с.
4. Махфуз Нагиб. Эхнатон, живущий в правде [Текст]: пер. с англ. Е.А. Кац. – М.: Мир книги, 2011. – 144 с.
5. Морозов А. Загадка культа Атона // Наука и религия. – М., 2017. – № 3. – С. 37–42.

УДК 821.351.32

Арбен Кардаш о поэзии национальных поэтов-классиков

Гаджимурадова Т.Э.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются стихи о назначении поэта и поэзии в творчестве современного лезгинского поэта Арбена Кардаша. В этом контексте особый интерес представляют стихи, которые посвящены классическим поэтам поэтов национальной литературы Ятиму Эмину и Сулейману Стальскому.

Ключевые слова: современная лезгинская поэзия, классика народной литературы, исповедальная поэма, проблемы, образность стихов.

Arben Kardash on the poetry of national classic poets

Gadzhimuradova T.E.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The article discusses verses about the appointment of the poet and poetry in the works of the modern Lezgin poet Arben Kardash. In this context the poems which are dedicated to the classical poet poets of national literature, Yatim Emin and Suleiman Stalsky are of particular interest.

Keywords: modern Lezgi poetry, classics of national literature, confession poem, problems, imagery of verses.

Современная дагестанская литература претерпевает качественные изменения, её развитие отмечено возросшим художественным мастерством поэтов, писателей, углублением психологизма, аналитичности, укреплением связей с действительностью. Обогащённая опытом и знанием природы человека, литература вступает в новую фазу своего развития: она пытается проникнуть в психологию личности и общества. Все эти изменения обусловлены временем, в большей мере устремлены к отображению гуманистического, человеческого. Они прослеживаются как в целом развитии литературы и её жанров, так и в творчестве отдельных писателей и поэтов современности.

Всем своим поэтическим творчеством (тематическим и жанровым разнообразием) А. Кардаш «вписался», вошел в общелитературный процесс развития отечественной поэзии, и в дагестанском литературном течении он сразу же занял достойное место. Талант А. Кардаша и его соответствие эпохе, в которой он жил и живет, – две его основные духовные ценности. Он сохраняет за собой право выбора наиболее существенных, с его точки зрения, жизненных фактов, событий. Он не обошел вниманием антивоенную тему, когда о войне и мире много писали в нашей стране; прошла в его творчестве и интернациональная тема (цикл стихов об Афганской войне); прославил простого человека, горцатруженика, горянку, мать как олицетворение родного края и Отчизны, хранительницу семейного очага; своих многочисленных друзей.

Особое место в его поэзии занимают стихи о назначении поэта и поэзии. И в этом контексте более всего интересными представляются стихи, посвящённые поэтам-классикам лезгинской национальной литературы, – Етому Эмину и Сулейману Стальскому.

Етим Эмин был поэтом драматической судьбы и уникального дарования. В беспечной юности он верил, что ему удачи «поймать прекрасный мир». Но заболел, он оказался в одиночестве. Как писал А. Кардаш, «в своём одиночестве Эмин стал как бы ещё зрячей. Из бездны личного горя ему открывается весь мир на ладони. Все роковые события, порождавшие всенародное горе, он принимает за свою боль. А свою скорбь он обобщает во всеобщий крик и негодование. В своих зрелых стихах он изображает мир, который рушится от бесправия, бесчинства властителей, безверия людей, предательства друзей, несправедливости судей, человеческой алчности» [2]. Поэзия Эмина стала олицетворением человеческого горя.

Кардаш долго изучал наследие Е. Эмина, переводил его стихи на русский язык. Позже посвятил ему драматическую поэму «Гурии бrenного сада, или Последний день Етима Эмина», в которой главными действующими лицами являются поэт Етим Эмин, семь гурий (Любовь, Счастье, Несчастье, Терпение, Вдохновение, Скорбь, Надежда) и жена поэта Тукезбан. Последние годы жизни поэта прошли в мучениях и страданиях. Неизлечимая болезнь съедала его изнутри. Смертельно больной поэт продолжал работать. Даже стены его комнаты были испещрены стихами.

Последнему дню жизни Эмина посвящена эта поэма. На «перевале грядущей ночи», в ожидании, когда «ночь иная взор застелет мраком», поэт подводит итоги жизни. На пороге смерти он читает стихи о мире – «бrenном саде», о скоротечности человеческой жизни, о невозможности перебороть извечный порядок, существующий под небом. Драматическая тональность сгущается, готовя трагическую развязку. Прощение и просьба – последние слова Эмина на смертном одре. Поэт тихо ложится на бок и уходит навсегда. Тукезбан громко рыдает. Последний миг земного существования переживается человеком как освобождение от пут времени, пространства и боли.

Поэзия Етима Эмина глубоко личностная, исповедальная, тонко передает состояние одинокой души, её метаний, тревог. Как нам представляется, А. Кардашу удалось показать это состояние души художника в последний день его земного существования. В поэме ощущается смена тональностей в звучании голосов гурий и поэта. Эмин здесь автобиографичен, исповедален, открыт и лиричен. Сказано на Востоке: «Достойней всех тот, кто честно нёс свою ношу», т. е. жизнь человеческая должна быть исполнена осознанием честно выполненного долга. Етим Эмин «достойней всех», так как всю свою жизнь посвятил служению народу.

Великие уроки жизни и стихотворчества получил Арбен Кардаш от Етима Эмина. Во многом под влиянием поэта Кардаш закончил работу над суфийским венком сонетов и газелей «Исповедь, или Поэма души». Показательной представляется оценка этого труда блестящим знатоком восточной лирики Семёном Липкиным, который написал Кардашу: «Читая Ваши стихи даже в подстрочном переводе, слышишь музыку поэзии. Взяв за образцы суфийскую поэзию, Вы сумели обновить её трагическим чувством нашего современного бытия...» [3].

С таким же пиететом относится Кардаш и к памяти Сулеймана Стальского. Жизнь этих двух поэтов постоянно в поле зрения Кардаша. Учитывая прежде всего эту неизменную любовь к двум бессмертным поэтам лезгинского народа, Расул Гамзатов сказал об Арбене Кардаше: «Я его люблю за бескорыстную, настоящую внутреннюю любовь к своему народу и культуре своего народа, за бережное отношение к его наследию». Очень высоко Гамзатов отозвался о книге Стальского «Неизвестное», составленной из неизданных стихотворений в переводе Арбена: «Я знал высоту Сулеймана, но глубину его я узнал по этой книге» [4, с. 167]. Из стихотворений, посвящённых С. Стальскому, Лидия Стальская выделила два – «У друга гощу я в чудесном Ага-Стале...» и «Счастье поэта». Первое было написано в 1988 году, когда молодой Арбен впервые приехал на родину Сулеймана.

И чувствуешь: душа с природою едина,
Их на блаженный миг гармония роднит.
Пристрастию чужда природа, так невинна,
И доброе в себе, и вечное хранит.

И кажется: звучит чеканный стих над нами,
И славный Сулейман вновь воскресает в нём...
Пылают небеса зарёй и облаками,
Как наши пиалы кизилом и вином.

«У друга гощу я в чудесном Ага-Стале...» [1, с. 96].

В торжестве и покое природы поэт слышит голос «славного Сулеймана», перенимая у него великие уроки жизни и стихотворчества. Стихотворение «Счастье поэта» написано уже в 1994 году, в год 125-летия С. Стальского. Эпиграфом взяты последние слова «Гомера XX века»: «Шалбуздаг видится как на ладони». Как тонко и умело обыгрывает Кардаш предсмертные слова классика, какой в них прочитывает подтекст!

Поэту никогда смерть грозно не довлела,
И в ней он искушён – в науке из наук,
Но ведь и жизнь сама – совсем пустое дело,
Коль правду ты забыл и жаден, как паук.

...

Кто истинный поэт, тот в смертный час напрасно
Не будет уж писать какой-нибудь пустяк.
Нет, жизнь свою продлит он на мгновенье властно,
Чтоб с чистой совестью взглянуть на Шалбуздаг.

«Счастье поэта» [1, с. 155].

О священной горе Шалбуздаг известно много легенд, преданий и исторических сведений. Но Арбен впервые в лезгинской литературе задумался над словами Сулеймана о Шалбуздаге, о том, как важны совесть и душа для поэта, как он должен оберегать их от соблазнов и грязи времени, как это сумел сделать Сулейман Стальский.

В стихотворении «Останься собой» звучит строка: «И те, кто открыл для тебя небеса...». Эту строчку можно понимать по-разному. Речь может идти о тех, кому мы обязаны своей жизнью, о тех, кто являются нашими учителями и наставниками. По мнению Л. Стальской, под «открывшими небеса»

подразумеваются Е. Эмин и С. Стальский, а сам Арбен Кардаш состоялся как поэт и имеет право «взглянуть на Шалбуздаг» [4, с. 169–170].

Поэт успешно справился со своими идейно-художественными задачами и сказал свое решающее слово о поэте и назначении поэзии в наше время, в таких программных произведениях, как «Я вас моллю, отвлекись дайте мне...», «Памятник поэту», «Весенней порой...», «Счастье поэта», «Памятник», «Поэт и народ», «Ночь-эшафот» и др.

Наделённый от природы талантом, даром постижения сути жизни и острым чувством художественной правды, Арбен Кардаш создал образы поэтов, оставивших значительный след в истории духовного развития народа.

Литература

1. Арбен Кардаш. Меж восходом и закатом: Поэзия и проза. – Махачкала, 2006;
2. Литературная Россия. – 1998. – 24 апреля;
3. Огрызко В. Пойми боль моих душевных мук: Арбен Кардаш // Южный форпост державы. Литературная Россия: Сб. – М., 2008. – С. 160;
4. Стальская Л. Право взглянуть на Шалбуздаг // Арбен Кардаш: Творческая личность на рубеже столетий. Исследование и материалы / Автор-сост. С.А. Бедирханов. – Махачкала, 2011. – С. 167.

УДК 82

Быть или не быть? Шекспир или не Шекспир?

А. С-П. Шуаипова, П. Х. Хунарикова

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация: На протяжении нескольких веков продолжают споры относительно авторства известных во всем мире произведений английского драматурга Уильяма Шекспира. Этому вопросу и посвящена наша статья. В данной работе приведены основные доводы сторонников шекспировской теории и их противников, опровергающих авторство Уильяма Шекспира. Главной задачей статьи является введение непосвященного читателя в суть шекспировского вопроса.

Ключевые слова: драматург, автор, теория, доказательство.

TO BE OR NOT TO BE? SHAKESPEARE OR NOT SHAKESPEARE?

A. S-P. Shuaipova

student of 3 st course of
specialty «Journalism»

FSBEI of HPE «Chechen state University»

P. K. Hunarikova

Candidate of philological sciences

FSBEI of HPE «Chechen state University»

Abstract: Over the course of several centuries, disputes have continued over the authorship of world-famous works by the English playwright William Shakespeare. This article is dedicated to our article. This paper presents the main arguments of the supporters of Shakespeare's theory and their opponents, who refute the authorship of William Shakespeare. The main objective of the article is to introduce the uninitiated reader to the essence of the Shakespearean question.

Key words: playwright, author, theory, evidence.

Весь мир – театр,
В нем женщины, мужчины – все актеры,

У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль... [4, с.188].

- авторство этих и многих других строк является одной из самых загадочных глав в истории литературы Англии шестнадцатых веков. Предмет нашего исследования - известный английский поэт и драматург, вышедший из города Стратфорд-апон-Эйвон, Уильям Шекспир. О Шекспире, как и о многих его современниках, занимавшихся литературой, известно немного. Но в отличие от остальных своих современников, стратфордский драматург удостоился гораздо большего внимания. Многие исследователи, а также поклонники его таланта на протяжении веков усердно собирали информацию о нем и о его семье. Искали в архивах, церковных, налоговых и дворцовых книгах, театральных дневниках, в воспоминаниях современников, а также в иных источниках. И в результате кое-что удалось собрать. Эти данные предоставляют возможность получить хотя бы поверхностное представление о происхождении, семейной и творческой жизни человека, именуемого Уильямом Шекспиром.

Споры относительно авторства шекспировских произведений были, кажется, неизбежны, поскольку недостаток информации оставляет место предположениям и дает волю фантазии. Первой этот вопрос подняла Делия Бэкон в своей статье «Уильям Шекспир и его пьесы; вопрос касательно них». Примечательно, что статью автор не подписала, но предположила, что предполагаемые сочинения Шекспира в действительности были написаны ни одним, а многими литераторами, а основным автором Бэкон назвала государственного деятеля елизаветинской эпохи Уолтера Рэли. Позже появилось около восьмидесяти предполагаемых авторов, а сам вопрос авторства был назван шекспировским по аналогии с гомеровским вопросом.

Помимо Уолтера Рэли авторами шекспировских произведений называли Фрэнсиса Бэкона, Эдуарда де Вера, Роджера Мэннерса, Уильяма Стэнли, Кристофера Марло и других. Все эти известные люди своего времени могут рассматриваться в качестве кандидатов на авторство, поскольку в шестнадцатом веке человеку благородного происхождения было стыдно признаться в том, что он увлекается драматургией. Это занятие считалось не достойным для знати и порицалось. Поэтому важно знать, что данный вопрос не столько предполагает плагиат, сколько то, что некто захотел опубликовать свои произведения, не выдавая себя как автора (то есть под чужим именем, а именно под именем Уильяма Шекспира). Теорию, основывающуюся на авторстве Шекспира, принято называть стратфордизмом (так как Шекспир был родом из Стратфорда), а противвесом ей служит, соответственно, нестратфордизм или же антистратфордизм. Но мы в дальнейшем будем пользоваться более упрощенной терминологией, то есть сторонников шекспировской теории назовем идеалистами, а их противников - антишекспироведами.

Прежде, чем перейти к спорам между этими двумя теориями, заметим, что «ни при жизни Шекспира, ни в течение полутора веков после его смерти никто не выразил сомнения в том, что он был автором приписываемых ему произведений» [1, с.215].

А между тем у Шекспира вполне могли быть и завистники, и недоброжелатели при жизни, которые при наличии доказательств без труда смогли бы раскрыть правду. Однако подобных случаев не было или же они не дошли до нас. Так или иначе первые подозрения в плагиате появились лишь в 1856 году.

Самым весомым доводом антишекспироведов является то, что Шекспир не получил образования, соответственно, не умел писать. В свою очередь, идеалисты утверждают, что Шекспир обучался в бесплатной королевской школе, которую открыли в 1553 году недалеко от его дома. Но письменных свидетельств этому нет. Кроме того, никто не называл Шекспира ни своим учеником, ни одноклассником, что также бросает тень на авторство. Сохранились шесть подписей драматурга, которые, впрочем, очень тяжело разобрать и скорее похожи на произвольные фигуры, а не на буквы. На это идеалисты отвечают тем, что Шекспир был актером, а значит, ему приходилось учить роли, и временами большие. Но правда в том, что в Англии в шестнадцатом веке роли учили при помощи суфлера, то есть актерам было не обязательно уметь читать.

Нельзя не заметить, что Шекспир неоднократно в своих произведениях обращается к истории и демонстрирует свои знания в ней. Советский и российский литературовед Александр Александрович Смирнов также отмечает, что «творчество Шекспира отличается масштабностью – чрезвычайной широтой интересов и размахом мысли» [2, с.113].

Более того, абсолютное большинство построенных им образов принадлежат людям высокого происхождения, передать характеры, речь и увлечения которых для человека чуждого этому обществу, каким был и сам Шекспир, не представляется возможным. Но здесь стоит заметить, что в своих произведениях автор неоднократно допускал и совершенно непростительные исторические ошибки,

например, в «Троиле и Крессиде» греки и троянцы цитируют Платона и Аристотеля за тысячу лет до их рождения. К тому же, по мнению идеалистов, Шекспир был не так далек от знати, несмотря на то, что не принадлежал к ней. После того, как отец Шекспира получил право на герб, сам Шекспир получил титул «джентальмен». Также ряд исследователей отмечает, что «деды Шекспира были крестьянами, отец сделался ремесленником и торговцем, а Шекспир стал драматургом.» [3, с.36].

Также любопытен тот факт, что имя Шекспира неоднократно менялось в разных публикациях (то есть менялась форма его написания), что позволяет думать о том, что Шекспир – это псевдоним, а не имя самого автора. Но и это не трудно объяснить, поскольку грамматические и орфографические нормы были еще не устойчивы и Шекспир не единственный английский драматург шестнадцатого века, чья фамилия периодически подвергалась изменениям.

Был Шекспир подлинным автором или же нет, род его быстро угас. Шекспир был женат, у него было трое детей: две дочери и сын. Мальчик умер. Две дочери были замужем, имели детей, но все внуки умерли бездетными.

Много споров оставляет и завещание Шекспира. Драматург подробно расписывает, что кому полагается, но при этом не упоминает ни одно из своих произведений, даже при том, что больше десяти из них были еще не опубликованы, и судьба их была неизвестна. Но Шекспир умалчивает, словно они ему не принадлежат.

На могильной плите Шекспира высечена эпитафия:

Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей землей,
Не тронувший блажен в веках,
И проклят – тронувший мой прах [5, с.317].

Несколько свидетелей утверждают, что эти строки были придуманы самим Шекспиром, стало быть Шекспир умел и мог сочинять. Но не менее интересен смысл этих строк. Дело в том, что на кладбище из-за недостатка земли кости выкапывали из земли и складывали в помещении на территории кладбища, но не хоронили вновь. Это делалось для того, чтобы освободить очередной кусок земли. Поэтому обращение в строках вовсе не расплывчатое, а ясный призыв к гробовщику с просьбой не беспокоить останки.

Неоспорим тот факт, что в биографии Шекспира много темных пятен, которые бросают тень и на его талант, и на всю его творческую деятельность, однако отдать право авторство кому бы то не было другому, было бы столь же не разумно, сколько и окончательно закрыть этот вопрос. Поскольку ни одно из называемых восьмидесяти фамилий не позволяет дать точного ответа. Фактов мало, а отсутствие фактов предполагает догадки, в свою очередь на догадках строятся гипотезы. И каждый читатель способен решить сам, какой из них отдать предпочтение.

Но безусловно – каждая новая полемика пробуждает все больший интерес и к личности самого драматурга, и к его произведениям.

Литература

1. Морозов М. 'Шекспир' - М.: Молодая гвардия, 1947 - с.276
2. Смирнов А.А. 'Шекспир' - Ленинград-М.: Искусство, 1963 - с.192
3. Урнов М.В., Урнов Д.М. 'Шекспир. Его герой и его время' - М.: Наука, 1964 - с.208
4. Френкель М. С.Загадка Шекспира – Ростов н/Д: Феникс, 2013 - 191 с.
5. Шенбаум С. 'Шекспир. Краткая документальная биография' - М.: Прогресс, 1985 - с.432

УДК-821.351.42

Развитие жанра поэмы в чеченской литературе первой половины XX века

Даулетукаева К.Д.

**ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г.
Грозный**

Аннотация: Статья посвящена истории жанра поэмы в национальной литературе. Исследованию подвергнут ранний период становления чеченской поэмы – 1920 – 50 –е, определены наиболее яркие этапы развития жанра. Практическая часть работы выстроена на материале творчества самых ярких представителей первого ряда чеченских писателей Арби Мамакаева, Раисы Ахматовой, раскрытию их духовно-нравственных, философских, художественно-эстетических исканий.

Ключевые слова: поэма, история, культура, традиции, лиро-эпический жанр, произведение, художественные типы, композиция, чеченская литература.

The evolution of the poem genre in Chechen literature of the first half of the twentieth century.

K.D. Dauletukaeva

Chechen State Pedagogical University, Grozny

Resume: The article is devoted to the history of the poem genre in national literature. The early period of the formation of the Chechen poem - 1920 - 50th was subjected to research, the most striking stages of the development of the genre were determined. The practical part of the work is based on the work of the most prominent representatives of the first row of Chechen writers Arbi Mamakayev, Raisa Akhmatova, the disclosure of their spiritual, moral, philosophical, artistic and aesthetic searches.

Keywords: poem, history, culture, traditions, lyric-epic genre, work, art types, composition, Chechen literature.

Как известно жанр поэма предполагает стихотворное произведение эпического или лирического характера. На протяжении всей истории литературы форма жанра поэмы значительно меняется и поэтому лишена устойчивости. Классическая поэма - это преимущественно эпическое («Одиссея» и «Илиада» Гомера, «Божественная комедия» Данте) или историко-героическое («Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, «Неистовый Роланд» Л. Ариосто, «Петр Великий» М. Ломоносова, «Россиада» М. Хераскова) произведение. От классической поэмы существенно отличаются романтические поэмы (например, Дж. Байрона), по своему содержанию они ближе к жизни личности и несут в себе элементы лиризма...» [6].

Исходя из вышесказанного, поэма – это по преимуществу традиционный, отчасти даже несколько архаичный жанр, все более «отходящий в тень» на протяжении XX и XXI века под воздействием различных процессов, лежащих не только в области развития и трансформации литературно-эстетических явлений и собственно творческой практики, но и таких тенденций, как, скажем, глобализация и постмодернизм. Вместе с тем на протяжении XX века в национальных новописьменных литературах бывшего Советского Союза и России наблюдалось довольно интенсивное развитие этого жанра.

Это связано, в частности с тем, что обретшие незадолго до этого собственную письменность литературы неизбежно должны были пройти на ограниченном промежутке времени в некоем «конспективном», «тезисном» режиме через основные традиционные этапы развития литературных жанров, стилей, направлений, в частности, пройти через опыт лиро-эпического жанра поэмы. Это неизбежно вызывало в прошедшие десятилетия и вызывает к жизни в настоящее время активизацию исследовательского – литературно-критического, теоретико- и историко-литературного начала в данной области.

Поэма является «наиболее сложным и наименее изученным видом поэзии», [3]. тем не менее исследования о различных национальных типах, жанровых разновидностях и периодах развития жанра поэмы, созданные на протяжении последних десятилетий, существенно изменили это положение.

Историческое развитие чеченской литературы XX века включает в себе весьма богатый материал, требующий своего исследования, хотя целого ряда вопросов, связанных с этим (историей развития, фольклорными традициями чеченской поэмы) касаются в своих работах такие ученые Чечни, как Х. Туркаев, Т. Джамбекова, Ш. Джамбеков.

Вместе с тем необходимо отметить, что в области фольклористики нахских народов существует уже достаточно длительная и серьезная традиция изучения лиро-эпического наследия в национальном устном народном творчестве, начиная с работы З.К. Мальсагова «Чеченский народный стих» (Владикавказ, 1933).

Народно-героический эпос, несомненно, необходимо рассматривать как своеобразного «долитературного» предшественника жанра «профессиональной» поэмы уже непосредственно в чеченском писательском творчестве. В течение советского периода стали интенсивно издаваться тексты произведений различных фольклорных жанров, в том числе и народного эпоса [5]. За последние полвека появилось немало исследований различных аспектов народных эпических памятников.

Поэма, как известно, – это жанр, вообще наиболее характерный по преимуществу для ранних форм литературы на протяжении длительного времени, который в новейшей литературе (начиная с XIX века, с эпохи усиления реалистических тенденций) будет все более уступать место другой форме – роману – как «эпосу нового времени».

Действительно, поэма – это наиболее органичный жанр (естественно, по разным основаниям) для эстетической системы фольклора, народно-героического эпоса, таких литературно-художественных методов, как классицизм и романтизм. Вместе с тем жанр поэмы, претерпевая определенные трансформации, найдет свое место, выразительное проявление и развитие и в русской литературе XIX – XX веков.

Достаточно назвать поэмы классиков А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А. Блока, в советский период – поэмы С. Есенина, В. Маяковского, Э. Багрицкого, А. Твардовского, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Е. Евтушенко и других. В этих произведениях основывалось новое лиро-эпическое мироощущение, свойственное национально-исторической эпохее. Для лучших произведений этого жанра характерны универсализм и вариативность эстетического и художественного мышления, острое чувство времени, жажда новизны. «Концепция прошлого своего народа в подобного рода произведениях была представлена в контексте прогрессивного взгляда на исторический процесс, но в целом была свободна от резкого противопоставления прошлого и настоящего. Принципиально новым становится способ организации поэтического повествования. Мир поэмы включается в богатый творческий мир автора» [3]. Многомерность и многослойность произведения определяется динамичным образом автора как творца поэмы, организатора повествования.

Молодая чеченская литература в 1920-30 годы обращалась и к крупным стихотворным художественным формам. Поэты стремились обобщить исторический опыт народа в эпоху больших общественно-политических перемен. В 1920-30-е годы чеченская поэзия выходит на новый уровень поэтического осмысления действительности. Появляются новые имена (Ш. Айсханов, Н. Музаев, А. Мамакаев), чье творчество обогащает ее новыми формами, новыми образами, идейно-эстетическими исканиями.

Поэмы «Кровавые горы», «Разговор с матерью» М. Мамакаева, «Партизаны» С. Бадиева стали новым этапом развития не только поэзии, но и чеченской литературы в целом. В материале «Чеченская поэзия 1920-30-х годов» справедливо отмечается, что в 1920-30-е годы в чеченской литературе в количественном отношении преобладали поэтические жанры. Автор считает, что «это было связано с тем, что поэтические традиции были древними и достаточно разработанными в устном народном творчестве чеченцев, в отличие от прозаических форм» [8]. Следует отметить, что аналогичные явления и процессы наблюдались в данный период практически во всех новописьменных литературах Северного Кавказа.

Естественно, что эти опыты чеченских авторов в жанре поэмы в первые десятилетия существования национальной профессиональной литературы не отличались большой оригинальностью и новизной. Вместе с тем, их появление было необходимо и обоснованно в силу того, что литература должна была пройти через этот определенный опыт творческой практики, освоения основных форм и этапов общелитературного процесса. В процессе их создания у авторов каждой молодой литературы нарабатывался своеобразный навык работы с такими источниками тем, идей, сюжетов, образов, мотивов, изобразительно-выразительных средств, (помимо объективной реальности), как богатый потенциал национального фольклора и не менее богатые традиции русской и мировой литературы. И вместе с тем можно утверждать, что подобные духовно-нравственные, философские, художественно-эстетические искания в жанре поэмы дали свои результаты, создав произведения, обладавшие признаками авторской активности, искренности, глубины в художественно решении комплекса этических и эстетических проблем, традиционных для этого жанра.

Значительный вклад в развитие профессиональной чеченской лиро-эпической поэмы довоенного периода вносит Арби Мамакаев (1918-1958), один из основоположников национальной литературы. В 1941 году публикуется его поэма «В горах Чечни», затем – поэмы «Аслага и Селихат», «Шатой».

Поэма Арби Мамакаева «В горах Чечни» (на русском «В родных горах») была ярким литературным явлением в культурной жизни чеченского общества конца 1930-х – начала 40-х годов.

«Это прекрасная песня о трагической любви, размышления поэта о тяжелой судьбе своего народа, который будучи веками угнетаем, гоним, вынужденный в постоянных войнах защищать свою бедную, но свободную жизнь, становится заложником диких и кровавых традиций.

Герои поэмы – люди красивые, сильные, свободные духом, стремящиеся к своему счастью через страдания, лишения, смерть, становятся невинными жертвами кровной мести. Написанная ярким, образным литературным языком, поэма явилась гимном любви, дружбе, мужеству и чести» [4].

Поэма «В горах Чечни» (перевод Э. Балашова) примечательна еще и тем, что каждой ее главе предпослан в качестве эпиграфа тот или иной фрагмент текста чеченского фольклора, что служит своеобразными заставками и лирическими камертонами каждой главы, ее темы, мотива, образов, стилистики, интонации.

«В горах Чечни» – фундаментальное произведение, по своей композиционной структуре перекликающееся с пушкинским «Евгением Онегиным». Эту поэму также с большим основанием можно назвать «романом о чеченской жизни». Дух высокого романтизма обрамляет в поэме и историю высокой любви мужчины и женщины, и конкретные исторические события, и очень корректное художественное осмысление некоторых национальных традиций, в определенных условиях, встающих на пути у людей, стремящихся к высоким целям...» [4].

По мнению одного из лучших переводчиков произведений чеченского поэта на русский язык Ивана Голубничего, Арби Мамакаев – «и тонкий лирик, способный воспроизвести интонации народной песни, и то же время он – глубокий мыслитель, для которого даже освященные традицией условности жизни не являются неприкосновенными догмами, если они встают на пути у людей, стремящихся к личному счастью и благополучию своего народа... Говоря о будущем Чечни, он не впадает в излишний пафос, голос его сдержан и мужественен, и в то же время исполнен высокого вдохновения» [4].

Поэма Арби Мамакаева «Аслага и Селихат» несет на себе многие признаки романтического мировосприятия и миропонимания – такие, как мотивы свободы: этноса, народа, личности, и свободы выбора, в частности; мотивы протеста, яркости, силы и неповторимости характера человека из народа, богатства, глубины и обостренности его эмоциональной сферы, идеи близости человека и природы. Действие поэмы происходит в недалеком прошлом – на рубеже XIX-XX веков, на что указывают отдельные ее исторические реалии, как например, участие в ее сюжете в качестве одного из персонажей исторического лица – абрека Зелимхана Харачоевского.

Вместе с тем художественное время этой поэмы немного обобщенно, условно-абстрактно, в нем крайне мало реалистически достоверных примет конкретного исторического периода. Сюжет поэмы достаточно прост и типичен. Молодой джигит Аслага вынужден податься в отряд абрека Зелимхана, скрываясь от кровника. В это время любимая девушка Аслагы по имени Селихат, исходя из чувства долга перед своим родом, вынуждена расстаться с ним. Вскоре приходит достоверное известие о том, что Аслага погиб, и Селихат отдают – а точнее, продают – замуж за старого мутлу.

Меня родители свели
С тем, кто старей самой земли.
И да придут отец и мать
Мою могилу обнимать! [7].

Однако выясняется, что юноша Аслага жив, его друг Шахид передает девушке Селихат от него письмо, написанное в форме фольклорной лирико-романтической песни о любви:

Не верь, Селихат, им – я живой!
Стань мне подругой – сестрой лесной!
Будь ради весны своей весной!
Будь ради любви моей со мной! [7].

Селихат убегает от ненавистного мужа, но в это время ее друга Аслагу настигает кинжал кровника, и Селихат находит любимого умирающим. Последняя искра вспыхивает в его глазах, последние слова срываются с губ... Селихат, которой незачем и некуда идти, убивает себя.

Эта трагическая сцена увидена глазами ближайшего верного друга главных персонажей поэмы – Шахида:

И выстрел лес ночной взорвал.
Шахид не сразу осознал,
Что означал тот звук неожиданный.
Он пальцы Селихат разнял,
Нащупал рукоять нагана,
Струящего смертельный дым.

Итак, два трупа перед ним.
Какая страшная поляна! [7].

В этой поэме взволнованно и убедительно передан весь спектр человеческих чувств и отношений – и любовь Аслаги и Селихат, и мужская дружба, описанная в начале поэмы, и благородство, чувство долга, и кровная месть, и борьба за свободу. Хотя сама поэма и намеченные в ней характеры достаточно традиционны, она не может не волновать своим сюжетом и мотивами.

Абрек Зелимхан изображен в поэме практически как идеальный персонаж, благородный разбойник, «вольный как воля», защитник несправедливо угнетенных, носитель правой мести, к примеру, великодушно отпускающий на свободу пленных русских солдат.

А Зелимхан стоял поодаль
И, на винтовку опершись,
Перебирал лесную жизнь
Свою. Всего в ней было вдоволь:
И крови, и смертей. И эта,
В бою добытая победа,
В нём радости не вызывала.
На пленных он смотрел устало... [7].

Помимо любовно-лирической и героико-приключенческой темы, в поэме присутствует и сатирико-реалистический компонент. Здесь весьма ярко изображен морально-психологический портрет муллы – алчного и сластолюбивого, пережившего двух жён, изгнавшего третью и тщащегося купить любовь четвёртой:

И слюни с бороды роняя,
Кошачьи теребя усы,
Глаза хомячьи округляя,
Старик с повадками лисы,
Как жертву слабую паука,
Костлявыми руками вдруг
Схватил и обнял Селихат... [7].

Художественные типы главных героев поэмы – Аслаги и Селихат наполняются яркими красками благодаря авторскому мастерству в создании характеризующих их эпизодов, песен, монологов, писем.

Автор частично стилизует повествование в этой поэме под жанровую форму илли, а отчасти хабара – устного прозаического рассказа по преимуществу информационно-бытового характера. В то же время, по мнению критика, «не характеры занимают автора, не ради их раскрытия взялся он за свою поэму. Главный смысл поэмы заключен в провозглашении автором права его героев Аслаги и Селихат на счастье. Сила чувств и величие человеческого страдания» [8]. – именно это побудило поэта записать со слов старика-чеченца этот

...Рассказ,
Так живо поразивший нас,
О старине, где всё нам ново...

Поэмы Арби Мамакаева, без преувеличения, являются народными, имея в виду прежде всего то, что они написаны о народе и посвящены его трагической судьбе. Безусловно, Арби Мамакаев оставил глубокий след в истории национальной литературы, стал одним из тех, кого по праву называют ее основоположниками.

В наследии Марьям (Марем) Исаевой (1898-1977 гг.) - поэтессы, как и Арби Мамакаев, принадлежавшей к старшему поколению чеченских авторов XX века, прозаика, переводчицы, литературного критика также имеются поэмы – «Гамар» (1941), «Революционерийн илли» («Песнь революционеров»).

Поэзия Раисы Ахматовой (1928 - 1992) была глубоко связана с общественным развитием ее родины – Чечено-Ингушетии, России (советской России) XX века. В основе лирических образов ее стихов - как и в основе главных эпических образов ее поэм - лежит «расширение» и безграничный рост ее личности как человека, гражданина, поэта, которые так характерны для этой поры. Явления эти в конечном счете были порождены распадом векового уклада общественной жизни и сознания в громадной стране в целом и на Кавказе, в ее родной Чечне, в частности.

Перу Раисы Ахматовой принадлежат поэмы: «Слово о хлебе» (о первой чеченке-комбайнере К. Дудуркаевой), «Алхазур – летящая птица» (о прославленном бригадире механизаторов Герое Социалистического труда А. Кагерманове), «Поющая чинара» (о безмянных горских поэтессах),

«Тропую памяти». Сила поэм Раисы Ахматовой в зрительных образах, где удожественные произведения - это не просто субъективные переживания, а результат долгих раздумий над многообразными, всевозможными общечеловеческими думами. Искусству поэтессы присущи гражданственность в сочетании с тонким лиризмом. Значимое место в творчестве Раисы занимает тема многонационального содружества, а также размышления на тему предназначения поэта [2]. В каждом своем произведении поэтесса находила гордость и боль за свой народ.

Затих аул, под буркою косматой.

Безмолвных гор опять мне странен вид

Какая тишь. В окно пахнуло мятой.

Я жду тебя. Ты только позови.

Ты знак подай-пройду по перевалам,

Звездой прольюсь под грохотом лавин.

Туман тропу укроет покрывалом,

Но я пройду. Ты только позови.

Пусть бьет гроза, палит полдневный ветер

Из горших мук восстану для любви

Ты верь, Ты жди, Ты просто будь на свете.

И я приду. Ты только позови [1].

Темой любви к родине пронизаны многие поэтические произведения Р. Ахматовой. Специфика творчества чеченских писателей 1920-30-х годов заключалась в том, что в силу особенностей общественно-политической и историко-культурной ситуации, характерной для Чечни до и после октябрьского периодов, поэты-писатели разрешали многие задачи просвещения художественными средствами.

Таким образом история поэмы как литературного жанра возникла в 1920-30-е годы – в чеченской литературе. Чеченские поэты стремились обобщить исторический опыт народа в эпоху больших общественно-политических перемен. В 1920-30-е годы чеченская поэзия выходит на новый уровень поэтического осмысления действительности.

Литература

1. Ахматова Р.С. Медный листопад. Стихи и поэмы. - Москва, 1974.
2. Ахматова Р.С. Поющая Чинара: Стихи, поэмы / Перевод с чеченского, предисловие И. Озеровой; Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. - 151 с.
3. Ветшева. Н.Ж. Жанр поэмы в эстетике и творчестве арзамасцев. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Томск 1984
4. Голубничий И. Арби Мамакаев – «чеченский Есенин» // Арби Мамакаев, «Я был твоим, Кавказ...». Стихотворения, проза и публицистика, письма, воспоминания и посвящения. М., 2008.
5. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. - Грозный, 1979
6. Квятковский А. П. Поэма // Квятковский А. П. Поэтический словарь. - М.: Сов. Энцикл., 1966. - С. 221.
7. Мамакаев Арби. Избранное, Грозный, 1977.
8. <http://nohchalla.com/knigi/literatura.html>

УДК 8

Инновационные формы развития интереса к художественной литературе у детей младшего школьного возраста на уроках осетинского чтения

Дзусова Б. Т.

**ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт»
г. Владикавказ, Россия**

Аннотация: ни для кого не секрет, что чтение всегда рассматривалось как средство учения и обучения и как средство воспитания в человеке человека. Недостаточная разработанность проблемы развития читательского интереса с применением инновационных форм работы, ее большая практическая значимость определили актуальность темы данной работы.

Ключевые слова: инновационные формы работы, уроки осетинского чтения в начальной школе, приобщения учащихся к художественной литературе

Innovative forms of developing interest in fiction in primary school children in Ossetian reading lessons

Dzusova Bella Taimurazovna

**GBOU VO "North Ossetian State Pedagogical Institute"
Vladikavkaz, Russia**

Annotation: it is not a secret for anyone that reading has always been regarded as a means of teaching and learning and as a means of education in a person. The insufficient elaboration of the problem of developing reader interest with the use of innovative forms of work, its great practical significance, determined the relevance of the topic of this work.

Keywords: innovative forms of work, Ossetian reading lessons in elementary school, introducing students to fiction

В непрерывной системе развития образования определена роль гуманитарных дисциплин в духовном росте школьников и цель литературного образования, заключающаяся во введении ученика в мир прекрасного, приобщении к национальному и мировому искусству слова, воспитании потребности в чтении и интереса к художественному слову, формировании высоких эстетических вкусов и способности творчески воспринимать прочитанное. И поскольку обществу сегодня необходимо гармонично развития личность перед школой стоит задача её воспитать. В связи с этим современная школа должна помочь каждому ребёнку осознать смысл своей жизни определить ориентиры собственного будущего [10]. Поэтому на всех уроках, и особенно уроках литературы, необходимо учащимся давать не просто сумму знаний, а сформировать жизненную компетентность как способность личности к оптимальным действиям. Это обуславливает выбор учителем инновационных технологий обучения, использование которых даст возможность подготовить молодого человека к социальной активности в обществе.

Сложно переоценить ту огромную роль, которую играет книга в духовном развитии человека. Особенно велико ее значение в период интенсивного становления личности – в детские годы. Книга, прочитанная в детстве, нередко оставляет неизгладимый след в душе, запоминается на всю жизнь [13]. Различным аспектам изучения читательских интересов детей посвящены труды Е.В. Квятковского, Е.П. Крупника, В.А. Левина, Н.Г. Морозовой, Ю.В. Шарова. Сущностные характеристики процесса становления читательских интересов исследовали М.М. Бахтин, Г.И. Богин, Л.Г. Жабицкая, О.Б. Коман, З.Н. Новлянская, Ю.У. Фохт-Бабушкин, а также в трудах исследователей по начальному образованию (В.Г. Горецкий, О.В. Джежелей, Л.Ф. Климанова, З.И. Романовская, Н.Н. Светловская).

В современном обществе постоянно возрастают требования к читательской грамотности. Анализ результатов современной ситуации в России показывают, что проблема формирования читательских интересов у младших школьников остается нерешенной в полной мере, как в теоретическом, так и методическом плане. Недостаточная разработанность проблемы, развития читательского интереса, ее большая практическая значимость определяют актуальность этой работы в указанном аспекте.

Методика преподавания литературы в школе сделала шаг вперед в осмыслении целей и задач преподавания литературы. Данный переход характеризуется, прежде всего, переориентацией учителя от выполнения задачи накопления знаний и литературных фактов к личностно-ориентированному обучению. В современной школе главным является «переживание» знаний, «вчувствование» в текст, сотворческая деятельность учителя, ученика и автора [3, с. 72].

Урок был и остается основной формой обучения и воспитания школьников. У него есть организационные, методические, педагогические, психологические, гигиенические и в нашем случае литературоведческие аспекты. Отсюда своеобразность подготовки к уроку зависит от его типа и вида. Современная методика и практика выделяют несколько типов и множество видов уроков литературы.

В основу их классификации кладется содержание литературного образования, методик проведения и этапы изучения произведений и тем. Взгляд на урок с современных позиций требует пересмотра традиционных типов форм организации занятий и их структуры. Все чаще предлагалось заменить традиционные уроки формами обучения, у которых нет строгой структуры, но они открывают простор для творческой фантазии учителя.

Нетрадиционный урок – это импровизированное учебное занятие, включающее различные инновационные технологии. Взгляды педагогов на нетрадиционные уроки различаются: одни видят в них прогресс педагогической мысли, правильный шаг в направлении демократизации школы, а другие, наоборот, считают эти шаги опасным нарушением педагогических принципов, отступлением педагогов под натиском учеников, которые не хотят и не умеют серьезно работать [9, с. 396].

Анализ педагогической литературы позволил выделить несколько десятков уроков, включающих инновационные приемы работы: урок – деловая игра; урок – пресс-конференция; урок – аукцион, урок – творческий отчет; урок поиска правды и т.д.

Легко заметить, что в число нетрадиционных уроков попали некоторые типы занятий, которые в более ранних классификациях фигурировали как вспомогательные, внеклассные и внеурочные формы организации учебной работы. Нетрадиционные формы обучения, как и привычные типы уроков, в основе своей классификации имеют целевой компонент. Именно поэтому их целесообразней рассматривать как отдельный подтип традиционных типов урока. И только те формы организации учебной деятельности выдерживают испытание временем, у которых есть конкретная целевая установка и соответствующие ей структура и содержание работы.

Инновационные формы и приемы стимулирования учащихся к чтению осетинской художественной литературы требуют от учителя поисков разнообразных методик с целью разнообразить формы урока. У каждого вида профессиональной деятельности есть своя технология. У педагогической работы тоже есть своя технология – правила организации нетрадиционного урока [4, с. 728].

В качестве примера приведем фрагмент работы по изучению творчества К. Хетагурова с внедрением инновационных форм работы.

*Синквейн (от фр. *cinquains*, англ. *cinquain*)* – это творческая работа, которая имеет короткую форму стихотворения, состоящего из пяти нерифмованных строк [1, с. 25]. Данный пример можно использовать в конце урока в качестве пройденного нового материала. Детям следует объяснить, что такое синквейн: Синквейн у фондзрæнхъон строфа.

1- аг рæнхъ – синквейны темæ æвдисæг номдар;
2- аг рæнхъ – темæ æргомгæнæг 2 миногони;
3- аг рæнхъ – темæйы архайд æвдисæг 3 мивдисæджы;
4- æм рæнхъ – цыбыр хъуыдыйад, фразæ, кæцыйы фæрцы æргомгонд цауы, темæмæ цы цаæстæнгас ис, уый;

5- æм рæнхъ – дзырд – резюме (номдар – синоним), кæцыйы фæрцы æвдыст цауы хи цаæстæнгас темæмæ.

Дæнцæг. Синквейн «Къостайы сфæлдыстад»:

Къоста (Сæргонд).

Номдзыд, курдиатджын.

Хъуыды кæны, уарзы, æфхæры.

Йæ ном цæры.

Гений.

Таким образом, чтобы урок осетинской литературы, с применением инновационных форм и приемов работы был эффективным, необходимо:

1. Точно обозначить тему, дидактическую, развивающую и воспитательную цели, тип и структуру урока.

2. Обозначить значение урока в системе других, связать его с предыдущим и следующим.

3. Отобрать содержание учебного материала: определить его объем, установить связь с выученным ранее, подобрать дополнительный материал и т.д.

4. Выбрать наиболее эффективные методы и приемы обучения, разнородные виды деятельности.

5. Определить формы контроля за учебной деятельностью школьников.

6. Обеспечить оптимальный темп урока и единую логику развертывания деятельности учителей и учеников.

7. На практике реализовать требования, которые следуют из общедидактических и методологических принципов.

8. Установить демократический стиль управления учебной деятельностью детей, создать атмосферу сотрудничества в совместной деятельности учителя и ученика.

Следует также использовать разнообразные инновационные формы и приемы работы, которые позволяют развить у учащихся интерес к чтению художественных произведений: педагогические задачи, игры, игровые ситуации, изобразительная деятельность, коллективные творческие работы с использованием упражнения-дискуссии, рафт-технологии, кейс-технологии [5, с. 105], написание детьми рассказов, стихов отзывов, озвучивание мультфильма, заполнение рабочих листов, занимательный материал, создание газет по материалам творческих заданий. Приведем примеры такой работы. С целью развития у учащихся интереса к басням, нами была проведена такая методическая работа. Учащиеся подготовили материал в виде сообщений о творчестве известных баснописцев, в том числе, К. Л. Хетагурова. После этого ученики сыграли в игру «Верить или не верить?» /«Уырны уә...?». Ребятам задавались вопросы, которые начинались с фразы «верить или нет, что...». Отвечая, ученики должны были ставить плюс, если они верят и минус, если они не верят.

1) Уырны уә, әмә баснайы кәй у цыбыр уацмыс. Йә архайджытә сты зайәгойтә, сырдатә, дзаумәттә, фәлә дзы ныхас фәцәуы адәймаджы миниуджытыл?

2) Уырны уә, баснайы адәймаджы хорз миниуджытыл кәй фәхудынц, уый?

3) Уырны уә, баснайы сәйраг хъуыды әмбисондәй загъ кәй әрцәуы, уый?

4) Уырны уә, фыццаг баснятә 2500 азы размә кәй фәзындысты, уый?

5) Уырны уә, Хетәгкаты Кьоста баснятә фыста, уый?

6) Уырны уә, баснятә чи әрхъуыды кәны, уыцы адәймаджы басняфыссаг хонынц, уый?

7) Уырны уә, басня прозәйә фыст вәййы, уый?

Ахуыргәнаг: Кәцы фарстатә уәм фәкастысты зын?

Ахуыргәнаг: Әрмәг куыд бамбәрстат, уый сбарәг кәнынән сәххәст кәнут хибарәй тест.

Фәнысан кәнут раст варианттә әмә уә сыфтә радәттут (2 мин)

Далее учащимся предлагается выполнить тест.

1. Басня у...

а) цыбыр радзырд

б) зондамонән радзырд

в) цыбыр фәсномыг ныхасәй фыст уацмыс зондамындимә

2. Баснайы архайджытә сты...

а) адәм

б) цәрәгойтә, мәргьтә, зайәгойтә

в) адәм, сырдатә

3. Баснятә фыстой...

а) адәмы аиппытыл ахудыны тыххәй

б) хи раст дарын куыд хъәуы, ууыл

в) ахудыны тыххәй

4. Йә формәмә гәсгә басняйән вәййы...

а) комкоммә нысаниуәг

б) фәсномыг /ахәсгә нысаниуәг

5. Баснайы вәййы...

а) хатдзәг

б) хатдзәг дзы нәй, алчи йә әрхъуыды кәны йәхәдәг

в) хатдзәг дзы нә хъәуы

В качестве домашнего задания ребята должны были прочитать одну из басен К.Л. Хетагурова и нарисовать рисунок к этой басне.

С целью повышения интереса учащихся именно к художественным произведениям, в классном уголке мы вывесили предложение: «Читать художественные произведения не интересно и не нужно». В течение дня дети обсуждали этот вопрос между собой и пришли к выводу о недостаточности своих знаний (все проходило под направляющей деятельностью учителя). Впоследствии дети сами себе же доказывали, что читать можно не только рассказы, но и сказки и стихотворения, а также произведения о

природе – это интересно и познавательно. В результате дети разделились на три группы по жанрам и получили такие задания:

– составить списки авторов, которые сочиняли сказки (рассказы, стихотворения);

– выбрать одного из авторов, собрать информацию о его биографии, прочитать одно из его произведений, нарисовать рисунок. Такое задание целесообразно проводить как подготовительный этап работы над проектами.

Рафт – технологии по теме: Дзасохты Музафер – сываллæттæн / Дзасохов Музафер – детям.

Детей в класс мы разделили на три группы и предложили им выполнить следующие задания.

1 группа. Подготовить сообщение о писателе и его произведениях для родителей с точки зрения научных сотрудников.

2 группа. Подготовить рассказ о писателе и его произведениях для детей из детского сада.

3 группа. Подготовить сообщение об авторе и его произведениях для своих одноклассников.

Следует отметить, что с каждой новой темой состав группы может изменяться. Во вторую и третью группу целесообразно включать детей, которые могут направлять деятельность всей группы.

Берём интервью у героя. В ходе изучения нартских сказаний о Батрадзе мы ставили перед учащимися проблемные вопросы, направленные на раскрытие облика героя, его личных качеств. Такая работа, на наш взгляд, помогает школьникам в развитии навыков самостоятельного анализа художественного содержания текста, позволяет обобщать и делать выводы. После того, как учащиеся познакомились с нартскими сказаниями о Батрадзе, им было предложено выполнить такое задание: взять интервью друг у друга. Один ученик должен задавать герою эпоса Батрадзу вопросы, а другой – отвечать от имени героя. Данное задание вызвало особый интерес у учащихся, так как ребята, которые прочли мало сказаний, в процессе интервью узнавали много интересного об этом герое. После урока многие ученики решили полностью прочитать цикл сказаний о Батрадзе.

Пишем отзыв на стихотворение. Для того, чтобы развить интерес учащихся к поэтическим произведениям, мы использовали такой прием, как написание отзыва на стихотворение. Учащиеся познакомились со стихотворением Кочиева М. «Письмо матери».

Фыстаг ма мадма

(Кочысаты Мухарбег)

Ма фын фæлыгъди. Хуыссæг та ма н'ахсы.

Хæстæг у бон, æвæццагæн, хæстæг...

Уæдæма, йæй, ма райгуырæн Кавказма

Ныффыссон æз гæ ацы 'хсæв фыстаг.

Ыссыгътон цырагъ ныккæнды æдæрсгæ.

Ма чысыл пецы бафу кодтон арт...

Салам дæуæн, ма райгуырæн хæхбæстæ,

Æнæниз у, ма ныййарæг, ма мад!

Æрвитын дын хæсты быдырæй абон,

Æрвитын дард Украинæй салам! –

Дæ буц хъæбул, дæ иунæг фырт, дæ уарзон

Нæ рох кæны дæу минут дæр ам.

Ма цæстыл уайы райгуырæн хъæубæстæ,

Нæ хъæдынкъул, нæ æлыгбын хæдзар,

Дæ дæлбазыр кæм рæзыдтæн æдæрсгæ,

Кæм æрвыстон ма рæзгæ бонты цард.

Ма цæстыл уайыс алы бон, ныййарæг,

Цыма та рудзынджы раз ныр, -

Кæсыс æнхæлмæ: «Искæцай, мыййаг, кæд, -

Фæзæгъыс ды, - æрбазыннид ма фырт...»

Æз зонин хорз дæ хъуыдытæ, дæ фæндтæ,
Кæй у дæуæн æнæ мæн, нана, зын.
Æмбарын æз, кæй мыл Риссы дæ зæрдæ,
Кæй дæм фæзыны хаттæй-хатт цæссыг...

Нана, дæ зæрдæ ма дзурæд мæнимæ,
Лзæгъæлы ма кæн, ма, нана, æнкъард, -
Куыд нæ дæн æз хæсты быдыры иунæг,
Нæ дæ ды дæр гъе афтæ иу, мæ мад.

Фæуыздæн хæст! Нæ рæстдзинады кардæй
Ызнаг æрцæудæн тагъд рæстæджы саст.
Æмæ дæм уæд, ныййарæг мад, æз дардæй
Фæзындзынæн сæрæгасæй æваст.

После прочтения и разбора стихотворения на уроке, школьникам предлагается написать свой отзыв по следующему плану:

Читая стихотворение «Фыстаг ма мадмæ» Кочиева М., я представляю.....

Я слышу.....

Мне нравится стихотворение /герой, потому что...

Разобрав стихотворение, мы попросили учащихся подготовить проектные работы, посвященные роли матери в жизни человека. Для этого мы сформировали отдельные группы учащихся. Первая группа должна была собрать сведения об авторах (3-4 автора), которые написали стихи о матери.

Вторая группа ребят собирала материал об авторах (3 автора), которые написали рассказы о матери.

Третья группа ребят должна была подготовить сообщение «Образ матери в произведениях русский и осетинских художников».

Работа над этим проектом позволил привить интерес учащихся не только к художественным произведениям, но и больше узнать о творчестве осетинских писателей и художников.

Большинству учащихся понравилось стихотворение автора о матери. Поэтому мы решили познакомить ребят еще с одним рассказом, в котором повествуется о любви матери к ее детям.

Мады уарзт

(Гуырдыбыты Барис)

Мыртгæйы цупæлттæ миты уæзæй сæхи захмæ ныллæг æруагътой. Дыууæ арсы сæ фæстаг къæхтыл лæууынц, раззаг къæхтæй та заддæр къæлиутæ æривазынц, æмæ сæ цъæм-цъæм ссауы. Æз сæ аивæй хъахъхъæнын.

Мадаел арс мердæм ракаст. Йæ лæппыны йæ къахæй размæ фесхуыста, æмæ уæлæ фæлидзынц. Фæстейæ сæ асырдтон. Иу æхст сæ фæкодтон, фæлæ фæивгъуыдтон.

Кæсын, æмæ мадаел арс фæуайы иунагæй. Лæппын хæстагдæр бæласмæ фæбыры. Фæхъавыдтæн æм. Ныббогъ кодта мадаел арс. Нынниудта лæппын дæр. Æруагътон мæ хæцæнгарз. Мад æмæ лæппын кæрæдзиуыл куыд куыдтой, уымæ хъусын мæ бон нал бацис. Мæхи иуварс айстон. Лæппын бæласæй æргæпп кодта. Ныййарц йæ мадмæ. Мад æмæ лæппын кæрæдзиуыл ныттыхстысты.

После прочтения с учащимися была проведена беседа, которая затем вылилась в дискуссию, в ходе которой каждый ученик имел возможность выразить и обосновать свою точку зрения:

- О чем этот рассказ?

- Что произошло с медведицей и медвежонком в лесу?

- Почему охотник не выстрелил в медведицу и ее детеныша?

- Как вы думаете, правильно ли поступил охотник?

- Каким образом бы поступили вы? Обоснуйте свой ответ.

Для того, чтобы развить интерес учащихся к малым жанрам фольклорных произведений, мы использовали следующий прием. Учащимся было предложено посмотреть фрагмент мультфильма «Храбрый оленёнок». После чего сыграть в ролевую игру: озвучить понравившийся фрагмент мультфильма на осетинском языке. В качестве домашнего задания школьникам необходимо было подобрать несколько пословиц, которые наиболее точно выражают основную мысль мультфильма.

Описанные выше форм работы на уроках литературного чтения позволяют значительно увеличить активность учащихся на уроках осетинского чтения. Дети задают больше вопросов,

ответственно выполняют дополнительные задания, с интересом участвуют в работе над проектами, подбирают дополнительный материал для уроков. Проведенное исследование не является исчерпывающим в отношении формирования читательских интересов младших школьников, и многие вопросы требуют дальнейшей разработки и уточнения. Однако даже в предъявленном виде опыт и результаты настоящей работы могут быть использованы для решения аналогичных методических задач.

Литература

1. Алексеевская А.Т. Формирование читательских интересов младших школьников. – М. – 2014. – С. 18-27.
2. Бежаева Ф.Г. Урок осетинской литературы. Методическое пособие. Владикавказ. Изд-во СОГУ. 2004. – 84 с.
3. Божович Л.И. Личность и её развитие в детском возрасте. М., Просвещение. –2014. – 219 с.
4. Гацалова Л.Б. Инновационные возможности осетинского языка // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 11–3. – С. 727–730.
5. Дзатцеева Т.С. Кейс-технологии на уроках литературы. М.: Просвещение. –2000. – С.105-109.
6. Дзусова Б.Т., Азиева Д.О. Повышение качества национального образования в условиях новых организационных форм обучения (на примере осетинского языка и литературы) // Приднепровский научный вестник. 2018. Т. 12. № 3. С. 003-006.
7. Дзусова Б.Т., Хадзиева З.А. Подготовка будущих педагогов к реализации проектной деятельности в условиях национального образования // Приднепровский научный вестник. 2018. Т. 12. № 3. С. 097-100.
8. Завгородняя Е.Г. Главные условия использования кейс-технологии. – М. 2013. – С.15.
9. Киргуева Ф.Х., Тотоонова М.Х. Современные представления о моделировании в педагогике // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 395-397.
10. Национальная программа поддержки и развития чтения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/62282.html>. - ЭБС «IPRbooks» (дата обращения: 12.08.2019 г.)
11. Ногаева С.Е., Маргиева А.И. Формирование универсальных учебных действий у младших школьников при обучении // В сборнике: Молодые ученые в решении актуальных проблем науки материалы VI международной научно-практической конференции. 2015. С. 351-355.
12. Сороковых Е.Н. За рамками урока: опыт внеклассной работы по литературе [Электронный ресурс]. / Е.Н. Сороковых // Липецкий институт развития образования, ЛИРО – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/62246.html>. - ЭБС «IPRbooks» (дата обращения: 17.09.2019 г.)
13. Токарева О.Б., Килимник О.Л. Чтение детей в малых городах и сёлах по материалам изучения информационных и читательских потребностей детей и руководителей детского чтения [Электронный ресурс: www.main.rgdb.ru]. (дата обращения: 08.08 2019 г.)
14. Тотиева А.Н. Изучение басен К.Л.Хетагурова в контексте поликультурности образования // В сборнике: Венок бессмертия Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К.Хетагурова. Составитель: З.Х. Тедтоева. 2010. С. 285-289.
15. Цаликова М.А., Фардзинова М.Д. Функциональный подход в работе над развитием речи учащихся младших классов при составлении коротких текстов по картине // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-12. С. 331-337.

УДК-82.0

Значение литературы в системе современного гуманитарного образования

Мурадова А.К.

**ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г.
Грозный**

Аннотация: в статье рассматривается роль литературы и ее значение в системе гуманитарного образования. Ее роль в интеллектуальном, эстетическом и нравственном развитии личности неопределима.

Ключевые слова: литература, гуманитарное образование, специфика художественной литературы, литературные герои, исследование человеческой души.

AESTHETIC IDEAL IN ZAPADNOEVROPEISKII MEDIEVAL HEROIC EPIC

A. K. Muradova

Chechen State Pedagogical University

Resume: The article considers the role of literature and its importance in the system of humanitarian education. Her role in the intellectual, aesthetic and moral development of the individual is invaluable.

Keywords: literature, humanitarian education, the specifics of fiction, literary heroes, the study of the human soul.

XXI век обозначил необходимость серьезных изменений в системе образования. В современном мире образование становится глобальной ценностью, важнейшим условием и способом самореализации человека. Во всем мире меняются его приоритеты, выделяется ведущее значение гуманитарного образования, определяются общемировые и европейские тенденции развития общего и профессионального образования. Приоритетным направлением является литература.

В русской и отечественной культуре в целом литература всегда занимала ведущее место, хотя вопрос о том, что такое литература, возникает на каждом этапе ее развития. Особо значимым он становится в переходные периоды, когда начинает казаться, что литература (как вид искусства) уже исполнила свою историческую функцию, и ее местоположение в системе дальнейшего общественного прогресса должно измениться в сторону развлекательную. Но неизменно литература оставляет за собой преимущественное положение, с успехом преодолевая навязываемую ей лишь развлекательную функцию, и благодаря своей метафорической природе дает читателям точку устойчивости в современном мире.

Духовные поиски и судьбы литературных героев (художественный аналог реального человека) демонстрируют взлеты и падения, находки и ошибки, желания и возможности, думы и чувства реальных людей, мир литературного произведения всеобъемлющ и охватывает все виды знания (социальное, психологическое, историческое), так что литература, по мнению Р. Барта, «являет нам то великое единство мироздания, насладиться которым дано было древним грекам и в котором отказано нам из-за раздробленности нашего знания на отдельные науки» [2, с.375-376].

Только литература может передать в будущее дух ушедшей эпохи, воссоздав ее цвет, запах, плоть и кровь в едином образе. Р. Барт пишет: «Если бы в результате некоего социализма или эксцесса варварства из преподавания потребовалось исключить все предметы, кроме одного, то оставить следовал бы именно литературу, ибо в любом литературном произведении присутствуют все науки разом. В этом смысле можно сказать, что литература – каковы бы ни были школы, от лица которых она выступает, – является абсолютно, категорически реалистичной: она и есть реальность, точнее, самый свет реальности» [2, с.551-552].

Среди других искусств литература – единственное, имеющее дело с живой душой (в смысле ее исследования, а не воздействия). Современный французский писатель Филипп Мюре в книге «После Истории», рассуждая об отношениях литературы с Добром и Злом, говорит о безграничных возможностях литературы, специфика которой как искусства – в исследовании души со всеми ее моральными атрибутами, генетическими и социальными установками и т.п., а не в направленности за или против чего-либо, в том числе, например, против ненависти. «Против ненависти» – это значит «противопоставить литературу самой жизни. Как будто Достоевский, Сад, Бальзак, Кафка, Леон Блуа, Батай, Фолкнер, Борхес и многие другие не занимались исследованием мрачных сторон человеческой души. Они исследовали, а не усаживались против. Они добровольно взвалили на себя бремя зла, ведь иначе его антиподы – согласие, любовь, нежность, братство – не имели бы никакой силы» [7, с. 239].

Вместе с тем логика призывает нас к тому, чтобы изучение литературы было направлено именно на изучение литературы в собственном ее значении, в ее собственных формах, в ее специфике. «Художественная литература надлежит к числу так называемых простых, или односоставных искусств, опирающихся на один материальный носитель образности (здесь это – письменное слово). Вместе с тем она тесными узами связана с искусствами синтетическими (многосоставными), соединяющими в себе несколько разных носителей образности (таковы архитектурные ансамбли, «вбирающие» в себя скульптуру и живопись; театр и киноискусство в их ведущих разновидностях); вокальная музыка и т.п.» [10, с.100].

В данном случае речь идет о необходимости дать определение понятия литературы соответственно современной эпохе, сохранив в нашей системе исторический аспект и (по возможности) хронологический принцип изучения современной литературы. Как указывал Б. Томашевский: «Сказать, что такое литература, можно только на основании широкого изучения человеческой истории. Не следует думать, что под этим словом разумеется какое-то единое, раз навсегда определенное явление. История человеческой культуры показывает, что то, что называем литературой, возникло из таких явлений, которые, с нашей переменной точки зрения, на литературу едва похожи. Эти явления развивались и изменялись по мере того, как развивалась и изменялась форма человеческого существования... Обнять одним определением все формы литературы во все времена немыслимо и совершенно бесцельно: только в историческом изучении жизни человеческого общества раскроется, чем была литература в разные времена. Такое общее определение, помимо того, и невозможно: сходные явления в разное время то относились к литературе, то исключались из нее. Каждый век имеет свое определение литературы» [9, с.6].

Современные литературоведы достаточно подробно рассматривают понятие литературы в интересующем нас аспекте. Французский теоретик литературы А. Компаньон посвящает описанию литературы как понятия и явления книгу «Демон теории», изданную в России. Напоминая о существовании широкого и узкого смыслов определения литературы, он пишет: «В самом широком смысле литература – это все печатное (или даже писаное), все книги, содержащиеся в библиотеке (включая и так называемую устную литературу, поскольку она зафиксирована на письме). Такое значение соответствует классическому понятию изящной словесности, включавшему в себя все то, что могли произвести риторика и поэтика, – не только вымышленные произведения, но и историю, философию, науку, а также и все красноречие.

Но, понятая таким образом, равнозначная «культуре» в том смысле, какой это слово получило с XIX века, литература утрачивает свою «специфику»: за нею не признают ее собственно литературного качества... В узком смысле понятие литературы (как граница литературного и нелитературного) значительно меняется в зависимости от эпохи и культуры... Современное значение слова «литература» (роман, театр и поэзия) неразрывно связано с романтизмом, то есть с утверждением исторической и географической относительности вкуса, в противоположность классическому учению о вечном и универсальном эстетическом каноне. Кроме того, литература, сокращенная до романной и драматической прозы и лирической поэзии, стала мыслиться в соотнесении с нацией и ее историей. Литература вернее, литературы, являются прежде всего национальными» [5, с.36-38].

Определяя специфику художественной литературы, современный российский литературовед В.Е. Хализев говорит о ней как о явлении многоплановом и выделяет в ее составе две основные стороны: «Первая – это вымышленная предметность, образы «внесловесной» действительности... Вторая – собственно речевые конструкции, словесные структуры. Двухаспектность литературных произведений дала ученым основание говорить о том, что художественная словесность совмещает в себе два разных искусства: искусство вымысла (явленное главным образом в беллетристической прозе, сравнительно легко переводимой на другие языки) и искусство слова как таковое (определяющее облик поэзии, которая утрачивает в переводах едва ли не самое главное). «Литературой называют совокупность письменных и печатных текстов, из числа которых выделяют корпус художественных произведений – художественную литературу. Такое определение литературы лишь кажется однозначным, потому что признание текста произведением словесного искусства зависит от субъективного восприятия его читателями» [3, с.7].

Особое значение приобретает также понятие стиля. Рассмотрение литературы и ее эволюции в аспекте стиля имеет давнюю и богатую традицию. При этом, как отмечает Д.С. Лихачев, различные элементы стиля не могут оставаться неизменными в эстетической эволюции. «Поэтические тропы отнюдь не вечны и не неизменны. Они живут долго... появляются в литературе, развиваются, а в отдельных случаях мы можем наблюдать и их окаменение и смерть. И при этом речь идет не об

окаменении отдельных, индивидуальных особей (см., например, размышления А.Н. Веселовского об окаменении эпитета в фольклоре), а о затвердении и смерти целого рода – целой категории явлений [6, с.169]. Д.С. Лихачев называет международные литературные общности «великими стилями», различая в их составе первичные (тяготеющие к простоте и правдоподобию) и вторичные (более декоративные, формализованные, условные). «Многовековой литературный процесс ученый рассматривает как некое колебательное движение между стилями первичными (более длительными) и вторичными (кратковременными). К первым он относит романский стиль, ренессанс, классицизм, реализм; ко вторым – готику, барокко, романтизм» [10, с.372]. Существующие в настоящее время определения стиля сводятся к тому, что в широком понимании стиль – это устойчивый комплекс формально-художественных свойств произведения, и именно этим определением мы руководствуемся в нашем исследовании.

Суммируя приведенные выше высказывания относительно понятия литература применительно к XX веку, отметим, что это явление значительно расширило свои границы, при том, что сохранились многие сущностные признаки литературы как вида искусства: она демонстрирует новую энергию в поисках других стилей, постановке таких проблем и введении таких тем, которых прежние литературы сторонились или не знали.

Одной из главных проблем современного образования считают утрату его ценностной и мировоззренческой ориентации. Восстановление разрушенной ценностной базы – чрезвычайно актуальная задача, без решения которой невозможно добиться прогресса во всех без исключения сферах жизни.

Роль литературы в формировании мировоззренческой «вертикали» молодого человека особенно велика. Л. Айзерман считает, что самый страшный враг на уроках литературы – это формализм в преподавании этого предмета, стремление «дать ученикам хорошие знания по предмету», как и уже сформулированные истины, которые им надлежит запомнить [1]. В таких педагогических условиях школьник или студент вуза за сюжетами, образами, за композицией, структурой и стилистическими особенностями не может разглядеть реальных явлений жизни, не видит связи с современностью, а значит, не испытывает личной заинтересованности. И это несмотря на то, что в самом содержании классических произведений мировой литературы содержится богатейший материал для анализа многих жизненных явлений, для размышлений о нравственном выборе каждого человека, за который он несет личную ответственность. Если вспомнить героев русского фольклора (например, былинного богатыря, стоящего на перепутье) или даже более современные произведения, то через всю мировую литературу проходят образы личностей, которые часто сомневаются, ошибаются и потом осознают свои ошибки, находя в себе силы преодолеть собственные пороки.

В этой связи классическая литература, по нашему мнению, должна преподаваться с точки зрения проблемно-исследовательского, психологического подхода, подразумевающего учет психологии подростка и юноши. Важно ставить перед студентом не только конкретную учебную задачу, но и нравственную проблему, которая способствовала бы приобщению его к сложному искусству «задуматься о смысле жизни». Необходимо продумывать формы работы, которые помогут сделать литературных героев близкими и понятными учащимся, напомнить о проблемах, лично значимых для самих молодых людей. Чтобы читатель внутренне почувствовал свою причастность к конкретному художественному тексту, влекущую за собой размышления о жизни, о насущных проблемах, о нем самом, целесообразно использовать интерактивные методы преподавания (диспуты, дискуссии, «круглые столы», деловые и ролевые игры, творческие задания и др.), которые бы подготавливали молодого читателя к пониманию сложных проблем, поднятых автором, и завершать систему уроков, обобщая все изученное и побуждая к дальнейшему осмыслению и рефлексии. Активность преподавателя должна уступать место активности студента, его задачей становится создание условий для их инициативы и самостоятельного поиска [8].

При изучении произведений как классиков, так и современной литературы студенты высшей школы неизбежно попадают в поле диалога противоположных в ценностном отношении идей. И в этом противостоянии они должны сами делать моральный выбор, а преподаватель может управлять этим процессом, но не навязывать своего мнения и не критиковать «неправильные», на его взгляд, ответы студентов. Роль преподавателя – в подборе и постановке вопросов, дающих учащемуся право выбора и возможность выразить собственное мнение по тому или иному вопросу и обосновать его. Таким образом, посредством литературы производится не только интеллектуальная, но и ценностно-ориентационная деятельность, когда молодой человек осуществляет некие духовные усилия, пребывает в напряжении, сконцентрирован на своих мыслях, чувствах, на своем внутреннем мире, и результатом этих усилий

является, пусть небольшой, но все-таки шаг на пути к самоопределению и самосовершенствованию [4, с.142].

Литература

1. Айзерман Л.С. Литература в старших классах: Уроки и проблемы. – М.: Просвещение, 2002.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр./ Р. Барт. – М., 1994. – С. 375-376.
3. Зинченко В.Г. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебн. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М., 2002. – С. 7.
4. Колбасова Е.В. Ценностно-ориентационная работа на уроках литературы как необходимое условие реализации современных смыслов образования. / Опыт и перспективы исследований и преподавания литературы: материалы международной научно-практической конференции 20-21 января 2011 года. – Пенза – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 142.
5. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл: Пер. с фр. С. Зенкина / А. Компаньон. – М., 2001. – С. 36-38.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М., 1979. – С. 169.
7. Мюре Ф. После Истории / Ф. Мюре // Иностранная лит. – №4. – 2001. – С. 239.
8. Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения / под ред. Т.С. Паниной. – М.: Изд. центр «Академия», 2006.
9. Томашевский Б. Поэтика (Краткий курс) / Б. Томашевский. – М. 1996. – С. 6.
10. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М., 1999. – С. 100.

УДК 81

Прагмалингвистика Л. Филатова: пути достижения перлокутивного эффекта комического

А.А. Калашникова, Е.С. Маякова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: Современная антропоцентрическая научная парадигма предопределяет направление развития всех областей знания. Лингвистика не является исключением, и в настоящее время мы наблюдаем все более активный рост интереса со стороны филологов к прагматическому аспекту языка. В статье анализируется сказка Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» с позиции прагмалингвистики. Рассматривается, какими методами достигается прагматическая интенция комического эффекта в локальном дискурсе сказки Л. Филатова. Описывается совокупность выбора автором художественных средств и приёмов, позволяющих ему достичь коммуникативных целей. Особое внимание уделено использованию речевых девиаций для достижения прагматических целей – создания по мотивам русского фольклора сатирического произведения, высмеивающего пороки человека и общества.

Ключевые слова: прагмалингвистика, сказка, прагматическая интенция, перлокуция, комический эффект, антинорма, речевая девиация.

Pragmalinguistics L. Filatova: ways to achieve the perlocutionary effect of the comic

A.A. Kalashnikova, E.S. Mayakova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The modern anthropocentric scientific paradigm determines the direction of development of all areas of knowledge. Linguistics is no exception, and we are currently witnessing an increasingly active growth of interest on the part of philologists in the pragmatic aspect of language. The article analyzes the tale of L. Filatov, “About Fedot the Sagittarius, a daring young man,” from the position of pragmalinguistics. It is considered by what methods the pragmatic intention of the comic effect is achieved in the local discourse of the

tale of L. Filatov. The author describes the author's choice of artistic means and techniques that allow him to achieve communicative goals. Particular attention is paid to the use of speech deviations to achieve pragmatic goals - the creation of a satirical work based on Russian folklore that ridicules the vices of man and society.

Key words: pragmalinguistics, fairy tale, pragmatic intention, perlocution, comic effect, antinorm, speech deviation.

Современная прагмалингвистика широко вариативна, она не заключается в едином течении с едиными воззрениями и подходами. Мы придерживаемся позиции Ю.С. Степанова, согласно которой прагмалингвистика – это область знаний, изучающая различные подходы к выбору «языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения мыслей, чувств; для наилучшего воздействия» на адресата [7, с 325]. Язык рассматривается в качестве средства воздействия, и анализируя прагматикон в том или ином коммуникативном контексте, возможно выявить взаимосвязь между теми или иными действиями и событиями.

Каждый текст содержит в себе некое сообщение, транслируемое от источника к получателю, то есть коммуникативен по своей сути [2, с. 222]. Таким образом, адресант, получая передаваемую информацию, понимая ее и делая из этой информации определенные выводы, а затем тем или иным образом действуя, подвергается прагматическому воздействию со стороны продуцировавшего текст [8, с. 10].

По нашему мнению, рассматривая текст художественного произведения с позиции прагмалингвистики, особое внимание следует уделять анализу иллюкутивного и перлокутивного аспектов – как текста в целом, так и отдельных его элементов. Иллюкуция как то, что должно быть принято и понято адресантом с позиции намерения автора, и перлокуция – воздействие, оказываемое на реципиента, – то, в чем заключается прагматика текста.

Отметим, что с позиции прагмалингвистики категорически важен не только знак как элемент исследования, но и контекст [4, с. 24], в котором этот знак употреблен: в художественном тексте как тексте, подразумевающим наличие адресанта, имеющего определенные коммуникативные цели [1, с. 20], распознавание и декодирование элементов воздействия на адресата возможно именно в рамках контекста (предложения, абзаца, целого текста).

И исходя из понимания сущности прагматики как совокупности выбора средств, которые позволяют достичь коммуникативных целей, рассмотрим авторскую сказку на примере сказки в стихах Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» с позиции прагмалингвистики. Особенное внимание уделим особенностям нарушения нормы, специфике использования слов с оценочной окраской и т.д., так как при идентичном отношении к объекту (семантике) и даже идентичной сочетаемости (синтактике) отдельные языковые знаки могут различаться прагматическим аспектом [7, с. 225].

Изначально сказка является древним эпическим жанром устного народного творчества, может быть волшебной, авантюрной, бытовой и т.д. С позиции прагмалингвистики важно отметить, что сказка несет в себе тот или иной посыл: не только описывает какие-либо события, но обычно имеет дидактический подтекст. Сказки достигают адресата уже в детстве, так как они несут прописные истины: что такое хорошо и что такое плохо, мы сопереживаем главным героям и хотим вместе с ними побороть всех злодеев, чтобы архетип Добро, как всегда, победил архетип Зло. В сказках воспеваются дружба, доблесть и мудрость, презирается алчность, трусость и властность. Русские народные сказки настолько уникальны своей поэтичностью и содержанием, так ярко передают дух русского человека, что со временем интерес к ним не уменьшается. Хотя и более современным, чем в древности, языком, сказки продолжают рассказывать в семьях, их ставят на сцене и экранизируют, заставляя детей и взрослых испытывать эмоции и сопереживать героям. В своей занимательной, увлекательной форме они содержат глубокий поучительный смысл.

Главный герой в русской народной сказке обычно сочетает в себе благородные человеческие качества, такие как мужество, честность, бесстрашие, милосердие и добропорядочность. Иван-Царевич, богатыри, крестьянский сын Иван-дурак, Емеля, - все они проходили испытания и невзгоды, и в конце русской народной сказки одерживали победу над злыми силами [5, с. 138]. Нередко положительного героя сопровождали помощники: серый волк, символизирующий ум и хитрость, или конь, олицетворяющий собой преданность и верность.

Сказка «Про Федота-стрельца, удалого молодца» написана Л. Филатовым по мотивам русской народной сказки «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Автор изначально указывает, что произведение создано «по мотивам русского фольклора».

Рассмотрим персонажей сказки «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Повествование ведется от имени Скомороха-потешника, именно он выступает как условный резонер и именно он является субъектом дейксиса: его автор наделяет функцией восприятия и наррации.

Главным героем в сказке Л. Филатова является Федот-стрелец, его образ узнаваемый: образ простого молодца, простого русского мужика, по воле судьбы на службе у Царя, который постоянно даёт ему неисполнимые приказы:

«Верьте аль не верьте, а жил на белом свете Федот-стрелец, удалой молодец. Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден, ни в парше, ни в парче, а так, вообще. Служба у Федота - рыбалка да охота. Царю - дичь да рыба, Федоту - спасибо».

И на Федота постоянно ложится огромная ответственность, и если он не исполнит необычные и сложные задания Царя, то не миновать ему смерти:

*«Получается на мне
Вся политика в стране:
Не добуду куропатку -
Беспрерывно быть войне.
...Завтра царь за это дело
Мне оттяпает бабку».*

Федот служит родине и Царю и, важно отметить, что главный герой непосредственно находится на службе у «злодея». К своему счастью, Федот, выполняя очередное поручение Царя, встречает будущую жену, которая и помогает ему спастись от постоянных невыполнимых приказов.

Женские образы, которые обычно встречаются в сказках, наделены добротой, светлым умом, мудростью и нежностью. Марья-Царевна, Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Снегурочка не только имеют весьма эстетичную внешность, но и чистую душу. У Л. Филатова главная женская роль представлена красавицей Марусей, которая встретила Федоту в образе голубки, а затем превратилась в девушку и стала его женой:

«Вспомнил про птицу, лесную голубицу. Глядь, а середь горенки за место той горлинки - стоит красна девица, стройная, как деревце!..»;

*«Здравствуй, Федя!.. Ты да я -
Мы теперь одна семья.
Я жена твоя, Маруся,
Я супружница твоя».*

Важно отметить противопоставление образов Маруси и Царевны: последняя выведена как персонаж непривлекательный, в отличие от классического образа царевны из русских народных сказок.

Маруся становится женой и мудрой, рассудительной помощницей Федоту в его нелегком деле угождать Царю:

*«Не кручинься и не хнычь!
Будет стол и будет дичь!»*

Маруся оказывается настолько хороша и красива, что Царь, узнав о ней, захотел на ней жениться, а Федота убрать силой со своего пути:

*«Обошёл меня стрелец!..
А ведь знал, что я вдовец!..
Ну-ко мигом эту кралю
Мне доставить во дворец!
А коварного стрельца
Сей же час стереть с лица».*

Но не только сам Царь, но также и Генерал испытывает любовные чувства к красавице:

*«...Как узрел его супругу -
Так и брякнулся с крыльца...
...Доктора перепугались,
Говорят - любовный шок!..»*

Положительным героям русской народной сказки, как правило, противопоставляют темные силы, загадочные и коварные персонажи. Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Соловей-разбойник – самые популярные сказочные злодеи, которые приносили людям вред, умели колдовать и выражали собой представление народа о жестокости и алчности. В сказке Л. Филатова нам встречается Баба-Яга:

*«Вообще-то я хитра
В смысле подлости нутра,*

*Да чавой-то мне сегодня
Не колдуется с утра!..»*

Говоря об отрицательных персонажах, стоит упомянуть главного «злодея» – Царя, который является главным комическим персонажем, ведь он настолько несуразен, что нельзя воспринимать его всерьёз. Но за этим образом мы можем заметить хитрого и прагматичного человека:

*«Царь на вид сморчок, башка с кулачок,
А злобности в ем - агромадный объем.
Смотрит на Федьку, как язвенник на редьку».*

В сказке выведен еще один отрицательный персонаж – Генерал, являющийся прислужкой Царя:

«Был у царя генерал, он сведенья собирал. Спрячет рожу в бороду - и шаст по городу. Вынюхивает, собака, думающих инако. Подслушивает разговорчики - а вдруг в стране заговорчики? Где чаво услышит - в книжечку запишет. А в семь в аккурат - к царю на доклад».

«Злодей»-Царь дает приказ «злодею»-Генералу:

*«А коварного стрельца
Сей же час стереть с лица,
Чтобы он не отирался
Возле нашего крыльца!..»*

Еще один персонаж сказки – это Нянька. Нянька в сказке Л. Филатова сварлива и очень скупа, что подчеркнуто антагонизирует со стереотипом «широкая русская душа», также показано, что она ведет себя с Царем очень вольно, даже называет его бесом:

*«Постеснялся хоть посла б!..
Аль совсем башкой ослаб?..»;
«Перед кем ты, старый бес,
Тут разводишь политес?»;
«Ты никак сошел с ума?»*

Очевидно, что сказка Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» является сатирическим произведением, вследствие чего представляет особый интерес для прагматингвистики. Автор высмеивает пороки человека и общества. Рассмотрим то, какими методами достигается прагматическая интенция комического эффекта в локальном дискурсе сказки Л. Филатова.

Прежде всего, рассмотрим то, как в сказке «Про Федота-стрельца...» применяется прием антинормы.

Норма в языкознании – это совокупность общеупотребительных языковых средств и механизмы их применения, которые считаются максимально приемлемыми в конкретном историческом и социальном континууме [3, с. 38]. Таким образом, антинорму рассматриваем как явление, противоположное норме. Норма и, соответственно, антинорма может относиться к тому или иному типу по языковому уровню:

- лексическая;
- грамматическая;
- стилистическая и т.д.

Анализ сказки «Про Федота-стрельца...» демонстрирует широкое применение автором антинормы на различных языковых уровнях: фонетическом, орфоэпическом, лексическом, грамматическом, фразеологическом, синтаксическом.

Приведем примеры фонетического отклонения от нормы (эмуляции неверного произношения в письменной форме).

- Федот: *нешто, сображаю, аглицкий, смысл, пуцай;*
- Царь: *обчественность, чаво, карахтер, аглицкий, аль, шио, антирес, невсурьез, в каждом ухе, вариант, шпиенка;*

- Скоморох-потешник: *тыщи, сурьезные, в обчем, аль, вообще, агромадный;*
- Царевна: *слободную любовь.*

Орфоэпическая норма (неверное ударение) также находит в тексте широкое отражение:

- Генерал: *быть должОн;*
- Царь: *нужОн, должОн, дОбычу руды.*

Демонстративно неверное словообразование демонстрируют все главные герои повествования:

- Федот: *цельный* (в значении цельй), *это* (это), *ноныча* (нынче);

- Царь: *не сможешь* (не сможешь), *издала* (издалека), *распужала* (распугала), *отседова* (отсюда), *не шуткую* (не шучу), *докладай* (докладывай), *будь добер* (будь добр), *спокон* (испокон), *отседа* (отсюда), *подь за горы* (пойди);

- Генерал: *вынай из ступы* (вынимай из ступы), *хошь-не хошь* (хочешь-не хочешь), *подлючесть* (подлость).

Морфологическая антинорма отражена в речи Скомороха: «*Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден, ни в парше и ни в парче, а так, вообще*». Царя: *какаву, ходют, сольфеджису учи, всех атташей, куды хотишь*.

Орфографические нарушения нормы находят место в текстах Царя: *Хранция, Бруссель, колефтив, наскрозь, узюрпатору, фициальный*; Скомороха-потешника: *сумлеватся, жисть, ужасть*.

Что касается лексического уровня, то здесь нарушение нормы в сказке «Про Федота-стрельца...» представлено также широко:

- Федот: *ежели, ноне, припер*;

- Царь: *обмишурился чуток, не гунди, начищу рыло, эвон, башка*;

- Скоморох: *шасть по городу, поперся*;

- Баба-Яга: *осел*;

- Генерал: *брякнулся, шибко, мастак, протак*.

С позиции стилистической нормы необходимо упомянуть, например, такие высказывания персонажей, как: «*Ну даешь, ядрена вошь*» (Федот), «*Потому что мне с балкону нет обзору ни хрена!*» (Царь).

В сказке нарушаются и грамматические нормы:

- Царь: *у ей* (у нее), *пяьми* (пятью), *до Багдаду* (до Багдада), *по сту штук* (по сто штук), *на ем* (на нем);

- Федот: *кто куды* (кто куда), *в уму* (в уме);

- Скоморох: *при ем* (при нем).

Особенно отметим, что прагматикон такого явления, как антинорма, в сказке «Про Федота-стрельца...» реализуется не только за счет широкой парадигмы способов нарушения языковой нормы, но и за счет частотности этих нарушений у различных персонажей. Так, сказочный «Злодей»-Царь нарушает норму чаще других, вследствие чего у адресанта формируется специфический комический образ.

Не менее важным инструментом прагматикона в сказке «Про Федота-стрельца...» является использование фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок, иногда в искаженной форме:

1. «*Коль любовь и вправду зла,*

Дак полюбишь и посла» (Царь) –

пословица «Любовь зла – полюбишь и козла»;

2. «*Говорят, любви покорны*

Все буквально возраста!» (Царь) –

выражение «любви все возрасты покорны»;

3. «*А куда деваться – надо, Федя*» (Скоморох) –

аллюзия на крылатое выражение из фильма Л. Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика» «надо, Федя, надо!»;

4. «*Хватит делать дураков*

Из расейских мужиков!

Мне терять теперя неча,

Кроме собственных оков!» (Федот) –

переиначенное выражение «пролетариату нечего терять, кроме собственных цепей»;

5. «*Опосля дождя в четверг*

Дам шио медальку сверх,

Только ты уж постарайся,

Чтоб народ меня не сверг!..» (Царь) –

фразеологизм «после дождичка в четверг»;

6. «*Цыц, дуреха! замолчи!*

Тесту место у печи!» (Царь) –

в контексте значения «знай свое место»;

7. «*А не выполнишь к утру –*

В порошок тебя сотру,

Потому как твой карахтер

*Мне давно не по нутру!
Так что неча губы дуть,
А давай скорее в путь!»* (Царь) –

в 6 строках использовано 3 фразеологизма: в порошок сотру, не по нутру, губы дуть.

Прагматикон текста Л. Филатова изобилует и таким явлением, как использование каламбуров, также перлокутивный эффект комического достигается в сказке «Про Федота-стрельца...» в том числе и путем широкого применения макаронизмов.

Сказка «Про Федота-стрельца...» демонстрирует столкновение лексики разных стилей:

- общественно-политической лексики (посол, деспотизм, демократия, министр, государственное дело, закон, технический прогресс и др.);

- заимствованных слов (атташе, сольфеджио, галантин, гранд, бифштекс, некролог, энцефалит, визави, экземпляр, сервелат, иваси, и др.);

- просторечной лексики (башка, жрать, пузо, дребедень, отгяпает, потрескаться, егозит, набрамши, брякнулся, сиганула, отважу, наглец, подлец, помру, втихаря и др.);

- искаженных слов (в ем, аглицкий, ишо, долгон, в энтом, антирес, какава, издаля, фициальный, хранция, теперя и др.).

Таким образом, рассматривая сказку Л. Филатова с позиций прагмалингвистики, можно сделать вывод о том, что прагматическая интенция комического эффекта в локальном дискурсе сказки Л. Филатова достигается путём использования автором речевых девиаций различных языковых уровней, что придаёт произведению яркость, изобразительность и ироничность, таким образом, автор реализует перлокутивную направленность, предусмотренную спецификой жанра.

Литература

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
 2. Калашникова А. А., Калашников И. А. К вопросу о формировании современного молодежного жаргона / А. А. Калашникова, И. А. Калашников // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 222-225.
 3. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика / Л. П. Крысин // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – С. 36-46.
 4. Кудряшов И. А., Калашникова А. А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в Интернет-коммуникации / И. А. Кудряшов, А. А. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 1 (17). – С. 24-31.
 5. Маякова Е. С., Раннева Н. А. Роль речевых девиаций в создании комических образов персонажей сказки Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» / Е. С. Маякова, Н. А. Раннева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №12 (66). Ч. 2. – С. 138-140.
 6. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. № 4. – С. 325-332.
 7. Щербакова И. В. Языковая репрезентация эмоционального состояния персонажа в невербальном речевом поведении (на материале русского и немецкого языков) / И. В. Щербакова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – № 2. – С. 225-232.
 8. Akai O. M., Kalashnikova A. A., Kalashnikov I. A., Pshenichnaya A. Yu. Pragmatic level of language personality in social networks / O. M. Akai, A. A. Kalashnikova, I. A. Kalashnikova, A. Yu. Pshenichnaya // Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities (CILDIAN 2017) Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. Ser. "Advances in Social Science, Education and Humanities Research". – 2017. – С. 9-14.
- УДК 81'42+82 – 3

УДК 81'42+82 – 3

Специфика функционирования личного имени во внутренней речи персонажей современной литературы

Коростов И.С.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционирования личного имени собственного во внутренней речи персонажей современной литературы. В процессе создания образа литературного героя значительную роль играет его речь «про себя», которая представляет процесс мышления, актуализированный «здесь и сейчас». В аутодиалоге личное имя выполняет различные функции, обусловленные репрезентированной в художественном пространстве экстралингвистической ситуацией, которая определяет различные формы и коннотативную семантику антропонима в тексте.

Ключевые слова: внутренняя речь, антропоним, современная художественная литература.

The specifics of the functioning of a personal name in the internal speech of the characters of modern literature

I. S. Korostov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Annotation. The article is devoted to the study of the functioning of a personal name in the internal speech of the characters of modern literature. In the process of creating the image of a literary hero, his speech “to himself” plays a significant role, which represents the thinking process, updated “here and now”. In an autodiologue, a personal name performs various functions due to the extra-linguistic situation represented in the art space, which determines the various forms and connotative semantics of the anthroponym in the text.

Key words: inner speech, anthroponym, modern fiction.

Познавая художественный мир, созданный писателем, читатель получает новое знание о самом себе, об окружающей его действительности. При этом писатель выражает в тексте свое субъективное отношение к изображаемому, он свободен в выборе языковых средств, которые способствуют воплощению его художественного замысла.

Внутренняя речь персонажей как важная составляющая художественного текста является неоднозначным объектом исследования. Изображая мысли и чувства персонажа, объективируя субъективную сторону жизни человека, недоступную для восприятия в реальной действительности, писатель вводит в художественное произведение текст внутренней речи.

С точки зрения отраженного в ней процесса речи/мысли внутренняя речь представляет собой интроспективную коммуникацию. По мнению Ю. М. Сергеевой, «взаимодействие различных ипостасей личности в пределах ее сознания составляет суть интраперсонального общения, в процессе которого один из партнеров общения (адресат) не существует непосредственно в данной ситуации, а объективируется в сознании другого индивидуума (адресанта)» [1, с. 10]. «Общение человека с человеком неизбежно сопровождается общением индивидуума с самим собой. Текст, создаваемый человеком, отражает движение мысли, строит возможные миры, в том числе и внутренний мир, в котором запечатлевается динамика человеческой мысли» [4, с. 99].

Как утверждает А. Н. Соколов, термин внутренняя речь в психологии обычно обозначает беззвучную, мысленную речь. Она может появиться тогда, когда человек либо думает о чем-то, либо мысленно составляет планы, либо может вспоминать о чем-то, молча читать или писать. Этот процесс всегда осуществляется при помощи слов, произносимых про себя. «Внутренняя речь, – пишет известный психолингвист, – это и есть речь про себя, или скрытая вербализация, с помощью которой происходит логическая переработка чувственных данных; их осознание и понимание в определенной системе понятий и суждений» [5, с. 12].

С позиций лингвистики текста внутренняя речь, передаваемая с помощью известных репрезентологических единиц (прямой, косвенной и несобственно-прямой речи), определяется текстовыми категориями связности, цельности, проспекции и ретроспекции, организует макротекст, способствуя созданию психологического образа героя и репрезентации авторского модально-речевого плана.

Условность изображения внутренней речи в художественном тексте может быть явной, открытой или имплицитной, скрытой. При явном характере изображение внутренней речи возможно без введения особой языковой техники. Специфика такого типа внутренней речи связана с тем, что она по своей структуре не отличается от внешней, звучащей речи. Имплицитный характер определяет наличие специальных маркеров, которые сообщают читателю о том, что персонажи думают и размышляют «как в жизни». Последний тип внутренней речи, по нашим наблюдениям, оказывается наиболее частотным в современной прозе, причем именно в нем функционируют разные формы и виды антропонимов, которые

имеют свои особенности.

Внутренняя речь персонажа современной литературы связана с речевыми реалиями постмодернистской эпохи, с внешней разговорной речью, которая отличается языковой свободой и гибкостью. Говоря о процессах, происходящих в языке художественной литературы, необходимо отметить, что общая направленность языковых изменений связана со стремлением к демократизации, максимальной раскрепощенности, внутренней свободе, уходу от гармоничности и упорядоченности к дисгармонии и расчлененности. В литературе «потока сознания» мысль формируется и выражается спонтанно.

Использование антропонимов для номинации самого говорящего субъекта внутреннего диалога способствует созданию приема «отстранения», когда автор занимает позицию «внезаходности» по отношению к герою, тем самым давая ему возможность самооценки, например:

«...Куприн – несправедливо забытый, с крупными гениальности, сильно пьющий, безумно современный. Типично русский писатель. Тишкин взял несколько его рассказов, перемешал их, как овощное рагу, и сделал новую историю. Он знал, как это снимать. Будущий фильм снялся ночами. Не давал жить».

Фильм – дорогой. Костюмы, декорации, хорошие актеры. Снимать дешево – значит провалить. Требовалось полтора миллиона. А где их взять? Государство не давало. У государства – свои игры. Свой бизнес. Кому нужен выпавший из обоза Тишкин? Он, конечно, подавал надежды – хорошо. Любит семью – прекрасно. Хороший парень. И что? Мало таких хороших парней, голодных художников? Барахтайся сам как хочешь» (В. Токарева. А из нашего окна).

Однако мысленное называние самого себя по имени не только предполагает диалог с самим собой, но и взгляд на субъекта речи с точки зрения третьих лиц, оценка говорящего/мыслящего с точки зрения коллективного сознания. Таким образом реализуется прием «остраннения»: неожиданный взгляд на давно знакомые реалии, акцентирование определенной ситуации, в которую попал говорящий:

«Елисейев смотрел над собой. Весенний щебет поутих. Остался один церковный колокол. «Бам... Бам-бам...»

Елисейев закрыл глаза. «Бам... Бам... Бам...» Он сходит с ума. Это очевидно. Если лечить – уйдет талант. Лекарства уберут слуховые галлюцинации и заодно сотрут интуицию. Уйдет то, что называется Елисейев. А что тогда останется? И зачем тогда жить?» (В. Токарева. День без вранья).

Использование внутренней речи в творчестве Виктории Токаревой во многом определяется авторскими установками на описание быта современного человека «с элементами психологизма и драматизма» [3, с. 573-574].

Традиционно внутренняя речь функционирует в художественном тексте в форме монолога, диалога или представляет собой эмоциональную рефлексию на увиденное или услышанное в непосредственно предшествующей самой речи ситуации. Именно последний тип внутренней речи, характеризуемый как простое реплицирование, т.е. внутренняя реплика на ситуацию «здесь-и-сейчас», чаще включает онимы, причем их типы зависят от выделенности элемента ситуации, ставшей стимулом для внутренней речи, например:

«Бочаров заполнил гостиничный листок. Подал его администратору. Администратор взяла листок и паспорт, стала сверять. Бочаров ждал. Вообще-то он был не Ефимович, а Юхимович. Простодушный папаша в свое время решил, что Юхим – слишком мужицкое, неинтеллигентное имя, и записал себя в паспорте Ефим, механически превратив сына в Ефимовича. Абрам, Ефим – имена православные, но бытуют за евреями. Страна, конечно, интернациональная, но зачем брать на себя чужое? Своего хватает. Хотя, если разобраться, все нормально, все хорошо» (Токарева. Все нормально, все хорошо).

Антропонимы – имена и отчества, как в предшествующем примере, обладают особым свойством – характеризовать целую эпоху и отношения между людьми в определенный исторический период, имя указывает на статус человека, национальный или ментальный, становится неким маркером принадлежности к «своим» или «чужим», однако информация об этом не эксплицируется, она может существовать только в сознании субъекта речи, в его внутреннем, интроспективном общении. Нельзя не согласиться с В.В. Катерминой в том, что в речи делается акцент на «внеязыковые ассоциации имен, из которых главное внимание принадлежит социальным факторам, которые находятся в неразрывной связи с историческими, национальными и культурными особенностями страны» [2, с. 35]. Внутренняя рефлексия на увиденное связана с общими знаниями целого поколения, выразителем этих знаний и становится герой современной прозы, называющий прецедентные имена:

«Бочаров шел по городу. Синее небо. Яркий снег. Он любил свой Питер и под бархатным

дождем, и в белые ночи. Любил, потому что привык. Это дано ему было возлюбить с детства.

Вот дом, где в молодые годы жила Крупская. К ней приходил Володя Ульянов, взбегал по ступенькам. Она ему открывала дверь. Как давно это было. А вообще – не так уж давно. Бочаров родился при жизни Сталина. 1948 год. Сталин – соратник Ленина. Ленин родился при жизни Достоевского. Достоевский застал Пушкина. Если взяться за руки, то можно дотянуться до Пушкина. Все рядом. А генерал Попов – совсем близко. История генерала Попова во второй папке у Розалии Ефимовны.

Хорошо было идти по Невскому проспекту и думать о Попове.» (Токарева. Все нормально, все хорошо).

Говоря об исследовании антропонимов в контексте культуры, В. В. Катермина замечает, что они «воплощают... культурно значимые смыслы» и выполняют «функцию знаков языка культуры. Выступая в этой роли, они формируют культурное самосознание народа – носителя языка» [3, с. 172].

Нельзя не согласиться с утверждением Н. В. Малычевой, что в художественном тексте «одна и та же реальная ситуация представляется с точки зрения внешнего (автор) и внутреннего (персонаж) интерпретаторов, что и создает полифонию повествования. Отсутствие взаимопроницаемости сочетающихся субъектно-речевых планов объясняется тем, что для адресанта речи («говорящего») его сознание, память и эмоции составляют естественный центр ориентации при восприятии окружающей действительности» [2, с. 201]. Обращение к самому себе во внутренней речи может быть представлено как близкая по смыслу авторская интерпретация исходной речи персонажа, хотя при этом прямая речь, передающая ее, графически отделяется от авторского повествования:

«...Она вынырнула из кустов на залитую светом набережную. Мир вокруг был прекрасен. Но в чем именно заключалась эта красота, сказать было трудно: в предметах, из которых состоял мир, - в деревьях, скамейках, облаках, прохожих - ничего особенного вроде бы не было, но все вместе складывалось в ясное обещание счастья, в честное слово, которое давала жизнь. У Марины внутри прозвучал вопрос, выраженный не словами, а как-то по-другому, но означавший несомненно:

"Чего ты хочешь, Марина?"

И Марина, подумав, ответила что-то хитрое, тоже не выразимое словами - но вложила в этот ответ всю упрямую надежду молодого организма» (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

XX век стал переломным в художественной литературе, что связано с появлением нового метода изображения действительности, нового взгляда на текст в целом. Изменения в мировоззрении человека отразились и на способах изображения жизни. Одним из таких способов в литературе нового времени стало непосредственное воспроизведение сознания персонажа. Язык современной прозы становится близок разговорной речи, с ее гибкостью, интонацией и свободой в изображении внешней речи. Но и внутреннюю речь не миновал этот процесс, она также изобилует разговорными элементами на разных уровнях языка.

Как показывают исследования текстов современных писателей, антропонимы во внутренней речи оформляют диалог «я – не я» или вопрос, обращенный субъектом речи самому себе, во внутренней рефлексии на событие позволяют автору занять позицию «внезаходимости» и в то же время актуализируют прием «остраннения», характерный для постмодернистской прозы. Ответ на вопрос или итог размышлений во внутренней речи чаще всего становится одним из композиционных центров, обеспечивая при этом дальнейшее развитие сюжета. Связывая отдельные фрагменты текста, оным во внутренней речи способствует реализации текстовых категорий проспекции и ретроспекции, обеспечивает связность и цельность содержательной структуры текста.

Литература

1. Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дисс....докт. фил. наук. – М., 2009. – 35 с.
2. Катермина В.В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): дисс....канд. филол. наук. – Краснодар, 1998. – 183 с.
3. Катермина В. В. Имя собственное как носитель национально-культурной информации // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2017, №4. – С.166 – 175.
4. Коростов И. С. Внутренняя речь как лингво-культурологический феномен// Известия ЮФУ, Филологические науки. – 2011, №3. – С. 99 – 104.
5. Малычева Н. В. Сложное синтаксическое целое как единица текста // Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею профессора Г. Ф. Гавриловой: Труды и

материалы. Ч. 1 [Текст] Педагогический институт Южного федерального университета. - Ростов-на-Дону: Изд-во «АкадемЛит», 2010. - С.199 – 204.

6. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. Изд. 2. – М.: URSS, 2007. – 256 с.

7. Фатеева Н. А. Языковые особенности современной женской прозы. Подступы к теме // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып. 1 / отв. Ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 573 – 585.

УДК-821.161.1

Героиня-воительница в русских былинах

Л.А. Тенгизова

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

Аннотация. В данной статье исследуются особенности изображения образов женщин-воительниц в русских былинах. Текстологический анализ сюжетов русских былин, с использованием метода сравнительно-типологического анализа, позволил выявить ряд общих закономерностей в создании женских эпических героинь. В образах героинь-поляниц русского былевого эпоса выявлены характеристики, позволяющие отнести их формирование к древнейшему, мифологическому периоду развития человеческого сознания. Образы женщин-воительниц изображаются в былинах в соответствии с законами эпической идеализации. В их обрисовке используется прием гиперболизации качеств воина-богатыря, его физической силы. Вместе с тем, в образах героинь былины присутствуют также лучшие женские качества – верность, доброта, самоотверженность, красота. В былинном эпосе женщины-воительницы выступают также и в качестве противников русских богатырей.

Ключевые слова: русские былины, образ женщины-воительницы, Настасья, Василиса Микулишна, сила, гибкость.

The heroine warrior in Russian epics

L.A. Tengizova

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Annotation: This article explores the features of the image of images of women warriors in Russian epics. A textual analysis of the plots of Russian epics, using the method of comparative typological analysis, revealed a number of general patterns in the creation of female epic heroines. In the images of the polarine heroines of the Russian past epic, characteristics are revealed that make it possible to attribute their formation to the oldest, mythological period of the development of human consciousness. The images of female warriors are depicted in epic in accordance with the laws of epic idealization. In their description, the technique of hyperbolization of the qualities of a warrior-hero, his physical strength is used. At the same time, in the images of heroines of bylina there are also the best female qualities - fidelity, kindness, selflessness, beauty.

Keywords: Russian epics, the image of a female warrior, Nastasya, Vasilisa Mikulishna, strength, flexibility.

Образы женщин - явление нередкое в мировом фольклоре. Художественный ареал женщин в эпических жанрах чрезвычайно широк и многообразен, подвести под один общий знаменатель всю систему женских образов, естественно, невозможно, да это и неправомерно, поскольку в каждом конкретном случае они играют свою специфическую роль в зависимости от историко-культурного контекста.

Современный трансформирующий и глобализирующийся мир ставит целый комплекс актуальных вопросов, связанных с формированием женских образов. Нельзя сказать, что эти вопросы полностью обделены вниманием ученых.

Актуальность заявленной проблемы обусловлена и причинами исследовательского характера, если учесть, что с развитием общества представление о человеке находило отражение в эпических

образах, выражающих представление о системе человеческих ценностей в каждую эпоху. Изображение героев в различных жанрах фольклора имеет свою специфику, поскольку каждому жанру «свойственно сходство внутренней структуры, внешней формы и способа организации образа» [3, с.14].

С этой точки зрения особый интерес предстает образ «женщины-воительницы» в русских былинах. Следует отметить, что работ ученых, которые большее внимание уделяли образу женщин в русских былинах в современной фольклористике не так уж и много. Значительный вклад внесла Е. Л. Мадлевская. В ее работа «Героиня-воительница в русских былинах» рассматривается образ былинной воительницы Настасьи в оппозиции с образом мужчины-богатыря [6].

Основная цель данной статьи - выявление специфики образа женщины-воительницы в былинах.

В русских былинах женщины-воительницы символизируют природу, что представляется вполне закономерным, так как они выступают в различных своих ипостасях и воплощают в себе различные явления и объекты реальной действительности. Проведенный анализ показал, что одним из образов, отражающих огромную физическую силу, которой наделена женщина, является образ Настасьи из былины о сватовстве Дуная. Если посмотреть с точки зрения русского эпоса, то эта героиня наиболее близка с образом Златыгорки. Оба женских персонажа репрезентируют архаичную богатырскую версию героини-воительницы.

Обращает на себя внимание имя - «Настасья». В вариантах былины используется имя Непра, непосредственно связанное с судьбой героини: на том месте, где погибает, протекает река Непра. Упоминание реки Непры свидетельствует об архаичности образа Настасьи, о ее причастности его к архаическому времени формирования ландшафтных объектов [4]. Это обстоятельство выделяет образ Настасьи из разряда персонажей «обычной» человеческой природы.

В этом же плане показательны своего рода повадки Настасьи: при встрече с богатырями она "рычит по-звериному" и "свистит по-змеиному" [1, с. 92]. Использование подобного типа формул для определения поведения богатырки указывает на мифологическую природу ее образа.

Физические характеристики героини былины, в соответствии с законами жанра – гиперболизированы. От одного крика и свиста Настасьи «леса распадаются», вянет трава, осыпаются цветочки:

*Темны леса распадались,
В чистом поле камешки раскатывались,
Травонька в чистом поле повянула,
Цветочки на землю повысыпали* [2, с. 121].

О мифологической природе героини свидетельствуют также и особенности зачатого ею ребенка, который оказывается отмеченным космическими знаками:

*По коленушки в серебри,
По локоточки в золоти,
И по косицам частыи звезды,
А сзади у них светел месяц,
А во лби красно солнышко* [2, с. 126].

(Ср. «солнечное дитя» Богини-Дерева – Жыг-гуашэ и божества кузни Тлепша в нартском эпосе [4].).

Наряду с отмеченными выше мифологическими чертами образа Настасьи она наделена и типичными богатырскими чертами. Как указывается в былине, Настасья «мало при доми» живет. Ее основное занятие в момент начала повествования - полякование: она ездит в чистом поле и бьется с богатырями. В качестве поляницы героиня обладает всеми богатырскими атрибутами: булатной палицей в девяносто пудов, ножищем-кинжалищем, тугим разрывчатым луком с калеными стрелочками и копьем. Характерно, что даже конь у Настасьи необычный: сильный и тяжелый, он «по версте поскокивает», «до щетки угрязывает» в землю. От копыт коня камешки улетают с дороги за три выстрела и мать-сыра земля переворачивается. Поэтическая организация образов былин, как, впрочем, и во многих других произведениях фольклора, «связана с использованием общефольклорных средств: метафоры, эпитета, сравнения, различных эвфонических и ритмических приемов» [5, с.27]. Однако одним из наиболее характерных и важных приемов, используемых для изображения женщины-воительницы в былинах, является гипербола.

Гиперболизированы сила и удаль самой наездницы: она с легкостью помахивает девяностопудовой палицей и выбивает ее из седла богатырей, рычит и свистит так, что конь противника падает на колени. Если Настасье случится наехать на белые шатры, то тем, кто в них находится, живым не бывать.

Совсем по-иному изображается образ женщины-воительницы в других былинах - «Ставр Гоудинович» и «Василиса Микулишна», которые представляют собой различные версии одного сюжета. В них изображена женщина-воительница невиданной красоты, с сильным характером, которая обладает неженской силой и в совершенстве владеет мечом и луком. По сюжету былин, между князем Владимиром и мужем Василисы, Ставром, вспыхнул конфликт. Владимир разгневался и заточил Ставра в погреб. Воинственная дева поехала в Киев и предстала перед князем в мужском облике, назвавшись татарским послом. Забава Путятишна, племянница князя, заподозрила обман и рассказала Великому князю, который устроил «гостью» испытание. Василиса Микулишна с легкостью справилась с пятью лучшими лучниками и хитростью вывезла из Киева своего мужа.

В контексте нашего исследования особое значение приобретает образ богатырши-поляницы - дочь Илья Муромца, о которой он сам поначалу не знал. Слава о ее силе идет далеко вперед, и ни один богатырь не решается сразиться с ней.

Только старый богатырь Илья Муромец вызывается выйти на поединок с богатыршей. Встреча происходит в чистом поле:

*Ена ехала, собака, насмеялася,
Не сказала божьей помочи богатырям,*

Поляница – предстает в былинах в качестве обобщенного образа врага. Но ее образ осложнен тем, что она является дочерью русского богатыря Ильи Муромца, которому предстоит сделать сложный нравственный выбор. Богатырша обладает не только необыкновенной силой и ловкостью, благодаря которым побеждает своего отца, но и коварством и вероломством. Несмотря на то, что ее противником является ее отец, Поляница пытается расправиться с Ильей. Однако в фольклоре и, в частности в героическом эпосе, добро всегда побеждает и Илья Муромец убивает напавшего на него коварного и вероломного врага.

Анализ некоторых вариантов сюжетов русских былин, в которых изображены женщины-воительницы, позволил прийти к заключению, что их образы содержат мифологические черты, позволяющие отнести их формирование к древнейшим периодам развития и формирования человеческого сознания. Образы женщин-воительниц изображаются в былинах в соответствии с законами эпической идеализации. Однако в них в изображены не только гиперболизированные качества воина-богатыря, физическая сила, но и женская доброта, самоотверженность и красота. Следует также отметить, что наряду с положительными образами в русских былинах женщины-воительницы выступают и в качестве отрицательных персонажей – грозных противников русских богатырей.

Литература

1. Буслаев Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т.1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355–376
2. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года/ А.Ф. Гильфердинг – СПб, изд-во: Тип. Императорской Академии наук, 1873. – 732 с.
3. Кудалева З.Ж. Паремнологические жанры адыгского фольклора. / З.Ж. Кудалева. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1986. – 23 с.
4. Кудалева З.Ж. Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов/ З.Ж. Кудалева// Вестник Адыгейского государственного ун-та: Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №2. С.84-89.
5. Кудалева З.Ж. Адыгские загадки / З.Ж. Кудалева. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 160 с.
6. Мадлевская Е.Л. Героиня-воительница в русских былинах / Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Л. Мадлевская – Санк-Петербург, 2000
7. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я Пропп - М.: Госуд. изд-во художеств. лит-ры, 1958. – 603 с.

УДК 1751

Мудрость, страдания и вера в произведении В. Шекспира «Король Лир»

Манцаева А.Н., Сусаева М.С.

**ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
г.Грозный, Россия**

Аннотация. Цель данного исследования – рассмотреть понятия «мудрость», «страдания», «вера» в произведении В.Шекспира «Король Лир». В статье прослеживаются некоторые трагические мотивы, которые получили развитие в шекспировском «Короле Лире».

Ключевые слова. Мудрость, страдание, Король Лир, вера, божественное, смерть, любовь, природа.

Wisdom, suffering and faith in the work of W. Shakespeare "King Lear"
Mantsaeva A.N., Susaeva M.S.
FSBEI of HE "Chechen State University"
Grozny, Russia

Annotation. The purpose of this study is to consider the concepts of “wisdom”, “suffering”, “faith” in the work of W. Shakespeare “King Lear”. The article traces some of the tragic motives that were developed in the Shakespearean King Lear.

Keywords. Wisdom, suffering, King Lear, faith, divine, death, love, nature.

Вот уже более ста лет Шекспир пользуется всеобщим признанием. Но какие стороны его творчества завоевали ему популярность? Похоже, прежде всего, это Поэзия и Великие характеры. Поэзию можно извлечь из пьес в выдержках и цитатах. Великие характеры можно прославлять в книгах, где они рассматриваются в отрыве от пьесы, и где им приписывается такое, о чем поэт даже не подозревал [5].

За последние тридцать лет идея универсалий людей была категорически отвергнута критиками-историками, которые настаивают на том, что человеческие верования и ценности полностью основаны на определенных культурах. Главный теоретический источник критики, историк культуры, Мишель Фуко, предполагает, что «власть является единственным определяющим влиянием на убеждения и ценности в любой конкретной культуре». Ведущий практикующий историк, Стивен Гринблатт, утверждает, что «Король Лир» «является частью интенсивной и устойчивой борьбы в Англии конца шестнадцатого и начала семнадцатого веков за переосмысление центральных ценностей общества» [7].

«Король Лир» является одной из известных драм Шекспира. Она была основана на легенде о леере Британии, до-Римском кельтском короле из мифологии. «Король Лир» Шекспира блестяще изображает старость и растущее безумие его титульного героя, когда он разделяет свое королевство на части для своих дочерей, основываясь на их ложных заявлениях о любви к нему. "Король Лир" признан наряду с "Гамлетом" вершиной трагического у Шекспира. Мера страданий героя превосходит здесь все, что выпало на долю тех, чьи трагедии были изображены Шекспиром как до, так и после этого произведения.

«Король Лир» начинается с теста любви, с помощью которого два верных персонажа подвергаются вопросам или заданиям, цель которых – проверить и доказать свою лояльность. Лир сталкивается с бедностью, пренебрежением и болезнями, которые заставляют терять самообладание и оплакивать свое жалкое существование, бушуя проклятиями против своей судьбы.

В «Короле Лир» Шекспира мудрость приносит отчаяние.

Страдания короля Лира очень сильны, жестоки и беспощадны. Многие из персонажей вытеснены практически за пределы выносимости, что отражено в образах пьесы. Лир говорит о том, что его дочери – особенно Гонерилл – нападают на него. Лир обновляется в своем жестоком крушении.

Испытав нужду и лишения, сам он стал понимать многое из того, что раньше было ему недоступно, стал иначе смотреть на свою власть, жизнь, человечество. Он задумался о «несчастных, нагих бедняках», «бесприютных, с голодным брюхом, в дырявом рубище», которые вынуждены, подобно ему, бороться с бурей в эту ужасную ночь (акт III, сцена 4). В этом перерождении Лира – весь смысл его падения и страданий [4].

Лир также использует образы адских мучений, когда он гневется на женскую сексуальность в Сцене 6 Акта IV. В этой игре женственность тесно связана со страданиями. Даже когда его чувства восстановлены, Лир продолжает страдать. Он был «рассечен до мозга костей» и считает невозможным оправиться от нападений его дочерей (IV.6.194). «Горящий стыд» удерживает его от Корделии (IV.3.46). Чувство вины из-за его прежней злости так утомляет его разум, что он не может с ней увидеться (IV.3.46).

Рядом с историей Лира и его дочерями разворачивается вторая сюжетная линия трагедии – история графа Глостера и двух его сыновей, Эдмунда и Эдгара. Подобно Гонерилье и Регане, незаконный сын графа, Эдмунд, также отвергает все родственные и семейные связи, совершая еще худшие злодеяния из честолюбия и корысти. Получается, что случай в семье Лира не единичный, а общий, типичный для времени, когда, по словам Глостера, «любовь охладевает, дружба гибнет, братья восстают один на другого, в городах и деревнях – раздоры, во дворцах – измены, и узы расторгаются между детьми и родителями». Глостер описывает Лира как «О разрушенный кусочек природы!» (IV.6.135). Насилие стольких безумных речей Эдгара, как Бедный Том, усиливает чувство страдания в пустошах. «Гадкий злодей кусает меня за спину» (III.6.17), он плачет, рассказывая ужасающие истории о том, как его бьют, о ножах в его постели и петлях на балконе. Глостер и Лир поражены своими страданиями, несмотря на усилия своих компаньонов по облегчению их бед. Глостер умирает от разбитого сердца, в то время как наступает момент величайшей агонии Лира, смерть Корделии. Кажется, он задыхается до смерти, прося расстегнуть пуговицу. Теперь Кент тоже приветствует смерть. Его строка «Разбей сердце, прости меня» может относиться к страданиям Лира или его собственным страданиям (V.3.310). Это подходит для обоих персонажей.

На данный момент мы должны рассмотреть, что вызывает сильные страдания в «Короле Лире». Глостер считает, что боги злы, а Лир хочет знать, почему природа дала ему двух злых дочерей. Тем не менее, трудно обвинить богов или природу в насилии в пьесе. Аудитория может почувствовать, что вся пережитая агония может быть прослежена в человеческих актах злости. Персонажи страдают за свои собственные грехи. Это кажется жестоким по отношению к невинным, Корделии и Эдгару, но Глостер и Лир вряд ли заслуживают того, чтобы их мучили. И страдают не только персонажи. Буря служит метафорой, как для страданий Англии, так и Лира. Худшие муки в «Короле Лире» вызваны и увековечены самими персонажами [3].

Но чему учиться через страдание? Наше понимание страдания в пьесе должно включать оценку его выгоды. Хорошо перенося и помогая друг другу, Лир и Глостер становятся более сострадательными, переоценивая себя и общество, в котором они живут. Эдгар становится сильнее и способен управлять. Через эти страдания три мужских персонажа достигают героизма. Кажется, что лучшие натуры могут впитывать боль и учиться. В книге «Король Лир» Шекспир, кажется, предполагает, что судьба человека – страдать. Лир очень ясно говорит об этом в акте IV: «Когда мы рождаемся, мы плачем о том, что мы пришли к этой великой стадии дураков» (IV.6.183–4).

В конце истории главный герой испытывает столкновение с тем, чье присутствие он больше всего жаждет: с бескорыстной дочерью, которая любила его больше всего. Смерть Корделии отвергает старого короля в агонию, когда он умирает, подвергается мучениям и одиночеству [3].

Чаша страданий Лира переполнилась. Прийти ценой стольких испытаний к познанию того, что человеку нужно, и затем потерять обретенное – выше этого мучения не бывает. Это самая страшная из трагедий. До последнего дыхания Лиру все же, кажется, что, может быть, Корделия не умерла, он еще надеется на то, что в ней сохранилась жизнь. Потрясенный, смотрит он на ее губы – не вырвется ли из них вздох. Но губы Корделии не шевелятся. Он так смотрит на них, потому что из этих уст он впервые в жизни услышал правду, которой не хотел верить в своем высокомерном заблуждении, и теперь он еще раз ждет, чтобы уста истины ответили ему. Но они немые. Жизнь ушла из них. И с этим уходит жизнь из многострадального Лира [6].

Эдгар думает, что Лир лишился чувств, и пытается привести его в себя, но Кент останавливает его:

*"Не мучь. Оставь
В покое дух его. Пусть он отходит.*

*Кем надо быть, чтоб вздергивать опять
Его на дыбу жизни для мучений?" (V, 3) [6].*

Таким образом, краткий момент мудрости Лира приводит его к смерти. В данной истории персонаж стремится понять более высокий порядок, как способ объяснить или понять свою боль.

Так, центральной темой здесь является природа божественного в прямой связи с мудростью.

В Короле Лир безжалостное, отсутствующее божество проявляется по-разному. Это сила, с которой он сталкивается в «гневном небе» и «безжалостном шторме», «ужасном беспокойстве» «великих богов», от которого он требует отчета: «Есть ли в природе какая-то причина, которая создает эти жесткие сердца?» (III.vi.36).

Другие персонажи ослеплены верой в то, что Бог является создателем и защитником справедливости, тем, кто наказывает зло и вознаграждает добро.

Лира тоже можно обвинить в слепоте, постоянно подпитывая ее, изображая из себя жертву: «Я человек. Грешен» (III.ii.57-58). Он является воплощением неудачного правителя и отца. С мертвой Корделией на руках, неспособность Лира видеть и любить свою дочь такой, какой она была на самом деле, иллюстрирует его невежество: «Ее голос всегда был мягким, нежным и низким, – прекрасное в женщине» (V.iii.285-286). В последние минуты слепота Лира заставляет его заново обрести свою младшую дочь таким образом, чтобы он мог и любить, и принимать ее. Она становится «мягкой» и «нежной» в его сознании, потому что только эта версия Корделии может когда-либо охватить Лира. Мудрость находится в пределах досягаемости Лира, но он либо не видит этого, либо отказывается постигать его, потому что постижение этого, в конечном итоге, заставит его увидеть свои собственные недостатки [3].

В Короле Лир невежество обеспечивает комфорт. Оно оказывается фатальным. Если бы Лир был мудрым с самого начала, его судьба могла бы быть иной. В короткий момент ясности, когда Лир стоит на улице, лицом к лицу с бушующим штормом, он тоже признает свое собственное ограниченное понимание и смерть. Однако эта дверь закрыта, и Лир продолжает идти к своей смерти, не осознавая своих ошибок.

В "Короле Лире", одной из самых горьких своих трагедий, Шекспир нарисовал картину чудовищных противоречий, жестокости, несправедливости окружающего его общества. Выхода он не указал и, как человек своего времени, человек XVI века, не мог указать. Но в том, что он мощной своей кистью написал эту правдивую картину, негодую вместе с Лиром, и зорко наблюдая жизнь вместе с верным спутником Лира - носителем народной мудрости, заключается его бессмертная заслуга [1].

Литература

1. Морозов М. М.. Трагедия Шекспира "Король Лир" [Электронный ресурс]. // <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/morozov/tragediya-korol-lir.htm>
2. Beuken, Wim. The Book of Job. Leuven: Leuven U Press, 1994
3. Shakespeare, William. King Lear. Mineola, NY: Dover, 2000. // https://www.yorknotes.com/alevel/english-literature/king-lear-yna/study/critical-approaches/02010600_images-and-themes
4. <http://rushist.com/index.php/literary-articles/5649-shakespeare-korol-lir-analiz>
5. <https://culture.wikireading.ru/3499>
6. http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_text4.txt_with-big-pictures.html
7. https://www.researchgate.net/publication/282049242_An_Evolutionary_Approach_to_Shakespeare's_King_Lear

Концепт детства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Яхьяева З. И.

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: статья раскрывает концепт детства в произведениях Ф.М. Достоевского в контексте традиций русской классики. Намеченные типологические связи позволяют утверждать, что по отношению к писателю можно говорить не просто о детских образах, а о целостной концепции детства, суть которой в утверждении изначальности добра, необходимости сохранения чистоты нравственного чувства на пути к всеобщему счастью и гармонии. Обращение писателей к теме детства – традиционное явление в русской литературе. Несмотря на кажущуюся простоту и ясность, эта тема соединила в себе ряд важнейших философских, эстетических и нравственных проблем. Дети и детство – ключевая тема в творчестве Ф.М. Достоевского. В данной статье раскрываются особенности детских образов на страницах произведений писателя, в частности, в его романе «Братья Карамазовы». Автор статьи анализирует концепцию мира детства в творчестве Ф.М. Достоевского, раскрывает характеры и судьбы детей на примере его произведений.

Ключевые слова: Достоевский, дети, детство, «Братья Карамазовы», страдание, смерть добро, ребенок, жестокость, свет, зло, концепция.

The concept of childhood in the novel F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"

Yahyaeva Z. I.

Chechen State Pedagogical University

Abstract: the article reveals the concept of childhood in the works of F.M. Dostoevsky in the context of the traditions of Russian classics. The outlined typological connections make it possible to assert that in relation to the writer it is possible to speak not just about children's images, but about a holistic concept of childhood, the essence of which is the assertion of the primordial nature of good, the need to maintain the purity of moral feeling on the way to universal happiness and harmony. The writers' appeal to the theme of childhood is a traditional phenomenon in Russian literature. Despite the apparent simplicity and clarity, this topic combined a number of the most important philosophical, aesthetic and moral problems. Children and childhood are a key theme in the work of F.M. Dostoevsky. This article reveals the features of children's images on the pages of the writer's works, in particular, in his novel *The Brothers Karamazov*. The author of the article analyzes the concept of the world of childhood in the work of F.M. Dostoevsky, reveals the characters and the fate of children on the example of his works.

Keywords: Dostoevsky, children, childhood, *The Brothers Karamazov*, suffering, death, good, child, cruelty, light, evil, concept.

В истории отечественной литературы тема детства становится одной из центральных с середины XIX века. Характер ребенка, «диалектика души», развитие морального сознания, условия воспитания и взросления привлекают внимание таких выдающихся художников слова, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, С.Т. Аксаков, Н.Г. Гарин-Михайловский и др. По-особому раскрывается детская тема в творчестве Ф.М. Достоевского. По мысли В.С. Пушкиревой, для Достоевского нет более или менее важной мысли, которая «не соприкоснулась бы так или иначе с темой детства, и нет ни одного, самого, казалось бы, незначительного, в эпизоде мелькнувшего детского образа, который не прояснял бы нечто очень для него существенное; и это в равной мере относится как к художественному, так и к публицистическому творчеству Достоевского» [9, с. 4]. Немецкий философ, исследователь творчества Достоевского Р. Лаут отмечает: «...дети для Достоевского были как бы иными, чем взрослые, существами, в том числе и по своей природе. Почти до седьмого года своей жизни они все своим миром “страшно отстоят от людей”, считал Достоевский. Как психологу детской души ему равен по силе, пожалуй, только Диккенс» [8, с. 333]. Р. Лаут неспроста упоминает Чарльза Диккенса. Вне всякого сомнения, образы детей на страницах произведений Достоевского появились не без влияния Диккенса, хотя следует отметить, что русский писатель редко делает ребенка главным героем своих романов и повестей. Но детская тема для Ф.М. Достоевского звучит в его творчестве постоянно: это и реальные дети – беззаботные и страдающие, сытые и голодные, умирающие от холода в труппах и гремящиеся у камина, – и размышления о них взрослых персонажей писателя.

Алеша Карамазов отказывается стать архитектором *«здания судьбы человеческой»*, если фундамент его будет основан на слезинке одного только замученного ребенка; Иван Карамазов билет на вход в царство гармонии *«почтительнейше возвращает»* творцу его, потому что не может принять гармонии, составной частью которой являются неотомщенные детские страдания. На страницах произведений Ф.М. Достоевского образ ребенка проходит большой жизненный путь – от «задумавшихся» до «страдающих» от голода, холода, побоев.

Уже в первом произведении Ф.М. Достоевского, повести «Бедные люди», появляются «задумавшиеся» дети (*«... не люблю я, маточка Варенька, когда ребенок задумывается; смотреть неприятно!»*) [4, с. 62]) – дети чиновника Горшкова, нищий мальчик на улице. Еле намеченные детские образы, мелькнувшие в повествовании, – не просто камешек в мозаике, они – часть общей картины жизни «бедных людей». Девушкин пишет Вареньке о встреченном им нищем мальчике. Очень важно, что Макара замечает мальчика и задумывается о его возможной судьбе именно тогда, когда в нем рождается протест – не за себя, так за другого, за свою Вареньку. Здесь мысль о несправедливости горькой судьбы ребенка – один из фактов и факторов формирующегося самосознания Девушкина; это, разумеется, еще не «дите» Мити Карамазова, но уже шаг на пути к этому.

В «Бедных людях» судьба страдающего ребенка выделена из массы страданий «бедных людей». Ко всему привыкшего Девушкина неприятно поражает тишина в комнате Горшкова: *«Даже детей не слышно. И не бывает этого, чтобы когда-нибудь порезвились, поиграли дети, а уж это худой знак»* [4, с. 30]. По словам В.С. Пушкиревой, «это *«даже детей не слышно»* – последняя степень бедности и забитости для почти такого же бедняка Девушкина; дети здесь, говоря словами Л. Толстого, «увеличительные стекла зла»» [9, с. 5].

Маленькая нищенка в «Униженных и оскорбленных» – тоже «увеличительное стекло зла». Она мелькнула в романе – и исчезла, мы не знаем ее истории, да это и не нужно, потому что *«... много на свете ... не княжеских детей!»* [7, с. 74], и все они похожи друг на друга, и их судьбы – тоже. Начиная с «Бедных людей», из произведения в произведение кочуют у Достоевского маленькие герои, те самые дети, которые *«снятся и мерещатся»* и из-за которых, в конце концов, взбунтуется Иван и захочет *«пострадать»* Митя.

Дети, которых Достоевский рисует (а не только упоминает), – трудные дети. С одной стороны, они еще способны узнавать внутренний свет и толпой идут за князем Мышкиным или Алешей Карамазовым, но так же легко поддаются какому-нибудь Ламберту. Их увлекает всякая сила – и светлая, и темная. Они дразнят, травят слабого (Илюшечку в «Братьях Карамазовых»); ожесточаются и замыкаются в чувстве обиды. Они могут быть агрессивнее взрослых. и не способны остаться со страданиями неотомщенными. Они жаждут расплаты и в них, например, легко разглядеть черты героя «Преступления и наказания». Но с другой стороны, они больше взрослых могут повернуться к добру и непосредственнее мира взрослых.

Интерес Достоевского к миру ребенка с годами все усиливался. В «Дневнике писателя» за 1876 год он пишет: «Я и прежде всегда смотрел на детей, но теперь присматриваюсь особенно. Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах в теперешнем взаимном их соотношении» [3, с. 108]. При замысле нового, последнего в его жизни и творчестве романа «Братья Карамазовы» уже первые мысли Достоевского были связаны с детьми, о чем он говорит в одном из писем: «Я замыслил и скоро начну большой роман, в котором между другими будут участвовать дети и именно малолетние, с 7 до 15 лет примерно. Детей будет выведено много ...» [цит. по: 9, с. 5].

Детские образы в романе Достоевского проходят лейтмотивом через все произведение: о них говорят, спорят, они являются предметом философских размышлений Ивана и предметом любви «раннего человеколюбца» Алеши. В.С. Пушкирева отмечает, что «дети играют существенную роль в формировании представления о мире и в самой жизни всех трех братьев Карамазовых. Для Алеши дети – сама живая жизнь, для Ивана дети его «анекдотиков» – аргумент в пользу бунта, для Мити его «дите» – эмоциональное выражение идеи о том, что «все за всех виноваты»» [9, с. 23].

Страдания детей Иван описывает с натуралистическими подробностями: *«Эту бедную пятилетнюю девочку эти образованные родители подвергали всевозможным истязаниям. Они били, секли, пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все тело ее в синяки; наконец дошли и до высшей утонченности: в холод, в мороз запирали ее на всю ночь в отхожее место... И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бедного ребеночка, запертого в подлом месте! Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ней делается, бьет себя в подлом месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими*

кровавыми незлобивыми, кроткими слезками к «боженьке», чтобы тот защитил его...» [5, с. 266]. У Достоевского измученные дети являются укором тому миру, в котором им довелось жить. Но страдания «деток» русского писателя являются, в основном, тем краеугольным камнем, на котором вырастает философия Ивана и чувство бесконечной любви Алеши. Рассказы о них эпизодичны, обрывисты и вплетаются в ткань романа только в том случае, если необходимо подтвердить или опровергнуть аксиомы взрослых героев писателя.

В романе «Братья Карамазовы» дети как реально действующие персонажи появляются только в четвертой части, в книге четвертой, в которой Алеша впервые встречает «*маленькую кучку школьников, все малолетних деток, от девяти до двенадцати лет, не больше*». «*Они расходились по домам из класса со своими ранчиками за плечами, другие с кожаными мешочками на ремнях через плечо, одни в курточках, другие в пальтишках, а иные и в высоких сапогах со складками на голенищах, в каких особенно любят щеголять маленькие детки, которых балуют зажиточные отцы*» [5, с. 194]. По мнению В.С. Пушкиревой, приведенное выше описание ребят Достоевским «*позволяет заметить, что дети, во-первых, изображены в общих чертах (из «кучки школьников» не выделена ни одна индивидуальность), во-вторых, несколько сентиментально. В какой-то мере эта интонация умиленности идет от героя, воспринимающего детей*» [9, с. 24 – 25]. «*Алеша, - сообщает повествователь, - никогда не мог безучастно проходить мимо ребят, в Москве тоже это бывало с ним, и хоть он больше всего любил трехлетних детей или около того, но и школьники лет десяти, одиннадцати ему очень нравились*» [5, с. 194].

Достоевский в начале своего повествования о детях склонен писать о беззаботном, счастливым детстве. Это прослеживается и в описании им мальчиков «*с румяными, оживленными личиками*», и в пока еще небольшой, но довольно содержательной «биографии» Коли Красоткина, который окружен в семье вниманием и заботой. Но милые, добрые, ангельские лица детей, с которыми встречается Алеша в начале второй части «Братьев Карамазовых», позже превращаются в злых, жестоких дьяволят, издевающихся над своим товарищем. «*Школьники, - говорит Достоевский, - порознь – ангелы, а вместе – чертенята: они жестоки, они замучают товарища...*» [цит. по: 5, с. 107].

«*Маленькой кучке школьников*» с их «*румяными, оживленными личиками*» противопоставлена фигура Илюши Снегирева – и пространственно-композиционно (он стоит «*за канавкой, примерно шагах в тридцати от группы*»), и по внутреннему чувству («*он внимательно и пытливо наблюдал группу шести школьников, очевидно его же товарищей, с ним же вышедших сейчас из школы, но с которыми он, видимо, был во вражде*»), и портретно (Илюша «*бледненький, болезненный и со сверкавшими черными глазками*»).

Илюша Снегирев – это, скорее, своеобразное клише образа ребенка из «униженных и оскорбленных», чем индивидуальность. И хотя Илюша – не сирота (у него есть семья, есть любящие отец и мать, сестра), но он нам чем-то напоминает Оливера Твиста, героя одноименного романа Чарльза Диккенса, которого все гонят и проклинаяют.

Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» заканчивается трагически – смертельной болезнью и смертью Илюшечки. Комментируя эпилог романа, В.С. Пушкирева пишет: «Здесь мы подходим к необходимости объяснения еще одной, самой, может быть, поразительной и трудно объяснимой особенности воплощения темы детей и детства в «Братьях Карамазовых» (да и не только в «Братьях»). Достоевский часто изображает детей в умиленно-сентиментальных тонах, но в эпилоге романа, в главе «Похороны Илюшечки. Речь у камня» это достигает апогея. «Здесь все – через край, все – сверх меры, с самого начала главы и до конца ее» [9, с. 30-31].

Алеша «*опоздал. Его ждали и даже уже решились без него нести хорошенький, разубранный цветами гробик в церковь. Это был гроб Илюшечки, бедного мальчика*» [6, с. 284]. Далее описание «*хорошенького гробика*» конкретизируется: «*В голубом, убранном белым рюшем гробе лежал, сложив ручки и закрыв глазки, Илюша. Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились, и, странно, от трупа почти совсем не было запаха*» [т. 7, 285]. (Очень важна здесь эта подробность. Ребенок для Достоевского более свят, чем «*русский инок*» Зосима, от которого все-таки идет «*тлетворный дух*»).

Во время похорон сына Снегирев, «*суетливо и растерянно*» бегущий за гробом, спохватывается, что забыли «*корочку хлеба*». «*– Илюшечка велел, Илюшечка, - пояснил он тотчас Алеше, - лежал он ночью, а я подле сидел, и вдруг приказал: «Папочка, когда засыпят мою могилку, покроши на ней корочку хлеба, чтобы воробушки прилетали, я услышу, что они прилетели, и мне весело будет, что я не один лежу*» [6, с. 287]. В этой сцене Достоевский, великий мастер художественного слова, будто намеренно игнорирует самые элементарные законы художественности. И все потому, что писатель, как и его герои, страдание и смерть ребенка воспринимает (и, следовательно, воссоздает в романе) как глубоко

личное горе. Но, несмотря на трагический финал романа, взгляд писателя, полный надежды и веры, устремлен в будущее, в котором не прольется ни одна слезинка ребенка.

Беззащитность ребенка на страницах книг Достоевского более всего свидетельствует о жестокости мира, поскольку ярче всего контрастирует с нею. Вот зачем русский писатель берет самое беспомощное существо на свете – ребёнка – и помещают его в самую гущу тьмы. Ведь нелюбимый, ослепительно ясный свет детства высвечивает все укрытия и убежища зла – и тем самым разоблачает и судит его.

Литература

1. Антоний (Храповицкий), митрополит. Словарь к творениям Достоевского «Не должно отчаиваться...». – М.: Слово, 1998. – 192 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. - М.: Сов. писатель, 1988. – 396 с.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. – М.: Современник, 1989. – 557 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 7-ми томах: Т. 1. – М.: Лексика, 1994. – С. 17 – 132.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 7-ми томах: Т. 6. – М.: Лексика, 1994. – 560 с.
6. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 7-ми томах: Т. 7. – М.: Лексика, 1994. – С. 7 – 294.
7. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. – Л.: Художественная литература, 1981. – 376 с.
8. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
9. Пушкарева В.С. Дети и детство в творчестве Ф.М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. – Белгород: Издательство Белгородского государственного ун-та, 1998. – 106 с.

УДК 372.882

Повышение мотивации к изучению осетинского литературного чтения в начальных классах в процессе разнообразных форм внеурочной деятельности

Валиева Т. И.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных тем методики преподавания осетинской литературы - повышению мотивации к изучению осетинского литературного чтения в начальных классах в процессе разнообразных форм внеурочной деятельности. В результате исследования выявляются разнообразные формы внеурочной деятельности по повышению читательского интереса школьников, а также анализируются преимущества использования форм внеурочной деятельности для повышения уровня мотивации к изучению осетинского литературного чтения.

Ключевые слова и фразы: осетинская литература, мотивация, читательский интерес, формы внеурочной деятельности, игровые ситуации, занимательные задания, творческие задания.

Valieva T. I. Increasing motivation to study ossetian literary reading in primary classes in the process of various forms of extracurricular activities

Valieva, Tatyana Iosifovna

candidate of philological Sciences. D., associate Professor of the Department of primary and preschool education

North Ossetian state University. K. L. Khetagurova

Annotation. The article is devoted to one of the topical issues of teaching methods of Ossetian literature-increasing motivation to study Ossetian literary reading in primary classes in the process of various forms of extracurricular activities. As a result of the study, various forms of extracurricular activities are identified to increase the reading interest of schoolchildren, and the advantages of using forms of extracurricular activities to increase the level of motivation to study Ossetian literary reading are analyzed.

Key words and phrases: Ossetian literature, motivation, reader's interest, forms of extracurricular activities, game situations, entertaining tasks, creative tasks.

В условиях модернизации образования главным направлением развития школы является повышение качества образования и создание условий для развития личности каждого ученика. Невозможно достичь успехов в решении задач без активизации познавательной деятельности, формирования и развития устойчивого познавательного интереса к материалу урока. Познавательный процесс - важнейший мотив обучения учащихся.

Создание условий внеурочной деятельности, влияющей на повышение мотивации к изучению осетинского литературного чтения, является важным фактором в методике преподавания предмета на сегодняшний день. Внеурочная деятельность – это неотъемлемая часть процесса обучения в школе, которая помогает в полной мере реализовывать требования федеральных образовательных стандартов начального образования. Преимуществом внеурочной деятельности является предоставление учащимся широкого выбора занятий, направленных на их развитие [3, с. 109].

Для того чтобы организация внеурочной деятельности была плодотворной, она должна быть целенаправленной. Это означает, что содержание внеурочной деятельности должно быть направлено на повышение интереса к осетинской детской литературе. Недостаточная разработанность проблемы, ее большая практическая значимость определили актуальность темы данного исследования.

В работе мы опираемся на общетеоретические положения, разработанные в трудах В. В. Давыдова, Н. Н. Акулиной, А. Т. Алексеевской, В. Г. Асеева, Т. Н. Бобровой, А. Е. Тулатовой, З. Б. Цаллаговой т. д.

Объект исследования - учебная мотивация младших школьников в процессе разнообразных форм внеурочной деятельности.

Предмет исследования - повышение мотивации к изучению осетинского литературного чтения в начальных классах в процессе разнообразных форм внеурочной деятельности.

Цель - разработать и апробировать внедрение внеурочной деятельности как эффективного способа повышения мотивации к изучению осетинского литературного чтения.

Гипотеза: мотивация к изучению осетинского литературного чтения повышается, если в процессе обучения использовать разнообразные формы внеурочной деятельности.

Для повышения мотивации к изучению осетинского литературного чтения посредством внеурочной деятельности необходимо ориентироваться на ценности и ценностные отношения. Учитель должен постоянно обращать внимание на то, как воспитанник относится к культурному наследию своего народа, родного края. Если ребенок относится к нему с трепетом, тогда и изучение родного литературного чтения приобретает для него особую значимость.

При разработке внеурочной деятельности учителю следует сделать акцент на воспитании личности в коллективе. То есть, стараться оптимально сочетать коллективные и индивидуальные формы воспитания. Ведь известно, что индивид становится личностью путем общения в социуме [4, с. 78]. С учетом этого, внеурочная деятельность должна быть направлена на организацию совместной деятельности детей, направленной на повышение интереса к изучению предмета. При этом не должна исключаться индивидуальная работа учителя с отдельными учениками.

В организации внеурочной деятельности по повышению мотивации к изучению осетинской детской литературы важно соблюдать принцип преемственности и систематичности, то есть, она должна быть направлена на закрепление ранее усвоенных знаний.

Предъявляя требования к воспитаннику, необходимо знать его сильные и слабые стороны, его возможности и создавать благоприятные условия для повышения у него интереса к изучению предмета. Важно также учитывать и желания воспитанников. Необходимо, чтобы они занимались внеурочной деятельностью добровольно и не были ею перегружены. А значит, она должна быть интересной и занимательной. Следует организовать ее так, чтобы воспитанники сами проявляли инициативу к самостоятельности творческого характера. Чтобы каждый ученик занимался определенным видом деятельности с учетом своих личных интересов.

Для достижения высокого результата в повышении мотивации к изучению осетинской литературы следует:

- воспитывать у ребенка интерес к изучению осетинского литературного чтения;
- расширять направленность читательских интересов;
- оттачивать культуру чтения на осетинском языке;

- вырабатывать у ребенка потребность в чтении осетинской детской литературы [1, с. 132].

Основной задачей правильно разработанной внеурочной деятельности по повышению мотивации к чтению осетинской литературы у детей является совершенствование умения самостоятельно выбирать и читать книги. При этом большое значение имеет разнообразие форм внеурочной деятельности по повышению читательского интереса школьников [2, с. 95]. Знакомясь с произведениями осетинской детской литературы, воспитанник должен сопереживать героям, у него должно формироваться представление о добре и зле, о дружбе. То есть, чтение не должно загружать сознания ребенка, а, наоборот, должно иметь положительный эмоциональный окрас. Благотворному повышению мотивации могут способствовать такие виды внеурочной деятельности как: художественное творчество, трудовая деятельность, краеведческая деятельность, игровая деятельность, развлекательная деятельность, патриотическое воспитание.

Среди форм внеурочной деятельности можно выделить массовую (рассчитана на одновременный охват большого числа воспитанников), групповую (это группы, кружки, школьные музеи) и индивидуальную (это самостоятельная работа отдельных учеников, направлена на самообучение) [5, с. 69].

В младшей школе дети больше всего любят коллективную форму внеурочной деятельности. Ведь именно благодаря групповой активности учащиеся могут проявить себя. Самый продуктивный вид внеурочной деятельности по повышению мотивации к изучению осетинского литературного чтения – это групповые литературные игры. Литературная игра с текстом наделена сюжетным смыслом, что делает ее весьма интересной для школьника.

Для развития у детей интереса к чтению осетинской литературы большое значение имеет тесный, своевременный контакт с родителями. В лице родителей учитель может найти надежных помощников, которые будут развивать у детей мотивацию к изучению осетинского литературного чтения.

Формированию учебной мотивации к урокам осетинского литературного чтения способствует умелое использование игровых ситуаций и других элементов занимательности. Одним из самых действенных приёмов формирования мотивации является дидактическая игра. При подключении ребенка к дидактической игре, резко возрастает интерес ребенка к осетинскому литературному чтению, повышается работоспособность. Так, при закреплении и проверке знаний можно использовать игру «Уазæгуаты цæуын» («Иду в гости»). Она занимает мало времени, но при этом дает учителю понять, насколько учащиеся усвоили материал, с кем придется поработать индивидуально. При этом эту игру можно использовать как в индивидуальной работе, так и в групповой.

В младшей школе дети любят играть, разгадывать загадки, мечтать. Монотонная и длительная работа быстро утомляет их. Поэтому, если нужно проделать много однотипных упражнений, то необходимо включить их в игровую оболочку, то есть, эти упражнения должны выполняться в игровой форме для достижения цели игры. В таком случае целесообразно использовать прием «Привлекательная цель».

Сохранять и повышать мотивацию к изучению осетинского литературного чтения возможно при использовании занимательных заданий, красочной наглядности, литературной привлекательности сказочных героев и персонажей [6, с. 149]. Постоянно поддерживать интерес к предмету можно через использование правильной формы подачи материала: «Найди лишнее число в каждом ряду». «Зачеркни его». «Оставшиеся числа, расставь в порядке возрастания». «Подставив вместо чисел соответствующие буквы, расшифруй слово».

Мотивация к учебной деятельности повышается при условии, когда воспитанник, реализуя свой потенциал, получает реальные результаты своей работы. В этих целях используют разного рода творческие задания. Это могут быть ребусы, загадки, кроссворды, сочинение сказок и так далее.

Достаточно эффективным способом повышения и сохранения мотивации к изучению родной литературы считается создание ситуации успеха. Для того чтобы у ребенка повышался интерес, он должен понять для себя целесообразность, важность и нужность изучения данного предмета и отдельных его разделов. Этому могут способствовать такие приёмы:

«Оратор». За 1 минуту убедите своего собеседника в том, что изучение этой темы просто необходимо.

«Автор». Если бы вы были автором учебника, как бы вы объяснили ученикам необходимость изучения этой темы?

Если в своей работе учитель использует проблемные ситуации и задания, то, как правило, мотивации учащихся находятся на достаточном уровне. Важно отметить то, что по содержанию она

является внутренней, познавательной. Движущей силой проблемного обучения является система интересных вопросов, исследовательских проектов и творческих заданий, которые ставят перед воспитанниками. Необходимо масштабно использовать такие вопросы, которые сталкивают учеников с противоречиями [7, с.68].

Развивать творческие способности у детей – задача не из легких. Тут важно начать с внимания художественному литературному языку. Важно сделать так, чтобы дети научились замечать и выделять в тексте те слова, которые поразили их больше всего своей яркостью и точностью описания. Часто в тетрадях появляются целые отрывки из произведений. Так ученики учатся читать и с удовольствием делятся своими «находками» в классе. В этих тетрадях дети так же пишут произведения собственного сочинения. Это могут быть стихи, сказки, частушки, песни, загадки и так далее. Таким образом, у детей активизируется, растет и обогащается словарный запас. Можно использовать задания: придумать предложение с заданным словом; подобрать слова одинаковые или противоположные по смыслу; составить предложение по картинке; озаглавить части рассказа; составить рассказ по картинке и так далее. Подобные задания дают возможность вовлечь детей в посильную им творческую работу, достичь самостоятельности в постановке целей и достижении результата [6, с. 54].

При выполнении заданий, требующих изменить рассказ, поменять слова в произведении, написать изложение, кратко пересказать текст, изменить лицо, от которого идет повествование, перед детьми открывается свобода действий. Можно вместе с детьми создать диафильм по прочитанному произведению. Для этого каждый должен нарисовать кадр и составить к нему текст. Ученики с большим интересом рассматривают работы друг друга, сравнивают их, обмениваются информацией.

Очень значимыми являются осетинские загадки, работа над которыми делает речь детей более яркой и образной. Это упражнения направлены на развитие самостоятельного мышления, воображения и сообразительности воспитанников. Если на уроках используются загадки, то занятие становится гораздо интереснее, не происходит переутомления, при этом осуществляются полезные упражнения для ума.

Большое значение для развития творческого мышления имеет сочинение. Оно служит высшей формой проявления творческих способностей. Ребёнок должен жить в мире творчества. Самой благоприятной почвой для проявления творческих способностей служит наблюдение за окружающей средой и природой. Дети умеют тонко подчеркивать красоту природы, времен года. Для того чтобы ученики могли четко и красочно выделять различия и признаки времен года, необходимо водить их в одно и то же место для наблюдения. Так появляются «Зымагон аргъау» («Зимняя сказка»), «Уалдзыгон хъæд» («Весенний лес»), «Рæсугъд саг» («Красавица олень»). Вот сочинение второклассницы: «Тынг рæсугъд у уалдзыгон хъæд. Æрдз райхъал ваййы йæ даргъ фынаёйæ. Базмæлы алы бæлас дæр. Зæххæй йæ сæр сдæры цъах кæрдæг дæр. Бæлæстыл фазыны сыфтæртæ. Уалдзыгон хъарммæ рабырынц гæлæбутæ, хъæндилтæ. Сæхи хурмæ фæтавынц». По тому, как ярко написано сочинение, видно, что ребенку доставляет радость такой вид творчества.

Традиционными стали мини-сочинения «Нæ алыварсы рæсугъддинад» («Красота вокруг нас»). Героем сочинения может выступать любой предмет, замеченный учениками. В этих целях используют открытки с пейзажами. Для развития творческого мышления детей большое значение имеют сочинения по началу. «Иухатт дыууæ чызджы ацыдысты хъæдмæ тезгъо кæнынмæ» («Однажды две подружки отправились в лес на прогулку»). А дальше можно фантазировать. Большой интерес представляют сочинения: «Æз президент куы уаин...» («Если бы я был президентом...», ... волшебником..., учителем...»).

Внеурочная деятельность дает возможность научить детей тому, чему не может научить их обычный урок. Эта деятельность позволит ребенку ориентироваться в реальном мире, искать себя. Разнообразная форма организации внеурочной деятельности по осетинскому литературному чтению в значительной степени повышает работоспособность учащихся, благоприятно влияет на включение ребенка в мир человеческих отношений, способствует психологической разрядке, исключает риск переутомления на занятиях, а значит, положительно влияет на эффективность обучения [3, с. 82].

Внеурочная деятельность является дополнительным источником для формирования мотивации и развития интереса к изучению предмета. Для проверки накопленных знаний и умений целесообразно проводить в школе недели осетинского языка и литературы, тематические праздники и вечера. Коллективная учебная деятельность способствует положительному формированию мотивации к изучению осетинского литературного чтения. Совместная учебная деятельность дает возможность ребенку организовать взаимодействие со сверстниками или взрослыми так, чтобы овладение новым материалом произошло как можно эффективнее. Таким образом, мотивация совместной учебной деятельности влияет на формирование внешней мотивации к изучению родной литературы.

В младшем школьном возрасте развито непроизвольное внимание, которое становится особенно концентрированным и устойчивым, если учебный материал отличается наглядностью, яркостью, вызывает у школьников эмоциональное отношение. В роли такой наглядности можно использовать мультимедийные презентации. Благодаря использованию современных технологий можно с легкостью заинтересовать учеников, так как при использовании звуковых и зрительных образов оказывается не только обучающее, но и эмоциональное воздействие на детей. Презентация дает возможность учителю организовать внеурочную деятельность с учетом индивидуальных особенностей конкретной группы учеников, что позволяет добиться максимального успеха.

Таким образом, целенаправленное и систематическое применение перечисленных методов и приёмов во внеурочной деятельности по осетинскому литературному чтению способствует развитию широких познавательных мотивов в младшем школьном возрасте, формирует положительную мотивацию младших школьников к изучению родной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акулина Н.Н. Влияние общего интеллекта и мотивации на успешность усвоения знаний. Спб: Питер, 2005. 356 с.
2. Алексеевская А. Т. Формирование читательских интересов младших школьников. М.: Мысль, 2008. 318 с.
3. Андреев В. И. Внеклассная работа по литературе в начальной школе. М.: Просвещение, 2014. 314 с.
4. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирования личности. М.: Мысль, 2006. 194 с.
5. Боброва Т. Н. Внеклассная работа как условие развития интереса к литературе. Вологда, 2014. 265 с.
6. Болотина Л. Р., Латышина Д. И. Методика внеклассной воспитательной работы в начальных классах. М.: Просвещение, 2014. 276 с.
7. Цаллагова З. Б. Нравственное воспитание учащихся на уроках родной литературы. Орджоникидзе: Ир, 1990. 64 с.

Некоторые аспекты развития читательского восприятия младших школьников

М. Б. Виситаева

**Чеченский институт повышения квалификации работников образования,
г. Грозный, Россия**

Аннотация. Мониторинговые исследования на международном, всероссийском уровнях, в контексте читательского восприятия младших школьников, констатируют ее актуальность для российской национальной системы образования. Исследования, в частности, проведенные в масштабе Чеченской республики, также подтверждают этот тезис. Разработана содержательно-критериальная основа оценки развития читательских умений младших школьников, включающая уровни их развития (мотивационный, познавательный, творчески-ориентированный и творческий), дающая возможность ранжировать обучающихся по этим уровням. Для каждого уровня критерия выявлены наблюдаемые показатели, свидетельствующие о достижении одного из этих вышеуказанных уровней развития читательских умений младшего школьника.

Ключевые слова: усвоение содержания учебного материала, текст, школьник, понятие, предпонятие, критерий, пути и этапы формирования, уровни, модель.

Some aspects of the development of reading perception of primary school students

M. B. Visitaeva

**Chechen Institute for Continuing Education of Educational Workers,
Grozny, Russia**

Abstract: Monitoring studies at the international, all-Russian levels, in the context of the reader's perception of younger students, state its relevance to the Russian national education system. Studies, in particular, conducted on the scale of the Chechen Republic, also confirm this thesis. A substantive and criterion basis has been developed for assessing the development of reading skills of younger students, including their

developmental levels (motivational, cognitive, creatively-oriented and creative), which makes it possible to rank students by these levels. For each level of the criterion, observed indicators are revealed that testify to the achievement of one of these above levels of development of reading skills of a primary school student.

Keywords: mastering the content of educational material, text, student, concept, pre-concept, criterion, ways and stages of formation, levels, model.

В современных условиях вопрос перенаправить на формирование личности школьника в контексте развития его читательского восприятия, является наиболее актуальной. В связи с этим, нами рассмотрена, полифункциональная иерархичная система уровней развития читательских умений младших школьников. Специально и правильно организованный процесс деятельности, перерабатывающий информацию, проекцией которого является интеллект, служит развитию способности к выполнению этой деятельности, а основным видом такой деятельности является читательская деятельность.

Под читательской грамотностью, подразумевается – способность человека понимать и использовать тексты, размышлять о них и заниматься чтением для достижения собственных целей, приобретения знаний и возможностей участвовать в жизни социума [5]. Она признана быть центральным показателем успешности системы образования, умение понимать и использовать информацию, полученную из текстов, существенно влияет и на развитие личности. Читательская грамотность детей, оканчивающих начальную школу важна, с тем, что постепенный переход от обучения чтению к чтению для обучения [3], являясь при этом важной составляющей в образовательной траектории школьника – умения учиться. В переводе на реалии, в частности, регионального образования: судьба учебных достижений средней школы существенно зависит от читательской грамотности выпускников начальной школы.

Сравнивая результаты российских четвероклассников по каждому вопросу теста PIRLS 2016 [6], со средними международными результатами, авторы установили, что умение интегрировать и интерпретировать идеи и информацию текста развито у выпускников начальной школы России значительно лучше, чем умение находить в тексте информацию, сформулированную в явном виде.

Этот факт также подтвердился и на региональном мониторинге. Исключение для четвероклассников Чеченской республики стал случай, когда текст несплошной (в виде таблицы). Выявление самых сильных и относительно слабых сторон читательских умений учащихся четвертых классов необходимо для раскрытия ресурсов педагогики, которые пока еще не использованы для повышения читательской грамотности учеников на всех ступенях образования.

В ФГОС НОО [7] актуальным является проблема смыслового усвоения, от школьников требуется при этом понимать смысл изучаемых формулировок, т.е. сущность описываемых в них явлений, в частности, использовать начальные математические знания для объяснения и описания действующих в этом мире явлений, процессов, а также оценки их пространственных и количественных отношений. Реализация личностно-ориентированной системы обучения требует перехода от обучения нормативно построенного процесса к учению индивидуальной деятельности школьника, ее коррекции, с учетом его индивидуально-психологических особенностей (к примеру, типы восприятия информации: аудиалы, визуалы, кинестетики, дигиталы).

В условиях избытка информации, получаемой из всемирной сети Интернет, встает проблема научить школьника варьировать, управлять этой информацией, брать ту позитивную ее часть, которая послужит ему в решении проблем, встречающихся в учебной деятельности, а в будущем помогут и в выборе профессии, и росту в соответствующей профессиональной деятельности. Несмотря на то, что конкретные знания служат ключом к получению новых знаний, отметим по выражению выдающегося математика прошлого столетия А.И. Маркушевича «Факты улетучиваются, а развитие остаётся...» [4], таким образом, следует выработать такую линию образовательной политики, которая послужит росту его интеллекта, в частности, модель успешного интеллекта R.J. Sternberg [8] имеет особую ценность для сферы образования, подчеркивая факт, что интеллект является деятельностью по переработке информации.

Факт, что российская школа устойчиво показывает лучшие результаты в предметных знаниях подтверждают результаты тестирования PIRLS (международный проект «исследование качества чтения и понимания текста» для 4-го класса), TIMSS (международное исследование по оценке качества математического и естественнонаучного образования среди учеников 4-8 классов) анализируют именно то, как ученик изучил школьную программу и, исходя из результатов, оценивается система образования страны. Но именно PISA позволяет понять, какая страна будет более

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

конкурентоспособной в будущем за счет потенциала подрастающего поколения. Впервые в Международном мониторинговом исследовании PISA (PISA-2018) приняли участие и учащиеся Чеченской республики.

Определения читательских умений в тесте PIRLS операционализированы в наибольшей степени. Теоретическая рамка выделяет четыре основных читательских умения:

- нахождение в тексте информации, изложенной в явном виде;
- выполнение на ее основе простых умозаключений;
- интегрирование и интерпретирование идеи и содержания текста;
- оценка содержания и структуры текста.

При анализе материалов теста и результатов тестирования следует учесть: границы между читательскими умениями достаточно условны [6].

Решение любой читательской задачи требует от ученика совокупного усилия всех его читательских умений, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств читателя (не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам), позволяющие ему преодолеть пробелы в вышеотмеченной рамке читательских умений. Для уточнения информации следует обращаться к тексту, чтобы избежать две типичные проблемы неопытных читателей (не различают информацию, сообщенную в тексте, и информацию, которой владеют на основе личного опыта; ограничиваются приблизительным пониманием текста).

Читательские умения объединены в две группы, связанные с первичной и вторичной обработкой текстовой информации:

- 1) группа умений находить информацию и делать простые выводы на ее основе;
- 2) группа умений интерпретировать, обобщать и оценивать содержание текста и его форму.

Умение извлекать из текста всю информацию, изложенную в явном виде, и делать на ее основе тривиальные умозаключения, можно формировать и оценивать и на ранних этапах обучения, когда ребенок читает самостоятельно лишь несколько слов.

Прием визуализации также способствует отысканию информации в тексте, заданной в явном виде (делать простые умозаключения на этой основе, выполнить рефлексивные суждения по оценке содержания и формы текста). Визуализация текста задачи облегчает учащимся процесс осмысливания информации, заложенной в ней, установить функциональную зависимость между элементами, представленными в ее условии; процессу смыслового чтения текста также способствует выявление отношений между элементами.

На основе изучения и анализа предметной и деятельной конструкции процесса обучения в качестве важнейших составляющих для выявления характеристик развития читательских умений, в контексте рассматриваемой проблемы выделены:

- проявление (внутренней мотивации в деятельности связанной с оперированием текстом);
- формализованное восприятие текста;
- схватывание формальной структуры текста;
- умение находить в тексте информацию, изложенную в явном виде;
- умение на основе текста сделать простые умозаключения;
- умение интегрировать и интерпретировать идеи и информацию текста;
- умение оценить содержание и форму текста;
- выстраивание аргументации при доказательстве и в диалоге;
- владение интуицией логического характера; прогнозирование результата своих действий; планирование своей деятельности;
- владение алгоритмической культурой.

Важно выработать у учащихся, различные приемы визуализации текста (переводить текст из одной знаковой структуры в другую, к примеру, текст на вербальном языке, на символический или наглядный язык или наоборот). В ходе проведенного нами эксперимента учащимся вначале предлагались задания на создание образов геометрических фигур, а затем на мысленное оперирование ими. На примерах детям, к примеру, по математике, показывается, что математический факт может быть описан на естественном языке, с помощью чертежа, а также на языке знаков и символов, и даются задания на перевод словесной формулировки математического факта в знаково-символическую форму или на выполнение соответствующего чертежа [см. 1].

Уровни	Показатели
Мотивационный	- попытки мотивировать ситуацию в процессе усвоения содержания текста;

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА
РОССИИ И КAVKAZA**

	<ul style="list-style-type: none"> - действия на узнавание, распознавание и различение текста без определенной последовательности; оперирование учащимися текстом на основе заданных условий, ориентиров, известных правил и предписаний (попытки: находить в тексте информацию, изложенную в явном виде, делать простые умозаключения, выделять главные идеи текста); учащиеся «схватывают» лишь отдельные фрагменты процесса усвоения содержания текста без последующей их связи друг с другом (простые проявления формализованного восприятия текста); - попытки выстраивать аргументацию в диалоге; объяснить сущность содержания текста (попытка аргументировать ситуацию); - попытки планировать свою деятельность и прогнозировать результат своих действий;
<i>Познавательный</i>	<ul style="list-style-type: none"> - частичная мотивация в процессе усвоения содержания текста; - проявление интереса к процессу усвоения содержания текста; - использование наглядной основы – реальных и идеальных объектов изучения текстов в стандартной ситуации без алгоритмического предписания (схватывание формальной структуры задачной ситуации в предметной области); - понимание учащимися идеи и последовательной связи отдельных элементов процесса усвоения содержания текста иногда умение находить в тексте информацию, изложенную в явном виде; на основе текста сделать простые умозаключения (формализованное восприятие материала по теме); - объяснение логических связей текста; умение интерпретировать идеи и информацию текста; умение оценить содержание и форму текста; частичное выстраивание аргументации в диалоге (аргументирование ситуации); - эпизодическое (прогнозирование результата своих действий, планирование своей деятельности и т.д.); - умение применять элементы алгоритмической культуры;
<i>творчески-ориентированный</i>	<ul style="list-style-type: none"> - проявление мотивации в процессе усвоения содержания текста; - владение и оперирование учащимися усвоенным содержанием текста в стандартных (предложенных или имеющихся) ситуациях: умение находить в тексте информацию, изложенную в явном виде; умение на основе текста сделать простые умозаключения; выделение, в основном главных идей текста включая, умение интегрировать идеи и информацию текста (формализованное восприятие материала по теме); - использование наглядной основы – реальных и идеальных объектов изучения в виде текстов в нестандартной ситуации без алгоритмического предписания (схватывание формальной структуры задачной ситуации в предметной области); - готовность самостоятельно порождать тексты (схватывание формальной структуры ситуации); - осознанное объяснение сущности текста (умение интерпретировать идеи и информацию текста); умение оценить содержание и форму текста, выстраивание аргументации в диалоге (аргументация); - прогнозирование результата своих действий, планирование своей деятельности; - умение применять во всех случаях элементы алгоритмической культуры;
<i>творческий</i>	<ul style="list-style-type: none"> - мотивация в процессе усвоения содержания текста; - осознанные действия в нестандартной ситуации; самостоятельные действия по описанию и объяснению содержания текста (умение находить в тексте информацию, изложенную в явном виде; умение на основе текста сделать простые умозаключения) (формализованное восприятие материала); - действия по применению и преобразованию текстов в незнакомых, нестандартных (предложенных или созданных школьником) ситуациях для решения новых задач в предметной области; действия, включая алгоритмы действий, оперирование текстом (включая, умение интегрировать идеи и информацию текста); - осознанное объяснение во всех случаях сущности объектов изучения, включая учебный материал в виде текстов (умение интерпретировать идеи и

	информацию текста); умение оценить содержание и форму текста, выстраивание аргументации при доказательстве и в диалоге и т.д. (<i>полноценная аргументация</i>); - владение интуицией логического характера, прогнозирование результата своих действий, планирование своей деятельности и т.д.; - проявление абстрактного мышления.
--	---

Естественно, направление, которое следует учесть и при планировании своей деятельности (разработка УМК (программ, методических рекомендаций, рабочих тетрадей, терминологического словаря) и его дальнейшая реализация в регионе), все это должно помочь «преодолеть дефицит педагогических средств, с помощью которых возможно упрочить читательскую грамотность российских школьников на всех ступенях образования» [6, с. 75]. Таким образом, необходимо преобразование модели научного знания на основе нового содержательного наполнения, способствующего развитию читательской грамотности младшего школьника, в целом развитию его личности.

Представленные уровни развития читательских умений младшего школьника позволяют построить траекторию соответствующего индивидуального развития учащихся рассматриваемой возрастной группы [см. 2]. Закономерно позволяют перерабатывать его, посредством приемов умственной деятельности (анализа, синтеза, сравнения, классификации, обобщения, специализации и т.д.) над смыслом его содержания.

Литература

1. Виситаева М. Б. Об изучении пропедевтического курса геометрии в школах Чеченской Республики / М. Б. Виситаева // Математика в школе. – 2007. – № 5. – С. 26-30.
2. Виситаева М. Б. Развитие личности школьника в процессе усвоения содержания учебного материала / М. Б. Виситаева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – № 9. – С. 37-45.
3. Леонтьев А. А. Психология обучения чтению / А. А. Леонтьев // Начальная школа: плюс–минус. – 1999. – № 10. – С. 9-13.
4. Маркушевич, А. И. Об очередных задачах преподавания математики в школе / А. И. Маркушевич // Математика в школе. – 1962. – № 2. – С. 3–14.
5. Пентин А. Ю. Состояние естественнонаучного образования в российской школе по результатам международных исследований TIMSS и PISA / А. Ю. Пентин, Г. С. Ковалева, Е. И. Давыдова, Е. С. Смирнова // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. – 2018 – № 1. – С. 79-109.
6. Цукерман Г. А. Читательские умения российских четвероклассников: уроки PIRLS-2016 / Г.А. Цукерман, Г. С. Ковалева, В. Ю. Баранова // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. – 2018. – № 1. – С. 58-78.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки от 6 октября 2009 г. № 373 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.standart.edu.ru>. (Дата обращения: 04.08.2019).
8. Sternberg R.Y. Encyclopedia of Human intelligence / R.Y. Sternberg. – New York. Macmillan. – Publishing Company, 1994.

**Направление 5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО
РЕГИОНА.**

**Университет как пространство социального взаимодействия: современный
контекст**

Абишева О.Т.¹, Карбозова А.А.¹

**¹КазНПУ им. Абая, Институт искусств, культуры и спорта
г.Алматы, Казахстан**

Аннотация. Статья рассматривает социальные отношения как отрасль аналитического университета. Социально-коммуникационные и интеграционные процессы в развитии современного университета. Проблемы социального взаимодействия актуализируются в условиях неопределенности. В условиях изменения и деформации традиционных социальных структур, определяющих социальные связи и отношения, важно изучение основных социальных институтов с точки зрения их интеграции. Университет рассматривается как особый вид организации социальной помощи в данном аспекте, определены цели и задачи организации социального взаимодействия и формирования субъектов социальной деятельности. В настоящее время университет работает одновременно по направлениям и траекториям, что приводит к расширению сферы активности университета и усилению его потенциала как фактора развития социальных отношений. Идея синергетического общения уделяет особое внимание как стратегический принцип функционирования современного университета. В статье изучается пространство социализации молодежи и потенциал университета как в социальном аспекте.

В заключение делается вывод, что университет как один из факторов обеспечения устойчивого развития может рассматриваться как влиятельная интегративная сила современного общества

Ключевые слова: Инновации, университет, передача знаний, социальное взаимодействие, социальная миссия, открытое образование.

Абишева О.Т.¹, Карбозова А.А. ¹

**¹Абай атындағы ҚазҰПУ, Өнер, мәдениет және спорт институтының Өнертану докторы, қаум.
профессор Алматы қ., Қазақстан**

**¹ «7M02118 – Графикалық дизайн» мамандығының Ікурс магистранты Абай атындағы ҚазҰПУ,
Өнер,мәдениет және спорт институты Алматы қ., Қазақстан**

**УНИВЕРСИТЕТ ӘЛЕУМЕТТІК ӨЗАРА ҚАРЫМ-ҚАТЫНАС КЕҢІСТІГІ РЕТІНДЕ: ҚАЗІРГІ
КОНТЕКСТТЕ**

Аңдатпа. Мақала талдау университетінің саласы ретінде әлеуметтік қарым-қатынастарды қарастыру. Қазіргі заманғы университет дамуындағы әлеуметтік-коммуникациялық және интеграциялық процестер. Әлеуметтік өзара қарым-қатынас проблемасы белгісіздік және турбуленттік кезеңдерінде өзектіленеді. Әлеуметтік байланыстар мен қатынастарды анықтайтын дәстүрлі әлеуметтік құрылымдардың өзгеруі мен деформациясы жағдайында қазіргі заманғы әлеуметтік институттарды олардың интеграциялық тиімділігі тұрғысынан зерделеу маңызды. Университет осы аспектіде әлеуметтік көмекті ұйымдастырудың ерекше түрі ретінде қарастырылады Әлеуметтік әрекеттестіктің мағыналық контекстің әзірлеуде және әлеуметтік іс-әрекет субъектілерін қалыптастыруда университеттің рөлі анықталды. Қазіргі заманғы университет бір уақытта бірнеше бағыттар мен траекториялар бойынша жұмыс істейді, бұл университеттің белсенділік саласының кеңеюіне және оның әлеуетінің әлеуметтік қарым-қатынастың даму факторы ретінде күшеюіне әкеледі. Синергетикалық өзара іс-қимыл идеясы қазіргі университеттің функционалдануының стратегиялық принципі ретінде басты назар аударады. Мақалада жастарды әлеуметтендіру кеңістігі және университеттің әлеуметтік аспектісіндегі "үшінші миссиясы" ретінде университеттің әлеуеті зерттеледі.

Қорытындылай келе, университет оның тұрақты дамуын қамтамасыз ету факторларының бірі ретінде қазіргі қоғамның ықпалды интегративті күші ретінде қарастыруға болады деген қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: инновация, университет, білім трансфері, әлеуметтік қарым-қатынас, әлеуметтік миссия, ашық білім

Abisheva O.T.¹, Karbozova.A.A.¹

**¹Candidate of Pedagogical sciences, associate professor,
Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute of Arts, culture and sport,
Almaty, Kazakhstan**

**¹ Student of master's course in the specialty «7M02118 – Graphic design»,
Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Institute of Arts, culture and sport,
Almaty, Kazakhstan**

UNIVERSITY AS A SPACE OF SOCIAL INTERACTION: THE CONTEMPORARY CONTEXT OF THE PROBLEM

Abstract. The article analyzes the university as a sphere of social interaction, the role of contemporary university in the development of social communication processes and constructive social collaboration. University as a space of social interaction has become especially topical in the time of uncertainty and turbulence. Under the circumstances of transformation and deformation of traditional social structures, which determined the social connections and relations, it is important to investigate contemporary social institutions in terms of their integrational effectiveness. The university in that aspect is examined as a specific form of arranging the social whole. The role of university in the elaboration the meanings context of social interaction and in the forming the subject of social action is revealed.

It is shown that contemporary university simultaneously moves on several planes and trajectories that results in widening the space of university's activity and enhancing its potential as a factor of developing the social interrelations. Special emphasize is made on the idea of synergetic interacting as a strategically principle of functioning of the contemporary university. The article then moves on to examine the potential of the university as a space of socialization of youth and the «third mission» of the university in its social dimension. The conclusion is made that the university may be considered to be an influential integrative force of society, as a factor of providing the stability of the society.

Keywords: innovation, university, knowledge transfer, social interaction, social mission, open education.

The problem of social interaction is a theoretical and methodological point of view for understanding social projects, so it is repeatedly used as subject for in depth philosophical research. But in today's turbulent and uncertain times, issues of social integrity is relevant more than ever. In the context of traditional social structures and institutions that determine the nature of social regime and social relations, many modern social conditions will influence the individuals actions upon each other and on society, which ones are most effective in their activities, and why they are relevant. In this context, the analysis of social relations of the University is interesting. Space in this position of the problem is understood as the sphere of activity of the University and social impact. The University as a socio-cultural phenomenon surprises with its stability in society and its demand in a society with different cultural foundations and political organization. One of these reasons is the effectiveness of the University as a space of social interaction, the integration potential of the Institute.

The purpose of the article is to analyze the specifics of the University as a sphere of social relations, designed for us to consider the possibilities and role of the University in the development of social communication and constructive social interaction.

The University as a space for social relations even before the early times, except for the later stages of its development, its integration function is limited by the action of specific intracorporate mechanisms of regulation of relations of its members (educational procedures, hierarchy, subcultural symbols, statutes, academic degrees, etc.). As a social structure, "interdisciplinary" situation in society, avonomy, publicity, intellectual potential of the environment, serves as the basis for the functioning of the living dialogue of generations, International activities, the ability to perform the functions of the expert communities and other features of the University have created the center of its social attraction and thereby created opportunities for a wide informal influence on social ties and relations.

The intersection of intentions and interests of different social groups in the space of the University caused a special role of the University in the organization of inter-object communication, its ability to regulate and develop relations between people and organizations, determined the "Dialogic" and semantic openness of the University environment.

It should be noted the importance of the University in creating a semantic context of social interaction associated with joining the processes and mechanisms of translation and integration of culture. The work of the University in the process of spreading culture is obvious that the University has constantly critically thought through them, carrying out not only cultural meanings and codes, but also a critical study of culture. The analysis of the mechanisms of cultural integration reveals the important role of the University. A. L. According to Dobrokhotov, the basis of cultural integration-cultural integration provides the emergence of a holistic "chaos of cultural phenomena", which has a self-consciousness of mechanisms. The result of reflection to such mechanisms are mechanisms for the development of social agreements and norms, programs of action of a certain era (utilitarian or utilitarian) and mechanisms that justify their paradigms of knowledge, such as the space of social interaction. For various reasons, self-education can be either effective or ineffective [1]. The University as a collective subject of production and education refers to all processes of creating paradigms of knowledge. Articulatory meanings in the University environment later spread to a vast cultural space, the topic of discussion was General opinion and elegant public consciousness. By shaping ideas about the goals and ideal outcomes of education based on the interpretation of the content of education, the University has founded an understanding of certain social strategies and social norms, and in this sense you have become a factor in changing or affirming social structures. The debate about what would happen at the University was a debate about what was happening in society. Established and / or supported some coordinate systems defining points of social activity.

The role of the University as an integration factor in the future is associated with the formation of individual subjects of social interaction that make up an educated society. The University environment United individuals not only in education, but also in a certain social code. the adoption of the principles of the University ethos of man as a regulator of behavior, contributed to the formation of the individual as a social agent, adhering to certain principles of behavior and communication. The essence of the sociological process at the University is to prepare an independent subject of a certain type of civilization and culture, natural and non-destructive, motivated and constructive civilization and social axiom.

Thus, the University has traditionally acted as an important node in the development of social integration, which is due to its features as social institutions, the role of social interaction in the construction of semantic context, its importance as a social space. The University as an integration mechanism has shown the ability to work successfully in a changing cultural dominant. Synthesizing new forms and traditions of social relationships, it allowed to use the regulatory and integration potential of the University in order to effectively develop the social integrity of each new era.

What characterizes the modern University as a space of social interpretation? In what aspects is social integration carried out by the modern University? University aimed at imperative innovative development, which today is perceived as a "Cultural universal" - it participates in the system of social goals of countries representing different cultural and historical types. In this context, the priority model of Higher education is the innovative style, the feature of which is the interrelated unit of three main functions: teaching, research, and the development and transfer of innovative products to society (transfer of education).

The current growth of the role of universities in the social environment is associated with their structural and functional complexity, which is the result of the influence of many factors, each of which forms a certain size of the University. R. Barnett noted that the modern University moves between several poles in several planes and as a Center of development. As a result of the intersection of planes and trajectories of space, "ontological layers" appear in the structure of the University, as it is formed taking into account global trends and local development tasks, the current reality of the University and its future opportunities, the need for the development of the universe as its individual elements and integrity [2]. A University is a multidimensional object that can be defined metaphorically as a closed system. The basis for the use of the metaphor is the entrance of the University into its activities in many non-University spaces and the regular exchange of information and resources with the external environment. Cooperation with many external structures and consumers of products produced by the University. But it is necessary for the University to go beyond its "limits", as the development of cooperation with the University in areas arising from its core and core functions is promising and effective for large social agents. The University as a space of social interaction covers all international, national and local levels. Being a complex system, the University will become an extensive center

of the network of cooperation, which leads to an increase in the diversity of the system, allows to play new roles for the University in society and, accordingly, to build new inter-organizational and inter-institutional relations.

The important role of the above-mentioned University in the socialization of youth and the development of dialogue between generations was noted. The realism of the new time associated with the politicization, commercialization and politicization of higher education, significantly corrects the idea of the University about the possibility of independent training of subjects responsible for society, and this institution remains important in modern conditions as a mechanism of socialization of youth. The author agrees with the point of view of A. In connection with all negative consequences of educational massiveness of University and decrease in its quality the modern higher education forms a certain type of people, their value and behavioral positions allow to describe them as middle class and to draw a conclusion about their readiness for national constructive social interaction. Such people as subjects of knowledge can be interpreted from the point of view of the limited theory of rationality of the "average person". Their formation can be considered as a positive social effect of higher education [4]. From this point of view, even an economically unproductive MOS University is rated as socially useful to the extent that they exercise a civilized function.

Thus, other areas of consideration and evaluation of the quality of education are disclosed. The criteria for the quality of education can be not only measurable quantitative indicators of learning outcomes (their importance is not disputed), but also individual changes associated with the educational process at the University, residential values transmitted by University education, social ties and relationships arising from the University environment. Change-the formalization of the student himself, the world and the perception of the social environment is a difficult result that remains invisible in modern assessment systems, and integration for society is very important. In society, it is very important to form subjects focused on the values of tolerant communications in social behavior, humane action and constructive interaction within the processes that create the highest field of involvement: uncontrolled migration, demographic changes, environmental disasters, ethnic conflicts, etc [5].

The modern University, in our opinion, has a great potential for the formation of people of this kind. First, the most important action to develop is excluding the one-sided attempts for interaction. Comprehensive dialogue between generations, carried out in educational practice, as well as in many other types of University activities. Secondly, the fundamental principles of University life are tolerant interaction, eliminating intolerance and affirming openness to cultural dialogue. Third, the modern typical diversity of opportunities for the use of their forces, combined with the lack of rigid mechanisms of coercion in socialization allows a person to freely make and respect the choices of others in communication and action. Fourth, in the context of internationalization of higher education, the University is a model of the multicultural world, consolidating the possible experience of integration on the principles of rational communication and recognition of equal differences.

The growth of integration potential of the University is associated with its participation in the life of the regional or local community, it can be considered as the implementation of the "third mission" of the University in its social projection. The University subscribes to the resolution of social problems and processes ensure the quality of life of communities at various levels and reveals the added value of transfer of education, implemented by the academic community interaction: the development of the civil culture of the people, the ability to analyze social processes and cultural processes, the formation of the principles of activities in accordance with the criteria of social welfare. Today, the traditional functions of the University can be performed at a new level – uniting the center and the local community. As an elitist element of public life in its educational activities, the University seeks to become a manifestation of the idea in its civic activities, even in the conditions of higher education.

It is necessary to highlight the new opportunities for dialogue between the University and society, which arise in connection with the active participation Of the Association of universities in the development of open education. The essence of open education should be evaluated not only in the aspect of certified educational results, but also in the broader social context associated with the problems of preserving and strengthening human potential, developing social ties, re-socialization and overcoming the marginalization of both individuals and social groups. The modern University, developing the closed principle, contributes to the emergence of social initiatives, attracting a large contingent of people to the social team [3].

Creation of informal social structures, contributing to the development of society. An era troubled by social transformation and turbulence, the "change of cultural conditions" creates difficulties in choosing a number of development scenarios alternative to any social institutions. However, as modern research shows, the conditions of uncertainty for the education system were not only threats, but also prospects. R. Barnett noted that the University is not forbidden to live, as it has a sustainable and absorbing potential at new levels. This gives

reason to understand the essence of the modern University as "to unite, to unite mechanisms and fantastic options, structures and ideas, forces and opportunities underlying the past and the future" [2]. Sharing this position, the vision of the University as a subject of development of processes of social integration should become a mandatory element of the combination of this idea. The modern University is a unique model of social relations, which is constantly expanding from the functioning of the University in conditions of openness and uncertainty. The University as an integration force of modern society is one of the factors of ensuring its sustainable development.[5].

REFERENCES

1. Dobrokhotov A.L. (2016). Philosophy of Culture. Moscow, 556 pp. (In Russian)
2. Barnett R. (2016). Understanding the University: Planes and Possibilities (and even Poetry). Annual Newsletter of the Philosophy of Education Society of Great Britain (PESGB), pp. 14-16.
3. T.V. Sokhranyaeva. University as a space of social interaction
4. [dresden/newsportal/ressourcen/dateien/broschueren/Broschuere_Zukunftskonzept.pdf?lang=en](https://tu-dresden.de/newsportal/ressourcen/dateien/broschueren/Broschuere_Zukunftskonzept.pdf?lang=en) (өтініш берілген күні: 13.03.2017).
5. А. А. Аузан. Университет миссиясы: экономистің көзқарасы // білім беру мәселелері. – 2013. – № 3. – С. 266-286.
6. Әлеуметтік-философиялық мәселе ретінде білім берудегі белгісіздік принципі // Білім философиясы. – 2016. – № 2(65). – С. 122-128.
7. Дрезден "Синергетикалық университеті" институционалдык стратегиясы [Электронды дерек көзі]. Мына сілтеме бойынша қол жетімді:
8. https://tu-dresden.de/tudresden/newsportal/ressourcen/dateien/broschueren/Broschuere_Zukunftskonzept.pdf?lang=en (өтініш берілген күні: 03.13.2017).
9. Университет миссиясы: экономистің көзқарасы. Білім беру мәселелері [білім беру мәселелері], жоқ. 3, С. 266-286. (орыс тілінде)
10. Бегалинова К. К., Косенко Т. С., Наливайко Н.В. (2016). Білім берудегі белгісіздік принципі әлеуметтік-философиялық мәселе ретінде. Білім философиясы. 2(65), 122-128 Б. (орыс тілінде)

УДК 159.9.015

Формирование коммуникативного поведения личности: психолингвистический анализ
Муханова И.В.

Академия наук Чеченской Республики (Грозный, Россия)

Работа выполнена при грантовой поддержке РФФИ,
проект 18-412-200001 «Модели исследования
коммуникативного поведения чеченцев-билингвов»

Аннотация: В статье проведен психолингвистический анализ формирования коммуникативного поведения личности. Подчеркивается связь коммуникативного поведения с социокультурной ситуацией в которой развивается личность, с общечеловеческими и этническими ценностями. Сделан вывод о том, что нравственные концепты выступают в качестве регуляторов, этническими доминантами коммуникативного поведения личности и коммуникативное сознание определяет коммуникативное поведение человека.

Ключевые слова: личность, коммуникативное поведение, нравственные концепты, лингвокультурная общность, модель, коммуникативное сознание.

Современный мир характеризуется открытостью, расширением межнациональных контактов, повышением интереса к межкультурной коммуникации, межэтническими конфликтами, требующими учета специфических черт национального характера общающихся. Кроме того, вопросы общения и поведения представителей различных этнических групп, являющиеся ключевыми в гуманитарном научном дискурсе и обусловленные потребностью в системном описании особенностей коммуникативного поведения того или иного народа, послужили фактом обращения к исследуемой проблеме.

Коммуникативное поведение народа подразумевает совокупность норм и традиций, культуру, историческую память лингвокультурной общности. Понятие «коммуникативное поведение» введено в научный оборот в 1989 году известным отечественным ученым И.А. Стерниным.

Каждый народ обладает присущим только ему речевым этикетом, различными особенностями приветствий и прощаний, объятий и поцелуев, рукопожатий и улыбки. Эти различия нередко оказываются весьма существенными в проявлении коммуникативного поведения. Коммуникативному поведению представителей разных народов характерен культурный шок, проявляющийся в условиях межкультурной коммуникации и выражающийся в непонимании, невосприятии, отторжении норм, правил, традиций этноса представителем гостевой лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры. Категория «коммуникативный шок» в 1960 году введена американским антропологом К. Обергом, который считал, что осознание резкого расхождения в нормах и традициях общения народов может привести к психологическим барьерам в коммуникации.

Коммуникативное поведение описывает реальную коммуникативную практику. Основой описания коммуникативного поведения народа могут служить аспектная, ситуативная и параметрическая модели, каждая из которых различны по функциям, но дают системное и целостное видение рассматриваемой проблемы. Разрабатывая модель коммуникативного поведения личности, мы опирались на принципы системности и контрастивности. Источниками материала при изучении коммуникативного поведения чеченцев-билингвов послужили публицистические источники (очерки путешественников, писателей, ученых, посетивших Чеченскую Республику в разные времена), художественные произведения, специальная литература, анализ языковых средств, результаты включенного наблюдения.

Модель коммуникативного поведения личности представляет собой структуру взаимосвязанных и взаимообуславливающих компонент: коммуникативное сознание, коммуникативные установки, речевое общение. В контексте данного подхода следует отметить, что на формирование коммуникативного поведения непосредственное влияние оказывает социокультурная ситуация, в которой развивается личность, общечеловеческие и этнические ценности. Общечеловеческие ценности являются базовыми в культуре каждого народа, так как они выработаны в процессе исторического развития человечества, выступают маркерами духовности и нравственности каждого человека (любовь, уважение к ближнему, честность, милосердие, дружба и т.д.).

Коммуникативное поведение чеченцев формировалось во взаимодействии с окружающим миром, с представителями других этнических общностей, поэтому оно характеризуется прагматичностью, целостностью, идиоэтничностью, а также обусловлено нормами культуры этнического общения чеченцев. Речевой этикет чеченцев строго регламентирован по гендерному и возрастному принципу. В зависимости от ситуации характерна та или иная модель коммуникативного поведения. Так, для коммуникативного поведения чеченцев характерно строгое соблюдение обрядности на свадьбе, похоронах и внутрисемейных взаимоотношениях.

Коммуникативное поведение чеченцев регулируется нравственными концептами «яхь», «эхь», «Гиллакх», «обздангалла», «доьналла», «майралла», «эвхьазалла». В своем исследовании нравственных концептов как регуляторов коммуникативного поведения личности мы основываемся на общенаучных (таких, как гипотетико-индуктивный, дедуктивный, интроспективный), и частнонаучных методах (компонентный (дефиниционный) анализ, этимологический анализ, метод контекстуального анализа, метод анализа текстовых дистрибуций, метод свободного ассоциативного эксперимента, метод сплошной выборки и прием количественного подсчета). В настоящей статье мы рассмотрим некоторые из вышеуказанных концептов.

Концепт «эхь» (стыд) исторически выполняет важные психосоциальные функции в жизни чеченцев. Концепт «эхь» представляет собой ментальное образование, характеризующееся особой этнокультурной спецификой, культурными доминантами чеченского общества. В силу социокультурной релевантности «эхь» находит активное отражение в сознании и коммуникативном поведении чеченцев. Социолингвистическая верификация отношения чеченцев к концепту «эхь» позволяет констатировать его доминирующие позиции в сознании каждого человека. Так, «эхь-бехк ду цуьнца» (стыд и уважение

есть с ним). В переводе с чеченского языка «бехк» – вина. Но в данном случае «бехк» выступает в смысле высокого почитания, «бехке нах» - люди, к которым относишься с глубоким уважением, высоким почтением. В коммуникативной культуре чеченцев «бехке нах» подразумевают родственников жены - для мужчины, родственников мужа для -женщины, родственников по материнской линии. «Эхь-бехк» обнаруживают онтологическую близость по отношению друг к другу. Модель коммуникативного поведения зятя по отношению к родственникам жены характеризуется своеобразным проявлением «бехк» (вина). В определенной степени зять испытывает неловкость, смущение, он должен быть предельно вежлив и демонстрировать эту вежливость в общении.

В работах [1]. нами была предпринята попытка анализа концепта «яхь» (состязательность, соревновательность). Но приведенные категории не отражают сущности «яхь». Конститутивные признаки данного концепта многомерны, «яхь», в нашем понимании характеризуется как личностное ментальное образование, мотивирующее человека на благородные, часто отчаянные, безрассудные поступки и действия во благо других.

Приведем некоторые ценностно-маркированные высказывания, на наш взгляд, наиболее ярко отражающие сущность концепта «яхь». «Яхь йоцу стагах а, зудчунах а дац да хIума» (Ни мужчина, ни женщина, не имеющие «яхь» ничего не стоят), или «Нанас дена ма войла «яхь» йоцу кIант» (Пусть мать не родит отцу сына без «яхь»). В коммуникативном поведении чеченцев «яхь» является основой, на которой строится отношение личности к миру, людям, ценностям. Личность, имеющая «яхь» обладает внутренней потребностью к самосовершенствованию, самоактуализации, обладает потребностью быть всегда первой в благих делах, в служении людям, родине, семье, отдельно взятому человеку.

Резюмируя вышеизложенные рассуждения, следует отметить, что нравственные концепты выступают в качестве регуляторов, этнических доминант коммуникативного поведения личности, а коммуникативное сознание определяет коммуникативное поведение человека.

Литература

1. Мусханова И.В. Лингвокультурологические особенности концепта «яхь» в языковой картине мира чеченцев // Материалы международной научно-практической конференции «Язык и литература в образовательном и культурном пространстве Юга России и Кавказа» (г. Грозный, 15-17 ноября 2018 г.). – Грозный: Изд-во ЧГПУ, 2018.- С. 71-75

УДК 1751

Невербальный язык как средство общения

Сираждинова К.К., Магомедалиева М.Ф.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. Растущие связи между странами делают все более актуальным взаимопроникновение культур. Сегодня многие люди изучают иностранные языки, путешествуя за пределами своих стран. Недостаточно иметь хороший иностранный язык для эффективного общения. Необходимо знать культуру и особенности невербального поведения других народов. При посещении другой страны мы должны помнить, что мы гости, которые должны соблюдать местные традиции, а не навязывать свои.

Ключевые слова: невербальное общение, «невербальное поведение», кинезика, вокализм, гаптика, проксемика, эстетика, хронология, артефакты, ольфактика, лингвокультура, стереотип поведения.

Non-verbal language as a means of communication

Sirazhudinova K.K., Magomedalieva M.F.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The growing ties between the countries make more urgent the interpenetration of cultures. Today a lot of people are learning foreign languages, traveling outside their countries. It is not enough to have good foreign language for effective communication. It is necessary to know the culture and characteristics of nonverbal behavior of other peoples. When visiting another country, we must remember that we are guests who are expected to observe local traditions, not impose our own.

Key words: nonverbal communication, "non-verbal behavior", kinesics, vocalism, haptics, proxemics, aesthetics, chronemics, artefactics, olfactics, linguoculture, behavior stereotype.

Каждый человек является социальным членом общества. Любой акт общения имеет определенную цель: наладить контакт, получить/дать информацию, побудить к действию и т. д. Коммуникация представляет собой процесс обмена информацией для эффективного общения между людьми. Невербальная же коммуникация – та, что происходит без слов, составляет больший процент общения.

В быстро развивающемся современном мире сложно обойтись без знаний правил невербальной коммуникации, действующих в разных культурах. Усваиваемая нами с детства культура того или иного народа часто контролирует наше поведение, побуждая нас поступать определенным образом. Однако, то, что считается нормальным и приемлемым в одной культуре, может оказаться прямо противоположным и даже оскорбительным в другой. Чаще всего, первое впечатление о человеке складывается благодаря его невербальному, «несловесному» поведению. Знание культурных различий невербальной коммуникации может оказаться весьма важным при изучении иностранных языков и в межкультурном общении.

Цель данного исследования состоит в рассмотрении основных средств невербальной коммуникации, их функционирования в разных лингвокультурах. Поставленная цель предполагает решение ряда задач:

- Ø изучение теоретического материала по теме;
- Ø сравнительный анализ функционирования невербальных единиц в разных языках;
- Ø отбор основных паралингвистических средств, характеризующих английскую, немецкую и русскую лингвокультуры;
- Ø обобщение полученных данных и составление мини-справочника невербальных средств общения в помощь изучающим иностранные языки.

Объектом исследования служат невербальные средства коммуникации как важный фактор национально-культурных различий разных народов.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе описательного метода и метода сплошной выборки была проведена определенная самостоятельная работа по выявлению основных паралингвистических средств, характеризующих английскую, немецкую и русскую лингвокультуры, а также составление мини-словаря невербальных средств общения.

В наше время людям постоянно приходится общаться с представителями других культур, носителями разных языков. Всем известно, как тяжело выучить иностранный язык, сколько это отнимает времени. Однако, учёные давно пришли к выводу, что наряду с привычным языком того или иного народа весьма важным представляется изучение так называемых невербальных средств общения, характерных для каждой культуры. Что же такое невербальное общение? Невербальное общение не использует звуковую речь, в качестве средств общения здесь выступают мимика, пантомимика, язык жестов, телодвижений. Общаясь с друзьями, родственниками, знакомыми, деловыми партнерами, люди волей-неволей обращаются к этому способу передачи информации. Он определяет как реакцию на окружающих, так и отношение к нам. Иными словами, такие простейшие признаки, как выражение лица или направление взгляда помогают нам догадаться о чувствах других людей, об их состоянии, эмоциях и даже намерении по отношению к вам.

Невербальное поведение человека тесно связано с его внутренним состоянием. Своим невербальным поведением человек раскрывает свой внутренний мир, формирует содержание общения, передает эмоциональное состояние. Еще древние люди в доречевой период могли выражать свои переживания посредством «языка» телодвижений. Научными данными подтверждается, что «язык тела» предшествовал вербальному общению. В современном мире невербальная коммуникация осуществляется параллельно с вербальной. Учёный в области языка жестов Альбер Мерабян в 50-гг XX века установил,

что информация любого сообщения распределяется так: 7% вербально (т.е. словами), 38% вокально-тоном голоса и 55% с помощью невербальных сигналов.

Каждый знает, что слова подходят для передачи логической информации, тогда как чувства намного сильнее могут передаваться невербально. Помахав рукой, моргнув глазом, пожав плечами, человек способен передать чувства намного быстрее, чем это сделали бы слова. При помощи невербального языка можно:

1. Передать информацию сознательно или бессознательно;
2. Проконтролировать разговор
3. Подтвердить или опровергнуть передаваемую словами информацию
4. Контролировать и повлиять на другие лица.

Управляя невербальным языком, человек сам может вызвать желаемый для себя образ. Появляясь перед аудиторией, люди сами могут вызвать образ уверенного, компетентного специалиста и слушатели оставят впечатление о них в первые секунды

общения. Прямая осанка, ровный голос, уверенное выражение лица – все это скажет о том, что перед публикой первоклассный специалист с непререкаемым авторитетом.

1.2 8 языков невербальной коммуникации

В социально-психологических исследованиях разработаны различные классификации невербальных средств общения, к которым надо отнести все движения нашего тела, интонационные характеристики голоса, воздействие с помощью средств осязания. Рассмотрим основные невербальные средства общения:

- Ø кинесика (движения тела)
- Ø вокалика (акустические особенности голоса)
- Ø гаптика (касания)
- Ø проксемика (пространственное расположение)
- Ø эстетика (музыка, цвет)
- Ø хрономика (время)
- Ø артефактика (одежда, украшения, косметика)
- Ø ольфактика (запахи)

К основным положениям кинесики следует отнести следующее:

§ Все движения человека способны нести значение, проявляющееся в конкретной ситуации; одинаковые движения могут нести разный смысл в зависимости от ситуации.

§ Конкретные функции телодвижения можно исследовать

§ Активность тела, его динамика имеет влияние на человека

При изучении жестов можно выделить следующие их виды:

Иллюстраторы - тесно связанные с речью и способные дополнять ее в разных видах:

§ Изображение движений («Как стукну его сейчас!»)

§ Изображение очертаний предмета («Кувшин вот этой формы»)

§ Рисование картины в воздухе (например, машины)

§ Изображение направления мысли («В атаку!»)

§ Указание (учитель показывает указкой на формулу)

§ Ритмические движения (в такт словам, которые произносим)

Эмблемы - невербальные коды, которые имеют точный перевод на обычный язык (два пальца в форме V-знак победы).

Адапторы – мимика, движения рук, ног, тела. Адапторы способны отражать эмоциональное состояние. Выделяют следующие их виды:

§ Самоадапторы – жесты, связанные с телом (похлопывание, почесывание, пожимание плечами).

§ Альтерадапторы – движения по отношению к телу собеседника (похлопывание по спине)

§ Объект-адапторы – движения, связанные с другими предметами (постукивание ручкой)

§ Регуляторы – невербальные действия, которые управляют усилением или ослаблением разговора между людьми. Важнейшую роль тут играют глаза и лицо: зрачки глаз расширяются или сужаются в зависимости от того, приятно зрелище или нет.

Тон, вид голос, сила, скорость – все эти эффекты имеют свой смысл. Эти средства рассматриваются как вокальные ключи, и занимается этим вокалика, которая и характеризует эмоции людей. Например, если человек сильно разозлился, он произносит слова медленно и детально, если желает быть убедительным, использует более скоростную, громкую речь.

Прикасания друг к другу различными способами, в разных местах при различных

обстоятельствах тоже являются языком невербального общения. Хаптика – наука об осязании и прикосновении, о коже, как органе восприятия, о тактильных формах деятельности и самовыражения.

Каждый из нас окружен каким-то пространством, определенной сферой, размеры которой соответствуют его социальному положению, зависят от основы личности. Проксемика связана с тем, как воспринимается и используется личное пространство в коммуникации (организация пространства в беседе, расстояние между беседующими). Само пространство может быть фиксированным, полуфиксированным и неформальным.

Хрономика занимается изучением структурирования времени в коммуникации. Пунктуальность высоко ценится во многих культурах и является залогом успешной карьеры. Появляется разное отношение к людям, которые вечно опаздывают и к тем, которые всегда все делают в срок.

Одежда также является сильным фактором при невербальном общении. Где бы мы не находились, одежда должна соответствовать обстановке (деловая, домашняя). Артефактика – это и есть предметы одежды, украшений.

Изучением запахов занимается ольфактика. Запах является очень важным фактором в коммуникации, формирует мнение о собеседнике, определяет его как личность, помогает запомнить собеседника, в дальнейшем помогая вызвать приятные или неприятные воспоминания. Человек способен вывить более 10000 запахов, способен установить сходство и отличие одних запахов от других.

Эстетика участвует при передаче информации или настроения через музыку или цвет. Определенные ноты могут регулировать поведение, побуждать к каким-либо действиям, либо наоборот тормозить их. Цвета или тона комнат, мебели, техники могут вызывать как благоприятные так и неблагоприятные ощущения, что сказывается на речи говорящего, воздействует на скорость и тон голоса. Национальный стиль общения – это такой же неотъемлемый элемент, как и национальный язык. В коммуникативном поведении каждого народа присутствуют национально-специфические черты, отражается его культура. Речь идет о знании определенных культурных правил – стереотипов поведения – существующих в речевой культуре того или иного народа мнений о том, что хорошо и что плохо, что можно, а что нельзя.

Ученые давно пришли к выводу о том, что более 55% общего влияния сообщения составляет именно невербальный компонент коммуникации, ведь происходит не только обмен информацией, но и демонстрация отношений. Изучая иностранный язык просто невозможно не соприкоснуться с культурой данного народа. В процессе изучения культуры мы обязаны также изучить специфику речевого поведения носителей языка, так как, не зная традиций использования невербальных средств общения, можно попасть в неловкую ситуацию. Казалось бы, какое важное значение могут нести жесты, мимика, голос? Но в каждой культуре существует огромное количество паралингвистических средств общения, которые невозможно понять без специального изучения. Даже движение глаз, бровей, губ – всё может нести как положительную, так и отрицательную информацию.

Растущие взаимосвязи между странами делают актуальным взаимопроникновение культур. Всё больше людей выезжают за границу и изучают иностранные языки. Но для эффективного общения с представителями другой народности недостаточно владеть только иностранным языком. Просто необходимо знать особенности и отличительные черты невербального поведения носителей того или иного языка (Фельдман)

Литература

1. Даниличева А.А. Невербальная коммуникация как элемент национальной культуры в русской и немецкой культурах. МГПУ, Институт иностранных языков, 2014.
2. Курашкина Н.А. Исследование потенциала невербальных средств коммуникации. Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2012. – №5 (Май). – С. 6–10.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.
4. Фельдман В.Л. Различия в невербальной практике между восточной и западной культурами. МГУ, 2008. С. 229–230.
5. Филимонова И.С., Чигина Н.В. Невербальные коммуникации в межкультурном общении. Международный научный журнал «Инновационная наука», № 11 2/2006. Самара.
6. <http://www.de-portal.com/ru/kak-ponjat-nemzev/osobennosti-obschenija-v-raznyh-kulturah/osobennosti-neverbalnogo-obschenija-2.html> 7) <https://sci.house/russkiy-yazyik-sci-book/russkoe-neverbalnoe-povedenie-3>.

УДК 808.2-06

Язык межнационального общения и межкультурной коммуникации в условиях
поликультурного пространства Дагестана

Мусаева С.И.

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье освещается проблема языка межнационального общения и межкультурной коммуникации в условиях многонационального региона. Издревле развитие национальных языков и культур народов Дагестана происходило на основе взаимообогащения, взаимовлияния, взаимодействия, где национально-самобытные характерные всем горцам компоненты культуры способствовали сближению, единству, культур всех горцев. В складывании общедагестанского единства особую роль играл русский язык, язык межнационального общения в поликультурном пространстве Дагестана, благодаря которому народы республики приобщились к достижениям мировой науки, культуры, искусства и литературы. Для взаимообогащения национальных культур и языков дагестанских народов, имеют большое значение взаимные переводы на языки народов Дагестана произведений художественной литературы и искусства.

Ключевые слова: Дагестан, язык, единство, коммуникации, межнациональное общение, взаимообогащение, поликультурное пространство.

Развитие культур и языков народов Дагестана издавна происходило на основе взаимообогащения, взаимовлияния, взаимодействия. Это было связано с тем обстоятельством, что наряду с национально-самобытными формами и чертами культуры горских народов всегда развивались общекавказские, общегорские формы, черты и компоненты, которые способствовали сближению, единству, культур всех горцев. Все это явилось прочной базой, хорошей предпосылкой для дальнейшего сближения культур народов России.

Большое значение для взаимного обогащения национальных культур и языков народов Дагестана, как и других народов, имеют взаимные межнациональные переводы произведений литературы, в первую очередь художественной. Количество переводной литературы характеризует в известной степени уровень культурного развития народа. Переводы художественной литературы не только знакомят читателей с лучшими произведениями народов, но способствуют развитию национального языка, раскрытию его новых возможностей. Так, например, изучение в сравнительном аспекте особенностей 26 наиболее распространенных языков мира, на которых говорят 93 % населения земного шара, позволило сделать вывод, что «удельный вес языка тем выше, чем больше переводов делается на эти языки и с этих языков» [6, с. 350].

Традиционно велика роль русского языка в жизни малочисленных народов Дагестана. Он играет роль объединителя литератур разных народностей, издавна имевших общие корни. В результате переводческой деятельности с помощью русского языка дагестанские народности обогащаются культурными ценностями других народов, развивают и сближают национальные культуры и языки.

Однако в условиях демократического развития общества по ряду главных решающих показателей, которые в конечном счете, определяют уровень культурного развития народов (удельный вес лиц с высшим и средним специальным образованием, обеспеченность общеобразовательными школами и культурно-просветительными учреждениями, развитие печати, радио, телевидения, спорта, здравоохранения и т. д.), все нации и народности, независимо от численности, развиваются более или менее одинаково.

Хотя языки народов, в том числе и Дагестана, не во всех сферах общественной жизни выполняют одинаковые функции, однако, это вовсе не означает умаления роли родных языков малочисленных наций и народностей. Лишены какой-либо почвы предсказания «близкой и, мол, заслуженной гибели языков малых наций». Как отмечал профессор А.Г. Гаев, некоторыми теоретиками также языки объявлялись,

чуть ли не тормозом «в духовном и материальном развитии» [1, с. 223]. Подобные взгляды были подвергнуты критике и осуждены нашей общественностью. Нельзя полагать, что «малые» народы отказываются от своих родных языков, расстаются с ними без сожаления. Даже молодое поколение, как показала наша жизнь, склонное к всякого рода новшествам в увлечении теми благами, которые дает им знание межнационального языка общения, не забыло родного языка, не отказалось от него, не денационализировалось. Известный киргизский писатель Ч. Айтматов писал, что «любой народ хочет быть не только сытым, но и вечным. Никто не хочет бесследно исчезнуть с лица земли. А ведь «бессмертие народа – это феномен, ценность общезначимого порядка. Каждый язык – достояние общечеловеческого гения. Мы не вправе пренебрегать ни одним языком, какому бы народу он не принадлежал, на какой бы ступени развития ни находился. У каждого из нас есть гражданский долг перед народом, нас породившим, давшим нам самое большое свое богатство – язык» [5]. Одним из основных средств взаимообщения подавляющего большинства народов национальных республик, автономных областей и округов в быту, в повседневной жизни являются их родные языки. Видимо, не случайно с волнением и озабоченностью говорят и пишут в последние годы о судьбе языков «малых» народов. В их развитии далеко не все гладко. Так, профессор Р. М. Магомедов справедливо отмечал: «Нисколько не отрицая национальной консолидации в Дагестане и ее исторической правомерности, отмечу все же, что в оценке ее результатов не надо забегать вперед. Процесс этот далек от завершения. В 1926 г. в Дагестане были учтены переписью представители 81 народности, из них 32 коренных [10, л. 199]. Последняя перепись дает 11 коренных народностей. Где же остальные? Ни одна из этих этнических групп не исчезла, все они благополучно здравствуют со своими языками» [3; 8, с. 109-110].

Действительно это так: между переписями 1926 и 1989 гг. «исчезли», «перестали существовать» только в одном Дагестане почти полтора десятка этнических групп. В чем тут дело?

Каждый дагестанец на вопрос: сколько у вас языков? – с гордостью отвечал: более 30 и добавлял, что «Дагестан – это Страна гор и гора языков», а на просьбу перечислить их даже «большие знатоки» не могли назвать более десяти-двенадцати. «Страна гор» оставалась, а вот «гора языков» все больше уподоблялась невысокой возвышенности.

Чтобы хорошо разобраться в «механизме» столь стремительного сокращения языков в Дагестане, обратимся к цифрам. По переписи 1926 г. в Дагестане насчитывалось: андийцев – 7953 чел., ахвахцев – 3720, арчинцев – 854, багулальцев – 3301, ботлихцев – 3379, годоберинцев – 1612, дидойцев – 3333, капучинцев – 2549, кубачинцев – 2579, каратинцев – 5391, тиндальцев – 4095, хваршинцев – 1168, хунзахцев – 203, чамалальцев – 4028 (переписью не были учтены гунибцы). Всего их насчитывалось 44075 человек [8, с. 109-110]. Все остальные переписи о них никаких сведений не дают.

Речь идет о малочисленных этнических группах, языки которых, по определению специалистов, не могут считаться диалектами, так как они отличаются от аварского (а кубачинский – от даргинского) примерно в такой же степени, как русский от польского. Все перечисленные этнические группы (за исключением кубачинской) в результате реального сближения в социальной, хозяйственной и культурной сфере консолидировались вокруг аварцев, а кубачинцы – вокруг даргинцев. Они, естественно, двуязычие впитали, как говорится, с молоком матери [8, с. 141-142]. Такая добровольная консолидация – явление, несомненно, прогрессивное, спланивающее нации и народности. Но возникает вопрос: должна ли консолидация, осуществляющаяся или уже осуществившаяся, подразумевать и этническую, языковую ассимиляцию? В этом плане нельзя не согласиться с мнением профессора Е. Зеймаля, который отмечал: «...явно недопустимо, замещая национальность «республиканским подданством», лишать эти народности права на свой этноним и тем самым искусственно подталкивать их языки к исчезновению. Поэтому, в отношении к «малым» народам «особенно важны такт и забота, а «торопить» события еще и безнравственно» [7, с. 67].

Надо помнить, что утрата национального языка – невосполнимая, невозвратная потеря для народа.

Думаю, что нужно обязательно попытаться по материалам очередной переписи уточнить – сохранились ли эти языки в Дагестане? Какие из них действительно канули в историю безвозвратно, а какие еще живы? Сколько их? Без обращения к истинному положению языков народностей, без непредвзятости и объективности, никакие обобщения и выводы просто невозможны.

По мере дальнейшего развития общества будут все больше возрастать процессы взаимного влияния и взаимного обогащения наций, национальных культур и языков. Процесс взаимообогащения, взаимовлияния, взаимодействия, которое, питаясь национально-самобытными формами и чертами культуры горских народов, содействуют развитию их культуры и языков. Как частное проявление этого взаимодействия, как мы уже отметили, взаимные переводы художественной литературы. Ныне стало

очевидным, что нельзя быть высококвалифицированным специалистом в какой-либо отрасли науки и техники без знакомства со всеми наработками в этой области на других языках.

Как отмечают специалисты, в процессе взаимообогащения и взаимовлияния языков наблюдаются два направления (речь идет о социальном аспекте этого вопроса): «самообогащение путем переосмысления слов, возникших в языке в далеком историческом прошлом, и заимствование, т. е. обогащение родного языка словами, заимствованными из другого языка» [9, с. 61].

Культурное обогащение путем переосмысления слов происходит на материале богатых потенциальных возможностей самих языков; обретают новую жизнь некоторые архаизмы, диалектизмы. Весьма интенсивно происходит процесс взаимообогащения языков за счет заимствования друг у друга в новых условиях современности, – в условиях ускорения научно-технического прогресса. Источником, откуда черпают новые лексические ресурсы, может быть любой развитый язык. Например, в Дагестане в словаре лезгин, табасаранцев и татов много азербайджанских слов, а языки цахурский, агульский и рутульской народностей обогащаются за счет лезгинского языка. Одним из основных поставщиков лексических заимствований для всех языков народов России, в том числе и дагестанских, был и пока остается русский язык с его многовековой историей, богатой художественной, политической, научно-технической литературой, отшлифованными средствами выражения.

Из русского и других языков берутся только те слова (в основном термины), которые нужны для общения, для научных трудов, в разносторонней жизни дагестанских народов. Разумеется, в этом деле необходим научно обоснованный и единый принцип. В этой связи трудно согласиться с мнениями отдельных ученых общественных деятелей и писателей, утверждающих, что заимствования терминов из других языков будто свидетельствуют о недооценке родных языков и их возможностей, горячо отстаивающих «чистоту родных языков». На наш взгляд, следует отметить, что отдельные заимствованные иностранные слова и в основном научно-технические термины не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Следовательно, перевод только искажает смысл, вместо того, чтобы разъяснять, он вносит путаницу. Безусловно, при создании новых терминов должное внимание следует обратить, прежде всего, на родной язык, т. е. в первую очередь создавать термины на основе словарного запаса родного языка. При заимствованиях нужно проявлять исключительную научную добросовестность, избегая в этом важном деле субъективизма, поспешности, крайностей. Поэтому употребление, как иностранных терминов, так и терминов, взятых из языка других народов, только обогащает национальные языки каждого народа.

Правильное разрешение эта проблема получает тогда, когда соблюдаются разумные пропорции при выработке терминологии, т. е. тогда, когда, создают термины, как на основе родного языка, так и путем заимствования их из русского и других языков с учетом перспектив развития и сближения терминологии, с учетом образования интернационального лексического фонда.

Оказывая разносторонне и благотворное воздействие на национальные языки, русский язык, как язык межнационального общения, в то же время и сам заимствовал и продолжает заимствовать из национальных языков. Так, например, в русском словарном запасе можно насчитать сотни слов, заимствованных только из тюркских языков. Это вполне естественный процесс, так как чем шире и многообразнее становились функциональные возможности национальных языков, тем сильнее проявлялась их способность оказывать ответное воздействие. В мире, пожалуй, нет такого языка, который мог бы своими исконно собственными словами выразить все предметы и понятия, встречающиеся во всем многообразии современной жизни. Поэтому в каждом языке определенное количество слов и терминов заимствовано из других языков. И от этого язык становится только выразительней и богаче и идет процесс взаимообогащения и взаимовлияния языков.

Таким образом, процесс взаимообогащения словами и терминами содействует успешному решению одной из важнейших социальных проблем, выдвигаемых жизнью, – проблемы овладения наряду с родным и языком межнационального общения. Это развивает тенденции языковой интернационализации, что особенно важно в условиях многонационального государства.

Ныне вне процесса творческого взаимодействия и взаимообогащения национальных культур и языков невозможно дальнейшее их развитие. Каждый народ, каждая нация ощущает настоятельную необходимость шире и глубже усвоить все ценное, что привнесли и привнесут в культуру другие народы. Учиться у других народов и в то же время сделать всеобщим достоянием духовные ценности своего народа – такова объективная закономерность развития и взаимного обогащения культур и языков.

На современном этапе в условиях активизации общественной жизни и ускорения научно-технического прогресса для овладения современными технологиями, становится необходимым овладение знаниями не только своего родного языка, но овладение знанием языка межнационального общения.

Национальные языки, создававшиеся народами на протяжении всей их истории, были и остаются важнейшим средством раскрытия творческих сил народа, сокровищницей национальной культуры. Это свойство они не утрачивают и ныне.

Овладение помимо родного вторым и третьим языком (иностранном) происходит ныне параллельно, по законам исторической необходимости, с равноправным и свободным развитием родного языка, а не в ущерб последнему. В процессе двуязычного, трехязычного развития продолжают расширяться общественные функции родного языка. Этому особенно способствует всестороннее экономическое и культурное сотрудничество всех наций и народностей, обмен научными, политическими и техническими знаниями. Все это ведет к взаимному обогащению языков, приводит их в соответствие с современным уровнем общественного прогресса. Русский язык как средство общения не подменяет и не заменяет национальные языки, а функционирует во взаимодействии с ними. О такой прогрессивной роли двуязычия образно писал народный поэт Дагестана Р. Гамзатов: «Два коня - два языка везут вперед Дагестан. Один из них русский язык, а другой наш - для аварца -аварский, для лакца-лакский. Мне дорог и мой, родной язык. Мне дорог и второй родной язык, который через эти горы, по этим горным тропинкам вывел меня на простор земли, в большой и богатый мир» [2, с. 178].

Исследователи-языковеды указывают на многочисленные типы и виды двуязычия: общенародное, территориальное, двустороннее, одностороннее двуязычие. Эти типы двуязычия подразделяются на две группы: а) контактные типы двуязычия (которые возникают в условиях повседневной жизни и общения двух народов или его частей); б) неконтактные (которые возникают в результате специального изучения не исконно родного языка).

Объективно прогрессивное значение двуязычия для народов нашей многонациональной страны весьма образно выражено в стихотворении народной поэтессы Кабардино-Балкарии Т. Зумакуловой «Два языка»:[4, с. 88].

Текут две речки в сердце, не мелея,
Становятся единою рекой...
Забыв родной язык -
Я онемею
Утратив русский -
Стану я глухой.

Равноправное двуязычие - явление, безусловно, прогрессивное, и интересы любого многонационального государства требуют всемерного его развития.

При полном равноправии всех национальных языков перспективы их развития различны, и они связаны с численностью населения, говорящего на данном языке, с компактностью его расселения, с историческими особенностями развития данного народа, его экономическими, культурными связями.

Дагестан – республика с весьма пестрой природной и этнической мозаичностью. В ней проживает более 30 различных коренных народностей.

В республике нет так называемой “титულიной” национальности, но ее политическими атрибутами наделены в настоящее время 14 национальностей Дагестана. Самыми многочисленными национальностями республики являются: аварцы – 27,7%, даргинцы – 16,1%, кумыки – 12,8%, лезгины – 12,1%, русские – 6,8%, чеченцы – 5,5%, лакцы – 4,9%, табасаранцы – 4,5%, азербайджанцы – 4,2% [8, с. 107-108].

Хозяйственный комплекс Дагестана представляет собой сложную экономическую систему, включающую промышленность, сельское хозяйство, строительство, производственную инфраструктуру.

В Республике Дагестан издается свыше 100 печатных средств массовой информации, из них более половины с государственным участием. Выходит 14 республиканских газет на 13 языках. Функционирует телевидение, которое выходит в эфир на 2-х каналах. Радиопередачи ведутся на 11 языках [8, с. 109].

В 1990 г. получили статус письменности агульский, рутульский, цахурский языки, имеющие судьбоносное значение в возрождении и дальнейшем развитии этих народов.

Были составлены школьные программы и учебные планы, с 1991 г. начали изучение родных языков, подготовили и издали буквари, учебники для вторых классов, учебник математики для первого класса; регулярно при институте педагогики работал методсовет, периодически заседали авторские коллективы по составлению учебников и учебных пособий, проводили краткосрочные курсы по подготовке преподавателей, начали подготовку высококвалифицированных специалистов в Даггоспединституте (ныне педуниверситете), учителей родных языков в Дербентском педучилище [8, с. 179-180].

Таким образом, в современных условиях ускоренного развития общественной жизни и ускорения научно-технического прогресса для овладения запасами современных знаний, накопленных человечеством, становится совершенно недостаточным знание одного лишь родного языка. Возникает объективная необходимость изучения второго языка – языка межнационального общения, т. е. возникает массовое равноправное двуязычие – билингвизм.

Литература

1. Агаев А.Г. К вопросу о теории народности. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. – 286 с.
2. Гамзатов Р.Г. Мой Дагестан. М, 2008. – 387 с.
3. Дагестанская правда. 1988. 16 июня.
4. Зумакулова Т. Дорогое имя. Пермь, 1981. – 170 с.
5. Известия. 1972. 30 декабря.
6. Коммунизм и культура. М.: Наука, 1966. – 427 с.
7. Коммунист. 1988. № 15
8. Мусаева С.И. Межнациональные отношения в Дагестане: история и современность. Махачкала: Юпитер, 2001. – 384 с.
9. Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963. – 132 с.
10. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 6. Д. 27.

СМС–сообщение в современном обществе

Плиева А.Х., Добриева З.И.

**Ингушский государственный университет, г.Магас, Республика
Ингушетия**

Аннотация. В статье исследуется проблема общения современного общества с помощью языка СМС, рассматриваются вопросы изучения языка СМС, исследование источников получения информации и анализ СМС – сообщения как особое средство коммуникации. Объектом данного исследования являются современные средства коммуникации. С одной стороны, с возрастающей популярностью SMS, как способа коммуникации, особенно среди подростков, с другой стороны, с понижающейся грамотностью письменной речи у значительной части населения.

Ключевые слова: смс, сокращение, укорочение, смс–язык, смс–переписка, транслитерация SMS, аббревиатура.

SMS message in modern society

Plieva A.Kh., Dobrieva Z.I.

Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia

Annotation. The article investigates the problem of communication of modern society with the help of the SMS language, considers the issues of learning the SMS language, the study of sources of information and the analysis of SMS messages as a special means of communication. The object of this study is modern means of communication. On the one hand, with the increasing popularity of SMS as a method of communication, especially among adolescents, on the other hand, with the declining literacy of writing in a significant part of the population.

Keywords: SMS, shortening, shortening, SMS language, SMS correspondence, SMS transliteration, abbreviation.

Одним из наиболее актуальных вариантов коммуникативной ситуации сегодня является обмен смс-сообщениями. Данная служба получила распространение с появлением первой сети GSM, и первые текстовые сообщения были отправлены в начале девяностых. С развитием технологии передача текстовой информации стала возможной не только между устройствами, использующими стандарт GSM, но и другими способами: через Интернет, через специальные программы (фактически они также отправляются через порталы операторов мобильной связи) и через услуги SMS.

С целью экономии времени и места в письме давно уже используются сокращения слов. Многие сокращения, выработанные в практике письма и печати, стали общепринятыми: *т.е.*, *и т.д.*, *и пр.*, *напр.* и т.п. На практике же, особенно в личных записках, можно применять и многие другие сокращения. Тем не менее приемы сокращений слов на письме не могут быть индивидуальными, произвольными и хаотичными. Есть правила и для этой части письма, которые мы к сожалению, не используем.

Мы чаще всего наблюдаем сокращения, искаженное написание слов, но следует отметить сокращения, которые допустимы в русском литературном языке.

Сокращения слов бывают двух типов.

1. Сокращения **неграфические** – это единицы письменной и устной речи, к которым относятся сложносокращенные слова, аббревиатуры: *зарплата*, *вуз*, *СНГ*, *ИнГУ*, *МГУ*.
2. Сокращения **графические** свойственны лишь письменной речи: *с.* – *страница*, *з-д* – *завод*, *к/т* – *кинотеатр*.

В зависимости от приемов образования Лекант П.А. выделяет шесть типов графических сокращений:

- 1) точечные сокращения образуются путем опущения правой части слова и постановки точки после оставшейся части: *в.* – *век*, *напр.* – *например*; удвоение первой согласной буквы при опущении остальной части обозначает множественное число: *вв.* – *века*;
- 2) дефисные сокращения – такие, у которых вместо опущенной средней части ставится дефис: *ин-т* – *институт*;
- 3) косолинейные сокращения – такие, у которых вместо опущенной первой части словосочетания или сложного слова ставится косая линия: *б/у* – *бывший в употреблении*;
- 4) курсивные сокращения: *г* – *грамм*, *л* – *литр*, *дм* – *дециметр*;
- 5) нулевые сокращения: *с* – *секунда*, *м* – *метр*;
- 6) комбинированные сокращения: *об. /мин.* – *оборотов в минуту*. [5].

Сегодня SMS-общение стало неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, независимо от того, принадлежит ли человек к определенному уровню общества или социальной группе. Основными причинами популярности текстовых сообщений являются их скорость, низкая стоимость и удобство.

Часто письменная речь оставляет меньше возможностей для автора объяснить в дальнейшем свои намерения или даже определить, были ли понятными его идеи, а также меньше возможностей для читателя узнать о стремлениях автора. Разговорную речь отличает употребление несловесных средств (логических ударений, тембра, паузы, интонации).

Зачастую письменный язык оставляет автору меньше возможностей лучше объяснить свои намерения или даже определить, понятны ли его идеи, а также меньше возможностей для читателя узнать о стремлениях автора. Разговорный язык отличается использованием невербальных средств (логическое ударение, тембр, пауза, интонация).

Все это затруднено при непрямом общении с использованием элементарного мобильного телефона. Собеседник не виден и не слышен, поэтому невозможно использовать интонацию, паузу и т. Д. Однако этот недостаток успешно компенсируется смайликами.

В устном разговоре у собеседников есть потенциальная возможность сразу уточнить непонятное, акцентировать главное. Однако мобильность СМС позволяет приблизить данный канал коммуникации к устной речи. Сообщение легко прочитать и быстро на него ответить, можно также быстро уточнить, что именно имел в виду собеседник.

Повседневная естественная речь часто чрезмерно эмоциональна. СМС-переписка обычно связана с событиями повседневной личной жизни коммуникантов, и поэтому ей необходим довольно богатый арсенал письменных средств передачи эмоциональной и чувственной информации.

Тестовые sms достигают получателя быстрее и в то же время могут использоваться для избежания длительных разговоров, они дешевле, чем другие средства связи: сегодня основные операторы мобильной связи в России предлагают бесплатную услугу SMS. Удобство использования SMS заключается в том, что его можно отправлять в любое время практически из любого места. Все это

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

сделало SMS-общение популярным и привело к появлению научной работы по изучению этого типа общения между людьми.

Существуют проблемы, возникшие с появлением СМС – сообщений:

- СМС – язык превратился из модного течения в новый стиль общения, наличие орфографических ошибок входит в привычку и становится причиной падения грамотности;
- для подрастающего поколения разница между нормальным русским языком и СМС – ками скоро может стать незаметной;
- невозможно постоянно выражать свои мысли и эмоции с помощью СМС-сообщений, а потом сразу заговорить грамотно и написать правильно.

Если говорить о транслитерации (необходимости набирать русские слова латиницей), то здесь можно привести такие примеры:

Ч - sh, Ц - ts или c., Ч - 4 и др ...

–Привет! - Privet!

–Net golosa vernei, chem golos serdtsa ;

–Kazalos` bi prostoe chernoje plat`e , legkii makiyazh , nikakih broskih ukrashenii, f ona prosto vsya svetitsya iznutri;

–Zhenshina , odetaya v schast`e;

–I pust` vse plohoje ostanetsya pozadi;

– Malenkoe 4ernoje plat`e.

Или *Dai Allah, 4tobi ti bila samaya s4astlivaya, ya dazhe ne moguperedat slovami rfr luybiuy moya devo4ka* – употребление цифрового значения 4= ch.

От повседневного использования sms сообщений, человеку становятся не нужными грамотно построенные предложения и содержательные фразы.

С студентами ИнГГУ филологического факультета был проведен эксперимент и предоставлены для анализа sms – сообщения и было обращено внимание на следующие особенности языка sms - сообщений:

- соблюдение правил сокращения;
- отклонение от норм литературного языка;
- сокращения, искаженное написания слов;
- использование символов, смайлов.

Анализ показал следующие результаты:

№ п/п	Курс	Да	Нет	иногда
1	1 курс	6-26%	10-43%	7-31%
2	2 курс	7-20%	11-31%	17-49%
3	3 курс	8-19%	15-35%	20-46%

Мы наблюдаем, что студенты стараются избегать сокращения слов, не входящие в правила в сообщениях, но так ли это на самом деле? Какие сокращения чаще всего используются при написании эсэмэсок? Ниже приведены примеры самых распространенных и часто употребляемых сокращений слов, используемых ими:

«ДР» – День рождения, «дружбан»–друг, «жи есть»–есть же, «щас» (ща) – сейчас, «внатуре»–реально, «спс» – спасибо, «нзч» – не за что, «лан» – ладно, «кз»– кто знает, «крч» – короче, «бро» – брат, «ЛЕ»–эй, «мб» – может быть, «не мороси»–не тормози, «тя» – тебя, «пжл» – пожалуйста, «музон» – музыка, «гонишь» – обманываешь, «окнзч» – хорошо, не за что, «обз» – (обязательно), «мб» – может быть, «шо» – что.

Также для сокращения иногда используются английские слова, например, *плиз* – пожалуйста; *сорян* – прости; *ок* – хорошо, *гудбай* – пока; *адьес* – прощай; *хелоув* – привет, *хай* – привет, *гм* (гудмнинг) – доброе утро.

Волнение за подрастающее поколение и сохранение русского языка очень важно, так как sms оказывает губительное влияние на формирование личности подростка, так и на весь общеобразовательный процесс. Ведь модные сообщения стали неотъемлемой частью нашей речи, явлением, объединяющих людей. Это процесс превращения сообщения в шифровку, с успехом заменяя одни буквы на другие, заменяют цифры и слоги.

– 4erez 4ac na4nem (4 - Ч)

– полу4и7ить a77ec7a7 (7- Т)

– при9e7ся 9o9e7a7ь (9- Д)

- #у#елица, *у*елица (#, * - Ж)
- 5обежали быс7ро (5-п, 6-б)

Использование сокращенного варианта общения – способствует нарушению правил в русском языке:

- *увидица* (увидеться) – фонетическая орфография;
- *смыси* (в смысле) – отсечение не нужных частей слова;
- *ктонидь* (кто-нибудь) – отпущение дефисов;
- *зделаю* (сделаю) – замена парных согласных;
- (карова) – замена гласных;

Некоторым лингвистам, преклоняющимся перед нормами кодифицированного литературного языка, трудно признать сам факт существования неполного стиля написания, но проведенное нами исследование в области русскоязычной смс-переписки показало практическую невозможность отрицания этого факта. Неполный стиль написания – это лингвистическая реальность, такая же, как и неполный стиль произношения [3, с. 21-25].

В модернизированном обществе в целях экономии времени или спешки, искажают слова, сокращают и более того, руководствуются принципом: «Пишу, как хочу!»

- «*да лан те*» – да ладно тебе;
- «*ты чо рили?*» – ты что, реально?
- «*смарю на тя*» – смотрю на тебя;
- «*скок ты гвришь*» – сколько ты говоришь;
- «*пчм*» – почему;
- «*ничосе*» – ничего себе;
- «*смыси*» – в смысле;
- «*пчм*» – почему;
- «*тип*» – типом;
- «*малдец*» – молодец;
- «*кё*» – кто;
- «*покеда*» – пока.

Такая вседозволенность, свобода ведет к тотальной безграмотности. И это явление не может не волновать, не вызывать тревогу. Мы привыкаем к коротким, скудным предложениям, к сокращениям слов, забываем их правильное написание. Например, «*пжл*» – пожалуйста, «*кек (лол)*» – смешно, «*чтонить*» – что-нибудь, «чек» – человек.

Анализ языковой структуры SMS-сообщений на русском языке показывает, что в гендерном пространстве SMS-коммуникации существует взаимодействие средств естественного и письменного русского дискурса.

Степень выраженности признаков естественного и письменного языка в СМС-переписке очень высока. Особенности написания и пунктуации русскоязычных SMS-сообщений находятся под существенным влиянием неофициального характера большинства актов общения, письменной формы и, в определенной степени, ограниченного пространства сообщений.

Для экономии места коммуникаторы используют такие средства сжатия, как фонетическое письмо, аббревиатуры, согласные буквы («выдергивание» согласных: *пжл*, вместо *пожалуйста*, и т. д.), логографические знаки (*9о9ела7ь* вместо *доделать*), усечение, исключение пробелов и знаков препинания. Часто бывают случаи, когда написана языковая игра («*малдец*» вместо *молодец*, «*ничосе*» вместо ничего себе и т.д.).

Наблюдения за орфографическими и пунктуационными особенностями SMS-сообщений показывают, что в области русского естественного письма объективно существует неполный стиль письма, который характеризуется перечисленными явлениями орфографии и пунктуации. Неполный стиль письма, искажающий идеальное написание слов, используется только в условиях неформального неформального письменного общения; В сфере официальной письменной коммуникации, неполный стиль письма упорно и однозначно не проникает.

Рассмотрев все способы передачи информации: письменную форму, неформальность общения, обилие сокращений, пренебрежение орфографическими и пунктуационными нормами, можно сделать вывод о том, что sms - новый вид речевого общения, который служит удобством для подростков, где они чувствуют себя более раскрепощенно и перестают быть неуверенными и одинокими (что очень важно). Но не следует забывать, что искажение, краткость приводят к обеднению языка, к нарушению культуры общения, исчезновению из активного словаря многих важных слов и понятий.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
2. Белошапкова 1977 – Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. –М., «Высшая школа». 1977. – 248 с.
3. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Словарь-справочник.– Назрань. Издательство «Кеп», 2015. – С.376
- 4.Лекант П.А. Современный русский язык. – 5-ое изд. – М.,2014. – 490.
5. Ожегов. С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка; 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4–е изд., доп. – М.: «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
6. Русский язык. Хотите быть успешными? Говорите правильно! элективные курсы/ авт.–сост. Г.И.Дудина, В.Н.Пташкина. – Волгоград: Учитель, 2009. – 186с.

УДК 372.881.1

Межкультурная коммуникация как особый вид общения

¹Хасиева Б.Ч., ²Мостиева А.Л., ²Галазова З.Г.

¹ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Владикавказский филиал), г. Владикавказ, Россия

²ГБОУ «Гимназия «Диалог», г. Владикавказ, Россия

Научный руководитель: А.В. Тадтаева

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Владикавказский филиал), г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы международного культурного общения как одной из форм формирования творческого потенциала специалистов. Учитывая правила культуры речевого общения в разных странах, в процессе изучения иностранных языков следует соблюдать и учитывать особенности словесного и невербального поведения собеседников. Социальный прогресс ведет к творческому обмену культурными ценностями в сферах человеческого общества.

Ключевые слова: информационное и творческое неравенство, международное общение, вербальные и невербальные средства общения, высококорпоративное общение, языковые и культурные сообщества.

Intercultural communication as a special type of communication

¹Khasieva B.Ch., ²Mostieva A.L., ²Galazova Z.G.

¹ FSBEI HE “Financial University under the Government of the Russian Federation” (Vladikavkaz branch), Vladikavkaz, Russia

² GBOU "Gymnasium" Dialogue ", Vladikavkaz, Russia

Scientific adviser: A.V. Tadtaeva

FSBEI HE “Financial University under the Government of the Russian Federation” (Vladikavkaz branch), Vladikavkaz, Russia

Abstract.

This article deals with the problems of the international cultural communication as one of the forms of forming creative potential of the specialists. Accounting the rules of cultures the speech communication in different countries the process of learning foreign languages should observe and take into consideration the peculiarities of verbal and nonverbal behavior of the interlocutors. Social progress leads to the creative exchange of cultural values in the spheres of the human society.

Key words: informational and creative inequality, international communication, verbal and non-verbal means of communication, highly creative communication, linguistic and cultural communities.

Now in the world there is a globalization process which is shown in strengthening political, economic and, of course, cultural ties between various countries and nations. This trend affects all levels of social life and focuses attention of experts from different scientific fields (linguists, psychologists, sociologists, culturologists) on a problem of intercultural communication which is understood as communication of carriers of various cultures knowing different languages (personal contacts between people, less often: the mediated communication forms, such as writing and mass communication).

The emergence of intercultural communication as a subject of scientific research was caused by certain historical and social prerequisites. The need to establish fast and efficient communication with allied countries and a powerful emigration flow after World War II forced the United States to open in 1946 the US Foreign Service Institute which was supposed to train specialists in communication with representatives of other cultures. The institute was headed by the linguist E. T. Hall, in whose work "Culture as Communication", written in collaboration with D. Trager, and the term "intercultural communication" was heard for the first time. Intercultural communication here was understood as an ideal goal to which person should strive in his desire to adapt to the world as much as possible. In 1959, Hall's famous monography "The Silent Language" was published. In this monography the author showed a close relationship of communication and culture. The emergence of this particular book marked the birth of a new discipline "intercultural communication" [7, c. 169].

As a result of numerous studies, the most characteristic features of intercultural communication were identified. In particular, intercultural communication requires that the sender and recipient of the message belong to different cultures. It also requires awareness by the participants of the communication of cultural differences of each other. In essence, intercultural communication is always interpersonal communication, when one participant discovers the cultural difference of another, etc.

Communication is truly intercultural if it occurs between people of different cultures, and the differences between these cultures lead to some difficulties in communication. These difficulties are the result of the difference in expectations and prejudices peculiar to each person and, obviously, differing in other cultures. Representatives of different cultures differently decrypt messages they received. All this becomes significant only in the process of communication and leads to misunderstanding, difficulties and impossibility of communication.

Intercultural communication is a complex phenomenon that includes a variety of areas and forms of communication between individuals, groups, and nations belonging to different cultures [10, c. 255].

The process of intercultural communication is a specific form of activity, which involves knowledge of foreign languages, material and spiritual culture of other nations, religion, values, moral attitudes, worldview, etc., which together define model of the behavior of communication partners. Only the combination of these two types of knowledge: language and culture, provides effective and fruitful communication, serves as the basis for effective intercultural communication.

The subject of intercultural communication is contacts occurring at different levels, in different audiences, in bilateral, multilateral, global aspects. Creation of conditions for development of the constructive dialogue equivalent in relation to representatives of other cultures should be the purpose of intercultural communication [13, c. 151].

Intercultural communication can be carried out and explored either at the level of groups or at the individual level. In other words, it is possible to study communication processes between different cultural groups (large and small) or between individuals.

Intercultural communication is represented as a special process of communication, which has its own characteristics and conditions of flow. A careful analysis of the process of intercultural communication shows that intercultural communication is a different form of communication with its own specificity and structure from intercultural communication [11, c. 189].

Communication is a complex and multifaceted process that can act at the same time as a process of interaction between individuals, how people treat each other, as a process of their mutual influence, empathy and mutual understanding. In general, it is one of the most important factors of human life.

Due to its practical significance, the process of communication attracts the attention of specialists from the most diverse areas of humanitarian knowledge: linguistics, philosophy, psychology, sociology, cultural studies, ethnology, etc. In addition, each science or scientific direction, which studies certain aspects of communication, identifies its subject of study in this process [6, c. 310].

Along with the term of “communication (speaking)” in the last few years, the term “communication (interaction)” became widespread, which was firmly included in the conceptual apparatus of social humanitarian knowledge. S.G. Ter-minasova identifies these two terms based on the etymological and semantic relatedness of these concepts. Based on the original meaning of the Latin term “communication”, meaning “to make common, connect, communicate”, supporters of this point of view understand it as the exchange of thoughts and information using various signals. In turn, the Russian word “communication” also reflects the process of sharing thoughts, information and emotional experiences between people. In both cases, the supporters of this approach do not see a fundamental difference in the meaning of the terms of “communication (speaking)” and “communication (interaction)” so they are equal [14, c. 256].

In the process of intercultural communication, each person at the same time solves two major problems - strives to preserve their cultural identity and engages in a foreign culture. The combination of possible solutions to these problems defines four main forms of intercultural communication: direct, indirect, mediated and direct. When direct communication, information is addressed by the sender directly to the recipient and can be carried out both in a verbal form, and in written. In this case, the greatest effect is achieved by oral speech, combining verbal and non-verbal means. In indirect communication, which is primarily one-sided, information sources are works of literature and art, radio messages, television programs, publications in newspapers and magazines, etc. [8, c. 194]. Mediated and direct forms of communication differ by the presence or absence of an intermediate link which serves as an intermediary between partners. A person or a technical tool can act as an intermediary. Communication mediated by technical means can stay direct (telephone conversation, email correspondence), but at the same time the possibility of using non-verbal means is excluded.

In the modern world due to the increasing interest in the languages and cultures of nations, international communication occupies one of the important positions in the social life of a person.

Since it is recognized that one of the prerequisites of communication is the common consciousness of the communicants, its incomplete community can cause misunderstanding. The incomplete community of consciousness is a consequence of the belonging communicants to different national cultures [12, c. 80].

There is a close, inextricable link between language and culture. This implies that we are talking about the culture of the people who owns this language. The whole course of its historical development language is directed to the field of internal culture. Describing the essence of language, scientists use various metaphors that explain the nature of this phenomenon. For example: “Language is a living organism or a system of rules similar to a chess game, or a device for translating deep structures into surface ones, or a mirror of consciousness, or a depository of experience, or a shell of meanings. Each of the explanations has the right to exist, as it highlights one of the sides of the language. At the same time, it is impossible not to notice that if earlier scientists were primarily interested in how the language works by itself, now questions about how the language is related to the human world, to what extent a person depends on the language, how the situation communication determines the choice of language means have come to the force” [2, c. 135].

The ability of a language to switch from an internal culture to an external one and other way round, depending on the communicative needs, is ensured by the flexibility of the cultural orientation of language units. Words are differently focused on the world of cultures of various nations. There are several groups of cultural orientation: neutral vocabulary, with no cultural orientation; lexical units defining phenomena that are characteristic for all cultures; lexical units defining phenomena characteristic of each culture; and, finally, lexical units, defining specific foreign cultural phenomena, or realities.

It is natural that language is mostly oriented to the internal culture. However, for quite a long time, no nation can live in cultural isolation, and any language is more or less used in communicative situations related to external cultures. The term “intercultural communication” has become widespread. It means the interaction of two or more cultures and the overcoming of language and cultural barriers. The growing interest in the features of intercultural communication contributed to the formation of a new scientific field in which the dialogue of cultures is considered as an object of study [5, c. 446].

The appeal of language to external culture is the result of intercultural communication. The emergence of the language in the field of external cultures occurs in a number of typical situations: newspapers, magazines, household contacts, special linguistic-cultural literature, etc.

There is no need to express all the information in details within one culture, as it is already familiar to the participants of communication as “shared knowledge”. Redundancy of information in such cases slows down communication process, and saving of effort becomes an important factor in effective communication [4, с. 111].

In intercultural communication, this rule may not work due to the fact that there is an imbalance between the amount of old and new knowledge of communicants about native and foreign culture and, accordingly, between the concepts of sufficiency and redundancy. The result of this imbalance may be a violation of the linearity and continuity of the communication process. Therefore, a necessary condition for the effectiveness of intercultural communication is not «loss of links», but, on the contrary, the redundancy of information, expressed in repetitions, reformulation of what was said and the obligatory implementation of feedback [9, с. 69].

Habitual actions within one culture are correlated with scripts, or scenarios are chains of stereotypical actions used as a response to a situational stimulus. Once formed, the scripts relieve us from the extra cognitive efforts and serve as the basis for the formation of links between new experiences and existing knowledge about the world. However, the consequence of the mismatch of scripts in different cultures is an attempt to apply familiar scenarios to situations of intercultural communication can lead to misunderstanding, confusion, feelings of awkwardness and difficulties in communication. In the end, there are communication failures and additional efforts to overcome them. Under the conditions of natural communication in the country of the studied language, the incorrect situational choice of words and scenarios of certain types of activities can achieve the purpose of communication, but marks the speaker as a foreigner, and in some cases can also impose an undesirable imprint on the nature of the relationship between the participants of communication [1, с. 140].

Therefore, intercultural communication is a combination of various forms of relations and communication between individuals and groups belonging to different cultures.

The process of intercultural communication is a specific form of activity, which involves knowledge of foreign languages, material and spiritual culture of other people, religion, values, moral installations, worldview, etc., which together define the behavior model of communication partners. Only the combination of these two types of knowledge: language and culture, provides effective and fruitful communication, serves as the basis for effective intercultural communication.

The subject of intercultural communication means contacts occurring at different levels, in different audiences, in bilateral, multilateral, global aspects. The purpose of intercultural communication should be the creation of conditions for the development of a constructive dialogue in relation to other cultures.

Just as an individual cannot exist in isolation from other people, so no culture can function in absolute isolation from the cultural achievements of other nations. During their lives, they are forced to constantly refer to either their past or the experience of other cultures [3, с. 84].

Currently, there is a situation when any nation is open to the perception of foreign cultural experience and at the same time is ready to share its own culture with other nations. This appeal to the cultures of other nations was called “interaction of cultures” or “intercultural communication”.

Thus, at present, the mixing nations, languages and cultures has reached an unprecedented scale and the problem of education of tolerance to foreign cultures, awakening of interest and respect for them, overcoming the feeling of irritation from redundancy, insufficiency or simply dissimilarity of other cultures has become particularly acute. This is what caused attention to the issues of intercultural communication.

Литература

1. Багаева С.В., Тадтаева А.В. Развитие навыков межкультурной коммуникации на занятиях делового английского языка // В сборнике: Молодежь и наука: актуальные проблемы социально-экономического развития регионов России. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2017. – С. 139-146.
2. Бигаева Э.С., Тадтаева А.В. Лингвокультурологические факторы в эпоху глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2016. №2. – С. 131 – 137.
3. Бигаева Э.С., Тадтаева А.В., Зангиева З.Н. К вопросу о развитии иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей вузов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2017. № 4. –С. 83-88.

4. Gioeva E.G., Tadaeva A.V. The communicative competence formation of a student-future economist at “Business English” lessons (on the example “Online Sales”) // *Modern Science*. 2018. № 4-2. – P. 108-112.
5. Гоговская Я.С., Кочиева А.А., Тадтаева А.В. Forms and levels of intercultural communication in the modern world // В сборнике: Молодежь и наука: актуальные проблемы социально-экономического развития регионов России: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2018. – С. 445-449.
6. Зангиева З.Н., Тадтаева А.В., Зангиев И.Э. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции делового человека // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 8-2. – С. 307-311.
7. Тавасиев Б.С., Тадтаева А.В. Английский – глобальный язык общения // В сборнике: Молодежь и наука: актуальные проблемы социально-экономического развития регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2017. – С. 167-173.
8. Тадтаева А.В. Педагогическая инновация как форма творческой технологии гуманитарного образования в вузе // В сборнике: Молодежь и наука: актуальные вопросы социально-экономического развития региона. 2012. – С. 291-295.
9. Tadaeva A.V. To the problem of the intercultural communication in the modern world // В книге: *Development of Georgian-Ossetian Relationship Abstracts*. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Research Center for Georgian-Ossetian Relationship; Ministry of Education, Science, Culture and Sport; Provisional Administration of South Ossetia; Giorgi Akhvlediani Society for the History of Linguistics. 2018. – С. 68-70.
10. Tadaeva A. Cross-cultural communication in the professionally focused foreign language training of the students economists // В сборнике: Вопросы регулирования трансграничного движения общественных процессов: Материалы I Международной конференции. ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления» / Под общ. ред. к.э.н. Л.Э. Комаевой. 2018. – С. 252 – 257.
11. Тадтаева А.В., Бигаева Э.С. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации // *Гуманитарные и социальные науки*. 2014. №3. – С. 186-190.
12. Тадтаева А.В., Зангиева З.Н., Цирихова С.А. National and cultural specific character of the verbal communication // *Гуманитарные и социальные науки - Ростов-на-Дону* (19 апреля 2015 г.), 2015, № 2. – С.78 – 86.
13. Tadaeva A.V., Isakova Yu.R., Gassieva N.K. About positive result achievements in foreign-language competence development of non-linguistic establishment’ students // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. №1 (74). – С. 150-153.
14. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М., 2000. – 624 с.

УДК 808.2

Речевые аномалии как один из факторов формирования современной языковой ситуации

Фомина О. А., Потанина О. Ю.

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Сегодня идеальная речь – это утопия, нечто невозможное, с трудом повторимое, «чуждое», необычное. Услышать правильную речь – редкость. Современное состояние языка вызывает обоснованные опасения у специалистов, писателей и равнодушных к судьбе русского языка, поскольку речевые аномалии превратили его в нечто с трудом узнаваемое. Следовательно, стало необходимо рассматривать языковые проблемы с точки зрения языковой экологии, на которую возлагается функция защиты, очищения, избавления современного русского языка от инородных элементов. Необходимо выстроить языковую политику, направленную на сохранение существующих норм литературного языка.

Ключевые слова: лингвистическая экология, культура речи, языковая аномалия, жаргон, вульгаризация речи.

Speech anomalies as one of the factors in the formation of the modern language situation

Fomina O.A., Potanina O. Yu.

FSBEI HE "Don State Technical University", Rostov-on-Don, Russia

Annotation. Today, ideal speech is utopia, something impossible, hard to repeat, "alien", unusual. Hearing the right speech is rare. The current state of the language causes well-founded fears among specialists, writers, and those who are not indifferent to the fate of the Russian language, since speech anomalies have turned it into something hardly recognizable. Consequently, it became necessary to consider linguistic problems from the point of view of linguistic ecology, which is entrusted with the function of protecting, purifying, and rid the modern Russian language of foreign elements. It is necessary to build a language policy aimed at preserving the existing norms of the literary language.

Keywords: linguistic ecology, speech culture, linguistic anomaly, jargon, vulgarization of speech.

Идеальная, красивая речь характеризуется правильностью, чистотой, точностью, логичностью, богатством, выразительностью, уместностью. Эти семь основных коммуникативных качеств речи подробно характеризуются в современной риторике и теории культуры речи. Иногда включаются дополнительно в этот перечень еще и такие свойства «хорошей» речи, как краткость (лаконизм), что особо ценилось в античной риторике; ясность речи; красота, или эстетичность речи; доступность (доходчивость) речи. При этом подчеркивается, что ведущим свойством коммуникативно совершенной речи является уместность. Существует уместность стилевая, контекстуальная, ситуативная, личностно-психологическая. По Б.Н. Головину, уместность – это «адекватность примененных языковых средств целям высказывания». Б.Н. Головин отметил, что, вероятно, впервые функциональное понимание уместности русской речи было сформулировано А.С. Пушкиным: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [11, с. 73].

Не было, нет и не может быть народа и общества, безразличных к судьбе родного языка. Русский язык – один из самых насыщенных разнообразными элементами и развитых языков мира, обладающий богатой литературной традицией, характеризующийся научной изученностью, меняется в современном мире. И лингвисты, и писатели, и общественные деятели, и педагоги, и журналисты, и обычные «носители русского языка», не равнодушные к родному языку, обращают внимание на современное состояние русского языка и его положение в современном мире; говорят о геополитических изменениях в последние десятилетия XX века, отразившихся на состоянии и положении русского языка; часто сетуют на оскудение и упадок языка, возмущаются тем, как подчас оскорбительно обращаются с родной речью не только простые граждане, но и средства массовой информации. «Лишившись четких ориентиров и иллюзий, общество вымещает на невинном русском языке свою растерянность и отчаяние» <...>, «в плачевном состоянии находится не язык – он как был, так и остается богатым, с неисчерпаемым великолепием выразительных средств, – а мы, его носители, те, кто этим языком сегодня пользуется» [4, с. 3].

Именно негативные процессы, характеризующие современное состояние русской речевой культуры, вызвали к жизни особое направление лингвистических исследований – *лингвоэкологию* (иначе – *экологию языка, экологию русской речи* и др.). Из наиболее ярко проявляющихся негативных процессов особое внимание следует обратить на широкое, неконтролируемое проникновение в речь нелитературных слов и выражений – просторечных, жаргонных, нередко вульгарно-бранимых. Вульгаризация и криминализация сознания непосредственным образом отражаются в языке.

Современное состояние русского языка позволяет с точки зрения экологии говорить о некоторых изменениях, происходящих в нем на фоне языковой распушенности и о *языковой распушенности* как таковой, в частности о *вульгаризации и жаргонизации языка // речи*.

Так, под *вульгаризацией речи* (действие по глг. вульгаризировать; искажение, грубо упрощенное изложение) [12] понимается неуместное употребление разговорно-просторечных языковых средств и вульгаризмов; грубое упрощение какого-либо понятия, ведущее к искажению смысла; опошление [8, с.

247 – 248]. Это явление практически необратимо, но вполне осознано той категорией людей, которая активно его поддерживает и способствует его распространению.

«Вульгарно» – так определяют всегда поведение человека, его манеру говорить, его, возможно, вольные замечания по отношению к чему-либо. По аналогии – говорить вульгарно – значит, использовать в своей речи такие элементы, которые явно будут выделять говорящего, характеризовать его отрицательно, так как использование вульгаризмов в речи никогда не станет нормой. Скорее это признак *моды*, стремление к самоутверждению. А это, по ошибочному мнению многих людей, особенно молодежи, возможно, только если использовать в речи *модные слова*. Лингвисты, занимающиеся изучением данной проблемы, считают, что «вульгаризация речи свойственна подрастающему поколению и часто идет не от дурных мыслей и наклонностей, а скорее от несознательного желания подростков выглядеть грубовато-мужественными, более взрослыми, опытными. Однако, будучи явлением преходящим, жаргон все-таки может оставить след в языковом развитии человека... Человеку, привыкшему смолоду к вульгарным, стилистически сниженным словам и выражениям, впоследствии трудно научиться правильно и грамотно излагать свои мысли» [1, с. 76 – 87]. Однако и современные СМИ, чтобы быть понятыми, заговорили на «языке толпы».

Вульгаризмы традиционно трактуются как сниженные, грубые *просторечные*, бранные и обценные (нецензурные) слова и выражения. Любопытен тот факт, что в Лингвистическом энциклопедическом словаре вульгаризмы представлены со ссылкой на словарную статью достаточно авторитетного справочника по культуре русской речи [5, с. 120], что косвенно подтверждает мысль о том, что так называемые «болезни языка», языковые аномалии выходят за рамки лингвистической науки, включаются в понятие культуры человека, а значит, имеют более глубокие и тесные связи с сознанием человека (языковой личности).

Заметим, что в рамках лингвоэкологического подхода к функционирующим лингвистическим терминам принципиально важным оказывается единство научных взглядов на проблему в целом, которая терминологически понимается как «вульгаризация речи».

Таким образом, можно обобщить представление о вульгаризмах следующим образом: это речевые явления, которые не входят в систему литературных норм; это результат нарушения норм языка, результат вседозволенности в языке, языковой распушенности, причины которой можно обнаружить именно в социальных, исторических, экономических и др. процессах современности. Но, несмотря на это, приходится признать, что большая ошибка – думать, что можно употреблять в устной речи только кодифицированные средства, поскольку некодифицированные в ней обязательно присутствуют, хотя и очень дозированно.

Лингвоэкологи отмечают и другой активный процесс современной общественно-речевой практики – процесс *жаргонизации речи*, особенно речи молодежи. Это явление часто становится предметом обсуждения как специалистов, так и всех, кто интересуется вопросами русского языка. При этом большинство усматривает в жаргонизации большой вред для литературной речи, но есть и другие, которые считают, что с возрастом увлечение жаргонами проходит. Более того, например, в предисловии к Большому словарю русского жаргона В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной находим: «...русский жаргон, «живой как жизнь», продолжал развиваться и динамизировать современный язык, преодолевая все запреты (выделено нами). ...Чтобы понять этот процесс, необходимо иметь объективное представление о всех составляющих современного языкового потока, в том числе и о мощной струе жаргонизмов» [9, с. 3]. Нельзя не согласиться с авторами словаря в том, что жаргонная лексика, безусловно, должна находиться в поле зрения лингвистов. Однако в аспекте экологических проблем языка меняется и ракурс их изучения, и, несомненно, отношение к данному языковому факту.

По своей природе *жаргон* (фр. *jargon*) – это язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности. Он отличается, главным образом, наличием слов, непонятных людям непосвященным (*жаргон военный, жаргон воровской, жаргон спортивный, жаргон школьный, жаргон картежников* и т.д.). В Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона дается следующее определение: «*Жаргон*, фр. – 1) Наречие, сильно отклоняющееся от основного говора и изобилующее местными особенностями. 2) Еврейско-нем. наречие. См. *Еврейско-немецк. диалект*. 3) Язык, свойственный какому-либо классу, профессии, например, *Ж. актеров, музыкантов, офеней (коробейников)*, переполненный специальными терминами и выражениями» [3, с. 289].

Жаргонную лексику иногда называют сленгом (от англ. *slang*). Это устный некодифицированный вариант национального языка, используемый в общении определенной социальной группы, объединяющей людей по профессии (*жаргон журналистов*), положению в обществе (*жаргон «новых*

русских»), интересам (*жаргон филателистов*) или возрасту (*молодежный жаргон*, в котором при этом отмечается своеобразная его «англизация», т.е. его основой становятся иноязычные заимствования).

Заметим, что в функционирующем ряду заимствованных терминов (разной степени ассимиляции) *жаргон*, *сленг*, а также *арго* не сложилось однозначного и общепринятого семантического разграничения этих понятий. Более того, в лингвистике отмечены случаи употребления их как полных дублетов (например, в работах А.А. Реформатского); как гиперо-гипонимических терминов, среди которых *жаргон* квалифицируется как родовое понятие, а, соответственно, *сленг*, *арго* – его разновидности (например, в работах М.И. Фоминой). В Лингвистическом словаре Ж. Марузо отмечены только термины французского происхождения (*жаргон*, *арго*), но, к сожалению, словарные статьи не дают никаких ссылок на общность их содержания. В Лингвистическом энциклопедическом словаре *сленг* представлен формулой: «то же, что и жаргон». В соответствии с поставленными задачами позволим себе не останавливаться подробно на различных точках зрения относительно семантического объема и содержания данных понятий, считаем возможным сослаться на такой материал в работе Редкозубовой Е.А. [10].

В лингвоэкологическом аспекте нас в большей степени интересует прагматическая составляющая анализируемых терминов. Причем, в данном случае прагматика оказывается двойкой: с одной стороны, можно выделить прагматику, связанную с означаемым; с другой – прагматику, связанную с означающим. И действительно, сложная прагматическая составляющая данных терминов совершенно очевидна. Прежде всего, она связана с объектом номинации термина *жаргон*, так как в целом само возникновение и распространение в речи жаргонизмов оценивается как отрицательное явление в жизни общества и развитии национального языка. Однако введение жаргонных элементов в литературный язык в отдельных случаях, как известно, допустимо: для создания определенного колорита, имеющего специфическую «жаргонную» окрашенность, речевых характеристик героев. Нельзя допускать, чтобы жаргонная лексика популяризовалась через телевидение, кино, художественную литературу, так как жаргонизмы всегда используются для обозначения понятий, которые в общенародном языке уже имеют наименования. И вряд ли эти общепринятые и, главное, всем понятные названия предметов и явлений действительности стоит «засекречивать», «кодировать» с помощью жаргонных слов. К тому же значительный пласт жаргонной и просторечной лексики составляют бранные и вульгарные слова, дающие отдельным предметам и явлениям резко отрицательную характеристику.

С другой стороны, лингвистический термин жаргон содержит эмоционально-экспрессивное отношение и к самой языковой форме. Так, в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой находим: «Арго – то же, что жаргон», но в отличие от последнего «...лишено пейоративного, уничижительного значения». Полагаем, что это абсолютно точное замечание, которое подтверждается внесистемным (нетерминологическим) использованием слова *жаргон* с отрицательной его прагматикой. Исследование показало, что термин *сленг* коннотирует в меньшей степени, чем *жаргон*. Возможно, это связано либо с первоначальными ограничениями на употребление термина *сленг*: «...употребляется в основном применительно к англоязычным странам» [8, с. 151]; либо с относительной новизной слова. Характерно, что пейоративный оттенок значения у термина *жаргон* сформировался не сразу. Так, В.И. Даль слово *жаргон* воспринимал как заимствование «наречье, говор, произношение, местная речь» [2]. Как видим, никаких пренебрежительных, отрицательных оттенков в значении не указано. Однако в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1892) появляется существенное уточнение жаргона – «испорченная речь».

Примечательно в этом отношении сравнение академика Д.С. Лихачева, который обратил внимание на то, что «неряшливость в одежде – это неуважение к окружающим вас людям и к самому себе. ... Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет, и в зависимости от возраста. Язык еще в большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе» [7, с. 73].

Заслуживает особого внимания и другая мысль Д.С. Лихачева о том, что у каждого слова, которое давно существует в языке, есть не только узкие словарные значения. Помимо них, слово выражает концепты. «Подобно тому, как у святого есть нимб, так и у слова, кроме значений, есть еще и аура различных символов и эмоциональных окружений» [7, с. 3].

Таким образом, считаем, что и лингвистические термины, особенно те, которые называют не просто структурные единицы, но и явления и образования, связанные непосредственно с жизнью социума, тоже способны иметь эту «ауру». На наш взгляд, это в полной мере относится к анализируемым в данной работе лингвистическим терминам. Именно их природа и функционал стали непосредственной причиной появления нового научного направления лингвоэкология.

Развитие русского языка в условиях бурного натиска прогресса некоторые из представителей технической интеллигенции не прочь связать с требованиями «упрощения» языка, логическим совершенствованием самой его структуры, технизацией устной и письменной речи. Появление новых и совершенствование уже имеющихся общественных функций у русского языка современной эпохи, превращение его в один из мировых языков ставит перед культурой речи как разделом языкознания новые теоретические и практические задачи. В этом и заключена междисциплинарная область пересечения смежных научных дисциплин, что косвенно подтверждает современную тенденцию развития междисциплинарного научного направления, к которым с полным правом может быть отнесена и лингвистическая экология.

Литература

1. *Борисова Е.Г.* О некоторых особенностях современного жаргона молодежи // Русский язык в школе. – № 3, 1981. С. 76 – 87.
2. *Даль В.И.* [Электронный ресурс]: URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 04.12.2018)
3. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
4. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика–Пресс, 1994. – 248 с.
5. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник (КРР) / под общим руководством Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
6. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. – 1993. – Т. 52. – № 1. С. 3 – 9.
7. *Лихачев Д.С.* Письма о добром. – СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999. – 186 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб.: «НОРИНТ», 2000. – 717 с.
10. *Редкозубова Е.А.* Термины «арго» и «жаргон» в отечественной и зарубежной лингвистике // Актуальные проблемы современной лингвистики. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2005. – С. 169 – 172.
11. Русские писатели о языке: Хрестоматия. – Л., 1994. – 460 с.
12. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. – 960 с.

УДК 81

Эмоции в спортивном дискурсе: социолингвистический аспект

Коростова С.В., Побединский Е.И.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются способы выражения эмоций участников спортивной коммуникации, а также факторы, которые способствуют актуализации эмотивно-оценочных языковых средств в спортивном дискурсе. Под спортивным дискурсом понимается совокупность текстов, описывающих и репрезентирующих спортивную деятельность. Языковой анализ устных спортивных комментариев к футбольным матчам позволил установить наиболее типичные для данного дискурса способы актуализации различных микрополей эмотивности, а также выявить особенности языковой личности, представленной в спортивных репортажах. В спортивном дискурсе комментатор реализует

собственную речевую стратегию, что повышает значимость эмоциональной эмпатии и интеллекта журналиста как языковой личности.

Ключевые слова: спортивный дискурс, эмотивы, микрополя эмотивности, языковая личность.

Emotions in sports discourse: sociolinguistic aspect

Korostova S.V., Pobedinsky E.I.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Resume: The article discusses ways of expressing the emotions of participants in sports communication, as well as factors that contribute to the actualization of emotionally-evaluative language tools in sports discourse. Sports discourse is understood as a set of texts describing and representing sports activities. A linguistic analysis of oral sports commentaries on football matches made it possible to establish the most typical ways of actualizing the various microfields of emotionality for this discourse, as well as to reveal the features of the linguistic personality presented in sports reports. In sports discourse, the commentator implements his own speech strategy, which increases the importance of the emotional empathy and intelligence of the journalist as a linguistic personality.

Key words: sports discourse, emotives, emotion microfields, language personality.

Спорт объединяет людей разных национальностей, способствует расширению межкультурной коммуникации, он занимает очень важное место в культуре социума, в связи с чем неуклонно растет и значение научных изысканий в данной области. В нашем исследовании под спортивным дискурсом понимается разновидность национального языка, которая соотносится с такой социокультурной сферой, как спорт, а также речь (устная и письменная) как «трансляция» спортивной ментальности, характеризуемая особой речевой системностью и представленная в корпусе текстов.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью способов актуализации категории эмотивности в спортивном дискурсе, необходимостью изучения средств выражения эмоций в речи спортивных комментаторов. В статье представлены результаты исследования устной речи современных спортивных комментаторов на основе анализа репортажей с футбольных матчей Лиги Чемпионов.

Исследования спортивной коммуникации, роли участников общения, ценностей и концептов, целей и стратегий (работы Г.Я. Солганика, Б.А. Зильберта, А.Б. Зильберта, Е.Г. Малышевой, К.В. Сняtkова и др.) позволяют выделить спортивный дискурс как вид институционального дискурса. Известно, что институциональные дискурсы могут пересекаться или наслаиваться друг на друга, что отражается и в спортивном дискурсе. Согласно мнению Б.А. Зильберта, для современного спортивного дискурса характерно объединение его с масс-медийным: источники массовой коммуникации одновременно становятся каналами, по которым распространяется спортивный дискурс. Здесь в центре внимания оказываются личности, вступающие в коммуникацию в определенных ситуациях и при определенных условиях [3].

Нельзя не согласиться с Б.А. Зильбертом в том, что спортивный дискурс пересекается в способах выражения с научным, педагогическим, деловым, юридическим, политическим, военным, театральносценическим и другими институциональными дискурсами. Проведенный анализ средств выражения эмоций в спортивных репортажах позволяет утверждать, что спортивный дискурс достаточно часто сближается с политическим и военным дискурсами на основе соревновательности, которая составляет суть этих феноменов. Общими элементами названных дискурсов являются следующие: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, регламент и правила, стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз/ выигрыш/ боевые награды. Однако, по нашим наблюдениям, это не все сферы деятельности, которые имеют общие со спортивным дискурсом характеристики. Спортивные журналисты свободны в выборе метафорических выражений медицинского, циркового и других дискурсов. Спортивный дискурс включает как эмоциональное, так и интеллектуальное общение, в процессе которого участники обмениваются не только информацией, но и эмоциями.

Особенность спортивного дискурса в том, что событие чаще всего известно заранее. Журналист получает возможность подготовиться и собрать необходимый материал, который затем используется для

описания события. Однако большая часть репортажа является импровизацией. Именно поэтому следует заметить, что языковая личность журналиста, комментатора находит свое полное выражение на разных уровнях языковой системы, актуализирующихся в потоке речи. Изучение эмоциональной составляющей спортивного устного дискурса является перспективным, так как в нем с наибольшей полнотой проявляется речевая деятельность и психологические, социальные факторы ее производства и понимания.

Эмотивность как функционально-семантическая категория предполагает существование разноуровневых языковых средств выражения эмоций. «Полицентричность эмотивности обусловлена существованием нескольких центров или микрополей эмотивности. Способы выражения и функции данных микрополей зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального.

Первое **микрополе** (зона) эмотивности - **импульсивности** - актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т.е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлексивного, причем, как правило, не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого, а акцент смещается на собственные переживания говорящего. К таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные фразеологизмы и фразеосхемы эмотивного характера (например, *Была не была! Вот так так!* и под.).

Микрополе **эмотивной оценочности**, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, не строго табуированные, как правило, образованные путем метафорического или метонимического переноса, типа *ведьма* (о женщине), *лопух* (о мужчине) и т.п., эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» (например, *Какой прекрасный вид!*), коммуникативы типа *Где наша не пропадала!* и т.п.), устойчивые сравнения.

Микрополе **прагматической эмотивности** так же, как и поле эмотивной оценочности, может быть представлено нечленимыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника (например, *Держи карман шире! Еще чего не хватало!*). Кроме коммуникативов, в названное микрополе могут входить восклицательные и вопросительные предложения, энантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы» [5, с. 45-47]. Специфичность подобных эмотивов обусловлена прежде всего речевой реализацией в конфликтной или предконфликтной ситуации, которая в устном спортивном дискурсе связана с игровыми видами спорта.

Информация о спортивных играх, в частности о футбольных матчах, привлекает особое внимание публики. В современном футбольном теле- и радиорепортаже выделяются такие комментаторы, как Виктор Гусев, Василий Уткин, Виталий Саблин, Тимофей Лейпунский и др. Именно их спортивные репортажи послужили материалом для нашего исследования.

Осмысление спортивного события чаще выражается на синтаксическом уровне, показателями этого процесса являются сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, изъяснительными, причинно-следственными и условными, которые определяют невысокую степень эмотивности самих высказываний. Реализуются однотипные синтаксические модели, которые не отличаются разнообразием средств связи: *который, что, потому что, если* и т.п. Например: *Мадридцы имеют серию из шести побед подряд, в которой выделяется последняя.; Боковой рефери ошибается при фиксации офсайда, потому что спорные моменты должны трактоваться в пользу атакующей команды, и счет остается прежним* (Репортаж В. Саблина, Лига Чемпионов, 2016).

Синтаксический уровень анализа эмоций в спортивном дискурсе связан с эмотивным высказыванием, которое представляет собой особый тип, функционально предназначенный для выражения эмоционального состояния говорящего и отношения к событиям. Чаще всего в репортажах с футбольных матчей эмотивное высказывание представлено восклицательной конструкцией, которая, как правило, связана с реальной конфликтной или предконфликтной ситуацией, а в ходе футбольного матча такими ситуациями могут быть голевые и близкие к ним по накалу напряженности моменты. Денотативная соотношенность эмотивного высказывания осложняется и речевой стратегией самого репортера, его реакцией на реальную ситуацию на поле, его эмоциональной эмпатией по отношению к той или иной команде. Кроме того, как показал анализ дискурса, немаловажное значение в выражении категории эмотивности имеет статус матча – в матче 1/4 финала Лиги Чемпионов восклицаний не так много по сравнению с финальным матчем и матчем 1/8 финала (в финальном матче и в матче 1/8 в 3 раза больше восклицательных предложений, чем в матчах 1/4 финала.). Сравнивая разные репортажи с

футбольных матчей Лиги Чемпионов, можно выделить комментаторов, наиболее часто использующих восклицательные конструкции в речи: прежде всего, это Тимофей Лейпунский, Виталий Саблин, Денис Рамзаев и Сергей Савченко. Скорее всего, степень эмоциональной эмпатии названных комментаторов довольно высока, к тому же сами спортивные события, явившиеся предметом репортажа, были более динамичны, чем в других комментариях.

В репортаже с 1/8 финала Лиги Чемпионов Тимофей Лейпунский комментировал матч между командой «Атлетико» (Мадрид) и «ПСВ» (Голландия). В самом матче было много голевых моментов, но интрига разрешилась только в самом финале: счет был открыт по результатам серии пенальти. Напряженность самого спортивного события отразилась на преобладании средств выражения микрополя эмотивной оценочности, причем чаще всего – восклицательных предложений с лексическими и фразеологическими эмотивно-оценочными компонентами. Например: *Габи! Слишком сильно и слишком в никуда!; Момент! Отменная передача Коке, Гризманн подключается на дальнюю штангу, но совсем чуть-чуть не дотягивается до летящего в его сторону мяча!*

Среди синтаксических средств эмотивно-оценочного характера частотны парцелированные конструкции, типичные для разговорной речи. По сравнению с другими спортивными комментариями, в речи Т. Лейпунского парцелляция – «речевая презентация предложения в виде нескольких коммуникативно самостоятельных сегментов (фраз)» [Ванников с. 58] – встречается не так часто, однако она способствует акцентированию определенного момента события, привлечению внимания слушателей и зрителей именно к этой информации, например: *Гвардьола крупным планом, что-то пытается подсказать подопечным, но, похоже, что они его не слышат. Немудрено, ведь на "Альянс Арене" сегодня настоящий анилаг. Как всегда.*

Эмотивно-оценочная лексика представлена в репортаже глаголами разговорного характера: *огрызается, лупит по ногам, переборщил с силой удара, выцарапал мяч, выдохлись знатно*. Выделенное словосочетание, на наш взгляд, представляет собой нарушение лексической сочетаемости (см. *знатно поработать, поест, попить*), поскольку наречие *знатно* предполагает позитивную оценку действия, его осуществление сверх меры, более интенсивно с положительным результатом. В ситуации спонтанной речевой деятельности подобные сочетания закономерны, они приносят в комментарий момент неожиданности, воздействуя на адресата своей аномальностью, непредсказуемостью.

Для речи Т. Лейпунского характерен эмотив, который отражает его позитивную реакцию на спортивное событие, – *классно (классная передача, классно и мощно, классно проходит, классно перехватывает нас и под.)*.

Спортивная лексика и фразеология во многом связана с военными и политическими метафорами. Кроме того, комментаторы используют в своих репортажах окказиональные образования, афоризмы, которые отражают микрополе прагматической эмотивности, поскольку в них рациональное преобладает над эмоциональным. Фразеологические единицы, по мнению В.И. Карасика, «обеспечивают клишированность дискурса, соблюдение неких жанровых канонов... Клишируя свою речь, говорящий как бы надевает маску представителя институциональной группы» [4, с. 37]. Например, в репортажах Тимофея Лейпунского находим следующие устойчивые сочетания: *Один в поле не воин; Сам оплошал – сам исправил; упал как подкошенный, трещит по швам, не за горами, пенять на себя и под*. Кроме того, в его речи множество метафорических сочетаний и терминов из других сфер деятельности: цирковых (*повторить трюк*), экономических (*ощутимые дивиденды*), театральных (*анилаг, амлуа, репертуар*).

Словообразовательные эмотивы, маркирующие зону прагматической эмотивности, представлены чаще всего формой превосходной степени сравнения качественных прилагательных, например: *опаснейший выстрел, надежнейший в команде, сильнейший удар*. Иногда встречаются диминутивы: *бодренько, многовато, парочка и др.*

Междометные предложения, составляющие микрополе импульсивности, не характерны для репортажей Лейпунского, из чего можно сделать вывод о высокой степени контроля за выражением эмоций и преобладании рационального над эмоциональным в структуре языковой личности. Как правило, междометия предваряют появление восклицательных конструкций в наиболее напряженные моменты матча, например: *Ух! Карраско нанес сильнейший дальний удар, однако мяч пролетел над перекладиной!; Ох-ох-ох, как же везет "Атлетико" с отскоком от штанги!*

Последнее приведенное выше эмотивное высказывание содержит обратный смысл. Это энантиосемичная конструкция, характерная для микрополя эмотивной оценочности, в средствах выражения которого интеллектуальное преобладает над эмоциональным (см. «не везет», так как мяч отскочил от штанги). Употребление в речи спортивных комментаторов энантиосемичных высказываний объясняется заключенными в них скрытыми смыслами, которые «считываются» носителями языка.

Данные синтаксические конструкции появляются на основе сосуществования в одном высказывании двух противоположных значений, двух голосов, по М.М. Бахтину [1, с. 298]. Второй голос декодируется контекстом, а маркером иронии является интонация, которая всегда сопутствует «двухголосому» слову.

Подобные конструкции обнаруживаются в репортажах других спортивных комментаторов, например, Дениса Рамзаева и Сергея Савченко, с подачи которых зрители и слушатели оценивали финал Чемпионата Мира по футболу, матч между командами Германии и Аргентины. Например: *Какие могут быть фавориты в матче такого калибра?! (см. «не могут быть») Кто сказал, что нельзя одним выстрелом двух зайцев убить? («можно убить»).*

В репортаже с Чемпионата Мира по футболу количество восклицательных конструкций, маркирующих микрополе эмотивной оценочности, гораздо выше, чем в матчах 1/4 финала Лиги Чемпионов. Спортивные комментаторы Денис Рамзаев и Сергей Савченко вводят в данные конструкции эмотивно-оценочную лексику, что типично для анализируемого микрополя эмотивности, например: *Немцы сразу же бросаются в атаку! Отлично огрызнулись латиноамериканцы! Все говорили, что Крамер станет слабым звеном немецкой команды, но парень пока совсем не тушуетя.*

Однако в рассматриваемом спортивном репортаже преобладают нечленимые восклицательные конструкции разговорного характера, аффективы, маркирующие микрополе импульсивности, например: *Ну ничего себе! Не расслабляться! Это ж надо из убойной позиции пробить мимо ворот! Ну и ну! Как же так?!*

Возможно, подобное положение средств выражения микрополя импульсивности вызвано напряженностью самого действия, его динамизмом, а также эмоциональной эмпатией, порождающей мгновенную эмоциональную реакцию комментатора.

Вероятно, по этой причине в репортаж включены многочисленные устойчивые сравнения разговорного характера, афористические и фразеологические обороты и эмотивно-оценочная лексика, например: *В штрафной Роме сейчас было плотно, как в московском метро в час-пик! Игуаин как чертик из табакерки выскочил из-за спин защитников и пробил в дальний угол - рядом с целью.; Все хорошее когда-нибудь заканчивается; Первый блин...комом; наступил на горло собственной песне; играть через «не могу»; от греха подальше и под.*

В спортивный дискурс часто вводятся медицинские метафоры, а также лексика и устойчивые сочетания, актуализирующие сопоставление футбола с другими видами спорта, например: *Мессе заразился от Игуаина. Сначала он вернейший момент "запорол", а теперь и в офсайд на правом фланге забрался. Найдется ли у Сабельи противоядие от этой напасти? Инъекция в виде появления Агуэро на поле уже была введена. Новоиспеченный зенитовец отправил немца в нокдаун, и на поле впервые в матче появились врачи.*

Введение междометных предложений отражает импульсивную реакцию комментатора на изменение ситуации на футбольном поле, например: *Ай-яй-яй! Перес в абсолютном одиночестве летел на ворота Нойера, что боковым зрением углядел Мессе.*

Парцеллированные конструкции в анализируемом дискурсе функционально аналогичны сложноподчиненным предложениям, поскольку парцеллят содержит пояснение причины содержания предшествующей конструкции, например: *На первых минутах напряжение так и висит в воздухе. Такое ощущение, что оно осязаемо, и футболисты могут его потрогать. Неудивительно, что многовато ошибок. Не роботы же играют.*

Еще одна функция парцеллированной конструкции – привлечение внимания адресата, например: *Теперь на счету Германии 18 забитых мячей. Ровно столько же, сколько у великой Бразилии образца 2002-го года. Чемпиона мира, к слову. Намек понятен?*

Парцеллированные конструкции типичны и для комментария Сергея Шабельского, однако функции у них иные. Исследуя спортивный комментарий Сергея Шабельского на 1/8 финала Лиги Чемпионов между командами «Манчестер Сити» и «Динамо» (Киев), мы можем сделать вывод о том, что парцеллированные конструкции в данном репортаже не являются средствами выражения категории эмотивности, поскольку не отражают эмоциональное состояние говорящего комментатора, а служат для выделения части информации, например: *Прошла атака с флага Клиши. Антунеш выбивает мяч на угловой. Первый в игре.; Туре, конечно, машина. Когда хочет.*

В репортаже доминирует микрополе эмотивной оценочности, выраженное эмотивными восклицательными предложениями, парцеллированными конструкциями, эмотивно-оценочной лексикой и фразеологическими единицами. Однако фразеологические выражения и оценочные сочетания редки, представляя собой трансформированные пословицы или устойчивые обороты, например: *Первая атака комом. Ребров...сидит на глазах.*

Среди восклицательных конструкций выделяется группа риторических предложений, выражающих эмоциональное состояние удивления, недоумения, восторга, например: *Какая шикарная контратака сорвалась! Как же много нарушений и грубости!*

Междометные предложения актуализируют семантику импульсивности, однако они не отличаются разнообразием, например: *Ух! Отаменди жестко пробил по груди Теодорчику пытаясь достать до мяча. Ух, опасно! Эх! Какая шикарная контратака сорвалась!*

Спортивные комментарии Виталия Саблина к 1/4 финала Лиги Чемпионов отличаются актуализацией категории эмотивности преимущественно на лексическом, фразеологическом уровнях, причем интенсификация эмотивности происходит не за счет разговорного характера эмотивов, а за счет их сочетаемости в контексте высказывания. Особенность лексических средств выражения эмотивности – в соединении лексики разных стилей, чаще – публицистического, высокого и разговорного, сниженного. Например: *"Вольфсбург" расклеился в последних встречах, не может выиграть три поединка кряду... "Реал" же на колоссальном подъеме.*

Характерным для репортажа этого журналиста можно признать то, что информативный речевой акт произносится с восклицательной интонацией, передающей эмоции репортера. Причем восклицательными становятся не только простые, но и сложные предложения, например: *А теперь "Бензема" соперника "раздевает" в штрафной и бьет низом в противоход вратарю — Бенальо кончиком бутсы цепляет мяч и отбивает его!* Сложносочиненные предложения доминируют в рассматриваемом спортивном дискурсе, маркируя микрополе прагматической эмотивности. Содержание сложносочиненных предложений в репортаже Виталия Саблина составляет информация о событиях, происходящих с разными субъектами, положение которых меняется каждую следующую минуту. Именно поэтому чувствуется эмоциональная напряженность дискурса.

Действительно, на синтаксическом уровне особенно зримо проявляется экспрессивная и эмоциональная окраска речи. Для анализируемого спортивного репортажа, как и для многих других комментариев, значимым оказывается умелое использование тропов, фигур речи, устойчивых выражений. Более того, некоторые спортивные комментаторы создают собственные афоризмы, которые затем используются в репортажах с других аналогичных матчей. Например: *Защиту "Реала" продолжает лихорадить.; Вяжут немцы техничных "галактикос" по рукам и ногам в центре поля.; Под песнопения фанатов "Вольфсбург" контролирует мяч. Целый город сегодня заснет счастливым.*

В отличие от репортажа Саблина, комментарии Сергея Кузнецова к футбольному матчу 1/4 финала Лиги Чемпионов между командами «Барселона» и «Атлетико» насыщены словообразовательными эмотивами, фразеологическими оборотами эмотивно-оценочного характера. Оценочная лексика на протяжении всего матча встречается 7 раз, среди лексем только 3 можно назвать просторечными – *пухнул, движуха, жгут* (глагол в значении «совершают интенсивные действия с положительным эффектом»), например:

Бабах! "Матрасники" жгут! Торрес выскочил из-за спин защитников под эффектный пас Коке внешней стороной стопы и пухнул мяч между ног Тер Штегену; И пока незаметно, чтобы на скамейке "Барселоны" была какая-то движуха.

Междометные предложения, маркирующие микрополе импульсивности, также не характерны для репортажа Сергея Кузнецова. Интерес вызывают фразеологические сочетания и афоризмы, разные по уровню выражаемых эмоций, относящиеся преимущественно к зоне эмотивной оценочности, например:

Неymar что-то не поделил с Коке, но страсти быстро улеглись.; Давление зашкаливает так, что аж уши закладывает.; Болейте футболом и будьте здоровы!

Парцеллированные конструкции нельзя назвать типичными для спортивного репортажа С. Кузнецова, который не отличается высокой степенью выражения эмоций. Парцеллят в речи журналиста выполняет выделительную и уточняющую функции, хотя и передает субъективное отношение говорящего к действиям на футбольном поле, например: *А "Атлетико" ведет себя так, как будто его все устраивает. Не спеша, вальяжно и без излишней суеты.*

Говоря о лексических эмотивах, следует остановиться на спортивной терминологии, характерной для всех комментариев к футбольным матчам. Специальная нормативная лексика не вызывает эмоций, тогда как профессиональное арго может служить способом актуализации микрополя прагматической эмотивности. Например, многие спортивные комментаторы вместо термина *желтая карточка* используют эмотивно-оценочный синоним – *горчичник*, вместо лексемы *ворота – рама*. Кроме того, ненормативные синонимы довольно часто используются в назывании команд и футболистов по рисунку на форме, по принадлежности к той или иной стране, культуре, этносу, по прозвищу,

например: "*Матрасники*" *жгут!* (команда «Атлетико», Мадрид, Испания, форма – красные полосы на синем фоне).

Таким образом, в жанре спортивного комментария представлены все микрополя эмотивности. В зависимости от языковой личности комментатора в репортаже доминируют средства выражения эмоций одного из языковых уровней: синтаксического, словообразовательного или лексико-фразеологического. Для разных репортажей типично преобладание разных микрополей эмотивности, что зависит от экстралингвистических факторов: напряженности самого матча, его значимости для дальнейших командных перспектив, от уровня эмоциональной эмпатии комментатора, его способности передать эмоциональное состояние адресату.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979 - 424 с.
2. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. Русский язык. М., 1979. – 296 с.
3. Зильберт Б.А., Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – Вып.17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17_07zilbert.pdf-(Дата обращения: 05.11.2019).
4. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М.: «Азбуковник», 2003. С. 24 – 46.
5. Коростова С.В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте: монография. / С.В. Коростова: Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – 224 с.

К вопросу о специфике межличностного общения чеченцев-билингвов (на примере коммуникативного поведения в ситуации прощания)

Буралова Р.А., Лечиева М.И.

Чеченский государственный педагогический университет

Работа выполнена при грантовой поддержке РФФИ,
проект 18-412-200001 «Модели исследования коммуникативного
поведения чеченцев-билингвов»

Аннотация: В статье рассмотрены аспекты коммуникативного поведения чеченцев-билингвов при межличностном общении, в частности представлен анализ формул прощания. Выявленные в результате анкетирования наиболее употребительные формы завершения акта коммуникации рассмотрены с точки зрения параметров коммуникативных ситуаций общения. Показана специфика проявления типичного для сферы речевого этикета консерватизма и современных тенденций развития коммуникативного поведения носителей чеченско-русского двуязычия.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, речевая коммуникация, речевые жанры, формулы прощания, речевой этикет.

On the specifics of interpersonal communication of Chechens-bilinguals (by the example of communicative behavior in a farewell situation)

Buralova R.A., Lechieva M.I.

Chechen State Pedagogical University

Abstract: The article discusses aspects of the communicative behavior of bilingual Chechens in interpersonal communication and an analysis of farewell formulas is presented. The most common forms of communication act completion are examined in terms of the parameters of communicative situations of communication. The specific manifestations of conservatism typical of the sphere of speech ethics and modern trends in the communicative behavior of speakers of Chechen-Russian bilingualism are shown.

Key words: communicative behavior, speech communication, speech genres, farewell formulas, speech etiquette.

В рамках все более актуализирующегося в последние десятилетия внимания лингвистов к проблемам лингвокоммуникативистики особое место занимают исследования, предпринимаемые с целью выявления специфики национального коммуникативного поведения представителей того ли иного этноса, в том числе - носителей двуязычия, численность которых по объективным причинам увеличивается как во всем мире, так и в многонациональном российском государстве.

Применительно к условиям национально-русского билингвизма, представленного на территории Чеченской Республики, в целях описания коммуникативного поведения чеченцев-билингвов как «динамичной многомерной системы, складывающейся из совокупности норм (общекультурных, групповых, ситуативных, индивидуальных) и традиций общения чеченского лингвокультурного сообщества [4, с.60], ставится задача выявить своеобразные и типичные признаки той или иной ситуации общения, позволяющие говорить об этнической специфике коммуникации.

При описании аспектов коммуникативного поведения говорящего в определенных ситуациях общения с позиций теории речевых жанров представляется актуальным выделенный Т.В. Шмелевой (наряду с лексическим и стилистическим) речеведческий подход, который основывается на том, что «речевой жанр – это особая модель высказывания», что предопределяет его исследование «в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях» [15, с. 92]. Под коммуникативным поведением при этом понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальных, возрастных, гендерных, профессиональных и т. д. групп, а также отдельной личности [10]. Взаимодействие указанных норм, в условиях двуязычия осложненное еще и взаимовлиянием разных лингвокультур на уровне конкретной языковой личности, порождает неизбежное своеобразие реализации речевых жанров в межличностной коммуникации билингвов.

Рассмотрим некоторые особенности речевого жанра «прощание», проявляющиеся в межличностном общении чеченцев-билингвов, под которым понимается «транзактное социальное взаимодействие посредством вербальных и невербальных символов, как минимум, двух индивидов, личностно ориентированных друг на друга, выступающих как субъектом, так и объектом по отношению друг к другу и к самим себе и создающих в ходе взаимодействия единое (до некоторой степени) смысловое пространство» [6, с. 103]. При этом между участниками речевого акта возникают различные виды отношений, определяемые социальным контекстом и – шире - коммуникативным пространством бытования личности, которые задают параметры коммуникативной стратегии общающихся.

Как показывают исследования последних десятилетий, в речевой этикете этноса наряду с приветствием важное место занимает и речевой жанр прощания, реализующийся в ритуализованной ситуации завершения акта коммуникации. Формулы прощания, как и формулы приветствия и обращения, способствуют «соблюдению главного принципа общения – паритетности, который находит свое выражение на протяжении всего межличностного общения, начиная с приветствия и заканчивая прощанием» [14, с.128].

Многочисленные наблюдения в сфере речевого этикета подтверждают, что прощание - это чрезвычайно важный и регламентированный акт коммуникации во всех рассматриваемых лингвокультурах, в немалой степени в силу того, что посредством его содержания коммуниканты предопределяют перспективу дальнейших контактов. Этим определяется широкая представленность формул прощания, в частности, в русском и английском языках. В последнем, кстати, имеется около 50 форм завершения контакта различного регистра, что безусловно опровергает правомерность существования устойчивой фразы «уйти по-английски», поскольку уйти, не попрощавшись по нормам традиционного английского этикета, – это крайне невежливо, недопустимо с точки зрения норм общения, принятых в данном обществе [5, 11]. Замечено, что «резко прекращать контакт с собеседником в английской коммуникации невежливо, а «многословие», напротив, это одна из стратегий вежливости» [5, с.161]. По наблюдениям Т.В. Лариной, в английской лингвокультуре «собеседники щедро одаривают

друг друга коммуникативными подарками в виде благодарности, комплимента, добрых пожеланий, многочисленных оценочных реплик, в которых каждый из них поочередно выражает свое отношение к собеседнику и к его действиям» [там же].

В русской лингвокультуре также представлен большой круг этикетных формул завершения контакта, избираемых говорящим в зависимости от параметров акта коммуникации и намерений коммуникантов. Исследователями отмечается наличие как прямых, так и косвенных речевых актов прощания, что определяется осложнением семантики дополнительными коннотативными значениями приглашения, разрешения, благодарности, извинения [14]. Симптоматично, что так же, как в английской лингвокультуре, косвенные способы оформления прощания в русском речевом акте преобладают как в количественном отношении, так и в плане их употребительности [1].

Стилистически нейтральным и наиболее употребительным в русском языке является выражение *До свидания!* Ситуативно обусловлено также употребление формул, в которых акцентируется внимание на возможности продолжения контакта *До встречи! До скорой встречи! До вечера! До понедельника!* В официальной коммуникации используются формулы *Разрешите попрощаться! Позвольте откланяться! Разрешите вас покинуть! Позвольте уйти!* (при обращении уходящего к остающимся).

В литературе, посвященной русским этикетным формулам, представлено описание функционирующих в различных коммуникативных ситуациях единиц, варьирующихся в зависимости от многих параметров, вплоть до срока расставания коммуникантов. Так, при прощании надолго или навсегда или при неуверенности в будущей встрече употребляется формула *Прощай(те)!* Симптоматично, что для коммуникантов, прежде всего – для уходящего, важно сделать акцент на продолжении контакта: *Увидимся завтра! До скорого! До встречи! Пока!* (в неформальном общении). В разговорной речи закрепилось употребление просторечной частицы *давай*: *Давай, пока! Давай, до встречи! До свиданья, давай! Давай!*

Не приводя подробного описания всех формул прощания, выработанных русским этикетом за историю своего существования, отметим, что в русской речи чеченцев-билингвов, по нашим наблюдениям, встречаются все возможные формулы, выбор которых происходит в соответствии с параметрами речевой ситуации, осмысленными в системе представлений коммуникантов о нормах чеченского этноэтикета *Гиллакх-оьздангалла*.

Особенности выбора формы прощания в речи современного чеченца-билингва выявлялись в результате обработки фактического материала - данных анкетирования по вопросам, отражающим типичные для коммуникативного пространства ЧР ситуации речевого общения и требующим однозначного ответа, формулируемого информантами на основе своего коммуникативного и, шире, жизненного опыта. Авторские оценки и обобщения осуществлялись на основе информационно-эмпирической базы, представленной материалами интервьюирования 250 носителей чеченско-русского двуязычия разных возрастных групп. В качестве респондентов при этом преднамеренно привлекались лица, являющиеся носителями относительно сбалансированного активного билингвизма, в речи которых происходит свободное кодовое переключение.

Анкетированным было предложено выбрать формулы прощания, уместные, на их взгляд, в определенной ситуации межличностного общения с заданными координатами, формирующими коммуникативный контекст: ролевые отношения между коммуникантами (симметричные/асимметричные), социально-психологическая дистанция между ними, обстановка общения и другие факторы. При этом данные характеристики определяли важнейший параметр речевой ситуации – формальное/неформальное общение, который определялся обстановкой, временем, местом общения и социальным статусом коммуникантов.

Формальное общение предполагает, что «его участники или хотя бы один из них находится при исполнении служебных обязанностей, выступает носителем определённого социального статуса, либо когда собеседник незнаком и его статус неизвестен. В этих случаях на общение налагается наибольшее число ограничений. В первом случае предполагается иерархическое общение, во втором (с Чужим) - формально-нейтральное». [13, с.34]. При неформальном общении предполагается большая свобода, основанная на солидарных отношениях «равных» и «своих». В неформальном общении содействие и поиск содействия являются основными стратегиями взаимодействия, хотя возможны и управление, и подчинение [там же].

Современный чеченский язык также располагает многообразными устойчивыми выражениями, представляющими собой этикетные формулы прощания, различающиеся по сфере употребления (в формальном/неформальном общении), стилистическими особенностями, гендерными характеристиками [2, с. 153-159].

Так, акт прощания традиционно предполагает использование следующих нейтральных формул: со стороны уходящего коммуниканта:

Иа дика йойла (хьа/шу)! - Счастливо оставаться (тебе/вам)!

Марша Иайла (хьо/шу)! - Счастливо оставаться (тебе/вам)!

со стороны остающегося:

Марша гЮйла (хьо/шу)! - Счастливо пути (тебе/вам)!

Некъ дика хуьлда (хьа/шун)! - Хорошей дороги (тебе/вам)!

Могаш а, мьарша а цЙийнах кхетийла! – Желая вернуться домой здоровым и свободным!

Типично также обусловленное национальным менталитетом и религиозными представлениями чеченцев упоминание в формулах (в том числе – в ответных репликах) Бога (Всевышнего):

Дала некъ нисбойла! – Пусть Всевышний сделает дорогу прямой (гладкой/удачной)!

Дала аьтто бойла (хьуна/шуна)! – Пусть Всевышний поможет (тебе/вам)!

Дала Иалаш дойла/войла/йойла! – Пусть Всевышний вас бережет!

Особо следует отметить функционирование в коммуникативном поведении чеченцев-билингвов формул арабского происхождения. Так, мужчины как юношеского возраста, так и более взрослые при встрече и прощании используют *Ас-саляму* 'алеЙкум (араб. عليكم السلام - мир вам) - арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных стран. В полной форме приветствие звучит так: «*Ас-саляму алейкум ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух*» (الله وبركاته ورحمة الله عليكم والسلام), что значит «*Мир вам, милость Аллаха и Его благословение*», ответом на которое служит «*Ва-‘алеЙкум ас-саляму ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух*» (الله وبركاته ورحمة الله عليكم والسلام) – «*И вам мир, милость Аллаха и Его благословение*».

Следует отметить, что в чеченском языке практически отсутствуют формулы соотносительные с русскими, актуализирующими временной предел расставания и ожидание следующей встречи с указанием ее временной привязанности, типа: *До скорого! До завтра!* На возможность и желательность будущих контактов указывает формула, активизировавшаяся в последнее время *Гур ду вай! – Увидимся!* Как правило, употребляется данная формула в мужской речи в неформальном общении. Ее сниженное стилистическое звучание может нейтрализоваться традиционным *Дала мукъалахь! – Если Всевышний позволит!*

В современной речи чеченцев имеется также ряд формул, вошедших в активный оборот сравнительно недавно. В частности, в ситуации утреннего общения при расставании стало принято желать друг другу удачного дня: *Де беркате догЙийла!* В этой связи интересно замечание Т. В. Лариной о реплике-пожелании *Have a nice day (Have a nice weekend)*, восходящей к американскому английскому и еще недавно вызывавшей раздражение англичан. Однако в настоящее время она «употребляется повсеместно и является практически обязательным компонентом прощания, сопровождающим *Vue*». По наблюдениям Т. В. Лариной, в некоторых вариантах английского языка при прощании употребляется формула *Good day!*, которая не используется в Великобритании.

В ситуации прощания вечером (ночью) чеченцы традиционно желают друг другу доброй ночи: *Буйьса декъал йойла (хуьлда)!* Данная формула, как и английская *Good night*, в отличие от русского *Спокойной ночи!* может быть употреблена как пожелание при отходе ко сну, так и в качестве прощальной реплики в позднее время [5].

В целом на основе наших наблюдений над устной и письменной речью современных чеченцев-билингвов можно утверждать, что речевой акт прощания является, наряду с приветствием, одним из основных элементов коммуникативной рамки дискурса в условиях межличностного общения. Он, замыкая акт коммуникации, закрепляет избранные коммуникантами регистр и тональность общения, способствует соблюдению принципов вежливости и паритетности, находящих свое выражение на протяжении всего межличностного общения. Подводя, как правило, итоги состоявшегося общения, коммуниканты дают ему оценку, благодарят за внимание к себе, проявляют доброжелательность и готовность к продолжению и закреплению контакта, что отмечено и для подобных ситуаций прощания представителей многих лингвокультур [7, 9, 13, 14].

Для данной ситуации органично сопряжение с речевым актом пожелания. Наиболее многообразно и ярко в ситуации прощания представлены различного рода пожелания, которые имеют вид формул пожелания счастья, благополучия, удачи уходящему, отправляющемуся в путь, и/или остающемуся, дающему напутствие. Пожелание предполагает вежливое речевое действие, которое адресант осуществляет, не только планируя доставить удовольствие собеседнику и выражая надежду на благополучие в реальной жизни адресата в будущем, но и стремясь «вызвать у партнера положительные эмоции по отношению к автору высказывания в соответствии с нормами, принятыми в данном

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

обществе» [8, с. 52]. По замечанию Л. М. Шатиловой, в число пожеланий при прощении входят три тематические группы: «благополучие», «удача в дороге» и «удача в отдыхе» [13]. Следует отметить, что традиционно употребляются пары формул: реплика уходящего и реплика остающегося. Например: *Счастливо оставаться! – Счастливо добратся!* и т. п. Для традиционных формул прощения в чеченском языке типично упоминание и пожелание милости Всевышнего, счастливого пути с Божьей помощью.

Особо следует отметить что в условиях относительно сбалансированного активного билингвизма, при котором регулярно и последовательно происходит свободное кодовое переключение, в речи современных чеченцев-билингвов отмечается смешение языковых единиц, в данном случае – этикетных коммуникем, чаще всего вне зависимости от воли говорящего, порой не замечающего собственного переключения с родного языка на русский. Так, проведенное анкетирование позволило выявить следующее распределение названных выше наиболее употребительных формул прощения в зависимости от пола, возраста и регистра общения (со знакомым или незнакомым собеседником).

На вопрос «Как вы попроситесь со знакомой девушкой (женщиной) примерно вашего возраста» были получены следующие ответы:

Пол респондента	Возраст	Формула прощения	Количество ответов (в %)
юноши	18 - 25	« <i>Іа дика йойла</i> »	52
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	36
		«пока»	0
		«давай»	8
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	4
девушки	18 - 25	« <i>Іа дика йойла</i> »	38
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	12
		«пока»	34
		«давай»	14
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	2
мужчины	26-50	« <i>Іа дика йойла</i> »	60
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	38
		«пока»	0
		«давай»	2
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	0
женщины	26-50	« <i>Іа дика йойла</i> »	56
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	32
		«пока»	7
		«давай»	5
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	0

Как показали данные анкетирования, молодые люди 18 – 25 лет при прощении со знакомой сверстницей в большинстве случаев (около 90%) используют традиционные формулы на чеченском языке, более 10% используют формулы прощения на русском языке. 4% произносят арабское приветствие «*Ас-салям алейкум ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух*» (Мир вам, милость Аллаха и Его благословение!), ожидая и получая все чаще в ответ пока непривычное из уст молодой чеченки «*Ва-‘алейкум ас-салям ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух*». Девушки при прощении с ровесницей часто (более 50%) употребляют непринужденные «пока» и «давай», нейтральные чеченские формулы «*Іа дика йойла*» и «*марша Іайла*»/«*марша глойла*» выбирают также около половины опрошенных. Отмечены также случаи употребления в общении между сверстницами арабского приветствия.

Мужчины при прощении с женщиной, примерно равной по возрасту, чаще прибегают к формулам на чеченском языке, причем независимо от того, на каком языке шло общение. Симптоматично, что лишь немногие (2%) могут добавить к традиционным средствам и непринужденное «давай».

Подавляющее большинство женщины при прощении с собеседницей своего возраста употребляет традиционные формулы прощения чеченского языка «*Іа дика йойла*» и «*марша Іайла*»/«*марша глойла*», 12% допускают в общении с близкой знакомой неформальные реплики «давай» и «пока».

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

На вопрос «Как вы прощаетесь со знакомым парнем (мужчиной) примерно вашего возраста?» были получены следующие ответы:

Пол респондента	Возраст	Формула прощания	Количество ответов (в %)
юноши	18 - 25	« <i>Іа дика йойла</i> »	15
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	15
		«пока»	0
		«давай»	10
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	60
девушки	18 - 25	« <i>Іа дика йойла</i> »	42
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	28
		«пока»	10
		«давай»	18
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	2
мужчины	26-50	« <i>Іа дика йойла</i> »	24
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	16
		«пока»	0
		«давай»	5
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	55
женщины	26-50	« <i>Іа дика йойла</i> »	45
		« <i>марша Іайла</i> »/« <i>марша глойла</i> »	36
		«пока»	5
		«давай»	8
		« <i>ас-салям алейкум</i> »	4

Данные анкетирования показывают усиливающуюся тенденцию употребления в общении мужчин как младшего (18-25 лет), так и старшего возраста (26-50) арабских приветствий «*Ас-салям алейкум ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух* - *Ва-‘алейкум ас-салям ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух*», независимо от того, какой язык был доминирующим в акте общения до прощания. Формулы, традиционные для чеченской лингвокультуры, преобладают в речи мужчин более зрелого возраста.

Девушки при прощании с ровесником часто используют нейтральные чеченские формулы «*Іа дика йойла*» и «*марша Іайла*»/«*марша глойла*»; непринужденные «пока» и «давай» выбирают при неформальном общении около 20%. Отмечены также редкие случаи употребления арабского приветствия. Женщины при прощании с собеседником, как правило, прибегают к традиционным формулам прощания чеченского языка «*Іа дика йойла*» и «*марша Іайла*»/«*марша глойла*». Употребление арабских приветствий представлено в единичных случаях.

Таким образом, в речи чеченцев-билингвов в коммуникативной ситуации прощания употребляются этикетные формулы как традиционные для чеченской лингвокультуры, так и заимствованные из русского и арабского языка. В выборе языковых средств проявляется типичный для сферы речевого этикета консерватизм, обусловленный «спецификой этикетной сферы коммуникации, где вежливость, учтивость и строгая регламентированность правил речевого поведения являются доминирующими принципами» [7]. Вместе с тем для анализируемого сегмента системы коммуникативного поведения носителей чеченско-русского двуязычия характерно проявление многоплановости сложившейся к настоящему времени в Чеченской Республике языковой ситуации, в условиях которой происходит постепенное конструирование специфических норм речевой культуры билингва [4].

Литература

1. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. Свыше 4000 этикетных слов и выражений. - М.: Изд-во «Астрель», 2004. - 681 с.
2. Бахаева Л. М. Особенности этикетных моделей прощания в чеченской лингвокультуре // Российский гуманитарный журнал. 2019. Том 8. №2. – С. 153-159.
3. Жеребило Т. В. Актуальные проблемы разработки моделей исследования коммуникативного поведения билингвов // Рефлексия. - 2018. - № 5. – С.49-66.
4. Жеребило Т. В. Речевая культура билингва // *Lingua-universum*. – 2016. - № 3. - С.: 3-10.

5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512.
6. Матьяш О. И. Изучение и преподавание межличностной коммуникации / О.И. Матьяш // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации/ под общ. ред. И. Н. Розинной. – Ростов на Дону: ИУБиП, 2004. – Вып. 2. – С. 103–122
7. Мусаелян С. С. Этикетные коммуникемы русского языка: системный и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. - Ростов-на-Дону – 2008. – 27 с.
8. Носрати Ардалан. Место (благо) пожелания в системе речевых актов русского языка// Веснік БДУ. Сер. 4. 2013. № 2. С. 52
9. Рабаданова Н. М. Коммуникативные особенности прощания в разных лингво-культурах (на материалах лакского и немецкого языков) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23202>.
10. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Изд. 2., испр. - Воронеж: «Гарант», 2015. - 52 с.
11. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2003. – 185 с.
12. Фёдорова Л. Л. Теория речевой коммуникации и грамматика диалога. Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научнометодические материалы / Н. И. Басовская, Е. П. Буторина, Т. Ю. Красовицкая и др. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 524 с.
13. Шатилова Л. М. Речевые акты пожеланий при прощании в современных интернет-источниках (на материале немецкого и русского языков)// Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 5 (47) 2015, часть 2. - С. 207-211.
14. Шафаги М. Прямое и косвенное выражение речевого акта «прощание» в русской культурной среде// Исследовательский журнал русского языка и литературы. - Тегеран, 2016. - . Vol 7 (1). - С.119-139.
15. Шмелева Т. В. Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты. – Новгород: ООО «Цветной бульвар», 2012. – 436 с.

Эргонимическая лексика в коммуникативном пространстве г. Грозного Буралова Р.А.

Чеченский государственный педагогический университет

Работа выполнена при грантовой поддержке РФФИ,
проект 18-412-200001 «Модели исследования коммуникативного
поведения чеченцев-билингвов»

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые особенности эргонимической лексики, функционирующей в коммуникативном пространстве г. Грозного. Показано, что городской эргонимикон отличаются открытость и динамизм формирования, актуализирующиеся в условиях интенсивно развивающейся экономики региона. В эргонимиконе г. Грозного находят свое отражение сложнейшие реалии чеченско-русского двуязычия, что обуславливает неизбежное переплетение в коммуникативном портрете города специфических характеристик лингвокультур русского и чеченского народов. Это взаимодействие двух языковых стихий дополняется и влиянием заимствований, что закономерно для жизни открытого общества в условиях глобализации.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, эргонимическая лексика, национально-русское двуязычие, трансонимизация, заимствованные эргонимы.

Ergonymic vocabulary in the communicative space of Grozny

Buralova R.A.

Chechen State Pedagogical University

Abstract: The article considers some features of the ergonymic vocabulary functioning in the communicative space of Grozny. It is shown that the urban ergonymicon is characterized by openness and dynamism of formation, which are updated in the conditions of the rapidly developing economy of the region. In ergonomical Grozny reflected the complex realities of the Chechen-Russian bilingualism, which makes the inevitable intertwining in a communicative portrait of the city specific characteristics of the cultures of the Russian and Chechen peoples. This interaction of the two language elements is supplemented by the influence of borrowings, which is natural for the life of an open society in the context of globalization.

Key words: communicative space, ergonymic vocabulary, national-Russian bilingualism, transonymization, borrowed ergonyms.

Одно из многих актуальных и перспективных направлений исследования в языкознании начала 21-го века - лингвистическое градоведение, в центре внимания которого находится языковое пространство города - «форма существования языковой системы, объединенной единой языковой картиной мира, которая складывается из совокупности речевых произведений (текстов) различных языковых личностей в границах территории одного города» [6, с. 29].

Как отмечают исследователи, языковое пространство города многослойно: оно образуется различными микросистемами, имеющими полевое устройство и соотносимыми в языке с различными понятийными сферами. Так, Б.Я. Шарифуллин выделяет в структуре языкового пространства города четыре взаимодействующих между собой основных компонента:

- 1) типы городской речи: литературные формы речи, разговорная речь, обиходная речь («городское просторечие»), регионально окрашенная речь, возрастные, профессиональные и корпоративные жаргоны, криминально окрашенная речь и т.д.;
- 2) устные и письменные жанры речевого общения в городе, формирующие его речевое пространство;
- 3) тексты городской среды: городская реклама (например, щитовая), вывески, письменные объявления, плакаты, листовки, ценники в магазинах и пр.;
- 4) топонимическое пространство города, образуемое наименованиями, связанными с топографическим обликом города, и ономастическое пространство, образуемое различными номинациями - наименованиями коммерческих предприятий, организаций и т.п. [8, с. 46].

Комплекс сфер речевого взаимодействия жителей города образует так называемое коммуникативное пространство города, которое охватывает ряд денотативных сфер, соответствующих сферам деятельности человека: работа, дом, отдых (досуг, развлечения), здоровье, красота (внешний вид), спорт, технологии, транспорт и пр. [1].

Многочисленные исследования, посвященные анализу составных частей коммуникативного пространства города в лингвокультурологическом, прагматическом аспектах, показывают, что язык города ярко отражает новые тенденции общественной жизни, обнаруживая в своих единицах усиление личностного начала, динамизацию, спонтанность общения, стремление к языковой игре, вариативности, а также либерализацию языка [2; 3].

Данные замечания в полной мере относятся и к эргонимической лексике как важной составляющей лингвистического ландшафта города, отражающей активные процессы в лексике современного русского языка, в основе которых лежат изменения в психологической установке россиян, в их новом «языковом вкусе» [В. Г. Костомаров]. Термином «эргонимическая лексика» принято обозначать наименования деловых объединений людей, например: союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка и т.п. [5, с. 127].

Как справедливо утверждает А. Р. Тураева, «эргонимы, занимая изначально периферийное положение среди других имен собственных, в условиях бурного развития деловой коммуникации и глобализации, активного контактирования языков и культур стали занимать одно из первых мест в ономастическом пространстве, совершенствуя свою структуру и семантику. Они характеризуются такими признаками, как: устойчивость/изменчивость, традиционность/оригинальность, номинативность референтов/прагматичность онимов» [7, с.10].

Ярким признаком эргонимикона любого населенного пункта является его открытость и динамизм формирования, особенно в условиях интенсивно развивающейся экономики региона. Формирование и постоянное обновление эргонимикона идет, как правило, двумя способами: семантическим и собственно словообразовательным. Рассмотрим выявленные нами эргонимы г.

Грозного, в большинстве своем образованные семантическим способом. Семантический способ, при котором в качестве наименования делового объединения людей используются уже имеющиеся единицы языка, представлен эргонимами-словами, эргонимами-словосочетаниями и эргонимами-предложениями. При этом в более чем половине случаев происходит трансонимизация, онимизация и заимствования единиц других языков.

Под трансонимизацией понимается переход онима одного разряда в другой. Отмечены следующие варианты трансонимизации:

1) образование эргонима от антропонимов:

- использование в качестве наименований торговых предприятий и т.п. имен и фамилий хозяев, совладельцев, их близких, родственников, прямо или косвенно принимающих участие в деятельности предприятия: производственно-торговая компания «Сайхан», торговые базы «Татаев», «Музаев», магазины «Мадина», «Милана», «Зарина», «Ибрагим», «Турпал», «Ясмин», «Раяна», «Малика», « и др.;

- перенос имен собственных известных людей: салоны «Диор», «Ив Роше», магазин «Колумб», спортклубы «Ахмат» и «Рамзан»;

- использование топонимов с коннотативной (опосредованной) локалитивностью: «Hollywood», «Кавказ» - отели; «Сунжа», «Терек» - магазины; «Beverly Hills» - салон красоты; «Терек» - медицинский центр; «Милан», «Краснодар» - мебельные магазины; рестораны «Москва», «Париж», «Прованс»; чайхана «Бухара»; цветочный салон – «Valensia», и др.;

- обращение к литературному персонажу: аптека «Айболит», салон «Скарлет»;

3) образование эргонима от мифонимов: «Флора», «Гефест», «Веста», «Персей» и др.

Достаточно многочисленны случаи онимизации - перехода апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов. К данному типу относятся:

- эргонимы, образованные путем метафорического переноса, который предполагает наличие общего семантического элемента: салоны «Блеск», «Бомонд», «Кураж»; миниотель «Уют»; гостиницы «Туйналла»; спортмагазин «Чемпион», магазины «Добрый», «Идеал», «Комфорт», «Сюрприз», кондитерская «Эталон», парикмахерские «Мечта», «Триумф», рыбный магазин «Океан», кафе «Удача» и др.;

- метонимический перенос чаще всего реализуется как перенос собственно наименования деятельности предприятия либо товара или услуги, (алмаз "драгоценный камень" – ювелирный магазин «Алмаз»). Примером метонимического переноса могут быть следующие эргонимы: автомагазины «Автошины», «Автозали», «Диски», «Колесо», «Моторы», «Шины», салон косметических услуг «Солярий» и др.

Достаточно широко представлены в эргонимиконе г. Грозного эргонимы-словосочетания. Наши наблюдения подтверждают мнение А. Р. Тураевой о том, что наиболее употребительными являются, наряду с конструкцией Nsing, конструкции N + N и Adj + N [49]. Приведем примеры реализации наиболее частотных сочетаний слов в роли эргонима:

- прил. в имен.падеже +сущ. в имен.падеже: магазины «Дверная мода», «Домашний уют», «Элитные ковры», «Турецкая кухня», «Московская ярмарка», аптеки «Моя любимая», «Наша аптека», рестораны «Японский дворик», «Лесная поляна»;
- сущ. в имен.падеже +сущ. в род.падеже (магазины «Дом дверей», «Океан дверей», «Мир дверей», «Мир света», «Роза ветров», «Мир окон», «Мир обуви»);
- сущ. в имен.падеже +сущ. в косв.п. с предлогом (магазины «Текстиль для дома», «Кухни под заказ», «Мебель из Румынии»);
- два сущ. в род.падеже с предлогом (парикмахерская «От рассвета до заката»);
- колич.числит. в имен.падеже+сущ. в род.падеже. (магазины «Три апельсина», «Три толстяка», «12 стульев»);
- порядк.числит.+сущ. (компания «21-й Век»);
- притяжат. местоим.+сущ. в имен.падеже (магазины «Наш стиль», «Моё окно», «Мой малыш», кафе «Ее глаза»);
- сущ.+ прилаг.+ сущ. в род.падеже («Агентство добрых услуг»);
- сущ.+предлог для+мест. в род.падеже (агентство «Работа для вас», магазин «Парфюм для вас»);
- мест.+предлог+сущ. в род.падеже, предложн.падеже (магазины «Всё для души и душа», «Всё для крепезжа», «Все для школы»);
- сущ.+и+сущ. (салоны «Красота и здоровье», «Мать и дитя», магазины «Спорт и Туризм», «Чай и Торты», «Чай и кофе»);

- сущ.+& (графема, заимствованная из латиницы и обозначающая союз и)+сущ. (магазины «Печати & Штampы», «Стиль & Комфорт»);
- сущ.+сущ. (фирма «Асфальт + Бетон»);
- сущ.+ союз и + К0 (К0 - компания) (фирма «Барс и К», «Татаев и К», «Шарм и К»);
- сущ.+предлог В + вин.падеж сущ.: «Окно в Грозный» (студия художественного стекла).

Представлены в эргонимиконе г. Грозного также и эргонимы-предложения: преимущественно этикетными формулами, междометиями и побудительными предложениями, содержащими глаголы в повелительном наклонении: магазин «Брависсимо», салон сотовой связи «Алло!», аптека «Будьте здоровы!», «Здоровья вам!», ресторан «Сам пришел», автомойки «Мой сам», «Сам мой».

Примечательно, что, проводя сравнительный анализ английской, ставропольской и чеченской эргонимической лексики, А. Р. Тураева указывает, что специфическими для Чеченской Республики являются 4 структуры:

Prop prep Ngen – «Все для мам»;

Prop prep N&N – «Все для сауны и бани»;

N prep Adj + N – «Лестницы из ценных пород», «Лестницы из бетона»;

Num + Adj + Adj + N – «Первая федеральная оконная компания» [7].

Наши наблюдения показывают, что в семантическом отношении эргонимикон г. Грозного так же разнообразен, как и в структурном. Арсенал языковых средств, используемых при реализации многогранных функций данных, по сути, рекламных собственных имен, включает все отмеченные в исследованиях по эргонимике средства и приемы.

Особое место в эргонимиконе г. Грозного занимают заимствованные номинативные единицы, само появление которых предопределено тем, что в связи с переходом к мультимедийности и в связи с открытостью информационного общества в современных условиях предприниматели и рекламодатели ищут новые пути и методы с целью позиционирования и продвижения бренда и рекламируемого товара [4]. По данным А. Р. Тураевой, в целом по Чеченской Республике отмечены заимствования из (в порядке уменьшения доли в общем количестве заимствований): английского языка (45%), итальянского (17,2%), французского (12,1%), арабского (10,2%), испанского (4,5%), латинского (3,8%), немецкого (3,2%), фарси (2,6%), турецкого (1,9%) [7].

Как показывает анализ, заимствованные эргонимы возникают в результате:

- 1) использования готовых единиц и сочетаний чужого языка, обозначаемых как в формате латиницы, так в формате кириллицы: «TheLocal», «Central City Hotel» - гостиницы; «Альбион» - компьютерный магазин; «Choupette» - бутик детской одежды; «Firdaws» - бутик цветов, «Flower Lab» - цветочная мастерская; «Эллис Кейс» - прокат-студия; «Mobile Salon» - салон продажи гаджетов; «Next», «Princess» - магазины, «DoctorDi» - стоматология; «Альфа Декор» - салон интерьера; «Style Men» - магазин мужской одежды; торговый центр «Фридом»; «ECCO» - магазин обуви; «Brand Shop», «Service Phone», «Service Support Phone» - салоны связи; «Creative» - рекламное агентство; «VIP Person», «VIP Silver» - магазины; «Best Burger» - кафе; «Casual» - магазин женской одежды; торговый дом «Royal Decor»; «KARS MARKET» - магазин автозапчастей; «Car Wash» - автомойка; «Diva Fitness Kids» - детский фитнес клуб; «Кутюр» - кондитерская; «Coral Travel» - туристическое агентство; «Clean Wash» - автомойка; «I Love Shopping» - магазин; «Like Land» - детский развлекательно-развивающий центр;
- 2) использование в названиях предприятий сочетаний единиц чеченского и английского языков. Например:
 - название ресторана «DaarHouse» включает часть Daar (от чеченского *daa*, что в переводе означает еда (процесс));
 - «BenoDen» - наименование стоматологической клиники включает часть Beno (от чеч. *Беной* (название чеченского тейпа - рода));
 - «LamComp» - название компьютерного магазина включает Lam - усечение от от чеч. *ламарой* (название чеченского тейпа);
 - «Rich кьонах» (чеч. кьонах - мужчина) - магазин мужской одежды;
 - «KhedaStyle» - ателье;
 - «SakhtTime» - мастерская по ремонту часов. *Sakht* - от чеченского слова *сахът* (часы).

При этом, как отмечает Л. Ю. Исраилова, зачастую предприниматели и рекламодатели используют неожиданные для конкретного случая слова и словосочетания. Например: «Golden Town» - кафе, «Baby City» - магазин детской одежды, «DentaCity» - стоматология и др. [4].

Особо следует отметить многочисленную группу эргонимов, в семантике которых находит отражение религиозное мировоззрение жителей города – мусульман в подавляющем большинстве:

- магазины одежды «Адам», «Tekbir», «Аль-Фарида», «Manhadzh», «Bismillah», «Айуа», «Sura», «Абая»;
- названия продуктовых магазинов «Рамадан», «Аль-Сихха», «Нур»,
- кафе «Халаль», «Баракат»;
- торговый центр «Фирдаус», «Зам-зам»;
- благотворительные фонды «Хайра», «Bismillah» и др.

Данные единицы связаны, как правило, с арабским Востоком, в частности отражают культурные контакты с восточными странами и содержат прежде всего информацию об учредителе/компаньоне предприятия. Многие из них образованы от антропонимов и топонимов, например: Фонд им. Шейха Зайеда, Фонд Халифа, магазин «Дубай» «Аль-бустан», «Ар-рияд» и ряд других.

Однако наибольший интерес в эргонимиконе региона вызывают единицы номинации, отражающие национальную культуру и являющиеся по своей сути культурными кодами, символами, в которых концентуализируются параметры языковой картины мира чеченского народа. Например:

- «Даймохк» (чеченск. «родина отцов»), «Галанчож» - благотворительные фонды;
- Vozh-Ali», «Cha-borz», «Нохчийн кхерч», «Дай кхерч», «Безам», «Шовда», «Кавказ», «Орга», «Терек», «Синкъерам», «Вайнах», «Чепалгаш», «Сихха», «Стигл», «Жижиг-and-Galnash», «Говза нах», «Банна», «Марзо» - рестораны и кафе;
- «Даймохк», «Зама», «Ламан аз», «Беркат», «Тиупалла» (чеченск. «тишина, покой») - гостиницы;
- «Ахмат-арена» - спортивный комплекс, «Кезеной-Ам» - спортивно-туристический комплекс;
- «Ахмат» - футбольный клуб;
- «Дарба», «Могуш-маъриша» (чеченск. «здоровый-свободный») - аптеки;
- «Сакия», «Ирсе бахам» - магазин;
- «Говза нах» (чеченск. «искусные люди»), «Говзанча» (чеченск. «мастер») - автомастерские;
- «Ибрагим», «Бож-Али», «Мялз-Азни» - парикмахерские,
- «Татаев», «Музаев», «Цадаев» - торговые базы;
- «Илли», «Говзанча» - строительные компании и многие другие.

Следует отметить, что большинство данных лексем называет ключевые понятия лингвокультуры, «срабатывающиеся» за счет создания эффекта «близости по духу» для носителей чеченско-русского двуязычия и отражения национального колорита для гостей региона, которых в последнее время в Чеченской Республике становится все больше. Это оказывает психологическое воздействие на потенциального потребителя, вызывая ассоциации с гарантированностью высокого качества товара или услуги.

Существенно, что в общем потоке неоэргонимов минимизировалось количество наименований, образованных от слов с затемненной семантикой, поскольку в основном номинаторы нацелены на создание понятного адресату эргонима, вызывающего знакомые ассоциации, тем самым не только облегчая восприятие названия, но и повышая его эффективность с точки зрения закрепления имиджа. Кроме того, именно присутствие национального колорита, своеобразного звучания чеченских слов, отражение в эргонимах элементов чеченской лингвокультуры придают оригинальность и особый шарм региональному эргонимикону.

Таким образом, региональная эргонимическая лексика демонстрирует специфику лексико-семантического содержания, структурно-словообразовательные особенности номинаций, возникающие в силу проявления историко-культурных традиций, социальных условий формирования ономастического пространства в лингвокультурологическом и социолингвистическом аспектах. Эргонимическая лексика своими содержательными и количественными признаками отражает как непреходящие ценности истории и культуры народа, так и сиюминутные языковые привязанности представителей конкретной культуры, особенности национального менталитета в определенный период.

В эргонимиконе г. Грозного находят свое отражение сложнейшие реалии чеченско-русского двуязычия, что обуславливает сложнейшее переплетение в речевом портрете билингва специфических характеристик лингвокультур русского и чеченского народов. Это взаимодействие двух языковых стихий дополняется и влиянием заимствований, что неизбежно в жизни открытого общества в условиях глобализации.

Литература

1. Бутакова Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города: автореф.дисс... канд.филол. наук. – Томск, 2013.
2. Гутнов А. Э. Город как объект системного исследования // Историко-филологические исследования. - М., 1972.
3. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения (Текст) / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи. - М., 1988.
4. Исраилова Л. Ю., Исраилова Л. Ю., Эльжуркаева М. Я. Англицизмы в чеченском рекламном тексте // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22730>.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. - М.: Наука, 1978.
6. Позднякова Е. Ю. Языковое пространство города (на материале русской народно-разговорной речи горожан): дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
7. Тураева А. Р. Социолингвистический и структурно-семантический аспекты эргонимических комплексов на юге Великобритании и России: автореф.дисс...канд.филол.наук. – Пятигорск, 2012.
8. Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города. - Бийск, 2007.

Направление 6. БИЛИНГВИЗМ И БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

УДК 821.161.1

Национально-русский билингвизм в дагестанской республике и его особенности в контексте кросс- культурной коммуникации

Солодовникова О. К.

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
sanasolo35@gmail.com

Аннотация: В статье рассказывается об особенностях национально-русского двуязычия на территории многонациональной республики Дагестан. Это наиболее распространенный тип двуязычия в этом регионе, называемый смешанным типом двуязычия, языки выступают здесь партнерами, но в то же время русский язык является доминирующим. Дальнейшее развитие национальных языков зависит от роли русского языка в дагестанском обществе. Русский язык считается языком межнационального общения в республике, а также в других народах Российской Федерации. Дагестанцы обеспокоены факторами овладения русским языком и двуязычия на благо своих родных языков. Этот фактор служит мощным стимулом развития языков дагестанской литературы и их стилистики.

Ключевые слова: языковая политика, билингвизм, межнациональное, национальное, дагестанское общество, развитие, перевод, литература, культурные ценности, общение.

National- russian bilingualism in dagestan republic and its peculiarities in the context of cross cultural communication

Solodovnikova O.K.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia
sanasolo35@gmail.com

Abstract: This article runs about peculiarities of national-Russian bilingualism on the territory of multinational republic of Dagestan. This is the most widespread type of bilingualism in this region, called mixed bilingualism type, the languages act as partners here, but at the same time the Russian language is a dominating one. The further development of the national languages depends on the role of the Russian language in Dagestan society. The Russian language is considered to be the language of interethnic communication within the republic as well as other nations of the Russian Federation. The Dagestanis concern about the Russian language mastering and bilingualism factor for the benefit of their mother tongues. This factor serves as a powerful stimulus for development of the Dagestanian literature languages and their stylistics.

Key words: language policy, bilingualism, interethnic, national, Dagestan society, development, translation, literature, cultural values, communication

National-Russian bilingualism in Dagestan appeared as a result of the economic, political and cultural cooperation among different nations' representatives. The many-sided cooperation of Dagestani nations led to the formation of different types of national-Russian bilingualism. The most widespread, mass and prospective type of bilingualism is national Russian. It is unique because its components act not as competitors, but as partners. The further development of national languages as members

of bilingualism is associated with the increasing role of the Russian language in society and public interest in mastering it perfectly.

Depending on the number of social functions executed by the language, the significance of the very functions, the level of economic, political, cultural development of the native speakers of the given language, the duration of the cultural and historical traditions of its use as literary-written, texts of scientific, socio-political and fiction in it, the second language of bilingualism is objectively advanced. The language with a number of predominating characteristics has an impact on the language that is in contact with it, but is less functionally developed - a component of bilingualism. Therefore, it is completely natural, logical, and even inevitably, that the Russian language has a positive influence on the Dagestan languages in the context of their functioning as components of national-Russian bilingualism.

It is worth noting the areas of use of contacting languages to perceive and comprehend such an influence adequately to reality.

The fiction literature of Dagestani nations is enriched, developed and improved by creative works translated from Russian. Although the quality of translations is not very high, the translations take a prominent place in the Russian literature: images, ideas, visual and expressive means, aesthetic quality, cognitive value - all these factors characterize the translated creative works as an example to follow. That is to say national poets, writers, playwrights follow (but do not copy) the aesthetic criteria for the characters of the protagonists, their actions, and create their own works on the basis of translated works' models. Original and translated fiction in the Dagestani languages in literature chrestomathies, become the property of even those who are not keen in fiction.

National languages in Dagestan also function as the languages of pedagogical and methodological literature, mass media, theatres, social and political events in the mono-ethnic district.

Being the dominant component of the national-Russian bilingualism, the Russian language in the multi-ethnic Dagestan performs the most important social functions, beyond the Dagestani languages.

The most significant social function of the Russian language in human life is the teaching of the foundations of sciences in high school. The quality of teaching and acquired knowledge of the Russian language, literature and all other subjects in high school, determines the admission of the Dagestanis to higher educational institutions and studies in them. The main goal of the Russian language teaching at school is to form and develop national-Russian bilingualism, the harmonious development of all types of Russian speech activity.

The role of the Russian language teaching in a national school is increasing due to the fact that this process proceeds independently of the living speech environment of the language being studied. Despite the absence of such an important factor, the Russian language acquisition in the national environment was realized, first of all, due to the fact that before the October Revolution the Dagestanis were convinced of the prospects of teaching children in Russian. Muslim elementary schools taught primarily only the reading of the Qur'an, although excellent treatises were created, books, explanations in religion, ethics, history and ethnography were written by Dagestani arabists, poets, writers in Arabic.

The Soviet school teaching in the Russian language over the years of Soviet power completely transformed the life of Dagestanis. Many humanists of the post-Soviet era are silent about the enormous achievements of the Soviet system of education and upbringing in the history of Dagestan. However, during the years of Soviet power, great work was done to prepare transition to nationwide compulsory primary education, and subsequently to secondary education.

Teaching the sciences' basics in the Russian language was also of great importance since 1938. This was determined by two factors: the progressiveness of the Russian language teaching and the lack of trained teachers who could teach academic disciplines in the native language of students, as well as the lack of educational and methodical literature in national languages.

There were not enough teachers for teaching different subjects in Russian. However, it was possible to retrain existing teachers, and secondly, teachers from other regions of Russia could be invited. There were many such teachers, engineers, and doctors in other regions of the USSR, too [1, p.27].

The problem of early familiarization of children with the Russian language is current and not solved even today: it was acute in the middle of the 20th century. It was decided to open a reception preparatory class, so that from the second half of the academic year the children could be taught to the Russian language. The study of the formation of national-Russian bilingualism in the Dagestan national school is still far from ideal. The achievements of domestic linguists are not used to form a linguistic instinct, phonemic listening recognition, a syllable acquisition, etc. This disadvantage has a negative effect even in our time. The importance of developing of phonological awareness of such types of speech activity as reading, writing and speaking is still not clear. Neither the authors of the programs and textbooks for the national school, nor even the school teachers have

found the ways and means to overcome such an interferogenic factor as the comprehension of the Russian word by non-Russian students through its “phonological sieve” [3, p.60]. An effective mechanism for the formation of phonological awareness in students has not yet been invented. The significance of the imitation method is indisputable; however, firstly, the student does not always hear what they are told, since not every teacher’s speech can be imitated.

A serious drawback at the initial stage of the Russian language teaching can be considered the lack of connection with the past experience of children in mastering the Russian language words. It is known that a child by the time he or she enters school has already had a certain vocabulary borrowed by his native language from Russian. But they do not seem to be borrowed; they are, according to rough estimates, up to two hundred. These words are not used by teachers for the purpose of early formation of bilingual consciousness of students.

The different subdivisions of the same word into syllables and morphemes can be illustrated using the words of the school lexis. M.V. Panov wrote: “In the Avar language, there is the word “sotrudnik”, that is indivisible, because elements of the word “so”-“trudnik” do not have their own separate meaning in this language [2, p.150].

When students learn these words in Russian, they should not be just “old acquaintances” for them. They must understand that in Russian - the same words as a pogranichnik (border guard), letchik (pilot), sotrudnik (employee) should be considered derivatives.

The words borrowed from the Russian language often turn out to be indivisible (base + ending). In national languages they become fused ... [4, p.154].

According to the mentioned above, it can be stated that the Russian language is the main means of interethnic communication in multinational Dagestan, like in many other multinational regions. The Russian language is used in oral-colloquial communication in international labor collectives, schools, urban and rural public life.

Russian is one of the main school subjects taught in all classes. The purpose of teaching the Russian language in a national school is the formation of children's speech activity, as well as the development of bilingualism. This is the function of the Russian and foreign literature for the comprehensive development of schoolchildren, students of colleges and universities to familiarize themselves with world cultural values.

References

1. Abdullaev AA Problems of literature translation. - Makhachkala, 2002. - p.200.
2. Gasanova U.U. The Russian language and Dagestanian national culture – Moscow, 2013.- p. 166
3. Panov M.V. Modern Russian language. - M., 1979. - p.206
4. Trubetsky N.S. Basics of phonemics. - M., 1960.- p.352

Русско-чеченский словарь понятийного аппарата учебных дисциплин образовательной области «физическая культура» (постановка проблемы)

Аслаханов С.-А.М.

**Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Чеченский государственный педагогический университет», Россия, Грозный**

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические подходы формирования структуры и содержания словаря понятийного аппарата общегуманитарных и профильных дисциплин программы подготовки специалиста физического воспитания. Профессиональная деятельность специалиста физического воспитания направлена на сохранение и укрепление здоровья различных возрастных категорий и социальных групп населения страны. Подготовка специалиста данного профиля базируется на освоении комплекса образовательных дисциплин социально-экономического, психолого-педагогического и медико-биологического циклов, входящих в содержание основной программы профессионального образования. На наш взгляд, создание и использование билингвального словаря понятийного аппарата образовательных дисциплин окажет существенное содействие на повышение

качества профессиональной подготовки учителя физической культуры и тренера по избранному виду спорта.

Ключевые слова: физическая культура, учитель, спорт, тренер, образовательный стандарт, технология, программа, словарь, понятийный аппарат.

**RUSSIAN-CHECHEN DICTIONARY OF THE CONCEPTUAL APPARATUS
OF EDUCATIONAL DISCIPLINES OF THE EDUCATIONAL AREA “PHYSICAL
CULTURE” (statement of the problem)**

**S.-A.M. Aslakhonov, Doctor of Education, Associate Professor
Federal Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chechen State
Pedagogical University", Russia, Grozny**

Annotation. The article discusses the pedagogical approaches to the formation of the structure and content of the dictionary of the conceptual apparatus of general humanitarian and specialized disciplines of the training program for a specialist in physical education. The professional activity of a physical education specialist is aimed at preserving and strengthening the health of various age categories and social groups of the country's population. The training of a specialist in this profile is based on the development of a set of educational disciplines of the socio-economic, psychological, pedagogical and biomedical cycles that are part of the main program of vocational education. In our opinion, the creation and use of a bilingual dictionary of the conceptual apparatus of educational disciplines will significantly contribute to improving the quality of professional training of a physical education teacher and trainer in a chosen sport.

Keywords: physical education, teacher, sport, trainer, educational standard, technology, program, dictionary, conceptual apparatus.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта (3++) высшего образования по направлениям подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, профиль «Физическая культура» и 49.03.01 Физическая культура, профиль «Спортивная тренировка в избранном виде спорта» (уровень бакалавриата), реализация компетентностного подхода предусматривает широкое использование в системе учебного процесса следующих образовательных технологий:

по организационным формам – лекции, семинарские занятия, индивидуальные занятия, контрольные работы;

по преобладающим методам и приемам обучения: объяснительно-иллюстративные (объяснение, показ-демонстрация учебного материала и др.) и проблемные, поисковые (анализ конкретных ситуаций, решение учебных задач и др.);

активные (анализ учебной и научной литературы, составление схем и др.) и интерактивные, в том числе и групповые (деловые игры, взаимное обучение в форме подготовки и обсуждения докладов и др.);

информационные, компьютерные, мультимедийные (работа с источниками сайтов академических структур, научно-исследовательских организаций, электронных библиотек и др., разработка презентаций сообщений и докладов, работа с электронными обучающими программами и т.п.) технологии [6, 7]. Перечисленные технологии в той или иной мере содействуют реализации знаниявого потенциала образовательных дисциплин, входящих в содержание основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки учителя физической культуры и тренера по избранному виду спорта.

Образовательные дисциплины, виды профессиональной подготовки и формы оценки уровня готовности выпускника к практической деятельности, сгруппированы по блочному принципу: блок 1 – образовательные дисциплины (модули); блок 2 – виды практик профессиональной подготовки; блок 3 – государственная итоговая аттестация.

Программа бакалавриата в рамках Блока 1 ориентирует на освоение обязательных для всех профилей профессиональной подготовки образовательных дисциплин: философия, история (история России, всеобщая история), русский язык и культура речи, педагогическая риторика, иностранный язык, нормативно-правовые основы профессиональной деятельности, информационные технологии в образовании (физической культуре и спорте), практикум по финансовой грамотности, безопасность жизнедеятельности, физическая культура и спорт (элективные дисциплины).

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

В данный блок образовательной программы, кроме перечисленных, включены модули профильных дисциплин:

«Здоровьесберегающий» – возрастная анатомия, физиология, гигиена; «Психолого-педагогический» – инклюзивное образование с ограниченными возможностями, педагогика физической культуры, психология физической культуры;

«Предметно-методический» – теория и методика избранного вида спорта, теория и методика физической культуры, научно-методическая деятельность, история физической культуры, менеджмент физической культуры и спорта, социология физической культуры и спорта; «Медицинский» – анатомия человека, основы антидопингового обеспечения, гигиенические основы физкультурно-спортивной деятельности;

«Теория и методика обучения базовым видам спорта» – гимнастика, легкая атлетика, плавания, спортивные игры, спортивная борьба, туризм;

Раздел образовательной программы «Часть, формируемая участниками образовательных отношений» включает дисциплины:

лечебная физическая культура и массаж, спортивная медицина, физиология человека, физиология спорта, теория спорта, технология спортивной тренировки в избранном виде спорта, практикум введения в профессиональную деятельность, профессиональное развитие спортивного педагога, спортивная психология, спортивная метрология, биомеханика двигательной деятельности, спортивные сооружения;

виды профессионально-спортивного совершенствования:

бокс, волейбол, вольная борьба, греко-римская борьба, дзюдо, каратэ, рукопашный бой, самбо, тхэквондо, футбол;

дисциплины по выбору:

основы естествознания в физической культуре и спорте; интеллектуальный компонент в структуре физической культуры и личности; здоровьесберегающие технологии в физкультурном образовании; психорегуляция в профессиональной подготовке будущих бакалавров; профилактика наркомании в средствах спорта; оздоровительный фитнес; компьютерная обработка результатов измерений в физической культуре и спорте; музыкально-ритмическое воспитание; олимпийское образование; флорбол; режиссура спортивных праздников и анимация в туризме; спортивное ориентирование; спортивно-оздоровительный туризм; международное олимпийское движение; коммерческая деятельность в сфере физической культуры и спорта; настольный теннис; основы детско-юношеского спорта; методика освоения школьного курса физической культуры; физическое воспитание и спорт народов Северного Кавказа; современные технологии физического воспитания;

«Факультативные дисциплины»: –

чеченский язык; этнопедагогика с основами физического воспитания.

В рамках освоения программы бакалавриата выпускники готовятся к решению задач профессиональной деятельности посредством прохождения определенных типов учебной и производственной практик, конкретизированных в Блоке 2 ФГОС.

Типами учебной практики являются:

ознакомительная, тренерская, педагогическая и организационная практики;

типами производственной практики – тренерская, педагогическая, организационная, профессионально-ориентированная, преддипломная практики.

В Блок 3 «Государственная итоговая аттестация» входят: подготовка к сдаче и сдача государственного экзамена; подготовка к процедуре защиты и защита выпускной квалификационной работы.

Качественное освоение теоретических и методических основ образовательных дисциплин ОПОП, подготовка студента к проведению различных типов практик и к итоговой аттестации в форме защиты дипломного проекта и государственного экзамена будут обеспечены при условии успешного овладения студентом содержания образовательной программы на основе осознанного восприятия понятийного аппарата всего комплекса учебных дисциплин и видов подготовки к профессиональной деятельности [1, – 336 с; 2, – С 475-478]. Именно этим обусловлена необходимость включения в образовательную программу учебной дисциплины «Понятийный аппарат образовательных дисциплин программы подготовки специалиста физического воспитания» [3, – 80 с; 4, – 464 с.]. на должном качественном уровне,

Цель изучения дисциплины – сформировать грамотное понимание основных терминов, используемых в современной научно-методической и учебной литературе по физической культуре и спорту.

Задачи изучения дисциплины – развить у студентов способность правильно применять термины и понятия, которые помогут им понять и оценить получаемую информацию, избежать ошибок при оформлении письменных работ и собственных результатов экспериментальных исследований;

– через изучение дисциплины, связанной с проблемами речевого профессионального тезауруса, помочь осознать проблемы специфики научных знаний в профессиональном образовании специалистов физической культуры.

Изучения данной дисциплины должно опираться на знания, умения и компетенции, полученные студентами при освоении таких дисциплин как «Русский язык и культура речи», «История физической культуры», «Теория и технология обучения базовым видам спорта», «Профессиональное физкультурно-спортивное совершенствование» и др.

Содержание образовательной дисциплин.

История развития спортивной лексики в России. Исходные понятия и термины курса; основные школы, концепции, теории исследований. Этапы развития терминосистемы в целом; характеристика спортивной лексики на рубеже XX-XXI; термин (почему термин может и должен иметь варианты); современный уровень разработок профессионального тезауруса физической культуры и спорта;

Система специальных знаний в сфере физической культуры. Роль специальных знаний в освоении ценностей физической культуры; знания, как элемент содержания образования в сфере физической культуры; формы организации процесса преподавания и усвоения теоретического материала по физической культуре; освоение инструктивно-методических знаний и умений их использования в процессе практических занятий физическими упражнениями.

Социальная обусловленность возникновения и развития физической культуры и спорта. Физическая культура как вид общей культуры; физическая культура в контексте современного понимания культуры; физическая культура как продукт социального развития (стадии развития и цели); основные аспекты в понимании физической культуры как рода деятельности, совокупности предметных и духовных ценностей, как результата деятельности; предметная и личностная форма физической культуры; элементы физической культуры личности; структура физической культуры.

Понятие, определение понятий. Определение терминов «понятие», «определение». Методические рекомендации в соответствии с которыми определяются понятия в физической культуре и спорте: определение понятий – содержание, построение, связи, окончание; краткая характеристика основных требований, предъявляемых к определению понятий. Термины, применяемые в физической культуре и спорте, и их соответствие Методическим рекомендациям.

Характеристика основных понятий, применяемых в теории и методике ФК. Формирование терминологической культуры студентов в области физической культуры и спорта; «физкультурный тезаурус»: определение понятий «физическое развитие», «физическое воспитание», общие представления о системе физического воспитания; «физическая подготовка», «физическое совершенство», «физическое упражнение», «физическая подготовленность», «образование в области физической культуры», «спорт» [5, – 480 с.];

Понятия и термины в теории и методике обучения предмету «Физическая культура». Общее представление о методах применения физических упражнений: основные понятия; формирование двигательного навыка: основные понятия; общие представления о физических качествах: основные понятия. Основные понятия и термины теории физической культуры в темах изучения: физические упражнения – основное средство физического воспитания; самоконтроль в процессе занятий физическими упражнениями; общее представление о комплексе средств физического воспитания;

Характеристика спортивной лексики, применяемой в теории и методике спорта. Спортивные термины и понятия, употребляемые специалистами спортивной науки в разных видах спорта: в теории и методике гимнастики; в теории и методике спортивных игр; в видах единоборств; в судейской практике по базовым видам спорта и др.;

Понятия и термины, применяемые в практической физкультурно-спортивной деятельности и олимпийском движении. «Ценностный потенциал», как понятие, физической культуры для формирования основ здорового образа жизни, интереса и потребности к регулярным занятиям физическими упражнениями и спортом; значение занятий физическими упражнениями для «здоровья» человека; общие представления о «ЗОЖ»; популярные «системы оздоровительных занятий» физическими упражнениями, «первая помощь при травмах» на физкультурно-спортивных занятиях и др.

«Олимпийские игры», «олимпийское движение», «профессиональный спорт», олимпийские символы и атрибуты и т.п.;

Термины, используемые в спортивной физиологии. Медико-биологическая терминология. «Адаптация»; зоны относительной мощности выполняемой работы (или величина физиологической нагрузки); «функциональное состояние» организма детей и подростков на различных «этапах физического воспитания»; «функциональные возможности» организма; «восстановительные процессы» после занятий физической культурой, «физиологические реакции», «баланс питания» и т.п. «Утомление и восстановление» в процессе занятий физическими упражнениями; знания об «обмене веществ» и др.

Наиболее употребляемые сокращения, правила их использования. Правила сокращения терминов, правила использования сокращений в тексте о физической культуре и спорте: международные стандарты, аббревиатура, общепринятые сокращения, возможные сокращения в тексте и т.п.

Изучение дисциплины направлено на формирование, в соответствии с ФГОС ВО и ОПОП ВО по данному направлению подготовки, следующих профессиональных компетенций.

Выпускник, освоивший программу бакалавриата, в соответствии с видами профессиональной деятельности, на которые ориентирована программа бакалавриата, должен быть готов решать следующие профессиональные задачи:

педагогическая деятельность:

изучение возможностей, потребностей, достижений обучающихся в области образования;

осуществление обучения и воспитания в сфере образования в соответствии с требованиями образовательных стандартов;

использование технологий, соответствующих возрастным особенностям обучающихся и отражающих специфику предметной области;

обеспечение образовательной деятельности с учетом особых образовательных потребностей;

организация взаимодействия с общественными и образовательными организациями, детскими коллективами, родителями (законными представителями) обучающихся, участие в самоуправлении и управлении школьным коллективом для решения задач профессиональной деятельности;

формирование образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий;

осуществление профессионального самообразования и личностного роста;

обеспечение охраны жизни и здоровья обучающихся во время образовательного процесса;

исследовательская деятельность:

постановка и решение исследовательских задач в области науки и образования;

использование в профессиональной деятельности методов научного исследования.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

Знать: основные понятия и термины, используемые в физической культуре и спорте.

Уметь: пользоваться спортивной терминологией при осуществлении педагогической деятельности в области физической культуры и спорта.

Владеть: основами профессиональной этики и речевой культуры.

Приобрести опыт образовательной деятельности на основе правильного использования профессиональной терминологию в устной и письменной речи.

Практическое воплощение идеи в жизнь нам видится следующим образом: межфакультетские кафедры (кафедра истории, философии, русского и иностранных языков, информационных технологий, правовых основ, ОБЖ, физического воспитания и др.), разрабатывают словари понятийного аппарата обязательной части Блока 1 ОПОП. При этом возможны варианты: разработка словарей специалистами кафедр по своим дисциплинам, или решение этой задачи комплексной группой специалистов данных кафедр. Остальные учебные дисциплины данного блока, входящие в часть, формируемую участниками образовательных отношений и объединенные в образовательные модули, разрабатываются специалистами профильных кафедр: теория и методика преподавания физической культуры; теория и методика спортивной тренировки, спортивные дисциплины и методика их преподавания, межфакультетская кафедра физического воспитания.

Для удобства участников образовательного процесса считаем целесообразным первоначальное издание словарей терминологического аппарата отдельно по каждой образовательной дисциплине с последующим их объединением (при необходимости) в единый сборник.

Такой подход, на наш взгляд, будет иметь адресное содействие освоению содержания как отдельной образовательной дисциплины, так и содержания основной профессиональной образовательной программы подготовки специалиста физического воспитания в целом.

Литература

1. Аслаханов, С.-А.М. Русско-чеченский словарь спортивных терминов и словосочетаний. / С.-А.М. Аслаханов. Словарь. Научное издание. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – 336 с.
2. Ахмедова, Х.О. В мире спортивных терминов // Х.О.. Молодой ученый. – 2014. – №1. – С. 475-478.
3. Тихонов, В.Н. Терминология общеразвивающих упражнений: Учебное пособие. / В.Н. Тихонов, – Малаховка.: МГАФК, 2006 г. – 80 с.
4. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник / А.Н. Блеер, Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер. – М. : Издательский центр «Академия», 2010. – 464 с.
5. Холодов, Ж.К. Кузнецов, В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 480 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, профиль Физическая культура. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г., №121.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 49.03.01 Физическая культура. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 сентября 2017 г., №940.

Направление 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА

УДК 81-23

Китайский эпический фольклор как отражение духовной культуры народа

Ван И

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: Лингвокультурная парадигма китайского этноса отражает особенности мировосприятия китайского народа: его отношение к жизни, к другим людям. В статье рассматриваются китайские народные песни, в которых функционируют личные имена. В традиционной китайской культуре личное имя собственное занимает важное место, поскольку может фиксировать в памяти народа исторические события и являться символом общечеловеческих ценностей, употребляясь в современной речи как прецедентное имя.

Ключевые слова: китайские народные песни, личное имя, история Китая, нравственные ценности.

Chinese epic folklore as a reflection of the spiritual culture of the people

Wang Yi

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Resume: The linguistic-cultural paradigm of the Chinese ethnos reflects the peculiarities of the worldview of the Chinese people: their attitude to life, to other people. The article discusses Chinese folk songs in which personal names function. In traditional Chinese culture, a personal proper name occupies an important place, since it can record historical events in the memory of the people and is a symbol of universal human values, used in modern speech as a precedent name.

Keywords: Chinese folk songs, personal name, history of China, moral values.

Китайская фольклорная картина мира представлена эпическими жанрами – народными песнями, преданиями, сказками, мифами. В китайских народных сказках и песнях отразились разные уровни фольклорного сознания: мифологический, религиозно-философский, исторический, причем их соотношение зависит от содержания произведения.

Китайские народные песни, о которых пойдет речь в настоящей статье, имеют стихотворную форму и предстают в обработке древнего мыслителя и философа Конфуция как фрагменты его «Пятикнижия», по-китайски – «У-Цзин» (五经, Wǔjīng; дословно — «пять основ») – общее название для следующих пяти конфуцианских книг: «И-цзин» (易经; «Книга Перемен»); «Ши-цзин» (诗经; «Книга песен»), «Шу-цзин» (书经; «Книга преданий»); «Ли-цзи» (礼记; «Книга церемоний»); «Чунь-цю» (春秋; «Весна и осень»; летопись).

«У-Цзин» является древнейшим китайским литературным памятником и содержит ценные сведения по древней истории китайского народа. Особое внимание в нашей работе было уделено «Ши-цзин», «Книге песен», поскольку именно эта часть классического текста более всего связана с фольклорными источниками. В ней содержатся записи древних песен, гимнов и стихов, которые были созданы в Китае еще в XI-VI веках до нашей эры. Вероятно, когда-то произведения эпических жанров исполнялись в музыкальном сопровождении, однако в культурном пространстве современного Китая они существуют в стихотворной форме и не осознаются как музыкальные произведения. Тем не менее они носят название песен, причем этот фольклорный жанр весьма распространен в китайском народном творчестве.

Объектом нашего исследования являются тексты народных песен, в которых употребляются личные имена, поскольку именно это свидетельствует об исторических событиях давнего времени, о людях, которые оставили свой след в памяти народа.

Народные песни, которые вошли в «Книгу песен», по информации древних источников, были собраны чиновниками двора чжоуского вана – *син жэнь* («путниками») или *цю жэнь* («глашатаями»), затем они были представлены ко двору императора. Песни служили своего рода информацией с мест о «нравах народа» для принятия внутривластных решений, совершенствования церемониальных установлений и развития ритуальной музыки.

Памятник состоит из трех частей – «[Го] фэн» («Нравы [царств]»), «Я» («Оды») и «Сун» («Гимны»). В разделе «[Го] фэн» собраны 160 местных народных песен 15 царств эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.). Раздел «Я» объединяет 105 «песен», сложенных при дворе вана — государя династии Чжоу, в столице и ее окрестностях, и включает два подраздела: «Да я» — «Большие оды»: 31 «песня», и «Сяо я» — «Малые оды»: 80 песен. Раздел «Сун» содержит 40 «гимнов» и делится на три подраздела: «Чжоу сун» («Гимны [дома] Чжоу»), «Лу сун» («Гимны [князей] Лу») и «Шан сун» («Гимны [дома] Шан»). Два последних подраздела представляют собой храмовые песнопения, распространенные в VIII–III вв. в царствах Лу и Сун.

По нашим наблюдениям, во всех песнях разных разделов используются личные имена. В части «Нравы[царств]» вводятся имена известных правителей разных исторических периодов Китая. Однако в них не всегда выражается восхищение мудростью тех, кто стоял у власти, но и выражается оценочное отношение к поведению членов династии. «[Го] фэн» - народные песни из разных провинций во времена династии Чжоу. Обычные люди проявляют интерес к личной жизни властителей. Например, в песне «Красавица» описывается красота и значимость положения Чжуан Цзян, дочери Вэйского Чжуан-гун. Вэйский Чжуан-гун был одним из правителей царства Вэй в период Чуньцю. Поскольку он имел власть, то решил назначить генералом своего младшего сына, хотя приближенные не советовали ему это делать. Следствием этого назначения стали беспорядки и недовольство в стране. В песне представлено имя этого правителя, которое означает хвастовство (Ян). Добавление к имени – *сун* в китайском статусном антропонимике означает уважительное обращение; честность и верность (и это признают все окружающие люди), - характерные черты такого человека.

В песне «Наньшань» (в русском переводе «Южная гора») выражается негативная оценка, сарказм по отношению к инцесту стоящего у власти Ци Сян-гун, одного из правителей царства Ци, и его младшей сестры Ци Вэнцзян (курсивом выделены личные имена):

南山

先秦 : 佚名

南山崔崔，雄狐绥绥。鲁道有荡，齐子由归。既曰归止，曷又怀止？
葛屨五两，冠綌双止。鲁道有荡，齐子庸止。既曰庸止，曷又从止？
蓺麻如之何？衡从其亩。取妻如之何？必告父母。既曰告止，曷又鞠止？
析薪如之何？匪斧不克。取妻如之何？匪媒不得。既曰得止，曷又极止？

Скандал в высшем семействе обсуждался в народной среде, в песне осуждаются такие отношения. Личное имя Ци Вэнцзян довольно часто вводится в песни этого периода. Добавление к имени *-цзян* в древней системе именования означало принадлежность к дворянскому классу. Вэн означает «талантливый», однако такое имя дано в песне, история не сохранила настоящего имени героини.

В разделе «Го-фэн» наиболее частотны имена правителей династии Чжоу: 卫侯 Вэйский Дай Гуншэн и 齐侯 Ци Чжуангун. Личное имя Шэн означает «выражать, показывать и предупреждать». Вэйский Дайгун – это его посмертный титул. Народное мнение по отношению к власти не было неизменным, чаще, конечно, выражалось восхищение мудростью правителя, но некоторые поступки подвергались критической оценке.

В древнем Китае существовал обычай хоронить богатого человека, правителя вместе с его слугами, женами, наложницами и всеми предметами, которые ему могут понадобиться в загробном мире. В народной песне «Иволга» сравнивается крик птицы с оплакиванием умершего и выражается эмоциональное состояние горя по отношению к жестокой традиции:

国风·秦风·黄鸟

先秦：佚名

交交黄鸟，止于棘。谁从穆公？子车奄息。维此奄息，百夫之特。临其穴，惴惴其栗。彼苍者天，歼我良人！如可赎兮，人百其身！

交交黄鸟，止于桑。谁从穆公？子车仲行。维此仲行，百夫之防。临其穴，惴惴其栗。彼苍者天，歼我良人！如可赎兮，人百其身！

交交黄鸟，止于楚。谁从穆公？子车针虎。维此针虎，百夫之御。临其穴，惴惴其栗。彼苍者天，歼我良人！如可赎兮，人百其身！

В песне говорится о том, что после гибели правителя княжества Цинь Мун-гуна (в 621 году до н.э.) вместе с ним были захоронены его рабы. Это событие вызвало негативно-оценочное отношение народа к жестокой традиции. Личное имя правителя Инь Жэньхао, Инь – это фамилия, часть личного имени *Жэнь* означает «ответственность и доверие», *-хао* означает «хорошо, прекрасно». Имя Мун-гун – это посмертный титул правителя.

Китайское личное имя отличается от системы имён на Западе, в современном этносе личное имя пишется после фамилии. А в древнем Китае у одного человека было несколько имён. Ребенок получал имя от родителей, затем от учителей, и в конце концов от себя. Эти имена в каждый жизненный период отражали особенности характера или желания родителей, учителей и самого человека.

Китайская ономастическая система принадлежит к мифологическому типу. Как справедливо замечает Е.А. Хамаева, «в мифологии трудно, а порой и невозможно, провести границу между именем собственным и именем нарицательным»[1, с. 9]. В китайском языке личное имя, как правило, состоит из одного или двух иероглифических знаков, которые пишутся слитно, что связано с многовековой этнической традицией и особенностями иероглифики. Репертуар китайских имён теоретически неограничен, не существует таких канонизированных списков, которые характерны для русской языковой картины мира. Любое слово или словосочетание может быть выбрано в качестве личного имени. Единственное условие при выборе имени: оно должно быть не только благозвучным, но содержать определённую положительную семантику.

Этимология большинства китайских имён связана с благопожеланием или традиционными художественными образами. Часто в имени отражаются пожелания долголетия, богатства, успешной

карьеру, семейного счастья, а также утверждение нравственных ценностей китайского народа. Исследователь китайской антропоники Ли Чэньчэнь пишет о том, что «семантика китайского имени собственного очень разнообразна. Невозможно сколько-нибудь полно охватить и классифицировать все существующие его смысловые комбинации. В типичных женских именах выражаются эстетические взгляды народа, в мужских находят отражение общественные, моральные и сакральные ценности» [2, с. 2].

В китайском личном имени фамилия находится на первом месте, потому что семья для китайцев очень важна. В китайской культуре страна считается огромной семьей. Поэтому культурный концепт «семья» оказывает влияние на все поколения китайцев.

Личные имена могут содержать информацию о местных условиях и обычаях. В классическом китайском произведении «Сон в красном тереме» есть один из сюжетов: «Баоюй схватил один предмет из предложенных (о ребенке в первый день рождения для определения его склонностей и будущей деятельности)». Эта традиция была популярна в районе Цзяннань в Китае. Речь идет об известном ученом Цянь Чжуншу, которого в Китае зовут «шу» – «книга». В современном Китае это имя является прецедентным, известным всему социуму. Когда ему исполнился год, он выбрал книгу из предложенных ему вещей, поэтому отец назвал его «книгой» («любовь к книге»). Разные этносы в Китае имеют разные традиции именования. Национальное меньшинство Бай в провинции Юньнань рассматривает луну как символ благоприятности и счастья, поэтому часто мальчикам дают имя «месяц», чтобы выразить свое благословение ребенку.

В разделе «Я» (Оды) представлены хвалебные песни о древних китайских императорах. Чаще других упоминаются имена Вэнь-ван и У-ван. Оба императора совершили блистательные подвиги во имя страны, возвеличивая династию Чжоу. Народные песни посвящены осмыслению их достижений и роли в истории Китая.

Чжоу Вэнь-ван был отцом первого правителя китайской династии Чжоу. При рождении он получил имя Чжоу Цзычан, что означает «предок дома Чжоу, внук Хоу-цзи». Его личное имя Чан означает «цветущий» и «развиваться», в имени заключено пожелание счастливой судьбы и процветания династии Чжоу (XII–XI вв. до н.э.). Чжоу У-ван – основатель китайской династии Чжоу (XII–XI вв. до н.э.). У-ван стал верховным правителем государства Чжоу. Большую часть завоеванных земель он раздал в качестве уделов родственникам и приближенным. В китайской конфуцианской историографии У-ван изображался мудрым и добродетельным правителем. Настоящее имя этого правителя Фа, что означает «развитие» и «светиться». Большую часть жизни он проводил в военных сражениях, укрепляя страну. Китайский народ относился к нему с обожанием.

Те же имена правителей оказываются частотными в части сборника «Сун» («Гимны»), что закономерно, поскольку большинство песен создавалось в период правления династии Чжоу. Из 311 исследуемых текстов песен всего 24 используют личное имя. Этот факт объясняется тем, что в песнях, как правило, идет речь о событиях в стране, о том, что происходило в обществе, при этом личности не уделялось много внимания. Личные имена собственные, встретившиеся в песнях, как правило, называют людей, сыгравших важную роль в истории древнего Китая.

Кроме народных песен, входящих в сборник «Ши-цзин», существует еще свод фольклорных источников под названием «Юэфу». Основной свод песен сформировался предположительно к X – VI вв. до н.э. Китайская императорская Музыкальная палата Юэфу специально была создана для того, чтобы собирать и записывать народные песни. Традиционно песни этого сборника делятся на собранные в период Хань (2 век до н.э. – 3 в. н.э.), северные и южные песни эпохи «Шести династий» (4 – 6 вв. н.э.). Эти сборники песен, основанные на устном народном музыкальном творчестве, значительно различаются между собой. В южных песнях чаще звучит тема любви; быстротечность жизни – характерная тема ханьского периода, для песен этого периода также типичны темы войны, ратного подвига и народных бедствий. Социальный протест выражен преимущественно в кратких афористических песнях, сравнимых с русскими частушками.

Среди множества песен этого сборника всего две включают личные имена персонажей. Эти имена созданы специально для песен, в которых представлены вымышленные герои. Особенно важно то, что в значении личных имен этих персонажей содержатся основные идеи песен. Например, в китайском народном эпосе «Песнь о Мулань» повествуется о храброй девушке Мулань, которая пошла на войну вместо своего старого отца. Когда она узнала, что ее отца призывают на военную службу, поскольку у него нет взрослого сына, девушка решила вместо отца пойти в армию. Спустя десять лет Мулань вернулась домой, пройдя через жестокие бои, в которых китайская армия одержала победу. Император предложил Мулань награду и должность при своем дворе, однако она попросила разрешения вернуться

домой к отцу. Дома девушка переделалась в женскую одежду и в таком виде предстала перед своими боевыми товарищами. Они были удивлены, поскольку за все время службы не догадывались, что Мулань – женщина.

Личное имя героини состоит из двух иероглифов 木兰. *Му* означает дерево, *лань* - орхидея. Дерево предстает в китайском коллективном сознании как образ сильного и большого, мужского начала. Образ орхидеи выражает идею красоты, говорит о возвышенном и чистом характере, типичном для девушки. Таким образом, из значения имени можно понять, что у Мулань есть черты характера мужчины – решительность и смелость – и типичные для девушки чистота и красота, т.е. значение личного имени предопределяет судьбу героини и сюжет эпического произведения. Фольклорное имя Мулань можно считать прецедентным для китайского социума, этому способствуют сериалы и мультипликационные фильмы, а также книги о Мулань. Героиня песни восхищает своим характером, любовью к отцу и готовностью к самопожертвованию. Общеизвестно, что китайцы уважительно относятся к своим родителям, заботятся о старых людях.

Одна из известных песен этого сборника «Павлины летят на юго-восток...» повествует о судьбе двух влюбленных, причем сюжетно эта песня напоминает пьесу У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Главная героиня Лю Лань-чжи, по мнению некоторых исследователей, предстает чуть ли не революционеркой, протестующей своими силами против деспотии домостроя. При этом гибель молодых супругов, верных своим чувствам и данным друг другу обещаниям, рассматривается как решительный протест против угнетения. Однако, представляется, что содержание произведения было политизировано, на самом деле это песня о двух влюбленных, которые не смогли удержать свое счастье.

Павлин в тексте предстает символом Лю Ланьчжи. В Китае павлин издавна считается олицетворением птицы Феникс. Считается, что он приносит счастье, радость, любовь, сохраняет супружеские отношения.

Из содержания песни становится известно, что на юго-востоке находится дом родителей Ланьчжи, куда она была вынуждена вернуться, когда ее прогнала свекровь. Цзяо Чжун-цин и Лю Ланьчжи – главные персонажи песни. Чжун означает «второй сын или вторая дочь, другое значение – «середина», по сюжету песни герой часто выбирал серединную позицию между женой и матерью, хотя при этом очень любил свою жену. Вторая часть имени героя – *цин* означает «сановник» или «дорогой» (при фамильярном общении, например, между мужем и женой). Личное имя Ланьчжи состоит из двух иероглифов: 兰芝 *Лань* – орхидея (орхидея -красота, возвышенный и чистый темперамент), *-чжи* означает гриб «трутовик», который в китайской культуре считается символом долголетия и счастья. В песне говорится о том, что Ланьчжи часто уступала свекрови, не хотела огорчать своего мужа. Когда она вернулась домой, то испытывала стыд, хотя была не виновата в создавшейся ситуации. Хотя песня заканчивается трагически – влюбленные умирают, но их похоронили вместе, что считается большим счастьем у китайцев.

Представленные в фольклорных песнях нравственные ценности китайского народа определяются общим жизненным опытом человека: гармоничными семейными отношениями, надеждой на мудрость высшей власти, неприятием жестокости и лицемерия, возможностью свободно выражать свое мнение, необходимостью трудиться во благо страны и каждого ее жителя.

Литература

1. Ли Чэньчэнь. Функционирование имени собственного в аспекте билингвизма (на материале русского и китайского языков). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Иркутск, 2012. – 26 с.
2. Хамаева Е.А. Антропонимы в ономастической системе мифологического типа. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - Иркутск, 2012. - 22 с.

**Фонетическая интерференция в русской речи чеченцев - носителей аккинского
диалекта**

Дадаева А. И.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. В статье рассматривается проблема фонетической интерференции в условиях билингвизма, то есть в процессе обучения русскому языку как неродному. Приводятся типичные ошибки, допускаемые носителями аккинского диалекта чеченского языка, в результате фонетической интерференции. В заключении говорится о значимости сопоставительного анализа фонетических систем языков для устранения нежелательных результатов отрицательной фонетической интерференции.

Ключевые слова: аккинский диалект, фонетическая интерференция, билингвизм.

Phonetic interference in Russian speech of Chechens - carriers of the Akkin dialect

Dadaeva Albina Israilovna

FSBEI of HE "Chechen State Pedagogical University"

Annotation. The article considers the problem of phonetic interference in the context of bilingualism, that is, in the process of teaching the Russian language as non-native. Typical mistakes made by native speakers of the Akkin dialect of the Chechen language as a result of phonetic interference are presented. In conclusion, the significance of the comparative analysis of phonetic systems of languages to eliminate the undesirable results of negative phonetic interference is emphasized.

Key words: Akki dialect, phonetic interference, bilingualism.

Под фонетической интерференцией понимается отрицательное влияние норм родного языка на усвоение норм неродного языка. Другими словами, это искажение системы второго усваиваемого языка, а также ее нормы в процессе взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух или нескольких языков, проявляющееся через нарушение произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем.

Искажение языковой системы в результате действия интерференции сказывается на всех уровнях языка. Нарушение вторичной языковой системы на звуковом уровне принято называть фонетической отрицательной интерференцией. Фонетическая интерференция наблюдается как при восприятии, так и при производстве речи.

Лингвистическое описание фонетической интерференции, как правило, начинается с прогноза ее явлений в речи носителей двуязычия. В данном значении сопоставительный или сравнительный анализ звуковых систем, оказавшихся в контакте, позволяет с большей или меньшей степенью точности предсказать возможные нарушения вторичной звуковой системы. По мнению У. Вайнрайха, сопоставительный анализ пока что остается наилучшей исходной ступенью описания поведения билингва [4, с. 35]. Тем не менее, его значение не абсолютизируется, поскольку реальная картина фонетических нарушений в речи двуязычных может значительно отличаться от прогнозируемой. Данные сопоставительного анализа помогают вскрыть и объяснить причину конкретного искажения.

Фонетическая вариативность речи регулируется системой языка и может выступать только в определенных пределах, заданных системой языка и нормой ее реализации. Игнорирование фонетических нарушений допускается только для ситуации общения носителей одного и того же языка. Звучащая речь несет информацию о происхождении, уровне образования, социальном положении говорящего, звучащая иноязычная речь сообщает также о родном языке и уровне владения вторым языком. Фонетический акцент признается одним из признаков уровня владения языком.

Системность и предсказуемость фонетических нарушений речи на неродном языке делают возможным устранение ошибок при использовании сознательной опоры на родной язык (прогнозирование акцента).

Как правило, речь на неродном языке, даже при достаточно высоком уровне владения им, не бывает фонетически строго выдержанной в соответствии с требованиями системы и нормы данного языка, что в различной степени затрудняет процесс общения, делает его малорезультативным, а иногда и полностью невозможным. Фонетически неправильная речь требует от слушающего определенных усилий при восприятии ее содержания. Обилие грубых ошибок не стимулирует интереса к общению не только со стороны слушающего, но и со стороны самого говорящего. Тем не менее, понимание фонетически некорректной речи в элементарных ситуациях общения все же возможно. Более того, не все фонетические нарушения, объективно данные в речи иноязычного собеседника, вызывают отрицательную реакцию носителя данного языка. Практика общения свидетельствует, что некоторые из них могут остаться незамеченными в силу смысловой направленности процесса восприятия. В других случаях носитель языка, хотя и замечает искажения, но воспринимает их снисходительно и тем самым как бы «прощает», а значит, в известной степени и допускает их. В речи акцентные явления характеризуются неоднозначностью реализации, имеют различную степень проявления, устойчивости и допустимости с точки зрения носителей изучаемого языка. Все это делает акцент достаточно сложным объектом для изучения.

Отклонение от нормы произношения является причиной «речи с акцентом».

Выделение ошибок связано как с различиями в артикуляции, так и с различиями в фонологической системе русского языка и родного языка учащихся. Примером может служить произношение шипящих *ш* и *ж* с более передней артикуляцией, смешение признака твердости-мягкости ввиду отсутствия такого признака в родном языке. С подобной трудностью (артикуляция этих звуков и фонологическое их различие) сталкиваются представители многих языков, поскольку этот признак довольно специфичен.

Сопоставительный способ изучения акцента представляет данные о фонетико-фонологических различиях в системах взаимодействующих языков и раскрывает лингвистические причины многих типичных черт акцента. Он опирается на общefonетические и фонологические методы анализа контактирующих звуковых систем [2, с. 45].

Анализ русской речи носителей аккинского диалекта чеченского языка позволяет выявить следующие типичные ошибки:

1. В аккинском диалекте чеченского языка представлены звонкие аффрикаты *дз* и *дж*, выступающие как реализационные варианты соответствующих щелевых звонких *з* и *ж*, которые могут быть использованы в русских словах на месте *з* и *ж*: [*дз*]убы «зубы», [*дз*]онтик «зонтик», [*дж*]арко «жарко», [*дж*]аба «жаба», хотя в самом аккинском диалекте, наоборот, возможна замена *дж*, *дз* щелевыми *ж*, *з* в анлаутной позиции: *зйзэг* // *дзйзэг* «цветок», *зэмэ* // *дзэмэ* «время», за исключением некоторых слов, где *з* и *ж* в начальной позиции слышатся как слабые аффрикаты *дз* и *дж*: *жа* // *джа* «отара».

2. Глухая пара щелевого согласного *в – ф* в аккинском диалекте не представлена [1, с. 23], поэтому в русской речи (особенно в речи старшего поколения) часто заменяется звуком [*п*]: [*п*]абрика «фабрика», [*п*]асоль «фасоль», [*п*]асон «фасон», [*п*]ирлун «фараон».

3. Наличием интенсивных (смычных: *пп*, *пп*, *тт*, *кк*, *ккх*, *цц*, *чч* и щелевых: *мм*, *сс*, *лл*) согласных, выступающих преимущественно в середине слова, можно объяснить усиление согласных в инлауте в русской речи носителей аккинского диалекта: *о[чч]ень*, *у[пп]ала*, *са[мм]ый*. Замена обычных согласных русского языка интенсивными может служить также средством выражения интонации.

4. В абсолютном конце слова при быстром выговаривании в устной речи как в чеченском литературном языке, так и в аккинском диалекте, *н* ослабевает [5, с. 127, 128, 130; 9, с. 198]. Полагают, что согласный *н* утрачивается в исходе слов и форм слов, в которых его информационная нагрузка не существенна: *зэмэ* «время» (< *заман*), *имэ* «совесть, воспитанность» (< *иман*). С физиологической точки зрения это объясняется тем, что при произнесении *н* его артикуляция небной занавески складывается еще при артикулировании предшествующего гласного. После утраты согласным *н* артикуляции смычки, сохраняющаяся его артикуляция небной занавески сохраняет доступ фонационного потока в полость носа и придает гласному носовой тембр.

В словах и формах слов, в которых его информация значима, у *н* редуцируется только артикуляция смычки, артикуляция небной занавески сохраняется в виде дополнительной артикуляции предшествующего *н* гласного, придающей ему назальный призвук. Так, в русской речи носителей аккинского диалекта тоже наблюдается редукция носового сонорного *н*: *табу^н* «табун», *кора^н* «коран».

Редукция исходного согласного *н* и последующая назализация гласного характерна также для заимствованной лексики: *тилно^н* «телефон».

5. Упрощение стечения согласных в аккинском диалекте и в чеченском литературном языке может привести к эпентезе в русских словах в речи носителей аккинского диалекта: *истакан* «стакан» *истол* «стол» (ср. акк. диал. *истакӕ*, *истол*; чеч. лит. яз. *такӕ* (< *стакӕ*) // *сакӕ*, *туол* (< *стуол*) // *суол*).

6. Свойственное аккинским смычным глухим согласным легкое придыхание (*n*, *nn*, *m*, *mm*, *k*, *kk*, *kkh*, *l*, *l*, *ll*, *ç*, *çç*), то есть произнесение на более сильном выдохе, приводят к произнесению соответствующих русских звуков чеченскими учащимися с дополнительным [x/]-образным шумом: *txloxlarь* «токарь».

7. В аккинском диалекте, как и в чеченском литературном языке, нет привычного для русского уха противопоставления твердых и мягких согласных звуков [b] – [b’], [d] – [d’], [p] – [p’], которые определяются по отсутствию или наличию при их произнесении дополнительной среднеязычной артикуляции. В чеченском языке полумягкие (смягченные) согласные являются результатом позиционного смягчения согласных. В русской речи учащихся – носителей аккинского диалекта смягчаются непарные по твердости-мягкости русские *ж*, *ш*, *ц*: *ш’ирокий*, *ж’олтый*, *ц’ирк*. Неразличение твердых-мягких согласных звуков приводит в русской речи чеченских студентов к следующим нарушениям: *p’эка* «река», *m’этрад* «тетрадь», *n’эrvый* «первый»; *пасол* «фасоль», *балшой* «большой».

Таким образом, выявленные в результате анализа фонетической системы особенности аккинского диалекта чеченского языка и сопоставления ее с фонетической системой русского языка позволили обнаружить «уязвимые точки», которые приводят к нарушениям в русской речи носителей этого диалекта. Выявление расхождений, приводящих к возникновению ошибок в русской речи носителей аккинского диалекта, открывает возможности для их преодоления, а, значит, для устранения акцента в русской речи билингов.

Литература

- 1) Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка / И.А. Арсаханов. – Грозный, 1959.
- 2) Барановская С. А. Принципы сопоставления фонетических систем / С. А. Барановская // Тезисы научно-методической конференции кафедры русского языка, посвященной 10-летию УДН. М.: Изд-во РУДН, 1971.
- 3) Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка / Е. А. Брызгунова. - М.: МГУ, 1963.
- 4) Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Вып. 6. М. : Изд-во Прогресс, 1972.
- 5) Зиндер Л.Р. Общая фонетика / Л.Р. Зиндер – Издательство Ленинградского университета, 1960.
- 6) Любимова Н.А. Фонетическая интерференция / Н.А. Любимова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
- 7) Магомедов А.Г. Система гласных чечено-ингушского языка / А.Г. Магомедов – Чечено-ингушское книжное издательство, 1974.
- 8) Магомедов А.Г. К вопросу о редукции артикуляции постпозиционного *n* в чеченском языке / А.Г. Магомедов // Фонетическая система дагестанских языков. – Махачкала, 1981.
- 9) Магомедов А.Г. Очерки фонетики чеченского языка / А.Г. Магомедов. – Махачкала, ДНЦ РАН, 2005, 203с.

Транскрипционные знаки

надстрочные: [’] - мягкость согласного;
^ç - полумягкость согласного;
^h - назализованность.

УДК 81.23

Модели ментального лексикона и особенности ментального лексикона билингва

Зекиева П. М.

Чеченский государственный педагогический университет

г. Грозный, Российская Федерация

Аннотация: В современном мире билингвизм – это повсеместное явление колоссального масштаба. Исследователи феномена не перестают повторять: более половины населения Земли – билингвы. Билингвизм встречается во всех возрастных группах, от младенцев до пожилых людей, во всех слоях общества, его нельзя приписать только богатым и образованным. Феномен двуязычия можно встретить в большинстве стран мира. Развитию двуязычия способствуют многие экстралингвистические факторы (система образования, языковая политика, СМИ). Ментальный лексикон является неотъемлемой частью языковых навыков и напрямую связан с концептуальными и категориальными системами. Язык обеспечивает доступ к пониманию и передаче знаний вне личности. В рамках данной статьи будут изучены понятие ментальный лексикон, модели ментального лексикона и особенности ментального лексикона билингва.

Ключевые слова: словообразование; билингвизм; модели ментального лексикона; концепт; кросслингвистические различия.

Mental vocabulary models and features of the bilingual mental vocabulary

Zekieva P.M.

Chechen State Pedagogical University

Grozny, Russian Federation

Resume: In the modern world, bilingualism is a universal phenomenon of colossal proportions. Researchers of the phenomenon do not stop repeating: more than half of the world's population are bilingual. Bilingualism is found in all age groups, from infants to the elderly, in all walks of life, it can not be attributed only to the rich and educated. The phenomenon of bilingualism can be found in most countries of the world. The development of bilingualism is facilitated by many extra-linguistic factors (education system, language policy, media). The mental vocabulary is an integral part of language skills and is directly related to conceptual and categorical systems. Language provides access to understanding and transfer of knowledge outside of the individual. In the framework of this article, we will study the concept of mental lexicon, models of mental lexicon and features of the mental bilingual lexicon.

Key words: word formation; bilingualism; mental vocabulary models; concept; cross-linguistic differences.

Каждый день в процессе общения мы используем тысячи и тысячи различных слов, извлекая их из нашей памяти. Как правило, процесс извлечения слов протекает неосознанно, трудности возникают лишь в тех случаях, когда человек не может подобрать или вспомнить нужное слово, однако происходит это нечасто и мы по большей части говорим без особых затруднений.

Профессор С.К. Гураль в своей книге Дискурс-анализ в свете синергетического видения, вслед за известным американским ученым Дж. Эйчисон сравнивает устройство словарного запаса человека со звездным небом, в котором звезды разбросаны хаотично лишь на первый взгляд. На самом же деле их расположение и передвижение по небосводу подчиняется строгим законам природы. Подобно небесным телам, «слова не разбросаны беспорядочно в нашем сознании, они образуют сложную систему, внутренние принципы которой могут быть обнаружены» [2, с.17].

Для обозначения этой системы используется термин «ментальный лексикон». Ментальный лексикон нельзя сравнивать со словарем, так как элементы в нем вовсе не расположены в алфавитном порядке, а их набор не является постоянным. Кроме того, в ментальном лексиконе содержится намного больше информации о каждом отдельном элементе, чем можно найти в словаре. Все единицы в нем взаимосвязаны.

Часто словосочетание «ментальный лексикон» используют как синоним понятия «словарный запас человека», однако некоторые ученые полагают, что слово отнюдь нельзя назвать единицей ментального лексикона. Данная точка зрения продиктована отсутствием единого определения самого понятия «слово».

Теория ментального лексикона построена на идее центральности слова в нем. «Речь идет действительно о том, что во внутреннем нашем мире хранятся некие единицы, что они образуют своеобразный словарь и что описывать его легче всего, идя от слова, т.е. группируя единицы вокруг слова» [4, с.35].

Е.С. Кубрякова определяет ментальный лексикон как совокупность слов и концептов в сознании. Исследования ментального лексикона позволили установить, что в него входят единицы синтаксического, лексического и морфологического уровней языка, а также звуковая оболочка слов.

Помимо этого, ученые говорят о том, что сам ментальный лексикон используется как инструментальный в процессе создания новых слов, т.е. слово не существует в нем как монолитное образование, а представлено набором взаимосвязей между единицами ассоциативно-вербальной сети. Основа слова, вместе с аффиксами входит во внутренний лексикон целиком, в то время как флективные элементы (окончания) присоединяются к основе в момент речи. В процессе словообразования к уже имеющимся единицам прибавляется экстралингвистическая информация, и создается новый смысл.

Таким образом, можно сказать, что ментальный лексикон – это динамическая живая система, в которой постоянно происходит становление новых связей, она не похожа на словарь с фиксированным набором слов и является хранилищем сложных комплексных комбинаций. Его значимость заключается в том, что в нем хранятся самые различные единицы, комбинации которых обеспечивают нормальную речевую деятельность. Однако весьма интересным представляются исследования ментального лексикона билингвов. Стоит сразу констатировать и актуальность данного вопроса, так как в наше время количество билингвов увеличилось, а для республик Северного Кавказа это устоявшаяся норма.

В настоящее время на Северном Кавказе широко распространен билингвизм и полилингвизм. Объясняется это, прежде всего, многонациональностью региона [5]. Развитию двуязычия способствуют такие экстралингвистические факторы, как система образования, языковая политика государства, СМИ.

Необходимо подчеркнуть еще одну важную особенность билингвизма на Северном Кавказе - наличие диалектов национальных языков. Существенные различия диалекта возможны в пределах одной и той же национальности, и говорящие на диалекте не всегда могут понять друг друга.

Ю.Е. Лещенко, под ментальным лексиконом билингва понимаем «многомерную иерархическую структуру, интегрирующую в себе единицы двух и более известных индивиду языков и обеспечивающую процессы их взаимодействия и взаимовлияния» [4, с.32]. Основной вопрос при изучении ментального лексикона двуязычного индивида заключается в том, представляет ли он две отдельные лингвистические основы или единый внутренний лексический словарь индивида.

Вслед за А. Павленко, предлагающей рассматривать такой лексикон с точки зрения репрезентации концептов, Т.И. Доценко и Ю.Е. Лещенко ставят во главу угла вопрос, «подразумевает ли овладение вторым языком формирование второй системы концептов или оба языка имеют единую концептуальную базу» [3, с.139].

Поскольку ментальный лексикон в целом представляет собой динамическую структуру, которая может быть перестроена в зависимости от ситуации и функционального контекста, ее компоненты также зависят от ситуации. Важными параметрами для варьирования лексики и ее составляющих являются социальные характеристики говорящих. Доступ к лексиконам также зависит от структуры всего лексикона (потенциальный уровень активации узлов и ссылок) и предыдущего контекста. Все эти факторы должны учитываться при создании моделей ментального лексикона личности.

А. Павленко, рассматривает существующие модели ментального лексикона и предлагает свою собственную, являющуюся квинтэссенцией сильных сторон ранее известных моделей. Для начала автор рассматривает концепцию, предложенную Вайнрайхом, который выделяет три возможных типа репрезентаций в ментальном лексиконе билингва: общие концептуальные репрезентации (представления) (compound), две отдельных концептуальных репрезентации (coordinate) и субординативные, когда доступ к значению слова иностранного языка осуществляется только с помощью значения слова родного языка (subordinate) [1, с. 108].

Первый тип отношений включает формирование двуязычного индивида с общим значением слов Я1 и Я2. Второй тип отношений предполагает, что слова Я1 и Я2 соответствуют его значению. Два языка действуют как две независимые системы, которые не пересекаются. Однако, автор отмечает, что такое представление о ментальном лексиконе билингва устарело и появились более современные модели.

Всего в своей работе автор обозревает три модели:

- модифицированная иерархическая модель;
- модель распределенных объектов;
- общая асимметричная модель.

Итак, рассмотрим более подробно данные модели.

К достоинствам модифицированной иерархической модели можно отнести то, что согласно ей, доступ к концептуальной базе осуществляется через посредничество между первым и вторым языком. Изучение данной модели позволило сделать следующие выводы:

1) перевод с Я1 на Я2 происходит быстрее, чем при выполнении задания picture naming на Я2 и 2) перевод с Я2 на Я1 происходит быстрее, чем с Я1 на Я2, особенно у тех, кто учит второй язык недавно. Многие ученые объясняют их тем, что на ранних стадиях билингвизма у единиц Я2 более сильная связь с их эквивалентами в Я1, нежели чем с концептами и доступ к концептам осуществляется посредством эквивалентов Я1. Но по мере повышения уровня языка связь между концептами и единицами Я2 становится более сильной. Автор видит единственный недостаток этой модели в том, что она рассматривает только случаи концептуальной эквивалентности, не учитывает случаи частичной неэквивалентности и концептуальной неэквивалентности и не учитываются межязыковые аспекты.

Модель распределенных объектов наоборот основной акцент делается на кросслингвистические различия. Это в свою очередь говорит о наличии у билингвов лексической и концептуальной памяти. При этом слово располагается на лексическом уровне, тогда как его значение на концептуальном. «Концептуальные узлы есть не что иное, как совокупность элементов значений, каждый из которых активируется посредством связи с лексическим узлом: значение распределяется по ряду узлов» [5, с.203].

Лексический уровень – уровень словоформ, состоящий из двух или более подсистем, которые соответствуют каждому из отдельных языков. В свою очередь концептуальный уровень состоит из интегрированной системы концептуальных репрезентаций, которая является общей для всех языков. Многие автора придерживающиеся данной модели утверждают, что билингвы быстрее переводят конкретные существительные и слова-когнаты, чем абстрактные слова. Это говорит нам о том, что репрезентации (представления) конкретных существительных и когнатов являются общими для всех языков, в отличие от абстрактных слов.

Это явление можно объяснить тем, что конкретные слова и слова-когнаты составляют базовый слой языка, который всегда изучается в первую очередь и от этого активируются быстрее. К минусам данной модели мы можем отнести:

1. Опору только на признаковый подход, не учитывающий влияния контекста и прототипов;
2. Предположение о том, что частота слова и наличие когнатов влияет на пересечение концептов;
3. Предположение о том, что конкретные слова имеют общие значения, потому что переводятся быстрее абстрактных.

Настоящая модель постулирует, что ментальный билингвизм имеют единую концептуальную систему, которая разделяет центральную часть для обоих языков (соответствующие элементы значений слов) и две отдельные периферийные части (элементы значений слов, которые типичны для каждого языка).

Таким образом, значение соответствующих лексических единиц родного и иностранного языков представлено не одним общим концептом, а распределено (дистрибутировано) в группе концептуальных узлов [6, с.48].

Общая асимметричная модель учитывает межязыковой аспект и различия. Эта модель основана на двух типах связи между системами словесного и концептуального представления языков. Прямая связь характерна для естественного двуязычия и подразумевает прямой доступ от словесного представления первого языка (Я1) и второго языка (Я2) к соответствующему концептуальному представлению.

Косвенная связь возникает в педагогическом билингвизме и выражается в том, что переход от слова Я2 к термину возможен только через слово Я1. Все эти соединения асимметричны (в разной степени) и имеют динамический характер [6, с.49].

К минусам асимметричной модели относят ее неспособность дать определение природы и структуры концептуальных репрезентаций.

Итак, согласно представленным моделям, ментальный лексикон билингва разделен на два уровня и основан на взаимосвязи слов или их семантических взаимосвязях и понятиях. Согласно асимметричной модели при учебном двуязычии, каждой новой иноязычной лексической единице в

сознании билингов присваивается аналогичное слово на их родном языке и, а через него с концептом. Согласно модифицированной модели, доступ к единой информационной базе данных одного слова обеспечивается ее аналогу на родном языке, но с постоянно растущим развитием иностранного языка в ментально лексиконе билингва может быть установлена прямая связь между значением иностранного слова и термином. Стоит отметить, что эксперименты в когнитивной науке, использующие слова в качестве стимулов, дают возможность исследовать, насколько тесно слова родного языка влияют на контроль слов и понятий иностранного языка. В таких экспериментах словами обычно манипулируют с учетом конкретного набора переменных характеристик, включая предсказуемость или способность предсказания, частоту слов, длину и, среди прочего, возраст усвоения. По нашему мнению, это возраст усвоения, то есть возраст, в который слово входит в словарный запас человека, одно из ключевых качеств, которое отражает процесс формирования ментального лексикона билингов.

Литература

1. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М. – 1972. – С. 25-60.
2. Гураль, С.К. Дискурс-анализ в свете синергетического видения Томского Государственного Университета / С.К. Гураль. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 2012. – 176 с.
3. Доценко, Т.И., Лещенко Ю.Е. Формирующийся иноязычный сублексикон взрослого: начальный этап // Вопросы психолингвистики. – № 9. – 2009. – С. 138-149.
4. Лещенко, Ю.Е. Двухязычный ментальный лексикон и некоторые методы его моделирования // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермь. – 2014. – вып. 2. – С. 32-39.
5. Саркисова Э. В. Модели ментального лексикона билингва // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». – 2012. – № 10, вып. 2. – С. 200—207.
6. Федотова И.Б., Орлова Н.А. Специфика обучения иностранных студентов русскому языку в полиэтничном регионе // Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции для молодых ученых, иностранных студентов, магистрантов и аспирантов «Русский язык в полиэтничном регионе» (Элиста, 24-26 октября 2016 г.); редкол.: Е.В. Голубева [и др.]. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. С. 236-245.
7. Шадрина, А.А. Структура значения слова в учебном триязычии: психолингвистическое исследование : дис. ... канд. филол. наук: на правах рукописи / А.А. Шадрина. – Омск. – 2015. – 269 с.

УДК 8/1751

Билингвизм и билингвальное обучение

Кулухова Э.А.

**Юго-Осетинский государственный университет им.А.А. Тибилова.
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия**

Аннотация. В данной работе рассматривается понятие билингвизм и билингвальное образование. Они являются важными составляющими сегодняшнего образования и способствуют развитию языкового развития общества. Билингвальное образование является важным составляющим образовательного процесса. Согласно теоретическому материалу, обмен информацией на билингвальной основе способствует формированию единого межкультурного пространства и является важнейшей задачей современного этапа развития цивилизации.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальное обучение, двуязычие, язык, народ, индивид, ребенок, школа, программа.

**Bilingualism and bilingual education
Kulukhova E.A.**

**South Ossetian State University named after A.A. Tibilova.
Tskhinval, Republic of South Ossetia**

Annotation. In this paper, the concepts of bilingualism and bilingual education are considered. They are important components of today's education and contribute to the development of the linguistic development of society. Bilingual education is an important component of the educational process. According to theoretical material, the exchange of information on a bilingual basis contributes to the formation of a single intercultural space and is the most important task of the modern stage of the development of civilization.

Keywords: bilingualism, bilingual education, bilingualism, language, people, individual, child, school, program.

Отправить отзыв

История

Сохранено

Сообщества

Билингвизм издавна считается популярным явлением, наблюдается у многих народов мира. Сам термин «билингвизм» заимствован из французского языка (*bilinguisme*). В 40-х годах в русской науке использовался термин, восходящий к английскому языку, — «билингвализм» (*bilingualism*), однако он не смог закрепиться.

Билингвизм (двуязычие)- это свободное владение двумя языками одновременно. Постоянный переход с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения. При этом встают два вопроса, решение которых выходит за пределы теории контактов. Первый из них касается определения различия языков и степени этого различия, второй – степени владения языками» [1, с. 9].

Необходимо отметить, понятие «второй язык» и «иностраннй язык» являются разными явлениями, их не следует относить в одно общее понятие.

Согласно А. А. Леонтьеву: «Неродной язык, которым овладевает ребенок, может быть двух видов. Если это – язык, употребительный в той общности, в которой развивается ребенок, то обычно говорят о втором языке (*second language*). Это язык национально-языкового меньшинства, государственный или официальный язык (для тех, для которых не является родным), язык межэтнического общения. Если же носителей данного языка в языковой среде нет, то это – иностраннй язык (*foreign language*)» [2, с. 219].

В связи с этим, вопросы двуязычия и знания в области иностранных языков иногда являются спорными; для решения данных вопросов выступают различные аспекты: лингвистический, социологический, культурологический, психологический, педагогический и др. В последнее время встречается огромное количество научных работ, которые рассматривают и основательно занимаются языковыми контактами, проблема билингвизма стала актуальной проблемой нескольких международных лингвистических конгрессах.

К сожалению, согласно психолингвистическим аспектам, не определены уровни овладения вторым языком, нет единых общепринятых стандартов. Не разработана методология изучения интерференции в речи.

Согласно исследованиям, билингов в мире намного меньше, чем монолингов. Билингвизм является весьма распространенным явлением. Известно, что в настоящее время многие дети, проживающие на территории Кавказа, являются билингвами. Они владеют как своим родным языком, так и русским языком. Детский билингвизм охватывает почти половину детей на Северном Кавказе. Билингвизм на Северном Кавказе является распространенным, так как проходит активное взаимодействие разных этносов, их культур и языков. Язык выступает главным орудием межнационального общения. В данном регионе эта роль отводится русскому языку. Благодаря лингвокультурным взаимодействиям мы можем говорить о возникновении русско-национального билингвизма, при котором один из языков обязательно русский, а второй – один из языков народов Северного Кавказа.

Можно предполагать, что эта тенденция будет расти и дальше. Однако, несмотря на двуязычие, родной язык выступает в качестве основного языка. Ребенок никогда не приступает к изучению родного языка, как правило, с изучение алфавита, письма, чтения, ребенок ко всем этим аспектам подходит неосознанно. Напротив, что касается иностранного языка, ребенок, к его изучению подходит осознанно, можно сказать, принужденно. В связи с этим, нужно отметить, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз» [3, с. 291].

Очевидно, что второй язык занимает промежуточное положение между родным и иностранным.

Это не родной язык, поскольку: 1) индивид усваивает второй язык с помощью известных речевых моделей родного языка.;

2) индивид на лексическом уровне определяет смысл слов второго языка не через понятия, а через известные слова родного языка;

3) индивид имеет определенное желание и готовность при изучении второго языка. Важную роль играет мотивация.

Необходимо отметить, что второй язык не выступает как иностранный язык, так как: 1) овладение вторым языком в ситуации двуязычия чаще всего происходит спонтанно, без опоры на грамматику; но с помощью известных речевых моделей;

2) чаще второй язык усваивается в устной форме, поскольку основная цель данного процесса – не просто общение, а адаптация в данной языковой среде; часты случаи, когда билингвы, в течение многих лет находящиеся в языковой среде, хорошо говорят, но совсем не пишут и не умеют читать; при систематическом обучении иностранному языку подобные явления – редкость, независимо от избранного метода;

3) при овладении вторым языком индивид спонтанно усваивает не только язык, но и лингвострановедческий материал, чего не происходит при овладении иностранным языком; по этому поводу Вайнрайх пишет: «У многих (если не у большинства) говорящих развивается подсознательная эмоциональная привязанность к тому языку, посредством которого они усваивали основы своего семиотического поведения». И далее: «...однако впоследствии дальнейшие эмоциональные наслоения, патриотические чувства к новой стране способны создавать более сильные противоположные привязанности» [4, с. 134–135].

Данные предположения выступают полезным и важным моментом для грамотной организации преподавания и составления учебного материала для изучения второго языка для билингвов. Необходимо учитывать тот момент, что преподается не иностранный, а второй язык. Не разрешается изменять понятия на «иностраннй – второй».

А. Мартине в «Предисловии» к указанной книге Вайнрайха пишет: «...языковое сообщество никогда не бывает однородным и вряд ли бывает когда-либо закрытым. ...То, что мы так небрежно и несколько поспешно именуем “языком”, представляет собой совокупность миллионов микромиров, многие из которых столь различны в своем лингвистическом поведении, что возникает вопрос, не следует ли их сгруппировать в разные “языки”» [4, с. 18]. Мы видим, с помощью неоднородностью и открытостью можно объяснить существование различных типов билингвизма. Различные методы и варианты их классификация можно проследить в работах многих отечественных и зарубежных ученых. В основу многих из них положены критерии, разработанные Е. М. Верещагиным [5].

Е.М. Верещагин выделяет следующие виды билингвизма: 1) в зависимости от ситуации: национальный билингвизм, индивидуальный билингвизм, естественный (бытовой) билингвизм, искусственный (учебный) билингвизм.

2) в зависимости от возрастных периодов: ранний билингвизм, поздний билингвизм.

3) в зависимости от степени владения языком: рецептивный (воспринимающий билингвизм), репродуктивный билингвизм (воспроизводственный) билингвизм, продуктивный (порождающий) билингвизм[5].

Проблема билингвизма тесно связана с проблемой билингвального образования. Билингвальное образование – это целенаправленный интерес, где важную роль играют два языка – родной и иностранный, система обучения на двух языках происходит одновременно. Данную систему можно наблюдать в учебных заведениях разных стран, где в обществе практикуются различные языки. Например, в ряде субъектов Российской Федерации государственным языком, кроме русского, являются также адыгейский, чеченский, удмуртский, карачаево-балкарский, татарский, и др.. В данных регионах билингвизм является организованным и массовым, а с лингвистической точки зрения – в большинстве случаев субординативным.

В учебных заведениях создаются различные условия, и уделяется огромное внимание изучению иностранного языка и литературы, создаются все необходимые условия, которые способствуют максимальному погружению в иную межкультурную среду.

Во многих вузах широко РФ практикуется билингвальное обучение на основе международных программ и языковых школ. К таким программам относятся: Au Pair; DAAD; ACCORD ISS Summer Schools in England; Emerald Cultural Institute ; International Language Academy of Canada (ILAC) и т.д..

Au Pair- данная программа предполагает проживание за границей, в чужой семье, где выполняет определенную работу, обычно работа связана с детьми в языковой семье.

DAAD - немецкая служба академических обменов. Занимается обменом научных работников и студентов. Программа представляет стипендии для российских студентов.

ACCORD ISS Summer Schools in England - предлагает обучение английского языка в летних школах Англии. Существуют семейные программы, летние языковые курсы и т.д.

Emerald Cultural Institute – данная школа считается одной из лучших школ в Ирландии, отличается высоким качеством обучения. Чтобы попасть в данную школу, необходимо сдать устный и письменный тест для распределения их в соответствующие группы.

International Language Academy of Canada (ILAC)- ведущая школа Канады, специализирующаяся на обучении иностранных студентов английскому языку. Школа является официальным центром сдачи международного языкового теста TOEFL iBT.

Рассмотрев билингвизм и билингвальное обучение, можно сказать, что они играют важную роль в развитии современного общества. Благодаря языковым и этнокультурным чертам двух или нескольких языков, билингвизм является главным орудием формирования у человека новой культуры и восприятия современного мира.

Совмещая в себе языковые и этнокультурные черты двух (или нескольких) языков, билингвизм способствует формированию у человека новой культуры восприятия современного мира. В статье М.С. Филимонова и Д.А. Крылова говорится, что «Билингвизм становится универсалией культуры, и необходимость осознания этого явления в контексте освоения культурных ценностей является важнейшей задачей современного этапа развития цивилизации».

Литература

1. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1997.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
5. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969.
7. Филимонова М. С., Крылов Д. А. Билингвизм как тенденция языкового развития современного общества // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1 [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/101-5558 (дата обращения: 15.03.2012).

Билингвизм и билингвальное обучение в Республике Дагестан

Д.М. Магомедов

**Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия**

Аннотация. В статье анализируется билингвизм и билингвальное обучение в Республике Дагестан. Билингвизм всегда был распространенным явлением в Дагестане, где проблема билингвизма тесно связана с проблемой билингвального образования.

В настоящее время билингвальное образование является составной частью образовательного процесса. Билингвальное образование способствует формированию межкультурного диалога.

Проблемы билингвизма и билингвального обучения являются многоплановыми, так как в их решении скрещиваются различные аспекты: лингвистический, педагогический, культурологический, психологический, социологический и др.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальное обучение, многоязычие, миграция, дагестанские языки, русский язык.

Bilingualism and bilingual education in the Republic of Dagestan

D.M. Magomedov

Institute of Language, Literature and Art. G. Tsadasi

Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Sciences,

Makhachkala, Russia

Annotation. The article analyzes bilingualism and bilingual education in the Republic of Dagestan. Bilingualism has always been widespread in Dagestan, where the problem of bilingualism is closely related to the problem of bilingual education. Currently, bilingual education is an integral part of the educational process. Bilingual education helps foster intercultural dialogue. The problems of bilingualism and bilingual education are multifaceted, since various aspects are crossed in their solution: linguistic, pedagogical, cultural, psychological, sociological, etc.

Keywords: bilingualism, bilingual education, multilingualism, migration, Dagestan languages, Russian language.

В современном мире стремительно развиваются международные отношения, которые ведут к тесному взаимодействию различных языков и культур. Во многих странах иностранные языки входят в образовательный минимум школьных и вузовских программ подготовки. Как правило, родной язык обучающихся достаточно часто отличается от языка образования. Без знания других языков теперь не обойтись. Такие процессы оказывают существенное влияние на языковую ситуацию в целом, создавая тем самым предпосылки и условия для распространения билингвизма.

Кроме того, на развитие билингвизма влияют такие факторы, как изучение культуры других народов, создание единого образовательного пространства и потребность в билингвальном обучении как средстве профессиональной подготовки будущих специалистов.

Республика Дагестан является уникальным полиэтническим регионом, который отличается от других регионов России тем, что здесь отсутствует титульный этнос и государствообразующий народ. Дагестанские языки функционируют в общении однонационального населения, средствах массовой коммуникации, художественной и публицистической литературе. Бесписьменные языки народов Дагестана используются в семейно-бытовом общении [2, с. 124].

Билингвизм как социокультурное явление современного общества способствует сближению народов, выработке навыков уважительного отношения к языку и культуре, обычаям и традициям других народов, а также формированию общих целей и задач в процессе интеграции. В процессе сотрудничества и кооперации с другими людьми билингвизм дает человеку возможность осознать свое место и свою культуру в диалоге культур.

Необходимо отметить, что в Республике Дагестан билингвальное образование является важной составляющей частью профессиональной подготовки учащихся и студентов. Билингвизм и билингвальное образование в значительной степени способствуют формированию у человека новой информационной культуры. Владение другим языком облегчает восприятие другой культуры, предоставляет возможность активно функционировать в социально-информационном пространстве современного сообщества. Билингвальное образование становится в настоящее время неотъемлемой частью образования [4, с. 7].

Как известно, билингвальное образование – это система обучения на двух языках одновременно. Такая система активно реализовывалась до недавнего времени в мононациональных школах Дагестана. К сожалению, в настоящее время в мононациональных школах Дагестана преподавание уже не ведется на национальных языках. Такое решение мотивируется тем, что якобы нет учебников на национальных языках.

Современное состояние и перспектива дальнейшего развития дагестанских и русского языков в многоязычном Дагестане во многом зависит от характера функционирования двуязычия, компоненты которого настолько тесно взаимосвязаны, что невозможно повлиять на один, не затрагивая интересов другого [3, с.78].

В речи дагестанца – носителя координативного двуязычия – наблюдаются явления интерференционного влияния русского языка, а в письменной речи иногда появляются кальки русских синтаксических конструкций.

Дагестанец-билингв в процессе учебы в школе и вузе, а также в результате самостоятельного совершенствования своей культуры и эрудиции становится носителем не только национальной духовной культуры, но и русской и шире – европейской.

Актуальной и трудноразрешимой проблемой в Дагестане является раннее приобщение детей к русскому языку. Однако при решении данной проблемы важно, чтобы не были ущемлены интересы родного языка детей. Современная языковая ситуация в Дагестане вызывает серьезную тревогу, так как в городах и населенных пунктах со смешанным составом населения выросло несколько поколений горцев, не владеющих своими родными языками. Дагестанские языки требуют более пристального внимания, социолингвистических исследований и определения перспектив развития в тесной связи с русским языком.

Ни один из дагестанских языков не может функционировать во всех сферах науки, техники, материальной и духовной культуры. Такие функции осуществляются только через русский язык, так как именно ему было суждено стать первым в истории Дагестана языком межнационального общения.

Велика роль русского языка в формировании общего лексического фонда народов Дагестана, в котором отражены выдающиеся достижения мировой культуры и науки. Кроме того, русский язык является фактором единства народов Российской Федерации.

Поэтому сегодня важно активизировать роль русского языка, русской литературы и русской культуры в возрождении единого евразийского культурно-языкового пространства.

Дагестанцы используют русский язык как язык межнационального общения не только в своей республике, но и в других регионах Российской Федерации. Кроме того, с каждым годом увеличивается количество дагестанцев, деятельность которых связана с выездами в другие регионы нашей страны.

Функциональный статус русского языка в Республике Дагестане определился объективно исторически. Принципом языковой жизни многонационального Дагестана является национально-русское двуязычие. Русский язык же самым ходом исторического развития общественной жизни выдвинулся на роль языка межнационального общения.

Языковая жизнь Дагестана знает несколько языков местнического общения социальной или локальной ограниченности. Например, на арабском языке общались представители мусульманского духовенства. В торгово-меновой и хозяйственно-деловой сферах использовались азербайджанский и кумыкский языки. В северной части Дагестана языком межэтнической коммуникации носителей бесписьменных языков являлся аварский язык [1, с. 166].

Дагестанцы начали приобщаться к русскому языку со второй половины XIX века, когда начали складываться разносторонние взаимоотношения между русскими и горцами и обозначилась культурная ориентация народов Дагестана на Россию. Приобщение к русскому языку приобрело характер экономической, культурной и социальной значимости, когда в тридцатые годы XX века в Дагестане открылись высшие учебные заведения и техникумы.

В 1938 году письменность народов Дагестана была переведена на кириллическую графическую основу. С середины XX века национально-русское двуязычие в Дагестане стало массовым явлением. Постепенно расширился круг носителей национально-русского двуязычия.

Русский язык играет позитивное влияние на дагестанские языки в условиях их функционирования как компонентов национально-русского двуязычия.

Коммуникативная практика дагестанцев-билингвов способствует расширению и обогащению словарного фонда дагестанских языков, а также стимулирует актуализацию их исконных имманентных возможностей в новых условиях функционирования.

В последние годы в практику преподавания вводится модель поликультурного и билингвального образования. Билингвальное обучение не только является отражением общегосударственных и национально-культурных интересов в сфере образования, но и выступает как неотъемлемая часть современного образования с учетом общих тенденций развития полиэтнической и многокультурной среды и сохранения национальной и культурной самобытности народов нашей страны. Основопологающим принципом функционирования модели поликультурного образования является

применение родного языка в роли языка изучения и обучения. С другой стороны, русский язык занимает первостепенно важное место как языка обучения и изучения, так как охватывает российское образовательное пространство, общественно-политическую, духовную и хозяйственную жизнь федеративного государства.

Такой подход дает возможность одновременно сохранить фундаментальные образовательно-воспитательные функции родного языка, усиливая при этом роль русского языка, делая его активным посредником при функционировании родного языка и эффективным катализатором диалога культур.

Литература

1. Магомедов Д.М. Периодизация истории функционирования русского языка в Республике Дагестан // Международная конференция «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты». Гранада, 7–9 сентября 2011 г. – Granada, 2011. – С. 165–169.
2. Магомедов М.И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. – Махачкала, 2013. – 558 с.
3. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. – М.: Наука, 2010. – 182 с.
4. Магомедов М.И. Этнолингвистические проблемы Дагестана в эпоху глобализации // Актуальные проблемы общей и компаративной лингвистики и современные лингводидактические технологии обучения иностранному и родному языкам. – Махачкала, 2014. – С. 3–12.

Формирование коммуникативной деятельности учащихся-билингвов на уроках русского языка

Терехова Н.В.

**ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»
г. Махачкала, Республика Дагестан**

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты формирования коммуникативной деятельности учащихся-билингвов при изучении русского языка в национальной школе.

Ключевые слова: коммуникативная функция, национально-русское двуязычие, речевая деятельность, компетенция, функционально-семантический подход, картина мира.

Formation of communication activities of bilingual students in Russian language lessons

N.V. Terekhova

FSBU "Dagestan State Teachers' University" Makhachkala, Republic of

Anstract. This article discusses aspects of the formation of communication activities of bilingual students when learning Russian at a national school.

Keywords: communicative function, national-Russian bilingualism, speech activity, competence, functional-semantic approach, picture of the world.

В последние десятилетия существенное влияние на педагогические подходы оказало развитие отдельных теорий, школ, направлений в науках, смежных с методикой обучения языку и развития речи; это теория речевого общения в психологии (А.А.Бодалев, Б.Ф.Ломов), теория коммуникации или речевой деятельности в лингвистике и психоллингвистике (А.А.Леонтьев, А.М.Шахнарович и др.).

Язык представляет собой не просто знаковую систему, символически обозначающую предметы и явления. Язык – это еще и инструмент деятельности человека, в которой он выполняет ряд функций: коммуникативную, познавательную, номинативную и аккумулятивную.

Так, коммуникативная функция связана с тем, что язык – средство межличностного общения, которое позволяет одному человеку высказать свои мысли и передать их другому, а другому, в свою очередь, понять их и отреагировать.

Известно, что можно хорошо знать нормы произношения, владеть лексикой, знать правила употребления, грамматические формы и т.д., т.е. быть компетентным в лингвистическом и языковом отношении, но не уметь использовать эти знания и умения в реальной речевой обстановке, коммуникативной ситуации. Важное место в коммуникативной функции занимают собственно коммуникативные умения и навыки, т.е. умения и навыки речевого общения соответственно коммуникативной ситуации.

Для владения языком важны умения и навыки употребления тех или иных слов, грамматических конструкций в конкретных условиях общения, или коммуникации, поэтому в обучении русскому языку выделяется тип коммуникативной компетенции или речевая компетенция.

Итак, коммуникативная компетенция – это способность понимания чужих и порождения собственных актов речевого поведения, адекватно целям, сферам, ситуациям общения. Она включает в себя знание основных понятий лингвистической речи (в методике их еще называют речеведческими) – стили, типы речи, строение описания, повествования, рассуждения, способы связи предложений в тексте и т.д.; умения и навыки пересказа текста.

Важный компонент речевой ситуации – цель и намерения говорящего: например, приказ, просьба или требование, – они будут отличаться от сообщения, информации или их эмоциональной оценки, выражения благодарности, радости и т.д. Формирование их возможно лишь на базе лингвистической и языковой компетенции.

В современной школе коммуникативная функция рассматривается как приоритетная сегодня. В «Концепции модернизации российского образования» Правительства Российской Федерации в качестве одного из факторов, приобретающих особую важность, названы коммуникативность, способность к сотрудничеству. Школа призвана развивать в детях способности реализовать себя в динамичных социально-экономических условиях, уметь адаптироваться к различным жизненным обстоятельствам, социализироваться, так как одной из характеристик личности становятся коммуникабельность, владение культурой слова, устной и письменной речью в различных общественных сферах применения языка.

Задача усложняется, когда мы говорим о национальной школе, где русский язык является либо неродным, либо вторым родным, либо рассматривается как иностранный.

5 ноября 2019 г. в Кремле, на заседании Совета при Президенте РФ по русскому языку, В.В. Путин, в свою очередь, отмечает, что «русский язык не может, не должен быть неродным, как бы иностранным. Двухязычная среда, в которой формируются личности детей в национальных регионах России – это благо и подарок судьбы, а не наказание и недостаток... Человек, способный говорить и думать на двух родных языках, по определению обладает преимуществом...Создавать условия для реализации этих преимуществ – одна из главных задач языковой политики государства» [10].

Понимание двуязычия как динамического процесса дает возможность вычленить ступени билингвизма. И.А. Зимняя [1989]. считает, что речь – это способ конструирования и формулирования мысли [1].

Понятие «коммуникативные умения» связано с понятиями «коммуникация» и «умения».

Коммуникация – сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга [2, с. 65].

Коммуникация – сообщение, передача информации от человека к человеку посредством языка, речи или иных знакомых систем в процессе межличностного взаимодействия [3, с. 45].

Мы будем придерживаться определения понятия «коммуникация» как передача информации от человека к человеку посредством языка, речи или иных знакомых систем в процессе межличностного взаимодействия.

В психолого-педагогической литературе существует множество определений понятия «умение», приведем некоторые из них:

1. Умение – знание в действии. В умении надо различать две стороны: умение, которое рассматривается как готовность и способность применять знания на практике, и умения как система приемов (двигательных или умственных), обеспечивающих эту способность [4, с.23].

2. Умение – это система приемов, которая обеспечивает готовность и способность человека сознательно и самостоятельно, с должным качеством и в соответствующее время выполнять работу в новых условиях [4, с.23].

3. Умение – способность выполнять действия, приобретенные в результате обучения или жизненной практики. При дальнейшем упражнении умение может перейти в навык [5, с. 117].

4. Умение – освоенный способ выполнения действия, обеспечиваемый совокупностью приобретенных знаний и навыков. Умение формируется путем упражнений и создает возможность выполнения действия не только в привычных, но и в изменившихся условиях. Умение всегда реализуется под контролем [6, с. 87].

Будем придерживаться понятия «умения» как способности выполнять действия, приобретенные в результате обучения или жизненной практики. При дальнейшем упражнении умение может перейти в навык [5, с. 117].

Казанский Н.Г., Назаров Т.С. определяют «коммуникативные умения» как систему приемов, которые обеспечивают готовность и способность человека сознательно и самостоятельно, с должным качеством и в соответствующее время вступать во взаимодействие с другими людьми как вербальными, так и невербальными средствами [7, с.28].

Таким образом, «коммуникативное умение» – это умение общаться с людьми, т.е. способность взаимодействовать, взаимовлиять, взаимопереживать, взаимопонимать и т.д.

Учащихся-билингвов надо не только учить отвечать на вопросы взрослого, но и самому их задавать, инициативно высказываться, налаживать взаимодействие, устанавливать с окружающими доверительные, личностные, эмоционально положительные контакты, вежливо вести дискуссию, поддерживать разговор, беседу.

Современная школа, учитывая новые тенденции и следования ФГОС ООО нового поколения, сформулировала важнейшие методологические подходы к обучению языку и речи, освоению речевой деятельности и общения – это коммуникативный, деятельностный и комплексный подходы.

Известно, что виды деятельности детей переплетены в жизни самым тесным образом и фактически не могут существовать отдельно. Процесс и успешность обучения постоянно воздействует на коммуникативно-речевую активность и многие характеристики коммуникативной деятельности учащихся-билингвов.

К успешному результату приводит только организованное общение в соответствии с нравственными принципами, а также сообщение ему нужных знаний по культуре человеческого общения.

Роль русского языка как средства межнационального общения особенно видна в многоязычном Дагестане, поэтому практическое овладение русским языком стало социальной необходимостью. Национально-русское двуязычие удовлетворяет национальные интересы нерусских учащихся Республики Дагестан. Оно стало положительным фактором в сближении всех народов Дагестана, способствует практическому усвоению русского языка.

Трудности в овладении речью, а тем более использование практических методов и приемов в работе по преодолению недостатков коммуникативного развития учащихся-билингвов до сих пор остаются размытыми, нечеткими, неконкретными. Часто практическая работа в этом направлении складывается стихийно, больше основывается на интуиции педагога.

Реализация функционально-семантического принципа в обучении языку и речи по учебникам, отвечающим ФГОС нового поколения, должна состоять:

– во-первых, в том, что каждая единица языка и речи (слово, предложение, текст), любая лингвистическая категория (часть речи, член предложения, морфема слова) познается учащимися, исходя из их функции в речевом общении и смыслового содержания;

– во-вторых, сам процесс познания языка представляет собой деятельность, содержанием и структурой которой во взаимосвязи являются речеведческие и лингвистические компоненты, а также общепознавательные и личностно ориентированные.

А изучение лингвистического материала без выхода в речевую деятельность – это и есть нарушение функционально-семантического подхода.

В основе коммуникативного метода лежит речевая направленность, которая дает возможность развивать у учащихся-билингвов практические навыки в различных коммуникативных ситуациях. Учебно-воспитательная система экспериментального обучения должна предусматривать поэтапное формирование коммуникативной деятельности учащихся-билингвов.

На этапах обучения закрепляются самостоятельные навыки владения как устной, так и письменной русской речью. Этапы взаимосвязаны, они обеспечивают строгую последовательность в выработке у учащихся речевых умений и навыков, в сознательном их усвоении.

У детей-билинггов есть важная особенность, которую необходимо обязательно учитывать: закономерности русского языка они воспринимают через призму родного и переносят явления родного языка в русскую речь, что часто и приводит к ошибкам. Задача учителя – преодолевать влияние родного языка, предупреждать интерференционные ошибки в русской речи. Но для этого самому учителю надо «видеть» языковой материал глазами нерусского ребенка.

Задача учителя в национальной аудитории заключается в том, чтобы научить носителя образа мира одной социально-культурной общности понимать носителя иного языкового образа мира.

Процесс овладения неродной связной речью учащимися-билингвами тесно связан с умением выполнять различные упражнения, формирующие способности запоминания нового материала. Коммуникативные цели овладения неродной речью определяют задачи формирования и развития навыков практического использования различных языковых категорий в устной и письменной речи. Именно рациональная система упражнений с четко определенной целевой установкой, соответствующей контексту обучения и учитывающей возрастные и индивидуальные особенности учащихся-билинггов, дает возможность решать указанные задачи.

Система упражнений в рамках обучения включает разработанные нами *языковые, условно-речевые (подготовительные, ситуативные) и речевые (коммуникативные)* упражнения, нацеленные на формирование коммуникативной деятельности учащихся-билинггов национальной школы.

Так, например, *языковые упражнения* направлены на укрепление знания комплекса артикуляционно-акустических признаков фонематических единиц русского языка, которые вводятся не изолированно, а на основе слова, словосочетания и предложения. Такой принцип организации языкового материала позволяет:

1) реализовать коммуникативную направленность в обучении, так как учитывает процессы, происходящие непосредственно в речевой деятельности носителя языка;

2) объединить в учебном материале смысловую характеристику изучаемых явлений и лингвистические факторы, значимые для оформления высказывания.

Условно-речевые (ситуативные) упражнения являются предречевыми, для которых свойственна условность, заданность и обязательна роль ситуативности. Цель данных упражнений – формирование коммуникативных навыков учащихся путем постановки речевой задачи, которую следует выполнить по специальному образцу, представленному примером или схематически. Ситуативные упражнения – это упражнения, при использовании которых процесс обучения строится на ряде ситуаций, естественных или учебных, возникающих в реальной жизни или организованных преподавателем. Разновидностью ситуативных предложений являются дополняемые, проблемные, воображаемые, ролевые ситуации.

Речевые (коммуникативные) упражнения направлены на формирование и развитие у учащихся-билинггов речевых навыков и умений, нацелены на обеспечение функционирования умения в процессе реального общения, на выработку навыка понимать чужую речь и формулировать свою собственную.

Репродуктивные упражнения – это упражнения, связанные с воспроизведением (устным или письменным) услышанного или прочитанного. При выполнении данных упражнений внимание учащегося направлено, прежде всего, на содержательную сторону, при этом он извлекает из памяти языковой материал, отвечающий замыслу выступления. К репродуктивным упражнениям можно отнести *пересказ, сокращённо-выборочное изложение, пересказ-перевод*.

В результате использования репродуктивных упражнений первоначальные знания закрепляются и переходят в навык.

Ладыженская Т.А. пишет, что «разработка системы упражнений – важнейшее условие повышения действенности обучения связной речи» [8, с.15]. Мы согласны с позицией лингвометодиста и считаем, что разработанные языковые, ситуативные и речевые упражнения эффективно повышают уровень сформированности коммуникативной деятельности учащихся-билинггов, обогащают их русскую речь, служат выработке умений и навыков самостоятельно и корректно воспринимать и воспроизводить русскую речь.

Отбор языкового материала упражнений производился по определенным критериям и отвечал требованиям:

- учета возрастных особенностей учащихся-билинггов;
- учета сферы интересов учащихся-билинггов;
- учета коммуникативной потребности учащихся-билинггов;
- развития интереса к русскому языку и к родному языку.

Таким образом, учебно-воспитательная система экспериментального обучения, построенная на поэтапном формировании коммуникативных действий учащихся-билинггов с помощью

лингводидактических методов и приемов и на основе разработанной системы заданий, упражнений, нацелена на обеспечение эффективности процесса обучения русскому языку учащихся-билингвов в условиях двуязычия.

Необходимо создавать среду погружения в русский язык: неродной для учащегося язык усваивается хотя и постепенно, но более или менее естественно. При этом ученик учится координировать слово и действие, обобщать, понимать и поступать так, как ему посоветовал учитель. В период «накопления материала» учащийся-билингг должен много слушать: аудиокниги, диски, речь учителя-словесника. Необходимо многократно и произвольно повторять вслед за говорящим – все это создаст прочные акустические образы, развивающие механизмы аудирования.

Итак, обучение говорению – одна из самых сложных задач в преподавании неродного языка. Причины трудностей заключаются в том, что языковой материал, которым должен овладеть учащийся, выступает в совершенно новом качестве: им нужно овладеть так, чтобы он стал средством общения, а не просто языком для узнавания.

Наибольшую сложность представляет самостоятельное выражение мыслей и чувств средствами неродного языка. Обратимся к ряду практических задач, которые необходимо использовать на уроках русского языка в национальной аудитории.

Вопросно-ответные упражнения есть форма общения, специально организованная таким образом, что вызывает активность учащихся и непринужденную мотивированность речевой деятельности, развивает самостоятельность и продуктивность речевого умения.

Репонсивные упражнения используются при подготовке учащихся к ведению беседы. Учащиеся выражают свое отношение к высказыванию, начиная его со следующих слов: я думаю..., я считаю..., по моему мнению и др.

К достоинствам этих упражнений можно отнести имитацию общения. Эти упражнения по характеру могут быть не только речевыми, но и грамматически, лексически или фонетически направленными, т.е. могут служить усвоению конкретного материала в речевых условиях.

Дискуссионные упражнения. К ним относят учебную дискуссию и комментирование. В обсуждении задания принимают участие большое количество учащихся, выражающих различные точки зрения и суждения по одному и тому же вопросу. Трудности заключаются в низкой культуре общения, неумении выслушать оппонента.

К *композиционным упражнениям* относятся устные выступления по предложенной теме, импровизация, драматизация.

Задание. *Определите, из каких мифов или библейских преданий, взяты следующие фразеологизмы.*

Авгиевы конюшни (выражение «авгиевы конюшни» мы употребляем, когда хотим сказать о крайней запущенности, загрязненности). Ахиллесова пята (всякое слабое, уязвимое место человека). Золотое руно («золотым руном» называют золото, богатство, которым стремятся овладеть).

Творческое задание по группам: *создайте импровизацию одного из мифов.*

Игровые упражнения. Основное назначение игровых упражнений состоит в организации общения в процессе решения поставленной коммуникативной задачи или проблемы, заключающейся в обмене информацией в ходе совместной речевой деятельности.

Важнейшей особенностью коммуникативных упражнений является их коммуникативная направленность, которая предполагает планомерное обучение школьников осуществлению всех видов речевой деятельности: говорения, слушания, письма, чтения. Такие упражнения способствуют познавательной деятельности учащихся и формируют умение пользоваться языком как средством общения.

Литература

1. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. – М.: Русский язык, 1989.
2. Гаврикова М.Ю. Коррекционно-логопедические занятия с младшими школьниками / М.Ю. Гаврикова. – Волгоград: Издательство «Панорама», 2006. – 144 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – Издательство «Лабиринт», М., 1999. – 352 с.
4. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии Учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.
5. Ильин Е.П. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: Пособие для учителя / Под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – Издательство «Лабиринт», М., 1999. – 352 с.

7. Казанский Н. Г., Назарова Т. С. Учебный процесс в младших классах школы и его принципы: Учебно-методическое пособие. – Л., 1973.
8. Ладыженская Т.А. Упражнения по развитию связной речи // Методы и приемы обучения русскому языку: сборник науч. трудов под ред. А.Ю. Купаловой. – М., 1977. – С. 15.
9. Бижева З.Х. Язык и культура / З.Х. Бижева. – Нальчик, 2000. – 231 с.
10. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>

Художественный билингвизм в творчестве И. Кодзоева (на примере романа «Обвал»)

Шанхоева Я.А-Б., Добриева З.И.

Ингушский государственный университет, г.Магас Республика Ингушетия

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие «билингвизм», а именно особенности функционирования художественного двуязычия и его роли в ингушских произведениях (на материале романа современного писателя И. Кодзоева «Обвал»).

Ключевые понятия: язык, лексика, лексико-семантические группы, билингвизм, заимствованная лексика.

Annotation. This article deals with the concept of "bilingualism", namely the features of the functioning of artistic bilingualism and its role in Ingush works (based on the novel by the modern writer I. Kodzoev "Collapse").

Keywords: language, vocabulary, lexico-semantic groups, bilingualism, borrowed vocabulary.

Проблема изучения билингвизма, предполагающая рассмотрение не только с точки зрения языковедения, но и психолингвистики, психологии, социологии, остается одной из интересных и нерешенных в лингвистике. За исследование данного феномена принимались В.А. Аврорин, который ввел понятие «билингвизм», Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин, представивший в своей работе «Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия» типологию билингвизма, в которой попытался объяснить причины возникновения данного языкового состояния.

В словаре лингвистических терминов Т.В.Жеребило билингвизм определяется как «взаимодействие двух или трех языков в одном и том же коллективе, языковом социуме» [4, с. 47]. В республике Ингушетия, как и в других республиках Северного Кавказа, русский язык сосуществует наравне с родным языком. Национально-русский билингвизм присущ не только разговорному стилю, но и научному, публицистическому. Рассматриваемое нами явление не обошло стороной и язык художественной речи: многие современные ингушские писатели пишут на русском языке, используя при этом слова из родного языка.

На основании приведенного нами определения мы проанализировали произведение современного ингушского писателя И. Кодзоева «Обвал», в котором прослеживается художественный билингвизм. При исследовании данного текста обнаруживаются следующие лексико-семантические группы слов:

1) Слова (имена существительные), обозначающие статус человека, род деятельности: *Туркх* – глашатай. «Решение совета старейшин незамедлительно было оглашено специальными людьми (именуемыми *туркхами*)» [5, с. 23]; *Дяци* – тетя по отцу, то есть сестра отца. 4) «– *Дяци*, но она больная» [5, с.28]; *Конах* – мужчина. «– Нет, *конах*. Я здоров» [5, с. 48]; *Дади* – бабушка, а также ингуши обращались так к своему отцу. «– Разве ты не идешь, *Дади*, с нами?» [5, с.58]; *Нани* – бабушка, а также обращение к матери. «Подождите *нани*» [5, с. 59]; *Бяри* – всадник. « А через полгода к нему под вечер заявился один *бяри*, но во двор входит категорически отказался, сославшись на торопливость» [5, с.68]; *Лор* – лекарь. «Ночью пойдем к старику-*лору*» [5, с.109]; *Нускал* – невеста. «Х1айт! – кричат, - молодец *нускал!*» [5, с.227]; *Заахал* – сват. «– Солт, это наш *заахал?*» [5, с.232]; *Ноанахой* (собирательное) – все родственники по материнской линии. «*Ноанахой* дали» [5, с.115].

2) Слова (чаще всего имена существительные), обозначающие понятия, связанные с религиозным воззрением ингушей: *Киямат* – Судный день. «– А происходит, мальчик, День *Киямата!*»

[5, с.26]; *Худжере* – медресе, куда ингуши обычно отправляли своих детей для обучения основам ислама и чтению Корана. «– Топить, чтоб в *худжере* было тепло» [5, с. 28]; *Ясмале* – Рай, место, где по исламским верованиям будут пребывать люди за благие деяния. «Это очень приятно, как *Ясмале*» [5, с.29]; *Тантар* – книга, в которой по религиозным верованиям записываются деяния, которые человек совершает в жизни. «И скажут ангелы: «Проверьте еще раз его *Тантар*» [5, с.30]; *Мархаиш* – мусульманский праздник. «На разговении *мархаиш* нам нанесли кукурузы и муки – надолго хватит, а печка наша никогда не тухнет» [5, с.31]; *Сулхаиш* – молитвенные четки. «У костра сидел Оарцхо и задумчиво перебирал *сулхаиш*» [5, с.130].

3) Слова (имена существительные, сочетания слов), связанные с исламскими понятиями, которые пришли в ингушский язык путем заимствования из арабского языка: *Джей* – книга или талиман. «Потом он будет подкалывать новичка, чтоб вернуть победу, но однажды Мехди, отложит *джей* и серьезно скажет ему» [5, с.36]; «*Алхамдулиллах*» (Хвала Аллаху) [5, с.70]; «*Остонарлах!*» (Спаси Аллах) [5, с.71]; «*Воллахи*» (Клянусь Аллахом) [5; 72]; *Овлия* – святой. «А Дядя был один из славнейших мужчин Кавказа, *овлия* и устаз» [5, с.149-150]; *Васкет* – завещание [5, с.193]; *Нигат* – намерение. «Господь помог мне выполнить этот священный *нигат*» [5, с.193]; *Газават* – священная война. «Мы же с тобой готовимся к *газавату*» [5, с.59];

4) Слова (чаще имена существительные), представляющие предметы, необходимые для повседневного быта ингушей, такие как посуда, предметы одежды и т.д.: *Бога* – большая чаша, используемая в быту. «И вот, через недели две эта женщина явилась под святую пятничную ночь с богатым угощением в худжере: свежесыпанные еще горячие сискалы, целый *бога* ккоддар, пачку чая и миску меда» [5, с.38]; *Маша* – домотканое сукно, обычно им накрывали еду. «Под нижней полкой он нащупал ткань-*маша*, которым накрывали горячий хлеб» [5, с.43]; *Вир-кодже* – специальное седло для поклажи на ослике. «Его пристегнули к *вир-кодже* на длинной веревке» [5, с.49]; *Шу* – треногий горский стол. «Они поставили *шу* у окна башни и уселись завтракать вдвоем» [5, с. 61]; *Кудал* – кувшин, который женщины и девушки брали с собой к роднику, чтобы взять домой воды; у девушек кувшины были выше, чем те, что носили с собой замужние. «Эльби забивал пыжи в кремневый пистолет, когда Хани внесла в дом полный *кудал* свежей родниковой воды» [5, с.61]; *Поартал* – приданое. «Арба была доверху наполнена новыми постельными принадлежностями – по всей видимости *поартал* какой-то невесты» [5, с.80-81]; *Оаркув* – разнос. «Деревянный *оаркув* с мясом поставил посередине, а сухой чурек положили перед каждым на сухую траву – она же чистая» [5, с.96]; *Пандар* – гармошка. «Скупые люди кормили Лешку, совсем-совсем слабый, на ребрах можно как на *пандаре* играть» [5, с.97]; *Дерза-кий* – пастушья меховая шапка с длинным висячим ворсом. «Оарцхо снял мохнатую пастушью шапку *дерза-кий*» [5, с.116]; *Турмал* – бинокль. «– Я тебе подарок принес, – и полез в сумку, – вот, командирский *турмал*» [5, с.117].

5) Названия традиционных ингушских блюд и ингредиентов, входившие в их состав: *Чаплик* – традиционная ингушская лепешка с творожной или картофельной начинкой. «Тагир приходил с чем-нибудь для Мехди: кусочек чурека, пару долек *чаплика*» [5, с.30]; *Джувр* – кукурузная мука. «– Касрат, возьми это, высыпь *джувр* и верни мне пустой мешок» [5, с.31]; *Ккоддар* – блюдо у ингушей из творога в топленом масле. «И вот, через недели две эта женщина явилась под святую пятничную ночь с богатым угощением в худжере: свежесыпанные еще горячие сискалы, целый *бога ккоддар*, пачку чая и миску меда» [5, с.38]; *Дил* – бульон. «Он тоже отломил кусок чурека, мокнул в *дил*» [5, с.97]; *Берха* – подливка, рассол. «Ингуш угостил его своей обычной едой: вчерашним чуреком и кислым *берха*» [5, с.233].

6) Слова, выражающие абстрактные понятия: *Пурам* – разрешение, согласие на что-либо. «– Ты даешь нам свой *пурам*?» [5, с.39]; *Беркат* – благодать. «Мир дому этому, иман, *беркат* и согласие!» [5, с.40]; *Салам-моаршал* – приветствие. «Тебе *салам-моаршал* передали» [5, 118].

7) Прилагательные, определяющие национальную принадлежность человека и характеризующие религиозную сторону: «В нашей *Галгайской* стране» [5, с.48]; «Лучшие галгайские, кумыкские и даже *нохчинские* певцы признали мое первенство» [5, с.86]; «– Теперь я не боюсь всего этого *керастанского* мира: главное для женщины я получила – ответ на свою любовь...» [5, с.62]. Интересно то, что данные прилагательные, в отличие от слов, перечисленных нами выше, отличаются тем, что они представляют собой модель русских прилагательных, хоть и мотивированы корнями ингушских слов. Например, лексема *галгайские* – производящее слово автором берется из ингушского языка (*галга* – ингуш), а вспомогательные морфемы, образующие прилагательное – из русского. К корню присоединяется суффикс –ск – со значением принадлежности лица к определенному роду деятельности, нации, территории и флексия мн.ч. –ие.

Автор также употребил ингушские междометия со значением удивления, восторга, неожиданности: Междометия, призывающие к чему-нибудь «– Ой, *ванах!*» [5, с.41]; Междометия со значением возгласа, страха, опасения «*Эшиахь!*..» [5, с.48].

Обилие представленной писателем лексики отражает суть той действительности, которую в своем романе изобразил автор с ее национальными, религиозными, социальными и языковыми особенностями. Так, И. Кодзоев употребляет такие ингушские лексемы, которые не имеют однозначного перевода на русский язык: *Эздел* – этический кодекс ингушей, регулирующий все стороны жизни. «Одной из важных дисциплин, изучаемых во всех галгайских *худжре* был – *эздел*» [5, с.33].

Таким образом, из анализа лексических единиц романа «Обвал» следует, что творческий билингвизм играет важную роль в литературном процессе современной прозы ингушей.

Литература

1. Ажигова Т.М., Дударова Л.М., Добриева З.И. Особенности билингвизма в Ингушетии: Взаимовлияние ингушского и русского языков. Успехи гуманитарных наук. №4. – 2019. – С. 233-236.
2. Верещагин Е.М. Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1989.
3. Добриева З.И., Дударова Л.М., Ажигова Т.М. Ингушская лексика в русской литературе (на материале произведений Х. Плиева). Современный ученый. Белгород, №5. – 2019. С. 176-179.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2005. – 376 с.
5. Кодзоев И.А. Обвал: роман. – Назрань: Пилигрим, 2007. – 326 с.

**Направление 7. ПЕРЕВОД КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНТЕГРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО.**

УДК 81

Онлайн переводчики как средство изучения английского языка

Кудусова М. И., Кудусов И. И., Мусаева А.А.

Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия

Аннотация: трудно представить нашу жизнь без использования компьютерных программ. Компьютерная программа повлияла почти на все виды человеческой деятельности. Это относится и к переводу. Технологический прогресс в области компьютерных наук и коммуникационных систем сломал все коммуникационные барьеры и позволил общаться с людьми во всем мире. Мы считаем, изучение иностранного языка стало необходимостью. Несмотря на то, что вопрос использования перевода в обучении иностранному языку остается спорным, перевод по-прежнему является одним из предлагаемых методов в обучении и преподавании иностранного языка и может играть важную роль в этой области при правильном использовании в классе.

Ключевые слова: перевод, преподавание английского языка, преподавание иностранных языков, онлайн – переводчик, родной язык, преподаватель.

Online translators as a means of learning English

M.I. Kudusov, I.I. Kudusov, A.A. Musaev

Chechen State University, Grozny, Russia

Abstract: it is difficult to imagine our life without the use of computer programs. A computer program has affected almost all types of human activity. This also applies to translation. Technological advances in computer science and communication systems have broken all communication barriers and made it possible to communicate with people around the world. We believe that learning a foreign language has become a necessity. Despite the fact that the use of translation in teaching a foreign language remains controversial, translation is still one of the proposed methods in teaching and teaching a foreign language and can play an important role in this area when used correctly in the classroom.

Key words: translation, teaching English, teaching foreign languages, online translator, mother tongue, teacher.

Мир является свидетелем технологической революции, которая изменила и дальше будет продолжать изменять все вокруг нас. Некоторые исследователи и преподаватели поощряют использование перевода при обучении английскому языку как иностранному, в то время как другие этого не делают; первая группа считает, что первый язык может эффективно использоваться в качестве средства обучения, в то время как вторая горячо поддерживает коммуникативный подход к изучению языка, где целевой язык должен быть как обучающим, так и учебным средством изучения иностранного языка. Это анти отношение было явно основным элементом в методологии преподавания языка двадцатого века. Хотя преподаватели расходятся во мнениях по вопросу использования или не использования перевода в аудитории, перевод остается полезным инструментом, если он используется надлежащим образом и целенаправленно. Еще в середине XX века высказывались идеи о полной подмене человеческого переводчика электронной системой. В 1954 году состоялся так называемый "Джорджтаунский эксперимент": народу был представлен первый электронный переводчик – русско-английская система IBM Mark II, содержащая словарь из 250 единиц и 6 грамматических правил.

В течение следующих 10 лет технология продолжает стремительно развиваться. Современные переводческие программы отличаются набором настроек и легко справляются с переводом специализированных текстов. Однако, несмотря на то, что в основе любой переводческой программы лежит машинная технология, программные продукты разных производителей сильно отличаются друг от

друга по качеству и функциям перевода [4,1, с. 206-210]. Известно, что разные сервисы предлагают разное качество перевода кроме того качество обслуживания может варьироваться в зависимости от выбранной языковой пары.

Основная причина использования перевода в преподавании и изучении языков связана с функцией аккультурации. Научные деятели Альдосари и Мекхаймер обнаружили, что использование культурных литературных текстов может способствовать более совершенной культурной интерпретации литературного корпуса. Их выводы соизмеримы с предыдущими исследованиями, которые имели аналогичные выводы. Были выявлены и другие причины; онлайн переводчик используется по следующим причинам: Во-первых, более естественно использовать онлайн переводчик. Во-вторых, легче и эффективнее использовать онлайн переводчик, и в-третьих, использование иностранного языка может быть источником смущения, особенно для застенчивых учащихся и тех, кто чувствует, что они не очень хорошо владеют иностранным языком (Альдосари, Мекхаймер, 2010, с. 107). Переводческая деятельность также может улучшить обучение иностранному языку. Согласно Релл: "переводческая деятельность, которая включает использование онлайн переводчиков в аудитории иностранного языка, может сформировать коммуникативный подход, если он будет реализован должным образом" (Релл, 2005, с. 39). Более того, перевод - это не только манипуляция структурой; это, прежде всего форма коммуникации. Кроме того, использование онлайн переводчиков укрепляет отношения между преподавателем и студентами. Развитие комфортных рабочих отношений с преподавателем имеет важное значение, и представляется, что использование онлайн переводчиков служит средством культивирования этой ассоциации. Кроме того, использование перевода в изучении языка экономит время, многие преподаватели считают, что использование некоторых онлайн переводчиков дает больше времени для практики иностранного языка, потому что понимание достигается гораздо быстрее. Наконец, перевод ориентирован на учащегося, а аудитория, ориентированная на учащегося, необходима для эффективного обучения. Согласно Шиябу и Абдуллатифу, перевод может быть использован в обучении языку по следующим причинам:

- перевод может быть использован как метод сравнения и противопоставления двух языков.
- Средства перевода ускоряют процесс понимания учащимся (Шияб, Абдуллатиф, 2001, с. 1-9).

Мачида, утверждает, что использование перевода в аудитории где учат иностранный язык предоставляет учащимся множество возможностей обратить внимание на отношения между формой и значением. Кроме того, использование перевода в изучении языка может иметь отношение к стилям обучения студентов и их способностям (Мачида, 2011, с. 743). Есть и такое утверждение, что количество использования онлайн переводчиков конкретными студентами вполне может иметь много общего с различными стилями обучения и способностями. Некоторые используют в основном английский язык с самого начала, в то время как другие, похоже, должны использовать свой родной язык или онлайн переводчик чаще [2, с. 315-321].

Многие преподаватели считают, что английский язык должен преподаваться монолингвально, что идеальный преподаватель языка это носитель языка, и что если будут использоваться другие языки, стандарт упадет. Они также считают, что перевод не должен использоваться для облегчения жизни преподавателей или студентов. Хотя только использование целевого языка может создать стресс в аудитории. Вермес утверждает, что возражения против использования перевода в обучении языку, по-видимому, являются реакцией, вызванной очевидными недостатками метода грамматического перевода (Вермес, 2010, с. 86). А некоторые приводят следующие причины отказа от использования перевода в обучении иностранным языкам:

- использование перевода в обучении иностранным языкам вызывает помехи.
- Перевод может обитать в мышлении на иностранном языке и может привести к сложному двуязычию, а не к координированному двуязычию.
- Использование перевода в обучении иностранному языку заставляет учащихся предполагать, что между родным языком и иностранным языком существует однозначное соответствие значений.

Американский Совет по преподаванию иностранных языков рекомендовал использовать целевой язык, по крайней мере, в течение 90% времени в аудитории иностранного языка. Кроме того, некоторые методы обучения, например прямой метод, запрещают использование перевода или родного

языка учащихся при обучении и изучении иностранного языка. Перевод может быть использован различными способами для облегчения и ускорения изучения языка. Некоторые преподаватели поддерживают использование перевода в аудитории другие-нет [3].

Перевод может быть полезным видом деятельности, если его правильно использовать в преподавании и изучении языков. Согласно Даффу, " перевод развивает три качества, необходимые для изучения любого языка: точность, ясность и гибкость. Он учит студента искать (гибкость) наиболее подходящие слова (точность), чтобы передать то, что подразумевается (ясность). Согласно Ньюмарк, " перевод является полезным инструментом для использования на начальных, промежуточных и продвинутых этапах изучения языка. На начальном этапе перевод полезен как кратковременная экономия времени. А перевод с родного языка на новый может быть полезен как форма контроля и закрепления базовой грамматики и лексики (Ньюмарк, Дафф, 1991, с. 61). На начальном уровне использование перевода может сделать обучение осмысленным, поскольку учащийся является активным участником процесса. Для начинающих, конечно, это полезно, потому что он излагает грамматику и учит слова [3,4]. На промежуточном уровне перевод с иностранного языка на родной язык слов и предложений может быть полезен при работе с ошибками и полезен для расширения словарного запаса. На продвинутом уровне перевод с родного языка на иностранный и иностранного на родной признается пятым навыком и самым важным социальным навыком, поскольку он способствует общению и пониманию между незнакомыми людьми. Кроме того, перевод помогает продвинутым учащимся в понимании прочитанного и создании словарного запаса. Преподаватели могут использовать родной язык в управлении студентами или для обучения грамматике. При использовании перевода грамматика становится менее пугающей и более доступной, если учащимся разрешено использовать свой родной язык и таким образом замечать сходства и различия между своим родным языком и языком перевода. Кроме того, перевод может быть использован для придания значения новым словам. Существует множество способов передать значение неизвестного слова. К ним относятся определение в иностранном языке, демонстрация, изображение или диаграмма, реальный объект, контекстные подсказки или перевод на родной язык [4].

В заключении можно сказать, что несмотря на первостепенное значение перевода в педагогике преподавания и обучения второму/иностранному языку, перевод уже более века является изгоем преподавания английского языка. Таким образом, этот в значительной степени неисследованный взгляд был недавно поставлен под сомнение в современной повестке дня языковых исследований, тем самым сделав опустошительно хорошо аргументированный довод в пользу восстановления перевода как надлежащей и действительно существенной части обучения языку. Причина в том, что перевод был методом обучения языку, и это одна из наиболее часто обсуждаемых тем среди преподавателей языка и исследователей с давних пор. Для многих преподавателей и студентов использование перевода - это стратегия обучения и коммуникации, которая может быть использована в аудитории для различных целей, например, для объяснения сложных понятий, для языковой практики и совершенствования. В этом исследовании была предпринята попытка, во-первых, показать, что перевод играет важную роль в изучении и преподавании языка - что он развивает как знание языка, так и его использование, что он является педагогически эффективным и желательным с точки зрения образования, и что он отвечает потребностям студентов в современном глобализованном и многокультурном мире.

Литература

1. White, J., O'Connell, T., and Carlson, L. (1993) "Evaluation of Machine Translation." In Human Language Technology: Proceedings of the Workshop (ARPA), pp 206–210.
2. Blatz, J., Fitzgerald, E., Foster, G., Gandrabur, S., Goutte, C., Kulesza, A., Sanchis, A., and Ueffing, N. (2004) "Confidence Estimation for Machine Translation." In Proceedings of COLING, pp 315–321, Geneva
3. How to Use Google Translate to Teach English [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/how-to-use-google-translate-for-teaching-english-1211770>
4. Альдосари Х., Мекхеймер М. (2010). Использование английских онлайн-словарей для повышения навыков перевода с учетом специфики культуры у студентов колледжа. Доклад, представленный на международной конференции университета имени Сулеймана Демиреля "построение культурных мостов: интеграция языков, лингвистики, литературы и перевода в образование", Алматы 2010.
5. Вермеса А. (2010). Перевод в преподавании иностранных языков: краткий обзор плюсов и минусов, Eger J. English Studies, 10 p. 83-93.

6. История машинного перевода от холодной войны до глубокого обучения. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.freecodecamp.org/news/a-history-of-machine-translation-from-the-cold-war-to-deep-learning-f1d335ce8b5/>

7. Релл А. Б. (2005). Роль родного языка в классе иностранного языка. Калифорния 2005 год с. 39

8. Shiyab S, Abdullateef M (2001). Translation and foreign language teaching. J. King Saud University, 13 p. 1-9.

9. Machida S (2011). Translation in teaching a foreign (second) language: A methodological perspective. Journal of Language Teaching and Research, 2 (4), 740-746.

10. Newmark P., Duff A. (1991). About translation, (Multilingual Matters, series No. 74), Multilingual Matters Series.

УДК 8.81.1

**Роль лексических трансформаций в методах и способах логического мышления
переводчика**

Пирмагомедова А.С.

ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства».

Аннотация: В статье исследуется роль лексических трансформаций в формировании понимания переводимого текста. Данная статья призвана облегчить работу профессионалам и любителям перевода с английского на русский. Рассмотрены методы и способы логического мышления в рамках лексических трансформаций на конкретных примерах.

Ключевые слова: лексическая трансформация; окказиональное и узуальное значение слова; экстралингвистическая ситуация; контекст.

Lexical transformation in the methods and ways of a translator`s logical thinking

Pirmagomedova A.S.

Candidate of Philology, Associate Professor

Dagestan state university of National Economy (Makhachkala)

aida.pirmagomedova@yandex.ru

Summary: The lexical transformation role in making understanding of a translated text is considered in the article. The article is called to improve a professional or novice`s English-to-Russian translation work. Some methods and ways of the logical thinking in terms of the lexical transformation are discussed as well as some examples are analyzed.

Keywords: lexical transformation, occasional and common meaning of the word, extra linguistic context, context.

Any word is a part of the lexical system of language. Each language is different due to its historical, biological and geographical circumstances. It explains the diversity of the semantic structure of words in different languages. Lexical transformations are designed to change the formal structure of the sentence, while leaving information intended for the reader [1, с. 303]. J.I. Retsker defines transformations as: "*methods of logical thinking, by means of which we reveal the meaning of a foreign word in the context and find to it a Russian correspondence that does not coincide with the dictionary one*" [2, с. 38].

So, we choose the Russian equivalent of a word or a whole sentence for an adequate transfer of the meaning of what has been said.

For example, take the adjective *mellow*. It has many meanings. In the dictionary you can find such: *soft, ripe, pleasant to taste, loose, fertile* [3, с. 456]. In turn, such meaning is borne by numerous equivalents in the Russian language. This suggests that each lexical-semantic variant (LSV) is not covered by one Russian words, because there are two or more semantic that require the transmission of two or more Russian words [4, с. 36].

Within the general concept of context, a narrow context and a wide context are distinguished.

A narrow context is the context of one sentence.

The wide context covers all the language surroundings of the word, here it is possible to take into account not only the limits of a paragraph, a text or a work, but also the cultural peculiarities of the author's language [5, c. 5].

More often the choice of the equivalent is determined only taking into account the lexical context of the given unit. For example, the word *look* with the adjective *angry* means *the look*, and with the adjective *European* - *the look*. *The town has a European look*. - *The city has a European look*. A similar situation with the word *attitude*, which has different meanings in individual cases: *He has a friendly attitude*. "*He treats everyone friendly*; *There is no sign of any change in the attitudes of the two sides*. - In the positions occupied by both sides, there is no visible change; *He stood there in a threatening attitude*. *He stood in a threatening pose*; *He is known for his anti-Soviet attitudes*. - *He is known for his anti-Soviet views*. Or such an example: *The candle burns* - *the candle is burning*. *He burned the papers* - *he burned papers* [5, c. 7].

In all these examples, the word in question occupies a different semantic position, reflecting a different context. Somewhere, even have to apply the extended members of the sentence and complicate the design. Skills of understanding and accurate transfer of the context come with experience, it is quite a laborious and long process, in the development of which patience is required.

It seems that one can make a remark about the fact that the context, as it were, cuts off possible versions of the translation and gives the interpreter the right course to convey the meaning of what has been said.

In cases where the narrow context is clearly insufficient, a broad context comes into play. For example: *Then I got this book I was reading and sat down in my chair*. In the above example, there is a problem with translating the word *chair* - *chair*, *chair*. The sentence does not contain any clues and instructions on the choice of the meaning of the word. After two sentences, in the same paragraph we read: "*The arms were in sad shape, because everybody was always sitting on them, but they were pretty comfortable chairs*". Pointing to *arms* gives us the key to the next translation: *Then I took the book I was reading and sat in the chair* [5, c. 8].

Occasional meanings of words are often used in specific scientific and fiction literature. These are words that were invented by the author for one particular work and after that they were not used anywhere else. For example, the word *quark* was once used by James Joyce only in one of his novel "Awakening Finn-42 Ghana." Later, the physicist Murray Gell-Mann used this word for a new class of subatomic particles.

Such words are more difficult to find in ordinary dictionaries. In such cases, many specialists recommend using large dictionaries like the New Large English-Russian Dictionary edited by Academician Yu. D. Apresyan or, for example, the electronic dictionary "Multiran". Occasional words must be designed to bypass the weakness of the language for a given period of time and realize the possibilities of its idea fully in the lexical neoplasm.

Specialists under an artistic occasional word define a lexical neoplasm that arises under the influence of the context according to the model or outside the typical word-formation model, which represents the realization of the unrealized possibilities of the language and embodies the communicative intention of the author tuned to "invention" [6, c. 8].

Here are some examples of a typical use: *Wanton murder of Negroes* - *brutal killing of Negroes*; *Cold-blooded plans* - *insidious plans*; *The ruthless War Secretary Stanton* - *the military minister Stanton, who is not scornful in any way*. We give examples of occasional words from Jones' novel "Ulysses": *beeftea* - *broth*; *baddybad* - *byaka*; *creepystools* - *stools, unstable stools* [6, c. 17].

As you can see, the translation of the above words requires a special approach, the selection of Russian-speaking narrow (repetitive, more ordinary) words needs a thorough search for the necessary transformation.

Thus, we noted the existence of occasional words, an atypical vocabulary found in special situations. Similar situations are encountered within the framework of an extra-linguistic context, which requires knowledge of the situation, the time and place in which the translated statement was made, as well as facts of reality.

The following are some interesting examples of knowledge of extra linguistic facts. In the book of F.L. Allen's "Just Yesterday" of car crowding out other means of transport says: "*The interurban trolley perished, or survived only as a pathetic anachronism*" / F.Z. Allen "Only yesterday". In England, a *trolley* would mean a *trolleybus*, but in the USA there were no trolleybuses, and *trolley* means a *tram*.

The meaning of the word *abolitionist* without knowledge of the country and era, without taking into account the situation and the subject of the message. How to translate *the abolitionist* Al. Smith, if you mean a Republican candidate in the 1928 presidential election? Of course, in America in the 1920s we could only talk about the abolition of the Prohibition. Supporter of the prohibition of the prohibition. In the English press of the

1950-60s, the name of Sydney Silverman was often mentioned. The oldest abolitionist in the House of Commons - The oldest advocate of the abolition of the death penalty in England, the author of the corresponding bill. Without knowledge of the environment, translation would be impossible.

In the plays of the great playwright O. Wilde, characters from high society talk about the respectable people present, calling them he or she. So, for example, the secretary of Lord Illingworth acts in the play “*A Woman Not Worthy of Attention*,” speaking of his patron [7, с. 24]. Of course, in the Russian translation, the personal pronoun is replaced by the words *Lord Illingworth* [5, с. 56].

In Russian language, addressing those present using a third-person pronoun is unthinkable and rude. But in English and French in those days, this was accepted, and an inattentive translation of such a situation can greatly distort it [8, с. 203]. In order to apply the necessary transformation, the translator must not only possess broad translation skills, but also know the history and characteristics of the society in which the work was written.

You can often see that journalists in American newspapers call President Carter Jimmy. This is completely unacceptable in translation. Maybe, in American terms, this is perceived as courtesy, but in Russian it is overly familiar [5, с. 57].

The last example makes it clear that the translator has a great responsibility for the adequate transmission of the impact of information on the readership, errors here can have unpredictable consequences. A professional translator cannot ignore the context and extralinguistic situations of a work.

From the foregoing, it should not be concluded that one or another language is not able to designate any concept and in this respect is less developed than one in which there is a special designation for this concept.

It is only about different ways of such a designation. In principle, they can fit any concept. The translation text is quite fluent. This is a very interesting work, requiring increased attention and the correct structured mechanism of thinking.

References

1. Fedorov A.V. Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems) [Text]: Textbook. - M.: Higher School, 1983. - 416 p.
2. Retsker Ya.I. Translation Theory and Translation Practice: Essays on Linguistic Theory of Translation [Text] / Ya.I. Recker. - M.: Publishing House of International Relations, 1974. - 216 p.
3. Petrova A.V., Apresyan Yu.D., Alekseeva E.G. New large English-Russian dictionary [Text]. - M.: Bustard Publishing House, 2003.
4. Yanova T.V. Transformations in the translation of socio-political texts on the material [Text] / T.V. Yanova. - M.: Publishing House of the Moscow State Institute, 2011.
5. Kolomeytseva E.M. Makeeva M.N. Lexical problems of translation into Russian [Text] / E.M. Kolomeytseva, M.N. Makeeva. - Tambov: TSTU Publishing House, 2004. - 94 p.
6. Pulina E.A. An occasional word in a literary text: methods of education and interlanguage translation [Text] / E.A. Pulina. - Perm: Publishing house of the Perm State Technical University, 2008. - 23 p.
7. Wilde, O. Girl, not worthy of attention [Text] / O. Wilde. - M.: Publishing House of the ABC, 2011. - 315 p.
8. Retsker Ya. I. Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation [Text]. - M.: Valent, 2004. -- 216 p.

УДК 811.411.21

Русские заимствования в арабском языке как отражение межкультурной коммуникации в исторической ретроспективе

Акинина О.Г., Агаджанян Е.С.

**Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки. Москва, Россия.**

Аннотация. Русские заимствования в арабском языке составляют не очень многочисленный, но заметный пласт лексики. Они явились результатом межкультурной коммуникации русского и арабского

народов, которая осуществлялась в течение весьма продолжительного времени. Однако, большинство русских заимствований считаются «молодыми», так как в основном они проникали в арабский язык, начиная со второй половины XX века и в плане семантики, как правило, имеют отношение к советской действительности. Русские заимствования попадали в арабский язык напрямую, без языков-посредников. Эта лексика была не до конца освоена арабским языком в словообразовательном аспекте. Тем не менее, арабский язык ассимилировал русские заимствования с фонетической точки зрения и адаптировал к своей морфологической системе наиболее частотные в употреблении слова. Так или иначе заимствования способствовали расширению межкультурной коммуникации, росту взаимопонимания между нашими народами и взаимной интеграции культур.

Ключевые слова: русские заимствования, арабский язык, межкультурная коммуникация, историческая ретроспектива.

Russian borrowings in the Arabic language as a reflection of intercultural communication in historical retrospective

Akinina O.G., Agadzhanian E.S.

**Moscow State University M.V. Lomonosova,
Institute of Asian and African Countries. Moscow, Russia.**

Annotation. Russian borrowings in the Arabic language are not very numerous, but a noticeable layer of vocabulary. They were the result of intercultural communication between the Russian and Arab peoples, which took place over a very long time. However, most Russian borrowings are considered “young”, since they mainly penetrated into the Arabic language, beginning in the second half of the 20th century and, in terms of semantics, as a rule, are related to Soviet reality. Russian borrowings fell into the Arabic language directly, without intermediary languages. This vocabulary was not fully mastered by the Arabic language in the derivational aspect. Nevertheless, the Arabic language assimilated Russian borrowings from a phonetic point of view and adapted the most frequently used words to its morphological system. One way or another, borrowing contributed to the expansion of intercultural communication, the growth of mutual understanding between our peoples and the mutual integration of cultures.

Key words: Russian borrowings, Arabic, intercultural communication, historical retrospective.

На протяжении длительной истории развития арабского литературного языка он постоянно пополнялся иноязычной лексикой и заимствованиями из других языков, пласт которых отличался разнообразием и с точки зрения предметно-понятийного круга заимствованных понятий, и в отношении источников заимствования. В разные эпохи, по мере изменения условий контактирования арабского языка с другими языками, менялась и степень ассимиляции тех или иных заимствований, а также отношение носителей языка к заимствованным словам, что в свою очередь определяло возможность пополнения литературного словаря новыми иностранными лексемами. Многие исследователи отмечали, что, если в классический средневековый период происходило полное усвоение иноязычных элементов и их ассимиляция грамматическим строем арабского языка, то в современный период (с середины XX века) заимствования не всегда были до конца освоены его лексико-семантической системой. [5, с. 98]

Взаимодействие арабского языка с русским имеет долгую историю. Как правило, исследователи уделяли большое внимание изучению арабских заимствований в русском языке, в то время как русские заимствования оставались практически вне поля зрения. В данной статье рассматривается русская заимствованная лексика в арабском языке, поскольку взаимодействие двух языков и культур не может быть односторонним, этот процесс всегда является двусторонним. Кроме того, заимствования постоянно появляются в языке, что обусловлено его контактами с другими языками и культурами и, как следствие, непрерывным развитием лексической системы. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно полностью осветить обозначенную проблему, поэтому рассмотрим лишь некоторые ее аспекты.

Первоначально заимствованная лексика попадала из русского языка в арабский, как правило, через посредство географической литературы, в которой встречалось описание реалий жизни славянских народов. Собирательное слово «славяне» السلاف as-silāf появилось в арабском языке примерно во второй половине IX века в трудах восточного ученого-энциклопедиста, перса по происхождению, Ибн Руста (устар. Ибн Даста) (ум. ок. 903 г.), который внес большой вклад в становление арабской

географической литературы. В своих сочинениях Ибн Руста описывал обычаи и традиции, уклад жизни народов Восточной Европы – славян, болгар, хазар и других. Русскому читателю стали известны отрывки из сочинения Ибн Руста, благодаря российскому востоковеду Д.А.Хвольсону (1819-1911), который перевел и опубликовал части его рукописи в своей статье под названием «Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и руссах – Абу-Али-Ахмеда-бен Омара-Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея» (СПб, 1869).

Слово *as-silāf* «славяне» также встречается в трудах другого мусульманского географа иранского происхождения Ибн Хордадбега (ок.820 – ок.912), в произведении которого «Книга путей и стран» (*Kitāb al-masālik wa-l-mamālik*) содержится упоминание о руссах и славянах. Слово *silāf* употребляется в арабском языке и поныне – спустя почти двенадцать столетий. Подтверждение этому мы находим в арабско-русском словаре Х.К.Баранова. [4, с. 368], где, помимо этого, есть и другое слово «славяне» - *الصقالبة aṣ-ṣaqāliba* (ед. ч. *صَقْلِيٌّ ṣaqlabiyyun* «славянин»). [4, с. 441] Оно встречалось в путевых заметках выдающегося арабского путешественника Ибн Фадлана (877-960), который упоминал славян в своем произведении «Рисаля» («Записка»), написанном в тот период, когда в 921-922 гг. в качестве секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира он посетил Волжскую Булгарию. [7, с. 86]

В арабском толковом словаре *Al-mu‘jam al-wasīṭ* есть слово *aṣ-ṣaqāliba* [3, с. 519].

(الصقالبة) : جيل من الناس كانت مساكنهم الى الشمال من بلاد البلغار وانتشروا الآن في كثير من شرقي أوربة وهم المسمون الآن بالسلاف.

“*Aṣ-ṣaqāliba: jīl min an-nās kānat masākīnu-hum ila-sh-shimāl min bilād al-bulghār wa-ntasharū l-ān fī kathīr min sharqīyū ūrubba wa hum al-musammaḥna-l-ān bi-s-silāf*”. «Славяне – это народы, которые жили (букв. «их жилища были») к северу от болгар и (которые) теперь распространились на большей части Восточной Европы. И это те, кого сейчас называют (букв. «они называются») славянами».

Особый интерес в отношении проблемы заимствований представляет памятник арабской географической литературы XIX в. египтянина шейха Мухаммада ат-Тантави (1810-1861) «Подарок смышленным с сообщениями про страну Россию» (*Tuḥfat al-adhkiyā’ bi akhbār bilād Rūsiyā*, 1850). [6] Известный знаток арабского языка и литературы, Корана и фикха, собиратель рукописей, поэт, он был приглашен в Россию для преподавания арабского языка в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, где по приезде был утвержден в должности профессора арабской словесности. Ат-Тантави прожил в России двадцать лет, в совершенстве выучив русский язык.

«Подарок смышленным ...» - это художественное произведение, принадлежащее жанру путевых заметок во время путешествия ученого из Египта в Россию, в ходе которого автор описывает картину российской действительности, показывая арабскому читателю совершенно новую для него, незнакомую культуру. В частности, ат-Тантави рассказал о «чудесах и диковинах» (*‘ajā’ib wa gharā’ib*) – необычных для арабов реалиях российской жизни. При этом русские слова были адаптированы под арабский язык, а их буквы заменены на близкие по звучанию арабские харфы. Таким образом, в путевые заметки попали такие русские слова, как: «дрожки» *الدروشكي ad-drūshkī* (легкий одноместный или двухместный открытый экипаж, популярный в XIX веке); «газета» *كازيطة kāzīṭa*; «дурачки» *دورسكي dūruskī* (название карточной игры «Дурак»); «воевода» *فويفودا fūyifūdā*. [1, с. 29] Данные слова, безусловно, не являлись широко употребительными русскими заимствованиями. Однако, интересна судьба слова *fūyifūdā* в арабском языке, которое, появившись в XIX веке в качестве экзотизма, иллюстрирующего реалии русской жизни того времени, в XX веке вновь вернулось как название вооружения – советского стратегического ракетного комплекса «Воевода» с межконтинентальной баллистической ракетой. В арабской прессе того времени появлялись сообщения:

روسيا تطلق بنجاح صاروخ "فويفودا" الباليستي.

Rūsiyā tuṭliq bi-najāḥ ṣārūkh fūyifūdā al-bālistiyy «Россия успешно запускает баллистическую ракету «Воевода»». [1, с. 41] А в 2017 г. арабские источники отмечали:

يتوقع أن يتم تمديد فترة خدمة صاروخ "فويفودا" الاستراتيجي الروسي العابر للقارات الذي أطلق عليه حلف شمال الأطلسي لقب "الشيطان"، حتى أعوام 2025-2027.

Yutawaqqa’u an yatimma tamdīd fatrat khidmat ṣārūkh “Fūyifūdā” li-strātījiyy ar-rūsiyy al-‘ābir li-l-qārrāt al-ladhī aṭlaqa ‘alay-hi ḥilf shimāl al-aṭlasiyy laqab “Ash-shayṭān”, ḥattā a’wām 2025-2027 «Ожидается, что срок службы российской межконтинентальной стратегической ракеты "Воевода", которой блок НАТО дал название «Сатана», будет продлен до 2025-2027 гг.». [1, с. 41]

Как известно, XX век ознаменовался политическими событиями и идеологическими потрясениями международного масштаба. Крушение Российской Империи, Октябрьская революция 1917 года, образование СССР – все это оставило значительный след в истории не только нашей страны, но и

международного сообщества в целом, оказав влияние и на арабские страны, которые поддерживали политические и культурно-идеологические контакты с Советской властью. Так, например, в связи с широким распространением идей В.И. Ленина арабский мир узнал о доктрине, которая впоследствии получила название «марксизм-ленинизм». В арабском языке «ленинизм» **لينينية** *līnīniyya* определяется как идеологическое коммунистическое движение.

ان الانتقال من الدكتاتورية الماركسية اللينينية الى ديمقراطية حديثة ... أدى للأسف الى نتائج اقتصادية تتسم بعكس سريع للنمو.
Inna n-tiqāl min ad-diktātūriyya l-mārksiyya l-līnīniyya 'ilā dīmuqrāṭiyya ḥadītha...addā li l-asaf ilā natā'ij iqtisādiyya tattasim bi 'aks sarī' li n-numūww «Переход от марксистско-ленинской диктатуры к современной демократии ..., к сожалению, привел к замедлению экономического роста». [1, с. 30]

Советский период в истории нашей страны, политическая деятельность коммунистической партии (КПСС) породили множество неологизмов в русском языке, которые впоследствии были заимствованы арабским языком. Значительную роль в этом процессе сыграла литература, поскольку многие произведения советских писателей были переведены на иностранные языки, в том числе на арабский. В 1931 г. в Советском Союзе было создано издательство, впоследствии получившее название «Прогресс», которое специализировалось именно на выпуске переводных изданий и литературы на иностранных языках. К концу 70-х гг. его тираж достигал почти тридцати миллионов экземпляров. В 1982 г. на базе «Прогресса» возникло издательство «Радуга», которое занималось публикацией и переводами непосредственно художественной литературы.

Особой популярностью в арабских странах пользовались, например, произведения Ч.Т.Айтматова, народный дух повествования и национальная самобытность которых всегда находили отклик у арабских читателей. В этой связи необходимо сделать некоторое отступление и назвать имена арабских переводчиков произведений Ч.Айтматова, которые внесли неоценимый вклад в сближение наших народов и культур, сделали их понятнее друг другу, в том числе и за счет заимствования русских слов арабским языком. [2, с.68] Интересно, что большинство переводчиков длительное время жили в нашей стране, получили здесь высшее образование и даже защитили диссертации. Безусловно, талант и знания этих людей смогли донести до арабских читателей не только суть глобальных философских проблем, затронутых в произведениях Ч.Айтматова, но и точно передать реалии жизни нашей страны на разных этапах ее исторического развития.

В 70-е гг. прошлого века на арабский язык были переведены повести «Джамиля» (1958 г.) («Jamīla») и «Прощай, Гюльсары!» (1966 г.) («Widā'an yā Ghūlsarī»). Один из переводчиков - известный иракский литератор, критик, филолог, впоследствии профессор Багдадского университета Джалил Камал ад-Дин. В 60-е гг. он уехал в Москву, где прожил около 10 лет, получил высшее образование и защитил кандидатскую диссертацию по теории литературы. В этот период Джалил Камал ад-Дин был награжден орденом издательства "Прогресс" за переводы с русского языка.

В 1981 г. вышел арабский перевод повестей Ч.Айтматова «Белый пароход» (1970) («As-safīna al-bayḍā'») и «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977) («Al-kalb al-'ablaq ar-rākiḍ 'inda ḥafati-l-baḥr»). Их переводчик - Абу Бакр Йусуф Хусайн – крупнейший современный египетский переводчик русской и советской литературы, почетный член Союза писателей России, переводчик высшей категории в издательствах "Прогресс" и "Радуга". Абу Бакр Йусуф в 1964 г. закончил филологический факультет МГУ, там же в 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 2012 г. он был награжден медалью Пушкина "За большой вклад в сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры за рубежом".

Некоторые произведения Ч.Айтматова одновременно были переведены разными переводчиками, например, перевод повести «Пегий пес, бегущий краем моря» также был сделан сирийцем 'Атыфом Абу Джамра - членом Союза писателей Сирии, получившим высшее образование в СССР. Также он перевел на русский язык роман «И дольше века длится день» («Буранный полустанок» 1980 г.) («Wa yaṭūlu l-yawm 'akthar min qarn»), опубликованный в 1989 г. издательством «Радуга».

Перевод упомянутой выше повести «Пегий пес ...» был выполнен также иракцем Са'ди ал-Малихом. Он получал высшее образование в Москве, занимался художественной прозой. В 1983 г. закончил литературный институт им. А.М. Горького, а в 1986 г. в Институте Востоковедения защитил кандидатскую диссертацию по языку и литературе по специальности «Современная арабская литература».

Роман Ч.Айтматова «Плаха» (1986 г.) («An-naḥ'») перевел сириец Маджид 'Ала' ад-Дин. В 1988 г. это произведение было опубликовано сирийским издательством, занимающимся переводами, исследованиями и их распространением (Dār ash-shaykh li-d-dirāsāt wa-t-tarjama wa-n-nashr). Маджид

‘Ала’ ад-Дин уехал в Советский Союз, где в 1975 г. окончил Московский университет, а в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию. Его перу принадлежит также перевод произведения Ч.Айтматова «Мать земля» («Al-’umm al-’arḍ»), переводы избранных произведений русской поэзии 18-19 вв. («Mukhtārāt min ash-shi’r ar-rūsiyy - al-qarnayn ath-thāmina ‘ashar wa-t-tāsi’a ‘ashar»), книга «Реализм в советской и арабской литературах» (1985) («Al-wāqī’iyya fi l-’adabayn as-sūfyātiyy wa-l-’arabiyy») и др.

Сборник статей и интервью Ч.Айтматова «Ветры, омывающие землю» («Ar-riyāh tuṭahhiru l-’arḍ») был выпущен в 1988 г. издательством «Прогресс». Перевод на арабский язык был осуществлен иракским переводчиком Хайри ад-Дамином, который жил в СССР с 1960 г.

В 2007 г. в Сирии, в Дамаске в издательстве Dār al-kalima li-n-nashr wa-t-tawzī’ был опубликован роман Ч. Айтматова «Когда падают горы» («‘indamā tatadā’ā l-jibāl») («Вечная невеста» 2006) («Al-’arūs al-khālida»). Автор перевода - сириец Хашим Хумади. Он родился в 1945 г. в Сирии, в Тартусе. Высшее образование получил в Советском Союзе – в Ленинградском Институте культуры, который закончил в 1970 г. А в 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию в МГУ.

Этот краткий исторический экскурс дает ясную картину того, насколько широкое распространение получили в арабском мире произведения Ч.Айтматова, которые привлекали внимание не только читателей, но и арабских критиков, отмечавших, как сильно советская литература влияла на формирование идеологических воззрений молодого поколения. Приведем в этой связи лишь название одной статьи иракского журналиста Салама Ибрагима Куба «Айтматовская литература и иракская демократическая молодежь» («Al-adab al-īmātūfiyy wa-sh-shabība l-’irāqiyya d-dīmuqrāṭiyya», 2008). А ведь, помимо Ч.Айтматова, на арабский язык были переведены и произведения других известных советских писателей, например, М.Горького, М.А.Шолохова, а позднее даже А.И.Солженицына и др. Все это сформировало не очень многочисленный, но достаточно заметный пласт русской заимствованной лексики в арабском языке, который постоянно пополнялся в разные периоды. Рассмотрим некоторые примеры.

سوفيت sūfiyt «совет» (избираемый населением на определённый срок коллегиальный представительный орган народной власти).

اتخذ مجلس السوفيت الأعلى وهو أعلى جهاز لسلطة الدولة سلسلة من القرارات الدستورية.
Ittakhadha majlis as-sūfiyt al-a’alā wa huwa a’alā jihāz li-sulṭat ad-dawla silsila min al-qarārāt ad-dustūriyya
«Верховный Совет как высший орган государственной власти принял ряд конституционных решений».
[1, с. 31]

Упомянутое выше заимствование в большей степени употребляется в арабском языке в форме относительного прилагательного **سوفيتي sūfiṭiyy** «советский», например, в словосочетании اتحاد الجمهوريات السوفيتية الاشتراكية Ittiḥād al-jumhūriyyāt as-sūfiṭiyya al-ishṭirākīyya «Союз Советских Социалистических Республик» или в его сокращенном варианте الاتحاد السوفيتي al-ittiḥād as-sūfiṭiyy «Советский союз».

بلشفيك bulshifīk «большевик» (член Российской социал-демократической рабочей партии, который относился к группе, получившей большинство на выборах ЦК РСДРП после её раскола в 1903 году). Это заимствованное из русского языка слово образовало в арабском форму множественного числа уже по арабской модели **بلاشفة balāshifa** «большевики».

وبعد الثورة، قام البلاشفة لعدد من الأسباب بضم أقاليم كبيرة إلى أراضي جمهورية أوكرانيا وكانت تشكل تاريخياً جزءاً من جنوب روسيا
Wa ba’ad th-thawra, qāma l-balāshifa li ‘adad min al-asbāb bi ḍamm aqālīm kabīra ilā arāḍi jumhūriyyat Ukrāniyā wa kānat tushakkilu ta’rīkhiyyan juz’an min janūb Rūsiyā «После революции большевики по разным причинам включили в состав Украинской республики значительные территории исторического юга России». [1, с. 31]

منشفيك manshifīk «меньшевик» (представитель умеренного крыла РСДРП, получившего меньшинство на выборах ЦК партии в 1903 г.). Это слово также употребляется в арабском языке в форме множественного числа **مناشفة manāshifa** «меньшевики» по аналогии с **بلاشفة balāshifa** «большевики».

كومسومول kūmsūmul «комсомол» (сокращение от словосочетания «Коммунистический Союз молодёжи»)

وكان هذا منذ زمن بعيد، ديوشين كان آنذاك عضو الكومسومول
Wa kāna hādhā mundhu zaman ba’id, Diyūshīn kāna ānadhāk ‘udw al-kūmsūmul «Давно это было, Дюйшен в ту пору комсомольцем был». [1, с. 32]

كولخوز kūlkhūz «колхоз» (акроним от словосочетания «коллективное хозяйство» - предприятие, созданное для коллективного ведения сельского хозяйства)

عندما كنت اعيش في القرية كان ديوشين يعمل ميراب الكولخوز وكان دائماً يعمل لفترة طويلة في الحقول.

‘indamā kuntu a‘īshu fī l-qarya kāna Diyūshīn ya‘amalu mīrāb al-kūlkhūz wa kāna dā‘īman ya‘amalu li-fatra ṭawīla fī l-ḥuqūl «Когда я еще жил в аиле, Дюйшен работал колхозным мирабом и вечно пропадал на полях». (Мираб – лицо, распределявшее воду по арыкам). [1, с. 32]

سوفخوز **sūfkhūz** «совхоз» (сокращение от «советское хозяйство») -
государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР.
فالجذ يقول: الشبان أمثاله في سوفخوز يقودون السيارات ويحرقون بالجرارات
Fa l-jadd yaqūl: ash-shubbān ‘amthālu-hu fī s-sūfkhūz yaqūdūna s-sayyārāt wa
yaḥruthūna bi l-jarrārāt Дед говорит: «Такие парни в совхозе машины гоняют, на тракторах
пашут». [1, с.33] اما مدير سوفخوز تشونبايف، فقد كان يتصور بدقة أفكار كوتشكوربايف
Ammā mudīr as-sūfkhūz Tshūnbāyif, fa qad kāna yataṣawwaru bi diqqa ‘afkār
Kūtskhūrbaif «Директор совхоза Чотбаев легко представлял себе ход кочкорбаевской
мысли». [1, с.33]

كولاك **kūlāk** «кулак» (зажиточный крестьянин, использующий наёмный труд).
على ما يظهر ذلك ان أباه نفي اثناء القضاء على الكولاكين كطبة، ومات في طريق عودته من منفاه بعد ان اتضح انه لم يكن كولاكاً.
‘Alā mā yaḥzharu dhālik anna abā-hu nufiya athnā’ al-qaḍā’ ‘alā l-kūlākiyyīna
ka-ṭabaqa, wa māta fī ṭarīq ‘awdati-hi min manfā-hi ba‘da an ittaḍaḥa anna-hu lam
yakun kūlākan «Отца его, оказывается, выслали по ликвидации кулачества как класса, и тот вскоре умер в
пути, возвращаясь из ссылки, когда выяснилось, что никакой он не кулак». [1, с.33]

غولاغ **ghūlāgh** «ГУЛаг» (Главное Управление Лагерьей и мест заключения — подразделение НКВД
СССР, МВД СССР, Министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство местами заключения и
содержания в 1930—1960 годах).

مما سبق نستخلص ونستنتج الدليل على ان ترحيل الملايين و إسكانها في الغولاغ جاء نتيجة فكرة مبنية و منفذة ببرودة اعصاب
وبتسلسلية وصلابة قوتين .

Mimmā nastakhliṣ wa nastantij ad-dalīl ‘alā anna tarḥīl al-malāyīn wa iskāna-ha fī l-ghūlāgh jā’ natījat fikra
mubīna wa munaffadha bi burūdāt a‘aṣāb wa bi tasalsuliyya wa ṣalābat quwwatayn

«Предыдущее изложение должно было, кажется, показать, что в выбивании миллионов и в заселении
ГУЛага была хладнокровно задуманная последовательность и неослабевающее упорство». [1, 34]

البرافدا **al-brāfdā** газета «Правда» (чаще всего в арабских СМИ встречалось в словосочетании со
словом «газета» البرافدا جريدة jaṛīdat al-brāfdā или صحيفة البرافدا ṣaḥīfat al-brāfdā. Вместе с тем данное
заимствование могло употребляться и в прямом значении).

كما نعلم، إن لفظة "برافدا" أو "الحقيقة" تشغل مكانة بارزة في تاريخ روسيا الحديثة.
Kamā na‘alamu, inna lafẓat “brāfdā” aw “al-ḥaqīqa” tashghalu makāna bāriza fī tārikh Rūsiyā l-ḥadītha «Как
мы знаем, слово «правда» или «истина» занимает значимое место в истории современной России». [1, с.
36]

كي جي بي **kī jī bī** «КГБ» (Комитет Государственной безопасности СССР).

قال الرئيس الروسى إن اسمه خلال التعليم في أكاديمية "كي جي بي" كان "بلاتوف".
Qāla l-ra‘īs ar-rūsiyy inna sma-hu khilāla t-ta‘līm fī akādīmīyyat “kī jī bī” kāna “Blātūf” «Российский
президент сказал, что во время обучения в КГБ его звали Платов». [1, с. 37]

ترويكا **trūykā** «Тройка» (старинная русская упряжка из трех лошадей). Впоследствии, слово
«тройка» использовалось в контексте дипломатических переговоров, включающих трёх главных
участников, например, США, Россию и Евросоюз, в частности, на переговорах по проблеме Косово в
2008 году.

دعا وزير الخارجية الألماني فرانك فالتر شتاينماير إلى تشكيل "ترويكا دولية" تتكون من الولايات المتحدة و روسيا والاتحاد الاوروبي بهدف إيجاد
حل لقضية إقليم كوسوفو .

Da‘ā wazīr al-khārijīyya al-almāniyy Frānk Fāltir Shtāyīnmāyir ilā tashkīl “trūykā dawliyya” tatakawwanu min
al-Wilāyāt al-muttaḥida wa Rūsiyā wa li-ttīḥād al-ūrūbiyy bi hadaf ijād ḥall li qaḍīyyat iqlīm Kūsūfū «Министр
иностраннх дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер призвал к созданию международной "тройки",
состоящей из США, России и Евросоюза, с целью поиска решения косовской проблемы». [1, с. 35]

من المقرر أن ترفع «الترويكا» في العاشر من كانون الأول المقبل تقريراً إلى الأمين العام للأمم المتحدة بان كي مون يعرض نتائج المحادثات التي
قامت بها.

Min al-muqarrar an tarfa’ “at-trūykā” fī l-‘āshir min kānūn al-awwal al-muqbil taqrīran ilā l-amīn al-‘āmm li l-
umam al-muttaḥida Bān Kī Mūn ya‘riḍu natā’ij al-muḥādathāt al-laṭī qāmat bi-hā «10 декабря Тройка должна
опубликовать доклад Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну, в котором будут представлены
результаты ее переговоров». [1, с. 35]

В современной прессе слово «тройка» встречается в значении «три дипломата, ответственные за политику Евросоюза (Министр иностранных дел страны, председательствующей в Евросоюзе, Генеральный секретарь Евросоюза и Комиссар Евросоюза по внешним делам)».

وبعد عامين ومع استمرار هبوط الناتج المحلي الإجمالي اضطرت ترويكا المقرضين – المفوضية الأوروبية وصندوق النقد الدولي والبنك المركزي الأوروبي – إلى تقديم حزمة إنقاذ ثانية بقيمة 130 مليار يورو.

Wa ba'ada'āmayn wa ma'a stimrār hubūṭ an-nātij al-maḥalliy al-ijmāliyy uḍḥurrat trūykā al-muqrīḍīn – al-mufawwaḍiyya al-ūrūbiyya wa sundūq an-naqd ad-dawliyy wa l-bank al-markaziyy al-ūrūbiyy – ilā taqḍīm ḥuzmat inqādh thāniya bi qīmat 130 milyār yūrū «Два года спустя, в связи с продолжающимся падением ВВП, тройка кредиторов - Европейская комиссия, Международный валютный фонд и Европейский центральный банк - была вынуждена предложить второй пакет помощи в размере 130 миллиардов евро». [1, с. 36]

ghlāsnūst wa bīrīstrūykā «гласность и перестройка» (два начинания главы СССР Михаила Горбачева для реформирования страны во второй половине 1980-х гг.)

كان مصدر الكثير من الإلهام في تنفيذ هذا البرنامج نماذج اعتمدها الاتحاد السوفياتي من أجل عمليتي غلاسنوست وبروسترويكا.

Kāna maṣḍar al-kathīr min al-ilhām fī tanfīdh al-barnāmaj namādhij i' tamada-ha l-ittihād as-sūfiyātiyy min ajli 'amalīyyatay ghlāsnūst wa bīrīstrūykā «Источником вдохновения для реализации этой программы послужила модель, принятая Советским Союзом для двух процессов: гласности и перестройки». [1, с. 37]

الكرملين al-Krimlīn «Кремль» (укрепленная крепость древнерусского города). В наши дни данное заимствование чаще всего используется как метоним, принятый в общественно-публицистической лексике для обозначения высших кругов власти в СССР и Российской Федерации.

أوضح الكرملين أن بوتين اجتمع يوم السبت مع وزير الخارجية وال دفاع.

Awḍaḥa l-Krimlīn anna Būtīn ijṭama'a yawm as-sabt ma'a wazīray al-khārijīyya wa d-difā' «В субботу Путин встретился с министрами иностранных дел и обороны, - сообщили в Кремле». [1, с. 38]

masraḥ Būlshūy «Большой театр» مسرح بولشوي

حاز على ميدالية مسرح بولشوي، قلده إياها مدير مسرح بولشوي.

ḥāza 'alā mīdāliyyat masraḥ Būlshūy qallada-hu iyyā-hā mudīr masraḥ Būlshūy «Он получил медаль Большого театра, которую вручил ему директор Большого театра». [1, с. 37]

bālālāykā «балалайка» (русский народный трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с корпусом треугольной формы)

تقدم مدرسة الدرب الأحمر للفنون عرض المنوعات "بالالاياكا" مساء يوم الأحد.

Tuqaddimu madrasat ad-darb al-aḥmar li-l-funūn 'arḍ al-munawwa'āt "Bālālāykā" masa' yawm al-aḥad «Школа искусств «Ад-дарб ал-ахмар» представит шоу "Балалайка" в воскресенье вечером». [1, с. 39]

В арабский язык перекочевал небольшой пласт заимствований, которые по своей семантике можно отнести к обиходно-бытовой лексике, в частности, названия денежных единиц. Например, слова روبل rūbl «рубль» и كوبيك kūbīk «копейка» широко используется в арабском языке, чаще всего в контексте экономических новостных сводок.

موسكو — سبوتنيك. ارتفع سعر صرف الدولار اليوم بمقدار 6 كوبيك ووصل إلى 68 روبلا.

Mūskū – Sbūtnīk. Irṭafa 'a si' r ṣarf ad-dūlār al-yawm bi miqdār 6 kūpīk wa waṣala ilā 68 rūblan «Москва - Спутник. Курс доллара сегодня вырос на 6 копеек и достиг 68 рублей». [1, с.39]

samāwir «самовар» سماور

ان الرئيس الروسي أهدى كنايسل لوحة تصور حياة قروية ومعصرة زيت عتيقة فضلا عن سماور.

Inna r-ra'īs ar-rūsiyy ahdā Knāysil lawḥat taṣawwur ḥayā qarawīyya wa mi'ṣarat zayt 'atīqa faḍlan'an samāwir «Президент России подарил Кнайсль картину с сельским пейзажем, старинную масловыжималку и самовар». [1, с. 39]

fūdkā «водка» (крепкий алкогольный напиток русского происхождения) فودكا

عثر الشرطة الدنماركية على قنينة الفودكا، التي يعتقد أنها الأعلى في العالم، فارغة في موقع للبناء.

'atharat ash-shurṭa d-dinimārkiyya 'alā qinnīnat fūdkā al-latī yu'ataqadu anna-ha l-aghla fī l-'ālam fāriḡha fī mawqī' li-l-binā' «Датская полиция нашла бутылку водки, которая считается самой дорогой в мире, пустой на строительной площадке». [1, с. 40]

Другая тематическая категория, которая в настоящее время имеет тенденцию количественно пополняться, – технологии и военное оборудование. Начиная со второй половины XX века, когда был запущен первый искусственный спутник Земли, и по сей день, благодаря международным СМИ, в арабский язык проникают наименования техники российского производства. Назовем некоторые из них.

Sbūtnīk «Спутник-1» (первый искусственный спутник Земли - советский космический аппарат, запущенный на орбиту 4 октября 1957 года). В арабском мире слово «спутник» сначала было

воспринято как имя собственное, сам же термин «искусственный спутник» переводили словосочетанием *قمر صناعي qamar šinā'iyu* .

وفي نفس اليوم من عام 1957 أطلق الاتحاد السوفيتي أول قمر صناعي في العالم سبوتنك 1.

Wa fi nafs al-yawm min 'ām 1957 aṭlaqa l-ittihād as-sūfūṭīyyu awwal qamar šinā'iyu fi al-'ālam “Sbūtnik 1” «В тот же день в 1957 году Советский Союз запустил первый в мире искусственный спутник «Спутник-1». [1, с. 41]

توبول إم tūbūl im «Тополь-М» (российский ракетный комплекс стратегического назначения).

روسيا تنجح في إطلاق صاروخ "توبول إم" العابر للقارات .

Rūsiyā tanjaḥu fī iṭlāq šārūkh “Tūbūl im” al-'ābir li-l-qārrāt «России успешно запускает межконтинентальную ракету «Тополь-М». [1, с. 40]

كلاشنكوف kalāshnikūf “автомат Калашникова”

كما يتضح من الصورتين أدناه ، فقد دمرت الطائرة تماما وتظهر مخازن من بندقية كلاشنكوف في وسط الحطام .

Kamā yattaḍīhu mina-ṣ-šūratayn adnā-hu fa qad dummirat aṭ-ṭā'ira tamāman wa taḥzaru makhāzin min bunduqiyyat Kalāshnikūf fī wasaṭ al-ḥuṭām «Как показано на двух фотографиях ниже, самолет был полностью разрушен, а магазины автомата Калашникова были обнаружены среди обломков». [1, с. 40]

Русские заимствования в арабском языке явились результатом межкультурной коммуникации русского и арабского народов, которая осуществлялась в течение весьма продолжительного времени. Многовековые политические и торговые отношения между Западом и Востоком взаимообогащали культурную составляющую народов, а процесс заимствования был естественным при взаимодействии арабского и русского языков. Если сравнить заимствования из этих языков в количественном и качественном отношении, станет очевидным, что арабский язык оказал большее влияние на русский, поскольку арабская заимствованная лексика в русском языке явно преобладают над количеством русских заимствований в арабском.

С точки зрения периода заимствования, большинство русских заимствований в арабском языке можно по праву считать «молодыми», так как в основном они проникали в арабский язык, начиная со второй половины XX века, в отличие от пласта арабских заимствований в русском языке, который формировался с древних времен и осваивался носителями русского языка на протяжении нескольких столетий.

В тематическом отношении арабские по происхождению слова встречаются во многих сферах жизнедеятельности русскоговорящего человека: в религии, науке, образовании, культуре и литературе, общественно-политической сфере, бытовых терминах и т.д. Эти заимствования стали неотъемлемой частью русской культуры. Большинство русских заимствований в арабском языке в плане семантики имеют отношение к советской действительности. Помимо этого, есть и заимствования, отражающие реалии русского быта и жизненного уклада русского народа.

С точки зрения путей проникновения можно сделать вывод, что большая часть арабских заимствований попала в русский язык посредством таких западных языков, как немецкий, голландский и французский, а также с помощью тюркских языков, в частности, турецкого и татарского. Русские же заимствования проникали в арабский язык, в основном, напрямую, без языков-посредников.

С морфологической и фонетической точек зрения, можно отметить, что большинство слов арабского происхождения гармонично вписались в структуру русского языка. Что же касается русских заимствований в арабском языке, то они не до конца были освоены арабским языком, ввиду специфики моделей арабского слова и его строго организованной корневой системы. Тем не менее, арабский язык ассимилировал эти заимствования с фонетической точки зрения и адаптировал к своей морфологической системе наиболее частотные в употреблении слова. Так или иначе заимствования способствовали расширению межкультурной коммуникации, росту взаимопонимания между нашими народами и взаимной интеграции культур.

Литература

1. Агаджанян Е.С. Проблема заимствований в контактах русского и арабского языков: дис. ... магистр филол. наук / Е.С.Агаджанян. – М., 2019. – 74 с.

2. Акинина О.Г., Аль-Фоади Рахим Али. Арабские переводчики произведений Ч.Айтматова // Сборник материалов международной конференции «Чингиз Айтматов и современный мир». – М., 2018, с.68-72.
3. Al-mu'jam al-wasīṭ / Istanbul, 1989. Al-juz' al-awwal. – 548 s.
4. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / Х.К.Баранов. – М.: Издатель Валерий Костин, 2005. – 944 с.
5. Белкин В.М. Арабская лексикология / В.М.Белкин. - М.: Издательство Московского университета, 1975. – 200 с.
6. Зидан Ж.Р. «Описание России» шейха Мухаммада ат-Тантави: стилистические особенности произведения, дис. ... магистр востоковедения и африканистики 522600. - МГУ им. М.В. Ломоносова, М. 2014. 43 с.
7. Ибн Фадлан. «Записка» о путешествии на Волгу [Электронный ресурс] / Ибн Фадлан. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/fadlan.htm>. – (Дата обращения: 01.10.2019).

УДК 8

Пословицы о добре и зле в разноструктурных языках

М.Х.Баташева

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Чеченская республика

batasheva_86@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать на материале паремий такой фрагмент фольклорной картины мира ингушского и немецкого народов, как нравственно-этические категории «добро» и «зло». Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются пословицы данной семантической группы в аспекте сравнительного анализа. Исследование данных пословиц очень актуально с точки зрения выражения в них моральных и этических ценностей, присущих народам, рассматриваемых языков. В статье описаны паремические ситуативные модели, которые используются с целью духовно-нравственного воспитания, формируют правила поведения человека в обществе.

Ключевые слова: концепт, добро, зло, пословица, поговорка.

Proverbs about good and evil in different languages Batasheva Madina Khasanovna

Annotation. The article attempts to investigate such a fragment of the folklore picture of the world of the Ingush and German peoples as the moral and ethical categories "good" and "evil" on the material of parodies. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the Proverbs of this semantic group are considered in the aspect of comparative analysis. The study of these Proverbs is very relevant from the point of view of the expression of moral and ethical values inherent in the peoples of the languages under consideration. The article describes the paremic situational models that are used for the purpose of spiritual and moral education, form the rules of human behavior in society. Ключевые слова: концепт, добро, зло, пословица, поговорка.

Keywords: concept, good, evil, proverb, saying.

В лингвистической литературе дано следующее определение концепту. «КОНЦЕПТ (от лат. conceptus - собрание, восприятие) - акт "схватывания" смыслов вещи(проблемы) в единстве речевого высказывания».

Как отмечает В.А. Маслова, «этот термин, хотя и прочно утвердился в современной лингвистике, до сих пор не имеет единого определения» [6, с. 34].

С. А. Аскольдов также считает, что концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [6, с. 267].

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга..., всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 267].

Д. С. Лихачев утверждал, что изучать сферу концептов национального языка необходимо в теснейшей связи с культурой народа. Он писал: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации - ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно, искусство, также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации» [4, с. 284].

Пословицы и поговорки любого народа выявляют бытовую и языковую картину мира, в которой человек является центром осмысления и выражения оценки. Они представляют незаменимый источник сведений о коллективном авторе и носителе пословичного фонда, о его приоритетах, аксиологии и запретах, выработанных коллективной мудростью.

Пословицы - это многолетняя мудрость народа, воплощенная в кратких фразах. Одни пословицы появляются, другие исчезают - забываются, почти все живут веками не меняясь, невзирая на новые информационные технологии, сленг и «упрощение языка».

В исследовании семантики ингушских и немецких пословиц важное место имеет сопоставление, благодаря которому более ярко проявляются различия ценностей этих народов.

Важность изучения семантики пословиц о добре и зле заключается в том, чтобы выявить значимость добра и зла для носителей ингушского и немецкого языков, а также сходство и различия этих пословиц у этих народов.

В ингушском и немецком языках нет четкого разделения паремий на пословицы и поговорки, они обозначены под одним термином «пословица». На ингушском «пословица» обозначается термином «кица», а на немецком – *sprichwort*.

Ингушский язык входит в нахскую ветвь нахско-дагестанских языков, а немецкий - в германскую группу индоевропейских языков.

Живительный дух ингушского фольклора проникает в человека с младенчества. Он сопровождал предков народа от колыбельной песни до песни вечного упокоения. Поэтому ингуши всегда с особым добрым чувством относятся к фольклорным творениям своего народного искусства, в котором главное место занимают такие категории, как «добро» и «зло», «долг», «честь», «мужество» и т.д.

Ингушский профессор Дошлуко Мальсагов писал: «Произведения фольклора могут пролить яркий свет на различные моменты истории. Сопоставляя произведения устного творчества ингушей с творчеством других народов, устанавливая между ними связь, прослеживая пути и этапы распространения «странствующих сюжетов», мы можем выяснить очень многое из неизвестного прошлого» [5, с. 94].

Пословица как элемент фольклора, как малый его жанр, часто противопоставляет такие универсальные понятия, как добро и зло, свойственные разным народам и культурам. Проблемы добра и зла и их классификации привлекали внимание философов в продолжении многих столетий. Многие исследователи отмечали неоднозначность, а иногда и противоречивость трактовки этих важных морально-этических понятий.

Своеобразным «общим» местом в различных исследованиях является определение добра и зла как особых, определяющих морально-нравственных категорий в сознании человека. Как правило, такие характеристики присущи этим категориям практически во всех языках, в том числе и в ингушском, и в немецком.

Отмечаемые многими авторами черты немецкого народа: трудолюбие, добросовестность, готовность довести до конца начатое дело, любовь к порядку - отражаются, как правило, и на оценках анализируемых категорий добра и зла. Немцы говорят: «Воспитание начинается с появления на свет. На подушечке, на которой спит ребенок, присутствует надпись: «Спокойная совесть - легкая подушка». Немецкая пословица гласит: *Der gerade Weg ist der beste*. (Прямая дорога самая лучшая).

В ингушско – русском словаре (А. И. Бекова, У. Б. Дударов, Ф. М. Илиева, Л. Д. Мальсагова, Л. У. Тариева Ингушско – русский словарь, Нальчик, 2009, 979 с.) даются следующие определения добру и злу:

ДИКА 1 прил. хороший; ~ **саг**. Хороший человек,

ДИКА 2 нареч. добротнo, хорошо; **Гайха хьа мел дер - делахь**. Все, что ты делаешь, делай хорошо.

ДИКАЛ сущ. я (только в ед. ч.), -о, -ца доброта, порядочность; - **сага хозагIа йола оамал я**. Порядочность - красивейшая черта человека.

ВО 1 // **МО** прил. дурной, нехороший, злой; плохой, скверный; ~ **хIама карагI ма далийта**. Не позволять плохого.

ВО 2 // **мо** нареч. плохо, скверно;- **ма вувца саг**. Не говорить о человеке плохо.

ВОЗ сущ. д (только в ед.ч.), -но, -нца зло; **дукха** ~ **даьд цо**. Он сделал много зла.

Словарь Беме и Байкова дает следующие определения добру и злу:

Gut n -es, Güter добро, благо; имение; имущество; товар, груз

Güte f =доброта, haben Sie die ~будьте так добры; (хорошее) качество (продукция) [2, с. 94].

böse зло, злой, сердитый, j-m [auf j-n]. ~ sein [wérden]. (pac)сердиться на кого-л., ~ máchen (pac)сердить, злить

boshaft злостный, злобный

Bosheit f =, -en злоба [2, с. 94].

В нижеследующих поговорках показано отношение ингушей и немцев к добру и злу:

1айха хий молача хана, хьаст тоабьчун (г1ув яьккхачун) сий де.
Когда пьешь воду, помяни добром обустроившего родник (вырывшего колодец).

1айха диканга сатувсе, нахаца дика хила.
Хочешь иметь лучшую долю – по-хорошему относись к людям.

Д1аводаш 1а тоабь никъ юхавог1аш накъабаьннаб.

Если ты ехал по дороге и заодно чинил ее, дорога эта сгодится тебе на обратном пути.

Gut Gruß, gute Antwort. -За добро добром платят. Добро сеять – добро и пожинать. Сделав другу добро, себе жди того же. На добрый привет добрый ответ. Живи добрее, будешь всем милее. Делай другим добро, будешь сам без беды. Живи для людей, проживут и люди для тебя.

Ein Dienst des anderen wert. -Долг платежом красен. Как аукнется, так и откликнется. Делай добро и жди добро. По заступке и спасибо.

1айха наьха кий яьккхача, хьайяр т1аьн к1ала йолла.-Сорвал с другого шапку, свою зажди под мышку.

Йоацачунгара яьккха веннар шийчох ваьннав.-Пытаясь отнять у неимущего, потеряешь, что сам имеешь.

Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein.-Не рой другому яму – сам в нее попадешь. Не подставляй ноги: на самого спотычка нападет. Чем кого взыщешь – и себя то же сыщешь. Отольются кошке Мышкины слезы. Что людям радеешь, то и сам добудешь.

Во доацаш дика а хиннадац, нана йоацаш вой а хиннавац.-Не бывает худа без худа, как не бывает сына без матери.

Jeder Nachteil hat auch seinen Vorteil. Jedes Ding hat zwei Seiten.-Нет худа без добра. Худа без добра не бывает. Во всяком худе не без добра. Нет худа без добра, и нет добра без худа.

Воча дешо берза йорт йихьай. -Плохое слово волчьей рысью бежит

Böse Botschaft bringt man bald.-Худые вести быстро доставляют. Худые вести не ждут на месте. Багенна пхоара вар кулгана 1аьхара хул.-Кто плодовио речами, у того руки бесплодные.

Das schlechteste Rad knarrt am meisten. -Плохое колесо сильнее других скрипит.

Веннавар аьнна 1ергвац шийна т1адоацар леладе 1емар.-Даже умерев, не бросит своих вредных привычек тот, кто привык лезть не в свои дела

Der Säufer lässt das Trinken nicht. -Пьяница пить не бросит. Горбатого могила исправит.

Böses wird nicht mit Bösem überwunden.-Зла за зло не воздавай. Худого худым не исправишь.

Воча сагаца г1улакх леладар – вонна т1авала лоами ба.-Водиться с плохим человеком – возводит лестницу к несчастьям

Ein fauler Apfel macht zehn faule Äpfel. -Одно гнилое яблоко делает гнилыми десять. Паршивая овца всё стадо портит.

Ein faules Ei verdirbt den Brei. -Тухлое яйцо портит кашу.

Наха муш ма тувса – хьай кьамаргаш 1овдаргья 1а.-Не закидывай веревку на шею других, не то она может сдавить твою шею.

Ein finstrier Blick kommt finster zurück.-Как аукнется, так и откликнется. Ответом на мрачный взгляд будет такой же мрачный взгляд.

Нахала ше дикаг1а хеташ вола саг цу нахала ше энжег1а ва.-Кто других считает хуже себя, тот сам становится ниже их.

Hochmut kommt vor dem Fall. -Высокомерие предшествует падению. Спесь до добра не доведет.

Бат ураг1а ег1а лелар ког тоссабенна хоттала вахав.-Задиравший нос, споткнувшись, в грязи оказался.

Дикача хьехамал дикаг1а саг1а дац.-Из всех пожертвований лучшее – добрый совет.

Guter Rat ist Goldes wert. -Хороший совет достоин золота. Хороший совет дороже золота.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ И КAVKAZA

Guter Rat kommt über Nacht.-Хороший совет придет по прошествии ночи (через ночь). Утро вечера мудренее.

Мурьеннача дахчах ба воча сагах бийтта оаглув.-Ходил бок о бок с плохим человеком – и бок прогнул.

Böse Beispiele verderben gute Sitten. -Дурные примеры портят хорошие нравы.
Дурной пример заразителен.

Воча сагацарча машарал дикача сагацара дов тол.-Чем жить в мире с плохим человеком, лучше жить во вражде с человеком порядочным

Ein närrischer Freund macht mehr Verdruss als ein weiser Feind.-Глупый друг доставляет больше неприятностей, чем мудрый враг. Услужливый дурак опаснее врага.

Наьха багара яьккхача сискалах вузаргвац.-Хлебом, вырванным из чужого рта, не насытишься.

Böser Gewinn fährt bald dahin. Ein ungerechter Pfennig frisst zehn andere. Fremdes Gut tut nicht gut. Unrecht Gut gedeiht nicht. -Лихо тому, кто неправду творит кому. Ищи себе прибыли, а другому не желай гибели. Неправедно нажитое боком вылезет.

Итт сага дикадар де: хьо к1алвисача, царех ца1 мукьа короргва хьона.-Сделай десятерым добро: в трудный час хотя бы один из них придет тебе на помощь.

Иттанена 1а дикадар дича, царех ийссане хьона юха во дарах, дикадар дергдола ца1 коравоаг1аргва хьона из ийссе во д1адоаккхаш.-Сделай добро десятерым. Если в ответ девять из них сделают тебе зло и лишь один – добро, это одно добро одолеет те девять зол.

Наха даь г1уллакх – д1адилла улла рузкьа да.-Сделал людям добро – это твое богатство.

Воча саго дийша 1илма – 1овдалча сага бе кхьяча тур да.-Науки, постигнутые плохим человеком, - сабля в руках дурака.

Дикадар дечо ше кьонах хиларах ду, водар дечо ше эсала йовсар хиларх ду.-Творящий добро творит его потому, что он мужчина, а творящий зло творит его потому, что он ничтожество.

1айха ловргдоацар нахага ма ала.-Не говори другим того, что тебе самому не понравится.

Во дош кьорачоа а хоз.-Плохое слово и глухой услышит.

Б1ехала дег чу дохьаж доал, кьизача сага кер чу кхера боал. -У змеи нутро ядовитое, у жестокого (черствого) человека нутро каменное.

Ваза во во1 хулачул, вала дика во1 хилча тол. -Пусть будет лучше погибший, но хороший сын, чем живой, но плохой.

Во хила атта да, дика ва алийта хала да.-Легко быть плохим, трудно быть хорошим.

Во оамал 1омае атта да, дикаяр лелае хала да.-Легко занять плохую привычку (черту характера), но трудно хорошую черту уберечь.

Воккхаг1чо аьннар ца даьр доккхача вон т1а кхьячав.-Несчастье постигло того, кто не послушался совета старшего.

Дича дехке варгвола х1ама ма де.-Не делай того, о чем позднее пожалеешь.

Доаг1а мотташ во а даг1ац, дика а даг1ац.-И счастье, и несчастье приходят, когда их не ждешь

Доккха г1алат да наьха г1алаташ лехар.-Самый большой недостаток – собирать чужие недостатки.

Das Gute wird bald vergessen. - Доброе скоро забывается, а худое долго помнится. Лихо помнится, а добро забывается. Хорошее лежит, а худое бежит. Доброе смолчится, а худое смолвится. Обида сильнее человека, и, чтобы ее забыть, не хватает века.

Narren wachsen unbegossen. - Худая трава скоро растет. Сорная трава быстро растет. Дураков не сеют, не жнут, а сами рождаются.

Sei zufrieden mit dem Gut, das du hast. - От добра добра не ищут.

Böses kommt geritten, geht aber weg mit Schritten. - Зло прискачет верхом, а прочь уходит шагом.

Зло споро - не сживешь скоро.

Die Tugend ist sich selbst ihr Preis. - Добродетель – сама себе награда.

Ein Bild ist besser als tausend Wörter. -Одна иллюстрация лучше тысячи слов. Добрый пример лучше сотни слов.

В результате проведенного исследования, проанализировав 173 паремий ингушского и немецкого языков, мы установили:

1. В ингушском – 100. В немецком – 73.
 2. Пословицы и поговорки с термином «добро» в ингушском языке – 21, в немецком языке – 13.
 3. Пословицы и поговорки с термином «зло» в ингушском языке – 8, в немецком языке – 5.
 4. Описательная передача понятий «добро» и «зло» другими терминами – (хороший – плохой, худо – добрый, жестокий, черствый, счастье – несчастье и т. д.), в ингушском – 71, в немецком – 35.
- Таким образом, на основе изложенного можем сделать вывод о том, что понятия «добро» и «зло» являются ключевыми в ингушской и немецкой паремиологических системах. Причем паремий со значением «добро» в ингушской паремиологии значительно больше, чем в немецкой.

Литература

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. - С. 267 – 279.
2. Беме И., Байков В. Немецко – русский, русско – немецкий словарь. – Санкт- Петербург, 2000. - 672 с.
3. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 6 – 17.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: Антология / Под ред. В. П. Нерознака.- М.: Academia, 1997. - 280 - 287с.
5. Мальсагов О. А. Общественно-литературная деятельность З. К. Мальсагова // Героическая война. - Грозный: ЧИКИ,1962, 94 – 108с.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие [Текст]. / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	4
Бесолова Е.Б. 1, Зангиева З.Н. 2О проблемах северокавказских языков в эпоху глобализации ...	4
Магомедов М.И <u>Актуальные проблемы изучения и преподавания дагестанских языков в средней школе</u>	8
Направление 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.	12
СЕКЦИЯ 1.1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	12
Гаврилова О.С., Иванова И.Н <u>Современные проблемы преподавания русского языка на факультете среднего профессионального образования</u>	12
Довлеткиреева Л.М., Гехаева С.И., Джантамирова А.А., Исмаилова А.М <u>Актуализация общечеловеческих концептов «родина», «знание» и «семья» в русском, чеченском и английском языках</u>	16
Чернов Д. А., Гаврилова О. С. <u>Технологии эвристического обучения на занятиях по филологическим дисциплинам</u>	22
Ужахова Р.К. <u>Классическое наследие русских писателей (Человек. Время. Пространство)</u>	24
Майсигова М.Х., Дударова Л.М., Добриева З.И. <u>Особенности безличных предложений в произведениях Л. Н. Толстого «Война и мир» И М. А. Шолохова «Тихий Дон»</u>	32
Тепсуев М.С <u>Некоторые проблемы изучения и преподавания языков и литературы в средней и высшей школе.</u>	35
Ногаева С.Е. <u>Формирование функциональной грамотности младших школьников</u>	39
Дасовхаджиева А.А <u>Процесс проникновения иноязычной лексики в спортивную терминологию русского языка</u>	43
Джамбинова Н.С., Кичикова Н.А., Манджиева Э.Б. <u>Лексические приёмы языковой игры в структуре современных рекламных текстов</u>	45
Костяева М.О. <u>Лексико-семантическое поле «Запах» в русском языке XVIII в.</u>	50
Шиков К.М. <u>К вопросу формирования жанровой системности в адыгском русскоязычии: литературоведческий аспект</u>	55
Магомадова Т.Д., Хабусиева Т.Б <u>Метафорическое онлайн-моделирование «политика» – «война» в современном английском и русском медиадискурсе.</u>	60

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА
РОССИИ И КАВКАЗА**

Баматгиреева М.В. Синтаксические терминообразовательные типы в русском языке (на примере терминосистемы наук об этносе)	64
Кубиева Л.М., Межидова Ж.С., Закраилова Б.Р. Тема заимствований в русском языке	69
Ажигова Т. М., Сагова А. А. Нарушение норм русского литературного языка на примере газеты «Ингушетия»	73
Эдилова А.Т. Обучение иностранных студентов основам и элементам русской разговорной речи	77
П.Г. Алиева . Использование зоонимов в составе ФЕ для образной характеристика человека в различных культурах	81
В.В. Лебедев Какое оно – новое поколение студентов, изучающих арабский язык, и каким должен быть преподаватель, обучающий арабскому языку	85
Узунова Н. Б. Роль служебных слов в выражении категории времени в современном арабском литературном языке	95
Магомадова Л.А Исторические предания Древней Аравии	98
Алиева П.М. Вербальный этикет обряда сватовства в арабском языке	100
Абдуллаев И.Ш., Пайзулаев Р.П., Аштабекова Д.А. «ДНК» славян	103
Абдуллаев И.Ш., Учакаева М.А., Магомедов А.А. Прототип числа «один» в языках различных типологий (на материале китайского, арабского, тюркских, нахско-дагестанских и индоевропейского языков)	115
Магомедов А.А., Пайзулаев Р.П. Метафора в отрицательной коннотации коранического текста	117
Курбанова Э.О., Абдурахманова Х.С. Легенды и мифы фольклора народов Дагестана	120
Курбанова Э. О. Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие детей в контексте поликультурного общества	123
Омаров А.А. Фразеологическое пространство соматизма لسان «язык» в арабском языке	126
Рабаданова М.А. Лексико-семантическое поле арабских глаголов عَلِيَ <i>выситься</i> и عَلَا <i>подниматься</i> в зеркале русского языка	129
З.Н. Кодзова Роль наглядных средств в изучении арабского языка	133
А.А. Магомедов Виды алифа в АЛЯ и их функции	134
Ландо Н.С. Подбор языкового материала при обучении арабскому языку как второму иностранному	137
Магомедова С.И., Гамзатова А.М. Тема «Медицина» как один из компонентов формирования коммуникативной компетенции в процессе обучения арабскому языку	143
Сулейманова З. С. Арабский язык и теологическое образование. Методика преподавания арабского языка при подготовке теологов	150
Шалкинская А.Ю. Двойственное число в арабском языке (на материале трактата египетского лингвиста М. ал-Галайини “Джами’ ад-дурус ал-‘арабийя”)	154_Тос31248566

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА
РОССИИ И КAVKAZA**

Шалкинская А.Ю. Правильное множественное число в арабском языке (на материале трактата египетского лингвиста М. ал-Галайни “Джами‘ ад-дурус ал-‘арабийя”).....	160
Закрыжевский М.Ш Теории происхождения арабских диалектов	169
СЕКЦИЯ 1.3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И МЕТОДИКИ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ.....	173
Айгунова Т.С. Природа временного значения перфектной формы глагола английского языка	173
Айгунова Т.С. , Мусаева А.А. Перфект как особая категория временной отнесенности	175
Эльжуркаева М.Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц тематического поля «образовани е» в русском и английском языках	177
Ковальчук Н.В. Способы выражения категории побудительности в немецком художественном произведении	180
Щербакова И.В. Обучение переводу научно-технических текстов в неязыковом вузе	183
Щербакова И.В. К вопросу о развитии диалогической речи на иностранном языке у студентов неязыкового вуза	186
Канаева З.А. Гендерные особенности в современном британском английском языке	189
А.В. Тадтаева К вопросу о составляющих профессионально-педагогической компетенции преподавателей иностранных языков.....	193
Алпысова Ж. Е., Тулегенова М. Б Изучение иностранного языка – принцип доступности и интереса.....	196
Мусаева А.А. Взаимодействие различных моделей изучения иностранного языка на аудиторных занятиях	200
Дзейтова Х. Б. Лингвистические средства построения французского рекламного слогана	202
Х. А. Упаева, Т.Т. Абдукадырова Формирование фонетических навыков речи как компонент коммуникативной компетенции на начальном этапе обучения иностранным языкам	208
Тасуева С.И., Белхароева З.Х. Основные проблемы исследования и особенности глаголов с адвербиальным значением в английском языке.....	211
Даниева А.С. Имя прилагательное в составе фразеологизмов английского и русского языков (с использованием материала чеченского языка).....	214
С. И. Тасуева, М. И. Мачагова Гендерные особенности речевого поведения (на материале современного английского языка)	223
СЕКЦИЯ 1.4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И МЕТОДИКИ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ	228
Халидов А.И. Компаративистика без реконструкций? (к вопросу обоснованности выделения сино-...-кавказской семьи языков)	228
Вагапов А.Д., Навразова Х.Б. Новое в изучении учебных терминов в чеченском языке	234
Бадаева А.С. Парадигма опатива в чеченском языке.....	239

Сиражудинова К.К. Система числительных в некоторых диалектах аварского языка	245
Тания Р.Ш. Обозначение детских игрушек в контексте абхазского и английского языков	248
Тания Э.Ш. Структурно-семантические особенности ономастов в абхазском языке	252
Эдилов С.Э., Асхабова Л.А. Использование инновационных технологий в учебных заведениях	257
Маллаева З.М. О некоторых особенностях синтаксических конструкций в аварском языке ...	265
Навразова Х.Б., Исакова Б.Н. Этнокультурная специфика соматических кодов нахско- дагестанских языков	270
Атажахова С.Т. О некоторых соотношениях «превербов» и «послелогов» в адыгейском языке и «предлогов» в русском.....	274
Хажмурадова Х.З. Перемещенное отрицание в русском и чеченском языках.....	277
Чотчаева М. Х., Сакиева С. М. Творчество И. Капаева в контексте исканий современной прозы	282
Направление 2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА.....	285
Джамбеков О.А., Расумов В.Ш. Проблема формирования чеченской литературной сказки	285
Т.Х. Хапчаева Этнолингвистические пласты карачаево-балкарского именника	288
Дадаева А.Р. Особенности реализации концепта «лицо/честь/совесть» во фразеологических единицах русского и чеченского языков.....	292
Абуева М.С-С., Даудова П.Ш. Язык в политическом пространстве.....	295
Абдулкадыров А. Т. Ядерная лексика литературного творчества Магомед-Салаха Гадаева....	298
Ахаева М.А. Рассмотрение проблематики поэзии Хусейна Сатуева	303
Паранук К.Н. Судьба народная и родовое древо в эпике адыгейского писателя Юнуса Чуяко	306
Килабова М.А. Духовно-нравственная и этно-социальная проблематика в прозе М. Бексултанова	310
Хазуева Б. А. Лирическая проблематика поэзии Шайхи Арсанукаева.....	314
Джамбеков О.А., Шахгереева А.Х. Вопросы преподавания нравственно-этических ценностей в дошкольных и общеобразовательных учреждениях ЧР.....	317
Джамбеков Ш.А., Болатбаева Р. Слово о поэзии Жамалдина Махмаева.....	319
Зубцова Ю.О. Структурно-антропологическая специфика романа М. Ахмедовой «Дневник смертницы. Хадижа».....	322
Тотиева А.Н. Поликультурный аспект в изучении современной литературы	326
Лихова Н. У. Лингвокультурный концепт «время» и способы его репрезентации в адыгских и абазинском языках.	331

Хужева Л. К. Функционирование этнографической лексики в кабардино-черкесском языке (на материале родственных и семейных отношений).....	336	
Курбанова З.Г. Связь уроков дагестанской литературы с культурой и традициями народов Дагестана.....	340	
Тасуева С.И., Берсенкаева М.А. Концепт «свобода» - «freedom» в английском и русском языковом сознании.....	353	
Солодовникова О.К., Арсланмурзаева Л.Т. Дагестанские народные сказки как часть мультикультурного общества.....	359	
П.Г. Алиева Использование зоонимов в составе ФЕ для образной характеристики человека в различных культурах.....	362	
Гаджимурадова Т.Э., Корголова С.А. Поэтика образности фараона-реформатора в романе Нагиба Махфуза «Эхнатон, живущий в правде».....	366	
Гаджимурадова Т.Э. Арбен Кардаш о поэзии национальных поэтов-классиков.....	368	
А. С-П. Шуаипова, П. Х. Хунарикова Быть или не быть? Шекспир или не Шекспир?.....	371	
Даулетукаева К.Д. Развитие жанра поэмы в чеченской литературе первой половины XX века.....	373	
Дзусова Б. Т. Инновационные формы развития интереса к художественной литературе у детей младшего школьного возраста на уроках осетинского чтения.....	378	
Мурадова А.К. Значение литературы в системе современного гуманитарного образования ...	384	
А.А. Калашникова, Е.С. Маякова Прагмалингвистика Л. Филатова: пути достижения перлокутивного эффекта комического.....	388	
Коростов И.С. Специфика функционирования личного имени во внутренней речи персонажей современной литературы.....	393	
Л.А. Тенгизова Героиня-воительница в русских былинах.....	397	
Манцаева А.Н., Сусаева М.С. Мудрость, страдания и вера в произведении В. Шекспира «Король Лир».....	400	
Яхьяева З. И Концепт детства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	402	
Валиева Т. И. Повышение мотивации к изучению осетинского литературного чтения в начальных классах в процессе разнообразных форм внеурочной деятельности.....	406	
М. Б. Виситаева Некоторые аспекты развития читательского восприятия младших школьников.....	410	
Направление 5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА.....		415
Абишева О.Т.¹, Карбозова А.А.¹ Университет как пространство социального взаимодействия: современный контекст.....	415	
Мухсанова И.В. Формирование коммуникативного поведения личности: психолингвистический анализ.....	419	
Сиражудинова К.К., Магомедалиева М.Ф. Невербальный язык как средство общения.....	421	

Мусаева С.И. Язык межнационального общения и межкультурной коммуникации в условиях поликультурного пространства Дагестана.....	425
Плиева А.Х., Добриева З.И. СМС–сообщение в современном обществе.....	429
1Хасиева Б.Ч., 2Мостиева А.Л., 2Галазова З.Г. Межкультурная коммуникация как особый вид общения.....	433
Фомина О. А., Потанина О. Ю Речевые аномалии как один из факторов формирования современной языковой ситуации.....	437
Коростова С.В., Побединский Е.И. Эмоции в спортивном дискурсе: социолингвистический аспект.....	441
Буралова Р.А., Лечиева М.И. К вопросу о специфике межличностного общения чеченцев-билингвов (на примере коммуникативного поведения в ситуации прощания)	447
Буралова Р.А. Эргонимическая лексика в коммуникативном пространстве г. Грозного	453
Направление 6. БИЛИНГВИЗМ И БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ	459
Солодовникова О. К. Национально-русский билингвизм в дагестанской республике и его особенности в контексте кросс- культурной коммуникации.....	459
Аслаханов С.-А.М. Русско-чеченский словарь понятийного аппарата учебных дисциплин образовательной области «физическая культура» (постановка проблемы)	461
Направление 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА.....	466
Ван И Китайский эпический фольклор как отражение духовной культуры народа	466
Дадаева А. И. Фонетическая интерференция в русской речи чеченцев - носителей аккинского диалекта.....	471
Зекиева П. М. Модели ментального лексикона и особенности ментального лексикона билингва.....	474
Кулухова Э.А. Билингвизм и билингвальное обучение	477
Д.М. Магомедов Билингвизм и билингвальное обучение в Республике Дагестан.....	480
Терехова Н.В. Формирование коммуникативной деятельности учащихся-билингвов.....	483
на уроках русского языка	483
Шанхоева Я.А-Б., Добриева З.И. Художественный билингвизм в творчестве И. Кодзоева (на примере романа «Обвал»)	488
Направление 7. ПЕРЕВОД КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО.	491
Кудусова М. И., Кудусов И. И., Мусаева А.А. Онлайн переводчики как средство изучения английского языка	491
Пирмагомедова А.С. Роль лексических трансформаций в методах и способах логического мышления переводчика	494

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
Второй Международной научно-практической конференции
«ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЮГА РОССИИ И КАВКАЗА»

Сдано в набор 10.11.2019 г. Подписано к печати 20.11.2019 г.
Формат бумаги 420x297½. Печать ризографическая.
Физ. печ. л. 248 Усл.-печ. л. Авт.л. - 49,66
Тираж 500 экз. Зак. № 197.

Адрес издательства: 364031, г. Грозный
ул. С. Кишиевой, 33
+7(8712) 21-21-35.

Отпечатано в типографии ООО «Пилигрим»,
386102, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Чеченская, 5.
E-mail: pilgrim-K@list.ru